

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

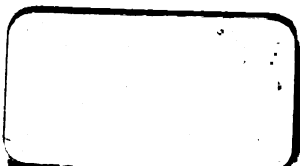
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

№ 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТЧЕТСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАВЦКИМЪ,

НА 1843 ГОДЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem
Gersonius.

ТОМЪ XXVIII.

С ПЕТЕРБУРГА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ. С. Петербургъ, 30 апрѣля 1843.

**Ценсы: А. Никитенко.
С. Жупора.**

ОТВѢТСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I

СЛОВЕСНОСТЬ.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прыдетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: «я царская дочь,
«Хочешь проведешь ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды
Ловить за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу впелелась морская трава,

Синія очи любовью горять,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожать.

Мыслить царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой,—

Держить. Рука боевая сильна...
Плачешь и молишь и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ,
Выплыль, товарищѣй громко зоветъ:

«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья,
Гляньте, какъ бьется добыча моя...»

Что жъ вы стоите смущенной толпой?
А-ли красы не видали такой?»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ, — померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ, лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешую змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь дрожитъ.

Пѣна струями сбываетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Щепчутъ уста непонятный упрекъ...

Бдетъ царевичъ задумчиво прочь.
Будетъ онъ помнить впро царскую дочь!

ЛЕРМОНТОВЪ. •

ПОСЛѢ КОНЦЕРТА.

Ему шлютъ лавры и цвѣты...
Его возносятъ, прославляютъ...
Въ чаду восторга, красоты
Сердца къ ногамъ его бросаютъ...

Вокругъ него почетъ, привѣтъ
И льстивый говоръ искушенья...
При *немъ* нашъ хладный, чинный свѣтъ
Растаялъ, понялъ увлеченье...

Межъ диеттантовъ только я
Смирна, безмолвна, недвижима:
Нѣтъ выраженій у меня
Для бездны чувствъ невыразимой!

Безъ словъ, безъ гласа, безъ похвалъ
Я слушаю, благоговѣю...
Мнѣ въ душу чудный гимнъ запалъ
Его душой я разумѣю!

Поетъ ли пѣснь страстей земныхъ,
О небѣ ль ангеломъ тоскуетъ,
Онъ былью мукъ и грѣзъ своихъ,
Мнѣ сердце чуткое волнуетъ.

Незримо огненный языкъ
На голову *его* слетаетъ...
Но взглядъ мой тѣньство проникъ,
Но вѣщій лучъ надъ мной мерцаетъ.

Мнѣ вѣдомо — онъ озаренъ
Знакомымъ свыше наводеньемъ!
И вдохновенный понять онъ
Роднымъ, высокимъ вдохновеньемъ!

Словесность.

Слеза дрожитъ въ моихъ глазахъ, —
Слеза дороже розъ мгновенныхъ!
Въ ней больше правды, чѣмъ въ рѣчахъ,
Въ рукописаньяхъ испущенныхъ!

Уѣдетъ онъ.... чрезъ день, другой,
О немъ забудетъ городъ шумный...
Но пѣснь его слылась съ душой,
Многотравной, многодумной!

ГРАФИНЯ Е. РАСТОПЧИНА.

Петербургъ, 24 апрѣля 1842.

ЧАЙКОВСКИЙ.

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И

ПОСЛѢДНЯЯ.

По пядь гземь мовъ Ласочка
Крадется Оксана.
Забукъ, побигъ, обнялся,
«Серце!..» та й зомлилы...

Т. Шевченко.

—

Л.

Скромно стоялъ у дверей молодой казакъ, опутивъ глаза, судорожно поворачивая въ рукахъ красивую кабардинскую шапочку. Алексѣй взглянулъ на него, протеръ глаза и почти шепотомъ сказалъ: — Боже мой! или я рехнулся, или это Марина!..

Двѣ крупныя слезы покатались по щекамъ молодаго казака; онъ быстро поднялъ рѣсницы, выпустилъ изъ рукъ шапочку и уже лежалъ на груди Алексѣя, тихо повторяя: — Я, мой милый! я, мой ненаглядный Алексѣй!..

И долго они ничего не говорили, глядяли другъ на друга, смѣялись, плакали и, сливаясь горячими устами въ одинъ безкопечный вопалуй, уносились далеко, далеко отъ земли.

За всѣ печали, заботы и страданія, за всю тяжесть нашей земной жизни, великій Творецъ щедро награждалъ человека, давъ ему молодость и — любовь...

— Какъ же ты попала сюда, моя горлица? спрашивалъ Алексѣй: — какъ ты оставила отца и вросла пустыя вольныя стени?

— Помнишь ты страшный вечеръ, когда отецъ подстергъ насъ

на островъ?... Я сказала тебѣ: бѣги скорѣе, бѣги въ Свѣчь, я тебѣ приказываю! И ты убѣжалъ, поцаловавъ меня; а изъ-за дерева вышелъ отецъ, грозно посмотрѣлъ на меня, поднялъ надо мною сжатую руку и остановился, будто неживой; послѣ ударилъ себя кулакомъ по лбу и тихо, грустно сказалъ: «не гляди на меня такъ страшно! ты похожа на покойницу... поѣдемъ домой!», отвернулся и пошелъ; я за нимъ иду и ногъ не слышу. Пришли къ берегу, тамъ стоитъ лодка, въ лодкѣ Гадюка и Герцикъ. Батюшка сказалъ имъ весело: «Я пошелъ гулять по острову и дочь нашелъ; она тутъ же гуляла». Мы съѣли и прѣехали домой.

— А ты не видала здѣсь Герцика? съ безпокойствомъ спросилъ Алексѣй.

— Какъ же! онъ съ нами повстрѣчался у самой твоей палатки, да не узналъ меня, только сказалъ Никитѣ: проводи меня, добрый человекъ, къ Полтавскому-Куреню...

— А ты его сразу узнала?

— Еще бы! ночь лунная, какъ день... О чемъ ты загрустилъ?..

— Ничего. Тебѣ надобно бѣжать скорѣе изъ Свѣчи. Если узнаютъ, что ты здѣсь, будетъ худо, мы можемъ поплатиться жизнью.

— Лишь бы вмѣстѣ, я согласна умереть.

— Къ-чему умерать, когда мы будемъ жить вмѣстѣ счастливо, спокойно? Нашъ кошевой писалъ сегодня къ твоему отцу: онъ для меня тебя сваталъ, а кошевой нуженъ отцу твоему. Какъ ты думаешь: благословить насъ отецъ?

— Богъ его знаетъ, его не разгадаешь! Разъ онъ пришелъ ко мнѣ утромъ, а я плакала. — Знаю, сказалъ онъ: о чемъ ты, дура, плачешь. Еслибъ мнѣ ноймать этого Алексѣя...

— Такъ что бы? спросила я.

— Чему обрадовалась? тебѣ на что? ужъ я зналъ бы что съ нимъ сдѣлать!

Я пуше заплакала и пошла въ садъ; смотрю—солнце такъ свѣтитъ тепло, а мои цвѣты цвѣтутъ и наклоняются другъ къ другу; на нихъ ползаютъ, вокругъ летаютъ мушки, жучки, пчелы, все вмѣстѣ, все роетъ, а я одна на свѣтъ, подумала я, какъ этотъ подсолнечникъ, что стоитъ одиноко подъ дорожкой, но и ему есть дѣло, есть радость: онъ любитъ солнце и куда ни пойдетъ оно свѣтлое, подсолнечникъ поворачиваетъ за нимъ свою лучистую цвѣтную головку. И стало мнѣ совѣстно... Бездушный цвѣтокъ поворачивается къ солнцу; будь у него сила, онъ отервался бы отъ корня и полетѣлъ бы къ нему,—а я? мое солнце, моя радость далеко; знаю гдѣ онъ и сижу будто связанная!.. досажу, что просвѣтаютъ меня за нелюба... страшно!.. Къ вечеру моя цыганочка продала все мои дорогія серги и дукатовыя ожерелья, и въ ту же ночь я убѣжала изъ отцовскаго дому,

пристала дорогою къ Запорожцу Касьяну, отдохнула у него дѣнь на заовникъ, а послѣ онъ, спасибо, провелъ меня до самой Свчи... Ну полно, полно, ты меня запалуешь!..

—Ахъ ты, моя венаглядная Марина! И для меня ты бросила домъ отца, родину? для меня рѣшилась вхать верхомъ, по дикой сторонѣ, надѣла казачье платье, обрѣзала свои длинныя темныя косы? (*)

— На что онъ были мнѣ?... развѣ удавиться было мнѣ?.. Я съ радостію взяла ножницы и обрѣзала ихъ... Но когда онъ упали передо мною настоль темныя, длинныя, волнистыя,—словно что оторвалось отъ моего сердца; не стану скрывать, слезы полились изъ глазъ. Косы, мои косы! подумала я: сколько лѣтъ я свивала и развивала васъ, сколько лѣтъ я гордилась вами передъ подругами, когда вы, какъ черныя блестящія змѣи, красиво обвивались, перенемались вкругъ головы моей, и цѣлый цвѣтникъ краснаго маку колебался, вѣялъ надъ вами словно пламя! Сколько разъ вы жарко разметывались по изголовью моей дѣвчьеѣ постели, когда чудный сонъ о немъ волновалъ мою кровь, и сколько разъ черною тучею закрывали мое лицо отъ свѣтлаго утра, отъ божьяго солнца, когда я, пробудясь, краснѣла, вспоминая сонъ свой!.. Думала я въ гробъ лечь съ вами, темныя мои косы, съ вами, подруги моей одинокой радости и печали... И вотъ я подняла на васъ руку, подняла руку на самоѣ-себя!.. Падайте, слезы, крупнымъ дождемъ на мои косы; не приростутъ онѣ, не пристанетъ скошенная трава къ своему корню, не цвѣсти сорваному цвѣтку... Такъ я думала,—не сердись, мой милый... но это было не долго: я вспомнила, для кого лишилась своего украшенія и перестала плакать, даже сама сплела обрѣзанныя косы, спрятала на груди своей и пранесла тебѣ въ подарокъ. Нѣ, возьми ихъ, онѣ твои!..

Алексѣй прижалъ ихъ къ сердцу, обнялъ и распаловалъ Марину.—Алексѣй и Марина плакала.

—Скажи мнѣ, спросилъ Алексѣй послѣ долгаго молчанія;—зачѣмъ ты назвалась Алексѣемъ?

—Отъ-того, что мнѣ нравится это имя... Охъ, вы, казаки, казаки! думаете, что у бабъ и ума нѣтъ; а пойдетъ на хитрости—пятнадцатилѣтняя дѣвчонка проведетъ старика. Видишь, я назвалась Алексѣемъ, пирятинскимъ поповичемъ нарочно, чтобъ съискать тебя скорѣе. Я знала, что ты долженъ быть на Свчи; я и не знала даже вѣрно это-

(*) И до-сихъ-поръ въ Малороссіи считается величайшимъ безчестіемъ отрѣзать дѣвушкѣ косу. Ни за какую плату дѣвушка не согласится добровольно лишиться этого украшенія. Коса выростетъ, а позору не вернешь. обыкновенно отгѣчаетъ она на подобныя предложенія парикмахера или другаго афера, покупающаго волосы.

го, но мое сердце вѣщало, что ты здѣсь. А какъ сѣискать тебя? Стану разспрашивать—можетъ, догадаются, да и спрашивать какъ? а, можетъ, ты еще и не въ Сѣчи?.. Я и подумада: назовусь сама Алексѣемъ; коли кто тебя не знаетъ, тотъ ничего не скажетъ, а другой, можетъ, скажетъ: знаю и я одного Алексѣя Поповича пирятинскаго, видѣлъ его вотъ тамъ и тамъ, или что подобное. Это мнѣ и на руку...

— Видишь какая хитрая!

— Придется хитрить, когда силы нѣтъ. — Чуть я сказала въ куренѣ свое имя, такъ всѣ и закричали: «Вотъ штука! есть у насъ уже одинъ Алексѣй Поповичъ, да еще и пиратинскій; вотъ комедія! да его теперь нѣтъ, похалъ на Крымцовъ; да что за молодець! да онъ у насъ войсковымъ писаремъ!» И я все уздада не спрашивая о тебѣ, о тебѣ, мой ясный соколъ... Не грусти же такъ! Или ты разлюбилъ меня?..

— Меня Богъ покараетъ, коли я разлюблю тебя! Отъ-того я и задумался, что люблю тебя, что мнѣ жалко тебя. Мои товарищи не злы, но суровы и неумолимы, когда кто нарушаетъ ихъ законъ. Бѣда, если тебя узнаютъ! У меня сердце замираетъ какъ подумаю... Я боюсь, чтобъ этотъ Герцикъ...

— Чтѣ за нужда Герцику мѣшаться въ ваши войсковыя дѣла? Вѣдь онъ не Запорожець, а твой пріятель; да онъ и не узналъ меня!..

— Послѣднему-то я не вѣрю: у него глаза какъ у кошки; скажи развѣ, что ему гораздо выгоднѣе не измѣнить намъ...

— Разумѣется!.. Оставь свои черныя думы, посмотри на меня веселѣе, поцалуй меня!..

— Радъ бы оставить, сами лѣзутъ въ голову. Опять думаю: вѣдь Герцикъ зналъ, что ты убѣжала.

— Онъ остался въ Лубнахъ, въ нашемъ домѣ, такъ вѣрно зналъ.

— Отъ-чего же онъ мнѣ не сказалъ? Какъ подумаю, тутъ есть не доброе...

— Ничего!.. Вотъ ты мнѣ дай добраго коня, я поѣду прямо на зимовникъ Касьяна и тамъ подожду тебя; батюшка вѣрно согласится на нашу свадьбу; не согласится — Богъ съ нимъ, займемъ кусокъ степи, сдѣлаемъ землянку и заживемъ.

Тутъ пошли толки, планы о будущемъ, увѣренія въ любви, клятвы,—словомъ, пошли рѣчи длинныя, длинныя и очень-безтолковыя для всякаго третьяго въ мѣрѣ, исключая самихъ двухъ любящихся. Наконецъ, Алексѣй вдругъ будто вздрогнулъ и торопливо сказалъ:

— Пора намъ ѣхать; ночь коротка; чуешь, какъ стало свѣжо въ палаткѣ, скоро станетъ разсвѣтать. Мнѣ нельзя отлучаться, я тебѣ дамъ въ проводники Никиту: онъ человекъ добрый, любитъ меня и мнѣ

не изменитъ; боюсь только, что онъ пьянъ... Ну, пойдёмъ! Боже мой! слышишь, кто-то разговариваетъ за палаткою?..

Марья молча кивнула головою.

— Да, разговариваютъ; не бойся, это запоздалые гуляки, я сейчасъ прогоню ихъ...

Алексѣй быстро распахнулъ полы палатки и остановился: на дворъ ужъ совсѣмъ разсвѣло; передъ палаткою стоитъ толпа казаковъ.

— Что вамъ надобно? спросилъ Алексѣй.

— Власть твоя, панъ писарь, отвѣчали казаки:—а такъ дѣлать не годится. Не долго простоятъ наша Свѣчъ, когда начальство само станетъ ругаться нашими законами; когда...

— Убирайтесь, братцы, спать!.. вы со вчерашняго похмѣлья...

— Дай Господи, чтобъ это было съ похмѣлья! Вотъ я сорокъ лѣтъ живу на Свѣчи, а никогда съ похмѣлья не грезилось такое, какъ на яву совершается, говорилъ съдой казакъ: — какъ можно прятать въ Свѣчи женщину? отъ женщины и въ раю человѣку житья не было; а пусти ее въ Свѣчь...

— Жаль, что изъ моего куреня вышелъ такой грѣшникъ! сказалъ куренной атаманъ:—испоконвѣку не было на Поповическомъ-Куренѣ такого патна.

— Вишь какое беззаконіе! говорили многіе голоса громче и громче:— вотъ оно нечистое искушеніе! вотъ сидитъ она. Возьмемъ ее, хлопцы, да прямо къ кошевому.

— Вы врете! сказалъ Алексѣй:—ступайте по куренямъ, а то вамъ худо будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричали казаки:—лыцари не врутъ; можетъ, врутъ письменные, въ школѣ выучились; еще до разсвѣта намъ сказали, что у писаря въ палаткѣ женщина, мы и собрались сюда и слышали ваши рѣчи, и ваши поцалуи,—все слышали, и пона призвали...

— Такъ есть же, коли такъ, у меня въ палаткѣ женщина: она моя невѣста. Не хотѣлъ я оскорблять товариства и нарушать законы Свѣчи; черезъ часъ ее уже здѣсь бы не было, а теперь ваша рука не коснется ея чистой, непорочной; развѣ трупъ ея и мой вмѣстѣ вы получите...

Алексѣй обнажилъ саблю.

— Стой, сынъ мой! закричалъ голосъ священника, выходящаго изъ толпы:—въ беззаконіяхъ зачатъ еси и во грѣхахъ рожденъ ты, яко человѣкъ; не прибавляй новой тяжести на совѣсть. Прочь оружіе! Смирись, грѣшникъ, передъ крестомъ и распятымъ на немъ.

Священникъ поднялъ крестъ; казаки сняли шапки; Алексѣй бросилъ саблю и сталъ на колѣни.

—Такъ, сынъ мой, покорись Богу и законамъ; бери свою невѣсту

и пойдѣмъ на судъ кошеваго и всего товариства. Не троньте его, братья, онъ самъ пойдетъ.

— Пойдемъ, твердо сказала Марина, выходя изъ палатки:—пойдемъ, мой милый; наша любовь чиста, Богъ видитъ ее и спасетъ насъ.

И, окруженные казаками, Алексѣй и Марина пошли за священникомъ къ ставкѣ кошеваго.

Строго принявъ кошевой вѣсть о преступленіи войсковаго писаря, сей-часъ же собралъ раду (совѣтъ), и, нѣсколько часовъ спустя, Алексѣй и Марина были осуждены на смертную казнь. Изъ уваженія къ заслугамъ писаря сдѣлали ему снисхожденіе: позволили умереть вмѣстѣ съ Мариною. Въ Сѣчи не нашлось казака, который бы рѣшился казнить женщину.

— Нѣтъ ли гдѣ Татарина? спросилъ кошевой.

—Извѣстно, мы не беремъ въ плѣнъ этой сволочи, отвѣчали ему:— а сотникъ Буланый, который теперь живетъ зимовникомъ, весною поймалъ на охотѣ отсталаго Татарина и засадилъ его молотъ въ жерновахъ кукурузу (мансъ), такъ развѣ привести этого Татарина, коли онъ не замололся уже до смерти.

Послали за Татарининомъ, казнь отерочили до завтра, а преступниковъ посадили подъ караулъ въ рубленую избу съ желѣзными рѣшетками на окнахъ.

II.

Оттакий-то перебенда
Старый та химерный,
Заспиваетъ весильною
▲ на слезы зверне.

Т. Шевченко.

У Запорожцевъ былъ обычай доставлять преступникамъ передъ казнію всѣ возможные удовольствія. Вкусныя кушанья и дорогіе напитки были принесены къ обѣду Алексѣю и Маринѣ; но они не тронули ихъ и грустно сидѣли, по-временамъ взглядывали другъ на друга и, съ какою-то бышеною радостію улыбаясь, сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Но вотъ уже солнце клонится къ западу; въ воздухѣ стало прохладнѣе; толпы казаковъ, шумно разговаривая, бродили между куренями; вдалекѣ навгрывала бандура плясовую пѣсню, слышался топотъ разгульнаго трепака, неслись неясныя слова пѣсни:

Отъ Полтавы до Прилуки
Заломала закаблуки,

Ой лихо! закаблужи!
Дамъ лиха закаблужамъ!

усиленный трепакъ заглушалъ окончательныя слова. Съ другой стороны слышались торжественные протяжные аккорды, и чистый мужественный голосъ пѣлъ:

На Черному-Морю, на бѣлому камню
Ясенькій соколъ жалобно квилить прокляе!..

Народъ кругомъ слушалъ пѣсню о храбромъ войсковомъ писарѣ,— а самъ писарь, приговоренный къ смерти, задумчиво стоялъ у рѣшетки и, слушая хвалебную пѣсню, грустно глядѣлъ на солнце, идущее къ западу. Рѣзвая ласточка высоко рвала въ воздухъ, весело щебетала и, спускаясь къ землѣ, порхала около тюрьмы; недалеко передъ окномъ на старой крышѣ вытягивался одинокій тощій стебель какой-то травки; онъ сквозился, блестялъ отъ косвенныхъ лучей солнца и колеблемый вечернимъ вѣтеркомъ тихо наклонялся къ тюрьмѣ, будто прощался съ заключенными. На глазахъ Алексѣя показались слезы.

— О, не гляди такъ грустно, мой милый! говорила Марина, ломая свои бѣлыя руки:—твоя тоска разрываетъ мое сердце! Я, неразумная, довела тебя до смерти... знаю что ты думаешь.

— Полно, Марина! перестань кручиниться; не знаешь ты моихъ тяжелыхъ думъ.

— Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь, ясное солнце; завтра не я уже стану слѣдить закатъ твой! Завтра въ это время веселая ласточка станетъ пѣть и летать, какъ и сегодня, и спокойно уснетъ вечеромъ въ своемъ гнѣздышкѣ, да и эта хилая травка завтра будетъ еще колебаться на Божьемъ свѣтѣ, и какой-нибудь заветный жутикъ посвятитъ ея одиночество, а меня уже не будетъ! Не станетъ молодого удалца; будетъ меньше на свѣтѣ однимъ добрымъ казакомъ, и напрасно вороной конь станетъ ждать къ себѣ хозяина—не прійдетъ больше хозяинъ! Другой господинъ сядетъ на коня! Закроются мои свѣтлыя очи! Сорветъ хищный воронъ зубъ съ моей буйной головы и советъ изъ него гнѣздо для своихъ дѣтей!.. Рыданія прервали слова Марины.

— Богъ съ тобой, моя ласточка! Что за черныя мысли пришли къ тебѣ? Видитъ Богъ, я не думалъ этого...

— Знаю, ты думалъ, къ чему довела любовь наша... Что изъ нея вышло, кромѣ печали и несчастія?... Алексѣй, мой ненаглядный соколъ! Развѣ я хотѣла этого? Я несла къ тебѣ мою чистую любовь, мое непорочное сердце, а принесла — смерть!.. Завтра мы умремъ, такъ возьми сегодня мою чистую любовь... Послушай! шопотомъ продолжала Марина, робко озираясь:—скоро будетъ ночь; проживемъ

ее какъ никогда не жили, а завтра посмѣемся надъ людьми; они хтять казнить любовниковъ, имъ завидна чистая любовь наша, — пскай казнятъ супруговъ... Будемъ знать, за что умремъ!

И Марина спрятада пылающее лицо свое на груди Алексѣя.

— Ну, о чемъ же ты еще грустишь, мой милый? сказала Марина съ тихимъ упрекомъ глядя въ очи Алексѣю.

— Не о себѣ грущу я: я вепомнилъ Пиратинъ, мою старуку матушку; можетъ-быть, въ это самое время она узнала отъ Герции о моемъ почетѣ, помолодѣла, думая скоро увидѣть меня... И, можетъ-быть, она глядитъ, тамъ, далеко, въ Пиратинъ, на это самое солнце и проситъ Бога, чтобъ пряталось оно скорѣе за гору, вывсдило скорѣе другой день, и чтобъ и тотъ проходилъ скорѣе и пришло радостное время нашего свиданія. И теперь, когда я, глядя на солнце, прощаюсь съ нимъ, можетъ-быть, она, въ замковской церкви передъ образомъ Богоматери, стоя на колыняхъ, радостно плачетъ и благодаритъ ее... Чуетъ ли твое сердце, подумалъ я, что ты не увидишь болѣе сына, что онъ, убѣгая, какъ воръ, изъ Пиратина, не простяся съ тобою, на вѣки покинулъ тебя, оставилъ безпомощную на старости, и завтра умретъ позорно?.. Вотъ что думалъ я, моя милая... А смерти я не боюсь, за громомъ жизнь вѣчная!.. Тамъ не плачуть, не вздыхаютъ...

— Тамъ мы не разлучимся съ тобою! весело сказала Марина: — мы станемъ жить вмѣстѣ вѣчно, вѣчно! не правда ли? Наши души будутъ летать на свѣтломъ облачкѣ, сядутъ на море и поплывутъ съ волны на волну далеко-далеко, и никто имъ не скажетъ, куда вы! зачѣмъ вы? Мы будемъ вольнѣе птицъ небесныхъ, весело слетимъ на могилу, гдѣ будутъ покоиться наши кости; я разроствусь надъ твоею могилою кустомъ малины, пущу корни глубоко и обовью ими тебя, словно руками, раскину вѣтви широко, чтобъ твой прахъ не топтали люди, не пекло солнце; темною ночью вспомню нашу адѣшнюю жизнь, наше горе—и тихо заплачу; но чуть взойдетъ солнце, отру слезы, пусть никто не видитъ ихъ, весело зашевелю, засмѣюсь дробными листочками и душистыми цвѣточками; молодой казакъ сорветъ вѣтку моихъ цвѣтовъ, подаритъ ихъ своей коханкѣ; коханка заложитъ мой цвѣтокъ себѣ между косы и пуще полюбитъ казака; я съумѣю навѣять, нашептатъ ей чары любви,—я любила на свѣтъ... любила тебя, мой чернобровый казакъ, моя радость...

— О-го! Какіе весѣленькіе! сказалъ, входя, Никита.

— А о чемъ же намъ печалиться? спросила Марина.

— Развѣ васъ простили?

— Нѣтъ; а мы вмѣстѣ, и умремъ вмѣстѣ, и будемъ всегда вмѣстѣ...

Никита покачалъ головою.

— Какъ намъ не радоваться, братъ Никита! сказалъ Алексѣй: — попали въ бѣду, а тутъ какъ всѣ насъ любятъ, всѣ навѣщаютъ, приходятъ утѣшать...

— Гм! Вотъ оно что! хитро сказано! чистый московскій обинякъ. На что людямъ мѣшать? Вамъ, я думаю, веселѣе безъ третьяго... А то досадно, что Алексѣй дурно думаетъ о Никитѣ, а Никита вотъ и теперь пообвычалъ караульнымъ сорокъ михайликовъ вина, да меду сколько въ горло влзетъ, чтобъ пустили увидѣть васъ, пару глупыхъ Алексѣевъ... Господи, прости, что бабу нарекаю мужскимъ именемъ!.. На Никиту сердятся, а Никита цѣлый день поилъ стариковъ, говорилъ съ попомъ да съ письменными людьми какимъ бы побытомъ и средствіемъ спасти пана писаря. Богъ вамъ судья, братику!..

— Ну, что жъ они говорили? спросила Марина.

— У! бѣстра! цыкава! довела до бѣды добраго казака да и не каются! Чтѣ говорили? Ничего не говорили. Вотъ уже и плакать собирается!

— Оставь ее, Никита; грѣхъ обижать женщину. Чтѣ видно, нѣтъ надежды?

— Да я только такъ, я знаю ихъ натуру; съ тобою другая рѣчь пойдетъ. Говорить-то они говорили много, а толку мало; все равно, чтѣ кашу варить изъ топора: хотъ полдня кипитъ и шумитъ и пѣнится; сними съ огня котелокъ, хлебни ложкою—чистая вода, а топоръ самъ-по-себѣ остался... Поилъ я до обѣда стариковъ характерниковъ; нечего сказать, старосвѣтскіе люди, стародавнія головы, дебелия души, а къ обѣду сдались, лоскомъ легли; я тогда за совѣтомъ къ одному, къ другому: молчать, хотъ бы тебѣ слово, ни пару изъ устъ, лежать какъ осетры! Самъ виноватъ, подумалъ я, передалъ матеріалу. После обѣда собралъ съ десятокъ письменныхъ душъ, поставилъ передъ ними цѣлое ведро горѣлки и говорю: вы, братцы, народъ разумный, не чета намъ дуракамъ, вы часто въ письмо глядите и знаете, чтѣ тамъ до чего поставлено и чтѣ за чѣмъ руку тянуть, дайте совѣтъ и помощь въ такомъ и такомъ дѣлѣ, какъ оно будетъ?..

— А будетъ такъ, какъ Богъ дастъ, отвѣчали они.

— Разумно сказано! сейчаеъ видно птицу по подету, прибавилъ я.

— О! мы, брате, живемъ на этомъ; отъ насъ все узнаешь, вотъ только хватимъ по михайлику.

Выпили по два, по три михайлика, а все молчатъ; гляжу: пьютъ уже по десятому, я вспомнилъ сердечныхъ характерничковъ, чтѣ досихъ-поръ храпѣть подъ валомъ и сказалъ: а что жъ, панове, какъ ваша будетъ рада (совѣтъ)?

— Вотъ что я тебѣ скажу, Никита, началъ одинъ:—а чтѣ я скажу, тому такъ и быть; вся Свѣчь знаетъ, что я самый разумный человекъ.

— Не знаю, братику, гдѣ онъ такого разума набрался, развѣ въ

шникъ у Варки, перебилъ другой: — я не скажу о себѣ, а Волиголо-ва его за поясъ заткнетъ.

— Убирайся ты съ своею Волиголовою подальше, куда и куриный голось не заходитъ, вотъ я расскажу... сказалъ третій.

— А чтобъ ты кашлялъ черепками, стекломъ да панскими будинками (хоромами)! закричалъ другой.— Да какъ подняли межъ собою письменныя души споръ, крики, брань, что твои торговки на базаръ въ гетманщинѣ, только и слышно: я! я! я! я! Не успѣлъ оглядѣться да разслушаться, а они уже другъ друга за чубы, перессорились, передрались, словно пѣтухи весною, и пошли до куреня позываться (судиться); пропала только моя горьлка!.. А тутъ уже вечереть, я и пошелъ до пань-отца (священника). Священникъ меня выслушалъ и говорить: дѣло, брате, важное, не выскочить Алексѣю отъ смерти.

— Будто, батьку, никакъ невозможно спасти? спросилъ я.

— Нельзя, сказалъ пань-отецъ:— таковъ законъ на Свчѣ. Правда, коли найдется женщина, которая захотѣла бы изъ-подъ топора или петли прямо вести преступника въ церковь и перевѣнчаться съ нимъ, то его простятъ; да кто захочетъ сдѣлать это? Кто захочетъ опозорить себя? да и гдѣ возьмется на Свчѣ женщина? Люди въ старину нарочно сдѣлали такой законъ: знали, что женщины нѣ откуда взяться. Вотъ и все тутъ, брате Алексѣю!.. Плохо!

— Плохо, Никита! Видно на то воля Божія! А все-такъ тебѣ спасибо, Богъ тебѣ заплатитъ за твое стараніе.

— Да я выйду за Алексѣя, почти закричала Марина: —я скажу передъ народомъ, что...

— О-ва! опять свое. Что ты скажешь? ну что? Сама заварила кашу да хочешь и расхлебать... Не до поросятъ свиньѣ, когда ее смалеть (палать)... Молчала бъ лучше, да Богу молилась... Прощай, Алексѣй!

— Куда ты?

— Такъ, скучно, брате, хотъ въ воду броситься, скучно! цѣлый день пойдъ дураковъ, а самъ ни капли въ ротъ не бралъ; кутну съ досады...

— Не ходи, Никита, потолкуй съ нами.

— Съ вами теперь толковать, что воду толочь: только устанешь; и вамъ веселье вдвоемъ; наговоритесь, пока есть время.

• — Куда жъ ты?

— Повду съ горя къ Варкѣ въ шинокъ!..

— Что жъ тебѣ за горе?

— Грѣхъ спрашивать, брате Алексѣю! Развѣ мнѣ не жалко тебя? Чортъ васъ знаетъ, за что я полюбилъ васъ, самъ не доберу толку! Еще тебя куда не шло, ты человекъ съ характеромъ, а то и ее полюбилъ... кто-нибудь подслушаетъ, смѣяться станетъ, а ей-Богу полюбилъ! Будь она казакъ, я плюнулъ бы на нее, она дрянь-казакъ,

взженка, а для бабы—молодецъ баба, характерная баба! вотъ что!.. Какъ вспомню про васъ про обоихъ, тошно станеть, словно не влѣтъ трое сутокъ... Прощайте!.. Тяжело на душѣ; развѣ успокоюсь, какъ... какъ похороню васъ... Никита махнулъ рукою и вышелъ.

III.

Только Богъ святыи знае
Що Хмѣльницькій думае, гадае...

МАЛОРОССІЙСКАЯ НАРОДНАЯ ДУМА.

Встало утро, тихое, свѣтлое, радостное; на востокъ показалось солнце, и на встрѣчу ему поднялись жаворонки съ широкой степи, взвились высоко подъ чистое небо, запѣли звонкую привѣтственную пѣсню; въ садахъ отозвалась кукушка, засвистала иволга; бѣлый амистъ, дремавшій надъ гнѣздомъ на кровлѣ хаты, закинулъ на спину голову и, громко щолкая носомъ, медленно приподнялъ ее и опустилъ до самаго гнѣзда, будто привѣтствуя этимъ наступающій день, потомъ распустилъ свои широкия бѣлыя крылья, приподнялъ ихъ къ верху, словно руки, и плавно отделился отъ крыши вольными кругами, подымаясь все выше и выше, съ любовію посматривая на землю, на дѣтей своихъ, протянувшихъ къ нему изъ гнѣзда шеи. Былъ веселъ Божій міръ, а въ Свѣчи не радостно взошло свѣтлое утро; смутно, угрюмо сходились народъ на площадь; на площади прохаживался рябой, узкоглазый Татаринъ, въ красной рубахѣ съ короткими рукавами, въ красной шапкѣ; лицо Татарина было блѣдно, измученно, но жилистыя руки легко поворачивали, играли топоромъ. По-временамъ, Татаринъ дышалъ на свѣтлое, острое его лезвее и внимательно смотрѣлъ, какъ сбѣгло съ него легкое облачко, навѣянное дыханіемъ, или осторожно трогалъ пальцемъ остріе, причемъ злая, мгновенная, неуловимая улыбка быстрее молніи мелькала на узкихъ, плотно сжатыхъ губахъ мусульманина. Казаки съ презрѣніемъ отворачивались отъ Татарина, даже скидывали и бросали на землю жуваны, до которыхъ онъ случайно дотрогивался.

Передъ тюрьмою вилась и щебетала вчерашняя ласточка; какъ и вчера тихо колебалась на крышѣ одинокая травка; въ тюрьмѣ Алексѣй и Марина стояли на колѣняхъ предъ иконою и молча слушали наставленія священника. Но вотъ послышался на площади глухой трѣсъ литавръ.

— Пора, дѣти! кротко сказалъ священникъ: — готовы ли вы? Заключенные взглянули другъ на друга, потомъ на образъ, перестали, крѣпко обнялись, и тихо вышли изъ тюрьмы за священникомъ; четыре вооруженные казака шли за ними. Кругомъ без-

чувственно глядя на суровыя лица Запорожцевъ; порою съ сожалѣніемъ кивалъ въ толпѣ черной чубъ, порою скатывалась по съдымъ усамъ старика блестящая слеза; но старикъ сейчасъ же спѣшилъ сказать: «Экіе овода! хватилъ за ухо, словно собака; даже слезы покатились».

Передъ церковью Покрова, Алексѣй и Марина упали ницъ, молясь со слезами, потомъ встали, отерли слезы и бодро, смѣло подошли къ подмосткамъ, на которыхъ стоялъ страшный Татаринъ, съ топоромъ въ рукахъ, въ красной рубахѣ.

— Христіанскія души! замѣчали въ толпѣ.

— Характерныя души! говорили другіе.

Площадь была биткомъ набита народомъ; нѣкуда было яблоку упасть, какъ говорилъ Никита. Противъ подмостокъ, гдѣ былъ палачъ-Татаринъ, стоялъ на возвышеніи кошевой, окруженный старшинами; въ толпѣ народа, у самыхъ подмостокъ, былъ Никита. Глядя на Никиту, можно было подумать, что онъ для бодрости въ такомъ печальномъ случаѣ съ-позаранку былъ пьянъ. Онъ стоялъ какъ-то странно, переминаясь съ ноги на ногу точно школьникъ, поставленный человѣколюбивымъ педагогомъ въ горохъ на колѣни; его глаза страшно сверкали и хлопали, онъ по-временамъ, наклоняясь къ своему товарищу, закутанному въ кобенякъ (плащъ съ капшюномъ), таинственно шептался, громко кашлялъ и самодовольно опускалъ руки въ безконечныя карманы своихъ широкихъ шальваръ.

Осужденные, подошедъ къ подмосткамъ, низко поклонились кошевому и всему народу. Передъ ними была маленькая площадка. Въ это время Никита значительно посмотрѣлъ на своего товарища, закутаннаго въ кобенякъ, мигнулъ ему усомъ и наконецъ толкнулъ локтемъ подъ бокъ; товарищъ стоялъ, какъ статуя.

— Вотъ, братцы... началъ-было Никита, но вдругъ замолкъ; его молчаливый товарищъ ровнымъ шагомъ вступилъ на площадку, поклонился народу, снялъ шапку и спустилъ съ плечъ кобенякъ. Народъ съ ужасомъ подался въ стороны: на площадкѣ стояла женщина.

— Урожай на бабъ въ это лѣто! замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

Блѣдная, дрожащая стояла она, распустивъ по плечамъ длинныя каштановыя косы, тихо повела глазами надъ площадью и остановилась на Алексѣѣ. Вшигъ щеки ея вспыхнули, глаза заблестали, руки вытянулись, и твердымъ голосомъ сказала она: «Волею или неволею я возьму у смерти Алексѣя Поповича; пускай на меня падутъ грѣхи его, я отвѣчу за нихъ Богу. Алексѣй! обними меня, жену твою.»

— Ай-да Татьяна! сказалъ въ толпѣ молодой казакъ.—И все утихло.

Въ какой-то торжественной красотѣ стояла передъ Алексѣемъ Татьяна, севнавъ въ душъ всю цѣну своей заслуги передъ любимымъ

предметомъ; ея глаза блестяли, щеки горѣли, полная, круглая грудь высоко подымалась.

Алексѣй молчалъ; толпа притаила дыханіе.

— Хочешь ли ты, вмѣсто плахи, обручиться со мною? спросила Татьяна; но уже голосъ ея дрожалъ, прежняя блѣдность быстро сгонила съ лица румянецъ.

Алексѣй поглядѣлъ на Татьяну, подалъ Маринѣ руку и твердо пошелъ на подмости. Никита плюнулъ и махнулъ обѣими руками; Татьяна шатаясь упала на землю:

— Молодецъ! отказался! раздавалось въ толпѣ:—характерно, чортъ въми! и поганая Татьяна хотѣла его взять мужемъ! хотѣла извести добрую душу! вонъ ее, скверную бабу! гоните ее палками, коли не хочеть прогуляться между небомъ и землею...

И съ насмѣшками и толчками толпа передавала съ рукъ на руки Татьяну. На площади поднялся шумъ и говоръ. Ужь не видно стало Татьяны, а толпа все еще волновалась и только замолкла, когда кошевой взмахнулъ булавою.

— Тихе! раздалось въ толпѣ: кошевой просить слова.

— Войсковой писарь Алексѣй Поповичъ нарушилъ законы нашего товариства, сказалъ кошевой:—это вамъ вѣдомо?

— Вѣдомо, вѣдомо!

— Старшины войсковые и рада присудили его Алексѣя съ его кукушелемъ, Мариною, лишить живота, хотъ Алексѣй и вѣрно служилъ войску и ни въ какія художества не мѣшался,— да законъ велеть.

Народъ молчалъ.

— Чтò же вы, паны товариство, согласны?

— Дѣлать нѣчего, коли законъ велить, угрюмо отвѣчали казаки.

— Хорошо, хлопцы! знаменитые лыцари вы есте! законъ прежде всего, а тамъ уже прочее... Зачѣмъ же мы до-сихъ-поръ беззаконно поступали съ нашимъ войсковымъ писаремъ, даже самъ я, каюсъ въ грѣхъ своемъ, и я поступилъ беззаконно.

— Не знаемъ, батьку.

— А я такъ знаю. Не слѣдуетъ ли всякому челоуѣку нашего товариства давать благородное лыцарское прозвище?

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ! какъ же безъ этого?..

— Сами говорите; а какое достойное лыцарское прозвище дали вы своему собрату Алексѣю Поповичу?

— Какое?.. какое?.. извѣстно какое... Поповичъ.

— Вѣдь съ этимъ прозвищемъ прїѣхалъ онъ изъ Гетманщины; да это и не прозвище: мало ли у насъ есть поповичей, а все они титулуются по-лыцарски: вотъ передъ нами Лапотъ, вотъ Чубарый.

Т. XXVIII. — Отд. I.

— Вотъ и я, Максимъ Поповичъ изъ Чигирина, отозвался одинъ казакъ:—а зовутъ меня Недоѣдкомъ, и за то спасибо.

— Тшш!..

— Не шикайте, братцы! продолжалъ кошевой: — не перебивайте хорошей рѣчи вольнаго казака; казакъ воленъ говорить толковыя рѣчи. Такъ вотъ вамъ и Недоѣдокъ, вотъ Брехунъ, вотъ Бродяга, а всѣ они суть поповичи! И какъ любо имъ носить добрыя имена, и, посмотрите, какъ весело глядять на нихъ солнце, отъ-того, что они законно живутъ на свѣтъ.

— Правда, правда.

— Сами знаете, братцы, что правда; вы народъ разумный—а промахнулись, не дали имени храброму казаку; за то, можетъ-быть, Богъ караетъ его и насъ вмѣстѣ, отнимая у Сѣчи характернаго человѣка.

— А можетъ и такъ?.. сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Именно такъ, дѣло ясное! почти вскрикнулъ Никита и за нимъ нѣсколько голосовъ.

— За что жъ мы обидѣли христіанскую душу, продолжалъ кошевой:—не дали запорожскаго имени лыцарю-товарищу?—безъ имени овца баранъ, говорятъ мудрецы...

— Баранъ, батьку, баранъ!..

— Какъ же явится на тотъ свѣтъ добрый казакъ безъ законнаго прозвища? Грѣхъ намъ всѣмъ, великій грѣхъ! Готовились къ набѣгу на Крымъ и забыли законъ исполнить.

— Виноваты, батьку! что жъ намъ дѣлать?

— Дадимъ ему хоть теперь доброе имя, снимемъ грѣхъ съ души.

— Добре, батьку! добре-дѣльно сказано! — Какое же ему имя дать?..

— Вотъ послушайте, братцы моей рады (совѣта). Вамъ извѣстно, что Алексѣй Поповичъ самъ хотѣлъ умереть за наше войско, просилъ, чтобъ его бросили въ море, лишь бы спасти наши чайки, а съ чайками, извѣстно, и наши головы,—исповѣдывалъ передъ Богомъ, моремъ и нами старшинами-товарищами свои грѣхи, и умиловивилъ Бога своими молитвами и тѣмъ спасъ всѣ наши чайки. Многимъ изъ насъ не стоять бы на площади, не думать бы о Сѣчи и о михайликахъ безъ заступленія Алексѣя.

— По вѣкъ не забудемъ этого!.. громко закричали казаки.

— И хорошо дѣлаете. Такъ не назвать ли Алексѣя Поповича, въ память избавленія чаекъ, Чайковскимъ? Какъ вы думаете?..

— Ты намъ, батько, голова, ты думаешь, и мы думаемъ: быть ему Чайковскимъ!..

Громкое «ура!» отозвалось на площади; шапки полетѣли кверху...

— И такъ, продолжалъ кошевой, поднимая булаву, отъ-чего наданные крики утихли:—отнынѣ впредь никто не смѣетъ подъ смерт-

ною казню иначе называть бывшего Алексѣя Поповича, какъ Алексѣемъ Чайковскимъ. Слышите, храбрые рыцари?

— Чужь, батьку! никто не смѣетъ!..

— Теперь на прощанье не спѣть ли намъ, братцы, Алексѣю Чайковскому пѣсню про Алексѣя Поповича? Пускай человѣкъ въ послѣдній разъ услышитъ нашъ казацкій, рыцарскій напѣвъ про свои добрыя дѣла для нашего воинства! Хорошо, братцы?

— Добре, добре! кричали казаки:—начинай, Данило.

И Данило кобзарь чистымъ ровнымъ теноромъ затянулъ:

По Черному-Морю по билому камню
Ясенькій сонилъ жалобно квалить проквіляе.

Мало-по-малу окружающіе принимали участіе въ пѣснѣ, и подъ конецъ вся площадь слылась въ одинъ звучный, дикій, но стройный хоръ. Пѣсня видимо разжалобила Запорожцевъ...

— Жалко добраго казака! сказалъ будто самъ себя кошевой, когда казаки окончили пѣсню и стояли въ какомъ-то раздумьи.

— Жалко, жалко! со всѣхъ сторонъ отозвалось въ народѣ:—жалко, а дѣлать нечего, когда законно...

—Еще, хлопцы, я прошу у васъ одной рады: войсковой писарь Алексѣй Чайковскій хочетъ жениться на дочери лубенскаго полковника Ивана. Полковникъ Иванъ сдурьлъ на старости и было-приздумался, да его дочка лучше знаетъ, что такое запорожскій рыцарь, бросила отца и пришла на Сечь просить у товариства благословенія!.. Согласны вы на это?..

Казаки въ недоумѣніи молчали.

— Знаю, братцы, продолжалъ кошевой: — вамъ жалко лишиться такой характерной души, какъ Алексѣй Чайковскій, но надобно ему заплатить за услугу. Онъ обѣщается всегда помогать намъ на войнѣ и дѣтей своихъ пришлетъ служить на славное Запорожье.

Казаки любили Алексѣя и уважали за личную храбрость и непреклонный характеръ, и потому съ радостію согласились на его свадьбу.

— Ай-да собака нашъ кошевой! кричалъ Никита, размахисто толкая товарищей:—выкинулъ штуку!

—Штука! говорилъ народъ:—и справедливо, и законно, и весело!..

— А для чего жъ я привезъ Татарина? спросилъ угрюмо съдой казакъ.

— Чтoby казнить Алексѣя Поповича, отвѣчалъ строго кошевой:—найди его и прикажи казнить.

— Да, найди его, Дмитро, кричали старику казаки:—и пускай его казнятъ!—Вотъ штука!.. ей-Богу штука!

— Смерть Алексѣю Поповичу и многая лѣта Алексѣю Чайковско-

му! гремѣла толпа, ломая подмостки, и торжественно уводя Алексѣя и Мариану къ церкви Покрова.

— Бейте для потѣхи поганаго Татарина!

Подмостки рухнули, и долго еще было видно между досками тѣло Татарина, одѣтое въ красную рубаху, когда народъ отошелъ и окружалъ церковь, въ которой вѣнчали Алексѣя Чайковскаго съ Мариною.

Послѣ вѣнца сейчасъ же выпроводили новобрачныхъ за ворота Сѣчи: тамъ старшины простились съ Чайковскимъ; кошевой подарилъ ему пару добрыхъ коней и порядочный мѣшокъ дукатовъ, совѣтовалъ ѣхать на зимовникъ стараго Касьяна и тамъ ждать вѣстей отъ полковника, обѣщался пріѣхать къ нимъ на свадьбу въ Гетьманщину и быть посаженнымъ отцомъ.

Случалось ли вамъ видѣть страшный сонъ? Не то будто вы проиграли пульку въ преферансъ, или васъ оклеветалъ ближій, или вамъ подали холоднаго супу, или смазливенькое личико, давши вамъ слово танцовать, отказалось и пошло съ мягкими бархатными усиками, а вы для vis-a-vis полчаса гуляли по залу съ какимъ-то привидѣніемъ — или будто вы въ театрѣ, гдѣ играютъ нестерпимую нелѣпицу: передъ вами на сцену русскій мужикъ, бородачь широковыщательно перелагаетъ на *россійскій діалектъ de officiis* Цицерона и машетъ руками и горячится какъ встарину самъ *оный* пресловутый витія передъ романскимъ *народишкомъ*, а его жена въ кокошникъ, въ сарафанъ и французскихъ башмакахъ, попивая православный квасокъ, рѣшаетъ вопросъ о востокъ лучше заморскихъ газетъ и парламентовъ... вы хотите бѣжать, но двери заперты, никого не пускаютъ, а между-тѣмъ авторъ пьесы самодовольно глядитъ на васъ изъ ложи и улыбаясь будто говорить: «что, пріятель, попался? знай нашихъ!»... Согласенъ, это страшныя видѣнія, невыносимые сны, — но не о такомъ говорю я: нѣтъ, случилось ли вамъ видѣть сонъ тяжкій, сокрушительный, убивающій вашъ духъ въ самомъ существѣ его, сжимающій ваше сердце, открывающій передъ вами одно отчаяніе и безнадежность?.. Испытали ли вы радость при пробужденіи отъ такого сна?.. Не правда ли, что эта радость не имѣетъ ничего общаго съ другими нашими радостями?.. Передъ нею блѣдны и безцвѣтны, какъ горлція свѣчи передъ солнцемъ, лучшія минуты, украшающія вашу жизнь, и первыя эполеты, и гармоническое «*люблю*», сказанное вамъ когда-то очень-благовоспитаною барышнею, сказанное, можетъ-быть, потому, что ей очень хотѣлось сказать кому-нибудь это слово, и рукожатіе вашего начальника, и приглашеніе на обѣдъ къ значительному лицу, и всѣ прочія блага земли, которыя въ свое время сильно заставляли трепетать ваше сердце, не правда ли?

Если вы можете представить эту восхитительную, свѣтлую, спокой-

ную радость, это успокоительное сознание, что прошедшее мечта, пустой сонъ; тогда вы приблизительно поймете состояние Алексѣя и Марины — я не берусь его описывать: есть минуты въ жизни, есть чувства, ощущенія, которыя не подлежатъ никакому описанію, хоть они доступны почти всякому. Кто изъ насъ не понимаетъ вполне красоты и величія солнца, и кто изъ прославленныхъ живописцевъ изобразилъ его, хотя многіе изображали, изображаютъ, и будутъ изображать?

IV.

. Cher amant,
J'ai vécu pour t'aimer, et je meurs en t'aimant.
Je les ai tous perdus... je n'ai plus qu'à mourir.

GILBERT.

Когда ухалъ кошевой и старшины, Алексѣй съ Мариною, упавъ на колѣни, помолились Богу, обнялись и поѣхали на зимовникъ стараго Касьяна. И вотъ они одни въ чистой степи; Съчь уже скрылась изъ виду, кругомъ зеленая пустыня—только земля да небо; по землѣ серебристою волною, словно море, донсится ковыль, когда вѣтеръ слегка его заволнуетъ; на небѣ горитъ одинокое солнце. Тихо, пусто... но нашимъ путешественникамъ степь не казалась пустынею: ихъ души были полны внутреннею жизнью, сердца близко были другъ подле друга; имъ улыбался Божій міръ, и они улыбались глядя на него и, останавливая другъ на другъ взоры, пожимая руки, какъ-бы стараясь увѣриться не сонъ ли это? Счастье было слишкомъ-велико, слишкомъ-неожиданно...

На далекомъ горизонтѣ показалась черная точка; она, казалось, не росла, не умалялась, не двигалась въ стороны.

— Ужъ не ворогъ (врагъ) ли это? сказалъ Алексѣй:—только быть не можетъ.

— Кустъ или камень, отвѣчала Марина.

— Сколько я помню, здѣсь нѣ откуда взяться ни кусту, ни камню. Впрочемъ, посмотримъ, прибавилъ Алексѣй, остановилъ коня, поднесъ къ глазамъ нагайку и, прищуря лѣвый глазъ, долго смотрѣлъ правымъ черезъ нагайку.

— А что? спросила Марина, когда Алексѣй, опуская нагайку, со-
вннительно пожалъ плечами.

— Не приберу толку что, а что-то живое; какъ ни прицѣлюсь вѣрно нагайкою, сходить немного въ стороны съ нагайки. Отъ-чего-жь оно ни ѣдетъ къ намъ, ни уходитъ отъ насъ?

— Можетъ-быть, орель теребитъ зайца.

— Похожо на это; прївдемъ ближе, увидимъ.

Чѣмъ болѣе подъѣзжали они къ незнакомому предмету, тѣмъ болѣе точка увеличивалась, яснѣе обозначались формы предмета, и скоро легко можно было различить стоящую лошадь и возлѣ нея въ тылъ человѣка, припавшаго надъ чѣмъ-то на колѣни. Человѣкъ былъ въ однихъ шальварахъ и рубахъ; куртка и черкеска лежали въ сторонѣ, брошенные на траву; засучивъ рукава по локоть, казалось, онъ что-то связывалъ или развязывалъ и такъ былъ занятъ, что не слышалъ, когда его лошадь, завидя стороннихъ, чутко выпрямила уши, вытянула шею и заржала въ подголоса; онъ тогда только обернулъ свою голову, когда Алексѣй былъ отъ него въ двухъ шагахъ.

— Никита! закричалъ Алексѣй.

— Да, Никита! Хорошо тебѣ горланить! Посмотри, вотъ твоя работа. При этомъ онъ всталъ, держа въ рукахъ окровавленный ножъ и показалъ имъ на лежащую мертвую женщину.

— Бѣдная Татьяна! не-уже-ли ты ее зарѣзалъ, Никита?..

— По рѣчамъ видно гетьманца! прямой Запорожецъ не скажетъ этого. Никита Турка рѣжетъ, Татарина рѣжетъ, Жида рѣжетъ, и всякую нехристь, а бабъ не станеть рѣзать; ты убилъ ее своими быстрыми глазами, да черными бровями, да сладкою рѣчью!.. Дура была покойница, и все тутъ... А подумаешь — и я дуракъ.

— Богъ съ тобою!..

— Богъ со мною, всегда со мною, отъ-того, что я христіанскій лыцарь, а все-таки моя правда: глупо я сдѣлалъ, что поѣхалъ къ Варкѣ въ шинокъ; думалъ-то разумно, а вышло глупо — думалъ тебя спасти, Алексѣй, а погубилъ добрую бабу!.. Я, видишь, какъ услышалъ отъ панъ-отца (священника), что есть способъ тебя выволить отъ смерти, и поѣхалъ нарочно къ Варкѣ въ шинокъ, отвелъ въ сторону Татьяну и рассказалъ ей въ какой ты оказіи находишься; гляжу, она поблѣднѣла, бѣдная, какъ полотно, вѣрно душою почувала близкій конецъ. Я вижу, что разжалобилъ Татьяну и сталъ просить ее: спаси, де-скачь, войсковаго писаря, коли меня любишь; черезъ тебя, говорю, пропалъ старый писарь — пусть же черезъ тебя молодой поживетъ на свѣтъ. Какъ кинется она мнѣ на шею, какъ стала цаловать меня, и говорить: я тебя теперь такъ люблю, Никита, какъ никогда не любила; ты мой и такой и этакой; я пойду на Сѣчь, вырву Алексѣя изъ рукъ смерти, ей-Богу, вырву!.. и опять кинулась цаловать, мнѣ даже стало какъ-то немного неспокойно, что дѣвка такъ меня любитъ, а будетъ твоею женою... Я кутилъ всю ночь, прикинулся пьянымъ, оставилъ въ шинкѣ все крымское золото, а сполдъ съ ногъ и своего товарища Бурульку и

Барку, и ея племянницъ, и послѣ полуночи поѣхалъ домой; подо-
ждалъ немного въ долину, недалеко отъ балки (оврага), Татьяны;
она скоро пріѣхала ко мнѣ на бурулькиной лошади и въ его кобень-
кѣ; мы поскакали и къ утру были на площади у подмостковъ, гдѣ
гулялъ невѣрный Татаринъ, нахваляясь на твою крещѣную голову...
Что было послѣ, ты самъ знаешь... Эхъ, бѣдняжка! вишь какъ ее
вытянуло!.. Жаль!.. Веселая была Татьяна!..

— Зачѣмъ же теперь ты здѣсь? что ты дѣлалъ съ нею?

— А что жъ? развѣ грѣхъ помочь христіанской душѣ? Покойница
хоть была баба, да все-таки христіанка. Видитъ Богъ, какъ жалко
мнѣ стало, когда погнали ее хлопцы вонъ изъ Сѣчи, хоть я и смѣял-
ся надъ нею съ другими и тюкалъ изъ политики какъ на бѣшеную
собаку. Хорошо еще, что на Сѣчѣ было много знакомыхъ покойни-
цѣ между молодыми казаками, тѣ ее кое-какъ защитили: окружать,
будто толкають, а сами все дальше, да дальше выводятъ изъ Сѣчи,
а то старики уколотили бы ее въ смерть. Сначала бѣдная Татьяна
шла пошатываясь, спотыкалась немного, отдувалась на стороны,
ворочая головою, будто челоуѣкъ, только-что вынырнувшій изъ во-
ды, а потомъ ничего, обошлась, попривыкла; кого и сама толкнетъ,
кого ругнетъ, кому языкъ покажетъ, такъ-что всѣхъ развеселила.
Вывели мы ее за ворота Сѣчи, и сказали: — убирайся теперь на всѣ
четыре стороны, теперь твоя воля.

— Вотъ вамъ за труды, сказала Татьяна, и плюнула намъ почти въ
глаза и побѣжала въ степь.

Изъ политики нельзя никому было провожать ее, да притомъ всѣ
торопились на площадь, узнать что тамъ дѣлается. А когда я уви-
дѣлъ, что дѣло пошло хорошо и тебя повели вынчать съ Мариною,
то и подумалъ: теперь Чайковскому и чортъ не братъ; развѣ одна съ
нимъ бѣда будетъ, что баба повиснетъ на шеѣ, а теперь, пока на-
родъ шумитъ и толпится возлѣ церкви, меня никто не замѣтитъ, по-
ѣду, провѣдаю Татьяну; сѣлъ на коня, махнулъ по свѣжему слѣду,
какъ собака за зайцемъ—и нашелъ ее здѣсь.

— Мертвую?..

— Какъ бы не-мертвую! живехонькую!.. Лучше бы мертвую за-
сталъ, а то сидитъ на травѣ, задумалась и смотритъ на мѣдный ду-
каты, что висѣлъ у ней на шеѣ вмѣстѣ съ крестикомъ.—Здравствуй,
Татьяна! сказалъ я:—ждала меня?

— Здравствуй, Никита, отвѣчала она:—и не думала ждать!

— Вотъ тебѣ и разъ! зачѣмъ ты сидишь тутъ, дурная баба?

— Бѣжала, Никита, говоритъ она: — устала, очень устала, ноги
подкосились, сѣла отдохнуть. А ты зачѣмъ тутъ ѣдишь, дурной
казакъ?..

— Вольному казаку никто не запретитъ ѣздить гдѣ ему хочется.

Я приѣхалъ тебя провѣдать, моя уточка, да привезъ тебѣ хорошую вѣсточку: нашъ Алексѣй живъ, здоровъ и тебѣ кланяется...

— Не-уже-ли? закричала она:—вы отняли его у кошеваго?.. Ай-да молодцы Запорожцы! Расскажи же поскорѣе, какъ это было.

И гдѣ взялась сила у покойницы! прежде ни жива ни мертва сидѣла, а то бойко вскочила на ноги, схватила за поводъ коня и кричить: «разказывай!» Я разказалъ ей все какъ было; оставилъ, говорю, ихъ въ церкви... Гляжу: выпустила Татьяна изъ рукъ поводъ, поблѣднѣла, опустила руки, вытянулась, и смотритъ на меня такъ страшно, будто съѣсть хочетъ, а сама смѣется...

— Что съ тобою? спросилъ я.

— А! старыи дурень, сказала она:—ты мнѣ такія вѣсти носишь?.. Мой милыи, мой Алексѣй вѣнчается съ другою... а ты зачѣмъ здѣсь?.. Слушай пѣсню:

«Ты думаешь, дурню,
Что я тебя люблю,
А я тебя, дурню,
Словами голублю!..»

Понимаешь, Никита?.. Я думала онъ умеръ... Жаль было, душа болѣла, только и радовалась, что ни ей, ни мнѣ не достался!.. А теперь, у!.. свадьба!.. свѣчи, гробъ!.. Слышишь?.. поютъ!..

«Жукъ гуде,
Сватьба буде...»

Слышишь?.. пойдѣмъ...

Тутъ она залилась слезами, а я догадался, что кругомъ дуракъ; что она тебя, Алексѣй, любила, а меня голубила словами, и право горько стало, не отъ того, прахъ ее возьми, чтобъ я любилъ ее, какъ тамъ паны любятъ въ Польшѣ, а съ досады, что баба, да еще молодая, проводила меня. Ляхъ не проводилъ, Татаринъ не проводилъ, а провела баба!.. Приснитъ, такъ перекрестись!.. Немного поплакавъ, Татьяна заговорила со мною, да я ничего уже не понялъ: то кланялась тебѣ, то цаловала крестикъ и мѣдннй дукать на шеѣ, но, глядя на дукать, вспоминала свою матушку, просила у нея благословенія, потомъ запѣла свадебную пѣсню... затянула высоко-высоко, я ужъ было и заслушался; вдругъ остановилась, будто кто ей ротъ зажалъ рукою, и повалилась на землю; я къ ней—не дышетъ, глаза открыты и не двигаются... Чтѣ будешь дѣлать?.. вспомнилъ я, что въ прошломъ году въ походѣ почти такая притча случилась съ моимъ гнѣдкомъ, совсѣмъ издыхалъ конь и ноги откидалъ; присовѣтовали люди пустить степную кровь — онъ и ожилъ. Не было со мною данцета, я взялъ ножъ и кинулъ Татьянѣ

стешную кровь; какъ пошла кровь порядочно, гляжу, вздохнула Татьяна, повела глазами, посмотрѣла на меня и шепчетъ: «прощай, Никита, кланяйся Алексѣю... да сними съ моей шеи и отдай ему этотъ мѣдный дукать; въ немъ, говорятъ, много силы, онъ...» да и не договорила... Богу душу отдала. Я уже и тру ее суконкою и водки лью въ ротъ, ничто не помогаетъ, холодна какъ ледъ... Вотъ что!..

— Бѣдная Татьяна! сказалъ Алексѣй: — царство ей небесное; добрая была душа! Что же ты, Никита, станешь дѣлать?..

— Вырою саблю яму, прочитаю молитву, да и похороню небогу (сердешную).

— И я помогу тебѣ...

— А куда вы ѣдете? спросилъ Никита.

— На зимовникъ Касьяна.

— Вотъ же что я тебѣ скажу: повзжай ты съ женою своею дорогою; дорога тебѣ еще далекая: дай Богъ за-свѣтло добраться не заморивши коней; а какъ со мною еще простовшь часъ, другой, то прійдется заночевать въ полѣ; казаку-то въ полѣ ночевать—здоровья набираться, да ты не одинъ, съ тобою такая птица, что подь-часъ и росы бовтса. Повзжай, брате Алексѣю, пусть я одинъ похороню Татьяну, у тебя есть теперь о чемъ заботиться... Прощай, Алексѣю! да возьми дукать, что тебѣ отказала Татьяна.

— Богъ съ нимъ! Чтò она мнѣ была? ровно ничего. Зачѣмъ же я возьму дукать?

— Отдай его мнѣ, Никита, сказала Марина: — она мнѣ родная, она любила моего Алексѣя, я буду носить ее подарокъ... Ты мнѣ отдашь его, Алексѣй?

— Бери, коли тебѣ хочется, мое золото, говорилъ Алексѣй, надевая на шею Марины снурокъ съ мѣдною татарскою или турецкою монетою и глядя ей въ очи, полныя слезъ.

— Вишь, какія горлицы! почти закричалъ Никита: — не пристало вамъ быть подлѣ мертваго, убирайтесь отсюда!.. Прощайте!.. Да хранить васъ Богъ и покроетъ отъ напастей святая наша *Покрова*...

Алексѣй и Марина простились съ Никитою и быстро поскакали по степи, будто убѣгая страшнаго зрѣлища смерти. Никита вынулъ изъ ноженъ саблю, перекрестился и началъ рыть могилу, напѣвая вполголоса:

Вѣтеръ воетъ, трава шумитъ,
Въ степи лежитъ казакъ убитъ;
Не для него вѣтеръ вѣетъ,
Не для него солнце грѣетъ;
На голову, покрытую
Зеленою ракиною,

Ужъ сѣтъ воронъ, шумно кричетъ,
 А вѣрный коваго богъ плачетъ.
 • Не кушаны едь готовъ
 • Миѣ, матушка, а домикъ новъ,
 • Въ немъ три доски сосновыя,
 • Четвертая кленовая!..»

V.

Ой, гопъ! по вечера
 Замыкайте, дѣты, двери,
 А ты, стара, не журись.
 Та до мене прихились.

Т. Шевченко.

А дѣдушкѣ въ семнадцать лѣтъ,
 Кака я шапка не пристанетъ!

А. Пушкинъ.

И теперь, проѣзжая херсонскія степи, вы часто можете видѣть подобіе запорожскихъ зимовниковъ, или хуторовъ, на которыхъ жили женатые Запорожцы; та же ограда изъ камня, довольно-неровная, потому-что круглыя валуны булыжника всегда неохотно ложатся другъ подлѣ друга и оставляютъ между собою отверстія, которыя теперь иногда замазываютъ поселяне глиною: въ-старину они служили вмѣсто амбразуръ; изъ нихъ житель зимовника часто высматривалъ на степи друга и недруга и, въ случаѣ надобности, посылалъ недругу меткую пулю; и теперь подобная огорожа часто украшается густымъ вѣнкомъ изъ сухихъ вѣтвей колючаго степнаго терновника, что въ-старину было непремѣннымъ условіемъ; и теперь многія избы сложены изъ камней, покрыты соломой или грубыми стволами степнаго бурьяна. Словомъ, кто видѣлъ полудикій херсонскій хуторокъ, тотъ можетъ имѣть понятіе о наружности зимовниковъ Запорожцевъ; только тѣ часто бывали обширнѣе и въ своей каменной оградѣ заключали или могли заключать все хозяйство, даже скирды хлѣба и стада.

Ужъ былъ вечеръ, когда Чайковскій съ своей женою пріѣхали на зимовникъ Касьяна и остановились у воротъ. Казалось, нѣтъ въ немъ ни одной живой души, словно крутая баттарей стоялъ зимовникъ, обведенный высокою каменною стѣною, часто утыканную сверху терновникомъ; только собаки, почуя чужихъ, заливались за оградю.

— Отвори, дялюшка Касьянъ! закричала Марина.

— Молчи, сказалъ Алексѣй: — кто такъ говоритъ, да еще ночью, съ Запорожцемъ! Бѣду накличешь, слышь?

Точно, кто-то подошелъ изнутри къ оградѣ; стая воробьевъ, дре-

мавшихъ на терновникъ, вспорхнулъ; тихо щелкнулъ ружейный курокъ...

— Пугу, пугу! закричалъ Алексѣй, приложивъ воронкою ко рту кулакъ.

— Пугу? вопросительно пропѣлъ таинственный, невидимый голосъ за оградю.

— Казакъ въ лугу, отвѣчалъ Алексѣй.

— И давно бы такъ! сказалъ голосъ.—Хлопцы, отворяйте ворота, а коней повѣшайте тамъ, гдѣ и наши (привяжите къ яслямъ). Милости просимъ до хаты.

— Ваши головы, пане отамане и товариство, говорилъ Алексѣй, входя съ Мариною въ хату.

— И мы ваши головы, ваши головы!.. прошу сидаты, отвѣчалъ хозяинъ: — откуда Богъ несетъ?.. Хлопцы, дайте меду!.. съ дороги не худо выпить...

— А ты и не узналъ меня, дядюшка Касьянъ? сказала хозяйну Марина.

— Такъ и есть! онъ! пари держу, что ты кричалъ у воротъ, какъ баба. Отъ тебя только и можетъ это статься.

— Отгадалъ, дядюшка.

— Благодари Бога, что съ тобой разумный товарищъ и знаетъ все наши поведенціи, а то недалеко было бы тебѣ попробовать пули.

— За что?..

— Еще и за что? пожилъ на Свѣчи хоть немного, а ума ни крошки не набрался! Всякаго народу бродить по степи; коли не откликнется по нашему, такъ и не нашъ, а коли ночью ходить, такъ и непріятель, а коли непріятель, бей его, пока онъ тебя не убилъ. Благодари своего товарища...

— Онъ мнѣ не товарищъ, а мужъ, дядюшка Касьянъ.

Старый Касьянъ молча уставилъ глаза на Марину, какъ-бы не понимая, что должно ему дѣлать, смѣяться или сердиться за такую нелѣпую шутку, и пришелъ въ ужасъ, когда Чайковскій растолковалъ ему въ чемъ дѣло.

— Ахъ, ты, окаянная! сурово говорилъ Касьянъ:—такъ ты провела мою съдую чуприну (чубъ) какъ теленка?.. Счастье ваше, что вы у меня въ хатѣ и отдали мнѣ свои головы, а то я вѣдь сердить, очень сердить... Вѣрно, вы созданы для обмана... Какъ умерла покойница жена, вотъ и подумалъ: все кончено; отдохай, Касьянъ, на старости: ужъ никто тебя больше не станетъ обманывать—а тутъ нашлась другая... и не зналъ и не вѣдалъ, привязалась Богъ-вѣсть откуда на дорогъ и въ круглые дураки записала... срамъ подумать... Господи многомилостивый, продолжалъ грустно Касьянъ, набожно смотря на образъ:—прости мнѣ старому дурню мое согрѣше-

ніе... За два дуката провелъ-было я въ родную Сѣчь страшнаго не-пріятеля, хуже Ляха и Татарина, злѣ турецкой чумы и крымской лихорадки... провелъ-было окаянную бабу!.. Не зналъ я, Господи, что оно такое, ей-Богу, не зналъ... вотъ тебѣ крестъ!.. Касьянъ прекрестился.

Послѣ молитвы, Касьянъ успокоился. Марина начала у него просить прощенія.

— Богъ съ тобою, я не сержусь; на себя сержусь я, что оплошалъ... Ну, да было что было, вѣрно такъ Богу угодно, прошло—и я забуду... Теперь мое дѣло уважать тебя: ты еси жена славнаго Запорожца Чайковскаго; нашъ кошевой васъ поважаеть, и не забылъ меня старика: отправилъ ко мнѣ въ гости; спасибо ему, живите у меня, пока не соскучитесь... Вотъ вамъ мое слово.

Алексѣй и Марина бросились обнимать Касьяна.

— Полно, полно, дѣти! вы задушите старика, говорилъ Касьянъ, отирая слезы: — вы добрый народъ, Богъ васъ возьми!.. Были и у меня дѣти, была жена... Нѣтъ дѣтей, нѣтъ сыновей: одинъ утонулъ подъ Азовомъ, другаго сожгли Ляхи, а третьяго конь убилъ, свой конь... добрый былъ конь, а убилъ сына!.. ни за что, ни про что пропалъ человѣкъ!.. Вотъ пятой годъ жена умерла... и я одинъ доживаю вѣкъ съ хлопцами... Спасибо вамъ, что пріѣхали.

— Да ты, кажется, Касьянъ, не любилъ жены? спросила Марина.

— Кто тебѣ сказалъ? Можетъ, не любилъ, а можетъ и любилъ. Не все правда, что говорится, не все золото, что блеститъ... Не любилъ!.. А какой же нечистый заставилъ бы меня жениться?.. Я не панъ какой, меня никто не прислууетъ противъ воли!.. А, много говорить, да нѣчего слушать, сказалъ весело Касьянъ, махнувъ рукою: — вы, я чай, голодны съ дороги. Гей! кухарь, изготви намъ *вечерю*; у меня гости, я помолодѣлъ двадцатью годами, ей-Богу!.. Вари до молока, тетерю, да мамалыгу до масла, а хлопцы пускай заварятъ знаменитую варенуху! Извините, паны; вы, гетьманцы, привыкли къ вареникамъ, галушкамъ, панпушкамъ, буханцамъ и всякимъ лакомствамъ, а наши степныя запорожскія кушанья просты.

— Мы и сами, батьку, Запорожцы, сказалъ Чайковскій.

— Добре, добре! вотъ спасибо за правду. Зови меня, сынку, батькомъ; давно я не слышалъ этого имени... ей-Богу, давно, мои дѣти!..

Теперь многіе, даже изъ моихъ земляковъ, очень-хорошо знаютъ и страсбургскій пирогъ, и лимбургскій сыръ, и пьемонтскія трюфели, и много другихъ тому подобныхъ вещей, правда, очень-пріятныхъ—и, парі держу, станутъ въ-тупикъ при словахъ «тетеря» «мамалыга», «варенуха». Это старина! скажутъ мнѣ въ отвѣтъ. Согласенъ; но мы знаемъ малѣйшія привычки древнихъ Грековъ и Римлянъ, знаемъ, что послѣдніе любили жарить ветчину съ медомъ и финика-

ми, или что, пресытятся вкуснымъ столомъ, они, pour la bonne bouche, кушали иногда живыхъ рыбокъ. Зачѣмъ же презирать родную старину?.. Впрочемъ, я не обременю васъ подробностями и скажу въ короткихъ словахъ, что «тетеря» была родъ жидкой каши изъ ржаной муки, на водѣ, молокѣ, или на чемъ кто любилъ; «мамалыга»—родъ пуддинга, изъ мансовой муки: ее ѣдятъ пока горяча съ свѣжимъ коровьимъ масломъ и разрѣзываютъ ниткою; «варенуха»—вареное вино съ сухими плодами и пряными кореньями, нѣчто въ родъ глинтвейна.

За ужномъ, старикъ Касьянъ развеселился и общалъ, если черезъ недѣлю не будетъ никакихъ вѣстей изъ Сѣчи, самъ съѣздить въ Лубны къ полковнику Ивану, и во что бы ни стало добиться отъ него отвѣта. — А теперь выпьемъ еще по чаркѣ варенухи, продолжалъ Касьянъ: — да съ дороги, можетъ, кому и спать пора. При этомъ онъ мигнулъ на Марину съдымъ усомъ, прищуря лѣвый глазъ. Марина покраснѣла.

— Вамъ никто не помѣшаетъ спать, говорилъ Касьянъ: — я вамъ отведу свѣтелку моей покойницы; теперь хотъ и съ Богомъ, почивайте, дѣти, на здоровье. Да нѣтъ, погодите...

Касьянъ вышелъ и снова возвратился, держа въ рукахъ желѣзный ключъ, и, отдавая его Маринѣ, сказалъ:—вотъ это ключъ отъ скрини (сундука), которая стоитъ въ вашей свѣтелкѣ; отвори ее, принаряджайся какъ знаешь: тамъ лежатъ наряды моей покойной жены, у нея были добрые наряды и парчи много и всякой всячины, — не стыдно надѣтъ полковничьей дочери.

— Не нужно, батьку; къ чему ей? говорилъ Алексѣй.

— Я и такъ привыкла, мнѣ и такъ хорошо, сказала Марина.

— Молчите, дѣти! вскрикнулъ Касьянъ:—въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ; за мою хлѣбъ-соль да еще станете спорить со мною!.. Развѣ мнѣ будетъ весело смотреть, что у меня въ гостяхъ жена войскового нашего писаря, ходитъ не въ своей шкурѣ, перереженная, словно пьяный гость на свадьбѣ? развѣ пристало христіанкѣ ходить въ человѣческомъ (мужскомъ) платьѣ, какъ поганой Татаркѣ, когда Богъ далъ ей особое платье, законное платье?.. Нѣтъ, дочко, распоряжайся всѣмъ, что найдешь въ сундукѣ; оно твое; на что оно мнѣ? не сдурью подъ старость, не стану носить вашихъ юпокъ! Все равно пропадетъ, мошь съѣсть... И не думайте мнѣ перечить: завтра чтобъ я не видѣлъ на твоей женѣ, Алексѣй, казацкаго убранства; не то съ зимовника сгоню! Ну, прощайте! до завтра!

На утро Марина чудно была хороша въ новомъ нарядѣ: плахта и запаска яркихъ цвѣтовъ, перехваченныя по талькѣ краснымъ шелковымъ поясомъ, предестно обозначали ея стройный стапъ; подъ тон-

кою, бѣлою, вышитою шелкомъ рубашкою, вольно дрожала, волновалась крутая грудь; на головѣ былъ надѣтъ черный бархатный корабликъ (родъ шапочки). На плечи накинула Марина легкой кунтушъ изъ зеленого атласа, обшитый золотымъ позументомъ, посмотрѣлась въ металлическое зеркальцо, прибитое снутри на крышкѣ сундука, и покраснѣла отъ удовольствія.

— Какая пышная пани! сказалъ Алексѣй, крѣпко обнимая и целуя свою жену.

— Ей-Богу такъ! вотъ такъ! говорилъ Касьянъ, входя въ светлицу.—Господи, какая красавица! И казачкомъ ты была прехорошенькая, а казачкою вдвое похорошѣла!..

VI.

Не спи, казакъ, во тмѣ ночной:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой!..

А. Пушкинъ.

Ждали недѣлю—нѣтъ вѣстей; прождали еще два дня, и Касьянъ поѣхалъ въ Лубны, выбралъ добраго коня и легкое вооруженіе, т. е. саблю, да пару пистолетовъ, въ гаманъ (кисеть) насыпалъ мелкоизрѣзанныхъ корешковъ роменскаго тютюна (табака), положилъ кусокъ стали, новый кремьнь и сухаго трута, привязалъ за сѣдломъ небольшой мѣшечекъ поджаренаго въ маслѣ пшена и поѣхалъ. Сборы Запорожца не долги.

Теперь вы спокойно ѣдете запорожскими степями, по гладкимъ, широкимъ дорогамъ, которыя, въ сухую погоду, лучше и покойнѣе всѣхъ шоссе въ мірѣ; васъ беспокоятъ развѣ суслики, шныряющіе безпрестанно поперегъ дороги, или великаны-оводѣ, которые, накучивъ сновать на жару надъ лошадьми, залетаютъ подъ тѣнь коляски и, монотонно жужжа, садятся вамъ на носъ. А въ прежнія времена не то было: эти степи, никому непринадлежавшія, служили ареною безпрестаннымъ боевымъ схваткамъ; тутъ навздничали, молодечествовали полудикіе народы; въ каждомъ оврагѣ надобно было опасаться засады, въ каждомъ кустѣ ракиты можно было подозрѣвать скрытаго врага, который, какъ змѣя, ползая между травою, смотритъ на васъ зоркими очами и въ тишинѣ натягиваетъ меткій лукъ, или ведетъ за вами вѣрное дуло винтовки, выжидая удобной минуты спустить курокъ.

Первый день Касьянъ ѣхалъ довольно-весело, беззаботно, напѣвалъ подъ-носъ пѣсенки, разговаривалъ съ конемъ, иногда срывалъ молодые побѣги катрану (дикаго хрѣна), очень-спокойно опускалъ поводья, аккуратно сдиралъ кожу съ побѣга и ѣлъ, приговаривая: «хорошій катранъ; не дураки лошади, что такъ его любятъ»... Къ ночи,

Касьянъ, какъ опытный казакъ, принялъ свои мѣры: вѣхалъ въ глубокую долину, ослабилъ немного подпруги и пустилъ коня пастись, но привязалъ напередъ конецъ длиннаго ременнаго повода (чумбура) къ своей рукѣ, раскинулъ на травѣ бурку изъ овечьей шерсти, изъ предосторожности, чтобъ не подползла какая гадина, особливо тарантулъ, который по инстинкту боится овечьей шерсти, даже овечьего запаха, будто зная, что овцы очень любятъ кушать его собратій, и тихо вздремнулъ, даже не куря трубки, чтобъ дымомъ не наклѣпать бѣды на свою голову. Передъ свѣтомъ, Касьянъ былъ уже на конѣ; но на этотъ разъ что-то его безпокоило: часто онъ озирался, часто всматривался въ даль, часто, остановясь противъ вѣтра, расширялъ ноздри, нюхалъ воздухъ и пристально посматривалъ на росистую траву; видно было, что его душа чуяла недоброе. А кругомъ все было чисто, тихо; весело всходило солнышко; добрый конь схватывалъ мимоходомъ цвѣтистыя верхушки травъ и прыскалъ, когда роса попадала ему въ ноздри. Касьянъ увидѣлъ въ сторонѣ измятую траву, слѣзъ съ лошади, долго разсматривалъ ее, ворча: «такъ и есть, я такъ и думалъ»; потомъ припалъ ухомъ къ землѣ, послушалъ немного, съѣлъ на лошадь и, поворота ее круто на-лѣво, помчался какъ стрѣла. Прокскававъ нѣсколько верстъ, Касьянъ опять повхалъ по первому направлению довольно-спокойно и около полудня только своротилъ направо и снова началъ безпокойно оглядываться по сторонамъ. Уже вечерѣло; до Днѣпра оставалось недалеко, доброй ѣзды до ночи не больше, когда Касьянъ, ѣхавшій крупною рысью, вдругъ остановился, будто окаменѣлъ на мѣстѣ, прилегъ на шею коня и внимательно смотрѣлъ на далекий, чуть-видимый вдали курганъ.—«Они!» сказалъ Касьянъ, слѣзая съ коня и ведя его въ поводу: «они, проклятые Крымцы! наши никогда по три человекъ не взвѣзжаютъ на курганъ; у насъ одинъ видитъ за троихъ, да теперь и гетьманцамъ заказано кучкою взвѣзжать для дозора... какъ бы поспѣть во время!..» Спустился въ длинный, глубокий оврагъ, можетъ-быть бывший когда-нибудь русломъ рѣчки, впадавшей въ Днѣпръ, Касьянъ повхалъ вдоль оврага ровнымъ шагомъ; но, сдѣлавъ нѣсколько верстъ, изъ предосторожности слѣзъ съ коня, вышелъ пригнувшись изъ оврага, и увидя невдалекѣ курганъ, поползъ къ нему, чтобъ съ высоты высмотрѣть непріятеля. Курганъ былъ покрытъ густою, высокою травою; на вершинѣ его стояли нѣсколько низенькихъ кустовъ ракитъ. Какъ пресмыкающееся ползъ между травою Касьянъ, бережно разводилъ въ стороны руки, хватался ими за траву или упирался въ землю и тихо шевеля всѣмъ тѣломъ, будто раскачивая лодку, подымался выше. Наконецъ онъ всползъ на самый верхъ кургана; оставалось только раздвинуть кусть и осмотрѣть окрестность; уже Касьянъ поднялъ руки—и остановился, затаялъ дыханіе: за кустомъ послышался шо-

рохъ, зашевелилась трава и волнисто вытягиваясь, выползала изъ-подъ ракиты страшная змѣя; увидя челоуѣка, она быстро подала назадъ свою голову, завилась въ нѣсколько колець, сердито сверкнула глазами, и, раскрывъ страшную пасть, протяжно зашипѣла; но вѣроятно, боясь поднятыхъ рукъ Касьяна, сильно отпрянула въ сторону и заскользила извиваясь внизъ по кургану. Когда скрылась незваная гостя, Касьянъ протянулъ къ ракитѣ руки; но едва коснулся вѣтвей, онъ будто по волшебному мановенію сами раздвинулись и между ними явилась голова Татарина; ея узкіе глаза на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ прямо уставились противъ глазъ Касьяна. Татаринъ, въ свою очередь, видно замѣтившій издали коннаго Касьяна, опасался засады и тоже ползъ на курганъ высматривать непріятеля.

Нѣсколько мгновеній враги были неподвижны, какъ-бы обдумывая, что начать имъ; потомъ страшно обмѣнялись взорами, проникнутыми глубокою ненавистію; лица ихъ судорожно искривились, и вдругъ, будто по командѣ, разомъ и Касьянъ и Татаринъ схватили другъ друга за горло; молча, не приподымаясь отъ земли, изъ опасенія открыться врагамъ, сжали они другъ друга жилистыми руками; но Татаринъ былъ если не слабѣе, то легче Касьяна, отъ-того послѣдній, осунувшись внизъ, увлекъ за собой Татарина и они клубомъ скатились съ кургана. Жестока была борьба ихъ; безъ звука, безъ стона, они жали другъ друга объятіями смерти, грызлись зубами, какъ свирѣпыя звѣри; заходящее солнце по-временамъ освѣщало то гладко-выбритуую голову Татарина, то чубатую Запорожца: онъ попеременно подымались кверху каждый разъ страшнѣе, ужаснѣе, облитыя кровью, обрызганныя пѣною. Наконецъ Касьяну удалось достать изъ-за сапога широкій ножъ: это положило конецъ борьбѣ.

«Сейчасъ смеркнется» думалъ Касьянъ, отходя отъ зарѣзаннаго Татарина и спускаясь въ оврагъ: «враги конные раньше меня будутъ у Дивпра, хоть я и конемъ поѣду, а конь будетъ еще стучать копытами по степи и меня выдастъ... плохо! надобно заставить ихъ прогуляться въ другую сторону...»

Потомъ на-скоро, изъ своего кобеняка (плаща) и травы сдѣлалъ онъ куклу, привязалъ ее на сѣдло, наклоня къ лукъ, и сорвавъ какое-то крѣпкое колючее растеніе, положилъ подъ сѣдло прямо на голую спину лошади, проворно подтянулъ подпруги и въ то же время ударилъ ее нагайкой, примолвя: «прощай, добрый конь! врядъ ли увидимся». Горячій конь прынулъ и, чуя боль на спинѣ отъ колючей вѣтки, помчался какъ птица въ степь по дорогѣ къ своему зимовнику. Долго скакалъ одиноко быстрый конь все шибче и шибче, безпрестанно понукаемый колючкою, и уже сталъ теряться въ горизонтъ,

какъ слева мелькнуло ему на перерывъ что-то какъ муха, потомъ еще, еще — и цѣлая стая Крымцевъ вытянулась въ погоню, словно борыя собаки за зайцемъ. Увидя это, Касьянъ улыбнулся, махнулъ рукою и, спустясь въ оврагъ, быстрымъ шагомъ пошелъ, почти побѣжалъ къ Дивпру.

Была уже глубокая ночь, когда Касьянъ, измученный быстрою ходьбою, пришелъ къ Дивпру, напился, освежилъ лицо и голову студеною водою и тихо пошелъ по берегу, чтобъ немного отдохнуть и, выбравъ удобное мѣсто противъ *фигуры*, переплыть рѣку. Все было тихо; ночь безлунная, но звѣздная; за рѣкою, на широкихъ лугахъ, перекликались карастели; порою сонная рыба, поворачиваясь, всплескивала хвостомъ воду, да лягушки, испуганные шагами Касьяна, прыгая съобрывистаго берега въ рѣку, нарушали общее молчаніе. Когда все стихало, одинъ только Дивпръ плескался своими вѣчными волнами. Въ воздухъ разливалось благоуханіе отъ душистыхъ травъ, съ которыхъ крупнымъ дождемъ валилась роса на Касьяна, когда онъ раздвигалъ, разрывалъ ихъ, идя по берегу; но вотъ на противоположномъ берегу затемнѣло что-то будто колокольня. «Фигура!» сказалъ Касьянъ и поплылъ на ту сторону.

На границѣ Гетьманщины, вдоль по лѣвому берегу Дивпра, начиная отъ устья Орели до Конки-рѣки (Конскія-Воды), построены были около самой воды заѣзжіе дворы, называемые радутами; дворы были обнесены крѣпкимъ частоколомъ; внутри находилось просторное зданіе для людей, крытое соломкою или тростникомъ, и конюшни; въ каждомъ радутѣ помѣщалось пятьдесятъ человекъ гетьманскихъ казакъ съ эсауломъ, которые составляли пограничную стражу и ежегодно сибнялись. Радуты всегда строились такъ, чтобъ изъ одного было видно другой, и были одинъ отъ другаго, судя по мѣстоположенію, верстахъ въ двадцати, десяти и даже менѣе. Около каждаго радута, не ближе четверти версты, иногда немного и далѣе, въ осторожность отъ огня, были *фигуры*, сложенные въ видѣ башень или колоколенъ изъ смоляныхъ бочекъ; для этого поливали землю смолою и ставили перпендикулярно шесть смоляныхъ бочекъ, которыя шли только нижнее дно; бочки ставили плотно одну около другой и связывали крѣпко высмоленными веревками, наблюдая, чтобъ внутри образовалась правильная круглая пустота въ родѣ чана; на этотъ кругъ ставили другой такой же точно, только изъ пяти бочекъ, сверху третій кругъ изъ трехъ бочекъ, на этотъ прибавляли еще двѣ, а на самый верхъ ставили, какъ трубу на самоваръ, одну пустую бочку, не имѣвшую ни нижняго, ни верхняго дна. Въ этой бочкѣ была сделана перекладина изъ желѣзнаго прута, а черезъ перекладину былъ перекинутъ канатъ, котораго оба конца спускались до земли; въ одному изъ концовъ привязывался большой пукъ мочалки, вы-

варенный въ селитрѣ и налитанный разными горючими веществами. У фигуры находилось безсмысленно два или три человека часовыхъ.

Если вы проводили когда-нибудь безсонныя ночи не за картами, не за бокаломъ, не въ шумныхъ танцахъ, гдѣ оглушающій громъ оркестра или женщины то сверкающія, жгучія какъ солнце, то отрадные, томныя какъ свѣтъ луны, заставляютъ противоестественно биться ваше сердце забывать весь міръ, кромѣ одного бурнаго чувства наслажденія, — если вы проводили безсонныя ночи въ уединенія, лицомъ-къ-лицу съ природою, то вѣрно замѣтили, вѣрно помните чудесный предразсвѣтный часъ, когда, будто чуждъ близкій конецъ свой, ночь усиливаетъ обаянія, становится еще темнѣе; все въ природѣ затихаетъ: ни звука, ни шороха, даже вода льется вяло, словно въ дремотѣ; на всѣхъ тварей налегаетъ неодолимый сонъ, ночныя птицы не летаютъ въ это время, лошади перестаютъ ѣсть, дремаютъ опустивъ голову, или даже ложатся.

Въ такой предразсвѣтный часъ вышелъ Касьянъ на берегъ около фигуры. Кругомъ была гробовая тишина; карастели не перекликались, лягушки не прыгали въ воду, рыба не плескалась; мрачно темнѣя высилась на темномъ небѣ фигура; два казака снали подъ фигуру; недалеко три лошади лежали словно убитыя, откинувъ ноги, вытянувъ шеи; сторожевой казакъ въ четвероугольной гетьманской шапкѣ, опершись на мушкетъ (ружьѣ), вздремнулъ и не замѣтилъ Касьяна.

— Добри-вечоръ! крикнулъ Касьянъ, подходя къ часовому.

Часовой вздрогнулъ, подался назадъ и выстрѣлилъ по Касьяну. Выстрѣлъ отгрянулъ надъ рѣкою, далекое эхо наперехватъ стало повторять его по рощамъ и заливамъ, дымъ покрылъ Касьяна; лошади вскочили на ноги, казаки изъ-подъ фигуры прибѣжали къ товарищу.

— Да полно вамъ дурачиться, говорилъ Касьянъ, подходя къ казакамъ: — не узнали стараго Касьяна!.. а еще казаки!.. Здоровъ ли Семенъ Михайловичъ? вашъ эсаулъ Семенъ Михайловичъ Дижка?.. что же вы оглохли?

— Да это въ-самомъ-дѣлѣ дядько Касьянъ, говорили казаки.

— А то жъ какой чортъ? ну те-ка поворачивайтесь; нѣтъ ли у васъ табаку понюхать?

— Есть, отвѣчалъ одинъ: — да и напугалъ ты насъ!

— Добрый табакъ, будто свѣчкою въ носу палить, говорилъ Касьянъ: — а ты, брате часовой, просто дрянъ, не стоишь десятой доли щепотки этого табаку; ей-Богу, не стоишь; смѣшно сказать, дремлетъ на часахъ надъ мушкетомъ будто баба надъ пряжею, да еще и стрѣлять не умѣетъ: стрѣлялъ по мнѣ въ пяти шагахъ и тутъ по-

выстрелъ, только верхъ шапки распоролъ пулею... На, посмотри мою шапку, коли не взришь.

Во время этого разговора, прискакалъ изъ радута съ нѣсколькими казаками эсаулъ.

— Что здѣсь за шумъ? строго спросилъ эсаулъ.

— Ничего, пане эсаулъ, отвѣчалъ одинъ казакъ: — Запорожецъ съ той стороны, а часовой обознался да и выстрѣлилъ.

— Добре сдѣлалъ, хоть бы и не обознался; пускай нечистый не носить въ такую пору; что такой за казакъ? зачѣмъ онъ?

— Не сердись, Семень Михайловичъ, я человекъ вамъ знакомый: уже два раза въ это лѣто гостилъ у васъ на радутѣ, развѣ не узнали Касьяна?..

— Здорово, старикъ! Что же ты плаваешь по ночамъ, словно русалка?..

— Хотѣлось попробовать какъ стрѣляютъ гетьманцы; да не бойко стрѣляютъ, въ пяти шагахъ промахнулись.

— Полно шутить.

— Сперва шутки, а тамъ будетъ и дѣло. Доставай-ка огниво, да зажигай фигуру: Крымцы за рвкою.

— Ты видѣлъ?

— Не только видѣлъ, и силы пробовалъ, и коня черезъ нихъ лишился; засвѣтишь огонь, увидишь какъ меня испарнали, словно кошки... насилу добрался до радута, чтобъ дать вѣсть.

Эсаулъ вырубилъ огня, положилъ труть въ горсть сѣна, размахалъ его своими руками, и когда сѣно вспыхнуло, поджегъ мочалку, привязанную къ веревкѣ и потянулъ веревку за другой конецъ: огненнымъ снопомъ поднялась горящая мочалка кверху, толкаясь о бочки и осыпая фигуру искрами, вошла въ пустую бочку на самомъ верху *фигуры*; въ-минуту верхняя бочка запылала, какъ изъ трубы высокимъ столбомъ поднялось изъ нея яркое пламя и быстро загорѣлась вся *фигура*, великольпно отражаясь въ темныхъ водахъ Днѣпра. Черезъ нѣсколько минутъ недалеко влѣво загорѣлась другая *фигура*, право третья, за ней еще, и еще, и весь Днѣпръ освѣтился зловѣщими огнями; стаями поднялись испуганныя птицы съ заливовъ и тростниковъ, наполняя воздухъ криками; стада дикихъ коней, дремавшія у Днѣпра, шарахнулись въ степь, пробуждая далекую окрестность звонкимъ топотомъ. Не одинъ поселянинъ, застигнутый въ лѣсу или въ полѣ на ночлегъ страшными *фигурами*, торопливо спѣшилъ домою спасать старуху мать или молодую хозяйку, или малыхъ дѣтей отъ смерти, или позорнаго плѣна татарскаго; не одна мать, съ ужасомъ поглядывая на зловѣщій пожаръ, робко прижимала къ груди ребенка и босыми ногами, въ одной сорочкѣ, по жгучей крапивѣ, по колючему терновнику—пробиралась въ непроходимую чашу дѣса; не одна

дѣвушка со страхомъ вспоминала освоей красотѣ, о своей молодости, трепеща счастлюбиваго Татарина... Въ ночь, когда горѣли фигуры, покойно спалъ развѣ безчувственно-пьяный человекъ.

Выпивъ чарку водки изъ рукъ эсаула, Касьянъ взялъ въ радутѣ добраго коня и поскакалъ въ Лубны, завтракая дорогою кускомъ чернаго хлѣба. Назади полнеба было залито пожарнымъ заревомъ *фигуръ* и по-временамъ слышались выстрѣлы. Впереди разстилась степь; но уже не мертвою пустынею лежала степь: то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ раздавались безпрестанные оклики; взошло солнце и освѣтило тревожную картину: у дороги, чумаки, состроивъ изъ тяжелыхъ возовъ каре, выглядывали изъ него какъ изъ крѣпости, сверкая стволами мушкетовъ и винтовокъ, безъ которыхъ тогда никто не отлучался изъ дому; быстро угоняли изъ степи въ села стада воловъ и табуны коней; заставляли въездъ въ деревни рогатками, прятали въ землю всякое добро и хлѣбъ, завязывали въ кожаные мѣшки, заколачивали въ боченки деньги, и опускали ихъ въ глубокіе колодцы, въ пруды и на дно рѣчекъ; съ мостовъ снимали доски и заводили лодки въ непроходимые тростники.

— Далеко ли? спрашивали люди Касьяна, когда онъ въѣзжалъ въ село, покрытый пылью и потомъ.

— Вотъ, вотъ, за горою, отвѣчалъ Касьянъ.

— А куда Богъ несетъ?

— Въ Лубны къ полковнику. Перебѣните-ка мнѣ коня, скачу по вашему дѣлу.

— Бери, хоть всѣхъ, дядьку!

Такъ перебѣняя коней, Касьянъ, можно сказать, летѣлъ день и ночь въ Лубны. Тревога и удаля поѣздки помолодили Касьяна; онъ не чувствовалъ усталости, онъ не слышалъ на себѣ восьми десятковъ лѣтъ и, подвѣжая къ Лубнамъ, пѣлъ веселыя пѣсни.

VII.

Одарка мычки не допряга,
Аж-ось Харько у хату вбигъ,
Пидъ лаву кынувъ свій батигъ:
«Впять татарва на насъ напала!»
Винъ з'опалу сказавъ.

С. Писаревскій.

— Гадюко! Гадюко!

— Чего, пане полковникъ?

— Скучно, Гадюко, очень-скучно! не знаю отъ-чего...

— Можеть, обѣдся, пане.

— Умный человекъ, а говорить глупости. Объялся! Какого я дьявола объялся? Ну, скажи на милость, чего бы я объялся? чего бы человекъ объялся, когда еще не объдалъ, только завтракалъ?..

— Чего жь бы и скучать, пане? Житье хорошее, поступки твои все законные, рыцарскіе: чего жь бы скучать?

— Въ томъ-то и дѣло! Я тебя спрашиваю, а ты меня спрашиваешь. Это глупо.

— Кобзаря позвать развѣ?

— Кобзари Божіи люди, да изъ ума выжили, — ни одной пѣсни порядочной не знаютъ.

— Выкричались.

— Какъ выкричались?

— Вотъ примѣрно взять бутылку, и стать изъ нее наливать въ стаканы вино или что другое: до времени изъ бутылки все льется вино, а вылилось, уже и не станеть и не льется, хоть сожми бутылку объими руками; тогда разумный человекъ принимается за другую. Такъ и кобзари пѣли пѣсни, кричали, а теперь уже выкричали всь и пѣть нечего.

— А что ты думаешь? вѣдь оно такъ.

— Не нашему глупому разуму разсуждать, а можетъ и такъ.

— Такъ, такъ, Гадюко! а все-таки мнѣ скучно. Вѣришь ли, чарка не ѣдетъ на душу: взявъ чарку въ ротъ сегодня, чуть не выплюнулъ, изъ политики только проглотилъ... Хотъ домъ подпалить отъ нечего дѣлать.

— Эту потѣху можно побережъ подальше, а теперь не послушалъ ли бы, пане, сказки?

— Пожалуй, только рыцарскую сказку я готовъ слушать. Жаль, Герцикъ пошелъ на охоту; онъ много знаетъ сказокъ... Жаль!

— Я знаю сказку, коли станешь слушать—разскажу...

— Что жь ты давно не говоришь? говори! Хорошая у тебя сказка?

— Оно сказка не сказка, а были; я не москаль, самъ своего товару хвалить не стану; одно знаю, что Герцику не разсказать этой были.

— Не говори, Гадю! Герцикъ очень разуменъ; у него сидитъ въ носу муха, большая муха!..

— Можетъ и не одна, угрюмо замѣтилъ Гадюко.

— Полно ворчать! сказалъ полковникъ Иванъ:—закажи часовому, чтобъ сталъ у моей двери и никого не пускалъ; хотъ бы кто пришелъ судиться или съ жалобою — всѣмъ одно: полковникъ, молъ, занятъ дѣлами, бумаги подписываетъ; да придвинь ко мнѣ вотъ эту бутылъ съ наливкою и чарку, авось подъ сказку перестанеть упрямиться да и пойдетъ тихомолкомъ въ горло. Ну, начинай!

— Жилъ-былъ, началъ Гадюко сказочнымъ тономъ:—одинъ полковникъ, какъ-бы и твоя милость, и стало скучно полковнику, ни

гдѣ мѣста не нагрѣветъ, ходить изъ комнаты въ комнату, хлѣба кусокъ не идетъ ему на душу, чарка не лется въ горло, какъ-бы...

— Что какъ бы? спросилъ полковникъ, ставя на столъ опорожненную чарку.

— Хотѣлъ сказать, какъ-бы и твоей милости, да вижу, что чарки, благодаря Бога, лѣзутъ къ тебѣ въ ротъ, словно вечеромъ воробьи подъ крышу.

— А тебѣ завидно, собачій сынъ! На, выпей чарку, да говори хорошенько, чтобъ у тебя слова не летѣли, какъ воробьи изъ-подъ крыши.

— Хорошо сказано, продолжалъ Гадюко, выпивая чарку:—теперь пойдутъ слова, словно молодые утки выплываютъ изъ тростника рядкомъ за маткою. Вотъ сгрустнулось полковнику и сталъ онъ отъ скуки разсматривать новое ружье, что купилъ недавно за такъ грѣши (отнял) у какого-то не то Ляха, не то Нѣмца.

— Молодецъ былъ полковникъ!

— Видно молодецъ. Долго смотрѣлъ онъ на ружье: на ружьѣ была хорошая оправка, серебряная; по серебру будто перомъ выведены люди и звѣри и казаки; головки у винтовъ кораловыя, а прицѣльная мушка на стволѣ золотая.

— Не въ оправѣ дѣло. А хорошо било оно?

— Не знаю; говорятъ упало разъ со стѣны, съ гвоздя сорвалось что ли, да прямо на бутылки съ наливкою, бутылкой съ десятью стояло внизу на полу—всѣ съ разу перебило.

— Хитро! А дурацкія рѣчи, Гадюко!

— Статься можетъ; не моя вина, за что купилъ, за то и продаю. Вотъ, посмотрѣлъ полковникъ на ружье, да и захотѣлъ его попробовать отъ скуки; собралъ сотню молодецковъ, сѣлъ на коня и молодцы сѣли и повхали въ Польшу погулять.

— Хорошо, Гадюко, добрая сказка.

— Не сказка, а быль.

— Одинъ чортъ, что сказка, что быль.

— Одинъ, пане, да не одной масти. Вотъ ѣдутъ они въ Польшу густымъ лѣсомъ, а въ лѣсу пахнетъ лукомъ не лукомъ, чеснокомъ не чеснокомъ, не хорошо пахнетъ. Гей, хлопцы, сказалъ полковникъ:—чувете ли вы, пахнетъ невѣрною костью?—Чуемъ, отвѣчали молодцы, Жидомъ пахнетъ. Послали развѣздъ; развѣздъ вернулся и говорить: съ версту отсюда надъ рѣкою стоитъ мѣстечко.—Много народа? большое мѣстечко? спросилъ полковникъ.—Я лазилъ на дерево, отвѣчалъ одинъ развѣздный казакъ, и все высмотрѣлъ: мѣстечко большое и площадь есть, и костель, и лавки, а народу не замѣтилъ, все Жиды, словно въ муравейникъ; Жидъ на Жидъ да Жидомъ пого-

ваетъ.—Послѣ этого казаки слѣзли съ лошадей, пританислись въ глубокомъ оврагѣ и выжидали вечера, чтобъ ударить на мѣстечко.

— Молодцы!.. Ужъ не про Хвилона ли миргородскаго эта бль?

— Можетъ про Хвилона, можетъ и нѣтъ; разъ сказалъ я: за что кушлъ, за то и продаю.

— Хорошо, говори, да подай мнѣ другую бутылъ; эта пуста какъ наши кобзари: ничего нѣтъ новаго! Добрая сказка! самого забираетъ въ лѣсъ, душъ весело! Ну?

— Насталъ вечеръ, продолжалъ Гадюко:—а это было въ пятницу противъ субботы. Пораньше собрались Жиды домой, заперли лавки, пересчитали барыши впотьмахъ, чтобъ никто не видѣлъ, и тогда уже зажгли свѣчи; у самага бѣднаго горѣло свѣчъ двадцать, хоть и тоненькихъ, маленькихъ, да двадцать, — шутка ли?

— Не-уже-ли ты, Гадюко, ввришь, что есть бѣдные Жиды? Откуда же взялась пословица: много денегъ, какъ у Жида.

— Нѣтъ, у всякаго Жида много серебра и золота, а все-таки у одного меньше, у другаго больше: вотъ послѣдній и будетъ богаче.

— Такъ. Ну-ну? А казаки гдѣ?

— Дойдетъ и до казаковъ. Зажгли Жиды свѣчи, и въ мѣстечкѣ стало свѣтло, будто въ праздникъ какой, а это было въ постный день въ пятницу!..

— Слыхано ли!.. Нечестивые!

— Кромѣ того, что начинался шабашъ, у Жидовъ было и другое веселье: въ тотъ день они держались и старъ и малъ за райское яблоко.

— Вретъ твоя бль, Гадюко! гдѣ бы они достали райское яблоко?

— Оно не райское: куда имъ до рая! а такъ называется. Приѣдетъ какой-нибудь Жидъ въ городъ, простой Жидъ, какъ и всѣ — въ ермолкѣ, въ пейсикахъ, и называетъ себя не Жидомъ, а Хосетомъ, — это-то у нихъ старшой, — вотъ назоветъ себя Хосетомъ, врихалъ, говорить, изъ Иерусалима, привезъ старыя іудейскія деньги и райское яблоко. Идетъ къ нему каждый Жидъ, даетъ деньги, подержится за яблоко и третъ себя руками лобъ: это, говорить, здорово; а женщины покупаютъ у Хосета старыя деньги, словно полушки съ дырочками изъ желтой мѣди, даютъ за полушку червонецъ и вѣшаютъ дѣтямъ на шею, чтобъ лихорадка не пристала, что ли!

— Вотъ дурни!

— Известно. Вотъ въ этотъ вечеръ пришелъ въ свою поганую хату Жидъ Борохъ, а у него лобъ красный-красный, — натеръ, говорить, яблокомъ, — пришелъ и сынъ, не то ребенокъ, не то человекъ, а такъ подлѣтокъ. Старуха, Рохля, жена Бороха, тоже была у Хосета, купила старую полушку и нацвпила ее на шею трехлѣтней дочкѣ; дочка бѣгала вокругъ стола, кричала, а Борохъ съ женою и сыномъ

ужинали гугель, по нашему лапшу, съ шафраномъ, да рыбу съ перцемъ, да рѣдку вареную въ меду, а закусывали мацою, лепешками безъ всего на одной водѣ, даже безъ соли.

— Фу! на нихъ пропасть! скверно ѣдятъ!

— Отъ-того они Жиды. Ёдятъ они, а въ окно какъ засвѣтитъ разомъ, словно солнце взошло, пустили казаки краснаго пѣтуха, зажгли мѣстечко. Выстрѣлъ, другой, крикъ, шумъ, рѣзня, звенять окна...

— Славно, Гадюко! такъ ихъ!

— Жидовскій подростокъ выскочилъ изъ хаты, за нимъ старый Борохъ... только Борохъ не выскочилъ, упалъ назадъ въ хату съ разбитою головою къ ногамъ Рохли, а въ дверяхъ показался казакъ, сабля на голо, шапка на правомъ ухѣ, усы кверху. Рохля упала на колѣни, схватила на руки маленькую дочку и стала просить, и плакать: «убей, говоришь, меня, а не бей дочки, я все расскажу, гдѣ есть и золото и серебро и все расскажу». Выслушала казакъ, гдѣ золото, набилъ полные карманы золотомъ, взялъ на руки Жидовочку, а Рохлю такъ задѣлъ, выходя, саблею, что она тутъ и растянулась.

— На что жъ казаку маленькая Жидовочка?

— У полковника между охотими казаками было челоуѣкъ пять Запорожцевъ: дорогою пристали до компаніи, а Запорожцамъ за дѣтей хорошо платятъ осѣдлые, что живутъ на зимовникахъ; вотъ Запорожецъ и взялъ дитя и продалъ его за деньги, и слово лыцарское сдержалъ, не убилъ дитяти; ему же лучше.

— Лучше! Ну?..

— Вотъ казаки разграбили мѣстечко, потѣшились и вернулись домой, и давай гулять на чужія деньги; а сколько парчей навезли, а сколько бархату, а сукопъ... а позументовъ!..

— Молодцы! ей-Богу, молодцы!.. И все тутъ? и конецъ?

— Конецъ-то конецъ, да еще есть маленькій хвостикъ.

— Говори и хвостикъ. Что тамъ за хвостикъ? У хорошаго барана хвостъ лучше другой цѣлой овцы. Недалеко, въ Молдавіи, по пуду хвосты вѣсятъ, да какіе жирные... даже мнѣ ѣсть захотѣлось, какъ вспомнилъ... Говори, говори!

— Казаки увѣхали, а Рохлю не взялъ нечистый: полежала до свѣта, а свѣтомъ и очунала, ожила.

— Ожила?

— Ожила; онъ вѣдь словно кошки— умреть, совсѣмъ умреть; перетяни на другое мѣсто—оживаетъ!.. Такая натура. Собрались Жиды, которые уцѣлѣли, поплакали надъ пожарищемъ, да и стали попрекать Рохлю: «Ты» говорятъ: «продала казакамъ дѣтей; сынъ поѣхалъ съ ними: старый Юська изъ-подъ моста видѣлъ, и одѣтъ, говорятъ, въ казакское платье, а дочь увезъ казакъ на лошади: это не

«одниъ Юська видѣлъ; да и домъ твой не сожгли казаки, да и самую тебя не убили». Пошла Рохля къ Хосету, словно помѣшанная, и воетъ, и плачетъ, и шатается, а Хосеть уцѣлѣлъ гдѣ-то между бревнами; долго говорила съ нимъ, да къ вечеру и пропала.

— А-га! Околѣла?

— Нѣтъ, безъ вѣсти пропала, изъ мѣстечка пропала, исчезла, будто ее кто языкомъ съ земли слизалъ. Скоро послѣ этого появилась за Днѣпромъ ворожея, знахарка, очень-похожая на Рохлю, и стала шептать православнымъ людямъ, и лечитъ православныхъ, и кому ни пошепчетъ, кого ни напоитъ зельями—всѣ умираютъ, никто не выскочетъ, лоскомъ ложатся, словно тараканы отъ мороза въ московской избѣ. И много уже лѣтъ ходитъ она, изводитъ честной народъ, приходитъ ночью на каждую свѣжую могилу и хохочетъ, оканная, и веселыя пѣсни поетъ.

— Ухъ! сила крестная съ нами! Что жъ ее не изведутъ-то?

— Попробуй, пане. Гдѣ видано спорить съ нечистою силою!.. А вотъ сынъ ея прикинулся христіаниномъ, зажилъ межъ казаками, какъ нашъ Герцикъ.

— Не мѣшай Герцика! Я тебѣ разъ сказалъ, не говори худо о Герцикѣ; я знаю, всѣ не любятъ Герцика, отъ-того, что онъ мнѣ вѣрно служитъ, что я ему и отецъ, и мать, и родина, а другимъ не правится; другіе рады продать полковника за люльку тютюну (трубка! табаку), за чарку водки, — вотъ что я разъ сказалъ и не отступлюсь отъ слова, пускай на меня грянетъ громъ, и сто тысячъ боченковъ чертей расщипаютъ мою душу, какъ баба съ курицы перья, если отступлюсь... Я сказалъ и будетъ такъ! Мое слово крѣпко...

Полковникъ записалъ послѣднюю фразу чаркою настойки и быстро началъ ходить по комнатѣ. Гадюка замолчалъ, стоя у порога и угрюмо смотрѣлъ изъ-подлобья на полковника.

— Ну, что жъ? говорилъ полковникъ, садясь на кровать.

— Было изъ-за чего ссориться, сказалъ Гадюка.

— Я не сердился, я только сказалъ, что я человекъ характерный, и все тутъ.

— И безъ того всѣ это знаютъ.

— И хорошо дѣлаютъ. Ну, что жъ?

— Ничего. Моя былъ хотъ и кончена. Извѣстно, можетъ и выдумка, а можетъ и правды зерно есть...

— Разумется, сказка! Гдѣ же сынъ?

— Живетъ между казаками, морочитъ добрыхъ людей; это еще бы ничего, а то говорятъ...

Но сказка Гадюка не кончилась: дверь въ свѣтлицу съ шумомъ распахнулась, и часовой казакъ грянулся на полъ, ставъ на четверень-

какъ передъ кроватью полковника; за нимъ въ дверяхъ стоялъ вооруженный съдой Запорожець.

— Вотъ тебѣ, дурень, на орѣхи! говорилъ Запорожець, поглядывая на часоваго, который карабкался по полу, сился встать. — Выдумалъ, дурень, не пускать Запорожца къ пану полковнику. Здравь, пане!

— А ты какъ смѣлъ входить, когда не приказано?

— А какъ смѣешь ходить втеръ по полю? не бойсь, спрашивается у гетмана?.. А Запорожець родной братъ вѣтру; я и къ кошевому хожу, коли дѣло есть, не спрашиваясь, я не баба, не приѣду болтать о сосѣдкахъ. Дѣло есть, нужное дѣло, — вотъ и все.

— Посмотримъ, какое тамъ дѣло! Посмотримъ, Гадюка...

— Два дѣла есть у меня, сказалъ Касьянь. — Первое: вели скорѣе запирать ворота, вооружай людей—Татаре идутъ...

— Гдѣ они тамъ у дьявола?

— До-сихъ-поръ чай уже грабятъ твой полкъ. Вчера ночью они должны перебраться черезъ Днѣпръ.

— Не велика важность? сказалъ полковникъ, вопросительно посмотрѣвъ на Гадюку:—не видали мы этой дряни...

— Хорошо сказано, отвѣчалъ Касьянь:—такъ зачѣмъ же ты просилъ помощи у запорожскаго товариства и зачѣмъ я, дуракъ, скакалъ сюда почитай отъ самой Съчи, на перемѣнныхъ коняхъ, по приказу кошеваго Зборовскаго?

— А ты чего тутъ стоишь? закричалъ полковникъ на часоваго: — ворона! Ступай на дворъ и вели трубить тревогу.

Казакъ вышелъ.

— Ну, коли ты отъ Зборовскаго и знаешь наши нужды, то спасибо тебѣ за вѣсть, хотя она и не очень-приятная. Да не оставляй насъ, погости; въ оборонѣ города одинъ, говорятъ, Запорожець въ дѣлѣ стоить десяти простыхъ человѣкъ.

— Дѣло извѣстное! отвѣчалъ Касьянь. — Теперь другое: кланяется тебѣ твоя дочь.

— Дочь? а она жива?

— Жива и здорова, и...

— Ну, пойдѣ сюда, обними меня, братику! Слава Богу, что жива она; а о ея бабскихъ дѣлахъ расскажешь послѣ: теперь надобно Лубны спасать; слышишь, трубятъ тревогу!..

— Это по-нашему, по-запорожски, лыцарскія рвчи, пане полковникъ!

— А ты какъ думалъ, брате?.. самодовольно отвѣчалъ полковникъ: —и у насъ души запорожскія!..

И они вышли на широкій дворъ, гдѣ на возвышеніи стоялъ трубачъ и трубилъ тревогу; народъ стекался отовсюду на дворъ.

Часто въ Малороссіи, проѣзжая степи весною, вы услышите прои-

звѣтный, отчаянный вопль: *Татары йдутъ!* осмотритесь и никого не увидите, кромѣ двухъ-трехъ мальчиковъ, пасущихъ скотъ, вовсе не похожихъ на Татаръ; но въ этомъ воплѣ такъ много грусти, отчаянія, безнадежности, что онъ вѣрно надолго останется у васъ въ памяти. Это послѣдніе отголоски тяжкихъ, страшныхъ воплей, оглашавшихъ некогда села Малороссіи; это крикъ, переданный отъ дѣда внуку, отъ отца или матери сыну; это вопль, потерявшій уже все свое значеніе, перешедшій въ игру, въ детскую забаву, но сохранившій въ своей музыкальной сторонѣ еще много правды; сердце не етъ, замираетъ, слушая его: это новая, краснорѣчивая строка изъ исторіи бѣдной стороны... Хотите знать, для чего кричатъ мальчики: «Татары йдутъ?»

Всѣмъ извѣстно, что муравей насѣкомое общежительное и трудолюбивое,—объ этомъ даже когда-то было напечатано въ новѣйшихъ россійскихъ прописяхъ; извѣстно также, что многіе, узнавъ изъ новѣйшихъ россійскихъ прописей о трудолюбіи муравья, остались этимъ очень довольны и даже при случаѣ говорятъ своимъ дѣтямъ: «будь трудолюбивъ какъ муравей и тебѣ дадутъ бонбошку, а со-временемъ сдѣлаешься значительнымъ человекомъ», — а весьма немногіе старались наблюдать жизнь этого умнаго насѣкомаго, хотя она, право, занимательнѣе, разнообразнѣе, поучительнѣе жизни весьма многихъ... какъ бы выразиться понѣжнѣе?... многихъ... очень-вкусно объдающихся и просиживающихъ ночи за преферансомъ... Но не пугайтесь, я не стану читать вамъ лекціи инсектологин: мнѣ бы только очень хотѣлось, чтобъ вы въ тихое прекрасное весеннее утро посмотрѣли на муравейникъ, когда это маленькое царство покроется бѣлыми личинками (подушками, какъ говорятъ въ Малороссіи). Муравьи инстинктивно чувствуютъ необходимость держать свои личинки, надежду на будущія силы муравейника, въ сухости,—и вотъ бережно выносятъ они изъ своихъ темныхъ подземныхъ корридоровъ бѣленькія подушечки, раскладываютъ ихъ рядами противъ солнца и удаляются на работы, оставя возлѣ каждой подушечки двухъ часовыхъ, которые тихо сидятъ будто не живые, сторожа свое сокровище; малѣйшій шумъ, легкая тѣнь отъ перелетнаго облачка—и они тревожно хватаются за личинки. Деревенскіе мальчики знаютъ эту заботливость муравьевъ, и, пася скотъ иногда цѣлый день, отъ скуки перебѣгаютъ отъ муравейника къ другому и пугаютъ *комашекъ*; для этого они подбѣгаютъ къ муравейнику, наклоняются надъ нимъ и громко въ одинъ голосъ кричатъ:

Комашки, комашки,
Ховайте подушки,
Татары йдутъ!..

(Муравьи, прячьте личинки, Татары идутъ).

Первые два стиха говорятъ какимъ-то бѣглымъ речитативомъ, а третій поютъ громко, пронзительно. И, Боже мой! какая суматоха подымается въ муравейникъ отъ этого крика; въ секунду все черное покольніе высыпаетъ наружу, караульные схватываютъ личинки, шумъ, бѣготня—и личинокъ будто не бывало: только муравьи бросаются изъ конца въ конецъ муравейника, какъ-бы стараясь узнать причину суматохи, другіе таскаютъ соломенки и этими бревнами заваливаютъ входы въ свои подземелья...

Вотъ причина крика «Татары йдутъ!», если вы когда-нибудь его услышите теперь на степяхъ Малороссіи.

А въ старину такое явленіе представляло почти каждое село отъ зловѣщаго крика *Татары йдутъ*, и Лубны очень были похожи на перепуганный муравейникъ. Вѣсть о близкомъ набѣгѣ Татаръ быстро разнеслась по городу: кто чистилъ оружіе, кто дѣлалъ патроны, кто натачивалъ саблю, кто сносилъ добро въ церковь. А въ церквахъ священники въ полномъ облаченіи служили молебны; толпы женщинъ, упавъ на колѣни на церковный помостъ, громко молились и плакали; порою заходилъ туда казакъ, клалъ земной поклонъ, ставилъ свѣчку передъ образомъ Спасителя и поспѣшно выходилъ заниматься своими работами; гонцы скакали въ окрестныя села; изъ селъ шли толпы народа защищать и прятаться въ крѣпость, шли женщины, неся на рукахъ грудныхъ дѣтей; гнали скотъ; громко шумѣлъ народъ, бабы кричали, дѣти плакали, скотъ уныло ревелъ, бессмысленно посматривая на незнакомые улицы и дома. На Касьяна смотрѣлъ народъ съ какимъ-то уваженіемъ, какъ на Запорожца, да еще бывшаго вчера въ схваткѣ съ Крымцами. Полковникъ на конѣ безпрестанно скакалъ по улицамъ; за нимъ Герцигъ и Касьянъ; на валу зарядили пушки; поставили сторожевыхъ; гармаши (пушкарі) сидѣли на лафетахъ; къ воротамъ навезли бревенъ и камней, чтобъ на ночь завалить ихъ; на валу въ особенныхъ земляныхъ печкахъ поставили котлы, наполнили ихъ смолою и постнымъ масломъ, подложили подъ нихъ дровъ и сухаго тростника, чтобъ въ случаѣ нужды мигомъ вспиктитъ ихъ и обдавать съ валу Крымцевъ. Къ вечеру все было готово; завалили ворота крѣпости, разложили на валу сторожевые огни, и полковникъ, измученный дневными трудами, пошелъ на минуту отдохнуть, приказавъ Герцику не спать до полуночи, а съ полуночи разбудить себя. Герцикъ увелъ Касьяна въ свою комнату, хотъ сырую, мрачную, и съ желѣзными рѣшетками, но ярко освѣщенную огнемъ, пылавшимъ въ печкѣ: тамъ жарилась баранина и въ кувшинѣ варилась вкусная варенуха. Пріятно было старому Касьяну отдохнуть и понѣжиться, и покушать, и подкрѣпить силы варенухой послѣ тяжелой ѣзды, добровольнаго поста, двухъ бессонныхъ ночей и двухъ дней, проведенныхъ въ тревогѣ. Касьянъ хотъ былъ Запоро-

жесть и дѣтъ двадцать-тридцать назадъ проплясалъ бы еще и эту ночь, однако дѣта взяли свое: послѣ куска жирной баранины и нѣсколькихъ чарокъ теплой варенухи, на него нашла лѣнь, истома, рука въ плечь заболѣла, ноги стали будто не свои, глаза поминутно слипались, и наконецъ онъ, склонясь на лавку, захрапѣлъ молодецкииъ сномъ.

VIII.

«Бачъ чортяка! бачъ падиюка,
 «Якъ умудровася!
 «Се вже бачъ нѣмецка штука!
 Твардовскій озався.

Гулакъ-Артемовскій.

Зажурылася Хмельницкаго сидя голова,
 Що при йому ни сотныкивъ, ни полковны-
 кивъ нема.

Чась прыходять умираты,
 Никому перады даты.

Народн. малоросс. дума.

Разсвѣтало. Проснулся Касьянъ, потянулся, зѣвнулъ и, посмотря на окно, проворчалъ: «Старъ сталъ Касьянъ! незамѣтно проспалъ до утра.» Въ разбитое окно, черезъ рѣшетку, ввѣло утреннею свѣжестью; гдѣ-то недалеко слышенъ былъ шорохъ, будто отъ ходящаго челоуька. Касьянъ подошелъ къ окну; за окномъ узкій дворикъ, огороженный высокой стѣной; никого не было; только воробей, сидя на вѣткѣ какого-то сухаго кустика, надувался, ерошилъ свои перья и встряхивался. За дверью опять послышались шаги; Касьянъ бѣгло взглянулъ по комнатѣ—нѣтъ его оружія; подошелъ къ двери—дверь заперта. Протяжно свиснулъ онъ и отошелъ.

— Штука! ворчалъ Касьянъ, ходя по небольшой комнаткѣ:—нѣмецкая штука! Хитро, чтобъ ему первую галушкой подавиться! Да и не хорошо какъ! не приведи Господи, не хорошо! Гдѣ это видано: звать гостя, упонть, обобратъ оружіе, да и запереть въ клѣтку?.. Не хорошо! Чтѣ, я имъ дроздъ какой, чтѣ ли? перепелъ? Зачѣмъ меня держать въ клѣткѣ?.. Дурень я, не догадался вчера, когда пришелъ въ эту гадкую тюрьму, разбить-было нѣмецкому казаку голову, приговаривая: «не води угощать въ тюрьму вольнаго Запорожца!» Такъ нѣтъ, поддался, старый дуракъ! Самъ вошелъ, съдой баранъ, въ загорожу. Не даромъ этотъ перевертень (*) такъ подбивался, подъ-

(*) Слово, выражающее въ Малороссіи идею *ревертата*.

взжалъ ко мнѣ, словно парубокъ къ смазливой дѣвкѣ, и о Чайковскомъ разспрашивалъ, и о Маринѣ, и пилъ ихъ здоровье, будто она ему родня какая!.. Не догадался, просто не догадался! Чтѣ я ему за пріятель? Правду говорятъ: коли человекъ больно тебя ни съ того ни съ сего ласкаетъ, берегись: или онъ обманулъ, или обманутъ хочеть...

За дверью опять послышались шаги. Касьянъ подошелъ къ двери и сильно ее дернулъ — нѣтъ отвѣта; только снаружи загремѣлъ, застучалъ тяжелый замокъ.

—Эй, ты! слушай, ты! окликнись! Коли ходишь, такъ и говорить умѣешь. Кто тамъ?

Молчаніе.

— Ну, чтѣ жь ты не отвѣчаешь? продолжалъ Касьянъ: — языка нѣтъ? Вѣрно не человекъ ходитъ; это корова ходитъ.

— Врешь, не корова, а казакъ, отвѣчалъ за дверью голосъ, обиженный неприличнымъ сравненіемъ.

— Въ-силу-то отозвался! Скажи мнѣ на-милость, чтѣ за комедію со мною играютъ? Зачѣмъ меня заперли сюда? Вѣрно боялись, чтобъ я, въ хмѣлю, не разорилъ вашего города? а?

Молчаніе.

— Да чтѣ же ты не говоришь? Отозвался-было какъ человекъ — и замолчалъ, словно рыба!

Молчаніе.

Касьянъ махнулъ рукою и началъ ходить по комнатѣ; подошелъ къ окну: воробей весело прыгалъ по сухимъ вѣточкамъ чахлаго куста и, поворачивая кверху головку, отрывисто перекликался съ товарищемъ, который отзывался гдѣ-то на кровлѣ. Касьянъ плюнулъ — воробей улетѣлъ; опять все стало тихо.

— Жидовская птица! сказалъ Касьянъ, отходя къ своей постели, съелъ и задумался.

Богъ знаетъ, чтѣ думалъ Касьянъ; но вѣрно неочень-веселое, потому-что, мурныкая-себѣ вполголоса, мало-по-малу перешелъ въ пѣсню и запѣлъ извѣстную въ Малороссіи трогательную думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова:

Изъ города изъ Азова не великіе туманы подымались;
Три казака рѣдныхъ брата изъ тяжелой неволи убирались.
Двое конныхъ, третій пѣшій вслѣдъ за братьями сѣшнитъ;
По кореньямъ, по каменьямъ меньшій братъ босой бѣжитъ;
Ноги бѣлыя о камни посѣкаетъ,
Кровью теплою слѣдочки заликаетъ,
Конныхъ братьевъ догоняетъ

И словами промовляетъ:

• Ставьте, братцы, быстрыхъ коней попасите

• И меня, меньшого брата, обождите....

• • • • •

Съ первыхъ стиховъ замѣтилъ Касьянъ, что невидимый голосъ за дверью подтягиваетъ ему; Касьянъ запѣлъ громче, началъ выводить голосомъ трудные переходы — голосъ вторилъ ему вѣрно. Касьянъ не выдержалъ и, не кончивъ пѣсни, закричалъ: «Славно, братъ! ей-Богу, славно! И голосъ у тебя хорошій... Ты до конца знаешь эту пѣсню?»

Голосъ умолкъ.

— Странный человѣкъ! продолжалъ Касьянъ: — поетъ хорошо, а говорить не хочетъ.

— Говорить не хочетъ! сказалъ самъ себѣ казакъ вполголоса: радъ бы говорить, да когда не вѣдно!

— А! вотъ что! Говорить не вѣдно; такъ пѣть вѣрно можно, коли поешь. Ну, пой мнѣ, я начну.

И Касьянъ запѣлъ:

Ой на горѣ яворъ, яворъ зелененькій...
Скажи ты мнѣ всю правду, казакъ молодецкій:
За что меня невиннаго въ тюрьму посадили?
Желѣзнымъ запоромъ тюрьму затворили?..

— Ну, что жъ ты не поешь? сказалъ Касьянъ.

Видно, часовому понравился разговоръ въ новомъ вкусѣ: за дверью послышался тихій смѣхъ, прерываемый словами: «сказано Запорожець! вотъ притча!»; потомъ смѣхъ немного успокоился, и часовой запѣлъ на тотъ же голосъ:

За что тебя посадили, я того не знаю;
Я такъ-себѣ человѣкъ, моя хата съ краю.

Касьянъ.

Да какому жъ я обязанъ собакину сыну,
Что не въ полѣ, а въ тюрьмѣ, можетъ-быть, загину?

Казакъ.

Ой, спитъ казакъ подъ горою; сабля съ боку
И мушкетъ, и конь пасется недалеко.
Пришли люди темной ночью полеговьку,
Обобрали казаченька потихоньку:
Такъ панъ велѣлъ, старшой велѣлъ, говорили,
И казаченька въ темницу затворили;
А темницу замкомъ заперъ панскій чѹра (*):
На немъ платье казацкое, а натура...
А натура не казачья, не...

— А въ солому!.. Вишь какъ воеетъ! закричалъ за дверьми строгій голосъ.— Что ты на улицу вышелъ?.. на вечерницахъ?

(*) Любимецъ, оруженосецъ.

— Мнѣ говорить запрещали, а пѣть не запрещали, такъ я и пою со скуки...

— Молчи! *Пѣть не запрещали!*.. Разговорился, я тебя проучу... Онъ спитъ?.. не слышно?

— Нѣтъ, не спитъ, уже и пѣлъ пѣсни.

— То-то, ты своими криками, да воемъ хоть мертваго разбудишь... Не далъ гостю успокоиться...

Послѣ этого загремѣли замки, закрипѣла дверь, и послышались шаги подъ окномъ Касьяна; скоро онъ увидѣлъ между рѣшеткою лицо Герцика.

— Здравствуй, дядюшка! здравствуй, старикъ! говорилъ Герцикъ улыбаясь...

Касьянъ молчалъ.

— Не сердись, храбрый Запорожецъ, не сердись, лыцарь; не моя вина; видитъ Богъ какъ я люблю тебя; уже за одно то люблю, что ты далъ пристанище моему бѣдному другу Алексью! Что-то онъ теперь дѣлаеть...

— Чего тебѣ хочется? Отвяжись отъ меня! грубо сказалъ Касьянъ.

— Чего мнѣ хочется? Ай, Боже жь мой! Ничего мнѣ не хочется; я всѣмъ доволенъ, по милости полковника, — славный человекъ полковникъ, только хитрый, подозрительный... Цѣлый день вчера все отведеть меня въ сторону да и говорить: «Боюсь я, Герцикъ, этого Запорожца; кто знаетъ, можетъ онъ подосланъ Крымцами, да имъ и ворота отпереть». — «Богъ съ вами, пане мой» говорилъ я: «такой ли это человекъ, да онъ и вашу дочку приберегъ у себя; да онъ и смотреть не такъ». — «Нѣтъ» говоритъ полковникъ: «мнѣ не вѣрится, чтобъ и моя дочка была жива». И все такое неподобное, даже хотѣлъ пытатъ тебя...

— Меня? громко сказалъ Касьянъ. — Пытатъ Запорожца?

— То-то и есть; а дѣлать нечего: сила солону ломить!.. Въ-силу я уприсялъ, чтобъ тебя посадили въ тюрьму.

— Вотъ за это спасибо! Видно, что добрый человекъ.

— Именно добрый. Не пугайся, Касьянъ, тебѣ будетъ хорошо: ты будешь и сытъ и пьянъ; а когда прогонимъ Татаръ и полковникъ увидитъ, что ты правъ, что у тебя нѣтъ съ ними ничего, вотъ мы и повдемъ всѣ къ тебѣ на зимовникъ. Полковникъ простилъ дочку; она прїѣдетъ сюда съ мужемъ, и пойдутъ пиры да веселье! Ой, ой, ой! что за пиры будутъ!.. Не скучай, Касьянъ! Не сердись на меня, я тебѣ добра желаю; да какъ выпустятъ, не говори полковнику, что я былъ у тебя: онъ очень-подозрительный человекъ, и мнѣ худо будетъ! Прощай, Касьянъ!.. Не сердись на меня, не скучай, и вѣсть и пить принесутъ тебѣ вволю, отдыхай послѣ дороги.

— А моя сабля гдѣ?..

— Сабля у полковника, виситъ на стѣнкѣ подъ образами; въ почётъ твоя сабля, добрая сабля! Нельзя ли мнѣ пошлать твою саблю со Татарами?.. Съ лыцарскою саблею и самъ станешь словно лыцарь.

— И не думай!.. закричалъ Касьянъ: — до-сихъ-поръ вѣрно служила моя сабля, крестила головы невѣрныхъ, не выкрошивалась, не притуплялась; до-сихъ-поръ чужая рука не трогала ея — и не тронетъ; умру—завѣщаю положить ея въ гробъ со мною... Ты, можешь-быть, и добрый человѣкъ; Богъ тебя знаетъ, что у тебя на умѣ, да не трогай моей сабли, не обижай старика, да еще заключеннаго, не ссорься со мною.

— Сохрани меня Боже, Боже меня сохрани! говорилъ уходя Герцкъ.—Прощай, дядюшка, не сердись; я полковнику передамъ твою волю; добрый казакъ любить саблю какъ жену, больше жены, сто разъ больше, тысячу разъ... сто тысячъ...

А между-тѣмъ, при первыхъ лучахъ солнца, сторожевые казаки съ крѣпостнаго вала примѣтили вдали большіе клубы пыли, и вскорѣ показали на степи легкіе отряды Татаръ. Вооруженные казаки высыпали на валъ; гармаши (пушкари) стали у пушекъ; известные опытные стрѣлки, зарядивъ гаковницы (длинные крѣпостныя ружья), навели ихъ въ поле и, припавъ за щитками, выжидали непрітеля; Татары наѣзничали, гарцовали, подскакивали къ крѣпости, взвѣдка пуская стрѣлы, которыя, не долетая къ цѣли, вонзались въ землю. Казаки не стрѣляли. Нѣсколько разъ казаки просились у полковника изъ крѣпости погулять за валомъ и перевѣдаться съ Татарами; но полковникъ угрюмо отвѣчалъ имъ: «не пора!» или «не спѣшайте прежде отца въ пекло (адъ)»—и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на сѣверъ. Еще вчера, сейчасъ по пріѣздѣ Касьяна, полковникъ Иванъ послалъ гонца къ полковнику прилуцкому просить помощи и приказъ пирятинской сотнѣ немедля явиться подъ Лубны: гонецъ не явился, помощи не было, Пирятинцы не шли. Татарскіе наѣзники стали смѣлѣе, начали ближе подѣзжать къ валу; но грянула съ крѣпости гаковница, другая, третья, и они разсѣялись, оставя на мѣстѣ двухъ человѣкъ, да коня: одинъ лежалъ ничкомъ, будто спалъ; другой, лежа къ верху лицомъ, махалъ руками почти до полудня, словно вѣтреная мельница, а раненый конь все силился подняться, становился на переднія ноги и, сидя на заднихъ, какъ собака, судорожно вытягивалъ длинную шею, глядя на крѣпость, такъ-что странно было смотрѣть на него; потомъ, шатаясь, падалъ и опять становился на переднія ноги... Насталъ полдень тихій, знойный. Татары, выхавъ изъ выстрѣла крѣпостныхъ орудій, стояли густыми толпами; надъ чистымъ полемъ плавалъ въ небѣ большой коршунъ; распустивъ широкія крылья, вытянувъ ноги, вооруженный острыми

когтями, медленно спускался онъ на трупы, и торопливо откидываясь въ сторону, будто нехотя подымался кверху, когда ранены Татарины быстро махалъ руками. Пополно трюшкомъ бѣжала какая-то пестрая собака, опустивъ хвостъ, повѣся голову и длинный высунутый языкъ; усталая, остановилась она передъ трупами, кругомъ понюхала поле, завыла, и, поджавъ хвостъ, бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ. Полковникъ, отирая потные глаза, посматривалъ и съверь—на съверь никого не было. Только чистая степь, раскаленная полуденнымъ солнцемъ, да по степи, словно бѣгущія стада бѣлыхъ овецъ, мелькалъ порою жаркій паръ на далекомъ горизонтѣ..

Герцикъ совѣтовалъ полковнику сдѣлать вылазку; полковникъ и соглашался, ожидая скорой помощи:

— На что вамъ, къ-чему вамъ помощь, когда вы сами великій лыцарь? говорилъ Герцикъ: — прійдетъ помощь, вы разобьете Татаръ и всѣ скажутъ: не самъ разбилъ полковникъ Иванъ, люди помогли; еще, пожалуй, запоютъ пѣсню, бабскую пѣсню:

Ой не сама пряла,
Кума помогала;
Дала кумѣ миску пшена
И два куска сала...

Бабская пѣсня, а запоютъ ее на вашъ счетъ! и вамъ будетъ совѣстно, и придаться будетъ не за что.

— А хотѣлъ бы я послушать, кто запоетъ?

— Языкъ безъ костей! любая баба запоетъ — что вы ей скажете? Эту пѣсню давно поютъ, не стать вамъ, пане, запрещать ее! Запретите, еще хуже, неподобное скажутъ про васъ, про храбраго лыцаря, и въ Прилукахъ, и въ Миргородѣ будутъ пѣть пѣсню, коли и вашемъ полку побоятся... Я васъ люблю, пане мой, очень люблю. вотъ откуда берутся слова мои...

— Знаю, друже мой, знаю, братику Герцикъ, спасибо тебѣ; дастъ Богъ утихнеть жаръ, я съ ними перевѣдаюсь, я докажу, что самъ побью эту погань, безъ прилуцкихъ дегтярей... хоть осторожность не мѣшаетъ... А что Запорожець?..

— Сидитъ подъ карауломъ...

— И слава Богу! Ты надоумилъ меня припрятать эту старую лисвицу. Спасибо, брате; мнѣ и въ голову не пришло сначала, что эшпигъ (лазутчикъ) отъ Татаръ; надѣлали бы кисло во рту, если оставили его на волѣ...

— Известно!.. Вы сами, пане, прежде объ этомъ думали, да хотѣли обижать лыцаря; вы сейчасъ и приказали, что думали...

— Экая голова у тебя, Герцикъ! сказалъ самодовольный полковникъ:—мысли мои даже знаетъ...

— Я дрянъ противъ васъ, пане мой, а Господь умудряетъ словъ

довъ... И какую исторію выдумалъ этотъ старикъ, будто покойница Марина, царство ей небесное, воскресла.

— Чудно и мнѣ показалось это, да долгъ лыцарскій не велѣлъ спрашивать о бабѣ... А что, если она жива?

— О, Боже жъ мой! развѣ, пане, мертвые воскресаютъ? Самъ видѣлъ, какъ она взшла на подмости, самъ видѣлъ... да я уже говорю вамъ... въ-силу ушелъ изъ Свчи, и меня нагнали бѣ, еслибъ наши: такъ разлютовались эти невѣры!

— Не говори такъ, Герцикъ, грустно сказалъ полковникъ: — они христіанскіе лыцари, а хитры бываютъ и люты, словно волки... Не думалъ я пережить моей Марины, не сдержалъ слова покойницѣ жень...

— Что съ воза упало, то пропало, пане мой. Что жъ, еслибъ и осталась въ живыхъ Марина?

— Видитъ Богъ, я бы отдалъ ее за Алексѣя... Я и тогда хотѣлъ это сдѣлать... да... Богъ его знаетъ... какъ... Ну, да что говорить объ этомъ!.. Выспрашивалъ ты Запорожца вчера о моей дочкѣ?..

— Цѣлый вечеръ... да вретъ небылицы, старая лиса! Такъ, говорить, пришли, да и живуць у меня — видимо путается въ рѣчахъ; онъ, живя на зимовникѣ, вѣрно не зналъ того, что вы знаете изъ письма кошеваго и моихъ словъ... а выдумалъ сказку, для большаго почету: думалъ, что вы баба, — отъ-того, что они всѣхъ насъ гетьманцевъ считаютъ бабами — и расплатесь при вѣсточкѣ о дочкѣ и дайте ему волю дѣлать что захочетъ для Крымцевъ. Вѣрно получилъ отъ хана не одинъ дукать...

— Такъ, такъ! Пстой, собака! управляюсь я съ Татарами, я научу его какъ шутить съ полковникомъ Иваномъ. Что жъ онъ теперь? Ты его видѣлъ сегодня?

— Видѣлъ. Сильно загрустилъ, бьется объ рѣшотки, даже плачетъ!..

— Пускай плачетъ, пускай плачетъ, отъ злости плачетъ! Цююхалъ пирога, да не удалось попробовать... А не худо бы и намъ перекусить, Герцикъ.

Начало вечеръть. Татары небольшими кучками стали развѣзжать по полю передъ крѣпостью; одна изъ нихъ, побольше, подвѣхала довольно-близко и окружила трупы товарищей; нѣкоторые слѣзли съ коней, казалось, хотѣли поднять и увезти мертвые тѣла. Гармашъ прилегъ къ пушкѣ, приложилъ фитиль, и съ крѣпостнаго вала грянулъ выстрѣлъ: ядро попало прямо въ кучу; какъ живое серебро, разбрызнулись Татары въ стороны, оставя на мѣстѣ еще нѣсколькихъ товарищей и двѣ длинныя пики, воткнутыя въ землю; на пикахъ торчали только-что отрубленные казачьи головы, кровь струи-

лась по длиннымъ дровкамъ; вечерній вѣтерокъ покачивалъ ихъ въ стороны и втялъ черными чубами...

— На коней, хлопцы! сказалъ полковникъ, заскрежетавъ отъ злости зубами:—вотъ я имъ! А гдѣ Гадюка?..

— Готовить ужинъ для пана, отвѣчалъ Герцикъ: — да позвольте я поѣду за вами. На что вамъ Гадюка?.. Ждать долго...

— Пожалуй! Что это у тебя за перышко на шапкѣ?

— Заговоръ (талисманъ) отъ пули и стрѣлы и всякаго оружія, отвѣчалъ Герцикъ, выѣзжая рядомъ съ полковникомъ изъ крѣпостныхъ воротъ.

Быстро понеслись казаки въ-разсыпную на Крымцевъ, и въ-минуту по всему полю завязалась жаркая схватка. Человѣкъ десять Татаръ скакали прямо на полковника. Полковникъ съ Герцикомъ скакалъ на ихъ. Шагахъ въ двадцати отъ Крымцевъ, полковникъ выхватилъ изъ кобуры пистолеть, спустилъ курокъ—вспышка; другой пистолеть тоже не выстрѣлилъ; бросая и этотъ на землю, полковникъ поднялъ руку, вооруженную тяжелою кривою саблею, сверкашею въ воздухѣ, какъ свѣтлый рогъ молодого мѣсяца, но въ ту минуту двѣ стрѣлы впились ему въ грудь; полковникъ зашатался на сѣдлѣ, опустилъ поднятую саблю, а Татары, схватя за поводья его лошадь и лошадь Герцика, поскакали въ степь. Казаки бросились выручать своего начальника; но ихъ было мало,—а Крымцы прибавлялись съ каждою минутою, били казаковъ и тѣснили къ крѣпости. Вдругъ страшный вопль огласилъ поле: изъ крѣпости скакалъ чудный воинъ, на неосѣдланной и невзнузданной дикой лошади; быстро летѣлъ онъ, схватя ее за гриву и поворачивая жилистою рукою во всѣ стороны, словно поводами; голова безъ шапки не стриженная, не бритая, нечесаная, ноги обнажены до коленъ, руки до локтей, въ правой рукѣ поднять тяжелый топоръ.

— Гдѣ вы дѣли, собаки, моего пана?.. страшно кричалъ онъ, ринувшись въ толпу Татаръ... — Пане мой, пане мой! здѣсь я, здѣсь Гадюка!.. кричалъ онъ, быстро опуская направо и налево тяжелый топоръ, отъ котораго, какъ снопы отъ бури, валились Татары. Отбивъ раненаго полковника, Гадюка перебросилъ его поперекъ коня и помчался въ крѣпость; но вслѣдъ за нимъ поскакали и Герцикъ и казаки, тѣснимые со всѣхъ сторонъ множествомъ Крымцевъ. Уже были они у крѣпостныхъ воротъ, неся на плечахъ своихъ непріятеля, какъ съ гикомъ ударила въ бокъ пирятинская сотня; Крымцы испугались засады, сробѣли свѣжаго войска, и, преслѣдуемые въ свою очередь казаками, ускакали въ степь, присоединяясь къ своимъ обозамъ. Пирятинцы, распустивъ сотенные значки, вошли въ крѣпость, привѣтствуемые народомъ. Въмѣсто раненаго полковника, принялъ надъ крѣпостью начальство пирятинскій сотникъ.

Настала ночь. На далекой степи словно звёздочки засвѣтились строжевые огоньки Татарь; на крѣпостномъ валу казаки удвоили стражу.

Въ своей опочивальнѣ, на широкой кровати, покрытой до полу азиатскимъ ковромъ, лежалъ полковникъ Иванъ, сильно страдая отъ ранъ; казакъ знахарь (лекаръ) осмотрѣлъ раны, перевязалъ ихъ и покачалъ головою.

— Что? спросилъ слабымъ голосомъ полковникъ.

— Ничего, пане полковникъ! отвѣчалъ знахарь.

— Нѣтъ надежды?.. а?..

— Богу все возможно...

— Оставь это... я не баба... А по твоему какъ?.. что?..

— По моему плохо...

Полковникъ покачалъ головою и тихо спросилъ:—А Гадюка гдѣ?..

— Лежитъ раненый, отвѣчалъ Герцикъ.

— Худо!.. Останься со мною, Герцикъ; а вы всѣ...

Тутъ полковникъ махнулъ рукою — всѣ вышли. Герцикъ заперъ дверь и подошелъ къ полковнику.

— Слушай, Герцикъ, говорилъ полковникъ: — разспроси этого Запорожца о моей Маринѣ... мнѣ... Мнѣ все кажется, что жива она... Казаки не поймутъ меня, подумаютъ я безъ характера... а ты любишь меня, слушай: если это правда... если она... И полковникъ началъ шопотомъ говорить Герцику. Наклонясь надъ полковникомъ, Герцикъ долго слушалъ, вперивъ свои быстрыя очи на умирающаго, и страшно улыбнулся; когда умолкъ полковникъ, онъ съ дикою радостію прошелся по комнатѣ, подошелъ къ кровати, наклонился къ лицу полковника, внимательно прислушивался и сказалъ: «Хорошо, пане, вамъ непріятенъ свѣтъ, я васъ поворочу къ стѣнкѣ». Потомъ поворотилъ полковника лицомъ къ стѣнѣ, покрылъ его синимъ походнымъ плащомъ и, отойдя на середину комнаты, кашлянулъ и сказалъ довольно-громко: Теперь хорошо, пане? а?

— Хорошо, отвѣчалъ полковникъ слабымъ шопотомъ.

— Хорошо! хорошо! сказалъ Герцикъ: — теперь я пойду исполню вашу волю, пане мой, слышите?

— Слышу.

Герцикъ вышелъ.

— А что? а что? спрашивали Герцика старшины, бывшіе въ другой комнатѣ.

— Ангельская душа! отвѣчалъ Герцикъ со слезами на глазахъ:— онъ чуетъ свой близкій конецъ, и обо всѣхъ помнить.

— Не-уже-ли?..

— Да; говорить, если я умру, Герцикъ, скажи, чтобъ отдали пиратинскому сотнику моего черкесскаго коня сивку...

— Добрый конь! говорили старшины.

— Мнѣ съ нимъ и не управиться! сказалъ сотникъ.

— А хорунжему Подметкѣ, продолжалъ Герцикъ: — мое старое ружье.

— Знаеть, что я охотникъ; добрая душа!..

— Эсаулу Нелейводу-Присядковскому серебряную чарку.

— Упьюсь изъ этой чарки, сказалъ Нелейвода-Присядковскій: — ей-Богу, упьюсь...

— Эсауламъ Гопаку и Тропаку по парь красныхъ сапоговъ съ серебряными подковами...

— Спасибо, спасибо! говорили Гопакъ и Тропакъ: — спасибо; дай Богъ ему...

— Здоровья?.. лукаво спросилъ Герцикъ. — Что жь вы не кончаете?

— Извѣстно, здоровья! торопливо отвѣчали эсаулы: — мы отъ горя не договорили... Богъ съ ними и съ подарками, лишь бы здоровъ былъ нашъ добрый начальник!..

— Да, да, правда! добрый начальник! хорошій человекъ, дай Богъ ему всего, что мы ему желаемъ, повторили хоромъ остальные. — А тебѣ что, Герцикъ?

— Нока ничего; развѣ что вамъ скажетъ; велѣлъ васъ позвать. А ты, Потапъ, сказалъ Герцикъ, обращаясь къ часовому: — сходи сейчасъ въ тюрьму, узнай о здоровьи Запорожца Касьяна: полковникъ, молъ, велѣлъ; а оттуда забѣги къ священнику, попроси его сюда съ дарами: полковникъ, молъ, просить. Слышишь?

— Слышу, отвѣчалъ казакъ, выходя за двери.

— Христіанская душа! благословенная душа! тихо говорили старшины, входя въ полковничью опочивальню.

— Оно? шопотомъ спросилъ Подметка, указывая глазами и бровями на ружье, висѣвшее надъ кроватью полковника.

Герцикъ утвердительно кивнулъ головою.

Полковникъ лежалъ оборотясь лицомъ къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, когда вошли старшины и стали почтительно у двери.

— Старшины пришли, сказалъ въ-полголоса Герцикъ, наклоняясь къ полковнику.

— Добре! тихо отвѣчалъ полковникъ, и что-то началъ говорить въ-полголоса.

— Полковникъ, уѣзжая на сраженіе сегодня, написалъ свою волю и запечаталъ ее войсковою печатью, а теперь просить на случай чего-нибудь нехорошаго, чего Боже сохрани, говорилъ Герцикъ: — просить всѣхъ старшинъ взять эту волю и исполнить ее на случай смерти пана полковника.

— Ради стараться, отвѣчали въ одинъ голосъ старшины, низко кланаясь.

— Спасибо! шопотомъ отвѣчалъ полковникъ, все еще отворотясь спиною къ своимъ подчиненнымъ.

— Гдѣ же бумага, пане мой любезный? спросилъ Герцикъ.

— За образами... Охъ!..

— Поищите, пане сотникъ, сказалъ Герцикъ.

Сотникъ приблизился къ образамъ, ударилъ земной поклонъ и, перекрестясь, вынулъ изъ-за образа пакетъ, запечатанный полковничью печатью. Герцикъ, взявъ изъ рукъ сотника пакетъ, подошелъ къ полковнику и спросилъ, поднеся бумагу къ самому лицу полковника: это твоя воля, пане?

— Она... охъ... душно!..

— Душно, пане? не открыть ли окна?

— Добре...

Гопакъ и Тропакъ бросились и открыли окно, говоря: уже мы, пане полковникъ, открыли.

— Добре... и полковникъ опять началъ тихо говорить; Герцикъ, наклонясь, слушалъ его со вниманіемъ и потомъ сказалъ старшинамъ: — Полковникъ хочетъ успокоиться и наединѣ помолиться Богу о грѣхахъ. Выйдемъ, паны.

— Какіе у него грѣхи? чистая душа! добрая душа! говорили старшины, выходя изъ комнаты; впереди шелъ, важно неся запечатанный пакетъ, пирятинскій сотникъ, гордясь довѣренностію полковника.

Черезъ четверть часа явился священникъ, вошелъ въ опочивальню и опять возвратился, говоря: молитесь, братіе! онъ умеръ!

— Умеръ?! вскричали старшины.

— Умеръ! сказалъ священникъ: — умеръ нераскаянный! въ грѣхахъ умеръ человекъ! Молитесь...

— Царство ему небесное! крестясь печально говорили всѣ присутствовавшіе. Но, Богъ знаетъ, почему, присмотрясь хорошенько, можно было замѣтить, что на всѣхъ печальныхъ лицахъ, не исключая даже Герцика, мелькала какая-то скрытая радость.

— Добрый былъ панъ! сказалъ Герцикъ.

— Добрый былъ начальникъ, прибавилъ сотникъ.

— Правда, правда, почти радостно подтвердили всѣ.

— А какой-то будетъ новый?.. замѣталъ одинъ эсаулъ.

— Богъ знаетъ; что Богъ дастъ, то и будетъ, говорили старшины.

И на этотъ разъ ихъ лица дѣйствительно омрачило горькое раздумье.

Чудна игра физиономіи человека, невольно подумаешь иногда. Душа словно вода: никогда не бываетъ спокойна — вѣчно мѣняется...

IX.

Пришовъ ни за чимъ, пишовъ ни съ чимъ,
Шкода й пытать, тильки ноги болять.

МАЛОР. НАРОДНАЯ ПОГОВОРКА.

Въ полночь, протяжный звонъ соборнаго колокола извѣстилъ Лубенцевъ о смерти ихъ полковника; другія колокольна отвѣчали этому звону, и скоро весь городъ загремѣлъ колоколами, народъ проснулся и толпами всю ночь до самаго свѣта приходилъ смотрѣть на усопшаго полковника, который лежалъ среди комнаты на длинномъ дубовомъ столѣ, одѣтый въ богатую парчевую одежду; кругомъ стола въ тяжелыхъ подсвѣчникахъ горѣли свѣчи; въ головахъ икона и надъ нею сложенная крестообразно перначъ и булава. Входя въ комнату, казаки крестились, молясь о душѣ усопшаго, а выходя на дворъ громко проклинали Крымцевъ, собирая охотниковъ сдѣлать вылазку на разсвѣтъ и дорого отплатить невѣрнымъ за своего полковника; но вылазка не состоялась, къ великой печали охотниковъ.

Крымцы знали черезъ своихъ лазутчиковъ, что въ миргородскій полкъ посланы гонцы за помощью, и услыша въ городѣ колокольный звонъ и тревогу, вообразили, что идетъ отдаленная помощь и вообще любя болѣе нечаянные набѣги и разбой, нежели правильную войну и сраженіе, ночью убрались по-тихоньку, оставя зажженные сторожевые огни: такъ все думали въ Лубнахъ—а можетъ-быть были и другія причины. На разсвѣтъ казаки съвалу не замѣтили Крымцевъ, послали разъезды — разъезды никого не нашли, будто невѣрные провалились сквозь землю, будто ихъ свѣяло, унесло вѣтромъ.

Цѣлую ночь не спалъ Касьянъ, думая о причинѣ необыкновеннаго звона, и разспрашивалъ часоваго, и соблазнялъ его пѣніемъ; часовой, къ великой досадѣ Касьяна, упорно молчалъ. Утромъ загремѣли замки, завизжали на ржавыхъ петляхъ двери, и въ тюрьму вошелъ Герцикъ.

— Поздравляю тебя, другъ мой Касьянъ, поздравляю, весело говорилъ Герцикъ, обнимая Касьяна.

— Съ чѣмъ? не собрались ли повѣсить меня?.. угрюмо спросилъ Касьянъ, отталкивая Герцика.

— Боже мой! что за человекъ! настоящій воинъ, настоящій Запорожець! характерный человекъ! Крымцы ушли; теперь ты свободенъ.

— Молодцы! ай да гетьманцы! вы ихъ прогнали?

— Да, мы ихъ порядочно поколотили вчера, а они ночью и ушли; вѣрно испугались колоколовъ: думали, мы что недоброе противъ ихъ замышляемъ.

— Вот оно что! есть чѣмъ хвастать. Такъ вы звономъ прогоняли Татаръ, словно налетную саранчу? бабы!...

— Нѣтъ, Касьянъ, мы звонили по другой причинѣ; развѣ ты не знаешь нашей печали?

— Откуда бы я зналъ?

— Ты не знаешь! О, Боже мой! Плачь, Касьянъ! Полковникъ умеръ! Крымцы его убили...

— Вотъ оно что?.. Царство ему небесное, а плакать мнѣ не о чемъ...

— Какъ хочешь, Касьянъ; это твое дѣло; ты умный человекъ. Пойдемъ же на раду; вотъ твое оружіе: я приберегъ его изъ любви къ тебѣ; пойдемъ на раду, уже собралась она. Одинъ Богъ знаетъ, а такъ полюбилъ тебя, Касьянъ!

— Что мнѣ дѣлать на вашей радѣ?

— Тамъ все старшины, да Запорожець самъ не простой человекъ; и между старшинами тебѣ дадутъ почѣтъ; тамъ будутъ читать послѣднюю волю полковника: можетъ, онъ что такое и о дочкѣ напишетъ, и о моемъ пріятелѣ Алексѣ. Пойдемъ; тебѣ не худо знать: поѣдешь, имъ передашь радость.

— Это дѣло; пожалуй, пойдемъ.

Собралась рада. Сотникъ и старшины присягнули, что передъ смертію полковникъ вручилъ имъ это самое завѣщаніе и просилъ исполнить послѣднюю свою волю; послѣ этого, священникъ распечаталъ и громко прочелъ завѣщаніе:

«Во имя отца и сына, и святаго духа, аминь. Я, не имѣя родныхъ, въ случаѣ моей смерти, завѣщаю въ лубенскую соборную церковь сто червонныхъ, да въ пирятинскую зимковскую пятьдесятъ, а остальное все мое имѣніе движимое и недвижимое отдаю въ вѣчность и безповоротность приемышу моему Герцику за его полезныя моей особѣ службы, съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ до смерти Гадюку и наливалъ для него ежегодно бочку наливки изъ сливъ, купленныхъ по вольнымъ цѣнамъ въ мѣстечкѣ Чернухахъ.

Року NN. Славнаго войска запорожскаго полка лубенскаго полковникъ Иванъ NN...»

Священникъ сложилъ бумагу и поклонился Герцику; всѣ старшины тоже стали ему кланяться и поздравлять съ наследствомъ; даже самые злые недоброжелатели Герцика пріятно разглаживали усы и ослаблялись передъ нимъ.

— А о конѣ ничего не сказано? спросилъ сотникъ.

— И о ружьѣ?.. и о сапогахъ?.. говорили старшины.

— Что сказано, то свято, смирно отвѣчалъ Герцикъ: — я не оторусь; сказалъ покойникъ — берите; хоть оно и мнѣ принадлежать, а берите, я не хочу перечесть...

— Честный человекъ этотъ Герцикъ! говорили старшины между собою.

— Нѣтъ! сказалъ Герцикъ твердымъ голосомъ: — не хочу я наслѣдства. У полковника осталась дочь: она наслѣдница; вотъ вамъ честной Запорожецъ; онъ прѣхалъ съ поклономъ отъ нея; ей слѣдуетъ, а не мнѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали сотникъ и старшины: — и имени ея нѣтъ въ духовной; онъ ея изрекся; она ушла отъ него...

— Можетъ-быть, покойный не зналъ, жива ли она, замѣтилъ Герцикъ.

— Вотъ дурень! ворчалъ, обратясь къ товарищамъ, сотникъ, которому, какъ видно, очень хотѣлось сиваго коня.

— Говорилъ ты, добрый человекъ, покойному полковнику, что его дочь жива, и точно это правда? спросилъ Касяна священникъ.

— Говорилъ, сейчасъ какъ прѣхалъ говорилъ полковнику; а его дочка и теперь у меня живетъ на зимовникѣ...

— А это завѣщаніе писано вчера, сказалъ священникъ:—значить, онъ съ умысломъ умолчалъ о дочери, хоть и зналъ, что жива она; значить, онъ устранилъ ее отъ послѣдней своей воли, и ты, Герцикъ, не смѣешь отказываться отъ исполненія воли умирающаго, долженъ принять всѣ его земныя блага, и стараться о приобрѣтеніи таковыхъ же на небѣ.

— Не смѣю вамъ перечить, отвѣчалъ Герцикъ, смиренно кланяясь.

Старшины получили подарки, назначенные имъ по словесному приказанію полковника. Полковника похоронили при громѣ пушекъ, звукъ трубъ и мелкаго ружейнаго огня, и къ вечеру вся знать пировала у новаго своего товарища по богатству, у Герцика. За ужиномъ сперва пили печальные кубки за упокой души покойнаго и пѣли вѣчную память; потомъ начали пить здоровье Герцика, потомъ сотника и старшинъ, закричали «ура», запѣли многія лѣта и передъ свѣтомъ разошлись очень-довольные собою...

Когда разошлись гости, Герцикъ пришелъ въ полковничью опочивальню,—она теперь сдѣлалась его комнатою, — весело прошелъ по ней нѣсколько разъ, потирая руки, странно улыбаясь, и съѣлъ на кровать, на которой въ прошлую ночь лежалъ умирающій полковникъ. Герцикъ задумался и вдругъ вздрогнулъ, быстро вскочилъ на ноги, и, поднявъ коверъ, тревожно посмотрѣлъ подъ кроватью: тамъ ничего не было. — «Дуракъ!» прошепталъ Герцикъ, съѣлъ и опять задумался. Лицо его сдѣлалось страшно, болѣзненная дрожь пробѣгала по немъ, порою губы его судорожно искривлялись—Богъ въдаетъ, отъ злой улыбки или тяжкой боли сердечнаго страданія.

Уже было утро, а Герцикъ все еще сидѣлъ на кровати, задумчи-

ый, печальный, опустья голову на руки, упертыя въ колѣни, и только тогда поднялъ ее, когда скрипнула дверь и на порогъ показался Касьянъ. Видно было по одеждѣ, что Запорожець собирается въ дорогу.

— Ты, Касьянъ? спросилъ Герцикъ.

— Уже никто другой, отвѣчалъ Запорожець: — прощай; я сейчасъ ъду.

— Куда?

— Къ себѣ на зимовникъ. Тутъ мнѣ нѣчего дѣлать.

— Погоди, Касьянъ; погуляй съ нами.

— Спасибо. Не весело мнѣ, да и тебѣ, какъ видно, не очень-весело.

— Правда твоя, Касьянъ; сейчасъ видно умнаго человѣка: не весело мнѣ, я лишился благодѣтеля, а тутъ еще покойникъ обидѣлъ бдннюю свою дочку; видитъ Богъ, Касьянъ, какъ мнѣ жаль ея и ея мужа! Ты самъ слышалъ, какъ я отказывался... что жъ дѣлать? рада присудила: нельзя, говорятъ, перемѣнить завѣщанія; воля покойника, говорятъ, свята.

— Не солгу, слышалъ.

— Ну, вотъ видишь, самъ не знаю, чего бъ я не далъ, чтобъ перемѣнить это... Видитъ Богъ, Касьянъ, я добрый человѣкъ; мнѣ Алексѣй Чайковскій большой пріятель; вотъ, посмотри кинжалъ — это его подарокъ; скажи ему, что виситъ у меня, видишь, гдѣ? на почетномъ мѣстѣ. А Марина всегда была такая ласковая, всегда меня отпрашивала, какъ, бывало, покойникъ, — чтобъ надъ нимъ земля перомъ лежала, — захочетъ меня, бывало, потузить за что-нибудь...

— Спасибо и за доброе слово. Прощай...

— Нѣтъ, погоди, Касьянъ; скажи Маринѣ, что я всегда буду ее помнить и все имѣніе полковника буду считать ея имѣніемъ; я буду просто ея арендаръ; все ей доставлю: пусть ни въ чемъ не нуждается, ѣсть и пить изъ серебра, ходить въ бархатѣ, слышишь?..

— Слышу.

— А на первый разъ возьми вотъ этотъ мѣшокъ дукатовъ, кланяйся отъ меня, и ея мужу кланяйся, скажи, что я съ нимъ скоро увижусь... Вотъ только управлюсь съ дѣломъ, сейчасъ пріѣду къ вамъ на зимовникъ. Погуляемъ вмѣстѣ, забудемъ горе...

— Изъ хорошихъ устъ хорошее и слово, отвѣчалъ Касьянъ, укладывая мѣшокъ въ карманъ безконечныхъ своихъ шальваръ.

— Теперь прощай, братику, прощай, Касьянъ; вѣришь ли, я и тебѣ люблю не меньше Алексѣя; что для него, то и для тебя готовъ сдѣлать. А какъ же мнѣ найти твой зимовникъ?

Касьянъ рассказалъ дорогу, поклонился и вышелъ. Скоро вздохнулъ онъ свободно на широкой родной степи. Вѣтеръ вѣялъ, трава

шумѣла, добрый конь скакалъ; Касьянъ пѣлъ пѣсню, подъѣзжая къ своему зимовнику.

X.

«Ой полеты, галко
 «Де мій родный батько,
 «Не хай мене ольдае, колы мене жалко.»
 Летить галка, криче,
 А дивчина плаче:
 «Не ма въ мене ридненького!—тылько ты, козаче!»

МАЛОРОС. НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
 Рѣчи гуторять;
 Про хлѣбъ, про покось,
 Про старинушку.

А. Кольцовъ.

— Что вамъ сказать, мои дѣти? говорилъ Касьянъ Чайковскому и женѣ его, сидя за столомъ въ своемъ зимовникѣ. — На Гетьманщинѣ, какъ я замѣтилъ, такъ все перепуталось, перемѣшалось, словно волосы въ войлокъ: порядку нѣтъ; одно только мнѣ чудно, хоть и вѣрно, что Герцикъ смотритъ великимъ мошенникомъ: такъ и просится на веревку, а дѣлаетъ хорошо, ей-Богу, хорошо; что ни говори, у него душа лучше рожи.

— Ты, батьку, чудно говоришь, говоришь обиняками; тутъ что-то есть.

— Ничего нѣтъ.

— А батюшка что, полковникъ? спросила Марина.

— Ничего. Извѣстно: умеръ, похоронили, и все тутъ; всѣмъ прійдется умирать... Вотъ ты уже и плачешь, доню! Нехорошо...

Но Марина его не слушала; громкія рыданія, прерываемыя восклицаніями: *я этому причиною, на мою голову падетъ смерть его* и подобныя въ этомъ родѣ, задушали Марину.

— Вотъ, говори бабамъ правду! замѣтилъ Касьянъ:—онъ изъ мухи коня сдѣлаютъ; и давай плакать... Татары его убили, а не ты; онъ не очень о тебѣ беспокоился...

Когда немного утихли рыданія Марины, Касьянъ разсказалъ всю исторію своей поѣздки, которая намъ уже извѣстна, и заключилъ ее словами:—Вотъ, я пріѣхалъ къ вамъ ни съ чѣмъ, кромѣ этого мѣшка дукатовъ... Что ни говори, а Герцикъ добрый человекъ.

— Такъ онъ не проклялъ меня?

— Вотъ, дурная баба! За что бы онъ проклялъ тебя? Да коли бъ и проклялъ, я не скрылъ бы...

— Ну, я рада! камень свалился съ души моей отъ словъ твоихъ, Касьянъ. Меня не проклялъ отецъ... Благодарю тебя, Господи!.. Теперь я ничего не боюсь, я еще не одна на свѣтъ... И Марина, обнявъ Чайковского, прильнула къ груди его и тихо плакала.

— И давно бы такъ!.. Богъ-знаетъ объ чемъ плачетъ!.. прибавилъ Касьянъ.—Вы останетесь у меня жить; деньги у васъ есть и еще будутъ; зовите меня батькомъ, а умру—вашъ зимовникъ и все ваше: для васъ станеть; будутъ дѣти, сыновья — посылайте служить на Сѣчь; послужать, узнаютъ политику и характерство—будутъ людьми. Вотъ и все тутъ. Полно, дѣти, плакать!

Спокойно зажалъ Чайковский на зимовникъ; днемъ ходилъ на охоту, вечеромъ слушалъ рассказы Касьяна о подвигахъ Запорожцевъ въ давно-минувшія времена, и когда на какой-нибудь подвигъ была сложена пѣсня,— а это было сплошь и рядомъ, — то всѣ пѣли эту пѣсню, и Касьянъ пояснялъ имъ нѣкоторыя аллегоріи, безъ чего вы найдете мало пѣсень въ Малороссіи, что и подало поводъ многимъ умнымъ людямъ, непонимавшимъ ихъ, упрекать бѣдныя созданія народной поэзіи въ безсмыслицъ.

Недѣли двѣ спустя, въ одно утро, старый Касьянъ очень-прилежно вырѣзывалъ изъ куска сухаго липоваго дерева столовую ложку; Марина, сидя у окна, вышивала цвѣтнымъ шолкомъ хустку (носовой платокъ) для мужа; Чайковский, собираясь на охоту, посадилъ на руку ученаго ястреба и привязывалъ къ его лапкѣ погребушку. Вдругъ раздался конскій топотъ; нѣсколько казаковъ остановились у воротъ зимовника и спрашивали хлопца, ходившаго по двору: *это зимовникъ Касьяна?*

Касьянъ вышелъ и скоро возвратился, ведя гостя, одѣтаго въ богатый нарядъ.

— Алексѣй, другъ мой! закричалъ гость, бросаясь обнимать Чайковского.

— Не-уже-ли ты, Герцикъ? сказалъ Алексѣй.—Я въ-силу узналъ тебя... паномъ сталъ...

— Охъ, тяжело мнѣ это панство! Не говори объ немъ, братику! Касьянъ свидѣтель, какъ это случилось... Сердце у меня такъ и рвалось къ тебѣ... Какъ посмотрю на твой кинжалъ, да вспомню наше прощанье, помнишь, на Сѣчи... вотъ такъ сердце и рвется, такъ и шепчетъ: есть у тебя другъ, ты забылъ его... Видитъ Богъ, правда.

— Пстой, Герцикъ, я человекъ прямой; скажи мнѣ, ты зналъ, когда былъ на Сѣчи, что полковничья дочка, теперешняя моя жена, ушла?

— Ахъ, Богъ мой, и пани Марина здѣсь! Я отъ радости не замѣтилъ! Да какъ вы похорошѣли, пани; позвольте поцаловать васъ...

— Ай, Герцикъ! ты сильно цалуешь, вскричала Марина, вырываясь отъ Герцика.

— Отъ радости себя не помню... Да; ты спрашивалъ, Алексѣй, зналъ ли я? Разумѣется, зналъ.

— Отъ-чего жь ты мнѣ не сказалъ?

— Э, братику! не такъ легко сказать печаль, какъ радость. Ты былъ такой веселый, что мнѣ было жаль тебя печалить; да мы и сами не знали, гдѣ дочка полковника—пропала, и только. А сбѣжала ли она, утонула, или ее кто извелъ со свѣта—никто не зналъ... Какъ же мнѣ было сказать тебѣ?.. посуди самъ... Винавать, пожалѣлъ тебѣ; а видишь, все вышло къ лучшему... Чему быть, тому не миновать.

— И то правда, отвѣчалъ Алексѣй.

— Теперь, дядюшка Касьянъ, я попрошу твоей ласки, сказалъ Герцикъ: — не оставитъ моихъ казаковъ; со мною ихъ человекъ шесть; знаешь, взялъ для безопасности въ вашихъ степяхъ...

— Пустое! отвѣчалъ Касьянъ: — какъ Богъ дастъ, и одинъ человекъ пройдетъ,—вотъ я всегда одинъ ѣзжу; а не дастъ,—и десятокъ не спасетъ... А твоимъ и конямъ и хлопцамъ будетъ мѣсто; у меня своихъ хлопцевъ человекъ десятка три, четыре живетъ на зимовникъ, такъ шестерыхъ и не замѣтятъ.

— О-го! а я думалъ, одинъ живешь...

— Одинъ не долго бы прожилъ...

День прошелъ очень-пріятно. Герцикъ навезъ много гостинцевъ для Касьяна, Чайковского, а особливо для Марины; говорилъ, что никогда не забудетъ благодѣяній отца ея, что мать Чайковского здорова и уже знаетъ о женитьбѣ сына, и что даже онъ постарается привезти ее зимою на зимовникъ, и тому подобными рѣчами расположилъ ихъ всѣхъ въ свою пользу; даже и Чайковскій началъ подумывать: «да, въ-самомъ-дѣлѣ Касьянъ правъ; Герцикъ добрый малый»... Одна только Марина инстинктивно ненавидѣла его и не хотѣла принять подарковъ.

Касьянъ угощалъ на славу, и за ужиномъ, послѣ порядочнаго чаркованья, гость сдѣлался совершенно-своимъ. Начали разсуждать, какъ провести завтрашній день.

— Я предполагаю вамъ съѣздить на охоту, сказалъ Касьянъ: — здѣсь очень много дичи, а я займусь самъ съ кухаремъ, да приготовлю вамъ такой столъ, что и гетьману не имѣтъ подобнаго... Я самъ, ей-Богу, самъ,—не смотрите, что старъ,—а вотъ такъ засучу рукава по локти, вотъ такъ, видите, и пошелъ стрѣпать... вы не шутите со мною!..

— Прекрасно, дядюшка Касьянъ! подхватилъ Герцикъ: — мы поведемъ съ Алексѣемъ на охоту, у меня же есть чудесное ружье...

— И у меня тоже, прибавил Алексѣй: — и дичь я знаю гдѣ водятся.

— Стой! закричалъ Касьянъ: — видать, сейчасъ видать, что оба гетьманцы. Хлопать пойдутъ по степи; одну штуку убьютъ, а десять разгонятъ... То ли дѣло съ ястребами! у меня и ястреба есть.

— Что за охота съ ястребомъ? То ли дѣло ружье... сказалъ Герцикъ:—я и не умѣю охотиться съ ястребомъ, а поѣду съ ружьемъ... Правда, Алексѣй? Поѣдемъ съ ружьями.

— Эхъ, вы, дурныя головы! что ваше ружье? выстрѣломъ убилъ и кончено, да разогналъ, распугалъ десятокъ... А какъ спустишь ястреба, какъ взовьется онъ, какъ бросится съ-налету на птицу—шумитъ воздухъ, крѣпкія перья будто струны звенятъ на крыльяхъ... да, звенятъ, прислушайся, коли есть уши; не даромъ сложена пѣсня:

Конь бѣжить—земля дрожить,
Соколъ летитъ—перо звенитъ.

Ей-Богу, чудо какъ весело! Нѣтъ, съ ястребами поѣзжайте на охоту; я самъ бы поѣхалъ, да дѣла много дома; а вы молодой народъ: погарцуете и пообѣдаете вкуснѣе.

Герцикъ еще противорѣчилъ Касьяну, но старикъ и слышать не хотѣлъ; и такъ рѣшено завтра утромъ рано ѣхать на ястребиную охоту.

Было любо смотреть на Герцика и Чайковского, когда они утромъ выѣхали вдвоемъ на охоту. Марина еще спала; старый Касьянъ въ нагольномъ тулупѣ проводилъ ихъ за ворота, повторяя разныя охотничьи наставленія. Весело ѣхали они рядомъ рука-объ-руку, какъ родные братья, смѣялись, разговаривали, вспоминали прошедшее... Когда зимовникъ скрылся совершенно изъ виду, Герцикъ пустилъ своего ястреба на стрепета: ястребъ сразу убилъ неповоротливаго соверника, стрепетъ упалъ на песчаную поляну, поросшую мелкимъ бурьяномъ; охотники подскакали къ дичи, слѣзли съ лошадей.

— Славная штука! говорилъ Чайковский, подкидывая на одной рукѣ стрепета.

— Это ли охота! отвѣчалъ Герцикъ: — стрепета ловить — просто брать мясо руками.

— Правда; вотъ если бѣ журавль, натѣшились бы.

— Да посмотри, не журавль ли это?

— Гдѣ?

— Вонъ высоко-высоко, будто черная точка въ небѣ, прямо надъ твоею головою.

Чайковский поднялъ голову, пристально глядя въ синее небо. Герцикъ, не сводя глазъ съ Алексѣя, быстро присѣлъ, опустилъ до земли

руку, захватилъ горсть песку и жалобно вскрикнулъ. Алексѣй испугался, когда посмотрѣлъ на него: страшно крича, блѣдный отъ страха, Герцикъ махалъ по воздуху правою рукою; около руки, какъ тонкая плетка, вилась темно-сѣрая змѣя.

— Алексѣй, спаси меня! Злая гадина впиалась мнѣ въ большой палецъ, кричалъ Герцикъ:—и не оставляетъ меня, огнемъ жжетъ, проклятая.

Наконецъ убили змѣю; Герцикъ былъ блѣденъ, желтъ; холодный потъ крупными каплями блестѣлъ на лбу его; укушенный палецъ покраснѣлся, распухъ.—Пропалъ я! шепталъ Герцикъ:—наказаніе Божіе... видимое наказаніе.

— Пустое! говорилъ Чайковскій: — мало ли змѣи кусаютъ, да не всѣ укушенные умираютъ; притомъ же эта змѣя была маленькая, тоненькая—дрянь.

— Это и страшно, что она маленькая да тоненькая; это и есть самая злая порода; не всякій знахарь отшепчетъ ее!.. Богъ наказалъ меня!..

— Перестань, не гнѣви Бога; ты сдѣлалъ доброе дѣло: утѣшилъ насъ: помогъ намъ, за что тебя наказывать?..

Герцикъ молча покачалъ головою.

— Я ума не приложу, какъ она тебя укусила?

— Богъ наказалъ! хотѣлъ...

— Что хотѣлъ?

— Хотѣлъ... сорвать былинку, а она вѣрно лежала подъ кустикомъ и схватила за палецъ. Ой! Господи, какъ болитъ! морозъ за кожей ходить. Поѣдемъ, братъ, поскорѣе домой.

Печально пріѣхали на зимовникъ наши охотники. Чайковскій велъ въ поводу лошадь Герцика, который едва сидѣлъ на сѣдлѣ: такъ его корчила страшная боль; рука раздулась, распухла, словно обрубокъ; на ней, будто ростки, торчали пальцы; отъ укушеннаго мѣста, какъ лучи, шли во всѣ стороны багровыя линіи.

Касьянъ распоролъ рукавъ кафтана и рубахи, потому-что ихъ снять уже было не возможно, посмотрѣлъ на руку и хладнокровно сказалъ:—Ничего, пройдетъ; меня на вѣку три раза кусали змѣи, да все знахари отшептывали; только ничего не кладите на рану, пока пріѣдетъ знахарь; я пошлю сейчасъ за нимъ хлопца: онъ недалеко.

XI.

У вивторокъ зилъя варила
А у середу гриця отруила.

Малор. народная пѣсня.

Я не таковъ; нѣтъ, я, не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь,
Или хоть мщеньемъ наслажусь.

А. Пушкинъ.

Хлопецъ не засталъ знахаря дома и рысцой поплелся назадъ.

День былъ къ вечеру. Блеть хлопецъ, а на встрѣчу идетъ, Богъ ее знаетъ откуда, цыганка, въ синей исподницѣ, въ красной изорванной юбкѣ, старая, скверная, лицо какъ ржавый котелокъ, волосы сѣдые висятъ клочками изъ-подъ какой-то грязной тряпки, намотанной на голову; носъ крючкомъ къ бородѣ, борода крючкомъ къ носу, а глаза такъ и свѣтятся. Хлопецъ перекрестился и, боязливо снявъ шапку, сказалъ: здравствуй, тетушка.

—Здорово, небожь! отвѣчала она шепелявя:—куда Богъ несетъ?

— Домой.

— А откуда?..

— Ъздилъ за знахаремъ, дома не засталъ.

— А на что вамъ знахарь?

— Казака укусила гадюка (змѣя).

— Охъ, Боже мой! и давно укусила?

— Не знаю когда, должно быть сегодня; вчера онъ былъ еще не кусаный, и поутру сегодня повхалъ на охоту, кажись, не кусаный, а о полудни вернулся уже укушенный.

— Ну, благодаря Бога, что повстрѣчалъ меня! Веди меня скорѣе; я помогу ему, я знаю заговаривать и кровь, и змѣю, и лихорадку, и всякія напасти; веди меня.

— Спасибо вамъ, тетушка, отвѣчалъ, почесываясь въ затылкѣ, хлопецъ, которому очень не хотѣлось быть вмѣстѣ съ страшною цыганкою:—да меня не за вами послали; боюсь какъ рассердятся.

— Дурень! Развѣ не все равно, кто ни вылечитъ казака? Еще спасибо скажетъ тебѣ хозяинъ; а умереть человекъ, на твоей душѣ грѣхъ будетъ.

— Правду говорить бѣсова баба, подумалъ хлопецъ:—да страшно! Если она вѣдьма, зайдетъ сзади, вскочитъ на коня, а послѣ и мнѣ на мечѣ и станетъ ѣздить на мнѣ куда захочетъ...

— Что же ты молчишь?

— Пожалуй, тетушка; только, будьте ласковы, не йдите со мною

Т. XXVIII.—Отд. I.

рядомъ, а ступайте впередъ; я буду разсказывать дорогу, а то мой конь не любитъ бабьяго духу.

Цыганка пошла впередъ; хлопецъ поѣхалъ за нею шагомъ на благородномъ разстояніи.

Солнце зашло, и полная луна взошла на чистое небо, когда хлопецъ и цыганка прибыли на зимовникъ.

Въ темной комнаткѣ стоналъ Герцикъ; его рука распухла до плеча и будто покрылась лакомъ; но опухоль не шла далѣе. Видно, ядъ потерялъ свою силу. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли, при свѣтѣ каганца (родъ плошки изъ толстой свѣтильни и бараньяго жира), Касьянъ и Чайковскій съ женою, разсуждая, куда пропалъ хлопецъ. Наконецъ онъ явился.

— Гдѣ ты пропадалъ, вражій сынъ? закричалъ Касьянъ: — человекъ умираетъ, а ты вѣрно спалъ въ степи? Гдѣ знахарь?

— Знахаря нѣтъ дома; сказали: поѣхалъ въ Палапку (родъ городка осѣдлыхъ Запорожцевъ) лечить какую-то панью; говорятъ, что-то съѣла что-ли, такъ въ животъ не благополучно; а вернется послѣ завтра, сказали, прївдеть.

— На чорта онъ мнѣ послѣ завтра, дурень? Гдѣ же ты пропадалъ?

— Я нигдѣ не пропадалъ, а все ѣхалъ ходюю, проводилъ сюда какую-то знахарку, что ли, цыганку, что ли, — я не разберу ея толкомъ: старъ человекъ, тихо ходитъ, а говоритъ: «вылечу отъ гадюки». Вотъ мы и опоздали.

— Гдѣ же твоя знахарка?

— Тутъ за дверью, только не испугайтесь. Пожалуйте сюда, тетущка! Хлопецъ, толкнувъ ногою, отворилъ дверь и быстро отошелъ въ сторону. Цыганка вошла.

— У васъ есть недужій (больной), говорила она: — змѣя укусила его; злая змѣя въ это дѣло, очень-злая, трудно заговаривать ихъ, а я знаю заговорку, заговорю змѣю, хоть водяную, хоть степовую...

— Это степовая, сказалъ Чайковскій.

— А ты почему знаешь? ты знахарь? Такъ заговори, коли знахарь.

— Я не знахарь, Богъ не далъ мнѣ мудрости, а змѣя укусила на степи, такъ должна быть степовая.

— Не мѣшайся не въ свое дѣло; ученаго учить — портить.

— Правда, тетущка, сказалъ Касьянъ: — идите скорѣе къ больному, время не терпитъ.

Цыганка сбросила съ головы тряпку, встрахнула головою; и длинные сѣдые волосы совершенно закрыли лицо ея; потомъ подошла къ Герцику, освѣтила ему руку, взглянула на лицо и остановилась.

— Что, бабушка, можно отшептать? спросилъ Герцикъ жалобнымъ голосомъ.

— Можно, лишь бы угодно было Богу. Я, кажется, где-то видела тебя? Не ворожила я тебя когда-нибудь?

— Нѣтъ, бабушка, никогда не ворожила; въ первой разъ тебя вижу.

— Ну, хорошо; идите себѣ, вынесите и свѣтло.

Всѣ вышли въ другую комнату; скоро послышалась заговорка цыганки:

«Помолюся Господу Богу и всѣмъ святымъ Его! Десь не десь, на морѣ на Лукоморѣ стоитъ яблоня сухая; на тую яблоню муха налетаетъ, листь обвиваетъ, черва нападаетъ, корень источаетъ, яблоню сгубляетъ... и на человѣка раба Божьяго есть напасть злая, болѣсти и хворобы и всякія паробы, и гады заклятыя; ты у меня, подтинница, веретинница, не крутись, не вертись, я тебя знаю, отъ сестеръ различаю, есть веретинница степовая, подтинница, веретинница луговая, льсовая, гноевая, земляная и веретинница водяная. Я тебя словомъ сильнымъ изгоняю, заклинаю; убирайся къ сестрамъ посестричкамъ, малымъ невеличкимъ, гдѣ топоръ не стучить, гдѣ люди не ходить, гдѣ коровы не бродятъ, куда пѣтушиный голось не залетаетъ; не палить, не сушить тебѣ бѣлаго лица, желтыя кости, горячія кровь раба Божія!.. Тфу! сгинь!.. сгинь, говорю!»

Три раза прочитала цыганка заговорку и вышла въ другую комнату, гдѣ на нее съ благоговѣніемъ смотрѣли Касьянъ и Чайковский съ женою.

— А что? спросилъ Чайковский.

— Трудная змѣя, не простая змѣя! да и запустили рану; много времени прошло... посмотримъ, что будетъ.

Черезъ нѣсколько времени пошли къ больному. Рука была все въ одномъ состояніи.

— Каково тебѣ? спросилъ Касьянъ.

— Немного, будто, стало легче.

— Худая примѣта! сказала цыганка: — послѣ этой заговорки должно быть немного-труднѣе: ядъ испугается и начнетъ метаться, а то онъ спокоенъ, злая змѣя укусила тебя!.. Опасно, очень-опасно; заговоръ не беретъ, надо лечить, вотъ приложимъ на рану этотъ корень: онъ последнее средство.

Цыганка достала изъ кармана своей юбки корешокъ темнаго цвѣта, разрѣзала его, помочила водою, приложила на рану и крѣпко обвязала кругомъ тряпкою.

— Это поможетъ? спросилъ Чайковский.

— Поможетъ. Какая бы ни была змѣя, отъ всякой поможетъ, развѣ укусятъ змѣиха, у которой убили дѣтей: отъ этой ничто не поможетъ, ничто не спасетъ, говорила цыганка, странно улыбаясь.

Не успѣла цыганка докончить своихъ рѣчей, какъ Герцикъ страшно застоналъ, заметался на постели.

— А что? спросила цыганка.

— Жжетъ, словно огнемъ; жилы тянетъ!..

— А-га! испугался гадъ. Терпи, казакъ, атаманъ будешь.

Но Герцику не вмоch было терпѣть: онъ метался, кричалъ, ревѣлъ не человѣческимъ голосомъ и сорвалъ перевязку. Съ ужасомъ все увидѣли страшную перемену: рука посинѣла, опухоль быстро подвигалась къ шеѣ; укушенный палецъ почернѣлъ.

— Жаль мнѣ тебя, добрый казакъ! говорила цыганка, смотря прямо въ глаза Герцика:—ты умрешь, непременно умрешь, никакія силы не спасутъ тебя, и умрешь скоро: опухоль охватитъ горло и задушитъ. Пошли за попомъ, приготовься къ смерти; тебя укусила змѣиха, у которой отняли дѣтей; ядъ ея неизлечимъ... неизлечимъ ея ядъ... Слышишь?.. Не увидишь ты болѣе солнца; въ эту ночь закроются на вѣки глаза твои. И, страшно улыбаясь, глядѣла она въ очи Герцику, будто съ наслажденіемъ читая въ нихъ всю глубину мученій безнадежнаго отчаянія...

— Отойди отъ меня! простоналъ Герцикъ.

Цыганка тихо вышла изъ комнаты, изъ другой, и скрылась.

«Чужая бѣда людямъ смѣхъ», говоритъ народная поговорка, и, къ несчастію, она, какъ и все поговорки, очень-справедлива. Въ природѣ человѣка есть много зла; все четвероногія и четверорукія, говоря въ смыслѣ животномъ, отдавая преимущество своему двурукому собрату въ умѣ и способностяхъ, должны уступить ему и въ жестокости. Стоитъ сравнить дикаго, который съ радостнымъ смѣхомъ и неистовыми прыжками рѣжетъ на части живаго человѣка и съ наслажденіемъ встѣ его еще трепещущее тѣло, стоитъ сравнить съ христіаниномъ, который любитъ и враговъ своихъ,—чтобъ убѣдиться въ святости и божественности религіи и великой силѣ воли человѣка духовнаго, такъ побѣдившаго, уничтожившаго животнаго человѣка... Но есть люди, даже въ образованномъ обществѣ, люди-ненавистники, странныя натуры, которымъ несчастіе ближняго доставляетъ душевное наслажденіе; они безъ всякой видимой причины готовы дѣлать зло, гдѣ только можно, готовы повредить вамъ, не изъ желанія поважничать, не изъ корыстолюбія, не изъ личныхъ отношеній — нѣтъ, а просто безотчетно, для собственнаго своего удовольствія готовы замарать ваше доброе имя, уничтожить вашу службу, испортить всю вашу будущность, чтобъ послѣ въ тишинѣ кабинета сказать самому-себѣ самодовольно: «А! онъ страдаетъ! онъ терпитъ. Это мое дѣло!..» Но если человѣкомъ овладѣетъ страсть, особливо мщеніе, тогда тигры и гремучія змѣи передъ нимъ кроткіе барашки; онъ способенъ удивить самое воображеніе.

Старая цыганка вышла из хаты; подойдя къ окну, сѣла на корточкахъ на завалинѣ, смотря съ наслажденіемъ въ окно на муки умирающаго Герцика. По временамъ улыбалась она, тихо смѣялась, закрывая рукою ротъ и шептала: «Это ядъ змѣихи, у которой отняли дѣтей. А что? любо? тянетъ жилы твои? ломить кости? палить, сушить казацкую поганую кровь?.. Не помню, гдѣ я его видѣла, какъ онъ ушелъ отъ моихъ рукъ; еще ни одинъ не уходилъ... ни одинъ...»

— Охъ! тяжело! стоналъ Герцикъ:— жарко, душно! дайте воды... умру я. Не-уже-ли нѣтъ никакого спасенія?.. И онъ страшно озирался, медленно поводитъ уродливою больною рукою, а здоровою рвалъ на себѣ волосы...

Касьянъ и Чайковский печально стояли у постели больного; Марина подала ему ковшъ холодной воды. Слезы струились по лицу Марины и падали въ ковшъ.

— И ты плачешь обо мнѣ, Марина?.. О, Боже мой!.. Не даромъ я умираю... Дай воду. У! какъ свежа она!.. Легче, право, легче... Марина! для меня принесла воду, Марина?..

— Для тебя, Герцикъ...

— Для меня?!.. Какъ бы хотѣлось мнѣ заплакать!.. Да слезы высохли, искры сыплются изъ глазъ вмѣсто слезъ... Что, Касьянъ, умру я? Скажи правду?..

— Пошлю я за священникомъ, Герцикъ: опухоль у самаго горла; знахарка правду сказала.

— Чортова колдунья!.. Она извела меня со свѣта. Какъ приложила корешокъ, будто огня въ меня налила. Охъ!.. дайте мнѣ ее, я залущу ее одною рукою!..

— Полно, Герцикъ, гнѣвить Бога не хорошими рѣчами! сказалъ Чайковский:— Богъ все знаетъ, все видитъ, самъ накажетъ грѣшника! лучше подумай о покаяніи... Время дорого; ты не баба, приготовься...

— А я пошлю за попомъ, прибавилъ Касьянъ.

— Нѣтъ, закричалъ Герцикъ: — я не могу видѣть попа. Правду сказалъ ты: Богъ накажетъ грѣшника... накажетъ!.. Я вамъ исповѣдую грѣхи свои; перестанетъ Марина плакать обо мнѣ, вы отступите отъ меня... Я грѣшникъ, страшный грѣшникъ... Позовите сюда моихъ казаковъ, позовите своихъ людей, пускай всѣ слушаютъ. Охъ! воды, воды!..

Полная свѣтлица набралась народа. Всѣ окружили герцикову постель и молча стояли. Герцикъ посмотрѣлъ кругомъ, закрылъ глаза лѣвою рукою, какъ-бы собираясь съ мыслями, спросилъ воды, и началъ исповѣдь:

— Не гляди на меня, Марина, такими кроткими глазами; я не стою этого; я причина всѣхъ вашихъ бѣдъ: я привелъ полковника на

островъ, потому-что я любилъ тебя; мнѣ было завидно, что ты любишь другаго... Много безсонныхъ ночей провелъ я, думая о тебѣ, проклятая свое рожденіе. Ты знаешь, кто я былъ, а ты была дочь моего полковника; я былъ рабъ твоего отца и твой; мнѣ было любо унижаться передъ тобою,—и ни одного взгляда, ни одного привѣта отъ тебя не было мнѣ... Я проклиналъ твой образъ, когда онъ являлся мнѣ во снѣ, и любилъ тебя еще болѣе. Могъ ли я терпѣть любовь твою къ Алексью?... а у меня глазъ очень зорокъ: я все видѣлъ и поклялся извести Алекся, сдѣлаться богатымъ и во что бы то ни стало быть твоимъ мужемъ... Мнѣ стало жить веселье, у меня была цѣль, для чего жилъ я... Жарко!.. воды!..

Марина подала ему воду.

— Добрая душа! Какъ бы мнѣ хотѣлось теперь заплакать!.. Вышло не такъ, какъ я думалъ. Алексѣй ушелъ, ты ушла, никто и слѣда вашего не зналъ... Я овладѣлъ довѣренностію полковника, я сталъ другомъ ему въ его одиночествѣ. Между-тѣмъ, пошли въ народъ толки о Татарахъ, будто хотятъ напасть на насъ; я вызвался ѣхать на Сѣчь, и тамъ, узнавъ тебя, предалъ васъ въ руки Запорожцевъ. Не мнѣ, такъ и не ему! думалъ я, выѣзжая изъ Сѣчи, и поѣхалъ не въ Лубны, а въ Крымъ, гдѣ сговорился отдать Лубны Крымцамъ, а возвратясь донесъ полковнику, что все благополучно, и что васъ казнили на Сѣчи. Полковникъ не велѣлъ никому этого рассказывать; я и замолчалъ, поджидая гостей. Одинъ Жидъ, котораго хотѣли Поляки повѣсить за поддѣлку монеты, ушелъ въ Лубны и ходилъ въ казачьемъ платьѣ, называя себя казакомъ, а онъ былъ Гершко, мѣдникъ изъ Львова; я познакомился съ Гершкою и посылалъ его шпиономъ куда было нужно. Въ одинъ день, рано утромъ, Гершко сказалъ мнѣ, что въ оврагъ будутъ Крымцы. Я поѣхалъ будто на охоту и видѣлся съ ними и продалъ имъ полковника; но, прѣвхавши, узнаю, что у полковника Запорожецъ и полковникъ знаетъ о Крымцахъ, и что дочка полковника жива. Съ первыхъ словъ, я хотѣлъ извести тебя, Касьянъ; но когда узналъ, что у тебя живетъ Марина, я повелъ дѣло иначе,—ты знаешь какъ. Полковника, по условію, я выставилъ Крымцамъ: по перышку на шапкѣ они узнали меня и его; но Гадюка освободилъ его полумертваго, Пирятинцы не пустили Татаръ ворваться въ городъ... Я опять повелъ дѣло иначе. Подъ кровать умирающаго полковника посадилъ Гершка, и когда умеръ полковникъ, Гершко разговаривалъ съ старшинами вмѣсто полковника и приказалъ старшинамъ выполнить завѣщаніе, которое я самъ написалъ подъ руку полковника. Гершко ушелъ въ отпертое окно; я не знаю, гдѣ онъ,—найдите его, онъ вамъ лучше расскажетъ. И вотъ я сталъ богатъ, очень-богатъ; но ты, Марина, была жива, тебя обнималъ другой, а не я,—обнималъ злѣйшій мой врагъ, отъ-того, что ты любила его. Это мнѣ не давало спать покоѣно.

Я и поѣхалъ сюда въ зимовникъ и взялъ съ собою лучшихъ казаковъ, — винюсь передъ вами, хлопцы, хотѣлъ употребить васъ на нечистое дѣло и силою взять Марину, — но много людей у тебя, Касьянъ, на зимовникѣ, каждую ночь ходятъ вооруженные сторожа, и я перемѣнилъ дѣло: хотѣлъ на охотѣ застрѣлить Алексѣя, сказать, что онъ самъ застрѣлился, — и тутъ не удалось; ты, Касьянъ, выпроводилъ насъ съ ястребами, только и было у насъ по кинжалу за поясомъ. Хотѣлось мнѣ, очень хотѣлось отправить тебя, Алексѣй, на тотъ свѣтъ твоимъ же кинжаломъ, да не мое дѣло владѣть холоднымъ оружіемъ, особенно противъ людей сильнѣе меня, здоровѣе меня... Вотъ я показалъ тебѣ журавля въ небѣ, хотъ его совсѣмъ тамъ и не было; думаю, ты подымеешь глаза, а я засыплю тебѣ пескомъ глаза, и пока ты будешь слѣпъ, заколю тебя: въ одинъ разъ не удастся, десять разъ ударю кинжаломъ, и ты не будешь видѣть меня, не будешь знать, съ какой стороны падетъ ударъ... Ты поднялъ глаза, я захватилъ горсть песку, да вмѣстѣ схватилъ и смерть свою. Богъ послалъ страшную змью: отъ Его руки умираю теперь... Охъ, воды!.. Боже мой! и вы даете мнѣ воду, и вы помогаете страшному грѣшнику?.. А какъ полковникъ любилъ тебя, Марина! Какъ мнѣ говорилъ о тебѣ передъ смертію: я все затаилъ, грѣшный человекъ, простите меня!

— Богъ наказалъ, Богъ и проститъ тебя, сказалъ Алексѣй: — а мы простили...

— И ты, Марина, не сердись на меня?.. Охъ, душишь!.. И ты простила?

— Богъ тебя проститъ, Герцикъ...

— О, Боже мой!.. Чайковский! Алексѣй! Я умру скоро, не откажи мѣ просьбъ, позволь Маринѣ проститься со мною?.. Марина, простишься со мною! Пускай твой поцалуй, будто крыло ангела, освѣтитъ меня передъ смертію...

Марина подошла къ нему, подумала и тихо наклонилась къ лицу Герцика. Въ тишинѣ только зашумѣли опускаясь металлическіе кресты и дукаты, висѣвшіе на шеѣ Марины.

— Отойди!.. страшно закричалъ Герцикъ: — отойди! я укушу тебя... Зачѣмъ ты такъ хороша?.. Боже мой... Да... это что?.. Охъ, душишь! Точно.. это она, святая монета... тихо говорилъ Герцикъ, будто припоминая сонъ: — да зачѣмъ ты носишь нашу монету?..

— Какую вашу?

— Иерусалимскую монету! Вотъ она у тебя виситъ на шеѣ рядомъ съ крестомъ; она мнѣ сверкнула въ глаза страшнымъ воспоминаніемъ: такую монету моя мать надѣла на шею маленькой сестрѣ моей давно-давно. Эта монета отъ святаго человека, эта монета изъ храма Соломона... Надѣла на шею, а казаки взяли ее... Чтѣ вы такъ смотрите? что глядите? Я Еврей...

Съ ужасомъ всѣ отступили отъ Герцика.

— Бойтесь меня? Теперь нѣчего бояться! Я какъ теперь помню сестру: черныя очи, на правой щекѣ красная родимочка... Хороша была сестра моя... Куда вы?..

— Юсель, Юсель, сынъ мой! кричала старая цыганка, вбѣгая въ свѣтлицу и бросаясь на грудь Герцика.—Будь проклятъ часъ, когда ты надѣлъ казачье платье! Я не узнала тебя... Горе мнѣ! не узнала роднаго дѣтища, сама убила тебя, положила ядъ на рану, не змѣнный ядъ, свой ядъ; много имъ отправила я на тотъ свѣтъ враговъ нашихъ, злыхъ казаковъ; я мстила за васъ, мои дѣти; мнѣ было любо, когда умиралъ казакъ; я думала: вотъ новый выкупъ за дѣтей моихъ!.. И сама тебя отравила! Горе мнѣ! ты умрешь, Юсель, — силенъ ядъ! Горе мнѣ! горе!

И старуха упала на полъ, ломая руки, судорожно теребя костистыми пальцами сѣдые пряди волосъ своихъ.

— Чтѣ вы смотрите? Смѣйтесь, враги мои! Не я убила сына, вы убили его. Слушайте, какъ хрипитъ онъ! А гдѣ дочь моя, гдѣ моя Текля?.. Вы убили ее, вы взяли нашу монету... Вотъ она, вотъ она! кричала цыганка, схвативъ мѣдный дукатъ, подаренный Татьяною, который висѣлъ на шеѣ Марины:— вотъ благословеніе Хосета. Еще видны на ней слѣды зубовъ моихъ; я заломила край дуката своими зубами, прощаясь съ дочерью. Нѣтъ уже зубовъ твоихъ! растеряла я ихъ по вашимъ стѣнямъ; но я полила ихъ вашею кровью, и вырастутъ изъ нихъ на вашу голову страшныя змѣи. Гдѣ дочь моя?

— Она умерла, отвѣчалъ Чайковскій.

— Умерла! Богъ мой! Слышишь, Юсель, сынъ мой? Она умерла, умерла, сестра твоя! слышишь?

Но Герцикъ лежалъ уже мертвый.

— Что же ты не отвѣчаешь, сынъ мой? Не гляди такъ страшно на меня! Я убійца твоя, но я не желала тебѣ зла. Посмотри! И, быстро разорвавъ на груди рубаху, достала цыганка старыи кошелекъ и высыпала на мертваго горсть мелкихъ монетъ: — На, вотъ они; я для васъ собирала, питалась по цѣлымъ днямъ травами, жила какъ собака, ночевала подъ заборами, и собирала деньги, чтобъ отдать вамъ, мои дѣти. Я мстила за васъ и жила для васъ! Да скажи жъ хоть одно слово; не гляди на меня такъ странно, Юсель! И старуха сильно дергала за руку трупъ; трупъ бессмысленно кивалъ головою.

— Онъ умеръ, сказалъ Касьянъ.

— Умеръ! тихо проговорила цыганка: — умеръ? И она умерла, и онъ умеръ?... Умеръ, ха-ха-ха! Еще одинъ умеръ! двухъ-сотый умеръ! Хорошо, Рохля, хорошо!.. У, гу, гу, гу!.. запѣла старуха, поднимая кверху руки и, ходя по комнатѣ, поводила на всѣхъ безумными глазами.

Казачи со страхомъ жаллись по угламъ.

— Убрайся, нечистая сила, откуда пришла! сказалъ Касьянъ, широко растворяя двери: — не намъ тебя судить; Божій судъ надъ тобою.

— У, гу, гу, гу! пѣла старуха, и хохотала безумно, и подпрыгивая, тихо пошла по степи, озаренной луною. Страшно краснѣла при лунѣ яркая одежда колдуньи и сверкали сѣдые волосы, разметанные по плечамъ. Но вотъ уже ее стало не видно; только изрѣдка долетало протяжное *гу, гу!* и печально завывали на зимовникъ собаки, отвѣчая на эти отголоски.

XII.

«Добре, добре! ну, до танцивъ,
«До танцивъ, кобзарю!»
Слиный шкварывъ. На вприсядкы
Пишли по базару.
Земля гнется. «А ну, Гонтю!
«Ну, брате Максиме!
«У шкваримо, мій голубе
«Поки не загинемъ!»

Т. Шевченко.

— Грому, грому, хлопцы! кричалъ Запорожець, неистово выплясывая посреди свѣтлицы отчаяннаго казачка.

Музыка гремѣла, стонала; казалось, трубы готовы были разлетѣться отъ ярыхъ звуковъ, литавры и барабаны полопаться отъ усиленныхъ ударовъ; другихъ инструментовъ не было слышно. А Запорожець кричалъ: «грому, грому!.. грому, собачьи дѣти!» Никита разгулялся, и кружился быстрымъ вихремъ по комнатѣ, то вскинувъ кверху руки, выросталъ краснымъ столбомъ подъ потолокъ, то со свистомъ и шелкомъ разстилался по землѣ словно пламя, гонимое сверху вѣтромъ. Кругомъ пласуна толпились хорошенькія личики дѣвушекъ, и синіе жупаны гетьманцевъ, и зеленые черкески запорожскаго товариства.

— Давно такъ бы танцовали, если бъ слушали Гадюка! сказалъ Гадюкъ Касьяну, стоявшему подлѣ него:—и онъ самъ танцовалъ бы.

— Кто? спросилъ Касьянъ.

— Известно, покойный полковникъ! Души у меня не лежало къ Герцику; я узналъ кое-что отъ прохожаго кобзаря изъ Польши, и сталъ-было рассказывать полковнику, да ты пріѣхалъ и помѣшалъ.

— Вотъ что! Чтѣ жъ ты ему прямо не сказалъ?

— Не такой былъ покойникъ; у него коли, было, хочешь, чтобъ спалъ, такъ говори: не спи,—онъ нарочно и ляжетъ, чтобъ показать

характерство. Такой былъ упрямая душа! Я уже сталъ-было ему говорить околицею, да не удалось досказать. Такъ и умеръ не дослушавши... Жаль!.. Тряхнемъ, Касьянъ, стариною?

— Тряхнемъ!

И оба, выскочивъ изъ толпы къ Никитѣ, начали выписывать ногами невообразимые вензеля.

Третій день уже длился пиръ въ Пирятинѣ, — такой пиръ, какого и старики не помнили и потомки въ послѣдствіи никогда не видѣли, а намъ тѣмъ болѣе не увидѣть. Третій день уже пиروвали у пирятинскаго сотника Чайковскаго неслыханные гости Запорожцы съ своимъ кошевымъ Зборовскимъ. Шуму, крику, потѣхамъ конца не было. То на раскрашенныхъ лошадяхъ ѣздили по городу разныя машкары (маски), кто Жидомъ, кто Цыганомъ, кто Нѣмцемъ; нѣкоторые, даже не боясь грѣха, наряжались чортомъ, совершеннымъ чортомъ, настоящимъ чортомъ, и съ хвостомъ, и съ рогами; то выходя на базаръ, Запорожцы садились по горло въ чаши съ дегтемъ (смолою), и представляли, какъ души грѣшниковъ кипятъ въ аду, а послѣ, выскочивъ всѣ мокрые, бросались въ пыль, въ песокъ и валялись по землѣ, потѣшая народъ.

— Да откуда набралось у васъ этого народа? спрашивалъ захожій Прилучанинъ своего пріятеля Пирятинца.

— Развѣ ты не знаешь, что сынъ нашего покойнаго протопопа жилъ на Съчи, женился на дочери лубецкаго полковника и сталъ богатъ? Тутъ цѣлая исторія. На той недѣлѣ казнили Жида, Гершка: онъ имъ много дѣлалъ зла, я расскажу тебѣ послѣ. А какъ нашего сотника выбрали въ Лубны полковникомъ на мѣсто покойнаго Ивана, вотъ мы и сдѣлали Чайковскаго своимъ сотникомъ. А тутъ подѣхали гости, старые пріятели Чайковскаго изъ Съчи, и заварили кашу. Вѣришь, братику, третій день жонки обѣдать не варятъ: все смотрятъ на чудеса; хорошо, что хоть у сотника на дворѣ всего вдоволь, ѣшь, пей и танцуй коли вздумаешь. Не хочешь ли перекусить? Пойдемъ.

— Кто отказывается отъ хлѣба-соли.

— Славный завтракъ! говорилъ Прилучанинъ своему пріятелю, убирая за обѣ щеки жареную баранину.

— Нашъ сотникъ богатъ, и еще недавно купилъ себѣ землю въ Домантовѣ надъ Днѣпромъ, знаешь, — то самое мѣсто, гдѣ онъ прісталъ къ Запорожцамъ.

— Купилъ?

— Купилъ. Эхъ, жаль, что теперь не лѣто! Оно хоть и не холодно, вторыя Параскѣ (14 октября), да все уже осень; паны сидятъ въ комнатахъ: знаешь, нѣжные, — а то бы ты увидѣлъ столько панства, что если бъ каждый смился въ ночь по разу, то руки устали

бы етъ крестовъ... Здѣсь и лубенскій полковникъ, и сотники, и эсаулы, и хорунжіе, и всякое панство...

Тутъ распахнулись двери изъ панскаго дома; выскочилъ Никита и за нимъ толпа Запорожцевъ и музыкантовъ, и всѣ съ пѣньемъ, съ пляскою пустились къ погребу Чайковскаго. Въ-минуту были выкачены нѣсколько десятковъ бочекъ и боченковъ съ наливками и медами и внесены въ домъ.

— Комедію замышляютъ Запорожцы, говорили одни.

— Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ? говорили другіе между народомъ, стоявшимъ толпою на широкомъ дворѣ.

Запорожцы внесли бочки въ комнаты, затворили двери; немного погода послышался стукъ молотковъ, потомъ со звономъ вылетѣли окна и въ слѣдъ за ними посыпались въ народъ обручи, донники и клепки разбитыхъ бочекъ, а вслѣдъ за клепками явилось въ окнѣ лицо Никиты и громко сказало народу: люди добрые, хотите знать, отъ чего говорится: «пьяному море по колено?»

— Хотимъ! отвѣчалъ народъ:—какъ не хотѣть!

— Такъ посмотрите сюда въ окно.

Кто ни глянетъ въ окно — только всплеснетъ руками. Запорожцы заколотили двери въ свѣтлицѣ, выпустили изъ бочекъ настойку и ходятъ по колену въ дорогихъ напиткахъ и, наклоняясь, пьютъ ихъ, какъ лошади воду...

«Но всякому веселью бываетъ конецъ» сказалъ, должно полагать, какой-нибудь большой философъ: такъ и пирамъ Чайковскаго пришелъ конецъ. Поживя недѣлю, кошевой собрался вхатъ.

Было чистое, свѣжее, осеннее утро, когда Запорожцы, выпивъ по чаркѣ на дорогу и по другой на коняхъ, выѣхали за городъ. Алексѣй съ женою и старшинами провожалъ ихъ. Съ полверсты отъ города, въ степи, стоялъ курганъ; на курганѣ горѣлъ большой огонь и толпились люди.

— Кошевой батьку! сказалъ Чайковскій съ комическою важно-стію, подѣзжая къ Зборовскому: — на курганѣ видны люди, кучею стоятъ: должно быть Татары или Турки; позволъ языка достать.

— Съ Богомъ, братику, отвѣчалъ кошевой.

— Зимовникъ, батьку, отвѣчалъ Чайковскій, возвращаясь отъ кургана:—зимовникъ стараго Касьяна; должно быть тутъ и Свѣч недалеко; просить хозяинъ до хаты.

— Добре, ваши головы, кричалъ кошевой, подѣзжая къ кургану.

— Ваши головы, ваши головы! отвѣчали Касьянъ и казаки, принимая гостей.

Здѣсь устроена была на-скорую-руку походная кухня. Съли завтракать, начали пить здоровье и кошеваго, и Чайковскаго, и старшинъ, и даже всѣхъ казаковъ поочередно; опять явилась музыка, по-

шли танцы — и только передъ вечеромъ выѣхали въ походъ Запорожцы. Ярко горѣли ихъ шитые красные жупаны, сливаясь съ горизонтомъ въ лучахъ заходящаго солнца. Чайковскій съ женою грустно съзрѣлъ за ними... И вотъ уже красною полоскою мелькали они на далекой степи; вдругъ что-то отдѣлилось отъ нихъ, росло, росло, близилось, и у кургана явился Никита.

— Что тебѣ надо, Никита? Здравствуй, Никита! сказалъ Чайковскій.

— Я думала, что и до смерти не увижу тебя, Никита! радостно закричала жена Чайковского.

— Дѣло есть.

— Какое дѣло?

— Пойдите сюда, важное дѣло, тайное дѣло. Кромѣ васъ, никому сказать нельзя.

— Ну, что? спросилъ Чайковскій, отойдя съ женою въ сторону отъ кургана шаговъ на сто.

— Ничего. Я обманулъ кошеваго, сказалъ, что забылъ тутъ свою люльку (трубку), да и вернулся.

— Зачѣмъ?

— Вотъ видите. Хорошо, что вы отошли отъ кургана, насъ никто не услышитъ,—тамъ Касьянъ, старый характерникъ, тамъ и прочіе казаки еще смѣяться стали бы надо мною. — Видите... Жалко мнѣ кидать васъ, добрые люди, ей-Богу, жалко. Какъ выѣхали въ степь, будто камень проглотилъ я, тяжело стало, въ глазахъ туманъ разостлался; еще уѣзжая отъ васъ видѣлъ на носу чорта, а то и чорта не видно стало—а тутъ подо мною конь споткнулся: худая примѣта, скоро умереть доведется, подумалъ я, обманулъ кошеваго и вернулся. Теперь прощайте! Прощайте, братцы; обнимите меня... Видите, я плачу, нѣ кому обнимать меня, ей-Богу, нѣкому. Прощайте! Вотъ такъ! спасибо!

Никита махнулъ рукою, склонился на сѣдло и ускакалъ изъ виду.

ЭПИЛОГЪ.

Все йде, все минаетъ и краю не мае.
 Кудыжъ воно дѣлось? видкиля взялось!
 И дурень и мудрый ничего не знае.
 Живый умирае... одно зацвилло,
 А друге завьяло, навки завьяло,
 И лыстья пожовкле витры рознеслы!..
 А сонечко встане, якъ перше вставало,
 И зори червоки якъ перше плылы...

Т. Шевченко.

Въ 182... году, далеко за Кавказомъ, у персидской границы, лѣнее полуденное солнце жарко накаляло цещаную равнину. На равнинѣ

въ стоялъ бѣлый городокъ изъ солдатскихъ палатокъ; тамъ кочевалъій пѣхотный полкъ. — Ни тучи на небѣ, ни вѣтра на равнинѣ, а солнце такъ и обдаётъ жаромъ желтыя окрестности. Въ лагерь тишина, странная тишина; кое-гдѣ ходитъ какъ маятникъ часовой, безъ этого можно бы подумать, что вымеръ народъ въ лагерь и нѣтъ живой души. Въ сторонѣ стояла одинокая палатка — не начальничья палатка, не почетная палатка, простая, обыкновенная; у входа ея сидѣлъ молодой человекъ, въ пестрыхъ шальварахъ, въ солдатской фуражкѣ и тихо плакалъ, склоняясь головою почти до колѣнъ.

— Васька! а Васька! послышался слабый голосъ изъ палатки.

— Сейчасъ, баринъ, отвѣчалъ, вскочивъ на ноги, молодой человекъ и торопливо утеръ слезы.

— Васька! Я должно быть выздоровѣю, право, выздоровѣю, говоритъ вошедшему человеку молодой офицеръ.

— Выздоровѣете, баринъ; я это давно говорилъ.

— Нѣтъ, Васька; чума не такая болѣзнь; никто еще отъ нея не выздоровѣлъ; а мнѣ представилось сейчасъ, что я дома, въ Пирятинѣ; на небо нашли тучи, идетъ дождикъ, такой прохладный! Вода съ кровельнаго жолоба льется на камень... Помнишь камень, что лежитъ передъ крыльцомъ?

— Помню, баринъ.

— Льется вода, свѣжая вода, а брызги такъ и летятъ кругомъ, и шепчетъ кто-то мнѣ: «Напейся этой воды: ты выздоровѣешь; чума боится этой воды»... Дай мнѣ хоть каплю, Васька!

Васька принесъ воды.

— Скверная, теплая вода! сказалъ офицеръ:—дай мнѣ той воды... Вѣрно мнѣ придется умереть... Смотри, Васька, послѣ моей смерти, когда прійдешь въ Пирятинъ, напейся воды изъ жолоба... Пойди, принеси мнѣ свѣжей воды.

Васька принесъ другой воды, но уже не засталъ своего барина: умеръ послѣдній потомокъ Алексѣя Чайковского.

Въ газетахъ было напечатано: «Исключается изъ списковъ умершій прапорщикъ ...го пѣхотнаго полка, Созонтъ Чайковский.»

Еще въ дѣтствѣ я посѣщалъ пирятинскую замковскую церковь, и теперь очень-хорошо помню ея страну, древнюю живопись. Подъ иконами вездѣ были нарисованы воинскіе клейноды: булавы, бунчуки, перначи, стрѣлы и копыя; дубовыя стѣны были изрѣзаны разными надписями; каждая икона имѣла свою примѣчательную исторію. Тогда былъ еще цѣлъ домъ Чайковскихъ, странной архитектуры, съ высокою крышею, съ узкими окнами; передъ крыльцомъ лежалъ большой жерновой камень. Вѣрно давно лежалъ онъ тамъ: вода, падавшая съ крыши, вымыла на немъ глубокія ямы. За домомъ росъ большой тѣнистый садъ (теперь на этомъ мѣстѣ, кажется,

широкая пустая улица); передъ домомъ, словно лугъ, разстилается зеленый дворъ съ рѣзными дубовымъ воротами, выходящими на улицу.

Въ послѣднюю турецкую кампанію, этотъ запустѣлый домъ и дворъ снова было-оживились: въ домѣ громко говорили, еще громче смѣялись. Казаки въ синихъ кафтанахъ, въ шапкахъ съ красными верхами ходили по двору; у коновяза безсмѣнно стояло нѣсколько десятковъ сѣдланыхъ лошадей: здѣсь была квартира комиссара (капитана-исправника).

Въ маѣ 1841 года, я подѣзжалъ къ Пирятину. Мой ящикъ былъ удивительный человекъ: дай ему побольше денегъ и пусти въ Петербургъ — онъ бы сдѣлался величайшимъ онагромъ. Съ бритой бородой, съ длинными запорожскими усами, онъ былъ остриженъ въ-плотную, по-солдатски; въ лѣвомъ ухѣ у него висѣла огромная мѣдная серьга, признакъ франтовства многихъ удалыхъ ефрейторовъ; при широчайшихъ казацкихъ шальварахъ, онъ былъ одѣтъ въ русскій армякъ, носилъ московскую красную рубаху съ косымъ воротникомъ и на головѣ имѣлъ безобразнѣйшую въ мірѣ круглую шляпу съ высокою, узкою тульею, перевязанною пополамъ покромкою отъ голубаго ситца; на покромкѣ можно было прочесть слова: *Ивана Лаптьва вмоскве*; за покромкой натыкано множество павлиньихъ перьевъ, — словомъ, шляпа, какую носятъ въ Малороссіи русскіе купцы, торгующіе скотомъ. Хорошіе кони, не во гнѣвъ русскимъ ящикамъ, быстро мчались; но ящикъ безпрестанно поводилъ надъ ними кнутомъ, приговаривая: «Ой-вы, соколики! матери вашей лихо! ей, дѣты! Съ горки на горку! (выговаривая: s'horuku na horoku), дасть баринъ на водку!». Потомъ запѣлъ пѣсню:

Ой, на горѣ на зеленой дорожка лежала;
Туда наша сударыня искруть (рекрутъ) выражала!

Влѣво отъ дороги, за Удаемъ, ходили тучи и по-временамъ гремѣлъ громъ. Вдругъ, будто выстрѣлъ, раздался ударъ въ сторонѣ къ Пирятину и поднялся столбомъ густой дымъ. Ящикъ привсталъ на козлахъ, перекрестясь, сказалъ: «ей же Богу, замковская церковь горитъ!», и ударилъ по лошадямъ.

Мы были верстахъ въ шести отъ города, скакали шибко; но когда пріѣхали, застали однѣ только развалины церкви. «Громъ разбилъ нашу церковь!» печально говорилъ народъ. Нѣсколько старушекъ неутѣшно плакали надъ дымящимися развалинами церкви, въ которой крестились и вѣнчались ихъ предки, сами онѣ крещены, вѣнчаны и молились до глубокой старости. Между-тѣмъ, тучи разошлись, легкій дождикъ sprysнулъ городъ, прибилъ пыль, оживилъ сады, и солнце весело глядѣло на землю.

Перебравъ лошадей, я поѣхалъ далѣе не почтовымъ трактомъ: подѣ горою, при самомъ выѣздѣ, влѣво, зеленѣлъ огромный пустырь; на немъ поросъ высокій бурьянъ и крапива, и желѣли кучи развалинъ,—едва я узналъ въ этомъ пустырь бывшій домъ и дворъ Чайковскаго! Слѣпой кобзарь, сидя на дорогѣ у самаго пустыря, пѣлъ заунывнымъ голосомъ:

На Чорному Мори, на бѣлому камни
Ясневый сокилъ жалобно квилить проквиле.
Смутно себе мае, на Чорное Море погледае.
Що на Чорному Мори на добре ся починае!..

Кобзарь не подозрѣвалъ, какъ была кстати, къ-мѣсту, его древняя легенда, но пѣлъ ее съ чувствомъ; голосъ его дрожалъ, струны дрожали, замирали въ диссонансахъ, которые мало-по-малу переходили въ стройный аккордъ, жалобный, вопіющій, страдальческій! А люди шли мимо, не обращая вниманія ни на старика, ни на его пѣсню.

Е. ГРЕВЕНКА.

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой отраднѣй, какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительныя глазки
И улыбались лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну!...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою;
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшія слышалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

ЛЕРМОНТОВЪ.

НОТТУРНО.

Какъ не любить тебя, таинственная ночь?
Ты шумъ и зной дневной такъ сладостно смѣняешь
Прохладой тихою!... Ты отгоняешь прочь
Все, что не чувствуетъ, не мыслить, — и сылкаешь
Имъ очи крѣпкимъ сномъ, чтобъ недостойный взоръ
Твоею дивною красой не любовался;
Чтобъ только избранный, найдя покой, просторъ,
Въ благоговѣннѣ тобою наслаждался.
Пусть солнце яркое для всѣхъ горитъ равно
И будни суетныхъ волненій озаряетъ;
Тобою бдѣннѣ души осѣнено,
И жизньъ духовную твою сумракъ охраняетъ.
Сіяньемъ радостнымъ пусть свѣтлый день богатъ, —
Мила ты, томная, покровъ накинувъ черный.
Какъ не любить тебя? Ты влажный ароматъ
Мнѣ въ грудь уставшую вливаешь благотворно!
Какъ не любить тебя? Ты лучшихъ думъ пора;
Ты освѣжительна, ты вѣшь мнѣ мечтами,
Святой повѣей; — ты часто до утра,
Въ дремотѣ, на яву, мнѣ сердце тѣшишь снами
Невыразимыми!.....

ГРАФИНЯ Е. РАСТОПЧИНА.

Гельзингборгъ.

Июль — 1840. Ульриксборгъ,
Уллнерская вилла.

ЭМЕРЪ.

Романъ Валтера Скотта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ замкѣ всѣ уже улеглись спать: духовныя пѣсни давно замолкли. Матрѣ Ландри, съ фонаремъ въ рукахъ, пробирался въ свою комнату, послѣдній разъ осмотрѣвъ собакъ: это были единственныя существа въ свѣтъ, раздѣлявшія, вмѣстѣ съ Пашалѣ, ласки ловчаго. Жилье его находилось на заднемъ дворѣ, недалеко отъ псарни, подлѣ овина, который почти всегда былъ пустъ; иногда только отводили въ немъ квартиру нищему, который просилъ пріюта въ замкѣ. Въ это жилье веда деревянная дѣстница; перила давно уже сломались; мохомъ поросли ступеньки, — потому что Ландри рѣдко принималъ посѣщенія и не любилъ, чтобы спокойствіе его возмущаемо было незваными гостями.

Войдя на дворъ, ловчій взглянулъ на окно своей комнаты и затрепеталъ отъ радости, когда увидалъ въ ней огонекъ. Давно уже честный Ландри убѣдительно упрашивалъ Пашалѣ посѣтить его комнату, гдѣ, какъ онъ говорилъ, она можетъ, если ей угодно, слышаться и царицей и госпожей. Коварная дѣвушка всегда ублаживала его обманчивыми обѣщаніями, и ни разу не являлась на свиданіе. Теперь ловчій съ удовольствіемъ видѣлъ, что дѣло пошло на ладъ.

— Вотъ, говорилъ онъ про-себя съ улыбкою: — пришла же она наконецъ? Вотъ каковы женщины. Пусть онъ говорятъ что угодно, ты себя только не робѣй, все будетъ по твоему. Надоно дѣлать именно такъ, какъ вѣтеръ, когда ему захочется вырвать дерево съ корнемъ. Онъ дуетъ себя, дуетъ, да и повалитъ наконецъ дерево.

Съ легкостію молодого человѣка, Ландри взбѣжалъ на ступеньки; ключа въ замкѣ не было; онъ два раза легонько стукнулъ въ дверь.

— Пашаль, сказалъ онъ:—это я! Отвори, моя козочка; всѣ спятъ, и мы можемъ свободно побалагурить вдвоемъ.

Къ удивленію ловчаго никто не отвѣчалъ.

— Пашаль, продолжалъ онъ:—это я, говорятъ тебѣ, я—Ландрі. Только-что ловчій сказалъ свое имя, тяжелые шаги послышались въ комнату, и дверь отворилась. Въмѣсто рыввой горничной, передъ Ландрі стоялъ мужчина высокаго роста, въ черномъ платьѣ; по шпигѣ, шпорамъ, зеленому перу на шляпѣ ясно было видно, что это дворянинъ. Незнакомецъ былъ одинъ въ комнатѣ. Онъ, видно, расположился въ ней, какъ дома, потому-что сдѣлалъ уже довольно-значительную брешь въ пирогъ съ дичиною, который приготовленъ былъ вовсе не для него.

— Кто вы такой, мессиръ? сказалъ Ландрі гнѣвно:—что вы здѣсь дѣлаете?

Господинъ засмѣялся, но тѣмъ глухимъ смѣхомъ, въ которомъ высказывается больше насмѣшка, чѣмъ веселость.

— Хе, хе, хе! Попался, любезный, въ-просакъ: точно охотникъ, который думаетъ схватить въ норѣ зайца, и вдругъ наскакиваетъ на кабана въ его берлогу. Ну, посмотри на меня,—узналъ? Не-уже-ли пятнадцатилѣтнее отсутствіе такъ измѣняетъ человѣка, что надо склонять свое имя даже для лучшихъ друзей?

Ландрі поднялъ фонарь и направилъ лучи его на лицо господина. Какъ смерть поблѣднѣлъ онъ и выронилъ изъ рукъ фонарь.

— Съ нами крестная сила! пролепеталъ онъ:—вы ли это, графъ? Я думалъ, вы давно уже въ аду. Зачѣмъ воротились вы сюда? Ужь не хотѣли ли, чтобы и вамъ отрубили голову, какъ вашему зятю, на Гренобльской-Площади?

Ландрі узналъ въ своемъ гостѣ графа Франсуа де-Сассенажъ, брата г-жи де-Монморъ, который пятнадцать лѣтъ назадъ, спасаясь отъ королевскаго правосудія, покинулъ Францію. Нѣтъ надобности ска-зывать догадливому читателю, что это тотъ же господинъ, который занималъ въ Романъ комнату Пласида и сказался Эмэ Вери капитаномъ Гарлеманомъ. Ужасъ ловчаго при видѣ его, и самый прихоть графа въ его комнату, ясно говорить, что нѣкогда существовали между ними связи тѣсныя тѣхъ, какія дозволяетъ приличіе людямъ столь различнаго состоянія. Слѣдующій разговоръ объяснить, како-го рода были эти связи.

— А! такъ ты интересуешься тѣмъ, что до меня касается? сказалъ графъ. —Благодарю тебя отъ всего сердца. Но запри-ка дверь и сяди гододенъ, садись за этотъ столъ. Намъ надо-таки потолковать кой-о-чемъ. Разумѣется, посидѣть съ-глазу-на-глазъ съ красоткой было бы тебѣ пріятнѣе,—хоть волосъ у тебя и съдѣ, да и совѣсть несовсѣмъ легка. Хе, хе, хе! за твое здоровье, другъ Бомбардонъ! Кажется, такъ звали тебя въ прежнее счастливое времечко?

— Мессиръ, сказалъ Ландрі, продолжая стоять:—не здѣсь мѣсто такой милости. Не лучше ли графу де-Сассенажъ пойти къ сыну сестры своей? Моя комната недостойна принять такого гостя. Я живу

подлѣ собакъ, лошадей и быковъ. Комната моя пахнетъ своимъ и конюшней. Если угодно, я провожу васъ въ покои, которые вы изволили занимать прежде.

— Ну, полно! Вѣдь эта комната годилась же, по твоему мнѣнію, для приѣма Пашали; полно проповѣдничать передо мною! Ты знаешь, что я тебя насквозь вижу; ты всегда былъ лицемеръ, вотъ и все. Возьми-ка выпей этотъ стаканъ, да потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ—я нарочно затѣмъ и пришелъ сюда.

— О какихъ же это дѣлахъ? спросилъ ловчій, садясь у камина и не смѣя взглянуть на своего собесѣдника.—Вамъ, вѣрно, угодно поговорить о святомъ дѣлѣ?

— Хе, хе, хе! сказалъ графъ смѣясь:—куда какъ пристало тебѣ, старый ханжа, говорить о святомъ дѣлѣ! Ужъ пусть бы говорилъ я, я былъ мученикомъ за святое дѣло (и графъ еще громче засмѣялся). — Да, точно, я былъ мученикомъ, и надо было видѣть, какъ эти глупцы-гугеноты принимали меня во всѣхъ городахъ, гдѣ только я ни провзжалъ. Они целовали у меня ноги и руки, готовы были разорвать на лоскутки плащъ мой, чтобъ сберечь эти лоскутки, какъ святыню,—и это дѣлалъ народъ, готовый сжечь все мощи святыхъ. Между нами сказать, мой другъ Бомбардонъ, папасты большіе дураки; но мнимые преобразователи, право, не уступать имъ.

— Вы очень-дурно отзываетесь о старыхъ друзьяхъ своихъ, месьиръ, отвѣчалъ ловчій.—Вы не знаете, можетъ-быть, что они готовы возобновить ударъ, который прежде такъ не удался и такъ дорого обошелся покойному господину моему, Жану де-Монморъ. За насъ теперь простой народъ; ужъ его столько колотили и мучили, что онъ вышелъ изъ себя и начинаетъ наконецъ оскалывать зубы. Недавно въ Валансѣ этотъ боровъ Ламоть-Гондренъ повѣсилъ трехъ почтенныхъ служителей Божіихъ и спалилъ ихъ дома. Повѣрите-ли, народъ перебилъ стекла у губернатора и готовъ былъ приняться за баррикады.

— Знаю, знаю, сказалъ графъ:—потому-то я и прискакалъ изъ Брандбурга; теперь-то, я думаю, бароны дофинѣскіе постараются доказать французскому королю всю привязанность, какую питаютъ къ нему. Хе, хе, хе! Да притѣмъ, продолжалъ графъ, и глаза его засверкали:—мнѣ еще надо покончить старое дѣльцо съ господами членами гренобльскаго парламента и сжечь тридцать замковъ, какъ сожжены были мои замки въ 1546 году. Но теперь не въ томъ дѣло. Всему своя очередь. Теперь мнѣ надо поговорить съ тобой о нашемъ дѣлѣ.

— О какомъ это дѣлѣ? спросилъ Ландрі, притворяясь, будто не понимаетъ графа.

—Чортъ возьми! вскричалъ графъ:—не-уже-ли у тебя память такъ коротка? Нужно ли напоминать тебѣ, что случилось семнадцать лѣтъ назадъ подлѣ Волчьей-Скалы, въ такую же холодную ночь, какъ и сегодня? Развѣ не ты вмѣстѣ съ Брюно...

— Довольно, довольно! прервалъ его ловчій: — я не забылъ этого. Налейте мнѣ вина, глотка горать у меня.

И Ландрій протянулъ свой стаканъ графу; графъ наполнилъ его до самого края; рука ловчаго дрожала; нѣсколько капель пролилось на бѣлую скатерть. Видъ этихъ красныхъ капель привелъ его въ дрожь.

— Что съ тобой? спросилъ Сассенажъ. — Ты не пьешь?

Ловчій указалъ пальцемъ на пятно.

— Взгляните, мессирь, взгляните!

— Что тутъ такое?

— Не похоже ли это на кровь, пролитую на снѣгу?

— Полно, старый дуракъ! тебѣ все еще это мерещется... А развѣ не видишь ты этихъ пятенъ каждый разъ, какъ пореши оленя или кабана?

— Конечно, мессирь, конечно; но скотина, какъ она ни барахтается, все-таки не человѣкъ. Бываютъ минуты, мессирь, скажу вамъ всю правду, я дрожу, словно листъ, какъ вспомню про это. А ночью, гдѣ бы я ни шелъ, все кажется мнѣ, будто кто-то идетъ за мною, и я не смѣю повернуть головы, боясь увидать его. Я слышу, какъ онъ проситъ пощады, слышу, какъ ребенокъ кричитъ на рукахъ его. А въ другую пору, мнѣ чудится, будто меня ищутъ солдаты, хотятъ тащить въ судъ, и что даже скалы въ долинѣ обличаютъ меня. Напивался я пьянъ, чтобъ забыться, какъ дѣлаютъ наши мужики, когда у нихъ прилучится какое горе, — не помогло. Повѣрите ли, мессирь, я выпивалъ по десяти пинтъ черного кот-д'орскаго вина и не былъ пьянъ! Какъ доберешься, бывало, до послѣдней бутылки, такъ и почудится, будто пьешь кровь цѣлыми стаканами. Тьфу!

— Хорошо! вижу, что это значить, сказалъ графъ. — Ты одинъ изъ тѣхъ глупцовъ, которые, счастливо избѣжавъ правосудія, сами становятся своими судьями и палачами. И у меня иногда тяжело бываетъ на совѣсти, точно какъ у старухи-богомолки, которая забыла прочесть свои молитвы. Тогда и я читаю себѣ чудесныя проповѣди, сажусь на скамейку и разыгрываю, какъ и ты, роль рыцаря печальнаго образа. Но, слава Богу, у меня этотъ припадокъ проходитъ скоро.

— А кто сказалъ вамъ, что мы совсѣмъ спаслись отъ длинныхъ рукъ правосудія? спросилъ ловчій. — Говорятъ вѣдь, что правосудіе идетъ, хоть и прихрамывая, а все-таки рано или поздно доберется до кого надо. Боюсь, чтобъ эта пословица не сбылась, а вѣдь мы страхъ-какъ дурно распорядились въ этомъ дѣлѣ. Когда онъ пришелъ въ замокъ, надо было бы поднять мостъ, да не выпускать его. А то, что дѣлать? Жанъ де-Монморъ рѣшительно растерялся, какъ увидалъ его. Онъ притворился только, будто не узналъ его, вытолкалъ брата за ворота, какъ нищаго, и теперь священникъ рассказываетъ какому встрѣчному, что старый господинъ его стучался къ нему въ дверь именно въ эту страшную ночь.

— Такъ что жъ за бѣда? сказалъ Сассенажъ, огрѣзывая кусокъ коп-

ченнаго окорока. — Никто ему не вѣрить, даже служанка, которая смѣется надъ нимъ и упрекаетъ его, что онъ мало служилъ панни-хидъ за душу покойника.

— Положимъ, это такъ, возразилъ Ландрі.—А на кой чортъ намъ нужно было брать конфоманскаго мостоваге перевозчика и мула его?

— Мулъ не скажетъ ни слова, увѣрю тебя, сказалъ графъ насмѣшливо.

— Вѣдь ослица Валаама говорила же! возразилъ ловчій. — Притомъ, Брюно болтунъ, который рассказываетъ эти вещи всякому, кто только сядетъ къ нему въ лодку. Какъ только повидишься съ нимъ, такъ вотъ рѣшительно смерть и влѣзетъ въ душу. Я видѣлъ его съ недѣлю назадъ, и онъ доказалъ мнѣ, что рано или поздно мы будемъ наказаны—и дѣти наши, если они у насъ будутъ.

— Это старый враль, сказалъ графъ. — Что же касается до тебя, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что хоть ты и не читалъ Раблэ, за то по-крайней-мѣрѣ держишься умныхъ правилъ Панюржа. Этотъ ужинъ чудесный, — а дѣвушка вѣрно красотка? Живи все именно такъ, любезный, и будь увѣренъ, призраки не съдутъ съ тобою за столъ и не прійдутъ мѣшать твоему свиданію съ Пашалъ.

• — На этотъ счетъ, сказалъ Ландрі:—вы изволите говорить правду. Знаю очень-хорошо, что ничего нѣтъ вѣрнѣе настоящаго и что надо имъ пользоваться. Жизнь идетъ, какъ сонъ, и лѣта бѣгутъ такъ скоро, какъ дымъ изъ трубы. Надо стараться весело проводить короткія минуты, которыя намъ назначены. Я забылъ бы все призраки, если бы мы не сдѣлали еще другой глупости.

— Какой? спросилъ Сасенажъ.

— А вотъ какой, сказалъ Ландрі: — чего мы испугались, когда услышали голосъ этого проклятаго путешественника? Если бы мы были по храбрѣе, такъ не убѣжали бы, не дали бы ему унести ребенка, а отправили бы его въ потокъ допѣвать тамъ свою пѣсню. Кто знаетъ: можетъ-быть, вдругъ явятся и тотъ и другой, можетъ-быть путешественникъ и узналъ одного изъ насъ.

— А, точно! что правда, то правда, сказалъ Сасенажъ.—По-мнѣ, это лучше твоихъ сказокъ о привидѣніяхъ и твоихъ мнимыхъ угрозъ совѣсти. Но такъ-какъ мы заговорили о ребенкѣ, то можешь ли ты мнѣ сказать, что бы ты сдѣлалъ съ нимъ теперь, если бы Богъ, по милости своей, отдалъ его въ твои руки?

— Божусь вамъ, графъ, сказалъ Ландрі:—я еще никогда не думалъ объ этомъ. Но признаюсь, своя рубашка къ тѣлу ближе.

Графъ, казалось, былъ доволенъ отвѣтомъ ловчаго. Онъ вышелъ изъ-за стола, отеръ губы, и, подойдя къ огню, замолчалъ. Наконецъ онъ ударилъ по плечу Ландрі.

— Вижу, сказалъ онъ: — ты человекъ храбрый, и мы съ тобой сойдемся лучше, чѣмъ съ этимъ сумасбродомъ Брюно. Чтобы показать, какую я имѣю къ тебѣ довѣренность, скажу тебѣ новость, бѣдай для тебя иштересную.

— Что такое? спросил Ландрі съ безпокойствомъ, потому-что доволный видъ графа казался ему дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Подумай, отгадай. Если бы здѣсь былъ какой-нибудь колдунъ, развѣ ты не пошелъ бы къ нему спросить его кой-о-чемъ?

— Конечно, сказалъ Ландрі послѣ минутнаго молчанія:—миѣ бы хотѣлось узнать, когда я умру.

— Хе, хе, хе! сказалъ графъ. — Зачѣмъ же это? Чтобъ убѣжать и не заплатить своего долга, когда смерть, злая кредиторка, заступитъ въ твои двери? Увы, мой бѣдный Ландрі! бѣги, куда хочешь, бѣги за горы, за рѣки, скачи на самомъ лихомъ скакунѣ изъ моей конюшни, — смерть нагонитъ тебя и остановитъ твоего коня за узду и сброситъ тебя съ сѣдла, когда только ей захочется. Какъ ни слѣпа она, никто до-сихъ-поръ не сумѣлъ обмануть ея, даже женщины, которыя обманываютъ весь свѣтъ. Знать или не знать часа смерти,—рѣшительно все равно. Нельзя ни ускорить, ни замедлить этой минуты. Повѣрь миѣ, лучше оставайся въ этомъ нездѣшнѣи и занимайся вещами болѣе-полезными. О смерти я забочусь столько же, сколько о бутылкѣ, которая разбилась, и которой вино пролилось на землю. У меня есть другая забота. Ты, кажется, говорилъ сей-часъ о ребенкѣ?

— Да, мессиръ.

— Такъ узнай же, сказалъ графъ де-Сассенажъ протяжно, ударяя на каждомъ слогѣ:—я открылъ слѣдъ его.

— Не-ужь-то? вскричалъ Ландрі, устремивъ на графа мутные глаза:—вы говорите?..

— Развѣ ты не разслушалъ меня? возразилъ графъ.—Что ты глядишь на меня съ такимъ лицомъ, отъ котораго у кормилицы испортилось бы молоко? Да, я открылъ слѣды его, въ то время, какъ менѣ всего думалъ о немъ. Небо милостиво! Оно помогло миѣ.

— И вы увѣрены, что не ошибаетесь? сказалъ ловчій: — вѣдь сколько шлялись мы въ-теченіе двухъ лѣтъ по-всѣмъ дорогамъ и никакъ не могли попасть на слѣдъ! Бѣжусь, мессиръ, не напрасно-ли вы тревожитесь, какъ старая Діана, которая кусаетъ больно, когда поймаетъ звѣря за ухо, но всегда лаетъ понапрасну.

— Суди, братецъ, самъ, хорошая ли я ищейка. Ты вѣдь знаешь эгладскаго кузнеца?

— Какъ не знать;—старика Мерлея, какъ не знать! Сколько разъ вы пивали съ нимъ и бражничали!

— Ну, такъ вотъ видишь, возразилъ Сассенажъ:—въ рукахъ у тебѣ была волынка, а ты не умѣлъ играть на ней. Если бъ ты былъ нуливе, старый дуракъ сказалъ бы тебѣ все, какъ рассказалъ онъ миѣ, съ шѣпцѣ назадь, когда я завхалъ къ нему подковать лошадей.

Ландрі недовѣрчиво покачалъ головою.

— Что же онъ могъ сказать вамъ, этотъ старый глухарь? спросилъ онъ.—По-миѣ, я больше вѣрю въ звукъ его молотка, чѣмъ въ звукъ его словъ.

— Право? сказалъ графъ.—А что бы ты подумалъ, если бь этотъ старый глухарь рассказалъ тебѣ, какъ, шестнадцать или семнадцать лѣтъ назадъ, въ декабрьскую ночь, какой-то всадникъ остановился у дверей его, чтобъ подковать лошадь?

— Мало ли людей ѣздятъ ночью?

— Конечно, возразилъ Сассенажъ:—но у этого всадника подь плащемъ былъ трехлѣтній ребенокъ, полумертвый отъ холода и весь покрытый кровью. Что? по-твѣдому, это обыкновенное обстоятельство, и каждый день можно встрѣтить людей, которые ѣздятъ такимъ образомъ?

— Проклятiе! сказалъ Ландрi.—Старикъ Мерлей знаетъ ли, кто таковъ этотъ ребенокъ?

— Онъ ничего не знаетъ, не знаетъ даже имени всадника, который привязалъ къ нему.

— Такъ къ-чему же, сказалъ Ландрi:—послужило вамъ это открытiе?

— Нѣтъ, любезный, я видно рожденъ быть дипломатомъ, точно какъ мой братецъ кардиналъ де-Турнонъ. Я запутывалъ бы и распутывалъ дѣла не хуже самаго тонкаго легата римскаго двора. На моемъ иѣствѣ ты бросилъ бы свой языкъ собакамъ и дрожалъ бы въ своей шкурѣ, дожидаясь, что будетъ; но, слава Богу, я подогадливѣе тебѣ. Съ трехъ, съ четырехъ вопросовъ, предложенныхъ съ равнодушнымъ видомъ, я узналъ все, что нужно мнѣ было узнать, касательно того, кто похитилъ нашего ребенка.

— Что жь вы узнали, мессиръ?

— Я узналъ сначала, какъ зовутъ лошадь, которую Мерлей имѣлъ честь ковать. Это была дрянная кобылѣнка, къ которой господинъ ея, повидимому, былъ очень привязанъ: онъ звалъ ее Розамондой.

— Потомъ?..

— Потомъ я узналъ, что всадникъ былъ великанъ съ краснымъ носомъ; на немъ были высокія штиблеты, какія носятъ жители Вальгодемара; онъ не могъ произнести четырехъ словъ, не прибавивъ «чортъ возьми!» Мерлей самъ слышалъ эти слова своими ушами.

— И все тутъ?

— Погоди, еще не все; господинъ съ краснымъ носомъ, нагрѣвъ мальчишку и раздѣливъ съ Розамондою пинту теплаго вина, вскочилъ на сѣдло, поблагодарилъ кузнеца, и ускакалъ въ галопъ, не заплативъ ни за вино, ни за подковы.

— Наконецъ?

— Наконецъ, я повѣхалъ въ Вальгодемаръ. Тамъ я наполнилъ мужиковъ, разспросилъ ихъ и узналъ, кто такой красноносый господинъ, у котораго лошадь зовется Розамондою, который безпрестанно говоритъ «чортъ возьми!» и остается въ долгу вездѣ, гдѣ ни побываетъ. Теперь понимаешь?

— Понимаю, сказалъ Ландрi, вставая съ волненiемъ:—это онъ! Но что онъ сдѣлалъ съ ребенкомъ?

— Онъ воспиталъ его, какъ роднаго сына, и подъ именемъ своего сына пустилъ въ свѣтъ.

— А этотъ сынъ, гдѣ онъ теперь?

— Это всего страннѣе. Ты хочешь знать, гдѣ онъ? Онъ здѣсь, въ этомъ домѣ, подъ тою же крышею, которая надъ нами, и мы отдѣлены отъ него только нѣсколькими стѣнами и деревянными перегородками.

— А его имя? спросилъ Ландрі, котораго безпокойство достигло высшей степени.

— Эмэ Верж! отвѣчалъ Сассенажъ.

— Боже мой, вскричалъ ловчій, ударивъ себя по лбу:—кто бы подумалъ! И вотъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — трехлѣтній ребенокъ сдѣлался дюжимъ стрѣлкомъ, и десница Божія привела его подъ кровъ его родителей!

— Что ты говоришь? возразилъ графъ.

— А что вы думаете дѣлать теперь? спросилъ Ландрі, облокотясь на столъ. — Я не ожидалъ, что встрѣчусь съ нимъ такъ скоро лицомъ-къ-лицу, и признаюсь, по-мнѣ бы лучше вовсе ничего не знать.

Сассенажъ, не обращая вниманія на смущеніе Ландрі, подробно разсказалъ ему свое свиданіе съ стрѣлкомъ въ романской гостиницѣ и рѣшительный отказъ Эмэ Вера удалиться изъ Франціи. — Остается, сказалъ онъ наконецъ, одно средство...

— Какое? спросилъ Ландрі, пряча лицо свое въ рукахъ.

— Какое! какое! возразилъ графъ: — ты вѣрно понимаешь меня? Ты отгадалъ его прежде меня. Объ этихъ вещахъ думаютъ, а не говорятъ.

— Еще кровъ! сказалъ ловчій: — ея пролито ужъ довольно, и я право не знаю, зачѣмъ мнѣ мѣшаться въ дѣло, которое до меня вовсе не касается. Я дорого заплатилъ за то, что омочилъ пальцы въ вашей чашѣ. Чего мнѣ бояться? Этотъ молодой человекъ не отниметъ у меня моихъ помѣстій. Госпожа де-Монморъ не сестра моя. Баронъ Ренѣ мнѣ не племянникъ. И когда ихъ выгонятъ изъ замка, мнѣ что за дѣло? Кто бы здѣсь ни былъ господиномъ, была бы только у меня всарня, да позволили бы мнѣ дрессировать собакъ, да трубить въ охотничій рогъ. Вы, мессиръ... ваше дѣло другое: вы убили человека затѣмъ, чтобъ ваши племянники были большими господами. Теперь и поступайте, какъ знаете, мое дѣло сторона. Коли вашъ супъ черезъ-чуръ горячъ, такъ вы сами нагрѣли его.

— Ну, полно, старый ханжа, опять за свое! Ты знаешь, что ни какой нѣтъ пользы убить волчицу и оставлять въ живыхъ волчатъ.

— Вы себѣ дѣлайте, что хотите, сказалъ Ландрі. — Мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

— Очень-хорошо. Вижу, что ты хочешь воздать кесарева кесареви, — монморское имѣнье отдать законному наследнику, а свою шею падачу, которому давно уже принадлежитъ оца. Ты хочешь

терпеливо дожидаться, когда этот прекрасный молодой человек обратится къ парламенту съ доносомъ на убійцъ своего отца, когда судейскіе служители застучатъ въ твою дверь, и запрутъ тебя въ тюрьму, и будутъ держать тамъ, пока не начнутъ пытать,—а пытка будетъ непременно: въ судахъ ужъ такъ заведено,—и твоё показаніе будетъ уликою противъ тебя. Ну, Бомбардонъ, не думалъ я, что ты такъ глупъ; я думалъ ты скорее самъ съѣшь чорта, чѣмъ дашь ему съѣсть себя.

— Вы хотите напугать меня, мессиръ, сказалъ Ландри блѣднѣя. — Можетъ-быть, бѣда еще не такъ велика, какъ вамъ кажется. Можетъ-быть, старый рыцарь Веръ не знаетъ настоящаго имени молодого человека, а молодой человекъ и самъ не знаетъ его?

— Надѣйся на это, надѣйся, сказалъ графъ, наливая себѣ вина: —и спи-себѣ на оба уха. Вещь, разумется, самая простая. Случай привелъ этого стрѣлка въ замокъ, гдѣ ему нечего дѣлать, — изъ чистаго безкорыстія отвергнулъ онъ блестящія предложенія, какія я дѣлалъ ему въ Романѣ. Онъ не захотѣлъ быть капитаномъ, вѣрно для того, чтобъ остаться стрѣлкомъ... Но... нечего тратить время попустому, скоро станеть свѣтать. Гдѣ ночуетъ этотъ стрѣлокъ?

— Съ другомъ своимъ, мессиромъ Гаспаромъ, сказалъ Ландри глухимъ голосомъ. — Съ этой стороны нечего надѣяться. Днемъ онъ хорошо вооруженъ и будетъ защищаться, какъ кабанъ.

— А вотъ увидимъ! сказалъ графъ:—у такого охотника, какъ ты, за ловкостью дѣло не станеть; годовикъ, у котораго только начинаютъ прорѣзываться рога, тебѣ ни-по-чемъ.

Ландри съ минуту обдумывалъ.

— Коли ужъ непременно нужно, проговорилъ онъ наконецъ съ замѣшательствомъ и останавливаясь послѣ каждой фразы: — коли ужъ вы считаете необходимымъ... когда ужъ нѣтъ другаго средства... я знаю удобный случай... гдѣ бы можно... гдѣ бы нетрудно... гдѣ бы, если угодно... если заставить...

— Ладно, ладно, сказалъ графъ съ смѣхомъ. — Умному человеку довольно полуслова.

— Вотъ видите ли, мессиръ, завтра мы отправляемся на охоту за серной въ Веркоръ. Мы отправимся, какъ вы знаете, въ десять часовъ вечера, чтобъ занять мѣста на самыхъ утесистыхъ гребняхъ горъ. Ночью, тамъ не видать ни зги, дороги скользки. Стрѣлокъ никогда не бывалъ въ этихъ мѣстахъ, ему можетъ измѣнить нога, — и право, когда онъ будетъ на днѣ пропасти...

— Понимаю, сказалъ графъ, взглянувъ на ловчаго, который былъ блѣденъ и зубы котораго дрожали: — ты золото, а не человекъ; чудесно имѣть съ тобой дѣло! Смѣлѣе, Ландри! прибавилъ онъ, наливая плащъ: — это наше послѣднее испытаніе. Потомъ мы съ тобой ужъ сочтемся. Если одна изъ моихъ фермъ подлѣ озеръ понравится тебѣ, я не скажу, что не могу отдать ее тебѣ.

Затѣмъ графъ отворилъ дверь и медленно спустился съ лѣстницы.

Темно было небо, хоть и устлано звездами. Бланный иней покрывал крошкн замка и деревья на дворе.

— Хорошо, сказалъ графъ: — завтра будетъ чудесная охота... Хе, хе, хе!... Увидимъ, прибавилъ онъ съ сардоническимъ смѣхомъ: — что тутъ случается судьба.

Какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, смѣхъ звучнѣе его смѣха разразился вдругъ въ ухахъ его. Онъ проворно обернулся: подлѣ него не было никого, кромѣ ловчаго, котораго лицо было мрачно.

— Кажется, здѣсь есть эхо? сказалъ онъ, возвышая голосъ.

Въ ту минуту женщина довольно-высокаго роста, въ широкой шляпкѣ, съ длинною палкою въ рукахъ, какъ тѣнь, прошла по двору и исчезла во мракъ.

— Что это за женщина? сказалъ графъ, вздрогнувъ.

— О, это ничего! сказалъ Ландрі: — это сумасшедшая старуха, которой госпожа де-Монморъ даетъ пристанище. У нея привычка бродить по ночамъ и хохотать, какъ вы изволили слышать.

Сассенажъ удовольствовался этимъ объясненіемъ и удалился, объявивъ ловчему, что онъ послѣ завтра прійдетъ повидаться съ госпожею де-Монморъ и племянниками. Когда онъ исчезъ во мракъ, Ландрі вздохнулъ, вошелъ въ свою комнату и легъ въ постель не раздумывая; уснулъ ли онъ — неизвѣстно.

II.

Охота за сернами, въ XVI вѣкѣ, была однимъ изъ самыхъ любимыхъ удовольствій дефинскаго дворянства. Въ настоящее время, эти легкія, быстрыя животныя водятся во Франціи только въ самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ Вриансоннѣ и у подошвы альпійскихъ ледниковъ. Теперь гроза ихъ — смѣлые горцы, которые рискуютъ своею жизнью, чтобъ за рыжую шкуру серны добыть отъ перчаточника ефимокъ. Прежде, порода сернь была гораздо-многочисленнѣе; онѣ бродили цѣлыми стадами, попадались даже въ Диуа, Трикстенъ и Веркоръ, особенно когда приближалась зима и когда снѣгъ и холодъ, сгоняя ихъ съ вершинъ альпійскихъ, заставляли искать убѣжища въ мѣстахъ, менѣе суровыхъ. Въ то время въ провинціальныхъ замкахъ наступалъ будто праздникъ. Помѣщики собирались и большимъ обществомъ отправлялись въ горы. Обыкновенно выезжали съ-вечера, потому-что надо было долго взбираться на горы, чтобъ добраться до долинъ, служившихъ пріютомъ сернамъ; однимъ изъ важнѣйшихъ условій удачной охоты было — занять на развѣтъ всѣ дефиле, всѣ ущелья, чрезъ которыя можно было убивать сернамъ. До первой стоянки, охота была только веселой прогулкою: никакимъ принужденіемъ не были связаны охотники и дамы, отправлявшіяся съ ними, чтобъ полюбоваться ихъ погонями на другой дефъ. Кавалеры вѣхали подлѣ дамъ, болтали съ ни-

ми, и эти ночныя бесѣды составляли не послѣднюю прелесть подоб-
ныхъ поѣздокъ.

Мужчины разставались съ дамами обыкновенно въ какомъ-нибудь
крестьянскомъ шалашѣ или сырнѣ; здѣсь дамы оставались ночевать;
здѣсь также оставляемы были лошади и собаки. Охотники, подкрѣ-
пивъ силы, нускались далѣе съ надежными проводниками, карабка-
лись по скаламъ, пробирались черезъ пропасти и поднимались на
вершины, гдѣ и дожидались разсвѣта.

Почти-точно такова была поѣздка многочисленнаго общества, съ
утра собравшагося въ Монморскомъ Замкѣ. Пробыло семь часовъ.
На дворъ было уже темно. Кавалькада пустилась въ дорогу. Впере-
ди ѣхали слуги съ смоляными факелами. Въ первомъ ряду сосѣд-
нихъ дворянъ, присоединившихся съ своими семействами къ на-
шимъ друзьямъ, гордо подвигался на жеребцѣ владѣтель замка Босе-
журъ; по сторонамъ его ѣхали на двухъ тощихъ имоходцахъ двѣ
его дочери. Почтенный баронъ, еще утромъ представившій своихъ
наслѣдницъ стрѣлкамъ, не помнилъ себя отъ радости, видя, что
Эмѣ Веръ и Гаспаръ ѣхали неподалеку и тихо разговаривали меж-
ду собою о чемъ-то, какъ-будто повѣряя другъ другу свои тай-
ны: «О чемъ разговаривать имъ, какъ не о красотѣ Кунегунды и Си-
голены? Подобныя предположенія довольно-обыкновенны у роди-
телей, находящихся въ положеніи сира Босежура: они вообража-
ютъ, что весь свѣтъ смотритъ на ихъ дочерей такими же глазами,
какими они сами, — и въ каждомъ кавалерѣ, который учтиво покло-
нится имъ, они уже видятъ влюбленнаго. Намъ замѣтять, что г.
Жарню, послѣ многихъ ошибокъ на этотъ счетъ, могъ бы быть
осторожнѣе въ своихъ заключеніяхъ. Но надежда родилась на этомъ
свѣтѣ раньше печальной сестры своей, опытности, и люди самые
разсудительные во всякомъ случаѣ, когда имъ выгодное предаться
руководству старшей изъ этихъ сестрицъ, зовутъ меньшую сестру
и глупою и невѣждою и неуклюжею. Притомъ, если бы въ этомъ
дольнемъ мірѣ никто не сталъ слушать надежды, она все-таки на-
шла бы доступъ къ слуху отца, у котораго на рукахъ двѣ невѣсты.

Молодые стрѣлки, какъ ни были чувствительны къ прелестямъ
наслѣдницъ Босежура, вовсе, однакожь, не думали о нихъ въ эту
минуту. Эмѣ Веръ журилъ своего друга за легкомысленное поведе-
ніе въ этотъ день относительно Эноха Барбантана.

— Твой братъ, говорилъ онъ ему:—уважаетъ этого человѣка; хотъ
онъ и смѣшонъ, и ревность его заходитъ слишкомъ-далеко,—но онъ
все-таки человѣкъ не безъ достоинствъ.

— Клянусь св. Гюгономъ, возразилъ Гаспаръ:—ты хочешь, чтобъ
я терпѣлъ человѣка, который расположился съ своей семьей въ замъ
моего отца, точно сова съ своими дѣтенышами въ дуплѣ стараго
дуба? Какъ мнѣ терпѣть обращеніе его съ матушкой и кузиной?
Развѣ ты не видалъ, какъ онъ журитъ ихъ, будто школьный учи-
тель, наказывающій деревенскихъ мальчишекъ? Еще Бланка туда-
сюда... она еще ребенокъ и притомъ у ней есть и клювъ и ког-

ти и она можетъ сама защищаться, — но матушка... Боже мой, — да если бы этакъ осмѣлился обращаться съ нею человекъ, носящій шагу, я тотчасъ заставилъ бы его проглотить свой языкъ. Къ счастью, прибавилъ Гаспаръ: — Рено тутъ ровно ничего не значить: онъ даже этого не примѣчаетъ; но я открою ему глаза и тогда увидишь, какой оборотъ пріймутъ дѣла. Но, какъ говорить Филозофъ, дѣла серьезныя до другаго раза! Надо разспросить Жюлио, что такое охота за сернами... Не осердись, любезный, если я тебя на минуту покину.

Гаспаръ пришпорилъ лошадь, и Эмѣ остался одинъ. Г. Жарнио, наблюдавшій потихоньку надъ друзьями, немного встревожился, когда увидѣлъ, что они такъ скоро повернулись другъ къ другу спиною. Онъ опасался, не разстались ли они въ-слѣдствіе непріятнаго соперничества, въ-слѣдствіе того, что выборъ ихъ сердець палъ по-несчастію на одну изъ его дочерей, къ обидѣ другой. Онъ рѣшился немедленно возстановить доброе согласіе между соперниками и поспѣшилъ къ Гаспару; онъ думалъ, что его легче уговорить.

Между-тѣмъ, Эмѣ Веръ подъѣхалъ къ группѣ всадниковъ, впереди которой ѣхали Бланка де-Сассенажъ и Рено де-Монморъ. Досадно ему было видѣть ухаживаніе за прекрасною кузиною, а почему — онъ самъ не могъ дать себѣ отчета. Можно думать, что невозможность проникнуть романскую тайну не была единственною причиною этой досады. Тайная ревность, можетъ-быть, участвовала въ этомъ болѣе, нежели сколько можно было ожидать отъ благоразумнаго совѣтника Гаспара. Дѣйствительно, Эмѣ чувствовалъ, какъ сердце его сжималось каждый разъ, когда молодой баронъ наклонился къ Бланкѣ, смѣялся, болталъ съ нею, или, въ трудныхъ мѣстахъ дороги, подавалъ ей руку, чтобъ поддержать ее. Что любовь, въ одну недѣлю, успѣла такъ много сдѣлать въ сердцѣ нашего степенника, этому вѣрно не удивится ни одна изъ прекрасныхъ читательницъ; мы думаемъ, что онъ привыкли къ такимъ скорымъ и блестящимъ побѣдамъ. Притомъ, кромѣ прелестей, ума и граци, которыми безспорно обладала Бланка и которыя сдѣлали глубокое впечатлѣніе на нашего героя, онъ имѣлъ еще другую причину любить ее, если только нужна непременно какая-нибудь причина для любви. Первое свиданіе съ нею въ гостинницѣ Дофина заключало въ себѣ что-то странное, таинственное, произведшее на него сильное впечатлѣніе. Онъ часто думалъ о появленіи Бланки въ темной залѣ гостинницы, о волненіи дѣвушки, волненіи, которое, какъ ему казалось, имѣло отношеніе и къ нему, — и мало-по-малу образъ Бланки началъ вытѣснять изъ его головы всѣ другія мысли, занимавшія его; онъ наконецъ сталъ думать — только о ней.

Итакъ, съ грустными сердцемъ слѣдовалъ онъ заamazonкою и ея спутникомъ, надеясь, что какое-нибудь случайное обстоятельство разлучитъ ихъ. Долго пришлось ему ждать этой отрады. Одно это ожиданіе было досадно для него; но еще досадише ему было ви-

дѣтъ, что беззаботная амазонка весело хохотала съ своимъ кузеномъ и ни раза не обернула своей головки въ ту сторону, гдѣ страдалъ бѣдный стрѣлокъ. Наконецъ, между нѣсколькими всадниками завязался какой-то споръ объ охотѣ и этотъ споръ привлекъ вниманіе Рецо. Онъ началъ прислушиваться къ нему, услышалъ, что одинъ господинъ проповѣдуетъ такія правила, которыя казались ему несогласными съ истинными началами искусства; онъ поклонился Бланкѣ и прѣхалъ къ спорщикамъ, чтобъ выказать предъ ними свою опытность и познанія въ охотничьемъ дѣлѣ. Сильно забилось сердце стрѣлка; желанный случай наконецъ представился: Бланка была одна; онъ былъ отъ нея только въ нѣсколькихъ шагахъ. Эмѣ Веръ опустил поводъ лошади, въ полной надеждѣ, что ему удастся наконецъ поговорить наединѣ съ Бланкою... Увы, въ эту самую минуту г. Жарнію очутился подлѣ него и твердою рукою схватилъ узду его лошади.

— Очень-радъ ѣхать съ вами, любезный другъ, сказалъ онъ ему. — Люди умные мнѣ всегда нравились больше молодыхъ сумасбродовъ, которые окружаютъ насъ. Вотъ хоть и этому милому Гаспару, — право, непременно надо жениться; женитьба прибавитъ тяжести въ головѣ его, а ужъ признаюсь, такого легкаго мозга я и не видывалъ. Но что вы такъ прищипориваете свою лошадь? прибавилъ г. Жарнію, боившійся выпустить стрѣлка изъ рукъ. Не хотите ли вы показать этимъ дамамъ, какъ ловко вадите? Это желаніе очень похвально, и я одобряю его. Вотъ и мои дочери, сами можете видѣть, чудесно правятъ лошадьми и держатся въ сѣдлѣ не такъ, какъ нѣкоторыя подружки ихъ, сидящія точно мышки съ рождю, которые оселъ везетъ къ мельнику. Но берегитесь, — не рискуйте сломить себѣ шею изъ желанія нравиться дамамъ.

— Извините, мессиръ, прервалъ его Эмѣ Веръ:—мнѣ хочется...

— Такъ я уже сказалъ вамъ, любезный другъ, продолжалъ умолимый Жарнію, не обращая вниманія на отчаяніе стрѣлка: — пора Гаспару серьезно подумать о женитьбѣ. Холодеетъ самое жалкое твореніе на этомъ свѣтѣ. Онъ точно птичка на нивкѣ: ни за что не держится, и малѣйшій ветерокъ уноситъ его, куда захочетъ, какъ сухой листь, падающій съ дерева. У него нѣтъ ни домашняго очага, ни ларя и пенатовъ, какъ говоритъ мѣтръ Ганнѣ, учитель дочерей монахъ; сегодня здѣсь, завтра тамъ; постель его то пуховая, то голый камень; супъ у него то пересоленъ, то невкусенъ; обѣдъ всегда не въ пору, а что всего хуже, нѣ на кого ему и пожеловаться. Клянусь св. Вильфридомъ, образцомъ супруговъ, когда есть хозяйка, то по-крайней-мѣрѣ есть на кого обратить свой гнѣвъ, когда встрѣтятся какія-нибудь неприятности въ жизни. Брани ее сколько хочешь, ругай, — а есть и такіе молодцы, которые кланутъ ей плеча зеленой лозой, и говорятъ, что это очень-пріятно... Разумѣется, мессиръ, я вовсе не одобряю такихъ невыжиданныхъ шутокъ; но что прикажете? это-то собственно и значить раздѣлять всѣ горести жизни.

— Чортъ поберн этого болтуна! думалъ про себя Эмэ-Верж:— да скоро ли онъ отвяжется отъ меня?— Вы говорите правду, мессиръ, сказалъ онъ вслухъ, съ явнымъ нетерпѣнiемъ: — я совершенно согласенъ съ вами. Но позвольте...

— Да, любезный другъ, продолжалъ безжалостный Жарнио, выпуская изъ рукъ узлы лошади своего спутника:— именно такъ, и вотъ вы сами согласны, холостой человѣкъ самый жалкій человѣкъ въ свѣтѣ. У женатыхъ, напримѣръ, вѣчно горитъ огонь; съ утра до вечера, съ вечера до утра они смѣются и болтаютъ, десять разъ въ день поссорятся и помирятся, — и все довольны; а холостякъ вѣчно молчитъ, вѣчно пасмуренъ, потому-что вѣдь только дураки говорятъ одни, да ученые спорятъ сами съ собою. Бѣдный холостякъ вернется домой, — глядь: все холодно, и столъ холоденъ, и каминъ холоденъ, и постель холодна. Онъ ѣсть на-скорую-руку, дуетъ въ кулакъ, чтобъ согрѣться, ляжетъ спать—дрожить...

Эмэ-Вержъ, какъ ни былъ онъ занятъ Бланкою, какъ ни досадовалъ, не могъ не улыбнуться: а эта улыбка показадась добрымъ предзнаменованiемъ старому отцу двухъ невѣстъ, и онъ еще больше началъ разглагольствовать.

— Да, мой милый, сказалъ онъ съ жаромъ: — ужь если этимъ бѣдымъ холостякамъ такъ плохо дома, что жь, когда они пойдутъ въ гости? Чаше всего запираютъ отъ нихъ двери, какъ отъ воровъ, которые хотятъ что-нибудь украсть. Между нами сказать, холостой народъ пользуется незавидной славой... Пригласятъ ли ихъ какъ-нибудь случайно на обѣдъ, ихъ сажаютъ, и не безъ причины, подлѣ какой-нибудь вдовушки, которая наловѣдаетъ имъ разказами о прошлыхъ годахъ. Но это, любезный, еще не самое важное неудобство холостой жизни. Положимъ, одинъ изъ вашихъ друзей женится, я говорю о тѣхъ немногихъ друзьяхъ, съ которыми вы дѣлаете и кошелькъ, и радость, и удовольствiе, и все такое; въ день свадьбы вы у него дружкой, вы веселитесь; вамъ кажется, будто вы сами женитесь,—а на другой день—уже другая пѣсня. Вашъ любезный другъ начинаетъ вытягивать передъ вами длинную фигуру, мале-не-малу онъ становится холоденъ, какъ ледъ, а черезъ мѣсяцъ онъ уже съ вами незнакомъ. Но это еще не бѣда: одного друга потеряли, въищется другой, — на базаръ ословъ много. И вы точно находите новаго друга, который, по естественному ходу вещей на этомъ свѣтѣ, заставляеть васъ забыть перваго; но вдругъ встаетъ жеманя, потому-что всякій человѣкъ этимъ кончаетъ, а умный наивнаетъ. Хорошо! Вотъ онъ завелся женой,—онъ не походя и другихъ мужей и безъ церемонiй пускаеть васъ изъ своей домъ. Очнь-хорошо! Новеть тутъ-то и бѣда, любезнѣйшiй. Каждый день вы идаете, какъ свистѣвшая тета споконiю проводитъ дни свои, которые Парка прядеть съ золотомъ и шелкомъ; вы видите, какъ цѣнно они обиваются, говорятъ другъ другу въжности, и вы—точно Танталъ среди воды, которой онъ не можетъ попробовать ни капли. Какъ вамъ кажется эта картина? Приятно ли красоваться у каминя, по-

добно китайскому болвану, и быть предметом смѣха для супруговъ, которые между-собою тѣшатся на-счетъ бѣдныхъ мерзлыхъ холостяковъ? Повѣрьте мнѣ, глупы тѣ, которые осуждаютъ себя на мученіе, между-тѣмъ, какъ однимъ словомъ, сказавши ясно и внятно «да», они могли бы достать себѣ рай на землѣ, то-есть хорошую жену, хорошій столъ, и хорошій ночлегъ.

Мы надѣемся, что длинная тирада г. Жарніо не заставила читателя испытать такое же мученіе, какое терпѣлъ, слушая ее, другъ нашъ Эмѣ Веръ. Какъ бы то ни было, сколько стрѣлокъ ни старался прищпоривать свою лошадь, какъ ни силился увернуться вправо или влево, не могъ уйти отъ упрямаго своего собесѣдника, и охотники пріѣхали къ сырнѣ прежде, чѣмъ Жарніо выпустилъ изъ рукъ своихъ узду и окончилъ свою проповѣдь на-счетъ неудобствъ холостой жизни.

Охотники пребыли около часа въ шаланѣ, гдѣ приготовлена была закуска, по распоряженію барона де-Буванта, владѣльца этихъ дикихъ долинъ.

Настала минута назначить каждому постъ, который онъ долженъ былъ занять въ-теченіе ночи. Это было дѣло не легкое, потому-что не всѣ позиціи были равно удобны, а нѣкоторыя были даже опасны. Наконецъ кой-какъ сладили дѣло. Всѣ охотники были распределены по-двое на разные сторожевые пункты,—Рено съ братомъ, Жарніо съ Эмѣ Веромъ, котораго онъ такъ сказать выторговалъ себѣ, вопреки его желанію, — прочіе охотники раздѣлились также по-парно. Оставалась незанятою только одна позиція: это былъ проходъ въ самой утесистой части Веркора, извѣстный въ томъ краю подъ именемъ «Ястребинаго Ущелья». Серны рѣдко уходили чрезъ это ущелье, когда постъ не былъ занятъ; отъ-того старые охотники обыкновенно отказывались идти на караулъ въ эту засаду. Они охотно предоставляли эту честь молодымъ людямъ, тѣмъ болѣе, что дорога къ ущелью считалась самою опасною въ той странѣ. Но если молодые люди и не пугались опасности, то ихъ пугала мысль, что они легко могутъ цѣлый день простоять на караулѣ, не слышавъ ни одного выстрѣла; поэтому, они обыкновенно рѣшали жребіемъ, кому изъ нихъ идти на эту проклятую скалу. Къ-несчастью, за нѣсколько лѣтъ до того времени, про которое мы рассказываемъ, случилось одному изъ двухъ охотниковъ, назначенныхъ по жребію,—сбиться съ дороги, упасть на дно пропасти и ушибиться до смерти. Съ этого времени стали брать предосторожности, чтобъ подобное несчастіе не повторилось. Рѣшено было, чтобъ только одинъ охотникъ отправлялся въ Ястребиное-Ущелье, въ сопровожденіи стараго браконьера, который служилъ ему проводникомъ и которому предоставлено было право выбирать самому, кто изъ молодыхъ людей можетъ идти съ нимъ въ это опасное мѣсто.

Давно уже было такъ заведено, и можно было думать, что и въ эту ночь дѣла пойдутъ обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Но когда охотники пріѣхали къ сырнѣ, они не нашли тамъ браконьера. Это

обстоятельство никого не удивило, хотя старикъ Матюренъ обыкновенно является гордо и исправнее, когда требовали его. Положили, что онъ вѣрно скоро прійдетъ и въ ожиданіи сѣли за столъ. Но ужинъ приходилъ уже къ концу, а Матюрена все еще не было.

— Это странно! сказалъ Рено. — Не забыли ли извѣстить его? Я поручилъ это, помнится, Жоліо.

— Я ходилъ къ нему, мессиръ, отвѣчалъ слуга: — и божусь, старикъ обѣщалъ быть здѣсь ранѣе девяти часовъ.

— А вотъ ужъ и десять часовъ, замѣтилъ г. Жарніо:—пора бы отправляться.

— Что дѣлать? сказалъ Рено:—не знаешь ли ты, Жоліо, ущелья, не можешь ли ты быть проводникомъ?

Жоліо былъ малой разсудительный, дорожившій своей мужицкой кожей точно такъ же, какъ большой баринъ дорожитъ своей. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ никого вести по этой дорогѣ, развѣ только кому-нибудь хочется выучиться у него прыгать въ потокъ, протекающій на днѣ долины.

— Клянусь св. Гугономъ! сказалъ Гаспаръ съ обыкновенною своею заносчивостію:—укажите мнѣ только дорогу, и я ставлю тридцать емакковъ, если не прійду въ Ястребиное-Ущелье прежде, чѣмъ вы пройдете половину дороги.

— Ахъ, другъ мой! воскликнулъ владѣлецъ замка Босежуръ:—не советую вамъ дѣлать подобной глупости, если вы намѣрены въ нынѣшнемъ году жениться. Бѣдный Тезенъ, лѣтъ пять тому назадъ, убили именно наканунѣ своей свадьбы. Не-уже-ли и вамъ хочется того же?

— Ей Богу! сказалъ Гаспаръ:—можетъ-быть, онъ лучше сдѣлалъ, что бросился внизъ головою въ пропасть, чѣмъ женился. Много людей, которые думаютъ такъ же какъ и онъ, когда дѣло идетъ о женитьбѣ. Что касается до меня, божусь вамъ, сей-часъ отправляюсъ въ ущелье, если только это путешествіе спасетъ меня отъ женитьбы.

— Какой вздоръ! проворчалъ сквозь зубы сиръ Босежуръ.

— Да притомъ, продолжалъ Гаспаръ, осушая свой стаканъ:—говорятъ, дорога опасна... такъ маршъ въ Ястребиное-Ущелье!

— Гдѣ выучился ты ходить по краямъ пропастей? возразилъ съ живостію Рено. Тебѣ хочется сломить шею? Или тебѣ нужно только отвязаться отъ меня и не быть вмѣстѣ со мной натомъ пунктъ, который намъ назначенъ?

— И вы говорите такимъ тономъ, братецъ? сказалъ Гаспаръ. — Такъ перестанемте и толковать объ этомъ. Клянусь св. Андреемъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія огорчить васъ.

Въ эту минуту Пьерръ Ландри, котораго не видно было во время ужина, показался въ дверяхъ. Онъ былъ блѣденъ и запыхался, какъ человекъ, прибѣжавшій издалека.

— Откуда ты, Ландри? спросилъ его Рено.

Ловчій, еще не отвѣчая, окинулъ глазами всѣхъ охотниковъ, какъ-бы желая увѣриться, всѣ ли на лицѣ, и повидимому былъ доволенъ,

когда увидѣлъ, что Эмѣ Вери все еще сидѣтъ между Сиголоною и Жарию.

— Я былъ у браковъера, мессиръ, сказалъ онъ наконецъ.

— Славно! сказалъ Рено: — спасибо за усердіе. Ну что жъ, привелъ его?

— Нѣтъ, мессиръ; Матюрену сегодня вечеромъ надо было непременно отправиться въ Гренобль. Кажется, онъ получилъ какія-то дурныя вѣсти о сынѣ, который въ ученъ у перчаточника въ Улицѣ Кордельеровъ. Какъ ни бился я, не могъ удержать его.

— Нѣтъ, штуки! подумалъ Жоліо. — Матрѣ Ландрі фальшвать, какъ треснувшій рожокъ. Бьюсь объ закладъ, онъ вретъ.

— Такъ кто же пойдетъ въ Ястребиное-Ущелье? спросилъ монморскій баронъ.

— Если позволите, мессиръ, сказалъ ловчій: — я сдамъ собакъ на руки Жоліо и займу мѣсто Матюрена.

— Вотъ что хорошо, то хорошо, матрѣ Ландрі, сказалъ Жоліо, восхищенный довѣренностію къ себѣ ловчаго. — Вы прекрасный человекъ! Вы приставали ко мнѣ, чтобъ я досталъ волчонка, котораго хочется вамъ сдѣлать ручнымъ. — достану, матрѣ Ландрі, достану на этой же недѣль. Что дѣлать? прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ:—онъ любитъ волченятъ,—ужь такой вкусъ у матра Ландрі.

Предлагая барону заступить мѣсто Матюрена, Ландрі былъ напередъ увѣренъ, что ему не откажутъ; онъ зналъ, что самый послѣдній конюхъ, не хуже самаго искуснаго ловчаго, съумѣетъ вести собакъ по слѣдамъ сернь. Никто не возражалъ, и матрѣ Ландрі выступилъ на средину комнаты, чтобъ выбрать себѣ сопутника.

— Стой, братецъ, стой! сказалъ одинъ старый охотникъ, на которомъ, казалось, остановился правый глазъ ловчаго: — ты знаешь, что женатые люди исключаются изъ этого выбора.

— А это и доказываетъ, прибавилъ Жарию, обращаясь къ Эмѣ Вери: — что женитьба всегда на что-нибудь пригодится.

— Позвольте! вскричалъ молодой кавалеръ, на которомъ остановился лѣвый глазъ Ландрі:—не лучше ли, господа, кинуть жребій; пусть одна изъ этихъ дамъ вынетъ чье-нибудь имя изъ шляпы.

— Видно, Эрнѣ, вы еще не знаете нашихъ обычаевъ, возразилъ Рено. — Пусть выбираетъ ловчій; онъ выберетъ самаго ловкаго изъ насъ; этотъ выборъ лучше выбора слѣпаго жребія.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ Жоліо: — это будетъ выборъ косаго жребія.

Между-тѣмъ, матрѣ Ландрі продолжалъ осматривать молодыхъ охотниковъ. Хотя выборъ его безъ сомнѣнія былъ уже рѣшенъ, но онъ, казалось, былъ въ затрудненіи и потуплялъ глаза каждый разъ, какъ доходилъ до Эмѣ Вери. Наконецъ онъ подошелъ къ Рено и сказалъ ему глухимъ голосомъ, что ему кажется лучше всего взять съ собой въ дорогу пріятеля гаспарова, Эмѣ Вери.

— Къ-чему же мнѣ говоришь ты объ этомъ, матрѣ Ландрі? отвѣ-

челъ удивленный баронъ. — Обратись къ нему самому, или, лучше, вызови его въ-слухъ; я увѣренъ, что онъ будетъ радъ идти съ тобою.

— Пстой! сказала Гаспарь:—пстой! Опасна ли въ-самомъ-дѣль это дорога? Клянусь святымъ Гюгономъ, я лучше самъ десять разъ схожу, если надо, а его не пущу!

— Не безпокойтесь, мессиръ, отвѣчалъ Ландрі:—эта дорога не трудна той, по которой вы пойдете къ своему посту. Пастухи каждый день ходятъ по ней. Да притомъ, вѣдь онъ будетъ не одинъ: въ случаѣ нужды я тотчасъ подамъ ему руку.

— Вотъ еще что выдумалъ! сказалъ Жарніо, прибѣжавшій съ другаго конца стола и ни за что въ свѣтъ нехотѣвшій разстаться съ стрѣлкой:—ты, какъ видно, не любишь церемониться, мѣтръ Ландрі, — распоряжаешься людьми, какъ тебѣ хочется, даже не спрашиваешь, согласны ли они. Что касается до меня, я объявляю, что формально протестую противъ этого распорядка.

— А по какому праву, позвольте спросить? сказалъ смѣясь одинъ охотникъ.

— По какому праву!... по какому праву!... проворчалъ владѣлецъ Босежура: — а вамъ что за дѣло? Развѣ здѣсь мало людей, которымъ знакома эта проклятая сторона; имъ самимъ надо было бы вызваться идти съ Ландрі, а не дожидаться, когда станутъ просить ихъ.

— Но позвольте, почтеннѣйшій, сказалъ охотникъ: — мѣтръ Ландрі воленъ выбирать, кого угодно. Ужъ такъ заведено, и не намъ съ вами перемѣнять этого обыкновенія. Вы вѣрно не стали бы такъ горячиться, если бы жребій палъ на другаго?

— Фи! вскричалъ разгорячившійся Жарніо: — между нами чужой человекъ, и вы именно его отправляете на самый скверный сторожевой пунктъ! Я васъ спрашиваю, господа: такъ ли исполняютъ обязанности старшиннаго дофинёскаго гостепріимства? Пріятно ли будетъ вамъ, если и съ вами сдѣлаютъ то же, когда вы отправитесь охотиться въ Валлуизъ или Шансоръ?

Гаспарь и Рено съ своей стороны поддержали Жарніо, и эти причины безъ сомнѣнія могли бы поколебать общество; ужъ ловчій начиналъ опасаться какъ бы его жертва не ускользнула изъ сѣти, которую онъ опуталъ ее; уже г. Жарніо думалъ, что у него не отнять его добычи, какъ Эмэ Верь, привлеченный шумомъ спора, вошелъ въ средину круга и попросилъ своихъ друзей позволить ему сказать нѣсколько словъ.

— Господа, сказалъ онъ:—я думаю, что мое мнѣніе должно имѣть какой-нибудь вѣсъ въ этомъ спорѣ?

— Безъ сомнѣнія! безъ сомнѣнія! сказали въ одинъ голосъ всѣ охотники.

— Я желаю, сказалъ Эмэ Верь:—чтобъ на меня смотрѣли, какъ на великаго уроженца; это самая большая честь, какую вы можете оказать мнѣ. Не прерывай меня, Гаспарь. Первая обязанность дворяни-

на — соображаться съ обычаями страны, въ которой онъ находится; по-крайней-мѣрѣ таково старинное правило въ Валгодемарѣ.

— Но позвольте, любезнѣйшій, вскричалъ испуганный Жарню: — ночь черна, какъ волчья пасть, а вы не знаете нашихъ горъ...

— Будьте спокойны, мессирь, возразилъ Эмѣ улыбаясь: — я выросъ въ горахъ, да еще въ такихъ горахъ, которыя не вашии чета, — и привыкъ ходить по самымъ опаснымъ тропинкамъ. Я иду съ мэтромъ Ландрі.

Эти слова расположили все собраніе въ пользу Эмѣ Вера. Молодые люди были очень благодарны ему, что онъ освободилъ ихъ отъ новаго выбора ловчаго; людямъ пожилымъ понравилось то уваженіе, которое нашъ герой обнаружилъ къ обычаямъ ихъ. Что касается до дамъ, онъ рѣдко смотритъ равнодушно на мужество, соединенное съ скромностію. Поэтому онъ одобрилъ рѣшительность стрѣлка и движеніями и словами. Одна Бланка не сказала ничего; но Ренд, который глядѣлъ на нее въ эту минуту, показалось, будто она покраснѣла.

Между-тѣмъ, наступила пора отправляться въ путь. Эмѣ Вера за-пасся желѣзными крючьями и вооружился острою палкою, которая должна была поддерживать его въ трудныхъ мѣстахъ. Онъ закутался потомъ въ плащъ и кликнулъ ловчаго. Но Ландрі уже вышелъ. Эмѣ Вера нашелъ его за дверьми: Ландрі горячо спорилъ съ молодымъ мужикомъ, въ которомъ Эмѣ съ удивленіемъ узналъ слугу своего Женѣ.

— Ну чтожь? сказалъ онъ: — идемъ?

— Сейчасъ, мессирь, отвѣчалъ Ландрі; — да урезоньте, пожалуйста, этого упрямаго горца, который непременно хочетъ идти съ нами.

— Клянусь пресвятой Богородицей! сказалъ Женѣ: — я обѣщалъ рошлерптскому барону не покидать васъ, мессирь, и ужъ какой-нибудь старый безрогій козелъ съ долины не заслонитъ мнѣ дороги.

— Никто тебя и не останавливаетъ, возразилъ Ландрі. — Ступай-себя на всѣ четыре стороны, — ужъ вѣрно я не пушу собакъ, чтобы пригнать тебя назадъ. Ты точно ласточка, которой кожа ни къ чорту не годится.

— Слава Богу, не всѣ такъ думаютъ, какъ ты, мэтръ Ландрі, отвѣчалъ горецъ: — не всѣ глядятъ на меня такимъ сквернымъ глазомъ, какъ ты...

Эмѣ Вера положилъ конецъ спору, приказавъ Женѣ остаться.

— Ты мнѣ не нуженъ теперь, сказалъ онъ ему: — оставайся здѣсь съ Жолію; завтра ты поможешь ему вести собакъ.

Женѣ, повидимому, хотѣлось еще поспорить, но рѣшительный тонъ молодаго господина показалъ ему, что лучше всего повиноваться. Онъ отправился отыскивать своего друга Жолію, который, сидя у огня, рассказывалъ конюхамъ забавныя исторіи; а Эмѣ Вера пошелъ къ ущелью въ глубокой мглѣ; впереди его шелъ молчаливый ловчій.

III.

Внутренность сырни представляла въ эту минуту любопытное зрѣлище. Въ самомъ просторномъ изъ двухъ отдѣленій, составлявшихъ ее, сидѣло у огня нѣсколько дамъ. Другія, завернувшись въ свои мантии, лежали на кучахъ сѣна, приготовленнаго для нихъ вмѣсто постелей. Легко догадаться, что не спали самыя молодыя и самыя любезныя. По этому двойному праву, Кунегунда и Сиголена Жарніо сидѣли подлѣ Бланки Сассенажъ, потому-что объ онѣ не любилы скрывать прелестей, которыми одарила ихъ природа, и принимали самое дѣятельное участіе въ интересномъ разговорѣ. Кунегунда воображала, что она ничего не потеряетъ отъ сравненія ея съ соседками. Она была не изъ числа тѣхъ дѣвушекъ, которыя считаютъ года по пальцамъ и знаютъ вѣрно, сколько имъ лѣтъ. Время прошло для нея такъ скоро, что она все еще считала себя въ цвѣтъ лѣтъ. Каждый день она ожидала, что какой-нибудь Амадисъ или Паламедъ похититъ ее, и не замѣчала, что этого ждетъ она уже десять лѣтъ. Молодая шестнадцатилѣтняя женщина, если у нея на рукахъ былъ ребенокъ, казалась уже ей не менѣе, какъ ея бабушкой. Она считала себя ровесницею молодыхъ соседнихъ дѣвушекъ, надъ которыми она, сверхъ-того, брала верхъ образованностію и опытностію. Дѣйствительно, ни одна дѣвушка не прочитала столько рыцарскихъ романовъ и не знала такъ хорошо всѣхъ правилъ изъясной страсти. Она знала наизусть всѣ приговоры суда любви, который держала въ Э королева прованская. Теперь она сидѣла по правую руку Бланки, голова ея небрежно склонилась на плечо; говорила она полголоса, глаза ея были полузакрыты, на колѣняхъ лежали *Egloues* Пьера Ронсара.

Сиголена составляла совершенную противоположность со старшею сестрою. Между ними было столько же различія, сколько между стетною кингою и драгоценнымъ томикомъ, на который Кунегунда время-отъ-времени бросала сантиментальный взглядъ. Сиголена вовсе была неспособна играть роль героини въ любовномъ приключеніи. Она смѣтрѣла на жизнь не съ блестящей и поэтической стороны ея, а со стороны положительной. По дородности, круглому лицу и простой одеждѣ легко было узнать въ ней одну изъ тѣхъ прозаическихъ хозяекъ, которыя меньше работаютъ мозгомъ, чѣмъ пальцами, и которыя ничего столько не уважаютъ, какъ порядокъ, экономію и другія домашнія добродѣтели. По этому-то она привезла съ собою пачатой чулокъ и вязала его теперь при свѣтѣ огня. Тотъ ошибется, однакожь, кто подумаетъ, что она совершенно-чужда была тѣхъ заботъ, тѣхъ мечтаній, которыя тревожатъ дѣвушекъ, достигшихъ истиннаго возраста. Совсѣмъ напротивъ, Сиголена вздыхала о своемъ суженомъ съ такимъ же жаромъ, какъ и старшая сестра ея. И у ней были свои мечты, потому-что на этомъ свѣтѣ у всякаго есть свои мечты, даже и у тѣхъ, кто говоритъ, что не имѣетъ ихъ. Ей пріятно

было воображать, какъ она будетъ хозяйкою, командовать многочисленной прислугой, держать ключи отъ комодовъ и кладовыхъ, распорядиться по своей волѣ, не такъ какъ въ Босежуръ, гдѣ ей приходилось иногда разъ семь перевернуть въ рукъ ефимокъ, который надо было разбивать на мелкую монету. Она полагала, что между молодыми подругами она совершенно на своемъ мѣстѣ и внутренно вызывала ихъ всѣхъ на споръ, кто сдумаетъ лучше приготовить рагу изъ заячьего мяса, варить варенья, шить, вязать и прочая, и прочая.

Таковы были двѣ взрослыя дочери, стоявшія такихъ хлопотъ владѣльцу замка Босежуръ. Позади ихъ былъ мужчина, о которомъ мы еще не говорили ни слова, и который однакожь заслуживаетъ всего нашего вниманія. Онъ слѣдовалъ и жестами и глазами за всѣми ихъ движеніями и былъ какъ-бы спутникомъ этихъ двухъ блестящихъ планетъ. Онъ всегда былъ при нихъ, когда дѣвицы Жарнію являлись въ многочисленномъ собраніи. Это былъ учитель ихъ, мѣтръ Жеромъ Гаше — человекъ лѣтъ около сорока; онъ одѣтъ былъ, какъ одѣваются поселяне въ Валантинуа, и по самодовольному, педантскому виду его легко было узнать въ немъ одного изъ тѣхъ деревенскихъ учителей, которые ходили изъ деревни въ деревню, изъ замка въ замокъ, и за ничтожную плату распространяли свѣтъ наукъ. Онъ очень извѣстенъ былъ во всемъ краю отъ Ліона до Ріуссе, какъ по прекрасному почерку, такъ и по удивительной точности. Дѣйствительно, никто лучше его не умѣлъ писать прописныхъ буквъ, готическихъ и всякихъ другихъ. Пунктуальность его была такъ велика, что тамошніе поселяне послѣ солнца, да его, не нуждались ни въ какихъ часахъ. Какъ скоро слышали они, что оселъ его бѣжать рысцой мимо ихъ окошекъ, они уже вѣрно знали, который часъ, и по этому располагали свою дневную работу. Эта регулярность была тѣмъ удивительнѣе, что мѣтръ Жеромъ любилъ-таки останавливаться иногда на дорогѣ и потолковать съ кумушками. Но, увы, жалованье его было самое скудное, и чистый барышъ его составлялъ скромный столъ, ожидавшій его у каждаго ученика и ученицы. Случалось несчастіе, бѣдный учитель опоздаетъ, обѣдъ конченъ, етодъ убранъ, горшки простыли, несчастный принужденъ дать урокъ на тошій желудокъ и потомъ скакать за три мили искать завтрака, который приходился ровно въ ужинную пару. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, къ крайнему неудовольствію г. Жарнію, который спасался отъ обжорливаго аппетита педагога и осла его только тѣмъ, что приказывалъ звонить къ обѣду ранѣе того времени, въ какое обыкновенно являлись эти два гостя. Предоставляемъ читателю судить о чувствахъ добраго Жерома, когда онъ, находясь еще далеко отъ замка, вдругъ слышалъ отдаленный звукъ роковаго колокола. Онъ пришпоривалъ своего бѣгуна; оселъ, чуя также звонъ колокола, летѣлъ, какъ на крыльяхъ, и оправдывалъ свою быстротою названіе Пегаса, которое далъ ему господинъ его. Но всѣ эти усилія бывали нерѣдко бесполезны. Вѣхавъ на дворъ, онъ съ горестію видѣлъ,

что врагъ его стоитъ уже на крыльцѣ столовой залы и смѣется и доводитъ, какъ человекъ, вышедшій изъ-за стола. Для предупрежденія подобнаго несчастія, Гаше видѣлъ только одно средство—ставить часы свои впередъ и привязать въ Босежуръ такъ, чтобы всѣ расчеты бѣднаго барона рушились въ прахъ. Отсюда возникали споры, въ которыхъ владѣлецъ замка не всегда удерживалъ верхъ. Онъ принимался то за осла, то за господина его, и все-таки кончалъ тѣмъ, что кормилъ и того и другаго и въ отмщеніе ворчалъ только сквозь зубы, что Пегасъ и Жеромъ—два осла и притомъ осла прегупрямые. Въ этомъ онъ, правду сказать, мало ошибался. Матрѣ Гаше учился на мѣдныхъ деньги; вся его ученость заключалась въ томъ, что онъ вытвердилъ наизусть нѣсколько разрозненныхъ томовъ, купленныхъ имъ у разносчика. Первая изъ этихъ книгъ была книга «О Тайнахъ и Чудодѣйственныхъ Силахъ Растеній», вторая «Исторія Мидянъ», третья переводъ «Превращеній Овидія» съ текстомъ; прочія книги составляли нѣкогда часть библіотеки одного ученаго духовнаго: это были диссертации о труднѣйшихъ вопросахъ схоластической метафизики и болѣе или менѣе догматическія гипотезы по всѣмъ наукамъ. Прилежное чтеніе этихъ книгъ, которыя были непонятны болѣею частию сами-по-себѣ, а не потому только, что были неполны, страннымъ образомъ перепутало, затемнило всѣ идеи бѣднаго учителя. Онъ походилъ въ этомъ случаѣ на одного почтеннаго викарія, котораго природа одарила довольно-хорошими глазами, но который, изъ подражанія своему ректору, купилъ у продавца стараго желѣза очки. Случись же такое несчастіе, что стекла были сдѣланы для разныхъ очковъ: одно стекло было выпуклое, другое вогнутое. Добрый викарій въ одно стекло видѣлъ предметы въ отдаленіи, въ другое, они торчали у него подъ носомъ, такъ-что, не желая спотыкаться на каждомъ шагу, онъ принужденъ былъ снимать очки. Почти точно такава была участь и Жерома Гаше: ученость его служила только къ тому, что онъ безпрестанно сбывался съ толку и говорилъ глупости. Впрочемъ, надо замѣтить, что до этого было очень-мало дѣла мессирю Жарнію. Ученъ онъ былъ, или нѣтъ, что до этого? Дѣло въ томъ, что матрѣ Жеромъ былъ совершенно-необходимую мебелью въ Босежурѣ. Правда, давно уже прошло то время, когда дѣвицамъ Жарнію нуженъ былъ учитель; но отецъ ихъ ловко расхотѣлъ, что присутствіе подобнаго лица въ домѣ очень-легко можетъ сбуть жениховъ съ толка на счетъ лѣтъ прекрасныхъ насѣдницъ его. Надо признаться, что это былъ совершенно-новый способъ показывать товаръ лицомъ. Школьной учитель служилъ какъ-нельзя-лучше къ объясненію дѣтскихъ манеръ брюнетки-Кушегунды и немножко скучной мины блондинки Сиголены. Г. Жарнію много рассчитывалъ на успѣхи этой стратегической хитрости; поэтому, матрѣ Гаше бывалъ въ замкѣ регулярно четыре раза въ недѣлю и сверхъ-того сопровождалъ своихъ воспитанницъ въ поѣздкахъ, гдѣ онъ могъ привлечь на себя взоры молодыхъ людей. Въ подобныхъ случаяхъ мессиръ Жарнію требовалъ, чтобы Пегасъ не сопровождалъ до-

черей его; но Жеромъ скорѣе готовъ былъ отказаться отъ чести, какую ему оказывали, чѣмъ разгаться съ своимъ вѣрнымъ осломъ. Осель всюду слѣдовалъ за своимъ господиномъ, и теперь онъ стоялъ въ сырнѣ, вытянувъ уши, подлѣ педагога и устремивъ большіе глаза свои на чувствительную Кунегунду, къ которой онъ обнаруживалъ особенную привязанность.

Было около четверти часа, какъ образовался этотъ кружокъ у очага. Разумѣется, въ обществѣ, состоявшемъ изъ двѣушекъ, разговоръ не былъ скученъ. Сначала посмѣялись надъ дамами, которыя испугались трудностей охоты и не осмѣлились отправиться вмѣстѣ съ своими братьями или мужьями. Потомъ дошла очередь до тѣхъ сонъ, которыя спали уже на снѣгъ, какъ-будто Аталанта послѣ охоты за вепремъ калидонскимъ, или Гильдегарда, спасши супруга своего Карла-Великаго отъ роговъ быка вестфальскаго. Эги два сравненія, немножко пахнувшія педантизмомъ, были сдѣланы—одно Кунегундою, другое Сиголоною, къ величайшему удовольствію Жерома, который, въ знакъ одобренія, кивнулъ головою, между-тѣмъ, какъ Пегасъ, какъ-будто раздѣлявшій удовольствіе своего господина, принялся ревѣть изо всехъ силъ.

— Боже мой, милая Кунегунда, сказала насмѣшница Бланка:— какъ вы счастливы, что такъ учены. Я думаю, вы теперь можете учить самого учителя.

— Вы слишкомъ-много думаете обо мнѣ, отвѣчала Кунегунда, скромно краснѣя:— еще многого я не знаю, что должна, однакожь, знать двѣца. Но со-временемъ это прійдетъ...

— Безъ сомнѣнія, сказала Бланка:— можно учиться въ какія угодно лѣта, даже будучи бабушкой.

— Слава Богу, сказала Сиголона, кусая губы:—мы не дошли еще до такихъ лѣтъ.

Въ ту минуту, какъ Бланка собралась-было отвѣчать, дверь сырни отворилась и вошла женщина, появленіе которой произвело такое сильное ощущеніе, что всѣ разговоры мгновенно прекратились. Это была женщина довольно-высокаго роста; но спина ея согнулась уже подъ бременемъ лѣтъ и волосы были бѣлы, какъ снѣгъ. Не смотря на холодъ, ноги ея были босы, и она одѣта была въ грубое шерстяное платье, подпоясанное веревкой; шляпа и воротникъ платья были покрыты раковинами; это ясно показывало ея ремесло: она была пилигримка, богомолка. На поясѣ висѣли длинныя четки: въ рукахъ былъ пилигримскій посохъ, къ которому привязана тыквенная бутылка.

— А, Магдалина! сказала, увидѣвъ ее, Бланка:—поди сюда, ма-тушка, сядь вотъ здѣсь у огонька.

— Спасибо, голубушка, отвѣчала пилигримка:—Богъ наградить тебя. Но я теперь иду на большое богомолье, и вы знаете, мнѣ можно подходить къ огню только на длину этого длиннаго посоха.

Магдалина поставила въ углу свой посохъ и сѣла на скамейку. Вскорѣ пастухъ принесъ для нея двѣ деревянные чаши, одну съ су-

помъ, другую съ водою. Она встала, прочитала тихонько длинную молитву и начала ѣсть, стѣя.

— Полно ѣсть это, сказала Бланка:— у насъ есть всякія кушанья, есть и старое вино, которое можетъ разогрѣть твою кровь.

— Спасибо, отвѣчала старуха: — не искушай меня, голубушка. Дѣв недѣли не могу я пить ни вина, ни можжевеловой водки, должна ѣсть только черный хлѣбъ и пить теплую воду. Я иду на богомолье за одного капитана, который въ болѣзни далъ обѣтъ не прикасаться къ бутылкѣ, пока не приложится къ мощамъ св. Онуфрія, и иду вмѣсто его, а онъ попиваетъ теперь за мое здоровье съ своими друзьями.

— Ну, такъ что жь? сказала Бланка:— и ты дѣлай такъ же, какъ онъ.

— Дурно будетъ, голубушка, дурно, отвѣчала Магдалина. — Правда, я знаю много богомолковъ, которыя пропиваютъ и проѣдаютъ въ кабакахъ все, что имъ даюгъ на кружку, но я этого никогда не сдѣлаю. Никогда не надѣну я башмаковъ, если обѣщала идти босыми ногами и не стану ночевать подъ крышею, если мнѣ заплатятъ, чтобъ я спала подъ открытымъ небомъ. Я не хочу, чтобъ Богъ наказывалъ за меня моихъ плательщиковъ, которые не жалѣютъ своего кошелька, чтобъ угодить ему. Притомъ, прибавила старуха:— теперь мнѣ не такъ тяжело, какъ идти на поклоненіе св. Алисъ, когда надо молчать цѣлую дорогу; развѣ только кто чихнетъ, такъ можно сказать «на здоровье». Вотъ это такъ тяжело, и посмотрѣла бы я какъ бы вы, болтушки, рѣшились на это.

Между-тѣмъ, не всѣ дамы, сидѣвшія у огня, смотрѣли на богомолку съ одинакою благосклонностію. Нѣкоторыя, принадлежавшія къ партіи протестантской, удалились съ презрѣніемъ, и ушли на съно, называя Магдалину старой дурой, а подругъ своихъ глупыми идолопоклонницами. Скоро у очага остались только Бланка, дѣвнцы Жарнію, и матрѣ Гашѣ, который вслухъ хвалилъ своему Пегасу пріятность отдохновенія, вѣроятно, желая напомнить своимъ прелестнымъ ученицамъ, что пора спать.

Богомолка обнаружила тогда нѣкоторое безпокойство. Она окинула кругомъ взоромъ, дождавъ свой супъ, и пробормотала про себя:

— Кажется, охотники остались назадъ, а дамы пріѣхали впередъ. И неудивительно: онъ всегда ужасно торопятся, когда дѣло идетъ объ удовольствіи; но, Боже мой, какъ же бы это сдѣлать? Надо предупредить этого молодаго человѣка; я не могу уйдти безъ этого, — а эту ночь купилъ у меня Пьерръ Мартурѣ! Шаги мои разсчитаны, какъ минуты на часовой доскѣ. Пресвятая Богородица, внуши мнѣ, что дѣлать! Я поставлю свѣчку на свои деньги, только бы мнѣ поговорить съ этимъ стрѣлкомъ. На кого могу я здѣсь положиться? прибавила она, осматривая по-очереди сидѣвшихъ у огня.— Всѣ эти головы очень-внутренны, а этотъ длинный школяръ кажется мнѣ дуралеешъ. Лучше всего положиться на Провидѣніе: мой посохъ рѣшитъ дѣло. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мнѣ осытали его въ Сен-Жакъ,

чуть собьешься съ дороги, стѣять только уронить его на землю, и онъ укажетъ, въ какую сторону надо идти. Онъ покажетъ мнѣ, кому и здѣсь могу я ввѣрить свою тайну.

Послѣ этихъ размышленій, богомолка вошла въ средину небольшой группы, поставила посохъ прямо на полъ, покинула его и онъ примехонько упалъ на колѣни Бланки. Рѣшеніе богомолки было принято. Она подняла посохъ, сбѣдала Бланкѣ знакъ, что хочеть съ нею поговорить, и отвела ее въ уголь сырни.

— Выслушай меня, голубушка, сказала она ей:—да не перерывай меня. Мнѣ пора идти. Вотъ я сей-часъ говорила сама-себѣ, что каждую минуту, которую провожу здѣсь, краду у капитана Дежуайо и Пьерра Мартурѣ: они теперь ужь вѣрно опять охаютъ въ ревматизмъ отъ моего болтанія. А какъ хотѣлось бы мнѣ остаться здѣсь, да поспать на снѣгъ, на которомъ такъ сладко спать вонъ эти дамы, да поговорить съ молодымъ человѣкомъ,—все-таки вѣдь лучше, какъ скажешь сама.

— О какомъ молодомъ человѣкѣ говоришь ты? сказала Бланка съ любопытствомъ.

— Ну вотъ ты и прерываешь меня, голубушка, сказала старуха. —Я сказала «молодой человѣкѣ», а ты ужь и ну раздумывать, кто онъ такой. Счастливъ онъ, что я хорошо слышу, а нето въ эту ночь пришло бы ему идти далеко, куда какъ далеко... на поклоненіе самому Господу...

— Говори яснѣе, замѣтила Бланка.

— Если ты опять станешь перерывать меня и отнимешь у меня хоть одну секунду, на твоей душѣ будетъ грѣхъ. Ну, этого молодого человѣка зовутъ Эмѣ Веромъ (Зеленымъ) или Эмѣ Сьрымъ, право, не помню хорошенько. Какъ бы то ни было, онъ прїѣдетъ сюда съ другими охотниками и потомъ отправится въ горы.

— Но охотники, сказала Бланка...

— Боже мой! прервала ее Магдалина:—видно прїѣдется разсказать кому-нибудь другому.

— Ради Бога, говори, говори!

— Ну, такъ слушай: Эмѣ Синій прїѣдетъ сюда черезъ нѣсколько минутъ. Отведи ты его въ-сторонку, да скажи ему, что онъ можетъ охотиться эту ночь, сколько ему угодно, идти туда, сюда, куда хочеть, только пусть онъ будетъ подальше отъ одного нашего знакомаца, бездѣльника Ландрї, —слышишь ли?

— Отъ-чего же это? спросила Бланка.

— Отъ-того, что ночь темна, дороги скользки, пропасти глубоки, а душа Ландрї темнѣе ночи, извилистѣ горы, глубже пропасти.

— Боже мой! сказала Бланка:—если я понимаю тебя...

— Довольно, сказала богомолка: — никакое богомолье не спасеть этого Эмѣ Краснаго, если ты забудешь хоть одно мое слово. Божусь тебѣ, вчера я сама слышала, какъ злодѣй ловчій сговаривался убить этого невиннаго съ...

— Довольно! Ни слова больше! вскричала Бланка, блявная, трещающая, падая на скамью. — Я знаю остальное.

— И ты съделаешь, что я говорила тебѣ? спросила пилигримка.

— Да.

— И ты поручишься мнѣ своей душою и спасеніемъ?

— Да.

Магдалина засмѣялась тѣмъ звучнымъ смѣхомъ, который вчера такъ испугалъ Сассенажа. — Теперь я слуга капитана Дежуайо и Пьерра Мартурё. Богомолка! богомолка! прибавила она, обернувшись къ мѣшкамъ сѣна, на которыхъ спала вся дамская компанія, включая и двѣицъ Жарнію, и говоря однозвучнымъ тономъ старухи, читающей по четкамъ молитвы:— богомолка идетъ къ святымъ мѣстамъ. Кто хочетъ исцѣлить своихъ дѣтокъ отъ коклюша, крупа и кора? Кто хочетъ выйти за-мужъ къ будущей Пасхѣ? Кто хочетъ хорошей жатвы, хорошаго сбора винограда? У кого есть большіе или малые грѣхи на совѣсти? Идетъ богомолка, идетъ богомолка; она возьметъ ихъ въ свою котомку и на дорогѣ броситъ въ рѣку. Ну же, барышни, продолжала она, видя, что никто не отвѣчаетъ:— вставайте! Иду я къ эмбрёвской Богоматери, зайду къ св. Назеру, который исцѣляетъ глазныя болѣзни, зайду къ св. Розалин, которая не даетъ сердцу биться слишкомъ-скоро, заверну къ св. Реституту, который даетъ мужей двушкамъ и женъ холостымъ, зайду и къ св. Іосифу, покровителю добрыхъ семействъ. Ну же, барышни, вставайте! Хотя вы молоды и красивы, а все-таки вамъ есть что-нибудь попросить у Бога.

Нѣтъ надобности говорить, что Сиголена и Кунегунда охотно навѣя бы Магдалину, чтобъ она помолилась за нихъ св. Реституту, но сонъ или ложный стыдъ удерживали ихъ на сѣнѣ, и Магдалина, взявъ посохъ, ушла, напѣвая известную свою пѣсню, которой вотъ припѣвъ:

Quand je suis en campagne,
La calebasse m'accompagne,
Le bourdon
Est mon compagnon;
La taverne
Me gouverne,
Et l'hôpital est ma maison.

IV.

Когда Бланка очнулась отъ оцѣпенѣнія, въ которое повергла ее страшная новость, она искала глазами пилигримки и удивилась, не видя ея подлѣ себя. Она отворила дверь, кликала богомолку нѣсколько разъ и не получивъ отвѣта, поняла, что Магдалина ушла. Она испугалась положенія, въ какомъ находилась. Очевидно было, что другъ Гаспара (такъ звала Бланка Эмэ Вера) подвергался въ

это время страшной опасности, и только она, только она одна въ мѣрѣ могла спасти его. Пилигримка, хоть нѣкоторые и говорили, будто она иногда завирается, была женщина набожная и чистосердечная, и нельзя было сомнѣваться въ справедливости словъ ея. Притомъ же эти слова подтверждали предчувствіе, отъ котораго сама Бланка не могла защищаться въ гостинницѣ Дофинз. Но зачѣмъ Магдалина пришла такъ поздно и какая роковая ошибка могла родить въ ней мысль, что охотники еще не проѣзжали, тогда-какъ они давно уже отправились въ горы? «Да! они ушли!», вскричала Бланка съ выраженіемъ отчаянія: «они ушли, и я видѣла, какъ этотъ лукавый Ландрі увлекъ доверчиваго стрѣлка въ сѣть, которую разставилъ ему. Но что же мнѣ дѣлать? Всѣ спать,—да и кому я могу передать эту роковую тайну? Никто не поверить мнѣ. Да сверхъ-того, обвиняя Ландрі, надо обвинять и дядюшку... Это невозможно!»

Всѣ эти мысли вдругъ представились уму Бланки. Ей осталось одно средство, и она тотчасъ на него рѣшилась. Быстрѣе мысли она схватила лампу, отворила дверь, которая вела въ хлѣвъ, и, подойдя къ молодому спящему пастуху, начала будить его:

— Послушай, сказала она:—ты знаешь Ястребиное-Ущелье?

— Какъ не знать! отвѣчалъ пастухъ, протирая глаза.—Въ нынѣшнее лѣто я потерялъ тамъ не одну козу, и не волкъ унесъ ихъ у меня, а вѣтеръ.

— Ну-такъ вставай, давай мнѣ такой же плащъ, какъ у тебя, и пойдемъ. Ты будешь моимъ проводникомъ.

Измумленный пастухъ глядѣлъ на Бланку и не трогался съ мѣста.

— Слышишь? повторила Бланка.—Проводи меня, пойдемъ.

— Да нельзя ли, сударыня, подождать вамъ, какъ взойдетъ солнышко? Мнѣ вовсе не хочется идти ночью къ своимъ козамъ въ пропасть, куда я и днемъ не смѣлъ лѣзть за кожей ихъ.

— Боже мой! вскричала Бланка вѣ себя:—время бѣжить, и мы прошли бы ужъ теперь половину дороги. Возьми, прибавила она, отдавая пастуху полный кошелекъ:—вогъ все, что есть у меня; но я дамъ тебѣ вдвое, втрое, если ты проводишь меня.

— Пѣтъ, сударыня, возьмите назадъ деньги,—жить все-таки лучше, чѣмъ умереть.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Бланка съ рѣшимостію:—разскажи мнѣ только, какъ идти, я пойду одна.

Пастухъ ничего не понялъ, — но какъ ни былъ онъ грубъ и простъ, это геройство тронуло его, хоть онъ и не понималъ его побужденій.

— Ужъ если вамъ непременно хочется, сударыня, сказалъ онъ, взявъ кошелекъ: — такъ пусть не говорятъ, что Серполѣ пустилъ васъ идти одну. Пусть будетъ, что будетъ. Помните только все, что вы мнѣ обѣщали... Странно! прибавилъ про-себя Серполѣ:—у этихъ барышень часто преглупыя прихоти. Смотря, пожалуй, — вздумала

ночью бѣгать по скаламъ, гдѣ моя собака и днемъ ходитъ опустивъ уши и поджавъ хвостъ.

Между-тѣмъ, Бланка надѣла уже сѣрый плащъ пастуха и пустилась въ дорогу большими шагами.

Дорога, по которой ей надо было идти до страшнаго пика, извѣстнаго въ томъ краю подъ именемъ Ястребинаго-Ущелья, дѣйствительно одна изъ самыхъ трудныхъ, или лучше сказать, самыхъ непроходимыхъ дорогъ, по которымъ осмѣливался когда-либо ходить человекъ. Дикія долины, среди которыхъ плетъ она, представляютъ взорамъ путешественника зрѣлище и величественное и страшное. Между массами сѣрыхъ скалъ, которыхъ бока, растерзанные водою или огнемъ, свидѣлствуютъ о переворотахъ, какіе испытала земля въ первобытныя времена, тянутся бездонныя ущелья, въ глубинѣ которыхъ кипятъ потоки, и шумъ ихъ едва достигаетъ до вашего слуха. Въ мѣстахъ средней выскоты, почва покрыта дикою растительностію, которой, кажется, назначено скрывать слѣды переворотовъ, терзавшихъ эту землю и обнажившихъ, такъ-сказать, внутренность ея. Лиственницы, столѣтнія сосны, раскидываютъ свои печальныя вѣтви на скалы и склоняются надъ пропастями. Ничто не разнообразитъ этого печальнаго, монотоннаго пейзажа, — вѣрѣдка только тамъ-и-сямъ бѣлѣетъ полоса воды и скачетъ каскадомъ съ утеса на утесъ; нѣкоторые потоки падаютъ съ такой выскоты, что вода, разносимая вѣтромъ, разсыпается пылью, не достигнувъ два пропасти, и орошаетъ мелкимъ дождемъ бока соседнихъ горъ. Но особенно тогда, когда съ трудомъ взберетесь вы по тропинкамъ, идущимъ вдоль деревъ, — если только можно назвать тропинкою-рѣдкіе слѣды, оставленные на мху или рыхлой почвѣ звѣрями, приходящими пить къ потокамъ, — особенно тогда, говоримъ мы, когда вы достигнете верхней части этихъ дикихъ Альповъ, картина становится ужасною. Въ страшной наготѣ является тамъ природа. Если смотрѣть на весь объемъ этой мѣстности съ возвышенной точки, то пейзажъ можно сравнить съ бурнымъ моремъ, котораго огромныя валы вдругъ окаменѣли по манію десницы Всевышняго, какъ вѣчный памятникъ его гнѣва. Тамъ исчезаютъ все роды растительности, даже ползучіе лишай и чужеродныя мхи. Яростный вѣтеръ почти всегда бушуетъ на этихъ высотахъ и отрываетъ обломки скалъ, которые съ трескомъ и шумомъ каются, прыгаютъ, низвергаются въ глубь долинъ. И среди этихъ страшныхъ сценъ, подъ этимъ суровымъ климатомъ, вамъ кажется, что вы перенеслись во времена одряхлѣнія земли, когда солнце утратило теплоту свою, почва свое плодородіе, и душою вашею невольно овладѣваетъ чувство религіознаго ужаса. Тамъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствуете вы свое ничтожество и увѣряетесь, что планета чадъ адовыхъ — земля, пораженная проклятіемъ, потому-что не такова должна была выйти она изъ рукъ Создателя. Но это зрѣлище, унижающее человека, съ другой стороны возвышаетъ его. Единственное мыслящее существо среди этихъ безобразныхъ и неподвижныхъ массъ, онъ

стоитъ на обломкахъ этого древняго міра, какъ падшій царь, азирающій развалины своихъ чертоговъ.

Такія впечатлѣнія рождаютъ видъ дикихъ мѣстъ, извѣстныхъ, въ Веркорѣ, подъ именемъ горы Сеңъ-Шафрѣ; но если путешественникъ пробирается по этимъ долинамъ, чтобъ добраться до Ястребиного-Ущелья, высшаго пункта этой горы, его занимаетъ только забота о сохраненіи своей жизни. На пространствѣ двухъ миль собраны въ кучу все опасности, какія путешественникъ встрѣчаетъ по-одиначкѣ, странствуя по Альпамъ Дофинѣскимъ. Надо переходить черезъ потоки по древеснымъ пнямъ, восточеннымъ червями, идти по краямъ пронастей, во многихъ мѣстахъ ползти на рукахъ, вѣрять свою жизнь хрупкимъ лѣсницамъ, которыя тамъ-и-сямъ развѣсили пастихи, чтобъ имѣть возможность слѣдовать за своими козами. Наименьшая опасность, угрожающая охотнику или отважному ботанику,—встрѣча съ волкомъ или медвѣдемъ.

По этой-то страшной дорогѣ пустилась Бланка въ-слѣдъ за Эмѣ Веромъ. Ночь была темная; мракъ во сто разъ увеличивалъ опасности путешествія. Но Бланка не думала о себѣ: она думала только о томъ, какъ бы спасти молодаго человека, котораго жизнь подвергалась опасности. Не чувствуя ни холода, ни усталости, она торопилась своего проводника, который, казался ей, шелъ слишкомъ-медленно, и даже перегоняла его во многихъ мѣстахъ, гдѣ пастухъ ступалъ съ трепетомъ.

Понятно, какой мучительной тоской полна была душа Бланки. Уже прошло съ полчаса, какъ стрѣлокъ и страшный спутникъ его отправились въ дорогу. Они ужъ вѣрно очень-далеко; можетъ-быть, преступленіе уже совершилось. Но положимъ, что еще нѣтъ: какъ среди этихъ безконечныхъ препятствій догнать дюжихъ пѣшеходовъ, которые ушли такъ давно? Эта мысль придавала крылья Бланкѣ.

— Ну, признаюсь, говорилъ про-себя пастухъ, едва успѣвавшій слѣдовать за нею:—не идетъ, а летитъ. Если бы я не видалъ ея при свѣтѣ лампы, счелъ бы ее за волшебницу; вѣдь говорятъ, что онъ такъ рысцуютъ по пикамъ, когда собираются разостлать свое бѣлье на Игольной-Горѣ.

Между-тѣмъ, препятствія умножались по-мѣрѣ того, какъ Бланка и проводникъ ея подавались впередъ. Среди мрака, наша героиня едва знала, куда ставить она свою ногу; но она шла все впередъ съ тою увѣренностію, съ какою идетъ человекъ, весь занятый одною мыслию; этой увѣренности ни съ чѣмъ нельзя лучше сравнить, какъ съ страшною смѣлостію сомнамбуловъ. Нерѣдко она слышала, что камень, который только-что оставила нога ея, съ шумомъ катился въ пропасть; этотъ ужасающій шумъ напоминалъ ей не ея собственныя опасности—онъ напоминалъ ей только то, что и Эмѣ Варъ проходилъ той же дорогой, и что, можетъ-быть, онъ не былъ такъ счастливъ, какъ она... Иногда она вдругъ останавливалась, оледенѣвъ отъ ужаса, и чудилось ей, будто вдали слы-

шится вопль, и испуганное воображеніе ея представляло стрѣлка, навсерагающагося въ глубь пропасти. Наконецъ, послѣ трехчасовой ходьбы, показавшейся ей цѣлымъ вѣкомъ, она обернулась къ проводнику и спросила его, далеко ли еще до Ястребинаго-Ущелья?

— Не больше мили, отвѣчалъ Серполѣ: — но чортъ возьми! по мнѣ лучше бы теперъ спать съ козами. Самое трудное мѣсто впереди.

— Увѣренъ ли ты, что мы не сбились съ дороги? спросила Бланка.

— Мнѣ хотѣлось бы также прямо идти на небо, сказалъ Серполѣ: — но, послушайте меня, сдѣлаемте маленькій обходъ. Мы немного потеряемъ времени, потому-что вы идете ужасно-скоро, и, можетъ-быть, мы прійдемъ на мѣсто въ цѣлости и сохранности.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричала Бланка: — ступай по самой дурной дорогѣ. Ты будешь богатъ на цѣлую жизнь, если исполнишь, чтѣ я приказываю тебѣ.

Серполѣ, корыстолюбивый, какъ и вся альпійскіе горцы, не ставилъ повторять себѣ этотъ приказъ два раза. Не смотря на опасность, которой самъ подвергался, онъ миновалъ обходъ и пошелъ по дорогѣ, по которой давно уже не хаживали самые безстрашные охотники. Еще долго шли они по темному ущелью, среди котораго глаза не помогали имъ ровно ни въ чемъ и гдѣ они должны были, подобно слѣпымъ, руководствоваться указаніемъ всѣхъ другихъ чувствъ; наконецъ они съ трудомъ взобрались на обрывистый холмъ. Тропинка постепенно суживалась по-мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ. Наконецъ, она вдругъ прекратилась предъ высокою отвѣсною скалою, и Бланка, полагая, что пастухъ сбился съ дороги, подумала, что имъ прійдется воротиться назадъ; но пастухъ не ошибся. Въ этомъ мѣстѣ, скала представляла выпуклость въ нѣсколько дюймовъ, висѣвшую надъ пропастью, и по этой-то выпуклости надобно было идти, чтобъ выйти опять въ тридцати шагахъ оттуда на прерывающуюся тропинку. Этотъ трудный проходъ, подобно карнизу висѣвшій надъ бездною, въ глубинѣ которой слышенъ былъ глухой ревъ невидимаго потока, извѣстенъ былъ въ той странѣ водѣ энергическимъ названіемъ «Помилуй мя Боже». Теперъ его уже нѣтъ; постепенные обвалы разрушили его. Горецъ, предупредивъ Бланку, чтобъ она шла какъ-можно-ближе къ скалѣ, стоявшей какъ стѣна, пошелъ впереди по этому страшному мосту, опираясь о скользкую стѣну и посвистывая, чтобъ показать свое мужество. Но дыханіе его было неровно и обличало сильное безпокойство. Чтѣ касается до Бланки, она шла за проводникомъ твердымъ шагомъ, какъ-будто и не подозревала опасности. Съ минуту шли они такимъ образомъ вдоль пропасти. Наконецъ, проходъ сталъ шире, и они благополучно пришли на родъ платформы, гдѣ, не смотря на настоятельное требованіе мужественной дѣвушки, Серполѣ оставался, чтобъ перевести духъ.

— Нѣтъ, браните, какъ хотите, сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, будте и вывалъ свою голову изъ волчьей пасти. Нѣтъ, чортъ побери

это ремесло проводника. Ужь лучше пасти козь: онъ не такъ упрямъ и сумасбродны, какъ барышни наъ зѣмка.

Въ эту минуту, на горизонтъ проглянула луна, и блѣдный лучъ ея освѣтилъ сомнительнымъ свѣтомъ громадный пейзажъ, который скрытъ былъ до-сихъ-поръ мракомъ ночи.

— Ради Бога, сказала Бланка:—пойдемъ далѣе. Чего тебѣ еще хочется? Луна свѣтитъ, и мы можемъ идти теперь скорѣе.

— О, да! сказалъ Серполѣ:—вѣрьте вы этому свѣту луны! Еслибъ сейчасъ свѣтилъ хоть одинъ лучъ ея, ни за всѣ сокровища г. Гаданья не рѣшился бы я идти по этому проклятому проходу. Подойдите-ка сюда, сударыня, взгляните, по какой дорогѣ прошли мы.

Бланка подошла къ краю платформы, и при свѣтѣ мѣсяца, съ ужасомъ увидѣла бездну, надъ которою прошла она. На днѣ ея мракъ еще боролся съ свѣтомъ, но на неизмѣримой глубинѣ виднѣлись острыя скалы, которыхъ одна тѣлько вершина облита была сумеречнымъ свѣтомъ. Бланка почувствовала страшное головокруженіе.

— Великій Боже! сказала она, отступая назадъ:—если бы только нога поскользнулась...

— О, сказалъ пастухъ:—если бы нога поскользнулась, мы не убили бы объ эти скалы: вороны успѣли бы исклевать насъ на дорогѣ. Право, прибавилъ онъ съ веселостію ребенка, смѣющагося надъ опасностію, которой онъ только-что избѣжалъ:—если падаешь съ такой высоты, то по-крайней-мѣрѣ та выгода, что можно приготовиться къ смерти и прочитать «Помилуй мя Боже» отъ перваго слова до «аминь».

Бланка не раздвѣляла веселости проводника. Этотъ страшный проходъ такъ благопріятствовалъ наивѣреніямъ ловчаго, что Эмѣ Веръ не могъ избѣжать своей участи, если только онъ проходилъ этой дорогой,—а злодѣй вѣрно повелъ его здѣсь. При этой мысли, тоска Бланки возобновилась. Горестно опять наклонилась она надъ бездною, какъ-будто можно было разглядѣть таинственную глубь ея. Но въ эту минуту долетѣлъ до ея слуха шумъ, заставившій ее вздрогнуть съ головы до ногъ.

— Клянусь св. Шафрѣ, сказалъ пастухъ:—на той сторонѣ прохода разговариваютъ. Не-уже-ли всѣ сумасшедшіе, остановившіеся въ сырнѣ, вздумали бѣгать по горамъ?

— Тише! сказала Бланка, прислушиваясь.

Несмотря на отдаленность, Бланкѣ показалось, что она слышитъ хриплый голосъ Ландрѣ и другой мужской голосъ, голосъ знакомый, отъ котораго сердце ея затрепетало. Но она бѣдалась, не ошибается ли, потому-что во время длиннаго перехода она не разъ уже была игрушкой подобной мечты. Особенно возбуждало въ ней сомнѣніе то обстоятельство, что голоса слышались позади ея, тогда какъ она употребила всѣ усилія, чтобъ догнать обомъ охотниковъ, и не надѣялась уже догнать ихъ. Не-уже-ли она шла такъ ско-

ро, что перегнала ихъ? Не останавливались ли они гдѣ-нибудь? Эти мысли вдругъ пробѣжали въ умѣ Бланки. Но скоро другая мысль поразила дѣвушку. Если это точно Эмѣ, то вѣрно онъ пойдетъ по проходу «Помилуй мя Боже», и вѣрно тутъ-то и рѣшился погубить его Ландрі.

Дѣйствительно, скоро показался ловчій на верху тропинки, на краю карниза. Голосъ его слышенъ былъ явственнѣе, хотя онъ немного измѣнился, можетъ-быть отъ усталости, а можетъ-быть и въ слѣдствіе волненія, отъ котораго не могутъ защищаться самые закоренные злодѣи въ ту минуту, когда готовятся совершить преступленіе.

— Идите, мессиръ, сказалъ онъ:—идите скорѣе. Вотъ мы и пришли. Ступайте впередъ и не бойтесь ничего, я буду смотрѣть за вами.

— Боже великій! возразилъ Эмѣ Вержъ, смотря на хрупкій карнизъ, по которому надо было идти ему и который, освѣщенный луною, представлялся во всемъ ужасномъ видѣ своемъ: — да какую чертовской дорогой ведешь ты меня, мѣтръ Ландрі? Можно сказать, что ты поклялся заставить меня въ эту ночь совершить двѣнадцать подвиговъ Геркулеса. Какъ тутъ пройти? Надо имѣть крылья.

— Вы боитесь? сказалъ Ландрі глухо.

Одно это слово, какъ талисманъ, подѣйствовало на мужественнаго стрѣлка. Какъ добрый христіанинъ, онъ сотворилъ знаменіе креста и съ рѣшительнымъ видомъ пошелъ по проходу. Съ ужасомъ слушала Бланка этотъ короткій разговоръ. Въ себя, она хотѣла броситься впередъ, чтобъ удержать Эмѣ Вера, пока онъ еще не ступилъ на карнизъ, но пастухъ схватилъ ее за платье и въ то же время закрылъ рукою ротъ ея.

— Что вы, съ ума что ль сошли? говорилъ онъ тихимъ голосомъ. — Вы думаете, что можно танцовать на этомъ проходѣ и раскланиваться съ кавалерами? Молчите, пожалуйста; пусть молодцы идутъ себя.

Когда Бланка освободилась изъ рукъ Серполѣ, стрѣлокъ шелъ уже по карнизу, и Ландрі слѣдовалъ за нимъ съ поникнутой головою. Пероне въ силахъ описать, что происходило тогда въ душѣ Бланки. Несчастная дѣвушка готова была закричать Эмѣ, что его хотятъ убить, но по тому инстинкту, который Богъ внушаетъ иногда человеку въ большихъ опасностяхъ, она поняла, что одно слово, одно движеніе, одно дыханіе можетъ поразить стрѣлка и онъ потеряетъ равновѣсіе.... А если она будетъ молчать, кто остановитъ ловчаго? Не-уже-ли она пришла за тѣмъ, чтобъ быть бесполезной и безысленной свидѣтельницей убійства Эмѣ Вера? Съ страшной мукой Бланка слѣдила глазами за Ландрі, трепетала при каждомъ движеніи его, и все казалось ей, будто онъ поднимаетъ руку, чтобъ низвергнуть свою жертву въ пропасть. Виски ея покрылись холоднымъ потомъ. Она была неподвижна, бездыханна, и можно было сказать, что жила только невѣрной жизнью стрѣлка. Стрѣлокъ между-тѣмъ смѣло подавался впе-

редь, удерживая дыханіе и осторожно передвигая ноги. Наконецъ Бланка испустила глубокий вздохъ; по неизъяснимоу счастью, безстрашный юноша невредимо ступилъ на платформу. Бланка и молодой пастухъ, скрывшись въ тѣни въ изгибахъ скалы, могли наблюдать его, не привлекая на себя его вниманія. Онъ былъ очень спокоенъ; перекрестившись въ другой разъ, онъ обернулся къ своему спутнику. Ландріи скоро явился. Тогда Серполё, не считая нужнымъ скрываться долѣе, поднялъ руку на воздухъ, чтобъ щелкнуть пальцами и извѣстить такимъ образомъ о своемъ присутствіи. Но Бланка бросила на него выразительный взглядъ, и онъ остался пригвожденнымъ къ мѣсту. Шагами тяжелыми ступалъ Ландріи по платформѣ и шатался, какъ пьяный. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, колыни, казалось, подгибались подъ нимъ. Ему вѣрно хотѣлось идти далѣе, но у него не доставало силъ, и онъ сѣлъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ скрывалась Бланка.

Странно ошибся бы тотъ, кто сталъ бы приписывать изнеможеніе ловчаго единственно страху, который могъ возбудить видъ пропасти внизу подъ ногами: онъ привыкъ къ подобнымъ путешествіямъ и не первый разъ шолъ по этому опасному проходу. Изнеможеніе его происходило отъ другой причины.

Онъ вышелъ изъ сырни съ твердою рѣшимостію прійти одному къ Ястребиному-Ущелю. Проходъ «Помилуй мя Боже» былъ именно то мѣсто, которое назначилъ онъ напередъ для исполненія своего предпріятія. Тамъ, думалъ онъ, нѣтъ свидѣтелей, и сопротивленіе невозможно; одно движеніе — и все кончено. Всю дорогу вертѣлась въ головѣ его эта страшная мысль. Онъ воображалъ, что, избавившись отъ Эмѣ Вера, онъ вдругъ избавится отъ всѣхъ угрызений совѣсти, отъ всѣхъ опасеній и вступитъ въ жизнь новую. Онъ приписывалъ существованію этого молодаго человѣка всѣ мученія, которыя претерпѣвалъ въ теченіе семнадцати лѣтъ. Замученный воспоминаніемъ объ убіеніи Понса, онъ собирался совершить новое преступленіе и еще глубже вонзить желѣзо въ свою рану, надѣясь, что онъ вырветъ его оттуда. Дошедъ до роковаго мѣста, онъ собралъ всѣ свои силы и, идя сзади стрѣлка, поднялъ на него правую руку. Осталось сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ достать Эмѣ, — но въ ту минуту глаза его покрылись туманомъ, рука оцѣпенѣла и не въ силахъ была сдѣлать ни одного движенія; онъ самъ едва не упалъ въ пропасть.

Когда человѣкъ видитъ себя близко къ цѣли давно-желанной, онъ испытываетъ иногда заранѣе ощущеніе, подобное тому, какое сопровождаетъ обыкновенно исполненіе желанія. Мы заранѣе наслаждаемся тогда добромъ или зломъ, которое давно занимало наши мысли; не сильнѣе дѣйствуетъ на насъ самое исполненіе желанія. Въ настоящемъ случаѣ, ловчій почувствовалъ въ себѣ не тотъ спасительный страхъ, который останавливаетъ преступника, а то глубокое оцѣпенѣніе, которое распространяется въ душѣ убійцы, когда онъ нанесъ смертельный ударъ. Блѣдный и трепещущій, прошелъ бы,

какъ мы уже видѣли, на платформу, проклиная самого-себя, но болѣе чѣмъ когда-либо полный рѣшимости прійти къ Ястребиному-Ущелю безъ своего спутника. Смущеніе его не избѣжало вниманія Бланки. Тихо вышла она изъ своего убжища и, положивъ палецъ на губы, вдругъ предстала предъ очами Эмѣ Вера. Нѣтъ надобности говорить, какъ изумился нашъ герой, когда увидѣлъ, что дѣвушка, къ которой онъ до-сихъ-поръ не могъ никакъ приблизиться, вдругъ вышла изъ-подъ навѣса скалы и подала ему знакъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за нею. Нѣтъ надобности также говорить, что онъ не заставилъ просить себя и покинулъ ловчаго, погруженного въ размышленіе, предмета котораго онъ не подозрѣвалъ вовсе.

V.

Нѣсколько минутъ поднимались наши пѣшеходы по единственной извиравшейся передъ ними тропинкѣ, которая вела, какъ извѣстно, въ Ястребиное-Ущелье; но скоро Серполѣ своротилъ въ сторону, и, покинувъ торную дорожку, пустился по горѣ въ направленіи совершенно-противномъ тому, какому дотолъ слѣдовалъ.

Эмѣ шелъ воалѣ Бланки, не смѣя нарушить молчанія, которое она велѣла наблюдать ему. Впрочемъ, молчаніе всего больше приличествовало состоянію его ума, когда внезапное появленіе дѣвушки въ мѣсть, гдѣ онъ, разумѣется, не могъ и подозрѣвать ея присутствія, переверотило, такъ-сказать, вверхъ дномъ всѣ его мысли. Онъ оставалъ ее въ шалашѣ, и вдругъ находилъ за два льѣ оттуда, среди непреступныхъ мѣсть, куда она могла пробраться не иначе, какъ съ величайшей опасностью. Съ какою же цѣлю рѣшилась она на подобное путешествіе и отважилась на столько опасностей? Вопросъ этотъ былъ для него сущей загадкою. Тщетно напрягалъ онъ воображеніе; только догадки громоздились одиѣ на другія и рассыпалась отъ малѣйшаго прикосновенія разсудка, подобно тѣмъ зданіямъ, которыя кажутся намъ иногда на облакахъ и разрушаются тотчасъ, какъ скоро перемѣнимъ мѣсто наблюденія.

Дѣвица Сассенажъ не была уже теперь безстрашной героиней, которая, какъ мы видѣли, ступала по краямъ пропастей съ отвагою охотника. Какъ-скоро достигла она цѣли своего странствованія и успокоилась на счетъ участи Эмѣ Вера, робость, столь свойственная ей полу, снова взяла въ ней верхъ надъ прочими чувствами. Мысль скитаться ночью по этимъ опаснымъ долинамъ наводила на нее неодолимый ужасъ. Она пріостанавливалась на всякомъ шагу, трепетала отъ малѣйшаго шума, и не разъ принуждена была опираться на руку стрѣлка при переходѣ черезъ трудныя мѣста. Наконецъ, истощенная отъ волневіи и усталости, она почувствовала, что колѣни ея подгибаются и невольная дрожь охватываетъ всѣ члены. Она хотѣла-было продолжать идти, но скоро принуждена была остановиться и ухватиться за дерево; иначе она упала бы безъ чувствъ.

— Боже великій! вскричалъ Эмѣ Веръ, поддерживая Бланку. — Что съ вами, Бланка? скажите, ради Бога!

— Ну, вотъ! вскричалъ пастухъ: — развѣ не видите, что она обезсильна. Мудрено ли: вотъ ужъ часа три бѣжимъ мы по горѣ, словно въ-запуски.

Между-тѣмъ, Эмѣ Веръ не зналъ, какому святому молиться. Напрасно звалъ онъ Бланку громкими кликами — дѣвушка была въ обморокъ и ничего не слыхала. При свѣтъ луны, сіявшей въ это время полнымъ блескомъ, онъ видѣлъ блѣдное лицо, помертвѣлыя губы и всѣ обыкновенные признаки смерти. Въ испугѣ, приложилъ онъ руку къ сердцу дѣвицы Сассенажъ. Къ-счастью, слабое бѣіеніе показало ему, что жизнь еще не совсемъ угасла. Онъ тотчасъ скинулъ съ себя плащъ, бережно обернулъ имъ дѣвушку, стараясь согрѣть ея охладѣлыя члены, и спросилъ у пастуха, нѣтъ ли какого-нибудь шалаша по близости.

— Съ вашего позволенія, сказалъ Серполѣ: — близехонько отсюда домъ старика Рока. Если угодно, я васъ туда провожу. У него дверь всегда отворена, какъ слѣдуетъ у всякаго добраго христіанина; войти къ нему ничего не стоитъ, а тамъ найдемъ все, что намъ понадобится.

Обрадовавшись этому извѣстію, Эмѣ велѣлъ пастуху вести себя кратчайшей дорогою къ жилищу мэтра Рока, и, обѣщавъ награду для поощренія его усердія, проворно пошелъ за нимъ по боку горы, неся осторожно на рукахъ все еще непришедшую въ себя Бланку.

— Вотъ мы и пришли, скоро произнесъ Серполѣ, остановясь у подошвы одной скалы.

— Но тутъ не видать никакого слѣда жилья, сказалъ Эмѣ.

— О! будьте покойны, отвѣчалъ пастухъ, разводя кусты, закрывавшіе родъ впадины, выдолбленной въ скалѣ скорѣе временемъ, чѣмъ человѣческой рукою. — Не надо судить о домѣ по дверямъ, такъ же какъ о человѣкѣ по лицу. Ступайте за мною, жалеть не будете.

— Ты ведешь меня въ медвѣжью берлогу, сказалъ Эмѣ: — берегись, если обманешь.

Съ этими словами, стрѣлокъ, не видя лучшаго пристанища, рѣшился вступить въ узкій проходъ, куда пошелъ впередъ его Серполѣ.

— Стойте тутъ, сказалъ черезъ минуту пастухъ: — и не беспокойтесь; старикъ Рокъ навѣрное приготовилъ все для нашего приема.

Вслѣдъ за тѣмъ Эмѣ услышалъ, что Серполѣ третъ одну объ другую вѣтки сухаго дерева, какъ дѣлаютъ пастухи, добывая себѣ огонь. Тусклое пламя скоро мелькнуло въ рукахъ пастуха. Свѣтъ огня былъ не въ силахъ совершенно разогнать темноту, однако позволилъ стрѣлку увидѣть камень, обтесанный въ видѣ скамьи, куда могъ онъ положить свое драгоценное бремя.

Серполѣ, между-тѣмъ, собралъ охабку сухихъ сучьевъ, сложилъ ихъ кѣстромъ и зажегъ. Густой дымъ поднялся вихремъ и наполнилъ собою пещеры.

— Ну, что? сказалъ Серполѣ: — какова-то наша барышня? Э! да она еще не очнулась? Божусь св. Шафре! не диковина. Не думаете ли, что пособите ей, глядя такъ на нее? Послушайте, я научу васъ, что сдѣлать. Разуйте себѣ правую ногу, возьмите въ руку башмакъ, прочтите *Отче нашъ* и *Богородицу*, пропрыгайте пять разъ на одной ногѣ вокругъ больной, и она какъ-разъ встанетъ здоровехонька не хуже насъ съ вами. Говорять, это лекарство всегда помогаетъ женщинамъ; иные даже увѣряють, будто стоитъ только проплясать буррѣ передъ мертвою, и она оживетъ, безъ *Отче нашъ* и *Богородицы*.

Эмѣ Верь не имѣлъ нужды испытывать дѣйствительность лекарства, предлагаемаго маленькимъ настухомъ. Приятная теплота огня, какъ и ожидалъ онъ, скоро оживила оцѣпенѣлые члены путешественницы, и мало-по-малу привела ее въ чувство. Она вздохнула, открыла глаза, и съ изумленіемъ посмотрѣла вокругъ. Во время летаргій она забыла всѣ ночныя происшествія и сначала не могла понять, въ какомъ мѣстѣ очутилась.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пещера, куда отнесъ ее Эмѣ Верь, представляла въ эту минуту необыкновенное зрѣлище. То былъ одинъ изъ гротовъ или балмовъ, которые встрѣчаешь по многимъ мѣстамъ Дофинѣ. Природа, ископавшая его въ нѣдрѣ горы, украсила такъ роскошно, что суевѣрные крестьяне считали это чудное пронаведеніе дѣломъ чародѣевъ, какъ-будто сама природа дасть могущественнѣйшая чародѣйка, какая когда-либо уаправляетъ волшебнымъ жезломъ. Дымъ, наполнившій сначала пещеру, вылетѣлъ въ отверстіе, и подземное зданіе открылось взору до малѣйшихъ подробностей.

Тонкія и легкія колонны изъ причудливыхъ сталактитовъ поднимались отовсюду и достигали потолка, который, подобно своду готическаго собора, увѣшанъ былъ блестящими люстрами и паникадилами. При свѣтѣ костра, стѣны, покрытыя кристаллами, ярко горѣли всеми цвѣтами призмъ и наполняли внутренность грота волшебнымъ сіяніемъ. Въ добавокъ, будто для усугубленія дѣйствія картины, скатерть прозрачной воды разстигалась посреди пещеры, отражавшейся въ ней со всѣмъ блескомъ. Пробѣгая глазами сверкающіе своды, Бланка подумала-было, что грезитъ во снѣ или что перенесена своей прабабкой Мелузиною въ какой-нибудь волшебный дворецъ, обиталище чародѣевъ и фей. Когда же, наконецъ, увидѣла подлѣ себя Эмѣ Вера на колыняхъ, то еще больше утвердилась въ заблужденіи.

— Вы здѣсь! произнесла она съ изумленно-радостнымъ видомъ. — Гдѣ жь это мы?

— Какъ гдѣ! вскричалъ настухъ: — у старика Рока.

Бланка повернула голову и увидѣла Серполѣ, который, сидя у огня

и усордно подкладывая хворостъ, пристально глядѣлъ на нее. Тутъ она припомнила, но смутно, что когда-то уже видала этого мальчика.

— У старика Рока! повторила она:—кто онъ такой?

—Св. Шафрѣ! не-ужь-то вы его незнаете? Просто, здѣшній хозяинъ и, видите, живетъ недурно, хоть въ домъ его нѣтъ ни каминовъ, ни оконъ.

— Да гдѣ же онъ? спросила дѣвица Сассенажъ, еще не вовсе страхнувшая покровы сна, которые облекали ея чувства.

— Гдѣ онъ! возразилъ пастухъ.—Мудренъ будетъ тотъ, кто сумѣетъ сказать. Его никогда никто не видывалъ, да и мнѣ, даромъ-что давно его знаю, не удавалось глазомъ взглянуть на него. Впрочемъ, прибавилъ Серполѣ съ увѣреннымъ видомъ:—если хотите поговорить съ нимъ, онъ откликнется: только кричите погромче, потому-что отъ старости онъ туго на-уху.

—Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Эмѣ.—Я позову его. Онъ намъ пригодится. Эй! старичокъ!—кривнулъ онъ громко:—встань, поди сюда.

Звучное эхо немедленно повторило отъ слова до слова рѣчь стрѣлка. Онъ понялъ, что старикъ Рокъ былъ одно изъ воображаемыхъ существъ, которыми праотцы наши населяли пещеры и лѣса, и которыя въ средніе вѣка замѣняли фавновъ, дриадъ и прочихъ языческихъ полубоговъ. Дѣйствительно, мѣтръ Рокъ — одно изъ самыхъ народныхъ повѣрій въ Веркорѣ. Добрые люди приписываютъ ему почти такую же обширную власть, какой пользуется чародѣй Мерленъ. По ихъ мнѣнію, онъ виновникъ всѣхъ происшествій, которыхъ истинная причина неизвѣстна, и это удовлетворяетъ ихъ лѣзвивые умы, боящіеся искать естественнаго объясненія на самыя простыя вещи. Въ наше время пастухи еще такъ твердо вѣрятъ въ этого благодѣтельнаго духа, что получили бы очень-невыгодное понятіе о разсудкѣ путешественника, который осмѣлился бы при нихъ сомнѣваться въ существованіи таинственнаго старика. Послѣ этого, неудивительно, что Серполѣ посмотрѣлъ на товарищѣй съ торжествующимъ видомъ, когда эхо откликнулось.

—Слышите? сказалъ онъ, смѣясь съ полнымъ простодушіемъ, которое обезоружило Эмѣ Вера.—Онъ всегда такъ дѣлаетъ. Только и можно отъ него добиться. Онъ не то, что феи, которыя, по своему женскому званію, не пропускаютъ случая показывать себя. Но не беспокойтесь: это онъ намалъ здѣсь хвороста, и ничего не возьметъ за него съ насъ. Развѣ, коли прекрасная барышня сноситъ ему нѣсенку, какъ оправится, то очень его утѣшитъ, и онъ повторитъ пѣсню въ своемъ закоулкѣ. О! со мной онъ давно знакомъ, какъ и со всѣми пастухами горы Сен - Шафрѣ. Онъ накидываетъ мосты черезъ ручьи, гдѣ намъ надо бываетъ переходить. Если тердемъ козу, либо корову, онъ ее намъ отыскиваетъ; а за трудъ только иногда пододитъ немножко молока, когда оно испортится, да подберетъ овечью шерсть, которую мы оставляемъ для него на кустахъ.

Пока пастухъ расхваливалъ своего пріятеля Рока, Бланца успѣла оправится и собрать въ памяти кой-какія воспоминанія о про-

пойдемъ. Она припомнила, что ушла изъ шалаша съ Серполё, и что Эмэ Вера грозитъ большая опасность, но была не въ силахъ дать себѣ полный отчетъ о причинѣ и приключеніяхъ своего путешествія, особливо же не могла понять, какимъ-образомъ попала въ гротъ. Первымъ движеніемъ ея было встать и закутаться въ шубу, сбросявъ на скамью плащъ стрѣлка. Она думала только о томъ, какъ бы выйдти изъ положенія, казавшагося ей предосудительнымъ, и поскорѣе возвратиться въ сырню, гдѣ остались ея подруги. Стрѣлокъ угадалъ намѣреніе дѣвицы Сассенажъ.

— Вы еще, вѣрно, чувствуете усталость, сказалъ онъ ей почти-тельно: — не худо бы, кажется, отдохнуть вамъ здѣсь нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ мы пустимся въ дорогу.

— Извините меня, мессиръ, отвѣчала съ безпокойствомъ Бланка: — по я не придумаю, какимъ-образомъ очутились мы здѣсь.

Тутъ стрѣлокъ, въ короткихъ словахъ, напомнилъ дѣвицѣ Сассенажъ, что они встрѣтились у прохода «Помилуй мя Боже», что она дала ему знакъ слѣдовать за собою, и что онъ покинулъ мэтра Ландри, повинаясь ея приказанію. Потомъ разсказалъ, что съ ней случилось дурно дорогою, и что онъ счелъ за долгъ укрыть ее отъ стужи и вѣтра въ первомъ пристанищѣ, какое указалъ ему пастухъ.

Одна мысль пробить хоть минуту на рукахъ Эмэ Вера, заставила невольнo смутиться дѣвицу Сассенажъ. Она покраснѣла и потупила глаза; но чувство это было кратковременно. Бланка уже привела на память все, а вмѣстѣ съ тѣмъ возродились и ея опасенія. Имя Ландри окончательно прояснило въ ней сбивчивость воспоминаній. Разстройство, послѣдовавшее за этимъ полнымъ пробужденіемъ, было такъ велико, что она снова принуждена была сѣсть.

— Боже мой! сказалъ Эмэ, увидѣвъ ея блѣдность: — не хуже ли вамъ? Не бѣжать ли мнѣ за помощью въ сырню?

— Нѣтъ! нѣтъ! тороплива отвѣчала Бланка: — ничего. Только пожалуйте; не уходите, мнѣ никто не нуженъ.

— Ради Бога, воскликнулъ стрѣлокъ, встревоженный ея волненіемъ: — выведите меня изъ недоумѣнія! Не угрожаетъ ли какая опасность вамъ или кому-нибудь изъ вашихъ? Вѣдь, вѣрно, вы за этимъ позвали меня; вѣрно были очень-важныя причины, что вы рѣшились на такое путешествіе въ глухую ночь и среди такихъ опасностей. Скажите жъ ихъ мнѣ, сдѣлайте милость! Моя шпага, рука, жизнь, все къ вашимъ услугамъ.

При этихъ словахъ, Бланка быстро перебрала въ умѣ, съ чего бы начать страшное признаніе, которое ей предстояло. Спасши стрѣлка въ проходѣ «Помилуй мя Боже», она выполнила только половину задачи: ей слѣдовало еще увѣдомить его о тайномъ умыслѣ на его жизнь. Первое имя, какое представилось ей, было имя графа Сассенажа, настоящаго виновника злодѣяства, которому ловчій служилъ только орудіемъ. Имя это замерло у нея на устахъ. Графъ Сассенажъ былъ ея ближайшій родственникъ, братъ ея отца, братъ ея благодѣтельницы, госпожи Монморъ. «Мнѣ ли», подумала она: «мнѣ ли

произнеси подобное обвинение на него и опозорить старика, которого признательность, религія, всё чувствованія природы повелѣваютъ мнѣ уважать? Нѣтъ! я не могу, не должна называть никого, кромѣ Ландри. А его я назову, продолжала она:—нужно же молодому человѣку знать врага, чтобъ избѣгать его коварствъ, или защищаться отъ него.»

Но еда она рѣшилась, какъ тотчасъ снова впала въ раздумье. Благодаря открытіямъ, какія Женѣ сдѣлалъ Пашали, и болтливости горничной, Бланка знала, что происходило въ Романъ у стрѣлка съ графомъ Сассенажемъ. Она знала также, что старый Гюгъ Шамбеонъ предостерегъ сына на-счетъ недобрыхъ намѣреній капитана Гартмана, и только за тѣмъ далъ ему въ слуги Женѣ, чтобъ имѣть помощника въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Сообразивъ все, она ясно увидѣла, что Эмѣ достаточно одного намека, чтобъ навести его на открытіе истиннаго виновника. Назвать же прямо Ландри, значило указать пальцемъ на графа Сассенажа. При такой мысли, твердость Бланки опять ослабѣла.

Между-тѣмъ, Эмѣ Веръ ждалъ отвѣта. Стоя передъ Бланкою, онъ глядѣлъ на нее съ безпокойствомъ и недоумѣвалъ, чему приписать ея молчаніе. Волненіе дѣвушки ежеминутно возрастало и было, казалось, предвѣстникомъ новаго припадка. Въ-самомъ-дѣлѣ, Бланка находилась въ одномъ изъ тѣхъ положеній, которыя, будучи продолжительны, могутъ помутить самый твердый разумокъ. Она не смѣла донести на дядю, а рѣшившись молчать, подвергла бы стрѣлка всѣмъ опасностямъ, отъ какихъ недавно его избавила. Она допустила бы его попасть въ какія-нибудь новыя сѣтя, и чрезъ то сама стала бы сообщницею убійцы. Внезапное вдохновеніе вывело послѣдокъ ее изъ такого затруднительнаго состоянія. Ей казалось, что можно примирить противорѣчащія обязанности и спасти стрѣлка, не открывая ему тайны. Предпріятіе было не легко и требовало сколько твердости, столько же и благоразумія. Какъ бы то ни было, но дѣвица Сассенажъ рѣшилась сохранить страшный секретъ, взявъ обязанность на себя беречь жизнь стрѣлка и надѣясь, съ Божьей помощью, не дать упасть волосу съ головы его. Для этого напередъ слѣдовало продержать его подлѣ себя до разсвѣта. Мѣсто было пріютно, пещера закрыта отъ вѣтра; въ ней находился достаточный запасъ дровъ для поддержанія огня, а присутствіе маленькаго пастуха, хоть онъ уже и заснулъ у костра, уменьшало неприличность подобной уединенной бесѣды. И такъ, прежде всего Бланка вознамѣрилась воспользоваться случаемъ и продлить до появленія зари свое пребываніе въ гротъ. А послѣ она обдумала бы дальнѣйшее выполненіе принятаго ею плана.

— Мессиръ, сказала она:— извините, что я медлю отвѣчать вамъ; въ жизни бываютъ обстоятельства, когда молчаніе — лучшій отвѣтъ на вопросы, не говорю нескромныя, но благородныя и дружескія. Я позвала васъ, просила за мною слѣдовать, а теперь должна оставаться безмолвною, должна рѣшительно молчать о причи-

захъ моего поступка, потому-что, начавъ говорить, принуждена буду утаить отъ васъ истину подъ покровомъ какой-нибудь лжи. И такъ, съ васъ довольно, мессиръ, узнать, что друзьямъ вашимъ не грозитъ никакая опасность.

Эмэ такъ мало ожидалъ подобнаго отвѣта, что отъ изумленія не могъ вымолвить слова. Самая ужасная новость не столько, можетъ-быть, удивила бы его, ибо онъ былъ къ ней приготовленъ. Тщетно усылвался онъ собраться съ духомъ и какъ-нибудь растолковать себѣ странную скрытность дѣвицы Сассенажъ: — ему не удавалось. Какимъ же образомъ объяснить присутствіе Бланки среди горъ, въ такую познюю пору ночи? Какимъ образомъ молодая дѣвушка, цѣлому-древню воспитанная подъ надзоромъ баронессы Монморъ, отважилась прійти въ такое дикое мѣсто? Она могла сдѣлать это не иначе, какъ безъ вѣдома родныхъ и подругъ, которыхъ оставила въ шалашѣ. Зачѣмъ же явилась она на вершинахъ Сен — Шафрѣ? Чтò за причина ея смятенія, безпокойства, и особливо молчанія? Краска выступила на лицѣ стрѣлка; горькое подозрѣніе мелькнуло въ умъ его.

— Очень-хорошо, сударыня! сказалъ онъ съ принужденной вѣжливостью: — очень-хорошо! Не разспрашиваю васъ больше; не имѣю права дѣлать вамъ вопросовъ. Не мое дѣло смотрѣть за вашимъ поведеніемъ.

— Вы удивляетесь, мессиръ...

— Полноте! сказалъ Эмэ: — чему жъ тутъ удивляться? Чтò мудренаго видѣть, что молоденькая и прекрасная дѣвушка гуляеть ночью по лѣсу, ищетъ уединенія, одна-одинѣхоника съ мальчикомъ. О! чему же тутъ удивляться!

Слова эти уязвили въ самое сердце дѣвицу Сассенажъ. Она невольно содрогнулась, потупила голову и насилу удержала слезы, готовые кануть съ рѣсницъ. Впрочемъ, еслибъ вопросъ этотъ былъ не столь близко къ ея сердцу, или еслибъ она имѣла побольше опытности и женской хитрости, то поняла бы, что въ словахъ стрѣлка заключалось болѣе ревности, чѣмъ настоящихъ подозрѣній. Но при невинности своей она могла представить себѣ только одно — что она потеряла уваженіе Эмэ Верга. Однакожъ, она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя пугаются послѣдствій своей великодушной рѣшимости. Она даже и не помыслила оправдываться, какъ ни жестоко растолковалъ бы себѣ Эмэ Вергъ скрытность, которую вознамѣрилась хранить она. Уже одна гордость, не говоря о другихъ причинахъ, заставила бы ее поступить такъ. Въ самыхъ словахъ ся, натурально, нѣсколько отозвалась эта обиженная гордость.

— Область догадокъ широка, сказала она, собравъ всю свою твердость, чтобъ улыбнуться при этихъ словахъ: — легко въ ней заблудиться: но думать мое замѣчаніе не останавливаетъ васъ, мессиръ. Вы, какъ мнѣ сказывали, человекъ умный и осторожный, не имѣете привычки поспѣшно осуждать другихъ. Чтò же до меня, то я столько надѣюсь на ваше благородство, что смѣю просить у васъ обѣщанія

не говорить никому про нашу встречу и приключенія, съ какими она сопряжена была.

— Даю вамъ слово, сударыня, отвѣчалъ стрѣлокъ, на котораго огорченіе Бланки сильно подѣйствовало, но который, раскаяваясь, что былъ его причиною, все-таки не могъ рѣшиться отвѣчать иначе какъ съ холодной и умѣренной учтливостью: — даю вамъ слово; можете положиться на мою скромность.

— Только о томъ я и прошу васъ, сказала Бланка. — Впрочемъ, прибавила она, послѣ минутной нерѣшимости: — подвергну вашу свисходительность еще одному испытанію. Я желала бы, мессиръ, воротиться не прежде разсвѣта. Хоть я и кажусь большой охотницей до приключеній, однако боюсь ночи и дурной дороги. Угодно ли вамъ пробить до-тѣхъ-поръ со мною?

Стрѣлокъ отвѣтилъ наклоненіемъ головы и сълъ насупротивъ Бланки на скамью, гдѣ спалъ молоденькій пастухъ. Нѣсколько минутъ протекли въ молчаніи; во время ихъ слышался только трескъ пылающихъ сучьевъ да шумъ водяныхъ капель, порою падавшихъ съ потолка въ озеро. Нѣтъ нужды говорить, что за мысли занимали нашего героя. Едва-ли есть для любовника положеніе хуже того, когда болѣе или менѣе значительное обстоятельство откроетъ ему, что у него есть соперникъ, и соперникъ предпочитаемый. Таково было положеніе Эмѣ Вера. Введенный въ заблужденіе обманчивой наружностию, а еще болѣе, какъ сказали мы, любовью, онъ вдоволь терзалъ себя и ужъ только пріскикивалъ въ умъ догадку, кто этотъ счастливецъ; для котораго романическая дѣвушка пускается на подобныя ночныя прогулки.

Впрочемъ, пораздумавъ нѣсколько минутъ, онъ не замедлилъ обратиться къ чувствованіямъ достойнѣйшимъ его и любимой имъ особы. Онъ привѣтилъ, что слишкомъ поторопился въ своемъ заключеніи, и что сердце омрачило у него разсудокъ. Онъ сообразилъ невозможность, чтобъ дѣвица Сассенажъ, если даже и имѣла склонность къ кому нибудь-другому, забылась до такой степени, что пренебрегла бы всякое приличіе, стала назначать ночныя свиданія, и пятнать такимъ образомъ свою безукоризненную славу. Утѣшившись такою мыслью, онъ поднялъ глаза и украдкой посмотрѣлъ на благородное и цѣломудренное лицо подруги. Видя, что довершилъ начатое размышленіемъ, и стрѣлку осталось только горькое раскаяніе, что онъ оскорбилъ Бланку своими подозрѣніями. Видимъ, что и на этотъ разъ нашъ благоразумный и разсудительный пріятель въ короткое время прошелъ длинную дорогу; если онъ излишне поторопился на обвиненія, если, встрѣтивъ Бланку одну въ глуши, чуть не пришелъ въ отчаяніе, за то, съ другой стороны, по одному речательству доброй славы и невиннаго личика дѣвушки, отказался отъ своихъ догадокъ и забылъ подозрительность положенія, въ какомъ ее нашелъ. Говоримъ это для того, чтобъ молодые читатели научились отъ насъ двумъ истинамъ, старымъ какъ самъ міръ, которыя никогда не рано узнать, а именно: во-первыхъ, что самыя умныя люди

должны быть осторожны на сужденія, ибо чашки вѣсовъ, на которыхъ взвѣшиваются чужіе поступки, поднимаются или опускаются, судя по взмѣчивымъ движеніямъ нашего сердца; во-вторыхъ, что у любви—непостояннаго божества, глаза бываютъ то зорки какъ у рыси, то подслѣпы, какъ у крота... И такъ, отказавшись отъ желанія прикинуть тайну, какою вздумалось облечься Бланкъ, исполненный довѣрія къ прѣломудрію дѣвушки, Эмэ Веръ думалъ только, какъ бы заглядеть слою вину передъ нею. Сперва онъ не смѣлъ съ ней заговорить, и какъ нерѣдко дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, выражалъ усиленіемъ вниманія и услужливости то, чего не отваживались сказать уста. Онъ взялъ плащъ, лежавшій на скамьѣ, и подостлалъ ей подъ ноги, чтобъ онъ не касались сыраго пола; потомъ зачерпнулъ въ бассейнъ воды въ мѣдную чашку, которую носилъ на поясѣ, и, вливъ туда нѣсколько капель женьшевы, любимаго напитка альпійскихъ охотниковъ, подалъ дѣвицѣ Сассенажъ. Она едва поднесла сосудъ къ губамъ и возвратила Эмэ Веру, поблагодаривъ его улыбкою, въ которой замѣтна была примѣсь грусти. Послѣ такихъ ораторскихъ подготовокъ, стрѣлокъ разсудилъ наконецъ, что можетъ возвысить голосъ и попросить прощенія, въ которомъ такъ нуждался.

— Вѣрно, скарадъ онъ покорнымъ тономъ:— вѣрно, я показался вамъ вовсе недостойнымъ довѣрія, какое вы мнѣ оказали; но я оскорбилъ бы васъ вторично, еслибъ вздумалъ оправдываться, и потому лучше это оставлю. Попрошу васъ объ одномъ: забудьте слова, о которыхъ самъ я буду помнить только за тѣмъ, чтобъ въ нихъ раскаяваться. Впрочемъ, какова бы ни была ваша воля, и угодно ли вамъ будетъ наказать меня, или нѣтъ, за невольное заблужденіе, возьрите, никто въ свѣтѣ не убѣжденъ тверже меня въ благородствѣ вашихъ чувствъ, въ достоинствѣ, какое руководить всѣми вашими поступками. Не смотря на непроницаемость завѣсы, скрывающей отъ меня причины вашего поведенія, я скорѣе усомнюсь въ дневномъ свѣтѣ, чѣмъ въ чистотѣ души вашей.

Бланка не отвѣчала; но грудь ея сильно билась, и волненіе ясно говорило за нее. Она подняла на товарища спокойный взоръ, полный признательности, и въ немъ прочелъ стрѣлокъ нѣмое прощеніе... Съ той минуты, принужденіе, царствовавшее между ними, уступило мѣсто пріятной вольности. Полусерьезный, полуплутоватый, но отнюдь не преступавшій границъ строгаго приличія разговоръ позволялъ Бланкъ обнаружить нѣсколько веселость, которая составляла основу ея характера, а стрѣлку выказать благоразуміе и тонкій вкусъ, какими надѣлила его природа. Время летѣло съ быстротою, повякнуо однимъ любовникамъ. Наконецъ, Эмэ Веръ собрался приступать къ предмету, живо занимавшему его уже нѣсколько дней. Чѣмъ больше глядѣлъ онъ на дѣвицу Сассенажъ, чѣмъ больше слушалъ ее, тѣмъ больше убѣждался, что она именно та дѣвушка, которую видѣлъ онъ въ Романѣ. Онъ рѣшился разсказать свои сомнѣнія.

— Если не ошибаюсь, сказалъ онъ немного встревоженнымъ го-

лосомъ:—мы съ вами не первый разъ встречаемся въ такое позднее время ночи и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я никакъ не могъ надѣяться васъ увидѣть.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, мессиръ, отвѣчала съ замѣшательствомъ Бланка.

— Развѣ вы уже забыли побѣдку въ Романъ, наканунѣ праздника св. Мартина, и не помните, что мы тогда видѣлись въ общей залѣ мэтра Гуттуара?

— Право, мессиръ, отвѣчала съ усиленіемъ Бланка, покраснѣвъ:— я васъ не понимаю; вотъ ужъ больше мѣсяца нога моя не была въ Романъ.

Читатель безъ труда пойметъ ложь дѣвицы Сассенажъ: сознаться въ своемъ присутствіи въ гостинницѣ *Дофина*, значило прямо навести подозрѣніе стрѣлка на дялю, и снимать одной рукою завѣсу, которую она накидывала другою. Можно представить себѣ изумленіе Эмѣ Вера, когда услышалъ онъ такой отвѣтъ. Вторично разрушены были всѣ мысли, какія онъ было-составилъ себѣ, и снова онъ не лучше прежняго блуждалъ въ безпредѣльной области догадокъ.

— Какъ! воскликнулъ онъ: —развѣ вы не были недѣлю назадъ въ Романъ съ вашимъ батюшкой?

— Съ моимъ батюшкой? повторила Бланка, удивясь ошибкѣ стрѣлка.— Верно вы не слыхали, мессиръ, что я сирота. Еще въ дѣтствѣ лишилась я родителей, и воспитана, какъ можете узнать отъ Гаспара, у тетки моей, баронессы Монморъ.

Это открытіе довершило недоумѣніе нашего героя. Со словъ Гудулы, онъ считалъ вербовщика отцомъ Бланки, и еще не вышелъ изъ заблужденія на этотъ счетъ. Онъ спросилъ у дѣвушки, нѣтъ ли, по-крайней-мѣрѣ, у нея сестры, съ которою сходство могло бы его обмануть.

— Сестры у меня нѣтъ, отвѣчала Бланка.

— Ну, такъ я принужденъ допустить повѣрье нашихъ крестьянъ, которое считалъ за глупость: я видѣлъ въ Романъ вашъ двойникъ.

— Быть можетъ! отвѣчала дѣвушка, слегка усмѣхнувшись. — Въ домѣ старика Рока нельзя не вѣрить чудесамъ.

— Странное дѣло! продолжалъ Эмѣ Веръ, пристальнѣе всматриваясь въ дѣвицу Сассенажъ: — я готовъ бы присягнуть, что это были вы. Особа, которую я видѣлъ, похожа на васъ, какъ ваше отраженіе, если вы поглядите въ бассейнъ. Она была какъ вы прекрасна, и блѣдна такъ же, какъ вы теперь. Совершенно ваши глаза и тотъ же невинный взглядъ, который только вамъ свойственъ. Доброта, умъ, прелесть, и, если смѣю сказать, лукавство—видѣлись во всѣхъ ея чертахъ. Но, увы! я ошибся; то были не вы! Нѣжный голосъ, который я такъ мало слышалъ, но который тронулъ меня до глубины души, былъ не вашъ. Мнѣ воображалось, будто незнакомка была для меня ангеломъ-хранителемъ, и сопутствовала мнѣ въ замокъ Монморъ. Но теперь вижу, что это одна мечта! Бланка де-Сассенажъ

живетъ и дышетъ, гуляетъ по горамъ днемъ и ночью, не думая о бѣдномъ стрѣлкѣ, который, недѣлю назадъ, ночевалъ въ общей залѣ гостиницы *Дофина*. О! продолжалъ стрѣлокъ, подождавъ съ минуту отвѣта, котораго однако не послѣдовало: — зачѣмъ вы меня разочаровали? Я привыкъ-было видѣть въ васъ ту незнакомку, которой взоры съ участіемъ обращались на меня. Она даже украсилась въ моей памяти всѣми прелестями сродства съ вами, и подъзывалась нераздельнымъ поклоненіемъ въ моемъ сердце.

Одушевленный тонъ Эмэ Вера, глубокая скорбь, выражавшаяся въ его словахъ, привели въ очевидное замѣшательство Бланку. Она потупила глаза, и, чтобъ скрыть смущеніе, начала мѣшать огонь въ костръ. Ободрясь молчаніемъ дѣвушки, герой нашъ хотѣлъ-было продолжать еще съ большимъ жаромъ, какъ вдругъ звонкій, серебряный голосъ поразилъ его слухъ.

— Пстой, пстой, Клошетта! говорилъ голосъ:—пстой! Не сучай, милочка, иду; ты тороплива какъ Нанетта, когда почуветъ запахъ жаркаго.

Нѣсколько-удивленный этимъ досаднымъ перерывомъ, Эмэ Вера обернулся и увидѣлъ подлѣ себя маленькаго пастуха, который зѣвалъ и протиралъ глаза, разговаривая въ просонкахъ съ своей любимой козою. Рывый Серполѣ воображалъ, что почуветъ въ сырнѣ, и просыпался въ обычную пору, то-есть въ ту минуту, когда Венера въ пастушьѣ-звѣздѣ, исчезая съ горизонта, вызываетъ стада на пастбища. Бланка была ему больше благодарна, нежели Эмэ Вера, за такую ошибку. Она завернулась въ мантилью, чтобъ скрыть волненіе, какое чувствовала, и сказала стрѣлку:

— Смию ли, мессиръ, просить васъ проводить меня до сырни? Потому мы разстанемся, а какъ вы одни не найдете вашего пѣста, то Серполѣ васъ проводить.

Съ этими словами, Бланка первая вышла изъ грота, боязливо поглядывая во все стороны, и, успокоившись такимъ осмотромъ, пустилась въ путь твердымъ и быстрымъ шагомъ, разговаривая потихоньку съ Серполѣ, между-тѣмъ, какъ стрѣлокъ срашивалъ самъ себя, не греза ли все случившееся съ нимъ?

VI.

Восежурскій помѣщикъ, лишенный, какъ мы видѣли, общества Эмэ Вера, провелъ довольно-скучно ночь на доставшемся ему пѣстѣ. Злая судьба, какъ нарочно, присудила ему въ товарищи дворянина, дѣловымъ-давно носившаго брачныя узы, и стало-быть мало находившаго удовольствія въ похвалахъ, которыя г. Жарніо, въ-слѣдствіе долговременной привычки, не переставалъ расточать гименею. Поэтому легко понять, какъ обрадовался старый баронъ, когда наконецъ вдругъ увидѣлъ не въ дальнемъ отъ себя разстояніи молодого стрѣлка, котораго считалъ на-сторожѣ въ Ястребиномъ-Ущельѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Эмѣ Веръ, въ сопровожденіи маленькаго пастуха, поспѣшно шелъ къ скалѣ, за которою притаились двое охотниковъ. Примѣтивъ добраго помѣщика, онъ не могъ удержаться отъ удивленія, остановился и спросилъ своего провожатаго, точно ли они пришли въ Ястребиное-Ущелье. Но проворный Серполѣ, повинувшись, видно, тайнымъ приказаніямъ Бланки, уже наострилъ лыжи и бѣжалъ во весь духъ по долинь, прядая какъ серна по верхамъ самыхъ острыхъ скалъ. Въ первое мгновеніе, Эмѣ Веръ хотѣлъ кинуться въ погоню за пастухомъ и потребовать объясненія его поступка; но ужъ было поздно. Г. Жарнио ужъ схватилъ его за одну изъ застежекъ верхняго платья, и держалъ не выпуская изъ рукъ, подобно рыбаку, который поймалъ карпенка за плавальное перо и боится, чтобъ покорная рыбка не ускользнула изъ пальцевъ. Почтенный помѣщикъ держался такъ крѣпко, что застежка скоро лопнула и осталась у него въ рукѣ. Обстоятельство это, впрочемъ, отнюдь его не смутило; онъ даже нашель въ немъ предметъ приступа, какъ-нельзя-лучше приличный роду его краснорѣчія и щекотливой матеріи, къ какой намѣревался перейти, не отчаяваясь въ снисходительности своего слушателя.

— Очень-жаль, мессиръ, воскликнулъ онъ, хватая стрѣлка за руку: — очень-жаль, что я оборвалъ вашу застежку. Но эта маленькая нечаянность служить подтвержденіемъ тому, что я говорилъ вчера, когда мы толковали съ вами про скуку холостой жизни. Ну, скажите, пожалуйста, кто вамъ исправитъ эту небольшую порчу вашего наряда? Не-уже ли вы сами, воротясь домой, возьмете нитку съ иглой, и сцаявъ платье, сядетешивать застежку?

Эмѣ Веръ не воздержался отъ улыбки на замѣчаніе старика.

— Или отправитесь, продолжалъ тотъ: — нарочно въ Романъ за портнымъ, или будете бѣгать изъ села въ село-искать бродячаго швеца, который чинить за три су въ день платье на нашихъ мызниковъ? Вѣдь это все равно; что бѣгать за вѣчнымъ Жидомъ!

— Признаюсь, сказалъ стрѣлокъ, не догадываясь, куда клонить рѣчь Жарнио: — признаюсь, затруднительный случай...

— Видите ли! возразилъ съ живостью босежурскій владѣлецъ: — а будь у васъ дома жена, мой милый, вы не знали бы такой неприятности. Воротились бы уже вечеромъ домой, васъ встрѣтила бы хорошенькая женщина, кинулась бы къ вамъ на шею и, лаская васъ да милая, изъжной ручкой исправила бы то поврежденіе, какое имѣлъ я несчастіе нанести вашему платью. Вотъ, прибавилъ старый баронъ, не упуская своей добычи и тихонько таща Эмѣ въ небольшую занеулокъ, гдѣ разводилъ огонь ночью: — подойдите-ка сюда; намъ здѣсь удобнѣе разговаривать; прихлебывая ратафию, которую Ситодена позаботилась налить въ мою фляжку. Она сама, любовный сыночекъ (владѣлецъ Босежура, какъ мы видѣли, обходился со стрѣлкомъ уже какъ съ зятемъ), сама, своими руками гнала этотъ вкусный напитокъ, отличное крѣпительное на охотѣ. Да, во всей провинціи, мамодомъ сказать, не найдется двушки, которая перещеголила бы Си-

голену въ чемъ-нибудь, что относится до хозяйства. Сами увидите, когда прїѣдете ко мнѣ въ Босежуръ, какъ общали.

Стрѣлокъ не могъ навѣрное припомнить, чтобъ давалъ такое обещаніе; но въжливость заставила его утвердительно кивнуть головою. Впрочемъ, онъ довольно-разсѣянно слушалъ похвалы, какими г. Жарніо осыпалъ Сиголену, ибо поступокъ съ нимъ маленькаго пастуха казался ему такъ страненъ, что онъ силился объяснить его себѣ. Онъ не могъ подумать, чтобъ былъ просто игрушкою Серполѣ, и спрашивалъ себя, не виновата ли Бланка въ этомъ новомъ приключеніи. Видѣлъ онъ, какъ она что-то тихонько говорила пастуху, и какъ-будто замѣтилъ даже легкую улыбку на устахъ ея, когда прощался съ нею, говоря, что поспѣшить какъ-можно-скорѣе въ Ястребиное-Ущелье. Что жъ была у нея за цѣль такъ его обманывать? Вопросъ казался столько же неразрѣшимымъ, какъ и всѣ, которые нашъ герой задавалъ себѣ со вчерашняго вечера. Усилія проникнуть тайну оставались тщетны и только сбивали его съ толку и мутили его разсудокъ.

Между-тѣмъ, мало-по-малу свѣтало. Скоро солнце показалось на горизонтѣ. Утро было холодное, воздухъ свѣжъ до рвкости; ни одно облако, ни одно испареніе не мрачило ясности атмосферы. Съ мѣста, гдѣ находились трое охотниковъ, видна была большая часть долины, заключающей въ себѣ двѣихъ козъ. То была обширная долина, которой бока покрыты были альпами, или пастбищами, между-тѣмъ, какъ возвышенности представляли только нестройный сбродъ уродливыхъ скалъ.

— Ну, любезный сынокъ! сказалъ г. Жарніо, смотря на дневное свѣтло, которое ярко поднималось на противоположномъ краю долины:—вотъ, какъ сказалъ бы мѣтръ Гаше, ученый наставникъ Сиголены: «бѣлокурый Фебъ лучзарно встаетъ съ ложа Оетяды, своей законной жены, своей подруги во всѣхъ благахъ и во всѣхъ почестяхъ. Видите, какой онъ румяный и веселый, съ какимъ здоровымъ видомъ. Вы явились намъ почти въ одно съ нимъ время, мой милый, только вовсе не съ такой наружностью. То-то же! вотъ что значитъ быть холостымъ: скука одиночества такъ и написана на лицѣ. Нѣтъ никого, кто заботился бы о вашемъ платьѣ, причесывалъ бы вамъ волосы и вызывалъ румянецъ на щеки, горячимъ поцалуемъ, или добрымъ завтракомъ каждое утро. Однако, одается, словно собаки тамъ гонять звѣря. Смирно! по мѣстамъ! держать ухо востро! Я думаю, сосѣдъ Шарро, прибавилъ онъ, обратясь къ товарищу, который всталъ на ноги, какъ скоро послышался лай собакъ: — я думаю, еще удѣвало огня въ угольяхъ, чтобъ зажечь намъ фитили. Добро же, хорошо! Ляжемъ на брюхо, да не шевельнитесь, если хотите увидѣть козью морду. Козы какъ-разъ будутъ здѣсь вмѣстѣ съ вѣтеркомъ, что колышетъ тамъ лиственицы. Пуще всего, не стрѣляйте, пока нельзя хорошенько разглядѣть выгиба рогъ, и мѣйтесь въ темношерстныхъ: онъ самая жирныя.

Точно, охотники скоро увидѣли несущееся по долинь стадо каменныхъ козъ, которыя далеко опередили собакъ. Онѣ бѣжали загнуть голову, надѣясь проскочить сквозь узкій проходъ, который стерегъ г. Жарніо, но были встрѣчены тремя выстрѣлами, и принуждены поворотить назадъ, какъ эскадронъ мускетеровъ, не успѣвшей прорвать непріятельскую линію, повертываетъ тылъ и скачетъ что есть мочи назадъ, спасаясь отъ ружейнаго огня. Одна изъ козъ осталась на мѣстѣ сраженія и лежала бездыханная среди альпа, гдѣ наканунѣ еще, можетъ-быть, паслась привольно. Баронъ Босежуръ и сосѣдь его Шарро въ одно время очутились на днѣ ущелья, гдѣ пало бѣдное животное.

— Вамъ, сосѣдь, на что жь беспокоиться? говорилъ Жарніо. — Не тревожьтесь по-пустому. Слава Богу, я управлюсь и одинъ.

— Какъ такъ? вскричалъ Шарро, съ видомъ неудовольствія: — да развѣ вы убили? Вы знаете, сосѣдь, что на охотѣ за козами вы такъ же несчастливы, какъ на ловлѣ зятъевъ. Они у васъ вѣчно увертываются изъ-подъ носу. Воротитесь-ко лучше на верхъ, если не хотите, чтобъ упорхнула пгичка, которая попалась къ вамъ въ силки.

Услышавъ такія злобшія слова, г. Жарніо кинулъ безпокойный взглядъ на возвышеніе, гдѣ оставилъ Эмѣ Вера; но увидя, что стрѣлокъ довольно-смирно сидѣлъ на вершинѣ скалы, ободрился и бодро возразилъ соискателю. Эгого не легко отступался отъ своихъ притязаній. Онъ вынулъ изъ-за пояса жеребежъ, и показывая его Жарніо, сказалъ:

— Если вы увѣрены, что выстрѣлъ вашъ, покажите свои заряды; мы вскроемъ звѣря и поглядимъ, чья въ немъ пуля.

— Пожалуй! отвѣчалъ Жарніо, вынимая въ свою очередь жеребежъ съ оттискомъ фамильнаго герба: — вотъ, увидимъ.

Выпотрошивъ козу и доставъ изъ внутренности ея свинецъ, который прекратилъ бѣгъ ея, охотники съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Пуля не принадлежала ни одному изъ нихъ. На ней оттиснуть былъ гербъ Монморовъ: значитъ, она вылетѣла изъ пущали Эмѣ Вера. Послѣ такого открытія, оставалось только поднять козу, что дворяне исполнили довольно-охотно, объявляя другъ другу, что честь убіенія звѣря принадлежала вовсе не имъ, и взаимно подшучивая надъ своимъ тщеславіемъ.

Между-тѣмъ, охота продолжалась по другимъ краямъ долины. Тогда-дѣло раздвигался голосъ собакъ, слѣдящихъ звѣря, и отъ времени до времени слышались выстрѣлы, показывавшіе, что охотники дѣлаютъ свое дѣло. Но вдругъ, словно чародѣйствомъ, лай собакъ, гулъ пущалей и рвзкій крикъ козъ перестали быть слышны нашимъ пріятелямъ.

— Что это значитъ? сказалъ Шарро, подставляя свою мѣдную чашку за глоткомъ ратафинъ, залогомъ примиренія между нимъ и владѣльцемъ Босежура:—что это значитъ? ужь не сбились ли собаки съ чутья? Хотя бы слѣдъ козъ былъ крепко пахучъ, и хотя бы дворная собака могла его чуять, меня бѣ это не удивило. Мы никогда не умѣ-

емъ охотиться за этой дичиной по неизменнымъ мѣстамъ. То ли дѣло дворяне въ Гапансѣ! Они отправляются на охоту много-что по трое, оставляютъ собакъ на псарнѣ, а женщинъ дома, откуда имъ никогда бы не надо выходить. Хе! хе! хе! прибавилъ онъ, хлѣбнувъ драгоценной влаги: — подкрадываются тихонько къ ледникамъ и спорятъ въ ловкости и проворствѣ съ звѣремъ, чтобъ его настичь, между-тѣмъ, какъ мы тутъ гоняемъ за каменными козами съ собаками, словно за ланями либо сернами. Правда, та охота была бы не по васъ, сосѣдь; тамъ ужъ нельзя открыть рта во все время гоньбы. За пятьсотъ шаговъ коза слышитъ шопотомъ-сказанное слово, и сторожевая самка тотчасъ подниметъ все стадо.

— О! да, сказалъ насмѣшливо босежурскій помѣщикъ:—что и говорить! прекрасная охота, дѣлаетъ много чести любезности гапансезскихъ дворянъ! Право, сосѣдь, видно, вы тамъ долго живали, потому-что я вчера не замѣтилъ между дамами г-жѣ Шаррѣ. Только не видать, чтобъ ея отсутствіе дѣлало вѣрнѣе вашъ глазъ или тверже руку, и чтобъ вы побили больше дичины. Вотъ мы, прямые низовые дворяне, прибавилъ Жарніѣ, искавшій въ разсужденіи со-сѣда объ охотѣ только средства болѣе или менѣе удачнымъ переходомъ свести рѣчь на свой любимый предметъ: — вотъ мы, жители края, гдѣ вѣжливость не пренебрегается, думаемъ, что присутствіе дамъ нигдѣ не помѣха. Всего вина нашихъ виноградниковъ не достало бы развеселить насъ за столомъ, еслибъ ихъ бѣлыя ручки не наливали нашихъ стакановъ. Всѣ скрипки и волынки провинціи не заставили бы насъ шевельнуть ногою, еслибъ ихъ умилные глазки не приглашали насъ къ танцамъ. Молодая, хорошенькая, благовоспитанная супруга...

Тутъ краснорѣчіе г. Жарніѣ было прервано появленіемъ новаго лица, которое вдругъ спустилось сверху скалъ, возвышавшихся надъ мостомъ, и кинулось въ средину группы, крича и ругаясь отчаянно. Владѣлецъ Босежура, сначала неприятно оторопѣвшій отъ такого внезапнаго появленія, сладко улыбнулся потомъ, когда узналъ въ докучномъ посѣтителѣ своего другаго, будущаго зятя, Гаспара Монмора.

— А! любезный сыночекъ! сказалъ онъ, ухвативъ его правою рукою, а лѣвою держа между-тѣмъ Эмѣ Вера:—какими судьбами попали вы сюда? Очень-кстати пришли; я только-что собирался изложить вашему пріятелю, человеку умному, мои мысли на-счетъ истиннаго счастья, которое, какъ вы знаете, очень-рѣдко, и существуетъ только въ бракѣ, между равными супругами.

— Ну, къ чорту! вскричалъ Гаспаръ, тряся руку, чтобъ заставить старика выпустить добычу:—вы прожужжали мнѣ уши своимъ вздоромъ! Счастье въ томъ, чтобъ жить покойно, охотиться всякій день и дѣлать что угодно; а для этого не нужно жены, которая попере-читъ вамъ съ утра до ночи, и тестя, который читаетъ вамъ проповѣди, когда жена замолчитъ. Ну, да не объ томъ рѣчь. Ради св. Гюгона! знаете ли, что вы тутъ дѣлаете? вы осаждаете крѣпость, ко-

гда гарнизонъ изъ нея выбрался. Кобы ушли, а охота куда кончена. Ба! ба! ба! продолжалъ стрѣлокъ, глядя на Эмѣ Вера:—теперь я все понимаю. Этакъ-то стережешь ты Ястребиное-Ущелье, любезный? Поздравляю! Можно поручить тебѣ постъ. Да отвѣчай же! Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь? гдѣ Ландріи?

— Успокойся! сказалъ Эмѣ Верь, нѣсколько затруднясь отвѣтомъ, ибо не зналъ, какъ объяснить свое присутствіе подлѣ Жарнію.

— Успокойся! воскликнулъ Гаспаръ. — Хорошъ ты, право! у тебя на всѣ пѣсни одинъ голосъ. Ты, какъ медики, которые ото всѣхъ болѣзней сажаютъ на діету. Успокойся! Ну, только попадись мнѣ этотъ мерзавецъ ловчій, я бы попробовалъ, чтѣ тверже, его черепъ или прикладъ моей пищали.

Услышавъ такой отзывъ, г-нъ Жарнію заблагоразсудилъ выпустить руку стрѣлка. Онъ даже попытался на нѣсколько шаговъ, сославшись, будто завидѣлъ вдали козъ, и бормоча про-себя:—Нѣтъ! нѣтъ! вино, которое всѣхъ крѣпче бродитъ въ чану, часто бываетъ самымъ лучшимъ; но пить его надо не въ то время, когда оно бродитъ.

Эмѣ Верь никакъ не понималъ гнѣва своего друга. Онъ далъ ему срокъ излить досаду; но видя, что тотъ и не думаетъ утихнуть, спросилъ его гораздо-серьезнѣе, за чтѣ онъ такъ бѣсится.

— Чортъ побери! отвѣчалъ отрывисто Гаспаръ:—тебѣ я могу это сказать, потому-что ты мой другъ, единственный другъ, да и мнѣ надо же кому-нибудь высказаться. Ну, видишь ли, я просто промучился всю нѣчь. Не знаю какъ ты сладилъ дѣло съ этимъ чортовымъ ловчимъ; только я не разъ жалѣлъ, что былъ не на твоёмъ мѣстѣ.

— Какъ! да вѣдь ты былъ съ братомъ?

— Да, разумѣется, былъ съ Рено, и оборони меня Господи говорить про него худое! Какъ бы то ни было, а онъ все-таки сынъ моей матери и старшій братъ мнѣ! Но, видишь ли, долги бесѣды на-единѣ никогда мнѣ не удавались; сверхъ-того, вѣдь ночь дана на то, чтобъ спать, а не философствовать, кромѣ того случая, когда расуждаешь о скукѣ жизни съ дикимъ товарищемъ, за полной бутылкой, либо съ какой-нибудь благодѣтельной феей стоянки, въ запертой наглухо комнатѣ.

— Боже мой! сказалъ Эмѣ:—развѣ что-нибудь случилось?

— О! ничего, ничего! возразилъ Гаспаръ, стараясь успокоиться.—Дѣло шло какъ-нельзя-лучше, по-крайней-мѣрѣ въ первую четверть караула. Вѣдь ты знаешь, Эмѣ, что эта четверть самая короткая. Но вдругъ, именно тогда, когда это всего меньше было у меня въ головѣ, любезный братецъ выдумалъ читать мнѣ наставленія, въ родѣ тѣхъ, какія ты иногда мнѣ дѣлаешь. Я сперва было и не слушалъ, потому-что, спасибо тебѣ, ты ужъ давно приучилъ меня къ этимъ проповѣдямъ о добродѣтели: Однако мало-по-малу, слышу, мой Рено перемѣняетъ томъ: ужъ принимается по-пасторски, попрекаетъ меня наряднымъ платьемъ, шубаетъ то за то, то за другое; не долженъ я, видишь, божиться святыми. Да, св. Гюгонъ! св. Маврикій! св. Лѣфуа! св. Баболенъ! всѣ святыя рад! ему-то что за

дѣло? Развѣ не воленъ я одѣваться, какъ мнѣ вздумается? Не стану ль я спрашивать у него, когда захочу побожиться моимъ патрономъ? Такая ужь у меня привычка, и я не отстану отъ нея.

— Все это очень-хорошо! сказалъ Эмэ:—но не вижу, за чтѣ же тутъ выходить изъ себя.

— Вотъ прекрасно! вскричалъ съ досадою Гаспаръ:—ужь и ты не согласишь ли съ нимъ? Или пасторъ ужь успѣлъ и тебя обратитъ? Мудренаго нѣтъ, вѣдь философы падки на нелѣпные доводы, словно птицы на силки. Мнѣ, простаку, давай ясныхъ доказательствъ. Вотъ, когда увидѣлъ я куда онъ ведетъ рѣчь, я и высказалъ ему начисто свой образъ мыслей.

— А куда же онъ велъ рѣчь?

— Сл. Гюгонъ! да развѣ я тебѣ не говорилъ? О чемъ же ты гремѣшь? ты меня не слушалъ? Куда велъ рѣчь! Вотъ еще! онъ и не скрывалъ: просто на-просто хотѣлъ сдѣлать меня гугенотомъ. Часа по-крайней-мѣрѣ три надобѣдалъ онъ мнѣ своими проповѣдями, принялся нападать на папу, на то, на другое, — я все слушаю, терплю, не говоря ни слова, только держусь, какъ бы не всыхнуть. Наконецъ, чортъ возьми! не вытерпѣвъ, спустилъ шляпу, сказалъ, что я жилъ католикомъ и умру католикомъ, хоть бы изныли съ досады все реформаты Франціи, Швейцаріи и Германіи. Тутъ мой проповѣдникъ завернулся въ плащъ, и всю остальную ночь со мной не слова.

— Боюсь, Гаспаръ, не слишкомъ ли ты поторопился, сказалъ Эмэ:—я не выказалъ ли въ этомъ случаѣ обыкновенной своей вспыльчивости.

— Ни крошки! отвѣчалъ Гаспаръ:—я далъ ему волю дѣлать, чтѣ хотѣтъ, и для развлеченія зашѣлъ плачъ Пьера Бюи:

Собирайтесь, окаянные грѣшники,
Послушать плачливой кончины
Пьера Бюи проповѣдника, и т. д.

— Только-ты! Этого еще не доставало! воскликнулъ Эмэ.—Ты знаешь, что этой пьесы терпѣть не могутъ реформаты. Не сирому, Гаспаръ, ты дурно поступилъ, и вся вина на твоей сторонѣ. Конечно, братъ твой ошибался, но ты бы долженъ по-крайней-мѣрѣ уважить его доброе намѣреніе, а не стараться его уязвить.

Это мудрое сужденіе, вмѣсто того чтобъ утишить горячность страйка, только раздражило его болѣе прежняго, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Теперь ты вздумалъ читать мнѣ наставленія? сказалъ онъ.—Когда жь ты перестанешь вступаться за другихъ противъ меня? Или тебе вѣрится, чтобъ я ходилъ на проповѣдь и пѣлъ канты Маро? Надѣь, боюсь св. Медаромъ! ужь скорѣе стану я пѣть его прѣсни.

— Боже мой! за чѣмъ дѣло стало! сказалъ несколько-вспыльчиво Эмэ:—пой мнѣ сколько хенещъ, когда ты въ кружкѣ подобныхъ тебѣ сумасбродовъ. Но злѣсь, въ домѣ у брата, держись попристой-

нѣе, и не огорчай людей, подь тѣмъ предлогомъ, что хочешь ихъ утѣшить.

— Чудный ты человекъ! подхватилъ Гаспарь:—ничто тебя не трогаетъ, ничто не удивляетъ. Предложи тебѣ сдѣлаться Туркомъ или азычникомъ, ты найдешь это очень натуральнымъ. Господи Боже мой! я почитаю свою религію, и всѣмъ женевскимъ докторамъ вмѣстѣ не удастся меня обратить въ другую сторону. Скорѣе готовъ я, коли на то пошло, сдѣлаться мусульманномъ, либо Жидомъ, нежели гугенотомъ.

— Гораздо-больше опрочечивости, чѣмъ истиннаго усердія въ твоихъ словахъ, сказалъ Эмѣ Веръ съ неудовольствіемъ.

— Называй, пожалуй, какъ тебѣ хочется, мои чувства, г. Катонъ. Я такъ же мало забочусь о твоёмъ мнѣніи, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Знаю только, что съ малолѣтства ненавижу эти тощія рожи гугенотовъ. Служанка моего старика-дяди, президента, терпѣть ихъ не могла; царство ей небесное! Я думаю, что отъ нея перешла ко мнѣ эта ненависть.

Эмѣ Веръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пріятеля.

— О! продолжалъ Гаспарь:— я говорю не на-счетъ брата, хотъ я такъ же мало ожидалъ найти его протестантомъ, какъ увидать, что старый замокъ Монморъ самъ собою спустился подъ гору. Впрочемъ, ужъ я привыкъ къ этой мысли, и лишь бы онъ оставилъ меня въ покоѣ, мы уживемся ладно. Чтò ни говори, а братъ все братъ. Побереги же свои увѣщанія до другаго раза. Я вовсе не сердить. Всѣ непріятности сегодняшней ночи я забуду. Но, боюсь съ Гюгономъ, этотъ зажигъ насторъ дорого со мной заплатится!

— А ужъ тебѣ непременно надо съ кѣмъ-нибудь поссориться? сказалъ Эмѣ.

— Ба! воскликнулъ пылкій Гаспарь:—теперь ты станешь еще за этого вступаться? Воля твоя, а ты черезъ-чуръ надьешься на мои терпѣніе. Нельзя мнѣ молвить слова, нельзя шевельнуться, чтобъ ты тутъ не подоспѣлъ, словно смотритель рыночнаго торга, взвѣшивать мои слова и мѣрять мои шаги. Это принужденіе становится мнѣ въ тягость; право, ужъ я его слишкомъ-долго терпѣлъ. Пора кончить...

— Гаспарь! сказалъ Эмѣ Веръ, измѣняясь въ лицѣ:—въ первый разъ говоришь ты со мною такимъ языкомъ.

— Надьюсь, и въ послѣдній, отвѣчалъ Гаспарь отрывисто, не примѣчая безпокойства своего ратнаго товарища.— Я хочу быть воленъ, слышишь ли? воленъ, какъ вѣтеръ. Если платье узко и мѣняетъ мнѣ дышать, я его снимаю долой. Ты, какъ оса, поминутно жужжишь мнѣ въ уши и стараешься ужалить.

— Гаспарь! повторилъ Эмѣ Веръ измѣнявшимся голосомъ:— ты забываешься!

— Нѣтъ, нѣтъ! я помню, чтò говорю, отвѣчалъ Гаспарь.— Дружба не бракъ; а свадьбы, слава Богу, промежъ нами не было. Я не обѣщаль передъ маклеромъ тебя слушаться, и не имѣю нужды быть водимъ, какъ ребенокъ, на помечахъ. Да и скажи пожалуйста, чтò

такое твоя мнимая мудрость? Къ чему она годилась мнѣ когда-нибудь? Ты требовалъ, чтобъ я не ходилъ въ Монморъ, и безъ твоихъ совѣтовъ я ужь два года назадъ влдвлся бы съ матушкой! Уволь меня впередъ отъ своихъ наставленій, потому-что, объявляю тебѣ, не буду ихъ слушаться. Впрочемъ, довольно потратилъ я времени здѣсь, прибавилъ Гаспаръ, обращаясь къ Шарро.—Не попадался ли вамъ, господа, родъ дичины, кривоногой, косоглазой, известной здѣсь подъ именемъ Ландрі?

— Любезный другъ, отвѣчалъ Шарро издали, ибо тонъ голоса Гаспара не имѣлъ ничего внушающаго довѣріе:—вѣрно, вы говорите о ловчемъ вашего брата? Я не видалъ его, и развѣ дьяволъ знаетъ, гдѣ онъ тецерь, потому-что въ Ястребиномъ-Ущельѣ его нѣтъ.

— Покорно благодарю! сказалъ Гаспаръ.—Ужъ я его отыщу.

Съ этимъ словомъ, стрѣлокъ быстро пошелъ съ горы, не простаясь ни съ кѣмъ, даже съ другомъ. Эмэ провожалъ его взоромъ, надѣясь, что онъ воротится, по обыкновенію, пожать ему руку и извиниться въ своей вспыльчивости. Но ожиданіе было напрасно: Гаспаръ скоро скрылся отъ его глазъ за скалами.

— Боже мой! прискорбно сказалъ онъ самъ себѣ:— не думалъ я, чтобъ дѣло могло до этого дойти. Впрочемъ, прибавилъ онъ, махнувъ безопасно рукою:—очень радъ! Терпѣніе добродѣтель, но имѣетъ же предѣлы. Мнѣ самому наскутило жить съ этимъ необъязаннымъ конемъ.

Разрывъ между друзьями вещь обыкновенная въ нашемъ вѣкѣ, когда изъ всѣхъ узъ, скрѣпявшихъ людей, дружба наиболѣе ослабѣла. Легко отказаться отъ связи, основанной на одномъ расчетѣ или выгодѣ, и разлука, обыкновенно, не влечетъ ни съ которой стороны ни упрековъ, ни гнѣва, ни сожалѣнія. Но двѣ души, связанныя крѣпкой стѣжкой, говоря выраженіемъ Монтаня, не могутъ разстаться безъ нѣкоторой боли. Таково было, по-крайней-мѣрѣ, чувство, которое ощутилъ Эмэ Веръ, по уходѣ товарища. Однакожь онъ не подумалъ ни кликнуть его, ни догонять. Уязвленный и ссоры привязанности и со стороны самолюбія, онъ скорѣе далъ бы надорваться сердцу, чѣмъ рѣшился бы поступить такъ. Не смотря на его степенныя привычки и гибкій характеръ, въ немъ было нѣсколько упрямства горца, и можетъ-быть гордости Монморовъ. Впрочемъ не одни личныя чувствованія занимали его. Онъ любилъ Гаспара, и не могъ безъ горести видѣть пагубное развитіе его характера, отъ природы норывистаго и бурнаго. Онъ даже содрогнулся при мысли о крайностяхъ, до какихъ страсть могла увлечь человѣка, который изъ-за пустыхъ противорѣчій вступалъ въ открытую борьбу съ братомъ и легкомысленно покидалъ друга. Воспоминаніе о великодушныхъ качествахъ стариннаго товарища едва могло разсѣять эти злощастныя предчувствія.

Опершись на дуло пищади, Эмэ стоялъ еще погруженный въ свои мрачныя думы, какъ вдругъ пронзительные вопли поразили его слухъ. Онъ быстро оглянулся, но не видалъ ничего, что объяснило бы ему

причину такой тревоги, только заметилъ въ нѣкоторомъ разстояніи группу дамъ и дѣвушекъ, которыя звали на помощь, махали платками и всячески выражали самый крайній испугъ. Иныя указывали пальцами на одну изъ частей горы, на которой находился Эмѣ Верь, будто давая знать, что опасность тамъ... Но объясненіе этого событія найдемъ въ слѣдующей главѣ.

VII.

Не смотря на желаніе поскорѣе удовлетворить справедливое любопытство читателя, прежде, чѣмъ станемъ продолжать разсказъ, мы должны воротиться нѣсколько назадъ и взглянуть на предъидущее. Читатель помнитъ, что мы оставили дочерей босежурскаго помѣщика въ обществѣ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ-невѣстъ, на кипахъ сѣна въ сырнѣ. На разсвѣтъ, Кунигунда проснулась первая, ибо никогда не спала крепко, подобно всѣмъ особамъ съ неудовлетвореннымъ сердцемъ,—проснулась и кликнула, по обыкновенію, сестру помочь себѣ въ туалетъ. Туалетъ Кунигунды былъ дѣло важное. Мудрено ли же, что старшая дочка г. Жарнѣо сильно разстроилась, когда Сиголена объявила ей, что въ сараѣ не было инаго зеркала, кромѣ чана, въ которомъ крестьяне смотрѣли на луну во время затмѣнія и повли зимой коровъ; не было инаго умывальника, кромѣ котла, въ которомъ на этотъ разъ, къ-несчастію, варилась похлебка пастуховъ, ни инаго полотенца, кромѣ сѣна, на которомъ спали. Волею-неволею пришлось одѣваться безъ помощи обыкновенной утвари, и положиться на вкусъ Сиголены, за недостаткомъ указаній венеціанскаго зеркала. Разумѣется, это былъ прямой поводъ къ нескончаемымъ спорамъ между прекрасными сестрицами, спорамъ, которые, впрочемъ, возникали каждое утро въ стѣнахъ Босежура. Сиголена всегда находила, что на старшей сестрѣ все хорошо и упрекала ее за лишнюю трату времени на украшеніе прелестей, которыя отъ-того ничуть не прибавлялись; Кунигунда же винила младшую сестру въ недостатокъ вкуса и пророчила, что ей, съ ея наружностью Сандрильйоны, никогда не найдти жениха.

—Что же ты-то себѣ не найдешь, Кунигунда, говорила Сиголена, обидясь такимъ пророчествомъ:—что же ты себѣ не найдешь жениха при твоёмъ знатномъ видѣ и нарядахъ, а ты еще двумя годами старше меня? Привлекли ли къ тебѣ подъ окна хоть одного вздыхателя звуки твоей мандолины? Конечно, нѣтъ; мужчины такъ разсудительны, что не льстятся на эту приманку. Они знаютъ, что пѣснями не проживешь. Когда они возвращаются домой, ни одна самая лучшая итальянская арія столько ихъ не утѣшитъ, какъ стаканъ наливки, приготовленной Сандрильйоною.

—Фи! полно, милая, возразила Кунигунда, расправляя локоны, которые Сиголена перепутала отчаяннымъ образомъ:—ты судишь какъ мѣщанка; слыхала ль ты когда, чтобъ Розалинда, Белинда,

Амаранта и другія славныя принцессы прибѣгали къ сладостямъ, чтобъ плѣнять сердца любовниковъ? Такъ ловятъ только мухъ. Всякій дворянинъ жаждетъ видѣть въ предметъ своей любви возвышенныя чувства, такъ-что Армажисъ, аквитанскій принцъ, отказался отъ руки Остроготы, когда увидѣлъ, что она съѣла цѣлую ложку битыхъ сливокъ. А между-тѣмъ, кушанье было нѣжное, эфирное. Знай же, дурочка, что на любовь мужчины только тогда можно положиться, когда онъ совсѣмъ потерялъ аппетитъ и день-отъ-дня сохнетъ съ тоски по очамъ прелестной.

— Чтò за вздоръ! отвѣчала Сиголена, пожавъ плечами: — ты считалась этого въ романахъ, за которыми сидишь съ утра до ночи, чѣмъ бы спать да беречь свѣчи, которыхъ по твоей милости не готовятся въ домъ. Полно, прекрасная принцесса! самый влюбленный нынѣшній дворянинъ плотно ѣстъ по пяти разъ въ день, и я не вижу тутъ ничего дурнаго. Не-уже-ли ты думаешь, что я хочу имѣть мужа чахоточнаго, который насилу держится на ногахъ; выйти за какого-нибудь силфа, гнома, или несчастнаго, котораго я могу уморить, думая плѣнить его сердце? Конечно, нѣтъ, не возьму на себя такого грѣха. А впрочемъ, поглядимъ, кто скорѣе выйдетъ замужъ. Знаешь ли, чего ищетъ мужчина въ женѣ? Ему нужна хозяйка, а не безплотный духъ. Ему гораздо-пріятнѣе видѣть ея въ кухнѣ съ сковородникомъ въ рукахъ, чѣмъ на балконѣ съ гитарою. Веселѣе всего ему слышать: «Подано на столъ, мой другъ. Судъ поданъ. Вино налито. Вотъ тебѣ теплыя туфли на ноги» и тому подобныя рѣчи, которыя, повѣрь, гораздо-лучше, чѣмъ ваши вздохи да нѣжности. Хорошо положеніе бѣдняжки, который провелъ весь день на охотѣ и воротился голоднѣхонекъ домой, когда его половинна подойдетъ съ нѣжной ужимкой и пролепечетъ: «вѣблагодарный, ты меня покинулъ! жестокій! ты заставляешь меня изнывать съ тоски!» или: «милый другъ, отдохни въ моихъ объятіяхъ.» Славное кушанье, — объясненія, нѣчего сказать! какъ оно утоляетъ голодъ и наполняетъ желудокъ! Мужчины, любезная Кунигунда, любятъ только тѣ сладости, которыя можно ѣсть. Имъ надо дѣло, а не слова. По-ихъ, тѣло лучше тѣни, матерія лучше цвѣта, огонь лучше дыма. Они такіе дураки, что не думаютъ, будто ихъ не любятъ, если готовятъ имъ пить да ѣсть. Однако, прибавила Сиголена: — смотри, ась дамы ужъ съ часъ какъ одѣлись. Кончай же скорѣе, Кунигунда. Видно, никто такъ не мѣшкатенъ на одѣванье, какъ взрослая дѣвушка, ищущая жениха.

Въ-самомъ-дѣлѣ, ужъ все общество готово было пуститься въ путь; каждая поправила по-возможности разстройство своего туалета. Исканди другъ друга, кликали, пересчитывались, чтобъ увѣриться, не заходитъ ли ночью въ овчарню волкъ и не унесъ ли которой — нибудь вочки. Тутъ только примѣтили, что благороднѣйшей и прекраснѣйшей изъ женскаго общества, дѣвицы Сассенажъ, не было въ сырнѣ, и никто не зналъ, въ какое время она ушла и куда направила шагъ. Напрасно осведомлялись объ ней у крестьянъ: добрые люди не мог-

ли дать никакого извѣстія, и пришлось отправляться, не стискавъ пропадшей. Впрочемъ, случай этотъ не надѣлалъ большой тревоги, ибо догадливіишія изъ компаніи замѣтили прочимъ, что Бланка вѣроятно ушла впередъ, что скоро ее встрѣтятъ, и что нѣчего беспокоиться на ея счетъ.

Общество довольно-рано прибыло на альпъ Шальйоль, откуда можно было слѣдить взоромъ за всеми движеніями козъ, выгнанныхъ собаками. Дамы остановились тутъ и сѣли на травъ, а пастухи, служившіе проводниками, расположились въ нѣкоторомъ разстояніи позади. Альпъ Шальйоль былъ недоступенъ для козъ со стороны долины; слѣдственно, нѣчего было бояться опасной встрѣчи съ этими животными, которыя въ отчаянномъ бѣгствѣ своемъ бываютъ иногда столько же страшны, какъ и кабанъ, по стремительности ихъ бѣга и необычайной силѣ, какую природа надѣлила ихъ рога. Такимъ образомъ, благородныя дамы могли оставаться спокойными свидѣтельницами подвиговъ своихъ любовниковъ и супруговъ, и безопасно любоваться на давно-желанное зрѣлище.

Но между ними было лицо, которое отнюдь не раздѣляло ихъ любопытства, и котораго все убѣжденія пастуховъ не удержали бы на этомъ мѣстѣ. Лицо это—Жеромъ Гаше, который, между прочими нелѣпыми идеями, какихъ набрался изъ своихъ разрозненныхъ книжныхъ томовъ, заблагоразсудилъ принять върваніе пифагорейцевъ въ переселеніе душъ, и на всякую охоту глядѣлъ, какъ на прямое душегубство, посяганіе противъ священнѣйшихъ законовъ природы. Все краснорѣчіе его приходскаго священника не могло совратить его съ такого неправославнаго мнѣнія, которое онъ находилъ способъ какъ-то согласовать въ своей головѣ съ ученіемъ катехизиса объ адѣ и раѣ. Онъ продолжалъ упорно утверждать, что Пифагоръ правъ, и подкрѣплялъ ученіе самосскаго мудреца наблюденіями собственнаго издѣлія. Такъ оселъ его казался ему до того исполненъ мудрости, что невозможно было, по-крайней-мѣрѣ, по его мнѣнію, объяснить этотъ феноменъ иначе, какъ допустить, что Пегасъ находился нѣкогда если не профессоромъ, то хоть студентомъ въ какомъ-нибудь учебномъ факультетѣ Парижа или Аѳинъ. Лично про себя вспоминалъ онъ очень-ясно, что во время потопа сидѣлъ въ носовомъ ковчегѣ въ образѣ кролика, и присталъ вмѣстѣ съ Симомъ, Хамомъ и Іафетомъ на горѣ Араратъ, что, по его словамъ, рѣшительно прекращало ученые споры о томъ, въ какомъ мѣстѣ остановился святой патріархъ, когда высохли воды. Какъ-бы то ни было, но для добраго Жерома было сущей пыткой смотрѣть на бойню, которая готовилась въ долинѣ, и видѣть падающихъ одно за другимъ животныхъ, изъ которыхъ, о ужасъ! многія доводились, можетъ-быть, дѣдами или по-крайней-мѣрѣ внучатными братьями охотникамъ. И потому, едва явился онъ на альпъ Шальйоль, какъ подошелъ къ Кунигундѣ и съ таинственнымъ видомъ пошепталъ ей что - то на ухо. Кунигунда отвѣчала ему знакомъ согласія и кинулась къ сестрѣ, которой также шепотомъ передала слова педагога. Въ ту жь минуту, Си-

голена, уже принявшаяся—было за чулокъ, встала съ недовольнымъ видомъ и, пожавъ плечами, пошла за сестрой, которая уже удалялась по слѣдамъ мэтра Жерома и осла его. Напрасно звали ихъ прочія дамы, напрасно кричали пастухи, — Пегась, Аполлонъ и музы скоро скрылись за скалами, быстро шествуя и не внемля мольбамъ простыхъ смертныхъ, взывавшихъ къ нимъ.

Спустя четверть часа, ихъ снова увидѣли на склонѣ соседней горы. Медленно поднимались онѣ по крутому скату, становились иногда на колѣни и нагибались къ землѣ, словно обнюхивая дернъ. Довольно мудрено было понять, что значили подобныя кривлянья. Еще, касательно мэтра Пегаса, можно было догадаться, что онъ пощипывалъ траву, обильно вознаграждая себя за невольные посты, какимъ подвергался иногда въ домахъ слишкомъ-разсчетливыхъ учениковъ; но къ остальнымъ тремъ лицамъ такое предположеніе не шло. Почтенный педагогъ, какъ ни зараженъ былъ пифагорейскими идеями, не могъ пригласить ученицъ предаться наравнѣ съ осломъ удовольствію завтрака изъ мха и папоротника. Слѣдовало найти болѣе-удовлетворительное объясненіе. Баронессы Жарнидъ чего-то искали по горѣ; но чего жъ онѣ искали? Вотъ въ чемъ вопросъ, какъ говоритъ Гамлетъ,—вопросъ затруднительный, долго ускользавшій отъ провинцальности всѣхъ женскихъ умовъ, собравныхъ на альпъ Шальйоля.

Путешествіе Кунигунды съ Сиголоною дѣйствительно было плодомъ другой проказы мэтра Жерома, который, какъ видимъ, носилъ не одну погрешку на колпакъ своемъ. Ученый мужъ, перелистывая *Трактатъ о тайныхъ и чудотворныхъ силахъ растений*, нашелъ тамъ описаніе травы, названной у автора herba Josephina, іосифовой-травой, которая будто имѣла чудесное свойство въ годъ пристраивать за-мужъ дѣвушекъ, если онѣ будутъ носить за пазухою двѣ или три ея былинки. Нетерпѣливо спѣшилъ онъ подѣлаться своей находкой съ двумя прекрасными сестрами; онѣ же, натурально, не остались равнодушны къ извѣстію, сообщенному педагогомъ. Въ первомъ порывѣ радости, Кунигунда расцаловала на обѣ щеки добраго Жерома, очень-смущеннаго такой великой наградой за свою услугу. Правда, черезъ минуту она раскаялась, что удостоила простодушна благосклонности, которой позавидовали бы многіе принцы; но тотчасъ утѣшилась въ этомъ мгновенномъ забвеніи достоинства, вспоминая, что Маргарита Шотландская наградила столь же нѣжнымъ поцалуемъ поэта Алена Шартрѣ, который былъ лицомъ еще хуже Жерома, и котораго языкъ никогда не произносилъ такихъ отрадныхъ рѣчей. Сиголона, хотя и меньше сестры суевѣрная и непризнававшая въ растеніяхъ иныхъ качествъ, кромѣ свойства настаивать напитки и очищать больные желудки, Сиголона не совсѣмъ однако была неблагодарна наставнику за средство, какое открылъ онѣ. Она подшучивала нѣсколько надъ надеждами Кунигунды, называла сумасбродомъ автора книги, на которой основывался Жеромъ, а все-таки не утерпѣла спросить у педагога, каково на видъ искомое растеніе, и въ какихъ вождельныхъ мѣстахъ цвѣтетъ оно.

По отвѣтъ ученаго мужа, молча условились пользоваться всякимъ случаемъ, какой представится, собирать по горамъ травы, чтобъ добыть драгоценный талисманъ. Кунигунда лѣстилась-было сперва, что это дѣло не трудное. Она уже рѣшилась носить хорошій пукъ іосифовой-травы при себѣ, другой такой же положить подъ изголовье постели, и даже, если надо, насыать травы по всемъ грядамъ огорода, сколько бы ни кричала Сиголена за похищеніе мѣста у любимыхъ ея овощей, капусты, рѣпы и моркови. Къ-несчастью, іосифова-трава была такъ жерѣдка, какъ женихи, которыхъ могла она доставлять. Въ помѣсть Босежуръ искательницы не нашли ея рѣшительно ни клочка, не смотря на то, что вмѣстѣ съ мѣтромъ Жеромомъ перебрали все углы и закоулки, гдѣ могла прозябать хоть тѣнь растенія. Распространили кругъ поисковъ; потщетно переправлялись за рѣку, служившую межей обладателей Босежура, ходили на сосѣднія земли, лазили сквозъ частоколъ, проникали даже въ огороженные участки, — домою только приносили тминъ да ѳиміамникъ, которыми благоразумная Сиголена наполняла карманы, чтобъ по-крайней-мѣрѣ не вовсе даромъ потратить время. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до самой охоты за каменными козами, и послѣ этого намъ нѣтъ нужды объяснять, чего искали по горѣ мѣтръ Жеромъ Гашѣ и его прекрасныя ученицы.

Обошедъ всю середину высокой горы, они смѣло продолжали подыматься къ вершинѣ, усеянной уродливыми скалами, громоздившимися одна на другую, и образовывавшими тамъ-и-сямъ глубокія пещеры, которыя часто служили логовищемъ дикимъ звѣрямъ, и которыхъ мрачныя отверстія видѣлись издали. Трудности путешествія колебала иногда благоразумную Сиголену, но ни мало не страшили Кунигунды. Отважно лазила она по самымъ крутымъ мѣстамъ и всегда опережала младшую сестру, въ надеждѣ найти прежде ея чудесную траву и обратить исключительно въ свою пользу, если трава окажется въ такомъ маломъ количествѣ, что дѣлать ее будетъ нельзя. Она разсуждала, подобно многимъ на бѣломъ свѣтѣ, что любовь къ ближнему начинается съ любви къ самому-себѣ. Едва-ли согласилась бы она даже дать понюхать Сиголенѣ чудотворной травы, изъ опасенія, чтобъ съ запахомъ не исчезла часть свойствъ драгоценнаго растенія. Скоро, наконецъ, нашла она полонъ подолъ стебельками разнаго рода, и прислала на широкій камень разбирать ихъ. Сиголена съла подлѣ нея, и въ свою очередь предалась тому же занятію, а мѣтръ Гашѣ въ сотый разъ опивалъ имъ признаки, по которымъ можно узнать іосифову траву.

— Мѣтръ Жеромъ, прервала Кунигунда: — я знаю наизусть все эти подробности, и увижу нашу травку хоть среди цѣлаго стога сѣна; лучше растолкуйте мнѣ, какимъ образомъ іосифова трава можетъ сдѣлать такое чудо?

При этомъ вопросѣ, мѣтръ Жеромъ сталъ въ тупикъ, ибо отвѣта не находилось ни въ одномъ изъ читанныхъ имъ твореній. Крепко пожалѣлъ онъ, что владѣетъ только однимъ томомъ *Трактата о тайныхъ и чудотворныхъ силахъ*: во второмъ, вѣрно, нашлось бы объясненіе.

котораго отъ него требовали. Впрочемъ, вѣдая, что ученый никогда не долженъ запинаться въ объясненіи, онъ почесалъ за ухомъ, и черезъ минуту съ надлежащей увѣренностью отвѣчалъ:

— То, что вы желаете знать, любезная ученица, будетъ свѣше вашего понятія. Скажу однако, какъ я думаю объ этомъ предметѣ. Съ растеніями, извольте видѣть, рѣшительно то же, что съ планетами. Въ сущности, растенія и планеты, *plantae* и *planetae*, одно в то же, какъ явствуетъ изъ самаго ихъ названія: вся разница въ одной буквъ *s*. Планеты суть цвѣты, украшающіе поля Эмпирея; а растенія звѣзды, украшающія поля нашего поллуннаго міра. Надѣюсь, вы понимаете меня?

— Не совсѣмъ, сказала Сиголена.

— Совершенно, сказала Кунигунда.

— Итакъ, продолжаю, сказалъ педагогъ.— Вѣдь вы вѣрно знаете, что планеты или небесныя растенія имѣютъ сильное вліяніе на дѣла дольнаго міра?

— Какъ не знать! отвѣчала Сиголена.— Майская луна неблагопріятна жатвамъ. Новолуніе очищаетъ вино, которое разольютъ въ бутылки... отъ полнолунія творожится молоко.

Ученый Жеромъ съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Звѣзда Венера благопріятствуетъ любовникамъ, подхватила Кунигунда.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ:— не перебивайте же меня. Такъ я говорилъ, что свѣтила своими сопряженіями и переверотами творятъ безъ нашего вѣдома всякія чудеса. Подлинно, мы не шевельнемъ лизивца, чгобъ это напередъ не выражено было какимъ-нибудь движеніемъ небесныхъ тѣлъ. Но все это превышаетъ ваши понятія; и мнѣ самому постичь стоило большаго труда. Довольно будетъ вамъ сказать, что, если бъ угодно было планетамъ, я, просто я, сегодня же очутился бы такимъ же великимъ полководцемъ, какъ господинъ герцогъ де-Гизъ или великій Дарій, который разбилъ Александра, царя македонскаго, на поляхъ арбелльскихъ, сколько, по-крайней-мѣрѣ, могу заключать изъ моего четвертаго тома *Исторіи Мидьянъ*, который кончается, къ-сожалѣнію, на томъ мѣстѣ, что персидскій царь идетъ на греческую армію съ милліономъ воиновъ, пятью-стами слоновъ и десятью тысячею колесницъ, вооруженныхъ косами. Если доведется быть въ Гренобль, непременно достану себѣ пятый томъ, чтобъ поглядѣть, что-то сдѣлаетъ Александръ, который, между нами сказать, былъ не больше, какъ пьяница и гордецъ... На чемъ бишь я остановился? А! да, помню. Такъ я говорилъ, что нѣтъ ничего важнѣе, какъ родиться подъ счастливой звѣздой. Мартинъ теперь пѣвчій у св. Бернара, а вѣдь, по-настоящему, долженъ бы былъ таскать плугъ подобно отцу своему; ужъ въ этомъ не онъ виноватъ, потому-что не знаетъ ни слова по-латинъ и не напишетъ заглавной буквы своего имени, если ему не водятъ руку. Угодно ли вамъ разгадку? Мартинъ родился подъ счастливою звѣздой. Дальше. Гишаръ,

изъ Плянши, разбогатѣлъ менѣе нежели въ годъ, а вы помните пословицу:

Кто хочетъ въ годъ разбогатѣть,
Тому въ Ивановъ-День висѣть.

Ничего не бывало! Гишаръ изъ Плянши не повѣшенъ: опять не его вина, потому-что онъ дѣлалъ все, за что можно быть повѣшену. Кто же спасъ его отъ висѣлицы? Звезда его. Ну, да довольно. *Ab uno disce omnes*, по одному о всѣхъ разумѣй: по глыбѣ суди о землѣ; по страницѣ о книгѣ; по одному человѣку о прочихъ.

— А что же юсифова-трава? сказала Сиголена, которая уже вынула изъ кармана чулокъ и вязала, дожидаясь, пока педагогъ доберется наконецъ до простаго объясненія. — Когда же вы, мѣтръ Жеромъ, скажете объ ней что-нибудь?

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ Гаше: — только, Бога ради, не перебивайте! Этакъ я потеряю нить своихъ мыслей. Такъ я говорю, что астрологiя, иначе сказать, наука о звездахъ, самая лучшая изъ наукъ. Пифагоръ, въ свое время, былъ астрологъ; у Мидянъ тоже было много людей, которые на этотъ счетъ заткнули бы за поясъ Мишеля Нострадамуса, не говоря уже о трехъ магахъ, которые приходили на поклоненiе... Вѣдь помните рождественскую пѣсенку:

Въ первый разъ сегодня я
Вижу, звѣздочка, тебя;
Ты куда спѣшишь, звѣзда?
— Спѣшу трехъ царей вести,
Что изъ Мидiи пришли.

— Но, возразила нетерпѣливо Кунигунда: — какую жь это имѣетъ связь съ юсифовой-травкою?

— Вы все еще не видите? воскликнулъ мѣтръ Жеромъ, съ улыбкою человѣка, чувствующаго превосходство собственнаго разума. — А дѣло очень просто. Если согласимся съ учеными и умными людьми всѣхъ странъ на-счетъ влiянiя планетъ, отъ-чего же не признать и влiянiя растений, потому-что вѣдь растенiя и планеты, *plantae* и *planetae*, одно и то же, какъ я вамъ доказалъ. Одни только невѣжки и малоумные могутъ задуматься надъ пустою буйвой, которая полагаетъ легкую разницу между двумя словами. Ученые не смущаются такими бездѣлками. Я самъ имѣю на этотъ предметъ свою мысль, которую съ удовольствiемъ сообщу мѣтру Пифагору, если когда-нибудь съ нимъ встрѣтимся, что очень немудрено, судя по обыкновенному ходу вещей. Куда, думаете, дѣваются луговые маргаритки, васильки и колокольчики, послѣ покоса?

— Ихъ съѣдаютъ коровы, сказала Сиголена.

— А потомъ?

— Потомъ... онъ дѣлается навозомъ и помогаютъ выращивать хлѣбъ, коноплю и овощи.

— Совсемъ нѣтъ, отвѣчалъ мѣтръ Гашѣ. — Я-такъ полагаю, по правиламъ метапсихова, что онѣ смѣняются на небѣ старыя звѣзды. Да можно даже доказать...

— Боже мой! вскричала Кунигунда: — лучше бы вы, мѣтръ Жеромъ, поискали покуда іосифовой-травы, или сказали намъ, какъ она дѣйствуетъ; вѣдь я васъ объ этомъ спрашивала и очень желала бы знать...

— Гм! гм! говорилъ педагогъ, прохаживаясь взадъ и впередъ съ видомъ глубоко-размышляющаго чловѣка. — Есть много темныхъ вещей, даже въ самой ясной наукѣ. Фонарь бросаетъ тѣнь, хотя онъ же и свѣтитъ.

— Ну! сказала Сиголена: — ваша наука, мѣтръ Жеромъ, для меня настоящій фонарь, въ который забыли поставить свѣчу.

— Не подумайте, чтобъ я затруднялся, возразилъ задѣтый за живое педагогъ. — Нѣтъ, дѣло стало не за причинами. Слава Богу! Я смотрю только, какую лучше выбрать.

— Это всегда такъ бываетъ, сказала Сиголена. — Когда нѣтъ одной хорошей причины, всегда есть сотня плохихъ.

Никогда не должно задѣвать самолюбія ученыхъ, потому-что нѣтъ колкости, на которую бы они не рѣшились, если ихъ выведутъ изъ терпѣнія. Мѣтръ Гашѣ въ этомъ случаѣ представилъ новое доказательство такой истины. Онъ вдругъ прекратилъ свою прогулку и остановился саска руки передъ Сиголеною. Лицо его рѣзло отъ гнѣва, и напряжіеся глаза словно хотѣли выскочить изъ своихъ впадинъ.

— Вамъ угодно слышать, какъ дѣйствуетъ іосифова-трава? произнесъ онъ скороговоркою. — Извольте! Если ужъ вамъ непременно надо знать, что я думаю, желаніе ваше исполнится. Я думаю, что она придаетъ красоту некрасивымъ дѣвушкамъ, пріятность нескладнымъ, нравный смыслъ сумасбродкамъ, умъ простоватымъ, и мягкость своеграмнымъ. Думаю, что она останавливаетъ время за крылья, тупитъ его носу, убавляетъ лишніе годы и разглаживаетъ морщины на лицѣ. Думаю, что она пришекиваетъ приданое невѣстамъ, у которыхъ нѣтъ приданое въ однихъ добродѣтеляхъ. Думаю, что она морочитъ глаза женикамъ и показываетъ имъ въ розовое стекло заботы и скуку. Вотъ какъ, по моему мнѣнію, дѣйствуетъ іосифова-трава; могу васъ увѣрить, что, будь она у аптекарей, за нее не дешево бы платили.

— Точно, чудесная трава! сказала Сиголена. — Но, слава Богу, нѣтъ она не нужна. Я ни стара, ни дурна, и пусть мужъ видитъ и беретъ меня такою, какова я на самомъ дѣлѣ. Сестра Кунигунда — другое дѣло. Ей нехудо добыть себѣ іосифовой-травы. Мнѣ ея не надо.

Кунигунда, углубясь въ разбиранье травъ, которыми наложенъ былъ ей подолъ, къ-счастью, слышала только послѣднія слова сестры.

— Какъ! сказала она: — развѣ тебѣ не хочется выйдти нынѣшній годъ замужъ?

— Признаться тебѣ, отвѣчала Сиголена: — я надѣюсь, что выйду замужъ безъ помощи приворожныхъ травъ и талисмановъ.

— Такъ ты ужъ не вѣришь въ благотворное свойство юсифовой-травы?

— И никогда не вѣрила, сказала Сиголена презрительно.

— Никогда не вѣрили! воскликнулъ обиженный мѣтръ Жеромъ. — Значитъ, вы считаете доктора Каккинно за неужду? А не въ его ли книгѣ нашли вы способъ прерывать лихорадку, обертывая лавый мизинецъ листкомъ земляники?

— Противъ этого я ни слова, отвѣчала Сиголена: — великая Берта вымечилась такимъ способомъ, и я никогда не пропущу случая употреблять его; но что жъ это доказываетъ?

— Что это доказываетъ! сказалъ Жеромъ самодовольнымъ тономъ: — доказываетъ, что докторъ Каккинно умный и свѣдущій человекъ. Если одинъ разъ онъ сказалъ правду, отъ-чего жъ ему ослгать въ другой? Если вѣсы вѣрны для ржи, не-ужь-то они будутъ фальшивы для пшеницы?

— Конечно, нѣтъ! отвѣчала Сиголена. — Не развѣ вы не знаете, что та же бочка, которая годится для вина, не удержитъ масла? Развѣ не видали, что ручьи текутъ чисто по утрамъ, а вечеромъ бываютъ мутны? Сестра Кунигунда, надо отдать ей справедливость, часто говоритъ правду. Не можно ли поэтому ей вѣрить на слово, когда она разсказываетъ возмъ, что ей только двадцать лѣтъ отъ роду? Я, слава Богу, ея меньшая сестра и могу васъ увѣрить, что ей, по-крайней-мѣрѣ, двадцать-восемь.

Мѣтръ Жеромъ собирался отвѣчать; но едва открывъ ея ротъ, когда почувствовалъ, что чья-то свинцовая рука упала ему на плечо, какъ будто какой-нибудь дюжий крестьянинъ оперся на него, чтобъ лучше раздѣлывать прекрасныя вещи, которыя онъ готовился сказать. Эта догадка тотчасъ мелькнула у него въ умъ, хотя онъ не видалъ и не слышалъ ничего приближенія, и онъ преворно оглянулся на деревкаго, который обходилъ его такъ неучтиво. Но, обернувшись головою, онъ, къ великому изумленію, увидѣлъ отличнѣйшей породы медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ съ полураскрытой страшнѣйшей пастью, какъ-будто смущенный звѣрь не проронилъ ни слова изъ описаннаго разговора. Можно себѣ представить, какое пріятное впечатлѣніе произвело это на пифагорейскаго философа; бѣдникъ съ ужасомъ вспоминалъ; что новый слушатель не былъ воспитанъ въ чадѣвълюбивыхъ правилахъ италійской школы, и отъ природы не щеголялъ протостью права. Онъ тотчасъ далъ стрелка, и, не думая возвращать медвѣдю его дружескаго привѣта, пустился во всю мочь бѣжать куда глаза глядятъ, рискуя расшибиться въдребезгъ. На бѣгу, однако, не удержался онъ пролетѣть молное опредѣленіе страшнаго звѣря, какое читывалъ когда-то въ одной изъ старыхъ сказокъ.

«Ursus, ... a... ni... mal... vi... vi... parum, ... quadrupes... ungulatumque, ... den... tibus... incisoreibus in utraque maxilla qua-

ternis; car... ni... vorum, de... ni... que,... fe... li... no... ge...
pe... ge...»

(Медвѣдь, ... жи... вот... ное... жи... во... рождающее, ... четвероногое... когтистое, ... зуб... ныхъ... рѣзцовъ во всякой челюсти четыре; пло... то... ядное, по... ро... ды... ко... ша... чьей...)

Дѣвицы Жарніѡ, разумѣется, съ перваго же мгновенія закричали о помощи и кинулись бѣжать. Кунигунда, въ испугъ, судорожнымъ движеніемъ руки подобрала оставшіяся травы. Потомъ, увидѣвъ неподалеку Пегаса, который стоялъ неподвижно, раздувъ ноздри и выпрямивъ уши, вскочила къ нему на спину, и, толкая ногами подъ бока, поскакала во весь опоръ, какъ пылкая амазонка на еракійскомъ бѣгу. Не столь проворная, Сиголона также побѣжала, но не имѣла, подобно сестрѣ, счастья встрѣтить лошади, и принуждена была искать спасенія въ быстротѣ собственныхъ ногъ. Говорятъ, что въ отчаяніи она въ первый разъ отъ роду позавидовала проворству и легкости Кунигунды. Она уже слышала, или думала слышать позади себя тяжелую, увѣсистую побѣжку, зловѣщій ревъ дикаго звѣря, и мысль эта, чѣмъ бы удвоить ея силы, только ослабляла ихъ. Къ-счастью, она ошибалась: опасность была еще не такъ близка. Медвѣдь, увидѣвъ столь быстрое удаленіе педагога съ ученицами, стоялъ неподвиженъ, какъ-бы ошеломленный, подобно человеку, которого всѣ бросили въ ту минуту, когда онъ воображалъ себя среди внимательныхъ слушателей. Первою мыслью его, — если позволено такъ выразиться о звѣрь, — первою мыслью его было броситься за педагогомъ и потребовать объясненія въ такомъ неучтивомъ поступкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ пустился за несчастнымъ Жеромомъ, и достигъ бы его непремѣнно, еслибъ этотъ въ-поныхахъ не уронилъ дорожную въ карманѣ *Трактата о тайныхъ и чудотворныхъ силахъ растений*. Медвѣдь кинулся на драгоценную книгу, раскрылъ ее, обнюхалъ, перевернулъ нѣсколько разъ. Благодаря этой благоприятной задержкѣ, ученый успѣлъ уйти впередъ. Онъ оставался только тогда, когда сбѣжалъ почти къ подошвѣ горы: тутъ онъ скланулся и съ горестью увидѣлъ ученый трактатъ доктора Каквишо растерзанный въ клочки и учемъ-звѣремъ, и по листьямъ разнесенный вѣтромъ. Обстоятельство это заставило его подумать, что душа книголюбивѣйшаго медвѣдя обитала нѣкогда въ тѣлѣ какого Омара, либо котораго-нибудь изъ его непроревѣшанныхъ полководцевъ. Но углубляться въ предметъ было нѣкогда. Педагогъ вдругъ закричалъ во всю мочь, и на вопль его отвѣчали крики всѣхъ, что, близки или издали, могъ видѣть происходившее на горѣ.

Попаливъ съ минуту, по обыкновенію «звѣрей кошачьей породы», медвѣдь готовился разыграть болѣе-страшную роль и дорогою взвѣсать съ кого-нибудь изъ гулявшихъ за безразсудное постыщеніе мѣсть, куда пастухи и охотники заходили не иначе, какъ со страхомъ. Онъ присѣлъ на хвостъ и посмотрѣлъ въ обѣ стороны, будучи избравъ добычу. Черезъ нѣсколько секундъ, выборъ его былъ рѣшенъ: онъ кинулся за Сиголоною, которая, какъ мы видѣли, споты-

калась поминутно и чувствовала, что колѣни подъ ней подгибаются.

Крики ужаса, поднятые дамами наальпъ Шальйоля, дошли дослуха всѣхъ охотниковъ, стоявшихъ на-сторожѣ по разнымъ мѣстамъ долины. Они вывели Эмѣ Вера изъ раздумья, въ какое повергла его запальчивая выходка пріятеля, и ввязали его въ дѣло, которое едва не кончилось для него очень-дурно.

И такъ, мы дошли до мгновенія, на которомъ прервали рассказъ въ предъидущей главѣ. Стрѣлокъ, мы помнимъ, замѣтилъ знаки, какіе дѣлали дамы, чтобъ указать ему мѣсто опасности. Не могли внятно разслушать ихъ словъ и угадать, о какой опасности онъ его уведомляли, онъ взбѣжалъ на верхъ скалы, откуда видна была вся долина, и тутъ-то увидѣлъ дѣвицу Жарнію, опротягью бѣгущую по скату горы въ направленіи къ мѣсту, гдѣ онъ находился. Спусти еще мигъ, показался огромный медвѣдь, тяжело, но съ удивительной скоростью преслѣдовавшій бѣглянку, и уже отдѣленный отъ нея разстояніемъ не больше какъ во сто шаговъ. Сбѣжать со скалы, выхватить охотничій ножъ, кинуться на-встрѣчу ужасному звѣрю, было для храбраго стрѣлка дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

—Бѣгите! вскричалъ онъ, поровнявшись съ Сиголоною:—не останавливайтесь! Ради Бога, дайте мнѣ просторъ!

Слова его были напрасны: бѣдная Сиголона, выбившись изъ силъ, замертво упала отъ усталости и страха на краю пропасти. Обстоятельство это, разумѣется, затрудняло положеніе стрѣлка. Онъ ускорилъ шаги, чтобъ оставить сколь-возможно-дальше позади себя несчастную дѣвушку, лежавшую въ обморокъ и не быть ничѣмъ стѣснену въ движеніяхъ. На бѣгу, однимъ взглядомъ обозрѣлъ онъ, что следовало дѣлать. Медвѣдь былъ великъ и силенъ; его сверкающіе глаза, ошетиленная шерсть, распаленная морда, показывали, что онъ не намренивъ уступить добычу безъ боя. И такъ, надлежало рѣшиться прямо напасть на него; но, чтобъ сдѣлать это съ какой-нибудь вѣроятностью на успѣхъ, нашъ герой не могъ принять ни одной предосторожности, какія обыкновенно берутъ, готовясь бороться съ подобнымъ противникомъ. Онъ одѣтъ былъ въ тонкое суковное платье, вмѣсто кожанаго кафтана, и на-мѣсто всякаго оружія имѣлъ одинъ охотничій ножъ съ короткимъ и худо-наточеннымъ лезвиемъ. Въ такомъ положеніи, надежда оставалась только на хладнокровіе и ловкость при нападеніи и оборонѣ.

И такъ, онъ началъ съ того, что испустилъ пронзительный свистъ, какъ дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ охотники Вальгодемара. Удивленный страннымъ звукомъ, медвѣдь поднялся на заднія лапы и сталъ не трогаясь съ мѣста, будто слушаая. Стрѣлокъ, который ожидалъ этой минуты, ринулся на него и вонзилъ ему ножъ въ грудь. Ударъ направленъ былъ столь твердою рукою, что остріе пронорсало толстую кожу звѣря и вошло на-палець въ мясо. Къ-несчастію, оно наткнулось на кость и переломилось. Выдернувъ его съ быстротою

голівн назадъ, Эмѣ держалъ въ рукѣ одинъ обломокъ, почти негодный уже для защиты.

Между-тѣмъ, медвѣдь, почувствовавъ рану, нестово заревѣлъ и мекрежеталъ зубами, какъ обыкновенно дѣлаетъ звѣрь, когда его разсердятъ. Тяжело опустился онъ на четвереньки, и ворча принялся лизать кровь, текущую изъ раны. Вдругъ потрясъ онъ головою и двинулся впередъ къ мѣсту, куда отскочилъ Эмѣ Вера. Удержать его тодъ было такъ же невозможно, какъ остановить рѣку, которая прорвала свои плотины. Стрѣлокъ увидѣвъ опасность, оглянулся кругомъ, ища камня либо сука, чтобъ чѣмъ-нибудь вооружиться,—но далеко вокругъ земля была страшно обнажена. Открытое сопотименіе установилось совершеннымъ безумствомъ. Герой нашъ рѣшился бѣжать, маня за собою медвѣдя, и отвлекая такимъ образомъ его отъ мѣста, гдѣ еще лежала дѣвица Жарніо. Принявъ это намѣреніе, онъ тотчасъ забѣжалъ впередъ животнаго и началъ отступать въ направленіи, обратномъ тому, которому слѣдовалъ разъяренный звѣрь. Но увлекся ли медвѣдь порывистостью своего стремленія, или былъ, такъ-сказать, ослѣпленъ болью и бѣшенствомъ, только великодушная уловка Эмѣ Вера не удалась, и вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать врага на косвенномъ отступленіи, звѣрь продолжалъ бѣжать прямо къ цѣли, которую выбралъ сначала. Такимъ образомъ, онъ приближался къ Сиголеню. Это заставило стрѣлка отказаться отъ своего плана: онъ снова сталъ передъ медвѣдемъ, твердо рѣшась удержать его, или погибнуть.

Дамы, смотрѣвшія съ высоты Шальйоля на ужасную сцену, махали платками въ знакъ одобренія и понуждали голосомъ и жестами нѣсколькихъ охотниковъ, которые медленно взбирались на гору для помощи молодому дворянину. Въ числѣ ихъ находился Жарніо, который, по прибытіи дамъ, сошелъ къ нимъ, оставивъ, какъ читатели конечно помнятъ, постъ, который занималъ съ Эмѣ Веромъ. Потѣшный баронъ, вооруженный пышалью, шелъ впереди охотниковъ. Но тщетно онъ торопился: все показывало, что онъ не подоспѣетъ въ-время и бой рѣшится безъ него.

Медвѣдь уже былъ шагахъ въ трехъ отъ непріятеля. Тутъ онъ напирался на заднія лапы и растопыривъ переднія, будто сбирался притащить противника къ себѣ и задушить. Но въ тотъ же мигъ стрѣлокъ, взмахнувъ обломкомъ ножа, ударилъ его такъ сильно по мордѣ, что кровь брызнула густой струею. Звѣрь остановился, и перевернулся кругомъ, испустивъ ревъ, далеко потрясшій горное эхо. Снова кинулся онъ на врага, и между ними началось страшное единоборство, котораго конецъ не могъ, къ-несчастью, долго быть сомнительнымъ. Отъ бѣшенства, медвѣдь, казалось, не чувствовалъ наносимыхъ ему ударовъ. Онъ не только не уклонялся отъ желѣза, которое безпрестанно ему грозило, но еще смѣло наступалъ на противника, разинувъ пасть, изрыгая изо рта пѣну, сверкая глазами, и ошметывая шерсть. Одинъ видъ разъяреннаго чудовища заставлялъ бы содрогнуться самаго привычнаго охотника. Но Эмѣ помнилъ, что

защищалъ жизнь женщины, и чувство это придавало ему почти сверхъестественную силу. Онъ не терялъ изъ вида ни одного движенія хищнаго звѣря, и всякій разъ, какъ тотъ готовъ былъ его схватить, наносилъ ему новый ударъ съ такой силою, что сталъ вторично переломиться у него въ руку. Ревъ медвѣдя возрасталъ съ каждой минутою и показывалъ усиленію его бѣшенства. Къ-счастью, кровь, заливавшая ему глаза, не давала разглядѣть врага, но этотъ уже почти не былъ въ состояніи пользоваться своею выгодою. У него самого темнѣло въ глазахъ, ноги подгибались, и удары, имъ наносимые, становились уже не такъ тверды и вѣрны. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда изъ-за холма показались наконецъ двое охотниковъ.

— Ради пречистой Богородицы! закричалъ одинъ изъ нихъ Эмѣ Веру, какъ скоро приблизился на разстояніе голоса:—держитесь, мессиръ, держитесь! Матръ Ландрі! прибавилъ онъ:—дай-ко мнѣ свой мушкетъ, я мѣтко стрѣляю и знаю, куда цѣлить, чтобъ повалить съ-разу медвѣдя.

— Не хочешь ли ужь меня учить? сказалъ, поблѣднѣвъ, ловчій. Или думаешь, что я самъ не умѣю владѣть пищалюю? Слава Богу! продолжалъ онъ, упирая въ плечо прикладъ:—я еще никогда не давалъ промаха.

Заводить споръ было не время. Женѣ промолчалъ и только сталъ сзати Ландрі, чтобъ видѣть, куда тотъ наводитъ дуло пищаля.

— Господь съ тобою! вскричалъ онъ вдругъ:—или ты ряхнулся! Въмѣсто звѣря, ты мѣтнешь въ челоуѣка. Возьми лѣвье.

Ландрі, не слушая горца, спустилъ курокъ. Выстрѣлъ раздавался; но здоровый тумакъ, который Женѣ отвѣсилъ по ватылку стрѣляющаго, своротилъ всторону роковое ружье, которое выпало изъ рукъ хозяйна, между-тѣмъ, какъ самъ онъ съ проклятіемъ повалился на-земь. Послѣ этого подвига, горецъ въ нѣсколько прыжковъ очутился подлѣ Эмѣ Вера, который еще боролся, но платье его было уже разорвано когтями медвѣдя и кровь начинала течь.

— Есть съ тобой оружіе? закричалъ Эмѣ, увидѣвъ слугу.

— Нѣтъ, мессиръ, отвѣчалъ Женѣ.

— Хорошо! возразилъ Эмѣ, отталкивая его лѣвой рукою:—ступай же, унеси прочь женщину, что лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Съ минуту я еще подержу медвѣдя. А тамъ будь, что будетъ!

— Пречистая Матерь! воскликнулъ Женѣ, быстро подбѣгая:—ступайте сами, сударь; я стану на ваше мѣсто.

— Послушаешься ли ты, негодай?

— Идѣть! сказалъ горецъ:—идите прочь, говорятъ вамъ! идите.

Стрѣлокъ, вмѣсто отвѣта, повторилъ Женѣ приказаніе унести Сяголену; но въ то же время подался на шагъ, будучи уже не въ силахъ удержатъ звѣря.

— А! упрямая собака, вскричалъ Женѣ:—ты не хочешь слушаться? Хорошо же! вотъ тебѣ! прочь!

Съ этимъ словомъ, онъ далъ своему молодому господину такой же сильный толчокъ, каковымъ ошеломилъ Ландри. Эмэ со стономъ упалъ навзничъ; но горецъ тотчасъ завлялъ его мѣсто, растопырилъ рукотакъ же какъ медвѣдь свои лапы, и рывкомъ не хуже звѣря. Потомъ кинулся на него, обхватилъ его поперегъ, рывкомъ задохнулся въ этой схваткѣ, и скоро человекъ и звѣрь, съ страшнымъ ревомъ влялись по травѣ, подкатились на край оврага. Того, вѣрно, и желалъ отважный горецъ, потому-что испустилъ побѣдный крикъ, и, напрягнувъ послѣднія усилія, увлекъ врага на крутой скатъ пропасти. Перевертываясь другъ черезъ друга, катились они до самаго ручья, проточившаго по дну долины. Когда же наконецъ остановились, то все еще крѣпко держали одинъ другаго, но оба безъ малѣйшихъ признаковъ жизни...

VIII.

Ударъ, сшибавшій съ ногъ Эмэ Вера, былъ такъ силенъ, что храбрый стрѣлокъ, и безъ того уже изнуренный усталостью борьбы, лежалъ на травѣ безъ памяти. Очнувшись, онъ увидѣлъ себя на мягкой постели, за плотными занавѣсами. Сонъ, сладовавшій за обморокомъ, былъ тяжелъ и несносенъ. Долго тревожилъ его мучительныя грезы, какія обыкновенно сопровождаютъ лихорадочный жаръ. Снилось ему, будто онъ надетъ въ пронасти, сидитъ въ сырцахъ вечерахъ, окруженъ змѣяными норами. То вдругъ очутился онъ среди поля, покрытаго снѣгомъ, и видитъ барона Вера, оберегающагося отъ шайки убійцъ; хотѣлось-было помочь отцу, но онъ по-прежнему маленькій мальчикъ, и дѣтскія усилія его бесполезны противъ злодѣевъ. Потомъ, въ какомъ-то глухомъ мѣстѣ встрѣтился съ капитаномъ Гартманомъ, и куда-то они влѣтъ вдувъ. Дорѣгою, старый вербовщикъ постепенно все снимаетъ съ себя разные маски, пока напослѣдокъ является въ отвратительномъ образѣ дикаго звѣря, и готовъ растерзать его. Дальше, грезилась ему Гаспаръ съ Рено, обвивавшіе другъ на друга шнаги и начавшіе смертельный бой, а между-тѣмъ предки ихъ, оживъ на полотнѣ портретовъ, громко хохотали. Наконецъ, явилась передъ нимъ Бланка, блѣдная, скорбная, въ траурной одеждѣ. Она горько плакала и дѣлала ему какіе-то знаки, которыхъ онъ не могъ понять. Онъ подошелъ къ ней съ вопросомъ, но она нугливо его оттолкнула и будто приказывала бѣжать. Удивясь такому загадочному поведенію, тронутый ея печалью, онъ умолялъ ее объясниться. Она хотѣла что-то сказать, но напрасно шевелила губами—она не произносила ни слова. Тутъ она раскрыла весь ротъ, и Эмэ съ ужасомъ увидѣлъ, что языкъ у ней вырванъ изъ гортани. Это такъ его испугало, что онъ вдругъ проснулся, весь въ поту, тяжело переводя дыханіе. Отраднѣйшій свѣтъ, сквозившій въ занавѣсы, наслу могъ прогнать видѣнія, которыя тревожили сонъ его. Мало-по-малу, однако, онъ

онамнтовадася и прншелъ въ себя. «Какое слабое сзеденіе человекъ!» подумалъ онъ, отирая потъ съ лица: «не умѣетъ даже отличить дѣйствительности отъ призрака; пустыя грезы, нелѣпый бредъ тревожить и мучать его во-снѣ, ни чуть не меньше, какъ самыя тягостныя провсшества на-яву.»

Раздумывая такъ, Эмѣ открылъ зававски и не мало изумился, не видя ни одного изъ предметовъ, какіе привыкъ имѣть передъ глазами, проснувшись въ Монморѣ; взглянуть на видъ, открывавшійся изъ окна, и удивленіе его удвоилось, ибо мѣстность была совсѣмъ не та, среди которой стоялъ замокъ Рено. Все это показалось Эмѣ Веру такъ странно, что онъ съ любовнтьствомъ началъ разсматривать покой, въ которомъ находился. Мѣбель покоя не обнаруживала ясно ни зажиточности, ни бѣдности, но заставляла думать, что хозяинъ дома скорѣе нисходилъ, нежели восходилъ по лѣстницѣ Фортуны. Нѣсколько креселъ изъ цѣльнаго дуба, безъ подушекъ и бахрамы, но лоснящіяся, какъ зеркало, въ порядкѣ разставлены были вокругъ комнаты. Венеціанское трюмо, котораго позолота нѣсколько стерлась, находилось подъ каминомъ; стекло было очень чисто и заставляло думать, что въ домъ есть какая-нибудь дѣвушка, которая любитъ смотрѣться въ зеркало каждое утро. Карнизъ, некогда крашеный, закоптелъ отъ дыма печки и лампы. Наконецъ, обои по стѣнамъ до того поизнаили и протерлись, что, казалось, ихъ не поволяли со времянь дофина Гумбера II.

Эмѣ Веръ никакъ не могъ придумать, гдѣ очутился. Столь же безуспѣшно старался онъ себя объяснить, какимъ-образомъ попалъ сюда, утро или вечеръ были на-дворѣ. Новая тайна для нашего героя. Собравшись однако съ памятью, вспомнилъ онъ наконецъ довольно-ясно приключенія на охотѣ и борьбу свою съ медвѣдемъ. Но что за тѣмъ слѣдовало, онъ не зналъ уже ничего, и память представляла ему одиъ нестройныя грезы, которыми чудились ему во время долгаго сна. Впрочемъ, ему казалось, будто это поведилъ на-земь самъ звѣрь, и онъ рѣшительно не понималъ, какимъ способомъ отъ него избавился. Какъ бы то ни было, онъ не могъ жаловаться на судьбу, перенесшую его въ этотъ загадочный домъ. Онъ даже ощутилъ живую признательность къ хозяевамъ, увидѣвъ подъ рукою на маденькомъ столѣ фарфоровую чашку съ приправленнымъ настоеннымъ виномъ. Горѣвшая подъ чашкою лампа поддерживала напитокъ въ пріятной теплотѣ. Тщательно осматривавъ у себя всѣ члены, чтобъ увѣриться, всѣ ли они цѣлы, Эмѣ безъ-обиняковъ опорожнилъ соеудъ за здоровье своихъ невдомыхъ друзей и желалъ только одного: поскорѣе узнать ихъ. Увѣренный, что они не замедлятъ его извѣстить, взялъ онъ книгу, которую предусмотрительно положили на столѣ, подлѣ лампы, и которая была не иное что, какъ *Поджожденія Флоримунда, отыскивающаго прекрасную Араминту*. Онъ открылъ страницу, отмѣченную закладкой, и очень удивился прочитавъ слѣдующую фразу, служившую заглавіемъ девяносто-девятой главы:

**«КАКЪ ПРЯКРАСНЫЙ ФЛОРИСУИДЪ
СПАСЪ ОТЪ ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОПАСНОСТИ СЕСТРУ ПРИНЦЕССЫ, И ВОД-
НЕСЪ СЕИ ПОСЛАВАНЕЙ ШКУРУ ЗВЪРЯ.»**

Этотъ намекъ на недавнее происшествіе, котораго онъ былъ геро-
емъ, заставилъ стрѣлка начать чтеніе раскрытой передъ нимъ главы;
но скоро имъ овладѣла такая зѣвота, что онъ поспѣшилъ оставить
книгу, боясь впасть снова въ усыпленіе, отъ котораго только-что
очнулся. Въ ту же минуту поразили слухъ его довольно-визгливые
звуки, показавшіеся ему звуками мандолины. Особа, игравшая на
выструментѣ, выбрала нѣжную и томную арію, которую старалась
сдѣлать выразительнѣе, замедляя тактъ и ловко ударяя на нѣкоторые
аккорды. Къ несчастію, кое-какія фальшивыя ноты порою обличали
волненіе виртуоза или виртуозки, предававшейся этому поэтическому
занятію. Но подобныя мелочи не ослабляли, цо-видимому, усердія
въ игравшемъ. И такъ, мелодія, если можно назвать этимъ звучнымъ
именемъ заунывную пѣсню, визжавшую со струнъ мандолины, мело-
дія шла своимъ чередомъ, какъ вдругъ Эмэ услышалъ слѣдующія
слова, произнесенныя сердитымъ тономъ въ-полголоса:

— Съ ума ты сошла, сестрица? Чтò ты дѣлаешь? Или тебѣ хочет-
ся разбудить больныхъ?

Музыкантша, вмѣсто отвѣта, продолжала нащипывать струны съ
прежнимъ томнымъ выраженіемъ.

— Перестанешь ли ты? сказалъ опять голосъ.—Брянчи, ступай,
гдѣ-нибудь. не вѣдься. Я ужъ напередъ знала, что ты насъ угостишь
нытъшнее утро какой-нибудь пѣсенкой на свой ладъ.

Продолженія разговора пріятель нашъ не разслушалъ. Долетало
до него только шушуканье, похожее на то, какое поднимають двѣ
богомолки, споря другъ съ другомъ за мѣсто въ церкви. Наконецъ,
казалось, чувствительная музыкантша послушалась челоувколюбивыхъ
убѣжденій сестры, чему онъ очень былъ радъ, не смотря на
свою любовь къ изящному.

Все это однако не объясняло ему, куда забросила его своеюравная
судьба. Еще онъ терялся въ догадкахъ на этотъ счетъ, какъ замѣ-
тилъ, что кто-то отворилъ дверь и крадется осторожно за завѣсами.
Скоро показался ему маленькій старичокъ, закутанный въ узорный
плащъ, въ шерстяномъ колпакъ на головѣ. Онъ шелъ на-цыпочкахъ
и, казалось, притавивалъ дыханіе. Послѣ минутнаго недоумѣнія, Эмэ
Верь узналъ барона Босежура. При этомъ зрѣлищѣ, волосы поднялись
у него дыбомъ, и жалко стало ему, что онъ вырвался изъ-подъ ногтей
медвѣдя. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ видѣлъ себя связаннымъ по рукамъ
и по ногамъ, въ полной власти у докучнаго болтуна, котораго неизсл-
каемое краснорѣчіе уже не разъ испыталъ. Однако онъ счелъ долгомъ
сказать ему нѣсколько словъ о признательности за дощеченія, каки-
ни былъ окруженъ... Сверхъ-того, располагалъ онъ спросить у стари-
ка объясненій, чтобъ понять свое настоящее положеніе; но едва онъ
вымолвилъ слово, какъ Жарніѳ приложилъ палецъ къ губамъ, чтобъ

онъ молчалъ, и потомъ сказалъ въ-полголоса, съ таинственнымъ видомъ:

— Молчите! не шевелитесь! лежите покойно. Знаю все, что вы хотите мнѣ сказать: два краснорѣчивые словъ; а послѣ того, что случилось, я не могу вамъ ни въ чемъ отказать.

Эмѣ Верь, остолбенѣвъ отъ изумленія, хотѣлъ-было отвѣчать, но хозяинъ нетерпѣливо махнулъ рукою.

— Не-ужь-то вы хотите ее огорчить? сказалъ онъ.—Не-ужь-то ея не послушаетесь? Она приказываетъ вамъ быть покойнымъ, слышите ли? Тс! тс! терпѣнне; когда-нибудь увидите.

— Какъ, баронесса Сассенажъ удостоиваетъ помнить обо мнѣ? перервалъ стрѣлокъ, у котораго на умѣ была одна Бланка...

— Вотъ! воскликнулъ баронъ:—онъ опять въ бреду. Я говорю, любезный сынокъ, сами знаете о комъ, о красавицѣ, которой вы спасли жизнь; но мы потолкуемъ объ этомъ въ другой разъ. Не мучьтесь напрасну: все уладится. У насъ съ нею не каменные сердца.

— По-крайней-мѣрѣ, сказалъ Эмѣ:—не можете ли вы мнѣ сказать...

— Знаю, знаю, подхватилъ старый помѣщикъ:—не беспокойтесь: ему гораздо-лучше, будетъ живъ. Вчера цирюльничъ перевязалъ ему рану и не отходилъ отъ него всю ночь.

Сказавъ эти слова, дворянинъ снова приложилъ палецъ къ губамъ, и вышелъ такъ же осторожно, какъ вошелъ, оставивъ Эмѣ Вера въ совершенномъ недоумѣнн на-счетъ слышаннаго. Изъ всѣхъ этихъ загадочныхъ словъ герой нашъ могъ разобрать только то, что въ домъ находился кто-то раненый еще опаснѣе, чѣмъ онъ, который, отдохнувъ теперь отъ изнуренія, сохранилъ слѣдами боя съ медвѣдемъ лишь нѣсколько царапинъ на рукъ. Не смотря на обыкновенную свою терпѣливость, онъ не могъ подчиниться предписаніямъ хозяина и призвательной Сиголены, спрыгнулъ съ постели и началъ одѣваться. Пока занимался онъ этимъ дѣломъ, въ дальней комнатѣ вдруть послышались ему рыданія. Плакала, сколько можно было догадываться, женщина. Стрѣлокъ торопливо накинулъ кафтанъ, боясь, не случилось ли какого несчастія съ обитателями замка. Но не успѣлъ еще онъ застегнуться, какъ въ дверь къ нему тихо постучались. Онъ отворилъ и увидѣлъ Пашаль, горничную дѣвicy Сассенажъ. Она была вся въ слезахъ, и, какъ ни усиливалась говорить, но выпускала только вздохи и рыданія. Горестъ ея была такъ жива, что встревожила стрѣлка и удвоила его опасенія.

— Что съ тобою, милая? сказалъ онъ.—Отвѣчай, Бога ради! Не случилось ли чего съ твоей барышней?

— Ахъ, месьсиръ! говорила Пашаль:—какъ онъ страдаетъ, бѣдняжка! Если бы вы знали, въ какомъ состоянн я его нашла! Сердце разрывается. Былъ румянъ какъ вишня, а теперь блѣднѣе гугенота.

— Про кого ты говоришь? спросилъ Эмѣ Верь.

— Ахъ, Боже мой! да про вашего конюшаго, отвѣчала Пашаль:—про храбраго Женѣ.

— Женѣ! сказалъ Эмѣ, ударивъ себя въ лобъ.—Точно, помню, онъ

былъ подлѣ меня, когда медвѣдь ударилъ меня лапою и я упалъ безъ чувствъ.

Услышавъ это, Пашаль взглянула на молодого дворянина, будто сомнѣваясь, не шутить ли онъ. Когда же убѣдилась въ его ошибку, то не могла удержаться отъ смѣха.

— Ха! ха! ха! ха! сказала она, перейдя другъ отъ слезъ къ хохоту:— Это презабавно! Такъ вы думаете, что васъ ударилъ медвѣдь?

— Ну, да! сказалъ Эмэ, нѣсколько обидясь.— Что же тутъ смѣшнаго?

— Ничего, отвѣчала Пашаль продолжая хохотать.— Вы не первый принимаете Женё за медвѣженка. Правду вамъ сказать, вашему конюшему,—какъ онъ по-крайней-мѣрѣ самъ себя называетъ,—обязаны вы такимъ тумакомъ.

— Можеть ли это быть? вскричалъ стрѣлокъ.

— Хорошо, сердитесь! подхватила горничная:—будьте неблагоприятны, какъ всѣ мужчины, особливогоспода. Отъ васъ это станется, сколько васъ ни хвали старая баронесса; а вѣдь безъ этого счастливаго туза, мессиръ, священникъ Ладвѣ, который скорр будетъ ровесникомъ Маусанлу, служилъ бы теперь по васъ паннихиду. Колокола звонили бы: динь! динь! динь! а, я знаю, есть хорошенькіе глазки, которые плакали бы такъ же, какъ мои сейчасъ.

— Говори яснѣе, милая, сказалъ Эмэ.— Что такое съ Женё? Чѣмъ я ему обязанъ? что онъ сдѣлалъ?

— Что онъ сдѣлалъ? подхватила Пашаль, садясь на кресла съ видомъ знатной дамы, и радуясь случаю подразнить нетерпѣніе молодого господчика.— Господи! какъ здѣсь стулья славно набиты! Чѣмъ это, волосомъ, шерстью, или гвоздями? Такихъ-то стульевъ надо бы господжѣ Бетзабѣ Барбантанъ, которая теперь изводитъ величаться въ голубой комнать. Кстати, мессиръ, пошлите ли, эта любезная Бетзабѣ осмыслилась выпрашивать у барона домъ нашего священника, господина Эстаниа Беневента? Подумайте, какая наглость! О, св. Духа! то-то, чай, раскричалась Моника! Надълаеть суматохи въ замкѣ. Ну, да тамъ мессиръ Гаспаръ; посмотримъ еще, чѣмъ дѣло кончится... Что онъ сдѣлалъ? прибавила она, видя нетерпѣніе стрѣлка:— а онъ такъ напугалъ медвѣдя, что бѣдный звѣрь околѣлъ со страху.

— Цѣлно шутить! сказалъ Эмэ.— Что сдѣлалось, когда я упалъ?

— Точно, возразила горничная, ставъ немного посерьѣзвѣе:— ваша правда, мессиръ; смѣяться нѣчему: я глупа, что шучу этимъ; но что же дѣлать? не могу утерпѣть. Я какъ нашъ дѣлчекъ, который звонитъ иногда похоропы на манеръ крестинъ.

Послѣ такого приступа, Пашаль описала стрѣлку столь краткую, но ужасную схватку горца съ звѣремъ, схватку, которой подробно-сти уже извѣстны читателю. Она постаралась рѣзко отгнѣнить всѣ обстоятельства—частію, чтобъ выполнить долгъ вѣрнаго историка, частію по причинамъ болѣе-своекорыстнымъ, ибо горничная справедливо полагала, что всякая услуга стоить награды, и что услуга, ока-

занная ея любезнымъ Эмѣ Веру, принадлежитъ къ наиболѣе-стойшимъ награды.

— А ужь никто такъ не удивился, продолжала она, утирая глаза передникомъ:—какъ г. Жарнид. Сошедши въ долину, онъ думалъ, что въ Женѣ не осталось и слѣда духа, какъ въ волянкѣ, у которой прорвалась кожа:—не тутъ-то было! Видно, у горцевъ головы крѣоче камней. У медвѣдя перешибенъ хребеть и расколотъ черепъ, а матрѣ Женѣ только немножко поразломался, словно черезъ-чуръ поплясавши ригодонъ. Дѣло въ томъ, что онъ точно отплясалъ чудесный ригодонъ съ проклятымъ звѣремъ, даже и безъ флейты, — за то вы теперь живы и здоровы.

— Да гдѣ же онъ? спросилъ Эмѣ.—Здѣсь въ домъ, не правда ли? Я хочу сейчасъ его видѣть!

— О! сказала Пашаль:—успокойтесь, мессиръ; теперь къ нему нельзя ходить въ комнату. Я сама ворвалась насильно; но только-что хотѣла облегчить сердце, немножко поплакать, цирюльникъ тотчасъ вывелъ меня вонъ, а бутылку стараго вина, которую я принесла изъ Монмора больному, не забылъ оставить у себя. Ужь лучше погодите благодарить его и показывать ему свою признательность, какъ вы навѣрное хотите сдѣлать, — лучше погодите, пока цирюльникъ выпьетъ бутылку: это вѣдь не долго. Тогда вы можете войти: онъ и не замѣтитъ, потому-что будетъ спать какъ убитый. Пора однако мнѣ идти, мессиръ, примолвила горничная, вставая:—я пришла навѣдаться о вашемъ здоровьѣ и поклонилась отъ старой барыни.

— Такъ одна г-жа Монморъ вспомнила обо мнѣ? спросилъ Эмѣ.

— Я не говорю, чтобъ другіе не помнили, отвѣчала Пашаль:—но, сколько ни думаю, а не помню ни отъ кого больше порученія, кромѣ одного мэтра Ландри, который, кажется, очень огорченъ и собирается навѣстить васъ когда-нибудь.

— А Гаспаръ? возразилъ стрѣлокъ.—Зналъ ли онъ, что ты идешь въ Босежуръ?

— Какъ же, мессиръ! Онъ попался мнѣ сегодня утромъ, разговаривая съ Моникою у священникова крыльца. Я сказала ему, куда иду: но онъ отвернулся, пожелавъ мнѣ добраго пути.

Извѣстіе это произвело тягостное впечатлѣніе на сердце Эмѣ Веры. Однако, помолчавъ съ минуту, онъ нахмурилъ брови.

— Если такъ, подумалъ онъ:—его добрая воля! Но, прибавилъ онъ вслухъ, съ замѣшательствомъ, отъ котораго горничная опять расхоталась:—тебѣ ничего не поручено отъ...

— Отъ мессира Ренô? водхватила Пашаль съ притворной простотою.

— Да!.. отвѣчалъ, смутясь, Эмѣ:—отъ мессира Ренô.

— Нѣтъ! возразила горничная:—господину барону теперь некогда объ васъ помнить. Онъ сзываетъ сегодня утромъ всѣхъ крестьянъ, и хлопочетъ надъ починкою укрѣпленій замка.

— Но, сказалъ Эмѣ, котораго любопытство все еще не было удовлетворено:—кажется, въ Монморѣ есть особа... котора...

— Ну-съ! возражала Пашаль, присѣдая:—всѣ мои порученія къ вамъ кончены. Честь имѣю кланяться.

Черезъ нѣсколько мгновеній горячая легко бѣжала по дорогѣ въ Монморъ. Когда она вышла, Эмъ Веръ вздохнулъ. Невниманіе дѣвѣ Сассенажъ огорчало его почти столько же, какъ молчаніе Гаспара.

— Увы! сказалъ онъ, бросаясь въ кресла:—правду говорилъ король Францискъ:

Женщина всегда измѣнитъ.

Глушь, кто женской любви вѣрять!

Послѣ такого приступа, герой нашъ, естественно, не тотчасъ остановился. Напрасно старался онъ объяснить себѣ, какъ могла Бланка забыть его такъ скоро. Нѣсколько минутъ спустя, онъ призналъ себя мополучившимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Воспоминаніе о преданности Женѣ прорвало, однако, родъ бальзама на его язвы. Онъ всталъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Полно! сказалъ онъ. — Что я за ребенокъ? Забудемъ тѣхъ, кто насъ забылъ, и станемъ любить тѣхъ, кто насъ любитъ.

Съ этимъ словомъ взялъ онъ шляпу и вышелъ изъ комнаты точнѣе осведомиться о вѣрномъ горцѣ, который жертвовалъ за него жизнью. Отъ удовольствія видѣть его и пожать ему руку долженъ былъ онъ отказаться, ибо Женѣ, проведши очень-безпокойно ночь, начиналъ забываться цѣлебнымъ сномъ. Впрочемъ, врачъ-цирюльникъ увѣрилъ его, что хотя выздоровленіе будетъ медленно, однако онъ ругается головою за жизнь больного, лишь-бы не призывали изъ города какого-нибудь невѣжду-лекаря. Не довольствуясь этимъ увѣреніемъ, стрѣлокъ въ тотъ же день послалъ въ Романъ за медикомъ, который, вещь рѣдкая въ подобныхъ случаяхъ, одобрилъ мѣры своего собрата. Нѣтъ нужды говорить, какъ обрадовался стрѣлокъ, что можетъ еще долго имѣть при себѣ великодушнаго слугу, не станемъ описывать и трогательнаго свиданія, какое послѣдовало между ними въ-теченіе дня. Читатель самъ легко можетъ все это себѣ представить. Упомянемъ только, что Женѣ, во все продолженіе этой сцены, выражалъ свои чувства, повторяя безпрестанно одно очень-энергическое восклицаніе, котораго мы здѣсь не приводимъ.

Дѣла, между-тѣмъ, шли въ замкѣ Босежуръ быстро. Жареніе больше чѣмъ когда-нибудь находился въ своемъ родительскомъ ослѣпленіи. Столь простое самопожертвованіе молодого стража окончательно вскружило голову доброму барону. Какъ мы уже замѣтили изъ его словъ, онъ видѣлъ въ поступкѣ Эмъ явное доказательство любви, и рѣшился принять этотъ подвигъ за равносильный вѣнчанію во всей формѣ. Онъ согласился никому не уступить пожеланія о раненыхъ, и велѣлъ ихъ волею-неволею перенести въ свой замокъ, дѣйствительно впрочемъ блаже отстоявшій отъ мѣста боя, нежели замокъ Монморъ. Тамъ стрѣлокъ былъ у него въ рукахъ, и

онъ далъ себѣ слово не выпускать его иначе, какъ мертвымъ или женатымъ.

Кунигунда и Сиголена раздѣляли на этотъ счетъ мнѣніе отца, но не сходились между собою въ одномъ важномъ пунктѣ, именно въ настоящемъ предметѣ страсти молодого дворянина. Сиголена, по обыкновенію, глядѣла на вещи просто и ссылалась въ свою пользу на свидѣтельство всѣхъ охотниковъ, которые исно видѣли, говорила она, что если стрѣлокъ отважилъ жизнь, то единственно за нее, а не за старшую сестру. Въ-самомъ-дѣль, Кунигунда довѣрила свое спасеніе стротѣ ногъ мѣтра Пегаса. Слѣдовательно, настоящій избавитель ея былъ осель, и ему-то, прибавляла Сиголена, насмѣшливо, поглядывая на соперницу, должна сестра отдать свою руку, если ужъ непременно хочетъ повиноваться чувству признательности. Но Кунигунда была не изъ такихъ женщинъ, которыхъ смутила бы подобная бездѣлица. Доводамъ сестры побѣдоносно противопоставляла она два рѣшенія любовнаго суда въ похожемъ на это обстоятельствѣ, и, въ добавокъ, девяносто-девятую главу *Похожденій Флоримонда*, которая, по ея мнѣнію, окончательно рѣшала вопросъ.

Эти противорѣчащія притязанія не совсѣмъ были неблагопріятны нашему герою. Если, съ одной стороны, накликали они ему серенаду при пробужденіи, то съ другой доставили отличный обѣдъ, на приготовленіе котораго Сиголена истощила все свое поваренное искусство. За столомъ все семейство осыпало его внимательностью, что отнюдь не показалось ему удивительнымъ послѣ услуги, какую онъ оказалъ ему наканунѣ. Однакожь, при всей проницательности, ему не удалось разгадать значительныхъ взглядовъ, какими иногда обмѣнивались хозяева, нѣкоторыхъ намековъ, какіе отъ-времени-до-времени выпускалъ веселый помѣщикъ, цѣломудренно-застѣнчиваго вида, какой принимала Кунигунда, когда онъ заговаривалъ съ нею, ни простоватой короткости Сиголены, которая уже разспрашивала его о домашнихъ привычкахъ, и требовала его мнѣнія касательно платья, которое собиралась себѣ дѣлать. Обѣдъ, разумѣется, продлился дольше обыкновеннаго. За десертомъ, Жарніо попросилъ младшую дочь принести нѣсколько стлянокъ ликѣра. Едва она вышла, какъ Кунигунда, торопясь въ свою очередь выказать таланты, схватила мандолину, которую нарочно поставила въ столовой, и, не дожидаясь просьбы, запѣла нестройнымъ голосомъ итальянскій романсъ, усердно аккомпанируя себѣ на роковомъ инструментѣ.

Когда наконецъ Эмѣ Веру удалось воротиться въ свою комнату, подъ-вечеръ, онъ былъ совершенно оглушенъ какъ концертомъ, который невольно слушалъ цѣлые полтора часа, такъ и неистощимой говорливостью добраго помѣщика. Раздвѣваясь, чтобъ лечь въ постель, онъ ворчалъ сквозь зубы, что немедленно уберется изъ дома, куда злая судьба завела его, и гдѣ, если останется, выраженія признательности къ нему хозяевъ доведутъ его до гораздо жалчайшаго положенія, чѣмъ то, въ какомъ онъ вырвался изъ лапъ медвѣдя. Но разсуждая такъ, онъ вдругъ увидѣлъ на ночномъ столикѣ,

рядомъ съ фоліантомъ исторіи Флоримонда, маленькую записочку, адресованную къ нему, и писанную незнакомой рукою. сколько видно было по надписи. Онъ тотчасъ распечаталъ ее и прочелъ слѣдующее:

«Если вы имѣете сколько-нибудь довѣрія къ лицу, пишущему вамъ эти строки, не выходите изъ стѣнъ Босежура, не показывайтесь даже въ садъ. Держите всегда при себѣ оружіе. Особенно же не являйтесь въ Монморъ, что бы васъ ни влекло туда. Остерегайтесь ловчато «Ландри, капитана Гартмана и людей подозрительной наружности, которые будутъ бродить около васъ. При первой возможности, оставьте здѣшній край, и не возвращайтесь сюда никогда.

«Если грозящихъ вамъ опасностей недостаточно, чтобъ внушить вамъ благоразуміе, то вспомните, что на свѣтъ есть особа, для которой дорога ваша жизнь, и которая не перенесетъ удара, сразившаго «васъ».

«РОМАНСКАЯ НЕЗНАКОМКА».

Записка эта, набросанная дрожащей рукою, и которой послѣдніи строчки насылу можно было разобрать, привела стрѣлка въ большое удивленіе. Это удивленіе смѣнилось невольной радостью, когда прочелъ онъ подпись. «Романская незнакомка!» говорилъ онъ, перечитывая эти слова при свѣтѣ лампы. «Да! это она писала записку, потому-что никто другой не могъ выдумать этого имени и никто не знаетъ его власти надъ моимъ сердцемъ... никто, прибавилъ онъ, кромѣ дѣвицы Сассенажъ».

Послѣдняя мысль поставила стрѣлка въ большое затрудненіе. Бланка и романская незнакомка были ль сущеста совершенно разныя и отдѣльныя, какъ увѣрила его въ пещерѣ дѣвица Сассенажъ, или составляли одно и то же лицо, какъ онъ самъ всегда расположенъ былъ думать? Среди такого недоумѣнія, ему вдругъ мелькнула мысль. «Какимъ образомъ» думалъ онъ: «очутилась тутъ записка? Кто ее положилъ? Ангелъ, домовой, или фея? Въ комнату не входилъ никто, кромѣ Пашали: ужъ не горничная ли принесла мнѣ? Если такъ, то очевидно письмо писано Бланкою.»

Сомнѣнія, какія могъ питать стрѣлокъ на счетъ этого предмета, исчезли при вторичномъ чтеніи таинственной записки. Опасность, которая грозила ему, шла изъ Монмора. Въ числѣ враговъ, которыхъ ему слѣдовало бѣжать, былъ какой-то житель замка. Кому жъ лучше Бланки было знать и слѣдить эти преступные умыслы? Сверхъ-того, такая догадка бросила столь яркій свѣтъ на поведеніе съ нимъ Бланки, что онъ не могъ не признать ее за очевидную истину. Встрѣча въ проходѣ «Помилуй мя Боже», смущеніе дѣвушки, таинственность, какою она облакалась, ея стараніе удалить его отъ ловчаго, множество другихъ дотожд-непонятныхъ обстоятельствъ объяснялись теперь сами собою.

— И такъ, воскликнулъ онъ: — для меня Бланка отваживалась идти въ горы ночью! Для меня пренебрегала она опасностями, ко-

торыхъ не боялись бы самыя смѣлые охотники. Сердце, глаза необмѣнули меня!

Говоря такъ, стрѣлокъ осыпалъ поцалунми письмо дѣвицы Сассенажъ, прижималъ его къ сердцу, словомъ, предавался всемъ тѣмъ восторгамъ, которые философамъ, женатымъ людямъ и отставнымъ любовникамъ кажутся смѣшны, но которые всякій порядочный человекъ испыталъ на себѣ хоть однажды въ жизни, получивъ въ первый разъ отъ своей любезной лоскутокъ бумаги, исчерченный каракулями. Нарадовавшись вдоволь, перечитавъ сто разъ записку и затвердивъ ее наизусть, онъ бережно положилъ ее на грудь, и презиралъ всѣ книжалы убійцы съ такою самоувѣренностью, какъ-будто носилъ на себѣ заколдованныя латы. Счастливыи возрастъ любви!

— Но чего же отъ меня хочеть этотъ капитанъ Гартманъ? прибавилъ онъ, ложась въ постель: — что я ему сдѣлалъ? Какая связь у него съ Бланкою и семействомъ Монморовъ? Откуда онъ? Кто? Негодный Ландринъ не полюбился мнѣ съ перваго взгляда. Однако я и не подозрѣвалъ, чтобъ онъ такъ занимался мною, какъ теперь оказывается. О, Боже! еслибъ не ведалъ мнѣ Бланка оставаться въ Боссежуръ, я скоро узналъ бы, что это за мерзавцы. Я сорвалъ бы съ нихъ лачину, при моемъ обыкновенномъ благоразуми (Предупреждаемъ читателя, что послѣднiя четыре слова предъидущей фразы прибавили мы сами отъ себя, ибо герой нашъ ихъ не произносилъ, а вмѣсто ихъ только кашлянулъ, и этотъ значительный кашель перевели мы такимъ образомъ). Надо остаться здѣсь, продолжалъ онъ:—она этого хочеть, и я долженъ повиноваться. Что же до удаленiя изъ здѣшняго края, которое она совѣтуетъ, скорѣе согласенъ я идти на всѣхъ возможныхъ вербовщиковъ и ловчихъ, чѣмъ ступить еще хоть шагъ дальше отъ Монмора.

Тутъ стрѣлокъ прервалъ свой мысленный монологъ: недалеко слышалъ онъ мелодическiе звуки, которые съ отчаянiемъ призналъ за звуки мандолины. Въ-самомъ-дѣлѣ, Кунигунда, удалясь въ свою комнату и свободная отъ всякой помѣхи, ожидала только восхода луны, чтобъ начать серенаду. Она надѣялась такимъ способомъ совершенно плѣнить сердце новаго Флоримонда, и продолжала вѣжать на унылый ладъ струнами, между-тѣмъ, какъ бѣдная Сиголе-на, не подозрѣвая вѣроломства, спокойно спала крѣпкимъ сномъ.

— Проклятiе! вскричалъ стрѣлокъ, заткнувъ уши и забывшись подъ изголовье: — да, Бланка! видно, я очень люблю тебя, что рѣшюсь остаться въ этомъ домѣ...

IX.

Записка, которую получилъ нашъ герой, и которая, вѣроятно, доставить ему покойный и прiятный сонъ на наступающую ночь, была въ-самомъ-дѣлѣ отъ дѣвицы Сассенажъ. Увѣдомленiе, въ ней заключавшееся, удивить читателей, которые помнить еще, что въ пе-

перя Бланка рѣшилась сохранить про-себя страшную тайну. Въ слѣдующихъ главахъ увидимъ, что за причины побудили ее такъ поспѣшно переменить принятый ею планъ. Увидимъ также, что съ нею стало во время охоты, гдѣ ее отсутствіе было, разумѣтся, замѣчено.

Разставаясь съ Эмэ Веромъ у подошвы горы Сен-Шафрэ, она была очень не въ дальнемъ разстояніи отъ сырни. Приказавъ Серполѣ проводить стрѣлка не въ Ястребиное-Ущелье, а къ посту г-на Жарнио, завернулась она въ плащъ и пошла скорыми шагами, надеясь прійти до пробужденія подругъ, и такимъ образомъ скрыть свое ночное отсутствіе. Благодаря отдыху въ гротъ, она почти не чувствовала усталости, и будто чудомъ стала такъ же крѣпка, какъ наканунѣ. Чувство великой, предстоявшей ей обязанности, мысль, что теперь отъ нея зависитъ спасеніе Эмэ Вера, удвоили ея силы. Да! говорила она себѣ: — я спасу его, и онъ никогда не узнаетъ, что Бланка Сассенажъ, женщина, которую онъ считаетъ за ангела-хранителя, есть племянница убійцы...

Въ такихъ размышленіяхъ проходила Бланка невоздѣланный пустирь, поросшій верескомъ и дикой травой. Черезъ нѣсколько минутъ, она увидѣла подлѣ сырни двухъ всадниковъ, которыхъ надали сочла за опоздалыхъ охотниковъ. Она тотчасъ присѣла за кустъ дрока, чтобъ не попасться на глаза этимъ господамъ и избѣгнуть вопросовъ, на которые затруднилась бы отвѣчать. Но всадники, видно, уже ее замѣтили, ибо одинъ изъ нихъ, пустивъ лошадь въ галопъ, поскакалъ прямо на нее.

Когда онъ находился уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ она спряталась, Бланка содрогнулась отъ ужаса. Она имѣла дѣло не съ дворяниномъ изъ провинціи, а съ какимъ-то довольно-подозрительной наружности человѣкомъ, котораго отъ-роду не видывала. Человѣкъ этотъ былъ весь вооруженъ; у сѣдла его въ торокахъ молтались паръ пять или шесть цыплятъ, которыми онъ, вѣроятно, свернулъ головы, ибо бѣдныя твари хранили подозрительное молчаніе. Его можно было принять за солдата, ѣдущаго съ мародѣрства. Первымъ движеніемъ Бланки, когда она увидѣла недобрую наружность незнакомца, было оглянуться назадъ, на дорогу, на которой ушелъ Эмэ Вера. Но стрѣлокъ ужъ давно скрылся изъ виду. Объятая невольнымъ испугомъ, дѣвица Сассенажъ бросилась бѣжать по кустамъ, стараясь достать сырни, которой дымящаяся кровля видѣлась при мерцаніи разсвѣта. Но скоро ее догнали.

— Чортъ побери! куда ты такъ бѣжишь, красоточка? сказалъ всадникъ хриплымъ голосомъ, загоразивая ей дорогу. — Развѣ боишься меня?

— Пропустите меня, мессиръ! отвѣчала Бланка: — пропустите меня; меня ждуть.

— О-о! хорошенькій голосокъ! вскричалъ всадникъ: — онъ веселитъ сердце, словно бульбульканье бутылки или пищанье скрипки. Кто ты, молодочка? Какъ тебя зовутъ? Вѣдь амурство съ этого начи-

нается. Меня зовутъ Гонтранъ Монсю, или Гонтранъ Золотыя-Рычи какъ говорятъ красавицы. Ну! съ кѣмъ же я имѣю честь говорить съ Маргетой, Жаннеттой или Туаноной?

При этихъ словахъ, Гонтранъ хотѣлъ схватить Бланку; но она быстро увернулась. Вѣтеръ приоткрылъ ея плащъ.

— Э-э! воскликнулъ Гонтранъ, увидѣвъ шолковое платье дѣвушки: — да мы имѣемъ дѣло съ принцессой! Потыше! не кричите такъ, милочка; никто не хочетъ видѣть слезы на вашихъ прекрасныхъ глазкахъ. Я когда-то носилъ дѣта дамы не хуже васъ. Ничего не бойтесь. Чортъ возьмѣ, вѣдь я дворянинъ!

— Ради Бога, мессиръ, пустите меня; не-то, я стану кричать!

Тутъ подѣхалъ къ товарищу другой несадникъ, оставшійся позади. У этого за сѣдломъ была коза, нѣсколько гусей и утокъ. Наружность его была еще свирѣпѣе, чѣмъ у Гонтрана.

— Съ ума ты сошелъ? сказалъ онъ. — Если не перестанешь дурачиться, негодяйка раскричится такъ, что всѣхъ перебудитъ и накличетъ на насъ дюжину слугъ да крестьянъ.

— Полно, Тибб, отвѣчалъ Гонтранъ, покручивая съ увѣреннымъ видомъ усы. — Ты никогда не умѣешь объясняться съ красавицами. Вотъ посмотри, разсердится ли она на то, что я ей скажу. Вамъ угодно пройти, моя прекрасная? прибавилъ онъ, обратясь къ дѣвицѣ Сассенажъ. — Пожалуй! ступайте; только прежде за пропускъ дайте мнѣ себя распаловать въ обѣ щеки. Мой отецъ, царство ему небесное! никогда не забывалъ вѣзять эту пошлину съ своихъ вассаловъ, когда встрѣчалъ ихъ на дорогѣ.

Бланка попятилась нѣсколько шаговъ назадъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Гонтранъ: — не-уже-ли вы станете со мной торговаться, моя прекрасная? Вѣдь поцалуй такая пошлина, которая никогда не разоритъ женщины.

— Да никогда не обогатитъ и мужчину, проворчалъ Тибб. — Одинокко, чортъ возьми! полно! Цалуйтесь, что ли, скорѣе, да въ дорогу!

Гонтранъ не дожидаясь предложенія товарища, чтобъ получить силою благосклонность, на которую Бланка не согласилась добровольно. Но дѣвушка, оттолкнувъ наглеца, начала громко кричать, въ надеждѣ, что ее услышатъ въ сырнѣ.

— Превались ты совсѣмъ! сказалъ Тибб, привскочивъ на сѣдлѣ. — Или ты обѣщала протянуть самъ шею въ петлю?

— Спасите! спасите! повторяла Бланка, вырываясь изъ рукъ разбойника.

— Отстанешь ли ты отъ нея, безумецъ? сказалъ съ гнѣвомъ Тибб. — Не давай хоть вижжать ей, по-крайней-мѣрѣ. Проклятiе! такъ и есть: ужъ вѣдно, отворяютъ дверь. Клянусь рогами сатаны! насъ поймаютъ какъ летучихъ мышей, которыя ждали разсвѣта, чтобъ воротиться въ нору.

Дѣвица Сассенажъ, видъ себя, взглянула на сырню и точно увидѣла ватра Жерома, который вышелъ изъ сарая и, казалось, дружески

дорвался съ Цегасомъ. Она начала кликать его изъ всехъ силъ, налясь, что онъ выручитъ ее. Но, прежде чѣмъ она была услышана, Гонтранъ, раздраженный сопротивленіемъ, приподнялъ ее могучей рукою, посадилъ передъ собой на сѣдло, и зажавъ ротъ, чтобъ заглушить ея крики, поскакалъ во весь опоръ вслѣдъ за товарищемъ.

— Хороша добыча! сказалъ послѣдній, спустя нѣсколько минутъ молчанія. — На что тебѣ эта дѣвчонка, глупецъ? Развѣ мало у насъ и безъ того хлопотъ? Не могъ ты подождать еще нѣсколько дней для своихъ шалостей?

— Чортъ возьми! отвѣчалъ Гонтранъ: — мнѣ нужно, чтобъ пригожее личико служило за столомъ: мадамъ Сисинделла начала надевать мнѣ.

— Очень-хорошо! возразилъ Тибо: — но что стануть говорить наши пріатели и союзники?

— Что стануть говорить? Хоть свои псалмы, пожалуй. Притомъ же, видно, дѣвчонка-то папистка: у ней на шеѣ золотой крестъ. Стало-быть, увезши ее, мы слѣдали благое дѣло.

Похитители уже въѣхали въ дремучій лѣсъ пихтъ и лиственницъ, покрывающій большую часть Веркора. Не смотря на трудность дороги, они продолжали все скакать, не забываясь объ утомленіи Бланки. Черезъ часъ ѣзды, прибыли они въ темное ущелье, среди котораго торчали развалины стараго укрѣпленнаго замка. Стѣны главнаго зданія всюду растрескались, и окна были безъ рамъ, словно пожаръ опустошилъ замокъ. Одна только башня, пересыпанная плуномъ, казалась еще прочною и могла по-видимому служить обиталищемъ инымъ существамъ, кромѣ дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. У нижней двери этой-то башни остановились всадники.

— Эй! Сисинделла! закричалъ Тибо: — отвори!

Скоро дверь заскрипѣла на петляхъ; появилась женщина лѣтъ двадцати-пяти или шести, довольно-недурная собою и граціозная, хотя черты ея выражали изнуреніе, и загаръ смѣнилъ на ея щекахъ свѣжую краску юности. На ней была коротенькая юбка, выказывавшая стройную ножку; руки обнажены до локтя, и станъ, еще гибкій, обтянутъ бархатнымъ корсетомъ. Голову покрывалъ голубой платокъ. Она остановилась на порогъ и поглядѣла на всадниковъ съ удивленіемъ.

— Чьи это лошади? спросила она.

— Наши, отвѣчалъ Тибо.

— А дѣвушка?

— Моя, сказалъ Гонтранъ. — Ну, прекрасная принцесса! прибавилъ онъ, ссаживая Бланку съ сѣдла: — вотъ вы теперь въ одномъ изъ моихъ замковъ. Съ перваго взгляда, правда, видъ его немножко печаленъ, но скучать не будете: у насъ день и ночь пѣсни и танцы.

Бланка, все еще съ завязаннымъ ртомъ, оглянулась вокругъ, но не узнала мѣста, гдѣ находилась.

— Тысяча громовъ! сказалъ Тибо, отвязывая козу и живность отъ

сѣдла: — будто мало намъ одной женщины? На что была еще эта крикунья! Съ ней ничего не дѣлали худаго, а она одна раскричалась пуше всѣхъ этихъ гусей и цыплятъ, которымъ я за то посвертывъ головы.

Говоря такъ, Тибб кидаль къ ногамъ Сисинделлы привезенную провизию; товарищъ его то же дѣлаль съ своей стороны.

— Вотъ намъ на завтракъ, сказалъ Тибб. — Цѣлую ночь рыскали. Другіе воротались?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Сисинделла: — но вѣрно скоро будутъ, ужъ разсвѣло. Хорошо, еслибъ имъ такъ же посчастливилось, какъ вамъ. То-то заваримъ котель! А пріатели наши и союзники могутъ полакомиться дымомъ.

— Развѣ ужъ негодяи-то встали?

— Право, я не забочусь о томъ, что они дѣлаютъ, отвѣчала Сисинделла: — но, кажется, къ нимъ нынче прилетѣло нѣсколько птицъ ихъ пера. Видѣла, что много ихъ карабкалось по развалинамъ; мнѣ казалось, будто они тамъ каркаютъ, какъ вороны осенью.

Между-тѣмъ, Бланка, услышавъ женскій голосъ, нѣсколько ободрилась. Она употребляла всѣ усилія развязать платокъ, закрывавшій ротъ ея.

— Прошу покорно! сказалъ Гонтранъ: — она проворна, какъ вѣюнъ. Смотри, Сисинделла, примолвилъ онъ, толкая дѣвицу Сассенажъ въ башню: — береги мнѣ эту голубку, не дай улетѣть. Мы только сведемъ лошадей въ погребъ и достанемъ нѣсколько бутылокъ вина. Не прощаюсь съ вами, моя пастушечка, какъ говорятъ трубадуры; потерпите немножко, тотчасъ явлюсь къ вашимъ услугамъ.

Всадники скрылись въ развалинахъ, а Сисинделла, схвативъ Бланку за руку, заперала за собою тяжелую дверь башни.

— Милости просимъ, милости просимъ, прекрасная дѣвушка! говорила она. — Видно, вамъ хочется вкусить удовольствій нашей веселой жизни.

— Бога ради! отвѣчала Бланка, сорвавъ повязку со рта: — спасите меня, сударыня! Бога ради, спасите меня!

— Куда жъ вы пойдете, моя милая? сказала Сисинделла, смотря на дѣвицу Сассенажъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде.

— Все равно, куда-нибудь! сказала Бланка: — пойду, куда глаза глядятъ, только бѣ не быті здѣсь. Сжальтесь, выпустите меня! Этотъ мужчина сейчасъ воротится, а при одномъ взглядѣ на него я умру со страха.

— Э! возразила та со смѣхомъ: — отъ такихъ пустяковъ не умираютъ, могу васъ увѣрить. Да и Гонтранъ никому не страшенъ, кромѣ развѣ снѣпиковъ, которые бѣгутъ, едва завидятъ кончикъ его усовъ. Не бойтесь! Когда разглядите его получше, онъ вамъ понравится и вскружитъ голову. Все дѣло въ привычкѣ. Одна дѣвушка моя пріятельница, которая ужимала съ дьяволомъ, увѣряла меня

по у паго ноги вовсе безъ копытъ, и что старыя богомолки клепають на него понапрасну, говоря, будто онъ съ рогами.

Вѣтреность и безстыдство, выразившіяся въ словахъ Сисинделлы, короткость ея обращенія, произвели тягостное впечатлѣніе на дѣвицу Сассенажъ. Она почувствовала смущеніе, какое честная и благовоспитанная дѣвушка ощущаетъ неволью, входя въ соприсношеніе съ одной изъ тѣхъ легкомысленныхъ тварей, которыя пратили по-видимому даже память о невинности. Однакожь, какъ надобно было снѣшить выйдти изъ опаснаго положенія, въ которомъ она находилась, то она преодолѣла свое отвращеніе и подошла къ Сисинделлѣ. Разсудивъ, что бесполезно стараться выгнать ее, она сняла съ пальца дорогой перстень, который скрыла отъ глазъ разбойниковъ, и, показывая его, сказала:—Подумайте, со мною только эта вещь; дарю вамъ ее тотчасъ, если сомнѣетесь меня выпустить. Будьте увѣрены, что благодарность моя вамъ не ограничится. Слава Богу, я богата, очень-богата; мнѣ ничего не стоить наградить васъ.

Женщина не отвѣчала ни слова, но взглянула на кольцо. Вставленный въ него брильянтъ блестялъ ярко и могъ легко прельстить женские глаза. Послѣ минутной нерѣшимости, Сисинделла взяла перстень, повертѣла его, надѣла на палецъ, и спросила у дѣвицы Сассенажъ, идетъ ли къ ней это кольцо.

— А что оно стоить? прибавила она съ любопытствомъ.

— Пятьсотъ червонныхъ, сказала Бланка: — пусть бы оно стоило во сто кратъ больше, я отдала бы его вамъ, не колеблясь. Но время бѣжить; отворите мнѣ. Считайте этотъ подарокъ за бездѣлицу въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣ получите отъ меня.

Но въ первый разъ слышала Сисинделла подобныя просьбы, но никогда не сопровождалась онѣ такимъ соблазнительнымъ подаркомъ. Она съ нерѣшительнымъ видомъ поглядѣла на Бланку. Если выпустить пльницю, на нее обрушится гнѣвъ разбойниковъ, которые ее вѣхтели. Съ другойже стороны, перстень былъ такъ красивъ, такъ дорого горѣлъ у нея на пальцѣ, что она не рѣшалась снять его.

— Что же? сказала Бланка съ нетерпѣніемъ: — согласны ли вы?

— Какъ вы нетерпѣливы, милая! отвѣчала Сисинделла, снимая съ пльцы ключъ: — дайте мнѣ хоть духъ перевести. Этакое дѣло не такъ скоро дѣлается, какъ какое-нибудь любовное.

Въ эту минуту надъ потолкомъ послышался звукъ шаговъ. Бланка, думая, что возвращается Гонтранъ, бросилась къ двери и старалась отворить ее.

— Скорѣй! скорѣй! говорила она: — дайте ключъ! Ради Бога, дайте ключъ! Онъ идетъ... Боже мой!

— Ошибаешься, милочка, сказала Сисинделла, угадавшая опасеніе дѣвицы Сассенажъ. — Это не онъ; онъ шелъ бы тише, потому что у влюбленныхъ легкая поступь.

— Кто же тамъ наверху? спросила съ безпокойствомъ Бланка.

— Сосѣди наши, еретьки. Они прохаживаются взадъ и впередъ,

чтобъ сотрѣться, потому-что не разводять у себя огня, боюсь, чтобъ дымъ не открылъ ихъ притона. Но полно объ этомъ. Это секретъ.

Сисинделла произнесла эти слова въ-полголоса и съ таинственнымъ видомъ. Потомъ она снова принялась любоваться на перстень, который былъ у ней на пальцѣ. Лицо ея одушевилось, и нѣз-полтъ черныхъ бровей блеснуло пламя.

— Къ этому мнѣ бы надо шелковое платье и бархатную наколку, сказала она.

— Получите, отвѣчала Бланка.

— Еще серьги съ подвязками, длинными какъ шираподли.

— И ихъ подарю.

— Да еще браслеты, поясъ и маленькіе атласные башмачки. Если ужъ женщина наряжается, такъ, знаете, нарядъ долженъ быть полонъ.

— Получите все, что пожелаете, сказала Бланка: — не станемъ только терять ни минуты. Отворите мнѣ; ужъ и то мы долго замѣшались!

Сисинделла не трогалась съ мѣста. Она, казалось, погружена была въ сладкое мечтаніе и представляла себя, вѣроятно, въ самомъ нарядномъ платьѣ, въ самыхъ богатыхъ уборахъ. Но вдругъ улыбка исчезла съ лица ея; она взглянула на Бланку, и, снявъ съ пальца перстень, сказала:

— Возьмите! Поразсчитавъ хорошенько, я готова лучше отдать его назадъ.

— Боже! воскликнула Бланка, измѣнялась въ лицѣ. — Вы не согласны?..

— Не хочу, чтобъ Гонтранъ переломалъ мнѣ ребра, подхватила женщина. — Когда онъ вышьетъ два-три стакана вина, не разбираетъ ни пріятелей, ни враговъ.

— А развѣ Гонтранъ вашъ мужъ? спросила дѣвица Сассемажъ.

— Хорошъ вопросъ! сказала Сисинделла. — Съ какого вы свѣтъ, милая? Мужъ! Пожалуй, и мужъ... вѣдь какъ кто понимаетъ слово. А впрочемъ, еслибъ мы были и обвинены, ему бы это все равно. Напрасно мелькала бы я ему въ глаза камнемъ вашего перстня, онъ ни однимъ не убавилъ бы числа своихъ ударовъ. Дѣвушка, которой удалось ему понравиться, для чего, видите, дороже, чѣмъ вся бра-льянты на свѣтъ, не выключая даже Санси, который, однако, всамъ вѣрама грезится во снѣ.

— Но онъ не будетъ знать вашего участія въ моемъ побѣдѣ, возразила Бланка. — Вы ему скажете...

— Что скажу, душа моя? Не то ли, что вы пролѣзли въ замечную скважину! И вы думаете, что онъ поверитъ? Полноте! возьмите свой перстень, и спрячьте его подальше, потому-что не у всѣхъ здѣсь гонтрановы глаза. Мнѣ съ нимъ нѣчего дѣлать! его продали бы черезъ недѣлю.

Говоря это, женщина, съизумившая кончить приготовленіе свѣтла, подавала дѣвицѣ Сассемажъ поводъ. Но Бланка гордо отстрани-

лась и уронила перстень на полъ. Она повторила свое предложеніе, но, не могши прельстить Сисинделлу, прибѣгла скоро къ угрозы. Это послѣднее средство имѣло еще меньше успѣха, чѣмъ предъидущее. Обиженная презрительнымъ и надменнымъ тономъ своей пѣлнницы, женщина поспѣшила укоротить ихъ взаимное разстояніе и сравнять сословія, дерзко отвѣтить, что скоро будетъ видно, есть ли какая разница между ею и бродячими принцессами, которыя даютъ себя похищать красивымъ кавалерамъ, а потомъ притворяются, будто за то негодуютъ. Однако, на половинѣ фразы, вдругъ она остановилась и гнѣвъ ея уступилъ мѣсто невольному смущенію, когда Бланка, мгновенно перешедъ отъ угрозы къ мольбѣ, упала передъ нею на колѣни, сплеснула руками, и со слезами на глазахъ заклинала, просила прощенія.

— Черезъ минуту, говорила дѣвушка:—этотъ человекъ прійдетъ, и если застанетъ меня еще здѣсь, я пропала. Чу!.. слышите?.. Всякій шумъ приводитъ меня въ трепеть. Сжальтесь надо мною! спасите меня! вамъ это такъ легко!.. Вы не отвѣчаете? Не дадите мнѣ ключа? Хорошо же! прибавила Бланка, вскочивъ въ какомъ-то помѣшательствѣ:—такъ убейте меня! Но, Бога ради, не дайте мнѣ живой достаться въ руки этихъ мерзавцевъ! Я уже прошу у васъ не свободы, не жизни, но чести... спасите мнѣ честь!

Сисинделла слушала, потупивъ голову; сильное волненіе изобразилось на лицѣ ея. Пользуясь этой выгодой, Бланка продолжала еще съ большимъ жаромъ, говорила о своей старой теткѣ, второй матери, которая навѣрно не переживетъ ни отсутствія ея, ни безчестія. Последнее слово, казалось, живо тронуло женщину, какъ-будто пробудило въ ней какое-то тяжкое воспоминаніе. Дѣйствительно, Сисинделла находилась въ положеніи, въ какомъ бываетъ множество легкомысленныхъ дѣвушекъ, которыя, соснучаясь сидѣть за прялкою и размечтавшись о болѣе-богатой жизни, покинули родительскій кровъ съ какимъ-нибудь вѣтреннымъ оболъстителемъ. Чтобъ заглушить упреки совѣсти, пробудившіеся въ ней отъ словъ дѣвицы Сасенишъ, она нетерпѣливо притопнула ногою, вскричавъ:—Полно! перестанемъ объ этомъ говорить.

— Какъ! сказала съ удивленіемъ Бланка:—не-уже-ли я опять васъ терчала? А! понимаю, прибавила она:—ваша матушка, можетъ-быть, умерла, и я, сама того не зная, растрвила вашу рану.

— Умерла! повторила Сисинделла:— умерла! Кто вамъ сказалъ, что умерла? Нѣтъ, нѣтъ, не правда... Я вамъ говорю, что она жива еще.

— Тѣмъ лучше! возразила Бланка.—Вы счастливѣе меня; потому-что хоть тетушка моя добрая и праведная женщина, а матери ничто не замѣнить.

— Перестанте объ этомъ говорить! воскликнула Сисинделла.

— Хорошо! пожалуй, не станемъ про это говорить, если вамъ не пріятно. Но позвольте по-крайней-мѣрѣ заклинять васъ именемъ матери, которую вы любите. Я увѣрена, что еслибъ сама она была тутъ;

то просила бѣ на колѣняхъ мнѣ пощады, и вѣрно вы не отринули бѣ ея просьбы.

Сисинделла молчала. Она старалась-было скрыть свое волненіе, силсилась даже улыбнуться; но мало-по-малу грудь ея заколыхалась, глаза наполнились слезами. «Матушка!» сказала она, и упала на скамью, давъ волю рыданіямъ.

Бланка глядѣла на нее съ удивленіемъ, и не смѣла мѣшать ея первому изліянію горести. Она поняла, что коснулась самой чувствительной струны въ сердцѣ этой женщины, и молча, но не безнадежно, ждала дѣйствія, какое должна была произвести столь начаянная перемѣна.

— Бѣдная матушка! говорила Сисинделла прерывающимся отъ слезъ голосомъ. — Гдѣ-то она?.. Я ничего не знаю... Можетъ-быть, она теперь проситъ милостыню у чужаго порога...

— Развѣ матушка ваша бѣдна? сказала Бланка съ участіемъ. — Хорошо! Если угодно, я объ ней буду заботиться. Гдѣ вы ее оставили!

— Вообразите, продолжала женщина въ какомъ-то бреду: — вообразите, что когда я ее покинула (десять лѣтъ ужъ тому... ахъ, какъ скоро идетъ время!), мы жили тогда подлѣ церкви Сент-Аюба, въ Провенъ, въ Бри. Я не была потаскушей, какъ теперь; я была невинная и честная дѣвушка, всякое воскресенье ходила къ обѣднѣ... Но мы были бѣдны, мнѣ нѣ на что было даже купить лентъ на шляпу, тогда-какъ всѣ дѣвушки въ нашемъ приходѣ носили ленты даже на башмакахъ... Въ молодости, эти вещи прельщаютъ, готова бываешь продать платье, чтобъ купить лентъ, а тамъ продать душу, чтобъ купить платье...

Сисинделла остановилась: рыданія снова прервали ея голосъ. Напрасно пыталась она продолжать разсказъ: она испускала только непонятныя восклицанія, безсвязныя слова, перемежая ихъ то-и-дѣло горькимъ воплемъ: «матушка! матушка!» Наконецъ, когда сердце ея облегчилось, она сидѣла нѣсколько минутъ на скамьѣ, потупя голову, съ задумчивымъ лицомъ. Крупныя слезы, которыхъ она еще не отерла, текли по щекамъ ея. Вдругъ взглянула она на Бланку, также плакавшую:

— Вамъ жаль меня, сударыня? Не даромъ, сказала она:—я много страдала! Но, тѣфу!.. прибавила она тотчасъ, вставъ и утирая лицо передникомъ:—къ чорту горе! Слезами не поможешь! отъ нихъ только глаза краснѣютъ. Не воротись, что прошло. Да здравствуетъ веселье! да здравствуетъ любовь!

Бланка отъѣмла отъ этой печальности. Она устремила взоры на женщину, и съ изумленіемъ увидѣла, что слезы ея сохаютъ, улыбка оживляетъ черты, безумная веселость блещетъ въ глазахъ. Переходъ этотъ былъ такъ незапенъ, что она не могла объяснить его себѣ иначе, какъ приписавъ мгновенному затмѣнію разсудка. Она не въдала еще, что сердце человѣческое, когда угасло въ немъ чувство долга, похоже на судно безъ руля и парусовъ, которое вѣтеръ приноситъ иногда къ гавани, но тотчасъ же противный вѣтеръ угоняетъ въ от-

крытое море, въ среду бурь, которымъ суждено ему служить вѣчной игрушкой.

— Опомнитесь, сказала она: — намъ некогда терять ни минуты. Пойдемте со мною, мы отыщемъ вашу матушку. Я поговорю съ нею, и ручаюсь вамъ, что она проститъ васъ. Но, ради Бога, отойдите дверь и убѣжимъ.

— Зачѣмъ бѣжать? спросила Сисинделла. — Развѣ намъ худо здѣсь? Чего намъ не достаетъ? Чтò нужно женщины, чтобъ быть счастливой? Пить, ѣсть, спать и танцовать. Ушла бы я отсюда, моя красавица, еслибъ не было здѣсь провизіи ча обѣдъ, кавалера протанцовать бурно, музыканта сыграть танецъ. Слава Богу! нынче все это у насъ есть: а до остальнаго чтò за дѣло? Подумать успѣемъ и завтра. Умѣете ли вы танцовать безарисезъ, милая?

— Ахъ! воскликнула Бланка: — видно, я обманулась. Ради Бога! прибавила она голосомъ, въ которомъ негодованіе пробивалось сквозь улыбку: — выпустите меня отсюда; я не могу и не хочу васъ слушать. Отоприте мнѣ!

— Васъ рѣшительно не прельщаетъ наша веселая жизнь, возразила Сисинделла. — Видно, что вы еще не испытали ея. Погодите въ-сколько дней — послѣ не разстанетесь съ нею. Если стѣны здѣшнія вамъ не нравятся, то вы долго въ нихъ не пробудете; мы мнѣняемъ пріютъ чаще птицъ перелѣтныхъ, и гоняемся за весною изъ края въ край. Что до меня, мнѣ всегда есть въ лѣсу мягкая постель изъ листьевъ; а если озябну, всякій изъ нашей шайки готовъ прикрыть меня своимъ плащомъ и даже кафтаномъ. Если вы любите нарядныя платья и вещицы, только мягните — Гонтранъ, чтобъ угодить вамъ, способенъ сходить за уборами къ самой госпожѣ Ламот-Гонренъ, или госпожѣ Адрѣ, рискуя дорогою попасть на висѣлицу.

— Но гдѣ же я? спросила наконецъ дѣвица Сассенажъ. — Чего хотятъ отъ меня эти люди?

Сисинделла захохотала.

— Ха, ха, ха! Хороши вопросы, милая! Гдѣ вы? Этого я сама не знаю; едва-ли съ недѣлю еще поселились мы въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ. Чего хотятъ отъ васъ? ха! ха! ха! сами знаете не хуже моего.

Раскрасоточку дѣвицу
 Принцъ дорогою повстрѣчалъ,
 Повстрѣчалъ.
 Онъ отвезъ ее въ свѣтлицу,
 Крѣпко заперъ тамъ,
 Заперъ тамъ.
 А свѣтлица та въ бойницѣ;
 Тамъ красотку цаловалъ,
 Цаловалъ,
 Миловалъ...

Между-тѣмъ, какъ Сисинделла пѣла немного сильнымъ голосомъ эту ритмичную пѣсенку, щеки Бланки зардѣлись. Явно было, что

она попала въ вертепъ разбойниковъ и не могла надѣяться никакой помощи отъ этой женщины. Мысль, что похитители немедленно ворвутся, еще сильнѣе поразила умъ ея. Она кинула быстрый взглядъ кругомъ, смотря, нѣтъ ли какого-нибудь средства къ спасенію; но стѣны были толсты, дверь заперта на ключъ, узкое отверстіе щелей для стрѣльбы не оставляло ей никакой надежды вырваться.

Вдругъ лучъ радости сверкнулъ въ глазахъ ея: она увидѣла на старомъ ларѣ наточенный ножъ, лежавшій тутъ несложеннымъ. Улучивъ минуту, когда Сисиделла повернулась спиною, она завладѣла этимъ оружіемъ, проворно спрятала его подъ плащъ, рѣшась сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вынудятъ обстоятельства, и во что бы ни стало предупредить оскорбленіе, которое ей видимо угрожало.

Потомъ подошла она къ очагу, сѣла на скамью, и, не слушая словъ подружки, предалась думамъ, какія могло внушить ей подобное положеніе. Не опасность, ей грозившая, занимала однако ее всего сильнѣе: оружіе, которымъ она запаслась, служило теперь обезпеченіемъ ея чести. Но не могла она забыть, какимъ опасностямъ подвергался Эмѣ Веръ, и воспоминаніе это удвоило горечь ея плача.—«Можетъ-быть» думала она: «охота сію минуту начинается. Богъ вѣсть, чѣмъ она кончится! Ахъ, я несчастная, для чего я промолчала! Стояло ль труда бѣгать всю ночь, подвергаться столькимъ опасностямъ, чтобъ сохранить тайну, которую мнѣ доверили! Не лучше ли бѣ было Магдалинѣ обратиться съ открытіемъ къ кому-нибудь другому? Не измѣнила ли я слову, которое дала ей? Да, я должна была сказать, и если стрѣлокъ теперь погибнетъ, виновата въ его смерти буду я! Да; не надо было колебаться: надо было все ему открыть, хотя бы пришлось умереть со стыда!.. О! что мнѣ дядя? Чтобъ спасти виновнаго, не-уже-ли нужно было губить невиннаго? Безумная! я хотѣла его сберечь, и не подумала, что тысячи обстоятельствъ могутъ помѣшать моимъ усиліямъ. Вмѣсто всей опоры, я дала ему тростинку.

Отъ такихъ размышленій, сердце Бланки надрывалось. Она понимала, что всякая исходившая минута могла быть роковою для стрѣлка, а между-тѣмъ, она была плѣнницей, и только отъ нечаянной милости неба могла ждать себя освобожденія.

До возвращенія разбойниковъ протекло однако еще нѣсколько времени. Воспользуемся этимъ срокомъ, даннымъ Бланкѣ, и перенесемъ въ верхнее жильѣ башни, куда зоветъ насъ другой интересъ.

Х.

Въ ту эпоху, когда происходили повѣствуемые нами событія, протестантизмъ дѣлалъ огромные успѣхи во Франціи. Тщетно герцогъ де-Гизъ, пламенный католикъ, котораго излишнее усердіе было иногда даже подозрительно,—тщетно герцогъ де-Гизъ, давно пра-

визшій кормиломъ государства, напругалъ всѣ усилія потушить расколъ при самомъ рожденіи. Ему удалось только ожесточить противъ своей власти всѣ провинціи, которыя приняли реформу, и которыхъ свободу совѣсти надѣялся онъ оковать своими указами. Публичное отправленіе новаго богослуженія не было терпимо ни въ одномъ мѣстѣ королевства. Положены были строгія казни пасторамъ, которые осмѣлятся, хоть тайно ночью, собрать около себя пять-шесть чело-вѣкъ для чтенія Библии, или толкованія какого-нибудь стиха изъ Евангелія.

Надо признаться, что мѣры эти, при всей своей суровости, не все лишены были благоразумія. Гоненіями на протестантовъ правитель-ство сдѣлало ихъ наконецъ истинно опасными, довело ихъ до необходимости вѣяться за оружіе на защиту своихъ вѣрованій. Сдѣлавшись до-того многочисленны, что могли собою образовать силь-ную партію, они твердо рѣшились поднять знамя возмущенія, и жда-ли только, чтобъ выискался предводитель, который былъ бы въ со-стояніи ими начальствовать и придать нѣкоторое единство волнені-ямъ разныхъ провинцій.

Предводитель скоро явился. Принцъ Кондэ, братъ короля наварр-скаго, честолюбивый и отважный, имѣвшій сверхъ-того поводъ къ неудовольствію на герцога Гиза, сталъ во-главъ кальвинистской партіи, къ которой въ то же время прикнули всѣ бароны, по тѣмъ или другимъ причинамъ недовольные дворомъ, и могшіе что-нибудь вы-играть отъ смуты.

Религіозный вопросъ, хотя связанный черезъ это съ вопросомъ по-литическимъ, не утратилъ, однако, ни мало своей важности. Проте-станты, подкрѣпляя права принцевъ бурбонскихъ, прежде всего тре-бовали себѣ права свободно молиться Богу, не стѣняясь необходи-мостью скрываться. Католики, съ своей стороны, поджигаемые про-повѣдями нѣсколькихъ фанатиковъ-монаховъ, домогались больше всего истребленія еретиковъ, которыхъ представляли имъ мятежни-ками, святотатцами и безбожниками. Мы принуждены указать на эти факты, потому-что они придаютъ событію, о которомъ станемъ въ-послѣдствіи говорить, совершенно-особый характеръ, какого не вид-но въ религіозныхъ войнахъ другихъ странъ, и который составляетъ такую смѣсь интриги, пронырства, жестокости и фанатизма, какую довольно трудно себѣ представить.

Между партіями Гизовъ и Кондэ была еще третья партія, о кото-рой мы еще не упоминали: партія вдовствующей королевы, Кате-рины Медичи. Коварная Итальянка силилась удержать равновѣсіе за борющимися партіями, переходя то къ одной, то къ другой. Эта политика долго парализировала усилія «гугенотовъ», какъ называ-ли тогда реформатовъ; но наконецъ, воспользовавшись минутой, ког-да королева, по-видимому, благопріятствовала ихъ дѣлу, они со-ставили по всему протяженію Франціи обширный заговоръ, кото-раго исполненіе отерочено было до весны.

Это происходило зимою 1561 года, то-есть, въ эпоху, когда начи-

нается наша повѣсть. Множество протестантскихъ бароновъ, которыхъ политика правительства заставила-было перемѣнить отечество, тихомолкомъ возвращались со всѣхъ концовъ границы. Еще не смѣя показываться открыто, они принуждены были скитаться по лѣсамъ, или искать пріюта въ покинутыхъ замкахъ.

Нѣсколько такихъ изгнанниковъ укрывались въ башнѣ, куда ввели мы читателя въ предъидущей главѣ. Мѣсто было пригодное для ихъ плановъ. Развалившійся замокъ, гдѣ они жили, заключалъ въ себя, какъ и всѣ почти старинныя баронскія жилища, множество тайныхъ выходовъ, которыми можно было убѣжать, въ случаѣ, если бъ какаи-нибудь измѣна открыла это пристанище. Лѣстница, проведенная въ толщѣ стѣны, сходила изъ перваго этажа въ обширныя подземелья, откуда выходъ терялся въ глуши лѣса. Графъ Франсуа Сассенажъ, чей собственностію былъ замокъ, зналъ въ немъ всѣ закоулки и самъ помѣстилъ тутъ своихъ товарищей по изгнанію и сообщниковъ. Здѣсь-то происходили, около мѣсяца, свиданія окрестныхъ дворянъ, которые, всякій съ своею цѣлью, намѣревались принять участіе въ предполагаемой войнѣ. Они съѣзжались для сношеній съ изгнанниками и доставляли имъ политическія извѣстія. Изгнанники же сами были, по-большей-части, дофинскіе бароны, ожидавшіе только сигнала къ войнѣ, чтобъ воротиться въ свои помѣстья, вооружить васаловъ и продолжать на бранномъ полѣ искъ, который дотоле производимъ былъ только въ превоотскихъ судахъ и слѣдственныхъ палатахъ.

Общество, собравшееся въ башнѣ, въ ту минуту, когда Бланка ожидала рѣшенія своей участи въ залѣ нижняго жилья, было довольно-многочисленно. Бесѣдующіе помѣстились на грубыхъ скамьяхъ, натасканныхъ туда ночью изъ окрестныхъ деревенскихъ хижинокъ. Стоявшая на каминѣ лампа одна освѣщала покой, ибо тщательно заткнуты были всѣ отверстія оконъ, которыя, не имѣя ни рамъ, ни стеколъ, пропускали подъ своды рѣзкій зимній холодъ. Всякаго рода оружіе висѣло по стѣнамъ, а въ выдвижномъ шкафу видѣлись груды пшеничныя хлѣбы, вмѣстѣ съ кой-какими другими съѣстными припасами, которыхъ качество свидѣтельствовало добровольную или принужденную воздержность обитателей башни.

Между особами, составлявшими сборище, легко было узнать изгнанниковъ, по ихъ исхудалымъ лицамъ, длиннымъ бородамъ, поношеннымъ одеждамъ, и по той дикой грусти, какая отличаетъ людей, долго пробывшихъ чуждыми свободы, или хотъ просто сношеній съ обществомъ.

Но и они различались между собою тѣмъ чувствомъ, съ какимъ каждый изъ нихъ, по-видимому, переносилъ тяжесть общаго имъ положенія. Нѣкоторыхъ явно подкрѣплялъ угрюмый стоицизмъ, бывающій практическимъ слѣдствіемъ кальвинова ученія о благодати. Въ другихъ замѣтна была, если можно такъ выразиться, нѣсколько-натяннутая безпечность игрока, собирающагося кинуть на зеленое сукно послѣдній червонецъ. Таковы были преимущественно тѣ дворя-

не, которые въ религиозномъ вопросѣ видѣли только политической, и которые связали свою судьбу съ судьбою бурбонскихъ принцевъ.

Двериные, извнѣ прибывшіе на важное совѣщаніе этого дня, почти все изъ предосторожности были переодѣты въ чужое платье, чтобъ скрыть свою поѣздку отъ неусыпныхъ глазъ тревожной и подозрительной полиціи. Одни нарядились дровосѣками, другіе погонщиками муловъ, нѣкоторые купцами. Иные, наконецъ, ограничились тѣмъ, что только завернулись въ широкіе плащи, скрывшіе ихъ шелковые и бархатные кафтаны. Наибольшая часть ихъ пріѣхала довольно издалека, что легко обозначалось пылью, покрывавшею ихъ восточное платье.

Завѣтнѣе всѣхъ былъ Рено Монморъ, который покинулъ охоту съ нѣсколькими пріятелями, когда бѣгство горныхъ козъ позволило ему явиться на собраніе раньше, чѣмъ онъ налялся. Лицо его казалось еще пасмурнѣе обыкновеннаго, что можно было приписать отчасти воспоминанію о размолвкѣ съ братомъ ночью, отчасти важности обстоятельство, въ какихъ находились протестанты.

Не все заговорщики, повиданному, раздѣляли мрачную настроенность молодого барона. Нѣкоторые даже обнаруживали лишь одно безпокойство, свойственное людямъ, которые, проѣхавъ на-тошакъ нѣсколько льѣ, нетерпѣливо ждутъ обѣденной поры. Чтобъ пресѣчь стесненіе одного изъ такихъ людей, Энохъ Барбантанъ, стоявшій на ногахъ посреди собранія, замѣтилъ проголодавшемуся дворянину, что церковь предписывала строгій постъ цѣлую недѣлю, и сурово спросилъ у него, желаетъ ли онъ ослушаться велѣній церкви.

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ дворянинъ. — Но когда я былъ католикомъ, то могъ хоть прибѣгать къ разрѣшеніямъ. За какой-нибудь эку ялъ весь постъ скоромное. Однако, прибавилъ г. Шантемеръ, услышавъ ропотъ, поднявшійся во многихъ мѣстахъ залы на вольнодумство словъ его: — я вижу, что прогнѣваю почтенное собраніе; будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ. Не можете ли вы, баронъ Монморъ, объяснить мнѣ, зачѣмъ меня сюда призвали?

Рено кинулъ на дворянина взглядъ, въ которомъ выражалось негодованіе пополамъ съ презрѣніемъ, и, вмѣсто отвѣта, спокойно продолжалъ разговоръ, какой завелъ съ другимъ заговорщикомъ.

— Кажется, продолжалъ одинъ валанскій мѣщанинъ, который, извнѣ неосторожность отдать свою заднюю лавку въ наемъ для почтенныхъ собраній реформатовъ, принужденъ былъ бѣжать въ Женеву, чтобъ спастись отъ висѣлицы, и который довольно-недовко выдавался среди сборища:—кажется, ждуть графа Сассенажа.

— До коихъ же поръ намъ его ждуть? спросилъ одинъ баронъ, переодѣтый въ дровосѣка, но подъ платьемъ котораго еще виднѣлся одинъ изъ могущественнѣйшихъ и надменнѣйшихъ владѣльцевъ Домиэ. — Развѣ мы здѣсь подъ чьимъ-нибудь начальствомъ?

— Баронъ Латуръ-Дюпенъ, отвѣчалъ Рено:—вѣрно, не откажется оказать нѣкоторое снисхожденіе старцу, пострадавшему за наше святое дѣло въ то время, когда многіе, нынче прикидывающіе-

ся поборниками этого дѣла, были въ числѣ его гонителей. Немудрено, прибавилъ молодой баронъ, обращаясь къ собранію:—что дядюшка прѣдетъ сюда очень-поздно. И такъ, если позволите, я безъ него изложу важныя причины, побудившія насъ назначить совѣщаніе.

—Говорите! говорите! закричали ему со всѣхъ сторонъ.—Мы слушаемъ.

—Имѣю сообщить вамъ, господа, довольно-прискербную новость, которой однако намъ слѣдовало ожидать: Итальянка домирилась съ Гизами.

Слова эти сильно поколебали собраніе. Многіе дворяне, и преимущественно тѣ, для которыхъ торжество реформы было больше средствомъ, нежели цѣлью, вступили въ заговоръ единственно по надеждѣ найти защитницу во вдовствующей королевѣ.

Однако, когда шумъ утихъ, собраніе тотчасъ же снова приняло угрюмый и безстрастный видъ; начиналось разсужденіе о мѣрахъ противъ угрожающей невзгоды, какъ вдругъ Энохъ Барбантанъ выпрямился, и, вытащивъ изъ кармана книгу въ опойковомъ переплетѣ, вскричалъ рѣзкимъ голосомъ:

—Да гдѣ же я, господа? вѣрно, среди язычниковъ и мытарей. Не-уже-ли вы хотите приступить къ такому важному совѣщанію, не спросивъ напередъ содѣйствія Господа? Или не знаете, что Онъ единъ можетъ даровать вамъ мудрость на совѣты, какъ Онъ единъ даруетъ мощь на браня? Я запою, прибавилъ онъ смѣлченными тономъ:—восемьдесятъ-вторую пѣснь царя Давида, вновь переведенную и переложенную на-французскій мѣтромъ Клеманомъ Маро. Она находится на 120 страницъ женевскаго изданія.

—Постойте, достопочтенный докторъ! крикнулъ немедленно одинъ достойный пасторъ, находившійся въ числѣ изгнанныхъ. —Не ваше дѣло распѣвать здѣсь псалмы; я тутъ среди своей паствы, я собралъ ее на землѣ чуждой, и я веду ее въ землю Ханаанскую, подобно Моисею.

—Нечѣмъ, кажется, похвалиться! возразилъ Энохъ съ презрительнымъ видомъ.—Вы бѣжали отъ гоненія, какъ заяцъ бѣжитъ отъ охотника, тогда-какъ другіе оставались во Франціи, подобно Даниилу во рву львиномъ.

Споръ между собратами, вѣроятно, разгорѣлся бы еще болѣе, если бѣ одинъ изъ изгнанныхъ, виконтъ Крессоль, для восстановленія добраго согласія, не предложилъ имъ обоимъ вмѣстѣ пѣть спорный псаломъ. Но, слушая ихъ, всякій могъ убѣдиться, что гонимые у нихъ были еще въ большемъ разладѣ, чѣмъ умы. Впрочемъ, когда Ренѣ обнажилъ голову, всѣ послѣдовали его примѣру, и цѣлое собраніе хоромъ воскликнуло пѣснь царя-пророка. Крессоль, чело-вѣкъ съ тонкимъ слухомъ и незапальчивый неопитъ, несколько усмѣхался за шляпою, слушая этотъ концертъ.

По пропѣтіи псалма, Ренѣ Монморъ снова изложилъ цѣль совѣщанія, чтобъ каждый могъ подать свое мнѣніе о дѣлѣ. Онъ не скры-

мгъ, что отложеніе королевы могло повлечь отложеніе очень-многихъ заговорщиковъ, породить измѣны, разрушить протестантскую лигу, уронить дѣло принцевъ, и надолго замедлить торжество реформы. — Вопросъ въ томъ, сказалъ онъ наконецъ:—чтобъ рѣшить, должны ли мы, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, оставить или продолжать свое вооруженіе.

— Помилуйте! сказалъ, вскочивъ съ жаромъ, Крюссоль: — можно ли такъ говорить? Слушая васъ, подумаешь, что дѣло ни крошечки до васъ не касается. Господá, прибавилъ онъ, обращаясь къ собранію:—вопросъ вотъ въ чемъ: дѣло начато; всѣ мы пустили на ставку наши головы: должно ли же покидать игру, не переигравъ всѣхъ картъ до послѣдней?

— Прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться въ этомъ отношеніи, скажи одинъ изъ романскихъ консуловъ, присутствовавшій въ собраніи: — надо бы узнать, вѣрно ли извѣстіе, что королева Екатерина написала намъ.

— Я, съ своей стороны, не вѣрю, сказалъ Крюссоль.— Не то, чтобъ я полагаю на обещаніе вдовствующей королевы: она женщина и, что еще хуже, Итальянка. Но если бъ цѣлый свѣтъ увѣрялъ меня, что она отъ насъ отстала, повторю, я не повѣрилъ бы этому.

— Почему же такъ? раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Почему? отвѣчалъ улыбаясь Крюссоль: — потому-что ея величество, которую я почитаю по долгу каждаго вѣрноподданнаго, не ищетъ ни малѣйшей выгоды измѣнить намъ. Другаго удостовѣренія у меня нѣтъ, но это я считаю вѣрнѣе, чѣмъ всѣ письма адмирала.

— Не торопитесь радоваться, господá, сказала баронъ Латуръ-Дюпенъ.— Я получилъ вчера письмо отъ своего родственника Монтобана, который, какъ вамъ извѣстно, пажомъ при королѣ. Онъ уведомляетъ меня, что королева Екатерина кувала недѣлю назадъ съ герцогомъ, и что за десертомъ они поклялись другъ-другу въ вѣчномъ согласіи и дружбѣ.

— Что скажете на это, Крюссоль?

— Скажу, что герцогъ пропалъ. Обмануть онъ, а не мы, — готовъ мы ручаться головою.

— Довольно, г-нъ де-Крюссоль! вскричалъ одинъ дворянинъ, приржевецъ старой королевы.— Я не терплю, чтобъ такъ чернили при насъ ея величество вдовствующую королеву. Если вы станете продолжать въ томъ же тонѣ, я немедленно удалюсь.

— Ужъ вы такъ торопитесь насъ покинуть, г-нъ Сальвѣнъ? спросилъ, нахмуривъ брови, Ренд.

— Есть люди, ворчалъ одинъ изгнанникъ:—которые угадываютъ, откуда подуетъ вѣтеръ, прежде чѣмъ флюгеръ завертится.

Сальвѣнъ, подошедшій уже къ дверямъ, остановился и не смѣлъ ступить шагу. Крюссоль, не обращая вниманія на этотъ случай, продолжалъ развивать свое мнѣніе.

— Чего хочется герцогу? говорилъ онъ.— Повелѣвать и быть вла-

дыкою. А чего домогается королева? Того же, чего и всякая женщина: повелевать и быть владычицей. Ей хочется водить сына Карла, какъ водила сына Франциска, какъ водила прежде мужа, то есть, за носъ. Отъ-того она никогда не поладитъ съ Лотарингцамъ. Бй въ советъ нужны такіе люди, какъ Антонъ Бурбонскій, король наваррскій, люди, которымъ могутъ вскружить голову хорошенкіе глазки фрейлины и которые такъ запяты волокитствомъ, что имъ недосугъ думать о другомъ. Ручаюсь вамъ, что королева еще на нашей сторонѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, приподвѣлъ романскій консуль:—что жь бы такое могло въ одну недѣлю переменить мысли ея величества?

— Ну! Боже мой! кто это знаетъ? презрительно сказалъ Ренѳ. — Можетъ-быть, королева посовѣтовалась съ своимъ астрологомъ, гадалщицею, духовникомъ, любимымъ пажомъ, либо капельмейстеромъ, а мы не догадались напередъ расположить въ нашу пользу эти важныя лица. Не мудрено, что созвѣздія намъ не будутъ благоприятны.

— Я знаю изъ вѣрнаго петочника, возразилъ смѣясь Крюссоль:— что его свѣтлость пріептъ напередъ купилъ солнце, луну, Меркурія, Венеру, Оріона, Нептуна, Марса и всѣ прочія звезды небесныя. За духовника же не ручаюсь.

— Я вамъ говорилъ, сказалъ Ренѳ.—Еслибъ тогда меня послушали, дѣло обошлось бы безъ помощи Екатерины. Конечно, она ненавидитъ Гизовъ, но еще больше ненавидитъ протестантовъ. Попрѣйте, она охотибѣ вступить въ союзъ лично съ дьяволомъ, чѣмъ съ ними.

— Особливо, если протестанты дофинскіе бароны, которые помнятъ права и льготы своихъ предковъ, подхватилъ одинъ старый баронъ, поглаживая бороду. — Молитесь по-французски или по-латинѣ, ходите на проповѣдь или нѣтъ, вѣште постное или скоромное, королевѣ все равно. Дворянинъ, который хочетъ пойдти въ слуги ко двору, на ея глаза добрый христіанинъ. Вашъ батюшка, баронъ Монморъ, носилъ бы еще голову на плечахъ, еслибъ только поперешилъ своему приходскому священнику и пѣлъ псалмы Марѳ. Но онъ желалъ возобновить баронскую войну, вотъ въ чемъ его преступленіе. Въ томъ же теперь и наше.

— Коли такъ, шепнулъ романскій консуль на-ухо другому шпанину:—значить, дѣло до насъ не касается. Постараемся отвязаться, пока цѣлы.

Въ эту минуту, сильный шумъ изъ нижняго жилья прервалъ разсужденія.

— Что это такое? спросилъ Ренѳ. — какъ-будто женскій крикъ.

Всѣ умолкли и пристально слушали. Но не слышать было ничего, кромѣ звуковъ струннаго инструмента, на которомъ играла по-видимому искусная рука, довольно-веселой пѣсенки, пѣтой нѣжнымъ голосомъ, и нѣсколькихъ взрывовъ смѣха, которыхъ веселые раскаты, конечно, очень слабили отъ толстоты стѣнъ.

— Станемъ продолжать, сказалъ улыбувшисъ Крюссоль: — это

пустяки; люди, которые поютъ и танцуютъ, не могутъ замышлять худаго. Если не хотимъ, чтобъ повѣсы мѣшались въ наши дѣла, не станемъ и мы мѣшаться въ ихъ дѣла.

— Но что жь это за люди? возразилъ Ренó.

— Развѣ вы не знаете? съ удивленіемъ спросилъ Крюссоль.

— Нѣтъ, клянусь честью! Развѣ это тайна? Вы какъ-будто стыдитесь.

— Да и есть чего! проворчалъ одинъ молодой дворянинъ, котораго наружность дышала дикимъ энтузіазмомъ.

— Объяснитесь, Монбрёнъ, съ живостью сказалъ Ренó. — Отъ меня что-то скрываютъ.

— Отъ васъ скрываютъ, мессиръ, возразилъ свирѣпый изгнанникъ:— что мы цѣлую недѣлю живемъ подъ одной кровлей съ шайкою разбойниковъ, которые до-сихъ-поръ питаются только грабежомъ и убійствами. Отъ васъ скрываютъ, что мы призвали подъ знамена Господни ватагу убійцъ и мошенниковъ, людей, привыкшихъ попирать ногами всѣ божескіе и человѣческіе законы.

— Боже правый! воскликнулъ Ренó, вскочивъ съ негодованіемъ: — быть не можетъ. Никогда не повѣрю, чтобъ дворяне, христіане, вооружившіеся за вѣру, могли столько времени прожить въ такомъ сообществѣ.

— Э-эхъ! сказалъ Крюссоль, уже успѣвшій принять свое хладнокровіе: — какъ вы спѣсивы, мой милый! Еслибъ намъ удалось привлечь на свою сторону всѣхъ бродягъ провинціи, мы составили бы изъ нихъ рогу отчаянныхъ головъ, не хуже бриссаковой. Да въ чемъ вы упрекнете этихъ людей? По-большей-части, они старые солдаты, которымъ нѣчего вѣтъ, бѣдняки, которыхъ десятина и налогъ пустили по-миру. Въ военное время нельзя быть слишкомъ-разборчиву; тутъ, какъ говаривалъ мой отецъ, всякое оружіе хорошо, лишь бы ранило.

— Во всѣ времена, отвѣчалъ Ренó:— наши предки признавали, что есть оружія незаконныя, и не употребляли ихъ въ бояхъ. Если врага они раятъ, за то безчестятъ руку, которая осмѣливается ихъ употреблять.

При этихъ словахъ, Крюссоль захохоталъ.

— Прекрасно, мессиръ! сказалъ онъ. — Советую вамъ сдѣлать это замѣчаніе вашему дядюшкѣ, графу Сассенажу. Именно онъ и привелъ къ намъ этихъ честныхъ ратниковъ.

— Вы лжете, Крюссоль! сказалъ Ренó, вспыхнувъ въ лицѣ.

Крюссоль, вмѣсто отвѣта, схватился за шпагу, но общіе друзья вступались между противниками, и пасторъ-изгнанникъ довершилъ примиреніе, объявивъ, что онъ почти убѣжденъ въ обращеніи бродягъ.

Случай прошелъ безъ послѣдствій.

— Цолноге, господа! возразилъ одинъ изъ заговорщиковъ:— ужь и безъ того сколько потратили мы даромъ словъ и времени. На что же мы рѣдаемся?

— Надо подождать, сказалъ Шантемерль. — Если королева перемѣнилась сегодня, перемѣнится можетъ-быть опять завтра, а тогда увидимъ, что намъ дѣлать.

— Э! Боже мой! воскликнулъ Крюссоль: — намъ-то что за дѣла! Если королева не за насъ, такъ противъ насъ: только и всего. Развѣ ея юбка вамъ страшнѣе шпаги герцога Гиза?

— Срамъ, вскричалъ одинъ старикъ: — глядѣть, что собраніе дворянъ столько хлопочетъ о прихотяхъ женщины. Крюссоль правъ говорить: обойдемся безъ королевы.

— Обойдемся безъ королевы, сказалъ другой заговорщикъ. — За насъ, въ одной здѣшной провинціи, слишкомъ тридцать укрѣпленныхъ городовъ, больше двухъ-сотъ замковъ и селеній. Епископъ Валанса, который женился прошлый годъ, на нашей сторонѣ. Вся казачья конница въ Сен-Поль-Труа-Шато уже проповѣдуютъ реформу своей каѳедры. Въ недѣлю мы можемъ собрать больше восьми-сотъ конниковъ и слишкомъ десять-тысячъ пехоты подъ ружьемъ. Это разгонитъ капризы королевы Екатерины.

— Эхъ, господа! сказалъ Латуръ-Дюпёнъ, пожавъ плечами: — что значать ваши десять-тысячъ человекъ противъ полковъ Дезадрѣ? Хотите ли и безъ него обойтись?

— Онъ будетъ за насъ, если мы дадимъ ему начальство, сказалъ Крюссоль: — онъ старинный врагъ Гизовъ, радъ будетъ случаемъ отплатить.

— Нельзя ли, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ повывѣдалъ его планы? спросилъ Шантемерль. — Можетъ-быть, узнаемъ, надо ли и него надѣяться.

— Погодите, извѣдайте пучину моря, отвѣчалъ Латуръ-Дюпёнъ: — смѣряйте высоту горы Мон-Пельвю; все это будетъ легче, нежели узнать, что происходитъ въ душѣ этого человека.

— Могу васъ увѣрить, господа, промолвилъ Сальвёнъ: — баронъ Дезадрѣ ни на что не рѣшится безъ воли королевы.

— Ну, что жъ! отвѣчалъ беззаботно Крюссоль: — обойдемся безъ барона Дезадрѣ.

— Развѣ что такъ, возразилъ баронъ Латуръ-Дюпёнъ: — ну, это значить дѣйствовать, очертя голову, г. Крюссоль. Начнемте съ того, что откинемъ прочь всякій разсудокъ и всякое благоразуміе, перымъ помощниковъ въ такомъ предпріятіи, каково наше; потомъ, намъ легко будетъ обойтись безъ королевы и безъ барона, то-есть, безъ сердца короля, которымъ владѣетъ Итальянка, и безъ арміи, которая въ рукахъ Дезадрѣ. Тогда станемъ брать города безъ шпаги и кирасы; поведемъ войну, какъ ребята, съ трубкою, барабаномъ и деревянной саблей.

Множество дворянъ согласились съ мнѣніемъ Латуръ-Дюпёна. Романскій консулъ и прочіе мѣщане подали голоса въ томъ же родѣ. Но Рено, изгнанники и нѣсколько предводителей-авантюристовъ, молча слушавшіе совѣщаніе, громко обнаружили свое неудовольствіе.

— Какъ, господа! воскликнулъ Монбрёнъ: — развѣ это вы намъ

общали? Если интересы церкви васъ не трогаютъ; если вы не спѣшите погасить костры, пылающіе повсюду, вспомните хоть лестныя слова, какими вы насъ убаюкивали до-сихъ-поръ!

— Мессирь! сказалъ Латуръ-Дюенъ: — развѣ вы находите, что мы отступаемся отъ своихъ словъ?

— Если не отступаетесь, отвѣчалъ Монбрёнъ: — зачѣмъ же не велите ударить въ-набатъ по вашимъ приходамъ? Недвлю назадъ, вы клялись это сдѣлать.

— Правда! прибавилъ другой изгнанникъ: — зачѣмъ было призывать насъ сюда, сквозь тысячи опасностей? Не зачѣмъ ли, чтобъ видѣть, какъ обѣщанная вами гроза разлетается отъ малѣйшаго дуновения вѣтра?

— Намъ не остается ничего больше, подхватилъ другой: — какъ взять дорожный посохъ и воротиться въ «землю изгнанія».

Услышавъ эти слова, Энохъ Барбантанъ, котораго до сей минуты насилу удерживалъ баронъ Монморъ, не могъ долѣе скрывать овладѣвшаго имъ негодованія.

— Боже Израилевъ! воскликнулъ онъ, вскочивъ съ неистовымъ видомъ:—Ты внемлешь имъ и не обрушишь на нихъ своего гнѣва! Они помышляютъ о бѣгствѣ, а ты не повелишь рухнуть на нихъ стѣнамъ этой башни! Да идутъ же они путемъ погибели, какой избрали себѣ! Они приширились съ нечестіемъ, вняли голосу иноземки, которая сидитъ вечеромъ у окна и заманиваетъ прохожихъ. И пока спали они на груди ея, она развязала ихъ чресла, спрятала ихъ оружіе, вывѣдала ихъ тайну, остригла ихъ волосы и передала ихъ Филистимлянамъ. Но не нуждается въ ихъ пособіи святое дѣло, чтобъ восторжествовать надъ гонителями. Да! прибавилъ пасторъ, воздвѣвъ Библию въ рукъ: — мы возможемъ сокрушить звѣря, не требуя вашей помощи. Воротитесь по домамъ, укройтесь за стѣнами. Я пойду по селамъ, городамъ, площадямъ, торжищамъ; воззову къ оружію всѣхъ, кого коснулась благодать, кому Богъ силъ обложилъ сердце мѣдяною броней. Я стану во главѣ ихъ, если нужно; возьму въ одну руку пылающую головню, въ другую святую книгу; мы пожжемъ до основанія зѣмки и храмы, поразимъ безъ жалости мать съ младенцемъ, сына съ отцомъ, и воздымется въ странѣ такая буря, что вы сами въ ней погибнете, не смотря на тщетныя предосторожности, какія примете для своего спасенія!

Восторженный видъ Эноха, огонь, сверкавшій въ глазахъ его, пророческій тонъ его голоса произвели глубокое впечатлѣніе на собраніе.

— Достопочтенный докторъ говоритъ правду, сказалъ Крессоль: — мы поведемъ войну безъ васъ, господа; съ меньшей надеждою на успѣхъ, не скрываю... Это будетъ отчаянная борьба, но все-таки предантъ она, и вы раскаетесь, что не приняли въ ней участія и не достигли ея цѣли, то-есть, освобожденія страны, уничтоженія Гильовъ и всеобщаго благоденствія. Принцы того же домогаются. Размѣдите корошенько, и прежде, чѣмъ расстанемся, скажите правду, чего потребуе отъ насъ за ваше содѣяніе.

— Дело очень-ясно, отвѣчалъ Латуръ-Дюпенъ: — наше мнѣніе у всѣхъ одинаково: мы хотимъ имѣть на своей сторонѣ королеву Екатерину и Дезадрэ. Графъ Сассенажъ ручался намъ за нихъ обоихъ: пусть онъ сдержитъ свое обѣщаніе, мы сдержимъ свое.

Собраніе уже уменьшилось многими членами, которые, вѣроятно соскучась длиннотою бесплодныхъ толковъ, заблагоразсудили удалиться. Скоро протестанты остались только одни, и двое пасторовъ снова заплѣли псаломъ въ-заключеніе засѣданія.

— Ну, Рендъ, сказалъ Монбрёнъ, пожимая руку молодому барону, когда этотъ выходилъ вонъ: — что скажете, и что намѣрены вы дѣлать?

— Я уповаю на Бога! отвѣчалъ молодой кальвинистъ. — Черезъ недѣлю замокъ Монюръ приведется въ оборонительное состояніе. Будьте покойны, вы не удалитесь.

Сказавъ это, онъ вышелъ съ пасторомъ. Когда звукъ шаговъ ихъ пересталъ быть слышенъ, и когда безмолвіе и тишина замѣнили шумъ, недавно царствовавшій въ широкой залѣ башни, голоса изъ нижняго жилища явнѣ достигали слуха изгнанниковъ.

— Странно! сказалъ Монбрёнъ: — какъ-будто слышу тамъ плачь и крики. Посмотрю, пойду, что дѣлается тамъ у негодяевъ.

— Останься, любезный Монбрёнъ, поговоримъ лучше о нашихъ дѣлахъ, сказалъ Крюссоль, удерживая товарища за руку. — Не станутъ же эти повѣсы молчать, какъ трапписты или картезианцы. Всѣ прошедшіе дни слухъ нашъ потѣшался такой музыкой: видно, сегодня твои уши чувствительнѣе прежняго.

Монбрёнъ съѣлъ подлѣ приверженца Кондэ, и скоро они совершенно забыли авантюристовъ. Оставимъ ихъ бесѣдовать другъ съ другомъ и возвратимся къ дѣвицѣ Сассенажъ, которую не-хотя покинули въ самыхъ мучительныхъ терзаніяхъ, какія только можетъ испытать сердце женщины.

XL

Не смотря на свое смертельное безпокойство, Бланка иногда невольно чувствовала какую-то тайную надежду. Ей казалось — и это благочестивое вѣрованіе весьма понятно — ей казалось, что Богъ не можетъ покинуть ея въ такомъ бѣдственномъ положеніи. — Нѣтъ! думала она: — я не умру такъ рано, не умру вдали отъ родныхъ. Вдали отъ тѣхъ, кто меня любитъ; не умру, когда въ моихъ рукахъ судьба другаго, когда я одна могу отвратить преступныя умыслы его враговъ. Господь сохранитъ меня для свершенія этого дѣла. Если жъ угодно будетъ Ему, чтобъ я потомъ умерла, Онъ меня покинетъ; но до-тѣхъ-поръ, пока отъ меня зависитъ спасти молодого человека, котораго дни въ опасности, Онъ даруетъ мнѣ жизнь, разумъ и силу, потребныя для достиженія цѣли. Ахъ! есаѣвъ

могла я увидѣть его хоть на минуту, поговорить съ нимъ, сказать лишь нѣсколько словъ, потомъ пусть упаду я бездыханна на землю...

Однакожь эти утѣшительныя размышленія не были продолжительны. Шумъ шаговъ, раздавшійся на дворъ, скоро прогналъ ихъ. Бланка подумала, что шумъ возвѣщаетъ приходъ Гонтрана; вскочивъ, по чувству невольнаго ужаса, она бросилась въ темный уголъ камина, сжимая въ рукѣ оружіе, бывшее теперь ея единственнымъ прибѣжищемъ.

Между-тѣмъ, Сисинделла торопливо встала.

— Наши идутъ! сказала она: — я слышу гитару трубадура. Ну! готовьте ноги, красавица! мы сейчасъ станемъ танцовать.

Дверь отворилась, и въ нее хлынула дюжина сорванцовъ, съ музыкантомъ впереди; этотъ былъ красивый, черноволосый дѣтина, загорѣлый отъ южнаго солнца, съ приѣмами нѣсколько — измѣженными.

— Привѣтъ прекрасной изъ прекрасныхъ, утреннему свѣтилу, звезда почи! сказалъ онъ, низко кланяясь Сисинделлѣ. — Увы! я не смыкалъ глазъ съ-тѣхъ-поръ, какъ разстался съ вами.

— Тебѣ же стыдно, дѣнтяй, отвѣчала Сисинделла, оттолкнувъ трубадура, хотѣвшаго ее поцаловать: — пусти посмотреть, какую провизию принесли товарищи.

Въ-самомъ-дѣлѣ, большая часть разбойниковъ пришли съ добычею, подобно Тиббѣ и Гонтрану. Одни несли мѣха съ виномъ или деревяннымъ масломъ; другіе масло, сало, окорока, сыръ. Всѣ горлачили на-пропалую, и требовали отъ экономки завтрака, который, по ихъ словамъ, они достаточно заработали.

— Чортъ возьми! вскричалъ одинъ изъ висельниковъ: — пора пощировать! Пѣлую недѣлю постимся мы тутъ; у меня ужъ остались только кости да кожа.

— Я одинъ осушу этотъ мѣхъ, говорилъ другой: — чтобъ залить горе и утѣшиться въ вашей суровости, Сисинделла.

— Все такъ, все такъ, промолвилъ третій: — но мы нарушили условія, какія заключили съ нашими любезными союзниками. Они наняли насъ съ тѣмъ, чтобъ мы были кротки, какъ дѣвушки, покамѣстъ войны. Тамъ, у насъ ужъ будутъ развязаны руки; но до-тѣхъ-поръ, право, надо быть смириѣе. Увидите, что они разсердятся, и почтенный исторъ прійдется читать намъ каждый день проповѣди, а это куда-къ весело!

— Если разсердятся, такъ прійдутъ намъ сказать, возразилъ одинъ разбойникъ: — а мы отвѣтимъ остріемъ кинжаловъ.

— Лучше бы поподчивать ихъ завтракомъ, сказалъ другой. — За столомъ все обдѣляется.

Во время этого разговора, Бланка, не шевелясь и притаивъ дыханіе, съ ужасомъ глядѣла на страшныя лица, бывшія передъ нею.

Нѣкоторые были, казалось, отставными солдатами, и сохраняли еще на себѣ лохмотья военнаго наряда, такъ же какъ и приѣмы, отличающіе старшихъ служивыхъ. Усы у нихъ были закручены; поярковыя шляпы,

измятыя отъ дождя, и гордо надвѣтыя на-бекрень, придавали имъ видъ удалства. Когда-то на нихъ, вѣроятно, была и обувь, ибо въ-которые слѣды ея виднѣлись еще на ногахъ.

Другіе, которыхъ прежнее ремесло было труднѣе угадать, носили камзолы либо слишкомъ-широкіе, либо слишкомъ-узкіе, и галуны, купленные Богъ-вѣсть гдѣ. На иномъ была красная куртка канатнаго плясуна, натянутая сверхъ мѣшанскаго кафтана. Другой влѣзъ въ лекарское платье, превративъ его рукава себѣ въ брюки. Третій щеголялъ въ бархатномъ плащѣ до того полиняломъ, что цвѣта его нельзя было разобрать. Были наконецъ и такіе, которыхъ рубища не имѣли названія ни на одномъ языкѣ, кромѣ развѣ языка своихъ хозяевъ. Впрочемъ, большая часть этихъ честныхъ людей не слышномъ, по-видимому, полнѣли отъ своего ремесла: они были сухопары и тонки, какъ длинныя рапиры, висѣвшія у нихъ при бедрѣ; члены ихъ, нѣсколько развихлые, казалось, уже были знакомы съ колесомъ. Словомъ, это былъ народъ, какой навѣрное можно повстрѣчать въ подозрительныхъ харчевняхъ, или подъ-сумерки въ глухихъ кварталахъ большихъ городовъ. По ихъ багровымъ носамъ, двусмысленнымъ взглядамъ, по ихъ хохоту, можно бы безобидно къ каждому изъ нихъ примѣнить слова поэта:

Лакомка, пьяница, отъявленный лжець,
Богохульникъ, хвастунъ, негодяй и подлець,
Запахъ петли овъ чуетъ на сто сажень вокругъ.

Послѣ бѣлаго обзора, Бланка отвернулась съ отвращеніемъ и страхомъ. Ей показалось, будто она перенесена какимъ-нибудь колдовствомъ на адскій шабашъ. Она крѣпче завернулась въ свой плащъ, и съ неописаннымъ терзаніемъ ждала, что будетъ. Ежеминутно боялась она, что ее замѣтитъ кто-нибудь изъ разбойниковъ въ темномъ углу, гдѣ она притаилась, или Сисинделла откроетъ ея присутствіе какой-нибудь шуткою, и такимъ образомъ выдастъ ее на дерзости и поруганіе мерзавцевъ, толпившихся въ башнѣ. Она еще полна была этихъ опасеній, какъ громкій хохотъ, огласившій комнату, вдругъ обратилъ ея вниманіе: она съ трепетомъ обернулась и сначала не поняла, что передъ нею было за зрѣлище. Она увидѣла старика, входившаго въ комнату со шляпою въ рукѣ, его вели двое слугъ изъ разбойниковъ, — которые съ шутливой важною представили бѣдняка шайкѣ.

— Любезные товарищи, сказалъ одинъ изъ нихъ напыщеннымъ тономъ: — честь имѣемъ представить вамъ его свѣтлость принца Рокамбо, Топинамбо и Тюрлюпинамбо. Онъ желаетъ присутствовать на одномъ изъ этихъ прекрасныхъ танцевъ, которые вы исполняли столь блистательно при всѣхъ европейскихъ дворахъ.

Общее «ура» встрѣтило эту рѣчь. Всѣ разбойники, одержимые какимъ-то вакхическимъ неистовствомъ, стали въ-кружокъ около мнимаго принца, и, взявшись за руки, начали веселую сарабанду, подъ музыку Ландольфа, запѣваго подъ гитару лангедокскій ро-

мансь. Кружокъ разорвался, но они продолжали выкидывать тысячные лѣпныхъ кривляніи, способныхъ скорѣе напугать, чѣмъ утѣшить старика, боязливо глядѣвшаго на нихъ. Старикъ этотъ былъ чело-вѣкъ небольшого роста, и, не смотря на лѣта, казался еще крѣпокъ. Если бъ не сѣдые волосы, согнутая спина и дрожащій голось, ему можно было бы дать лѣтъ тридцать: глаза его сохраняли всю жи-вотность, на щекахъ не было ни морщины, и когда онъ раскрывалъ ротъ, смѣясь или улыбаясь, за скулами его, снабженными почтенной бородою, къ удивленію, виднѣлись два ряда бѣлыхъ зубовъ. Отъ времени до времени онъ машинально ощупывалъ рукой свое поношенное платье темнобураго цвѣта, будто повѣряя, цѣла ли какая-ни-будь драгоценная вещь. Впрочемъ, осанка его и выраженіе лица по-казывали не столько испугъ дряхлаго старика, сколько неудоволь-ствіе челоуѣка, которому помѣшали въ исполненіи его плановъ. Онъ не могъ, однако, обманываться касательно намѣренія людей, дура-чившихся передъ нимъ: явно было, что они съ нимъ играютъ, какъ тагръ съ добычею, или, употребляя не столь высокое сравненіе, какъ кошка съ мышью. Они носились мимо его взадъ и впередъ, какъ арлекинъ передъ Жеронтомъ; кивали ему головою, косили ротъ, кривляли глаза, высовывали языкъ, и прыгали съ легкостью Скарамуша. Бланка поняла, что не она одна подвергалась въ эту ми-нуту поруганію отъ негодаевъ.

Наконецъ, трубадуръ пересталъ играть. Всѣ танцоры тотчасъ оста-новились и отвѣсили низкій поклонъ своему единственному вообра-жаемому зрителю. Потомъ они подставили ему шляпы, по образцу бродячихъ комедіантовъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ одинъ изъ нихъ плутовскимъ тономъ, протянувъ носъ и раздувъ ноздри, какъ ищѣйка, почувшая дичь:— ваша свѣтлость, соблаговолите бросить монетку! какой-нибудь тур-скій су! серебряную марку! генуэзскій флоринчикъ! испанскій ду-блончикъ! хорошенькій секинъ, новенькій, звонкій и поливзенькій, или какой-нибудь пистоль, окаранный Жидами! Я былъ мнѣялою на Авишійонскомъ-Мосту, знаю толкъ въ монетахъ. Обрѣзанный и об-грызанный червонецъ еще лучше серебряной монеты, хотя бы она была бѣлѣе плечъ молоденькой дѣвушки.

— Ваша свѣтлость, говорилъ другой, у котораго исподнее платье бы-ло кое-какъ пришилиено загнутыми булавами:—мы бѣдные дворяне, немножко обиженные фортуною, и употребляемъ на забаву путе-пественниковъ маленькіе таланты, какіе приобрѣли въ своихъ дол-гихъ разъѣздахъ. Мы не всегда были тѣмъ, что теперь, но свѣтъ юловъ плутовъ, которые обдираютъ до-нага честныхъ людей.

— Ваша свѣтлость, прибавлялъ хриплымъ голосомъ третій, изъ кармана котораго торчала пара игральныхъ костей и колода засален-ныхъ картъ:—угодно ли вамъ добраго совѣта и наставленія? Из-юльте! Не ловѣряйте игорному дому, гдѣ ночью отворена дверь съ зажженнымъ фонаремъ для приманки мотыльковъ. Не вѣрьте пу-стыгъ сънутри косточкамъ, которѣхъ на вѣсахъ не взвѣсишь, и ко-

торья всегда повертываются на двойной тузъ либо двойную шестерку.

— Не слушайте этого картежного обиралы, говорилъ басомъ еще одинъ негодяй, родъ фанфарона съ длинными усами, носившій огромную шпагу, которой гордо-поднятое остріе, казалось, угрожало небу:— не слушайте его. Если есть съ вами туго-набитый кошелекъ, поручите его мнѣ. Я дважды на своемъ вѣку ходилъ на поклоненіе св. Іакову въ Галицію, и цѣлые пятнадцать лѣтъ служилъ въ гвардіи святѣйшаго отца.

— Ахъ, господа! отвѣчалъ путешественникъ, роаясь у себя во всѣхъ карманахъ: — какъ порадовали вы меня своими танцами! Вы скакали, какъ ангельчики! При дворѣ не танцуютъ лучше. Вы стояли бы имѣть лучшихъ зрителей, нежели старика, чуждаго свѣту и неспособнаго оцѣнить васъ вполнѣ. Право, хотѣлось бы, чтобъ вы повторили ваше представленіе передъ господиномъ романскимъ превотомъ, или господиномъ валанскимъ сенешалемъ: они наградили бы всѣхъ васъ по заслугамъ.

Говоря это, путешественникъ засовывалъ руки въ карманы, будто готовясь достать оттуда какое-нибудь сокровище; но, перешушавъ всю подкладку платья, не нашелъ ничего, кромѣ старой истертой книги, четокъ, бича, и нѣсколькихъ деньѣ, которые составляли, какъ говорилъ онъ, все его имущество.

— Не-уже-ли мы даромъ потеряли время? воскликнулъ мѣняло, приготовившій мѣшокъ для укладки стариковыхъ червонцевъ.— Надо обыскать его, друзья. Ну! проворнѣе!

Двое или трое разбойниковъ тотчасъ кинулись на плѣнника, но поиски ихъ были безплодны: они не нашли ни мѣднаго лиарда въ карманахъ бѣдняка.

— Сердце мое, казначей! сказалъ трубадуръ:—нѣчего тебѣ нынче прятать, кромѣ благодарностей и похвалъ.

— Нѣтъ, клянусь большимъ колоколомъ св. Петра! сказалъ храбрецъ: — этому не бывать. Плюю на друзей и союзниковъ, я хочъ спастись по-своему. Я обѣщалъ свѣчу св. Панкрасу, и свѣчу нужи мнѣ дюжую. Если этотъ бездѣльникъ, отъ котораго такъ и несетъ еретикомъ, забылъ свой кошель, я готовъ сходить къ нему домо за деньгами. Ну, старый сычъ, говори, кто ты? гдѣ твое гнѣздо?

— Лавалёръ правду говоритъ, сказалъ игрокъ. — Я вчера проигралъ тридцать пистолей на-слово, а долги надо честно платить. Ну же! отвѣчай, старый пиковый король, гдѣ твой замокъ?

— Увы, господа! отвѣчалъ путешественникъ, начинавшій дрожать: — у меня нѣтъ ни замка, ни дома. Я просто бѣдный братъ—лекарь общины св. Козьмы, хожу по провинціи поправлять сломанныя члены, поврежденные головы, разбитыя челюсти, перевязывать язвы и раны. Я не могу заплатить никакого выкупа, потому-что моя община дала обѣтъ не дотрогиваться ни до золота, ни до серебра. Если понадобятся вамъ когда-нибудь мои услуги, можете на менѣ

положиться: рука у меня вѣрная и легкая, и за леченье не попрошу ничего, кромѣ добраго спасибо, какъ повелѣваетъ нашъ орденъ.

Ипритворный тонъ старика сильно озадачилъ придорожныхъ промышленниковъ. Братство св. Козьмы славилось въ то время какъ нищетою, вошедшею въ пословицу, такъ и услугами страждущему человечеству. Выгоднѣе было бы поймать самаго смиреннаго брата-послушника ордена св. Бенедикта, чѣмъ отца-настоятеля общины лекарей. Отъ-того-то лицо казначея изъ блѣднаго, какимъ обыкновенно бывало, сдѣлалось желтымъ какъ его камзолъ, когда услышалъ онъ отъ пѣвника объ его званіи и ремеслѣ. Старикъ, напротивъ, нѣсколько успокоился на-счетъ своей участи, насилу скрывалъ удовольствіе, которое чувствовалъ, и собрался выйти вонъ, въжливю откланявшись честной кампаніи. Но радость его была непродолжительна.

— Клянусь теорбой короля Ренé! вскричалъ трубадуръ:—не-уже-ли это правда? Ты лекарь, старинушка? Коли такъ, стой! Мы скоро идемъ въ походъ съ нашими друзьями гугенотами; ты будешь у насъ эскулапомъ! Поутру ты былъ братъ общины св. Козьмы, а вечеромъ будешь братъ общины св. Варравы; одно другаго стоить. Не правда-ли, товарищи?

Выдумку трубадура приняли съ восторгомъ всѣ разбойники, исключая авиньйонскаго мѣнялы, который лучше бъ желалъ припрятать добрый выкупъ, чѣмъ кормить лишній ротъ.

— Молодецъ Ландольфъ! сказалъ картежникъ: — у него всякая мысль стоить чистаго золота.

— Глупецъ! возразилъ казначей, пожавъ плечами: — на какихъ всахъ взвѣшивалъ ты когда-нибудь мысль? Всякая блеска золота перетянетъ чашку, хоть бы ты съ другой стороны навалилъ всѣ мысли Аристотеля и свои въ-добавокъ. Всѣ мысли одинаково легки, любезный, и тѣ, у кого ихъ цѣлыя тысячи, нисколько отъ нихъ не бываютъ богаче.

Между-тѣмъ, одинъ изъ мошенниковъ, игравшій, какъ онъ говорилъ, въ мистеріяхъ роль «добраго разбойника», неслушая философскихъ разсужденій мѣняла, подошелъ къ путешественнику, будто для привѣтствія.

— Поздравляю васъ! сказалъ онъ гнусливымъ голосомъ.— Два мѣсяца назадъ, повѣсили въ Греноблѣ мэтра Фракасса, который былъ нашимъ Лукою, за то, будто-бы, что онъ переломалъ ногъ больше, нежели поправилъ, и перегубилъ болѣе больныхъ, чѣмъ съумѣлъ вылечить. Между нами сказать, это часто случается съ монпельёскимъ лекарями, хоть ихъ и не въшаютъ. Вы замѣните намъ его, любезный братъ св. Козьмы, желаю вамъ лучшаго счастья. А за работою вамъ у насъ дѣло не станетъ.

— Разумѣется! возразилъ Ландольфъ, подхвативъ старика подъ руку:—вѣдь, кромѣ барышей нашего веселаго промысла, не забудете, что госпожа Сисинделла хвораетъ иногда мигренемъ. Надѣюсь, что машь новый товарищъ, кромѣ лекарскихъ познаній, владеетъ

также кой-какими средствами для облегченія дамъ, которыя, одѣваясь, уколаютъ сердце булавкою или у которыхъ заведутся черныя бабочки въ головѣ.

— Ахъ, молодой человекъ! отвѣчалъ лекаръ, силясь улыбнуться: — недуги, про которые ты говоришь, труднѣе лечить, нежели язву, каменную болѣзнь и антоновъ-огонь. Однако, примолвилъ онъ:—если ужъ вы непременно хотите держать меня при себѣ, дайте же мнѣ срокъ сходить въ монастырь за инструментами.

Сказавъ это, старикъ опять пошелъ—было къ двери. Но бывший членъ страстнаго братства остановилъ его за рукавъ, объявляя, что у него цѣль приборъ мэтра Фракасса, состоявшій изъ пары ножницъ, ножа иззубреннаго на-манеръ пилы, стараго тесака, служившаго ему для дерганья зубовъ, и ржавой иголки для зашиванія ранъ.

— И такъ, возлюбленный братъ, продолжалъ онъ, вперивъ жадный взглядъ на полинялое платье путешественника:—вы можете остаться съ нами. Теперь намъ надо только поцаловаться въ знакъ дружбы и обмѣняться кое-чѣмъ. Я, напримѣръ, подарю вамъ этотъ прекрасный кафтанъ, который я купилъ, двѣ недѣли назадъ, въ Карпантра; а вы, взаменъ, просто отдадите мнѣ свою рясу.

Какъ ни поношена была ряса, а стояла вдесятеро противъ кафтана добраго разбойника. Старикъ по-видимому отнюдь не хотѣлось такого обмѣна. Онъ даже оттолкнулъ новаго пріятеля гораздо-сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ человека его лѣтъ.

— Послушайте, сказалъ онъ наконецъ, почесывая за ухомъ, какъ человекъ, собирающійся сдѣлать трудный шагъ.—Минутку терпѣнья, а пуще всего не горячитесь. Признаться сказать, друзья, я просто хотѣлъ пошутить съ вами. По-настоящему, я съ роду не развертываю одной лекарской книги; не умѣю выдернуть зуба; а если доведется рѣзать вамъ палецъ на ногъ, того-гляди что отрѣжу всю ногу. Нѣтъ, я не изъ тѣхъ людей, которые живутъ болѣзнию ближняго, которые жирѣютъ отъ чужой худобы, которые объдаютъ на-счетъ колодезь, а ужинаютъ отъ горячекъ. Нѣтъ, я не лекаръ. Сами видите, что на мнѣ нѣтъ ни рясы, ни веревки, ни чотокъ братства св. Козьмы.

Слова эти подняли въ собраніи смутный ропотъ, сопровождаемый нѣсколькими взрывами смѣха. Большая часть разбойниковъ хотѣли потѣшиться надъ старикомъ, но не были намѣрены простираеть шутку далѣе. Передъ ними стояло вино и сѣбное, а этого достаточно было, чтобъ дать имъ пріятное занятіе и отвлечь отъ другихъ заботъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ они не погнались бы и за лучшей добычей, нежели та, которую доставилъ имъ случай. Но такое безкорыстіе не было въ характеръ мнѣяла и двухъ или трехъ похожихъ на него мошенниковъ. Эти обыкновенно дѣйствовали въ предпріятіяхъ не столько смѣло, сколько осторожно, и оказывали всегда больше жестокости, чѣмъ храбрости. Они уже смекнули, что мнимый братъ св. Козьмы былъ не тѣмъ, за кого выдавалъ себя.

Нѣкоторые взгляды, нѣкоторые пріемы заставили ихъ подозрѣвать, что путешественникъ въ силахъ дать за себя хорошій выкупъ. И потому, услышавъ его признаніе въ переодѣваніи, они думали, уже только о способахъ вывѣдать изъ него всю правду и принудить открыть настоящее свое имя и званіе. Между-тѣмъ, какъ товарищи ихъ сѣли за столъ, вынимали кеглики и кости, или наливали стаканы, въ ожиданіи обѣда, они отвели плѣнника въ сторону и стали его снова спрашивать. Но старикъ то-и-дѣло уклонялся, либо отбѣгалъ больше хитро, чѣмъ откровенно.

— Св. Матьё! сказала, качая головою, мѣняло:—не-ужь-то мы не сумѣемъ подобрать ключа къ этому старому сундуку?

— Я знаю ключъ, который подходитъ ко всѣмъ дверямъ, сказалъ добрый разбойникъ. — Лавалёръ! прибавилъ онъ, обращаясь къ папскому солдату: — попроси-ко хвороста у Сисинделлы. Мы его зажжемъ, и какъ-разъ увидимъ, чутки ли подошвы у этого старика луна.

Напрасно старикъ умолялъ, грозилъ, божился въ нищеть, и вертѣлся какъ бѣсъ въ кропильницѣ: мѣняло и добрый разбойникъ связали ему руки и ноги, и, снявъ съ него обувь, приготовились исполнить свое намѣреніе. Несчастнѣйшій братъ св. Козьмы вопилъ безъ памяти; но, не смотря на его крики, костеръ все-таки зажегся.

Дальше Бланка ничего не видала, ибо въ ту минуту вошелъ въ башню Гонтранъ, держа въ одной рукѣ стаканъ, а въ другой полуопорожненную бутылку. Онъ выступилъ на середину комнаты и окинулъ глазами вокругъ, будто ища кого-то.

— Чортъ побери! сказалъ онъ:—гдѣ жъ моя голубка? Не-уже-ли улетѣла? Какъ честный дворянинъ говорю, дорого заплатится тотъ, кто смѣлъ отворить ей клятку!

Слыша эти слова, дѣвица Сассенажъ надѣялась-было укрыться отъ взоровъ похитателя, благодаря дыму, наполнявшему комнату, в тѣнь уголка, гдѣ она притаилась. Но надежда ея была непродолжительна: Гонтранъ, дорожившій по-видимому своей добычею, допилъ бутылку, швырнулъ ее объ-нолъ, и поправивъ кружевной воротникъ, мотавшійся лохмотьями у него на груди, принялся шарить по всѣмъ угламъ башни. Скоро нашелъ онъ дѣвицу Сассенажъ и испустилъ радостный крикъ.

— Здравствуйте, моя Эвридика! сказалъ онъ, вѣжливо снимая шляпу.—Вы немножко заждались меня; но проказникъ Тиббъ все не шелъ изъ погреба, такъ я и оставилъ его на груди побѣжденныхъ, то-есть, на дюжинѣ выпитыхъ кувшиновъ. Ну, дайте жъ мнѣ ручку, милочка, да сядемте за-столъ, а потомъ и перешепнемъ кой-о-чемъ.

Съ этимъ словомъ онъ протянулъ дѣвущкѣ руку, чтобъ ввести ее въ кружокъ своихъ удаzychъ товарищей, которые, весело болтая, вознаграждали себя за долгій постъ и убирали за объ щеки жареныхъ цыплятъ, поданныхъ Сисинделлою.

— Прочь! воскликнула твердымъ голосомъ Бланка: — прочь, презрѣнный!

Величавый тонъ, какимъ произнесла она эти слова, смутилъ на минуту разбойника. Онъ однако скоро ободрился, и распростерши руки, чтобъ обнять стащъ Бланки, сказалъ:

— Bravo! я люблю крѣпко-запертые сундуки, плотно-закупоренныя бутылки, непріятеля, который защищается, красавиць, которыя не поддаются. Чортъ возьми! вотъ не ждалъ такой счастливой удачи...

Вмѣсто отвѣта, дѣвица Сассенажъ выхватила изъ-подъ плаща ножъ, который подъ нимъ спрятала, и, взмахнувъ остріемъ, заставила негодя отскочить на три шага. Она намѣрена была заколотъ его, если бъ онъ осмѣлился до нея дотронуться, и потомъ заколотъ себя, но не достаться живою въ руки этой шайки злодѣевъ.

— Громъ и молнія! вскричалъ Гонтранъ, неожиданной подобной выходки:—роза-то, кажется, съ шипами.

Между-тѣмъ, борьба ихъ обратила на себя вниманіе бродягъ. Многіе изъ нихъ опрометью вскочили и весело кинулись какъ-бы на помощь товарищу.

— Ter Teufel! сказалъ одинъ дюжіи рейтаръ, котораго языкъ, по природѣ неповоротливый, еще больше отяжелѣлъ отъ частыхъ совѣщаній съ стаканомъ:—жалъ, что я прежде не видалъ пригоженькой юнгфрау. Я бы приласкалъ ее.

— Э! хорошенькая дѣвушка! вскричалъ другой разбойникъ.—Гдѣ это ты изловилъ такую птичку, любезнѣйшій Гонтранъ? Изволь, я тебѣ поставлю за нее на три партіи костей всю свою долю добычи въ-продолженіе полугода.

— Прочь! сказалъ Гонтранъ. — Кто сунется, тотъ будетъ раздѣливаться со мною. А ты, милочка, брось эту игрушку: можешь обрѣзать ручки.

Бланка, видя рѣшительность противника, крѣпче сжала въ рукѣ ножъ и въ послѣдній разъ призвала св. Дѣву, прося защиты своей чести и прощенія въ поступкѣ, который готовилась совершить; но въ этотъ мигъ отворилась внутренняя дверь башни, и глубокое молчаніе смѣнилось вдругъ, будто чародѣйствомъ, страшный шумъ и гамъ, оглашавшій залу. Взглянувъ, дѣвица Сассенажъ увидѣла пятерыхъ или шестерыхъ вооруженныхъ людей, въ черномъ платьѣ, которые строго смотрѣли на онѣмѣвшихъ разбойниковъ. Еще нѣсколько человекъ сошли вслѣдъ за ними по круглой лѣстницѣ и молча стали позади первыхъ. Бланка тотчасъ угадала, что новыя лица отнюдь не принадлежали къ распутной шайкѣ, въ которую забросила ее злая судьба. Она тотчасъ кинулась къ ближайшему изъ нихъ, и упавъ на колѣни, вскричала:

— Кто бъ вы ни были, заклинаю васъ именемъ вашей супруги, вашей сестры, спасите меня!

— Милосердые господа! вскричалъ съ своей стороны братъ св. Козьмы, который уже чувствовалъ пламя у своихъ подошвъ и ба-

растался въ рукахъ добраго разбойника: — милосердые господа, спасите, спасите бѣднаго старика, который попалъ въ руки этихъ досмотрщиковъ, или, если не ошибаюсь, бродягъ.

Человѣкъ, къ которому прибѣгла Бланка, былъ молодой маркизъ Монбрёнъ. Ласково поднявъ дѣвицу Сассенажъ, онъ обернулся къ разбойникамъ и грозно спросилъ у нихъ, какимъ образомъ эта благородная дѣвушка очутилась въ башнѣ, и что за причина ея страха. Но бродяги, вмѣсто отвѣта, какъ ни въ чемъ не бывали, продолжали начатую оргію. Одни запѣли непристойныя пѣсни, другіе принялись причитать ругательства на сподвижниковъ реформы; иные играли, иные пили стоя изъ горла бутылки, либо схвативъ полныя мѣха, поднимали ихъ ко рту; нѣкоторые танцовали съ Сисинделлою, подъ гитару Ландольфа.

ХІІ.

Положеніе протестантовъ было весьма-щекотливо. Ссора съ разбойниками могла имѣть дурныя послѣдствія: кромѣ кровопролитія, она повлекла бы неминуемо какую-нибудь измѣну, ибо съ одного слова добрый разбойникъ или мѣняло были въ состояніи предать изгнанниковъ сенешалю провинціи. Съ другой же стороны, если бѣ дать имъ волю, не значило ли бы это сдѣлаться участниками ихъ мерзостей? Младшіе и болѣе-пылкіе изъ дворянъ желали немедленно избавиться отъ гнуснаго сосѣдства, и шпагами прогнать всѣхъ негодяевъ, что бы ни вышло отъ подобной мѣры. Но люди благоразумные замѣчали, что лучше покамѣсть взять терпѣніе, что они, такъ-сказать, зависѣли отъ скромности бродягъ, и что крутой разрывъ непременно будетъ еще большею неосторожностью, чѣмъ необдуманнѣй союзъ, въ какой съ ними вступили. Не смотря на свое отвращеніе, Монбрёнъ принужденъ былъ согласиться съ этими доводами: особенно склонила его мысль, что борьба оружіемъ могла сдѣлаться гибельною дѣвушкѣ, которая прибѣгла подъ его защиту. И такъ, рѣшено-было войти въ переговоры съ бродягами, чтобъ вытребовать у нихъ свободу плѣнникамъ и обязать ихъ строже сохранять впредь условія, которыя они заключили.

Люди, бравшіеся за такое трудное дѣло, были, разумѣется, самые миролюбивые изъ общества. Это честный валанскій мѣщанинъ и почтенный пасторъ, соперникъ Барбантана. Первый, выступивъ въ средину разбойниковъ, попросилъ немножко унять шумъ.

— Любезные друзья, сказалъ онъ: — послушайте! Хочу говорить вамъ о нашихъ общихъ выгодахъ. Если вы станете такъ горланить, того-и-гляди сюда явятся стрѣлки.

— Тише! закричалъ добрый разбойникъ. — Дайте вымолвить слово сенатору. Онъ пришелъ отъ имени Каіафы и Пилата. Послушаемъ, что онъ скажетъ. Я самъ по опыту знаю, что для комедіанта во

время представлення нѣтъ ничего обиднѣе, какъ видѣть невниманіе зрителей.

— Доброе дѣло! сказалъ игрокъ, наливая стаканъ: — но прежде, чѣмъ увидимъ, какую карту онъ ставитъ, надо пригласить молодыхъ промочить горло.

— Спасибо, любезный, отвѣчалъ пасторъ, отталкивая стаканъ.— Нынче постный день, слышишь ли? ты долженъ бы вспомнить; это не испортило бы дѣла. Ну, такъ-и-быть. Я былъ въ числѣ требовавшихъ вашего союза, и дѣлалъ это не съ мірскими цѣлями, какъ капитанъ Гартманъ и нѣкоторые другіе; что, въ-самомъ-дѣлѣ, значать для насъ нѣсколько лишнихъ рукъ въ сраженіи? Богъ нашъ есть Богъ браней и не нуждается ни въ комъ для торжества своего святаго дѣла. Но я пришелъ къ вамъ для вашего блага, пришелъ воззвать васъ къ новой жизни. Мы сокрушили цѣпи рабовъ, преобразовали нравы церкви, зовемъ всѣхъ людей на одинъ пиръ. Мы хотимъ дать вамъ одежды льняныя, пригласитъ васъ на брачный праздникъ, и посадитъ за столъ домовладыки. Вы блудные сыны семейства, и я хочу заклатъ упитаннаго тельца при вашемъ возвращеніи.

— Вы читаете проповѣдь, любезный братъ, сказалъ другой старикъ, дернувъ оратора за рукавъ:—вы читаете проповѣдь. Какіе тутъ блудные сыны! Каждый изъ этихъ господъ, по-крайней-мѣрѣ, возсталъ противъ роднаго отца и приколотилъ мать. Это сухая смоковница, отъ которой нѣчего ждать плода. Господа, прибавилъ онъ громко, принимая стаканъ отъ игрока:—сведемъ полюбовно наши маленькіе счеты. Пью за ваше здоровье и за здоровье вашей супруги (тутъ мещанинъ поклонился Сисинделлѣ). Не скажу, подобно товарищу, что я очень радъ быть посреди васъ. Охотнѣе сидѣлъ бы я теперь у себя въ лавкѣ и продавалъ мои пряности. Но чѣловѣкъ всегда поздно спохватывается.

— Къ дѣлу, сказалъ мѣняло:—къ дѣлу поскорѣе!

— Готовъ, отвѣчалъ мещанинъ.—Мы съ вами заключали сдѣлку: вы ее нарушили, по праву сильнаго, я увѣренъ; отъ-того, по валансскому обычаю, мы и не взыскиваемъ съ васъ неустойки. Не поустраивайтесь, пожалуйста, выподвѣять впередъ свои обязательства безъ напоминаній.

— Къ чорту обязательства! сказалъ Гонтранъ.—Никакое въ свѣтѣ обязательство не помѣшаетъ мнѣ жить какъ хочется, пить какъ вздумается, пить въ любое время и волочиться за дѣвушками. Трусы будете всѣ вы, если позволите вступаться въ ваши дѣла и давать вамъ законы.

Мѣняло, оставившій брата св. Козьмы и подомедшій къ товарищамъ, не могъ скрыть неудовольствія при этихъ словахъ.

— Ты безумецъ! сказалъ онъ:—ты самъ не знаешь, что дѣлаешь. Ты теряешь сто на сто въ промѣнѣ. Если будешь такъ говорить, наши друзья и союзники разсердятся и не возмутъ насъ на войну.

— Тѣмъ лучше! подхватилъ игрокъ.—Мы остались-было въ дура-

какъ отъ договора. Къ какой стати, скажите, пожалуйста, надѣвать намъ на себя ошейникъ и привязываться къ кому-нибудь?

— Коли ошейникъ золотой, такъ барышъ очевиденъ, отвѣчалъ мѣняло. Сверхъ-того, надо же намъ пристать къ чьей-нибудь партіи во время войны.

— Разумѣется! сказалъ игрокъ:—мы и пристанемъ къ своей собственной. Тотъ, кому въ ломберъ видны двѣ игры, всегда выигрываетъ.

— А условія-то! возразилъ мѣняло съ непривычной ему совѣстливостью:—а условія-то!

— Тысячу громовъ! возразилъ одинъ старый бродяга:—всѣ судьи, всѣ превоты, всѣ приставы, всѣ сенешали, всѣ бароны, всѣ сержанты, всѣ сторожа, вся мѣщанская и не мѣщанская гвардія королевская не могли помѣшать намъ дѣлать что хотимъ, а горсть еретиковъ вздумала намъ указывать! Чортъ побери! этому не бывать. Бей гугенотовъ! бей безбожниковъ! Всѣ мы вѣрные католики и хотимъ потѣшиться.

— Предвѣчный Боже! сказалъ мѣщанинъ:—попался я, какъ банкротъ, который уговариваетъ кредиторовъ подписать согласіе на уступку. Господа, послушайте разсудка, выпустите хоть эту дѣвушку.

— Чтò вы насъ морочите! вскричалъ Гонтранъ. — Коли хотите мириться, прибавьте вдвое жалованья. У васъ на это станетъ денегъ! А дѣвушку давайте назадъ,—не то, чортъ возьми! палаши наголо!

— Возлюбленные братья! сказалъ оробѣвшій пасторъ:—не-уже-ли хотите вы навлечь на себя гнѣвъ дванадцати колѣнъ, какъ то сдѣлали обитатели Гаваона, оскорбивъ жещу левита? Заклинаю васъ, будьте покорнѣе голосу того, кого послалъ къ вамъ Господь для указанія вамъ истиннаго свѣта. Не-уже-ли слова моцъ такъ мало подѣйствовали? Не-уже-ли вы еще не прозрите на свѣтъ правды?

— Прочь! возразилъ Гонтранъ:—молчи, старый болтушъ. Давно ужъ всѣ мы съ товарищами обращены на путь истины. Чортъ побери! Надѣюсь, мы вамъ не дѣлаемъ безчестія. Конечно, вы протестанты, но мы протестанты еще лучше васъ. Вы протестуете противъ папы, десятины, герцога Гиза. А мы, чортъ побери! мы протестуемъ противъ всего этого, да еще вдобавокъ противъ парламента, судей, законовъ, баронства, купцовъ, словомъ противъ Гизовъ и Бурбоновъ, противъ Рима и Женевы. Вотъ-такъ реформа! чортъ возьми! если вы вѣрующіе люди, вы бы у насъ поучились.

Эта дерзкая выходка возбудила хохотъ въ бродягахъ.

— Гонтранъ дѣло говорить, сказалъ добрый разбойникъ:—давно ужъ мы живемъ по правамъ патріархальнымъ. Никто изъ насъ не распоряжается, никто и не слушается. У насъ общій кошелекъ со всѣми людьми, потому-что мы всѣхъ людей считаемъ братьями.

Слыша такія пейстовыя рѣчи, Монбрёнъ не могъ долге обуздывать гнѣва. Онъ подошелъ къ столу и, приподнявъ его могучей рукою, опрокинулъ со всѣми стоявшими на немъ бутылками, блюдами и

стаканами. Этотъ смѣлый поступокъ раздражилъ разбойниковъ до крайней степени. Одинъ изъ нихъ тотчасъ нагнулся, поднялъ черепокъ стекла, и пустил имъ въ лицо Монбрёну. Къ-счастію, Монбрёнъ увернулся, и стекло разлетѣлось въ дребезги, ударясь объ стѣну. Бой становился неизбежнымъ. По счастливому случаю, у всѣхъ протестантовъ торчали за поясомъ заряженные пистолеты, между-тѣмъ, какъ бродяги, благодаря мудрой предосторожности графа Сасенажа, вовсе не имѣли огнестрѣльнаго оружія. Однакожь, видъ себя отъ ярости и пьянства, они обнажили рапиры и собирались ринуться на противниковъ, какъ вдругъ одинъ гугенотъ, выхвативъ пистолетъ, направилъ дуло на самыхъ дерзкихъ изъ нихъ.

— Злодѣи! сказалъ онъ:— если вы ступите еще шагъ, палачу уже нечего будетъ съ вами дѣлать.

Вопреки угрозѣ, одинъ изъ разбойниковъ дерзко бросился на дворянина, какъ-будто съ тѣмъ, чтобы его обезоружить. Но въ тотъ же мигъ выстрѣлъ огласилъ своды башни, и бродяга упалъ замертво посреди товарищей.

Это происшествіе вдругъ протрезвило шайку. Не смотря на увѣщанія Гонтрана, смѣлѣйшіе попрытали шпага.

— Что вы сдѣлали, г-нъ Крюссоль? воскликнулъ валанскій мѣщанинъ.

— Заговорилъ съ мерзавцами единственнымъ языкомъ, какой они понимаютъ, отвѣчалъ Крюссоль.— Убирайтесь вонъ сейчасъ отсюда! прибавилъ онъ, обратясь къ бродягамъ:— чтобы черезъ четверть часа васъ здѣсь не было.

— Подумали ль вы, что дѣлаете? сказалъ мѣщанинъ.— Едва они выйдутъ отсюда, какъ побѣгутъ доносить на васъ сенешалю.

— Пусть идутъ! отвѣчалъ Монбрёнъ.— Я готовъ лучше на это, чѣмъ дышать однимъ воздухомъ съ мерзавцами.

— Ну! продолжалъ Крюссоль, равнодушно заряжая пистолетъ:— проворнѣе! Не забудьте захватить съ собою эту падаля, примолвилъ онъ, указавъ на трупъ, валявшійся на полу среди останковъ праздника.

— Не хорошо вы сдѣлали, г-нъ Крюссоль! говорилъ мѣщанинъ, которому уже чудилось, будто онъ въ рукахъ сѣнщиковъ.— Меня повѣсятъ, а васъ обезглавятъ, что почти одно и то же; потому-что, между-нами сказать, шеѣ дворянина такъ же плохо подъ острымъ топоромъ, какъ и шеѣ простолюдина въ пеньковомъ галстукѣ. Не лучше ли бы удержать этихъ мошенниковъ здѣсь? Они всѣ, мнѣ кажется, похожи на каящихся блудницъ, и я увѣренъ, что урокъ ихъ обрзумыть.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мѣняло, Ландольфъ, и особенно добрый разбойникъ, вспомнивъ прежнюю свою роль въ мистеріяхъ, принялъ подобострастную и набожную мину, и казались супими праведниками. Другіе, напротивъ, взглядами ненависти, какіе кидали на протестантовъ, собираясь въ дорогу, показывали, что уступаютъ только силѣ.

— Нечего ждать добраго отъ этой сволочи! сказалъ Монбрёнъ. — Она вѣчно будутъ возвращаться къ прежнему ремеслу, какъ боровъ къ корыту. Но успокойтесь, мѣтръ Тэвененъ, мы пріймемъ мѣры, чтобъ спасти васъ отъ розысковъ полиціи.

Видя, что противорѣчіе бесполезно, старикъ рѣшился послѣдовать за товарищами въ верхній этажъ. Монбрёнъ помогъ Бланкъ взойти на лѣстницу, а братъ св. Козьмы, не желавшій оставаться на-единѣ съ разбойниками, уцѣпился за плащъ одного реформата и скрылся съ нимъ въ темной извилинѣ башни.

— Трусые! сказалъ Гонтранъ товарищамъ:—если бѣ вы послушались меня, дѣло повернулось бы иначе; вы упустили самую хорошенькую дѣвушку изъ своей провинціи.

— Вотъ еще! сказалъ игрокъ:—партіи были неравны. Что жъ будете дѣлать съ людьми, которые, меча карты, припратываютъ всѣ тузы въ рукавъ.

— Добро же, добро! ворчалъ мѣняло:—скоро мы имъ отплатимъ тою же монетою.

Между-тѣмъ, добрый разбойникъ наклонился къ тѣлу убитаго товарища, и престарательно шарилъ у него въ карманахъ.

— Бѣдный Лавалёръ! сказалъ онъ съ сожалѣніемъ:— умеръ! То-то были мы съ нимъ друзья. Когда онъ вышелъ изъ гвардіи святѣйшаго отца, я опредѣлилъ его въ страстное братство, гдѣ онъ исполнялъ роль одного изъ стражей гробницы. Никто не могъ перещеголять его въ этой роли; всѣхъ бывало разсмѣшить. Теперь ужъ онъ не станетъ бѣгать, не будетъ никогда пугаться...

Прознося свою надгробную рѣчь, добрый разбойникъ отыскалъ однако въ карманѣ Лавалёра двѣ или три монетки, которыя припряталъ къ себѣ, увѣряя Сисинделлу, что беретъ эти деньги единственно для того, чтобъ отслужить нѣсколько мессъ по покойникъ. Шайка уже собрала свой багажъ и готовилась выступить.

— Въ путь! въ путь! сказалъ Ландольфъ, закинувъ за спину гитару и весело подавая руку Сисинделлѣ.—Пойдемъ гулять по свѣту; пробуду часъ на одномъ мѣстѣ, ужъ мнѣ скучно. Но куда же мы направимъ шаги? Въ ту ли сторону, откуда восходитъ солнце, или въ ту, гдѣ оно заходитъ? Ваше дѣло рѣшить это, моя красавица.

— Книзь свою шляпу на-вѣтеръ, беззаботно отвѣчала Сисинделла.

— И то сказать, вскричалъ Гонтранъ, отворивъ дверь:—земля наша; о чемъ тужить? Вѣдь до-сихъ-поръ не умирали съ голода? Развѣ нѣтъ прозжихъ по дорогамъ? Развѣ у дворныхъ собакъ зубы острее прежняго? Или двери отпирать труднѣе? Или одна только орошенъкая дѣвушка на свѣтѣ?

Пройшедъ нѣсколько шаговъ по лѣсу, шайка остановилась. Проворно выкопали разбойники неглубокую яму и безъ церемоніи свалили туда трупъ Лавалёра, который дотолъ несъ на рукахъ рейтаръ съ другимъ разбойникомъ. Тиббъ, котораго будить отправился въ погребъ обрѣй разбойникъ, скоро догналъ шайку, и всѣ пустились въ путь,

толкую о добродѣтеляхъ покойника. Тиббъ съ Гонтраномъ величались верхомъ на лошадахъ, украденныхъ въ сырнѣ, и ѣхали впередъ, философствуя будто генералы послѣ проиграннаго сраженія.

Около получаса шествовали они такимъ образомъ, какъ вдругъ увидѣли, на изгибѣ тропинки, двухъ путешественниковъ, подвигавшихся прямо къ нимъ. Одинъ былъ пѣшкомъ, другой верхомъ на здоровой лошади. Казалось, они принадлежали къ почтѣ. Первою мыслью бродягъ было возблагодарить судьбу за ниспосланную добрую поживу; но, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, они съ неудовольствіемъ узнали во всадникѣ одного изъ своихъ прежнихъ союзниковъ, къ которому они считали за нужное сохранять нѣкоторое уваженіе. Темнокрасный плащъ, накинутый на плеча, зеленое перо, развѣвавшееся на шляпѣ, обличали графа Сассенажа. Онъ лучше всѣхъ изъ протестантовъ умѣлъ снискать ихъ расположеніе, чаще толкую съ ними объ ожидавшей ихъ добычѣ на войнѣ, нежели объ исправленіи ихъ поведенія. Капитанъ Гартманъ (подъ такимъ именованіемъ знали они графа), капитанъ Гартманъ, поравнявшись съ ними, съ удивленіемъ спросилъ, куда они идутъ и зачѣмъ покинули башню. Немедленно рассказали они ему подробно все происшедшее, и рассказъ этотъ, казалось, очень позабавилъ капитана. Онъ былъ не такой человекъ, чтобъ сердиться за шалости бродягъ: попойка, ограбленіе конюшенъ, похищеніе дѣвушки, — все это казалось ему такимъ же пріятнымъ препровожденіемъ времени, какъ и всякое другое.

Но если, съ нравственной стороны, поведеніе разбойниковъ не ставило его даже поморщиться, за то оно довольно-сильно огорчило его со стороны его личнаго интереса, когда онъ сообразилъ могущія выйдти отъ-того послѣдствія. Съ одной стороны, рушился планъ, какой онъ себя составилъ, завербовавъ подъ свое знамя ватагу людей безъ чести и совѣсти, которыхъ не остановило бы никакое раздумье, въ случаѣ если бы понадобились орудія мщенія. Съ другой, онъ боялся, чтобъ не упалъ его кредитъ у протестантовъ отъ мятежа разбойниковъ, за которыхъ онъ было-поручился. Боялся онъ еще, чтобъ доносъ отъ бродягъ не навелъ престола на слѣды его и прочихъ изгнанниковъ, жившихъ въ башнѣ. И потому, онъ старался только поправить зло, случившееся въ его отсутствіе, и вновь связать оборвавшіяся нитя сдѣлки.

— Ступай впередъ, Ландрѣ, сказалъ онъ своему спутнику. — Я какъ-разъ тебя догоню. Потомъ, обращаясь къ бродягамъ, продолжалъ: — вѣсь вы глупцы: кто черезъ-чуръ спѣшитъ дорогою, тотъ ломаетъ себя ноги. Чего вамъ стояло потерпѣть еще нѣсколько дней! Вѣдь я обѣщаль вамъ открытый листъ, тотчасъ какъ-скоро начнетъ ся война. Чортъ возьми! надо было бы подождать.

— Да мы умерли бъ отъ жажды, сказалъ игрокъ.

— Крикъ куръ и пѣтуховъ не давалъ мнѣ заснуть, примолвилъ Тиббъ.

— Прекрасно! ну, такъ что же? развѣ не могли вы пить, не расшибая стакановъ, и щипать куръ втихомолку?

— Теперь, я увѣренъ, всѣ сосѣдніе приходы въ тревогѣ. Какъ ни прячь лисица слѣды къ норѣ своей, крестьяне найдутъ ее. И чего вамъ тамъ не доставало? Вѣдь пристанище у васъ было, вина также вдоволь, наѣдаться могли вы досыта!

— Какъ же! сказалъ одинъ бродяга:—они насъ каждый день потчевали бобами да вареной бараниной.

— А вы, не-бойсь, привыкли ѣсть фазановъ? спросилъ графъ. — Чортъ возьми! развѣ старые солдаты, какъ вы, не умѣютъ жить на войнѣ по-военному? Много-много подождали бы мѣсяць, и все было бы кончено. При первомъ залпѣ аркебузовъ, долой ярмо, долой принужденіе! Чѣмъ прятаться да бродить по лѣсу, какъ голодные волки, вы гуляли бы веселѣхонько по городамъ и замкамъ. Въ свою очередь заставляли бъ вы дрожать судей, превотовъ и стрѣлковъ. Собственными руками рвали бы вы протоколы, гдѣ записаны ваши продѣлки, жгли или вѣшали бы мерзавцевъ, которые хотѣли васъ жечь и вѣшать. Подъ конецъ кампаніи, всѣ бы вы пошли за честныхъ людей и зажили бы въ довольствѣ. Нонѣтъ, вы простаки! вамъ лучше правится болтаться по большимъ дорогамъ, въ ожиданіи петли или богадельни.

Бродяги, прельстясь картиною, какую чертилъ передъ ними капитанъ Гартманъ, начали жалѣть, что слишкомъ поторопились.

— Я всегда имъ это твердилъ! ворчалъ мѣняло.

— Все Гонтранъ виноватъ, примолвилъ добрый разбойникъ:—не привози онъ съ собою этой крикуньи, все шло бы тихо да смирно.

— Чортъ побери! воскликнулъ Гонтранъ:—развѣ я заставилъ горланить брата св. Козьмы? Не задирай меня, проклятый скворецъ; не-то я тебя выучу свистать на другой ладъ.

— Попробуй! отвѣчалъ добрый разбойникъ, подвигаясь къ Гонтрану съ раздраженнымъ видомъ:—не думаешь ли, что твои дворянскія замашки испугаютъ меня?

— Полно ссориться! сказалъ графъ, двинувъ лошадь промежду противниками. — Давно ли волки начали ѣсть волковъ? А вѣдь не правда ли, вамъ хотѣлось бы сидѣть теперь еще въ башнѣ, вокругъ теплаго огонька, да точить оружіе къ наступающей кампаніи?

— Намъ не нужно дожидаться такъ долго, чтобъ разбогатѣть, — сказалъ одинъ изъ бродягъ:—одно словечко на-ухо превоту, и дѣло сдѣлано.

— Чтò ты подъ этимъ разумѣешь? спросилъ графъ.

— Въ амбьерльской башнѣ есть птички, за которыхъ даютъ хорошую плату тому, кто поймаетъ ихъ.

— Вотъ что! возразилъ Сассенажъ.—Такъ ты думаешь, что превотъ выпуститъ тебя, когда залучитъ къ себѣ подъ замкъ? Глупецъ! рассказывай ему, пожалуй, свои басни: онъ тебѣ не повѣритъ. Да и чтò ты ему скажешь? Чтò ты знаешь? Чтò въ башнѣ скрываются какіе-то люди? Этихъ людей завтра ужь тамъ не будетъ. Что собираются воевать съ гг. Гизами? Хороша новость! Всѣ ее знаютъ не хуже твоего... Ну! чтò жь ты ему скажешь?

Разбойникъ раскрылъ ротъ и не зналъ что отвѣчать.

— Видно, попросишь у него свѣжей веревки для своего туалета; могу тебя завѣрить напередъ, что онъ не откажетъ. Однако нечего попусту тратить время. Я добрый малый, и если вы намѣрены еще служить мнѣ, скряжничать съ вами не буду.

Бродяги отвѣчали, что они ему преданы, лишь бы условія сделки были сдѣланы прибыльными.

— Хорошо! сказалъ графъ: — потолкуемъ объ этомъ послѣ. Куда вы теперь идете?

— Кто знаетъ, куда вѣтеръ несетъ листокъ? отвѣчалъ Ландольфъ.—Кто знаетъ, чего захочется ужъ вечеромъ госпожѣ Сисинделлѣ, и захочется ли ей завтра поутру того же, чего сегодня вечеромъ?

— Полно врать, матръ Ландольфъ! сказалъ графъ:—дай говорить людямъ, которые посмышленѣе тебя. Куда вы намѣрены идти, Гонтранъ?

— Доберемся до лѣсовъ Роаяннѣ, отвѣчалъ разбойникъ: — а черезъ два дня будемъ въ бургъ Пеажъ, переночуемъ у тетки Ланюй.

— На берегу рѣки?

— Да, мессиръ.

— Хорошо! я съ вами тамъ увижусь. А покуда, выпейте нѣсколько мѣховъ за мое здоровье. Вотъ деньги; добрый путь!

Сказавъ это, графъ Сассенажъ кинулъ Гонтрану кошелекъ и поѣхалъ дальше крупной рысью.

(Третья часть — въ слѣдующей книжкѣ.)

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго-Моря.

У Чернаго-Моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

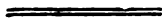
И странникъ прижался у корня чинары высокой
И такъ говорить онъ: «Я странникъ, листочекъ дубовой,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

• Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
• Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя, —
• Прійми же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ;
• Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.»

— На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ молодая чинара:
— Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы..

Иди себѣ дальше, о, странникъ! тебя я не знаю;
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула заѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

ДЕРМОНТОВЪ.

* * *

Нѣтъ, не тебя, такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье, —
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Танцеваннымъ я зайять разговоромъ,
Но не съ тобой, — я съ сердцемъ говорю.

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно гнѣхія,
Въ глазахъ — огонь угаснувшихъ очей.

ДЕРЖАВЪ.

КНИГОПЕЧАТАНІЕ.

1. Состояніе умовъ въ XV вѣкѣ. — Предшественники Гутенберга. — Гутенбергъ.

Много писано о происхожденіи книгопечатанія. Не вдаваясь въ споры ученыхъ, мы съ скромною простотою будемъ держаться старинныхъ документовъ, обнародованныхъ, въ 1760 году, Альзасцемъ Шёфлиномъ и содержащихъ въ себѣ показанія о жизни Гутенберга. Это собраніе дѣловыхъ бумагъ по разнымъ процессамъ, которые имѣлъ, между 1441 и 1470 годами, майнцскій дворянинъ, носившій странное имя: *Hans Gensfleisch von Gutenberg*. Эти бумаги, этотъ старыи нѣмецкій языкъ, смѣшанный съ языкомъ альзасскаго простонародья, эти показанія темныхъ свидѣтелей, болтовня слуганокъ, рассказы старыхъ горожанъ, рѣшенія бургомистровъ, жалобы поставщиковъ, обѣщаютъ мало поживы; но, при помощи ихъ, отыскивается ключъ въ мастерскую перваго типографщика. Видишь станки, винты, формы, буквы, домикъ изъ красноватаго камня на берегахъ Рейна, подземелье изобрѣтателя. Одна только страсть къ парадоксамъ можетъ заставить отказаться отъ убѣжденія, какос внушаютъ эти ветхіе пергаменты.

Прежде, чѣмъ пойдемъ за Гутенбергомъ въ жизни его, не худо перевестись въ то время, когда жилъ онъ. Въ среднѣи XV столѣтіи совершалось явленіе великое. Міръ феодальный умиралъ. Онъ былъ представителемъ силы грубой и дикой, побѣдившей ослабѣвшую римскую дисциплину. Онъ падалъ, въ свою очередь, отъ-того, что довелъ начало свое до излишества. Онъ употребилъ во зло свое величіе, и его страшная іерархія сокрушилась въ кровавыхъ междоусобіяхъ. Кровь Арманьяковъ и Бургундцевъ задушала его. Графъ Ресъ въ честь демона умерщвлялъ всѣхъ новорожденныхъ дѣтей: это было послѣднее чудовище, какія являются всегда, когда рушатся вѣковыя учрежденія, — это былъ Геліогабалъ кроваваго общества. Насупротивъ его, какъ противоположный символъ, возвышалась на обломкахъ падающаго феодализма Жанна д'Аркъ, послѣдній типъ прекраснаго, какъ понимали его въ эпоху дѣйствія и набожности.

Единство въ мірѣ политическомъ, просвѣщеніе и анализъ въ мірѣ умственномъ, — вотъ два стремленія этой эпохи. Великіе вассалы исчезаютъ, новархія увеличиваются, среднее сословіе возвышаетъ голову; короли полагаютъ ему руку. Рыцарство уже не болѣе, какъ парадное оружіе, болѣе воспоминаніе, чѣмъ фактъ. Въмѣсто святыхъ Лудовиковъ, Сюжеровъ и Баярдовъ, люди съ умомъ тонкимъ и ироническимъ становятся политическими орудіями новаго времени: счетчикъ Жанъ Бюро, бандиръ Жакъ Кёръ, а

потомъ король, который хитрѣе всѣхъ этихъ господъ—Лудовикъ XI. Онъ добываетъ феодализмъ и оставляетъ своимъ преемникамъ въ наслѣдство трушъ его. Францискъ I тщетно уже будетъ пытаться оживить его.

Сильно бился духъ европейскій. Перо становилось страшнымъ оружіемъ. Это было время великаго умственнаго броженія. Жажда къ чтенію, которую чувствовали и Лудовикъ XI и Карль-Смѣлый Бургундскій, жажда къ собранію рукописей, которая доказывается и огромною платой и высокимъ уваженіемъ, какими пользовались переписчики, жажда къ знанію, желаніе страхнуть наконецъ плоды съ древа жизни и смерти, древа знанія, общая горячка, охватили всю Европу. Въ Италиі, Петрарка и его триумфъ, Боккачіо и почести, какія ему оказывали, Данте и его классическая слава, возбуждали, усиляли эту горячку. Самымъ лучшимъ подаркомъ въ то время была рукопись, самую дорокою собственностью—книга. Писцы пишутъ такъ скоро, что слова смѣшиваются. Въ-теченіе пятидесяти лѣтъ, всѣ образованные люди жалуются на неразборчивость скорописныхъ буквъ. Сокращенія словъ уничтожаются, какъ-будто бы мысль, досадуя на несовершенство своего орудія, разбила его въ гнѣвъ.

Человѣчество нуждалось въ новомъ орудіи—и нашло его. Въ-теченіе всего начала XV вѣка, вы чувствуете стремительные порывы сжатой стихіи, отдвигающей преграды или сокрушающей ихъ. Югъ обладаетъ умонами пріятными или высокими и наслаждается умственными произведеніями, первыми плодами, созрѣвшими, при помощи наслѣдства, оставленнаго древностію. Безпокойные люди на сѣверѣ; они моложе, меньше ушли впередъ, болѣе честолюбивы. Народъ пробуждается, народонаселеніе увеличивается, горожане соединяются, благосостояніе рождаетъ новыя потребности. Чтѣ есть, то совершенствуютъ, чего нѣтъ—заимствуютъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ, пайдено было средство обходиться безъ переписчиковъ, избавляться ихъ ошибокъ или ихъ медлительности, списывать книги механически, списывать вѣрно, размножать списки до безконечности, увѣковѣчивать идеи. Явилось книгопечатаніе.

Но откуда пришло оно? Нѣкоторые говорятъ, изъ Китая и Татаріи. Бернгардъ Малинкротъ разбираетъ вопросъ, не былъ ли Сатурнъ первымъ типографщикомъ. Другой ученый, Робертъ Магтель, приписываетъ ту же честь Греку Агезилаю, который, по словамъ Плутарха, отпечаталъ на печени закланной жертвы слово «пикé»—побѣда, начертанное черными буквами на его ладони. Извѣстно только, что со времени Марка-Туллія Цицерона человѣчество было уже у двери этого чуда, но не переступило за порогъ. Цицеронъ сказалъ: «Возьмите всѣ буквы азбуки, смѣшайте ихъ и бросьте на землю: составятъ ли эти буквы фразу?» Въ этихъ словахъ можно видѣть первоначальный намекъ на книгопечатаніе. Этого мало: древніе отдѣляли буквы, дѣлали ихъ подвижными, чтобъ учить дѣтей читать, какъ утверждаютъ Квинтиліанъ и св. Іеронимъ. Подвижныя литеры, выраженные на-оборотъ, служили къ отпечатанію именъ на глиняной посудѣ. Между-тѣмъ, ни Цицеронъ, ни великіе люди среднихъ вѣковъ не думали о расширеніи этой промышленности. Долго и много надо трудиться человѣчеству, чтобъ извлечь всѣ послѣдствія изъ какого-нибудь факта. Эта немѣтная, вѣчная постепенность, съ какою безпрестанно усовершенствуется завѣ-

щавное однимъ поколѣніемъ другому наслѣдство, доказываетъ нашу силу и нашу слабость, величіе человѣчества и слабость чловѣка. Древнимъ извѣства была сила паровъ, но они не воспользовались ею. Въ XVI столѣтіи, эта сила такъ поразила одного умнаго чловѣка, Итальянца Манцолли, что онъ всю систему міра построилъ на паряхъ. Въ своей поэмѣ: «Зодіакъ жизни чловѣческой», онъ положительно сказалъ, что звѣзды, кометы и всѣ міры идутъ на паряхъ:

Vidi ego, dum Romae, decimo regnante Leone,
Essem, opus a figulo factum, juvenisque figuram,
Efflantem angusto validum ventum oris hiatu.
Quippe cavo infusam retinebat pectore lympham,
Quae subjecto igni resoluta exhibat ab ore
In faciem venti, validi, longeque furebat.
Ergo etiam ventus resoluta emittitur uudá,
Dum vapor exhalans fugit impellente calore;
Namque fugare solent scese contraria semper, etc.

(Въ царствованіе Льва X, я видѣлъ одно произведеніе горшечника, фигуру молодаго чловѣка, изъ узкаго рта котораго выходилъ сильный вѣтеръ. Въ груди этой фигуры налита была вода, которая претворялась въ паръ отъ дѣйствія огня, положеннаго внизу и выходила изъ рта въ видѣ сильнаго вѣтра, и проч. и проч.).

Манцолли выводитъ систему міра изъ этой силы пара, которую онъ находитъ повсюду. Нашъ вѣкъ, крѣпко вѣрующій въ чудодѣйственную силу пара, не заходитъ такъ далеко.

Найдящій изобрѣтатель—родъ чловѣчскій. Но медленно идетъ у него открытіе за другимъ, и четыре тысячи лѣтъ прошло, пока чловѣчество перешло разныя степени отъ печати (cachet) до книгопечатанія. Безконечно чловѣческое усовершенствованіе—это романъ, драма, часто страшная.

Первые памятники, первоначальныя атомы этого открытія,—легенды, грубо изсѣченныя, молитвы, вырѣзанныя на деревъ, отрывки изъ Библіи, учебныя книги, составленныя монахами. Такъ и должно было быть. Духовенство было единственнымъ наставникомъ душъ и сердець. Объясняйте какъ хотите происхожденіе книгопечатанія; утверждайте, что къ нему повели голландскіе *Donats*, или игральныя карты XV вѣка,—ведь увидите въ вліяніе духовенства. Философы нашего вѣка, люди, какъ всѣмъ извѣстно, не очень набожныя, старались, сколько можно, скрыть этотъ духовный источникъ: чего не говорили они противъ августинскихъ, доминиканскихъ и бенедиктинскихъ монаховъ! А эти монахи первые распространители книгопечатанія, или, лучше сказать, первыя типографшники. Они строили кафедральныя церкви, украшали ихъ разными изображеніями, прозрачными стеклами, на которыхъ изображены были духовныя легенды. Всѣ искусства развились подъ ихъ рукою. Западное духовенство все присвоило себѣ, даже игры; оно овладѣло драмой, сатирой, каррикатурой, одою, музыкой. Если угодно, можно порицать, но нельзя отрицать этого популярнаго и универсальнаго характера католицизма, который проявляется въ церквахъ—памятникахъ среднихъ вѣковъ, и въ мистеріяхъ.

Вся лучшія церкви среднихъ вѣковъ украшены стеклами, на которыхъ блеститъ на солнцѣ библейская исторія. То была—библія бѣднаго человека. Онъ не умѣлъ читать, за то видѣлъ. Не имѣя возможности удержатъ страстей, ни развитія способностей человѣческихъ, западное духовенство старалось дать имъ свое направленіе. Когда оно увидѣло, что все бросилось на игральныя карты, оно пыталось дать имъ значеніе болѣе-благородное. Оно хотѣло изгнать эту азартную, грѣшную игру и присовѣтовалъ фабрикантамъ дѣлать пергаментныя листы и изображать на нихъ свѣтыя съ легендами и даже съ надписями. Дѣло было не трудное: стоило только скопировать изображенія на церковныхъ окнахъ. Скоро эти новыя карты величиною съ руку, пошли въ ходъ; ихъ стали собирать, чтобы составить изъ нихъ собраніе гравюръ. По словамъ Лессинга, все изображенія на окнахъ монастыря Гиршау находятся въ старинной книгѣ, называемой *Biblia Pauperum*.

Эти карты были гравированы на деревѣ, точно какъ и старыя игральныя карты. Нѣтъ ни перспективы, ни соразмѣрности частей, ни постепенности свѣта. Все это происходило въ такое время, когда бродила описанная выше странная восторженность, когда король искалъ книгъ, когда бѣдникъ дѣлалъ разборъ надписи, когда переписчика напимали за полгода впередъ, когда Альфонсъ Неаполитанскій мирился съ Медичи, одолевшимъ ему одну рукопись. Если уже умѣли гравировать духовныя легенды на деревѣ, отъ-чего не выгравировать на немъ словъ, фразъ? Для духовенства выгодно было это распространеніе въ народѣ легендъ. Не станемъ разпѣскивать, когда кончилась эпоха гравированія на окнахъ дерева или *ксилографія*, когда и какія счастливыя руки сдѣлали первыя азбучныя литеры: въ Гарлемѣ ли это было въ 1420 г., или въ Брюсселѣ въ 1440, или въ Майнцѣ въ 1460, или въ Бамбергѣ въ 1461 г.? Каждое мнѣніе защищаютъ важныя авторитеты,—и можно даже думать, что все они отчасти справедливы, что несовершенныя пробы, многочисленныя попытки предшествовали окончательному открытію, долженствовавшему замѣнить рукопись печатною книгою. Книга была въ то время вещь священною; ее покупали за шесть-сотъ франковъ. Покупку свидѣтельствовали у нотариуса, укладывали въ золотой ящикъ, цѣпью прикрѣпляли къ налою, чтобы она не улетѣла. Какая была радость, когда посредствомъ дерева удавалось скопировать хоть грубо-красивую рукопись! Мастеръ гравировалъ буквы на-выворотъ, покрывалъ ихъ жирными чернилами, клалъ дерево на пергаментъ или бумагу и давалъ несовершенный оттискъ этихъ буквъ дурно-вырѣзанныхъ, перовныхъ. Онъ печаталъ только на одной сторонѣ, склеивая двѣ бѣлыя страницы и онѣ становились толсты, какъ карты. Безобразны эти *Specula*, эти *Donats*, столь восхитительные для библиофиловъ; предки нашихъ красивыхъ экземпляровъ, они были очень распространены, особенно во Фландріи, гдѣ движеніе религіозное соединялось съ движеніемъ промышленнымъ и по всей линіи Рейна, города котораго цвѣли среди роскошныхъ виноградниковъ.

Мы приступаемъ къ странному роману, полному странныхъ фактовъ. Онъ раздѣляется на три части и въ немъ пять дѣйствующихъ лицъ: старый, богатый, хитрый золотыхъ дѣлъ мастеръ; дочь его, блонкурая Ним-

ка; молодой, умный и смелый писецъ; дворянинъ — алхимикъ и бѣднякъ; горожанинъ, думающій о томъ, чтобъ разбогатѣть. Имя послѣдняго Андрей Дризенъ; золотыхъ дѣлъ мастеръ — Гансъ Фаустъ; дочь его — Христина Фаустина; писецъ — Петръ Шефферъ; дворянинъ — Гутенбергъ. Быть можетъ, нѣкоторые факты, которые приведемъ мы, покажутся не совсѣмъ согласными съ тѣмъ, что обыкновенно пишется въ біографіяхъ и учебникахъ, большою частію повторяющихъ старыя заблужденія, а иногда прибавляющихъ новыя. Любопытно читать и изучать старинные документы, которые выкопалъ Альзасецъ Шефлиппъ въ 1760 г., когда Pfenningthurm, архивная страсбургская башня, кевотафъ пергаментовъ, которыхъ никто не сталъ бы читать, собиралась обрушиться. Съ помощію архитекторовъ, онъ проникъ въ это святилище. Тамъ нашелъ онъ золотыя буллы, старое полнѣйшее знамя, дипломы и акты на нѣмецкомъ языкѣ XV столѣтія. Тамъ скрывалась и жизнь Гутенберга въ черновыхъ дѣловыхъ бумагахъ, изъѣденныхъ крысами, — потому что Гутенбергъ провелъ жизнь въ проигранныхъ процессахъ, въ обманчивыхъ надеждахъ, подлѣ своей химической печи и зѣлементовъ своихъ открытій, бесполезныхъ для него, полезныхъ для міра. Исторія старая, обыкновенная, сходная съ другими легендами въ хроникахъ геніевъ. Каждый изобрѣтатель — становится жертвой; Прометей похищаетъ молнію и гибнетъ.

Въ эту эпоху, когда вездѣ ухитрялись посредствомъ гравированія на деревѣ какъ-можно-вѣрнѣе подражать искусству писцовъ, въ 1424 году, одинъ майнцскій рыцарь, изъ старинной и бывшей фамиліи, умираетъ въ этомъ городѣ, оставивъ шестнадцатилѣтнему сыну небольшой пожизненный доходъ съ города, шпагу и много гордости. Какъ-только отецъ умеръ, Гансъ Гейселейшъ Гутенбергъ оставилъ родимый городъ и отправился въ Страсбургъ. Это былъ, какъ видно изъ исторіи, характеръ гордый, предприимчивый и страннѣйшій. Майнцъ не платилъ денегъ юношѣ, у котораго кошелькъ опустѣлъ и который тщетно требовалъ уплаты должной суммы. Учился ли онъ въ Страсбургѣ, или дѣла совсѣмъ иного рода занимали молодого человѣка, какъ свидѣтельствуеетъ процессъ, который завязала съ нимъ благородная дѣвушка, Анна фон-Изеринъ Тюръ, за то, что онъ не исполнилъ обещанія жениться на ней, — вѣрно только то, что когда ему было двадцать-пять лѣтъ, онъ все еще не могъ получить уплаты отъ Майнца. Молодой человѣкъ, справедливо раздраженный, подобно Корюлану, объявляетъ войну своей родинѣ. Онъ арестуетъ, сажаетъ въ тюремъ майнцскаго городского секретаря, Николая, какъ отвѣтственное лицо за городскую долгъ. Майнцъ пытается кончить дѣло полюбовной сдѣлкой; сваты страсбургскій и майнцскій ведутъ переговоры. Гансъ Гутенбергъ отпускаетъ своего арестанта, получивъ обещаніе, что деньги будутъ заплачены, — но побѣдитель на этомъ пунктѣ, онъ побѣжденъ на другомъ. Анна Изеринъ выигрываетъ тяжбу, принуждаетъ его жениться и становится Анною Гутенбергъ. Это авансцена странной жизни Ганса.

Между-тѣмъ, какъ красавица Анета составляла свое счастье вопреки расчетамъ нашего дворянина, какія мысли, какія дѣла, какія мечты занимали его? Какъ проводилъ онъ время въ этомъ любопытномъ, полу-нѣмецкомъ, полу-французскомъ городѣ, дѣягельномъ, залучивомъ, смотрящемъ

ся въ Рейнъ и любующемся Вогезскими-Горами? Мы видимъ, что онъ ни купецъ, ни банкиръ, ни воинъ, ни чиновникъ:—онъ мечтатель. Какими чарами внушалъ онъ новымъ согражданамъ своимъ такое уваженіе къ себѣ, что они сбѣжались къ нему, окружили его, просили его сообщить имъ свои планы, продать имъ эти тайны, сдѣлать ихъ участниками его открытій и успѣховъ—это неизвѣстно; вѣрно только то—и это замѣчаютъ многіе ученые—что двадцати-пяти-лѣтній и женатый Гутенбергъ имѣлъ странное вліаніе на своихъ согражданъ. Ему вѣрятъ, на него надѣются, онъ обладаетъ великими таинствами, онъ алхимикъ, колдунъ.

Жилъ-былъ въ Страсбургъ нѣкто Андрей Дризенъ. У него небольшое родовое имѣніе. Онъ желаетъ только одного—вступить въ сообщество съ чародѣемъ-Гутенбергомъ. Дризенъ съ фанатизмомъ вѣруеть въ чудныя знанія Гутенберга. Гутенбергъ заключаетъ съ нимъ договоръ и передаетъ ему секретъ гранить алмазь, секретъ отлично выдѣлывать зеркала. Дризенъ получилъ большіе барыши, но онъ подозреваетъ, что Гутенбергъ скрываетъ отъ него другія таинства. Онъ подписываетъ новый договоръ, въ которомъ принимаютъ участіе нѣкто Гейльманнъ и нѣкто Риофъ. Этому договору онъ приноситъ въ жертву свое родовое имѣніе, отдаетъ въ закладъ всю свою движимость, занимаетъ деньги подъ залогъ женскихъ алмазовъ, и умираетъ, не имѣя ни обода, исповѣдавшись у приходскаго сен-мартенскаго священника, Экгарта, ни мало не жалуясь на Гутенберга.

Это открытіе, поглотившее его имѣніе и долженствовавшее поглотить еще много денегъ,—книгопечатаніе. За городомъ, близъ Сен. Арбогаста, въ уединенномъ домѣ живетъ алхимикъ; онъ трудится одинъ; товарищи только по временамъ навѣщаютъ его. Не трудно себѣ представить его въ этомъ старинномъ нѣмецкомъ домикѣ, въ глубинѣ погреба, выложеннаго камнемъ, въ мѣховомъ плафрокѣ, въ мѣховой шапкѣ, сидящаго подлѣ плавильной печи и ищущаго не родосказательныхъ фигуръ, не шестаго дома зодіака, а тайны истинно великой—книгопечатанія. На деньги своихъ товарищей онъ изобрѣлъ много вещей, какъ свидѣлствуютъ оригинальныя бумаги. Плотникъ, Андрей Шултгейссъ, смастерилъ ему тиски съ винтомъ, какіе употребляются при выдѣлкѣ вина. У него были формы, содержащія въ себѣ четыре страницы in quarto; у него были подвижныя свинцовыя литеры, быть можетъ еще не литыя, а вырезанныя. Много трудностей преодолевалъ онъ, много оставалось ему еще преодолѣть. Свинецъ былъ слишкомъ мягокъ, сталь была слишкомъ тверда, слишкомъ хрупка и рвала бумагу. Дерево очень-удобно было къ употребленію, но оно давало очень-неясные оттиски. Изъ металловъ безъ лигатуры трудно выдѣлывать буквы и давать этимъ буквамъ ровноту и чистоту, прельщающія взоръ. Деньги товарищей гнили. Но что особенно должно было замедлить изобрѣтеніе,—это недостатокъ, недостатокъ породы, недостатокъ вѣка, гордость Гутенберга.

Вы думаете, что искусникъ-дворянинъ, первый, осуществившій фразу Цицерона, самъ лично надзиралъ за работниками, смотрѣлъ за мастерской, какъ въ наше время поступилъ бы не только простой дворянинъ, даже князь, вельможа? Ни мало. Онъ унизилъ бы этимъ свое дворянское достоинство. Онъ былъ феодалъ и рыцарь. Онъ давалъ только идеи. Матери-

альною частію завѣдывалъ Дризенъ, который; судя по разговорамъ его, передаваемымъ въ документахъ служанкою его Барбарою, былъ очень недалекъ. Мастерская находилась въ его домъ, въ Страсбургъ. Гутенбергъ, человекъ таинственный, оставался въ своемъ домъ въ предместьи. Онъ принималъ своихъ товарищей и поилъ ихъ. Они щедро сыпали деньгами, и Гутенбергъ, стремясь къ отысканію тайны, входилъ въ страшные долги. Они не жаловались на отшельника, который посвятилъ свою жизнь достиженію цѣли великой, разорялись вмѣстѣ, покупая свинець, олово, матеріалы, вырѣзывая, выливая, пробуя и получая только несовершенное подобіе тѣхъ красивыхъ, тѣхъ правильныхъ рукописей, гдѣ руки писцовъ, по словамъ Януса Дузы, латинскаго поэта, «усылаи колосьями изящныхъ буквъ равнины бумаги». Труженика приходили въ отчаяніе; деньги все шли... Руфъ отсталъ наконѣцъ отъ товарищей. Андрей умеръ, не произнеся ни одной жалобы на Гутенберга, главы этого общества—вѣчно спокойнаго, размышляющаго, неутотимаго и таинственнаго. Какъ-только Андрей умеръ, Гутенбергъ вспомнилъ, что заготовлена форма листа in quarto; онъ знаетъ цѣну своего открытія. «Ступай живѣй» говоритъ онъ своему: «разбери форму и разбросай части ея,— пусть никто ничего не увидитъ». И онъ прибавилъ: «дѣло такого рода, что если разобрать части, никто не узнаетъ, что это такое».

Братъ покойника такъ увѣренъ въ успѣхъ опытовъ, что хочетъ заступитъ мѣсто Андрея; Гутенбергъ не принимаетъ его; завязывается новый процессъ. Въ 1442 году умеръ въ Майнцѣ дядя его, Логеймеръ, и оставилъ ему пожизненный доходъ; Гутенбергъ, преслѣдуемый долгами, продалъ его сен-томасскому капитулу. Наконецъ, вѣроятно, въ-конѣцъ разорившись, онъ покидаетъ Страсбургъ, и долго о немъ ничего не слышно. Ни на одной книгѣ нѣтъ его подписи. Дворянину непріятно быть работникомъ. Такова первая эпоха этой жалкой жизни. Честный горожанинъ убитъ уже первымъ взрывомъ этого новаго пороха, и изобретенія Гутенберга, станки, винты, формы, подвижныя буквы, повели только къ результатамъ исполнимымъ; одно разореніе его было полное.

До 1450 года его не видно; онъ погруженъ былъ въ неизвѣстность, въ которую бѣдность ввергаетъ людей, избранныхъ Немезидою. Между-тѣмъ, Европа шла впередъ; Франція выгоняла Англичанъ; Испанія быстро шла къ окончательному освобожденію отъ ига мусульманъ; въ Италіи загоралось искусство. Въ 1450 году, мы опять встрѣчаемъ дворянина-алхимика безъ копейки въ кармапъ, во всегда безстрашнаго, въ Майнцѣ. Ему сорокъ-одинъ-годъ. Лучшая половина его жизни уже поглощена трудомъ. Онъ ищетъ того, чего всегда не достаетъ генію—денегъ. Вѣроятно, не легко ему съискать ихъ. Сколько лѣтъ трудился онъ, ничего не сълавъ! Кто поверитъ ему?.. Нашелся, однакожъ, такой человекъ. Открывается третій актъ.

У стараго золотыхъ дѣлъ мастера, ростовщика, богатаго, хитраго, лукаваго, у Фауста, была дочь Христина, которую, по тогдашнему обычаю немецкому, звали по имени отца, Фаустиной. Фаустъ понялъ, какія выгоды можно извлечь изъ открытій Гутенберга, но въ контрактъ онъ принялъ свои предосторожности, далъ денегъ подъ огромные проценты и пред-

оставилъ себя выгоды изъ опытовъ. Гутенбергъ истратилъ послѣдній свой гульденъ, чтобъ достать свинца. Золотыхъ дѣлъ мастеръ даетъ восемьсотъ гульдеровъ. Гутенбергъ будетъ побѣжденъ золотомъ и хитростью. Онъ продолжаетъ печатать и бороться со всеми трудностями лигатуры и отливанія литеръ. Онъ придумываетъ, раздумываетъ, работаетъ, тратится. Тогда является на сцену новый дѣйствующій, которому опредѣлено рѣшить судьбу Гутенберга. Это молодой писецъ; онъ довольно путешествовалъ, видѣлъ Парижъ и исправлялъ въ университетѣ должность переписчика. Онъ писалъ чудесно, и во многихъ библіотекахъ, въ томъ числѣ и въ страсбургской, можно видѣть рукописи, подписанныя имъ, рукописи образцовыя. Имя его Петръ Шефферъ; онъ изъ простолюдиновъ; старикъ Фаустъ беретъ его къ себѣ; Шефферъ помогаетъ ему въ трудахъ его. Можно думать, что молодая Фаустина раздѣляла удивленіе отца къ искусству странника. Воспользовавшись продолжительными предшествовавшими трудами, молодой писецъ приноситъ однажды золотыхъ дѣлъ мастеру печатный листъ, отлично удавшійся, совершенно-сходный съ самою отличною рукописью. Двадцать-пять лѣтъ нѣсколько человекъ стремились къ этой цели, Дризенъ умеръ съ горя, Гутенбергъ посѣдѣлъ. Это было около 1454 года. Какая радость для старика Фауста! Онъ воротитъ всѣ свои ссуды и вздержки и проценты, всѣ переплавленные металлы, которые истратилъ Гутенбергъ въ своемъ тиглѣ, ища новой лигатуры! Шефферъ идетъ къ алтарю, покрытый славою и типографскими чернилами и становится супругомъ Христинны-Фаустины. Гутенбергъ состарѣлся и ни къ чему не годенъ. Гордый дворянинъ, онъ живетъ уединенно. Фаустъ человекъ ловкій: онъ знаетъ, какъ надо жить на свѣтѣ. Не имѣя болѣе нужды въ своемъ товарищѣ, онъ заводитъ съ нимъ процессъ. «Возврати мнѣ» говоритъ онъ: «двѣ тысячи двадцать гульдеровъ». Это ссуда съ процентами. Такова ужъ арметика у ростовщиковъ! Гутенбергъ, разумеется, проигралъ процессъ, лишень былъ собственности, оставилъ свои матеріалы, литеры и станки въ рукахъ Фауста, отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ, и покинулъ Майнцъ, побѣжденный золотомъ, какъ покинулъ онъ Страсбургъ, побѣжденный бѣдностію. Въ-теченіе десяти лѣтъ, неизвѣстно, гдѣ онъ былъ, чтó онъ дѣлалъ. Нѣкоторые полагаютъ, будто онъ, обремененный долгами, разорившійся, изгнанный старымъ Фаустомъ, основалъ особенную мастерскую въ Майнцѣ, но въ упомянутыхъ документахъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ эту гипотезу.

Ему было пятьдесятъ-пять лѣтъ; у него не было куска хлѣба. Князь-епископъ майнцскій, Адольфъ-Нассаусскій, принявъ его въ 1465 году Христа-ради, опредѣлялъ ему пенсію, помѣстия его въ число своихъ дворянъ. И опять употребилъ онъ свои деньги на любимое искусство, изъ гордости скрывая свои занятія. Всѣ историки книгопечатанія старались отгадать, почему Гутенбергъ не предъявлялъ своихъ правъ, почему ни на одной книгѣ нѣтъ его имени; причина ясная: онъ былъ дворянинъ. Этотъ новый донъ-Кихоть употребилъ сорокъ лѣтъ, чтобъ подарить свѣту великое открытіе, и рѣшился лучше быть обкраденнымъ какимъ-нибудь Санчо, чѣмъ унизиться до жалобы или признаться, что онъ ремесленникъ. Со времени товарищества его съ Фаустомъ, началось печатаніе псалтыри,

образца раждающагося искусства. Онъ имѣлъ огорченіе видѣть появленіе этой книги въ свѣтъ въ 1457 году, тогда-какъ, можетъ-быть, онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, что кажется довольно-вѣроятнымъ. Фаустъ и Шефферъ окончили свое предпріятіе, и ихъ красивыя книги, «написанныя», по словамъ ихъ, «безъ пера, магическимъ искусствомъ, дивили всю Европу. Вообразите себѣ страданія изобрѣтателя въ теченіе двѣнадцатилѣтняго искусства,—его страданія, можетъ-быть, въ тюрьмѣ: гдѣ же былъ онъ, если не въ тюрьмѣ? Наконецъ, онъ умираетъ, имѣя болѣе шестидесяти лѣтъ, и свидѣкъ Гумери, изъ любви къ древности называвшійся Гомеріусомъ, наследуетъ его инструменты, съ условіемъ не вывозить ихъ изъ Майнца; это условіе назначилъ епископъ.

Между-тѣмъ, тесть и счастливый зять, котораго Фаустъ въ одной книгѣ называетъ *Peter meus*, оканчиваетъ свое зданіе на прахъ изобрѣтателя. Они стараются добыть побольше денегъ, держать свое искусство въ секретѣ, выдаютъ его за таинственное, волшебное, продаютъ дорого, работаютъ скоро. Они устрояютъ свое святилище въ подвалахъ *in aedibus subterraneis*; Фаустъ, сводородный чародѣй, заставляетъ работниковъ присягать на библии, что они ни слова не промолвятъ о таинствѣ; онъ заключаетъ съ ними договоры, которыми обязуются они заплатить дорого, если не соблюдутъ секрета; наконецъ, онъ не выпускаетъ ихъ изъ дома. То были настоящіе невольники, говоритъ одинъ писатель, *velut in ergastulo habiti*. Въ книгахъ своихъ онъ не приписываетъ себѣ изобрѣтенія, чтобъ не возбудить гнѣва Гутенберга, который можетъ наконецъ высказать всю правду; онъ ставитъ тамъ свое имя и имя зятя, и говоритъ о *волшебномъ искусствѣ, о божественномъ изобрѣтеніи*, доставившемъ ему это средство «писать безъ пера». Узнавъ, что Парижу хочется видѣть эту новость, онъ отправляется въ этотъ городъ, чрезвычайно-дорого продаетъ свои библии, будто рукописи, и умираетъ тамъ отъ чумы, удовлетворивъ свое корыстолюбіе, за два года до смерти Гутенберга. Страшный человекъ былъ старикъ Фаустъ!

Шефферъ, котораго старикъ держалъ въ рукахъ, продолжалъ по смерти его работать; но онъ уже не такъ строго хранилъ тайну; онъ открылъ истинную исторію изобрѣтенія аббату Тритгейму, который записалъ ее въ свою хронику. Но въ одну ночь послышался набатъ: бьютъ въ барабаны—городъ грабятъ; два архіепископа, Адольфъ-Нассаускій и Дитрихъ-Майнцскій, спорятъ о Майнцѣ. Адольфъ остается побѣдителемъ. Съ этого времени ничего не слышно о Шефферѣ; вѣрно онъ убитъ въ своихъ подвалахъ какимъ-нибудь пьянымъ солдатомъ. Дѣйствительно, вѣрно осада была кровопролитная, потому-что всѣ работники Шеффера разбѣжались. Сынъ Шеффера, Гансъ, заступаетъ мѣсто отца и, въ посвященіи прекраснаго изданія Тита Ливія, поднесеннаго императору Максимилиану, говоритъ, что первоначальное изобрѣтеніе принадлежитъ Гутенбергу.

Тивографщики отправляются въ Неаполь, Парижъ, Римъ, Миланъ, Флоренцію. Сословіе ихъ быстро распространяется. Странное дѣло: за исключеніемъ невинной Фаустины, которой роль состояла только въ томъ, чтобъ полюбить Шеффера и выйти за него замужъ, всѣ наши дѣйствующія лица умираютъ смертью жалкою и трагическою: корыстолюбивый Фаустъ —

отъ чумы, Гутенбергъ, доведенный до крайности — жить милостынею; Шефферъ умираетъ ограбленный, Андрей Дризенъ — разорившійся. Чудная легенда, которая стоить пера Вальтера Скотта! Гений человеческій нашелъ наконецъ давно-искомое орудіе, быстрое, вѣчное. Какъ онъ воспользуется имъ?

2. Мисіологія книгопечатанія. — Легенды гарлемская, оксфордская.

Майнцъ объять пламенемъ; одинъ епископъ осаждаетъ его, другой защищаетъ. Солдаты Адольфа-Нассаускаго грабятъ его, и въ подземной кистерской, гдѣ старикъ Фаустъ скрывалъ своихъ работниковъ, разбросаны въ безпорядкѣ станки, литеры, изобрѣтенныя Гутенбергомъ, и самъ Шефферъ лежитъ зарѣзанный среди этого великаго рождающагося искусства, которое онъ наслаждался и усовершенствовалъ. Во всѣхъ направленіяхъ разсѣваются сообщники Фауста. Клятва уже не связываетъ ихъ; они несутъ въ разныя стороны чудное искусство свое. Это искусство происхожденія чисто-германскаго. Первые мисіонеры книгопечатанія вездѣ были именно работники, вышедшіе изъ подваловъ Фауста. Ментелинъ поселился въ Страсбургъ, въ 1466 году, Ульрихъ Целль въ Кельнъ, въ 1467, Цайверъ въ Аугсбургъ, въ 1468, Зензеншмидъ въ Нюрнбергъ, въ 1470, Рихель въ Базель, въ 1474, Брендисъ въ Любекъ, въ 1475 году; тридцать другихъ типографщиковъ, имена которыхъ извѣстны, всѣ Нѣмцы. А между-тѣмъ, Германія была самая отсталая страна во всей Европѣ. У народовъ новыхъ и варварскихъ хранится то, что теряютъ въ своихъ удовольствіяхъ націи образованныя. У нихъ-то, въ минуту надобности, беретъ Господь элементъ, въ которомъ нуждается цивилизація, сокъ, дающій міру новую жизнь и силы.

Народы были приготовлены къ этому открытію. Не такъ быстро распространяется и пожьраетъ сухіе и желтѣющіе колосья пламя, брошенное на пиву, какъ быстро распространилось въ Европѣ книгопечатаніе. Вѣтченіе двадцати лѣтъ, отъ 1466 до 1486 года, возникло восемьдесятъ типографій, и не только въ столицахъ, но и въ городахъ втораго и третьаго разряда, какъ то: Алоствъ, Удинъ, Цволль, Реджіо, Ростокъ, Ульмъ и Левингенъ. Чудо занимало всѣ умы ученыхъ, королей, деревенскихъ жителей, знатныхъ господъ. Кто не зналъ подробностей типографскаго процесса, старался отгадать ихъ; были люди, которые проводили цѣлые мѣсяцы, стараясь открыть секретъ Гутенберга: лили, плавили, выразывали, выравнивали литеры. Цѣлой семьей принимался за работу. Во Флоренціи одному золотыхъ дѣлъ мастеру, по имени Бернарду Ченнини, удалось, при помощи сыновей Петра и Доминика, напечатать, въ 1472 году, житіе св. Екатерины-Сіенской, и въ концѣ книги онъ приписалъ слѣдующія простодушныя слова: «Съ помощію сына моего Доминика, юноши отличнаго характера, выгравировалъ я на мѣди и потомъ вынулъ литеры, послужившія мнѣ къ напечатанію сей книги; другой сынъ мой, Петръ, исправилъ ее сколько-можно-тщательнѣе. Ты видишь» прибавляетъ «ло»

рентійскій республиканецъ: «что вѣтъ ничето невозможнаго для Флорентинцевъ: *Florentinis ingeniis nil arduum.*»

Прежде, чѣмъ будемъ мы говорить о быстрыхъ успѣхахъ книгопечатанія во всей Европѣ, скажемъ мнѣологію ея, легенды типографскія. Голландія, Бельгія, Италия, Англія выдумали разныя сказки, которыя считались, а некоторыми считаются и до-сихъ-поръ, за истину.

Начнемъ съ Англіи. Генрихъ VI, говоритъ англійская легенда, услышавъ, что архіепископъ кептербѣрійскій хвалитъ книгопечатаніе, которое производилось въ то время еще только въ двухъ городахъ, Майнцъ и Гарлемъ, отправилъ переодѣтаго агента, которому поручилъ похитить у этихъ городовъ секретъ ихъ. Майнцъ и Гарлемъ держались на-сторожѣ; они сильно ревновали къ своему сокровищу; не разъ они сажали въ тюрьму иностранцевъ, подозрѣваемыхъ въ хищныхъ умыслахъ. Переодѣтому дипломату не удалось, поэтому, проникнуть въ городъ; но, посредствомъ одной доброй женщины, продававшей травы, онъ завелъ связь съ работникомъ Костара, гарлемскаго типографщика. Работникъ осыпанъ былъ золотомъ. Онъ бѣжалъ изъ города, не смотря на бдительность стражей, охранявшихъ неприкосновенность юнаго искусства, подъ крѣпкимъ карауломъ привезенъ былъ онъ въ Оксфордъ, и устроилъ тамъ станки. Онъ работалъ взаперти; два алебарщика постоянно стерегли его. Этотъ предатель, по имени Корселисъ, получилъ свободу только тогда, какъ открылъ всю тайну. Неизвѣстно ни одной книги съ его подписью, и ученый докторъ Миддальтонъ осмѣлился назвать его «идеальнымъ типографщикомъ»; но такъ-какъ фамилія Корселисъ еще существуетъ въ Оксфордшейрѣ, то Англичане утверждаютъ, что первыя печатныя книги въ Англіи принадлежать этимъ Корселисамъ.

Къ-сожалѣвію, другіе Англичане, стоящіе довѣрія, Миддальтонъ, Коттонъ и увлекательный историкъ литературы англійской, д'Израилли, отыскали источникъ сказки. Она выдумана изъ видовъ политическихъ. Въ царствованіе Карла II, одинъ роялистъ, желая избавить корону отъ неприятностей, которыя причиняло ей неограниченное книгопечатаніе, придумалъ иѣру замысловатую и рѣшительную. Онъ хотѣлъ сдѣлать короля собственнымъ типографщикомъ въ Англіи. На чемъ же основать эту новую привилегію короны? На сказкѣ. Аткинсъ выдумалъ этого Корселиса, привезшаго, по старанію королевскому, въ Оксфордъ искусство типографское. На основаніи этой выдумки, король, введшій книгопечатаніе въ Англію, вѣ никогда неуступавшій его никому, имѣетъ право исключительно пользоваться имъ.

Такова легенда оксфордская. У Бамберга есть своя легенда; есть легенда у Франціи, опирающейся на авторитетъ Ченнини, о которомъ мы упомянули выше; есть легенда и у Антверпена, гордящагося стариннымъ своимъ цехомъ печатниковъ игральныхъ картъ, которыхъ Антверпенцы хотѣли обратитъ въ настоящихъ типографщиковъ. Невинная выходка самолюбія! Гарлемъ, Антверпенъ, Страсбургъ, Майнцъ, Базель, Нюрмбергъ—весь этотъ рядъ городовъ торговыхъ, промышленныхъ, католическихъ, отъ моря до предѣловъ Швейцаріи, приняли особенное участіе въ фабрикаціи священныхъ книжекъ, предшествовавшихъ книгопечатанію. Но,

предшествова, создали ли онъ книгопечатаніе? Разумѣется, нѣтъ, хотя и приготовили матеріалы Гутенбергу.

Насъ ждетъ Гарлемъ. У него есть также свой великій человекъ; имя его Костаръ (*). Ноннавестно, однакожь, въ-точности, жилъ ли когда-нибудь такой человекъ. Многіе ученые отвергаютъ его существованіе, въ которое Германцы вѣруютъ съ фанатизмомъ. Мирманъ посвятилъ этой легендѣ свою жизнь и написалъ о ней толстую книгу.

Вѣроятно ли, что мечтатель, прогуливаясь въ голландскомъ лесу, при шумѣ березъ, увидѣлъ, какъ говоритъ Мишлѣ, морщиниватую кору бука, отдѣлившуюся сама-собою въ видѣ подвижныхъ буквъ? Это преданіе голландское, которому трудно повѣрять. Голландцы установили столѣтніе празднества въ честь Костара, освятили его домъ, воздвигли ему статую въ Гарлемъ; но это ничего не доказываетъ. По этой легендѣ, гарлемскій гражданинъ Костеръ, или Костаръ, вздумалъ однажды обдѣлать эту буквовую кору, сдѣлать изъ нея литеры; буквовая кора, говоритъ Ренуаръ, не годится на подобное употребленіе и «не выдержитъ никакого давленія, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, у кого въ дровяномъ сараѣ есть буквы и поленья». Типографія Костера возбудила сильное вниманіе. Въ одну прекрасную рождественскую ночь, работникъ Костара, старшій братъ Гутенберга, обобралъ своего хозяина и унесъ все: станокъ, литеры, приборы; онъ убѣжалъ въ Майнцъ, нашелъ тамъ младшаго брата своего, нашего друга Ганса, и передалъ ему роковой секретъ. Сказка странная; докторъ, заслуживающій мало довѣрія, хотя и врачъ, по имени Адрианъ Ювиусъ, или правильнѣе, *Der Jonghe*, помѣстилъ ее въ книгу, написанной въ честь Голландіи, спустя полтора года послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, и сказалъ, что онъ слышалъ этого разсказъ отъ одного старика, а этотъ старикъ слышалъ его отъ другаго старика, а тотъ старикъ былъ будто-бы другомъ Костара. Городъ Гарлемъ воздвигнулъ Костару статую, далъ ему лицо, какое придумалъ художникъ. Чтò жь? Дурнаго въ этомъ ничто нѣтъ...

Статуя Гутенберга, одѣтаго работникомъ (ошибка со стороны художника Торвальдсена, потому-что Гутенбергъ дорожилъ дворянствомъ), красуется въ Майнцѣ. Шефферъ, который былъ, кажется, болѣе-счастливымъ искателемъ приключеній, чѣмъ великимъ человекомъ, имѣетъ свою статую въ Гернсгеймѣ.

3. Успѣхи книгопечатанія въ Европѣ. — Мастерская Аллы Манучи. — Лукреція Борджиа.

Книгопечатаніе, съ давняго времени приготовленное искусствами, торговлею, набожностію, потребностію знанія и движенія умовъ, открытое на

(*) Существованіе Костара или Костера, гарлемскаго типографика, открывшаго, въ 1420 году, секретъ подвижныхъ буквъ, — пунктъ весьма-сомнительный и загадочный. Очень-вѣроятно, что Гутенбергъ могъ получить первую идею своего изобрѣтенія при видѣ голландской книжки, или *Donat*, вырѣзанной на деревѣ; но между *Donat* и прекрасною майнцскою библіею надо было пройти огромное разстояніе; Гутенбергъ прошелъ его — и погибъ. Фаустъ воспользовался плодами его трудовъ.

предлахъ Франціи и Германіи, перешло черезъ Альпы и едва появившись въ Италіи, можно сказать, загорьлось. Въ этой несчастной, блестящей, роскошной Италіи, огонь нашель себѣ готовую пищу. Два работника Гутенберга, Арпольдъ Панварцъ и Конрадъ Швейнгеймъ, поселились въ Субіако, и обратили этотъ монастырь, лежащій въ удивительномъ ущельи Аппенинскихъ-Горъ, въ типографію. Аппенинскіе отшельники продавали весьма-мало; удивительное положеніе ихъ обители, вдали отъ торговыхъ путей, препятствовало сбыту ихъ произведеній, оставляло у нихъ на рукахъ много экземпляровъ. Они просили пособія у папы Павла II и получили его, *propter nimiam paupertatem*, по причинѣ крайней бѣдности. Папа призвалъ ихъ въ Римъ, и скоро явилась типографіи въ Венеціи, Миланъ, Вероня, Ферраря, Флоренція, Неаполь, Тревизъ, Кремонъ, Мантуя, Парма, Падуа.

Будто по мановенію чародѣя, всѣ мертвецы древности встали изъ гробовъ своихъ, и любовались ими Итальянцы, какъ любовались современники. Вельможи и государи не только не противились успѣхамъ книгопечатанія, но благопріятствовали имъ. Папы и кардиналы, князья и знатныя дамы тѣснились вокругъ колыбели этого Геркулеса. Первыми покровителями книгопечатанія были: Павелъ II, Левъ X, Максимилианъ, Химезь, Генрихъ VIII, Францискъ I, Елизавета. Францискъ I самъ посѣтилъ мастерскую типографщика и долго стоялъ, смотря на работу, «чтобы показать свое почтеніе этому искусству», какъ говорилъ онъ. Странное общество покровительствовало особенно успѣхамъ книгопечатанія въ Италіи: тутъ былъ кардиналъ Бембо, эротическій поэтъ, любезный философъ, столь сильно очарованный красотою Лукреціи Борджіа; тутъ былъ ученый Альда-Манучи, издатель образцовыхъ книгъ, продаваемыхъ на вѣсъ золота; тутъ была Лукреція Борджіа, женщина страшная, знаменитая. Кардиналъ Бембо имѣлъ сильное вліяніе на умъ Лукреціи. Однажды эта женщина, имѣвшая, какъ говорятъ, столько же ума, сколько пороковъ, женщина, которую поэтъ ея Строцци представляетъ намъ украшенною длинными русыми волосами, ниспадавшими на плечи, перевитыми черною повязкой, съ черными пламенными глазами, съ формами почти мужскими:

Plusque tua igniferi forma vigoris habet!

Эта женщина пришла въ Венеціи въ мастерскую Манучи и сказала ему слѣдующія слова, сохранныя имъ для потомства: «если вамъ угодно, я заплачу всѣ издержки вашего новаго предпріятія, и такимъ-образомъ, хотя я и должна умереть, буду полезна по смерти». Слова необыкновенныя въ устахъ такой женщины! Первые типографскіе труды, совершенные подъ покровительствомъ ея, были посвящены панегирику ей. Ее величали красавицей, великодушной, цѣломудренной. Книгопечатаніе, льстивое съ малолѣтства, расточало такія же похвалы брату ея, котораго Мональдески, автопосецъ степенный, называетъ великодушнымъ, благороднымъ, мудрымъ. Хвалы Борджіамъ звучали при дворѣ феррарскомъ, гдѣ Лукреція была царицею и богинею. Но между-тѣмъ, какъ Манучи расточалъ похвалы ужасному брату, страшной сестрѣ, одиавъ Нѣмецъ, скрытый за дверями священнаго чертога, записывалъ, что дѣлала, что говорила эта страш-

ная семья (см. *Diarium Burckhardti*), списалъ даже черты этой женщины, и въ-послѣдствіи книгопечатаніе собрало эти подробности и передало будущимъ вѣкамъ настоящую Лукрецію.

Между-тѣмъ, само искусство, котораго исторію мы очерчиваемъ такъ было, усовершеншалось. Германія тщательно копировала острые углы готическаго письма, какъ-бы усвоившаго прихоти готической архитектуры. Въ Англіи подражали письму римскому, чистому, ровному, легкому, свободному. Художественная красота проникла въ книгопечатаніе, и этимъ успехомъ оно обязано особенно великой фамиліи Манучи или Мануціо. Буквы были такъ пріятны для глазъ, что никто не хотѣлъ вѣрить, что онѣ напечатаны оловомъ или свинцомъ. Распространилась молва, будто Мануціо употребляетъ серебряныя литеры, *typi argentei*:—новая легенда въ дополненіе прежнихъ, упомянутыхъ нами.—Мы были въ подземельи типографскомъ въ Германіи. Пойдемъ къ Манучи, венеціанскому ученому, сравнительно прекраснаго типографскаго стиля. Мы не у дворянина-ахимика, подлѣ готическаго города Майнца, а въ Венеціи, у художника и ученаго. Домъ его полонъ почитателей. Они стеклись изъ всѣхъ странъ. Манучи едва имѣетъ время пообѣдать; онъ живетъ въ самой мастерской и выходитъ изъ нея только для чтенія лекцій латинскаго и греческаго языковъ. Во множествѣ приносятъ ему древніе манускрипты, и по ночамъ онъ исправляетъ ихъ. Его сбѣгаютъ слушать царедворцы — молодые празднолюбы, зывающіе послѣ ночной оргіи, *sedent oscitabundi*, дивятся его станкамъ. На дверяхъ его типографіи видна латинская надпись: «кто бы ты ни былъ, тысячу разъ умоляю тебя, говори скорѣй, что хочешь сказать мнѣ, и скорѣй уходи, если не хочешь помогать Геркулесу нести міръ». Дѣйствительно, Альдъ воскрешалъ старый міръ.

Германія, употребившая сначала свое изобрѣтеніе для печатанія служебниковъ, календарей и другихъ книгъ для домашняго обихода, скоро приняла такое же ученое направленіе. Главнымъ посломъ ея при венеціанскомъ типографикѣ былъ Голландецъ Эразмъ. Онъ рѣшился представить въ одной книгѣ квинтессенцію древней мудрости и предложилъ знаменитому Альду Манучи напечатать эту книгу, подъ заглавіемъ «*Adagia*». Альдъ съ радостію принялъ предложеніе. Эразмъ отправился въ Венецію. Когда онъ явился въ домъ Итальянца, слуга, докладывая о немъ своему господину, не потрудился сказать его имени, и типографикъ, вѣчно занятый, не торопился принять почитателя, не покинулъ своей работы для незакомца, хотѣвшаго съ нимъ поговорить. Послѣ долгаго ожиданія, Эразмъ былъ принятъ, и хозяинъ извинился передъ нимъ. Альдъ остановилъ всѣ свои изданія древнихъ авторовъ, чтобъ дать мѣсто новому творенію германскаго ученаго. Онъ принялъ къ себѣ въ домъ Эразма, пригласилъ его къ своему столу; но скоро открылась между ними неприязнь, всегда раздѣлявшая Германію и Италію. Столъ Манучи былъ скромный, и самъ хозяинъ былъ серьезенъ, гордъ, тонокъ и хитеръ. Эразмъ привыкъ и больше пить и громче смѣяться. Представители Италіи и Германіи разстались въ ссорѣ и, чтобъ понять несовмѣстность ихъ характеровъ, стоятъ только взглянуть на эти два фигуры, изображенныя Голбеиномъ и Юстиниомъ Беллини—оба хитрыя, проникательныя, съ глазами живыми, съ губами

юнками: одна насмѣшливая, сходная съ неумолимой маскою Вольтера, другая дѣятельная, наблюдательная, плутоватая, обѣ очень-мало снисходительныя.

Съ самаго начала, званіе типографика стало высоко въ обществѣ. Оно имѣло уже свои гербы феодальныя; таковы *якорь* Альдовъ, *померанцовое дерево* Анри Этьенна. Бембо, искренній другъ Лукреціи Борджіа, подарилъ Манучи медаль императора Веспасіана, на задней сторонѣ которой представленъ былъ дельфинъ, символъ быстроты, обвивающійся вокругъ якоря, символа прочности. Эразмъ, бывшій тогда еще другомъ Манучи, сказалъ, что этотъ гербъ символъ знанія, борющагося съ невѣжествомъ, и Манучи усвоилъ его себѣ. Въ послѣдствіи времени, Максимилианъ даровалъ дворянство одному изъ сыновей типографика, далъ ему гербъ—австрійскаго орла, держащаго въ когтахъ альдинскій якорь.

Парижскій Университетъ воспиталъ Шеффера. Въ Парижѣ продавалъ Фаустъ свои библіи. Франція въ сосѣдствѣ съ Майнцемъ, источникомъ книгопечатанія. По всему этому, имя Франціи неизбѣжно встрѣчается въ исторіи происхожденія типографскаго искусства. Съ 1469 года она является усердною распространительницею его. Сорбонна призвала его въ Парижъ. Жанъ де ла Пьерръ, или правильнѣе, Гавъ Штейнъ, сорбонскій пріоръ, услышавъ объ изобрѣтеніи, призвалъ въ Парижъ на свой счетъ трехъ работниковъ Гутенберга: Ульриха Геринга, Крапца и Фрейбургера. Они напечатали въ Сорбоннѣ, въ глазахъ дивящагося невиданному искусству пріора, первую свою книгу. Скоро число типографщиковъ быстро распространилось. Въ уллицы, окружающія Гору Св. Женевьевы, французскій Парнасъ среднихъ вѣковъ, заселялись типографщиками и книгопродавцами. Германія изобиловала грамматиками, путешествіями, календарями, служебниками, проповѣдями, богословскими учебниками. Италия произвела множество прекрасныхъ изданій древнихъ писателей. Франція, върава своему назначенію соединять и примирять противоположныя направленія, начала издавать вдругъ и Цицерона, и псалтирь, и французскіе стихи, и сказки, и историческія книги, и Гомера, и *Roman de la Rose*, и французскія пѣсни. Духъ критическій, эта великая сила Франціи, благодаря книгопечатанію, скоро развился болѣе, нежели въ другой какой-нибудь странѣ. Книгопечатаніе показало свѣту Рама (Ramus), Этьенна Доллѣ, Рабле, Маріо, Вильйона; все это умы критическіе. Въ исторіи французскаго книгопечатанія незабвенна фамилія Этьеннъ, которая для Франціи была то же, что Альды для Италіи, и издавала такія же прекрасныя книги, какъ Манучи, но гораздо-правильнѣе. Въ этой типографской фамиліи, которая тянется сто-семьдесятъ лѣтъ, особенно знаменитъ Анри Этьеннъ.

Очередь Англіи. Въ среднѣ XV вѣка, тамъ господствовало варварство съ междоусобною войною; феодализмъ бился тамъ упорнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; граждане стоятъ противъ гражданъ, эшафотъ противъ эшафота; престой народъ подавленъ; на всѣхъ городскихъ воротахъ окровавленная голова; Йоркцы и Ланкастерцы оспариваютъ обломки короны, — зрѣлище ужасное! Къ чему послужитъ книгопечатаніе? Къ утѣшенію этихъ буръ, усмиренію земли трупами человѣческими, къ обузданію этихъ неуправляемыхъ честолюбій. Ходъ англійской цивилизаціи достоинъ замѣ-

чанія; въ Англіи не было смѣшенія воинскаго феодализма съ богословскою ученостію, какъ въ Германіи; цивилизація здѣсь не возникла, какъ въ Италіи, отъ наслѣдства, оставленнаго древностію; они не имѣла центромъ, какъ во Франціи, борьбы духа критическаго съ католическою образованностію; она шла съ перерывами; приливъ свѣта заступалъ мѣсто временнаго застоя, что объясняетъ оригинальныя вспышки, эксцентрическія наклонности этого народа и этой литературы.

Во всю эпоху Англія, отчужденная отъ другихъ странъ своимъ географическимъ положеніемъ, сначала медленно шла къ успѣху. Но когда свѣтъ чужой сталкивался со свѣтомъ національнымъ, нація, получивъ сильный толчокъ, производила результаты великіе, гдѣ смѣшаны свѣтъ и тѣнь. Такъ Римъ падаетъ на нее и образуетъ,—но скоро она впадаетъ въ дремоту. Саксы пробуждаютъ ее отъ сна и потомъ опять она засыпаетъ. Норманны овладѣваютъ ею и снова оживляютъ ее. Въ ея произведеніяхъ, въ ея подражаніяхъ Боккачіо, трубадурамъ, Франціи, всегда чувствуется въ какомъ-то дикомъ и странномъ благоуханіи, вкусъ разкій, напоминающій верескъ ея лѣсовъ. Ритмъ ея поэзіи неровный, любовь къ оригинальности преобладаетъ надъ прелестью формы. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ приливовъ цивилизаціи, оплодотворившихъ этотъ островъ, было, конечно изобрѣтеніе книгопечатанія. Сначала, Англія дала книгопечатанію еще болѣе ребяческое направленіе, чѣмъ Германія,—направленіе, сообразное съ глубокимъ невежествомъ, въ которомъ она прозябала. Это было въ 1474 году, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ изобрѣтенія Гутенберга,—немного позвненько, какъ видите. Купецъ, родомъ изъ Кентскаго-Графства, по имени Какстонъ, былъ привлеченъ торговыми дѣлами въ Нидерланды. Человѣкъ безъ воспитанія, безъ учености и вкуса, онъ особенно пораженъ былъ важностію книгопечатанія въ денежномъ отношеніи, собралъ, какъ самъ онъ говоритъ: «съ большими издержками, встративъ много денегъ», всѣ необходимыя свѣдѣнія и воротился въ Англію, въ сопровожденіи четырехъ или пяти нѣмецкихъ работниковъ. Во время пребыванія и ученія своего въ Кѣльнѣ, онъ нанечаталъ самую баснословную и самую смѣшную книгу среднихъ вѣковъ, *Recueil des Histoires de Troie*, на французскомъ языкѣ, бывшемъ уже тогда въ общемъ употребленіи. «Вотъ» говоритъ онъ въ концѣ ея: «книга, которая стоила мнѣ большихъ издержекъ. Она написана безъ чернилъ и пера; каждый можетъ купить ее и всѣ книги этой исторіи начаты были и кончены въ одинъ день». Какстонъ лгалъ; коммерческая поэзія имѣетъ свои вольности, и надо простить его.

Сначала мало обращено было вниманія на это новое искусство; лѣтосчисаніе оно показалось неважнымъ. Галль и Голландецъ много толкуютъ «про новый флюгеръ на крестѣ св. Павла», и очень-мало о книгопечатаніи. Правда, печать Какстона и выборъ книгъ для печати были не такого рода, чтобъ возбуждать удивленіе. Англія обладала только дикимъ самоземъ чувства литературнаго, любонитствомъ, и Какстонъ, который прежде всего былъ купцомъ, удовлетворялъ его, печатая «Истинную исторію храбраго рыцаря Язона», «Чудеса волшебника Вергилія» и «Благородную исторію господина Геркулеса». Впрочемъ, онъ имѣлъ нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ фактовъ, содержащихся въ этихъ разказахъ; въ одномъ пре-

дѣловіи онъ говоритъ: «однѣмъ джентльменъ уверялъ меня, что все это «величайшая нелѣпость и не надо слѣпо вѣрить всѣмъ этимъ рассказамъ». Ничего не можетъ быть забавнѣе простоты этого перваго англійскаго ти-пографщика. «Сидя въ кабинетѣ» говоритъ онъ: «гдѣ разбросаны были «рваныя книги и тетради, я случайно положилъ руку на книжку, недавно «переведенную съ латинскаго во Франціи, и называемую Eneydos (вмѣсто «Aeneis).» Это просто «Энеида» Виргилія, превратившаяся въ рыцарскій романъ, переведенная на варварскій французскій языкъ и потомъ на англійскій. Такія невѣжественныя изданія удовлетворяли невѣжественныхъ читателей. Какстонъ составилъ себѣ состояніе; его легенды, его трактаты о соколиной и другихъ охотахъ насыщали незатѣйливый аппетитъ вѣка и народа. Прежде, чѣмъ выучишься читать, надо складывать буквы: потому не будешь смѣяться надъ этою неразборчивою жадностію умовъ грубыхъ и мало приготовленныхъ. Какстонъ, хотя напечаталъ и дурныя книги, былъ благодѣтелемъ своей страны. Въ началѣ XVI вѣка, всѣ британскія умы были открыты для свѣта, и скоро потокъ знанія изъ Италіи наводнилъ эту цивилизацію, едва зародившуюся. Въ Оксфордѣ явился свой типографщикъ въ 1478 г., въ Сент-Альбансѣ въ 1480, въ Кембриджѣ въ 1521. Нѣмецкіе мастера, привезенные Какстономъ, печатали съ большою разборчивостію.

Между-тѣмъ, Швейцарія гордилась своими Фробенями и Опоринами, Нидерланды своими Мартенсами и Плантинами. Испанія, вся преданная другому дѣлу цивилизаціи, войнѣ съ Маврами и завоеванію Америки, мало принимала участія въ завоеваніи умственномъ. Въ 1474 году, однакожь, появился типографщикъ въ Валенсіи, въ 1475 году въ Барселонѣ и Сарагосѣ. Севилья послѣдовала этому примѣру въ 1476 г., а Саламанка въ 1481. Но духъ рыцарскій и авантюристскій, духъ среднихъ вѣковъ, слишкомъ сильно господствовалъ еще въ этой націи и мѣшалъ ей заняться съ любовію этимъ простонароднымъ изобрѣтеніемъ.

Такъ рисуются передъ нами великія черты, отличающія племена европейскія. Католическое мѣщанство Фландрія приготовляетъ изобрѣтеніе. Германія, крѣпкая, свѣжая, рождаетъ его, и разбрасываетъ своихъ работниковъ по всей Европѣ. Италія употребляетъ изобрѣтеніе для науки, искусства и красоты; Франція для критики; Англія лепечетъ сказки своего дѣтства; горделивая Испанія пробѣгаетъ моря, ища новаго свѣта. Между-тѣмъ, все измѣняется. Ученые сѣвера и юга роются въ подвалахъ, на чердакахъ, въ старыхъ сундукахъ, во всѣхъ закоулкахъ, ищутъ новыхъ рукописей, годныхъ къ печати. Всѣ умные люди въ Италіи и Германіи, Леландъ въ Англіи, посвящаютъ свою жизнь этимъ изысканіямъ. Они поднимаютъ «саванъ изъ паутиной ткани», покрывавшей, какъ говорятъ Леландъ, почтенное лицо всѣхъ этихъ старыхъ героевъ. По голосу императоровъ, королей и аббатовъ, съ большимъ жаромъ продолжается это изслѣдованіе. Это уже не то время, когда круаландскіе монахи запрещали въ своихъ статутахъ сжигать книги, «подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви», которое въ то время было опаснѣе и страшнѣе галеръ; не то время, когда вся оксфордская бібліотека состояла изъ трехъ или четырехъ книгъ и помещалась въ чемоданѣ, — когда король, какъ, на примѣръ, король Ио-

аниъ, имѣя нужду въ книгѣ, бралъ ее у аббата сосѣдняго монастыря и давалъ собственноручную расписку, что получилъ, на-прим., книгу, именуемую: *Плиній*. Многочисленное сословіе писцовъ вдругъ исчезаетъ; являютъя библіотеки, типографшкн, книгопродавцы, библиофилы, библиоманы, библиофаги. Какая роскошь представляется вдругъ умамъ, могущимъ свободно располагать всѣми идеями, какія произвелъ свѣтъ! Приятно читать описаніе Деланда одной изъ первыхъ библіотекъ, составленныхъ, послѣ введенія книгопечатанія въ Англію, благородною фамилією Перси: «она помѣщалась въ башенкѣ, насупротивъ парка, въ самомъ пріятномъ уединеніи и безмолвіи; на дверяхъ была надпись: «Рай». «Башенка была восьмисторонняя, восемь юпитрѣ привѣшено было къ потолку; посредствомъ «пружинъ онѣ спускались и поддерживали книгу, которую всѣмъ хотѣлось «читать». Въ этомъ умственномъ раѣ, многіе проводили большую часть жизни; одни, одаренные гениемъ, обогащали грядущія поколѣнія своими идеями; другіе, невинные эпикурейцы, только наслаждались умственными произведеніями, подобно Голландцу *Van Bosch*, который на ярлыкѣ своихъ книгъ свою собственную особу, роскошно распростертуу среди любезныхъ книжекъ, и прибавилъ латинскую надпись:

Haec nunquam lassat densâ venatio sylvâ.
(Это мой густой лѣсъ; я охочусь въ немъ неутомимо).

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБЗОРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЬ 1843 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайше-конфирмованы новыя штаты канторъ: 1) Придворной Его Величества; 2) Гое-Интендантской; 3) Придворной Конюшенной съ экипажнымъ заведеніемъ; 4) Егермейстерской; 5) Московской Дворцовой; 6) Главнаго Управленія Дворцовыми Правленіями и городомъ Царскимъ-Селомъ, в Дворцовыхъ Правленіяхъ Царскосельскаго, Петергофскаго и Гатчинскаго; 7) Императорскаго Ботаническаго Сада; 8) Медицинскій Высочайшаго Дворца и 9) Положеніе о придворной медицинской частп. За присоединеніемъ по новому штату къ Придворной Конюшенной Канторѣмъ Придворнаго Экипажнаго Комитета, сей послѣдній упраздненъ.

— Учрежденный Высочайшимъ указомъ 18 января сего года въ составѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ Личный Департаментъ повелѣно поручить въ особенное наблюденіе товарища министра, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по разрѣшенію и направленію министра, производилъ отъ себя всю переписку, кромѣ представленій и сношеній съ главными управленіями.

— По необходимости усилить способы Втораго Департамента Государственныхъ Имуществъ какъ по производству люстраціонныхъ дѣлъ, такъ и по размѣриванію инвентарей, Высочайше повелѣно: 1) определять въ сей департаментъ, для производства дѣлъ по люстраціонной части, особаго вице-директора, двухъ чиновниковъ, одного ученаго лѣсничаго и двухъ зоо-техниковъ; 2) Для новыя инвентарей учредить при департаментѣ осо-

бую люстраціонную комиссію, подъ предсѣдательствомъ директора—въ вице-директора по люстраціонной части, инспекторовъ люстраціи, когда они будутъ находиться въ Санктпетербургѣ, начальника люстраціоннаго отдѣленія, старшаго землемера чертежной и ученаго лѣсничаго.

— Въ Департаментѣ Хозяйственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій разрешено нять особаго эзекутора, съ производствомъ ему жалованья по 336 руб. 24 коп. и столовыхъ по 140 руб. 10 коп., всего по 476 руб. 34 коп. сер. въ годъ изъ остатковъ суммъ ведомства путей сообщенія и публичныхъ зданій, и съ отнесеніемъ его: по должности и мундиру къ IX, а по окладу пенсін къ VI разряду.

— Высочайше-повелѣно: контрольную часть Департамента Железныкъ Дорогъ обратить въ отчетную бухгалтерію, переименовавъ старшаго контролера—въ старшіе бухгалтеры, младшихъ контролеровъ въ младшіе бухгалтеры, а счетныхъ чиновниковъ въ помощники бухгалтеровъ,—съ сохраненіемъ прежняго тѣмъ должностямъ присвоеннаго содержанія.

— Высочайше-назначенъ при его святѣлости вранцъ Петръ Олександровскомъ чиновникъ для особыхъ порученій, съ причисленіемъ его къ Департаменту Удѣловъ и съ отнесеніемъ сей должности къ V классу по разписанію должностей и къ V разряду по мундиру.

— Высочайше-утверждено повелѣніе о переобразованіи Комиссіи Ревизіи Отчетовъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Комиссіа эта принимаетъ наименованіе Департамента Ревизіи Отчетовъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Въ этотъ департаментъ поступаютъ изъ комиссіи всѣ дѣла и отчеты съ 1840 года. Для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ за прежнее, съ 1828 года время и незаключенной ревизіи съ 1836 по 1840 годы, учреждаются при департаментѣ временная контрольная отдѣленіе и бухгалтерскій столъ. Существованіе ихъ продолжается не дѣлье 1-го января 1845 года. Департаментъ заключаетъ къ себѣ: общее присутствіе, канцелярію и четыре отдѣленія, въ томъ числѣ: одно техническое, два контрольных и одно бухгалтерское. Въ составъ управленія департамента входятъ и со стороны Государственнаго Контроля обер-контролеръ и два его помощника. Предметъ непрямой обязанности департамента составляютъ: а) Ревизіа технической отчетности, т. е. удостовѣреніе въ действительномъ, соответственномъ и правильномъ употребленіи строительныхъ средствъ, на диспанціа или возведенія сооруженій назначенныхъ; б) Ровная денежныхъ и матеріальныхъ отчетовъ и шнуровыхъ книгъ, во всѣхъ подробностяхъ и во всемъ капиталѣ, въ распоряженіе Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій поступающимъ; в) Разсмотрѣніе и утвержденіе сей двойкой ревизіи и опредѣленіе существенныхъ результатовъ поворки каждаго счета. Разсмотрѣніе и утвержденіе ревизіи и самаго генеральнаго отчета сосредоточивается въ общемъ присутствіи департамента. Оно, подъ предсѣдательствомъ директора департамента, состоитъ изъ вице-директора и трехъ членовъ, въ томъ числѣ одного инженера, одного гражданскаго чиновника и обер-контролера отъ Государственнаго Контроля.

— Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ министру государственныхъ имуществъ, изображено: «Изъ представленнаго вами отчета о посылѣ и урѣнн

приведенъ въ 1842 году, Мы съ особеннымъ удивляемъ усмотрѣли, что, при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстнаго губернскаго начальства и усердіи стремленіи всѣхъ состояній къ исполненію Высшей воли, посевы картофеля введены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воздѣлываніе оного доселѣ было неизвѣстно, по имѣніямъ владѣльческихъ, въ Губерніяхъ: Астраханской и Оловецкой и по казеннымъ селеніямъ въ Губерніяхъ: Вологодской, Костромской, Вятской и Тверической. Мы обратили также вниманіе на успѣшное распространеніе посева картофеля и учрежденіе ренныхъ для переработки его заведеній; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по Губерніямъ: Архангельской, Ярославской, Владимирской, Казанской, Виленской, Подольской, Харьковской и Бессарабской-Области, и по казеннымъ селеніямъ въ Губерніяхъ: Санктпетбургской, Оловецкой, Тверской, Саратовской, Виленской, Могилевской и Волынской. Изъливъ знами Нашего благоволенія отличившимся особеннымъ усердіемъ въ распространеніи сей полезной вѣтви сельскаго хозяйства, Мы, согласно съ представленными отъ насъ предположеніями, повелеваемъ: 1) Въ губерніяхъ, гдѣ посевъ картофеля у государственныхъ крестьянъ увеличился въ общей сложности до 1 четверти на душу и болѣе, пріять учрежденныя при волостныхъ правленіяхъ общественныя посевы и ограничиться таковыми при сельскихъ обществахъ. 2) Въ губерніяхъ, гдѣ посевъ картофеля у поселянъ въ общей сложности не простирается еще до 1 четверти на душу, продолжать вполовѣ дѣйствіе мѣръ, принятыхъ, на основаніи повелѣній нашихъ 8 августа и 3 декабря, 1840 и указа 16 февраля 1842 года. 3) Въ губерніяхъ южныхъ: Астраханской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и въ Области-Кавказской половину общественныхъ участковъ засѣять еще на одинъ годъ картофелемъ, а другую кунгуромъ для раздѣли поселянамъ, нуждающимся въ сѣменахъ. 4) Дѣйствіе поощрительныхъ мѣръ, какъ то: назначеніе почетныхъ наградъ и денежныхъ премій, продолжать по всей губерніямъ и областямъ, распространяя оныя и за посевъ кунгуры по тѣмъ нѣмъ южныхъ губерній, гдѣ раздѣленіе сего продукта еще значительно. 5) Въ поощреніе промышленности къ устройству литейныхъ, крахмальныхъ и другихъ заводовъ, для переработки картофеля, постановить правиломъ, чтобъ за устройство такихъ заводовъ, когда на видѣ въ теченіе пяти лѣтъ сразу будетъ обладаніемъ до трехъ тысячъ четвертой картофеля, награждать серебряными медалями для ношенія на шею, а за обладаніе въ теченіе шести лѣтъ сразу до пяти тысячъ четвертой, золотыми медалями для ношенія на шею; о помѣщеніи же, которое окажутъ особенное усердіе въ устройствѣ подобныхъ заводовъ, представлять на Наше усмотрѣніе. За тѣмъ вы не оставите, на основаніи, воучастыя вами отъ губернскаго начальства, по указу 16 февраля 1842 года, дозволеній, представлять намъ ежегодно отчеты о посевѣ и урожаѣ картофеля по всей губерніямъ, дабы видѣть дальнѣйшіе успѣхи въ развитіи сей отрасли промышленности и награждать полезную предприимчивость сельскихъ хозяевъ.

— Для устраненія озабоченія касательно недостатка въ Сибири казенныхъ мануфактурныхъ заводовъ, Высочайше разрѣшено: 1) Дозволить частнымъ лицамъ устроять въ Сибири мануфактурныя заводы на казенныхъ и частныхъ земляхъ, о чемъ частное разрѣшеніе просить о томъ предоставить сп-

бирскимъ генерал-губернаторамъ, съ тѣмъ, чтобы въ извѣстныхъ мѣстахъ необходимо подъ заводы пространство отведено было только въ земляхъ пустыхъ, нѣкимъ населеннымъ и остающимся, за удовольствіемъ местныхъ жителей, безъ всякаго полезнаго употребленія. 2) При дорожномъ устройствѣ винокуренныя заводы на казенныхъ земляхъ, предоставлять генерал-губернаторамъ назначать по усмотрѣнію местныхъ обстоятельствъ срокъ, въ который заводы должны быть выстроены и винокурение на нихъ начато; если же заводъ въ опредѣленный срокъ не будетъ устроенъ, и когда устроенный заводъ придетъ въ такое положеніе, что винокурение на ономъ совершенно прекратится, то отведенныя подъ заводы земли отбирать обратно въ казну, взыскивая съ тѣхъ, которому она отведена была, за время владѣнія землями безъ производства винокурения по тридцати копеекъ серебромъ въ годъ съ десятины. 3) Желющихъ строить заводы склопать, безъ всякаго, впрочемъ, принужденія, производить постройку оныхъ въ мѣстахъ, болѣе изобилующихъ лѣсомъ и хлѣбомъ, но дѣляющихъ способствъ къ сбыту сего послѣдняго, и сколь возможно отдаляющихъ одно отъ другаго, разрешая въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ построить не болѣе одного завода. 4) По устройствѣ завода на казенной землѣ, взыскивать съ владѣльцевъ оныхъ, по соглашенію съ ними, особый акцизъ съ всякаго ведра выкуриваемаго вина, и, сверхъ того, занимающій употребителю казенный лѣсъ, на вырубку котораго предназначаютъ по удобности годовыя лѣсосѣки, взимать съ заводчиковъ впередъ до введенія въ Сибиря лѣснаго управленія, четвертую часть цѣны, по которымъ будетъ производиться изготовленіе дровъ для ближайшихъ къ заводамъ этапныхъ или другихъ казенныхъ помѣщеній; но введенію же лѣснаго управленія взыскивать съ нихъ попенныя и посажонныя деньги, и 5) въ случаѣ распространенія на сибирскія губерніи системы снабженія окуповъ виномъ въ полномъ количествѣ отъ казны, предоставить заводчикамъ тѣхъ губерній право участвовать въ поставкѣ вина въ казну по ближайшей удобности.

— Для доставленія Девятому Департаменту Правительствующаго Сената вѣстныхъ способовъ къ разрешенію накопившихся дѣлъ, Высочайше повелено: 1) учредить при семъ Департаментѣ временное отдѣленіе; 2) Временному отдѣленію состоять изъ первоприсутствующаго сенатора, и членовъ Сената, особо назначенныхъ; 3) Еслибъ число уголовныхъ дѣлъ, поступающихъ въ Десятый Департаментъ, было столь значительно, что временное отдѣленіе, какъ составленное предпочтительно изъ членовъ Сената, въ семъ департаментѣ присутствующихъ, не было бы въ состояніи внять, по крайней мѣрѣ, два засѣданія въ недѣлю, то намѣстникъ Царства Польскаго представляетъ Государю Императору другія средства къ скорѣйшему окончанію накопившихся дѣлъ; 4) Когда вся готовившаяся въ суданію дѣла, подлежащая разбирательству Девятаго Департамента, будутъ совершенно окончены, то намѣстникъ представляетъ Государю Императору о томъ, для дальнѣйшихъ распоряженій; 5) Предписаніе порядка внутренняго производствъ и означеніе дѣлъ, которыя должны быть переданы во временное отдѣленіе, предоставляется намѣстнику.

— Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ,

дипномъ Правительствующему Сенату марта въ 4-й день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «Манифестомъ Нашимъ 31 января 1833 года, при обнародованіи Общаго Свода Законовъ Имперіи, Мы повелѣли, какъ состоявшіеся послѣ 1-го января 1832 года, такъ и впослѣдствіи по естественному движенію законодательства издаваемыя постановленія помещать по принадлежности въ ежегодномъ сего Свода Продолженіи. Въ исполненіе сей воли Нашей, Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Нашей Канцеляріи, составлены шесть частей сего Продолженія и при изданіи послѣдней, для удобности въ справкахъ и ссылкахъ, всѣ статьи пяти прошедшихъ лѣтъ, до тѣхъ оставшихся въ дѣйствиіи, собраны и вышесказаннымъ въ одинъ составъ съ постановленіями 1838 и первыхъ мѣсяцевъ 1839 года. Польза сего соединенія узаконеній всѣхъ втекшихъ послѣ составленія Свода лѣтъ доказана опытомъ, и потому, а равно и по важности, обширности постановленій, обнародованныхъ въ послѣдніе три года, Мы признаемъ за благо, дабы облегчить еще болѣе употребленіе Свода и указанія на примѣняемыя къ дѣламъ статьи онаго, приступить къ новому сего систематическаго собранія законовъ Нашихъ изданію и чрезъ то съ пользою для всѣхъ яснѣе означить существующую, необходимую связь вошедшихъ въ первоначальный составъ его законовъ, учрежденій и установъ съ состоявшимися въ послѣдствіи дополненіями ихъ и исправленіями. Для сего текстъ всѣхъ статей перваго изданія Свода Законовъ, по тщательномъ ихъ пересмотрѣ, соображенъ и соединенъ съ Продолженіемъ онаго и съ постановленіями 1839, 1840, 1841 и большей части 1842 года. Къ нимъ присоединены и некоторыя изъ узаконеній, которыя по особымъ, имѣвшимъ тогда въ виду, причинамъ, не могли быть помещены въ изданіи 1832 года и подробный сравнительный указатель статей сего перваго изданія съ тѣми же, или замѣнившими ихъ статьями во вторыхъ. Препровождая въ Правительствующій Сенатъ книги сего новаго подъ непосредственнымъ влѣченіемъ и руководствомъ Нашимъ приготовленнаго изданія Общаго Свода Законовъ Имперіи, повелѣваемъ: 1) отнынѣ впредь, то-есть, со времени обнародованія сего указа Нашего и полученія книгъ перваго изданія Общаго Свода Законовъ Имперіи въ каждомъ по принадлежности присутственномъ мѣстѣ или управленіи, ссылатся въ дѣлахъ, вмѣсто статей перваго изданія Свода Законовъ и Продолженій его, на статьи изданія 1842 года. 2) Во всѣхъ мѣстахъ, какъ первой, такъ и средней и высшей степени суда и управленія, по дѣламъ прежде полученія сего указа Нашего и книгъ новаго изданія Свода Законовъ Имперіи уже приготовленнымъ къ рѣшенію или слушанію, оставить указанія на статьи перваго изданія Свода Законовъ и Продолженій онаго и на особыя невошедшія въ нихъ постановленія; въ дѣлахъ же хотя начатыхъ производствомъ, но къ слушанію или рѣшенію еще неготовыхъ, приводить уже статьи изданія 1842 года. 3) По дѣламъ и случаямъ, которые, относясь къ прошедшему времени, должны быть судимы и разрѣшаемы не по настоящимъ, а по дѣйствовавшимъ въ то время законамъ, приводить причисляющіе къ тѣмъ случаямъ и дѣламъ статьи Свода изданія 1832 года и Продолженій онаго, или особыя невошедшія въ нихъ постановленія по принадлежности, руководствуясь при семъ правилами, въ приложеніи къ

статья 102 Учреждения Правительствующаго Сената воспроизво означенными, и 4) Дабы предотвратить всякое для частныхъ лицъ затрудненіе въ ихъ дѣйствіяхъ по дѣламъ и предоставить имъ достаточное время для шествія къ употребленію Общаго свода Законовъ по новому изданію, принять предвѣдомъ, чтобъ до 1-го января 1844 года прошенія, въ которыхъ сосланы на законы будутъ еще по первому изданію свода или Продолженія онаго, не была по сей одной причинѣ возвращаемы просителямъ, хотя въ подлежащемъ по сему прошеніямъ произведены и при рѣшеніи дѣлъ указы на слѣдующіе къ нимъ законы, учрежденія или уставы должны быть дѣлаемы уже по изданію 1842 года.»

— Касательно порядка при ссылкѣ на статью Общаго свода Законовъ Имперіи, изданія 1842 года, Высочайше повелѣно, чтобъ при соблюденіи всѣхъ правилъ, въ 1833 году по сему предмету постановленныхъ, во всѣхъ вообще тѣхъ случаяхъ, когда должны быть дѣлаемы сіи указы, выставлялись послѣ № приводимой статьи слова «Изданіе 1842 года», такъ какъ прежде при ссылкѣ на статьи свода по Продолженію. Впрочемъ, разумеется, что сіе означеніе можетъ быть дѣлаемо сокращенно, какъ, на-пр. «изд. 1842 г.».

III. Губернскія Учрежденія (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ).

— Учреждены ярмарки: 1) въ г. Петровскѣ пятнадцатая съ 27-го июня; 2) въ Яранскѣ съ 20 сентября по 1 октября.

— По случаю обнаруженныхъ беспорядковъ по Комитету о Продовольствіи жителей Архангельской-Губерніи, исправляющій должность тамешняго военнаго губернатора ходатайствовалъ объ учрежденіи, по составленному имъ штату, особаго временнаго отдѣленія, съ постановленіемъ оному въ обязанность: 1) Привести по Комитету въ порядокъ все дѣла и отчетность съ 1833 года (а если представится надобность, то и за предвѣдущее время) по 1843 годъ, составить всѣмъ дѣламъ, по систематическому порядку, описи, а по движенію денежныхъ суммъ отчеты по формамъ за всѣ тѣ годы, за которые по Комитету не была, куда слѣдуетъ, представлена отчетность, и таковыя отчеты, съ разрѣшенія гражданскаго губернатора, отсылать для ревзій по принадлежности. 2) Привести въ извѣстность всѣ недоимки съ 1833 года за розданный въ ссуду хлѣбъ въ общественныхъ и казенныхъ магазинновъ, и открыты, какой должней состоятъ въ 1843 году на лицо весь хлѣбный капиталъ. 3) Предоставить право Отдѣленію, по дѣламъ комитета прежнихъ лѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовать независимо отъ Комитета; входить въ непосредственныя сношенія съ равными Комитету и низшими мѣстами и лицами, и дѣлать высшему начальству представленія, когда встрѣтится въ томъ надобность, и 4) сему Отдѣленію состоять подъ наблюденіемъ гражданскаго губернатора и представлять ежемѣсячный о дѣйствіяхъ своихъ отчетъ главному начальнику губерніи; по совершенномъ же окончаніи дѣйствій своихъ, передать все дѣла и отчеты въ Комитетъ Продовольствія, доноси о томъ главному начальнику. Государь Императоръ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ Комитету Министровъ, утвердилъ въ 30-й дѣль

двара, штатъ означеннаго, Временнаго Отдѣленія, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Отдѣленіе по этому штату учредить немедленно; 2) срокъ для существованія этого Отдѣленія назначить двухгодичный, а сумму на содержаніе оного, въ вѣдѣніи двухъ-тысячь-ста-пятидесяти рублей серебромъ ежегодно, отпускать изъ казны архангельскаго общественнаго магазина, на счетъ возврата въ-последствіи съ виновныхъ въ растрату суммъ и другихъ беспорядкахъ по сказанному Комитету, и 3) Отдѣленію сему состоять подъ наблюдениемъ архангельскаго гражданскаго губернатора, а къ дѣйствіяхъ своихъ руководствоваться въ точности правилами, исправляющимъ должность архангельскаго военнаго губернатора предложеными, ямънать сему последнему въ обязанность ежемѣсячные отчеты Отдѣленія представлять Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, для лучшаго со стороны оного наблюденія за успѣхами дѣйствій сказаннаго Отдѣленія во вѣдомому порученію.

— Оренбургскій войсковой прокуроръ испрашивалъ разрѣшенія относительно порядка наблюденія его за производствомъ дѣлъ въ полковыхъ и станичныхъ правленіяхъ сего войска и исправленія должности ассессора войскаго правленія въ тѣхъ случаяхъ, когда сей послѣдній исправляетъ должность прокурора. Въ разрѣшеніе сего постановлено: 1) Допустить войскаго прокурора оренбургскаго казачьяго войска, въ необходимыхъ случаяхъ, лично обозрѣвать полковыя и станичныя правленія. 2) На сей конецъ выдавать ему провозныя деньги изъ войсковыхъ суммъ, или отпускать подводы отъ земской повинности, смотря по тому, долженъ ли онъ проѣзжать по почтовымъ трактамъ или по проселочнымъ дорогамъ, въ точномъ основаніи ст. 2, 295, книги 2, части I Свода Военныхъ Постановленій; и 3) во время исправленія ассессоромъ войскаго правленія, въ отсутствіе прокурора, должности сего послѣдняго, исполненіе обязанностей ассессора поручать его помощнику или другому ассессору, во усмотрѣнію наказнаго атамана, на основаніи § 280 Положенія объ Оренбургскомъ Казачьемъ Войскѣ.

— Для отвращенія затрудненій въ постройкѣ въ новороссійскомъ краѣ, во недостатку дѣла, станиціонныхъ домовъ, Высочайше повелѣно: производить въ означенномъ краѣ постройку тѣхъ домовъ по вновь-составленнымъ для оныхъ образцовымъ чертежамъ, съ предоставленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшать постройку по онымъ тѣхъ домовъ и въ другихъ болѣе-удобныхъ мѣстахъ.

— Высочайше утверждёнъ проектъ печати для Ярославскаго Общества Сельскаго Хозяйства, съ изображеніемъ ярославскаго губернскаго герба и съ надписью: «Печать Ярославскаго Общества Сельскаго Хозяйства.»

— Устроенная купцомъ Голощановымъ, въ городѣ Черномъ-Яру, богадельня, оставлена въ вѣдѣніи Астраханскаго Приказа Общественнаго Приказанія, на основаніи общахъ правилъ о богадельняхъ, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ приказовъ. Заведенію этому дано названіе Богадельни Голощанова, и учредителю, въ продолженіе его жизни, предоставлено непосредственное управленіе ею и помѣщеніе въ нее призываемыхъ.

— Въ городѣ Крестнахъ упразднены магистратъ, такъ-называемое управленіе городовыхъ дѣлъ и должность гражданскаго головы, съ учрежденіемъ

есть тамъ ратуши, которая должна заведывать всеми общественными, хозяйственными, судными, опекунскими и сиротскими дѣлами.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должность столичныхъ торговыхъ депутатовъ причислена по мундиру къ сельному разряду.

— Высочайше повелѣно: 1) чиновниковъ, изучившихъ за границею искусство буренія артезианскихъ колодезѣй, причисливъ къ ведомству Министерства Государственныхъ Имуществъ, именовать гражданскими инженерами, и двухъ изъ нихъ, назвавъ старшими, считать по должности въ VI, пенсін въ V и мундиру въ VII разрядъ, а двухъ младшихъ по должности въ VIII, пенсін въ VI и мундиру въ VIII разрядъ; 2) На содержаніе сихъ чиновниковъ отпускать изъ Государственнаго Казначейства ежегодно три тысячи рублей серебромъ, съ назначеніемъ изъ сей суммы жалованья: старшимъ по 900, а младшимъ по 600 руб. серебромъ въ годъ каждому; и 3) замѣщеніе, на семь основаній, опредѣляемыхъ чиновниковъ въ первый или второй разряды, съ назначеніемъ присвоеннаго жалованья, предоставить усмотрѣнію Министра Государственныхъ Имуществъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАРТЪ 1843 ГОДА.

Торговля и промышленность.—Ростовская ярмарка нынѣшняго года, начавшаяся съ половины первой недели великаго поста и окончившаяся на третьей недѣлѣ, имѣла въ привозѣ товаровъ, полагая приблизительно, на 17 милліоновъ рублей ассигнаціями; изъ нихъ, выпродано на 13 милліоновъ руб. ассиг. Цѣны были слѣдующія, считая на ассигнаціи: краска кубовая отъ 275, 340 и до 370 руб. за пудъ; продавалась слабо, и часть осталась непроданною. Пряжа бумажная машинная требовалась низкихъ номеровъ, но ея не было. Пряжа бумажная бухарская отъ 35 до 50 р. за пудъ, распродана вся. Пряжа красная, отъ 100 до 120 руб. за пудъ, продавалась плохо. Чай, всѣхъ сортовъ, держались въ цѣнахъ нижегородскихъ. Сахаръ, по началу и въ срединѣ ярмарки, отъ 35 до 36 руб. за пудъ, по случаю дождей и погоды почти вѣшней, затруднившей отправку, слабо требовался, но когда выпала снѣгъ и дорога сдѣлалась какъ среднимъ, сахаръ быстро раскупили, и цѣна возвысилась до 37 руб. Сало свѣтлое 10 руб., а некоторыя партіи 9 руб. за пудъ. Мыло казанское 9 руб. за пуд., поташъ 7 руб. за пудъ; количество его бываетъ очень небольшое и раскупается для домовъ. Масло: деревянное 25 и 26 руб. за пудъ, льняное 8 руб., маковое отъ 11½ до 13 руб., судя по добротѣ; ореховое 42

руб., во сортовъ свѣжихъ не было. Воскъ красный 52 руб. за пудъ, бѣлый 55 руб. Медъ казанскій, патока лучшая 25, средніе сорты 20 руб. за пудъ; вынѣче, медъ казанскій, противъ прошлогодняго, добротою былъ ниже, во весь раскупленъ. Медъ визовый, невысокіе сорты, отъ 15 до 17 руб. Медъ бѣлгородскій, банный, 11½ руб; имъ торговали съ убыткомъ. Кожи сырыя были безъ требованія. Бакалейныхъ товаровъ было немного; по дурнымъ дорогамъ они не могли поспѣть къ ярмаркѣ, и многія партіи сложены извозчиками на пути. Соловина русская 2½ р., черкасская 4 р. за пудъ. Свиинина свѣжая отъ 5 до 6 р. за пудъ. Рыба уральская: осетры и бѣуга свѣжая 13 р., плавная осенняя 11 руб., коренная 9 руб., икра свѣжая отъ 35 до 40 руб. за пудъ. Торговали съ убытками; всѣ эти товары отъ теплой погоды потеряли видъ и доброту. Мука ржаная отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 60 к. за пудъ. Горохъ простой 15 руб. за четверть. Пшено простое 24 руб. за четверть. Овесъ 5 руб. за четверть. Крупа гречневая 14 руб. за четверть. Сѣно отъ 35 до 50 коп. за пудъ. Мука пшеничная отъ 18 до 25 руб. за мѣшокъ, въ 5 пудовъ. Хлѣбныхъ товаровъ было не мало, но ихъ раскупили скоро; только пшеничная мука продавалась худо. Лошадей было мало. Мануфактурными товарами высокіхъ сортовъ торговали худо; но низкими бумажными издѣліями, села Иванова, расторгались, только цѣны были очень-низкія. Ходъ дѣлъ въ ярмаркѣ, вообще, былъ слабъ. Платежи производились не точно; кредитъ затруднялся. Денежныхъ капиталовъ въ оборотъ было примѣтно недостаточно; денегъ, на переводъ до С. Петербурга, самые вѣрные люди найти затруднялись; пріѣзжіе торговцы изъ столицъ, прежде снабжавшіе деньгами, сами только очищали свои переводныя обязательства. Мѣстная промышленность края—полотно, холстъ, пряжа, совершенно упала. Провозы были: въ С. Петербургъ срочные 2 р. 60 к. съ пуда, безсрочныя 1 р. 60 к., въ Москву 85 коп.

—Санктпетербургское и Любское Общество Пароходства, отъ трехъ своихъ пароходовъ, возившихъ ѣздовъ между Санктпетербургомъ и Любекомъ, получило въ минувшемъ году всего сбора, съ разными другими доходами, 145,978½ руб. сер. Изъ этого сбора сдѣлано расходовъ 100,708 руб. 78 коп. Затѣмъ, чистая прибыль за 1842 годъ, составляетъ 45,269 руб. 72 коп. сереб. Назначено въ выдачу акціонерамъ, по 8 руб. сер. на акцію, 32,000 руб.; остальная сумма отчислена въ запасный капиталъ.

— Выдана привилегія помѣщику Петру Полторацкому, на изобрѣтенную имъ маслобойку, для приготовленія масла изъ парнаго молока. Преимущество этой маслобойки, по словамъ изобрѣтателя, состоитъ въ томъ, что масло пригоовляется прямо изъ парнаго молока, отъ-чего оно выходитъ чище, долѣе сохраняется и не имѣетъ ни запаха, ни вкуса, которые заимствуются отъ посуды, при приготовленіи масла по обыкновенному способу изъ сливокъ или сметаны, между-тѣмъ, какъ устройство самой маслобойки весьма-просто, такъ-что ее можетъ сдѣлать всякой бочаръ, и она обойдется въ деревнѣ не дороже рубля серебромъ.

Благотворительность. — Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна изволила назначить въ пособіе бѣднымъ жителямъ города Перми, пострадавшимъ отъ пожара, пять-сотъ рублей серебромъ.

— Въ городѣ Петрозаводскѣ учреждень, 25-го іюля 1837 года, на основаніи Высочайше-утвержденныхъ правилъ, попечительный комитетъ для раздачи денежныхъ пособій бѣднымъ и престарѣлымъ мѣстнымъ жителямъ, изъ капитала, пожертвованнаго неизвѣстнымъ благотворителемъ. Дѣйствіе и отчетъ сего комитета за прошлый 1842 годъ показываютъ что приходъ составлялъ 15,416 руб. 44²/₇ к., расходъ 663 руб. 44⁸/₇ коп. затѣмъ остается 14,782 руб. 89⁴/₇ коп. Въ призрѣніи комитета находилось бѣдныхъ 169 человекъ обоаго пола.

— 19-го марта сего года, миновало десятилѣтіе со времени основанія Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся. Въ-продолженіе сего періода это благотворительное заведеніе постоянно развивалось въ способахъ къ достиженію христіанской своей цѣли. Августѣйшая Фамилія, первая простирала благодѣющую руку; не преставали подражать этому великому примѣру и благотворительные ревнители. Изъ отчета за десятилѣтіе видно, что заведеніе составляютъ нынѣче: 1) Отдѣленіе трудящихся, гдѣ призрѣваемые занимаютъ работою, 2) Школа, для воспитанія призрѣваемыхъ дѣтей, 3) Дѣтскіе пріюты, 4) Магазины для пріема заказовъ отъ публики и сбыта издѣлій трудящихся, 5) Отдѣленія снабженія бѣдныхъ пищею. Польза и благотворительныя дѣйствія сего заведенія неизчислимы. Постоянные доходы Дома, въ-теченіе десяти лѣтъ, простирались до 195,300 руб. асс. Всѣхъ суммъ въ приходъ состояло 945,894 р. 78 коп. въ расходъ было 892,596 р. 3 коп. ассигнаціями.

— Совѣтъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, изъ Всемилоствѣйше даруемыхъ оному способовъ и приношеній частныхъ лицъ, въ-теченіе сентябрьской трети 1842 года, употребилъ на дѣла благотворенія 54,443 руб. 73 коп. серебромъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ТАБАЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ РОССІИ.

Статья первая.

ИСТОРИЯ ВВЕДЕНИЯ ТАБАКА ВЪ ЕВРОПУ.

Можно ли было подумать, при открытіи новаго свѣта, что трава, которою лечились бѣдные дикари острова Сен-Доминга, будетъ имѣть столь сильное вліяніе на состояніе общества всѣхъ народовъ, станетъ предметомъ обширнѣйшей торговли въ Европѣ,—что обработываніе ея распространится быстрѣе, нежели обработываніе самыхъ полезныхъ произрастеній? Кому могло прійти въ голову, что трава эта завоюетъ всю Европу и въ летописяхъ міра получитъ жизнь историческую, будетъ привлекать миллионы обожателей, завистниковъ, гонителей и защитниковъ, вести войну съ невѣжествомъ, предвзудками, и наконецъ утвердить свое владычество вмѣстѣ съ провѣщеніемъ?..

Поучительна и занимательна исторія введенія и распространенія табака въ Европѣ: она тѣсно соединена съ исторіею и проливаетъ большій свѣтъ на состояніе умовъ и образованности одной изъ вели-

Т. XXVIII.—Отд. IV. 1

чайшихъ эпохъ жизни Европы. Исторія табака есть дополненіе къ исторіи человѣческихъ заблужденій и слабостей, дополненіе къ исторіи образованія народовъ, нашихъ предковъ.

Спутникъ Колумба, Гернандезъ изъ Толедо, первый, какъ говорятъ, изъ Европейцевъ, въ 1496 году, узналъ употребленіе табака на островъ Сен-Доминго; онъ называлъ его *tabacco* отъ области Табаго на Сен-Доминго, хотя табакъ носилъ туземное названіе *petate*.

Объ отечествѣ этой великой травы спорятъ, какъ о родинѣ Гомера! Китай и Японія утверждаютъ, что они съ незапамятныхъ временъ знали употребленіе травы *дамбагу*.

По другимъ извѣстіямъ, табакъ найденъ на одномъ изъ Антильскихъ-Острововъ — Табаго, находящемся близъ береговъ Провинціи Каракасъ.

Какъ бы то ни было, скоро выучились Европейцы садить и употреблять его, такъ-что миссіонеръ *Романъ Ганъ*, посланный Колумбомъ (во вторую повздку его въ Америку) на островъ Сен-Доминго для распространенія христіанства, уже нашелъ тамъ (въ 1496 году) Европейцевъ, знавшихъ употребленіе табака и, вѣроятно, имѣвшихъ небольшія плантаціи. Отецъ Романъ взялъ у дикихъ жителей американскихъ острововъ сѣмена табака и привезъ ихъ въ Европу. Они принялись и распространились быстро.

Табакъ разведенъ былъ отъ этихъ сѣменъ въ королевскомъ лиссабонскомъ саду (1550) и скоро съ неизмовѣрною быстротою распространился по всей Европѣ, сдѣлался страстью. Надобно знать, что сперва его употребляли какъ лекарство, называли святою травою, божественною—«*herba divina*», «*Heilekraut, heiliges Wundkraut*», «*herbe, propre à tous les maux; sana sancta*», и пр.; но скоро настоящее употребленіе его въ куреніи и нюханіи пріобрѣло ему гораздо болѣе значительности, но вмѣстѣ навлекло и гоненія.

Гоненія на табакъ начались съ медицинскаго факультета въ Парижѣ и скоро распространились по всей Европѣ. Доктора возстали сперва противъ цѣлебной его силы; Лудовикъ XIV велѣлъ говорить въ церквахъ на кафедрахъ противъ употребленія табака курительнаго и нюхательнаго, противъ тѣхъ, «*qui pulvérisaient leur tabac en église*(*)». Въ 1690 году, Иннокентій торжественно проклялъ злоудную траву.

Папа Урбанъ VIII-й грозилъ анаѣмою нюхающимъ въ церквахъ; Елизавета, королева англійская, строго запрещала куреніе табака; Іаковъ I-й тщетно убѣждалъ подданныхъ своихъ оставить предосу-

(*) Тогда табакъ носили въ папушахъ въ карманахъ и, по мѣрѣ надобности, натирали его въ маленькой ручнѣй машинкѣ.

дательную привычку, разрешалъ разведеніе табака только въ Ирландіи, дозволилъ имѣть его не болѣе 100 фунтовъ, писалъ противъ него, называя его «чортовою травою, развращающею нравственность, затмѣвающею разумъ»; наконецъ, чтобъ прекратить его ввозъ, наложилъ на табакъ огромную пошлину, по 8 рублей за фунтъ.

Въ своихъ апоэегмахъ говоритъ онъ, что еслибъ ему пришлось угощать дьявола, то онъ подалъ бы ему свинины, горчицы съ сушеною трескою и трубку табака.

Британскій Соломонъ (какъ называли Іакова I-го, le Salomon de la Grande Bretagne) проповѣдывалъ («A counterblaste to tabacco»); что... «эта нестерпимая привычка, отвратительная для глазъ, для чувства обонянія, опасна и для мозга, вредна для груди, — привычка, которая около курителя распространяетъ запахъ заразительный и столь смертоносный, что кажется будто онъ исходитъ изъ ада»...

Въ Швейцаріи, граждане негодовали на курителей и нюхателей, и наконецъ за употребленіе табака стали наказывать какъ за предлюбодѣніе и убійство, какъ за грѣхъ «запрещенный самимъ Богомъ». Эдиктъ, изданный въ Бернѣ, проклиналъ табакъ. Въ 1675 г. учреждена была особая судебная палата для преслѣдованія и осужденія табачниковъ.

Въ Венгріи, въ 1670 году, запрещено курить подъ опасеніемъ значительной пени (200 и 300 гульденовъ).

Азія столь же враждебно приняла табакъ. Амуратъ IV-й водилъ табачниковъ съ петлею на шеѣ по улицамъ, выставлялъ отрубленные ихъ головы передъ народомъ съ трубкою въ носу; шахъ Аббасъ жегъ курителей вмѣстѣ съ трубками и табакомъ.

Любопытно отыскать причину этихъ проклятій и гоненій за употребленіе новаго растенія. Неопытные доктора почли его вреднымъ; но одинъ ли табакъ надобно запрещать и проклинять, заботясь о здоровьѣ людей?..

Можетъ-быть, высокая цѣна табака, въ началѣ его введенія, пугала правительство и заставляла его стараться объ истребленіи новаго вреднаго роскоши. Или всякое нововведеніе, въ обычай ли, въ одеждѣ, въ пищѣ, пугало старое поколѣніе, котораго представителями были тогда папы?..

Присоединить ли къ этимъ предполагаемымъ причинамъ видъ курящаго табака, у котораго идетъ изо рту дымъ, какъ у дьявола легенды и преданій? Или онъ напоминалъ фокусника, жонглѣра, Магара или Индійца, извергавшаго дымъ и пламя ртомъ и глотавшаго шпатель?..

Это могло быть въ тогдашнія времена младенческихъ предрасудковъ и мелочнаго фанатизма. Націи старовѣры и теперь не терпятъ зашка табака, но совершенно не могутъ отдать отчета въ этой нена-

висти, опираясь только на тексты св. писанія и перетолковывая их по-своему. Кроме того, не зная хорошо свойств табака, увеличивали его вредъ и вліяніе на здоровье людей. Какъ бы то ни было, но всѣ старанія властей духовныхъ и свѣтскихъ уничтожить зло были напрасны: табакъ распространился быстро во всѣхъ частяхъ свѣта.

Папа Венедиктъ XIV-й, въ 1724 году, снялъ наконецъ проклятіе съ курителей (онъ самъ привыкъ нюхать табакъ), когда уже вся Европа курила, нюхала и садила табакъ, не смотря на многократныя запрещенія, повторявшіяся въ-теченіе XVIII-го столѣтія.

Ему представляли, что во время долгихъ объѣдовъ невозможно было воздержаться отъ употребленія табака, который, сверхъ-того, спасалъ отъ грѣха и соблазна...

Знаменитый докторъ Лудовика XIV-го, *Фагонъ*, проповѣдывалъ всенародно о смертоносномъ дѣйствіи табака на здоровье, до того забываясь, что въ жару своего краснорѣчія безпрестанно нюхалъ и не замѣчалъ смѣха публики!.. Можно ли было послѣ того думать остановить употребленіе табака?..

Читая любопытную исторію введенія его, мы видимъ въ это время уже реформацію въ идеяхъ народовъ Европы. Когда открыто его употребленіе, когда онъ родился и выступилъ на сцену міра, была открыта Америка, былъ узнанъ путь въ Индію, готовилась реформація въ Германіи—реформація въ идеяхъ всей Европы; раждался новый періодъ жизни ея.

Табакъ родился во-время, какъ Лютеръ!.. Раннее явленіе его было бы пагубно ему, какъ безвременное явленіе Гусса, непонятаго современниками. Его бы такъ же сожгли, прокляли и истребили папы, какъ гениальнаго проповѣдника новыхъ идей.

Но было все приготовлено для его безопасности и успѣховъ: развившаяся промышленность въ возникшемъ среднемъ сословіи, кипучая дѣятельность торговли, потребность роскоши, развившаяся съ образованіемъ, ослабленіе власти папъ, которыхъ проклятіе не пугало народовъ, усовершенные пути сообщенія между самыми отдаленными странами,—все готовило табаку поприще свободное, просторное и славное...

Упомянувъ о гоненіяхъ, которымъ подвергался табакъ при явленіи его въ Европѣ, не лишнимъ считаемъ сказать, какимъ образомъ появился онъ въ разныхъ государствахъ.

Посолъ французскій при португальскомъ дворѣ, Жанъ Нико-де-Вильменъ (*Jean Nicot de Villemain*), привезъ табакъ въ 1560 году въ Парижъ, гдѣ онъ и сталъ извѣстенъ подъ именемъ никотианы (*Nicotiana*) или *табако*, и вскоре вошелъ въ сильное употребленіе при дворѣ Маріи Медичи; она до того пристрастилась къ табакѣ, что его стали называть «*poudre à larcine*» королевиною травою, «*herbe à*

la reine», также «herbe au grand prieur, herba Catharinae, herba reginae» и проч.

Въ Англію, около этого же времени, привезли табакъ моряки знаменитаго Драка, которымъ нравился онъ какъ развлеченіе въ скуку долгаго плаванія и употреблялся ими, кромѣ того, какъ лучшее средство отъ животныя болей, какъ употребляютъ его и дикари; при дворѣ введенъ онъ въ употребленіе знаменитымъ щеголемъ Ралей-гомъ (Ралейгъ курилъ его сначала по-тихоньку, запершись въ своей комнатѣ; человекъ его, вошедъ къ нему въ то время и увидя, что дымъ идетъ изо рта барина, началъ изо всѣхъ силъ плескать ему въ лице водою: усердный слуга подгагалъ, что у барина загорѣлась внутренность) — и всѣ бросились курить и нюхать: курили судьи въ присутствіи, курили и нюхали въ церквахъ, на гуляньяхъ и дома; завелены были дома и комнаты для общаго куренія табака. Первые «*tabagies*» явились въ Лондонѣ; но табакъ нюхательный и табакерки показались сначала только въ высшемъ кругу, куда долго не могъ проникнуть курительный.

Замѣчательно, что въ Италію привезъ табакъ кардиналъ Санта Круче, бывшій въ Испаніи папскимъ нунціемъ; въ Италіи былъ принятъ табакъ съ такимъ же, можно сказать, восторгомъ, какъ и въ Англіи; наконецъ распространился и въ Азіи и всюду, а также скоро и употреблялся съ такимъ же излишествомъ.

Можетъ-быть, эта-то неумѣренность въ употребленіи и заставила гнать его.

Въ Индію привезенъ былъ табакъ въ началѣ XVII вѣка, подъ названіемъ *святой травы*; въ 1610 году его привезли въ Африку уже не какъ рѣдкое растеніе, но 60 т. фунтовъ; а въ Арландію болѣе милліона фунтовъ.

Въ Россіи первыя свѣдѣнія о табакѣ относятся ко времени Іоанна Васильевича Грознаго; прежде табакъ и не могъ быть привезенъ къ намъ, введенный въ Англію при Елизаветѣ, современницѣ Іоанна. Известно, что съ 1553 года, съ открытія порта архангельскаго Ченслеромъ, Англичане начали привозить туда табакъ вмѣстѣ съ солью, виномъ, бумагою французскою и проч., и хотя они выбирали табакъ самый плохой, который у нихъ уже не годился, но не смотря на это, Русскіе охотно мѣняли его на свои товары.

Запрещенія на табакъ не было въ Россіи до Михаила Ѳеодоровича; Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ не упоминаютъ о табакѣ; потому Самозванцы, междуусобія и войны не позволяли правительству обращать вниманіе на всѣ подробности внутренняго управленія государствомъ. Вѣроятно, Англичане и другіе иностранцы, пользуясь свободою торговли табакомъ въ Россіи, ввозили его къ намъ въ значительномъ количествѣ, такъ-что, наконецъ, распростра-

нившееся употребленіе его обратило на себя вниманіе Михаила Феодоровича. Гоненіе на табакъ послѣдовало и въ Россіи; церковь наша, послушная волѣ государей, не отлучала и не проклинала любителей табака; но тѣмъ строже начало ихъ преслѣдовать правительство, строже, нежели въ другихъ государствахъ Европы. Указы, запрещающіе подѣ жестокимъ наказаніемъ употребленіе табака, весьма многочисленны и повторяются часто съ самаго начала царствованія Алексія Михайловича до начала царствованія Петра I. За употребленіе «зелія табачища» рвали ноздри, наказывали плетью и отнимали на государя имѣніе и казнили. Въ Уложеніи Алексія Михайловича (1649. Полн. Собр. глав. XXV, п. II-й) упоминается указъ Михаила о преслѣдованіи курителей, гдѣ сказано между прочимъ слѣдующее: «По указу блаженныя памяти вел. госуд. царя и вел. князя Михаила Феодоровича Всея Россіи и проч... А кто русскіе люди и иноземцы табакъ учнутъ держати или табакѡмъ учнутъ торговати: и тѣхъ людей и торговцевъ и купцовъ вѣдно имати и присылати въ Новую Четверть и за то тѣмъ людямъ чинити наказаніе «большое, безъ пощады, подѣ смертною казнію и дверы ихъ и животы имая, продавати...» и проч.

Алексій Михайловичъ также строго преслѣдовалъ табачниковъ: всѣхъ Русскихъ и иноземцевъ, у которыхъ находили табакъ, наказывали смертію (Улож. 25), пытали и сѣкли. Въ Уложеніи (гл. XXV) сказано: «А которые стрельцы и гуляющіе и всякіе люди, съ табакѡмъ будутъ въ приводѣ двжды или тржды: и тѣхъ людей пытать и неодинаво и бити кнутомъ на козлѣ или по торгамъ; а за многіе «приводы у такихъ людей пороти ноздри и носы рязати», и проч.— «и ссылатъ въ дальніе города.»

Замѣтимъ, что въ Россіи, какъ и всюду, въ высшихъ классахъ вошелъ въ употребленіе сперва нюхательный табакъ; въ древнихъ англійскихъ постановленіяхъ и въ нашихъ первыхъ указахъ упоминается о *моханіи* въ церквахъ, въ судахъ, — о *порошкѣ* табачной.

Въ 1683 году, въ именномъ указѣ, 26 мая, царей Іоанна и Петра Алексіевичей, находится строгое повелѣніе останавливать Черкасскъ и иноземцевъ, провозившихъ табакъ изъ городовъ малороссійскихъ: тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ найдется табакъ, по отборѣ его, отсылать въ ихъ земли. Подобныя постановленія повторялись часто.

Табакъ привозили къ намъ много изъ Малороссіи, бывшей тогда въ подданствѣ Польши, съязвшей его скобедно и въ такомъ множествѣ, что излишнее количество сбывалось въ сосѣднія государства. Кромѣ того, табакъ шелъ къ намъ черезъ Архангельскъ, черезъ западныя границы наши и Литву, черезъ Астрахань, — словомъ, отовсюду везли иноземцы табакъ въ Россію, не смотря на строгіе указы и наказанія, что видно изъ указа терекскому воеводѣ князю Вол-

конскому. Дурныя таможни, худо устроенная правительственная часть, неисполненіе указовъ,—все это не могло утратить торговцевъ товаромъ, который покупался такъ охотно.

Притомъ уже два вѣка прошло со времени введенія табака; уже почти вся Европа нюхала и курила; могъ ли табакъ не войти въ Россію? И у насъ его также курили и нюхали, и даже садили. Въ указъ нерчинскому воеводѣ предписывается: «у всякихъ русскихъ людей и у иностранцевъ табакъ сырой и толченый и дымный и на полъ сѣянный вельти вынимати», и т. д.

Эти плантаціи табака въ отдаленной Сибири въ 1690 годахъ заставляютъ думать, что Китайцы справедливо приписываютъ себѣ разведеніе табака съ незапамятныхъ временъ; дѣйствительно, наши сибирскіе поселенцы скорѣе могли достать его изъ Китая, нежели изъ Россіи. Табакъ американскій привезенъ въ Индію въ XVII вѣкъ; о привозѣ же его въ Китай ничего не извѣстно. Притомъ, если бы Китайцы и получили табакъ отъ Европейцевъ въ это время, во всякомъ случаѣ трудно предположить, что плантаціи его до того распространились въ недоступномъ Китаѣ, что онъ могъ сбывать табакъ свой за границу.

Наконецъ самъ всемогущій Петръ уступилъ табаку поле битвы; въ его указахъ, запрещавшихъ употребленіе табака, видна борьба стараго мнѣнія съ новымъ; не трудно рѣшить, которое должно было превозмочь: при Петрѣ наказанія за табакъ уменьшились значительно: носовъ не рѣзали, живота не лишали. Въ указъ воеводѣ тобольскому, князю Черкасскому, назначено табачникамъ наказаніе кнутомъ; потомъ тюрьма и отданіе на поруки—только, и притомъ за многіе приводы: «а выемочный всякій табакъ вельтъ въ Тобольскъ на торгу сжечь (*), и сколько его сожгутъ, о томъ доносить царю», и проч.

Служивымъ людямъ запрещено было курить въ острогахъ подъ опасеніемъ кнута (**); налагались на курильщиковъ и продавцовъ «питья» пени: за 1-й приводъ 25 руб. съ купца и по 1 руб. съ пойманнаго «питуха»; за 2-й 50 руб. и бить кнутомъ; за 3-й 100 руб., а если нечѣмъ платить, то наказывать и ссылатъ въ ссылку; о смертной казни уже не упоминается.

Наконецъ, путешествіе Петра за границу въ 1697 году кончило гоненія на табакъ въ Россіи и совершенно измѣнило взглядъ правительства какъ на пользу злаго произрастенія, такъ и на употребленіе его. Силою яснаго ума свергнувъ съ себя иго предрасудковъ, Петръ

(*) Полное Собр., 1594 г., ч. 14.

(**) Наказъ 1696 г. 18 февр.

увидѣлъ выгоды, какія можетъ извлечь онъ изъ торговли табакомъ и пожелалъ ими воспользоваться. Онъ зналъ, что въ Россіи курятъ, нюхаютъ, покупаютъ и продаютъ табакъ, не смотря на запрещенія и наказанія; узналъ, что въ Европѣ табакъ имѣлъ подобную же участь. Петръ не боялся сопротивленія стариковъ и при обѣщаніи Англичанамъ свободнаго провоза табака въ Россію, сказалъ, что заставить курить всѣхъ. Табакъ получилъ право гражданства въ Россіи съ 1697 года; въ бытность Петра въ Голландіи въ 1697 г. графъ Пемброкъ, отъ имени англійскаго купечества, просилъ у царя позволенія ввозить въ Россію табакъ, предлагая за это значительную сумму; потомъ, въ 1698 году, въ Лондонѣ, лордъ Кармартенъ возобновилъ это предложеніе. Между-тѣмъ, вѣроятно въ-слѣдствіе проекта Пемброка, съ 1697 года объявлено было свободное употребленіе табака въ Россіи, ввозъ его, и торговля съ платою пошлины. «На Москвѣ и въ городахъ и въ Сибири продавать табакъ и торговать явно; для того, вѣдомо ему великому государю учинилось, что во многихъ домѣхъ у всякихъ чиновъ людей табуку является много и изъ черкасскихъ городовъ и изъ-за моря къ архангельскому городу привозятъ и продаютъ табакъ тайно... «съ вѣдома воеводѣ» (*).

На табакъ, разводимый внутри государства, наложена десятичная пошлина, доставлявшая казнѣ $\frac{1}{10}$ часть произведеній. Для пошлины съ продаваемого табака учреждены заставы и таможи, какъ на границахъ государства, такъ и внутри во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, не иначе, однако, какъ возлѣ кабаковъ, потому-что сборъ пошлины производился на правилахъ питейнаго.

«По его великаго государя именному указу вѣлно въ Москвѣ и «въ другихъ городѣхъ продавать табакъ явно...». «Вѣлно быть табачной продажѣ въ городѣхъ и уѣздѣхъ и въ дворцовыхъ селахъ и въ волостяхъ, гдѣ бывають кабаки; а не въ монастырскихъ и не въ помѣщичьихъ и не въ вотчинниковыхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ.» ...«А февраля въ 1-й день, въ указѣ великаго государя въ Польскій Приказъ написано: указалъ великій государь на Москвѣ и въ Новонѣмецкой Слободѣ поставить свѣтлицу и въ ней продавать табакъ «явно, на вѣрь, гостинной сотни Мартыну Богданову съ ларечными; «а иноземцу, Томасу фонъ Брехту, табакомъ не торговать... такъ же «какъ и другимъ иноземцамъ...» «чтобъ тѣмъ сбору денежной казнѣ «недобору не учинилось...» (**). Въ Москвѣ отведены были близъ питейныхъ домовъ особыя палаты, а въ городахъ постоянные дворы, для складки и торга привозимаго табака. Сборъ начался съ 1-го декабря 1698 года назначенными сборщиками.

(*) Указъ 1 февраля 1697 г.

(**) Полн. Собр. ст. 1622.

Пошлины назначены были слѣдующія: въ Архангельскѣ, въ Москвѣ и другихъ городахъ съ виргинскаго и канастера по 5 алтынъ съ пуда; съ *тонкаго* (польскаго, вывозимаго также изъ Швеціи) 3 алт. и 2 деньги съ фунта; съ *листоваго* и *витаго* черкаскаго—10 денегъ съ фунта.

Въ этомъ же указѣ продажа его отдавалась на откупъ; но откупщики не являлись, вѣроятно потому, что промышленники наши еще не видѣли выгодъ отъ этой торговли «проклятымъ зеліемъ», считали ее предосудительною; купцовъ предприимчивыхъ, являющихся въ государствахъ образованныхъ, еще не было въ Россіи.

Въ одной Вологдѣ взялъ откупъ гость Богдановъ, какъ видно изъ грамматы вологодскому воеводѣ Захарову (апрѣл. 15, 1697).

Но онъ не болѣе года пользовался откупомъ: въ этомъ же году (указомъ 5 декабря 1698) онъ былъ уничтоженъ, и объявлена свободная торговля табакомъ во всей Россіи.

При сборѣ пошлинъ определенъ таможенный голова, этотъ же Мартынъ Богдановъ, и цѣловальники (ук. 5 дек., см. Собр.).

Въ этомъ же году (указ. 14 мая 1697, данный околыничему кн. Волконскому, определенному на Терекъ воеводою) подтверждено было запрещеніе провозить табакъ безъ пошлинъ черезъ Астрахань и дозволено было живущимъ въ городахъ иноземцамъ держать для собственнаго употребленія по 20 фун. табака на мѣсяцъ. Въ другомъ наказѣ (1697 іюня 23) строго запрещалось воеводамъ въ Сибири (подъ смертною казнію) мѣнять табакъ туземцамъ на мѣха и ружья: дикари сибирскіе, чрезвычайно лакомые до табака, скоро опустошили бы всѣ лѣса свои, истребили бы всѣхъ пушистыхъ звѣрей.

Такимъ образомъ предложеніе Кармартена, обезпечивавшее доходъ съ табака, должно было показаться Петру выгоднымъ. Лордъ Кармартенъ обязался платить 200 тыс. фун. ст. за право ввоза табака въ Россію и далъ задатка 12,000 фунт. стерл. (*).

Замѣчательно, что на эти самыя деньги царь накупилъ въ Лондонѣ разныхъ припасовъ, рѣдкостей, инструментовъ и нанялъ въ службу русскую многихъ иностранцевъ: математика Фергерсона, инженера Перри, мастера Джона Дина и проч.

Вѣроятно, царя-преобразователя и хозяина прельстило это большое количество наличныхъ денегъ, которыя были ему тогда такъ нужны; договоръ былъ невыгоденъ и притѣснителенъ для Русскихъ, какъ увидимъ послѣ.

Полномочные послы Петра, генерал-адмиралъ *Лефортъ* и воинскій комиссаръ графъ *Головкинъ*, въ договорѣ съ Кармартеномъ, ме-

(*) Тогдашній англійскій фунтъ стер. равнялся двумъ серебр. рублямъ, т. е. 24,000 р. сер.

жду прочимъ писали: «Мы, великіе и полномочные нижеподписанные послы, попеченіе имѣя, дабы чрезъ умноженіе торговли и купечества между его царскимъ величествомъ и его королевскаго величества великобританскаго подданныхъ великій прибытокъ и польза обоимъ государствомъ прирастала отъ привозу и расходу многого числа товаровъ, особливо же травы *никоціаны*...» (*), предоставили Кармартену съ повѣренными его исключительное право ввозить въ Россію табакъ въ продолженіи 7-ми лѣтъ (**); ежегодно по 16,000 бочекъ, въ каждой по 500 фунтовъ табака; съ фунта обязанъ былъ онъ платить пошлины 4 коп.

Царь обязался съ своей стороны запретить разведеніе табака въ Малороссіи и привозъ его въ Россію изъ другихъ государствъ. За двѣ бочки табака, которыя Кармартенъ обязался доставлять собственно въ казну, сверхъ первыхъ шестнадцати тысячъ, получилъ онъ привилегію провозить въ Россію трубки, табакерки и прочія вещи, необходимыя для употребляющихъ табакъ. Для любопытныхъ приведемъ слова самаго постановленія (указ. 14 іюля 1698): «На Москвѣ и въ городахъ и въ уѣздахъ, кромѣ черкасскихъ городовъ, табаккомъ торговать и табачныя нѣмецкія трубки и *коробочки* и иныя мелочи, къ тому табачному куренью принадлежащія, провозить королевскаго величества англійскаго Перегрину лорду маркизу Ф. Кармартену и его учрежденнымъ или прикащикамъ; а иному никому тѣмъ табаккомъ не торговать и трубокъ и коробочекъ не привозить».

Въ-послѣдствіи, признанъ этотъ договоръ невыгоднымъ для Россіи, потому-что пошлина въ 200 т. ф. оказалась слишкомъ ничтожною въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя казна могла получать за привозъ табака изъ другихъ государствъ; и потому договоръ соблюдался не строго; контрабанда производилась съ дозволенія правительства. Съ 1698 года привозили въ Россію изъ Китая табакъ, называемый *шаръ*, съ платою пошлины по два алтына и двѣ деньги съ фунта (ук. 4 апр. 1698); ввозъ продолжался, и лордъ *Витвортъ*, посланникъ англійскій, принужденъ былъ жаловаться царю; онъ требовалъ или строгаго возобновленія договора, или покупки всѣхъ запасовъ табака, привезеннаго Англичанами въ Россію. Въ 1704 году (31 дек.), вѣроятно, въ-слѣдствіе этой жалобы, принужденъ былъ царь повторить иностранцамъ запрещеніе торговать табаккомъ и ввозить его.

По истеченіи же 7-ми лѣтъ, когда кончился договоръ съ Англіею, правительство снова взяло на себя торгъ табаккомъ. Табакъ былъ скупленъ у Англичанъ, и торговля имъ учреждена была по образцу питейной. Въ это время Петръ, въ 1706 г., искалъ дружбы Англій,

(*) 16 апр. 1699.

(**) Бергманъ говоритъ, что договоръ былъ заключенъ только на 3 года.

угрожаемый Карломъ; примѣчательно письмо его (1706 г. 3 апрѣля) по случаю спора за табакъ съ консуломъ британскимъ, Карломъ Гутселенъ; письмо писано къ комиссару Курбатову.

«Господинъ Курбатовъ! по полученіи сего письма согласись о табачномъ дѣлѣ съ г. адмираломъ и взявъ у него совѣтъ, призови Гутселя; объяви ему, что ты получилъ нашъ указъ, дабы съ нимъ договориться о пріемѣ въ цѣну всего остаточнаго компанейскаго табаку... Также зѣло недобро вы сдѣлали, что англійскому консулу сказали, что часть, а не весь табакъ принять. Хотя вѣрно и часть принять, однакожь объявлять было не надобно».

Цѣны на табакъ, взятый въ распоряженіе правительства, назначены были слѣдующія: за фунтовый по 2 алтына, по 2 деньги за фунтъ; штей—2 деньги за аршинъ; тертый—6 алтынъ за фунтъ. Продавали его такъ-называемые кабацкіе бурмистры и цаловальники («И тѣ сборныя за табакъ со особымъ подобіемъ штейныя продажи, штейныя вѣдомости присылали изъ городовъ къ Москвѣ»). За тайную продажу табака брали половину товара въ казну; а четверть этой половины—извѣтчику; сверхъ того, обличеннаго ссылали въ Азовъ или въ Сибирь на каторгу.

Въпротивно, казенная продажа табака не приносила казнѣ большихъ выгодъ, потому-что черезъ десять лѣтъ она была отмѣнена и отдана снова на откупъ (*). Неизвѣстно, однако, взятъ ли былъ этотъ откупъ.

Между-тѣмъ, мало-по-малу распространялось употребленіе табака и разведеніе его въ Россіи; особенно Малороссія, изстари снабжавшая насъ табакомъ, начала успѣшно разводить его уже изъ сѣменъ американскихъ. Мануфактур-Коллегія, получивъ листья новаго малороссійскаго табака, писала, что онъ далеко превосходитъ черкасскій. И потому Петръ употреблялъ въ средства для поощренія этого важнаго промысла, видя начало успѣховъ его въ Россіи; онъ выписывалъ сѣмена и мастеровъ, строилъ мельницы по образцу голландскихъ для крошенія, толченія и витья въ рули табака; старался распространить и улучшить табачныя плантаціи.

Въ 1724 году, повелѣно было выписать изъ Мадрита, Лондона и Парижа лучшихъ американскихъ сѣменъ табака (**); но, къ сожалѣнію, это не удалось: консулы наши въ Испаніи и Франціи отзывались, что нигдѣ не могли достать хорошихъ сѣменъ—въпротивно потому-что иностранцы боялись потерять свои выгоды, способствуя разведенію табака въ Россіи.

(*) Ук. 10 октябр. 1716.

(**) По 1/2 ф. сѣмень и по 1 ф. табака въ листахъ, для сравненія этихъ листовъ съ тѣми, которые предполагалось выростить.

Въ этомъ же 1724 году, прежній десятинный оброкъ съ табака велѣно замѣнить денежнымъ; огромное количество собраннаго табака требовало значительныхъ построекъ для своего помѣщенія. «Понеже, по объявленію Малороссійской Коллегіи, десятиннаго табаку на «прошлые 1722 и 23 годы въ сборъ на лицо и собрать надлежитъ «много число, и мѣсто таково, гдѣ оный положить, сыскать не надѣются... А ежели, какъ прежде сего было при гетманѣ, брать деньгами по 60 коп. за пудъ. И того за оный имѣеть быть въ сборъ «2,403 руб. 27 коп., и на тѣ деньги можно купить табакъ дешевле». Изъ этого видно, что количество собраннаго десятиннаго табака состояло изъ 400 пудовъ; но во сколько времени оно собрано, было ли изъ него что-нибудь употреблено—это намъ неизвѣстно.

Первая фабрика табачная заведена была Петромъ въ Ахтырскѣ по образцу голландскихъ; но годъ основанія ея не извѣстенъ, вѣроятно, около 1714 или 15-го года, потому что объ успѣшномъ началѣ работъ ея пишетъ Петръ отъ 3 марта 1717 года. Къ ней приписано было 550 дворовъ крестьянъ; иностранцы-мастера обучали русскихъ мальчиковъ, выбираемыхъ изъ Черкассовъ; работники получали хорошее жалованье. Большое количество собираемаго десятиннаго табака въ Малороссіи опредѣлило мѣсто фабрики въ Ахтырскѣ; она должна была идти хорошо, пользуясь удобствомъ мѣста, и приносить значительныя выгоды краю, снабжая его сѣменами хорошаго голландскаго и американскаго табака; но со смертію царя фабрика рушилась отъ недосмотра, и Россія не могла построить другой табачной фабрики до царствованія императрицы Екатерины II. Между-тѣмъ, фабрика шла успѣшно при жизни Петра; это видно изъ письма его-самого къ вице-адмиралу Крейсу (3 марта 1717 г). «Письмо ваше, отъ 7 генваря писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишете, что табачная работа начинается происходить изрядно; за которые ваши труды вамъ «благодарствуемъ; и о размноженіи того дѣла по вашему предложенію обстоятельнѣе писали мы къ интаубенахту, князю Меншикову...»

Но одна ли табачная промышленность потеряла, со смертію Великаго Петра, своего покровителя? Потерю эту чувствовала вся Россія съ 1725 по 1762 годъ. Въ этотъ промежутокъ времени ничего не сдѣлано было важнаго для табачнаго промысла.

Обозначимъ вкратцѣ распоряженія тогдашняго правительства въ этомъ отношеніи. Императоръ Петръ II-й разрѣшилъ посвѣтъ и вольную продажу табака, съ пошлиною по 20 коп. съ пуда и по одной деньгъ съ фунта. На табакъ, который вывозили Русскіе за границу, также наложена пошлина; табакъ черкасскій шелъ безъ пошлины въ Финляндію, Эстляндію и Лифляндію; Архангельскъ также имѣлъ право вывозить табакъ безъ пошлины въ Норвегію; Астрахань въ

Персію; Сибирь въ Монголію и калмыцкія земли. На привозимый иностранный табакъ не было пошлвынъ:—льгота весьма полезная тогда, когда еще эта промышленность была только въ началъ своего развитія.

Ахтырскій Заводъ отдаваемъ былъ на содержаніе, но его никто не бралъ; онъ пришелъ въ разстройство и отданъ былъ наконецъ во владѣніе ахтырскому полку въ 1727 году.

Такимъ образомъ видно, что съ Петра-Великаго табачная промышленность въ Россіи не только не развилась и не распространилась, но, напротивъ, пришла въ упадокъ, не смотря на усилившуюся потребность въ произведеніи.

Доходъ казны съ табака былъ ничтоженъ; пошлыны собирались невѣрно, платились несправно: то отменялись, то снова налагались и сама продажа его производилась, то по распоряженію самого правительства, то отдавалась на откупъ. При императрицѣ Елизаветѣ, купецъ Матвѣевъ (съ компаніею) взялъ откупъ табака съ 1-го января 1749. года, обязавшись платить по 42,891 руб. 60¹/₄ коп. въ годъ, кромѣ крепостныхъ, печатныхъ и прочихъ пошлынь, числомъ на 2,551 руб. 16¹/₄ коп. Откупъ этотъ былъ не тяжелъ, потому-что купленный табакъ у Матвѣева можно было продавать по частямъ «въ разницу». По окончаніи срока его, новый откупщикъ давалъ казнѣ 63,662 руб. 61 коп. сверхъ пошлынь. Потомъ, въ 1753 году, откупъ былъ отданъ санктпетербургскому купцу *Гордылеву* за 70,000 руб. въ годъ, срокомъ на 6 лѣтъ; и наконецъ послѣдній откупъ табака взятъ былъ графомъ генерал-фельдмаршаломъ *Шуваловымъ* съ платою по 70,000 руб. ежегодно, на 20 лѣтъ; но смерть Шувалова прекратила эту монополію. По-видимому, участіе вельможи въ дѣлахъ торговли и промышленности должно было принести свѣдствія благодѣтельные; но вышло напротивъ: участіе Шувалова едва совершенно не истребило табачный промыселъ въ Россіи; оно въ три года успѣло значительно уменьшить сбытъ русскаго табака за границу. Шуваловъ не только не заботился о томъ, чтобъ сдѣлать русскій табакъ лучше, но примѣшивалъ въ табакъ, отправляемый за границу, постороннія вещества, для приданія ему тяжести. Русскій табакъ не стали покупать, и цѣна на него такъ упала, что его перестали у насъ сажать и довольствовались табакомъ заграничнымъ. Въ Малороссіи, многія плантаціи были уничтожены; это видно изъ словъ самого Шувалова, который жаловался на то, что его табака выхолодитъ значительно-меньше за границу, приписывая это усилившейся контрабандѣ. По этому случаю (марта 21-го 1761 года) изданъ былъ указъ, въ которомъ повторялось запрещеніе вывозить табакъ за границу. Темномъ, въ бумагѣ объ усвершенствованіи въ Россіи табачнаго промысла, подтверждаетъ справедливость обвиненія Шувалова.

Въ 1762 году, при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II-й, откупъ былъ уничтоженъ, «въ разсужденіе того, чтобъ не одинъ, но все общество тѣмъ торгомъ пользовалось»... И въ 1762 году, платимыхъ Шуваловымъ, снова повелѣно было собирать с табака, отпускаемаго за границу, пошлину по 20 копеекъ съ пуда.

Съ императрицы Екатерины начинается новая эпоха въ ходъ табачной промышленности въ Россіи. Вѣроятно, правительство и прежде видѣло всѣ недостатки распоряженій касательно табаководства и имѣло настоящій взглядъ на его состояніе и знало мѣры, которыя надлежало предпринять для его поднятія; но исполненіе этихъ мѣръ принадлежитъ Екатеринѣ. Съ первыхъ лѣтъ своего царствованія она, обративъ вниманіе на внутреннее благосостояніе Россіи, увидѣла важность и необходимость табачнаго промысла въ Россіи, богатой землями плодородными, способными для произрастанія табака; увидѣла жалкое состояніе, въ которомъ находилась, и до котораго доведена была эта промышленность, и повелѣла воскресить ее. Привѣтственъ указъ императрицы отъ 11-го февраля 1763 года по этому случаю: «А для лучшаго споспѣшенія въ дѣль, мы, ему, Теплову самому препоручили главное сего дѣла правленіе и повелѣли особымъ указомъ быть симъ плантаціямъ и всему его промыслу табачному въ нашемъ собственномъ видѣніи и протекціи»...

Табачныя плантаціи были тогда всего болѣе распространены въ Малороссіи; но табакъ сажали дурнаго качества; обрабатывать его, ходить за нимъ не умѣли, и потому его курили только простолюдины. Чтобъ помочь этому, поручено было дѣйствительному статскому совѣтнику Теплову подать свое мнѣніе объ усовершенствованіи табачнаго промысла. Тепловъ исполнилъ это порученіе основательно: проектъ его, удостоившійся высочайшаго утвержденія, заключаетъ въ себѣ весьма-любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи табачнаго промысла, подробную инструкцію и дѣльную, взятую изъ хорошихъ источниковъ, какъ производить разные сорта табака: виргинскій, амерефорскій, тютюнь и бакунь, — сорта, которые Тепловъ предполагалъ ввести въ Россію. Историческій взглядъ на введеніе табака въ Европу и описаніе табачныхъ плантацій въ Виргиніи и Мариландѣ заключали сочиненіе Теплова. По этимъ постановленіямъ руководствовались плантаторы наши почти до настоящаго времени. По словамъ Теплова, мы покупали табакъ у Французовъ, но чрезъ вторыя руки, и потому цѣною весьма-дорогою. Французы потеряли богатую Виргинію, уступивъ ее Англичанамъ; для табачной промышленности это было весьма-полезно, потому что они мало заботились о распространеніи ея въ Виргиніи; со времени же владычества Англичан, Виргинія бросила все для размноженія своихъ табачныхъ плантацій, и одна въ огрѣнномъ количествѣ

сбывала свои произведенія въ Европу; но намъ доставался онъ дорого. Въ царствованіе Екатерины, Французы продавали въ Россію фунтъ гертаго табака виргинскаго по 2 и 2¹/₂ рубля, а пудъ по 80 и по 100 рублей; сами же получали его отъ Англичанъ на мѣстѣ за 50 коп. пудъ; во Франціи пудъ стоалъ 6 и 8 руб., слѣдовательно, съ насъ брали они больше, нежели въ-десятеро! Между-тѣмъ, Французы охотнѣе стали бы брать табакъ русскій, потому-что англійскій портился во время перевоза черезъ море и совершенно пропадалъ иногда отъ сырости. Откупщики французскіе платили откупу за табакъ до 16 милліоновъ ливровъ. Но Россія лишена была возможности пользоваться этою потребностію: постоянно-дурной табакъ Шувалова почти-совершенно уничтожилъ покупку его за границу. Манифестъ 14-го марта 1763 г. положилъ прочное и настоящее начало табачной промышленности въ Россіи; новыя плантаціи американскими сѣменами назначались въ Малороссіи. Теплому поручено учредить въ Ромнахъ контору въ вѣдѣніи директора для личнаго надзора за промысломъ; при этомъ вмѣнено въ обязанность конторъ черезъ каждые два года снабжать сѣменами американскаго табака всѣхъ желающихъ, безденежно, и сверхъ-того инструкціями для настоящаго его разведенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ частнымъ лицамъ было предоставлено право вырощенный табакъ продавать въ Россіи, отправлять за границу и ставить въ казну, которая предлагала награды за произведеніе 1,000 пуд. табака, сверхъ условленной цѣны за первые выращенные 200 пуд. по 5-ти коп. за пудъ; за вторые 200 пудовъ по 4 коп. за пудъ; за третьи 200 пудовъ по 3 коп. за пудъ; за четвертые 200 пудовъ по 1 коп. за пудъ.

Впрочемъ, табакъ принимался въ казну въ такомъ только случаѣ, когда подходилъ достоинствомъ къ привозному американскому.

Замѣтимъ притомъ, что служба чиновниковъ по надзору за табачною промышленностію вмѣнялась въ дѣйствительную и награждалась наравнѣ съ государственною: такъ умѣла и такъ желала императрица поднять промышленность. Указъ 22 марта 1764 г. говоритъ: «кто заведетъ шелковый заводъ, виноградный садъ, табачную фабрику и прочее такое, чего въ государствѣ мало или совсѣмъ нѣтъ, тому дозволяется 10 лѣтъ безношлинно за границу и внутрь государства тотъ продуктъ и товаръ продавать». И благія желанія ея не могли не увѣнчаться возможнымъ тогда успѣхомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ей докладывали уже, что доброта русскаго табака доведена была до того, что его продавали по 2 и по 2¹/₂ руб. за фунтъ.

Сами Французы, предубѣжденные противъ русскаго табака, были весьма-довольны образцами его, посланными въ Парижъ Тепловымъ.

Съ 1763 г. было дозволено свободно торговать китайскимъ табакомъ *шаръ* (съ пошлиною по 10-ти коп. съ фунта, и потому, дабы сбытъ русскаго табака не стѣснялся въ-слѣдствіе ввоза большаго количества табака иностраннаго, который покупали охотнѣе; ввозили также во множествѣ табакъ бразильскій и квастеръ съ пошлиною 1 руб. 56 $\frac{1}{2}$ коп. съ пуда; въ порты Охотскаго-Моря дозволенъ былъ ввозъ табака беспошлинно; запретить было невозможно: потребность не удовлетворялась своими произведеніями; притомъ, табака русскаго хорошаго дѣлалось весьма-мало). Составлены были двѣ, такъ-сказать, охранительныя компаніи, одна въ Петербургѣ, а другая въ Ромнахъ. Компанія петербургская завѣдывала обработкою табака, выращеннаго въ Россіи, и заключала контракты съ купцами, поставившими его за границу,—однимъ словомъ, завѣдывала табакомъ по снятіи его съ полей; компанія роменская заботилась о размноженіи плантацій, о посѣвѣ, сборѣ его, и дѣлала подряды для поставки на фабрики. Роменская же компанія имѣла въ вѣдѣніи своемъ наемныхъ мастеровъ, которые собирали свѣдѣнія о количествѣ посѣва, и наблюдали за обработкою. Такимъ образомъ, всѣ старанія были употреблены для распространенія и улучшенія табачнаго промысла въ Россіи: лучшаго ничего нельзя было и сдѣлать въ тогдашнее время, когда Россія еще не владѣла столь удобными для табака землями, какими владѣетъ теперь, и не утвердила еще своего могущества въ Крыму. Благодѣтельное вліяніе этихъ компаній состояло въ томъ, что онѣ, зная нужды и потребности разныхъ частей Россіи и имѣя средства удовлетворять ихъ лучше частныхъ плантаторовъ, больше сбывали своего табака внутри государства и распространяли его дѣятельнѣе за границу. Кромѣ того, цѣлое общество всегда значить несравненно-болѣе одного человѣка частнаго.

Для наблюденія за отдѣлкою нашего табака, секретно были выписаны изъ-за границы мастера и были посылаемы въ роменскую контору. Изъ нихъ мастеръ *Буше* получилъ значительныя привилегіи за свое мастерство. Ему дозволено продавать русскій табакъ своей выдѣлки во всей Россіи въ-продолженіе года, даже подъ разными именами и фирмами иностранными съ императорскимъ гербомъ и штемпелемъ. И табакъ его былъ такъ хорошъ, что покупался охотно за привозный.

Наконецъ, въ 1767 г., по докладу Орлва (президента Канцеляріи Опекунства Иностранныхъ Дѣлъ), сдѣланъ съ мастеромъ Буше контрактъ на условіяхъ, имѣвшихъ благодѣтельное вліяніе на усовершенствованіе выдѣлки русскаго табака; условія эти были слѣдующія: 1) Буше долженъ былъ завести въ Петербургъ табачную фабрику, и выдѣлать на ней ежегодно до 6,000 пуд. извѣстныхъ тогда въ Россіи сортовъ табака, всего цѣною, среднимъ числомъ, на 52,500 руб.

2) Онъ долженъ былъ выучить своему мастерству отъ 20 до 30 мальчиковъ, за плату по 600 и 800 руб. съ каждаго; сверхъ того, отъ казны на содержаніе ихъ отпускалось по 60 руб. въ годъ. Изъ числа этихъ мальчиковъ, послѣ 10-ти-лѣтняго ученія, лучшихъ определено было посылать, для усовершенствованія, на три года за границу, для чего Буше обязанъ былъ выучить ихъ по-французски и по-нѣмецки. 3) Буше соглашался вызвать въ Россію искусныхъ табачныхъ мастеровъ.

Кромѣ этихъ выгодныхъ для Буше условій, ему позволялось въ теченіе 10-ти лѣтъ вывозить табакъ своего издѣлія за границу, съ пошлиною въ первые 3 года по 2 к., во вторые 3 года по 40 к., а въ послѣдніе 4 года по 80 к. съ пуда. Ему было дано 10,000 руб. запискою для покупки строенія подъ фабрику, и 6,000 р. на первое обзаведеніе. Для улучшенія русскаго табака, дозволялся Буше безпошлинный провозъ (въ-теченіе 10-ти лѣтъ) 600 пудовъ сен-доинскихъ и гаванскихъ листовъ табака (фабрика отдавалась ему также на 10 лѣтъ) и до 600 пудъ морской соли на обработку табака.

Такимъ образомъ, первая фабрика табачная явилась въ Петербургѣ въ 1768 году. Съ этого времени, число этихъ фабрикъ возрастало значительно и скоро. Употреблены были правительствомъ все мѣры для поднятія табаководства; съ табачныхъ плантаторовъ, разводившихъ сажена американскія, не брали пошлины при отпускѣ табака ихъ за границу; тогда-какъ съ табака простаго брали по 3 коп. съ пуда; но при всемъ томъ, мѣсть, засѣянныхъ табакомъ, еще было мало и произведенія русскихъ плантацій далеко не удовлетворяли внутренней потребности; еще Крымъ, Бессарабія, Край Новороссійскій, Губернія Саратовская и Закавказье—не были, какъ нынѣ, покрыты обширными плантаціями табака; хорошій табакъ сажали въ одной только Малороссіи.

Сверхъ-того, людямъ, привыкшимъ курить табакъ заграничный, дорогой вакштафъ, не могъ нравиться табакъ русскій, какъ ни былъ онъ близокъ къ иностранному: нужна была нѣмецкая или голландская надпись и гербъ, чтобъ заставить ихъ покупать табакъ фабрики Буше; это было дозволено предусмотрительно государынею! Старые курители и теперь вздыхаютъ о современномъ ихъ молодости табакѣ, и по обыкновенію говорятъ, что теперь такихъ табачковъ нѣтъ,—говорятъ, что въ то время дамы просили курить табакъ въ ихъ присутствіи. Это правда, но причина тому не въ неумѣннѣ дѣлать крѣпкій и душистый табакъ, а въ перемѣнѣ вкуса въ куреніи. Мы куримъ много и табакъ легкій, почти безъ запаха; а курители временъ Екатерины можно было указать между тысячами: такъ онъ былъ проникнутъ страстію курить, т. е. запахомъ своего табака.

Тогдашній табакъ въѣдался не только въ платье, но въ волосы, въ мебель и въ стѣны комнаты. А потому человекъ большаго свѣта справедливо стыдился курить табакъ, не смотря на то, что дамы просили курить при себѣ.

Дорогой привозный вакштафъ и турецкій табакъ были въ употребленіи между высшимъ классомъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда основавшіяся въ Петербургѣ фабрики *Линденлауба*, *Гышара*, *Жукова* и наконецъ *Фалера* и другихъ, значительно распространили табакъ русскаго издѣлія.

Теперь увеличившійся привозъ иностраннаго табака происходитъ единственно отъ распространенія употребленія табака въ Россіи, а не отъ другихъ причинъ; но по-крайней-мѣрѣ теперь онъ привозится болѣею частію въ листахъ и обдѣлывается уже на своихъ фабрикахъ. Можно надѣяться, что скоро наше искусство воздѣлывать и обрабатывать табакъ сравнится съ голландскимъ; что русскій листъ дойдетъ достоинствомъ съ привознымъ, и огромное его количество, покупаемое у иностранцевъ, значительно уменьшится.

Взглядъ на настоящее состояніе табачной промышленности въ Россіи служитъ подтвержденіемъ этихъ надеждъ. При императорѣ Александрѣ со стороны правительства не было сдѣлано ничего непосредственно для табака; но раздача земель (въ 1803) въ южномъ краѣ Россіи, для разведенія красивыхъ и торговыхъ растений, принесла значительную пользу и для табачной промышленности. Притомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, лучшее знакомство съ хозяйствомъ нашихъ помѣщиковъ заставило ихъ видѣть пользу и выгоды воздѣлыванія табака и выучиться обработкѣ его. Съ этого времени въ каждой губерніи годъ отъ году болѣе стали разводиться табачныхъ плантацій; прежніе разводители повели промышленность лучше, и слѣдствіемъ этого было то, что число табачныхъ фабрикъ увеличилось вдругъ въ-четверо въ-продолженіе 5-ти лѣтъ. До 1812 года, въ Россіи было *шесть* табачныхъ фабрикъ, а въ 1816—24! Вообще, Малороссія, Крымъ и Кавказъ разительнѣе другихъ мѣстъ показываютъ, что могло сдѣлать усовершенное хозяйство въ-продолженіе 10, 15-ти лѣтъ. Такъ, на примѣръ, до 1820 года Крымъ получалъ все огромное количество употребляемаго имъ табака изъ Турціи; теперь же табачныя плантаціи крымскія не только удовлетворяютъ всемъ потребностямъ края, но снабжаютъ своимъ табакомъ и сосѣднія губерніи.

Съ своей стороны, правительство, послѣ 1812 года, подвинувшись такъ далеко впередъ наше образованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ отрасли промышленности, — обратило особенное вниманіе на табачное водство. Министерство Финансовъ начало выписывать лучшія американскія сѣмена и разсылало ихъ по губерніямъ. Потомъ, въ

скоро въ время, пріобрѣтеніе многихъ закавказскихъ провинцій подняло еще болѣе табачную промышленность. Но главною эпохою въ исторіи нашего табака надобно почитать основаніе Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (1819 г.), которое обратило на него особенное вниманіе. Въ своемъ «Земледѣльческомъ Журналѣ», одномъ изъ лучшихъ періодическихъ изданій нашихъ, оно помѣщало любопытныя статьи о состояніи табачнаго промысла въ Россіи, печатало наставленія о разведеніи табака, способы воздѣлыванія его въ Америкѣ, Голландіи и Франціи, указывало на сочиненія и руководства, и съ 1828 года начало бездешежно разсылать лучшія американскія сѣмена въ тѣ мѣста, гдѣ разводился табакъ. Сильное участіе Общества подняло въ короткое время наше табаководство до его настоящаго, довольно-хорошаго, состоянія. Въ средства употреблены были имъ для этой благой цѣли,—и распространеніе познаній, и раздача лучшихъ сѣменъ, и награды, и поощренія. Но отдѣльное описаніе хода табачной промышленности, въ каждой губерніи особенно, всего лучше объяснить современную исторію развитія ея въ Россіи. Доказательствомъ того, что старанія правительства и Общества не остались безъ награды, служитъ то, что при нынѣшнемъ Государствѣ, въ 1840 году, умножившееся количество русскаго табака и число фабрикъ по всей Россіи позволило обложить продажу табака акцизомъ, доказывающимъ распространеніе промысла.

Такимъ образомъ, прочитавъ исторію табачнаго промысла въ Россіи, мы видѣли, что при Петрѣ введено въ Россію только куреніе табака, продажа и привозъ его; нельзя считать народною промышленностію ничтожное количество дурнаго табака, который выдѣляла въ то время Малороссія. Въ послѣдующія царствованія, до императрицы Екатерины II-й, можно сказать, что табачнаго промысла въ Россіи также еще не было: онъ началъ только раждаться съ заведенія конторы и компаніи въ Ромнахъ и Петербургѣ. Въ то время, конечно, промышленность ведена была хорошо, но въ ничтожномъ размѣрѣ, какъ-бы на пробу; надлежащее же, европейское возращеніе промысла и настоящій ходъ его начались только съ основанія Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Причины, по которымъ табаководство Россіи долже нежели гдѣ-нибудь было въ младенческомъ состояніи, объясняются нравственными состояніемъ самой Россіи. Во-первыхъ: въ другихъ государствахъ Европы обработка табака началась ранѣе болѣе нежели столѣтіемъ; но главное то, что эта обработка требуетъ, кромѣ распространенія хозяйственныхъ свѣдѣній—и большихъ трудовъ, заботъ и тараній; а до половины царствованія императора Александра Рускіе не имѣли понятія о хозяйствѣ, лучшемъ своего дѣдовскаго,

т. е. не имѣли понятія ни о какомъ хозяйствѣ. Стала ли бы помѣшка прошедшаго столѣтїя разводить табакъ, смотрѣть за нимъ день и ночь, когда онъ считалъ предосудительнымъ объѣхать свое поле и взглянуть на него?...

Кромѣ того, Русскіе не считали возможнымъ и нужнымъ разведение у себя табака, получая его издавна изъ-за границы: легчайшій способъ добыванія оставаливаетъ труды и старанія.

Для всего нужно время, и потому заботы императрицы Екатерины II-й о распространеніи табачнаго промысла въ Россіи не могли принести ожидаемыхъ плодовъ.

Благодаря періодическимъ сочиненіямъ о хозяйствѣ, начавшимъ являться съ 1826-го года и стараніямъ Общества Сельскаго Хозяйства, никто изъ табачныхъ плантаторовъ не можетъ теперь пожаловаться на недостатокъ ни въ свѣдѣніяхъ, ни въ сѣменахъ американскаго лучшаго табака.

Въ 1832 году, не смотря на трудность доставать сѣмена въ Виргиніи, Общество выписало ихъ значительное количество и начало разсылать предводителямъ дворянства въ разныя губерніи, для безденежной раздачи желающимъ; сверхъ этого, Общество исходатайствовало на преміи отличившимся садителямъ 5,000 р. Первая премія состояла въ 2,000 р., вторая въ 1200 р., третья въ 800 р.; назначены были четыре золотыя медали, каждая въ двадцать червонцевъ и разведение одной или болѣе десятинъ табака, достоинствомъ близкое подходящаго къ американскому. Постановлено было, чтобы плантаторы, желающіе состязаться на премію, присылая Обществу образцы своего табака, вмѣстѣ сообщали бы и свои журналы и замѣчанія о воздѣлываніи его, съ возможною подробностію. Условія къ полученію премій изложены были подробно въ журналъ Общества за 1833-й годъ (*).

(* См. Землед. Журналъ 1833 года № 9-й, стр. 127.

ВИДЫ НА ТОРГОВЛЮ ШЕРСТЬЮ ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ГОДУ.

Количество доставленной шерсти въ магазины Великаго Герцогства Мекленбургскаго простиралось, въ-теченіе минувшаго года, почти до 25,850 пудъ въ Гюстровѣ, до 16,650 пудъ въ Бранденбургѣ, до 1,100 пудъ въ Ростокѣ. Торговля цѣны за пудъ шерсти были отъ 19 до 27 руб., цѣны среднія отъ 23 до 24 руб. серебромъ.

Къ концу 1842 года не осталось въ мекленбургскихъ анбарахъ почти никакихъ запасовъ шерсти, и хотя въ Гамбургѣ и также въ Англии, нѣкоторое количество мекленбургской шерсти еще не продано, но вообще, послѣ сбыта лучшей шерсти, изъ оставшихся нѣсколькихъ тысячъ тюковъ, покупателямъ едва-ли можно будетъ слѣзать какой-нибудь выборъ. Извѣстіе о заключеніи мира съ Китаемъ вездѣ возбудило большія надежды на распространеніе торговли шерстью, потому-что многочисленныя ярмарки сего государства представляютъ большія средства для сбыта произведеній европейской мануфактурной промышленности. Это обстоятельство, вѣроятно, возбудитъ торговля предпріятія въ Англии и въ Америкѣ, и подастъ поводъ къ большимъ закупкамъ шерсти. Хотя производство овечьей шерсти и увеличилось во многихъ странахъ, особенно же въ Австраліи, но при всемъ томъ оно останется въ соразмѣрности съ требованіями на шерстяныя издѣлія, если только финансы Америки приведены будутъ наконецъ въ порядокъ, потому-что они преимущественно останавливаютъ вывозъ англійскихъ шерстяныхъ товаровъ за границу, а это производитъ пониженіе цѣнъ на шерсть.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ-слѣдствіе прекращенія мореплаванія, торговля шерстью, вѣроятно, была незначительна. Сбытъ шерсти весенней стрижки совершенно будетъ зависеть отъ Англии, однакожь и Германія, вѣроятно, не останется безъ вліянія. Большая засуха прошлаго лѣта произвела столь вредныя дѣйствія на пастбища и сѣнокосы, что во многихъ мѣстахъ Германіи, преимущественно же въ Саксоніи, Богеміи и Силезіи, это было причиною уменьшенія стадъ до половины и до третьей части. Нерѣдко даже цѣлыя стада гибли; пережившія же находятся въ болѣзненномъ изнеможеніи. Это обстоятельство будетъ имѣть большое вліяніе не только на количе-

ство ожидаемой шерсти въ 1843 году, но и на доброту ея; поэтому можно надѣяться, что требованія на хорошія и крѣпкія нѣмецкія шерсти увеличатся, особенно же потому еще, что, по причинѣ господствующей въ Австраліи, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, засухи, шерсти того края, по недостатку въ нихъ нужной для фабричнаго употребленія крѣпости, смѣшиваются съ другими лучшими сортами.

КРИТИКА.

ИСТОРИЯ МАЛОРОССІИ. Николая Маркевича. Москва. 1842.

Четыре тома.

Одна изъ самыхъ характеристиче-
скихъ чертъ нашего времени — стре-
женіе къ единству и сродству доселѣ
разрозненныхъ элементовъ умственной
жизни. Жизнь очевидно стремится те-
перь стать единою и всецѣлою. И если
дегѣ проявлялась она въ тысячахъ
односторонностей, разъединенною и
раздробленною на безконечное множе-
ство сторонъ, изъ которыхъ каждая
претендовала на право исключитель-
ной монополіи въ области духа, пре-
тентовала надъ всеми другими и гор-
дилась не признавая ихъ важности, —
это противоположное органическому
единству стремленіе было необходимо
для одного же этого органическаго
единства, заря котораго уже занимае-
тся на горизонтѣ человѣчества. На-
мѣло было, чтобъ каждый элементъ
увеличенной жизни выработался и раз-
вился въ себя, а для этого необходимо,
каждый элементъ жизни разви-

ся отдѣльно. Такимъ-образомъ, раз-
единеніе есть неизбежное условіе
единства, — первый моментъ въ про-
цессѣ единства. Только отдѣльно-раз-
вившіеся элементы могли развиться
вполнѣ, и только вполнѣ развившіеся
элементы могли сознать свое родство
и увидѣть въ себѣ не опасныхъ вра-
говъ, а друзей, равно нуждающихся
другъ въ другѣ и равно полезныхъ
другъ другу. Доказательство этой ис-
тины представляетъ исторія народовъ,
исторія обществъ, лѣтописи науки,
искусства, даже ремеслъ. Каждому
народу предназначено было развить
одну какую-нибудь сторону жизни, и
потому одинъ народъ оказалъ огром-
ные успѣхи въ войнѣ, другой — въ
наукѣ, третій въ искусствѣ, четвертый
въ торговлѣ, и т. д. И каждый изъ
этихъ народовъ, до періода своей воз-
мужалости, съ ненавистію и презрѣ-
ніемъ смотритъ на всѣ другіе народы,

считая одного себя и унижимъ, и до-
брымъ, и дѣльнымъ. Отсюда всѣ на-
ціональныя ненависти, отсюда сопер-
ничество, похоее на злобу, соревно-
ваніе, похоее на зависть. Такъ, на-
примѣръ, цѣлые три вѣка исторія
Европы двигалась и управлялась мы-
слию о политическомъ равновѣсїи, ко-
торая состояла въ томъ, чтобы не до-
пускать ни одно государство быть
сильнѣе другихъ, хотя бы его сила
была чисто-внутренняя и проистекала
отъ успѣховъ торговли, промышленно-
сти, цивилизаціи, просвѣщенія, — и
какъ скоро одно государство усилива-
лось благосостояніемъ и политиче-
скимъ здоровьемъ, всѣ другія спѣшили
ослабить его; средствомъ къ этому
бывали большею частію усиленныя
кровопусканія — и война оканчивалась
обыкновенно общимъ истощеніемъ и
изнеможеніемъ и предмета зависти, и
самыхъ завистниковъ... Мысль, теперь
смѣшная и дѣтская, но тогда стоявшая
много человѣческой крови, много че-
ловѣческихъ слезъ!.. Это былъ мо-
ментъ кризиса, моментъ перехода отъ
дѣтства къ возмужалости. Въ мысли,
что государства должны ревниво смо-
трѣть одно на другія и имѣютъ пра-
во другъ друга ограничивать, — уже въ
самой этой мысли видно начало един-
ства, хотя и дурно понятаго. Теперь
это единство понято иначе и состоитъ
въ подчиненіи великой идеи наці-
ональной индивидуальности еще болѣе
великой идеи человечества. Народы
начинаютъ сознавать, что они — члены
великаго семейства человечества, и на-
чинаютъ братски дѣлаться другъ съ
другомъ духовными сокровищами сво-
ей національности. Каждый успѣхъ
одного народа быстро усваивается дру-
гими народами, и каждый народъ за-
имствуетъ у другаго особенно то, что
чуждо его собственной національности,
отдавая въ обмѣнъ другія то, что
составляетъ исключительную собствен-
ность его исторической жизни и что
чуждо исторической жизни другихъ.
Теперь, только слабые, ограниченныя

умы могутъ думать, что успѣхи чело-
вѣчности вредны успѣхамъ національ-
ности, и что нужны китайскія стѣны
для охраненія національности. Умъ
свѣтлый и крѣпкіе понимаютъ, что
національный духъ совѣмъ не одно
и то же, что національные обычаи и
преданія старины, которыми такъ до-
рожить невѣжественная посредствен-
ность; они знаютъ, что національный
духъ такъ же не можетъ исчезнуть,
или переродиться черезъ сношенія съ
иностранными и вторженіе новыхъ
идей и новыхъ обычаевъ, какъ не по-
гутъ исчезнуть или переродиться фи-
зиономія и натура человѣка черезъ пи-
уку и обращеніе съ людьми. И на-
деко уже время, когда исчезнуть на-
кѣ эгонистическіе расчеты такъ-назы-
ваемой политики, и народы обнимутъ
братски, при торжественномъ блескѣ
солнца разума, и рабадукуй имъ
примиренія ликующей земли съ уд-
ловѣщенными небомъ! Если насто-
ящее историческое положеніе такъ ря-
ко противорѣчитъ этой картинѣ и
представляетъ ее несбыточною и непо-
разгоряченной фантазіей, то, да
умомъ мыслителей и способамъ пре-
никать въ сущность вещей, это на-
стоящее историческое положеніе че-
ловѣчества, какъ ни безобразно оно
представляетъ всѣ элементы дѣла
данныя, на основаніи которыхъ
сильныя мечты въ настоящемъ
явятся въ будущемъ самою положи-
ною дѣйствительностью.

Если полъ обществами, должны
разумѣть набранныя, т. е. наиболѣе
просвѣщенныя, образованныя и дис-
циплинированныя классы и сословія
государствахъ; то въ лицѣ общества
гуманное обилженіе давно уже со-
шлось. Образованныя Европѣ
перъ и вѣтъ своего отечества
какъ у себя дома, не оставая
привычекъ, не переставая
вонъ земли своей, — и вѣтъ
привытокъ и уваженіемъ. Соци-
нальнхъ націй и европознанныхъ
нають въ брачные союзы, не оставя

тѣмъ ни обычаевъ, ни законовъ, ни нравственныхъ понятій своихъ отечествъ. Между - тѣмъ, Англичанинъ и во Франціи останется Англичаниномъ, Французъ и въ Германіи останется Французомъ, и на-оборотъ, и никто изъ нихъ, вполнѣ симпатизируя чужой землѣ и, такъ-сказать, чувствуя себя ея гражданиномъ, не перестаетъ быть сыномъ своей страны, не теряетъ духовной физиономіи своей національности. Здѣсь кстати замѣтить, что несправедливыя европейца упрекаютъ у насъ своихъ соотечественниковъ за ихъ страсть къ путешествіямъ, за легкость и ревность, съ какими они перенимаютъ западные обычаи (т. е. обычаи людей просвѣщенныхъ и образованныхъ). Эти мнимые патріоты до того простираютъ невѣжественный фатализмъ свой, что въ образованной части русскаго общества видятъ чуть не ревенатовъ, чуть не выроdkовъ, въ которыхъ нѣтъ ничего русскаго, и выставляютъ имъ, какъ достойный подражанія образецъ неиспорченной русскаго національности, неопрятную и грязную чернь. «Посмотрите» восклицаютъ они: «Французъ, Англичанинъ, Нѣмецъ, гдѣ бы и сколько бы ни жилъ, имъ своего отечества, вездѣ — Французъ, Англичанинъ и Нѣмецъ; а наши, во Франціи — Французы, въ Англіи — Англичане, въ Германіи — Нѣмцы; у себя же дома — и то, и другое, и третье, а потому ни то, ни сѣ». Конечно, въ подобномъ обвиненіи есть часть истины, но отъ полной истины оно далеко, какъ тѣма отъ свѣта, и въ цѣломъ — это обвиненіе совершенно негѣло. Навсегда оторванная реформою Петра Великаго отъ своего прошедшаго, не могла же Россія, съ небольшимъ во сто лѣтъ, вдругъ вырости и возмужать, начать жить самостоятельною и оригинальною жизнію и приобрести всемірно-историческое значеніе. Въмѣсто того, чтобъ желать невозможнаго, лучше радоваться тѣмъ гигантскимъ успѣхамъ въ цивилизаціи, которые и безъ того сдѣлала она въ такое короткое

время. Смѣшно подумать, что это обвиненіе въ подражательности иноземному, подъ разными формами, повторяется уже лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ. Сперва оно возстало противъ галломанства въ обычаяхъ и въ литературѣ, и предавало анафемѣ и французскій языкъ и тѣхъ изъ Русскихъ, которые говорили и читали больше по-французски, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. Противъ Карамзина составила даже цѣлая литературная партія, упрекавшая знаменитаго преобразователя русскаго языка въ раслѣвнн русскаго языка галицизмами, хотя исполненный галицизмовъ языкъ Карамзина въ тысячу разъ болѣе естественный и живой русскій языкъ, чѣмъ длинные, латинско-нѣмецкіе періоды книжнаго языка Ломоносова. Но время обнаружило всю ограниченность и все ничтожество этихъ мнимо-патріотическихъ выхлодковъ противъ того, что составляло честь и славу Руси. Если образованное русское общество не говорило и не читало по-русски, этому была причина: тогда былъ только книжный да простонародный языкъ, и не было разговорнаго русскаго языка; слѣдственно, не на чемъ было и говорить образованному обществу, хотя бы оно и само желало говорить по-русски. Если же и теперь еще на Руси не выработался вполнѣ обществанный и разговорный языкъ, то онъ уже существуетъ, какъ матеріалъ, вполнѣ разработанный, а потому имъ давно уже говорить среднее образованное общество (недавно сформировавшееся) и начинаетъ говорить высшее общество (давно существующее). А что знаніе французскаго языка нисколько не находилось въ противорѣчій съ истиннымъ патріотизмомъ и не было въ ущербъ ему, — лучшимъ доказательствомъ этой истины служитъ великая война 1812 — 1814 годовъ: извѣстно фактически, что не только въ гвардіи, но и въ арміи русской было много образованныхъ офицеровъ, которые говорили по-французски, — одна-

кожь, это не помѣшало имъ лить кровь и умирать доблестно за свое отечество, языку котораго они предпочитали языкъ своихъ достойныхъ по храбрости враговъ. Здѣсь кстати еще замѣтить, что и теперь, не смотря на страсть Русскихъ къ путешествіямъ и поѣздкамъ за границу—Русскій, навсегда оставшійся тамъ, есть явленіе почти небывалое: стало быть, чужіе обычаи не разрываютъ въ Русскихъ кровной связи съ ихъ родиною, и тѣ немногіе изъ нихъ, которыхъ судьба забросила на чужую почву и подъ чуждое небо, и тѣ, среди чудесъ природы и цивилизаціи, — мы увѣрены въ этомъ, — умѣютъ хранить, какъ сокровище души, святую тоску по степямъ, городамъ и селамъ своей родины...

Что же касается до равнодушія прежняго общества къ родной литературѣ, — оно было неизбѣжно: общество не читало по-русски, потому-что вѣчего было читать: два-три писателя, хотя бы и съ замѣчательною силою таланта, но писавшіе на неуставовишемся еще языкѣ, далеко не могли наполнить всѣхъ досуговъ и удовлетворить всѣмъ умственнымъ потребностямъ людей, передъ которыми отверсты были неистощимыя сокровищницы богатыхъ и созрѣвшихъ литературъ Европы. Теперь всѣ классы образованнаго и даже полуобразованнаго общества больше прежняго читаютъ по-русски, потому-что, сравнительно съ прежнимъ, русская литература представляетъ больше пища для чтенія, хотя и также далеко не уменьшаетъ потребности въ иностранныхъ литературахъ. Высшее общество, какъ самое образованное на Руси, больше другихъ навлекло на себя упреки и жалобы на равнодушіе къ русской литературѣ со стороны мнимыхъ защитниковъ ея... Но справедливы ли эти упреки и жалобы? Во-первыхъ, Державинъ, если не по рожденію, то по положенію своему, самъ принадлежалъ къ высшему кругу общества; Фонвизинъ былъ допущенъ въ него за свой умъ и талантъ;

Крыловъ, Жуковскій и Батюшковъ были связаны дружескими отношеніями со многими людьми этого общества; Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ болѣе принадлежали къ нему, чѣмъ всякому другому кругу общества. Въ вторыхъ: высшее общество покровительствовало Ломоносову, въ царствованіе Елизаветы; оно почти одно читало Державина и Фонвизина въ царствованіе Екатерины; оно знало и читало Крылова, Озерова, Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Грибоѣдова въ царствованіе Александра; теперь оно знаетъ и читаетъ Лермонтова и Гоголя... И до-сихъ-поръ, въ литературѣ нашей, есть имена, принадлежащія къ высшему кругу, слѣдственно, и знаемыя тамъ не по однимъ свѣтскимъ отношеніямъ. Что высшее общество не знаетъ и не слыхало о множествѣ другихъ «великихъ» русскихъ писателей, такъ это потому, что ихъ очень-много, и что у насъ на Руси такъ легко, за одно стихотвореніе, за одну поѣмку, за одну журнальную статью, сдѣлаться великимъ писателемъ: кто изъ нихъ всѣхъ перечитаетъ и перепомнитъ?... Иногда въ спокойномъ равнодушіи бываетъ больше глубокаго смысла, чѣмъ въ опрометчивой, но дѣтской способности увлекаться, видѣть гений во всемъ, что едва-ли обнаруживаетъ и обыкновенное дарованіе, придавая важности тому, что ничтожно въ сущности, и гордиться богатствами, которыя скоро портятся и сгниваютъ въ глухихъ кладовыхъ. Въ русской литературѣ, безъ сомнѣнія, есть кое-что достойное вниманія даже для иностранцевъ, и слѣдственно достойное всей любви, всего уваженія нашего; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ мы имѣли право равнять въжныя свѣтло-зеленые стебли нашей юной литературы съ величественными и колоссальными деревьями европейскихъ литературъ. Уже самая мысль, что съ насъ должно и нашего, — мысль, которую съ такою родительскою нежностію делятъ люди, сами-себѣ приписывающіе странны

умно патриотовъ, — уже одна эта мысль показываетъ и дѣтство нашего образованія и дѣтство нашей литературы. Французская, нѣмецкая и англійская литературы не бѣдѣе другъ друга, — и между-тѣмъ, каждое новое, хоть сколько-нибудь, почему-нибудь замѣчательное произведеніе въ одной изъ нихъ, тотчасъ переводится на языкъ другихъ. Черезъ этотъ братскій разлѣкъ сокровищъ національнаго духа только увеличивается богатство каждой литературы.

Въ наукѣ и въ искусствѣ также рѣзко проявляется теперь это стремленіе къ единству путемъ взаимнаго сопровѣженія разнородныхъ элементовъ. Было время, когда общее мнѣніе, оставляя за поэтомъ пламенное сердце, а за философомъ холодный умъ, отнимало у перваго умъ, а у втораго сердце. Поэзія считалась открытіемъ какихъ-то изступленныхъ влочеженій, а поэтическое произведеніе — чѣмъ-то въ родѣ изреченій Пиней, а судорогахъ кривляющейся на священномъ тревожникѣ. Поэту оставлено было только право восторженнаго безумія и безумнаго восторга, и у него этого было право существа мыслящаго — священнѣйшее изъ правъ человѣка; въ его безусловное завѣдываніе была оставлена любовь, и онъ былъ исключенъ на право разума, какъ-будто любовь и разумъ — элементы враждебно-противоположныя, а не двѣ стороны одного и того же духа. Подъ философомъ разумѣли существо холодное, сухое и безстрастное по натурѣ. Въ самомъ-дѣлѣ, вся виѣшность была въ возмужіи такого мнѣнія. Пока философія только начинала свое великое дѣло, естественно, что тогда она удалялась отъ жизни и заключалась въ исключительной сферѣ самой-себя, погружаясь въ анализъ разума, какъ силы дѣйствующей, и мысли, какъ предмета разума. Отсюда ея аскетизмъ, ея холодный и сухой характеръ, ея стурное одиночество. Кантъ, отецъ позднѣйшей философіи, былъ довершите-

лемъ этого перваго труда мышленія, предметъ котораго само мышленіе, а дѣйствующая сила — разумъ. Содержаніе философіи Фихте уже болѣе общее, и онъ является въ ней пламеннымъ трибуномъ правъ субъективнаго духа, доведенныхъ имъ до исключительной односторонности. Шеллингъ, въ великой идеѣ тождества, открылъ примиреніе Фихтева я съ объективнымъ міромъ. Наконецъ, философія Гегеля обняла собою всѣ вопросы всеобщей жизни, — и если ея отвѣты на нихъ иногда обнаруживаются принадлежащими уже прошедшему, вполне пережитому періоду человечества, за то, ея строгій и глубокій методъ открылъ большую дорогу сознанію человѣческаго разума и навсегда избавилъ его отъ извилистыхъ окольныхъ дорогъ, по которымъ оно дотолѣ такъ часто сбивалось съ пути къ своей цѣли. Гегель сдѣлалъ изъ философіи науку, и величайшая заслуга этого величайшаго мыслителя новаго міра состоитъ въ его методѣ спекулятивнаго мышленія, до того вѣрномъ и крѣпкомъ, что только на его же основаніи и можно опровергнуть тѣ изъ результатовъ его философіи, которые теперь недостаточны или невѣрны: Гегель тогда только ошибался въ приложеніяхъ, когда измѣняя собственному методу. Въ лицѣ Гегеля философія достигла высшаго своего развитія, но вмѣстѣ съ нимъ же она и кончилась, какъ званіе таинственное и чуждое жизни: возмужавшая и окрѣпшая, отнынѣ философія возвращается въ жизнь, отъ докучнаго шума которой вѣкогда принуждена была удалиться, чтобъ ведишь и въ тиши познать самое-себя. Начало этого благодатнаго примиренія философіи съ практикою, совершилось въ лѣвой сторонѣ нынѣшняго гегелианизма. Примиреніе это обнаружилось и живанностью вопросовъ, которые занимаютъ теперь философію, и тѣмъ, что она оставляетъ по немногу свой тяжелый схоластическій языкъ, доступный однимъ адептамъ ея, и тѣмъ, что она возбудила про-

тивъ себя ожесточенныхъ враговъ уже не въ однихъ школахъ и въ книгахъ. Теперь уже это не школьная, не книжная философія, знающая только самое себя и уважающая только собственные интересы, холодная и равнодушная къ міру, котораго сознание составляетъ ея содержаніе: нѣтъ, теперь она должна быть строгою, суровою и холодною, какъ разумъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вдохновенною, какъ поэзія, страстною и симпатическою, какъ любовь, живою и возвышенною, какъ вѣрованіе, могучею и доблестною, какъ подвигъ...

Съ своей стороны, и искусство теперь сдѣлало такой же шагъ. Теперь оно уже не ограничивается страдательною ролью — подобно зеркалу, безучастно и вѣрно отражать въ себѣ природу; но приноситъ въ свои изображенія живую *личную* мысль, которая даетъ видъ и цѣль и смыслъ. Поэтъ нашего времени есть въ то же время и мыслитель. О художественномъ произведеніи нашего времени философъ не можетъ сказать того, что сказалъ, помнится, Декартъ своимъ друзьямъ, требовавшимъ его мнѣнія о трагедіи Расина: «положимъ, что она хороша, но что же она доказываетъ?». Преобладавію субъективнаго начала должно приписать въ поэтическихъ произведеніяхъ нашего времени это обиліе отступленій, дѣлаемыхъ отъ лица поэта, который и судить, и вопрошаетъ, и отвѣчаетъ. Словомъ, поэзія и философія уже не только не чуждаются другъ друга, но безпрестанно подаютъ другъ другу руку, чтобъ взаимно поддерживать себя, и даже часто до того сдѣшиваются другъ съ другомъ, что иное философское сочиненіе прежде всего назовете вы поэтическимъ, а поэтическое — философскимъ.

Поэзія проникаетъ теперь и въ прозу жизни, которой прежде она такъ гнушалась, — и мыслящій человекъ не можетъ не видѣть поучительнаго факта въ томъ, что теперь и мебель и игрушки для украшенія комнатъ не только

исполнены изящества, но и носить себѣ отпечатокъ творчества...

Въ недавнее время возникла наука, которая есть вмѣстѣ и искусство, и которой сходятся сухое фактическое знаніе, холодный разсудочный анализъ, высшее философическое созерцаніе, рабская подчиненность дѣйствительности, живое поэтическое чувство и творческая фантазія. Эта наука исторія. Условія, составляющія ее, такъ велики и многосложны, соединеніе ихъ такъ рѣдко въ одномъ и томъ же лицѣ, что доселѣ было больше опытовъ исторіи и вообще историческихъ сочиненій разнаго рода, чѣмъ того, что называется «исторіею». Лучшіе опыты по этой части принадлежатъ Французамъ, которые, какъ писатели, кромѣ другихъ причинъ, еще и потому болѣе другихъ способны писать исторію, что болѣе другихъ, какъ народъ, *обладаютъ исторію* своею національною жизнью. Нѣмцы, напротивъ, гораздо лучше понимаютъ теорію исторій, чѣмъ ищутъ исторію, потому-что они живутъ болѣе умственною и созерцательною, чѣмъ историческою жизнью. Итакъ, вотъ еще новое условіе для того, чтобъ бы хорошимъ историкомъ, — условіе, зависящее отъ историка!

Исторію раздѣляютъ на всеобщую частную, разумѣя подъ первую исторію всего рода человеческого, и вторую — исторію одного какого-нибудь народа. Это раздѣленіе не такъ важно и существенно, какъ думаютъ: ибо и въ объемъ «всеобщей» исторіи и въ сравненіи — шире и глубже, чѣмъ въ объемъ такъ-называемой «частной» исторіи, однако условія, требующія отъ историка тою и другою, совершенно — одинаковы: кто лишешъ созерцанія человечества, какъ идеальной личности, и потому на всякій народъ взятый самъ-по-себѣ, смотритъ не на что-то отдѣльно, безъ живой связи съ человечествомъ существующимъ тотъ не въ состояніи написать хорошей исторіи и одного какого-нибудь народа. Следовательно, гораздо луч-

раздѣлъ подъ «частію» исторіею не исторію одного какого-нибудь народа, а исторію одного изъ множества элементовъ, изъ которыхъ слагается жизнь человѣчества и жизнь всякаго народа. По этому, исторія религіи, искусства, науки, права, торговли, промышленности, исторія политическая, военная и т. п., будетъ исторіею «частіюю». Такая исторія, по своей сложности, требуетъ менѣе условій отъ историка, и относится къ настоящей (всеобщей) исторіи, какъ матеріалъ, хотя въ то же время можетъ имѣть достоинство полной и стройно-соданной исторіи. Такого рода исторіи чрезвычайно-важны: только при условіи ихъ существованія можетъ существовать всеобщая исторія (*). Историческая критика, состоящая въ слѣденіи и повѣркѣ матеріаловъ, разборѣ фактовъ и т. п., даетъ тому, кто занимается ею, право на титуло «ученаго», но не историка, хотя безъ такихъ «ученыхъ» и невозможна исторія, какъ наука и какъ искусство виѣстѣ.

(* Здѣсь кстати замѣтить, что у насъ до сихъ поръ не будетъ удовлетворительной исторіи Россіи, пока наши историки не примутся за составленіе частныхъ исторій не предметамъ, которые каждый изъ нихъ изучалъ исключительно, какъ то: исторіи мірскіи; исторіи военнаго ремесла, права, торговли, промышленности, права, вѣдѣнны, финансовой системы и пр. Всѣ эти предметы требуютъ отдѣльной и частной разработки, фактической, критической и философской, требуютъ и трактатовъ и полныхъ исторій. Кромѣ того, полезна разработка каждаго важнаго событія особо, какъ, на-прим., владѣчества Татаръ, междуцарствія, отдѣльныхъ царствованій и проч. Но наши «сдѣланноиды» и «на-трѣны» ограничиваются, дѣйствительно, пересказомъ изъ пустаго въ пороженое, разсужденія такіе вопросы, какъ происхожденіе Руси и рѣшая ихъ произвольными гипотезами. Другіе посылѣе, пишутъ исторію Россіи, для которой не разработаны фактическіе матеріалы; удивительно имъ, что, дѣйствительно исторіи, они задаютъ комичныя, да и тѣ недоумоченныя?..

Предметъ нашей статьи есть исторія — собственно (всеобщая — въ томъ смыслѣ, какой мы даемъ этому слову), а потому и займемся только ею. Выше сказали мы, что исторія есть и наука и искусство виѣстѣ, ученое сочиненіе и художественное произведеніе въ одно и то же время. Такое значеніе исторія получила весьма-недавно, въ слѣдствіе того стремленія къ единству и полнотѣ прежде одиноко-развивавшихся элементовъ жизни, которое составляетъ характеристику новѣйшаго времени и о которомъ мы говорили въ началѣ статьи. Этому новому направленію исторіи много способствовалъ гениальный человѣкъ, который написалъ одну только исторію, да и ту плохую, и который написалъ множество превосходныхъ романовъ. Вальтеръ Скоттъ былъ создателемъ новаго рода повѣи, который могъ возникнуть только въ XIX вѣкѣ, — историческая романа. Въ романѣ Вальтера Скотта исторія и повѣи въ первый разъ встрѣтились, какъ начала родственныя, а не враждебныя. И въ этомъ имѣтъ ничего страннаго, неестественнаго: повѣи прежде всего есть жизнь, а потомъ уже искусство; въ чемъ же, если не въ исторіи, жизнь проявляется съ такою полнотою, глубокою и разнообразіемъ?.. Маріи на развалинахъ Кароагена — не только историческій, но и глубоко-поэтический фактъ; Наполеонъ — лицо поэтическое не только подъ Тулономъ, въ Египтѣ, подъ Аустерлицемъ, подъ Маренго, но и въ Москвѣ, и на островѣ Эльбѣ, и при Ватерлоо, и на Островѣ св. Елены, и въ Домѣ Инвалидовъ въ Парижѣ... Только умы ограниченныя и сердца сухія могутъ видѣть въ историческомъ движеніи политичку и войны, жѣда скучно-серьезныя и сухо-важныя: глубокий умъ и живое сердце видятъ въ немъ бѣненіе-пульса міровой жизни... Скажутъ: такъ изъ исторіи можно сдѣлать сказку, наполненную поэтическими мыслями, но ложную въ фактическомъ отношеніи. Ни мало! въ томъ-то и заключается

трудность условий историческаго таланта, что въ немъ должны быть соединены строгое изученіе фактовъ и матеріаловъ историческихъ, критическій анализъ, холодное безпристрастіе, съ поэтическимъ одушевленіемъ и творческою способностью сочетавать событія, дѣлая изъ нихъ живую картину, гдѣ соблюдены всѣ условія перспективы и свѣто-тѣни. Въ движеніи историческихъ событій, кромѣ внѣшней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая имъ глубокой внутренней смыслъ: само движеніе событій есть не что иное, какъ движеніе изъ себя-самой и въ себя-самой диалектически-развивающейся идеи. И потому въ общемъ ходѣ исторіи, въ итогѣ историческихъ событій, нѣтъ случайностей и произвола, но все носитъ на себѣ отпечатокъ необходимости и разумности. Такой взглядъ на исторію далекъ отъ всякаго фатализма: онъ допускаетъ и произволъ и случайность, безъ которыхъ жизнь была бы механически-несвободна, но въ произволѣ и случайности онъ видитъ зло временное и преходящее, видитъ силу, которая вѣчно борется съ разумною необходимостію и вѣчно побѣждаетъ ея. Историкъ долженъ прежде всего возвыситься до созерцанія общаго въ частномъ, другими словами, идеи въ фактахъ. Здѣсь ему принадлежитъ не менѣе трудная задача — съ честію пройти между двумя крайностями, не увлекшись ни одною изъ нихъ: между опасностію затеряться и зачунуться въ многосложности событій и, за ихъ частностию, потерять изъ виду ихъ диалектическую связь между собою, ихъ отношеніе къ цѣлому и общему (идеѣ), — и между опасностію произвольно натянуть событія на какую-нибудь любимую идею, заставивъ ихъ явствовать въ пользу или односторонней, или и вовсе-ложной доктрины. Избѣжать этихъ крайностей самый даровитый историкъ можетъ только при помощи вѣрнаго поэтическаго чутья и современ-

но-философскаго образованія. Отличать истинное отъ ложнаго, сомнительное отъ вѣрнаго — дѣло исторической критики; но исторія, ограничиваясь только на исторической критикѣ и непогрѣбительная только съ этой стороны, можетъ быть суха, утомительна, мертва; факты, при всей вѣрности ихъ, могутъ быть изложены въ ней безъ перспективы, не картина, но послѣдовательно, такъ-что, читая слѣдующую страницу, читатель забываетъ предшествующую. Такія исторіи нѣютъ свою цѣну и свое достоинство, какъ обработанные ученою рукою матеріалы для художника-историка. Понять значеніе и проникнуть въ жизненную сторону фактовъ можно только поэтическимъ чутьемъ. Вотъ почему, читая новую исторію, чуждую всякихъ вымысловъ и наполненную самыми вѣрными фактами, думаешь, что читаешь плохую сказку, гдѣ все дѣлается не по законамъ разумной необходимости, а по шучьему веленью, по моему прошенью. И вотъ почему, читая романъ Вальтера Скотта, гдѣ одно какое-нибудь историческое событіе перемѣшано со множествомъ вымышленныхъ, думаешь, что читаешь исторію: такъ все естественно, живо и вѣрно въ романѣ! Ибо истія и другіе историческіе матеріалы суть не болѣе, какъ камни, изъ которыхъ только творческій гений художника можетъ воздвигнуть стройное, изящное зданіе. Читая «Исторію Завоеванія Англіи Норманнами», Огюстена Тьерри, или его же «Разказы о Временахъ Меровингскихъ», думаешь, что читаешь романъ Вальтера Скотта; а между тѣмъ, въ этихъ сочиненіяхъ знаменитаго историка французскаго нѣтъ ни одной черты, которая не основывалась бы на фактахъ и не подтверждалась бы хрониками; но и тѣ, которые коротко и ученымъ образомъ знаемы были эти хроники, — въ творчествѣ Тьерри впервые познакомились съ этою и другою эпохою, удивляясь, что въ этихъ эпохахъ могло оказаться столько

жизни, поэзіи и разумности. Отсюда видно, что исторія требуетъ творчества, какъ и поэзіи. Отъ-чего поэтическое прозвѣденіе, иногда такъ живо напоминающее намъ наше собственное положеніе въ прошедшемъ, дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, нежели дѣйствовало на насъ это прошедшее, когда еще оно было настоящимъ? Другими словами: отъ-чего поэзія дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ та дѣйствительность, которая составляетъ ея содержаніе? — Отъ-того, что въ поэтическомъ произведеніи устранился все случайное и вторичное, и представляется одно необходимое и знаменательное, совокупленнымъ въ стройной картинѣ, носимой на себѣ отпечатокъ единства и целостности. То же условіе требуется и отъ исторіи, а условіе это требуетъ творчества. И потому, исторія въ наше время получаетъ то же значеніе, какое у древнихъ имѣлъ эпосъ.

Современно-философское образованіе необходимо для историка нашего времени еще болѣе, нежели для поэта: ибо исторія не только искусство, но еще и наука, и наука многосложная, многосторонняя, которая, обвиняя соборъ исторію народа, въ то же время обвиняетъ и исторію права, его искусства, его науки, а безъ современно-философскаго образованія можно ли имѣть правильное и вѣрное понятіе о правѣ, искусствѣ, наукѣ и пр.? Приступая къ исторіи какого-нибудь народа, историкъ прежде всего долженъ отчетливо и опредѣленно понимать значеніе этого народа, видѣть его отношеніе къ другимъ народамъ, степень, занимающую въ человѣчествѣ, и важность его исторической роли. Тогда самъ-собой, правильно и вѣрно, обозначатся и тонъ и объемъ его исторіи. Мы сказали объ-емъ: въ немъ большая важность, ибо нельзя произвольно писать исторію большую или малую — объемъ ея всегда находится въ пропорциональномъ отношеніи къ объему духовной жизни народа. И противъ этого-то пра-

вила больше всего погрѣшаютъ лишенные философскаго образованія историки, особенно у насъ, на Руси. Для нашихъ историковъ написать исторію Россіи и исторію Костромы — все равно, и только развѣ недостатокъ дѣятельности помѣшаетъ имъ исторію Костромы растянуть на двѣнадцать томовъ. За то, они не задумаются исторію Петра-Великаго, написанную для Русскихъ, ограничить, на-примѣръ, четырьмя тощенькими томами, листовъ въ шестьдесятъ, тогда-какъ шестьдесятъ печатныхъ листовъ можно наполнить только анекдотами объ этомъ историческомъ исполнѣ. И потому нашимъ историкамъ не худо было бы держаться арифметическаго и геометрическаго правила пропорцій и задавать себѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: если ввѣнчскій періодъ народа, отъ новизѣстныхъ временъ его начала до Владиміра, занялъ у меня два тома, то сколько же томовъ долженъ занять полунсторическій періодъ удѣльныхъ междоусобій, столь обильный многосложными, запутанными и по-большой-части ничтожными событіями? — Ужь конечно по малой мѣрѣ — четыре тома. И такъ, вотъ ужъ у нашего историка и набралось шесть препорядочныхъ томовъ, которые размножаются и толстѣютъ пока довольно-последовательно. Но вотъ онъ продолжаетъ спрашивать самого-себя: если полунсторическій періодъ удѣльныхъ междоусобій занялъ у меня четыре тома, то сколько же долженъ занять вполне-историческій періодъ татарщины, столь обильный событиями важными и огромными для Руси, каковы: нашествіе Батыя, побовище доносное, московская централизація, упадокъ удѣльной системы и пр.? — Ужь, конечно, не менѣе восьми томовъ. И того — четырнадцать томовъ. Но это чудовищное число ужасаетъ нашего историка, и онъ, забывъ последовательность и симметрію, ограничивается только четырьмя томами, — и изъ его исторіи выходитъ чудище съ огромною

головою, непомѣрными плечами и маленькимъ, съ грецкѣй орѣхъ величиною, брюшкомъ. Разумѣется, исторія отъ Іоанна III до Петра-Великаго должна бы занять у него, по соразмѣрности съ четырьмя томами удѣльнаго періода, томовъ пятнадцать, а между тѣмъ, вся русская исторія, отъ своего начала до Петра-Великаго, занимаетъ у него какихъ-нибудь двѣнадцать томовъ. И потому русская исторія только и доходит до Петра: наши историки чувствуютъ, что одна исторія Петра, по важности своего содержанія, въ десять разъ объемистѣе всей предшествующей исторіи Россіи. Зданіе, построенное безъ соразмѣрности, безъ уваженія къ законамъ тяготѣнія и соотвѣтственности, или падаетъ или остается недоконченнымъ: давно уже заданіе нашей исторіи остановилось на третьемъ этажѣ — и рухнуло, такъ что теперь для расчистки мусора нужно больше трудовъ, чѣмъ для сооруженія новаго зданія. И мы думаемъ, что истинный историкъ начерталъ бы себѣ такой планъ русской исторіи: зная, что факты сами по себѣ ничего не значатъ, и что задача историка состоитъ именно въ томъ, чтобы прозрѣть въ фактахъ идею и сдѣлать ее ощутительною для другихъ въ живой исторической картинѣ событій, — онъ раздѣлитъ исторію Россіи на періоды не для одного внѣшняго удоботва въ изложеніи, но потому что увидитъ въ каждомъ періодѣ особенную идею, которую и постарается выразить, не увлекаясь мелочными фактами и не загромождая ими своего повѣствованія. Первый періодъ (до Владиміра, или начала удѣльной системы и водворенія христіанства) войдетъ у него въ введеніе, гдѣ онъ покажетъ только тѣ немногіе факты, которые болѣе или менѣе несомнѣнны и вѣроятны, и тѣ результаты ученыхъ изслѣдованій, которые болѣе или менѣе удовлетворительно объясняютъ эти факты касательно происхожденія, міеологіи, поэтическихъ и историческихъ преданій народа. Тутъ,

разумѣется, не будетъ мѣста пустымъ гипотезамъ, этимологической ажда, и все введеніе очень-легко умѣстится въ какихъ-нибудь ста страницахъ. Весь смыслъ удѣльнаго періода состоитъ въ распространеніи русско-славянскаго племени по обширной степи нынѣшней Россіи. Это распространеніе совершилось на Руси совершенно-превратнымъ образомъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно происходило въ Западной-Европѣ: тамъ оно сперва сдѣлалось черезъ завоеваніе, потомъ чрезъ усиленіе средняго сословія, нынѣшнихъ слѣдствіемъ размноженіе городовъ и успѣхи цивилизациі. У насъ удѣльнымъ князь срубалъ себѣ городокъ, гдѣ и учреждался его *столь*, отъ-чего городокъ и дѣлался столицею. Помѣщикамъ право было душою удѣльнаго періода, и князья тогда были — родъ помѣщиковъ, произошедшихъ изъ одного дома; бояре ихъ — родъ домашнихъ людей, а простой народъ — крестьяне. Централизаціи не было никакой, и Кіевъ, а потомъ Владиміръ, были болѣе по имени, чѣмъ въ сущности великокняжескими столицами: тутъ великаго князя болѣе льстило чѣстобогіи претендентовъ, чѣмъ доставляло имъ дѣйствительную власть и силу. И это понятно: Русь, въ періодъ удѣловъ, расширялась, а не централизовалась. И потому, историкъ долженъ сдѣлать изъ удѣльнаго періода живую картину этого расширенія, ясно и шпукло обозначивъ главнѣйшіе его моменты. Если, при этомъ, картина эта будетъ оттѣнена колоритомъ нравовъ эпохи и очерками характеровъ немногихъ дѣйствователей, почему-либо замѣчательныхъ, — исторія удѣльнаго періода будетъ не только полна, но и проста, не запутанна; не ижебедна; ибо всякая запутанность въ исторіи происходитъ отъ неумѣнія историка отличить важное и существенное эпохи отъ ея мелочныхъ и пустыхъ подробностей. Въ такомъ случаѣ исторія удѣльнаго періода объемомъ своимъ разлѣтъ немногими страницами правдо-

дѣтъ введеніе, такъ-что и исторія татарскаго періода, будучи значительно обширнѣе исторіи періода удѣльнаго, весьма-легко умѣстится съ нею и введеніемъ въ одною томѣ, и томъ все-таки не будетъ особенно-великъ. Татарскій періодъ былъ началомъ централизаціи древней Руси. Общее бѣдствіе мало-по-малу воспитало въ Русскихъ чувство единокровности и единствѣннѣи; удѣльныя княжества ослабѣваютъ по мѣрѣ возвышенія Москвы, счастливо выдерживающей свои споры и съ Рязанью и съ Тверью. Великій князь постепенно становится изъ покровителя государемъ, и самодержавіе снѣжаетъ патриархально-помѣщичье право. Но подъ татарскими игомъ нравы грубѣютъ: вводится затворничество женщины, отшельничество семейной жизни; тиранія варварскаго ига Монголовъ пріучаетъ земледѣльца къ лѣности и заставляетъ дѣлать все какъ-нибудь, ибо онъ не знаетъ, будутъ ли завтра принадлежать ему его хижина, его поле, его хлѣбъ, его жена, его дочь. Застой и неподвижность, сдѣлавшіяся съ этого времени основными элементами исторической жизни старой Руси, тоже были слѣдствіемъ татарскаго ига. Итакъ, централизація и возвышеніе княжеской власти на степенъ государственности, съ одной стороны; искаженіе нравовъ русско-славянскаго племени съ другой, — вотъ идея періода татарскаго ига в задача историка Руси! На этомъ кончается первый томъ его исторіи Россіи. Надѣние удѣловъ, укрѣпленіе самодержавія, государственныя формы, нравы, обычаи, сдѣлавшіяся *statu quo*: вотъ содержаніе русской исторіи отъ Іоанна III до періода междоцарствія. Событія политическія тутъ немногія, и событія внутренняго развитія гораздо-важнѣе ихъ. Живая и подробная картина всего этого легко умѣстилась въ рамѣ одного тома. Царствованіе Грознаго было періодомъ окончательнаго сформировація физіономіи и духа старой Руси, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и началомъ отрицанія того и другаго. Въ лицѣ Грознаго выразилась идея этого отрицанія, и несомнѣтельно было бы думать, что дурное воспитаніе и смерть Анастасіи сдѣлали Грознаго бичомъ Руси. По натурѣ своей, Іоаннъ-Грозный былъ великій человекъ, и для него возможны были только двѣ роли — или Петра-Великаго, или Іоанна Грознаго: для первой были непреодолимыя преграды, заключавшіяся сколько въ отчужденіи Руси отъ Европы, столько и въ хаотическомъ состояніи самой Европы, — и внукъ Іоанна III сдѣлался не преобразователемъ Россіи, а грозною карою восточной фѣрмы ея государственнаго быта. Періодъ междоцарствія былъ доказательствомъ той истинны, что если страна, въ которой есть зерно жизни, не идетъ впередъ, то она должна идти назадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Поляковъ и Шведовъ было фактомъ, что отчужденіе отъ Европы существованіе Руси уже кончилось, и что ей должно было или погибнуть, или войти въ составъ политическаго тѣла Европы, — тогда какъ доселѣ она даже при царяхъ своихъ имѣла только нѣкоторое значеніе для Европы, трепетавшей отъ османскаго могущества. Благодатное солнце дома Романовыхъ озарило Русь тишиною и спокойствіемъ. При кроткомъ Михаилѣ Русь отдыхала и цѣлилась отъ глубокихъ язвъ междоцарствія и междоусобія, и потому ей было не до движенія. Но при царѣ Алексіи Михайловичѣ пробудился духъ реформы, какъ выраженіе внутренней, еще безсознательной потребности Россіи. Сдѣлано было много нововведеній и преобразованій; иностранцы все болѣе-и-болѣе видѣлись въ почву русской жизни. Царь Феодоръ сожигаетъ книги мѣстничества: это была перчатка, брошенная старой Руси. Петръ возросъ и воспитался въ атмосферѣ преобразованій, которыя были, впрочемъ, довольно-безплодны, потому-что требовали не полумѣръ, но

радикального переворота, — а для того, чтобы произвести его, требовалось гения. Такимъ гениемъ былъ Петръ, — и онъ совершилъ переворотъ, для котораго настало время и созрѣли элементъ: Московское Царство окончило свое историческое существованіе — возникла Россія и имперія...

Изъ этого видно, что съ эпохою междоцарствія и самозванцевъ начался новый періодъ Руси, смыслъ котораго — обнаруженіе недостаточности того политическаго организма Московскаго Царства, который выработался подъ влияніемъ Азии, и, слѣдовательно, приготовленіе къ явленію Петра-Великаго. Этотъ періодъ свободно умѣстился бы въ одномъ томѣ. Итакъ, вся исторія Россіи, отъ начала ея до Петра-Великаго, могла бы изложиться въ трехъ томахъ, и притомъ весьма-полю и подробно, если полнота и подробность въ томъ, чтобы не упустить ни одного важнаго событія, ни одной характеристической черты, не гоняясь за мелочами, которыя только обременяютъ собою книгу и дѣлаютъ ее скучною и тяжелою для памяти читателя. Если какое-нибудь большое сраженіе ознаменовано подробностями, объясняющими успѣхъ или неуспѣхъ битвы, произведшихъ важныя послѣдствія, или характеризующихъ вѣкъ и страну, — передайте ихъ, но увольте читателя отъ стратегическихъ подробностей, понятныхъ и интересныхъ только военнымъ людямъ, изложивъ имъ только существенное и главное. Иначе изъ всякаго царствованія — даже изъ жизни царя Феодора Иоанновича, посвятившаго себя исключительно жизни волеизъявщика и невмѣшавшагося въ дѣла правленія, можно составить книгу въ двѣнадцать большихъ томовъ.

Мы твердо убеждены, что исторія Россіи, написанная, по изложенной нами идее, историкомъ съ талантомъ и съ современно-философскимъ образованіемъ, представила бы собою не

сборъ хронологически-изложенныхъ фактовъ, а духовную физиономію народа, его жизнь, его биографію, какъ идеальнаго лица. Въ частяхъ такой исторіи была бы пропорціональность, а объемъ соотвѣтствовалъ бы содержанию. Прошедшее являлось бы въ ней причиною и объясненіемъ настоящаго, а настоящее — результатомъ прошедшаго. Въ исторію должно входить только необходимое, существенное, только то, что оставляетъ по себѣ вѣчные, неизгладимые слѣды, а это — идея. Мы сказали выше, что идея удѣльнаго періода — расширеніе русско-славянскаго племени на материкъ вышѣшней Россіи: и развѣ теперь не видимъ мы плодовъ, рожденныхъ движеніемъ удѣльнаго періода, и развѣ теперешняя безграничность Россіи не отъ него беретъ свое начало? Мы сказали, что политическій бытъ и нравственный колоритъ удѣльнаго періода заключаются въ патриархально-политическомъ правѣ: развѣ и въ теперешнемъ провинціальномъ бытѣ Россіи нѣтъ указаній на этотъ фактъ исторической старины? Мы сказали, что періодъ татарщины былъ періодомъ централизаціи древней Руси и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искаженія ея нравовъ: и что же? — развѣ крѣпость и могущество теперешней Россіи не суть результатъ этой централизаціи, и развѣ въ нравахъ и домашнемъ быту еще неизгладилась совершенно слѣды владычества азиатскихъ варваровъ? Чтобы убедиться въ этой истинѣ, стоитъ только сравнить нравы нашего простонародья съ нравами простаго народа въ Малороссіи, мало потерпѣвшей или почти-ничего не потерпѣвшей отъ ига татарскаго: въ быту Малороссіи гораздо-болѣе позваніи и человечности, чѣмъ въ быту велико-русскаго простонародья. Какъ легче открыть въ современной Россіи результаты слѣдовавшихъ за тѣмъ періодовъ. Каждый изъ нихъ, какъ бы живыми нервами, связывается съ слѣдующими, и всѣ они составляютъ одну живую организмъ, выражающую

котораго и должна быть исторія Россіи, подобно рѣкѣ, начавшейся подземными ручьями, мелкой и ничтожной въ истокѣ, но, по мѣрѣ теченія, становящейся все шире и шире, глубже и глубже... Всякая исторія должна отличаться перспективою, такъ-что, если смотрѣть отъ конца къ началу, все видно уже и темнѣе, по мѣрѣ отдаленія. Вотъ объ этой-то исторической перспективѣ говорилъ покойный профессоръ Каченовскій, котораго здравымъ и основательнымъ идеямъ и умному скептицизму въ дѣлѣ русской исторіи доселѣ еще не отдано должной справедливости. И вотъ объ этой-то перспективѣ, по-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-порѣ, мало думали наши историки: отъ-того у нихъ блистательный дворъ Ярослава какъ двѣ капли воды похожъ на блистательный дворъ Лудовика XIV, а времена побасасловныхъ Олеговъ, Игорей и Святославовъ они описываютъ съ такою же полнотою, подробностію и досто-вѣрностію, какъ-будто бы они, добрые историки, сами недавно были современниками и очевидцами всѣхъ этихъ историческихъ тѣней...

Мы сказали выше, что одно изъ главнѣйшихъ условій хорошей исторіи—соотвѣтственность объема съ содержаниемъ. Исторія государствъ, дѣйствующихъ на всемірно-исторической аренѣ и олицетворившихъ въ себѣ судьбы человѣчества, такихъ государствъ, какъ, на-пр., Франція, Италия, Германія и Англія, — и исторія какой-нибудь Турціи, только вышшимъ образомъ, временнымъ тяготѣніемъ вышней силы соприкасавшейся съ исторіею человѣчества, — требуютъ совершенно-различныхъ размѣровъ. И потому, первая задача историка, приступающаго къ изложенію исторіи народа, состоитъ въ опредѣленіи исторической важности этого народа: отъ степени его исторической важности долженъ зависѣть объемъ его исторіи, равно какъ колоритъ и тонъ повѣствованія.

Все сказанное нами только отрицательно можетъ быть приложено къ «Исторіи Малороссіи» г. Маркевича. Прежде всего въ авторѣ не замѣтно особеннаго историческаго таланта: его изложеніе вообще сухо и утомительно; онъ одушевляется только при рассказѣ о жестокостяхъ Поляковъ надъ Малороссами, но и это мѣстами вспыхивающее одушевленіе нисколько не отличается историческимъ характеромъ, хотя и дѣлаетъ честь сердцу автора. Потому, изъ «Исторіи» г. Маркевича не только нельзя узнать, какихъ идей держится онъ объ исторіи вообще — старыхъ или современныхъ, но даже и считаетъ ли онъ нужнымъ держаться какихъ-нибудь идей по этому предмету. Кажется, для него написать исторію значитъ—привести въ порядокъ историческіе матеріалы, пересказавъ ихъ по-своему. Нельзя не согласиться, что это самый легкій способъ писать исторію, тѣмъ болѣе легкій, что онъ совершенно увольняетъ всякаго, кому только вѣдуется приняться за подобный трудъ, отъ необходимости имѣть талантѣ и современно-философское понятіе объ исторіи. Тутъ главное дѣло состоитъ въ раздѣленіи рассказа на главы и въ означеніи каждой главы именемъ князя, если это исторія княжества, и именемъ гетьмана, если это исторія Малороссіи, и даже именами двухъ и трехъ гетьмановъ, въ одно и то же время владѣвшихъ булавою. Но вѣдь дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ. Объ лицахъ нельзя не упоминать, но героемъ исторіи должно являться или само событіе, увлекающее за собою лица, или такое лицо, которое управляло событіемъ, или въ которомъ выражалось событіе. Такъ, въ удалномъ періодѣ русской исторіи, обозначаютъ главы и отдѣленія именами великихъ князей кievскихъ, хотя эти князья и далеки отъ того, чтобъ быть центромъ всѣхъ событій этого періода.

Малороссія никогда не была госу-

дарствомъ, слѣдственно, и исторію, въ строгомъ значеніи этого слова, не имѣла. Исторія Малороссіи есть не болѣе, какъ эпизодъ изъ царствованія царя Алексія Михайловича: доведя повѣствованіе до столкновенія интересовъ Россіи съ интересами Малороссіи, историкъ русскій долженъ, прервавъ на время нить своего разсказа, изложить эпизодически судьбы Малороссіи, съ тѣмъ, чтобы потомъ снова обратиться къ своему повѣствованію. Исторія Малороссіи, это — побочная рѣка, впадающая въ большую рѣку русской исторіи. Малороссіянне всегда были племенемъ и никогда не были народомъ, а тѣмъ менѣе — государствомъ. Они умѣли храбро биться и великодушно умирать за свою родину, имъ не въ диковинку было побѣждать сильнаго врага съ мадыми средствами, но они никогда не умѣли пользоваться плодами своихъ побѣдъ. Разобьютъ враговъ въ пухъ, окажутъ чудеса храбрости и геройства, и — разойдутся по домамъ пить горичку. Не смотря на вѣроломство, предательскую жестокость и клятвопреступничество буйнаго сейма польскаго, столько разъ казнившаго малороссійскихъ депутатовъ, никогда не бывало недостатка въ новыхъ депутатахъ, съ непонятнымъ простоміемъ стремившихся въ раскрытую пасть католическаго чудовища. Сколько разъ Малороссіянне брали верхъ надъ Поляками въ кровопролитныхъ войнахъ съ ними, и между тѣмъ это нисколько не подвигало впередъ ихъ дѣла. Отъ-чего же это? Отъ-того, что и такъ-называемая Гетьманщина и Запорожье нисколько не были ни республикою, ни государствомъ, а были какою-то странною общиною на азіатскій манеръ. Настоящими и достойными ихъ противниками были Крымскіе Татары, и Малороссіянне воевали съ ними отличію, въ духъ своей національности. Вторгнется въ Малороссію толпа крымскихъ хищниковъ, выжжетъ нѣсколько городовъ и много селъ, перерѣжетъ порядочное число людей и больше то-

го погонитъ въ нѣдѣзъ, вмѣстѣ съ бесчисленнымъ множествомъ малороссійскаго скота, — удалое казачество, при вѣсти о набѣгѣ, вдругъ бросится въ слѣдъ за хищниками, нагонитъ ихъ, перерѣжетъ, отобьетъ добычу, и идетъ само въ гости въ Крымъ, гдѣ и оставитъ такіеже слѣды своего посѣщенія. Если же Татары успѣютъ благополучно вернуться во-свои, то казаки не замедляютъ поквитаться съ ними визитомъ. Потомъ заключать миръ или перемиріе, которые та и другая сторона считаетъ себя въ правѣ нарушить по первой прихоти. Крымскіе Татары и доблестное казачество понимали политику одинаковымъ образомъ. Татары по своему положенію могли существовать только грабежомъ: это былъ родъ огромной разбойничей шайки, нѣтъ-шей подобіе и видъ государства. Казачество, съ своей стороны, тоже могло держаться одними набѣгами. Этому было много причинъ; укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ. Казачество возникло изъ географическихъ причинъ. Когда нашествіе Татаръ разделило Сѣверную Русь съ Южною, — Южная Русь слѣдилась какою-то нейтральною землею и общимъ владѣніемъ каждаго, кому только вздумалось пройти черезъ нее, или войти въ нее. Съ сѣвера она отдѣлялась степью отъ покоренной Татарами Руси, съ востока и юга была окружена Татарами, съ юга-запада прилежала къ Молдавіи, а съ сѣверо-запада къ Польшѣ и Литвѣ. Тѣснота и раздраемая со всѣхъ сторонъ, Малороссія никакъ не могла образоваться въ органически-политическое общество, и по неволѣ образовалась въ общину людей, которые считали себя рожденными для того, чтобы рѣзать другихъ и быть зарѣзанными самими. Война слѣдилась стихіею этой общины; — но война не въ европейскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ удалства и молодечества. Казакъ зналъ въ жизни только два рода наслажденія: рѣзанію и горичку; ко всему остальному онъ предпочиталъ для себя за честь быть совер-

шесто-раздодушницѣ. Товарищество югда и вездѣ, въ битвѣ и въ гульбѣ, было вѣрованіемъ казака, и онъ съ страстію и рыцарскимъ великодушіемъ каждую минуту жизни своей готовъ былъ сдѣлаться мученикомъ своего вѣрованія. Пить и гулять нельзя было долго такому казаку, тѣмъ болѣе, что онъ скоро пропивалъ все, чтѣ приобреталъ на войнѣ, и пропивалъ съ камишъ-то мужичинымъ аристократичномъ, сыпала деньги безъ счету, по знакомому и незнакому и оказывалъ къ золоту безразсудно-великодушное презрѣніе. Когда же ему нельзя было больше пить, то надо было драться: иначе онъ не понималъ, зачѣмъ же ему было бы и жить на бѣломъ свѣтѣ. Кромя этихъ причинъ, т. е. безденежья и скуки, были и другія причины для войны: начинающимъ свое казачье поприще хлопцамъ нужна была военная наука, то-есть битва. Съ кѣмъ же ювать? Съ Турками миръ, съ Татарами миръ. Ничего: басурмановъ никогда не грѣхъ бить, и не грѣхъ нарушение первыхъ договоровъ и клятвъ съ ними. И вотъ нымаютъ берега Анатолиа, дымаютъ села крымскихъ Татаръ; походы камишъ, половина товарищей перетонула, перерѣзана, за то другая добыла де Сѣчи съ богатою добычею, и пить и гуляеть-себѣ на славу, угощая весь честной миръ, широко разметывалась казачкою душою... Вотъ вамъ и идеалка. Она немногосложна и не шара. Нравы. Гетьманщины были строгіи и кротче, но все же и для нея Запорожская Сѣчь была и идеаломъ и приближеніемъ истиннаго рыцарства. Гетьманъ Рожинскій далъ вѣкоторый развѣдываемо устроитва этой военной общинѣ, и это устроитво, какъ описывалось, нисколько не камишилось до вѣковъ Богдана Хмѣльницкаго, который вѣколко улучшилъ его. Изъ

этого можно видѣть, какъ слабо было внутреннее развитіе Малороссіи, и какъ мало матеріаловъ можетъ оно дать для исторіи. Это была пародія на республику, или — другими словами — славянская республика, которая, при всемъ своемъ безпорядкѣ, имѣла призракъ какого-то порядка. Порядокъ этотъ заключался не въ правахъ, свободно развившихся изъ историческаго движенія, но въ обычаяхъ — краеугольномъ камнѣ всѣхъ азіатскихъ народовъ. Этотъ обычай замѣнялъ законъ и царилъ надъ безпорядкомъ этой храброй, могучей широкоимъ разметомъ души, но безтолковой и невѣжественной мужицкой демократіи. Такая республика могла быть превосходнымъ орудіемъ для какого-нибудь сильнаго государства, но сама-по-себѣ была весьма — каррикатурнымъ государствомъ, которое умѣло только драться и пить горилку. Умный Баторій умѣлъ ею пользоваться, къ ея и къ своей собственной пользѣ. Рожденная смутными обстоятельствами, возникшая изъ хаоса, эта странная республика должна была и исчезнуть съ прекращеніемъ хаоса. По мѣрѣ того, какъ Турки ослабѣвали, Татары приходили въ ничтожество, а Россія укрѣпилась — казачество становилось ненужнымъ, и сила его погасла сама собою. Это глубоко повялъ величайшій изъ мужей Малороссіи — Богданъ Хмѣльницкій. Если онъ помогалъ, безъ пользы для себя и родины, развращенному и безумному злодѣю Лупулѣ молдавскому, увлекался чувствомъ родства, это происходило не отъ недостатка въ гениі, а отъ варварства того вѣка, придававшего такое мистическое значеніе узамъ крови. За это Хмѣльницкій заплатилъ жизнью достойнаго своего сына Тимоея. Если Богданъ поддался слабости отцовскаго сердца и согласился на

передачу гетьманской булавы ничтожному и слабоумному сыну своему Юрию — въ этомъ надѣ винить не великаго человека, а вѣкъ его, тѣмъ болѣе, что на эту удочку поддавались и великіе люди позднѣйшихъ временъ. Самъ Наполеонъ палъ отъ-того, что интересы своей династїи промѣнялъ на интересы Франціи... Богданъ Хмѣльницкій былъ герой и великій человекъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Много въ исторїи Малороссїи характеровъ смѣлыхъ и могучихъ; но одинъ только Богданъ Хмѣльницкій былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и государственный умъ. Образованїемъ онъ стоялъ неизмѣримо — выше своего храброго, гульняваго и простодушнаго народа; онъ былъ великій воинъ и великій политикъ. Потому-то и повѣлъ онъ, что Малороссїя не могла существовать независимымъ и самостоятельнымъ государствомъ. Это сознаніе дорого стоило сердцу благороднаго сына Малороссїи, и съ скорбію сошелъ онъ въ могилу. Невозможность независимаго политическаго существованїя для Малороссїи онъ приписывалъ географическому положенїю этой страны, со всѣхъ сторонъ лишенной естественныхъ границъ; но тутъ была и еще причина, можетъ быть, непонятная: она состояла въ патриархально-простодушномъ и неспособномъ къ нравственному движенію и развитію характерѣ Малороссовъ. Этотъ народъ отличался и закалился въ такую неподвижно-чугунную форму, что никакъ бы не подпускалъ къ себѣ цивилизаціи ближе пушечнаго выстрѣла, и то для того, чтобъ приударить на нее съ кошемъ и нагайкою. Малороссы любили свое мужичество, какъ свою національную стихїю, какъ поэзію своей жизни, хотя сами и назывались «дворянами», даже сидѣвъ въ шинкахъ или

валяясь въ грязи. И эта черта нтъ народности была причиною фанатической ненависти къ нимъ Поляковъ, кроивъ католическаго фанатизма. Поляки называли ихъ мужиками и холопами. Правда, эти мужики и холопы поступали съ бѣльшею честностію, благородствомъ, рыцарственностію и великодушїемъ, чѣмъ благородные магнаты польскїе, хваставшіе передъ Малороссами своимъ «говоромъ» и своею «эдукаціею»; однако все же, если нельзя оправдать этой ненависти цивилизованнаго и нѣтъшаго аристократїю народа къ простодушному и нѣтъшествному, хотя и доблестному племени, то нельзя и не видѣть въ ней смысла и причины.

Вотъ взглядъ, съ какимъ, по нашему мнѣнію, долженъ писатель приступить къ исторїи Малороссїи. Тогда онъ пойметъ, что исторїя Малороссїи есть, конечно, исторїя, но не такая, какою можетъ быть исторїя Франціи или Англіи; тогда онъ удержится въ своемъ повѣствованїи и отъ тона адвоката, и отъ тона панегириста, а постарается живо и просто, въ краткихъ и характеристическихъ чертахъ, представить картину быта племени, играшаго въ исторїи временную и случайную, но исполненную дикой поэзіи роль. Въ исторїи Малороссїи самое интересное — это нравственная фязіономїя племени, обладашаго такою упругою, неукротимую силою характера, находившаго поэзію и упоенїе жизни въ оргїи битвы и молодецкаго разгула, какъ *мужика широкую размету дуемъ*. Исторїя Малороссїи исполнена дикой поэзіи, какъ ея поэтическія народныя песни. Это-то и упустилъ изъ виду *историкъ* Малороссїи, увлекшись своею миссіею историка и какъ-бы *образованнїи*, что онъ *видеть исторїю*

народа и государства, которые могли бы, при другихъ, болѣе-благоприятныхъ обстоятельствахъ, развиться во что-то великое и вѣчное...

Всему свое мѣсто и свое значеніе; ничего не должно ни унижать, ни возвышать по пристрастію. Вотъ почему, если необдуманный патріотизмъ кажется иногда жалокъ, то, съ другой стороны, умышленная клевета, особенно печатная, кажется отвратительною. Доказывать, что Малороссы были холопы Поляковъ, а не свободное племя, на правахъ равнаго съ равнымъ, составившее съ Польшею и Литвою родъ соединенныхъ штатовъ, — доказывать это, вопреки неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствамъ, значитъ лжесвидѣтельствовать; а оправдывать безумное зѣрство магнатовъ, будто-бы имѣвшихъ право усмирять своихъ холопей, значитъ — оправдывать тѣхъ Жидовъ, которые печатали храмы Малороссіянъ... Заблужденіе перваго рода заслуживаетъ сожалѣніе; заблужденіе втораго рода — презрѣніе честныхъ людей, которые умѣютъ благоговѣть передъ свястію истинны...

Народъ или племя, по непреложному закону исторической судьбы, теряющіе свою самостоятельность, всегда представляютъ зрѣлище грустное. Но развѣ не жалки и не заслуживали состраданія на Руси и эти добрыя матери, которыя, назадъ тому лѣтъ 50, съ плачемъ и воплемъ проводили дѣтей своихъ въ школы, какъ будто бы дѣти ихъ шли на мѣсто казни? Или, еще лучше, развѣ не жалки эти жертвы неумолимой реформы Петра-Великаго, которыя, въ своемъ невѣжествѣ, не могли понять цѣли и смысла этой реформы? Имъ легче бы-

Т. XXVIII. — Отд. V.

ло растаться съ головой, чѣмъ съ бо-родой, и по ихъ кровному, глубокому убѣжденію, Петръ разлучалъ ихъ на вѣки съ радостію жизни... Въ чемъ же состояла эта радость жизни? — въ лѣности, невѣжествѣ и грубыхъ, но освященныхъ вѣками обычаяхъ... Въ жизни Малороссіи было много поэзіи, — правда; но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; съ переменной существованія народнаго не исчезаетъ поэзія, а только получаетъ новое содержаніе. Слившись на вѣки съ единокровною ей Россіею, Малороссія отворила къ себѣ дверь цивилизаціи, просвѣщенію, искусству, наукѣ, отъ которыхъ дотогѣ непреодолимою оградой разлучалъ ее полуdivкіи бытъ ея. Въстѣ съ Россіею, ей предстоить теперь великая будущность... Въ исторіи ничего не бываетъ случайнаго, и трагическія коллизіи ея исполнены такого же глубокаго смысла, какъ и потрясающей душу поэзіи: въ нихъ открываются неотразимыя опредѣленія міродержавнаго промысла, побѣдовосный ходъ свѣта разума, вѣчно борющагося съ тьмою невѣжества и вѣчно торжествующаго надъ нею...

Какъ всякій благонамѣренный трудъ, «Исторія Малороссіи» г. Маркевича заслуживаетъ вниманія и уваженія, тѣмъ болѣе, что въ ея исполненіи замѣтно много добросовѣстности и усердія, а двѣ большія части матеріаловъ — особенной благодарности; но какъ исторія, въ современномъ значеніи этого слова, сочиненіе г. Маркевича не выходитъ изъ ряда посредственныхъ опытовъ такого рода. Она лишена достоинства живой, хорошо освященной и съ искусствомъ группированной картины, и потому въ ней нѣтъ цѣлаго, и вниманіе читателя, теряясь въ лабиринтѣ неловко-расположен-

ныхъ подробностей, тяжело утомляетъ искусство, съ какииъ высказаны въ
 ся. По идеямъ и взгляду на вещи, со- | остальной половинѣ многиа щеголи-
 чиненіе г. Маркевича еще менѣе удо- | выя подробности. Языкъ г. Маркевича
 влетворительно, чѣмъ по искусству | не отличается правильностію, а того,
 вложенія. Все, что можно похвалить | что называется *словомъ*, у него все
 въ новой исторіи Малороссіи, — это | нѣтъ.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А П Р Е Л ь .

121) ПАРАША. *Разказы въ стихахъ.* Г. Л. Писано въ началѣ 1843 года. Санкт-Петербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1843. Въ 8-ю д. л. 46, стр.

Теперь, когда Лермонтова уже нѣтъ, прекрасное дарованіе г. Майкова пока не общается идти дальше антологическаго рода, — поэзія русская если не умерла, то уснула, какъ это всегда съ нею бываетъ, какъ-скоро тотъ, кому дано свыше быть ея покровителемъ, или скончается во цвѣтѣ лѣтъ, или измѣнитъ надеждамъ, которыя подастъ о себѣ. Теперь стихи встрѣчаются только въ журналахъ; между ними попадаются и такіе, въ которыхъ есть чувство и замѣтно большее или меньшее дарованіе; но они всѣ лишены присутствія могучей мысли. А такъ-какъ поэзія русская давно уже пережила свой періодъ прекрасныхъ чувствъ и слад-

стныхъ мечтаній, и еще съ Пушкина начала періодъ мысли, — то теперь проходятъ мимо вниманія публики такіе стихотворенія, которыми прежде легко было бы въ одинъ день стяжать славу великаго гениа. Другими словами: могучимъ властителемъ душъ нашего времени уже перестали быть «стишки» — въ потребности публики ихъ смѣнила поэзія мысли. Это особенно стало замѣтно послѣ Лермонтова. Вотъ почему, если теперь и нельзя пожаловаться на бѣдность въ стихотворныхъ произведеніяхъ, то нельзя и сказать, чтобъ было что читать по этой части. День появленія въ журналѣ неизвѣстнаго стихотворенія Лермонтова — теперь эпоха въ исторіи русской литературы: стихотвореніе читаютъ, перечитываютъ, списываютъ, вытверживаютъ на-память. Стихотворенія, не принадлежащія Лер-

монтову, тоже прочитывают, даже похваливают, но съ тѣмъ, чтобъ совершенно забыть ихъ по выходѣ новой книжки журнала. Многіе заключаютъ изъ этого, что вмѣстѣ съ Лермонтовымъ умерла и русская поэзія. Что касается до насъ, мы не разделяемъ этого мнѣнія, и думаемъ, что русская поэзія не умерла, а только уснула, по обыкновенію, и что по-временамъ она будетъ просыпаться и рассказывать намъ свои прекрасные сны — до-тѣхъ-поръ, пока не явится на Руси новый поэтъ...

Небольшая книжка, наданіиъ по-явившаяся въ Петербургѣ, подъ скромнымъ названіемъ «рассказа въ стихахъ», есть именно одинъ изъ такихъ прекрасныхъ сновъ на минуту проснувшейся русской поэзіи, какіе давно уже не видѣлись ей. Увѣренные въ глубококомъ снѣ нашей поэзіи, мы взяли за «Парашу» съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней—или sentimentalную повѣсть о томъ, какъ она любила ее, и какъ она вышла замужъ за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда, вмѣсто этого, прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полною внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и ироніею!.. Однакожь, не смотря на то, увѣренность наша въ тяжелокомъ снѣ русской поэзіи была такъ велика, что мы не повѣрили первому впечатлѣнію и прочли снова, — еще лучше! И теперь, когда, отъ многократно-повтореннаго чтенія, мы почти знаемъ наизусть прекрасное поэтическое произведеніе, такъ неожиданно, такъ отрадно освѣжившее душу нашу отъ прозы и скуки ежедневнаго быта, — снѣшимъ познакомить публику съ явленіемъ, которое имѣетъ полное право на ея вниманіе.

Хотя авторъ «Параша», скрывшій свою фамилію подъ литерами Т. А., и

обозначилъ свое произведеніе скромнымъ именемъ «рассказа въ стихахъ» — однако оно тѣмъ не менѣе — поэма, и томъ смыслѣ, какой усвоены Пушкинымъ произведеніямъ такого рода. И такъ, мы будемъ называть «Парашу» поэмой: оно и короче и гораздо-сравненивѣе, если вспомнить, что «Чернецъ», «Элада», «Наталья Долгорукая», «Борскій» и тому подобныя стихотворныя рассказы величались поэмами. Сохраненіе «Параша» въ смыслѣ «сказа» — до того просто и немногосложно, что его можно рассказывать въ двухъ словахъ: на уѣздной барышнѣ женится помѣщикъ-сосѣдъ, — вотъ и все. Но это и содержаніе, а только канва содержанія; само же содержаніе поэмы такъ полно и богато, что его нельзя передать во всей его жизни и во всей благоуханной свѣжести его поэзіи, не заставляя самого поэта перерывать нашей прозаической рѣчи своими поэтическими стихами.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе читателей на эпиграфъ поэмы изъ Лермонтова:

«И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно».

Этотъ эпиграфъ выбранъ авторомъ въ исполненіе давно-заведеннаго обычая заманивать любопытство читателей загадочнымъ смысломъ чужой рѣчи; нѣтъ, стихъ Лермонтова, какъ мы увидимъ, находится въ живой связи съ смысломъ цѣлой поэмы, и столько-нибудь объясненіемъ поэмѣ, сколько самъ объясняется ею.

Поэма начинается описаніемъ помѣщичьяго дома съ безобразною порочною, съ садомъ, похожимъ на огорода, но съ гротомъ, который любилъ посѣщать героиня поэмы.

Ея отецъ — помѣщикъ беззаботный,
Сперва служилъ — и долго; наконецъ
Въ отставку вышелъ — и супругой

Обзавелся; теперь большой дѣлится
Живетъ въ ладу съ своими мужиками...
Онъ очень добръ и очень плутоватъ,

Торжествует и пьетъ чайкъ съ кушачами.
 Какъ водится, его супруга — плаадъ;
 О, сущій кладъ! и умница така!
 А женщина она была простая
 Съ лицомъ весьма похожимъ на пирогъ;
 Ее супругъ любилъ какъ только могъ.

Дочери этой достойной четы никто не
 назвалъ бы красавицею, но она была
 стройна, походка ея была легка и плав-
 на, прекрасная нога ловко обута, и
 вся рука была немного-велика, за то
 пальцы были прозрачны и тонки.

Велико мнѣ нравилось... оно
 Задумчиво грустію дышало;
 Когда казалось мнѣ: ей суждено
 Страданій въ жизни испытать не мало...
 И что жъ? мнѣ было больно и смѣшно:
 Видъ въ наши дни спасительно стра-
 данья...

Но глаза больше всего въ Парашѣ вра-
 тились автору —

Вглядѣвъ этихъ глазъ былъ мягокъ и мо-
 гучъ —
 Но не блестятъ онъ блескомъ торжани-
 змыи;
 То былъ онъ ясень, какъ весенній лучъ,
 То холодомъ проникнуть горделивымъ,
 То чуть блистала, какъ мѣсяцъ изъ-за
 тучъ.

Но взглядъ ея задумчиво-спокойный,
 Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ
 немъ
 Возможность страсти торжественной и зной-
 ной —
 Заловъ души, любимой Божествомъ.

Она была не безъ странностей, своимъ
 кивкомъ, уѣзднымъ барышнямъ; но
 выѣла ничего общаго съ восторжен-
 ными дѣвками, мечтательницами и
 ютницами до сладенькихъ стишковъ:

Она была насытъшлва, горда,
 А гордость — добродѣтель, господа...

Она бы находилась въ большомъ за-
 нятии: поэтъ такъ увлекательно,
 и поэтически описываетъ внутрен-
 нюю тревогу дѣвственной души своей
 роищи, что намъ совѣстно было бы
 рассказывать это нашею убогою про-

зою, а выписывать стихи — значить пе-
 реписать всю поэму... Но это такъ хо-
 рошо, что нѣтъ возможности не выпи-
 сать:

.....Каждый день,
 Я вамъ сказалъ — она въ саду скиталась;
 Она любила гордый шумъ и тѣнь
 Старинныхъ липъ — и тихо погружалась
 Въ отградную, забывчивую дѣнь.
 Такъ весело качались березы,
 Облѣтыя сверкающими лучомъ...
 И по щекамъ ея катились слезы
 Такъ медленно — Богъ вѣдаетъ о чемъ.
 То подошла къ убогому забору,
 Она стояла по часамъ... и взору
 Тогда давала волю... но глядитъ,
 Бывало, все на блѣдный рядъ ракушекъ.
 Тамъ, черезъ ровный лугъ, отъ ихъ се-

ла
 Верстахъ въ пяти, дорога шла большая;
 И какъ зѣна свивалась и ползла
 И дальній лѣсъ украдкой обгнала,
 Ея всю душу за собой влекла.
 Озарена накинъ-то блескомъ дивнымъ,
 Земля чужая вдругъ являлась ей...
 И кто-то милымъ голосомъ призывнымъ
 Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней.
 Таинственной исполненные муки,
 Надъ ней, звеня, носились эти звуки...
 И вотъ, искалъ ея молящій взоръ
 Другихъ небесъ — высокихъ, пышныхъ
 горъ

И тополей, и трепетныхъ оливокъ...
 Искала земля плѣнительной и дальней...
 Вдругъ русской пѣсней грустный пере-
 ливъ

Напомнить ей о родинѣ печальной;
 Она стоитъ головку наклонивъ,
 И надъ собой дивится — и съ улыбкой
 Себя бранитъ; и медленно домой
 Пойдетъ вздохнувъ... то сломитъ пру-
 тикъ глубокой,
 То броситъ вверху... разбѣянной рукой
 Достанетъ книжку — развернетъ, закро-
 етъ,

Любимый шепчетъ стихъ... а сердце
 ноетъ,
 Лицо блѣднѣетъ... въ этотъ чудный
 часъ
 Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить
 васъ,

О, барышня моя! . Въ тѣни густой
 Широкихъ липъ стоите вы безмолвно;
 Вздыхаетъ; нѣтъ вашей головой
 Склонилась вѣтъ... а ваше сердце полно

Мучительной и грустной ташивой,
На васъ гляжу я: предѣстью степною
Вы дышите—вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозой,
Какъ майская томительная ночь.

Кто получилъ отъ природы благодатную способность понимать поэзію какъ поэзію—не въ однихъ стихахъ, не въ однихъ книгахъ, но и въ жизни, и въ природѣ, тѣ согласятся съ нами, что въ этомъ отрывкѣ каждое слово такъ и дышитъ всею роскошью, всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи.

Есть два рода поэзи: одна, какъ талантъ, происходитъ отъ раздражительности нервъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостью красокъ, тою рѣзкою угловатостію формъ, которые мечутся въ глаза толи и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ болѣе по-видимому заключаетъ въ себѣ такая поэзія, тѣмъ пустѣе она внутри самой-себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дѣйствительностію не имѣетъ; мысли ея похожи на громкія слова и звучныя фразы, а картины ея похожи только до-тѣхъ-поръ, пока смотришь на нихъ: отведи глаза, и въ вашемъ воображеніи не останется никакого образа, никакого совершенія, никакого представленія.—Другая поэзія, какъ талантъ, имѣетъ своимъ источникомъ глубокое чувство дѣйствительности, сердечную симпатію ко всему живому, а потому ея чувства всегда истинны, ея мысли всегда оригинальны, даже и не будучи новыми, ибо онѣ не пойманы извнѣ и на-лету, а возникли и выросли въ душѣ поэта. Произведенія такой поэзи не бросаются въ глаза, но требуютъ, чтобъ въ нихъ вглядывались, и только внимательному взору открывается во всей глубинѣ своей ихъ простая, тихая и цѣломудренная красота. Печать оригинальности составляетъ ихъ неразлучную принадлежность; она есть слѣдствіе способности схватывать сущность, а слѣдовательно, и особенность cadaго предмета. И потому, описанія ея запечатлѣны достоувавною, такъ-

что, еслибъ вы и никогда не видѣли описываемаго предмета, вы тѣмъ не менѣе убѣждены, что онъ точно таковъ и другимъ быть не можетъ. Разбираемая нами поэма можетъ служить образцомъ такихъ произведеній. Вотъ вамъ картина неаполитанскаго лѣта:

Прежаркій день—во вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далекомъ югѣ:
Томительно-глубокой синевой
Все небо пышетъ; какъ большой въ пещерѣ,
Земля горитъ и сохнетъ; подъ скалою
Сверкаетъ море блескомъ востернымъ—

И движется, и дышитъ, и молчать...
И всѣ цафты подъ тѣмъ неуютимымъ,
Могучимъ солнцемъ рѣвють... ливнѣмъ
идтъ!

А вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій

Рыбакъ лежитъ, и каждый проходящій
Любуется имъ съ завистію—я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.

Въ этихъ *тринадцати* стихахъ такая полная картина, что вамъ ничего не остается ожидать къ ея дополненію, хотя, въ то же время, вы знаете, что тысяча другихъ поэтовъ могли бы ту же картину представить вамъ всеѣмъ-иначе, всеѣмъ-другими словами. Природа неисощима въ своемъ разнообразіи, и дѣло не въ томъ, чтобъ поэзія представляла ее въ сколько-можно-обширныхъ и сложныхъ картинахъ, а въ томъ, чтобъ она умѣла выдѣлать особенность cadaго ея предмета. Лѣто—ведѣтъ лѣто: ведѣтъ отъ него и жарко, и душно, и пыльно; но въ Европѣ лѣто свое лѣто, въ Россіи—свое. Поэтъ вы сейчасъ видѣли; вотъ второе:

У насъ не то, хоть и у насъ не рѣдъ
Бываешь жару... точно, жаръ гудитъ,
Гроза вдали собирается, трещать,
Кузнечики немство въ высокой,
Сухой травѣ; въ тѣни сноповъ лавать,
Жнецы; посы разинули вороны;
Грибами пахнетъ въ роцѣ; фантъ жужжитъ,
Собаки лають; за водой студеной
Идутъ мужикъ съ кузнецомъ!

Тогда люблю ходить я въ дѣсь дубовый,
Слѣтъ въ тѣни спокойной и суровой,
Иль иногда подъ скромнымъ шала-
шомъ
Бесѣдовать съ разумнымъ мужичкомъ.

Въ такой-то день Параша встрѣтилась
съ охотившимся молодымъ человѣ-
комъ. Мы пропускаемъ большую часть
прекрасно-изложенныхъ поэтомъ по-
дробностей этой встрѣчи. Скажемъ
олько, что охотникъ началъ свой раз-
говоръ съ Парашею не восклицаніемъ:
«о, два чудна!» или другою какою-
нибудь пошлостію въ этомъ родѣ, но
спросавъ къ ней съ очень-простымъ
вопросомъ: «умоляю васъ, скажите,
какой теперь часъ?»; потомъ: «чей
это дождь?» а тамъ объявилъ ей, что его
покойный дѣдъ былъ очень-друженъ
съ ея отцомъ.

Портретъ незнакомца превосходно
черченъ авторомъ. Это одинъ изъ
тѣхъ великихъ-маленькихъ людей, ко-
торыхъ теперь такъ много развелось,
и которые улыбкою презрѣнія и на-
вѣшки прикрываютъ тощее сердце,
разный умъ и посредственность сво-
ей природы. Онъ былъ за границею, и
привезъ оттуда множество безплод-
ныхъ словъ и сомнѣній... У нѣкото-
рыхъ журналовъ теперь вошло въ ма-
нѣю нападать на такихъ путешествен-
никовъ, и они съ торжествомъ указы-
ваютъ на нихъ, какъ на живое доказа-
тельство, что вѣчего за добромъ
идти на западъ. Авторъ «Параша»
узнаетъ объ этомъ иначе, и, согла-
саясь съ нимъ, мы вдругъ вспомнили
забку, вѣкогда переведенную Жуков-
скимъ «Кабуль Путешественникъ»... Къ
особенностямъ героя поэмы принадле-
житъ и то, что, будучи влюбчивымъ,
онъ былъ спокоенъ и горделивъ, а по-
тому и счастливъ въ женщинахъ, удач-
но обманывая и такихъ между ними,
которыхъ самъ не стоилъ; еще: не
будучи особенно - умнымъ, онъ впол-
нѣ владелъ умомъ, дарованнымъ ему
отъ Бога. Говоря о страсти своего ге-
роя сбавляя передъ знатию, авторъ
очень-остроумно признается въ томъ,

что любить пустой блескъ большого
свѣта, не увлекаясь имъ и смотря на
него безъ желанія; онъ очень-остро-
умно подшучиваетъ надъ моральными
выходами противъ большого свѣта
непризнанныхъ, безхвостыхъ львовъ
и львицъ, т. е. людей, которые бра-
няютъ большой свѣтъ за то, что тотъ не
хочетъ ихъ звать. Люблю, говоритъ
авторъ,

Люблю я пышныхъ комнатъ стройный
рядъ

И блескъ и прихоть роскоши старин-
ной...

А женщины... люблю я этотъ взглядъ
Разсѣянный, насмѣшливый и длинный;
Люблю простой, обдуманый нарядъ...

Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ,
Задумчиво приподнятую бровь,
Душистыя записки, быстрый почеркъ,
Душистую и быструю любовь;

Люблю я эту поступь, эти плечи,

Небрежныя, заманчивыя рѣчи...

«Но скажутъ мнѣ) дѣй свѣта никогда
Вы не встрѣчали женщины прекрас-
ной?»

Такихъ особъ встрѣчалъ я иногда,
И даже въ двухъ влюбился очень стра-
стно;

Какъ полевой цвѣтокъ онъ всегда
Такъ милы—но, какъ онъ, свой легкій
запахъ

Онъ теряютъ вдругъ... и Боже мой,
Какъ не завянуть имъ въ неловкихъ ла-
пахъ

Чиновникъ, довольнаго собой?

Эти стихи не обойдутся автору да-
ромъ: его объявятъ за нихъ «аристо-
кратомъ», скажутъ, что виѣшній
блескъ предпочитаетъ онъ душѣ и
сердцу, и т. п. По обыкновенію, въ
этомъ случаѣ, ему припишутъ то, че-
го онъ и не думалъ, и горячо будутъ
оспоривать его въ томъ, чего онъ не
говорилъ. Дѣло тутъ идетъ не о *душѣ*
и *сердцѣ*: поэтъ говоритъ совсѣмъ не о
внутренней святинѣ женщины, а о ея
поэтической виѣшности, которою мо-
гутъ не дорожить только природы сухія
и грубыя. Поэзія формы, изящество
виѣшности, столь очаровательныя въ
женщинѣ, могутъ почестъся исключи-

тельными явленіями внѣ большаго свѣта. Женщины другихъ круговъ общества смотрятъ на красоту и изящество, какъ на средство поскорѣ выйти замужъ. Достигнувъ этой вождѣлѣнной цѣли, онѣ скоро перестаютъ и пѣть, и плавать, и читать сладенькіе стишки, и кокетливо наряжаться, и поэтически держать себя; онѣ предаются прозѣ жизни, скоро полнѣютъ, пристращаются къ утреннему дезабилье, забываютъ музыку, луку, стихи, мечту и т. д. Отъ-того, до замужства, почти каждая изъ нихъ — *амала доброты. дѣва чудная, неземная, идеальная, Полна или Надина*, а послѣ замужства — солидная дама съ вѣсомъ въ обществѣ, женщина съ *характеромъ, Палагея Петровна и Надежда Алексѣвна*. Тутъ есть и другая причина. Юность самопо-себѣ есть уже новизна жизни, и въ юности каждая бываетъ лучше, нежели въ остальной время своей жизни; женщины въ-особенности. Надо имѣть слишкомъ-много глубины и силы въ натурѣ, чтобъ не охолодѣть въ призвѣ жизни, сберечь чувство и душу отъ холода дѣйствительности и сохранить юность сердца и въ лѣта зрѣлости и въ годы старости. Не такія натуры слишкомъ-рѣдки, и поэзія юности слишкомъ-рѣдко бываетъ ручательствомъ за поэзію дальнѣйшихъ возрастовъ. Бракъ есть рѣшительная эпоха въ жизни мужчины, и еще болѣе въ жизни женщины: для обонхъ, это — гробъ поэзіи и колыбель пошлой прозы и очерствѣнія души и чувства. Авторъ «Параши» превосходно охарактеризовалъ эпитетомъ «довольнаго собой» цѣлый разрядъ людей, особенно страшныхъ и гибельныхъ для благоуханной поэзіи женственныхъ существъ. Люди раздѣляются не только на умныхъ и на дураковъ: тѣ и другіе равно рѣдки, и между ними занимаетъ мѣсто огромный разрядъ пошлыхъ людей. Эти люди по-большей-части не умны и не глупы, иногда же между ними попадаютъ люди не безъ ума и не безъ способностей; но главное ихъ качество въ томъ

и другомъ случаѣ — *довольство самимъ собою*. Эти господа не знаютъ, что такое раскаяніе, стремленіе въ шлоу и тоска отъ невозможности достичь его, что такое горе безъ несчастія и страданіе при хорошемъ положеніи дѣлъ и добромъ здоровьѣ. Какъ бы ни была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ея мужество сдѣлается однимъ изъ такихъ господъ, ей остаются только двѣ неизбежныя дороги: или медленно зачахнуть, или помириться съ жизнью, какъ она есть... Последнее всего чаще случается. Въ высшихъ кругахъ общества, при этомъ не исчезаетъ поэзія внѣшности, и нарядъ остается навсегда облумачено-просто, взглядъ разсѣянъ, насильственъ и дологъ, и любовь душиста и быстра какъ записки и почеркъ; но въ среднихъ кругахъ общества, внѣшняя пошлость вѣрно отражаетъ внутреннюю и милые полевые цвѣтки быстро зацветаютъ въ неловкихъ лапахъ довольномало собою чиновника...

На другой день, въ домѣ отца Параша ждутъ гостя. Старикъ надѣлъ фракъ; дочь въ тайномъ волненіи; ея прическа такъ мила, а перчатки такъ свѣжи... Наконецъ гость является. Онъ говоритъ съ стариками, очаровываетъ ихъ; съ Парашей ни слова; но все время дышало «сознаніемъ внезапнаго сближенія».

И предавался дивной тишинѣ,
Онъ наслаждался страстно и вполнѣ.

Поэтъ даже заставляетъ его «вылетѣть» святымъ и чистымъ жаромъ и утверждаетъ, что онъ былъ любимъ... Иронически упреждая сомнѣніе читателей, авторъ спрашиваетъ ихъ:

Скажите — ваша память мнѣ поможетъ.
Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
Ту грустную, невольную тоску,
Которая беретъ васъ попомогу...
Къ чему намъ лицемѣрить, о, друзья,
Ее любовью называю я.

Наступаетъ ночь; хозяинъ предлагаетъ гостя погулять въ саду, и съ своею

другую поемную отстает от молодой четы. Душа Параша не совсѣмъ рокова, а она не начинаетъ разговора за тѣмъ, что боится внезапныхъ испушеній и чувствительныхъ порывъ, за тѣмъ, что былъ смущенъ своимъ положеніемъ: онъ клялся въ любви только тогда, когда не любилъ; параша же чувствовать жаръ любовной вихоряди, онъ зарывалъ свою любовь въ кладъ. Жаль! прелестныя читательницы, охотницы до сладенькихъ тишковъ и восторженческихъ сценъ, вѣрно ожидали тутъ пламеннаго объясненія, при дунѣ и звѣздахъ; во герой поимъ ужасный прозаникъ: если онъ и допускаетъ возможность исключеній, то въ пошлость вѣришь твердо и всегда, и редко ошибался. а о *другомъ* мѣрѣ не былъ никакого почитія... Что же кажется до самого поэта, то чувствительныя и восторженныя читательницы, цѣнное будутъ имъ, еще менѣе дожны, нежели героемъ поэмы, и объявить его человѣкомъ безъ души и сердца, демономъ, который не вѣритъ любви и презираетъ прекрасное и высокое... Предоставляемъ ему-самому защищаться противъ этого грознаго суда, и обратимся къ прерванной нити повѣсти.

Сказавъ, что герою поэмы въ саду съ такою барышнею было едва-ли отдалѣе, чѣмъ въ саду, авторъ заставляетъ его постепенно таять и объявляетъ *слабымъ*. Какъ и почему это случилось? Поэтъ удовлетворительно отвѣтъ на эти вопросы:

Во-первыхъ: ночь прекрасная была,
Ночь лѣтняя, спокойная, вѣсная;
Не свѣтила луна, зорь и возшла;
Рѣка, во тьмѣ таинственно сверкала,
Текла вдали... Дорожка къ ней вела:
А листья въ тишинѣ толпой незримой
Ловчутъ. Вотъ они сошли въ оврагъ
И словно ихъ движеніемъ гонимый,
Прялинии разступался мягкій прахъ...
Противиться не могъ онъ обаянью—
Онъ волю далъ безвѣстному мечтанью,
И улыбался мирно и вдыхалъ...
А сѣнѣмъ вѣтеръ въ глаза ихъ лобызалъ.

А во-вторыхъ: Параша не молчитъ,
И не вздыхаетъ съ приторной ужимкой,
Но говоритъ, и просто говоритъ.

Она такъ живо движется — какъ дымкой
Прозрачной тѣнью трепетно облитъ
Ея высокій станъ... онъ отдыхаетъ;
Ужъ онъ и радъ, что съ ней они влюблены —

Заговорилъ, а сердце въ ней пылаетъ
Невѣдомымъ, томительнымъ огнемъ.
Ихъ замахомъ встрѣчаетъ кустъ незримый

И, словно тоже страстию томимый,
Вдали, вдали — на рубежѣ степей
Гремитъ, поетъ и плачетъ соловей.
И можетъ быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній

Ея души — и сталъ въ немъ умирать
Крикливый рой смѣшныхъ предубежденій;

Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и отдаленной...

*Письма о любви не думаютъ она —
Но, какъ лепестокъ блестящій и стыдливый,*

Ее несетъ широкая волна...
Все въ этотъ мигъ кругомъ ей улыбалось,

Надъ ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслѣдъ шептала милыя слова...

Уѣзжая домой, нашъ герой думалъ про-себя: «Я радъ сосѣдять... Онъ чело-вѣкъ богатый... дочь у нихъ одна и притомъ она мила». Думая такъ, онъ гналъ отъ себя другія, неумѣстныя мечты. отголоски давно-минувшихъ дней... А что же Параша? Ей казалось, что все прежнее. вся жизнь ея наивидѣсь; во снѣ ей видѣлся онъ, а воюту слышится надъ нею, сияющею, какой-то *васильки-ный* голосъ, который говоритъ:

«Въ теплый вечеръ, въ улахъ чистыхъ

«Зрѣютъ свѣтлые соты;
«Въ теплый вечеръ липъ душистыхъ
«Раскрываются цвѣты;
«И тогда по нимъ слезамъ
«Почечетъ прозрачный медъ —
«Вѣется жално надъ цвѣтами
«Пчель ликующій народъ...
«Наклоня сладострастно

«Свой усталый стебелёк,
 «Гостя милаго напрасно
 «Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
 «Такъ и ты цвѣла стыдливо,
 «И въ тебѣ, дитя мое,
 «Созрѣвало прихотливо
 «Сердце страстное твое...
 «И теперь, въ красѣ расцвѣта,
 «Обаянїя полна,
 «Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта
 «Одинока и пышна.
 «Такъ склонись же, стебель стройный;
 «Такъ раскройся жь, мой цвѣтокъ;
 «Прилетѣлъ женихъ... достойный
 «Въ твой забытый уголокъ.

Однакожь странно: почему эти прекрасные стихи такъ неожиданно смѣняются такимъ прозаическимъ стихомъ — съ достойнымъ женитомъ?.. Не забывайте, что эти стихи прозвучали наемшильный голосъ... Чей же это голосъ? — Должно быть, сатана: эта догадка тѣмъ основательнѣе, что самъ поэтъ, вслѣдъ за тѣмъ, заставляеть сатану «покинуть угрюмою головою надъ любящей четвою». Но не ожидайте спецы обольщенїя: нашъ поэтъ — писатель благоправный, а герой его поэмы не былъ Дон-Хуаномъ — въ этомъ увѣряеть насъ самъ авторъ:

Мой Викторъ не былъ Донъ Хуаномъ...
 ей

Не предстояли грозныя волненя.
 «Тѣмъ лучше» скажутъ мнѣ: «разгулъ
 «страстей
 «Опасенъ»... Точно; лучше, безъ сомнѣнья,
 Спокойно жить и приживать дѣтей —
 И не давать, особенно въ началѣ,
 Щевамъ вымать... склониться головѣ...
 А сердцу забывались — и такъ далѣ.
 Не правда ль? Общепринятой молчѣ
 Я покоряюсь молча... поздравляю
 Парашу — и судьбѣ ее вручаю —
 Подобной жизнью будетъ жить она;
 А кажется, хочотъ сатана.

Мой Викторъ пересталъ любить давно...
 Въ немъ снѣзмала горѣла страсти скупно;
 Но впрочемъ, тѣмъ же свѣтомъ рѣшено,
 Что по любви жениться — даже глупо.
 И вотъ въ кого ей было суждено

Влюбиться... Что жъ? онъ челонокъ прекрасный,
 И — какъ умѣетъ — самъ влюбленъ въ нее;
 Ея души задумчивой и страстной
 Сбылись надежды всѣ... сбылось все,
 Чему она дать имя не умѣла,
 О чемъ молиться смѣла и не смѣла...
 Сбылось все... и оба влюблены...
 Но все жъ мнѣ слышенъ хочотъ сатаны.

Да чему же обрадовался лукавый?.. Не готовится ли онъ измѣны, ревности, вивжала, яда, и другихъ золь, которыми нарушается супружеское счастье?.. Ничего не бывало! Вы правы, чувствительныя и восторженныя читательницы, говоря, что авторъ «Параша» человекъ прозаическій и холодный... Въ-самомъ-дѣлѣ, оставивъ сатану, онъ вдругъ извѣщаетъ васъ, что онъ долго былъ въ отсутствїи и лѣтъ черезъ пять посѣтилъ влюбленныя. Четвертый годъ, какъ они были супругами, и Викторъ какъ-то странно толстѣлъ; но ее встревожилъ приходъ поэта, напомнивъ ей о прежнемъ, и она даже сгрустнула и поплакала;

Но грусть замужней женщины смѣшна.
 Какъ ручеекъ извилистый, но пламенный,
 Катилась жизнь Прасковьи Николаевны

Мужъ ее любилъ. «Можетъ-быть, вы скажете, что онъ не стѣлалъ ее любить» говоритъ поэтъ, и отвѣчаетъ такъ: «ты знаеть!»

Но — Бже! то ли думалъ я, когда,
 Исполненный нѣмага обожаня,
 Ея душѣ я предрекалъ года
 Святаго, благодатнаго страданя!
 Съ надеждами разставшись навсегда,
 Смыкался я съ суровымъ отчуждоюмъ;
 Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
 И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
 Гладѣлъ, какъ на любимую збѣду...
 И что жъ? я былъ обманутъ такъ...
 Такъ просто, такъ естественно, такъ...
 Что къ послѣднѣмъ своимъ нованїямъ я...
 Сталъ сомнѣваться, милые друзья.

И вотъ что ей сулила ночь той,
Той лѣтней ночи страстными мгновенья,
Когда съ такой тревожной быстротой
Въ ея душѣ смѣнялись вдохновенья...
Прощай, Параша!.. Время на покой;
Перо къ концу спѣшитъ нетерпѣливо...
Чтожъ мнѣ сказать о ней? Признаться
вамъ—

Ее никто не назоветъ счастливой
Влюблѣн... она выдыхаетъ по часамъ,
И въ памяти хранитъ какъ совершенство
Неизменно великое блаженство!
Я скоро съ ней разстался... и едва ль
Ее увижу вновь... ея мнѣ жаль...

Если и теперь не для всѣхъ будетъ
повиенъ хохогъ сатаны, то мы, право,
взнаемъ, какъ и объяснить его... Этотъ
сатана долженъ быть знакомъ русскимъ
читателямъ. потому—что они встрѣча-
лись съ нимъ и въ «Онѣгинѣ», и въ «Го-
рѣ отъ Ума», и въ «Ревизорѣ», и въ
повѣстяхъ Гоголя, и въ «Герое Нашего
Времени», и вмѣстѣ съ нимъ смѣялись
или грустили надъ неточнымъ и пре-
рративнымъ употребленіемъ разныхъ
ежедневно-употребляемыхъ словъ. Въ
«Парашѣ», навлекло на себя насмѣшку
всѣа слово «любовь» и неумѣніе многихъ
любить, и умѣніе ихъ дѣлать комедію
изъ всякаго чувства. Наши юноши и дѣвч-
ы любви всего менѣе думаютъ о люб-
ви, но тѣ и другія ищутъ въ ней сча-
стія, а счастье любви полагаютъ въ со-
юзѣ съ миме и съ лею. Любовь, какъ
всякое сильное чувство, какъ всякая
глубокая страсть, есть сама себѣ цѣль;
для любящихся она—долгъ, требую-
щій служенія и жертвъ, и, предаваясь
чувству, они не отступаютъ назадъ, что
бы ни сулила имъ развязка ихъ рома-
на—счастливый ли союзъ, или терню-
вый вѣнецъ страданія и безвременную
погибу... Но есть люди, которые очень
уважаютъ чувство, пока оно суляетъ
имъ вѣрное счастье и пока оно не тре-
буетъ отъ нихъ ничего, кромѣ прекра-
сныхъ словъ и поэтическихъ востор-
гов... И потому участь такихъ людей
рѣшаетъ не страсть, не чувство, а те-
плая лѣтняя ночь и одинокая прогулка,
располагающія къ нѣжѣ, мечтатель-
ности, и воставляющія расплываться

душою и сердцемъ... И какъ же
иначе? для страсти надо воспи-
таться, развиться. А для этого на-
до возрасти въ такой общественной
сферѣ, въ которой духовная жизнь че-
резъ дыханіе входитъ въ человѣка,
а не изъ книгъ узнаётся имъ... Только
тогда изъ его страсти можетъ выйти
или серьезная повѣсть, или высокая
драма, а не жалкая комедія, не карри-
катурная пародія для потѣхи сатаны...

Но, можетъ-быть, все это вынимъ чи-
тателямъ покажется довольно-темно, и
они найдутъ очень-серьезною развя-
ку повѣсти. Въ-самомъ-дѣлѣ: влюбил-
ись и женился, оба молоды и съ до-
статкомъ, оба приличная партія другъ
другу: дай Богъ такъ всякому!.. И то
правда! Такимъ читателямъ мы ничего
не находимся отвѣтить, и рецензенту
остается только позвѣститься передъ ни-
ми словами поэта:

Но вы добры, я слышалъ, и меня,
Що глудостя, простите ради Бога.

Другіе, можетъ-быть, станутъ бла-
горазумно разсуждать, что выйдя Па-
раша, вмѣсто Виктора, за человѣка съ
душою возвышенною, сердцемъ стра-
стнымъ, и проч., — она не утратила
бы благоуханія души своею и въ по-
шломъ спокойствіи не забыла бы
жаркаго волненія сердца и сладости
страданія... Нѣтъ, еслибъ она была
выше своей судьбы, не спокойствіе,
а страданіе было бы утѣломъ ея — хо-
тѣли мы сказать, но, вспомнить, что
предупредительный поэтъ лучше насъ
рѣшилъ этотъ вопросъ, мы ограничи-
ваемся повтореніемъ его словъ:

Мнѣ жаль ея... быть можетъ, еслибъ рокъ
Ее повелъ другой—другой дорогой...
Но рокъ—такъ всѣми принято—жестокъ,
А потому и поступаетъ строго.

Выписанныя нами нѣста изъ поэмъ
достаточно говорятъ за дарованіе и ма-
стерство автора. Стихъ обнаруживаетъ
необыкновенный поэтический талантъ;
а вѣрная наблюдательность, глубокая

мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония, подъ которою скрывается столько чувств, — все это показываетъ въ авторѣ; иронія дара творчества, сына нашего времени, несущаго изъ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то же, что талантъ — по-крайней-мѣрѣ, безъ нея нѣтъ таланта. Многие найдутъ въ повѣи слѣды подражанія Пушкину и особенно Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда сближается толпою съ холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящіе, понимаютъ, что быть подъ неизбѣжнымъ вліаніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное или литературѣ и обществу, и рабски подражать — совѣтъ не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно-развивающагося, второе — безталантности. Можно поддѣлаться подъ стихъ и подъ манеру писателя, но не подъ духъ и натуру его, ибо можно цѣлый вѣкъ прожизнать съ чужими словами и чужими манерами, но отъ собственнаго духа и собственной натуры отречься нельзя, каковы бы они ни были — велики или малы... Въ стихахъ г. Т. Я. столько жизни и шевеленія, въ оверцавіи его столько истинны и вѣрности, что тутъ всякая мысль о подражательности негѣна. Вся поэма проникнута такимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, колорита, такъ выдержана, что обличаетъ въ авторѣ не только творческій талантъ, но и зрѣлость и силу таланта, умѣющаго владѣть своими предметомъ. Вообще, нельзя не замѣтить, по случаю этой поэмы, какіе великіе успѣхи въ послѣднее время сдѣлали наша поэзія и наше общество: чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о поэмахъ, являвшихся до «Цыганъ» Пушкина... Иронія и юморъ, овладѣвшія современною поэзіею, всего лучше доказываютъ ея огромный успѣхъ: ибо отсу-

ствіе ироніи и юмора всегда обличаетъ дѣтское состояніе литературы.

Для любителей мелкихъ прищипокъ, укажемъ на четыре неудачные стихи въ «Параши». На стр. 7, строфа IV, стихи: «Ея два брата умерли чахоткой не вѣдая съ цѣлымъ и явно установленъ для рѣшмы. Кстати: рѣшма изъ слову «красоткой» некорома, потому-то слово «красотка» по-русски немноговульгарно. На стр. 23, строфа XXXI, въ стихѣ «Отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался», вѣроятно есть опечатка, и его должно читать такъ: «Онъ отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался». На стр. 29, послѣдній стихъ XLII-й строфы странно-неумѣстенъ («Читатель — я, признайтеся, я смѣшотъ»). На стр. 33-й, третій стихъ прекрасной XLIX-й строфы испорченъ неправильнымъ удареніемъ: «Не свѣтила луна, хоть и взшла». — Больше не къ чему придаться самому мелочному лому чужихъ ошибокъ и промаховъ.

Словно гармоническіи аккорды оканчивается поэма послѣднею строфою, оставляя на душѣ глубокій слѣдъ возмущенной думы:

А если кто расказъ небрежный мой
Прочтеть — и вдругъ задумавшись
возможно

На мигъ одинъ поникнетъ головой
И скажетъ мнѣ спасибо: мнѣ доведеть...
Тому давно — стоялъ я надъ кормой,
И пили мы вдоль города чужаго;
Я былъ одинъ на палубѣ... волна
Вдымала насъ и опускала снова...
И вдругъ мнѣ кто-то машетъ изъ окна; —
Кто онъ, когда и гдѣ мы съ нимъ шли...

Не могъ я вспомнить... быстро ми пречало —

Ему въ отвѣтъ и я махнулъ рукой —
И городъ тихо скрылся за горой...

Дай Богъ, чтобъ наша встрѣча съ талантомъ автора «Параши» не была также случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и драгоценное. Грустно было бы думать, что такой талантъ — не болѣе, какъ вспышка дѣтскихъ, вѣтхихъ молодой крови, а не...

внѣ присванія, и нежесть обмануть
обдуманна внѣ ожиданія и надеж-
ы, какъ обманула поета героиня его
поны...

122) Описание Турецкой Войны
в царствованіи Императора Алек-
сандра, съ 1806 до 1812 года, по
исключительному повелѣнію сличенное имен-
но-императоромъ и членомъ Военнаго
Совѣта Михайловскимъ-Данилевскимъ.
В картинномъ театре войны и 30-ю плана-
ми. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба
Генералнаго Корпуса Императорской Стра-
жи. Въ 8-ю д. л. Въ I-й ча-
сти 278. во II-й — 278 стр.

Исторія народа слагается
из множества элементовъ, и чѣмъ мно-
жественнѣе и могущественнѣе на-
родъ, тѣмъ сложнѣе жизнь его. Каждый
изъ элементовъ, составляющихъ жизнь
народа, требуетъ особеннаго изслѣдо-
ванія и можетъ имѣть свою исторію. И
можно при разработкѣ этихъ отдѣль-
ныхъ элементовъ возможна полная ис-
торія народа. Съ царствованія Петра-
Великаго, Россія слѣжала за государствомъ
и-происшествіемъ военнымъ, и послѣ
какаго преобразователя нашего оте-
чества, не было въ Россіи ни одного
государа, который бы не расширилъ
пределовъ своего государства вакизъ-
шубу пріобрѣтеніемъ. Послѣ царство-
ванія Екатерины II, самымъ обиль-
нымъ такого рода славными пріобрѣте-
ніями, было царствование Александра-
Благословеннаго. Упроченіе власти на
Балканѣхъ, пріобрѣтеніе Финляндіи Бес-
арabia, Герцогства Варшавскаго, —
вотъ безсмертныя памятники правленія
Александра I. Но великая борьба съ
неотдавшимъ надъ Европою колоссомъ
дѣлаетъ эпоху Александра еще болѣе
важною въ военномъ отношеніи. Рус-
скіе по-справедливости упрекали въ
тогда, что они обнаружили больше спо-
собности и любви къ стяжанію въяждовъ
славы, чѣмъ умѣнія и охоты говорить о
чужой слави и утѣловѣчивать ее въ кра-
сивѣннѣмъ историческаго слова; сами
русскіе согласались въ справедливости

этого упрека. Такъ было прежде; но
теперь подобное обвиненіе не имѣеть
уже мѣста. Не умоляли еще грома
оружія и не затмилась блескъ великихъ
пріобрѣтеній въ славное царствованіе
государнаго Брата и Наслѣдника Але-
ксандра — Благословеннаго, какъ уже
наступила для Россіи пора созна-
нія своего національнаго величія. Рос-
сія теперь не только облагаетъ свою по-
торію, но и имѣеть ее. Такъ, напр.,
военная исторія царствованія Импе-
ратора Александра нашла для себя
неутомимаго и достойнаго историка въ
лицѣ г. Михайловскаго-Данилевскаго.
Трудно повѣрить, чтобъ одинъ и тотъ
же человекъ могъ столько сдѣлать,
столько написать. Это тѣмъ удивитель-
нѣе, что онъ почерпалъ прямо изъ до-
кументовъ, и въ своихъ историческихъ
твореніяхъ былъ и критикомъ, и при-
готовителемъ матеріаловъ, и художни-
комъ, выходящимъ душою оклеу въ эти
нѣмыя памятники прошедшаго. Похо-
ды 1812 — 1814 годовъ и война фин-
ляндская, — все это прагматически, уче-
нымъ образомъ и съ литературнымъ
изяществомъ описано г-мъ Михайлов-
скимъ-Данилевскимъ менѣе, нежели
въ-продолженіе десяти лѣтъ. И вотъ
теперь является новый трудъ его —
«Описание турецкой войны въ царство-
ваніи Императора Александра, съ 1806
до 1812 года...» Дѣятельность изуми-
тельная!

Нечего говорить, какии драгоцѣн-
нымъ пособіемъ и источникомъ будутъ
сочиненія г. Михайловскаго-Данилев-
скаго для будущаго историка Россіи.
Это не только матеріалы, не только ис-
точники, — нѣтъ, это уже готовая исто-
рія, на которую смѣло можно будетъ
ссылаться, изъ которой смѣло можно
будетъ заимствовать цѣлыя страницы
и мѣста: труды г. Михайловскаго-Да-
нилевскаго, по общему признанію всѣхъ
его многочисленныхъ читателей въ
Россіи, отличаются откровеніемъ и благо-
роднымъ безпристрастіемъ, вѣрностію
фактовъ, полнотою, искуснымъ изло-
женіемъ, всегда представляющимъ со-

бою живую картину событий, равно доступную и для опытного и для неопытного глаза, стройное и краспорѣчивое повѣствованіе, равно интересное и понятное какъ для военныхъ людей, такъ и для людей всѣхъ другихъ сословій. Свидѣтель большей части описываемыхъ имъ событий, лично знавшій всѣхъ героевъ и участниковъ этихъ событий, бывшій тогда же, или послѣ, на мѣстахъ сцены этихъ событий, удостоенный довѣрія Монарха, имѣющій доступъ къ самымъ важнымъ и секретнымъ документамъ, г. Михайловскій-Данилевскій, при своемъ знаніи воеваемаго дѣла и своимъ талантомъ, имѣлъ всѣ средства замыслить и окончить творенія прочныя, фундаментальныя.

• Описание Турецкой Войны. — особенно-важное твореніе еще и потому, что турецкая война, столь блистательно и славно веденная и конченная при самыхъ затруднительныхъ для Россіи обстоятельствахъ, менѣе всего воспользовалась подобающею ей данью хвалы: ее тотчасъ смѣнила другая война, занявшая вниманіе и рѣшившая судьбу всего міра. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ подробности о подвигахъ Михельсона, Засса, Гудовича, Милорадовича, Сенавина, Багратіона, Каменскаго и, въ-особенности, Кутузова, обнаружившаго въ себѣ геній великаго полководца вмѣстѣ съ геніемъ великаго дипломата и политика.

• Описание Турецкой Войны. — новый памятникъ благоговѣнной признательности историка къ имени Александра-Благословеннаго.

123) Испанскій Театръ. *Переводъ съ испанскаго* К. Тимковскаго. Томъ I. Кальдеронъ. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жерндкова. 1843. Въ 12-ю д. л. XII и 104 стр.

Странное зрѣлище представляетъ собою современная русская литература! Съ одной стороны, пустыя книжонки съ хорошенькими картинками; съ другой, переводы съ подлинниковъ Платона, Данте, Шекспира и испанскихъ

драматурговъ! Не знаемъ, которая сторона пересилитъ другую, и этикъ рѣшить окончательно вопросъ объ истинныхъ потребностяхъ нашей читающей публики, и потому пока будемъ только радоваться, что, при общей пустотѣ и ничтожности современной русской литературы, въ ней есть и явленія утѣшительныя, отрадныя. Это покажутся по-крайней-мѣрѣ, что между русскими литераторами есть и благонамѣренные люди, которые думаютъ не объ однихъ барышахъ и на литературу смотрятъ не какъ на Сѣнную-Площадь...

Первый выпускъ Испанскаго Театра г. Тимковскаго заключаетъ въ себѣ драму Кальдерона «Жизнь есть Сонъ», твореніе оригинальное, чисто-испанское, но исполненное мысли и поэтической прелести. Дѣйствіе въ Польшѣ; но подъ именами Поляковъ мы знаемъ истыхъ Испанцевъ, и эти дѣйствующие лица, невѣрныя въ историческомъ отношеніи, вѣрныя природою, какъ люди. Переводъ такъ хорошъ, что ничто больше не остается желать. Предисловіе и примѣчанія обнаруживаютъ въ переводчикѣ не только знаніе, но и совѣстливое усердіе къ своему дѣлу. Изданіе прекрасно. Во всѣхъ отношеніяхъ, предпріятіе г. Тимковскаго заслуживаетъ вниманія образованныхъ людей, и нельзя не пожелать ему всякаго успѣха.

124) Пять Сатиръ Горация. *Въ стихахъ. Переводъ съ латинскаго.* Москва. Въ Унив. тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 40 стр.

Трудъ добросовѣстный, исполненный не безъ знанія дѣла (мы хотимъ сказать, что переводъ сдѣланъ довольно вѣрно и сносными стихами), но слѣшкомъ уже безпорядочный... Съ какою цѣлю, спрашивается, сдѣланъ этотъ переводъ? Для того, чтобы возвести русскаго читателя съ Горациемъ? Но чтобы зналъ Горация-поэта, какъ читать его оды, а не сатары. Чѣмъ заставить насъ прочесть эти сатары?

ры? Но—право, это немного-мудрено: еще согласенъ буду читать ихъ въ толлинникѣ, гдѣ меня, по-крайней-мѣрѣ, будетъ занимать игра поэтическаго языка и свойственнаго ему колорита, ю въ переводѣ и впритомъ добросовѣтностью... Впрочемъ, не этимъ ли, можетъ-быть, переводчикъ хотѣлъ оказать дружескую услугу тѣмъ, которые занимаются переводомъ Горация ex-officio? Но тогда надобно бы уже перевести его всего.

125) **Исторія Петра Великаго.** *Сочиненіе Николая Полеваго. Санкт-петербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1843. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 353, во II-й—305, въ III-й—363, въ IV-й—344 стр.*

Давно уже в толковали и писали, что г. Полевой занимается составленіемъ исторіи Петра-Великаго. Всѣ были убеждены, что если достоинство труда г. Полеваго далеко не будетъ соответствовать важности и величію предмета, — по-крайней-мѣрѣ, все же это будетъ трудъ добросовѣстный, усердный, долженствующій возстановить литературную извѣстность автора, истинную на журнальных перебранки, драматическіе опыты и тому подобныя мелочи. Мы сами, нисколько не признавая гениальности г. Полеваго, — всегда видѣли въ немъ литератора умнаго, опытнаго, дѣятельнаго, способнаго, давно занимающагося русскою исторіею, — и потому ожидали отъ его «Исторіи Петра-Великаго», по-крайней-мѣрѣ, хорошаго и стройно-пересказаннаго добродушнаго разсказа Голикова, — т. е. книги, въ которой была наиболѣе нуждается русская публика. Великолѣпная программа и не менѣе великолѣпная цѣна сочиненія, еще болѣе утвердили насъ въ пріятной надеждѣ; но *четыре тома*, состоящія изъ *шестидесяти* печатныхъ листовъ, какъ сказано было въ объявленіи, привели насъ въ недоумѣніе, ибо исторія Петра-Великаго до того богата событиями важными и чрезвычайными, что

такого бѣднаго объема едва достаточно для самаго бѣднаго обзора ихъ. Тогда мы подумали, что это — четыре тома сжатого (компактнаго) изданія въ 8-ю долю листа. Каково же было наше удивленіе, когда мы увидѣли четыре тощенькіе томикъ въ 12-ю д. л., напечатанные разгонисто, съ пробѣлами, заглавными листками, словомъ — какъ печатаются въ Москвѣ романы г. Загоскина... Такъ это-то трудъ долголѣтній, о которомъ столько наговорили, наврочази, котораго такъ долго ожидали! И вотъ, прочли мы эти *четыре тома*, прочли ихъ скоро... Точно, — это «исторія Петра-Великаго», — она лучше исторія г. Ламбина, обширнѣе исторія г-жи Ишамовой (составляющей часть ея «Исторіи Россіи для дѣтей»); но этимъ и оканчиваются всѣ ея достоинства. «Дѣянія Петра-Великаго, мудраго преобразителя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ» — *этого тридцати-томика* совѣстливый и усердный трудъ добраго, умнаго и почтеннаго Голикова, по-прежнему остается книгою незамѣнимую, единственнымъ источникомъ, изъ котораго общество русское можетъ почерпнуть свѣдѣнія о жизни и подвигахъ величайшаго изъ царей русскихъ и царей земныхъ. «Исторія Петра-Великаго» г. Полеваго есть не что иное, какъ легкая выборка изъ Голикова (съ ссылками на него, какъ на единственный источникъ), отличающаяся изложеніемъ не запутаннымъ, но и не оживленнымъ, не картиннымъ, языкомъ грамматнымъ, но сухимъ и компиляторскимъ. Есть въ ней и «высшіе взгляды», но они уже давно знакомы русской публикѣ и до того устарѣли и превратились въ общія мѣста, что сдѣлались похожими на историческіе аподегмы г. Кайданова.

Вотъ и все, что можно сказать о починномъ и убогомъ трудѣ г. Полеваго: онъ ниже всякой серьезной и дѣльной критики. Г. Полевой особенно настаиваетъ, въ своей исторіи (которой болѣе прилично названіе разсказа,

чѣтъ исторіи). будто-бы на новый взгляд своей на Петра, какъ на великаго полководца: мысль, во-первыхъ, не новая, а во-вторыхъ, ожидающая изслѣдованія людей, знающихъ военное ремесло не по-слуху; авторитетъ же г. Полеваго недостаточенъ для окончательнаго рѣшенія такого важнаго вопроса. Одно должно похвалить въ Исторіи г. Полеваго: это — здравомыслящее и честное понятіе его о значеніи Петра-Великаго для Россіи. Мы этиаъ хотимъ сказать не то, что бы такое понятіе было ново, или особенно-хорошо развито и доказано г. Полевымъ: ничуть не бывало! Много есть на Руси людей, понимающихъ какъ должно Петра-Великаго, и г. Полевой не развилъ, ни доказалъ этой мысли ни старымъ, ни новымъ образомъ, а выразилъ ее просто, какъ свое сужденіе; онъ даже не печелъ за нужное начать свою исторію яркою картинною правотъ и внутренняго состоянія Россіи до Петра-Великаго, а между-тѣмъ, только черезъ это и можно сдѣлать понятнымъ, въ чемъ состоитъ великое дѣло великаго преобразователя. Но мы отдаемъ справедливость г. Шоломову въ томъ, что онъ держится здраваго понятія о Петрѣ-Великомъ въ такое время, когда, въ сдѣлствіе распространяющагося духа изслѣдованія, пошло въ оборотъ много поверхностныхъ и превратныхъ понятій объ этомъ великомъ вопросѣ русской исторіи. На этотъ счетъ есть замѣчательная статья, написанная г. Устряловымъ и напечатанная въ 11, 12 и 13 номерахъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года. Г. Устряловъ, говоря о людяхъ, упрекающихъ Петра-Великаго въ насильственной реформѣ, «крутой и суровой, непопадлившей ни правотъ, ни обычаямъ, ни основныхъ началъ народности», — справедливо приписываетъ начало такого мнѣнія Карамзину, который сказалъ о Петрѣ-Великомъ: «Сей государь, къ несчастію худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнавалъ и полюбилъ Женевца

Лефорта, который отъ бѣдности эхалъ въ Москву, и весьма-естественно находя русскіе обычаи странными говорилъ ему о нихъ съ презрѣніемъ а все европейское возвышалъ до небесъ, что волямыя общества Нѣмецкаго Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортова дѣла и пылкій монархъ, съ разгорѣвшимся воображеніемъ увидѣвъ Барону, захотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею. Оже, Карамзинъ, говоритъ, что ближніе Россіи съ Европою дѣлались и Петра, но тихо, медленно, безъ войны и насилія... Г. Устряловъ прервано рѣшилъ этотъ вопросъ на основаніи историческихъ фактовъ, и мы находимъ приличнымъ воспользоваться здѣсь собственными словами г. Устрялова (с. № 13 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей»):

«Мы видѣли, какъ развились въ нашемъ отечествѣ основныя элементы общественной; бросимъ теперь безпристрастно взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи. Игдѣ ни одно правительство не печлось о богачествѣ русскаго о благоденствіи народа о вишней безопасности его, о непрямокавенности достоинства и чести каждаго, о святости закона, о чистотѣ нравственности, игдѣ положеніе дѣла не представлялось столь грустной и печальной картиной, какъ нашему отечествѣ.

Извѣстны тревожили и грабили насъ иныя сосѣди, малосильныя для другихъ грозныя и опасныя для насъ одна. Мы говоримъ о Швеціи, которая была намъ нами перевѣсъ явный и рѣшительный, а ниния почетное мѣсто среди державъ Европейскихъ. Не какіе-то образцы могли е нещастествовать съ нами Полямы, съчленная цѣль самыхъ разнородныхъ силъ и уже коспящая въ нѣдрахъ своихъ дышъ неминуемаго разрушенія? Карлъ завоевалъ ее однимъ походомъ, Карлъ I низринулъ короля ея съ престола; а мы послѣ вѣковыхъ усилій, не могли исхитить изъ рукъ ея единоплеменную, единую намъ страну, которая такъ часто уляла насъ о защитѣ, и оставили ее мы игомъ жестокихъ, подавляющихъ въ насъ русскій языкъ и русскій законъ. Мало е го: намъ не давала покоя даже полудни

дн, гнѣздился на Крымскомъ полуостровѣ. Едва ли проходилъ годъ, когда она, отдѣленная отъ Россіи пространными стѣнами, не разоряла полуденного гнѣзда нашего; сколько разъ трепетала сама Москва отъ ея нашествій! и дѣло шло не о томъ, чтобы не мѣше достоинствъ—чтобы отворотить ея губительныя наѣды, московскій дворъ ежегодно несъ ей богатые дары, такъ называемые юнники, которыхъ ханы требовали одинаково, какъ должнаго, грозя въ противномъ случаѣ разореніемъ нашихъ селъ и городовъ. Мы имѣли многочисленное, мушкетерское дворянство, могли вывести въ поле до 300,000 ратниковъ, и почти платили дань степной ордѣ! Можемъ ли послѣ этого гордиться тогдашнимъ политическимъ могуществомъ?

Не угнѣздывае было и внутреннее состояние Россіи. При всей строгости закона, при всей заботливости государей о правотѣ судѣ, о безопасности лицъ и собственности, въ подробностяхъ управленія господствовало вообще тягостное самовластіе и безоглядное лихоимство. Довольно привести въ доказательство горькія жалобы народа, въ послѣдніе годы Михаила Феодоровича на людей приказныхъ, на воступившаго Морозова и многіе подобные случаи. Областные воеводы, сосредоточивая въ лицѣ своемъ право суда гражданскаго и уголовного, сборъ податей, земскую полицію, нарядъ войска, съ одной стороны не были возможности выполнять столь разнородныя обязанности, съ другой же находили множество поводовъ къ удовлетворенію беззаконнаго корыстолюбія. Нытки оставили необходимую принадлежность сельскаго хозяйства уголовнымъ и преступнымъ государственнымъ. Столь же ненавистны, столь же безчеловѣчныя правили надъ бѣдныхъ должниковъ въ жертву милосердныхъ заимодавцевъ. Кнутъ не шлѣлъ даже знатныхъ дворянъ. Ратныя чины наши представляли многочисленную, но нестройную громаду малочисленныхъ помѣщиковъ и сельскихъ обывателей, оторванныхъ отъ плуга и вооруженныхъ чѣмъ попало: обязанности сами заботились о своемъ продовольствіи во время похода, они равно опустошали и свою и чужую землю, или гибли отъ голода.

Кромѣ того, у насъ не развивалась ни одна отрасль промышленности, знанія или искусства. Наше рукодѣльное производство ограничивалось издѣліями телетного помета,

или грубой сѣрмяги; наша торговля заключалась въ перевозкѣ изъ города въ городъ хлѣба, сала, дѣтго. Все необходимое для удобства жизни мы получали изъ-за границы: оттуда везли намъ сукна, пометна, издѣлія шелковыя, металлическія. Оттуда мы получали даже пушки и ядра. Города наши отличались отъ деревень только большимъ числомъ домовъ, церквей и базаромъ, гдѣ продавались сельскія произведенія и мелочные предметы для домашняго обихода. Какъ часто иноземные послы терпѣли голодъ и холодъ на пути отъ Смоленска до Москвы! Едва имѣя понятіе о ремеслахъ, мы тѣмъ менѣе были знакомы съ художествами и искусствами изящными. Единственнымъ музыкальнымъ инструментомъ была балайка; живописью занимались одни иконописцы, не понимавшіе первыхъ началъ своего искусства. Только золотство оставило нѣсколько памятниковъ, замѣчательныхъ красотою, еще болѣе древностью. Словесность ограничивалась списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронграфовъ, и книгъ душевнательныхъ. Грамота впрочемъ была доступна весьма немногимъ: еще въ началѣ XVII столѣтія не каждый бояринъ умѣлъ подписать свое имя. Грубое невѣжество, господствуя въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, разливало тлетворный ядъ свой и на нравы и на обычаи, которые представляли странную смѣсь добрыхъ качествъ, свойственныхъ русскому народу, съ предрассудками, суевѣріемъ, даже съ отвратительными пороками.

Странно было бы доказывать, что Россія, при такомъ положеніи дѣлъ, вопреки имѣвшему краснорѣчиваго защитника стариннаго ея, не взирала на благотворное различіе основныхъ элементовъ своихъ, далеко не достигла той цѣли, къ которой стремится каждое общество гражданское, особенно если сравнимъ ее съ Западною Европою, гдѣ силы промышленныя развивались съ неизмѣрною быстротою, торговля обилела вселенную, умственная дѣятельность была въ высшей степени, науки, художества процвѣтали во многихъ странахъ, знанія, искусство, вкусы изящныя были необходимыми условіями общества.

Остается рѣшить вопросъ, не могла ли Россія выйдти изъ столь тягостнаго положенія постепеннымъ, хотя медленнымъ образованіемъ своего гражданскаго порядка, вслѣдствіе внутренняго стремленія къ усовершенствованію, безъ крутка перево-

рота, которымъ такъ сильно потрясъ ее Петръ-Великій? Исторія собственно не можетъ и не должна входить въ изслѣдованіе подобныхъ вопросовъ: одному Богу извѣстно, что было бы съ Россією, даже съ Европою въ XVII столѣтіи, если бы мы въ суровой школѣ Петра не извѣдали тайны сокрушить Карла XII, смирить Фридриха Великаго, поколебать Порту Оттоманскую... Но исторія можетъ и должна сказать, въ какой степени обнаруживалось въ насъ внутреннее стремленіе къ лучшему, къ усовершенствованію, къ заимствованію отъ Европы всего полезнаго: здѣсь она судитъ по фактамъ.

Было время, когда все предвѣщало Россіи блестящую будущность: окрестъ ея падали могущественныя, неприязненные царства и отдаленные народы вступали съ нею въ торговыя связи; внутри въ каждомъ дѣйствіи правительства выражалась ясная, отчетливая идея о водвореніи лучшаго порядка, объ усовершенствованіи всѣхъ отраслей жизни общественной, и что всего важнѣе, о необходимости образованія народаго. Такъ было въ то время, когда близъ трона Іоанна Грознаго стоялъ незабвенный Адашевъ. Тутъ мы сокрушили царство Казанское, царство Астраханское, подчинили своей власти казаковъ донскихъ, казаковъ запорожскихъ, едва не овладѣли Крымомъ, завоевали Ливонію, завели дѣятельную торговлю съ Англією, съ Персією, покровительствовали Грузіи, имѣли сношенія со всею Европою; между тѣмъ, внутри положили начало войску регулярному, даровали важнымъ преимуществамъ среднему сословию, ограничили самовластіе воеводъ, учредили бдительный надзоръ за исполненіемъ закона, за чистотою нравственною, и къ совершенію всего обратились къ просвѣщенной Европѣ съ призывомъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, для образованія Россіи, въ твердомъ намѣреніи основать въ ней училища народныя, о чемъ уже разсуждали на соборѣ. Вотъ моментъ, когда въ древнемъ отечествѣ нашемъ обнаружилось живое чувство цивилизаціи, ясное, живое стремленіе впередъ, къ лучшему, къ совершеннѣйшему. Отъ сей эпохи до Петра Великаго протекло около полутораго вѣка: казалось бы, Россія, обновленная послѣ татарскаго ига, устроенная, возвеличенная, не остановится на своемъ блестящемъ цопрнищѣ и совершитъ подвигъ великій: вышло иначе. Извнѣ мы болѣе теряли, чѣмъ приобрѣтали: упустили изъ рукъ своихъ Ливонію,

утратили стародавнія русскія земли при Финскомъ Заливѣ и дали возможность ожить Крымской Ордѣ, обезсиленной умомъ и мечомъ Адашева. Мы приобрѣли Малороссію, но не всю, только половину ея, съ трудомъ удержали за собою Кіевъ, и какихъ огромныхъ пожертвованій стоило намъ это приобретеніе, какъ оно было не надежно до самаго конца XVII вѣка отъ бурныхъ волненій ея, еще болѣе отъ неустойчивости Турціи! Казань, долговременную соперницу Москвы, упорно защищавшую свою вѣру и независимость, мы сокрушили однимъ ударомъ; а Малороссію, страдающую отъ одной вѣры, добровольно нѣмъ подчинили, вовлекла насъ въ жестоку, шестидесятилѣтнюю борьбу и съ ея собственными силами и съ сосѣдями. Умолчимъ о другихъ неудачахъ внѣшнихъ, о походѣ Шенши волею Смоленскъ, объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, о неоднократномъ пораженіи нашихъ войскъ Чарнецкихъ. Внутри обнаруживались бѣдственныя признаки: регулярное войско, учрежденное при Іоаннѣ Грозномъ, въ счастливое время его правленія, обратилось въ шайку необузданныхъ мятежниковъ. Въ этомъ народѣ господствовалъ ропотъ, который неоднократно обнаруживался кровавыми зрѣлищами: общее неудовольствіе людей приказныхъ, на ихъ дикость, несправедливое, замѣтное въ послѣдніе годы царствованія Михаила Феодоровича, развилось, по впаденіи сына его, страшнымъ бунтомъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и многихъ другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнулъ бунтъ козацкій; тутъ поднялся на Дону Разинъ. Тутъ возмущалась Малороссія. Даже мирная обитательница Смоленская возмущалась. Злобный духъ иррегулярности и мятежа проникъ далѣе: святыица Никонъ дерзнулъ вступиться, открытъ, дологъ неслыханный въ нашихъ отечествахъ споръ съ Государемъ, съ другимъ и благодѣтелемъ, къ общему блазну всей Россіи. Мало того: на евангелии, всегда чистую, всегда надежную усміяемъ еретиковъ, возстала нечестивая секта такъ называемыхъ старообрядцевъ, вѣрная по своему происхожденію, но не менѣе упорная и мятежная. Они же самодѣлываютъ сіи событія о развѣжливомъ состояніи умовъ, отъ которыхъ для благоустройства общества не было ни спасенія, ни исцѣленія. Они же вмѣстѣ со многими подобными людьми удостоиваются въ другой, не менѣе горестной, истинѣ: намъ еще не дошли

того, чѣмъ народы европейскіе справедли-
ю гордятся предъ обитателями другихъ
мѣстей свѣта, внутренняго стремленія къ
лучшему, совершеннѣйшему, къ дѣятель-
ному развитію нравственныхъ, промышлен-
ныхъ и умственныхъ силъ своихъ. Напра-
сто утверждаетъ Карамзинъ, что Россія въ
XVII столѣтіи сближалась съ Европою, и
иная польза, явное превосходство одержи-
ли верхъ надъ старымъ обычаемъ въ во-
вѣскихъ уставахъ, въ системѣ дипломати-
ческой, въ образѣ воспитанія или ученія,
въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи. Мы со-
гласны, что сношенія наши съ Европою въ
царствованіе дома Романовыхъ были во-
обще дѣятельны; но надобно вникнуть въ
вѣстнае свойство и значеніе: не мы
заводили эти связи, чтобъ извлечь изъ нихъ
пользу для своей промышленности или обра-
зованія, а предприимчивые Голландцы, Ан-
гличане, Датчане, Шведы посылали къ
намъ своихъ посланцевъ и агентовъ, отчасти
вмѣшавшихъ въ наши вѣковыя распри съ
Польшею, отчасти и еще болѣе изъ видовъ
торговыхъ. Призваніе же нѣсколькихъ ино-
земныхъ генераловъ и полковниковъ въ
царскую службу при Алексѣѣ Михайловичѣ
и мало не измѣнило нашей системы вой-
ны: мы ополчались по-прежнему, сража-
лись по старинѣ нестройными массами; и
имъ Феодоръ Алексѣевичъ сознавался, что
иже Турки превосходили насъ въ воин-
номъ искусствѣ. Разительнымъ доказа-
тельствомъ, какъ еще мало умѣли мы пользо-
ваться великими изобрѣтеніями ума евро-
пейскаго, служитъ состояніе книгопечата-
нн: узнавшае нами чрезъ сто лѣтъ послѣ
тѣхъ изобрѣтенія и введеніе въ счастли-
выя годы царствованія Іоанна Грознаго,
не ограничилось тѣснымъ кругомъ книгъ
иероглифическихъ. Мы не успѣли напечатать да-
же ни одной лѣтописи; да и самыя лѣтопи-
си—единственное выраженіе нашей любо-
пытности, принявшія подъ перомъ Ада-
мова характеръ исторіи, основанной на ак-
тахъ, самыя лѣтописи въ XVII столѣтіи за-
мечая. Вообще намъ еще недоступна была
идея о необходимости образованія. Мы ко-
тили къ старымъ понятіямъ, которые пе-
реходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ
лѣтъ; мы съѣхиво и съ презрѣніемъ смо-
рали на все чужое, иноземное, невидѣ-
нн все новое и въ какомъ-то чудномъ само-
обманѣ воображали, что православный
христианинъ есть совершеннѣйшій гражда-
нинъ въ мірѣ, а святая Русь первое госу-
дарство. Безспорно, привязанность къ роду
Т. XXVIII. — Отд. VI.

ному, національному, также необходима
для благоденствія обществъ, какъ и самое
образованіе. Но если это благородное чув-
ство переходитъ въ закоренѣлый предраз-
судокъ, отвергающій всякую новую мысль,
уже ли государство, имъ зараженное, мо-
жетъ благоденствовать? Вотъ противъ чего
такъ грозно, такъ могущественно, со всею
пылкостью своего огненнаго характера, со
всею крѣпостью своей желѣзной воли, во-
оружился Петръ Великій. Онъ хотѣлъ сдѣ-
лать изъ Россіи не Голландію, а государ-
ство, цвѣтущее промыслами, искусствами,
науками, съ необходимымъ политическимъ
вѣсомъ въ Европѣ; онъ не касался священ-
ныхъ залоговъ народности: единственною
цѣлію его было, по выраженію его сподви-
жника, вывести народъ столько имъ люби-
мый изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія на
театръ славы.»

Обращаемся снова къ «Исторіи» г.
Полеваго, чтобы сказать, что она на-
печатана несовѣтъ-красиво и доволь-
но-небрежно. Каждая глава имѣетъ
предъ собою особый заглавный ли-
стокъ съ эниграфомъ, но всѣ эниграфы
отмѣнно-неудачны и плохи, за исклю-
ченіемъ двухъ или трехъ, заключаю-
щихъ въ себѣ собственные слова Пе-
тра-Великаго, и двухъ или трехъ изъ
Пушкина. Опечатокъ—тьма-тьмуца,
такъ-что иногда и смысла не добыешь-
ся; на-пр.: «охраняемый небольшимъ
числомъ дыска (войска?) подъ предво-
дительствомъ Нирота» (часть III, стр.
273), или «Литва подъ Лѣснымъ», вмѣ-
сто «Битва подъ Лѣснымъ» (ч. II, стр.
233), и пр. и пр.

126) Краткое Руководство для
Врачей къ познанію российскихъ зако-
новъ, учрежденій и государственной слу-
жбы, издаваемое председателемъ Медицин-
скаго Совѣта. Санктпетербургъ. Въ тип.
Э. Праца. 1843. Въ 8-ю д. л. XX и 198
стр.

Вотъ, что говорить авторъ о планѣ
предпринятаго имъ изданія: «Въ 1839
году авторъ имѣлъ счастье повергнуть
«на Высочайшее Его Императорскаго
«Величества воззрѣніе планъ предпри-
«нятаго имъ сочиненія: Опытъ государ-
«ственнаго врачебновѣдѣнія въ осо-

«бѣнвоиъ отношеніи къ медицинскому устройству въ Россіи. Въ этомъ планѣ говорить онъ: «развита мысль, что въ «кругъ образованія врачей, вступающихъ въ государственную службу, необходимо должны быть включены основныя понятія о государственныхъ законахъ и учрежденіяхъ, и что безъ «сихъ предварительныхъ свѣдѣній нельзя требовать отъ врачей ни точныхъ познаній о ходѣ медицинскихъ дѣлъ, ни правильнаго приращенія къ нимъ «существующихъ узаконеній».

Въ достоинствѣ и необходимости предлежащаго сочиненія (собственно извлеченія изъ «Свода Россійскихъ Законовъ») убѣдится каждый врачъ. Почтенный предсѣдатель Медицинскаго Совѣта посредствомъ книги своей можетъ познакомить съ законами учащихъся медицинѣ, которые, однако, по поступленіи на службу, не могутъ обидѣться безъ «Свода Законовъ», чтобы точно указывать, что такія или нынѣ дѣйствія ихъ основываются на таковой или другой статьѣ приводимой въ томъ или другомъ томѣ «Свода». Впрочемъ, почитая, какого труда стоило автору изложить въ краткомъ извлеченіи содержаніе законовъ Россійской Имперіи вообще и законовъ, относящихся къ врачебной части особенно, врачи могутъ быть вполне признательны ему, тѣмъ болѣе, что книга по части медицинской полиціи въ Россіи доселѣ издаваема была очень-мало.

127) Отчетъ Россійскаго Общества Садоводства за 1842 годъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ сельскій по Обществу. Москва. Въ университетской тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 35 стр.

Кромѣ отчета за 1842 годъ, представленнаго Ея Императорскому Величеству, по обществу собственно, по школь собственно, по нѣмѣнью Студенець, въ этой книжкѣ содержатся: вѣдомости о приходѣ и расходѣ суммъ, объ испытаніи въ школь садоводства, о заведеніяхъ для обученія садоводству и огородничеству, состоящихъ при Россій-

скомъ Обществѣ Любителей Садоводства, свѣдѣнія изъ Высочайше-утвержденнаго устава Россійскаго Общества Любителей Садоводства, в свѣдѣніи выставкахъ предметовъ садоводства.

128) Способъ Спердинга, (загтая!) *отпечатывать (?) различныя марки и тѣмъ золотомъ и серебромъ. (ника!) на который въ Германіи была сдѣлана. Шуде 10-ти лѣтъна приключеніи присовокупленіемъ секрета составила новыя симпатическія чернила. Мюнхенъ. Въ Университетской тип. 1843. Въ 12 д. л. 23 стр.*

Брошюрка извлечена изъ хорошаго источника: изъ 6 го номера «Bulletin de la Société industrielle»; но оригиналъ написанъ съ толкомъ и знаніемъ дѣла, а переводъ сдѣланъ безъ толка безъ знанія дѣла и русскаго языка, что доказывается, во-первыхъ, чудовищнымъ заглавіемъ, а во-вторыхъ, чудовищными фразами. О, господи-реводчикни! скоро ли выучитесь въ русскому языку хоть столько, чтобы ставить грамотное заглавіе!..

129) Краткое Начертаніе Ученія о Раздраженіи Спинаго Мозга, или спинальной ирритации. Изданъ заслуженный профессоръ Хр. Бунге. Москва. Въ университетской типографіи. 1843. Въ 8-ю д. л. 68 стр.

Книга эта, по объявленію самого автора, есть переводъ статьи доктора Зейсера, помѣщенной въ «Eusslandische der gesammten Medicin», съ краткимъ введеніемъ, по мѣстамъ, собственноручнаго изъясненія автора. Въ ней изложены познанія спинальной ирритации, ея различныя явленія, отъ нея происходящія, исходъ, сущность, причины, предсказаніе, леченіе и діета. Изданъ Бунге, заслуженнаго профессора опытнаго врача, ручается за достоинство сочиненія.

130) Рецептура. Соч. доктора медицины Козьмы Лебедева. Москва.

Императорской типографіи. 1843. IV 16 стр.

Сочиненія г. Козьмы Лебедева, какъ вѣстно, отличаются длинными предсловіями, которыя ведутъ къ королькой книжечкѣ. Въ настоящемъ учаѣ, авторъ доказываетъ, что «Рецептура», по предмету своему, не можетъ быть пространною, хотя предисловіе къ ней, какъ мы видимъ, можетъ быть длиннѣе. Въ слѣдствіе этого, краткая «Рецептура» г. Лебедева шагаетъ составленіе непогихъ летъ.

131) Энциклопедія Русской бытвой Городской и Сельской озяйки, ключницы и пр., извлеченная изъ 40, 50 и 60-лѣтнихъ опытовъ рускаго жезлека Борисомъ Волжинимъ. *Измѣ третья. Санктпетербургъ. Изданіе книжнородаща Василья Полякова. 1842. Отд. Корп. Внутренней Страны. 1842.*

О содержаніи первыхъ двухъ частей этой книги мы говорили уже (О.З.1843). Третьей, зная вышедшей части, содржатель статьи, нѣющія предметомъ: оиденіе, освященіе, прислугу, прашную, гардеробъ, портяжничество, отнѣи дворъ, птичій дворъ, цѣты. Сдѣлать взглянуть на нѣкоторыя статьи, вовсе не требующія 60-лѣтнихъ вытовъ, чтобъ удостовѣриться въ томъ, что составители ихъ не знаютъ ныхъ простыхъ началъ внутренняго зяинства. На-примѣръ: куръ шпанскихъ и гилляскихъ они смѣшиваютъ; не знаютъ, что французское слово *pinces* — по русски переводится пещарии и дѣлаютъ два особые рода изъ пинды и пещарокъ; въ статьѣ о воспитаніи цѣнать недоговариваютъ, что ихъ е должно кормить мясомъ. О цѣтахъ ожно бы заимствовать много интереснаго изъ сочиненій и переводовъ П.И. Шарда; вмѣсто того, тутъ много словъ и чтого дѣльнаго. О печакъ нельзя быговорить безъ чертежей, и пр., и пр.

132) РУКОВОДСТВО КЪ ПОВНАНІЮ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СОЧИНЕННОЕ С. СМАРАГДОВЫМЪ, УЧИТЕЛЕМЪ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФІИ ПРИ СИРОТСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ИМПЕРАТОРСКОЮ ГАТЧИНСКОЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОЮ ДОМА И АДЪЮНКТЪ-ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКОЮ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЮ ЛАЦЕА. Изданіе второе, исправленное. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Штаба военнотучебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л., 540, XVIII и XI стр.

Г. Смарагдовъ оказалъ большую услугу учебной литературѣ въ Россіи своими трудами. Его «Руководство къ повнанію древней исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній» есть лучшій учебникъ, послѣ «Руководства ко Всеобщей Исторіи» г. Лоренца; а «Средняя Исторія» г. Смарагдова — безотвостительно лучшее доселѣ руководство на рускомъ языкѣ. Мы отъ души рады, что оно вышло вторымъ изданіемъ, хотя первое явилось только въ 1842 году, и желаемъ, чтобъ г. Смарагдовъ поспорѣе исторію новыхъ временъ.

133) Учебная Книга Всковщей Исторіи. (Для юношества). Сочиненіе заслуженнаго профессора И. Кайданова. Исторія новыхъ временъ, или XVI, XVII и XVIII вѣковъ и первыхъ трехъ десятилѣтій XIX вѣка. Отъ 1492 (1500) до 1851 года. Изданіе второе, исправленное. Санктпетербургъ. Въ типографіи К. Жернакова. 1843. Въ 8-ю д. л. 558 стр.

Исторія г. Кайданова прежде оканчивалась 1815 годомъ, и это повторялось при нѣсколькихъ изданіяхъ ея; теперь она еще прибавила 15 лѣтъ — въ доказательство своей отважной рѣшимости не отставать отъ вѣка. Но, увы! при старости трудно бѣгать, и за вѣкомъ не угоняешься на дрыхлыхъ ногахъ: изъ втораго и исправленнаго изданія новой исторіи г. Кайданова видно, что иные историческіе факты онъ знаетъ превратно, а объ иныхъ и не слыхалъ совсѣмъ; такъ, на-прим., Дантова у него казнятъ черезъ три мѣсяца послѣ смерти Робеспьера, тогда

какъ дѣло было совершенно наоборотъ. а въ событіяхъ 1830 и 1831 года, у него ничего не упоминается о французскомъ королѣ Луи-Филиппѣ I, и пр.

134) Руководство къ Первоначальному Изученію Русской Исторіи. Сочиненіе Н. Устрялова, признанное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебною книгою для уездныхъ училищъ. Изданіе третье. Съ историческими атласомъ. Санктпетербургъ. 1843. Въ 16-ю д. л. 128 стр.

Заглавіе этой книжки показываетъ ея предметъ и значеніе, а имя ея сочинителя показываетъ степень ея достоинства.

135) Библиотека для Воспитанія. Отдѣленіе первое. Часть I. Изданіе А. Семена. Москва. Въ тип. Семена. 1843. Въ 12-ю д. л. 363 стр.

Если первая книжка «Библиотеки для Воспитанія» наша уже себѣ читатель, то мы желаемъ ей вдвое болѣе усѣха за вторую книжку. Въ ней помѣщенъ переводъ превосходнаго сочиненія миссъ Эджвортъ «Практическое Воспитаніе». На русскомъ языкѣ ничего еще не было лучше этого о воспитаніи: вся библиотека, какую только мы можемъ составить у себя изъ книгъ, писанныхъ о томъ же предметѣ, не стѣбитъ одного этого сочиненія миссъ Эджвортъ. Никогда еще, ни въ одной нашей книгѣ не находили мы столько глубокаго и всегда вѣрнаго самому-сѣбѣ знанія педагогики, столько умныхъ, свѣтлыхъ, здравыхъ замѣчаній о воспитаніи, столько ясности взгляда и послѣдовательности въ сужденіяхъ, сколько нашли, къ удовольствію, въ одномъ «Практическомъ Воспитаніи». Сама опытная воспитательница, миссъ Эджвортъ наблюдала каждый шагъ дѣтскаго возраста, смотря на него безъ предразсудковъ и какъ-нельзя-лучше умѣя понимать его существенныя потребности. Книга, въ которой она собрала всѣ выводы своихъ опытныхъ наблюденій, — истинный кладъ для

родителей и воспитателей. Не ища въпрочемъ, у нея системы: миссъ Эджвортъ не терется въ отвлеченныя теоріи, она вамъ просто рассказываетъ свои опыты и мнѣнія; но этотъ рассказъ такъ истиненъ, дышетъ такою любовію къ дѣтамъ, мнѣнія ея глубоко-вѣрны, сужденія такъ послѣдовательны, что когда вы прочтете книгу, у васъ въ головѣ сама-собою представляется прекрасная система, поразительная по своему достоинству и истинѣ. Все сочиненіе раздѣлено на главъ; вотъ ихъ заглавія: 1) о дѣтскихъ игрушкахъ, 2) объ урокахъ, 3) о манерѣ, 4) о прислугѣ, 5) о знакомствѣ, 6) о нравѣ и характерѣ, 7) о послушаніи, 8) о правдивости, 9) о наградахъ и наказаніяхъ, 10) о симпатіи и чувствительности, 11) о тщеславіи, гордости, честолюбіи, 12) о книгахъ. Такого образомъ, и безъ системы, миссъ Эджвортъ не забыла рассмотреть ни одного важнаго пункта въ своемъ многословномъ вопросѣ. Чтобъ напередъ не ознакомиться съ книгою будущихъ читателей, мы покупались-было сдѣланъ изъ нея нѣсколько выписокъ; но мѣста книги тамъ безразлично-хороши, что ее стоило бы выписать всю... Жаль только, что переводъ этого истиннаго классическаго сочиненія испорченъ галицизмами, которые такъ часты, такъ ярки, что, пожалуй, можно было сомнѣваться, точно ли переводъ, а не лаянъ съ подлинника.

136) Руководство ко всеобщей Географіи, для второклассныхъ училищъ заведеній, изданное Н. Шульгинымъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1843. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 360, во второй 312 стр.

Книга г. Шульгина, безъ всякаго сомнѣнія — лучшее на русскомъ языкѣ руководство ко всеобщей Географіи. Не подражая нашимъ прежнимъ составителямъ учебныхъ книгъ, которые какъ-будто думали, въ своемъ неподвижномъ покоѣ, что книги

и являлись спокойно и солнцем, и землей, и наука, — г. Шульгинъ давно уже чувствовалъ недостатокъ изданнаго имъ въ 1824 году «Курса Всеобщей Географіи» и принялся за составленіе новаго. Тотъ новый курсъ онъ вознамѣрился издать по совершенно-новому воззрѣнію на географію, какъ на науку, въ свѣдѣніе котораго хотѣлъ обратить преимущественное вниманіе на эмпирические факты географіи, т. е. на естественное раздѣленіе земли по водной системѣ, горнымъ хребтамъ, климатамъ и племенамъ людей, а фактамъ политической географіи дать въ книгѣ второе мѣсто, слѣдуя совѣту Страбона: Пусть расскажетъ описатель земли, какъ раздѣлена она природою и племенами народными; а то, какъ раздѣлена ее политикою, должно быть лишь лекаупомануто». Непримногочисленности служебныхъ занятій г. Шульгина, трудъ его подвигался медленно; въ то время онъ ознакомился съ сочиненіемъ *Roopa* (*Anfangsgründe der Erd-öiker und Staatenkunde, von Roop*), — сочиненіемъ, написаннымъ по идеямъ Геттера и даже подъ надзоромъ этого знаменитаго ученаго. Нашедъ это сочиненіе вполне-соотвѣтствующимъ цѣли, которую предполагалъ себѣ г. Шульгинъ въ своемъ трудѣ, онъ рѣшился издать его на русскомъ языкѣ, предоставляя себѣ окончить собственное свое, давно-начатое сочиненіе. Впрочемъ, въ изданную нынѣ книгу вошла почти безъ перемѣны *математическая и физическая географія*, кончивая г. Шульгинымъ еще прежде, нежели познакомился онъ съ трудомъ ономъ.

(37) **МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ, составленная А. Ободовскимъ.** Изданіе третье. Цѣна въ бум. 22 коп. руб. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Лазунова и комп. 1845. Въ 8-ю д. л. 1 стр.

Вотъ географія г. А. Ободовскаго — истинно новое дѣло: она не гонится за наукою и уже въ третій разъ излааетъ

ся въ томъ же видѣ, въ какомъ явилась на свѣтъ въ первый разъ. Въмѣсто употребляемаго слова «исправленное», неисправленная географія г. А. Ободовскаго благоволила къ звучной фразѣ: «изданіе третье» прибавить только: «цѣна въ бум. 22 коп. сереб.»

138) **Дѣтскія Поздравительныя Стихотворенія на разные случаи.** Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 16-ю д. л. 37 стр.

Если въ стихотвореніяхъ этихъ не много правды, то въ нихъ есть за то много истины. Въ примѣръ приведенъ стихъ отъ дочери къ матери:

Не чрезъ тебя ли я узнала
Прекрасный этотъ Божій свѣтъ!

Именно такъ: не будь матери, не было бы и дочери. Истина, неимѣющая исключеній; въ этомъ невозможно возражать автору. Всѣ прочіе стихи — такая же правда.

139) **Дѣвочка Красная Шапочка, дѣтская сказка.** (.) *Переведенная съ французскаго (.) съ 16-ю литографированными картинками.* Москва. Въ тип. В. Кирилова. 1845. Въ 16-ю д. л. 16 стр.

Всѣмъ извѣстная сказка. Переводъ не дуренъ, хотя выжка издана и книгопродавцемъ г. Логиновымъ. Какъ объяснить такой фактъ — не знаемъ. Прежде, обыкновенно, въ Москвѣ водилось такъ: изданіе Логинова — переводъ ужасный, или переводъ ужасный — изданіе Логинова. Теперь — извольте жъ! — вышло иначе. Видно, не даромъ явилась комета...

140) **Драгоценный Подарокъ Дѣтямъ, или Новѣйшая Россійская Азбука, содержащая въ себѣ всѣ нужнѣйшія и полезныя понятія. Для дѣтей обою пола.** Четвертое Изданіе. Москва. Въ тип. В. Кирилова. 1845. Въ 12-ю д. л. 70 стр.

Вотъ типографія г. Кирилова вѣрна самой-себѣ. Судьба ея слѣдующая: что дрянно, то печатается въ типографіи

г. Кирилова, или: что напечатано въ типографіи г. Кирилова — то дрянно. Я нахожу это очень-хорошимъ и удобнымъ для нѣкоторыхъ случаевъ. При такомъ постоянствѣ, при такой выдержанности характера, рецензенту не нужно читать книги: стоитъ только взглянуть на имя В. Кирилова и сказать: а!..

141) День Основанія и Открытія Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома. *Двадцать-первое апрѣля. Стихотвореніе П. Шереметевскаго, питомца онаго Дома. Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Вост. Яз. 1843. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Чувства, одушевлявшія поэта, который написалъ это стихотвореніе, такъ хороши, что мы лучше желали бы не читать его стиховъ, — или, если ужъ такъ надобно, чтобъ мы знали о чувствахъ г-на П. Шереметевскаго, то мы предпочли бы узнать ихъ изъ прозы. По-крайней-мѣрѣ, вѣрно одно — что въ приложенныхъ къ книжечкѣ 17-ти замѣчаніяхъ гораздо-болѣе поэзіи, чѣмъ въ самомъ стихотвореніи.

142) Козель Бунтовщикъ или *Машина свадьба. Новѣйшая повѣсть. Соч. Н. Базилевича. Изданіе третье съ картинкою. Москва. 1843. Въ тип. А. Евреимова. Въ 12-ю д. л. 36 стр.*

Стыдно говорить о той «литературѣ», къ которой принадлежитъ сія книжца. Первые два изданія, по-крайней-мѣрѣ, не воспроизвели въ живописи того, что содержитъ въ себѣ грязное твореніе г. Базилевича: третье вздумало удвоить наслажденіе читателей и приложило картинку.

143) Стенка Разинъ, *атаманъ разбойниковъ. Историческое сказаніе, взятое изъ времени царя Алексѣя Михайловича. Сочиненіе Докучаева. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1843. Въ 12-ю д. л. 78 стр.*

Книжонка, годная только для сидѣльцевъ Гостиного-Двора въ Москвѣ, въ

которомъ до-сихъ-поръ усердно и почти-насилно зазываютъ еще поучениковъ.

144) Подарокъ Кстати. *Древняя повѣсть каноника Шмигата, съ шестидесятью литографированными рисунками В. Тимина, и политипажжами. I. Красной Девки. II. Заблудившеся Дитя. III. Святыишия Чувствочки. IV. Козлишка Цвѣтовъ. Санктпетербургъ. Тип. И. Бочарова. 1843. Въ 8-ю д. л. 172 стр.*

Вотъ и еще книга съ картинками! Въ ней картинки имѣютъ смыслъ и значеніе, потому-что она назначается для дѣтей, а дѣтямъ простительно любить книги съ картинками. Изъ шести картиночекъ г. Тимина только двѣ плохи, четыре прекрасны. Что же касается до самыхъ повѣстей, онѣ не дурны только потому, что у насъ почти всѣ повѣсти, издаваемые для дѣтей, болшею частію очень-дурны. Вообще каноникъ Шмигата рассказываетъ довольно-порядочно, и рассказамъ щедродо добриваетъ бюргерскую моралью, смыслъ которой — тотъ, что добрый нигда не пропадетъ, злой непременно погибнетъ (въ каждой повѣсти), и что, слѣдовательно, добродѣтель — самая вѣрная спекуляція на семъ свѣтѣ. Мораль, какъ видите, новая; но дѣтей ею можно обмануть, если они слишкомъ-малы и не слишкомъ-остры отъ природы; а если подростутъ, тогда сами, безъ помощи повѣстей, узнаютъ, что на землѣ нисколько пороку бываетъ лучше, нежели добродѣтели. И это не бѣда: вѣсть о томъ, что добродѣтель вздоръ, что Сатана больше знаетъ, и что Адамъ Свѣтъ открылъ людямъ величайшую мудрость и святѣйшую истину, именно то, что быть добродѣтельными, значитъ быть богатыми... Тогда они поймутъ, что добрый каноникъ Шмигата былъ правъ самъ въ поддѣривая того въ простомъ своего незлобиваго сердца...

145) **КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА МЕЛЬНИКЪ, КОЛДУНЪ, ОБМАННИКЪ И СВАТЬ, въ трехъ дѣйствіяхъ.** Сочиненная А. Аблесимовымъ. Изданіе второе. Москва. 1843. Въ 12-ю д. л. 72 стр.

146) **Аскольдова Могилъ.** Романтическая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Музыка А. Н. Верстовскаго. Изданіе третье. Москва. Въ тип. Семена. 1843. Въ 12-ю д. л. 131 стр.

Два чисто-національные произведенія, которыхъ авторы въ одинъ голосъ могутъ сказать о себѣ: «Русь знаетъ насъ... Если бы, однако, изъ двухъ высвѣтныхъ оперъ рѣшительно надобно было предпочесть одну, мы не затруднились бы въ выборѣ: первая — опера комическая, а вторая — романтическая; первая въ трехъ дѣйствіяхъ, а вторая — въ четырехъ; тамъ только второе изданіе, а здѣсь уже третье; — рѣшительно всѣ преимущества на сторонѣ послѣдней... Ну, да къ-тому же и самыя куплеты въ «Мельникѣ» и въ «Аскольдовой Могилѣ» — какое сравненіе!.. Анюта поетъ:

Кабы я млада увѣрена была,
Что дружку своему хоть чуть чуть я
мила,

Я бы всякой день немножко
Съ нимъ видалась хоть въ окошко:
И не въ скупѣ бы жила.
Только милый мой не вѣдаетъ того,
Какъ безвременно крушусь я для него:
Она во снѣ мнѣ часто снится,
Будто вадумалъ онъ жениться
На инои, а не на мнѣ.

То ли дѣлю Надежда:

Гдѣ ты, женихъ мой венаглядный,
Всеславъ, мой вѣрный, милый другъ?
Всеславъ, души моей любимецъ!
Спѣши, спѣши обрадовать меня!..
Мы вмѣстѣ каждый день съ тобою
Встрѣчаемъ солнечный восходъ
И вмѣстѣ надъ Днѣпромъ широкимъ
Внимаемъ грохотъ пѣснями соловья.
Но ты пойдеши — я жду напрасно...
Изныло сердце все во мнѣ!
Приди, приди, мой венаглядный!
Спѣши, спѣши обрадовать меня!
Въ тебѣ одному мое все счастье,

Въ тебѣ всѣ радости мои!
Приди, приди ко мнѣ скорѣ,
Всеславъ, мой вѣрный, милый другъ!

Не правда ли, что разница очень-чувствительна?.. А если бы еще вы видѣли декорации!.. Нѣтъ, это уже рѣшено: «Мельникъ» ниже «Аскольдовой Могилы».

147) **ФИЗИОЛОГІЯ ТЕАТРОВЪ, въ Парижѣ и въ Провинціяхъ.** Соч. Куайльяка. Санктпетербургъ. Печатано во Французской типографіи. Трещкой переулокъ, 3. 1843. Въ 16-ю д. л. 136 стр.

148) **ФИЗИОЛОГІЯ ВИВѢРА.** (Любителя Наслажденія). Джемса Руссо. Иллюстрація Генриха Берту. Санктпетербургъ. 1843. Въ типографіи Journal de St. — Pétersbourg. Въ 16-ю д. л. 135 стр.

Нельзя не удивляться легкости, игривости и остроумію, съ какими Французы воспроизводятъ свою національную жизнь въ юмористическихъ и правоописательныхъ очеркахъ. Это не то, что наши стопудовыя и отзывавшіяся потомъ труда и напряженія сатирическія и правоописательныя статьи и статейки, въ которыхъ денежная спекуляція таращится изображать русскую жизнь и съ-лица и съ-изнанки, а между - тѣмъ изображаетъ ее только наыворотъ, неохочею ни на какую жизнь. Такія статьи у насъ дѣлаются теперь къ картинкамъ, такъ-что ихъ и печатаютъ и покупаютъ только для картинокъ. Въ Парижѣ, напротивъ, текстъ и картинки составляютъ союзъ двухъ дарованій, взаимно другъ другу помогающихъ. Доказательствомъ этому могутъ служить хоть вотъ эти двѣ книжки, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ нашей статьи: въ нихъ текстъ объясняетъ картинки, а картинки объясняютъ текстъ; и то и другое вѣрно отражаетъ въ себѣ дѣйствительность. Тѣмъ не менѣе, мы нисколько не радуемся появленію этихъ физиологій на русскомъ языкѣ; скажемъ болѣе: яч

видимъ въ нихъ несомнѣнное доказательство той горькой истинны, до какого глубокаго униженія и упадка дошла современная русская литература! Она держится и существуетъ не мыслию, не творчествомъ, не умомъ, не поэзіею, выражающимися въ словѣ, — картинками, которыя забавляютъ праздную толпу взрослыхъ и старыхъ дѣтей. Что во Франціи является, какъ мелочь, какъ шутка и забава, отдыхъ отъ дѣла, какъ острое слово, сказанное за веселымъ столомъ, за бокаломъ шампанскаго, — у насъ это съ благоговѣніемъ переводятъ и какъ-можно-лучше издають. Это шутовское и жалкое благоговѣніе простирается до того, что переводчики, не понимая ироніи, принимаютъ за важное дѣло самыя шутки составителей французскихъ «Физиологій», — и одинъ изъ нихъ, именно переводчикъ Вивѣра пресерьёзно возражаетъ, въ выноскахъ, на шутки умнаго и остраго Джемса Руссо... А между-тѣмъ, педагоги кричатъ: вотъ въ чемъ состоитъ французская литература! вотъ какими вздорами наполнена она! Это ужь точно — *съ большой толпой да на здорovou*: Французы виноваты тѣмъ, что умѣютъ и шутить, занимаясь дѣломъ, а мы гордимся предъ ними тѣмъ, что, не дѣлая ничего важнаго, передаемъ дебелымъ языкомъ ихъ легкія и граціозныя дурачества... И что интереснаго для нашей публики въ этихъ *парижскихъ физиологіяхъ*? что пойметъ она въ нихъ? — Дѣло очень-просто: она поступаетъ съ ними такъ же, какъ и съ русскими книжонками этого рода: не читаетъ ихъ, а любитъ однама картинками и только за нихъ платитъ деньги, благо цѣна имъ невысока. Добрая публика! наконецъ-то наши ловкіе издатели, наши новые книгопродавцы-капиталисты, смѣннѣшіе Смирдина, который надарилъ тебя дешевыми и красивыми изданіями Крылова, Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, — наконецъ-то догадались они, чѣмъ надо имъ тѣшить тебя, добраго недоросля! Глядя на ихъ подвиги

по этой части, право, нельзя не удивляться ихъ ловкости и сметливости. Кто не согласится, что верхъ гениальности — мысль вотъ этой, на-прим., книги:

149) Книга Судьбы (.) или Чарльзъ Гостинныхъ. Санктпетербургъ 1845. Въ (о) Французской типографіи в Санктпетербургѣ. Въ 8-ю д. л. 40 стр.

Эта книга такъ изящна, съ такою роскошью издана, и по своему содержанию до того удовлетворяетъ современнымъ потребностямъ читающей публики, — что она даже совсѣмъ не книга, а вещь, игрушка, мѣбель. Но умъ и она изобрѣтена не нашимъ русскимъ гениемъ, а только переведена изъ на русскій языкъ... Но тамъ, въ Парижѣ, она, при всей роскоши своего изданія, скромно пошла бы въ ряду сонникова и другихъ вздоровъ въ этомъ родѣ; а у насъ она идетъ за книгу, возбуждаетъ удивленіе, входитъ въ годовой бюджетъ русской литературы, занимаетъ вниманіе рецензента, мѣсто въ библиографической хроникѣ журнала... И это — литература!..

150) ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРАЛЬ. Куплеты В. З. Съ восемью литографіями, рисованными В. Тиммомъ. Посвящается моимъ театральнымъ друзьямъ Санктпетербургѣ. Въ тип. Ботарова. 1845. Въ 12-ю д. л. 17 стр.

Въ куплетахъ г. В. З. нѣтъ никакихъ куплетовъ: его «Театраль» написаны слошными стихами. Но это еще ничего: худо то, что въ стихахъ нѣтъ ни соли, ни остроумія, ни изобрѣтательности, ни даже порядочныхъ стиховъ. Это рифмованная болтовня, скучная и пошлая до крайности. Тутъ нѣтъ ни ума, ни безсмыслія, ни таланта, ни безграмматности — одна золотая посредственность! Не-уже-ли, на-прим., это хорошо и стоило печати:

Есть престранное созданье,
Пресмѣшной оригиналъ,
Есть Господне наказанье
Подъ названьемъ — театраль!

Онъ или статскій, или военный,—
 Это, впрочемъ, все равно,—
 Но во всѣхъ концахъ вселенной
 Онъ прославился давно.
 Онъ однимъ театромъ дышитъ,
 Бредитъ только имъ однимъ,
 И его лишь видитъ, слышать,
 Страсью къ зрѣлищамъ томимъ.
 Жизнь свою онъ начинаетъ
 Въ часъ когда въ театръ идетъ,
 А до той поры страдаетъ,
 Ждетъ, томится, не живеть.
 Что бъ на сценѣ ни играли,—
 Все равно для чудака,
 Лишь бы только танцовали,
 Хоть, пожалуй, трепака.

Такихъ-то прекрасными и замысловатыми стихами написана вся эта книжонка! Забавно, что въ концѣ ея, сочинитель говоритъ о *театралахъ*:

Во театрѣ Александринскій
 Ихъ ни разу не видалъ.

Стало-быть, дѣло идетъ только о театралахъ Большаго-Театра? Право, лучше бы сочинителю, вмѣсто театраловъ Большаго-Театра, описать драматурговъ Александринскаго-Театра: этотъ предметъ до того жалко-смѣшонъ, что даже онъ, безалаберный сочинитель Театрала, вѣроятно, нашелся бы сказать о немъ чтонибудь забавное и остроное... Въ этомъ похвальномъ трудѣ ему большимъ пособіемъ могла бы служить «Тля», повѣсть г. Папаева, изъ которой онъ взялъ эпиграфъ къ своему Театралу...

Литографіи, рисованныя г. Тиммомъ въ «Театралу», прекрасны и могли бы служить украшеніемъ и не такимъ убогимъ виршамъ, какими разродилась Идпалъ фантазія г. В. З. Глядя на картинки г. Тимма, вельзя не понять, что *матрала* дѣйствительно есть типичное лицо, и вельзя не признать въ немъ знакомаго лица. Какъ хороше онъ сидѣтъ у г. Тимма — и мечтающій о театрѣ сидѣтъ въ патѣ съ чубукомъ въ рукахъ, — и закрывшій огромнымъ лорнетомъ лицо свое, такъ-что видна изъ-за трубки одна глупая улыбка, — и чихающій въ оперѣ, и хлопающій взо всѣхъ

силъ съ выраженіемъ идіотскаго восторга, и наводящій трубку на знакомое трико танцорки: вездѣ одна и та же изысканно — франтовская наружность, одно и то же глупое, извѣженное безпутною жизнію лицо съ отпечаткомъ животнаго восторга...

151) Очерки Русскихъ Нравовъ или Лицевая Сторона и Иванка Рода Человѣческаго. Сочиненіе Оадеа Булгарина. Выпуски IV, V и VI: Ворожея, Гостиный Дворъ, Левъ и Шакалъ. Изданіе М. Ольхина. Санктпетербургъ. 1843. Въ большую четвертку. 50 стр.

Всякій, кто имѣлъ почему-либо несчастье слѣдить за продѣлками, совершающимися въ нашей «литературѣ», безъ сомнѣнія согласится, что сочиненія г. Булгарина далеко не такъ интересны, какъ явленія, которыми они обыкновенно предназначаются и сопровождаются. Такъ-какъ о новыхъ «Очеркахъ» г. Булгарина сказать рѣшительно нечего, то мы займемся здѣсь изложеніемъ этихъ явленій, полагая, что это не будетъ вовсе бесполезно для будущаго историка такъ-называемой русской «литературы».

Задолго до появленія въ свѣтъ новаго «сочиненія» г. Булгарина, «Сѣверная Пчела», состоящая подъ его редакціею, съ радостнымъ біеніемъ сердца спѣшить довести до свѣдѣнія почтеннѣйшихъ читателей, что одинъ изъ издателей ея изготовляетъ весьма-пріятный подарокъ, долженствующій сдѣлаться украшеніемъ русской литературы; тутъ же, вскользь, отдается премиущество предъ всѣми другими тому роду литературныхъ произведеній, къ которому будетъ принадлежать новое «сочиненіе» г. Булгарина, и громко порицаются всѣ сочиненія въ этомъ родѣ, писанныя литераторами, которыхъ г. Булгаринъ считаетъ своими соперниками. Далѣе, авторъ статейки, скромно напоминаетъ публикѣ о полезныхъ, двадцатилѣтнихъ трудахъ г. Булгарина на поприщѣ русской словесности, о юно-

шеской, несчастной привычкѣ егорѣвать въ глаза другу и недругу «правду-матку», за которую онъ такъ много страдаетъ и которую любить болѣе всего на свѣтѣ, и т. д. Статейка заключается скромнымъ предположеніемъ, что публика не оставитъ своего любимаго дѣстивымъ вниманіемъ, и, наперекоръ кричавшимъ толкамъ недображелателей и завистниковъ г. Булгарина, раскупить на расхватъ новое «сочиненіе» и будетъ имъ восхищаться... По мѣрѣ приближенія времени, въ которое «сочиненіе» должно явиться въ свѣтъ, похвалы литературнымъ добродѣтелямъ г. Булгарина и доброжелательныя указанія на пороки и промахи (которые въ такихъ экстренныхъ случаяхъ «Свѣ. Пчела» добрътаетъ съ удивительнымъ искусствомъ) его противниковъ — въ «Свѣ. Пчелѣ» появляются чаще и чаще. «От. Записки», журналъ, признающій г. Булгарина... негениемъ, — безпрестанно поднимаются на зубокъ, со всѣмъ остроуміемъ, къ какому только способны издатели и сотрудники «Свѣ. Пчелы»; восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: *«Не свѣрите Отечественнымъ Запискамъ! — Понимайте ихъ мнѣнія на оборотъ, чтобъ имѣть о дѣлѣ настоящее понятіе! — Подала Отецъ Записокъ хуже всякой бранни! — Брань Отецъ Записокъ лучше всякой похвалы!»* — повторяются въ каждой фѣльетонѣ газеты. Съ другими журналами, которые по нѣскольку разъ печатно признавали г. Булгарина и гениемъ, и бездарнымъ писателемъ, «Свѣ. Пчела» употребляетъ въ такихъ случаяхъ особенную, чрезвычайно-замысловатую тактику: понежею, исподволь, начинаетъ она смягчать разнаго рода укоры и осужденія, высказанныя ею этимъ журналамъ по случаю недавней ссоры за кочерыжки или, за что-нибудь подобное, оказываетъ имъ нечаяннымъ, пріятнымъ одолженіемъ, какъ-то: печатаетъ сюрпризомъ на послѣдней страницѣ своего листка объявленіе о выходѣ ихъ новыхъ книжекъ, защищаетъ ихъ великодушно и остроумно отъ «Отч. Записокъ», и т. д. Прилага-

тельное «почтенивѣйшій» рядомъ съ именами издателей означенныхъ журналовъ повторяется въ фѣльетонахъ «Свѣ. Пчелы» чаще и чаще, и наконецъ, незадолго до выхода «сочиненія», «Свѣ. Пчела» въ одинъ прекрасный день торжественно объявляетъ ихъ своими друзьями, приписывая недавнюю размолику недоразумѣнію, которое, къ счастью друзей литературы (говоритъ слогомъ «Свѣ. Пчелы»), болѣе не существуетъ. Вслѣдъ за тѣмъ является давно-ожидаемое «сочиненіе». «Свѣршая Пчела» тотчасъ же съ кротостію и смиреніемъ объявляетъ, что одинъ изъ ея издателей предсталъ на судъ почтенивѣйшей публики съ новымъ произведеніемъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить то-то и то-то, которое отличается такими-то и такими-то достоинствами, и, какъ всѣ дѣла рукъ человеческихъ, нечуждо недостатковъ, за которые авторъ униженно проситъ у читателей извиненія. Далѣе начинается упрашиваніе не вѣрять «Отч. Запискамъ», которымъ будто-бы преслѣдуютъ г. Булгарина изъ зависти (!!!), и остроумныя шуточки надъ странной ихъ философіей, ищающей имъ отдавать справедливость даровитымъ и добросовѣстнымъ литераторамъ, каковъ, на-прим., г. Булгаринъ... Въ важныхъ случаяхъ, самъ г. Гречъ беретъ за перо, и пишетъ о сочиненіи друга своего огромную статью, въ отдаленіи подъ рубрикою: «Русская Литература», гдѣ по пунктамъ указываетъ великія достоинства новаго «сочиненія», въ порядкѣ пересчитываетъ великія заслуги, оказанныя другомъ его русской словесности въ продолженіе двадцати лѣтъ, и заключаетъ оговоркою, что хотя иными могутъ показаться неприличными похвалы, расчотаемыя «Свѣ. Пчелою» одному изъ ея издателей, но издатель увѣренъ, что правду сказать не грѣхъ, гдѣ бы то ни было!.. Въ слѣдъ за тѣмъ, является одна за другою похвалы новому сочиненію г. Булгарина въ журналахъ, кстати задобренныхъ «Свѣ. Пчелою», — послѣ чего «Свѣ. Пчела» перѣдко тотъ-

часъ же переѣмлетъ тонъ, и снова принимается ругать ведальновидные журналы. Публика въ изумленіи... но «Сѣв. Пчелѣ» до изумленія публики вѣтъ дѣла: она достигла своей цѣли! (Здѣсь, между прочимъ, должно искать разгадки безпрестанныхъ ссоръ и мировыхъ, которыя происходятъ у «Сѣв. Пчелы» съ ея достойными сподвижниками). — Между тѣмъ, какъ совершаются столь великія событія, книгопродавецъ, которому поручена продажа новаго сочиненія г. Булгарина, разсылаетъ во всѣ концы Русскаго Царства громкое, ловко-составленное объявленіе, въ которомъ сравниваетъ г. Булгарина съ Вальтеромъ Скоттомъ или Карамзинъ, называетъ его опоромъ русской литературы, творцомъ русскаго романа, преобразователемъ русскаго языка и т. п. Если, не смотря на всѣ означенныя продѣлки, сочиненіе «не идетъ», въ «Сѣв. Пчелѣ» иногда появляется новое восхваленіе «сочиненію» въ видѣ письма изъ отдаленной провинціи благословеннаго Русскаго Царства, въ которую, по соображеніямъ дальновидныхъ людей, «сочиненіе» не успѣло еще ипрійдти. Дальнѣйшія судьбы «сочиненія» извѣстны безъ поясненій: оно поступаетъ въ иѣшки букинистовъ, или въ библіотеки стараго залежавшагося глаза, разныгрываемаго въ лоттерей. Все это факты...

Почти тѣми же явленіями, которыя мы сейчасъ обозначили, ознаменовалось въ русскомъ литературномъ мирѣ «сочиненіе» г. Булгарина подъ названіемъ: «Очерки Русскихъ Правовъ или Лицева Сторона и Изнанка Рода Человѣческаго». Торговый домъ А. А. Ольхиной разодалъ о немъ, еще при выходѣ первыхъ трехъ выпусковъ, объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Очерки Русскихъ Правовъ, или Лицева сторона и изнанка рода человѣческаго. Шестъ тетрадей. Новое сочиненіе Г. Булгарина. Рисунки Тилма, литографія г. Полл. Изданіе М. А. Ольхина.

«Послѣ преобразованія русскаго языка и словесности Карамзиннымъ, Ф. В. Булгаринъ первый началъ писать статьи о правахъ, въ духѣ своего времени, языкомъ понятнымъ каждому. Модная Лака, появившаяся въ свѣтъ въ 1823 году, произвела сильный эффектъ въ читающей публикѣ и, какъ водится, успѣхъ породилъ подражателей. Послѣ того, Ф. В. Булгаринъ напечаталъ много статей о правахъ, которыя были собраны въ 12-ти томахъ и имѣли нѣсколько изданій...»

И такъ далѣе. Книгопродавецъ пересчитываетъ великія заслуги глубоководнаго уважаемаго имъ г. Булгарина и честолюбіемъ завлѣрлетъ «почтеннѣйшую» публику, будто-бы *общее мнѣніе* требовало отъ А(а)втора, чтобъ онъ возвратился на прежнее свое (юри-стическое) поприще. За тѣмъ, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, книгопродавецъ налагаетъ характеристику издаваемыхъ имъ статей «почтеннѣйшаго» г. Булгарина, — характеристику, подобную тѣмъ, какія прилагаетъ донынѣ знаменитый московскій книгопродавецъ В. Логинновъ и прилагалъ въ цѣлѣшную пору своей книгопродавческой дѣятельности г. Поляковъ къ объявленіямъ о книгахъ, наущающихъ выращивать волосы на головной плѣшинѣ и брить бороду безъ бритвы... Въ *Русской Болоннѣ* и *Русской Барманѣ* (говоритъ краснорѣчивый книгопродавецъ) изображенъ древнѣйшій и новый бытъ русскій. (на двадцати страницахъ?!...) «старинныя и новые обычай, чувствованія и образъ мыслей». — Въ статьѣ: *Русская Растрація* изображено, чѣмъ были трактиры въ прежнее время и что они дѣлаютъ, и въ краткихъ очеркахъ показана характеристика обычныхъ посѣтителей «русскихъ трактировъ». — *Ворожея* есть картина нашего легковѣрія и суевѣрности, когда мы, ослѣпленные суевѣрностію, удаляемся отъ истины, думая искать ее... Объявленіе заключается похвалами картинкамъ, которыя, по мнѣнію книгопродавца, должны заслужить олобреніе «самыхъ взыскатель-

ныхъ знатоковъ, по отдѣлкѣ, композиціи и печатанію...

Недавно намъ понало въ руки объявленіе прибывшаго сюда иностранца Лесира *о китѣ*: оно, по изобрѣтательности, силѣ и краткости, насколько не уступитъ объявленію, съ которымъ мы сейчасъ познакомились, и достойно, вмѣстѣ съ нимъ, перейти къ потомству:

«Сегодня въ воскресенье 11-го апрѣля, въ новопостроенномъ балаганѣ, близъ Александринскаго театра, выставленъ КИТЪ, въ 85 футовъ длины, 18 футовъ вышины и 24 фута ширины.

«Повсемѣстно извѣстный строгій вкусъ заѣвшей публики во всёхъ предметахъ, касающихся до искусствъ, побудилъ меня выставить на показъ въ Петербургѣ этотъ колоссъ, принадлежащій къ достопримѣчательнѣйшимъ явленіямъ въ природѣ, и обратившемъ на себя общее вниманіе во Франціи, Англіи и Германіи. Кромѣ занимательности наружной формы КИТА достойно любопытства и то, что въ головѣ этого огромнаго животнаго находятся два альбома, въ которые записываются всѣ примѣчательнѣйшія особы, въ изъясненіе своего удовольствія. Личу себя надеждоу, что и заѣшняя высокопочтенная публика изъяснитъ желаніе взглянуть на столь интересный предметъ.»

Согласитесь: сходство удивительное, заставляющее невольно думать, что оба объявленія писаны одною и тою же рукою, и вритомъ весьма-искусною! Но даѣе. Вслѣдъ за книгопродавческімъ объявленіемъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», явились громкія похвалы «Очеркамъ» г. Булгарина сперва въ фельетонѣ, потомъ въ отдѣленіи подъ рубрикою «Русская Литература». Знаменитый критикъ этой газеты, г. Z. Z., оговорившись предварительно, что совсѣмъ не думаетъ писать похвалы новому сочиненію г. Булгарина, объявилъ, что онъ отыскалъ въ «Очеркахъ» г. Булгарина «умную, добродушную шутку, сокрытую теплымъ чувствомъ сердца, умные замѣтки и ловко передать смѣшную сторону (чего?), ненависть къ пороку, сочувствіе къ добру, мастерство выставить русскую сторо-

ну характера и оригинальную живопись подробностей» (См. «Сѣв. Пчелу», № 84). Боже всемогущій! сколько достоинствъ! Что было бы съ публикой, елибъ она нашла въ «Очеркахъ» г. Булгарина хоть пятую долю ихъ? Она бросила бы подъ столъ всю русскую литературу и стала бы читать одни «Очерки» г. Булгарина. А между-тѣмъ, дѣло выходитъ наоборотъ... Кто виноватъ: господинъ ли Z. Z., приписывающій «Очеркамъ» достоинства, которыхъ они не имѣютъ, или публика, невидящая тѣхъ достоинствъ въ сочиненіяхъ г. Булгарина?..

Увы! прошло то время, когда на подобный вопросъ смѣло можно было отвѣчать: «публика!» Теперь уже публика очень-скоро и вѣрно умѣетъ отличить хорошее отъ дурнаго, особенно въ-отношеніи къ произведеніямъ юмористическимъ. Изъ сочиненій Гоголя она ознакомилась уже столько съ истиннымъ юморомъ, художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, съ живомъ и одушевленною рѣчью, что тотчасъ распознаетъ поддѣлку подлѣ эти достоинства и истинныя достоинства сочиненія отъ поддѣльныхъ. Горе «сочинителю», думавшему когда-то подъ-шумокъ воспользоваться ея простотою!...

«Отеч. Записки» говорили уже объ «Очеркахъ Русскихъ Нравовъ» г. Булгарина, по случаю первыхъ трехъ выпусковъ. Собственно объ остальныхъ трехъ выпускахъ, заглавіе которыхъ выписано выше, сказать рѣшительно нечего. Они такъ же ялы, безжизненны, преисполнены плоскихъ шутокъ и аляповатаго остроумія, какъ и три первые. И такъ, переходимъ прямо къ картинкамъ г.Тима.

Удачнѣйшая изъ нихъ та, на которой представлена ворожея. Читатель хорошенько повяетъ картинку, и насколько ознакомится съ содержаниемъ текста. Въ «Ворожеѣ» четыре главныя дѣйствующія лица: ворожея, дочь ворожеи, влюбленная дѣвушка, пріѣхавшая гадать о судьбѣ

сужевомъ, в добрый отъ природы, но одиренный нѣсколько странною слабостью въ характерѣ человѣкъ, въ которомъ сочинитель пытался, кажется, олицетворить пагубную страсть къ подслушанію, пересказамъ и переносамъ. Лица дочери ворожен и молодой любимой дѣвушки не поражаютъ ничѣмъ, кромѣ глупости и безобразія; лицо ворожея также не представляетъ ничего особеннаго, хотя г. Булгаринъ утверждаетъ, что онъ, имѣвшій не одинъ случай наблюдать цыганскіе таборы въ Россіи, въ Бѣлоруссіи, въ Польшѣ, во Франціи и въ Испаніи, не видалъ такого лица, такой фигуры, какъ у описываемой имъ ворожеи. Но лицо человѣка, обуреваемого означенною страстью переносить и подслушивать

щого за ширмами, — человѣка, которому ворожея въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

— Вотъ въ глазахъ вашихъ я вижу, чѣмъ бы вы были, еслибы не кровь, не горячая кровь... проклятая кипучая смола... да вотъ не это... Старуха высунула свой языкъ и ударила по немъ пальцемъ»...

— лицо его создано художнически: кажется, читаешь на немъ страшный процессъ, какимъ этотъ несчастный дошелъ до унижительнаго ремесла, которое сдѣлалось для него страстью и которымъ онъ, можетъ-быть, наперекоръ собственнымъ чувствамъ, такъ ревностно занимается. Вотъ такихъ-то рѣзкихъ типическихъ фнзіономій надо желать побольше въ политипажаяхъ. Это, по-крайней-мѣрѣ, поучительно и предостерегательно для другихъ...

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

11) VERHANDLUNGEN DER KAISERLICH-RUSSISCHEN MINERALOGISCHEN GESELLSCHAFT ZU ST. PETERSBURG. Jahr 1842. (Труды Императорскаго Санктпетербургскаго Минералогическаго Общества). Санктпетербургъ. 1842. В 8-ю. К. Крайя. В 8-ю д. л. 80 стр. С рисунками.

Извѣстно, что въ Петербургѣ существуетъ Минералогическое Общество, которое и по составу своему и по дѣятельности не ниже даже и London Geological Society. Ежегодно въ немъ читаются публичныя лекціи на русскомъ языкѣ замѣчательнѣйшими изъ нашихъ ученыхъ, которые своими открытіями и наблюденіями сдѣлались извѣстными всей просвѣщенной Европѣ. Въ этихъ лекціяхъ, къ которымъ допускаются все бездешежно, раскрывается наука самымъ популярнымъ образомъ, понятнымъ для каждаго сколько-нибудь об-

разованнаго человѣка. Четыре года тому назадъ, извѣстный нашъ академикъ Гессъ читалъ въ залахъ Общества курсъ химіи; третьяго и прошлаго года академикъ Эйхвальдъ, прославившійся своими палеонтологическими открытіями, читалъ здѣсь курсъ палеонтологіи съ приѣзженіемъ въ Россію; наконецъ въ нынѣшнемъ году тотъ же самый курсъ читанъ профессоромъ Куторгою, теперешнимъ директоромъ Общества.

Минералогическое Общество также издавало постоянно труды и изслѣдованія своихъ членовъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Передъ нами лежитъ новый томъ «Трудовъ» его за 1842 г., изданный на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ томѣ восемь статей и такихъ, которыя сдѣлали бы честь любому европейскому ученому журналу. Россія — главный предметъ всѣхъ статей; въ двухъ первыхъ разбираются новые

остатки растеній и животныхъ, найденныя въ Россіи; въ третьей описывается строеніе почвы Оренбургской-Губерніи; въ четвертой—каменный уголь изъ Южной-Россіи; наконецъ въ трехъ послѣднихъ — отечественныя, родныя наши минералы: узаровитъ, лейхтенбергитъ и пушкинитъ. Пріятно видѣть, что теперь всѣ наши ученые обратились къ изслѣдованію своей родной страны. Пора приняться за нее!

Желательно было бы, чтобъ Минералогическое Общество издавало «Труды свои на русскомъ языкѣ». Тутъ была бы двойная польза: во-первыхъ, по-русски прочли бы ихъ всѣ Русскіе; во-вторыхъ, всѣ мы жалуемся на необработанность нашего языка; если ученые наши не начнутъ разрабатывать ученый языкъ, мы останемся и безъ науки. Русскіе ученые, пиша по-русски, не должны опасаться быть незамѣченными, неузнаваемыми. Если статьи ихъ хороши, трудолюбивые Нѣмцы непременно переведутъ ихъ на свой языкъ и будутъ цитировать въ своихъ сочиненіяхъ: Европа узнаетъ ихъ; «Горный Журналъ» цѣлкомъ почти переводится на французскій языкъ, а Нѣмцы еще снисходительнѣе и любознательнѣе Французовъ...

12) *Osterriker, ein Taschenbuch auf das Jahr 1843. Herausgegeben von Fr. Aug. Lud. Viedert.* (Пасхальныя Яйца, альманахъ на 1843 годъ, изданный Ф. А. Л. Фидертомъ). Москва. Въ Унив. тип. 1843. Въ 16 ю д. л. 135 стр.

Намъ кажется, въ заглавіи этой книжки опущено одно важное слово,

которое лучше всякой рецензіи могло бы опредѣлить достоинство книжки, показавъ ей цѣль и назначеніе. По крайней-мѣрѣ, мы такъ перевели бы заглавіе альманаха г-на Фридриха-Августа-Людвига Фидерта: «Красное пятно — для дѣтей». На эту мысль навелъ насъ помѣщенный въ этомъ альманахѣ драматическій пьески самого г-на Фридриха-Августа-Людвига Фидерта, неполненный чрезвычайно — забавный шутокъ, который — мы увѣрены — увлечетъ дѣтей со смѣху. Тутъ, въ-прим., они прочтутъ пьеску о томъ, какъ одинъ молодой человекъ и одна молодая дѣвушка провели двухъ старыя тѣтушекъ, которыя и снали и выйдутъ за молодого человека замужъ; какъ эти старыя жейщины поборались за него между собою и какъ потомъ помирились; тутъ же прочтутъ они и другую пьеску о томъ, какъ... Но дѣти, конечно, и сами найдутъ, чему посмѣяться въ книжкѣ г. Фридриха-Августа-Людвига Фидерта. А станутъ ли они читать тутъ же имѣющееся повѣствованіе Освальда «О гибельныхъ слѣдствіяхъ зависти», — этого мы не можемъ сказать навѣрное; вѣроятнѣе, что они предпочтутъ этому чтенію — сличенію двухъ, переведенныхъ издателемъ, рассказовъ г. Владислава съ подлинникомъ. — Приложенныя въ концѣ книжки стихи того же г. Фридриха-Августа-Людвига Фидерта, назначены какъ-будто ужъ и не для дѣтскаго возраста: такъ много толкуется въ нихъ о любви. Но для техъ, которые знаютъ Гейне и не любятъ никакихъ подражаній, немногія страницы покажутся еще менѣе занимательными.

ВИСНОГРОФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня вышелъ изъ печати *седьмой* выпускъ «Картинъ Русской Живописи». Имѣетъ прекрасная англійская гравюра картинъ Шебуева «Св. Василий Великій», находящейся въ петербургскомъ Каванскомъ Соборѣ, и статья «Св. Василий Великій», въ которой изображена біографія святителя. Написанъ бытъ говорить что-нибудь о гравюрѣ: дозволю сказать, что гравюры нисколько не уступаютъ тѣмъ, которыя находились въ предшествовавшихъ выпускахъ этого изданія, а статья написана съмѣреннымъ авторомъ «Путешествія ко Святцамъ Мѣстамъ» и отличается тѣми же красками, которыми ознаменованы всѣ его творенія, изданныя цѣлой Россіей. Словами, это имѣетъ изъ удачнѣйшихъ выпусковъ «Картинъ Русской Живописи».

въ 1841 году, помѣщая изъ него около 50 словъ. Прочитавъ въ нашемъ журналѣ объявленіе о немъ, прежде всѣхъ помогъ г. Бурнашеву присылкою терминовъ бѣлозерскій помѣщикъ В. В. Владимірскій, статьи котораго являются иногда въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ». Нынѣ же г. Бурнашевъ считаетъ болѣе десяти содѣйствователей изъ числа помѣщиковъ русскихъ. При этомъ неизлишнимъ находимъ обратить вниманіе на образецъ труда г. Бурнашева — на 300 словъ, напечатанныхъ во 2 и 3 № № «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» вышедшаго года. Вообще, это предпріятіе весьма-замѣчательно и достойно вниманія публики,

Первый томъ сочиненія доктора Грума «Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей», о которомъ предувѣдомляли мы читателей, вышелъ уже въ свѣтъ. Разборъ этой замѣчательной книги, мы сообщимъ въ другой времени.

В. П. Бурнашевъ, составитель «Терминологическаго Словаря сельскаго хозяйства, фабричности, ремесла, промысловъ быта народнаго», доведя трудъ свой до 5,000 объясненныхъ терминовъ, приступаетъ, съ половины мая, къ печатанію этой книги, которая будетъ состоять изъ 50 печатныхъ листовъ, въ два толбца, а цѣна ей на подписку 3 руб. сереб. Къ концу октября книга, конечно, непременно выйдетъ въ свѣтъ. Безспорно, это изданіе — весьма-полезное. Почти всѣ журналы отзываются о немъ съ уваженіемъ; «Отеч. Записки» прежде ознакомилъ съ нимъ публику

Вышелъ второй выпускъ «Исторія Суворова», составляемой неутомимымъ г. Полевымъ. Рисунки въ этомъ выпускѣ такъ же поражаютъ безобразіемъ лицъ и позъ, неправильностію и вообще некрасивостію рисовки; а текстъ... да кто говоритъ о текстѣ въ книгѣ съ картинками? Въ наше время это все равно, что разбирать эстетически либретто, вмѣсто того, чтобы рассуждать о самой оперѣ, т. е. о музыкѣ. Известно, что всѣ libretti никогда не отличаются ни смысломъ, ни поэзіею, а часто случается, что и музыка при нихъ бываетъ плоховата: такъ удивительно ли, что на этотъ разъ при плохой копировкѣ и картинки плохи?

Появились двѣ тетради третьяго выпуска «Сочиненій Гёте». Мы думали-было, что это изданіе прекратилось; однакожь оно не только не хочетъ прекратиться, но даже воспріяло благое намѣреніе исправиться. Вмѣсто того, чтобы выходить чѣмъ-то въ родѣ журнала, на-

пичканнаго разными мелочами, оно рѣшилось перевести всего «Вильгельма Мейстера». Давно бы такъ! Когда выйдетъ весь переводъ этого романа, мы поговоримъ о немъ побольше.

Наконецъ должно упомянуть о новости, косвенно касающейся книжнаго дѣла. Читателямъ извѣстенъ книгопродавецъ А. И. Ивановъ, управляющій Конторою Отечественныхъ Записокъ и въ короткое время успавшій пріобрѣсть всеобщую къ себѣ довѣренность, такъ что не только редакціи многихъ журналовъ избрали его своимъ коммиссіонеромъ, но онъ удостоился этого званія даже отъ II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелярїи и отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Теперь г. Ивановъ рѣшается распространить кругъ своей дѣятельности,

учредивъ при книжномъ магазинѣ своемъ *Отдѣленіе разныхъ коммиссій*. Предоставляя читателямъ узнать подробности этого новаго учрежденія изъ «Объявленія», приложеннаго при этой книгѣ «Отеч. Записокъ», мы съ удовольствіемъ готовы повторить здѣсь то, что всегда и неоднократно говорили о честности, исправности и усердіи г-на Иванова въ поручаемыхъ ему дѣлахъ. Душевно желаемъ, чтобъ новое предпріятіе его принято было радушно публикою. Въ пользу этого предпріятія для не-столичныхъ жителей убѣдятся вслѣдствіи, кому нужно бываетъ выписывать что-нибудь изъ столицы; а дозволеніе правительства и ручательство нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ, подписавшихъ «Объявленіе», можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобъ довѣрять г-ну Иванову всякаго рода коммиссій въ полной надеждѣ на скорое и честное исполненіе ихъ.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БЕРТЪ СОУТИ И ШКОЛА *озерныхъ* поэтовъ. Новые романы. — Новая Зеландія. — Пещера Кагаумильца. — Экспедиція капитана Гарриса въ Южную Африку; — король Мозелекатцъ; — охота за слонами. — Мечеть кроваваго ишени въ Каирѣ. — Путевыя Записки по Европѣ. — Книги историческія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія много яркихъ поэтическихъ совазъ горѣло на широкомъ горизонтѣ англійской литературы! Однѣ за другія сошли знаменитые поэты въ моду: немногіе, доживающіе срока, редкѣнный имъ Провидѣніемъ — Томъ Муръ и Уордсвортъ, одряхлѣли давно уже перешли за тѣ годы, когда кипитъ въ душѣ сила поэтическая; въ молодомъ поколѣніи таланты, общающихся замѣну великихъ поэтовъ. Робертъ Соути, какъ поэтъ такъ историкъ, столько славившійся прежде годы, скончался 21-го марта. Давно уже замолкла его лира, давно уже его жизнь была однимъ болѣзненнымъ, постепеннымъ приготовленіемъ къ смерти. Грустно было видѣть, какъ въ этой продолжительной борьбѣ

съ смертію одна за другою тускли, погасали его умственные способности, какъ въ послѣдніе года рѣшительно умерла благороднѣйшая часть его — умъ, и онъ весь былъ — одно физическое страданіе. Самъ лордъ Байронъ, неумолимый врагъ его, горькими слезами оплакалъ бы эту страшную картину долговременнаго, постепеннаго умирая. Женщина молодая, отличная писательница, дочь доктора Боульса, отдавъ свою руку престарѣлому поэту, съ благороднымъ самоотверженіемъ отказавшись отъ всѣхъ удовольствій свѣта, пожертвовала своею молодостью, чтобъ лелѣять страдальческую старость супруга и поддержала его на пути къ гробу.

Подробности о жизни Роберта Соути любознательные читатели могутъ

найти въ сочиненіи Оллена Коннингэма: «Биографическая и Критическая Исторія британской литературы послѣдняго пятидесятилѣтія» (*Biographical and critical History of the British Literature of the last fifty years*). Вотъ бѣглый очеркъ его жизни и дѣятельности. — Родившись въ Бристолѣ въ 1774 г. (отецъ его былъ холщевникъ), онъ получилъ первоначальное образованіе въ Вестминстерской Школѣ, въ Лондонѣ, и въ 1792 г. вступилъ въ Оксфордскій Университетъ для изученія богословія; но склонность его къ ученію унитаріевъ или антитринитаріевъ, равно какъ революціонный образъ мыслей, заразившій тогда изъ Франціи много молодыхъ головъ въ Англіи и побудившій его еще въ Вестминстерской Школѣ къ участію въ открытомъ возстаніи противъ училищнаго начальства, въ то время развились въ немъ такъ сильно, что онъ не только сдѣлался отступникомъ отъ ученія англиканской церкви, но и задумалъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, Довеллемъ и Кольриджемъ (три друга женились на трехъ сестрахъ), переселиться въ Сѣверную-Америку и основать образцовую республику на берегахъ Сускеганны. Случилось не такъ: Кольридж охолодилъ свой республиканизмъ въ Германіи нѣмецкою метафизикою; Соути не нужно было ѣхать для этого за границу: — онъ и на родинѣ успѣлъ образоваться. Когда планъ эмиграціи былъ покинута, Соути прожилъ нѣсколько лѣтъ съ своимъ дядею въ Португаліи; плодомъ пребыванія его на Парвейскомъ-Полуостровѣ было «Путешествіе по Испаніи и Португаліи», выданное въ 1798 году и принятое публикою съ большимъ одобреніемъ. Еще за нѣсколько лѣтъ прежде, онъ обратилъ на себя вниманіе публики собраніемъ лирическихъ стихотвореній, которое онъ издалъ вмѣстѣ съ Довеллемъ; друзья скрыли свои имена подъ классическими псевдонимами Моска и Віона. Въ слѣдъ за тѣмъ издалъ онъ драму «Wat Tyler» (имя кирпичника изъ Детфор-

да, который въ 1381 г. возбудилъ острое народное возстаніе въ царствованіе Ричарда II), — драму, полную смѣлыхъ восторженныхъ революціонныхъ идей о свободѣ и равенствѣ, потомъ эпическое стихотвореніе «An of Arg» (Юанна д'Аркъ), которое обратило на себя вниманіе новостіона, несмотря на насмѣшки лорда Байрона, который, между прочимъ, сказалъ, что это эпическое стихотвореніе не дѣлать читать тогда, когда Гомеръ и Виргилій будутъ забыты, но никакъ прежде. Въ 1801 году, Соути получилъ значительное мѣсто въ Ирландіи, скоро воротился въ Англію, съ долгами, обезпечивавшимъ беззаботную жизнь. Въ то время политическія и ригорозныя мнѣнія его совершенно мѣнились, — отъ какихъ причинъ, онъ не считалъ нужнымъ высказать блочно, какъ можно было бы ожидать писателя. Болѣе и болѣе стався онъ жаркимъ поборникомъ государственной церкви и ториской партіи, отъявленными противникомъ реформы въ церкви и государственныя открылъ въ *Quarterly Review* жаркую полемику противъ прежнихъ единомышленниковъ. Съ тѣхъ поръ кончивъ своей жидъ онъ болѣе пристрастію въ Кесвикѣ, суетливо занимая воспитательной Доррветской Дамы въ Графствѣ Комберландской, въ томъ озерамъ, куда его особенно привлекала дружба съ Уордсвортомъ; ричемъ его въ «никакъ озерныхъ поэтовъ». Тамъ, и въ поэзіи, онъ обнаружилъ онъ чрезвычайную интуитивную литературную дѣятельность въ стихотвореніяхъ изъ поэтическихъ мнѣній его — слѣдующія: *The Lake Destroyer* (2 ч. 1803 г.) драма ричемъ, дѣйствіе которой происходитъ въ Араціи; *Madoc* (1805), *The Captive* (1814), *Roderick the Goth* (2 ч. 1814). Въ 1813 г. онъ назначенъ регентомъ назидательныхъ дворянскихъ поэтовъ (poet laureate). Въ слѣдующемъ году Соути воздѣлалъ жество союзниковъ надъ Наварро

въ великого-напыщенномъ «*Carmen triumpnale*», состоящемъ изъ одъ въ честь принца-регента, императора Александра, короля Французскаго и другихъ государей. Въ 1821 году, вышло странное и по содержанію и по формѣ стихотвореніе его «*The Vision of Judgement*» (Видѣніе Страшнаго Суда), писанное гекзаметрами и имѣвшее цѣлью—апострофу Георга III. Байронъ, въ предисловіи названный главою сатанинской школы, отвѣчалъ самою злою сатирою подъ тѣмъ же заглавіемъ (скрывшись подъ псевдонимомъ: *Quevedo Redivivus*); — издатель этой сатиры позвавъ былъ къ суду и приговоренъ къ большой денежной пенѣ. Сверхъ собственныхъ лирическихъ произведеній, Соути издалъ нѣсколько передѣлокъ старинныхъ романсовъ и рыцарскихъ романсовъ, какъ то: *Amadis de Gaul* (4 ч. 1803 г.), *Palmerin of England* (1807), *The Chronicle of the Cid* (1808). Лучшія изъ историческихъ произведеній его суть: *History of Brazil* (3 ч. 1810), *Life of Nelson* (2 ч. 1813). Другія его творенія историческія: *The Life of John Wesley* (2 ч. 1820), и *History of the War in Spain and Portugal* (6 ч. 1822—28) много теряютъ отъ-того, что они проникнуты одностороннимъ направленіемъ его религіозныхъ и политическихъ мнѣній, — мнѣніемъ съ особенною рѣзкостью выраженныхъ имъ въ воллунго-апологическомъ сочиненіи въ пользу господствующей церкви: *The Book of the Church*.

Соути, какъ поэтъ, принадлежитъ къ такъ-называемой школѣ «озерныхъ поэтовъ» или «лэкистовъ»; но онъ съ теченіемъ времени отдался однакожь болѣе всѣхъ своихъ товарищей отъ главныхъ основаній этой школы. Одинъ французскій критикъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ эту школу: «Она ведетъ свое начало отъ Коувера (1731—1800), или правильнѣе отъ Коувера происходить Уордсвортъ (родъ 1770 г.), Колриджъ (отъ 1773 до 1834) и Соути (сюда же включаютъ и Уильсона). По истинѣ, изъ тысячи за-

блужденій, которыя осаживаются и крѣпнута на поверхности каждой науки, одно изъ самыхъ странныхъ — именно это соединеніе подъ однимъ названіемъ трехъ столь различныхъ умовъ, столь разнохарактерныхъ и противорѣчащихъ индивидуальностей. При этой странной классификаціи, на литературный приговоръ имѣла вліяніе одна только жизнь частная; обстоятельства и сходство характеровъ соединили на берегахъ комберлендскихъ озеръ трехъ друзей-поэтовъ, и на этомъ случайномъ соединеніи основали мысль, будто у нихъ и идеи общія, и мнѣнія, и системы литературныя сходны, между-тѣмъ, какъ на каждой страницѣ произведеній ихъ находится опроверженіе этой мысли, между-тѣмъ, какъ сами поэты формально отреклись отъ этой общности и сходства. Уордсвортъ изъ одной школы съ Соути! Колриджъ изъ одной школы съ Уордсвортомъ! Удивительно-странное сочетаніе именъ! Правда, въ началѣ своего поприща, когда еще не рѣшено было, какое направленіе возьметъ поэтическая дѣятельность каждаго изъ нихъ, молодые поэты чувствовали необходимость совокупными силами преодолѣвать препятствія, которыхъ каждый изъ нихъ поодиначкѣ не надѣялся побѣдить. Они ясно видѣли, какъ надоѣла ихъ современникамъ разодѣтая, низкопоклонная поэзія съ тонкими, слабыми пальцами, съ вышитыми манжетами: они составили планъ атаки для низверженія ея. Надобно было отнять у поэзіи ея ароматныя подушечки, ея молочныя и розовыя ванны, въ которыхъ она изнѣженно дремала, и ея — эту знатную даму — безъ церемоній «свести» подъ черную кровлю поселянина. Такъ произошли «англійскія эклоги». Въ этихъ эклогахъ они мало-по-малу переступили тѣ грани, которыми обведены были тогдашніе поэты, и осмѣлились заговорить языкомъ, приближавшимся къ простотѣ мужицкой рѣчи; самыя неизысканныя выраженія, повседневныя заня-

• тѣ, самые обыкновенные случаи ча-
 • стной жизни служили предметомъ и
 • украшеніемъ поэзіи ихъ. *Each rural*
 • *sight, each rural sound!* Счастіе семей-
 • ной жизни, привѣтныя огонекъ ка-
 • мелька, пестрые луговые цвѣтны, от-
 • радная зелень боярышника, быстрый,
 • серебристый бѣгъ ручейковъ, доброе
 • согласие съ сосѣдями, деревенская сказ-
 • ка, простодушное патристическое чув-
 • ство, сладостныя побужденія человѣ-
 • колюбія — вотъ богатая жатва, кото-
 • рая открылась передъ ними на этомъ
 • новомъ или вновь-найденномъ полѣ по-
 • эзіи. Направление ихъ было совер-
 • шенно-революціонное, но оно могло
 • продолжаться не болѣе того, сколько
 • держатся вообще всѣ революціонныя
 • законы. Упреки старой поэзіи, новые
 • предметы были скоро исчерпаны, и
 • притомъ три поэта вовсе не думали
 • замкнуться навсегда въ такомъ тѣ-
 • сномъ кругу. Соути вознесся въ выс-
 • шія области эпическаго романа и ис-
 • торіи; Кольбриджъ создалъ себѣ рядъ
 • странныхъ вымысловъ, и любовался,
 • что прелесть его выраженія, что за-
 • разительная причудливость его фан-
 • тазіи дѣйствуютъ на душу. Уордс-
 • уортъ, прокладывая себѣ также осо-
 • бенную дорогу, но болѣе другихъ оста-
 • ваясь вѣрнымъ первому началу шко-
 • лы, началъ ревностно искать всеобща-
 • го блага и высшей красоты и умѣлъ
 • найти ихъ въ малѣйшихъ явленіяхъ
 • природы, въ колебаніи цвѣтка, въ пур-
 • пурѣ солнечнаго заката, въ жалобномъ
 • цѣніи птицъ и даже въ вѣчномъ без-
 • молвіи природы для глухонѣмыхъ. У-
 • спѣхъ, можетъ-быть, превзошелъ всѣ
 • ожиданія ихъ, и независимое достоин-
 • ство каждого изъ нихъ упрочено на-
 • всегда. Настоящая связь, соединявшая
 • трехъ озерныхъ поэтовъ, заключается
 • не въ литературной системѣ ихъ, — она
 • заключается, какъ мы уже сказали, въ
 • тѣсной дружбѣ ихъ, въ поразитель-
 • номъ сходствѣ ихъ жизни политиче-
 • ской, гдѣ замѣчается одинаковое со-
 • вершенное отступничество отъ респу-
 • бликанскихъ правилъ, которыхъ они

• держались первоначально; наконецъ
 • въ сходствѣ ихъ житейской философіи,
 • которая подчинила ихъ жизни оди-
 • нкимъ законамъ строгой нравствен-
 • сти, скромнаго уединенія и тихаго
 • труда.

Школа озерныхъ поэтовъ обыкно-
 венно приписывается та заслуга, что
 она освободила британскую музу отъ
 фижки, который носила она со времени
 королевы Анны; но эта заслуга прина-
 длежитъ не ей одной, по крайней мѣ-
 рѣ въ равной степени принадлежитъ и
 Шотландцу Борнсу; къ этому содѣй-
 ствовало также возвращеніе Англи-
 чанъ къ Шекспиру. Что у Соути влія-
 ніе началъ этой школы въ послѣднѣйшіе
 времена обнаруживалось развѣ тамъ
 въ слогѣ, да и то не всегда, и болѣе зна-
 ченъ, — это видно даже изъ выбора ея
 сюжетовъ, которые онъ бралъ преимуще-
 ственно изъ рыцарскихъ временъ
 или съ Востока. Вообще, въ его сти-
 хотвореніяхъ видна не столько оригиналь-
 ность изобрѣтенія, сколько богатая и
 вопись, блестящій языкъ и особенно въ
 лирическихъ стихотвореніяхъ поэти-
 ческое искусство. Его недостатки —
 недостатки школы: растянutosть, гоним-
 ливость, часто наводящая скуку — на-
 статокъ еще болѣе замѣтныи у Уордс-
 уорта; нерѣдко рядомъ съ самыми
 истинно-глубокими и поэтическими на-
 пріятно бросаются въ глаза назидатель-
 ная простота и стихъ ничего-неговя-
 рящій. Въ историческихъ сочиненіяхъ
 Соути является однимъ изъ неимѣн-
 ныхъ презанковъ.

Соути, прежде чѣмъ достигъ славы
 ларности, долженъ былъ выдержать
 продолжительную и тяжкую борьбу съ
 безопадною критикою, какой не встрѣ-
 гались немногіе писатели; причемъ, са-
 накомъ, нельзя умолчать, что сильнѣе
 вызывалъ на эту борьбу. Самыи остра-
 шнымъ; самыи неутомимымъ прѣво-
 вникомъ его былъ лордъ Байронъ, ко-
 торый нападалъ на него не только
 на поэта и на его школу, но и на
 человека, какъ на ренегата и въ
 политическомъ и религіозномъ отноше-
 ніи.

тъ. Эта полемика началась эвизоди-
чески уже въ «English Bards and Scotch
reviewers» и вполне выразилась въ
шопанутомъ «Видѣніи Страшнаго
уда» и въ посвященіи «Дон-Хуана»
которое однакожъ исключено изъ боль-
шей части изданій). Соути былъ Эври-
пидомъ для аристофановскаго остро-
лія Байрона. Но и Соути не имѣлъ до-
стоятія въ силѣ сатирической; это до-
казалъ онъ отъѣтомъ Байрону въ «Лон-
донскомъ Курьерѣ» 5 января 1822 года.
Онъ выставилъ поэта талантливымъ
путемъ, хвастающимся вѣчною гру-
стію, невѣріемъ и модными грѣхами.
Байронъ такъ былъ раздраженъ этимъ
отъѣтомъ, что поручилъ г-ну Дугласу
Киннерду передать Соути вызовъ его
и дуэль. Для этого Байронъ хотѣлъ
пріѣхать изъ Равенны, гдѣ онъ жилъ
тогда, въ Кесвикъ въ (Комберландѣ),
но такъ-какъ г. Киннердъ сообразилъ,
что на путешествіе Байрона потре-
буется много времени и дуэль можетъ
отказаться заподаю и смѣшною,
то это дѣло было оставлено, и Соути
зналъ о грозившей ему опасности уже
по смерти Байрона. Впрочемъ, въ «За-
пискахъ» лорда Байрона, изданныхъ
Генасомъ Муромъ (къ-сожалѣнію, въ
искаженномъ видѣ), сохранилось болѣе
вероятное сужденіе о поэтѣ. Соу-
ти былъ представленъ Байрону въ 1813
г. въ Голланд-Гаузѣ, и вслѣдъ за тѣмъ
Байронъ записалъ въ свой дневникъ
слѣдующую замѣтку: «Соути — поэтъ
съ прекрасною наружностію; давно не
встрѣчалъ я такихъ. Я согласился бы
писать его сафическія оды, еслибъ
только можно было этимъ купить го-
лому и плечи этого поэта. Онъ чело-
вѣкъ привлекательный и поэтъ пер-
востепенный. Притомъ онъ един-
ственный въ наше время homme de
lettres; всѣ прочіе, кромѣ авторства,
имѣютъ еще другія какія-нибудь цѣ-
ли. Мотивы его кроткія; но это не ма-
териальнаго челоуѣка. Проза его
сверхъчеловѣческая. О поэзіи его мнѣнія раз-
личны; потомство сдѣлаетъ выборъ
изъ нихъ. Теперь у него есть партія,

но нѣтъ публики: есть публика толь-
ко для его прозаическихъ стихотворе-
ній. Его «Біографія Нельсона» — прекра-
сное произведеніе. Въ другомъ мѣстѣ,
Байронъ говоритъ, что «Родерикъ пер-
вая поэма нашего времени», во время
рѣшило иначе. Въ грустной исторіи
литературныхъ распрій, вражда между
Байрономъ и Соути — одна изъ самыхъ
замѣчательныхъ. А теперь, хоть и не
такъ близко другъ къ другу, какъ Питтъ
и Фоксъ, покоющіеся въ Вестминстер-
скомъ Аббатствѣ только въ двухъ ша-
гахъ одинъ отъ другаго, — спать и эти
противники не очень-далеко другъ отъ
друга въ спокойныхъ могилкахъ: Ро-
бертъ Соути на берегу Дервента,
Джоржъ Байронъ въ сельской церкви
въ Гонналгѣ.

Бѣдна теперь стихотворная литерату-
ра Англій, и мы не можемъ указать ни
на одно поэтическое произведеніе, ко-
торое достойно было бы стоять подлѣ
воспоминанія о знаменитомъ поэтѣ.
Развѣ упомянуть о *Mediterranean
Sketches, by Lord Francis Egerton*
(*Очерки Средиземнаго-Моря, лорда Френ-
сиса Эджертона*). Осенью 1836 года,
лордъ Эджертонъ предпринялъ путе-
шествіе по Средиземному-Морю, ко-
снулся береговъ Португаліи и Испаніи,
побывалъ въ Сиріи, поклонился гробу
Господню. Впечатлѣнія свои онъ выра-
зилъ въ стихахъ гладкихъ, изящныхъ;
но эти стихи не заключаютъ въ себѣ
ничего особеннаго и въ «Очеркахъ» го-
раздо-интереснѣе часть прозаическая,
которая служитъ объясненіемъ части
стихотворной, и которая заключаетъ въ
себѣ замѣтки о городахъ, жителяхъ,
нравахъ и замѣчательныхъ лицахъ,
встрѣчавшихся на пути. Эта книга по-
служитъ намъ переходомъ къ творе-
ніямъ прозаическимъ.

Читателямъ, можетъ-быть, уже извѣ-
стно, что неутомимый Диккенсъ (Бозъ)
пишетъ новый романъ подъ заглавіемъ:
*Mr. Pecksniff. The Life and Adven-
tures of Martin Chuzzlewit*. Это-
го романа вышло до-сихъ-поръ только
два выпуска; въ нихъ авторъ выводитъ

на спичу архитекторовъ и разныхъ продѣлки строительныхъ комитетовъ. Со-временемъ, когда романъ будетъ конченъ, мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ его.—Сэръ Эдуардъ Болверъ, авторъ такого множества романовъ и разныхъ другихъ литературныхъ издѣлій, написалъ новый романъ *THE LAST OF THE BARONS (Последній Баронъ)*. Увы! даровитый и плодовитый баронетъ объявляетъ, что, вѣроятно, это послѣдній романъ его. Въ предисловіи, онъ много толкуетъ о своихъ принципахъ и своемъ литературномъ поприщѣ и бравитъ критиковъ. На основаніи этихъ принциповъ, онъ довольно - высоко ставитъ новый романъ свой. А злые критики не вѣрятъ и тому, что это точно послѣдній романъ, и тому, что онъ лучше другихъ его романовъ. Они полагаютъ, что если Болверъ хочетъ достойно заключить свое поприще, то долженъ написать что-нибудь получше. Содержаніе романа взято изъ смутнаго періода, которымъ оканчивается исторія Англій среднихъ вѣковъ. Разсказъ вертится на тѣхъ волненіяхъ, въ которыхъ игралъ такую видную роль Варвикъ, прованный «творцомъ королей» (*King-maker*). Юмъ давно уже замѣтилъ, что этотъ сюжетъ годится для поэмы или романа. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сами повѣрить сужденій англійскихъ критиковъ объ этомъ произведеніи. У сэра Антона Болвера много литературныхъ враговъ, много соперниковъ. Въ ряду его соперниковъ явилась даже и жена его; разведясь съ нимъ, она вооружилась перомъ, пишетъ романы и пародируетъ въ нихъ романы своего мужа. Лэди Болверъ написала недавно романъ: *BIANCA CAPELLO (Бianка Капелло)*, въ которомъ нѣкоторые находятъ, хоть и неясную, пародію романа *Zanoni* сэра Эдуарда. «О, женщины! женщины!» восклицаетъ одинъ критикъ; «ужели мы должны слѣдовать относительно насъ совѣту одного остроумнаго писателя прошлаго столѣтія, который говоритъ, что съ лучши-

ми нашими друзьями надо жить такъ какъ-будто они должны современе-сдѣлаться нашими врагами? Біанка Капелло лицо извѣстное всѣмъ образованнымъ читателямъ и не разъ уявлявшееся и въ стихахъ, и въ разсказахъ прозаическихъ. У лэди Болверъ Біанка, любовница Франческо Медчи, — женщина преступная въ-слѣствіе супружескаго мщенія; она ставится преступною отъ-того, что лухъ измѣняетъ ей, или, лучше сказать, прдаетъ ее.

Имя мистриссъ Горъ не разъ уявлялось въ нашихъ обзорахъ. Романы ея, отличающіеся простотою сдержанія и прекраснымъ изложениемъ всегда имѣли большой успѣхъ. Такоже успѣхъ, вѣроятно, ожидаетъ ея произведение ея: *THE MONEY-LION (Замодавецъ)*. Герой романа — капиталистъ; въ молодости онъ потерпѣлъ обидную неудачу въ любви и рѣшается отомстить за эту неудачу всему роду человѣческому. И онъ мститъ неутомимо, избравъ орудіемъ мщенія деньги; наконецъ, сердце ея смягчается; изъ мстительнаго демона онъ дѣлается ангеломъ-покровителемъ и осыпаетъ благодѣяніемъ всѣхъ, кого простирается вліяніе его.

Говорить ли о другихъ романахъ? Романы пріятно читать въ досуговое время въ краткихъ разсказахъ о содержаніи ихъ и достоинствѣ нѣтъ ни особенной пріятности, ни особенной пользы. Перейдемъ лучше къ другимъ явленіямъ литературы.

Изъ путевыхъ записокъ, вышедшихъ въ послѣднее время, долж первоначально обратить наше вниманіе книга доктора Эрнеста Диксона: *TRAVELS IN NEW ZEALAND, WITH CONTRIBUTIONS TO THE GEOGRAPHY, BOTANY AND NATURAL HISTORY OF THAT COUNTRY (Путешествіе по Новой Зеландіи; замечанія касательно географіи, геологіи, ботаники и естественной исторіи этой страны)*. Страна новая, неизвѣданная, и о ней ученомъ отношеніи, — просто клалъ

известнаго натуралиста. Обыкновенная опасность не помѣшаютъ ему пройтись въ отдаленныя мѣста; надежда найти новыя растенія торопитъ его на горныя вершины; въ его глазахъ нѣтъ ничего ничтожнаго, малоцѣннаго; чудовища веселятъ его, мухи и пресмыкающіяся манятъ его впередъ, а вѣтъ, запыхавшись, бѣжитъ за ними по кустамъ и болотамъ, обнюхиваетъ солончаки, пробуетъ воду изъ всѣхъ горькихъ ключей, набиваетъ свои карманы камнями до того, что готовъ упасть подъ этою тяжестью, и чѣмъ болѣе терпитъ онъ, тѣмъ болѣе утѣшается сознаніемъ, что онъ трудится, сколько можетъ, для науки. Такою ревностію обладаетъ и докт. Диффенбахъ; но его занимала не одна только природа Новой-Зеландіи: въ слѣдствіе связей своихъ съ ново-зеландскою компаніею, онъ имѣлъ возможность дѣлать наблюденія и надъ обитателями этого острова; онъ изучилъ языкъ туземцевъ, старался сблизиться съ ними, и передаетъ, что слышалъ, что самъ замѣтилъ. Мнѣніе Диффенбаха о туземномъ народонаселеніи весьма-благопріятно. Онъ говоритъ, подтверждая свои слова доказательствами, что Новозеландцы отличаются учтивостію, гостепріимствомъ, смышенностію и прямодушіемъ, что они легко могутъ принять цивилизацію, слиться съ британскими колонистами и пользоваться всѣми личными правами британскихъ подданныхъ. Диффенбахъ побывалъ въ такихъ частяхъ острова, въ которыхъ не бывалъ еще ни одинъ путешественникъ, или которыя еще не были описаны; онъ первый описалъ сѣверныя части Новозеландіи и нѣкоторыя внутреннія мѣста. Въ августѣ 1839 г., прибылъ онъ въ Зундъ королевы Шарлотты. Корабль причалилъ къ берегу въ уютной бухтѣ, и всѣ сосѣдніе туземцы покинули свои хижины и посѣтили на встрѣчу иностранцамъ: они привѣтствовали ихъ пожатіемъ руки. Здѣсь Диффенбахъ нашелъ нѣсколько поселеній китолововъ; Европейцы живутъ здѣсь, окру-

женные туземцами, вступаютъ съ ними въ брачныя союзы и имѣютъ на нихъ сильное нравственное влияние. Дети, происходящія отъ браковъ съ туземными женщинами, отличаются силою и красотою. Затѣмъ, Диффенбахъ посѣтилъ портъ Никольсонъ. «Года три назадъ» говоритъ онъ: «это мѣсто едва было извѣстно и рѣдко посѣщаемо Европейцами. Теперь здѣсь обширная колонія, въ которой до 5,000 жителей. Тамъ, гдѣ прежде жили въ дрянныхъ деревушкахъ нѣсколько сотъ туземцевъ, теперь стоитъ городъ съ магазинами, клубами, обществами ученыхъ и садоводства, съ конскими скачками, со всѣми принадлежностями общины образованной и промышленной. Тамъ, гдѣ за три года я любовался только дикою красотою природы и дикими нравами жителей, теперь суетится неутомимый Европейецъ, распространяющій во кругъ себя выгоды и невыгоды цивилизаціи и промышленности». Докторъ говоритъ, что въ портѣ Никольсонѣ и Куковомъ-проливѣ землетрясенія часты, но не сильны; они идутъ, по его мнѣнію, отъ Тонгариро, въ центрѣ острова. Волканическій пикъ Таранаки, или гора Эгмонтъ, совершенно погасъ. Диффенбахъ первый изъ путешественниковъ всходилъ на эту гору, которая подымается надъ совершенно ровною долиною на 8,839 футовъ, или на 1,600 футовъ выше предѣловъ постоянного снѣга. Туземные проводники его, достигнувъ снѣжной линіи, сѣли на землю, поджавъ ноги, вынули свои книги и начали молитвы. Ни одинъ туземецъ не подымался такъ высоко. Докторъ продолжалъ восхождение и вышелъ на вершинѣ снѣжную равнину, протяженіемъ съ милю. Это, вѣроятно, кратеръ, наполненный снѣгомъ. Добравшись съ тяжкимъ трудомъ до вершины Эгмонта, докторъ вышелъ на ней, — что бы вы думали? — скелетъ крысы. Какъ не вспомнить при этомъ слова Горациа: *parturiunt montes!*..

Гору Тонгариро, вулканъ, дѣйствующій и теперь, докторъ, къ-сожалѣнію, не могъ изслѣдовать. Гора считается «тапу», или священной, и неутомимому путешественнику туземцы запретили всходить на нее. Она объявлена священной въ-слѣдствіе того, что англійскій путешественникъ Бидуэлль, рѣшившійся взобраться на нее, едва не погибъ отъ потока лавы. Съ-тѣхъ-поръ туземный вождь, господствующій въ этихъ мѣстахъ, строго запретилъ нарушать спокойствіе горнаго духа, и Дитфенбахъ никакими подарками не могъ побѣдить суевѣрія туземцевъ. Много и другихъ мѣстностей посѣтилъ докторъ, но мы не можемъ слѣдовать за нимъ. Описывая туземную деревню въ Ротуривѣ, онъ говоритъ: «Домы, двѣри, палисады украшены образчиками туземнаго мастерства. Нигдѣ не видалъ я такого множества рѣзныхъ фигуръ. Нѣкоторыя фигуры изображали родоначальниковъ племени, и собраніе фигуръ внутри и вокругъ каждаго дома можно считать какъ-бы родословнымъ деревомъ хозяина. Каждая человѣческая фигура носитъ имя какого-нибудь «тупуна» или предка. Нигдѣ въ Новой-Зеландіи не видалъ я идоловъ, хотя нѣкоторые и говорили мнѣ, что идолы существуютъ. Это отсутствіе идоловъ мнѣ очень нравилось. Я заключаю изъ того, что Ново-зеландцы дѣти природы, что они, можетъ-быть, очень-умны и не могутъ обожать деревянныя изображенія».

У путешественника нѣтъ удовлетворительныхъ подробностей на-счетъ людодѣства; онъ руководствуется только словами другихъ. Онъ говоритъ, что всѣ туземцы, откровенно толкуя съ нимъ объ этомъ предметѣ, утверждали, что человѣческое мясо очень-вкусно, особенно ладонь и грудь. Мясо Европейцевъ они считаютъ соленымъ и неприятнымъ, — любопытный физиологическій фактъ, если это справедливо; они говорятъ то же самое объ европейскихъ собакахъ и европейскихъ крысахъ. Докторъ прибавляетъ, что

сомнительно, будто они убиваютъ виновниковъ просто для того, чтобы ѣсть ихъ. Если такое убійство совершается, то, вѣроятно, «основаніемъ» бываетъ какое-нибудь суевѣрное мнѣніе или мщеніе. О женщинахъ и о дѣтоубійствѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Мать, когда приближается время родовъ, уходитъ часто одна въ сосѣдній лѣсъ, и, черезъ нѣсколько минутъ по рожденіи дитяти, бѣжитъ къ потоку, купается сама, купаетъ младенца и, въ-слѣдъ за тѣмъ, возвращается домой и принимается за обычную свою работу. До этого омовенія она считается «тапу», то-есть священной, или, лучше сказать, нечистою. Иногда младенецъ приноситъ въ жертву, но это неестественное преступленіе большею частію совершается изъ мщенія: измѣна мужа, семейныя несогласія, непозволенные связи съ Европейцами, рабство во время беременности, разлука съ мужемъ, — вотъ главныя причины. Во многихъ случаяхъ дѣтоубійство бываетъ слѣдствіемъ самаго грубаго суевѣрія, болѣе божескаго гнѣва и наказанія. Рангитаутау, жена одного молодого старшинны, убила свое дитя по слѣдующему странному обстоятельству: во время ея беременности, однажды какая-то старая жрица развѣсила свое бѣлье, чтобы провѣтрить его; молодая женщина замѣтила на платьѣ какое-то насѣкомое, поймала его и, по туземному обычаю, съѣла. Она думала, что ея никто не видалъ; но старая вѣдьма видѣла все; она осмысла ее самыми сильными проклятіями за то, что та съѣла гадкое насѣкомое, по-завшее по ея священному платью, и предсказала ей, что она сама умретъ и съѣстъ своего младенца, въ наказаніе за это святотатство. Часто повторяла она эту угрозу послѣ разрѣшенія ея отъ бремени и такъ сильно по-дѣйствовала на встревоженную душу угрозами небеснаго мщенія, что несчастная мать выкопала яму и зарыла живаго младенца, не смотря на

провантельные крики его. Въ послѣдствіи, она горько раскаялась, что нарушила такимъ образомъ самый священный законъ природы и, можетъ-быть, въ слѣдствіе этого, она и мужъ ея отделились отъ своего племени и пристали къ миссін въ Роуторѣ.

Вотъ что говоритъ Диффенбахъ о бракахъ: «Бракъ, или связь на цѣлую жизнь, заключается не прежде, какъ молодые люди достигнутъ извѣстнаго возраста, примѣрно, отъ во-сенадцати до двадцати лѣтъ; впрочемъ, опредѣлить этого точно нельзя. Верѣдко, однакожь, случается, что дѣвочка еще въ дѣтствѣ назначается кому-либо въ супружество; тогда она становится «тапу», пока не достигнетъ надлежащаго возраста. Женихъ добываетъ себѣ невѣсту долгимъ и постыливымъ ухаживаніемъ, если дѣвушка сначала не хочетъ подарить ему своего сердца; а если она благосклонна, тайное пожатіе руки открываетъ ея чувства. Если дѣвушка такъ счастлива, что имѣетъ двухъ жениховъ съ одинаковыми правами, такъ-что ни она, ни отецъ не знаютъ, какъ рѣшить, тогда дѣлается *e-rupa-rua*, то-есть, женихи берутъ невѣсту за руки и каждый тянетъ ее къ себѣ; разумѣется, кто сильнѣе, тотъ и одерживаетъ победу. Верѣдко, такое соперничество обходится дѣвушкѣ дешево: женихи, въ порывѣ любви своей, ломаютъ ей руки. — Многоженство не запрещено, но довольно-рѣдко. Тамъ-и-здѣсь вѣджи имѣютъ по двѣ, иногда по три жены, но большею частію одну. Извѣсна супружеской вѣрности со стороны жены наказывается смертію, при нѣмъ было нѣсколько подобныхъ случаевъ; но вліаніе Европейцевъ и миссіонеровъ такъ сильно, что туземцы становятся не такъ строги даже и на этотъ счетъ; мужъ ограничиваетъ наказаніе свое только тѣмъ, что выставляетъ жену публично *in puris naturalibus* (въ натурѣ, по выраженію шотландцевъ) и за тѣмъ мирится съ нею.

Мнѣнія доктора касательно колонизаціи Новой-Зеландіи сами-посебѣ не важны и интересны преимущественно для Англичанъ; мы не считаемъ нужнымъ передавать ихъ. Въ прибавленіи помѣщены грамматика и обширный словарь новозеландскаго языка.

Много новыхъ книгъ объ Америкѣ ..

Но прежде всего мы должны упомянуть о кончинѣ Томаса Гамильтона, писателя, извѣстнаго по своимъ романамъ, и еще болѣе по путевымъ запискамъ своимъ объ Америкѣ: *Men and Manners in America*. Это едва-ли не лучшее въ англійской литературѣ произведеніе о Соединенныхъ Штатахъ, за исключеніемъ, разумѣется, диккенсова. Въ Англии ставятъ его выше подобныхъ сочиненій капитана Базиля Галля, мистриссъ Троллоупъ, капитана Марриѣта и другихъ.

Кто не писалъ объ Америкѣ? Писали и капитаны, и сивіе чулки, и записные литераторы, и просто джентльмены, страдающіе сплиномъ, — наконецъ, вотъ и простой ремесленникъ шотландскій рассказываетъ, въ свою очередь, что онъ видѣлъ на родинѣ Вашингтона и Франклина: *A Tradesman's Travels in the United States and Canada, in the years 1840, 1841 and 1842, by William Thomson (Путешествіе ремесленника по Соединеннымъ Штатамъ и Канадѣ)*. Томсонъ, шотландскій ткачъ, отправился въ Америку къ своимъ роднымъ, лечиться отъ чахотки. Получивъ облегченіе, онъ пустился странствовать по разнымъ штатамъ, и странствовалъ, какъ ремесленникъ, останавливаясь на нѣсколько недѣль въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и работая, гдѣ только попадалась работа. Томсонъ говоритъ, что если другіе путешественники, познатѣе его, пишутъ и издаютъ свои записки, то онъ не видитъ никакой причины, почему ему не передать публикѣ своихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ возможность видѣть то, чего джентльмены-туристы большею частію не видятъ: они не спускаются къ низшимъ слоямъ общества,

не входить въ мелочи повседневной жизни, чтобъ составить вѣрное понятие о состояніи людей, трудящихся для насущнаго хлѣба. Книга Томсона именно тѣмъ и замѣчательна, что онъ разсказываетъ о состояніи простаго рабочаго народонаселенія Сѣверной-Америки. — О сосѣдней съ Соединенными-Штатами Мекхикѣ много любопытнаго можно узнать изъ: *LIFE IN MEXICO, DURING A RESIDENCE OF TWO YEARS IN THAT COUNTRY. By madame C — de la B.* (*Жизнь въ Мекхикѣ во время двух-лѣтняго пребыванія въ этой странѣ*). Книга вышла изъ-подъ пера супруги Кальдерона-де-ла-Барка, бывшаго нѣсколько лѣтъ испанскимъ полномочнымъ министромъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, а потомъ первымъ испанскимъ посланникомъ въ Мекхикѣ. По положенію своему въ обществѣ, госпожа Кальдеронъ-де-ла-Барка имѣла возможность наблюдать состояніе, нравы и обычаи высшихъ классовъ, — возможность, которая дается не всякому путешественнику. Общество мекхиканское рисуется у ней со всѣми мелочами жизни ежесуточной, рисуется въ чертахъ, отчасти несомѣльмъ-благопріятныхъ. Она видѣла не одну только столицу республики мекхиканской, но и нѣкоторыя мѣста внутреннія. Вотъ, между-прочимъ, какъ описываетъ она пещеру Кагауамильну въ такъ-называемой *Tercera Calliente*. Восхождение наше было продолжительно и тяжело, такъ-что самыя неутомимые могли потерять бодрость. Какія ужасныя дороги! какія провасти! Я дрожу и теперь, какъ представляю ихъ себѣ. Но, слава Богу, мы благополучно добрались до входа въ пещеру, который, по счисленію одного славнаго путешественника, вышиною по-крайней-мѣрѣ въ семьдесятъ футовъ, а шириною въ сто пятьдесятъ. Скалы, образующія большую арку, расположены съ такою симметрией, что сначала мнѣ показалось, будто передо мною работа рукъ человеческихъ. Солнце высоко уже поднялось на горизонтѣ и обливало яр-

кимъ свѣтомъ дикій пейзажъ, окружавшій насъ, деревья, скалы, потоки. Чувство ужаса овладѣло нами, когда мы приблизились къ вѣющему отверстию подземелья, и, еще ослѣпленныи солнцемъ, едва могли различить, среди мрака, наполнявшаго пещеру, крутой спускъ въ исполинскую залу, слабо освѣщенную огнемъ, который разложили Индійцы у входа. Мы осторожно сошли по спуску, который длиною, вѣроятно, въ полтораста футовъ, и остановились, пораженные изумленіемъ, въ этомъ мрачномъ подземномъ чертогѣ, окидывая взоромъ эти странныя, гигантскія, таинственныя формы, которыя трудно считать фантастическимъ произведеніемъ воды, постоянно капающей сверху. Такъ-какъ и въ это утро еще не завтракали и прибирались по горамъ цѣлые восемь часовъ, то наши Индійцы разложили огонь, чтобъ приготовить закуску прежде чѣмъ пустимся мы въ глубь подземелья. Мы позавтракали. Женщины были двадцать-четыре длинноносныя факела и роздавы вазелина, восковыя свѣчи, чтобъ не остаться въ темнотѣ, еслибъ мы какъ-нибудь отстали отъ проводниковъ и заблудились въ безчисленныхъ галереяхъ переходовъ. Мы шли безмолвно, благоговѣйнымъ ужасомъ; проводники освѣщали своими факелами стѣны пещеры. Къ-сожалѣнію, невозможно описать чудеса этого лабиринта: подобно облакамъ, эти громады мысы принимаютъ столько же различныхъ формъ, сколько зрителей зерцалетъ ихъ. Первая зала длиною двѣсти футовъ, шириною въ сто-двадцать, вышиною въ полтораста. Стѣны представляютъ огненные зеленого и оранжеваго цвѣтовъ. Съ потолка висятъ длинныя полосы сталактитовъ и со всѣхъ сторонъ окружаютъ бѣлыя призраки, пальмовыя деревья, высокія колонны, пирамиды, хитвенники и тысяча другихъ фантастическихъ горъ. Нѣкоторые говорятъ, что за

нѣтъ живыхъ животныхъ, но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь есть летучія мыши, и недавно одни путешественники, проводившіе здѣсь ночь, не только слышали шипѣніе гремучей змѣи, но были испуганы появленіемъ леопарда, котораго громкій ревъ грозно раздавался подъ сводами залъ и который, посмотрѣвъ на вѣхъ, при свѣтѣ факеловъ, тихо удалился назадъ въ темноту. Мы перешли въ другую залу, и удивленіе наше возрастало на каждомъ шагу. Намъ казалось, что мы въ подземномъ египетскомъ храмѣ. Архитектура была рѣшительно египетская; я видѣла странныя формы ихъ чудныхъ идоловъ, и форма обелисковъ и пирамидъ была такъ совершенна, что я подумала, что, можетъ-быть, этотъ древній народъ получилъ идею своей архитектуры отъ какой-нибудь пещеры, подобной этой. Такъ сама природа подала греческимъ художникамъ идею коринтской колонны. Далѣе, намъ казалось, будто предъ нами окаменѣлый сельскій видъ. Мы видѣли источники съ замерзшею водою, деревья, покрытыя мхомъ, столбы, покрытые исполнискими листьями акантуса. Эта вторая зала вышнюю съ первую, а длину около четырехъ-сотъ футовъ. Отсюда мы перешли въ двойную галерею, раздѣленную почти на равныя части рядомъ пирамидъ сталагмитическаго образованія. Почва была влажная, и время-отъ-времени падали со свода на головы большія капли воды. Тутъ готическія стрѣлки и ниши, фигуры странныя; однѣ похожи были на мушій, другія на стариковъ съ длинными бородами; онѣ пугали, какъ странныя сновидѣнія. Онѣ перемѣнялись съ пирамидами, обелисками, вавилонскими, сдѣланными будто-бы изъ чистѣйшаго алебастра... Здѣсь пещера очень-широка, говорятъ, около двухъ-сотъ футовъ. Пройдѣвъ эту двойную галерею, мы вошли въ другой обширный корридоръ, котораго сводъ поддерживали высокіе столбы, покрытые подзучаями растеніями, обитые гир-

ландю самыхъ исполнискихъ листьевъ цвѣтной капусты; листья очерчены чрезвычайно-нѣжно, и казалось, составляли достойную пищу колоссальныхъ обитателей пещеры. Но нельзя и думать о правильномъ описаніи всѣхъ чудесъ. Мы дивились только, когда наши факелы бросали слабый свѣтъ на каменные глыбы, на холмы, увѣнчанные пирамидами, на замерзшіе потоки, по-видимому, принадлежащіе сѣверному полюсу, на высокія дорическія колонны, переносившія васъ подъ ясное небо Греціи. Но изъ всѣхъ этихъ чудесъ, произведенныхъ водою, особенно поразителенъ амфитеатръ; здѣсь, какъ слышится, есть и скамейки и сверху большой органъ, котораго звуки могутъ издавать глухой звукъ. Дѣйствительно, трудно было удержаться отъ мысли, что въ этой окаменѣлой пустынѣ веселилось нѣкогда какое-то исполниское племя, — или что мы вошли въ святилище какихъ-то таинственныхъ и сверхъестественныхъ существъ. Говорятъ, что эта пещера изслѣдована на четыре мили, и все-еще не открытъ выходъ ея. Что касается до насъ, не знаю вѣрно, далеко ли прошли мы; проводники говорили съ мною. Мы не могли думать о времени, когда смотрѣли на эти громадныя массы, образовавшіяся отъ капель, падавшихъ медленно, рѣдко и съ большими промежутками, и когда мы оглядывались на вѣки, которые должны были пройти съ-тѣхъ-поръ, какъ началось это исполниское образованіе. Камни, отдѣлявшіеся отъ свода, вода, кристаллыныя глыбы, до того затрудняли путь, что проводники убѣдительно совѣтовали намъ вернуться. Трудно было отвести глаза отъ безобразныхъ массъ, рисовавшихся вдали передъ нами. То былъ міръ въ хаотическомъ состояніи, обширная мастерская природы, откуда она извлекала матеріалы, которымъ рука ея должна была дать правильную форму. Медленно пошли мы на-

• задъ по этимъ подземнымъ черто-
 • гаямъ, чувствуя, что одного дня не-
 • достаточно для извѣданія ихъ. Одинъ
 • путешественникъ наши здѣсь ске-
 • летъ человѣка; голова его была уже
 • почти вся покрыта кристаллизаціею.
 • Вѣроятно, онъ одинъ вошелъ въ этотъ
 • лабиринтъ, или, увлекаемый любопыт-
 • ствомъ, или спасаясь отъ преслѣдова-
 • нія, заблудился и погибъ голодною
 • смертію. Дѣйствительно, почти не-
 • возможно найти дорогу ко входу пе-
 • щеры, если нѣтъ какой-нибудь путе-
 • водной нити, которая направляла бы
 • шаги ваши по этимъ извилистымъ
 • галереямъ, заламъ, корридорамъ и
 • выходамъ. Воображаю несчастнаго,
 • какъ онъ блуждалъ среди обелисковъ
 • и пирамидъ, альбастровыхъ ваннъ
 • и греческихъ колоннъ, среди замерз-
 • шихъ потоковъ, немогшихъ утолить
 • его жажды, — деревъ съ мраморными
 • плодами и листьями, и кристалльныхъ
 • растений, издѣвавшихся надъ его го-
 • лодомъ, среди блѣдныхъ, длинново-
 • лосыхъ, длиннлицыхъ призраковъ,
 • одѣтыхъ въ саваны, не могшихъ по-
 • мочь ему; воображаю, какъ онъ во-
 • пилъ о помощи, и въ безчисленныхъ
 • отголоскахъ повторялись его вопли,
 • будто всѣ блѣдые жильцы пещеры
 • отвѣчали ему въ насмѣшку; какъ до-
 • горѣлъ его факель и легъ онъ, исто-
 • щенный, отчаянный, на влажную
 • землю, чтобъ умереть. Когда мы шли
 • внутрь пещеры, наши проводники
 • оставляли на самыхъ высокихъ пун-
 • тахъ восковыя свѣчи, и блѣдное мер-
 • цаніе ихъ указывало намъ путь, когда
 • мы возвращались назадъ. Индійцы
 • просили, чтобъ мы оставили свѣчи на
 • тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ горѣли, «ради
 • душъ въ чистилищѣ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, братья
 Робертсоны сообщили много любопыт-
 ныхъ подробностей о Парагваѣ и док-
 торъ Франсіа. Они обѣщали тогда из-
 дать описаніе двадцатипятилѣтняго
 пребыванія своего въ Южной-Амери-
 кѣ. Исполняя это обѣщаніе, они издали
 теперь *LETTERS ON SOUTH AMERICA,*

*COMPRISING TRAVELS ON THE BANKS
 OF THE PARANA AND RIO DE LA PLATA,
 by J. P. and W. P. Robertson (Пис-
 ма о Южной-Америкѣ, заключающія в
 себѣ путешествіе по берегамъ Параны и
 Рио-де-ла-Платы). Двадцатипятилѣтнее
 пребываніе въ странахъ, орошаемыхъ
 притоками Ла-Платы, гдѣ такіе зем-
 чественные, безконечные дѣса, равни-
 ны, гладкія, какъ море, и какъ море бе-
 граничныя, гдѣ Испанцы, при неглас-
 ствѣ своемъ сохраняющіе гордость шес-
 тнадцатаго столѣтія, живутъ, перемѣ-
 шанные съ остатками краснокожаго
 племени, сохраняющаго память мину-
 шихъ временъ, — жизнь въ такой странѣ
 могла бы представитъ наблюдателю
 Европейцу много самыхъ интересныхъ
 пунктовъ; но Робертсоны не удовле-
 творили вполне ожиданія публики. Въ
 ихъ письмахъ, читатели находятъ то-
 ко описаніе кратковременнаго пребы-
 ванія ихъ на берегахъ Параны, въ
 которыхъ извѣстія о поселеніяхъ въ
 этой рѣкѣ, очеркъ общества въ Бу-
 энос-Айресъ и легкую, безмятежную
 исторію революціи и междоусобныхъ
 войнъ Аргентинской-Республики.*

Юкатанъ нашелъ себѣ двухъ сви-
 телей. 1) *RAMBLAS IN YUCATAN, by H.
 M. Norman (Прогулки въ Юкатанъ,
 Нормана).* 2) *INCIDENTS OF TRAVEL IN
 YUCATAN, by John L. Stephens (Путешіе
 Приключенія въ Юкатанъ, Степенса).*
 Въ этихъ книгахъ такъ много интере-
 снаго, что мы постараемся поговорить
 о нихъ подробнѣе въ одной изъ слѣду-
 ющихъ книжекъ нашего журнала, — а
 теперь скажемъ о книгѣ, которая
 хотя издава еще въ 1838 году, но
 ма-мало извѣстна, потому-что она
 въ Индіи, въ Бомбей. Она перешла
 въ Африку. Названіе ея: *NARRATIVE
 OF AN EXPEDITION INTO SOUTHERN
 AFRICA, by Captain HARRIS (Описание
 Экспедиціи въ Южную Африку, капитана
 Гарриса).*

Капитанъ Гаррисъ отчаянный сви-
 никъ. Главная цѣль его экспедиціи въ
 Южную-Африку была — проколоть
 слонами, а такъ-какъ эти благородныя

животныя обитаютъ во владѣніяхъ са-
маго могущественнаго степнаго вла-
стителя, Мозелекатца, короля Матаби-
ловъ, то капитанъ долженъ былъ ѣхать
ко двору его, чтобъ испросить надле-
жащее позволеніе. Онъ отправился въ
Бомбея къ Мысу-Доброй-Надежды въ
мѣ 1836 года. Оттуда съ большимъ
трудомъ, по степямъ, встрѣчая по-вре-
менамъ еврейскія поселенія, добрал-
ся онъ, къ сентябрю мѣсяцу, до Грааф-
Рейнета, послѣдняго европейскаго по-
ста. Гаррисъ съ другомъ своимъ Ри-
чардсономъ составилъ здѣсь оконча-
тельно планъ компаніи; они рѣшились
отправиться прямо въ Новый-Итаку,
резиденцію миссіонеровъ, въ ста-
тидесяти миляхъ къ сѣверу; отсюда
пробраться чрезъ владѣнія Мозелекат-
ца, очень-мало извѣстныхъ и славныхъ
только дичью, проникнуть до тро-
ника, къ Великому-Озеру, и возвра-
титься въ колонію рѣкою Джиквою или
Ваалемъ, — дорогою, по которой не слѣ-
довало еще ни одному Европеецу. Пу-
тешественники проѣхали Сибъжнія-
Горы и достигли ваковецъ *Nu Gareep-
River* (одного изъ главныхъ рукавовъ
Великой-Оранжевой-Рѣки); эта рѣка
составляетъ границу колоніи съ сѣве-
ра.

За этой рѣкой разстилается страна
Бушменовъ, которыхъ цивилизація от-
гоняетъ каждый день далѣе и далѣе въ
степь. Проклятые между народами
земными, они враги всѣхъ людей и
всѣ люди враги ихъ; живя одною охо-
тою или дарами природы, они раздѣ-
ляютъ пустыню съ хищными птица-
ми, съ плотоядными звѣрями, надъ
которыми они возвышаются не болѣе,
чѣмъ на одну ступень. Здѣсь начи-
наются равнины гладкія, безплодная,
желтая, испещренная тамъ-и-сямъ
темными и низкими кустарникомъ; на
землѣ нѣрѣдка видятъ страуса, подъ
небомъ одного коршуна; всюду безпло-
діе. Въ этой пустынѣ медленно одна
за другою тянулись телеги путеше-
ственниковъ. Дни были знойные, ночи
леденныя; ивращъ утомлялъ глаза;

производительный холодъ оцѣпнялъ тѣ-
ло. Среди тяжкаго однообразія, путе-
шественниковъ утѣшали по- време-
намъ то встрѣча покинутого солонча-
ка, къ которому жадно бросались лю-
ди и лошади, думая, что это озеро, то
переправа черезъ Оранжевую-Рѣку,
которая катитъ свои ясныя, широкія и
глубокія воды между плачущихъ ивъ,
купающихъ гибкія вѣтви въ вол-
нахъ, то наконецъ занимательное зрѣ-
лище толпы Гривковъ, преслѣдующихъ
пѣшикомъ страуса. Эти Гривки, среди
которыхъ учреждена миссія, Готтен-
тоты-мулатты; ихъ можно назвать пле-
менемъ пигмеевъ; они питаются дуко-
вичными кореньями, саранчою, пре-
смыкающимися. Принужденные скры-
ваться, потому что они и ростомъ, и
силою уступаютъ сосѣднимъ наро-
дамъ, Гривки умѣютъ только отлично
бѣгать; шалаши ихъ едва замѣтны для
глазъ путешественника; часто они
такъ удаляются отъ источниковъ и
рѣкъ, что имъ приходится не рѣдко
идти за водою мило, двѣ, и чтобъ но-
сить эту волю, у нихъ нѣтъ другихъ
сосудовъ, кромѣ страусовыхъ яицъ.

Путешественники прибыли въ Куру-
мавъ или Новый-Итаку, мѣстечко до-
вольно-пріятное, гдѣ живутъ миссіоне-
ры. Отсюда двинулись они къ владѣ-
ніямъ Мозелекатца. Капитанъ Гаррисъ
въ слѣдующихъ словахъ обрисовы-
ваетъ исторію этого замѣчательнаго
государя. Мозелекатцъ — деспотъ
сильнаго поколѣнія Абака-Зуловъ или
Матабиловъ; отецъ его былъ незначи-
тельнымъ вождемъ, земли котораго
находились къ сѣверовостоку отъ На-
тала. Разбитый сосѣдственнымъ по-
колѣніемъ, Мозелекатцъ убѣжалъ къ
Чакѣ, вождю Зуловъ. Мало-по-малу
приобрѣлъ онъ довѣренность Чаки;
со-временемъ ему поручено было охра-
неніе многочисленныхъ стадъ и на-
чальство на одномъ важномъ военномъ
пунктѣ. Когда представился случай,
онъ возмущался, убѣжалъ съ своими
людьми и скотомъ къ сѣверозападу,
встребивъ на пути поколѣнія, зани-

«машия страну, и скоро сдѣлался ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ. Когда уже ему не съ кѣмъ стало сражаться, онъ утвердилъ свое мѣстопробываніе у истоковъ рѣкъ Молопо и Морьки, гдѣ и царствуетъ теперь».

Легко понять, какъ страшенъ такой сосѣдъ для бѣдныхъ Гравковъ, чьяго роста никогда не достигаетъ высоты пяти англійскихъ футовъ; ихъ утѣшаетъ по-крайней-мѣрѣ то, что и другія попомѣнія, блуждающія, разсѣянныя, трепещутъ отъ одного имени Мозелекатца; таково попомѣніе Бечуановъ, которыхъ наши путешественники встрѣчали на дорогѣ. Остатки этой полувстребленной орды собраны миссіонерами, которые успѣли кое-какъ приодѣть ихъ; женщины страстно любятъ румяниться, мазать лицо и кожаное платье свое жиромъ и масломъ; шерстистые волосы ихъ расплетены на нѣсколько небольшихъ косъ, на концѣ которыхъ висятъ металлическія прирѣски. Стеклое ожерелье можно найти только у самаго богатаго Бечуана, но всѣ безъ исключенія носятъ зубочистку изъ слоновой кости и тыквенную бутылку съ табакомъ.

При безпрерывныхъ хлопотахъ съ спутниками — Готтентотами, путешественники прибыли наконецъ въ страну совершенно-другаго рода, въ тучную равнину, покрытую травой, усѣянную цвѣтами, гдѣ процвѣтаетъ акація, называемая *tokalaa*, которой вѣжвые листья составляютъ любимую пищу жирафамъ. Тамъ скачутъ квагги, прямоголовые гнусы, бѣгаютъ газели и страусы. Чудное зрѣлище богатой, роскошной природы, покрывающейся зеленою вдали отъ стадъ и пастуховъ, для корма животныхъ, единственныхъ обладателей этихъ пустынь! Гаррисъ и Ричардсонъ охотились въ-волю. Квагги, гнусы, газели падали отъ пуль ихъ; ночью на трупы ихъ жертвъ сбѣгались гиены, днемъ Бечуаны, являясь вдругъ, будто изъ земли, пожирали падаль. Эти дикари охотятся также за жирафами и лосями; глубокія ямы,

выкопанныя полукругомъ на противъ нихъ были, суть сѣти, въ которыя закидываютъ они этихъ животныхъ. По сторону Siklagole-River, страна представляла никакихъ слѣдовъ обитателей, хотя тамъ-и-сямъ являлись развалины большихъ селеній. Однажды увлеченный охотой, капитанъ отсталъ отъ своихъ спутниковъ, потерялъ компасъ и забылъ направление дороги. У кого спросить о немъ? Въ деревьяхъ выселись шалаши, но шалаши Бечуановъ, которые вѣсятъ на деревья, чтобы не падали когти львовъ, а гвѣзда щуровъ (*locusts*), огромные ульи, построенныя цѣлыми республиками этихъ любимыхъ птицъ. Наступила ночь; лампы ревели, и подъ шумомъ ихъ рева они выжили, изжарили и съѣвъ пещарку, спули отъ утомленія, разложивъ бѣдшой огонь. На другой день, вѣдя лошади, ушедшей далѣе пить въ траву, онъ увидѣлъ прекраснаго дикаря, который посмотрѣлъ ему въ лицо, удалился съ видомъ презрѣнія. Капитанъ пустился въ противоположную сторону и, къ-счастью, нашелъ своихъ спутниковъ.

Чудными красками описывать и питанъ охоту между рѣками Сиклаголь и Меритцаной, которыя, вытекающія изъ небольшихъ холмовъ Кунуаны, обтекаютъ обширную равнину, соединяющуюся и вливаются на западѣ въ Мамбо. Подобно китоловамъ, которые, свалившись судно, бросаются за китомъ въ пирѣгахъ, Гаррисъ и Ричардсонъ въ хомѣ скакали далеко отъ своихъ спутниковъ; вокругъ нихъ — настоящій охотничій рай: въ зеленыхъ паркахъ, и въ болѣхъ, паслись прекрасныя четвероногія, а сверху мимою тысячи штурмовъ смотрѣли и болтали въ окнахъ своихъ воздушныхъ жилищъ. Встрѣчаясь съ гнусами и квагги скакали во всю прыть и шумъ ихъ скака можно было сравнить съ шумомъ десяти всадниковъ скачущихъ во весь опоръ, потому что стада ихъ простирались тысячами пятнадцати головъ. Какой безсмер-

отъ ружейнаго выстрѣла! Какая тревога, какая пыль! Можно вообразить, какое кровопролитіе производили среди этихъ беззащитныхъ животныхъ патентованныя винтовки Англичанъ! Позади ихъ толпились голодные Грики, которые, исправляя должность коршуновъ и шакаловъ, съ крикомъ дикой радости пожирали трепещущія жертвы. Навѣвшись до-нельзя, надувшись, какъ барабаны, дикари навѣшивали себѣ на шею, для завтрашняго дня, длинныя гирлянды кроваваго мяса; иногда они такъ скоро убивали животное, что капитанъ Гаррисъ не имѣлъ времени срисовать его. Лось вѣситъ здѣсь около двухъ тысячъ фунтовъ; ни одинъ дикарь не въ силахъ былъ снести головы лоси, убитой капитаномъ. Мясо лоси считается во всей Африкѣ самымъ вкуснымъ мясомъ; самка меньше вѣсомъ и ростомъ самца и имѣетъ, подобно ему, рога. — Ночью было страшно: быки, лошади, овцы, принадлежавшіе къ каравану, разрывали свои веревки, убѣгали, бросались подъ телеги; Готтентоты стрѣляли; поутру всегда выдали нѣсколько львовъ, которые удалялись спокойно, сохранивъ полдюжины овецъ.

15-го октября путешественники переправились чрезъ Молопо, западную границу владѣній Мозелекатца; зеленые берега ея осынены кучами акацій; высокимъ и густымъ кустарникомъ покрыто ложе этой рѣчки и изъ-за этой ограды высовываютъ свое страшное рыло гиппопотамы. — Отправленъ былъ гонецъ для извѣщенія короля о пріѣздѣ путешественниковъ. 19-го октября караванъ расположился въ двухъ миляхъ съ половиною отъ Мосегги, столицы королевской, подлѣ линіи озеръ, изъ которыхъ купались дикіе буйволы, выставлявшіе изъ воды только ноздри и глаза.

Мозелекатца не было въ Мосеггѣ; первый министръ его, Капили, прислалъ къ путешественникамъ четырехъ человекъ: они были высоки ростомъ, красивы, не смотря на темный цвѣтъ

лица, и во всѣхъ отношеніяхъ превосходили дикарей, встрѣчавшихся до сихъ поръ. Какимъ образомъ Провидѣніе помѣстило между Готтентатами, Зулами и Матабилами, тремя могущественными врагами, бѣдныхъ малолетнихъ Гриковъ? Не составляютъ ли они здѣшнихъ аборигеновъ, стѣсненныхъ другимъ сильнѣйшимъ племенемъ? Не изгнаны ли они сюда изъ другой страны? Матабилы носятъ тѣлесную бутылку съ табакомъ въ мочкѣ уха, просверленной для этой цѣли; курятъ не многіе изъ нихъ, но нюхать табакъ — страсть общая; Матабилъ, ложкою слововой кости высыпаетъ на ладонь полтабакерки, и садится гдѣ-нибудь подъ кустъ; тамъ, въ уединеніи и покоѣ, онъ за одинъ разъ втягиваетъ въ себя весь табакъ и наслаждается невыразимымъ счастіемъ, которое измѣняется обиліемъ слезъ.

У подошвы высоты, одѣтой богатою растительностію, въ плодородной долинѣ, огражденной съ сѣвера и сѣверо-востока Курричанскими — Горами, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Морина, въ странѣ, довольно-обработанной, стоитъ военное становище — Мосега и пятнадцать другихъ главныхъ краалей великаго короля; тамъ же жили съ своими семействами американскіе миссіонеры, которыхъ совѣты долженствовали быть полезны путешественникамъ. Дикари толпились вокругъ телегъ и требовали табаку съ такою настойчивостію, что иногда надо было разгонять ихъ кнутомъ. — Мозелекатцъ былъ тогда въ другомъ краалѣ, въ семнадцати миляхъ къ сѣверу; узнавъ о пріѣздѣ бѣлыхъ, онъ прислалъ поздравить ихъ. На другой день утромъ, путешественники пустились въ дорогу къ королевскому краалу, подлѣ надзоромъ *deputy-governor* его величества. При караванѣ находился, въ качествѣ переводчика, туземецъ, обращенный миссіонерами въ христіанство, по имени Баба. — Селенія Матабиловъ состоятъ изъ круглыхъ и очень-низкихъ шалашей, расположенныхъ кругооб-

разно и окруженных живою оградою изъ высокаго терновника.

Путешественники проѣхали долину и поднялись на Курричанскія Горы. Скатъ этихъ горъ украшенъ чудесными деревьями, перевитыми красивыми лианами, которыя ниспадаютъ съ высокихъ вѣтвей цвѣтстыми фестонами. Въ это время въ южномъ полушаріи была весна; дождь падалъ по-временамъ въ большомъ количествѣ, и увлажненная земля давала дивную силу всѣмъ кореньямъ; громъ гремѣлъ; теплая атмосфера содѣйствовала также успѣхамъ растительности. Двѣнадцать лѣтъ назадъ, на этомъ скатѣ находилось многочисленное селеніе Багарутцевъ; остатки этого поколѣнія, истребленнаго Мозелекатпомъ, разсыяны въ горахъ. Какіе страшные перевороты совершаются незамѣтно среди этихъ дикарей, у которыхъ вся политика состоитъ въ томъ, чтобъ истреблять другъ друга! Вѣстникъ отъ короля уведомилъ охотниковъ, что его величество прийметъ ихъ завтра, и что имъ надо обождать. Этотъ *imbongo*, обязанный провозглашать титулы королевскіе, вдругъ вышелъ изъ крааля, чтобъ сообщить намъ очеркъ біографіи его величества. Тихо подходя къ телегамъ, онъ началъ представленіе ревомъ и скачкомъ, въ подражаніе царю звѣрей, потомъ представилъ рукою слоновою хоботъ, поднялъ руку прямо надъ головою и испустилъ пронзительный крикъ; потомъ пошелъ какъ страусъ, на цыпочкахъ и, простершись на землѣ, началъ плакать какъ дитя. Въ антрактахъ онъ самымъ громкимъ голосомъ возвѣщалъ по движіи своего повелителя. Этотъ дикарь, ростомъ въ шесть англійскихъ футовъ, весь нагой, измученный такою пантомимой, остановился наконецъ передъ нами; ротъ его былъ искривленъ и наполненъ цѣною, тѣло обито было потомъ, глаза горѣли.

Не будемъ говорить о важныхъ лицахъ, одно за другимъ приходившихъ

къ путешественникамъ; имъ поручено было сдѣлать опись всѣмъ предметамъ, находившимся въ телегахъ, и сообщить подробности своему государю, который, горя нетерпѣливъ видѣть своими глазами подарки, назначенные для него, не замедлилъ явиться. По мѣрѣ приближенія его, придворные, шедшіе впереди, испускали громкіе клики и потрясали своими копьями; слѣдовала толпа женщинъ съ тыквенными бутылками на головѣ; два герольда скакали, прыгали, били толпу короткими палками, провозглашали славные титулы своего государя и на пути его народъ повторялъ: Гайя! Гайя! Лицо Мозелекатца, провинительное, живое, недовѣрчивое, не безъ пріятности; онъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, проворенъ, хотя и значительно-толстъ; важность его манеръ, вѣрность его вопросовъ, тонкій, пылливый взглядъ, которымъ онъ какъ бы отгадывалъ отвѣты, все облечено въ немъ челоуѣка, далеко превосходящаго варваровъ, надъ которыми онъ господствуетъ. Три зеленые копугаевы пера на головѣ, ожерелье изъ мелкихъ синихъ стеклышекъ, — вотъ всѣ его королевскія украшенія; онъ весь вагонъ за исключеніемъ опояски, спереди свады которой висятъ два леопардовыя хвоста. Для переговоровъ съ нимъ служили три переводчика; они переводили слова сначала на языкъ бечуанскій, потомъ голландскій, потомъ англійскій и наоборотъ.

Предложены были подарки, и Мозелекатцъ, будучи не въ силѣхъ болѣе сохранить невозмутимой важности своего сана, забылся передъ цѣлымъ собраніемъ до того, что отъ радости укусилъ себя большою палецъ, сдѣлалъ такіе огромные глаза, что, по китайскому выраженію, могъ бы увидѣть свои уши и принялся чесать себя грудь, прыговаривая: *Monanti, tanta!* (Какъ это прекрасно! какъ это хорошо!) — Нѣтъ надобности перечислять всѣ подарки. Но нельзя опустать слѣдующихъ словъ капитана: «Онъ вдругъ всталъ и прыгнулъ»

валъ одному изъ нашихъ спутниковъ подойти къ нему и помочь надѣть подаренное платье; одѣвшись, онъ отряхнулся нѣсколько разъ, очевидно любуясь своею особою въ зеркалѣ; потомъ велѣлъ надѣть платье своему пажу, чтобы посмотреть, хорошо ли сидитъ платье назади; — разрѣшивъ, какъ слѣдуетъ, этотъ трудный пунктъ, Мозелекатцъ сбросилъ опояску и, явившись *in puris naturalibus* (въ натурѣ), приказалъ всему двору помогать ему въ весьма-затруднительной операциіи, именно: напалить на ноги тартанные штаны. До-тѣхъ поръ церемоніальное его платье: придворный костюмъ, составлялъ передникъ изъ узкихъ ремней черной козы, утѣшавшій разными бездѣлками и мелкими стеклышками. Онъ навѣщалъ путешественниковъ часто, даже слишкомъ-часто: трудно было скрыть отъ его взора нѣкоторые предметы, которые были необходимы для самихъ путешественниковъ, и его величество, шара вездѣ, раскрывая чемоданы, находилъ то ожерелье для своихъ женъ, то чулки для себя. Нерѣдко, одѣвшись въ дареное платье, онъ садился среди придворныхъ на стулѣ, взятомъ у путешественниковъ, и приказывалъ закинуть передъ собою шесть восковыхъ свѣтъ, полученныхъ изъ того же источника, чтобъ лучше освѣтить свою блестящую особу. Часто его величество упивался *утчуаллоу* (родъ эфесскаго пива); каждый день къ королевскому краалю приходили толпы женщинъ съ дѣтьми и съ сосудами на головѣ, наполненными этимъ напиткомъ. Впрочемъ и онъ старался одарить своихъ гостей, присылалъ имъ быковъ и старыхъ коровъ, и путешественники могли жаловаться только на одну его неотвѣтчивость.

Отношенія къ слонамъ — исключительная привилегія государя. Впрочемъ, онъ отменно даровалъ путешественникамъ позволеніе насладиться этой царственной забавой; но важность состояла въ томъ, чтобъ получить позволеніе

воротиться по рѣкѣ Ваалу, — потому что на этой же самой дорогѣ были захвачены въ-расплахъ, ограблены и убиты Матабилими голландскіе эмигранты, вздумавшіе выселиться изъ англійской колоніи, и основать колонію независимую. Еще недавно отправленъ былъ Мозелекатцемъ отрядъ войска противъ другихъ колонистовъ. Поэтому, путешественники опасались сказать прямо о своемъ желаніи подозрительному деспоту. Они мало-по-малу подарками старались склонить его на свою сторону. Наскучивъ, вѣроятно, присутствіемъ каравана, Мозелекатцъ согласился отпустить капитана по той дорогѣ, по которой ему хотѣлось ѣхать, и далъ проводниковъ для безопасности, на случай, если Англичане встрѣтятъ армію, возвращающуюся изъ экспедиціи подъ начальствомъ министра его, Капили...

Мѣсто не позволяетъ намъ передать любовитныхъ подробностей, сообщаемыхъ капитаномъ о жилищѣ Мозелекатца, его сералѣ, женахъ и проч. Самые варварскіе государи не забываютъ, что, кромѣ нихъ, есть другіе государи на свѣтѣ, и Мозелекатцъ, хоть и считаетъ себя величайшимъ монархомъ въ мірѣ, спрашивалъ Англичанъ о королѣ Вильгельмѣ, освѣдомлялся о числѣ стадъ его и поручилъ кланяться ему. Будучи въ мірѣ съ Мозелекатцемъ, путешественники не боялись другихъ поколѣвій; они могли свободно разглагольствовать по стени и исполнить страстное желаніе свое, поохотиться за словами. Та же чудная, роскошная природа являлась имъ на пути. Здѣсь въ первый разъ въ жизни капитанъ охотился за жирафой. 1-го ноября утромъ показался отрядъ матабильскихъ воиновъ, которые гнали передъ собою большое стадо быковъ; они шли къ краалю Мозелекатца; эти быки — добыча, отбитая у эмигрантовъ; эти воины — воины Капили. Страна, болѣе-и-болѣе разнообразясь, представляла каскады, дѣса и, въ отдаленіи, Горы-Кашанскія. Нерѣдко встрѣчали путешественники

большія толпы матабильскихъ пастуховъ, вооруженныхъ копьями и щитами. Эти встрѣчи были довольно для нихъ неприятны. Еще обрызганные кровію Голландцевъ, восторженные недавнею побѣдою надъ бѣлыми людьми, эти отвратительные Кафры жалѣли, что королевскіе проводники охраняли иностранцевъ.

Горы-Кашанскія, раскидываясь къ сѣверу и югу, заключаютъ въ себѣ источники всѣхъ рѣкъ, бѣгущихъ на западъ въ Атлантическій-Океанъ, и на востокъ въ Каналъ-Мозамбикскій. Счастливо жили здѣсь Бечуаны, пока Мозелекатцъ не истребилъ ихъ. Немногочисленные остатки завоеванныхъ полудѣвнѣй обитаютъ еще на этихъ скалахъ, изрытыхъ безчисленными потоками и одинъ изъ этихъ дикарей извѣстилъ путешественниковъ о близости стада слоновъ. Проѣзжая лѣса, наполненные павіанами, они находятъ дѣйствительно слѣды ихъ, но цѣлые дни проходить прежде, чѣмъ они успѣютъ настичь ихъ: бѣлые носороги, гіенны, верри, буйволы, встаютъ передъ ними; орлы и коршуны парятъ надъ головами ихъ, они все ѣдутъ. Муссонъ льетъ на нихъ свои дожди, громъ гремитъ, потрясая горы, молніи озаряютъ темный горизонтъ, быки сбиваются въ темнотѣ съ дороги, телеги отъ порывовъ вѣтра качаются на осяхъ и вязнутъ въ рѣчномъ пескѣ; лошади по колѣни въ водѣ. Наконецъ, небо прояснилось: потерянный слѣдъ найденъ. Скоро достигнуты были и слоны. Пусть расскажетъ это самъ герой охоты: «Тамъ, къ невыразимому удовольствію нашему, открыли мы большое стадо этихъ давно-ископанныхъ животныхъ; они спокойно щипали траву при входѣ въ долину; наше вниманіе въ эту сторону обращено было сильнымъ запахомъ, который приносилъ къ намъ вѣтеръ. Никогда не видавъ благороднаго слона въ родныхъ лѣсахъ его, мы съ нескаваннымъ любопытствомъ устремили на него свои взоры; Андриѣ (одинъ изъ туземныхъ спутниковъ) былъ такъ возмолно-

ванъ, что не могъ выговорить ни слова. Глаза его выпучились, губы дрожали, и онъ воскликнулъ накованъ: «*Dar stand de oliphant!* Мы расположились на возвышеніи. Въ двадцати шагахъ отъ нашей засады побѣжали слоны, испуганные посланными нами дикарями, которые, показавшись имъ сзади съ другой стороны, страшными кричали и приударили въ щиты. Сраженіе состояло изъ девяти животныхъ: все это были самки съ огромными глазами. Мы выбрали самую красивую изъ величайшихъ хладнокровіемъ пустили въ нее пять пуль; она упала, испустила слабый крикъ отчаянія, и подруги ея, выпрямивъ свои хоботы, съ величайшею быстротою начали забираться на холмы, и широкія уши ихъ опухавшій колебались надъ ихъ щеками».

Въ слѣдъ затѣмъ, охотники ушли въ другую долину, окруженную каменистыми и нагими холмами, орошаемую небольшимъ ручьемъ, — огромный и одинокий панорама, вся открытая слонами! Ночью, при бурѣ, при воѣ вѣтра, эти исполинскія животные, страшно встревоженные своимъ обычномъ покоѣ, проходили надъ слѣдами путешественниковъ, испускали любовный стонъ или крикъ гнѣва, и слышимый ревъ трубы. Какъ-бы жажда смести за своихъ подданныхъ, цари степи, нападали на лагерь и надо было прогонять ихъ ружейными выстрѣлами съ высоты телегъ. Тамъ были львы всякаго возраста, отъ ка еще безгриваго до старца, у котораго уже не было зубовъ. Тотъ одинъ изъ всѣхъ львовъ, котораго слѣдъ обезчестить себя бѣгствомъ. На рѣкѣ Лимпопо, крокодильица и потамъ, и тотъ и другой — амфибии дѣляли между собою водное пространство и спорили о владычествѣ надъ камнями и песчаными берегами. Слѣдъ гиппопотамовъ была довольно многочисленна и представляла ту особенность, что гиппопотамъ никогда не скрывался въ водѣ, и цѣлыми

было только въ конецъ его морды. Мя-
ло его превосходно; оно считается у
голландскихъ колонистовъ самымъ ла-
говымъ блюдомъ, и наши Англичане
постарались увѣриться въ справедлив-
ности такой похвалы. Рѣка Лимпопо
есть какъ-бы пунктъ, куда съходятся
стада слоновъ, буйволовъ, гиппопота-
мовъ и носороговъ, такъ-что живот-
нымъ болѣе-слабымъ почти нѣтъ мѣ-
ста, и они должны искать себѣ дру-
гаго пастбища. Впрочемъ, Провидѣніе
каждому назначило свою долю: боль-
шія животныя, какъ-бы боясь привлечь
своимъ ростомъ издалека вниманіе вра-
говъ, держатся въ кустахъ, подъ де-
ревями, въ оврагахъ; небольшія жи-
вотныя, какъггг, антилопы, газели и
проч., надѣясь на быстроту своихъ
ногъ, вступаютъ на равнины.

Надо было, оставивъ рѣку Лимпопо
на западѣ, проѣхать на сѣверѣ Горы-
Кашанскія. Проводники Мозелекатца
не хотѣли слѣдовать за эти горы, по-
тому-что надо было вступить во владѣ-
нія Дингаана, заклятаго врага Матаби-
ловъ. Эти горы, говоритъ капитанъ
Гаррисъ: конечно, самыя высокія
въ Южной — Африкѣ, быть-можетъ
не такъ высоки, какъ кажутся, пото-
му-что онѣ вдругъ поднимаются съ
равнины, безъ переходной почвы. Съ
вершины одной высоты, мы замѣти-
ли, въ направленіи къ Делагоѣ, весьма
отдаленную цѣпь другихъ горъ, иду-
щихъ также къ сѣверу и югу и со-
ставляющихъ, какъ говорятъ, восточ-
ную границу завоеваній Мозелекатца.
Въ этой же странѣ, къ востоку отъ
долинъ столь прекрасныхъ, но столь
нездоровыхъ, въ которыхъ беретъ
свое начало Вааль, Тричардъ, предво-
дитель первыхъ голландскихъ эми-
грантовъ, поселился на берегахъ боль-
шой рѣки, составляющей, по словамъ
путешественцевъ, притокъ Лимпопо, во исто-
чникъ, и теченіе этой рѣки еще не-
извѣстны. Она открыта Робертомъ
Скоономъ.

Стремясь все далѣе, наблюдая тече-
ніе ручьевъ и направленіе горъ, путе-

шественники бивуакировали на рѣкѣ
Мачачочанѣ. Послѣ чудесной охоты за
жирафами, которая любопытна и са-
ма-по-себѣ и по тѣмъ подробностямъ,
какія сообщаетъ капитанъ о нравахъ
этого красиваго животнаго, караванъ
обернулся наконецъ спиною къ тропи-
ку и двинулся въ обратный путь. Ско-
ро природа сдѣлалась и менѣе-роскош-
ною и менѣе-населенною дикарями и
животными; едва-едва встрѣчались нѣ-
сколько газелей и кочующіе остатки
бечуанскихъ поколѣній, истреблен-
ныхъ войсками Мозелекатца. Эти бѣд-
ные люди, сидя передъ своими шала-
шами, не отвѣчали ни на какой при-
зывъ, ни на какое предложеніе; на
нихъ не дѣйствовала даже открытая
передъ ними табакерка. Нерѣдко они
казались столь жалкими, что охотни-
ки мимоходомъ убивали для нихъ буй-
вола, носорога и оставляли жертву на
мѣстѣ, чтобъ несчастные могли насы-
титься ею. Бечуановъ особенно пугали
проводники — Матабилы, которые все
еще были при путешественникахъ, по-
тому-что караванъ опять былъ въ пре-
дѣлахъ владѣній Мозелекатца. Един-
ственное событіе, ознаменовавшее пу-
тешествіе къ рѣкѣ Ваалу, было откры-
тіе новаго вида антилопы; рога этой
антилопы гладкіе, длиною въ три фу-
та, красиво загибающіеся на спину въ
видѣ полумѣсяца.

16-го декабря путешественники раз-
стались съ этими очаровательными
кашанскими лѣсами, съ этимъ раемъ
охотниковъ: имъ надо было опять
вступить въ степь, гдѣ вода встрѣча-
ется рѣдко, гдѣ глазу нѣгдѣ отдохнуть на
зелени деревъ и равнины. Проводни-
ки-Матабилы, получивъ новые подарки
для великаго слона Мозелекатца, отпра-
вились къ Мосегѣ. — Англичане поѣха-
ли къ сѣверу, стрѣляли лосей, переби-
рались черезъ ручьи и овраги, и на-
рѣдка встрѣчали дикарей независима-
го поколѣнія Барапутци, живущаго у
истоковъ Ваала. Наконецъ они прибы-
ли на берега этой рѣки; въ ней весело
купались гиппопотама, плавая какъ

выдры. Ваалъ вытекаетъ за три граду-
са къ западу отъ Долагоаскаго-Зали-
ва. Страна, по которой надлежало ѣхать
до англійской колоніи, была совершенно
неислѣдована; львы и дикари тре-
вожили караванъ; самъ капитанъ стра-
далъ отъ паденія на камни; телеги,
разбившіяся, обремененныя поклажею,
гровили совершеннымъ разрушеніемъ.
23-го декабря караванъ прибылъ въ
Нама-Гари или *Donkin-River*; эта рѣка
берегъ свое начало въ пятидесяти ми-
ляхъ къ востоку. На половинѣ дороги
между портомъ Наталемъ и Делагоас-
скимъ-Заливомъ, въ высокихъ горахъ,
отдѣляющихъ Кафэрію отъ земли Бс-
чуановъ, вной становился удушливымъ,
быки и лошади умирали отъ жажды и
утомленія среди этой страны, рѣдко
орошаемой бѣднымъ ручейкомъ. Цѣ-
лые три дня путешественники блужда-
ли въ пустынѣ, не зная, кому прина-
длежать слѣды, Грикамъ или эмигран-
тамъ; одни пигмеи Бушмены и призе-
мистыя кустарники оживляли эту пу-
стыню. Печально отпраздновали Англи-
чане Рождество Христово. Наконецъ,
послѣ поисковъ въ разныхъ напра-
вленіяхъ, нашли скелеты лошадей и
человѣческіе труны; по размѣру
череповъ ясно было, что это труны
Голландцевъ. Вотъ все, что осталось
отъ многочисленной толпы эмигран-
товъ, оставившихъ колоніи въ надеждѣ
на лучшую будущность. Черезъ нѣ-
сколько дней говоритъ капитанъ: «мы
вошли въ колею, пробитую телегами,
переправившись черезъ рѣку и прибы-
ли къ покинутому лагерю эмигран-
товъ. Ихъ опустѣлые тростниковые
шалашы представляли такой приман-
чивый кровъ, что мы рѣшились оста-
новиться въ нихъ на денекъ, чтобъ
дать отдыхъ быкамъ, починать теле-
ги и дать случай Готентотамъ попля-
сать въ честь новаго года». Предоста-
вляемъ читателямъ вообразить дикое
веселье Готентотовъ. И среди како-
го пейзажа происходила эта оргія? Мы
проѣхали пространство земли, длиною
въ три мили, низменное и напитанное

солью, наполненное лужами и неболь-
шими озерами. Количество дикихъ жи-
вотныхъ на этой влажной равнинѣ не-
истиннѣ невѣроятно. На каждомъ ша-
гу стала газелей и гнусовъ, эскадро-
ны кваггъ, скакали, прыгали, испод-
няли свои заутанныя эволюціи; и
временамъ, группа бѣлыхъ строусовъ
разыгрывала роль генеральнаго ша-
ба и разыгрывала съ такою важи-
стію, что зрителю, казалось, буд-
то передъ нимъ происходитъ сморъ
валеріи. И передъ такою сценою
Готентоты плясали и пѣвствовали.

Такимъ образомъ, животные сдѣла-
лись опять господами равнинъ, орошае-
мыхъ Ваалемъ; равнины эти были
дѣльны, гладки и однообразны; правда,
чтобъ облегчить скуку странни-
ку, усѣла путь его прекраснѣйшими
растениями, для того, чтобъ взоръ его, ут-
мленный видомъ безграничнаго го-
ризонта, могъ отдохнуть на роскошныя
растенія, чарующихъ его и пріят-
ною и благовоіемъ. — По ту сторону
тянутся горы Виттебергенъ или Ка-
ма, широкій базальтовый посякъ, и
идіи вдоль восточнаго берега на раз-
стояніи тридцати миль отъ моря; страна
мало извѣстная, гдѣ скрываются
остатки Каледона и Ну-Гарипа, гдѣ
ветвь удивленно много дикихъ жи-
вотныхъ, въ числѣ которыхъ есть
слѣды, если вѣрить рассказамъ
некоторыхъ миссіонеровъ, которые
узнали поколѣнія Барнишовъ и Ба-
гакановъ. Страшно путешествовать
здесь (въ декабрѣ и январѣ) въ
этихъ странахъ; вной удушливый, иссуша-
ющій, бодота сирадны, въ числѣ
другихъ показываетъ утомленному
путешественнику обманчивыя озера. Но послѣднее
важнѣйшее несчастіе было еще
дальше. Остатки животныхъ, земланинъ,
и въщали сосѣдство Бушменовъ; пу-
тешественники спѣшили впередъ, не
зная, что скоро будетъ конецъ
путешествію, — вдругъ однажды
человѣческихъ примарковъ
показалось на горизонтѣ; они бѣжали
по склону холма, который былъ по-

тоже людьми. Вступили въ переговоры: ничего необыкновеннаго не случилось; только ночью строго караулили телеги, а Бушмены разложили огни на высотахъ. На другой день путешественники видѣли другой лагерь эмигрантовъ, опустѣлый, какъ и первый, переправились черезъ рѣку Моддеръ и шли все далѣе, сопровождаемые издали Бушменами. Наконецъ, ночью, быки исчезли. Не львы пожрали ихъ, — они похищены были этими пигмеями, которые, укравъ быковъ на высоту, кричали съ гордостью: «Вотъ они, они здѣсь, ваши быки; возьмите ихъ, если вы мужчины!» Рѣшено было сѣлать на нихъ ночное нападеніе. Пять или шесть человекъ отправились въ полночь къ землянкамъ этихъ пигмеевъ. Начало разсвѣтать; путешественники приготовились стрѣлять, какъ-скоро пигмеи выползутъ изъ своихъ норъ; но вмѣсто хищниковъ нашли они только двѣнадцать своихъ быковъ, сожраныхъ собаками. Принуждены были запереть въ телеги лучшихъ лошадей и искать помощи. Англичане поѣхали къ югу, и благодѣтельная звѣзда привела ихъ прямо въ лагерь голландскихъ эмигрантовъ. Здѣсь нашли они себѣ быковъ и долго еще странствовали, пока не достигли англійской колоніи.

Таковъ былъ главный ходъ экспедиціи. Путешественники вывезли съ собою обширную коллекцію рисунковъ, чучелъ и разныхъ замѣтокъ. Топографическія подробности объ этой части Южной-Африки, заключающейся между границами колоніи, тропикомъ Каперна, Атлантическимъ-Океаномъ и Делагаасскимъ-Заливомъ, описаніе дикахъ племенъ, описаніе животныхъ, растительностихъ съ ними владычествомъ надъ пустынею, множество географическихъ данныхъ касательно рѣкъ, горъ и холмовъ. — вотъ что даетъ важность книгѣ капитана Гарриса. Страстный охотникъ, опытный натуралистъ, капитанъ умѣетъ разнообразить свой слогъ, разбрасываетъ тамъ и-сямъ на своихъ страницахъ прекрасные сти-

хи, прерывающіе однообразіе описанія, живо и весело рассказываетъ эпизоды, и особенно умѣетъ рисовать разнообразныя пейзажи, открывавшіеся передъ нимъ. Къ этой важной во многихъ отношеніяхъ книгѣ приложены карта, зоологическое дополненіе и очеркъ эмиграціи голландскихъ колонистовъ въ Наталь въ 1836 году. Какъ ни любопытенъ этотъ очеркъ, за недостаткомъ мѣста къ сожалѣнію мы должны опустить его.

Пропуская книги объ Агганистанѣ и Китаѣ, которыя появляются непрерывно и пересказываютъ на новый ладъ старое, упомянемъ о *Notes and Reflections during a Ramble in the East, an Overland Journey from India, Visit to Athens, etc.* by C. R. Baynes (*Замѣчанія и размышленія во время путешествія по Востоку, путешествіе сухимъ путемъ изъ Индіи, посѣщеніе Аѳинъ и проч.* Бэйнса). Бэйнсъ — мадрасскій гражданскій чиновникъ. Болѣзнъ заставила его искать другаго климата. Онъ отправился сначала на Мысъ-Доброй-Надежды. Тамъ пробылъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, и здоровье его поправилось. Быть можетъ, отъ радости при возвращеніи здоровья, очаровательною показалась ему жизнь боварсовъ или голландскихъ поселенцевъ-эмигрантовъ. У него Мысъ-Доброй-Надежды — рѣшительно обтраванная земля и обитатели ея такъ же счастливы и невинны, какъ наши прародители въ Эдемѣ. Потомъ онъ опять отправился въ Индію, и оттуда воротился въ Англію черезъ Египетъ, Грецію, Венецію и Германію. Бэйнсъ сообщаетъ мало новаго; онъ изъ тѣхъ путешественниковъ, которые любятъ передавать свои впечатлѣнія, рассказываютъ, что съ ними случилось, и забавляютъ читателя анекдотами и легендами. Вотъ одна изъ такихъ легендъ, которую мы рѣшаемся сообщить, не смотря на то, что она уже напечатана была въ одной изъ лучшихъ нашихъ оффиціальныхъ газетъ, «Русскомъ Инвалидѣ», — это легенда о мечети

кровавого крещенія въ Каирѣ, построенной шесть-сотъ лѣтъ назадъ. Султанъ Гассанъ, желая повидать свѣта и отложить на время парствственные хлопоты и заботы, поручилъ управленіе государствомъ любимому своему министру и взявши съ собою много денегъ и драгоценныхъ камней, отправился въ чужія страны, переодѣвшись купцомъ. Путешествіе полюбилось ему, полюбилъ онъ и занятія купеческія и странствованіе долѣе, чѣмъ предполагалъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ значительно увеличилъ свое богатство. Продолжительное путешествіе его было слишкомъ сильнымъ искушеніемъ для его намѣстника. Мало-по-малу составилъ онъ себѣ партію, склонилъ на свою сторону знатнѣйшихъ сановниковъ, распустилъ въ народѣ молву, что султанъ Гассанъ умеръ и спокойно возсѣлъ на правдыи тронъ. Султанъ Гассанъ вскорѣ послѣ этого воротился въ Египетъ. Приближаясь къ столицѣ своей, все еще въ купеческой одеждѣ, онъ узналъ новость о своей смерти и похищеніи престола министромъ; онъ узналъ также, что партія похитителя престола очень сильна, и что поэтому опасно открыться немедленно; онъ сохранилъ свое инкогнито, и скоро въ Каирѣ заговорили о немъ, какъ богатѣйшемъ купцѣ. — и никто не удивился, когда онъ объявилъ о набожномъ намѣреніи своемъ употребить часть своего достоянія на построеніе обширной мечети. Купецъ сыпалъ золотомъ, работа кипѣла, мечеть скоро была окончена и строитель просилъ султана удостоить своимъ присутствіемъ обрядъ крещенія или нареченія ея. Надѣясь, что мечеть будетъ наречена его именемъ, похититель престола принялъ приглашеніе и въ назначенный часъ прибылъ въ мечеть съ главными приверженцами своими. Обрядъ былъ совершенъ. Осталось дать имя мечети. Главный мулла обратясь къ мнимому купцу, спросилъ

его: «Какое имя хочеть онъ дать мечети?» — Назовите ее мечетью султана Гассана». Всѣ оцѣпенѣли при этомъ имени; мулла, притворяясь, будто не слышалъ этихъ словъ, или желая дать купцу случай поправить ошибку, повторилъ вопросъ. — Назовите ее, воскликнулъ купецъ: «мечетью именемъ, именемъ султана Гассана», и, сбросивъ съ себя купеческую одежду, явился въ настоящемъ своемъ иждѣ предъ изумленнымъ похитителемъ. Несчастный не имѣлъ времени обдумать, что ему дѣлать; опускаясь передъ склепа подъ мечетью подлиннаго султана, мечеть наполнилась вооруженными приверженцами султана Гассана. Похититель престола и его приближенные были перерѣзаны, и султанъ Гассанъ возсѣлъ на престолъ своихъ предковъ.

Путевыхъ записокъ по европейскимъ странамъ много. Упомянемъ нѣкоторыхъ. А PIEDISTRIAN TOUR IN CALABRIA AND SICILY, by Arthur Strutt (*Историческое Путешествіе по Калабріи и Сициліи*, Артура Стротта — художникъ. Поклонившись Риму, какъ слѣдуетъ художнику, Строттъ прогуляется пѣшечкомъ по Калабріи и Сициліи, съ тою цѣлю, чтобъ наполнить портфель рисунками мѣстностей и замѣчательныхъ орудій. Одинъ англійскій джентльменъ, отъявленный поэтъ, согласился раздѣлить с нимъ романтическую прогулку, а чужеземнымъ Англичанамъ не было скучно, съ нимъ нѣсколько времени бродили веселые Французы. Конечно, сбродалась чудесная. Художникъ совѣщавалъ виды и Итальянокъ, и воспѣвалъ то и другое. Французы смѣялись и рассказывали анекдоты между-тѣмъ, всѣ они знакомы домашнею жизнію Калабріицевъ имѣли удовольствіе узнать даже такое итальянскіе бандиты, которые обобрали ихъ до-чиста. Книга состоитъ изъ очерковъ мѣстностей, итальянскихъ нравовъ и анекдотовъ. Много толку Строттъ о бандитахъ и между прочимъ

разсказываетъ слѣдующій анекдотъ, который мы предлагаемъ всѣмъ любителямъ ужасныхъ исторій, и особенно рекомендуемъ драматическимъ писателямъ, поставляющимъ патетическія пьесы въ Александринскій - Театръ. Исторія вотъ въ чемъ. У атамана двои шайки была молодая жена; она была страстно привязана къ мужу, и бѣдоула за нимъ во всѣхъ опасныхъ приключеніяхъ его и подарила ему сына и наследника; она надеялась, что дитя, когда подрастетъ, будетъ подражать знаменитымъ подвигамъ отцовскимъ. Но увъ! несчастный малютка былъ такой неугомонный крикунъ и плакса, что отецъ, наскучивъ его криками, не разъ грозилъ уговорить его на вѣки. Разъ ночью, въ страшномъ лосадѣ воротился онъ въ палатку изъ одной неудачной экспедиціи, легъ спать, а ребенокъ принялся кричать. Бѣднѣ въ бѣшенствѣ вскочилъ съ постели и въ глазахъ матери исполнилъ всю страшную угрозу. Съ-гѣхъ-поръ въ сердцѣ матери мѣсто любви заступила ненависть и жажда мщенія. Мужъ, раздраженный тѣмъ, что она безпрестанно груститъ о своемъ ребенкѣ, и, можетъ-быть, подозрѣвая ея умыслы, рѣшился умертвить и ее. Ночью, открывъ тайну племяннику, онъ приказалъ ему не подымать тревоги, кѣгда услышитъ ружейный выстрѣлъ: это онъ долженъ чинить расправу съ женою; отдалъ такое приказаніе, онъ ушелъ въ свою палатку. Случилось такъ, что ту же самую ночь выбрала и жена его, и совершенія своей мести; она встрѣтила мужа ласковѣ обыкновеннаго, успѣла усыпить его и застрѣлила изъ пистолета; отрубивъ ему голову, она сбѣжала въ Реджію, гдѣ потребовала и получила награду, назначенную правительствомъ за голову бандита. Племянникъ услышалъ выстрѣлъ, — и предвѣдливый, прошепталъ только про себя: «бѣдная Джулитта!» перевернула на другой бокъ и заснула. — Показывается, гдѣ-то, когда-то читали мы то-то подобное этой исторіи; но ху-

дожникъ-пѣшеходъ разсказываетъ ее такъ наивно и такъ увѣренъ въ справедливости ея, что мы, вѣря ему на слово, рѣшились сообщить разсказъ его. — Почтенная супруга художника, вѣрная спутница его въ жизни, не затѣяла отстать отъ него и въ литературѣ; она написала: *DOMESTIC RESIDENCE IN SWITZERLAND, by Elisabeth Strutt*. Особенно новаго въ этой книгѣ, кромѣ точнаго перевода извѣстной швейцарской пѣсни *Ranz des Vaches*, нѣтъ, точно такъ же, какъ и въ *A TOUR IN SWITZERLAND, by William Chambers* (*Путешествіе по Швейцаріи*, Уилл. Чамберса). Впрочемъ, обѣ книги написаны довольно живо и, интересно и читаются съ удовольствіемъ.

NARRATIVE OF YACHT-VOYAGE IN THE MEDITERRANEAN DURING THE YEARS 1840, 1841 (Описаніе плаванія на яхтѣ по Средиземному-Морю). *Yachting* — особенный родъ путешествій богатыхъ Англичанъ. Желая поглядѣть на новыя страны, прогуляться подъ новымъ небомъ, богатый Англичанинъ рѣшается проститься съ туманами своей родины; но онъ боится дорожной пыли, дорожнаго яноя; онъ знаетъ, что гостиницы на большихъ дорогахъ большею частію нигуда не годятся; притомъ онъ везетъ съ собою всю семью свою, везетъ, по-крайней-мѣрѣ, полдюжины лакеевъ и десятокъ собакъ. Чтѣ же онъ дѣлаетъ? Онъ заказываетъ себѣ небольшое красивое судно, которое летитъ, какъ стрѣла, въ хорошую погоду, а въ бурю летитъ еще скорѣе. Это щегольское, быстрое на ходу судно — яхта; этотъ пловучій домъ-образецъ комфорта и изящества; тамъ пайдете вы и уборную, и ванны, и спальни, неуступающія ни въ чемъ самымъ роскошнымъ будуарамъ; въ залѣ разставлены этажерки, на которыхъ рисуются отборныя книги въ богатомъ перелетѣ, музыкальные инструменты всякаго рода, дорогіе цвѣты, — коротко сказать, тамъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка; на яхтѣ отборный экипажъ, подѣ командою опытныхъ

офицеровъ. Въ буфетѣ найдете самыя лучшія блюда, самыя старыя вина. Этотъ способъ путешествовать пріятно, не покидая ни одной изъ аристократическихъ привычекъ, не бравясь съ станціонными смотрителями и почтальйонами, — этотъ способъ называется — *yachting*. 2-го октября 1840 г., на такой яхтѣ отправился путешествовать одинъ изъ богатѣйшихъ англійскихъ лордовъ, графъ Гросвеноръ. Онъ коснулся сначала Порто, запасся чистымъ портвейномъ, оттуда, перебѣгая съ рейда на рейдъ, взглянулъ на Царьградъ, и, объѣздивъ все Средиземное-Море, прибылъ къ берегамъ Африки и помечталъ на развалинахъ Картегена. Благородный лордъ не захотѣлъ видѣть Алжира. Ему жаль было, что Алжиръ не подѣ властію дѣя, — а на Французовъ онъ и безъ того довольно насмотрѣлся. Леди Гросвеноръ поручено было вести путевой журналъ. Она мастерица писать и написала книгу, которой заглавіе вы уже знаете.

Другой путешественникъ, Джемсъ Уилсонъ, за неизмѣнимъ собственной яхты, плавалъ на казенномъ буттерѣ вокругъ береговъ Шотландіи, осмотрѣлъ всѣ острова, которыхъ такое множество на сѣверъ отъ этой страны — и описалъ, что видѣлъ, въ *A Voyage round the Coasts of Scotland and the Isles*, by James Wilson. Книга любопытная, преимущественно для Англичанъ.

Изъ книгъ историческаго содержания, особенно много шума дѣлаетъ теперь сочиненіе знаменитаго Давіела О'Коннеля: *A Memoir of Ireland, Native and Saxon* (*Записки объ Ир-*

ландіи подѣ властію туземною и саксонскою). Эта книга писана съ цѣлью политическою, по-этому она — не столько твореніе историческое, сколько политическій памфлетъ. О'Коннель силится доказать исторіей, что владычество Англичанъ было всегда тягостно для Ирландіи, и что мнимое и настоящее состояніе этой страны доказываютъ необходимость отдѣленія ирландскаго парламента отъ англійскаго. Объ отдѣленіе парламента — постоянная цѣль политической дѣятельности этого знаменитаго Ирландца, цѣль, которой онъ посвятилъ всю жизнь свою. Не смотря на такую цѣль, его никакъ не должно считать противникомъ царствующей династіи въ Англіи: онъ усердно желаетъ, чтобъ Ирландія оставалась и благоденствовала подѣ властію этой династіи, но чтобъ только она имѣла свой парламентъ. О'Коннель посвятилъ свою книгу ея величеству королю Викторіи. Записокъ его вышла только первая часть. Она обнимаетъ событія отъ 1172 до 1660 года. — Предоставимъ себѣ поговорить въ слѣдующій разѣ о другихъ историческихъ книгахъ, упомянемъ теперь о выходѣ двухъ новыхъ частей «Исторіи Фридриха Великаго», соч. Кэмпбелля. Оперыхъ частей мы говорили въ прошломъ году, и извлекли изъ нихъ статью въ отдѣленіе Наукъ, подѣ заглавіемъ «Фридрихъ-Великій». Последнія двѣ части такъ же любопытны, какъ и первая. Повѣствованіи о важныхъ государственныхъ дѣйствіяхъ Фридриха, изображаютъ тамъ-и-сямъ анекдоты, объясняющіе личный его характеръ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНИИ, РОМАНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ, СОЧ. СЕНАНКУРА. — НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОГО РОМАНА СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ ВЪ НЕМУ ЖОРЖА ЗАНДА. — ВЗГЛЯДЪ НА ОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ОДНОГО ИЗЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ КРИТИКОВЪ. — ВЫПИСКА ИЗЪ СОЧИНЕНІИ ЖОРЖА ЗАНДА. — НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КСТАТИ НАШИМЪ МУДРЕЦАМЪ, ТОЛКУЮЩИМЪ О ЗАПАДѢ. — ГЕПТАМЕРОНЪ, ИЛИ ИСТОРИЯ СЧАСТЛИВЫХЪ ЧЛОВѢКОВЪ, ПОВѢСТИ КОРОЛЕВЫ МАРГАРИТЫ НАВАРРСКОЙ, ИЗДАНЫЯ НОВОЮ ЖАКОВОМЪ-БИБЕЛОФИЛОМЪ. — ПОЛИТИЧЕСКІЯ БАСНИ ВЬЕННЕ (Viennet), ЦАРА ФРАНЦІИ. — ЗАМѢЧАНІЯ ЖАНЕНА О БАЛЬЗАКѢ.

Сдѣлать на всѣмъ мелочными и вседневными новостями французской литературы нѣтъ никакой возможности. Вы, пожалуй, могли бы взять на выростъ изъ груды французскихъ журналовъ и газетъ сужденія о какомъ-нибудь новомъ романѣ, или о какихъ-нибудь новыхъ стихотвореньицахъ, или, еще, о какомъ-нибудь новомъ историческомъ сочиненіи и перепечатать сужденія съ небольшими, разсѣянными сокращеніями въ столбцахъ нашего журнала, какъ это дѣлаютъ чуждые русскіе журналисты и остроумные флельетонисты петербургскихъ газетъ, — но мы не станемъ увлекаться этимъ приѣмомъ, ибо не видимъ рѣшительно никакой пользы въ такомъ пересечиваніи. Безмолвно пройдемъ мы мимо пестрой толпы, еще до-сихъ поръ собирающейся около г. Сю, который съ такою же внѣшнею увлекательностію, съ такимъ же растянутымъ расхристаніемъ досказываетъ ей свою

безконечную повѣсть о *парижскихъ тайнахъ*, какъ нѣкогда разсказывалъ онъ исторію *Матильды*, о которой теперь вся забыли, даже и самые ревностные ея поклонники!

Вѣрные своему направленію, не на эти разукрашенные и бросающіяся всякому въ глаза литературныя игрушки, не на эти хитросплетаемыя сказки, потѣшающія праздныя воображенія, должны мы обращать вниманіе нашихъ читателей. Къ-тому же, на новый романъ г. Сю и безъ того обращено у насъ всеобщее вниманіе: его переводятъ, какъ слышно, на русскій языкъ, имъ говорятъ, восхищаются, дамы и барышни въ нашихъ чиновничьихъ гостиницахъ, его превозносятъ литературная «тла» съ чужаго голоса въ нашихъ ученыхъ журналахъ и остроумныхъ газетахъ, о немъ кричатъ даже господа чиновники и господа офицеры въ петербургскихъ трактирахъ, кофейняхъ и мандитерскихъ...

Мы предугадываемъ участь новаго романа г. Сю, какъ вѣкогда предугадывали участь «Матильды», и потому ни слова болѣе о «Парижскихъ Тайнахъ». Это и старо и пошло.

Итакъ, вмѣсто того, чтобъ выписывать заголовки новыхъ книгъ, выходящихъ въ Парижѣ, или разсуждать о такихъ явленіяхъ, о которыхъ люди истинно-образованные и одаренные эстетическимъ чувствомъ давно перестали говорить, — считаемъ обязанностію сдѣлать въ статьяхъ нашихъ о французской литературѣ за ея ходомъ, за ея внутреннимъ развитіемъ въ лицѣ ея современныхъ представителей. Вслѣдствіе этого мы будемъ останавливаться только передъ такими литературными произведеніями, которыя проникнуты болѣе или менѣе внутреннимъ содержаніемъ и глубокимъ чувствомъ современной дѣйствительности.

Въ литературѣ французской, какъ и во всѣхъ другихъ литературахъ, такихъ произведеній немного, — ноть того подобныя произведенія требуютъ глубокаго и долгаго изученія.

Къ такимъ-то немногимъ, вполнѣ-перечувствованнымъ и выстраданнымъ произведеніямъ, принадлежитъ *Оберманъ*, соч. *Сенанкура*... Онъ въ первый разъ появился во Франціи въ 1804 году и не только не имѣлъ тогда никакого успѣха, но даже едва-ли имѣлъ нибудь былъ замѣченъ. Внѣшнихъ событій въ «Оберманѣ» нѣтъ никакихъ, и потому содержаніе этой поэмы (или, пожалуй, этого романа въ письмахъ), въ которомъ развивается внутренняя, тайная дѣятельность души человѣка, передать невозможно, точно такъ же, какъ невозможно передать содержаніе «Вертера». Скорбь и страданія Обермана не могли не возбудить сочувствія въ писательницѣ, которая изъ глубины болящей души отзывалась на всѣ скорби и страданія современнаго человѣка. Жоржъ Зандъ обратила недав-

но всеобщее вниманіе на «Обермана». Она издала этотъ романъ Сенанкура съ своимъ предисловіемъ, въ которомъ вообще глубоко и вѣрно опредѣляетъ характеръ современной поэзіи. Чтوبъ познакомиться въспомнить читателей съ произведеніемъ Сенанкура — мы вполнѣ передадимъ имъ ея прекрасное предисловіе.

Предисловіе Жоржа Занда къ «Оберману».

«Разсказы о войнахъ, о страстяхъ различныхъ приключеніяхъ человеческой жизни во всѣ времена обращали на себя вниманіе большинства; итакъ, что эпическая (объективная) сторона литературы и въ сію минуту пользуется полною народностію, — дѣлать не менѣе для людей глубокихъ мыслящихъ всегда важнѣе и драгоценнѣе тѣ поэмы, въ которыхъ разкрываются внутреннія (субъективные) стороны души человеческой, лишенная всякаго наружнаго блеска и разнообразія внѣшнихъ приключеній. Въ поэтическомъ движеніи вѣровъ, эти поэмы — строгія и рѣдкія, имѣютъ, однако, большую важность для историческаго наученія, чѣмъ факты нашей исторіи, ибо такого рода творчество объясняетъ намъ духовное и нравственное состояніе народовъ въ различные эпохи цивилизаціи, даютъ доступъ къ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя представляются еще какъ загадки ученымъ нашего времени. Часто раздающіеся въ сумракѣ кельи, на тишинѣ полей, эти субъективныя творенія, эти исповѣди величія и жества природы человеческой, съ которыхъ такъ часто стирается въ свѣтленое потомство, незамѣтны, входятъ между современными произведеніями, раураженными своимъ блескомъ. Такой участи подвергся и *Оберманъ* Сенанкура.

По нашему мнѣнію, самое драгоценное и прочное достоинство этой поэмы —

почаеся въ психологической идее, которую развиваетъ она — и съ этой-то идеи истина она должна быть разбита и разсматриваема.

Хотя духовныя страданія раздѣляются на множество родовъ; хотя горькія волны этого неистощимаго источника разливается на безчисленные камни, обвивая и потопляя цѣлое чело-вечество, мы можемъ однако указать на тѣ главные роды страданій; въ которыхъ болѣе или менѣе непосредственно истекаютъ всѣ другія виды: 1) наклонности, страсти, зарывшія въ своеи развитіи, то-есть, борьба чело-вѣка съ вѣчными обстоятельствами, 2) сознаніе высшей духовной силы, при отсутствіи воли къ ея осуществленію, и 3) болѣзнен- ный характеръ, погруженнаго въ аске- тизмъ отъ горькаго сознанія собственнаго безсилія и неспособности къ дѣ- тельности. Эти три рода страданій называются тремя именами: Вертеръ, Рене, Оберманъ...

Перваго рода страданія относятся къ истинной дѣятельности души; и по- тому входятъ въ разрядъ простыхъ видовъ. Они происходятъ изъ любви, какъ зло, могли быть замѣнены въ первыхъ вѣкахъ исторіи чело- вѣчества. Гибель Ахиллеса при утра- тѣ Брисиды и самоубійство гер- манскаго энтузіаста одинаково объ- являютъ напряженіемъ страстей, сдер- жившихъ, возмущенныхъ, или ос- рабленныхъ въ своемъ порывѣ. Раз- личіе между двумя гениями, грече- скихъ и германскихъ, и между двумя цивилизациями, отдаленными другъ отъ друга такимъ страшнымъ разстройствомъ вѣковъ, ни мало не уменьшаетъ психологической родствен- ности двухъ данныхъ. Ихъ велича- ные (если можно такъ выразить) страданія, ихъ трагическая жизнь должны были рано возбудить всеобщее состраданіе, тогда какъ два послѣдніе рода страданій, означенные нами выше, за-

мѣнены и указаны уже въ вѣкахъ по- слѣдующихъ, ибо они могли родиться только въ позднѣйшей цивилизаціи.

Если говорить сначала о болѣе из- вѣстной изъ этихъ двухъ тайныхъ и изсушающихъ болѣзней, надо ука- зать на Рене — этотъ типъ страдающе- кой мечтательности, не лишенной впрочемъ нѣкотораго удовлетворенія, ибо къ его мученію, происходящему отъ бездѣйствія на общественномъ по- прищѣ, примѣшивается гордое и скрыт- ное чувство прервѣнія. Это-то чувство прервѣнія возвышаетъ его надъ всеми людьми, надъ всеми обстоятельствами, среди которыхъ гибнетъ онъ — одино- кій и гордый.

Рядомъ съ этою личностію, свѣтлою и ирраціональною въ одно и то же время, является другая личность, величествен- ная въ своей слабости, прекрасная въ своихъ недостаткахъ: мы говоримъ объ Оберманѣ. По ихъ глубоко-иррациональ- ности, можно бы подумать, что Оберманъ и Рене, послушные одному и тому же голосу, оба сокроются въ уединеніи, для того, чтобъ тамъ сосре- доточиться въ самихъ-себѣ и вести жизнь пустынножескую. А между тѣмъ ихъ участи такъ же различны, какъ и ихъ индивидуальности. Рене — это ге- ній безъ воли; Оберманъ — это чело- вѣкъ, достигшій возможной нравствен- ной высоты безъ генія, натура раздра- жительная, какъ мы выразились выше, погружившаяся въ величій аскетизмъ отъ горькаго сознанія собственнаго без- силія и неспособности къ дѣятельности. Рене говоритъ: «Если бы у меня была воля, я могъ бы дѣйствовать» Обер- манъ говоритъ: «Къ-чему мнѣ воля? я не могу дѣйствовать».

Видя Рене грустнаго и прекраснаго, убитаго духомъ, и еще при всемъ томъ столь могучаго, — удивленная толпа должна была остановиться передъ нимъ съ уваженіемъ. Его слабость, имѣю- щая въ себѣ что-то возвышенное, его

добровольная безнечность, его пресыщеніе болѣе притворное, чѣмъ чувствваемое, его краснорѣчивое и блистательное страданіе, — страданіе генія, который бьется въ цѣлкахъ, силясь разорвать ихъ, все это необходимо должно было симпатизировать съ духомъ юнаго и тревожнаго поколѣнія, которое съ тайною гордостію находило въ Ренѣ собствєнные свои пороки и достоинства. Всѣ люди, обманувшіеся въ своемъ назначеніи, всѣ геніи-недоноски и, величаво выпрямившись, при появленіи въ свѣтъ Ренѣ, потому что всѣ они мечтали видѣть собственный свой образъ въ этомъ поэтическомъ созданіи. Неопредѣленность, отчаяніе Ренѣ при самомъ вступленіи на поприще жизни не могло также не казаться утѣшительнымъ тѣмъ утомленнымъ жизнію людямъ, которые стояли уже на краю могилы.

Страдая, но не исходя кровію отъ ранъ своихъ, Оберманнъ шелъ болѣе-глухими путями и къ мѣстамъ болѣе-безплоднымъ. Путешествіе его было не такъ продолжительно, и, по-видимому, не такъ страшно; но Ренѣ вышелъ изъ своего уединенія, а слѣдъ Оберманна навсегда былъ потерянъ.

Оберманна нельзя сравнивать съ такими типами страданій, каковы Фаустъ, Манфредъ, Чайльд-Гарольдъ, Конрадъ и Лара. Эти разнообразныя страданія поражаютъ — въ Фаустѣ, жажъ и въ Манфредѣ, отъ безграничнаго честолюбія разума, въ Чайльд-Гарольдѣ — отъ пресыщенія разврата, въ Конрадѣ — отъ потребности дѣятельности практической и отвращенія отъ общественной жизни, и наконецъ въ Ларѣ — отъ глубокой скорби души, которая съ горькой ироніей предлагаетъ себѣ вопросъ: не жалко ли обманулась она въ своихъ надеждахъ?

Оберманнъ, напротивъ, — это мечта-тельность при отсутствіи силъ, это непреставное порываніе къ чему-то не-

опредѣленному. Такая психологическая идея не можетъ быть снѣшиваемая ни съ какою другою идеею. Это страданіе совершенно особеннаго рода, заключающее въ себѣ ничего блестящаго, трудное для наблюденія, и въ высшей степени любопытное. Оно могло быть опозитивировано только какимъ-то человекомъ, въ которомъ снѣщенный огонь вдохновенія поддерживалъ живыхъ воспоминаваніемъ о себѣ, собственныхъ испытаніяхъ и терзаніяхъ. Это пѣснь нескончаемая и грустная о самомъ-себѣ, о своемъ незамѣчательномъ величіи; это вопль отчаянннго человека, терзаемаго болѣзнію крайности; это душа аскетическая, владаемая черемъ сомнѣнія, которое обнаруживается въ ней не силу, не свѣдѣность, а безсиліе и слабость. Это одолецъ, которому не достало внутренней силы воли, чтобъ сдѣлаться великимъ.

Вертеръ — умиль, долженствующій умереть въ своей тюрьмѣ; Ренѣ — снѣстрѣленный орелъ, который, рано или поздно, снова расширитъ свои крылья и умчнется въ небо; Оберманнъ — безкрылая птица, которая тихо и печально стонетъ на песчаныхъ берегахъ, откуда отплываютъ корабли и куда она отрацаются изъ обломки.

У Оберманна только одна чувствительность въ дѣйствіи; его разумъ и тяжелъ и дѣпнвъ, или недостаточенъ. Если онъ отыскиваетъ истину, онъ непремѣнно отыскиваетъ ее путями ложнымъ, находитъ ее съ трудомъ, обладаетъ ею не вполнѣ. Это тѣпѣливый мечтатель, часто увлекательными наклонностями, сейчасъ же сознающій свой проступокъ и иронизирующій слезы глубокаго, живаго, трагическаго раскаянія. Это спорщикъ и духъ Вольтера, котораго поэтическое чувство природы непреставно иронизируетъ къ высокому элегическому спокойствію. И если описательныя и лирическія красоты его поэмы что-то и

рываются философическими разсужденіями и свѣтской проіей, за то приодна важность его характера, за то его поэтическая натура впускаютъ ему новыя и вдохновенныя гимны. И ничто не можетъ сравниться съ нихъ строгой красотою, съ ихъ дикимъ величіемъ!

Можетъ быть, при чтеніи Оберманна, художникъ съ сожалѣніемъ встрѣтитъ иногда мысли, облеченыя въ образы вѣсколько-принужденныя и неолокіе, и идеи отвлеченныя, слѣдствіе отшельническаго труда, — но за то съ какою жаднымъ любопытствомъ ставятъ разсматривать психологъ эти недостатки прекраснаго созданія! Дѣло психолога изучать, а не судить. Онъ утверждаетъ, а не разсуждаетъ. Онъ обогащаетъ свои наблюденія новымъ, необычайнымъ явленіемъ. Ему необходимо сначала ухватить болѣзнь, а въ послѣдствіи онъ ужъ отыщетъ для нея лекарство. И можетъ-быть, наступитъ время, когда человѣчество найдетъ лекарство для своихъ духовныхъ страданій; но для этого необходимо, чтобъ оно тщательно изучило ихъ и разобрало, такъ оно изучило и разобрало свои страданія физическія.

Независимо отъ этой всеобщей пользы, Оберманнъ имѣетъ еще большое литературное достоинство, по новости и необыкновенности своего содержанія. Эта простодушная грусть чело-вѣка, исповѣдывающаго слабость своей воли, это трогательное и благородное сознание въ собственномъ безсильіи, въ которомъ такъ много высокаго и самоотверженнаго, много проявиться только въ натурѣ высшей, только въ душѣ избранной. Но большинство читателей не поняло Оберманна и обратилось къ лицамъ, болѣе-пріятельнымъ и гордымъ: къ Фаусту, къ Вертеру, къ Ренѣ, къ Сен-Прѣ.

Таинственный, мечтательный, несредѣленный, грустно-провнческій, робкій но дерзительности, — Обер-

маннъ, можетъ-быть, имѣетъ отдаленное родство съ Гамлетомъ, съ этимъ глубокимъ типомъ слабости человѣческой, который такъ подлонъ въ своей неполнотѣ, такъ послѣдователенъ въ своей непослѣдовательности. Но другое время, другое общество, другія условія и обязанности дѣлаютъ Оберманна лицомъ совершенно-исключительнымъ. Хорошо всмотрѣвъ въ его образъ, увѣришься, что онъ не имѣетъ ни образца, ни копій. Въ немъ болѣе прекраснаго и истиннаго, чѣмъ блестящаго и обаятельнаго, болѣе мудраго и поучительнаго, чѣмъ пріятельнаго. Но это смѣлое изображеніе метернливой и вѣчно-сѣтующей слабости не могло быть оцѣнено большинствомъ умовъ въ эпоху, пожираемую честолюбіемъ и внѣшней дѣятельностію. Оберманнъ, почувствовавъ неспособность свою занять какую-нибудь роль въ этой пышной и блестящей драмѣ, уединился въ нѣдра природы и отыскивалъ на Альпахъ дѣвственнаго уголка земли, къ которому не прикасалась рука человѣческая, для того, чтобъ тамъ изнывать въ страданіяхъ одинокому и незамѣченному.

Если отъ художественнаго произведенія требуется послѣдовательное развитіе мыслей и симметрія внѣшнихъ линий, то Оберманнъ не удовлетворитъ этимъ требованіямъ. Глубина, обширность и значеніе этого произведенія предстанутъ исполнѣ тогда только, когда, при изученіи его, откроется, съ какою дивнымъ искусствомъ, подъ вліяніемъ роковаго и внутренняго единства, развивается въ немъ участь чело-вѣка...

Рановременно-состарѣвшійся отъ тяжкаго прикосновенія общества, Оберманнъ убѣгаетъ отъ него, подавленный горькимъ чувствомъ своей потерянной жизни, окруженный фантомами, несбывшимися мечтаніями и оставами умершихъ страстей. Вотъ какъ переноситъ онъ свои ошущенія при началѣ

своего странствования на берегу швейцарского озера :

«Я былъ расположенъ къ продолжительному мечтанію. Ночь была теплая и тихая, и я отправился въ Сен-Блезъ. Сойдя съ утесистой скалы, я расположился на пескѣ. Волны замирали у ногъ моихъ. Возшла луна .. И долго-долго оставался я на этомъ мѣстѣ. Педь-утро, она начала обливать и землю и воды своими послѣдними блескомъ, невыразимо грустными... О! какъ величественна является человѣку природа, когда онъ, погруженный въ ее созерцаніе, среди безмолвія ночи, освѣщенной потухающими свѣтомъ луны, внимаешь ропоту волнъ на пустынномъ берегу!

И въ эту незабвенную ночь я все испыталъ, все перечувствовалъ: всѣ порыванія, всю глубокую скорбь сердца: отраду и тревогу безполезныхъ головокъ, великое сознаніе природы, повсюду грустной, повсюду непроницаемой, и всеобъемлющую страсть, и необъяснимую чувствительность, и равнодушіе, и мудрость старческую, и сладострастное забвеніе. Я сдѣлалъ отчаянный шагъ къ лѣтнимъ старчества. Я *попытался долить лить мои мысли въ одну ночь!*.. О, счастливы человекъ, внимающій сердце безхитрое и юное!

И во всей книгѣ Сенаккура, какъ въ этомъ отрывкѣ, видно страданіе сердца, укрощаемое мечтательнымъ созерцаніемъ природы. Душа Оберманна является только непокорною и сдвоенною, встрѣчаясь съ общественнымъ шумомъ; но за то она раскрывается, пламенная и безконечная, созерцая величіе звѣздного неба, внимаая шелесту деревьевъ и ропоту волнъ. Въ ней могущественно и неизвѣнно тонкое чувство поэма и величіе удивленнаго и религіознаго размышленія. Но время постепенно охлаждаетъ ее тревожный характеръ, и утомляются наконецъ ея

пламенные, жадныя порыванія къ вѣдомой цѣли. Трудъ своей мысли, которая, въ кровавомъ потѣ, безъ отдыха рыла провасть сомнѣнія, Оберманн сдѣлываетъ на другой трудъ, названный патриархальный, о которомъ онъ рассказываетъ съ очаровательною простотою Жан-Жака. Въ продолженіе двѣнадцати дней сряду, Оберманнъ занимается собираніемъ винограда и предается своему новому занятію съ обыкновеннымъ увлеченіемъ.

«Въ груди моей говорить онъ: «вникаютъ великіе общественные вопросы. Это нѣсколько оживляетъ мою душу, но не намокаетъ ея; работя виноградаря поддерживаетъ ее бо-льше.»

И когда въ Оберманнѣ истощились наконецъ всѣ неосуществимыя, широкия и пламенные порыванія, онъ восклицаетъ: «Между тѣмъ, что я емъ, и между тѣмъ, что бы я желалъ бытъ, — безконечность. Я не хочу ничѣмъ наслаждаться: я хочу только надѣлать...» Растерзанный тѣмъ, что ничемъ не могъ сдѣлать, онъ рѣшается все изгладить свое существованіе... «Мнѣ болѣе не нужны желанія» говорить онъ: «они уже не обманываютъ меня...» И мерцаніе надежды въ ночи, сгущающей меня, это мгновенное мученіе, потухая еще болѣе, усматриваетъ во мнѣ скорбное чувство. И что же освѣщаетъ она? Пустое пространство, въ которомъ я искалъ чего-то, и ничего, ничего не нашелъ!»

Типична долинь, кроткія занятія и ступенской жизни, удовлетвореніе въ дружбѣ прочной и вполнѣ-рациональной, которой всегда такъ искала душа его, — вотъ послѣднія извѣстныя минуты жизни Оберманна. Онъ уже не заботится создать для себя романтическое счастье, онъ уже смотритъ въ заблужденіе юности съ постоанно презрѣніемъ. И это происходитъ въ благородной ненависти, питаемой имъ

счастливыми къ тѣмъ надеждамъ, которыя никогда ихъ не дѣлали, къ тѣмъ радостямъ, которыя ускользнули отъ нихъ... Но Оберманъ покоряется своей участи; онъ старѣетъ: его грусть стихаетъ, привычки домашней жизни поглощаютъ его тревоги и волненія, и онъ отдается, бѣдный, спасительной безвѣщности. Одно только пламенное чувство сохраняетъ Оберманъ во всей своей свѣжести — благодарность и любовь къ красотахъ и дарамъ природы... Онъ оканчиваетъ свою исповѣдь прекрасною и поэтическою рѣчью къ земле, цвѣтамъ и тихо закрываетъ книгу, въ которой погребены его мечты, тревоги, страданія.

«Если я достигну старости, говоритъ онъ: если когда-нибудь, еще полный мыслей и убѣжденный въ несправедливость людей, я буду имѣть возлѣ себя друга, который прийметъ мое прощанье съ землею, — пусть поставятъ мой стулъ на зеленѣющій дугъ, пусть перель глазами мои цвѣты кроткія маргаритки подлѣ солнцемъ, подлѣ эти непознанными небегами, — для того, чтобъ, оставляя эту преходящую жизнь, я ощутилъ бы въ себѣ что-нибудь изъ безконечныхъ стремленій».

Такова внутренняя исторія Обермана. Можетъ-быть, въ самой натурѣ его лежала невозможность опознать свою жизнь въ формѣ прогрессивнаго развитія, ибо Оберманъ непременно отрицаетъ не только значеніе дѣйствій и мыслей, но даже значеніе самыхъ желаній... Какъ же допустить прогрессъ при такомъ страшномъ отрицаніи?

Эта грустная недѣятельность, въ которой заключена судьба Обермана, была слишкомъ исключительною въ 1804 году, то-есть въ эпоху его паденія, и потому произведеніе Сенанкура не могло обратить на себя вниманіе. Въ эту эпоху только-что окончилась во Франціи великая мистифика-

ція, называвшаяся консульствомъ. Она приготовилась съ необычайною ловкостью съ 1799 г., и вдругъ открылась торжественно среди звуковъ оружія, среди оглушительнаго грома пушекъ, въ упорительномъ чаду побѣдъ, возбудивъ противъ себя только безсильное негодованіе и отпоръ молчаливый. Приготовленія къ войнѣ и мечты о славѣ поглощали тогда всѣ умы. Чувство, вышней энергіи прежде всего пробудилось въ юномъ новобранцѣ: потребность дѣятельности мужественной и воинской волновала всѣ сердца. Оберманъ съ своею созерцательностью и правдою, чуждый всѣмъ націямъ, во Франціи еще болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не могъ возбудить къ себѣ сочувствія. Незабывая изучать и понять людей своего времени, онъ не былъ ни кѣмъ ни изученъ, ни понятъ, и прошелъ въ смятенной толпѣ, заглушенный шумомъ и громомъ, не удостоивъ даже замѣтить это всеобщее волненіе. И когда, послѣ паденія имперіи, во Франціи была основана конституціонная монархія, по примѣру англійской, — англійскіе обычаи и литература незамѣтно стали господствовать во Франціи. Поэзія британская явила предъ нами воплощенное сомнѣніе въ лицѣ Байрона. Эти и другіе причины, быстро преобразовывали духъ французской націи и начинали заронять въ немъ *сомнѣніе*. А что же такое Оберманъ; какъ не типъ сомнѣнія? Рожденный тридцатью годами ранѣе своего настоящаго срока, онъ вполне представляетъ современное состояніе умовъ, начавшееся во Франціи съ 1830 года.

Въ-продолженіе перваго пятнадцатилѣтія XIX вѣка, шумъ лагерный не только не позволялъ людямъ думать и погружаться въ самихъ-себя, но онъ былъ причиною искаженія, даже въ душахъ сильныхъ, чувства чести. Раздраженное, но не развитое, это чувство обезсилилось въ своемъ полетѣ, встрѣчая повсюду предметы

суетные и ничтожные. Человек, который был всѣмъ въ государствѣ, все умѣлъ устроить такъ, что даже великіе люди незамѣтно увлекались вмѣстѣ съ толпою дѣтскимъ честолюбіемъ. . . .

Въ наше время, конечно, честолюбіе является уже гораздо въ обширѣйшей и благороднѣйшей формѣ. Мы знаемъ, что, теперь, для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ человека, остается одно только средство: образованіе ума, изученіе диалектики, развитіе мысли.

Но вмѣстѣ съ этими отрадными надеждами, съ этими высшими требованиями, честолюбіе приняло въ наше время какой-то особенный, болѣзненный характеръ. Оно находится въ раздражительномъ, лихорадочномъ состояніи. Современные намъ люди, подвигнутые на огромные труды, въ напряженіи своей духовной дѣятельности, вдругъ почувствовали страшное утомленіе и гнучую тоску. Всѣ пружины личнаго интереса, всѣ силы эгоизма, черезъ мѣру натануты и развиты, породили болѣзнь невѣдомыя, страданія чудовищныя, которыя еще психологія не успѣла внести въ свои страницы.

Вторженіе этихъ болѣзней въ общество, должно было произвести зародышъ новой поэзіи. Если справедливо, что литература есть выраженіе осуществляющихся фактовъ, живопись всего видимаго, или откровеніе дѣйствительныхъ и возможныхъ чувствъ, то литература имперіи должна была отразить въ себѣ образъ имперіи и воспроизвести всю пышность, весь минутный блескъ внѣшнихъ событій. Ей не могло быть доступно знаніе сопроверженныхъ страданій души. Углубиться въ изученіе совѣсти, можно только въ послѣдствіи, когда сама совѣсть будетъ играть болѣе важную роль въ жизни... Психологія, разсматриваемая съ поэтической точки, бы-

ла доселѣ неподвижна и поверхностна, потому-что для нея не доставало наблюдень, потому-что болѣзнь, узнаваемая и опредѣленная сегодня, вчера еще не существовала.

Съ каждымъ днемъ расширяется и ва скорбей и страданій. Съ каждымъ днемъ обогащаются наблюденія поэта-философа. Новѣйшая цивилизація указала намъ не на одиѣ болѣзни Вертера, Ренѣ и Обермана, и книга, въ которой Господь отмѣтилъ число этихъ страданій, можетъ-быть, только открыта еще на первой страницѣ. Въ между прочимъ страданіе, неизвѣстное доселѣ поэтамъ, — это страданіе юли, лишенной могущества; такое страданіе не имѣетъ ничего общаго съ изученіемъ Вертера, которого убиваетъ общество, осуждающее его страсть, — ни съ тревогами Ренѣ, который ничемъ не хочетъ, потому-что чувствуетъ свою силу, — ни съ агоніею Обермана, сраженнаго своимъ безсміемъ, нѣтъ, — это энергическое страданіе человека, пламенно и тщетно стремящагося къ достиженію своей цѣли, и передъ которыми всякая цѣль исчезаетъ, какъ сонъ; это страшное негодование силы, желающей все обнять, всѣмъ обладать и отъ которой все убѣгаетъ, даже самая воля. Это истощеніе и сокрушеніе обманутой страсти, словомъ, это болѣзнь людей испытанныхъ жизнью.

Ренѣ и Оберманъ еще молоды. Одинъ не приводилъ въ дѣйствіе своей силы; другой никогда не осмѣлился привести ее въ дѣйствіе; но оба они живутъ въ ожиданіи и въ неопредѣленности будущаго, которое должно же осуществиться такъ или иначе. Какъ почва цвѣтка, подверженная и порывистому дневному вѣтру, и холодному дымящемуся ночи, Ренѣ противится всѣмъ разнороднымъ вліяніямъ и приноситъ въ свое время прекрасные плоды. Оберманъ изнемогаетъ, какъ вѣтеръ въ благоуханный цвѣтокъ, блѣднѣющій въ тѣни. Но есть растенія одност-

ордо противящіяся всѣмъ уснѣямъ Юри и въ то же время непрестанно каждашя солнца, и потому не могуція принести плодовъ подь суровымъ мѣбомъ. Утомленные, но не сломаанные Юрей, они еще пускаютъ свои корни въ скалу и поднимаютъ къ небу свои шпечки изсохшія и увядшія, чтобъ питаться небесной росы, и вдругъ, сожтыя противнымъ вѣртомъ, снова падаютъ и разстилаются на землѣ, не имѣя силы ни жить, ни умереть, а нога ювпрающая ихъ, и не подозреваетъ такую страшную борьбу перенесли они прежде чѣмъ склонились.

Такия натуры въ юности могли имѣть похощво съ Ренѣ, и ужъ безъ всякаго юмѣвья, онѣ вполнѣ извѣдали жизнь Вергера,—сдѣлались самоубійцами, подобно ему, пройдя сквозь огонь дикихъ и непреклонныхъ страстей и вырвавъ изъ груди своей всѣ надежды жизни. И жертва въ нихъ способность любви и вѣры; и еще живо въ нихъ только одно желаніе—стравное, пожирающее, вѣчное,—но, увы! неосуществимое, отсраемое опытомъ жизни... Изнемоющій отъ такой боли могъ бы еще, вѣжтся, утѣшить Оберманна, указавъ ему на свою страшную, неизлечимую рану и отвѣтивъ ему на его прекрасныя и грустыя слова: «Найдется ли современемъ чѣловѣкъ, понимающій меня, которому бы я могъ сказать: о, какъ бы мы жили!»—Оберманнъ! утѣшься, мы жили до-сихъ-поръ напрасно...

И много, много еще духовныхъ страданій подь различными видами должны представить намъ глубокіе психологи и влоховенные поэты. Движеніе искусства произведетъ великій переворотъ въ искусствѣ. Современная литература, неудовлетворяющая насъ, скоро предается забвенію, ибо готовится уже другая литература и приближается къ намъ шагами исполненными... Эта новая литература идеальная, внутренняя (субъективная), разлагающая сокровенныя движенія души.

Т. XXVIII. — Отд. VII.

человѣческой, — не будетъ стараться о томъ, чтобъ забавлять и развлекать правдыя воображенія... Она не станетъ поражать внѣшнимъ блескомъ, но будетъ постоянно говорить душѣ, ибо ея тайныя, внутреннія драмы видимы будутъ только для мысли, но не видимы для глазъ. Трудная роль приготовляется ей — и не вдругъ будетъ понята она. И сначала возстанетъ противъ нея большинство, и много битъ она должна будетъ выдержать прежде, чѣмъ водрузитъ свое побѣдоносное знамя на развалинахъ современной эпической (объективной) литературы...

Но начало этой реакціи, долженствующей, по мнѣнію Жоржа Занда, совершиться въ искусствѣ, мы уже видимъ въ ея поэтическихъ, глубокихъ сознаніяхъ, въ которыхъ развиваются именно эти *внутреннія, сокровенныя драмы, видимыя только для мысли, но не видимыя для глазъ.*

У гениальнаго писателя нашего времени говоритъ одинъ изъ современныхъ французскихъ критиковъ, «никогда не достанетъ терпѣнія заниматься *искусствомъ для искусства* и творить съ холоднымъ и изумительнымъ безучастіемъ, какъ творилъ великій Вальтеръ Скоттъ; созданія гениальнаго писателя нашего времени не могутъ и не должны быть проникнуты, какъ прекрасныя произведенія Купера, однимъ только чувствомъ внѣшней природы (хотя, правда, живымъ и глубокимъ), неопредѣленной меланхоліей, и сомнительными, шаткими релігиозными и общественными идеями. Ему, вознущаемому строгими задачами, которыя представляетъ современное челоувѣчество, некогда будетъ входить въ мелочныя подробности, которыми такъ тщательно занимались Вальтеръ Скоттъ и Куперь... Эти гениальные писатели, эти великіе представители объектив-

ной литературы принадлежать уже прошедшему..

Мы знаемъ, что такой взглядъ покажется многимъ дикъ и непонятенъ, но мы обращаемся здѣсь къ немногимъ мыслящимъ людямъ и продолжимъ начатую нами выписку, которая будетъ служить отчасти подтвержденіемъ мыслей такъ прекрасно изложенныхъ Жоржемъ Зандомъ въ предисловіи къ «Оберманну»:

«На современной поэзіи напечатлѣнъ характеръ глубокой скорби, которая всегда проявляется въ тяжкія времена обновленій и переворотовъ. Философія XVIII вѣка породила сомнѣніе, и сердца поэтовъ проникнулись этимъ горькимъ сомнѣніемъ, и изъ груди ихъ вырвались вопли отчаянія. Общественный порядокъ нѣкогда выражался во всѣхъ искусствахъ, и искусство уподоблялось тогда огромному озеру, которое на земля ни небо, не отражаетъ и то и другое. А гдѣ же теперь найдеть себѣ пищу искусство спокойное и религиозное?.. Искусство нашего времени размышляетъ на развалинахъ прошедшаго, терзаемое муками сомнѣнія.. И раздѣлены сердца ваши, и гармоническое созвучіе чуждо вашимъ душамъ!, о, мои бѣдныя современники!.. Вы живете жизнью отдѣленною, эгоистическою... Живописцы ваши передаютъ природу вяло и холодно, ненося въ душѣ своей ни истины, ни идеала, и мысль не движетъ ихъ ни стію. Ваша поэзія—это цвѣтокъ, выросшій на развалинѣ, это погребальная пѣснь на могилѣ прошедшаго!.. И въ главѣ этого печальнаго хора поэтовъ является Шекспиръ.—онъ, достигшій сомнѣніе гораздо прежде философіи... Тѣни Вертера, Фауста, Чайльд-Гарольда и Донъ—Хуана слѣдуютъ за тѣнью Гамлета, а за ними тянется еще длинная веревка страдальческихъ тѣней, читающихъ на дверяхъ ада эту страшную надпись: *Lasciate la speranza*. О, какъ ты великъ, Байронъ, и какую

невыносимую, раздирающую грудь носишь ты въ груди своей! А ты, Гёте дважды въ жизни своей высказавшій безотрадную мысль своего вѣка,—ты кажешься, желая затушить въ себѣ страданіе, заставляя потомъ блуждать съ болѣзненнымъ вообращеніемъ въ пространствахъ минувшихъ вѣковъ и, какъ это сдѣлался простымъ отголоскомъ восторгъ прошедшаго времени!..

«Байронъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ и во всей своей жизни, Гёте и Вертеръ и въ Фаустѣ, Шиллеръ и драмахъ своей юности и въ своихъ историческихъ произведеніяхъ, Шатобрианъ въ Рене, Жоржъ Зандъ во всѣхъ своихъ романахъ, въ особенности въ *Лалии*, Сенанкуръ въ *Оберманнѣ*, Бенжаменъ Констанъ въ *Адольфѣ*—явились выразителями современнаго духа; за ними тянется толпа другихъ писателей нѣмецкихъ и англійскихъ, принадлежащихъ къ байроновской школѣ и проникнутыхъ живымъ и глубокимъ чувствомъ современной действительности, то-есть тою грустію, которую необходимо долженъ носить въ себѣ человѣкъ, отвергнувшійся отъ прошедшаго, окруженный со всѣхъ сторонъ развалинами и взирающій на слабеющую вдали зарю новаго общества, разсвѣтъ котораго не сумѣетъ ему видѣть!..

«Противъ этой школы, порожденной философіей XVIII вѣка, располагавшей было другая школа, тщетно старавшаяся воскресить прошедшее, тщетно воздвигавшая искусству шаткіе алтари, какъ-будто искусство что-нибудь значить безъ челоуѣчества! Но эти алтари скоро были разрушены тѣмъ, что это воздвигало ихъ. Самые упорные изъ этой школы кончили тѣмъ, что дѣлжны были одинъ за другимъ разрушиться, какъ старый Корнель, но только другимъ смысломъ:

Je suis vaincu du temps, je cède à son trage.

да, они покорились духу времени, бросили свое оружие, сняли съ себя маску, мы увидели и на них слѣды ногтевой оршуна, которые они такъ тщательно прикрывали отъ насъ. И овладѣла ими нагнетъ истинная поэзія нашей эпохи — поэзія слезъ и изысканій, поэзія утѣсто представляющая хаотическую картину современнаго общества и всѣхъ силъ души своей порывающаяся въ будущее, то-есть, къ божественному идеалу...»

Передавая тоску и страданія чело-вѣка, жившаго во времена великихъ нравственныхъ переворотовъ, Жоржъ Сандъ вотъ что говорить между прочимъ устами этого страдальца, лежащаго на смертномъ одрѣ:

«О, вы, подобно мнѣ отренившиеся отъ прошедшаго и неуспѣвшіе привѣтствовать зарю новой жизни! о, несчастные труженики, переломившіе рѣшенье свой о холодный камень гробницы и неузрѣвшіе новаго зданія! какъ продолжительна была ваша агонія, какъ душа ваша страдала! О, люди будущаго, вы, которыхъ ожидаютъ ясныя же духовныя страданія, вспомните о своихъ братьяхъ, призвите ихъ къ молитвѣ своей, воскресите ихъ въ душахъ вашихъ и продолжайте трудъ ихъ, образуя цѣпь несокрушимую между прошедшимъ и будущимъ. Господь не покидаетъ страдальцевъ, обреченныхъ на такой трудъ. Когда поле, на которомъ они обрабатываютъ землю и развиваютъ разумъ, истощается и ослабляется, Онъ влагаетъ въ души ихъ истинныя прорицанія: тайное чувство прошедшаго и предчувствіе будущаго, заставляющіе ихъ сомнѣвать свое безсмертіе...»

«Но какую бы участь Ты ни уготовалъ мнѣ, о Господи! я принадлежу Тебѣ и съ довѣренностію засыпаю въ Твои лонѣ, ибо Ты даровалъ мнѣ жизнь... Мнѣ кажется, что по мѣрѣ того, какъ существованіе мое близится къ

концу— Твое, о Господи! сильнѣе проявляется въ моемъ духѣ. О, великое все! о, безконечная любовь! Ты, къ кому постоянно норовился я, чтобы утолить палаящую жажду знанія! Я нынѣ вхожу въ Тебя, вѣчно жаждущій Тебя, и чувствую, что Ты создалъ меня не для ничтожества, потому-что «одно это слово поражаетъ меня ужасомъ...»

И эта благоговѣйная молитва страдальца, мирно опочившаго на лонѣ Господнемъ и преспокоеннаго высокою надеждою въ челоѣчество, вырвалась изъ души писательницы, выросшей на почвѣ того *запада*, который наши доморожденные, упитанные и довольные собою мудрецы величаютъ *милымъ, развратнымъ и полулуническимъ!*

Они, пожалуй, и божественнаго Платона не призадумаются причислить къ людямъ развратнымъ, ибо Платонъ на вопросъ Анаксагора: «Такъ, во твоему, золотой вѣкъ точно ожидаетъ смертныхъ?» отвѣтствуетъ ему такъ: «Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь, она наступитъ, эпоха этого счастья, о которой мечтаютъ смертные. Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ:—всѣ познанія челоѣка сольются въ одну идею о челоѣкѣ, — всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени? Насъ давно не станетъ, но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ я, и, можетъ-быть, ускорилъ будушее...»

Еще мало и въ наше время людей, трудящихся, подобно Платону, для будущаго, и, подобно ему, глубоко проникнутыхъ будущимъ. Эти немногіе едва начинаютъ выступать изъ смятенной толпы, занятой вышними тревогами — и благословенны идущіе имъ во срѣтѣніе и умѣвшіе съ перваго взгляда отличить ихъ — этихъ:

.....истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,

Съ дарами выпрепннхъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ!

Жакобъ Библиофилъ издалъ недавно съ собственными замѣчаніями и предисловіемъ очень-любопытный историческій памятникъ: *L'Heptameron, ou Histoire des amans fortunés; nouvelles de la reine Marguerite de Navarre* (Гептамеронъ, или Исторія Счастливыхъ Любвицъ, повѣсти королевы Маргариты-Наварской, перепечатанныя съ оригинальнаго изданія 1559 года). Маргарита была женщина, безъ сомнѣнїя, замѣчательная для своей эпохи, и въ повѣстяхъ ея, форма которыхъ заимствована у Боккаціо, вѣрно и необыкновенно-наивно изображаются нравы добраго стараго времени. Первые года царствованія Франциска, какъ всѣмъ извѣстно, были очень-торжественны. Двадцатилѣтній король ознаменовалъ ихъ блистательными военными успѣхами. Онъ, казалось, возвратился во Францію съ поля побѣдъ, для того, чтобъ наслаждаться своимъ торжествомъ и замышлять новыя побѣды. При дворѣ празднества смѣнялись празднествами. Женщины, одиноко изъывавшія въ своихъ замкахъ, были призваны къ двору... И какъ упонительна показалась имъ эта роскошная, оргическая жизнь послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія! какими увлеченіемъ предались они этой новой жизни!.. И сколько героевъ, сколько красавицъ при этомъ блестящемъ дворѣ юнаго и побѣдоноснаго короля! Вотъ уже появляются къ его услугамъ и поэты и художники, — но поэты — выразители современнаго имъ общества, отличаются совершеннымъ отсутствіемъ цѣломудрія, а художники, которыхъ унижали, покровительствуя имъ, — дѣлаются рабами необузданныхъ общественныхъ прихотей... Они, по приказанію своихъ меценатовъ, чеканятъ золотые и серебряныя кубки съ безстыдными,

соблазнительными фигурами, а женщины-меценаты заставляютъ женщинъ торжественно пить изъ этихъ соблазнительныхъ кубковъ! Оргія въ немомъ разгарѣ. Графиня Шатобри въ одно и то же время любовница короля, Карла Бурбова, нашеннаго и небабля и гордаго красавца Бонниве. Лунаа де-Савуа — мать короля, такъ оказываетъ сильное расположеніе къ счастливцу Бонниве... И сколько невольничьихъ, чудовищныхъ фактъ таятся въ соблазнительной хроникѣ этого стараго добраго времени!

Только одна женщина оставалась всегда чистою среди этого распутия двора, — это сестра короля — Маргарита, которая, по смерти пераго своего мужа, герцога алансонскаго, вышла за короля наварскаго. Простая и умная, съ характеромъ живымъ но съ поведеніемъ безукоризненнымъ, строгая только къ самой-себѣ, она балась, смотря на все совершавшееся передъ глазами ея — и не была частна слабостямъ своей эпохи. Она говоритъ, была душою всѣхъ пражестей, украшеніемъ и честью двора, самымъ нѣжнымъ и вѣрнымъ другомъ короля — брата своего.

Но въ то время, когда при Франциска раздавался ширшестенный громъ, когда матеріальная жизнь развивалась въ Парижѣ шире и шире, зная границъ, — за Рейномъ начали возникать великіе религіозные возмущенія... Ужетами все было приготовлено къ появленію Лютера. Реформа возникла изъ потребностей времени — и неволью прониклась духомъ этой формы... Часъ для этого великаго лигіознаго переворота насталъ... Анни Гуссъ былъ сожженъ на костеръ въ честь Лютера воздвиглись алтари.

Герцогиня д'Этампъ, которую звали *La savante des belles*; дочь Лювика XII, занимавшаяся математикой и астрономіей, и Маргарита-Наварка,

сли пораздѣлили этихъ новыхъ идей, то крайней-мѣрѣ покровительствова- ния... И когда Сорбонна возстала съ мечемъ и мечемъ противъ послѣдова- тель реформы, — эти три женщины принимали въ реформаторахъ самое рѣчее участіе. — Кальвинъ былъ даже иванъ Маргаритѣ спасеніемъ своей жини. Маргарита хотѣла все изучать, въслѣдовать, все знать — и окружа- ла себя учеными и поэтами. Самыми приближенными къ ней человекомъ былъ поэтъ *Клеманъ Маро*. Онъ лю- билъ ее и изъ глубины благоговѣнно- общаго сердца вырвался у него этотъ прекрасный стихъ:

Je l'aime tant que je n'ose l'aimer!

Рассказываютъ, будто любовь его къ Маргаритѣ была даже увѣнчана успѣ- хомъ, но можно ли всему вѣрить? — Не вѣстывали ли также, что онъ былъ любовникомъ Дианы де-Пуатье?..

Явно покровительствуя религіозной морѣ, королева, натурально, на- клонна на себя подозрѣніе католиковъ, одинъ изъ самыхъ упорныхъ послѣ- вателей католицизма, коннетабль Монморанси, рѣшился однажды ска- зать королю, будто Маргарита пере- шла религію. — Нѣтъ! я слишкомъ- рѣшо знаю сестру мою, отвѣчалъ ко- ннетаблю: — она меня любитъ, и вѣрованія всегда будутъ одинако- вы съ моими.

Король былъ правъ. Маргарита была, какъ ревностная католичка. *Гептамеронъ* изданъ былъ черезъ 9 лѣтъ послѣ ея смерти... Но какъ объ- явить, что цѣломудренная и чистая Маргарита рѣшилась изображать во- сѣмь вѣговъ распутную жизнь двора французскаго?.. Большая часть повѣстей *Гептамеронъ* основана на истори- ческихъ фактахъ. Всѣ лица этихъ по- вѣстей — историческія. Даже король, и сама ея, играетъ немаловажную роль въ ея сочиненіяхъ.

Т. XXVIII. — Отд. VII.

Простоту и наивность разсказа коро- левы-Маргариты передать въ переводѣ почти невозможно; а потому и не ста- немъ дѣлать выписокъ изъ ея книги; любопытныхъ же читателей попро- симъ обратиться къ самому ориги- налу.

«Гептамеронъ» имѣлъ необычайный успѣхъ при дворѣ Людовика XV. То- гда всѣ читали эту книгу, тогда всѣ говорили о ней съ восторгомъ. И не мудрено. Эти повѣсти должны были льстить испорченному и развратному вкусу того двора. Царедворцы Людо- вика XV не могли понять ихъ ироніи и не видѣли въ этихъ простодушныхъ сказкахъ, которыми они такъ восхища- лись, злой насмѣшки надъ самими- собою...

Большой эффектъ произвели въ Па- рижѣ политическія басни *Венне*, па- тра Франціи и члена академіи. Для насъ онѣ не могутъ имѣть большой за- нимательности.

Разбирая *Monographie de la presse parisienne* г. Бальзака, Жюль-Жаненъ, между-прочимъ, остроумно и вѣрно за- мѣчаетъ:

«Въ то время, когда г. Бальзакъ возился съ своими сорокалѣтними женщинами, — на другомъ концѣ го- ризонта появилась цѣлая фаланга женщинъ полныхъ ювешескаго огня, блестящихъ умомъ, мыслию, красо- тою... Я говорю о женщинахъ Жоржа Занда... Индіана, Валентина, Лелія, Женевьева, Фернанда, Кентилія, Аль- дини, Лавинія, Эдмея... какъ хороши всѣ онѣ и какъ истинны!.. Какою полною жизнью живутъ онѣ, какъ онѣ благородны являются въ борьбѣ съ

• ишю, съ какою энергією и муже-
 • ствомъ переносятъ онѣ опасности и
 • буря! Какъ пламенно онѣ умѣютъ лю-
 • бить!.. Вотъ это женщины! Вотъ это
 • существа живыя!.. И Боже мой! сра-
 • вните ихъ съ женщинами г. Бальза-
 • ка... Эти послѣднія покажутся намъ
 • восковыми фигурами, старыми мод-
 • ными торговками улицы Вивьениъ...
 • Онѣ разрумянены, размазаны, напу-
 • дрены, сморщены, закутаны въ ста-
 • рья нарядыя и пестрыя тряпки,
 • пропитаны нестерпимымъ запахомъ
 • амбры и пачули!.. И отъ-чего это?..
 • Оттого, что женщина г. Бальзака жи-
 • ветъ въ какомъ-то жалкомъ, услов-

номъ, необычномъ мірѣ, — а женщины
 • Жоржа Занда взята изъ міра дѣйстви-
 • тельности...»

Вообще, статья г. Жамена, изъ ко-
 рої мы заимствовали этотъ отрывокъ
 (см. фелъетонъ Journal des Débats 20
 февраля 1843), написана оченъ
 умно и энергически. Мы советуемъ
 прочесть всѣмъ русскимъ поклонни-
 камъ г. Бальзака, и тѣмъ знаменитымъ
 нашимъ критикамъ, которые, отрица-
 съ негодованіемъ все западное, благо-
 годѣютъ передъ однимъ г. Бальзакомъ
 и даже ѣздятъ къ нему на поклоненіе!...

VIII.

С М Ъ С Ъ.

НОВОСТИ УЧЕНЫЯ.

ЭКОНОМИКО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ВЪ ЛОНДОНѢ. — Новое зрѣлище занимаетъ теперь просвѣщенную лондонскую публику — Экономико-Геологическій Музей; онъ открытъ еще недавно; назначеніе его, какъ можно видѣть изъ названія — представить собственно одну практическую, техническую сторону науки, — показать, какъ лежатъ минералы въ недрахъ земли, какъ добываются они отсюда, какъ перерабатываются и наконецъ въ какой видѣ человекъ употребляетъ ихъ для удовлетворенія нуждъ своихъ.

Музей этотъ занимаетъ четыре зала: въ первой находятся различные образчики строительной глины и другіе землистые минералы, употребляемые теперь въ фабричномъ дѣлѣ.

Всѣ эти образчики имѣютъ кубическую форму, и многіе изъ нихъ отлично шлифованы. Въ первой же залѣ расположены граниты, порфиры, песчаники, оолитовый известнякъ, иначе ирландскій камень, альбастры, англійскіе мраморы, которые красотою и сколько не уступаютъ мраморамъ итальянскимъ и самымъ отличнымъ; особенно красивъ здѣсь: бэббикомбскій (Babbicombe) мраморъ и раковинистый известнякъ изъ Графства Пемброкъ.

Т. XXVIII, — Отд. VIII.

Въ концѣ залы лежатъ землистые минералы переработанные, въ томъ видѣ, въ какомъ идутъ они въ приложеніи; здѣсь же находятся и образчики всѣхъ переходовъ, превращеній, которымъ подвергается минералъ въ продолженіе цѣлой передѣлки. Тутъ особенно замѣчательны: порфиръ изъ бѣлой глины, образовавшейся отъ разложенія гранитовъ, горшки, черепица изъ стоар-бриджской глины, кееневскій цементъ, — онъ готовится изъ извести и квасцовъ, бѣлъ, необыкновенно-твердъ и полируется превосходно подъ мраморъ, стюкки, асфальтовый цементъ.

Въ слѣдующихъ двухъ залахъ расположены образчики собственно минераловъ, находящихся въ породахъ, каменный уголь, антрацитъ и различныя ископаемыя смолы. Здѣсь находятся металлы всѣ и въ такомъ видѣ, какъ они получаютъ прямо изъ рудниковъ кристаллами, безформенные, и также образчики всѣхъ переходовъ, которымъ подвергаются они на заводахъ. Здѣсь можно видѣть всѣ способы приготовленія чугуна, стали и слить такимъ образомъ тотчасъ же выгоды и невыгоды различныхъ печей.

На концѣ залы лежатъ самыя предметы, выдѣланные изъ минераловъ: холодное и огнестрѣльное оружіе, ножи.

Модельная особенно интересна для

занимающихся геогнозіей и горнымъ дѣломъ.

Здѣсь стоятъ: модель вообще жилъ и разсѣлинь, сдѣланная подъ надзоромъ Де-ла-Беша, модель снаряда подъежнаго, посредствомъ котораго люди выкадуть изъ рудниковъ на поверхность земли, модель нью-кестльскихъ каменноугольныхъ копей съ вентиляторами въ нихъ устроенными, для возобновленія воздуха (они воздухъ проводятъ на двадцать миль), прекрасная модель Сопвиса (Sopwith) каменно-угольныхъ пластовъ въ Forest of Dean.

Въ этой же залѣ лежатъ образчики различныхъ горныхъ инструментовъ, приборовъ, машинъ, употребляемыхъ саксонскими и корнуэльскими рудокопами.

Предполагаютъ къ этому собранію прибавить еще иностранные инструменты всѣхъ странъ, гдѣ только занимаютъ горнымъ промысломъ.

НОВЫЙ ХИМИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ. —

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, Штейнгель, докторъ и академикъ баварскій, представилъ въ Парижскую Академію Наукъ новый способъ количественнаго химическаго анализа: сначала онъ дѣлаетъ качественный анализъ даннаго раствора, данной жидкости, то-есть, говоря другими словами, опредѣляетъ всѣ вещества, которыя входятъ въ составъ ея, и это все обыкновеннымъ путемъ, извѣстнымъ болѣе или менѣе каждому занимающемуся химіей. При опредѣленіи же собственно количества составныхъ частей, Штейнгель не разлагаетъ раствора, какъ это всегда дѣлается; онъ здѣсь же въ самой жидкости наблюдаетъ различныя физическія свойства составныхъ частей: относительный вѣсъ, степень преломляемости и другія, — и потомъ въ особенной таблицѣ, которую онъ самъ же составлялъ, прискиваетъ процентное содержаніе, то-есть количество частей по цифрѣ, которая выведена изъ наблюдения и показываетъ какое-нибудь физическое свойство.

Штейнгель этимъ способомъ опредѣлилъ составъ пива и съ совершенною точностью; онъ наблюдаетъ только въ немъ относительный вѣсъ и преломляемость.

Главная выгода способа Штейнгеля — скорость; обыкновеннымъ путемъ, разложеніе дѣлаешь мѣсяць, даже двѣ три; а здѣсь на весь процессъ и со всѣми повѣрками требуется не болѣе часа.

СВѢТОПИСЬ.—Бернардъ нашелъ недавно новое средство увеличить еще чувствительность свѣтописныхъ досокъ; онъ приготовляетъ металлическія доски по извѣстному способу Дагерра; также покрываетъ ихъ іодомъ; только потомъ тотчасъ же подвергаетъ ихъ дѣйствию хлора, смѣшаннаго съ воздухомъ и не болѣе какъ на полминуты. Доска отъ этого дѣлается необыкновенно-чувствительна; только-что вставишь ее въ камеръ-обскуру, и тотчасъ же надобно вынимать; ждать нечего, рисунокъ совершенно готовъ; невозможно рѣшительно опредѣлить здѣсь точно количество времени, въ которое свѣтъ успѣетъ произвести отпечатокъ.

Эти свѣтописные рисунки тѣмъ-то олетоваго, почти чорнаго цвѣта.

Свѣтъ дѣйствуетъ не на всѣ свѣтописныя доски одинаково; это можнъ считать каждый ранимавшійся сколько-нибудь свѣтописью. Дагерръ самъ предполагаетъ, что это происходитъ отъ того, что на полированную плоскость падаетъ жирный слой, и онъ совѣтуетъ для этого передъ началомъ операціи кинуть на доску воды, нагрѣть ее свѣтовой лампѣ и потомъ воду слить, только, чтобъ пыль и жиръ, которые собираются въ верхнемъ слое воды, успѣли снова осѣсть на доску.

Бромистое серебро извѣстнѣе серебра отъ дѣйствія свѣта, нежели серебро іодистое: это фактъ извѣстный. Фан-де-Вельденъ воспользовался имъ и довольно-удачно, для свѣтописи; и теперь употребляетъ вмѣстѣ съ іодистымъ бромъ; это тѣло необыкновенно быстро испаряется, и отъ него

его равномерно дѣйствуютъ на металлическую дощечку: кажется, это единственное и главное неудобство, которое оставило Фанкювль замѣнить имъ іодъ въ спектроскопическихъ работахъ. Фан-де-Вальденъ успѣлъ устранить этотъ недостатокъ и вотъ какимъ образомъ: онъ наливалъ на броню слой дистиллированной воды, толщиной въ $\frac{3}{4}$ сантиметра, которая задерживаетъ образование бронистыхъ паровъ; дощечку металлическую держать онъ въ разстояніи 16 сантиметровъ отъ чаши съ бронью и не долѣе одной минуты.

ТЕМНЫЙ СВѢТЪ И ТЕПЛОПИСЬ.—

Всѣ тѣла, полагаютъ профессоръ Мозеръ, отлѣляютъ отъ себя свѣтъ; но этотъ свѣтъ совершенно отличенъ отъ того, который даютъ тѣла свѣтящіяся. Мозеръ назвалъ его собственнымъ свѣтомъ тѣлъ; онъ дѣйствуетъ на всѣ вещества точно такъ же, какъ и обыкновенный свѣтъ; онъ точно также налѣгаетъ ихъ поверхность, такъ-что пары осаждаются различно на ней и образуютъ рисунки.

Вотъ опытъ, изъ котораго Мозеръ вывелъ свое заключеніе: онъ клалъ полированную серебряную пластинку на агатовую печатку и оставлялъ ихъ въ соприкосновеніи на десять минутъ; въ это время, изображеніе, вырѣзанное на камнѣ, отпечаталось совершенно на серебряной дощечкѣ; онъ подвергнулъ еще серебряную дощечку точно такъ же, какъ и въ дагерротипѣ, дѣйствию ртутныхъ паровъ, и изображеніе слѣдалось видимымъ; послѣ того онъ нашелъ, что и водяные и масляные пары дѣйствуютъ точно также на металлическую поверхность. Изъ этого опыта Мозеръ вывелъ, что въ тѣлахъ есть скрытый свѣтъ, точно такъ же, какъ и скрытый теплородъ, и что свѣтъ дается свободнымъ, когда осаждаются пары на поверхность тѣла, и различныя пары здѣсь дѣйствуютъ различно: ртутныя производятъ желтые изображенія; іодовыя, хлоровыя, бромовыя — голубыя и фіолетовыя; во-

дыныя — зеленыя, желтыя, оранжевыя, и никогда красныя.

Опытъ этотъ обратилъ на себя вниманіе Кнорра, профессора Казанскаго Университета; онъ повторилъ его и слѣдалъ еще, вмѣстѣ съ студентомъ Магзигомъ, цѣлый рядъ новыхъ опытовъ, которые уничтожаютъ рѣшительно великоблѣнную теорію Мозера. Онъ вывелъ, что изображенія здѣсь происходятъ не отъ дѣйствія какого-то темнаго свѣта, но отъ теплоты, и содалъ такимъ образомъ новое искусство въ параллель къ спектроскопическому — *теплопись*. Въ-самомъ-дѣлѣ, опыты Кнорра показали, что здѣсь большое вліяніе имѣетъ разность температуръ дощечки металлической и печатки; чѣмъ болѣе эта разность, тѣмъ скорѣе происходитъ изображеніе, когда оно равно 30° Р.; изображеніе бываетъ готово въ 3 и 5 секундъ; наконецъ, изображенія эти дѣлаются видимыми еще и безъ помощи паровъ, когда разность температуръ слишкомъ-велика и они гораздо-красивѣе и яснѣе тѣхъ, которыя получаются при содѣйствіи пара; только здѣсь не надобно нагрѣвать серебряную, или, все равно, мѣдную дощечку до той температуры, когда сталь начинаетъ желтѣть; для этого нужна только температура нѣсколько-выше точки кипѣнія воды; при 0° Р. изображенія очень-трудно и неясно отпечатываются.

Кнорръ предлагаетъ слѣдующій способъ для теплописи: сначала надобно положить надъ пламенемъ винно-спиртовой лампы Берцелиуса тонкую мѣдную пластинку, величиною около 20 квадратныхъ вершковъ; на нее — дощечки, на которыхъ происходятъ изображенія, и на нихъ уже самыя изображаемыя тѣла: стальные штемпеля, монеты, рѣзаныя мѣдныя доски и проч., даже обыкновенныя бумажныя гравюры, — все это постепенно нагрѣвать до тѣхъ-поръ, пока цвѣтъ мѣди начнетъ замѣтно измѣняться, то-есть минутъ 8, 10 и даже 15; потомъ лампу тушатъ, и операція кончена. Такимъ образомъ,

Кнорръ получилъ, вмѣстѣ съ студентомъ Магвигомъ, множество теплопроводныхъ картинокъ и очень-красивыхъ на мѣдныхъ пластинкахъ, толщиной около полулинии; можно также для этого употребить и серебряныя и латунныя, стальныя дощечки. Цвѣтъ мѣдныхъ картинокъ различенъ; на одной поле желто-красное, а изображение самое свѣтло-желто-сѣрое; у другой поле красное съ легкимъ фиолетовымъ отливомъ, а изображение желтое; на третьемъ поле темно-красное съ темно-фиолетовымъ отливомъ, изображение красное; на четвертомъ поле сѣро-серебряное, изображение красное.

Химикамъ остается еще изслѣдовать, откуда это различіе цвѣтовъ можетъ быть, и очень-вѣроятно, что здѣсь участвуетъ и электричество. Кнорръ обѣщаетъ еще продолжать далѣе изслѣдовать свое важное открытіе въ техническомъ и въ ученномъ отношеніи.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОТЪ ГРЕМУЧАГО ГАЗА. — Недавно во Франціи сдѣлаво открытіе очень-полезное, даже спасительное: нашли средство давать знать почти-мгновенно о присутствіи гремучаго газа. Угледородный газъ, будучи смѣшенъ въ известной пропорціи съ атмосфернымъ воздухомъ, воспламеняется мгновенно, когда приходитъ въ соприкосновеніе съ огнемъ, и производитъ сильный взрывъ. Въ каменугольныхъ копяхъ этотъ газъ постоянно отдѣляется, и воздухъ гремучій, слѣдственно, образуется всегда; здѣсь погибло множество работниковъ отъ взрывовъ. Сэръ Гомери-Дэви, англійскій химикъ, изобрѣлъ на этотъ конецъ предохранительную лампу, которая спасла жизнь, можетъ-быть, нѣсколькимъ тысячамъ рудокоповъ. Во Франціи теперь изобрѣли новый телеграфъ, который даетъ знать о присутствіи гремучаго воздуха въ рудникѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ: инструментъ этотъ очень-простъ и надеженъ; вотъ

главное его устройство: чашка съ химическимъ растворомъ, который постоянно измѣняется отъ гремучей смѣси и измѣняетъ свой уровень; въ ней плаваетъ однимъ концомъ линейка, раздѣленная на градусы; въ другому концу привязана гиря, къ ней еще веревка, которая соединена съ колокольцемъ. Когда гремучій воздухъ накопится въ рудникѣ, растворъ измѣняется, уровень его понижается, линейка натягиваетъ веревку, и колокольчикъ звѣнитъ, давая такимъ образомъ знать объ опасности.

ХЛАДНІЕВА БУМАГА. — Въ 1686 году 31-го января, въ полдень, въ деревнѣ Рауденъ, въ Курляндіи, вмѣстѣ съ сѣгомъ, выпало также особенное вещество, похожее на бумагу и въ большомъ количествѣ. Хладни, Гротусъ, Берцелиусъ, Неезъ-фон-Эзенбекъ, Робертъ Броунъ изслѣдовали ее и назвали метеорической бумагой. Эренбергъ наблюдалъ ее въ микроскопъ и нашелъ, что она состоитъ вся изъ итчатокъ или конфервъ и двадцати-двяти различныхъ видовъ инфузорій; изъ нихъ восемь съ кремнистою оболочкою, остальные всѣ съ перепончатыми или мягкими покровами; особенно здѣсь много встрѣчается бацилларій; онъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: вѣтеръ, во время бури, поднялъ всю эту органическую массу съ сосѣднихъ болотъ и перенесъ ее въ воздухъ.

Керстенъ, лѣтомъ 1838 года, изшелъ на лугу близъ Шварценберга, что въ Рудныхъ-Горахъ, также нашелъ вещество, похожее на кусокъ лапки. Эренбергъ изслѣдовалъ его подъ микроскопомъ и открылъ въ немъ тоже конфервы или итчатки, именно итчатку волосную, итчатку точечную и дрожалки, древесныя листья, стебли злаковъ, и между ними еще множество инфузорій; — инфузорій красныхъ шестнадцать видовъ, и три вида съ перепончатою оболочкою.

Подобныя явленія замѣчали и пре-

жде довольно-часто: Симоъ Паули, профессоръ ботаники въ Ростокѣ, пишетъ, что ему прислали изъ Норвегiи въ 1640 году плотную бѣлую массу, очень похожую на бѣлье, батистъ или китайскую бумагу, которая выпала тамъ въ 1639 году и покрыла нѣсколько акровъ земли. Кундманнъ въ своихъ «Диковникахъ» (Seltenheiten der Natur und Kunst) упоминаетъ также о веществѣ, похожемъ на вату или бумагу, которое покрыло берега Одера послѣ разлитiя его.

Въ Псковской-Губернiи, въ Порховскомъ-Уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ Порхова, въ деревнѣ Токарево, принадлежавшей Чихачеву, въ саду, возлѣ пруда, нашли подлѣ черноземомъ тотчасъ же на глубинѣ трехъ аршинъ цѣлый пластъ, толщиною въ пол-аршина, состоящiй изъ отдѣльныхъ тонкихъ слоевъ, или, точнѣе сказать, листовъ, снаружи очень-похожихъ тоже на хладнiеву бумагу. Профессоръ, С. С. Куторга, директоръ Санктпетербургскаго Минералогическаго Общества, наблюдавъ изъ въ микроскопъ при увеличенiи въ 300 разъ и нашелъ, что они также состоятъ изъ конферъ и черенковъ инфузорiй. Изъ сего слѣдуетъ, что этотъ пластъ органической образовался въ белотъ, которое постепенно высыхало.

Здѣсь въ первый разъ еще хладнiева бумага образуетъ толстый, правильный пластъ; теперь ее также можно отнести къ геологическимъ произведенiямъ, именно ее можно поставить въ параллель съ новѣйшими торфами.

Открытiе хладнiевой бумаги замѣчательно и въ практическомъ отношенiи, именно оно показываетъ намъ новое техническое употребленiе нитчатой, которая разводится въ ужасномъ множествѣ въ прудахъ, въ болотахъ и во всѣхъ сырыхъ мѣстахъ; именно изъ нихъ можно дѣлать войлокъ, бумагу. Пластъ въ Псковской-Губернiи очень-мягокъ, легокъ, гибокъ, довольно-бѣлъ, и чернилы очень-хорошо садятся на гладкую поверхность его.

АНТИЧНАЯ ГЛИНА.—Вотъ еще другое открытiе Эренберга, которое доказываетъ также пользу микроскопическихъ изслѣдыванiй въ техническомъ отношенiи. Чтѣ такое жженая земля, tegge suite, изъ которой Греки дѣлали свои вазы, — было неизвѣстно; Эренбергъ своимъ микроскопомъ открылъ этотъ секретъ, до котораго добивались такъ долго фабриканты.

Въ Эгинѣ множество мѣловаго мергеля, въ-особенности въ долинѣ, что тянется на сѣверъ отъ города. По срединѣ долины небольшой конической холмикъ; на немъ стоитъ часовня св. Димитрiя. Холмикъ этотъ состоитъ изъ бѣдно-розоваго трахита, который занимаетъ верхнiй ярусъ, и мѣловаго мергеля трехъ цвѣтовъ: желтаго, бѣлаго и сѣраго; изъ него можно гнiть различныя вещи, и въ-особенности нижнiй слой его бѣдно-желтаго цвѣта съ зелеными полосами, идетъ въ работу.

Эренбергъ, въ надеждѣ открыть въ этомъ мергелѣ жженую землю Грековъ, подвергнулъ его микроскопическому изслѣдованiю и нашелъ въ немъ 96 различныхъ видовъ микроскопическихъ животныхъ, свойственныхъ всѣмъ мѣловымъ мергелямъ греческимъ, и 30 еще другихъ видовъ, которые входятъ въ составъ другихъ горныхъ породъ Греции, которыя не идутъ въ гнiпную работу. Потому онъ еще изслѣдовалъ обломки вазъ греческихъ и нашелъ въ нихъ тѣ же самыя виды инфузорiй, какiе видѣлъ въ эгинскомъ мергелѣ, совершенно сохранившiяся; нисколько-неизмѣнившiяся, слѣдовательно, при обжиганiи замѣчательно еще, что этрусскiя вазы содержатъ въ себѣ другiя инфузорiя и сдѣланы, слѣдовательно, изъ другой глины. Такимъ образомъ, микроскопъ можетъ быть вѣрнымъ оцѣнникомъ и въ археологiи; посредствомъ его можно различить произведенiя художественныя различныхъ народовъ. Известъ въ эгинскомъ мергелѣ вѣроятно находится чрезвычайно — мелкими частицами, потому что нисколько не вредитъ обжиганiю.

ОБРАЗОВАННОСТЬ ЯПОНЦЕВЪ. — Первые обитатели Японскихъ-Острововъ вышли преимущественно съ сѣвера; выходцы изъ сосѣдняго материка, именно изъ полуострова Кореи, съ береговъ китайскихъ, еще пополнили тамошнее народонаселеніе. Вѣроятно также здѣсь поселились и племена, вышедшія изъ южныхъ земель; между береговыми жителями сохранился еще типъ первобытныхъ жителей Острововъ-Филиппинскихъ, Маркизскихъ и другихъ, что близъ Тихаго-Океана. На Японскихъ-Островахъ образованность распространилась отъ юга на сѣверъ. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ въ преданіяхъ и въ литературѣ Японцевъ, видно, что они начали образовываться за восемь вѣковъ до христіанской эры. За 660 лѣтъ до нашей эры, на югѣ Японіи, въ провинціи Хіуга, появился завоеватель безымянный, родоначальникъ династіи Микадо, которая царствовала до-сихъ-поръ; съ того времени начинается исторія этого народа. Завоеватель этотъ былъ очень-образованный человѣкъ; семейство его жило въ горахъ Хіуга, въ удаленіи отъ свѣта, и народъ производилъ его отъ боговъ; но самые ярковысѣщенные между Японцами полагаютъ, что предки перваго Микадо вышли изъ азіатскаго материка.

Кланротъ доказалъ, что магнитная стрѣлка была извѣстна въ Китаѣ въ началѣ IX вѣка нашей эры; а Японцы знали ее еще въ половинѣ VII вѣка. Въ 638 году, находимъ въ лѣтописяхъ японскихъ, что жрецъ устроилъ колесницу съ компасомъ. Это магнитная колесница Китайцевъ. По-временамъ Японцы сообщались съ жителями материка азіатскаго; но всѣ ученые свѣденія царствующая династія Минъ передавала народу. Въ половинѣ VI вѣка, въ 562 году, жрецы буддійскіе перенесли въ Японію науки и искусства изъ небесной и меридіи распространили ихъ еще болѣе между народомъ. Въ началѣ VII вѣка изъ Кореи вывезены были въ Японію книги астрономическія и хро-

нологическія; въ VIII вѣкѣ, Японцы составили первый календарь. Книжки японскія начинаются съ IX вѣка. Съ этого времени особенно совершенствуется астрономія въ Японіи; японецъ способствовалъ еще болѣе сношеніямъ Европою, начавшіяся въ XVI вѣкѣ; ученые миссіонеры принесли сюда съ запада математическія и астрономическія свѣдѣнія, которыя не были извѣстны здѣшнимъ жителямъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИРА ВЪ ЖИВОТНЫХЪ. — Животныя жирѣютъ отъ пищи; растенія тоже питаются, и изъ нихъ образуются различныя масляныя вещества. Поэтому, общее мнѣніе состоитъ въ томъ, что жиръ получается изъ пищи въ животныхъ и растеніяхъ и готовится, вѣроятно, одинаковымъ способомъ.

Дюма, Буссенго, Пайенъ занимались недавно изслѣдованіемъ этого вопроса, и нашли, что жирныя вещества образуются въ однихъ только растеніяхъ, а животныя принимаютъ ихъ готовыми въ пищу; эти химики полагаютъ, что они готовятся преимущественно въ листьяхъ, и именно здѣсь существуютъ такъ-называемое восковое вещество. Травоядныя животныя употребляютъ его вмѣстѣ съ пищею; здѣсь оно окисляется въ крови и образуетъ кислоты стеариновую и олеиновую, изъ которыхъ состоитъ сало или жиръ этихъ животныхъ. У плотоядныхъ животныхъ сало это опять перерабатывается, окисляется вторично въ кислоту и даетъ еще новую кислоту — гирциновую, которая характерна, особенно жиръ хищныхъ и водныхъ животныхъ, и кислоты жирныя, глицерина, находящіяся въ крови и мочѣ, — именно: каприновую, гирциновую и масляную (butirique).

Либихъ полагаетъ, что жиръ животныхъ образуется изъ сахара и воды. Въ самомъ дѣлѣ, основываясь на составѣ сахара, можно предположить за соединеніе углекислоты, воды и жи-

мляро газа (*). Масляный газъ от- дѣльно можетъ самъ сгущаться въ раз- личной степени, сгущать воду и обра- зовать и обыкновенный алкоголь, и картофельное масло, и алкоголь марга- риповый, и проч. Эти тѣла, окисляясь, могутъ образовать еще жирныя кисло- ты, а, слѣдственно, и самый жиръ. Си- рупное масло находится и въ карто- фельной водкѣ, и въ виноградной, и въ пшѣнной, и въ паточной; изъ этого можно вѣрно заключить, что масло это есть продуктъ броженія сахара. И очень-вѣроятно, что также и во время пашеваренія сахаръ отдѣляетъ масла и способствуетъ образованію жира въ травоядныхъ животныхъ. Эти двѣ теоріи послѣднее время занимали Париж- скую Академію Наукъ.

Дюма, Пайенъ и Буссенгô основали свою теорію на слѣдующихъ фактахъ:

1) Сѣно содержитъ въ себѣ болѣе жир- ныхъ веществъ, нежели молоко, изъ котораго оно происходитъ.

2) Шелуха маслянистыхъ зеренъ увеличиваетъ содержаніе жирныхъ час- тей въ молокѣ; но если кормить жи- вотное преимущественно шелухой, то масло дѣлается жиже и отзывается на вкусъ масломъ самаго зерна.

3) Животныя жирѣютъ отъ манса, и причина тому, вѣроятно, большое ко- личество масла, которое содержится въ его зернахъ.

4) Картофель, свекла, рѣпа, морковь отдѣльно сами-по-себѣ не утучняютъ животныхъ, и только въ соединеніи съ веществами жирными — соломою, хлѣб- ными зернами и проч., помогаютъ раз- витію жира.

Либихъ, заклятый противникъ Дюма, началъ на третій пунктъ. «Я кормилъ

въ-продолженіе 36-ти дней» говорить онъ: «мансомъ гуся худаго въ 2 кило- граммъ вѣсомъ, и въ это время я пе- редавалъ ему 12 килограммовъ манса; гусь потучнѣлъ и вѣсилъ 2,50 кило- граммъ; изъ него я досталъ 1,75 кило- граммъ жира; но жиръ этотъ» продол- жаетъ онъ: «находился не въ пищѣ са- мой, потому-что мансъ не заключаетъ въ себѣ и тысячной доли жира.»

«Сверхъ того еще» пишетъ Либихъ: «никто до сихъ — поръ не замѣтилъ превращенія воска въ жирныя кисло- ты; да и трудно, право, понять, какъ вещество не обмыливающееся, твер- дое, можетъ, въ-слѣдствіе окисленія, перейти, превратиться, въ крови, въ кислоту стеариновую, обмыливающую- ся и легко-плавкую. Далѣе, я изслѣ- дывалъ» продолжаетъ онъ: «испра- жненія коровы, которую кормили дол- гое время сѣномъ и картофелемъ, и нашелъ, къ величайшему своему уди- вленію, что эти испраженія заклю- чаютъ въ себѣ почти весь жиръ или воскъ, находившійся въ пищѣ.»

«Корова ежедневно съѣдаетъ 15 ки- лограммовъ картофеля, 7,5 килограм- ма сѣна и поглощаетъ такимъ обра- зомъ 126 граммовъ вещества, раство- римаго въ эвэрѣ, что составитъ въ 6 дней 756 граммовъ. Испраженія въ- теченіе 6-ти дней дали 747,56 грамма вещества растворимаго. Изъ опытовъ же Буссенгô видно, что корова, съ- давшая то же самое количество кар- тофеля и сѣна, въ 6 дней дала 64,92 «литра молока, въ которомъ было 346 граммовъ масла. Невозможно предста- вить, чтобъ эти 346 граммовъ масла образовались изъ 756 граммовъ воска, который находился въ пищѣ, потому- что это количество воска находится въ испраженіи коровы.»

Мажанди тоже на сторонѣ Либиха и приводитъ опыты, которые онъ дѣлалъ надъ лошадьми и которые опроверга- ютъ мнѣніе Дюма и подтверждаютъ те- орію Либиха, заимствованную имъ у Губера. Въ сухомъ сѣнѣ, говоритъ онъ, на 100 частей 2 части воска или 14 ки-

(*) Сахаръ = $C_{12} H_{22} O_{11} + 209 = 12$ ато- мовъ углерода + 18 атомовъ водорода + 9 атомовъ кислорода + 2 атома воды; а угле- кислота = $CO_2 = 2$ атомамъ кислорода + 1 атомъ углерода; вода = $H_2O = 2$ атомамъ водорода + 1 атомъ кислорода. Масляный газъ = $C_2H_4 = 2$ атомамъ водорода + 1 атомъ кислорода.

лограммовъ; въ испражненіи же ихъ на 100 частей жира 6%, или 19,5 килограмма. Такимъ образомъ, лошади отдали жира болѣе и втрое, нежели получили его въ пищу.

Дюма фактами, точными анализами отвѣтилъ на всѣ выходы, отстоялъ, кажется, свою теорію и, главное, доказалъ недобросовѣстность Либиха въ дѣлѣ ученоемъ.

Начнемъ съ маиса.

Либихъ говоритъ: «Леспезь (Lespes) не нашелъ масла въ маисѣ, Горамъ (Gohgam) тоже; Гэнціо нашелъ только 1,5 масла на 100 частей; я во 100 частяхъ маиса, который выросъ самъ въ своемъ саду, нашелъ 4,25 масла. Дюма сдѣлалъ варочно анализъ пролажного маиса и получилъ 7 и 9 частей масла на 100, а этого количества довольно для образованія жира; Либихъ, можетъ-быть, сдѣлалъ и очень-точно свой анализъ; по какой же маисъ можетъ вырасти на тощей и сухой гиссенской почвѣ?»

Травы, шелуха хлѣбныхъ растений, солома, содержатъ въ себѣ тоже достаточное количество жирныхъ веществъ: въ 100 частяхъ сѣна 2 части масла и даже 3 и 5; въ овсяной шелухѣ, въ соломѣ 5 и 6 частей. Этого довольно также для образованія масла и жира.

Кромѣ того, говорятъ еще Дюма, Либихъ не понимаетъ перехода воска въ масло; онъ принимаетъ, что фибрина, бѣлковина, крахмалъ, сахаръ, камедь превращаются въ масло въ животныхъ травоядныхъ; дагѣ, у пчелъ сахаръ переходитъ въ воскъ; отъ-чего же теперь не допустить, что воскъ можетъ переходить и въ жирныя кислоты?

Теперь о наблюденіи Либиха надъ коровою. «Кажется» пишетъ Дюма: «Либихъ опытовъ самъ никакихъ не дѣлалъ, а сочинилъ просто свой чистый результатъ по чужимъ наблюденіямъ, и притомъ, замѣчу, онъ взялъ самыя разнородныя цифры.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, по опытамъ Буссенго, одна бехельброннская корова сдѣдаетъ 15 килограммовъ картофеля,

7,5 килограмма сѣна и дастъ въ 6 дней 64,92 литра молока, въ которомъ масла 3,116 килограмма; другая корова сдѣдаетъ то же самое количество картофеля и 7,5 килограмма клевера, и дастъ только 24,7 литра молока въ три дня, а каждый день отдѣлила 4 килограмма испражненій.

Либихъ взялъ здѣсь первыя цифры 15 и 7,5, а содержаніе воска опредѣлил по гиссенскому сѣну, самому тощему и самому скверному; цифры же испражненій онъ взялъ изъ наблюденія Буссенго надъ второю коровою, а для молока — изъ перваго наблюденія Буссенго. Такимъ образомъ, изъ трехъ коровъ составила у него одна.

Вотъ двѣ теоріи, различныя совершенно между собою. Которая вѣрнѣе? — кажется, теорія Дюма, потому что она опирается на достаточныя факты, а Либихъ сочиняетъ наизобрѣденія. Впрочемъ, вопросъ этотъ еще не рѣшенъ; надобно ждать, чтобъ явился еще третій химикъ, совершенно-безпристрастный, который бы привелъ наблюденія обоихъ противниковъ, и тогда истина объяснится.

ДѢЙСТВІЕ ОЗЕРЪ ВЪ СЪВЕРГНУТЫХЪ АМЕРИКѢ. — Вотъ еще нѣсколько фактовъ, свѣжихъ примѣровъ, какъ разрушительно вода и въ это время; эти примѣры удостовѣряютъ насъ еще болѣе, что земной шаръ подвергался никогда никакимъ маднымъ переворотамъ, которые сдѣлали себѣ ученые, сидя въ своихъ кабинетахъ. Въ Верхнемъ-Озерѣ промышленныя пещеры и затѣйливой архитектуры, въ одномъ берегу, извѣстномъ подъ именемъ Живописной-Скалы, *Pictured Rock*, въ которыхъ входятъ большія лодки; вода поноронила здѣсь, на пространствахъ миль, крѣпкіе песчаники, стѣны скалы, свесла ихъ въ долины и образовала тамъ изъ нихъ довольно-высокія горы, но болѣе всего обнаруживается дѣйствіе ея между Гранитнымъ-Копьемъ (*Granite-Point*) и цѣпью Большаго

а у Пролива-Свѣтой-Марин: здѣсь во-
дѣ снесла огромные холмы песчаные,
в 300 футовъ вышиною. По берегамъ
урана и Мичигана образовались, отъ
дѣйствія воды, тоже дюны, которыя
окрыли окрестныя земли, уничтожи-
ли здѣсь дѣла и сдѣлали почву без-
плодною кругомъ на нѣсколько тысячъ
верстъ; высокіе песчаные холмы опо-
сываютъ и другія озера; на нихъ ра-
стутъ сосны, тополи, березы. Филиппъ
замѣчаетъ, что новый красный песча-
нокъ рѣшительно образовался такимъ
же точно образомъ, какъ эти дюны,
отъ соединеннаго дѣйствія воды и вѣ-
тровъ.

**ГОРЯЧИЕ ОЗЕРА ВЪ НОВОЙ ЗЕЛАН-
ДИИ.** — Въ Новой Зеландіи на каждомъ
милу о-су-пору видно еще дѣйствіе
пламеннаго огня, который способство-
валъ образованію тамошней почвы. Въ
рѣдкихъ островахъ множество горячихъ
зеръ; самое большое изъ нихъ озеро
Таупо. На южномъ берегу его, на про-
странствѣ двухъ квадратныхъ миль,
лежатъ горячіе ключи. Ко многимъ изъ
нихъ трудно, даже опасно подхо-
дить; снаружи почва покрыта ще-
лочною, бѣлою, легкою корою; подъ
нею бѣлая, пепловатая, рыхлая зем-
ля, иже еще особенное вещество жел-
ѣзистое, которое содержитъ въ себѣ
железу и желѣзистый куноросъ; ниже
еще галцедонова земля, и наконецъ
краснѣйшія, сѣроватѣйшія черноземы очень
плодотворны; во многихъ мѣстахъ эта кора
трескается и съ ужаснымъ трескомъ.

Отъ одного ключа кремнезѣмъ образо-
валъ различныя, очень-красивыя ско-
пенія, похожія на нѣкоторые виды по-
мѣлей. Другое горячее озеро, — Ротур-
агана, на сѣверо-западъ отъ Таупо;
кругомъ его горы; по серединѣ нѣ-
сколько островковъ; съ горъ и съ ос-
туповъ отсюда поднимаются пары го-
рячей воды; нѣсколько-выше его нахо-
дится небольшой прудъ, который со-
единяется съ озеромъ; вода въ немъ
Ф. (38° С.). Еще болѣе на сѣверо-за-
падъ лежитъ знаменитое озеро Ротур-

а; по берегамъ его, въ различныхъ на-
правленіяхъ, текутъ горячіе ключи и
на нѣкоторыхъ каждая пять минутъ
подымаются столпы воды и пара фута
два въ діаметръ, а высоту въ три и
четыре фута. Кругомъ ключей камени-
стыя массы, по наружнымъ видамъ
очень похожія на яшму, только очень-
мягкія; вода во многихъ ключахъ вы-
ше точки кипѣнія; она прозрачна, чи-
ста и безвкусна; жители острова съ не-
запамятныхъ временъ готовятъ себѣ
на ней кушанья. Около озера Ротурна
почва вязкая и часто обваливается; въ
ней образуются огромные провалы,
изъ которыхъ выходитъ грязь и дымъ;
это настоящіе маленькіе грязные вол-
каны; изъ грязи здѣсь образуются не-
большіе холмы, высотой въ десять
футовъ.

Въ Крыму, въ окрестностяхъ Керчи,
есть также подобныя грязные волка-
ны; они постоянно отдѣляютъ угле-
водородный газъ и углекислый, и
грязь жидкую, которая состоитъ изъ
сѣрой листоватой глины, распушенной
въ водѣ, гольшей и кусковъ бурога же-
лѣзняка. Эти грязные волканы обра-
зуютъ здѣсь только небольшія возвы-
шенности въ двѣ сажени высотой и съ
довольно-глубокими кратерами, вну-
три наполненныя водою.

КОМЕТА. 17 (5) марта появилась не-
ожиданно комета; въ этотъ день былъ
видѣнъ только одинъ хвостъ ея въ Па-
рижѣ, Брестѣ, Турѣ, и въ Николаевѣ
у насъ въ Россіи; ядро кометы было за-
крыто туманомъ. Слѣдующій день мо-
жно было видѣть и ядро ея. Энке,
берлинскій профессоръ, Платамуръ,
директоръ Женевскій Обсерваторіи,
Дожье и Мозе, ученики при Париж-
ской Обсерваторіи, наблюдали только
эту комету и вычислили ея параболическій
путь и величину хвоста. Платамуръ
нашелъ, что разстояніе ея перигеміи,
т. е. ближайшей точки отъ
солнца, равняется 45 стотысячнымъ ча-
стямъ середняго разстоянія земли отъ
солнца, слѣдственно, она должна была

пройти через атмосферу солнечную; это единственный примѣръ: изъ 140 кометъ, которыхъ орбита извѣстна, ни одна не проходила такъ близко отъ солнца; комета 1680 года была отъ него на разстояніи 0,0006; Энке нашелъ для разстоянія перигимія ея 0,003; наконецъ, по вычисленіямъ Ложье и Мове видно, что разстояніе это равняется 0,03; хвостъ ея длиною 63,000,000 миль.

Новая ли это комета, или она являлась и прежде? Судя по вычисленіямъ Энке, Плантамура и учениковъ Парижской Обсерваторіи, путь ея совершенно отличенъ отъ всѣхъ кометъ, которыхъ были наблюдаемы; остается сравнить ее съ тѣми, которыхъ орбиты, за недостаткомъ наблюдений, не вычислены. Между такими есть одна, которая похожа на вашу комету 1843 г. и по формѣ и по движенію хвоста; она явилась въ 1668, въ мартѣ мѣсяцѣ. Кассини видѣлъ ее въ Боловни; только хвостъ ея длиною отъ 30° до 33°, шпирною въ $1\frac{1}{3}$ ° между созвѣдіями Кита и Эридана; хвостъ этотъ, или свѣтлая полоса, какъ называли его тогда, дѣлался видимымъ, когда появлялись звезды третьяго и четвертаго порядка, и шли отъ запада къ востоку, склоняясь нѣсколько къ сѣверу. Въ 1702 году, Маралди видѣлъ въ Римѣ точно такую же полосу въ томъ же самомъ мѣстѣ. Въ Боловни, Манфредъ, въ этомъ же году, наблюдалъ то же самое явленіе, и замѣтилъ здѣсь тѣ же самыя обстоятельства, которыя наблюдалъ Кассини въ 1668 году; такимъ образомъ время обращенія ея разнится 34 годамъ; Аристотель говоритъ объ этой же самой кометѣ: она явилась, когда Аристей былъ архонтомъ афинскимъ, то-есть въ 373 году.

У насъ, на западномъ небѣ, только видны были слѣды ея хвоста, и сначала не знали, что это была комета. 4-го апрѣля (23 марта), когда пришли уже извѣстія объ ней, начали дѣлать здѣсь наблюдения надъ нею. Но эти старанія были напрасны, потому-что сумерки

въ нашихъ мѣстахъ очень подмуслились; а свѣтъ кометы уже очень ослабѣлъ, и ее нельзя уже было видѣть.

*

ОТЧЕТЪ О ПОЛНОМЪ СОЛНЕЧНОМЪ ЗАТМѢНІИ ПО ОРЛОВСКОМУ ГИМНАЗИИ 26 ІЮНЯ (8 ІЮЛЯ) 1843 ГОДА (*).

Орлѣ. — Въ ночь 25 Іюня была сильная гроза съ проливнымъ дождемъ при С. З. вѣтрѣ, а потому не оставалось никакой надежды видѣть на другой день утромъ полное солнечное затмѣніе при ясномъ небѣ. Весьма-неизвестно изъ жителей было извѣстно, что въ это утро надлежало быть полному солнечному затмѣнію; были нѣтъ нѣтъ и тѣмъ, которые вовсе не вѣрили этому. Съ раннего утра 26 числа, небо покрыто было густыми, непроницаемыми облаками, которыя быстро носились отъ дуновенія С. З. вѣтра. Запасшись французскими телескопомъ съ черными стеклами и реомюровымъ термометромъ à minimum, я, въ 7 часовъ утра, отправился для наблюденія затмѣнія, сколько позволяли обстоятельства, въ публичный садъ, расположенный на горѣ, откуда видѣны обширныя раззолты: Мало-по-малу присоединялись къ мѣсту моихъ наблюдений и другіе посетители. Съ половины осьмачасова, облака стали дѣлаться прозрачнѣе, такъ-что около 8-ми часовъ можно было уже видѣть сивозъ вѣтхъ солнца. Въ это время, большая половина солнца была затмѣнена и оно представляло луну въ первой ея четверти; а простому народу, особенно изъ деревень

(*). Это описаніе составлено мною исключительно Орла изъ собственныхъ наблюденій; относительно же прочія подробности изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ разными наблюдателями участвовавшими въ затмѣніи.

ить, съ удивленіемъ началъ говорить другъ-другу, что на небѣ мѣсяцъ.

Затмѣніе болѣе и болѣе увеличивалось; стало уже замѣтно, что дневной вышвенный свѣтъ пресѣкается, солнце какъ-будто склоняется къ западу и наступаютъ сумерки; птицы, замѣтивъ приближеніе ночи, устылись по деревьямъ, но не переставали пѣть, а потому жители невольно уже всѣ обратили вниманіе на ту часть неба, гдѣ находилось тогда солнце, а оно иногда только проглядывало сквозь облака, и тогда видно было, что свѣтлый кругъ его постепенно уменьшался. Замѣчая такимъ образомъ, что свѣтъ солнца уничтожается, что оно какъ-будто исчезаетъ съ неба, а не склоняется къ западу, какъ бываетъ предъ наступленіемъ вечера, слыша благовѣсть въ церквахъ къ обѣднѣ, можно было подумать, что въ правдѣ происходитъ въ это время что-то необычайное и какъ-бы вопреки законамъ ея.

Вотъ, наконецъ, въ 8 часовъ и 12-ть минутъ, видна была сквозь облака только тончайшая свѣтлая дуга солнца; за нѣмъ мгновеніемъ надлежало быть полному затмѣнію; въ это время густая облака закрывали собою солнце, и въ то же время распространился глубокой пракъ и воцарилась мертвая тишина: облака еще болѣе увеличивали собою темноту. Ничто не могло нарушить этой безмолвной тишины, ибо и звонъ колоколовъ тогда прекратился; ничто не могло пролить хотя нѣсколько свѣта, дабы озарить собою эту часть земли, лишениую солнечнаго свѣта: жизнь природы на время пресѣкалась, и слѣды этого стали мгновенно отпечатываться на всемъ окружающемъ. Наступила страшная, ужасная, величественная, невыразимая словами минута! Вѣроятно, немногіе оставались хладными зрителями этого величественно-ужаснаго явленія; большая часть, съ безпокойствомъ и благоговѣніемъ обращая взоры къ небу, была обуреваема страданіемъ и надеждою и величайшимъ

смирненіемъ предъ величіемъ Всемогущаго.

Чтобъ имѣть понятіе о распространявшейся во время полнаго затмѣнія темнотѣ, приводимъ слѣдующія явленія. Многіе изъ посѣтителей, особливо дальнорокіе, въ публичномъ саду, на открытомъ мѣстѣ, не могли узнать времени по своимъ карманнымъ часамъ. Различая всегда съ большою ясностію близкіе предметы, я едва могъ рассмотреть, что часы показывали тогда 8 часовъ и 17 минутъ. Многіе, идучи по кривымъ тропинкамъ сада, не могли видѣть дороги и искали ее, такъ сказать, *ощупью*. Въ комнатахъ безъ свѣчи нельзя было ничего видѣть. Во многихъ гостиницахъ поданы были свѣчи. Многіе изъ жителей видѣли звѣзды.

Атмосфера значительно подверглась влиянію полнаго затмѣнія солнца. Всякому, особливо на открытомъ мѣстѣ, было тогда чувствительно, что сдѣлалось холоднѣе противъ прежняго; а потому я началъ въ это время замѣчать показанія термометра; хотя жаль, что не могъ замѣтить температуры до наступленія полнаго затмѣнія и ранѣе. Термометръ показывалъ $+15,8$ по Реомюр.; едва я успѣлъ записать нарандашемъ это число, температура понизилась до $+15,1$; послѣ такого же времени она опустилась до $+14,4$ и наконецъ до $+14$ и сдѣлалась постоянною.

Птицы, при наступленіи совершенной темноты, всѣ перестали пѣть; молодые же, которыя не успѣли заблаговременно найти себѣ пріюту, не могли найти прежнихъ своихъ гнѣздъ и падали. Куры и прочія домашнія птицы собирались въ кружокъ подъ закрытыми мѣстами.

Большое влияніе сдѣлало затмѣніе солнца на простой народъ. Зная, что, при кончинѣ міра, какъ повѣствуетъ священное писаніе, солнце потускнѣетъ, простой народъ полагалъ, когда началось полное затмѣніе, что наступаетъ свѣтопреставленіе. По случаю быв-

шей въ то время небольшой въ городѣ ярмарки, стеченіе жителей, особливо деревенскихъ, было необыкновенное. Во время полного затмѣнія, крестьяне и крестьянки толпами бросились въ церковь, чтобы тамъ исповѣдаться; многіе на улицѣ становились на колѣни и молились Богу; иные, наконецъ, въ страхѣ бѣжали домой говоря: *дай Господи мнѣ только проститься съ родными*. Многіе купцы заширли свои лавки.

Спустя 2 или 3 минуты отъ начала полного затмѣнія, блеснулъ первый лучъ солнца, а потомъ болѣе-и-болѣе, и мгновенно все пространство озарилось свѣтомъ; все по-прежнему вошло въ обыкновенный свой порядокъ; птицы начали пѣть; на лицѣ каждаго, кажется, можно было читать тогда необыкновенную радость. Термометръ только въ-продолженіе 10 или 15 минутъ отъ начала полного затмѣнія все показывалъ +14, и уже по истеченіи этого времени температура стала повышаться, такъ-что въ 9 часовъ на термометрѣ было +15,3 Реом.

По окончаніи затмѣнія, день былъ перемежно ясный.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, лежащихъ по курской дорогѣ, вѣвѣтъ былъ конецъ полного затмѣнія. Очевидцы съ восхищеніемъ рассказываютъ о томъ, какъ солнце бросило на землю первый золотой, чрезвычайно-яркій лучъ.

Замѣтимъ еще нѣкоторыя обстоятельства, такъ-сказать, сопровождавшія, полное затмѣніе солнца. Въ-продолженіе іюля мѣсяца (по новому стилю), почти каждый день шелъ проливной дождь; ночью 1 (13) іюля, отъ чрезвычайно-сильнаго проливнаго дождя, выпало такъ много воды, что во многіе мѣсяцы того года, по сдѣланнымъ мною наблюденіямъ, не выпадало ея столько въ-теченіе цѣлаго мѣсяца, а именно: количество выпавшей въ эту ночь воды было слишкомъ на полтора дюйма; сверхъ-того, количество выпавшаго въ-теченіе одного іюля мѣсяца дождя со-

ставляетъ слишкомъ-пятую долю отъ всего количества дождя и свѣга, на павнаго въ-теченіе года.

Кромы. — Съ ранняго утра 26 чиса былъ густой, непроницаемый туманъ и темныя тучи, при совершенномъ безвѣтріи, покрывали собою небо. На большая часть горожанъ (болѣе чиновниковъ), съ нетерпѣніемъ ожидалъ солнечнаго затмѣнія, съ прискорбіемъ думали, что не видятъ его. Въ пятнадцать минутъ девятаго часа (и нѣстными часамъ), въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилось тогда солнце, тучи внезапно разсѣались, и всѣ мгновенно увидѣли солнце въ видѣ новой луны. Начала затмѣнія не видали: оно было к тучамъ.

По мѣрѣ увеличиванія затмѣнія свѣтъ и лучи солнца начали ослабѣвать; лучи, падала на землю, казались странными и неестественными. Свѣтъ солнца въ это время можно было увидѣть свѣту луны въ земную ночь.

Въ семнадцать минутъ девятаго часа жителямъ города представилось великолѣпное зрѣлище полного солнечнаго затмѣнія на чистомъ небѣ, хотя на сѣверѣ и юго-западѣ находились толстыя массы тучъ: солнце представляло собою черное, совершенно-ровное круглое пятно, а вокругъ него находилось свѣтлое кольцо. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и въ земномъ виднѣ были звѣзды.

Темнота, во время полного затмѣнія на открытомъ мѣстѣ была такая, какая бываетъ по заходженіи солнца и лѣтнее время; въ комнатѣ же безъ оконъ нельзя было видѣть находящихся въ ней предметовъ. Темнота продолжалась болѣе трехъ минутъ.

Въ двадцать-первую минуту девятаго, часа край солнца, въ видѣ роза луны, вновь показался, и свѣтъ мгновенно озарилъ все пространство. Затмѣніе совершенно кончилось въ девять часовъ и десять минутъ; причеиъ, по окончаніи его, солнце время-отъ-времени было совершенно покрываемо до

шннися тучами. Послѣ того день былъ ясный и тихій.

Полное затмѣніе не производило никакого дѣйствія на лошадей, коровъ и овецъ; домашнія же птицы, галки и утки старались укрыться и совершенно затихли.

Въ этотъ день въ городѣ была ярка. Когда началось полное затмѣніе, то простой народъ, не бывъ предупрежденъ объ этомъ явленіи, думалъ, что наступаетъ кончина міра. Высто беззвучнаго говора и шума армянскаго, воцарилась мертвая тишина: юрженные страхомъ, иныя, бросая шеръ свой, падали на колѣни и молились Богу; другіе забирали свои лавки и спѣшили въ церковь. Многіе горожане и ближнихъ селъ крестьяне разбѣгались домой съ единомышленнымъ намѣреніемъ простаться съ своими родными и умереть.

Въ деревняхъ, лежащихъ на юго-западо-западъ отъ города, была пасмурная погода; во всѣхъ же прочихъ, лежащихъ къ востоку и юго-востоку отъ города — погода была такая же, какъ и въ самомъ городѣ.

Дмитровскъ и Сѣвскъ. — Погода въ этотъ день затмѣнія была пасмурная.

Тручевскъ. — 26-го іюня во весь день была пасмурная погода. Предъ началомъ затмѣнія пошелъ небольшой дождь, потомъ становилось все темнѣе и темнѣе и наконецъ сдѣлалось такъ темно, какъ бываетъ въ осеннюю ночь. Ближайшихъ предметовъ въ это время было разсмотрѣть; даже при яркомъ свѣтѣ предметы видимы были не такъ ясно, какъ въ обыкновенную ночь. Полное затмѣніе началось въ пятьдевятъ минутъ девятаго часа и продолжалось минутъ пять. Жители, не бывъ предупреждены, находились въ большомъ страхѣ. Такъ-какъ погода была пасмурная, то нѣкоторые, когда началось полное затмѣніе, думали, что сочится сильная гроза; другіе же предполагали, что наступаетъ кончина міра.

По всему уѣзду въ этотъ день была пасмурная погода.

Карачевъ. — Въ этотъ день была пасмурная погода.

Брянскъ. — Времени начала затмѣнія въ точности опредѣлить нельзя, потому-что съ самаго разсвѣта небо покрыто было густыми облаками, которыя быстро неслись отъ сѣвера къ югу; въ ночь же, наканунѣ этого дня, былъ сильный дождь. Въ началѣ девятаго часа утра, облака начали постепенно рѣдѣть; въ половинѣ того же часа можно было уже видѣть солнце сквозь изрѣдившіяся облака, какъ-будто чрезъ накопченное стекло. Въ это время большая часть солнца была покрыта чернымъ пятномъ, а свѣтлая его часть составляла не болѣе пятой доли всего круга. Оно тогда подобно было луны въ началѣ первой четверти, съ тою только разницею, что у луны рога бывають наоборотъ.

Почти въ то время, когда солнце опять совершенно покрылось облаками, сдѣлалось такъ темно, что нельзя было читать, а тѣмъ болѣе писать. Темнота продолжалась не болѣе пяти минутъ.

Послѣ того солнце время-отъ-времени прояснялось и покрывалось облаками. Затмѣніе кончилось около десяти часовъ. Послѣ затмѣнія день былъ ясный.

Затмѣніе особеннаго вліянія на простой народъ не сдѣлало. За нѣсколько времени до затмѣнія рассказываемы были нечѣпости людьми, немѣющими никакого понятія о подобномъ явленіи: говорили, что оно сопровождается будетъ землетрясеніемъ и каменнымъ дождемъ. Въ городѣ, во время этого явленія, все находилось въ обыкновенномъ порядкѣ, исключая того, что на малое время была глубокая темнота; а безъ этого, многіе и не замѣтили бы его.

Изъ уѣзда ничего особеннаго не было слышно относительно этого явленія.

Болховъ и Мценскъ. — Въ этотъ день была пасмурная погода.

Малоярхангельскъ. — 26-го іюня, утромъ въ девятомъ часу, было полное затмѣніе солнца, во время котораго видны были на небѣ звѣзды. Погода была ясная, какъ до затмѣнія, такъ и послѣ него.

Простолюдины устрашены были этимъ затмѣніемъ до того, что оставили всѣ свои дѣла и работы, и думали, что начинается свѣтопреставленіе, а нѣкоторые изъ нихъ начали молиться Богу объ отпущеніи своихъ грѣховъ.

Во многихъ деревняхъ, въ усадьбахъ лежащихъ, полное затмѣніе солнца видимо было при ясномъ небѣ.

Ливны. — Утромъ 26-го іюня былъ дождь; но къ восьмому часу тучи стали рѣдѣть, такъ что показалось солнце, котораго большая половина была уже въ затмѣніи. Послѣ того затмѣніе болѣе и болѣе увеличивалось и наконецъ сдѣлалось полнымъ. Въ это время образовалась совершенная ночь; на востокъ, около солнца, видна была звѣзда. Темнота продолжалась минутъ пять. Затмѣніе кончилось въ одиннадцатомъ часу.

На четвероногихъ животныхъ и птицъ это явленіе имѣло свое дѣйствіе: во время полного затмѣнія слышны были крики первыхъ, а птицы въ испугѣ взлетались.

Въ этотъ день въ городѣ была ярмарка. Когда наступила совершенная темнота, то весь почти народъ пальницъ и ожидалъ свѣтопреставленія, исповѣдуя между тѣмъ другъ-другу свои согрѣшенія.

Елецъ. — Дождливая погода, начавшаяся за нѣсколько дней до затмѣнія, лишала надежды видѣть полное затмѣніе солнца при ясномъ небѣ. Въ ночь, наканунѣ 26 числа, былъ сильный дождь, отъ-чего, въ началѣ слѣдующаго утра, небо покрыто было густыми и сплошными облаками. Въ семь часовъ

показалось солнце, и небо сдѣлалось яснымъ: облака мало-по-малу разошлись. Ни въ формѣ солнца, ни качествъ его не видно было тогда никакихъ перемѣнъ. Въ тридцать-пять минутъ восьмого часа, лучи солнца сдѣлались блѣды и помощію накопченнаго света можно было различить на солнечномъ диске темное пятно, которое безпрестанно увеличивалось, и когда оно закрыло собою половину солнца, то осталась свѣтлая его часть имѣла блѣдный свѣтъ. Съ того времени температура воздуха, при совершенномъ безвѣтріи, болѣе тяжелымъ.

Въ двадцать-восемь минутъ до начала часа началось полное затмѣніе. Какъ то торжественная тишина воцарилась въ природѣ. Явилась ночь и кой-гдѣ усѣяла звѣздами небо. Чтобы различить предметы, необходимо было употребить огонь. Птицы, которыхъ вездѣ была темнота застигла въ воздухѣ, зажались и, не въ состояніи будучи найти привычныхъ своихъ мѣстъ, падали.

Темнота еще продолжалась, а на точные края горизонта начинали горѣть пурпуровымъ огнемъ, какъ бываетъ при восхожденіи солнца; черезъ восемь минутъ послѣ глубокой темноты, свѣтъ съ быстротою началъ распространяться отъ востока, и снова вновь явилось во всемъ блескѣ. Вечеру, небо опять покрылось облаками и ночью былъ сильный дождь. Замѣчательно, что воздухъ, послѣ затмѣнія сдѣлался гораздо-чище.

Многіе изъ стариковъ уѣхали послѣ затмѣнія солнца, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, выпадающаго роса для рогатаго скота, отъ-чего и многие хозяева, опасаясь выгоны, поспешили въ поле свои скотъ, запаслись и нѣсколькими днями кормомъ. Въ этотъ день въ городѣ была ярмарка. Когда началось полное затмѣніе солнца, то народъ, въ чрезвычайномъ волненіи, не боясь толпанъ бѣжалъ съ ярмарки въ родъ; полагая, что настала конца

а, каждый спѣшилъ проститься съ своими домашними. Тѣ же, которые ставались на армаркѣ, въ ужасѣ падали на колѣни, простирая къ небу руки. По окончаніи затмѣнія, на лицѣ владыки можно было читать такую же восторгъ, какъ великъ былъ прежде страхъ.

В. Петровъ.

ДВА МОНАХА ИЗЪ ПЕККИНА.

I.

Вифосы (*). 31 мая 1842.

Я пишу эти строки въ залѣ созерцанія (**) подъ звукъ колокола и громкоговорящихъ монаховъ (***), провожающихъ молитвою закатывающееся солнце. Попадаютея лучи золотять вершину горы, дикою нависнувшей надъ монастыремъ, — и дивныя тѣни скалъ разостлались передо мною фантастическими рисунками. Съ юга поднимаются грозныя тучи, и уже слышны отдаленныя гуды грома; на востокъ видѣется безпредѣльная долина, которая уже тонетъ въ вечернемъ мракѣ; одна стѣна отдѣляетъ меня отъ небольшого дворца, сорытаго въ густой тѣни деревъ, гдѣ цань-лунъ (****) иногда наслаждался уединеніемъ и тишиною, а у самыхъ ногъ моихъ течетъ ручей, изъ котораго изволилъ пить самъ *десять-тысячъ-лунъ* (*****).

(*) Будайскій монастырь, находящійся въ 20 отъ Пеккина, въ западныхъ горахъ.

(**) Зала, въ которую будайскіе монахи обращаются безмолвствовать и углубляться въ предметы міра духовнаго, совершенно отлучаясь отъ всего земнаго.

(***) Хэианъ — будайскій монахъ изъ Кинцэвѣ.

(****) Цань-лунъ собственно есть названіе развенія государя Гаоцзунъ, дѣла нынѣшствующаго императора; здѣсь оно употреблено вмѣсто собственнаго имени государя, по обыкновенію Китайцевъ.

(*****) По китайски: Вань-янь, или Вань-уй, это выраженіе въ просторѣчій иногда употребляется въ видѣ титула императора.

Уже другой день я люблюсь такими картинками, — и всегда мнѣ приходило на мысль какъ-нибудь напечатать вамъ наши пекинскія горы и съ береговъ роскошной Невы перенести васъ подъ кровлю хэшанскаго монастыря, гдѣ я теперь мечтаю и вспоминаю о святой Руси. Вокругъ меня все мрачно — самое прекрасное время для описаній; прошу запастись нѣсколькими минутами терпѣнія, — я начинаю свой рассказъ.

Во-фо-сы, или кумирня спящаго Будды, гдѣ теперь привитаю я, расположена въ одномъ живописномъ ущельи Западныхъ-Горъ, которыя такъ величественно возвышаются на краю пекинской равнины. По словамъ хэшановъ, она построена еще во времена *Танской династіи* (*); хоть я не нашелъ ничего, что бы показывало такую древность, зато очевидно ея богатство, и съ самаго перваго взгляда на нее — предъ вами откроется много предметовъ, замѣчательныхъ по изяществу. Прекрасная аллея тѣнистыхъ *байшу* (**), ведетъ къ великолѣпнымъ воротамъ, во многихъ мѣстахъ обложеннымъ мраморомъ съ отличною насѣкою разныхъ фигуръ, съ фронтономъ, покрытымъ разноцвѣтною глазурью, и кровлями съ желтою и зеленою черепицею, которая сообщаетъ цѣлѣму такое приятное разнообразіе. Мраморный мостъ, дугою перекинувшійся чрезъ огромный бассейнъ, обложенный тѣмъ же камнемъ и наполненный прозрачною ключевою водою, идетъ къ другимъ воротамъ, которыя уже составляютъ входъ въ самый монастырь. Здѣсь предъ вами открывается обширная площадь, обнесенная огромными боковыми зданіями, гдѣ открыты цѣлыя залы для приема посѣтителей; по-средицѣ этого параллелограмма возвышаются ряды кумирень, которыя богатствомъ, вычурностію и разнообразіемъ украшеній, мраморными памятниками, чи-

(*) Царствовавшей въ Китаѣ съ 618 до 908 года по Р. Х.

(**) *Thuia orientalis*.

стотою едва-ли не превосходить всѣ кумирни, какія нѣ удавалось видѣть. Они стоятъ подъ тѣною столѣтнихъ деревьевъ, которые сообщаютъ удивительное величiе всей картинѣ, и своимъ тихимъ шумомъ навѣвають на душу раздумье. Вамъ извѣстно расположение адѣшнихъ зданiй, и я не буду описывать архитектуры кумирень, которые въ главныхъ чертахъ вездѣ однообразны.

Но здѣсь есть одна оригинальность, которая невольно обращаетъ на себя вниманiе, — это колоссальный кумиръ спящаго *Фо* (*). Внутри обширѣйшей залы, освѣщаемой только полусвѣтомъ и наполненной облаками дыма, стоитъ ложе, гдѣ представленъ лежащимъ будда, облокотившись одною рукою на мѣдную подушку, съ закрытыми глазами; вокругъ него стоятъ двѣнадцать *боддисатв* (**), въ благоговѣнномъ молчанiи, преклонивъ головы, какъ-будто они наблюдаютъ за безытежнымъ сномъ великаго учителя. Статуя будды имѣетъ болѣе двухъ сажень длины, и его грудь, кажется, шире двухъ аршинъ; голова, по-видимому, слишкомъ велика, и отъ-того цѣлое теряетъ свою соразмѣрность; не смотря на то, она не внушаетъ ничего ужаснаго и чудовищнаго: лицо его выражаетъ безмятежный покой, и если не имѣетъ особенной изящности, то, крайней-мѣрѣ, не поражаетъ грубостiю формъ. «Посмотрите, говорилъ мнѣ старшiй хэшанъ, водившiй меня по кумирнямъ: на этотъ столъ, гдѣ курятся свѣчи; онъ весь сдѣланъ изъ дорогаго душистаго дерева; а изъ чего построено ложе, на которомъ почиваетъ будда, — этого ни въ какихъ книгахъ не могъ отыскать и самъ импе-

(*) Китайское названiе буддъ вообще, и въ частности будды Шагямуни, — основателя буддской религiи, — о кумирѣ котораго здѣсь идетъ рѣчь.

(**) *Боддисатв* — праведникъ, достигшiй высшей степени святости, но еще не сдѣлавшiйся буддою.

раторъ *Юнь-Чжэнъ* (*), а онъ былъ дрыи государь. Весь будда выдѣланъ изъ чистой мѣди и вѣрно стоитъ изъ жести денегъ. Покойный дѣдъ нѣшняго китайскаго императора приказалъ сдѣлать отверстiе внутри кура, чтобъ узнать, что хранится тамъ; но изъ раны прибавилъ шанъ: «потекла кровь». *О-ми-то-фо-ми-то-фо* (**)! сказалъ набожный рикъ и поднявъ руки, сдѣлалъ глубокие поклона. «Государю чудно» — казалось это событiе — продолжалъ онъ прислать въ кумирню ту доску съ золотыми буквами (***) , которая виситъ надъ дверьми. Государь *Юнь-Чжэнъ* особенно любилъ *Во-фо-ан*; его приказанiю, написаны двѣнадцать портретовъ, которые изображаютъ знаменитыхъ хэшановъ, достигшихъ высокой святости въ мирѣ и рожденiй. Они пожертвованы въ залу созерцанiя на пригласенiе и ученiе намъ ведостойнымъ; вы увидите ихъ тамъ, и даже можете сами и да углубляться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ; самъ императоръ *Цинь-любилъ* уединяться и жить въ этомъ дворцѣ, который стоитъ почти въ мѣстѣ нашего монастыря. Тамъ же

(*) Названiе правленiя императора *Юнь-Чжэнъ*, употребленное вмѣсто собственнаго имени государя.

(**) Воззванiе къ буддѣ Абидѣ, мандаринскихъ обителей.

(***) Доски съ написанными у Китайцевъ составляютъ роль памятниконъ, воздвигнутыхъ въ честь духовъ, въ нихъ кумирни также въ казенныхъ и общественныхъ веденiяхъ, ими покровительствуемыхъ людей, въ мѣстахъ ихъ жительства. Дѣлаются изъ дорогаго дерева и были около двухъ аршинъ длины, одного ширины и верхка два толшины. Надписаны на нихъ болѣею частiю выражаютъ похвалу той особѣ, въ честь которой доска воздвигнута, а иногда объясняютъ случаи, и дивашiй поставитъ ее. Эти доски обыкновенно вѣшаются или надъ воротами, или надъ дворемъ, или надъ дверями зданiя.

возвышается двух-этажное зданіе; цѣль совершается обрядъ посвященія (выѣшній годъ будутъ многіе возведе- ны въ различныя степени. Теперь же собираются со всѣхъ сторонъ кан- дидаты; пріѣзжайте въ шестой лунѣ взглянуть на эту священную церемо- ню: въ это время вся кумирня напо- лняется народомъ и оживаетъ самая пу- тыня).

Радость съ кумирнями таетъ дру- ге отдаленіе зданій, гдѣ могутъ жить рѣзжающіе сюда подышать чистымъ воздухомъ, и гдѣ помѣщаются сами шаши, которыхъ здѣсь считается до шестидесяти человекъ. Самое прекра- шное мѣсто — гдѣ живетъ настоятель: желта-сѣрый и зеленый бамбукъ рас- туть по обѣимъ сторонамъ его неболь- шого двора и безпрестанно колеблется въ мягнѣшаго вѣтра; нѣсколько ку- стовъ древесныхъ ціоновъ (*), расту- щихъ во всей красѣ, и между ними мо- малая юн-лаи (**); въ огромномъ са- ду (***) стоитъ дикій камень, изрытый ждевыми камнями; онъ образуетъ бою искусственную скалу, на кото- рой выставлены маленькія модели ку- ирней, а внизу стелется роскошный ковъ нею-фара; однимъ словомъ, это брачикъ китайскаго вкуса. Я не былъ въ общихъ комнатахъ и столовой казначей, и потому ничего не могу сказать объ нихъ. Кумирня весьма-мно- гочисленна; но чистота и тишина необы- човенныя; рѣдко увидите кого-нибудь, и ваша прогулка никогда не нару- шится толпою звѣвковъ, которые готовы потрѣть все съ головы до ногъ. Ку- ирня съ запада защищена крутою го- рою, а за ней возвышается хребетъ. Когда вы подымитесь на вершину, съдъ вами откроется удивительная картина. Съ одной стороны, великолѣп- ный императорскій дворецъ, прилега-

ющій къ горѣ *Сянъ-шань* (*), раскину- шійся по глубокой впадинѣ и посте- пенно возвышающійся по хребту; изъ тѣни деревъ возникаютъ желтыя кро- вли, какъ-будто облитыя золотомъ; группы теремовъ, бесѣдки и кіоски; все это обнесено стѣною, которая вѣет- ся ожерельемъ вокругъ царскаго двор- ца; одинъ шагъ впередъ изъ-за этой таинственной ограды, — и уже одни го- лубя скалы, камни и горы: ни дерев- ца, ни былинки, — страннѣй, но пре- красный контрастъ! Съ другой — предъ вами развивается безпредѣльная даль пекинскія долины, покрытая зеленью какъ бархатомъ, усѣянная деревьями и садами; *Хай-дань* (**) — дворцы, раз- бросанные по пригоркамъ и озерамъ, наполненнымъ только-что вышедшими листьями *лаи-хоа* (**); даже въ туман- ной дали видѣются башни городской стѣны, — а далѣе все сливается съ пре- красною синевою восточнаго неба и наконецъ тонетъ въ свѣтовыхъ обла- кахъ, какъ въ морѣ. Только-что вы- шедши изъ-за стѣнъ монастыря, по на- правленію на западъ, вы приходите къ водопроводу. Онъ состоитъ изъ вы- стѣченнаго или сложеннаго каменнаго русла, сверху покрытаго покатою кро- влею; здѣсь онъ идетъ незамѣтною ли- ніею, но, спустившись въ долину, до- стигаетъ большой высоты и прямою чертою протянуть къ озерамъ въ *Хай- дань*, которыя, кажется, наполняются его водою. Этотъ водопроводъ не пред- ставляетъ ничего особенно замѣчатель- наго ни по искусству, ни по трудности

(*) *Сянъ-шань* лежитъ въ 5 верстахъ отъ загороднаго дворца *Юань-минъ-юань* (отъ Пекина въ 15 верст.), на западѣ. При ней находится загородный дворецъ *Цзинъ-и-юань*.

(**) Слобода при загородномъ дворцѣ *Юань-минъ-юань*, населенная большою ча- стью купечествомъ и разными мелочными торговцами; при ней же находятся загород- ные дворцы князей и дачи вельможей.

(***) Нею-фаръ, или лотосъ (*Nelumbium speciosum*).

(*) *Pionia mu-tan*.

(**) *Magnolia*.

(***) Кады, или ваза, сдѣланная изъ гли-

тыпопленія, и не стоить сравненія съ вѣмъ великолѣпнымъ водопроводомъ, который сдѣланъ изъ Мытвиць до Москвы. Вода въ немъ сама-собою возвышается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прежде, нежели дойдетъ до равнины. Съ какимъ удобствомъ можно было бы устроить здѣсь артезіанскіе колодцы, которые били бы огромными фонтанами и еще болѣе оживили бы это прекрасное мѣсто! Поднявшись на одну версту вышины, можно дойти до самаго начала водопровода, между-тѣмъ, какъ самый источникъ еще скрывается въ дальнѣйшихъ горахъ. Отсюда начинается дорога, высѣченная ступенями въ горныхъ скалахъ, поднимается на самый хребетъ и вѣтся по вершинамъ, теряющимся въ облакахъ. Она ведетъ къ одной знаменитой кумирнѣ, которая скрывается за цѣлью высшихъ горъ, и куда теперь тянутся цѣлыя вереницы набожныхъ пилигримовъ и пилигримокъ — сдѣлать поклоненіе и жечь свѣчи. Все ущелье наполнено народомъ, раставившимся непрерывною линією, то возвышающеюся, какъ сама горы, то падающею внизъ, какъ пропасти, изрытыя потоками, черезъ которыя должно проходить. Достигнувъ ручья, истомленные и сожигаемые жаромъ, они падаютъ на колѣни и жадно пьютъ холодную струю, и все это оканчиваютъ омовеніемъ лица чистою водою, которая имѣетъ для нихъ какое-то священное значеніе. Презанятельная картина и дышетъ патриархальною простотою; съ другой стороны — вотъ доказательство китайскаго благочестія...

Сильный ударъ грома прервалъ мое описаніе; молнія стелется блестящими полосами по вершинамъ горъ; проливной дождь и вихрь! Облака несутся при сильномъ вѣтрѣ: — значитъ, скоро кончится буря. Такъ мнѣ удалось увидать это мѣсто во всемъ его величіи; я любовался и адѣшнимъ безмолвіемъ, и получилъ понятіе о горныхъ грозахъ. Но болѣе всего мнѣ нравится и глубоко подѣйствовало на душу, когда, среди

глубокой полуночи вдругъ раздается призывный звукъ колокола (*); вся окрестность, погруженная въ невозможный сонъ, оживаетъ и откликается; этотъ торжественный зовъ, среди мѣнаго безмолвія раздается благогошанная пѣснь хощановъ, сопровождаемая мѣрнымъ ударомъ барабана, который при горномъ отраженіи, надаетъ потрясающей звукъ. Это не походитъ на рѣзкіе и дикіе вопли ламъ (**), которые неволью наводятъ ужасъ и страхъ. Завтра я отправляюсь въ душный и пыльный Пекинъ, а къ концу моего письма въ тихой кельѣ, среди своихъ друзей и братьевъ. Тамъ уже поздно; буря стихаетъ; тольконое эхо повторяетъ отдаленные удары грома, какъ влюбленный завѣщываетъ своей милой, или какъ незнаетъ твердить послѣднія прощальныя слова своей любимой родинѣ. Скоро подъ шумъ падающаго дождя и увижу, хотя во снѣ, благословеннорусь.

II.

Русское подворье, 2-го января

Я начинаю другое письмо съ отъѣзда нашего тихаго гулама (**), и мое слово — это живая благодарность за тѣ суровки, которыя мы послали съ верху внизъ и которыя ли для меня самымъ живымъ участіемъ и вашего вниманія въ вашей памяти о Годушане (****).

Моя жизнь идетъ тихо и спокойно, и такъ хорошо, какъ только можно жить на чужбинѣ. Часы грустятъ въ дружеской бесѣдѣ и бѣгутъ отъ

(*) Въ большихъ буддаистскихъ монастыряхъ зываютъ монаховъ на молитву въ колоколь, если онъ есть въ монастырѣ.

(**) Лама — буддаистскій монахъ или головъ, Тибетцевъ или Маньчжурскій.

(***) Луанъ значитъ подворье.

(****) Китайское имя автора письма.

ия, какъ отъ губельной заразы. Каждый день вспоминаю прошлое, каждое утро смотрю, не вошло ли русское солнышко, и всякое скорбное чувство стараюсь смѣнить сладкою мыслию о возвращеніи въ Россію, и часто все забываю въ этой прекрасной мечтѣ. Передъ мной широкое поле для думы и раздумья! Мало-по-малу начинаемъ вглядываться въ окружающій насъ міръ и, забывъ мы ненавидимъ все китайское, не смотря на то, дивимся самому Китаю, и каждый день новая загадка, новое поприще для трудовъ. Стоитъ только перейти отъ частныхъ въ общему, чтобъ видѣть, какое море жизни скрывается въ туманѣ, — жизни, во многомъ рѣзко отличающейся отъ нашей, и не смотря на то, достойной глубокаго изученія и вниманія. Грустно думать, что Китай — великолѣпное кладбище, заброшенное вдали и разрушающееся отъ времени, куда приходятъ только вспоминать событія минувшаго величія и отыскивать только слѣды уже прошедшей жизни. На развалинахъ сооружаются новыя зданія, изъ шелковичнаго червя рождаются бабочка... Знакомлюсь по-немногу съ исторіею Маньчжуровъ; и какъ бы хотелось перенестись въ тѣ дикія мѣста, гдѣ зарождалось первое величіе этихъ родичихъ племенъ и гдѣ расцвѣло ихъ могущество! Теперь только въ своемъ воображеніи воцѣлываю надъ этой таинственной страной, — да и то все мракъ и тьма, — такая бездна, надъ которою, кажется, никогда не взойдетъ солнышко. Являются безъ спроса цѣлые роды и поколѣнія и уходятъ незамѣтно и противно всѣмъ законамъ китайскаго сагга, даже не сказавъ ни своей амиліи, ни чина; а ихъ характеры темны и неопредѣленны, что трудно опредѣлить, кто они такіе; на всѣ вопросы и допросы нельзя дожидаться никакого отвѣта; а вышшіе Маньчжуры забыли и свой языкъ и свои пѣнія. Жду съ нетерпѣніемъ, когда развѣшатъ иностранцамъ путешествовать по всему Китаю; тогда съ палкою въ

рукахъ, пѣшкомъ отправлюсь на *Чань-бошань* (*) и окунусь въ глубокихъ водахъ Амура.

Нынѣшней весной я не дѣлалъ никакихъ поѣздокъ за городъ, кромѣ несчастнаго странствованія въ *Вофосы*, гдѣ я имѣлъ глупость сдѣлать вамъ такое длинно-тошное описаніе, отъ котораго у меня-самого заболѣла голова. Ботаническихъ экскурсій я не дѣлалъ, потому-что нынѣ было самое неблагоприятное время для растений. Ранніе жары, потомъ постоянный сильнѣйшій западный вѣтеръ и совершенная засуха — истребили почти все прозябаемое. Только наше подворье цвѣло и благоухало лучше прежняго. *Тынъ-ло* (**) было такъ роскошно, такъ роскошно, какъ-будто въ *Таньшань* (***): купленные прошлаго года *модань* (****) вынѣ цвѣли, и это было для меня ручательствомъ, что и вывезенныя вами въ Петербургъ должны быть также хороши. Недавно я узналъ отъ одного хэшана, знатока въ разведеніи цвѣтовъ, что для разведенія *неюфаровъ* сѣменами нужна только глина хорошо-смоченная и покрытая на четверть водою; по его словамъ, масса глины должна быть втрое болѣе воды. Трехгодовалыя сѣмена не теряютъ еще своей растительной силы. На первый годъ можетъ выйдти только корень, а не цвѣтъ; значитъ, — если посланные сѣмена по какимъ-нибудь обстоятельствамъ не дадутъ ростковъ, — то такая неудача не должна еще лишать наде-

(*) Названіе горъ въ Маньчжуріи, лежащихъ на южныхъ предѣлахъ области *Гуринь*.

(**) *Wiseria Sinensis*.

(***) Императорскій дворець, отстоящій въ 20 верст. отъ Пекина къ сѣверу; при немъ находятся горячія минеральныя воды и устроены ванны. Онъ получилъ это названіе отъ горы, лежащей въ полторѣхъ верстѣ отъ него къ западу.

(****) Древесный піонъ; маньчжурское названіе.

жды. По первому требованію ихъ можно выслать достаточное количество.

Кстати здѣсь упомянуть о пекинскихъ новостяхъ, о которой вы, безъ сомнѣнія, увидите и безъ меня, именно о пожарѣ *Ци-хуа-мынскихъ* Воротъ, знаменитыхъ въ исторіи нынѣшней династїи тѣмъ, что ровно почти за двѣсти лѣтъ (безъ двухъ годовъ) ими вошли Маньчжуры и заняли столицу. Я смотрѣлъ на этотъ пожаръ уже утромъ на другой день, но успѣлъ еще видѣть всю сцену огня и дѣйствія вѣдшей пожарной команды. Вся стѣна, прилегающая къ башнѣ, была наполнена чиновниками и нѣсколькими ротами солдатъ; на зубцахъ развѣвались знамена для большей важности и торжественности при такомъ рѣдкомъ зрѣлищѣ. Три или четыре коротенькіе насоса, на каждой сторонѣ, чуть-чуть брызгали по бокамъ пылающаго зданія. При появлявшемся парѣ все приходило въ восторгъ и съ самодовольствіемъ кричало: *хад, хад!* (*); за то, когда вода не достигала до назначенія, цѣлыя тысячи народа, столпившіяся вокругъ пожара, освистывали громкимъ смѣхомъ своихъ брандмейстеровъ; когда не доставало воды, восемь человекъ попарно съ ушатами, — каждая пара въ сопровожденїи двухъ солдатъ, державшихъ въ рукѣ небольшое знамя, — торжественно спускались со стѣны и отправлялись на каналъ; при громкихъ крикахъ къ народу, чтобъ посторонились, они мнвуть черезъ пятнадцать снова поднимались на стѣну и опять начинали тушить; опять насосы брызгали, чиновники курили трубки, солдаты держали знамена, народъ вѣвалъ, а башня горѣла; однимъ словомъ, пожаръ совершился по всей законной китайской формѣ. Не знаю, каковы были первоначальныя дѣйствія; по-крайней-мѣрѣ, я засталъ это дѣло въ такомъ положенїи, въ какомъ мною описано.

В. Горскій.

(*) Славно, славно!

ОТРЕЧЕНІЕ ЛУДОВИКА БОНАПАРТЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА. (*Статья Эмля Марко-де-Сент-Илера*). — Луи Бонапарте былъ истинно-добрый человекъ, у котораго достало твердости душевной, чтобъ отказаться отъ скпетра, какъ-скоро онъ увидѣлъ, что онъ болѣе не независимъ. Онъ получилъ отъ брата своего Наполеона Голландію имѣвшую титулъ королевства: эта политическая земля свободы не могла и часть въ лучшія руки. Наклонности Луи Бонапарте были самыя простыя, характерныя. Человѣкъ умный и знающій онъ въ литературѣ искалъ того разсужденія, котораго не доставляли ему работы правительственныя; онъ желалъ въ одно и то же время и счастья своего народа и своего собственнаго спокойствія, и не могъ достигнуть ни того ни другаго. Добродушіе, кроткое обожденіе заставляли любить его всѣ, кто окружалъ его и служилъ ему. Доброта Луи Бонапарте обратилась въ пословицу. Съ самаго приѣзда въ Парижъ, куда призвалъ Наполеонъ, Луи Бонапарте не сомнѣвался, что братъ рѣшился присоединить королевство къ Имперіи Французской.

Посоветовавшись съ своими министромъ иностранныхъ дѣлъ и самыми преданными придворными чиновниками, король голландскій, жившій въ дворцѣ своей матери, рѣшился вернуться въ свои владѣнія, чтобъ принять необходимыя мѣры противъ стѣнныхъ происковъ Талеярана, какъ и вѣдалъ. Но, готовясь къ отъѣзду, онъ замѣтилъ, что за всѣми его дѣйствіями присматриваютъ и не смотрятъ его съ глазъ. Окончательно урѣшился онъ въ этотъ отъ своего гоше-шала, которому одинъ жандармъ вручилъ свое порученіе. Этотъ жандармъ, по имени Бриду, служилъ въ драгунскомъ полку, когда Луи Бонапарте командовалъ этимъ полкомъ. Какъ бы то ни было, король, желая обмануть своихъ надзирателей, притворился, будто онъ вовсе не подслушиваетъ этого шпіонства.

Уже предложено было королю сред-
ством обмануть бдительность тогдашня-
министра полиции, герцога Ровиго;
средство состояло въ томъ, чтобъ
сдѣлаться, выйдти изъ дворца че-
резъ двери оранжерей, у которой не
было караула, дойти до Фландрской
гавани, и добрые кони могли въ сут-
ки перенести короля на голландскую
землю.

Изъ сожалѣнія, Лудовикъ, хотя былъ
еще молодой, не могъ принять такого
средства; упавъ разъ съ лошади въ
неблизкомъ лагерѣ, онъ съ трудомъ
могъ пѣшкомъ; сверхъ-того, правое
рукоустье его было почти парализовано
въ дѣйствиіе ревматическаго пораже-
нія. По-этому, онъ не могъ пуститься
на какой побѣгъ.

Слѣдствіе довольно-непріятнаго свиданія
съ императоромъ, Лудовикъ рѣ-
шилъ, какимъ бы то ни было обра-
зомъ, немедленно уѣхать въ Голландію;
Наполеонъ, отгадавъ это намѣреніе,
сталъ еще строже присматривать за
королемъ, и жандармы, расположившись въ
окрестности дворца его матери и не
смотря на приказанія скрывать свое пору-
шеніе, объявили королевскому гофмар-
шалу, что они помѣщены тутъ по по-
желанію самого императора и обязаны
присматривать короля голландскаго
короля, куда его величеству угодно бу-
детъ уѣхать. Во время этого плана,
герцогъ Реджіо занялъ Бергогноомъ и
Брюссель, и Лудовикъ предувѣдомленъ
объ этомъ только императоромъ
императорскимъ декретомъ, которымъ
присоединена къ Франціи вся страна, лежа-
щая между Маасомъ, Шельдой и Океаномъ.
Легко понять, что такіа непріят-
ная слѣдовавшая одна за другою,
бѣды были сильно подѣйствовать на
душу короля, которое и безъ того
было очень-слабо. Онъ скоро серьезно
заболѣлъ и принужденъ былъ лечь
въ госпиталь.

Въ Голландіи, куда всѣ слухи дохо-
дили въ преувеличенномъ видѣ, рас-
пространялась молва, будто король
убѣжалъ, королева Гортензія назна-

чена правительницею государства, и
скоро пріѣдетъ въ Амстердамъ съ сво-
имъ сыномъ. Между-тѣмъ, Лудовикъ
восторжествовалъ надъ болѣзнію, ко-
торая состояла только изъ сильнаго
нервическаго припадка. Во время бо-
лѣзни, его навѣщали многіе члены им-
ператорской фамилии. Одинъ Наполе-
онъ не пріѣзжалъ къ нему. Вдругъ,
однажды утромъ, коляска его остано-
вилась на дворѣ дворца его матери, въ
который онъ пріѣзжалъ весьма-рѣдко;
придворные голландскаго короля, не
зная еще, къ кому идетъ императоръ,
къ матери или къ брату, смѣли
встрѣтить его. По обыкновенію, про-
ворно всходя по большой лѣстницѣ,
Наполеонъ спросилъ ихъ:

— Ну, каково здорѣе бѣднаго Лу-
довика? Онъ все еще въ постели?

Императоръ введенъ былъ въ отдѣ-
леніе короля.

— Ну, что? сказалъ Наполеонъ бра-
ту, подойдя къ постели его: — ты бо-
ленъ и сердиться; это никуда не го-
дится.

— Ваше величество, мнѣ лучше, от-
вѣчалъ Лудовикъ, поднявшись съ по-
стели.

— Очень-радъ, но тебѣ нужно очи-
ститься. *L'humeur est la source de tou-
tes nos indispositions.*

Лудовикъ чувствовалъ колкость этихъ
словъ и рѣшился говорить только ис-
ключительно о болѣзни. Разговоръ, по
этому, былъ незначительной; не сказа-
но было ни одного слова, которое имѣ-
ло бы отношеніе къ несогласіямъ, су-
ществовавшимъ между ними. Разставъ-
шись съ братомъ, Наполеонъ, стараясь
принять веселый видъ, сказалъ ему:

— Старайся также быть веселѣ; по-
забавь себя чѣмъ-нибудь немножко.

— Я объ этомъ и думаю, ваше вели-
чество, отвѣчалъ король, печально
опуская голову.

— Подражай мнѣ, сказалъ Наполе-
онъ: — ѣзди на охоту, въ спектакль,
выѣзжай; — ну, словомъ; будь въ дви-
женіи.

— Ваше величество, это мое намѣреніе; только бы позволило здоровье...

— И прекрасно сдѣлаешь. Ну, прощай, зайду на минуту къ матушкѣ. Какъ выздоровѣешь, приѣзжай ко мнѣ, позови меня къ себѣ обѣдать, мы поболтаемъ.

И, пожавъ руку Лудовика, Наполеонъ сошелъ внизъ къ матери, у которой пробылъ еще менѣе, чѣмъ у брата, то-есть, около десяти минутъ; визиты императора никогда не бывали продолжительнѣе.

Выздоровѣвъ совершенно, Лудовикъ хотѣлъ самъ увѣриться, все ли еще онъ подл арестомъ, и отправился въ Нѣсли повидаться съ сестрой своей Элизой. Онъ не замѣтилъ вокругъ коляски своей никого, кромѣ своихъ людей, по-крайней-мѣрѣ такъ ему показалось. На другой день онъ доѣхалъ до Сен-Дѣ, но въ отдаленіи ясно рассмотрѣлъ жандармовъ, и убѣдился, что ему не должно простираться далѣе своихъ прогулокъ. Наконецъ, когда онъ мало-по-малу согласился на все, что императоръ требовалъ отъ него и отъ Голландіи, почетный арестъ былъ снятъ съ него.

Немедленно король отдалъ приказъ, чтобъ весь домъ его ѣхалъ въ Компьенъ, гдѣ Марія-Луиза должна была провести нѣсколько недѣль. Замокъ, хотя и обширный, былъ достаточно для помѣщенія только императорскаго двора. Самыя маленькія квартиры предложены были иностраннымъ государямъ, приглашеннымъ на комьпенскіе праздники, такъ-что съ ними помѣщалось не болѣе двухъ придворныхъ, а остальные были размѣщены въ городѣ.

Королевѣ Гортензій въ этомъ замкѣ отведено было небольшое отдѣленіе, призывавшее къ отдѣленію, занятому ея супругомъ; одна только дверь раздѣляла ихъ, — обстоятельство довольно необыкновенное и конечно не случайное; но похвальное намѣреніе распоряжавшихъ размѣщеніемъ царственныхъ особъ не послужило ни въ чему:

супруги не сказали другъ другу ни слова во все то время, какъ жили под одною кровлею.

Однажды въ полночь, воротившись отъ императрицы, у которой былъ *grand cercle*, Лудовикъ позвалъ своего гофмаршала и сказалъ ему, что у него сейчасъ же отправиться въ Парижъ.

Г. де-Брокъ, не осмѣливаясь сообщить королю о причинѣ такого внезапнаго отъѣзда и притомъ въ такую пору, приказалъ подать карету, и въ часъ по полуночи она стояла уже у главнаго подъѣзда; вдругъ вспыхнулъ огонь на кровлѣ замка; пламя, вылетавшее изъ слуховыхъ оконъ, произвело трепетъ и во дворцѣ и въ городѣ; по-этому Лудовикъ отправился въ путь не ранее трехъ часовъ утра, когда успѣли потушить огонь.

По какой причинѣ король хотѣлъ бѣжать изъ замка такъ внезапно, съ ночи? Думали, что причиною этого отъѣзда былъ пожаръ. Но при приготовленіи экипажа данъ былъ въ прегде пожара. Истинную причину этого бѣгства узнали уже спустя нѣкоторое время: король хотѣлъ избѣжать примиренія съ королевою, своею супругою. По желанію императора, и его и принца Евгенія намѣреніемъ помирить ихъ на другой день утра.

Повидавшись въ послѣдній разъ с Наполеономъ, Лудовикъ воротился въ конецъ въ Голландію, но воротился одинъ. Королева Гортензія и дѣти ея остались въ Парижѣ. Приѣзлъ король въ Амстердамъ произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что никто не ожидалъ его, послѣ того, что произошло въ Голландіи. Не смотря на это, всѣ радовались присутствію его въ столицѣ, особенно, когда онъ объявилъ, что скоро приѣдутъ королева и наследный принцъ его. Эта радость была непродолжительна. Любовь Лудовика къ единенію несомнѣнна была съ волненіями тогдашняго времени. Скоро самъ испуганный безпорядками, которые считалъ неизбежными, и не чув-

ствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ выдержать борьбу съ ними, Лудовикъ уступилъ своимъ наклоностямъ и рѣшился отказаться отъ престола, провозгласивъ правительницею супругу свою. Но королева — иностранка не могла быть правительницею въ такой юной монархіи, какъ Голландія; еще менѣе своего супруга, она могла отратить грядущія бѣдствія, и печальная перспектива этихъ бѣдствій заставила ее отказаться отъ правленія.

Подписавъ отреченіе отъ престола, король инкогнито уѣхалъ изъ Амстердама, проѣхалъ владѣнія брата своего Геронима, спокойно и весело царствовалъ въ Вестфалии, проѣхалъ Саксонію и отправился сначала на тѣплицскія воды, въ Богеміи, а потомъ поселился въ Грацѣ, въ Штирии, гдѣ и началъ жить по своему вкусу, частнымъ человѣкомъ.

Узнавъ объ отреченіи отъ престола короля голландскаго, и вовсе неприготовленный къ этому, Наполеонъ сильно разгнѣвался; не зная даже, куда дѣлся Лудовикъ, онъ думалъ, что онъ уѣхалъ въ Англію. Въ такихъ-то обстоятельствахъ, сказалъ онъ Камбасересу:

— Вы увидите, что, осыпавъ все семейство мое благодѣяніями, я буду покинуть ихъ; родные мои не будутъ благодарны мнѣ за то, что я сдѣлалъ для нихъ.

Вечеромъ онъ ложился спать, какъ вошелъ въ его комнату Дюрокъ.

— Кстати, Дюрокъ, сказалъ онъ: — съ Лудовикомъ дѣло кончено: онъ дезертировалъ.

Дюрокъ отвѣчалъ только наклоненіемъ головы, которое будто говорило: что жъ прикажете мнѣ тутъ дѣлать? Наполеонъ продолжалъ:

— Я предвидѣлъ, что Лудовикъ кончитъ какой-нибудь глупостью, но никогда не думалъ, чтобъ онъ былъ способенъ къ такой глупости.

Дюрокъ все еще молчалъ; Наполеонъ заговорилъ совершенно-другимъ тономъ:

— Дюрокъ, знаешь ли, какія теперь три великія столицы имперіи?..

И, не давъ времени отвѣчать Дюроку, прибавилъ:

— Это Парижъ, Римъ и Амстердамъ — не правда ли, чудный будетъ эффектъ на картѣ Европы?

ПОЛКОВНИКЪ САНТА-КРОЧЕ. (*Рассказъ Александра Дюма*). — 20-го іюля 1826 года, въ шесть часовъ вечера, въ Кастро-Джованни зала трибунала была наполнена любопытными; даже въ смежныхъ улицахъ волновались толпы мужчинъ и женщинъ, которыя, не найдя себѣ мѣста внутри судилища, съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ кончится судъ. Этотъ судъ былъ важенъ для всего народонаселенія центра Сициліи. Увѣряли, будто обвиненный, стоявшій теперь передъ судьями, принадлежалъ къ шайкѣ знаменитаго капитана Лунджи Лана, который, держась то на дорогѣ изъ Катаны въ Палермо, то на дорогѣ изъ Катаны въ Джирдженто, а иногда и на обѣихъ дорогахъ, тщательно обиралъ всѣхъ путешественниковъ, имѣвшихъ неблагоразуміе ѣхать или идти по той или другой дорогѣ.

Синьйоръ Лунджи Лана былъ одинъ изъ тѣхъ бандитовъ, которые встрѣчаются только въ Сициліи, да въ комической оперѣ, и которые отправляются на большія дороги за тѣмъ, чтобъ искоренять злоупотребленія общества и возстановлять равновѣсіе между милостями и немилостями фортуны. Двадцать человѣкъ шли съ нимъ дѣло, двадцать показавшіе представили они начальству на счетъ бандита, но ни одно изъ этихъ показаній не походило на другое. Одни говорили, что это молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-четырехъ или двадцати-пяти, блондинъ, съ лицомъ женоподобнымъ; другіе утверждали, что это человѣкъ лѣтъ сорока или сорока пяти, съ чертами рѣзкими, съ лицомъ оливковымъ, съ черными и курчавыми волосами. Были и такіе, которые говорили, будто выдали его въ церквахъ, какъ молился онъ съ такимъ

сердечнымъ умилеиємъ, что могъ пристыдить самыхъ усердныхъ монаховъ; другіе называли его нечестивцемъ, беззаконникомъ, рассказывали, будто слышали, какъ онъ изрыгалъ богохульства, отъ которыхъ могло потрястись небо. Наконецъ, были такіе, — впрочемъ этихъ было немного, которые говорили, что онъ гораздо — честиѣ людей, преслѣдующихъ его, чтобы повѣсить, — что онъ простое обѣщаніе сдерживаетъ вѣрнѣе, чѣмъ многіе купцы сдерживаютъ письменныя обязательства; эти господа опирались на событіе, которое дѣйствительно доказывало, что сивийоръ Луиджи Лана нешутялъ своими обѣщаніями. Вотъ происшествіе, на которомъ основывали они доброе мнѣніе объ этомъ странномъ лицѣ.

Разъ, когда его преслѣдовали, онъ нашелъ убѣжище у одного богатаго Сициліянца, маркиза Виллальбы. Разставаясь съ нимъ, признательный Луиджи обѣщавъ ему, что и онъ и всѣ его люди могутъ впредь совершенно-безопасно путешествовать по Сициліи. Вѣря этому обѣщанію, маркизъ Виллальба чрезъ нѣсколько дней послѣ того отправилъ своего управителя въ Чефалу. Между Полици и Коллесано управитель былъ остановленъ однимъ разбойникомъ. Какъ ни увѣрялъ бѣдняжка, что онъ слугитель маркиза Виллальбы, и что капитанъ обѣщавъ безопасность маркизу и его людямъ, бандитъ не слушалъ его жалобъ и отпустилъ бѣднаго управителя голаго, какъ червя. Видя невозможность идти далѣе въ такомъ слишкомъ — натуральномъ костюмѣ, управитель воротился назадъ и попросилъ пристанища въ первомъ, попавшемся ему домѣ въ Полици; отсюда написалъ онъ къ своему господину, описавъ неприятое приключеніе свое и спрашивавъ, что ему дѣлать. Маркизъ Виллальба видѣлъ, что нельзя потянуть Луиджи Лана въ судъ за то, что онъ не сдержалъ своего слова, и хотѣлъ уже написать къ бѣдному управителю, чтобъ онъ воротился въ замокъ, какъ подали ему два мѣшка, ко-

торые принесъ въ замокъ какой-то не извѣстный отъ капитана Луиджи Лана. Въ первомъ мѣшкѣ были деньги, отнятыя у управителя, во второмъ — голова разбойника.

Въ то же самое время другой не извѣстный принесъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ шелъ пристанище управитель, платившее съ него.

Съ этого дня, ни одинъ бандитъ и смѣлъ коснуться ни маркиза Виллальбы, ни людей его.

Итакъ, 22-го іюля 1826 года, въ трибуналѣ Кастро-Джованни судили челоуѣка, обвиненнаго въ томъ, что онъ принадлежалъ къ шайкѣ Луиджи Лана и подосрѣваемаго въ убійствѣ англійскаго путешественника, три мѣсяца назадъ, то-есть 18 мая, между Чанторби и Патерно. Такъ-какъ Англичанинъ умеръ черезъ два дня послѣ того какъ получилъ четыре удара пистолетомъ, то нельзя было обличить преступника посредствомъ очной ставки. Въ передѣ смертью, Англичанинъ, сохранившій хладнокровіе, достойное страны, въ которой онъ родился, такъ подробно описалъ примѣты убійцы, что на основаніи его показаній чрезъ недѣлю мѣсяца, убійца былъ арестованъ.

Вмѣсто слова «преступникъ», мы могли бы сказать просто «обвиненный», потому-что мнѣнія на счетъ челоуѣка стоявшаго передъ судьей Бартоломео раздѣлились. Дѣйствительно, не смотря на показанія покойнаго Англичанина, не смотря на совершенное сходство означенныхъ имъ примѣтъ съ чертами лица обвиненнаго, арестантъ упорно утверждалъ, что судъ ошибается, что въ тотъ день, какъ совершено было преступленіе, онъ находился въ ислермскомъ портѣ, гдѣ исправлялъ ремесло переносчика. Къ-несчастью, сивийоръ Бартоломео, кастро-джованнискій судья, не вѣрилъ этому отпирательству, и бѣдняжкѣ мало было надежды оправдаться, тѣмъ болше, что онъ никакъ не могъ доказать своего отсутствія въ время убійства.

Въ такомъ положеніи были дѣла, и съ минуты-на-минуту ожидали рѣшенія суда. Въ это время со стороны Палермо пріѣхалъ въ Кастро-Джюванни верхомъ въ сопровожденіи двухъ слугъ, прекрасный молодой человекъ, лѣтъ двадцати восьми или тридцати, въ англійскомъ полковничьемъ мундирѣ, и остановился въ гостинницѣ «Циклопъ», которую содержалъ Гаэтано Пакка. Такъ-какъ путешественники такого разбора рѣдко бывали въ Кастро-Джюванни, то Гаэтано самъ выбѣжалъ за двери и никому не хотѣлъ уступить чести поддержать узду лошади пріѣзжаго, тогда какъ онъ сходилъ на землю. Полковникъ сначала не хотѣлъ принять такой вѣжливости, но, видя настойчивость будущаго хозяина своего, не сталъ спорить съ нимъ изъ-за такихъ пустяковъ, слѣзъ съ лошади по всѣмъ правиламъ верховой ѣзды и вошелъ въ гостинницу, слегка обметая хлыстикомъ пыль съ сапоговъ и панталонъ.

— Покорившійся слуга вашего превосходительства, сказалъ полковнику Гаэтано, который, отдавъ узду лошади одному изъ слугъ пріѣзжаго, вошелъ въ гостинницу: — вѣчно буду гордиться, что такой знатный господинъ, какъ ваше превосходительство, изволилъ остановиться въ гостинницѣ «Циклопъ». Ваше превосходительство, вѣроятно, изволили совершать большой путь, а большой путь возбуждаетъ аппетитъ. Что прикажете подать къ обѣду вашего превосходительства?

— Любезный мой Пакка, сказалъ пріѣзжій съ рѣзкимъ мальтійскимъ акцентомъ: — сначала сдѣлайте мнѣ удовольствіе, отвѣчайте на вопросъ, который я предложу вамъ, а потомъ мы вернемся къ предложенію, которое вы мнѣ сдѣлали.

— Я весь къ услугамъ вашего превосходительства.

— Очень — хорошо. Мнѣ хочется знать, сколько миль отъ Кастро-Джюванни до замка почтеннаго друга моего, князя Патерно?

— Ваше превосходительство вѣроят-

но не думаете пуститься сегодня въ такую дальнюю дорогу и притомъ въ такую пору?

— Извините, любезный Пакка. Но вы не замѣчаете, что на мой вопросъ вы отвѣчаете другимъ вопросомъ. Я спрашиваю, сколько миль отсюда до замка князя Патерно, — понимаете?

— Семнадцать миль, ваше превосходительство.

— Очень — хорошо; у меня лошадь добрая, и я поспѣю туда въ три часа; если я выѣду въ восемь часовъ вечера, буду въ замкѣ ранѣе полуночи. Приготовьте обѣдъ для меня и моихъ людей; прикажите также накормить лошадей.

— Господи-Боже! воскликнулъ трактирщикъ: — не-уже-ли ваше превосходительство хотите ѣхать ночью?

— Отъ-чего же итъ?

— Но ваше превосходительство должны узнать, что дороги не безопасны.

Пріѣзжій презрительно засмѣялся; потомъ, помолчавъ съ минуту, сказалъ проложка обивать хлытомъ пыль съ панталонъ:

— Чего же бояться?

— Чего бояться? И ваше превосходительство спрашиваете объ этомъ?

— Ну, да, я спрашиваю.

— Не-уже-ли ваше превосходительство не изволили ничего слышать о Лунджа Лана?

— Лунджа Лана? Что это за человекъ?

— Этотъ человекъ, ваше превосходительство, самый страшный бандитъ, какой только жилъ когда-нибудь въ Сициліи.

— Право?

— Да притомъ теперь онъ, я думаю, просто бѣсится, и я головой отвѣчаю, что онъ никого не пощадитъ.

— Отъ-чего же онъ бѣсится, Гаэтано? Скажите-ка.

— Отъ-того, что сію минуту судятъ одного бандита изъ его шайки.

— Гдѣ это?

— Здѣсь, ваше превосходительство.

— И вѣроятно этотъ бездѣльникъ будетъ осужденъ?

— Боюсь, что такъ, ваше превосходительство.

— Отъ-чего же вы боитесь, Гаэтано?

— Отъ-чего, ваше превосходительство? Отъ-того, что Дуважи Лана такой человекъ, что въ-сердцахъ сожжетъ, пожалуй, весь Кастро-Джіо-ланни.

Полковникъ захохоталъ.

— Позвольте спросить, чему позволите смѣяться, ваше превосходительство? спросилъ озадаченный трактирщикъ.

— Смѣюсь тому, что одинъ молодецъ пугаетъ дюжину такихъ трусовъ, какъ вы, отвѣчалъ пріѣзжій. Помолчавъ съ минутою, онъ продолжалъ: такъ вы думаете, что этотъ человекъ будетъ осужденъ?

— Не сомнѣваюсь въ этомъ, ваше превосходительство.

— Жаль, что я не пріѣхалъ пораньше, сказалъ полковникъ, говоря какъ-бы самъ съ собою: — мнѣ было бы пріятно посмотрѣть, какую этотъ бездѣльникъ скорчитъ рожу, когда услышитъ приговоръ.

— Можетъ-быть, еще есть время, и если вашему превосходительству угодно будетъ развлечься этимъ, пока приготовленъ будетъ обѣдъ, я напишу на-ру словъ къ судѣ Бартоломео: онъ кумъ мой, и я увѣренъ, что судья същещетъ вашему превосходительству мѣстечко подлѣ самыхъ адвокатовъ.

— Спасибо, любезный Пакка, сказалъ полковникъ, вставая и идя къ дверямъ: — спасибо; но вѣрно ужъ поздно. Я слышу большой шумъ, народъ расходится по домамъ, вѣрно приговоръ ужъ произнесенъ.

Дѣйствительно, толпа, тѣснившаяся за десять минутъ вокругъ трибунала, разсѣялась по улицамъ, и всюду громко повторялось роковое слово: «на смерть! на смерть!»

Обвиненный, не смотря на свое отпирательство, не могши привести въ

оправданіе ни одного свидѣтеля, приговоренъ былъ къ висѣлицѣ.

Молодой полковникъ стоялъ у дверей, хмурилъ брови, кусалъ усы; потомъ, когда улица опустѣла и только тамъ-и-сямъ видны были отдаленныя группы, онъ обернулся къ трактирщику, который почтительно стоялъ позади его, поднявшись на-пипочкахъ и стараясь глядѣть на улицу черезъ плечо его.

— А когда, думаете вы, будутъ казнить этого человекъ, любезный Пакка?

— Вѣроятно, послѣ-завтра утромъ; сегодня судъ, ночью исповѣдь, завтра приготовленія къ смерти, а послѣ-завтра висѣлица.

— Въ которомъ часу?

— Утромъ въ восемь часовъ. Такъ обыкновенно бываетъ.

— Право, мнѣ сильно хочется...

— Чего, ваше превосходительство?

— Посмотрѣть, какъ будутъ вѣшать этого молодца, если ужъ мнѣ не удалось слышать суда надъ нимъ.

— Ничего нѣтъ легче; ваше превосходительство можете завтра утромъ ѣхать, посѣтить вашего друга, князя Патерно, и завтра же вечеромъ воротиться сюда.

— Чудесно! вы говорите точно какъ-га, любезный Пакка; я сдѣлаю все, что такъ. Теперь ступайте, приготовьте мнѣ обѣдъ и комнату, да постарайтесь, чтобъ все это было, по-крайней-мѣрѣ, порядочно. — Какъ вы сообразуете я поѣду завтра утромъ, а вечеромъ вернусь. А между-тѣмъ, вы побѣдите прискаты мнѣ получше мѣстечко, чтобъ поглядѣть на казнь; на-примѣръ, какое-нибудь окно, — я заплачу что угодно.

— Я сдѣлаю еще лучше, ваше превосходительство.

— Что же такое сдѣлаете вы, любезный Пакка?

— Вашему превосходительству известно, что обыкновенно судья находится при казни и для него устраивается какое-нибудь вышеніе?

— А! Такъ обыкновенно бываетъ? — не зная этого. Ну, что жъ дадите?

— Такъ я и попрошу у судьи мѣстечка для вашего превосходительства; я ужь докладывалъ вамъ, что имѣю честь быть его кумомъ.

— Чудесно, Гаэтано! Я съ своею стороны обѣщаю, если вы достанете мнѣ это мѣсто, не повѣрять вашего счета, и отдать все сполна.

— Все уладимъ; будьте увѣрены, ваше превосходительство, останетесь до волны и гостиницей и хозяиномъ.

— Надѣюсь, любезный Пакка; а покуда приготовить обѣдъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь почитать?

— Какъ не быть, ваше превосходительство, какъ не быть! сказалъ Гаэтано, отворяя шкафъ, гдѣ плѣснѣло нѣсколько дрянныхъ разрозненныхъ книжочекъ: — вотъ «Путеводитель по Сицилии», знаменитаго доктора Франческо Феррары; вотъ два тома «Легкихъ Стихотвореній», аббата Мели, вотъ «Исторія Страшнаго Бандита Лунджи Лана», съ портретомъ, снятымъ съ натуры.

— А! чортъ возьми! Любезный хозяинъ, дайте-ка эту книгу, подайте ее скорѣй; мнѣ страхъ какъ хочется взглянуть, какую тутъ приставили ему рожу.

— Извольте, ваше превосходительство.

— Чортъ возьми... что это за гадость вашъ пріятель Лунджи Лана, съ этими усищами, съ глазами на выкатѣ, съ включенными волосами, съ шляпою въ видѣ сахарной головы, и съ пистолетамъ за поясомъ?

— Да, ваше превосходительство, такъ ни страшна эта копія, а все еще ничего въ сравненіи съ подлинникомъ.

— Право?

— Могу увѣрить ваше превосходительство.

— Такъ вы видѣли его, любезный Пакка? спросилъ полковникъ, покачиваясь на стулѣ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я, но у меня останавливались двое путешественниковъ; они гдѣ-то встрѣ-

тились съ нимъ и описали мнѣ его съ головы до ногъ.

— Вотъ что! Впрочемъ, у страха глаза велики. Теперь ступайте-ка, любезный хозяинъ, займитесь обѣдомъ, а я покуда посмотрю, таковъ ли этотъ господинъ и по дѣламъ, каковъ по лицу.

— Мигомъ, ваше превосходительство, мигомъ все будетъ готово.

Путешественникъ кивнулъ головою, давая тѣмъ знать, что ему вполне извѣстно, что значитъ итальянское *subito*, и растянувшись на двухъ стульяхъ съ совершенно — южною небрежностію, принялся за чтеніе.

Вѣроятно, не смотря на презрѣніе, съ какимъ раскрывалъ полковникъ книгу, похождения бандита показались ему интересными, потому-что, когда черезъ полчаса Гаэтано воротился въ залу, онъ засталъ полковника въ томъ же положеніи и съ книгою въ рукахъ.

Если полковникъ хорошо провелъ эти полчаса, то и Гаэтано не потерялъ ихъ даромъ. Потолковавъ съ господиномъ, онъ пошелъ толковать съ слугами его, и узналъ отъ нихъ, что путешественникъ, котораго онъ имѣлъ честь принять у себя, молодой Мальтійецъ, богачъ, получающій въ годъ до ста тысячъ ливровъ и купившій себѣ полковничій чинъ въ Англіи. Оставалось узнать имя его. Гаэтано нашелъ самое простое средство достигнуть этой цѣли: по итальянскому обычаю, онъ принесъ реестръ, въ который путешественники вписываютъ свои имена.

Полковникъ, слыша, что кто-то подошелъ къ нему, поднялъ глаза, и замѣтилъ хозяина; увидя реестръ, онъ отгадалъ его намѣреніе, протянулъ руку, взялъ перо, и на указанномъ ему мѣстѣ написалъ: Полковникъ Савта-Кроче.

Гаэтано былъ удовлетворенъ. Теперь онъ зналъ все, что ему хотѣлось знать.

— Теперь, сказалъ онъ: — если вашему превосходительству угодно садиться за столъ, супъ подавъ.

— За чѣмъ не сказали вы мнѣ этого

раньше, любезный Пакка? — Я бы избавилъ васъ отъ труда снимать вашъ приборъ.

— Какъ, снять приборъ? Развѣ онъ вамъ не нравится?

— Не то, чтобъ не нравился, а видите ли, любезный, въ чемъ дѣло; я привыкъ вытирать руки голландскимъ полотномъ и ѣсть изъ серебряной посуды; это не значитъ, что ваши салфетки нечисты и оловянный приборъ не вылужень, но, съ вашего позволенія, я долженъ отказаться отъ нихъ. Позовите моего человѣка.

Гаэтано немного обидѣлся такимъ неуваженіемъ къ его прибору; но такъ-какъ полковникъ общалъ не повѣрять его счета, то онъ рѣшился при расчетѣ отплатить ему за это оскорбленіе.

Минуть черезъ пять, камердинеръ полковника привезъ дорожную шкапулу и вынулъ оттуда столовую серебряную посуду, два серебряные прибора и серебряный позолоченный стаканъ, все съ гербами полковника.

Полковникъ принялся за обѣдъ Гаэтано не очень охотно, и едва отвѣдалъ каждаго блюда. Онъ вышелъ изъ-за стола. Погода была прекрасная; ясно свѣтила луна; онъ рѣшился прогуляться по городу. Гаэтано предлагалъ ему быть проводникомъ его, но полковникъ отвѣчалъ, что онъ любитъ гулять одинъ.

Не смотря на то, такъ-какъ Гаэтано отъ природы былъ очень-любопытенъ, онъ и вышелъ черезъ пять минутъ послѣ полковника, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ прогуляться самому, а въ-самомъ-дѣлѣ за тѣмъ, чтобъ встрѣтиться гдѣ-нибудь съ полковникомъ. Но, хотя въ Кастро-Джіованни было только двѣ или три главныя улицы, надежда почтеннаго трактирщика не исполнилась, и онъ нигдѣ не замѣтилъ ршительной и гордой походки молодого путешественника. Проходя мимо тюрьмы, онъ увидѣлъ, что туда пошелъ бѣдный монахъ францисканскаго ордена; божій человѣкъ шелъ готовить осужденнаго къ смерти.

Полковникъ воротился въ полночь.

Гаэтано сильно хотѣлось спросить, что онъ нашелъ любопытнаго въ Кастро-Джіованни и всегда ли онъ такъ домигуляетъ. Но въ ту минуту, какъ раскрывалъ онъ ротъ, чтобъ предложить этотъ вопросъ, молодой человѣкъ такъ гордо и холодно приказалъ ему разбудить себя завтра въ шесть часовъ, что Гаэтано голосъ заглохъ во рту, и онъ поклонился въ знакъ повиновенія, и отвѣчая ни одного слова. А полковникъ заперся въ своей комнатѣ съ человѣкомъ, который пробылъ съ нимъ д часу.

Въ семь часовъ утра, полковникъ выпивъ только чашку чорнаго кофе поѣхалъ въ замокъ князя Патерно; онъ взялъ съ собою камердинера; другой слуга остался въ гостинницѣ беречь поклажу и напоминать Гаэтано, что онъ общалъ доставить полковнику мѣсто подлѣ судьи при казни преступника.

Казнь въ Кастро-Джіованни была дѣло не совсѣмъ-обыкновенное; поэтому день, предшествовавшій ей, прошелъ тревожно; колокола гудѣли, народъ бѣгалъ по улицамъ, всякій старался узнать, не слышно ли какихъ новостей отъ судьи или тюремщика Думали, что преступникъ, видѣвъ раскаяніи одно средство смягчить строгость правосудія, признался всемъ, и тогда можно будетъ узнать что-нибудь положительное и о немъ и о питанѣ его, Думали Яана. Ошиба было напрасно; обвиненный не только въ чемъ не признавался, напротивъ продолжалъ увѣрять въ своей невинности, твердя одно и то же, что въ тотъ день, когда совершенно было исполнено пленіе, онъ находился въ Палермо, есть въ ста-пятидесяти миляхъ отъ мѣста, гдѣ оно было совершено.

Самъ духовникъ не могъ ничего вывѣдать, и почтенный монахъ вышедши изъ тюрьмы, говоря, что онъ боится, не ошибся ли въ-самомъ-дѣлѣ судъ.

Такимъ образомъ день прошелъ самымъ жаркимъ уреніемъ на сѣ

виновности или невинности осужденнаго; вечеромъ освѣтились окна моленной, въ которой онъ долженъ былъ провести послѣднюю ночь. Вечеромъ въ десять часовъ тотъ же монахъ, который исповѣдовалъ его, введенъ былъ въ моленную и покинулъ престанта въ половинѣ двѣнадцатаго. По уходѣ его, осужденный, цѣлый день бывший въ сильной тревогѣ, казалось, былъ горадо-спокойнѣе.

Въ полночь полковникъ воротился съ камердинеромъ въ гостиницу «Циклопъ», приказалъ Гаэтано сначала позаботиться о лошадяхъ, и потомъ спросилъ, исполнилъ ли онъ его порученіе. Гаэтано отвѣчалъ, что кумъ его, судья, считаетъ себѣ за честь угодить чѣмъ-нибудь его превосходительству, а что для него завтра будетъ очищено мѣсто подлѣ самого судьи, на возвышеніи.

Въ теченіе всей ночи, звонили колокола, призывая добрыхъ людей къ молитвѣ за кающагося преступника. На слѣдующій день съ пяти часовъ утра, улицы отъ тюрьмы до мѣста казни были запружены любопытными; въ окнахъ видѣлись тысячи головъ; даже кровли трещали подъ зрителями.

Въ семь часовъ, прибылъ на площадь судья и взошелъ на возвышеніе съ нѣкоторыми городскими чиновниками; какъ общалъ Гаэтано, подлѣ судьи оставлено было мѣсто полковнику.

Въ половинѣ восьмага явился и полковникъ, вѣжливо и важно поблагодарилъ судью за его свисхожденіе, потомъ взглянулъ на великолѣпные часы, украшенные алмазами, чтобъ видѣть, сколько времени остается ему ждать, и сѣлъ на почетномъ мѣстѣ среди начальства города Кастро-Джіованни.

Въ восемь часовъ колокола извѣстили о выходѣ осужденнаго изъ тюрьмы.

Черезъ нѣсколько минутъ, возрастающій ропотъ народа возвѣстиялъ приближеніе его. Впереди ѣхалъ верхомъ палачъ; за палачомъ шли четыре стража; за ними самъ осужденный ѣхалъ на оселѣ, обернувшись головою къ хвосту,

чтобъ не терять изъ вида гроба, который несли за нимъ братья милосердія.

Осужденный, казалось, очень-разсѣянно слушалъ увѣщанія сопровождавшаго его монаха. Всѣ говорили, что эта разсѣянность проиходила отъ-того, что монахъ былъ не тотъ, который посѣщалъ его въ тюрьмѣ. Дѣйствительно, этотъ монахъ не явился, и приружены были съискать другаго, чтобъ осужденный не умеръ безъ утѣшенія религіознаго. Какъ бы то ни было, несчастный былъ очень-безпокоенъ и бросалъ тревожные взгляды вправо и влѣво на толпу. Подѣхавъ къ возвышенію, гдѣ находился судья, въ ту минуту, какъ духовникъ помогалъ ему слѣзать съ осла, осужденный вдругъ громко вскрикнулъ и, указывая головою, потому-что руки были связаны, на полковника, сказалъ, обратившись къ монаху:

— Батюшка, вонъ господинъ, который, если захочетъ, можетъ спасти меня.

— Который? спросилъ монахъ съ удивленіемъ.

— Тотъ, что сидитъ подлѣ судьи, батюшка; тотъ, что въ красномъ мундирѣ и полковничьихъ эполетахъ. Самъ Богъ привелъ его сюда. Чудо! чудо!

И всѣ за осужденнымъ начали повторять «чудо!» не зная еще, въ чемъ дѣло; это не помѣшало однакожь палачу подойти къ осужденному для исполненія своей обязанности. Духовникъ сталъ между ними.

— Остановись! сказалъ онъ: — ради Бога, остановись! Господинъ судья, продолжалъ монахъ: — осужденный говорить, что подлѣ васъ сидитъ свидѣтель, который можетъ доказать его невинность. Заклинаю васъ, господинъ судья, выслушать этого свидѣтеля.

— Какой это свидѣтель? спросилъ судья, поднимаясь съ своего мѣста.

— Полковникъ Санта-Кроче! Полковникъ Санта-Кроче! вскричалъ несчастный.

— Я? спросилъ съ удивленіемъ пол-

ковникъ, вставая также съ своего мѣста. — Я, мой другъ? Ты вѣрно ошибаешься, и хоть ты знаешь мое имя, но я не знаю тебя.

— Такъ вы его не знаете? спросилъ судья.

— Все не знаю, отвѣчалъ полковникъ, поглядѣвъ еще пристальнѣе на осужденнаго.

— Я такъ и думалъ, возразилъ судья, качая головою: — это обыкновенная хитрость преступниковъ.

За тѣмъ онъ сѣлъ опять на свое мѣсто, давъ знакъ палачу дѣлать свое дѣло.

— Полковникъ! вопилъ осужденный: — полковникъ! вы не дадите мнѣ умереть, когда одно ваше слово можетъ спасти меня. Полковникъ, позвольте мнѣ только предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Да! да! кричала толпа: — это правда; пусть говоритъ осужденный, пусть онъ говоритъ.

— Господинъ судья, сказалъ полковникъ: — я думаю, что по человеколюбію мы должны уступить просьбѣ несчастнаго. Если онъ хочетъ насъ обмануть, то замедлитъ казнь только нѣсколькими минутами.

— Я ни въ чемъ не могу отказать вашему превосходительству, отвѣчалъ судья, и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— Стражи, подведите сюда осужденнаго.

Несчастнаго подвели. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и дрожалъ всѣми членами. — Ну, что, беднѣйшій? сказалъ судья: — вотъ тебѣ и его превосходительство, говори же.

— Ваше превосходительство, сказалъ осужденный: — не помните ли вы, что 18-го числа прошлаго мая вы пріѣхали изъ Неаполя въ Палермо?

— Совершенная правда, мой другъ: — точно въ это время я пріѣхалъ въ Сицилію.

— Не помните ли, ваше превосходительство, перевозчика, который перенезъ на тележкѣ ваши чемоданы изъ

порта въ гостиницу Четырехъ-Кантоновъ, въ которой вы остановились?

— Точно; я жилъ въ гостиницѣ Четырехъ-Кантоновъ, отвѣчалъ полковникъ: — но, признаюсь, совершенно забылъ лицо человѣка, который провозжалъ меня туда.

— Не-уже-ли вы забыли и то, ваше превосходительство, что, когда я проходилъ мимо слѣсарни, изъ нея вышелъ слѣсарскій ученикъ, съ желѣзной волосой на плечѣ, и ударилъ меня ею по голове и нанесъ мнѣ вотъ эту рану? Смотрите.

И осужденный, нагнувъ голову, показалъ дѣйствительно рану, едва зажившую.

— Да, твоя правда, совершенная правда, сказалъ полковникъ: — и я помню это обстоятельство, какъ-будто оно случилось только вчера.

— Позвольте вамъ еще напомнить, продолжалъ съ радостію осужденный, видя, что его узнаютъ: — позвольте вамъ напомнить, что вы, какъ великодушный господинъ, вмѣсто шести карликовъ по уговору, пожаловали мнѣ двѣ унци.

— Все это сущая правда, сказалъ полковникъ, обернувшись къ судья: — но мы сейчасъ справимся по въѣду. И каждый день записываю, что со мной случается; бумажникъ со мной; но трудно увѣряться, точно ли я въѣхалъ въ Палермо 18-го мая.

— Справьтесь, справьтесь, полковникъ, сказалъ осужденный: — только я увѣренъ, что я оправдаюсь!

Полковникъ вынулъ бумажникъ, выискалъ 18-е мая и прочиталъ въ журналѣ: — Сегодня 18-го мая въ 11 часовъ утра я пріѣхалъ въ Палермо, нанявъ въ портѣ бѣдняка, который былъ занятъ при перевозкѣ моихъ вещей. Остановился въ гостиницѣ Четырехъ-Кантоновъ.

— Видите-ли? видите ли? кричалъ осужденный.

— Господинъ судья, сказалъ полковникъ: — если убійство совершено дѣйствительно 18-го мая, то я думаю

уѣрять васъ моею честью, что 18-го мая этого человѣкъ былъ въ Палермо. И такъ-какъ онъ не могъ быть въ одно и то же время въ Палермо и Чепторби, то вначитъ—онъ невиненъ.

— Невиненъ, невиненъ! закричала толпа.

— Да, невиненъ, друзья мои, невиненъ! сказалъ осужденный. — Я былъ увѣренъ, что Богъ спасетъ меня какии-нибудь чудомъ.

— Чудо! чудо! кричала толпа.

— Ну, хорошо, сказалъ судья: — отпусти его назадъ въ тюрьму; мы сдѣлаемъ другой допросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, освободить! сейчасъ освободить! кричалъ народъ.

И, съ этими словами, нѣсколько человѣкъ бросились къ возвышенію, развязали осужденному руки, а другіе сложили висѣлицу, и начали бросать камнями въ палача, пустившагося наутекъ.

Полковника народъ съ торжествомъ проводилъ въ гостиницу «Циклопъ».

Цѣлый день Кастро-Джіованни бушевалъ съ радости, и когда полковникъ въ полдень уѣзжалъ изъ города, онъ едва могъ пробиться сквозь толпу, которая неистово вопила: «да здравствуетъ полковникъ Санта-Кроче! да здравствуетъ спаситель невиннаго!»

Что касается до осужденнаго, такъ какъ вслѣдствіе хотѣлъ поговерить съ нимъ и услышать отъ него разсказъ о приключеніи его, то не ранѣе вечера увидѣлъ онъ себя на свободѣ. Тихонько, въ темнотѣ, вышелъ онъ за городскія ворота, пустился со всѣхъ ногъ въ одно горное ущелье и скрылся тамъ.

На другой день, судья получилъ отъ Дунджи Лана письмо, въ которомъ начальникъ бандитовъ благодарилъ его за честь, какую судья оказалъ ему, посадивъ его подлѣ себя на возвышеніи; онъ просилъ также передать его поклонъ куму, Гаэтано, содержателю гостиницы «Циклопъ».

Осужденный, хотя и получилъ свободу, но висѣлица произвела на него такое сильное впечатаніе, что, не

смотря на убѣжденія товарищей, онъ рѣшился покинуть жизнь бандита и помириться съ полиціею.

Духовникъ, провожавшій его изъ тюрьмы къ эшафоту, былъ посредникомъ между нимъ и начальникомъ. Вице-король, по ходатайству монаха, помиловалъ банавта, съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ публичное покаяніе въ церкви, босой, ополсанный веревкою.

Этотъ обрядъ совершенъ былъ въ Палермо, къ назиданію всѣхъ правовѣрныхъ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

17) Игроки. *Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Гоголя.*

Драматическіе опыты Гоголя представляютъ собою какое-то исключительное явленіе въ русской литературѣ. Если не принимать въ соображеніе комедіи Фонвизина, бывшія въ свое время исключительнымъ явленіемъ, и «Горе отъ Ума», тоже бывшее исключительнымъ явленіемъ въ свое время, — драматическіе опыты Гоголя среди драматической русской поэзіи съ 1835 года до настоящей минуты — это Чинбразо среди низменныхъ, болотистыхъ мѣстъ, зеленый и роскошный оазисъ среди песчаныхъ степей Африки. Повесть повѣстей Гоголя съ удовольствіемъ читаются повѣсти и нѣкоторыя другія писателей; но послѣ драматическихъ пьесъ Гоголя, ничего нельзя ни читать, ни смотреть на театрѣ. И между-тѣмъ, только одинъ «Ревизоръ» имѣлъ огромный успѣхъ, а «Женитьба» и «Игроки» были приняты или холодно, или даже съ непріязнію. Не трудно угадать причину этого явленія: литература наша хотя и медленно, но все же идетъ впередъ, а театръ давно уже

остановился на одномъ мѣстѣ. Публика читающая и публика театральная—это двѣ совершенно-различныя публики, либо театръ посѣщаютъ и такіе люди, которые ничего не читаютъ и лишены всякаго образованія. У Александринскаго—Театра своя публика, съ собственною физиономіею, съ особенными понятіями, требованіями, взглядомъ на вещи. Успѣхъ пьесы состоитъ въ вызовѣ автора, и, въ этомъ отношеніи, не успѣваютъ только или ужь чрезчуръ-безсмысленныя и скучныя пьесы, или ужь слишкомъ-высокія созданія искусства. Слѣдовательно, ничего нѣтъ легче, какъ быть вызваннымъ въ Александринскомъ-Театрѣ, — и дѣйствительно, тамъ вызовы и громки и многократны: почти каждое представленіе вызываютъ автора, а иногда по два, по три, по пяти и по десяти разъ. Изъ этого видно, какіе патриархальныя нравы царствуютъ въ большей части публики Александринскаго-Театра! За границу вызовъ бываетъ наградою подвига и признакомъ неожиданно-великаго успѣха, — то же, что триумфъ для римскаго полководца. Въ Александринскомъ-Театрѣ вызовъ означаетъ страсть пошумѣть и покричать на свои деньги—чтобъ не даромъ онѣ пропадали; къ этому надо еще прибавить способность восхищаться всякимъ вздоромъ и простодушіе наивнѣе сортировать по степенямъ достоинства однородныя вещи. Отсюда происходитъ и страсть вызывать актёровъ. Иногда вызываютъ десять разъ, и ужь рѣдкаго не вызовутъ ни разу. Вызываютъ актёровъ не по одному разу и въ Михайловскомъ-Театрѣ, но очень-рѣдко, какъ и слѣдуетъ, — именно въ тѣхъ только случаяхъ, когда артистъ, какъ говорится, превзойдетъ самого-себя. Въ Михайловскомъ-Театрѣ тоже англодируютъ, кричатъ «браво», и въ остроумныхъ пьесахъ выражаютъ свой восторгъ смѣхомъ; но все бываетъ такъ кстати, именно тогда только, когда нужно, и во всемъ присутствуетъ благородная умѣренность—признакъ образованности и ува-

женія къ собственному достоинству чужой публики. Кого легко разсмѣшить, тому понятна истинная острота, истинный юморъ. Пьесы, восхищающія большую часть публики Александринскаго-Театра, раздѣляются на поэтическія и комическія. Первые изъ нихъ—или переводы чудовищныхъ нѣмецкихъ драмъ составленныхъ изъ сантиментальности пошлыхъ эффектовъ и ложныхъ пожеланій,—или самородныя произведенія въ которыхъ, надутою фразеологіею бездушными возгласами, увязаютъ почтенныя историческія имена; тѣмъ и пляски, кстатѣ и некстатѣ доставляющія случай любимой актрисѣ плясать или проплясать, и сцены ступидности, составляютъ необходимое условіе драмъ этого рода, возбуждаютъ крики восторга, бѣшенство рукоплесканій. Пьесы комическія всегда или переводы, или передѣлки французскихъ водевилей. Эти пьесы совершенно убиваю на русскомъ театрѣ и съчастическое искусство и драматическое искусство. Водевиль есть легкое, границное дитя общественной жизни во Франціи: тамъ онъ имѣетъ смыслъ и достоинство; тамъ онъ видѣтъ для себя богатые матеріалы въ ежедневной жизни, въ домашнемъ быту. Къ нашей русской жизни, къ нашему русскому быту, водевилъ идетъ, какъ санина изъ овчинныя шубы къ жителямъ Нева. И потому переводный водевилъ не имѣетъ смысла на русской сценѣ, и любопытное зрѣлище домашней жизни чужаго народа; но передѣланный, реложенный на русскіе нравы, и лучше сказать, на русскія имена, водевилъ есть чудовище безсмысленности. Содержаніе его, завязка, словомъ—*басня* (*fable*), заимствованная изъ жизни, а между-тѣмъ самая часть публики Александринскаго Театра увѣрена, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи, потому-что дѣйствующія лица называются Иванами Куличами и Степанидами Ильичами. Грубый каламбуръ, плоская остроумная пошлость—дополняютъ остроту

де. Какое же тутъ можетъ быть дра-
матическое искусство? Оно можетъ
назваться только на почвѣ роднаго
быта, служа зеркаломъ дѣйстви-
тельности своего народа. Но эти незаконные
одевиды не требуютъ ни естественности,
ни характеровъ, ни истины; а ме-
жду-тѣмъ они служатъ прототипомъ и
оружью драматической литературы
для публики Александринскаго-Театра.
Артисты его (между которыми есть
люди съ яркими дарованиями и замѣча-
тельными способностями), не имѣя ро-
лей, выражающихъ взятые изъ дѣй-
ствительности и творчески-обработанные
характеры, не имѣютъ нужды из-
учать ни окружающей ихъ дѣйстви-
тельности, которую они призваны вос-
производить, ни своего искусства, ко-
торому они призваны служить. Не игра-
етъ пьесъ, проникнутыхъ внутреннимъ
единствомъ, они не могутъ сдѣлать
привычки къ единству и цѣлостности
(ensemble) хода представленія, и каж-
дый изъ нихъ старается фигурировать
передъ толпою отъ своего лица, не ду-
мая о пьесѣ и о своихъ товарищахъ.
Мы несправедливы были бы по-край-
ней-мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ нихъ,
если бы стали отрицать въ нихъ всякій
порывъ къ истинному искусству; но
противъ теченія плыть нельзя, и, видя
холодность и скуку толпы, они по-не-
скольку принимаются за ложную манеру,
ради рукоплесканій и вызововъ. И вотъ,
когда имъ случится играть пьесу, со-
мнѣнную высокимъ талантомъ изъ эле-
ментовъ чисто-русской жизни, — они
дѣлаются похожими на иностранцевъ,
которые хорошо изучили нравы и
языкъ чуждаго имъ народа, но кото-
рые все-таки не въ своей сферѣ и немо-
гутъ скрыть подавки. Такова участь
пьесъ Гоголя. Чтобы наслаждаться ими,
надо сперва понимать ихъ, а чтобы по-
нимать ихъ, нужны вкусъ, образован-
ность, эстетическій тактъ, вѣрный и
тонкій слухъ, который уловитъ всякое
характеристическое слово, поймаетъ
на-лету всякій намекъ автора. Одно
уже то, что лица въ пьесахъ Гоголя —

люди, а не маріонетки, характеры,
выхваченные изъ тайника русской жи-
зни, — одно уже это дѣлаетъ ихъ скуч-
ными для большей части публики Але-
ксандринскаго - Театра. Сверхъ-того,
въ пьесахъ Гоголя нѣтъ этого пошлаго,
избитаго содержанія, которое начинает-
ся привычною любовью, а оканчивается
законнымъ бракомъ; но вмѣсто этого,
въ нихъ развиваются такія событія, ко-
торые могутъ быть, а не такія, какихъ
не бываетъ и какія не могутъ быть.
Простота и естественность недоступны
для толпы.

• Игроки Гоголя давно уже напеча-
таны; слѣдовательно, нѣтъ никакой ну-
жды рассказывать ихъ содержаніе.
Скажемъ только, что это произведеніе,
по своей глубокой истинѣ, по творче-
ской концепціи, художественной от-
дѣлкѣ характеровъ, по выдержанности
въ цѣломъ и въ подробностяхъ, не мо-
гло имѣть никакого смысла и интереса
для большей части публики Алексан-
дринскаго-Театра, которая, къ довер-
шенію всего, — по тому случаю, что въ
тотъ же вечеръ Рубини игралъ на Боль-
шомъ-Театрѣ, — была и очень немно-
гочисленна и ужъ слишкомъ-неразбор-
чиво составлена. Изъ ролей особенно
хорошо были выполнены роль Шво-
хлева (г. Самойловымъ) и Замухрыш-
кина (г. Каратыгинымъ 2-мъ).

18) Заложение Санктпетербурга.
*Русская драматическая быль въ двухъ
дѣйствіяхъ.*

Какой-то князь Милославскій, въ
юности увлеченный злыми людьми въ
стрѣлецкую крамолу, тридцать лѣтъ
скрывается на берегу Невы у рыбака,
Нѣмца Кунтса, любить дочь его Бетти,
и, между дѣломъ, говорить громкія
фразы о томъ, что онъ злодѣй, и что
не видать ему родной Москвы. Нако-
нецъ его схватили, и онъ ждетъ себѣ
смертнаго приговора, а Бетти сходитъ
съ ума и пугаетъ ночью Балакирева,
который думаетъ въ ней видѣть ру-
сальку, тѣмъ болѣе, что она бросилась
въ Неву. Какой-то генералъ въ по-
ночь подслушиваетъ Милославскаго,

который, сидя въ лодкѣ, подъ дождемъ, скованный, кричитъ, не жалѣя горла и груди, и неся разную высокопарную дичь, изъ которой генералъ заключилъ о его раскаяніи, садится въ лодку, отплываетъ и на дорогѣ спасаетъ Бетти. Во второмъ актѣ, на сценѣ Шереметевъ, Меншиковъ и Балакиревъ; преступникъ ждетъ казни; но по случаю заложения Петербурга прощается, тѣмъ болѣе, что государь узналъ о его раскаяніи. Милославскій цаплется съ Бетти, которая и кстатн выздоровѣла и кстатн пришла въ разсудокъ, хотя и не перестала кривляться и кричать. — Публика была въ восторгѣ отъ этой пьесы, требовала автора, который, впрочемъ, за дальностію, не могъ къ ней выйти, ибо находился въ это время въ Москвѣ.

19) Проказы Барышень на Черной Рѣчкѣ. *Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.* Соч. П. С. Федорова.

Мы ровно ничего не поняли въ этой шуткѣ, за отсутствіемъ въ ней того, что понимать можно. Впрочемъ, шутка, должно быть, очень-забавна, потому что хлопаньямъ, хохоту и вызовамъ конца не было. Такъ-какъ заключительная пьеса въ бенефисъ г. Куликова — «Актёры между собою, или Первый Дебютъ Актриссы Троепольской» — старая пьеса, то, благодаря этому вожделенному обстоятельству, мы вышли изъ театра въ *одинадцать* часовъ, и кстатн ужъ хотѣли-было зайти, по сосѣдству, къ знаменитому киту, показывающемуся тутъ же на Александринской-Площади; но намъ сказали, что китъ давно ужъ спитъ и никого не принимаетъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

23) *Ресетте сонтре л'емвопPOINT* (Лекарство отъ Тучности), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, соч. г. Вернера.

Гобервилъ — честный вердѣнскій negociantъ, оставившій торговлю, еще молодой, здоровый и, что всего рѣже на свѣтѣ, любимый женою. Онъ ѣсть

преисправно, по-меньшей-мѣрѣ четыре раза въ день, спитъ отлично, чего жъ бы, казалось, еще для счастья? Но, увы! у Гобервила свое горе: одинъ день-отого-дня толстѣетъ въ самыхъ дозволенныхъ размѣрахъ, и ничто не можетъ остановить возрастанія тучности. Въ отчаяніи рѣшается объявить черезъ журналы, что подаритъ сто тысячъ франковъ медику, который избавитъ его отъ такого недуга, ка здоровья. Чего бы легче для медицины? Но, увы! даже ея благодѣтельная помощь на этотъ разъ бессильна. Изъ двухъ, явившихся по вызову докторовъ, первый, Крустиньякъ, уверяетъ кормить паціента гомеопатическими порошками, но толщина болыго не убываетъ ни на волосъ. Второй медикъ собственно не медикъ, а только выдаетъ себя за медика, потому что влюбленъ въ племянницу Гобервила и пользуется случаемъ видѣть ее чаще. Любovníкъ тутъ оказался обратительнѣе гомеопата на послѣдотъ страшнаго недуга. Онъ началъ с того, что возбудилъ въ Гобервилѣ дружескую ревность. Аппетитъ и сонъ значительно убавились; но тучность остается. Джоржъ — ния молодой тора-самозванца, находитъ еще единѣйшее средство: кромѣ ревности Гобервилъ есть еще страсть — скучать. Джоржъ ловко намекаетъ ему, что сельскій банкиръ, къ которому онъ пристроилъ капиталъ въ 300,000 франковъ, готовъ обанкрутиться. Гобервилъ погуганъ: но какъ ему быть? Какъ ктв въреломному банкруту, оставитъ жену одну дома. Не оставитъ отъ жены? капиталъ, пожалуй, пропавдетъ. Какъ и слѣдовало, деньги берутъ перевѣсъ: кушечъ отправляется въ Марсель съ растерзаннымъ сердцемъ. Черезъ мѣсяцъ тревогъ, заботъ и безсонницъ, онъ возвращается: тучность точно уменьшилась, но немного. Джоржъ выдумываетъ окончательное лекарство: обращается къ самой чувствительной струнѣ паціента — къ деньгамъ, и до того его напугалъ, что Го-

беривъ только и грезить ворами. Разъ, онъ, спасаясь отъ воображаемыхъ воровъ, кинулся съ своимъ сопроившемъ въ воду, откуда его вытащили уже отнюдь не тучнымъ, а только прилично-полнымъ. Испѣлитель женился на его племянницѣ, а гомеопатія со стыдомъ ретируется.

24) *LES JARRETIÈRES DE MA FEMME* (Жиняны Подвязки), *водевиль въ одномъ дѣйстви.*

Вѣгъ регента. Одинъ оперный пубикантъ, прельщенный пируетами танцовки Боменаръ, сочетался съ нею законнымъ бракомъ. Разумѣется, у танцовщицы были и другіе поклонники: двое изъ нихъ, какой-то маркизь и еще одинъ богачъ, жестоко преслѣдуютъ счастливаго супруга. Этотъ наконецъ рѣшается на отчаянное средство: одѣвается въ женское платье, дѣлается повѣреннымъ того и другаго влохиты, и морочитъ ихъ ужасно. Уловка удается. Враги его до такой степени дѣлаются смѣшными, что отступаютъ отъ всѣхъ преслѣдованій, лишь-бы онъ молчалъ, и отправляются влохиты за другими мѣстными тальфадами. — Говорить, особенно горячо апплодировали водевилю мужья.

25) *L'ÉCOLE DES ERISIERS* (Школа Москотильщиковъ), *водевиль въ двухъ дѣйстви.*

Дюблессонъ, парижскій москотильщикъ, находитъ въ себѣ всѣ качества государственнаго человѣка. Соревнованіе къ нѣкоторымъ парламентскимъ ораторамъ не даетъ ему спать. Парижскіе фельетонисты замѣчаютъ, что это одна изъ невѣроятностей пьесы. Какъ бы то ни было, Дюблессонъ хочетъ выдать дочь за одного барона, который на нее заглядывается, и котораго вліяніе устранить для тестя пренятствія къ выходу на политическое поприще. Къ-несчастью, мамзель Аванса любитъ уже одного небогатаго москотильщика, чрезвычайно-чувствительнаго бѣлокураго юношу, который также ее обожаетъ, но отвергнуть ее востолубивымъ родителемъ. Прибли-

жаются депутатскіе выборы; богатому москотильщику не достаетъ для кандидатура нѣсколькихъ голосовъ, и для полученія ихъ онъ долженъ прибѣгнуть къ помощи отвергнутаго жениха дочери. Тутъ развязка водевиля: оптовый москотильщикъ выдаетъ дочь за мелочнаго москотильщика, а самъ садится на депутатскую скамью и доставляетъ Гизд лишняго приверженца. Въ пьесѣ есть и еще москотильщикъ, провинціальнѣйшій, котораго мучитъ честолюбивое желаніе выдать дочь за столичнаго москотильщика. Водавиль забавенъ, и принять былъ хорошо.

26) *LE PÊCHEUR DE L'ISÈRE* (Изерскій Рыбакъ), *драма въ трехъ дѣйстви.*

Рыбакъ Андрей, простодушный, добрый поселянинъ, и не подозреваетъ, что поймалъ въ свои сѣти сердце одной знатной дѣвушки, которой замокъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его хижины. Между-тѣмъ, дѣвушка влюбилась не-на-шутку, и изъ-за тайной любви отказывается отъ титула маркизы, которое предлагалъ ей одинъ дэнди. Луиза самая причудливая красавица, какую можно вообразить. Едва Андрей сдѣлался ея достойнымъ, то-есть богатымъ и почетнымъ человекомъ, едва выучился объясняться въ любви правильнымъ языкомъ, какъ неблагодарная уже почувствовала страсть къ другому. Андрей возвращается послѣ этого къ старинку-отцу, съ молоденькой сироткой, которую любить и на которой женится. Сдѣлавшись по-прежнему рыбакомъ, онъ опять прельстилъ собою гордую красавицу, которой женихъ попалъ въ число политическихъ изгнанниковъ. Драма, какъ можно видѣть, не щеголяетъ умомъ.

27) *GAIFFER* (Гайферъ), *драма въ пяти дѣйстви.*, *въ стихахъ, соч. г. Фердинанда Дюгё.*

Гайферъ, или собственно Вайфаръ, у дѣтописцевъ Вайфаріусъ, лицо изъ французской исторіи, храбрый защитникъ свободы Аквитаніи отъ нашествія

Франковъ, умершій отъ руки двухъ извѣнниковъ, которыхъ, говорятъ, подкупилъ Пепинъ, не могли одолѣть его иначе. Взявъ аквитанскаго героя сюжетомъ своей трагедіи, Дюгё, элегическій поэтъ и человекъ не безъ таланта, но неопытный въ драматургіи, не умѣлъ совладѣть съ требованіями сцены. Вѣрный своему лирическому направленію, онъ заключилъ дѣло въ разговорахъ и лишилъ пьесу дѣйствія. Такимъ образомъ, его драма, не чуждая очень-удачныхъ стиховъ, на сценѣ монотонна и скучна. Извѣнниковъ Вайферъ, у г-на Дюгё, находятъ въ собственномъ семействѣ: это Гедвига, жена Вайфера, и Люпусъ, ея братъ. Историческая вѣрность соблюдена не слишкомъ-строго: такъ тутъ отецъ Гайфера Гупольдъ, между-тѣмъ, какъ Гупольдъ былъ его братъ, а отецъ его назывался Эйдо. — За то, вотъ историческій сюжетъ, соблюденный въ отношеніи вѣрности уже до крайности тщательно, такъ строго, что даже искусству нѣсколько вредитъ эта пунктуальная вѣрность исторіи.

27) CHARLES VI (Карль VI), опера въ пяти дѣйствіяхъ, слова гг. Казимира и Жермена Делавиней, музыка г. Галени.

Не стали бы мы говорить объ оперномъ либретто, еслибы оно писано было кѣмъ-нибудь, а не Делавинемъ, который нѣсколько дѣтъ тому назадъ былъ Тиртеемъ Французовъ, или, по крайней-мѣрѣ, Парижанъ, и если бы мастерскіе стихи поэта, теперь почти умолкшаго, не обращены были на предметъ, нѣлюющій, сверхъ всего, еще современнѣй интересъ для Французовъ, интересъ косыхъ взглядовъ на Англію, по поводу права осмотра судовъ, и проч. и проч. — Извѣстно, что Карль VI взомелъ на престолъ двѣнадцати-лѣтнимъ ребенкомъ, и что его именемъ два честолюбца, герцоги Берри и Бургонскій, совершали самыя отвратительныя злодѣянія. Развитие эпическое короля сопровождалось нравственнымъ развитіемъ не созна-

нія, а помѣшательства: тѣмъ не менѣ, престолъ остался за нимъ. Вѣроломная красавица, Изабелла Баварская, въ свою очередь начала править мужемъ и королевствомъ; мать-чудовище, она заставила Карла изгнать собственного сына, хотѣла предать Англичанамъ Францію. Предметъ этотъ служилъ уже сюжетомъ для драмы даровитаго Нессомусена Лемерсье, который, много опередивъ современниковъ въ силѣсти фантазіи, все еще однако не рѣшился вывести историческую Одетту, дочь престога торговца лошадьми, которую Изабелла, боясь припадковъ безумія Карла, послала иногда вмѣсто себя къ мужу: онъ превратилъ ее въ статс-даму королевы. Далѣе, тѣмъ же предметомъ воспользовался Мирювъ-де-Лавилль, который въ своей пьесѣ особенно заботился о роли Тальмы, играшаго Карла. Само-собою разумеется, что національная идея драмы Делавиня есть вражда къ Англіи. Эта мысль у него является вся съ самаго начала, въ дирамбѣ противъ притѣснителей:

Война тиранамъ! никогда

Во Франціи не властвовать Британду.

Это поэтъ съ своими товарищами старѣйшій солдатъ, Ремонъ, отецъ престольной Одетты, между-тѣмъ, какъ дѣла готовится въ путь ко двору, гдѣ она должна развлекать меланхолію короля, своего крестнаго отца. Одеттѣ гнетъ разлука съ однимъ молоденькимъ женишцемъ, который заговаривалъ ее о любви, и котораго она знаетъ по имени Карла. Оруженосецъ есть гнанный дошникъ. Королева, бывши на охотѣ съ Бедфоромъ, пріѣхавъ во время сумятицы, произвела пѣснию старика Ремона. Карль въ-часъ скрывается. Королева въ-видѣ Одетту, которую нахотѣло потребить для своихъ цѣлей. Завидѣвъ на шеѣ крестьяночки ожерелье изъ лилій, она спрашиваетъ, откуда Одетта взяла эту вещь. Та краснорѣчиво объясняетъ, и королева досадится, что этотъ Карль-дошникъ уверяетъ дѣвушку, что этотъ молодой

человѣкъ злоумышленникъ противъ короля, уговариваетъ выдать его, и доврчивая Одетта общается; но дофинъ разувѣрляетъ ее, объявивъ кто онъ. Видѣсто того, чтобъ способствовать его зресту, она помогаетъ ему въ побѣгѣ. Съ этой поры начинается борьба Одетты съ королевою.—Далѣе, находимъ Одетту въ Сен-Подѣ при королѣ; она приобрѣла надъ нимъ большую власть. Только ее слушается онъ; при ней одной онъ покоенъ. Въ безуміи король воображаетъ себя умершимъ; только при Одеттѣ онъ оживаетъ. Она уговариваетъ его выйдти изъ дворца и полюбоваться послѣдними лучами солнца. Карлъ VI не въ состояніи вати. Тогда дѣвушка выдумываетъ карточную игру для его развлечения. Она предлагаетъ Карлу играть въ самую простую, въ такъ-называемую *батайлю*, *bataille*. Съ одной стороны, пусть Англичане, съ другой Французы. Противъ ваета пикъ идетъ ваетъ бубень. Король нѣсколько приходитъ въ память: подѣ конецъ партіи оказывается, что онъ побѣдилъ Англичанъ; но лучъ королевскаго сознанія въ немъ непродолжителенъ, и королевѣ удается заставить мужа подписать договоръ, предающій Францію Англіи.—Одетта не теряетъ духа; она увлекаетъ короля къ старикъ Ремону и такъ устроиваетъ примиреніе отца съ сыномъ. Карлъ VI и дофинъ бросаются другъ другу въ объятія. Король потому отказывается возложить корону на молодого герцога ланкастерскаго, и передъ всѣмъ дворомъ тончетъ поганни знами королевскаго сана, чтобъ передать ихъ чужестранцу. Ему также известна пѣсенка, которая говорить, что Британцу не властвовать во Франціи. Онъ повторяетъ ее. Народъ въ восторгѣ отъ короля. Между-тѣмъ, королева не отступаетъ еще отъ своихъ плановъ. Она изобрѣтаетъ страшное средство, чтобъ ввергнуть короля въ прежнее безуміе. Онъ заснулъ, какъ дитя, подѣ сладкую пѣсенку своего ангела-угѣшителя, и ко-

ролева выбираетъ эту минуту покоя, чтобъ напугать его призракомъ. Нѣкогда, одинъ человѣкъ въ Манскомъ Лѣсу, вдругъ кинулся къ королю съ словами: «Государь, вамъ измѣняютъ!» и скрылся. Королева прибѣгаетъ къ тому же лицу. Оно является; въ то же время передъ королемъ возстаютъ окровавленные тѣни убитыхъ по его повелѣнію. Они также предсказываютъ Карлу страшную участь. Онъ долженъ, говорить они, погибнуть отъ руки собственнаго сына. Карлъ впадаетъ въ свое помѣшательство, хочетъ погубить дофина. Но Одетта бдитъ надъ жизнью сына своего монарха: она бѣжить уведомить объ этомъ умыслѣ нѣкоторыхъ вельможъ, враговъ королевы и Англіи. Она застаетъ ихъ за пѣснями и шутками надъ несчастіемъ обманутаго мужа, въ ожиданіи поры сраженія. Она зоветъ ихъ въ Сен-Дени, гдѣ отецъ ея служить уже смотрителемъ, уговариваетъ ихъ вынести и распустить орнаменты, побѣдное знамя, хранящееся въ царственномъ аббатствѣ. Скоро они являются подѣ своды храма, гдѣ собрался дворъ; прогоняютъ вооруженною рукою Англичанъ и возлагаютъ на дофина Карла VII корону умирающаго короля.—Такое содержаніе либретта гг. Делавиней; о прекрасныхъ стихахъ говорить всѣчего: это ясно изъ имени одного изъ нихъ. Недостатокъ, если только можно это назвать недостаткомъ, состоитъ въ истинно-антикварной вѣрности историческихъ подробностей. Музыка Галеві, говорятъ, при обыкновенныхъ достоинствахъ композитора, лишена оригинальности.

29) *LES ENFANS TROUVÉS* (Подкидыши), *мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ*, соч. г. Бушаран.

Дѣйствіе при Лудовикѣ XIII. Кромѣ героя и героини мелодрамы, въ ней являются важныя историческія лица: маршалъ Сент-Андрѣ и Венсанъ-де-Поль, признанный святымъ въ католической церкви. Известно, что этотъ аббатъ былъ изобрѣтателемъ воспитательныхъ домовъ. И что за жизнь пол-

жую приключеній, сперва несчастій, потомъ успѣховъ, провелъ Венсанъ-де-Поль! Въ ребячествѣ, онъ пасъ горныя стада; въ молодыхъ лѣтахъ, въ званіи священника, былъ захваченъ тунисскимъ корсаромъ, который продалъ его на рынокъ; первый господинъ его былъ одинъ старый лекарь, учившій его секретамъ алхиміи; второй — жестокий ренегатъ; одна изъ трехъ женъ ренегата, Гречанка в христіанка, тотчасъ приняла полье свое покровительство невольника. Не одну неволю испыталъ онъ: цѣлый годъ онъ считался украшшимъ знатную сумму денегъ у одного судьи, приговоренъ къ галерамъ и работалъ съ каторжниками въ Марсели. Потомъ, аббатъ Венсанъ уважаетъ Павломъ V, покровительствуемъ Генрихомъ IV, духовникъ Маргариты Валуа, учитель Пьера Гонди, въ послѣдствіи кардинала Реца, — человекъ, которому ни въ чемъ не могъ отказать Лудовикъ XIII, котораго всякое слово слушалъ съ почтениемъ самъ кардиналъ Ришелье. Не перечеть церквей, имъ построенныхъ, больницъ, имъ основанныхъ, темницъ, имъ очищенныхъ. Его изобрѣтеніе было — сестры милосердія; его стараніями обезпечена участь бѣдныхъ подкинутыхъ младенцевъ. Этимъ-то Венсанъ-де-Полемъ усыновлена сиротка Марія, которую взялъ на воспитаніе маршалъ Сент-Андрѣ, другъ Ришелье. Марія прекрасна; едва маршалъ увидѣлъ ее восемнадцатилѣтней красавицей, какъ предложилъ ей руку. Отправляясь подъ Ларошель, онъ оставилъ ей обручальное кольцо; но съ-тѣхъ-поръ, какъ Марія увидѣла одного молодого флотскаго офицера Фабіа, тоже сироту, усыновленнаго Венсаномъ, кольцо исчезло съ ея руки. Маршалъ возвращается. Признательность къ воспитателю и любовь къ юношѣ ставятъ Марію въ отчаянное положеніе: она рѣшается умереть. Подъ вліяніемъ этой мысли, она пишетъ на имя маршала нѣсколько строкъ о своемъ намѣреніи. Въ минуту исполненія, подоспѣваетъ

аббатъ Венсанъ-де-Поль и уводитъ Марію съ собою. Когда Сент-Андрѣ является, исполненный надеждъ, и слышитъ вдругъ, что воспитанница мертва, и что никогда его не любила. Нѣсколько дней проходить въ безплодныхъ поискахъ. Маршалъ надѣется, что она жива, и хочетъ ее видѣть. Расписью не убѣдило его, и онъ рѣшается въ угрозахъ тому невольнику, кто похитилъ у него любовь и вицы. Въ эту минуту, является къ Фабію, который считаетъ Марію своею, и проситъ помолиться за него. Соперничество потухаетъ, и же является и аббатъ, нища Маршалъ не нашелъ у себя. Сент-Андрѣ молча подаетъ ему ея послѣднее письмо. Сомнѣніе овладѣло аббатомъ. Между-тѣмъ, дѣвушка слышитъ, что это изъ сосѣдней комнаты, и успоконитъ встревоженныхъ, и идетъ къ нимъ и объявляетъ, что она изъ монастыря, и удаляется съ аббатомъ. Ненависть соперниковъ оживаетъ, и маршалъ говоритъ офицеру: «Молодой человекъ! одинъ изъ насъ лишній въ тѣхъ; либо ты, либо я долженъ умереть. Давай играть въ кости: если выиграю, я умру; если выиграешь ты, умрешь». Сказано, сдѣлано. Фабію играетъ. «Хорошо» говоритъ маршалъ: «черезъ три дня меня не будетъ въ живыхъ». Потомъ, оставшись одинъ, Сент-Андрѣ сердится и негодуетъ, чему служить приемыши? Марія выдана на паперти Церкви Париса, Богоматери, и я для нея умираю Фабію — другой подкидывшъ, и онъ убійца! Между-тѣмъ, Фабію въ домѣ маршала портретъ одной женщины, и узналъ въ ней свою Гонтранъ, повѣренный маршалъ, и рассказываетъ Фабію, какъ Сент-Андрѣ обманувшись ложными подоспѣвшими, былъ безжалостенъ къ своей жене, которая умерла, давъ жизнь брошенному потомъ маршаломъ, признававшимъ его за своего сына, такъ, нѣтъ сомнѣнія, я сынъ маршала, думаетъ Фабію. Онъ идетъ къ

одесть ее полюбить маршала и за-
тъ его, Фабія. «Онъ мой отецъ!» го-
реть юноша. Разговоръ молодыхъ
дей чрезвычайно трогателенъ. «А
вдугѣмъ это подвинутыя дѣти!» го-
реть Венсанъ-де-Поль маршалу. —
Ково, въ короткихъ словахъ, содер-
жне драмы, весьма-удачно написан-
н. Бушарди, который до-сихъ-поръ
начался многосложностью и натяну-
тостью своихъ драмъ. Мелодрама встрѣ-
на на сценѣ пріемъ очень-лестный.
Дѣйствы о ней всѣхъ парижскихъ фѣ-
евристовъ, начиная отъ Жанена,
поданы какъ-нельзя-больше.

30) La Siamvve Verte (Зеленая
ошната), *водевилъ въ двухъ дѣйстви-*
яхъ, соч. гг. Шарля Деноайе и Данвена.
Лудовикъ XV, который уже около
двадцати лѣтъ служить грѣхоносцемъ
въ эротическихъ вымысловъ гг.
меллистовъ добраго города Пари-
а, Лудовикъ XV рѣшился, чтобъ
инъ молодой офицеръ его гвар-
и, герцогъ Шавиньи, женился на
мизель Дорансъ д'Эстанжъ, пре-
расной и богатой наслѣдницѣ. Мо-
дые люди отъ-роду не видавали
друг друга и, натурально, не чувству-
тъ большой наклонности одинъ къ
другому. Шавиньи любить двухъ жен-
инь: 1-й М. его есть молоденькая дѣ-
ушка, которую удавалось ему иногда
сдѣть сквозь монастырскую рѣшетку;
и М. явился только наканунѣ коро-
ескаго рѣшенія. Красавецъ-полко-
аникъ влюбился въ молодую вдову,
оторая жила въ Парижъ въ одной
ь нимъ каретѣ. Мамзель д'Эстанжъ
ажже хранить у себя въ серацѣ воспо-
инаніе объ одномъ прекрасномъ юно-
ѣ; между-тѣмъ, въ силу королевска-
о приказанія, оба они должны поза-
ыть прежнюю любовь и обѣдичаться,
два зная другъ друга. Есть нѣкто
равъ Люксель, нетерпѣливо-ожидая-
цій этого брака, потому-что, благода-
я взаимной не-любви супруговъ, онъ
спѣшетъ оболыстить Дорансу. Одна-
ожь, савозъ покрывало невѣсты,
мамзель д'Эстанжъ узнаетъ въ своемъ

женихѣ монастырскаго любовника. По-
слѣ этого, она съ радостью выходитъ
за Шавиньи, который идетъ къ алтарю,
не удостоивъ невѣсты даже взглядомъ.
Молодой вдовушкѣ и молодой женѣ
доводится объясниться на балу другъ съ
другомъ. Онѣ составляютъ планъ обма-
нуть своихъ мужей, ибо вдова, въ ко-
торую влюбленъ Шавиньи, не вдова, а
графиня Люксель. Герцогиня пишетъ
къ графу, назначая ему свиданіе въ го-
лубой коматѣ; графиня пишетъ къ
герцогу, выбирая для свиданія зеле-
ную комнату. Получивъ записки, каж-
дый изъ кавалеровъ старается удалитъ
несноснаго соперника. Слѣдуетъ обмѣнъ
комнатъ; герцогиня принимаетъ въ зе-
леной, графиня въ голубой; мужа об-
мануты, и завѣсъ опускается. Про-
ходитъ годъ; дѣйствіе възакомъ-то
зѣмкѣ. Герцогиня и графиня вмѣстѣ.
Начинаются воспоминанія о прошед-
шемъ годѣ; герцогъ вспоминаетъ зе-
леную комнату, графъ голубую. Обѣ
дамы близки къ тому, что нужны бу-
дутъ кумовья. Тутъ qui-pro-quo объ-
ясняется. Пьесѣ конецъ.

31) Lucrèce (Лукреція), *трагедія*
въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч.
Понсара.

Сказаніе о Лукреціи — одно изъ са-
мыхъ поэтическихъ сказаній, оста-
вленныхъ намъ древностью. Изъ предан-
ній народныхъ оно перенесено въ ис-
торію или, вѣрнѣе говоря, въ по-
вѣсть Тита-Ливія. Искусство у прак-
тическихъ Римлян дотога было чу-
жеземнымъ, что никто изъ ихъ
поэтовъ не воспользовался этимъ ту-
земнымъ и прекраснымъ предметомъ
родной поэзіи. Одинъ Овидій въ
своемъ андактическомъ твореніи, Фа-
стахъ, рассказываетъ исторію обезче-
щенія Лукреціи и изгнанія Тарквині-
евъ. У Овидія находимъ рассказъ о пи-
рѣ, даваемомъ Секстомъ, гдѣ Колла-
тинъ, неосторожно расточая похвалы
цѣломудрію супруги, возбуждаетъ вни-
маніе дерзкаго и распутнаго родствен-
ника. Разогрѣтые частыми возліанія-
ми, молодые собесѣдники составляютъ

планъ застать женъ своихъ въ-рас-
плохъ, чтобъ узнать, какъ онѣ прово-
дятъ время въ ихъ отсутствіи. Всѣ,
кромя Коллатина, находятъ супругъ
въ кругу музыкантовъ и пѣвцовъ, по-
среди веселыхъ гостей, въ вѣнкахъ изъ
розъ: только жена Коллатина сидитъ
за пряхкою съ своими женщинами.
«Inde cito passu petitur Lucretia: nebat.»
Вотъ живописно сжатый стихъ рим-
скаго поэта. Новому искусству пред-
метъ этотъ служилъ много разъ, пре-
имущественно у Французовъ прошед-
шаго вѣка, въ пору ихъ мнимаго клас-
сичесизма. Современникъ Корнеля, Дю-
ррѣ, написалъ драму «Лукреція». Тамъ
Секстъ употребляетъ для оболъщенія
римской матроны средства, свойствен-
ныя маркизамъ Людовика XIV: онъ
старается убѣдить ее, что мужъ ей не-
вѣренъ, и Коллатинъ дѣйствительно ви-
новенъ въ невѣрности, — но Лукреція не
хочетъ вѣрить. Далѣе, существуютъ
Лукреція гг. Шеврѣ, Николая Филѣля,
Гарди; но это все Лукреція не рим-
скія. Въ 1792 году, когда искусство у
Французовъ, если мало подвинулось
къ лучшему, то по-крайней-мѣ-
рѣ сдѣлало важный прогрессъ тѣмъ,
что начало служить орудіемъ обще-
ственныхъ интересовъ, серди разгара
политическихъ страстей, явилась Лу-
креція Арно (Agnault); авторъ также
изуродовалъ этотъ сюжетъ. Тутъ Лу-
креція влюблена въ Секста и борется
между любовью и долгомъ. Удачнѣй-
шая сторона трагедіи Арно — сто-
рона, касающаяся изгнанія Таркви-
ніевъ: въ этомъ состояло, разумѣт-
ся, и цѣль автора, и требованіе со-
временнаго вкуса. Изъ VIII книги
«Призваній» Жанъ-Жака Руссо, зна-
емъ, что онъ собирався также написать
трагедію изъ римскаго сказанія. За-
мѣчательны слова Руссо: «Я надѣялся
говорить оны: не накликать насмѣ-
шекъ, вывести эту женщину послѣ то-
го, когда ни одна женщина уже не
смѣетъ показаться на французскомъ
театрѣ». Какъ живописуется этими
словами общество, поверхностное и

вѣтренное, современниковъ великаго
поэта! Съ-тѣхъ-поръ, римскій сюжетъ
оставался въ покоѣ до зимы нынѣш-
няго года, когда одному молодому а-
вкату, отдыхающему отъ своихъ су-
лебныхъ занятій за чтеніемъ клас-
сическихъ авторовъ, пришла мысль на-
становить на сценѣ честь и поэти-
чность древняго сказанія во всей е-
го подлинности. Данныя событія — не
въ преданіи; слѣдовательно, созданіе
ограничивается характерами и вы-
комъ. Пьесу его хвалятъ всѣ жур-
налы. Написана трагедія еще въ
1842 году, и тогда же напечатана въ
Лионѣ, гдѣ жилъ авторъ. Вотъ со-
держаніе. — Въ первомъ актѣ, Лу-
креція прядетъ съ своими женщинами,
ночью, при свѣтѣ лампы. Коллатинъ,
Брутъ, Секстъ (сынъ Тарквинія), при-
бывшіе изъ Ардеи, застаютъ ее въ
этомъ занятіи. Тутъ въ Секстѣ за-
горается страсть къ добродѣтельной
матронѣ. Коллатинъ оставляетъ гостей
ужинать. Секстъ насмѣхается надъ
Брутомъ, котораго принимаетъ за по-
мѣшаннаго; но Лукреція зоркимъ гла-
зомъ уже провидитъ въ мнимомъ без-
умцѣ будущаго римскаго консула, освободителя
Рима, того Брута, который
въ Дельфахъ положилъ на жертвенникъ
Аполлона простой съ виду жезлъ, за-
ключавшій подъ наружной покрывалою
слитокъ золота, — эмблему собственнаго
его характера. — Второе дѣйствіе ве-
носитъ насъ въ домъ этого самого Бру-
та, котораго жена, Туллія, влюблена въ
Секста. Помѣшаннаго не остерегаются;
Туллія при немъ упрекаетъ любовника
за мысль о невѣрности; она замѣчаетъ
родившуюся въ Секстѣ склонность къ
женѣ Коллатина. Весь ихъ разговоръ
столь щекотливый для мужа, Брутъ
выслушиваетъ спокойно, испивши до
дна чашу горяча; но по удаленіи Сек-
ста, оны подходитъ къ Тулліи и суровы-
выми клятвами даетъ ей понять, что
только подземнымъ богамъ преданъ
омыть нанесенныя ему оскорбленія. —
Третій актъ открываетъ Секста въ
его дворцѣ, въ Римѣ, приуединенно

шаго оболъщенія, какими хочетъ онъ окружить Лукрецію. Секстъ привыкъ къ коварству и обману. Черезъ него пала Габія во власть Рима, когда онъ бѣжалъ туда, выдавъ себя за жертву тиранства отца, показывая даже хребетъ, избитый лозами, получивъ начальство надъ войскомъ и предавъ его Тарвинію. Итакъ, Секстъ прежде прибѣгаетъ къ хитрости, а потомъ уже къ насилію. Онъ идетъ, сопровождаемый самымъ юнымъ, самымъ прекраснымъ изъ своихъ невольниковъ. Напрасно силится остановить его Туллія: онъ разрываетъ связь съ нею и въ прекрасныхъ стихахъ описываетъ предельную непопечливости. Туллія удаляется въ отчаяніи, проклиная своего соблазнителья. Напрасно Сивилла кумская тремя томами пророческихъ книгъ, которые предлагаетъ ему купить, хочетъ въ свою очередь помѣшать предпріятію Секста: онъ ея не слушаетъ, — золото создано не для старыхъ сивиллъ. Онъ отправляется въ Коллацію, куда влечетъ его новая страсть. — Въ четвертомъ дѣйствіи, Лукреція томима злобѣщими предчувствіями. Больше всего занимаетъ ее одно сновидѣніе. Она видѣла себя распростертую вмѣсто жертвы на алтарь; змѣя, вышедшая изъ колонны храма, подползла къ ней, обвила своими ледяными кольцами, и жало ея, вдругъ превратившись въ острый мечъ, нанесло ей глубокую рану въ сердце. Проснувшаяся Лукреція еще чувствуетъ боль. Пѣсни служанокъ не могутъ развеселить ее. Самыя пѣсни эти принимаютъ какой-то погребальный отголосокъ. Воздухъ зараженъ близкимъ бѣдствіемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Секстъ уже на порогѣ цѣломудреннаго дома Коллатина. Скоро онъ является передъ Лукреціей, и осмѣливается просить ея любви. Онъ надѣется прельстить ее предложеніемъ развода. Лукреція отвергаетъ его предложеніе съ холоднымъ достоинствомъ честной женщины. Она удаляется въ свою спальню, считая эту комнату неприкосновенною. Секстъ

слѣдуетъ за нею туда. — Въ пятомъ дѣйствіи, Коллатинъ, Брутъ и отецъ Лукреція вмѣстѣ; они созваны ею, и ничего не знаютъ о происшедшемъ. Поруганная женщина является одѣтая въ трауръ. Она рассказываетъ родственникамъ и мужу обиду, нанесенную ей Секстомъ. Секстъ сказалъ ей, что убьетъ ее вмѣстѣ съ приведеннымъ невольникомъ, и потомъ поклонится богамъ Олимпа, что мечъ его былъ мстителемъ за честь родственника. Гнусная угроза испугала Лукрецію. Выслушавъ ея рассказъ, отецъ и мужъ стараются оправдать ее въ собственныхъ глазахъ; но добродѣтельная женщина не хочетъ, чтобъ имя ея могло служить когда-нибудь оправданіемъ для женъ, которымъ понадобится предлогъ въ оправданіи нечестности супружеской: она умерщвляетъ себя. Брутъ, узнавшій также, что жена его наказала себя самоубійствомъ, даетъ клятву освободить Римъ отъ тирановъ; кляжалъ, вынутый изъ груди жертвы, переходитъ изъ рукъ въ руки, и та же клятва повторена отцомъ и мужемъ Лукреціи. Сцена эта взята со словъ Тита Ливія. Народъ стекается, возстаетъ и готовится пагнуть родъ Тарквиніевъ. — Г. Понсаръ съ большимъ талантомъ обработалъ свой сюжетъ, не исказилъ римскаго преданія, обычаевъ и довольно вѣрно передалъ образъ чувствованій Римлянъ. Языкъ его также удаченъ, и если можно за что-нибудь упрекнуть, то развѣ за излишнюю роскошь образовъ, метафоричность. Трагедія играна на сценѣ Одеона, Второго Французскаго Театра, и играна, какъ увѣряютъ, очень-недурно.

32) LES PRÉTENDANS (Претенденты), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Легильйона.

Въ этихъ «Претендентахъ» находимъ Кромвеля и герцога йоркскаго. Но г. Легильйонъ, вмѣсто Кромвеля, поставилъ Наполеона, а вмѣсто герцога йоркскаго, Лудовика XVII, чудеснымъ образомъ спасшагося изъ Тампля. Повѣдѣніе парижскаго правительства пе-

реодѣло лица автора въ англійскіе костюмы, и изъ умной пьесы вышелъ страшный анахронизмъ. Интересами политическихъ партій пользуется одинъ спекулянтъ, который хлопочеть о вырытіи канала, и ловко выдаетъ себя за таинственнаго посланника. Всѣ принимаютъ участіе въ его предпріятіи; наконецъ истина открывается, и вѣстная власть, вмѣсто гнѣзда заговорщиковъ, находитъ одно собраніе акціонеровъ. Власть успокоилась, и спекулянтъ также въ выигрышѣ. Комедія написана чрезвычайно-умно, живо и занимательно, исполнена комическихъ характеровъ и сценъ; но превращеніе современныхъ французскихъ партій въ пуританъ и тори очень-много ее испортило. За всей порчею, въ пьесѣ осталось еще столько ума и остроты, что она принята съ рукоплесканіями на театрѣ Одеона.

Изъ остальныхъ пьесъ нынѣшняго мѣсяца заслуживаетъ упоминанія развѣ еще

33) *HERMANSE OU UN ANTRORPARD* (Эрманса или Годомъ опоздали), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи Ансло.

Чтобы рассказать содержаніе комедіи, надо взглянуть на то, что происходило за годъ до ея дѣйствія. Два молодые человека, статный Испанецъ, Альваресъ, и ловкій Альфредъ де-Серикуръ, были влюблены въ надмузель Эрмансу; но тетка дѣвушки, графиня Серикуръ, рѣшила, что племянницѣ не бывать ни за тѣмъ, ни за другимъ вздыхателемъ. Дѣвушка любила Альфреда, и какъ рѣшеніе ея было отнюдь не одинаково съ теткиннымъ, то въ одинъ прекрасный день чета голубковъ упорхнула за Пиренеи. Статный Испанецъ, видъ себя отъ мысли, что любимая имъ особа любитъ ненавидимаго имъ человѣка, гонится за бѣглецами. Соперники скоровстрѣчаются и дерутся. Альфредъ остался за-мертво на мѣстѣ; Альваресъ убѣжалъ, а Эрманса съ отчаянія кинулась въ пропасть. Къ счастью, гибель дѣйствующихъ лицъ была

только мнимомъ, и черезъ годъ они явились не только живыми, но еще развѣ играли комедію въ трехъ актахъ на театрѣ Водевила, въ которомъ, какъ извѣстно, г-жа Ансло съ супругомъ хозяева. — Засимъ слѣдуетъ содержаніе новой комедіи. Альфредъ, оправившись отъ жестокой раны, воротился въ замокъ; онъ все еще любитъ Эрмансу, но любовь его питается только воспоминаніемъ: предмета ея нѣтъ на свѣтѣ. Младшая же сестра дѣвушки, мамзель Валерія, жива и хороша со дня на день. Графиня Серикуръ, боясь со стороны сына новаго побѣда за Пиренеи, оказывается гораздо-сговорчивѣе, и отдаетъ ему руку Валеріи. Молодые супруги живутъ очень-покойно; хоть Альфредъ и часто вспоминаетъ прошлое, но Валерія не ревнива. Вдругъ по звѣзду разнеслись слухи, что слуги видѣли ночью тѣнь покойницы въ паркѣ; потомъ, развѣ утромъ, тѣнь присылаетъ Валеріи письмо съ подписью: «сестра твоя, Эрманса» — и является молодая прекрасная дама. Она, какъ и любовницъ, не умерла. Взаимная радость, рассказы; но въ какой-то странности, Валерія забываетъ сестрѣ сказать о своемъ замужствѣ. Слышенъ шумъ; воротась съ того свѣта, надо быть осторожною, и Эрманса прячется. Шумъ значитъ приходъ Альфреда, воротившагося съ вою дуэли, бывшей между нимъ и Альваресомъ, также прибывшимъ назадъ. За то они дрались въ этотъ разъ — неистово. Раненный и усталый, мужъ Валеріи засыпаетъ. Во снѣ является ему Эрманса; онъ сжимаетъ ее въ объятіяхъ, расточаетъ ей пѣжнѣншія клятвы, и дѣйствительность скоро обнаруживается: передъ нимъ не тѣнь, а живая Эрманса. Альфредъ блѣднѣетъ, солгается, отталкиваетъ любовницу, и въ вопросъ ея о причинѣ, отвѣчаетъ странныя слова: «я женатъ на Валеріи». Надо этому положенію чѣмъ-нибудь развязаться; Валерія также знаетъ теперь всю истину. Эрманса жертвуетъ собою, уѣзжаетъ изъ замка, принявъ

дуку Альвареса. Можетъ-быть, съ отъѣздомъ ея водворится снова миръ въ замкѣ Серикуръ... Драма очень-плачевная, какъ видите. Къ счастью, въ пьесѣ есть еще пара супруговъ, Бодиновъ де - Сен - Серневы. Мосье Бодиновъ, бывший москотильщикъ, теперь каръ и супругъ бывшей модной торговки, недурное комическое лицо, забавно обрисованное. Онъ добрый человекъ, съ гнрнымъ взглядомъ на вещи, но жена его пренеполнена дворянскихъ претензій. Она сочла за нужное прибавить къ наследственному имени имя изъ мельницы. Чета эта хорошо принята въ замкѣ графини, ради того, что прежній москотильный торговецъ, въ качествѣ перваго чиновника округа, располагаетъ достаточнымъ числомъ избирательныхъ голосовъ для помѣщенія молодого графа въ ряды депутатовъ, гдѣ молодой несчастливецъ за общедѣльными волненіями политической жизни долженъ забыть тревоженія своей внутренней жизни. Есть въ пьесѣ г-жи Ансло длинноты, особенно въ первомъ актѣ; есть сбивчивость въ изложеніи; есть два-три ни къ чему не нужные лица; но есть и достоинства. Комедія имѣла успѣхъ.

Вотъ все, что представила парижская сцена замѣчательнѣйшаго со времени послѣдняго нашего обозрѣнія. О толпѣ прочихъ водевилей и драмъ не говоримъ, какъ о несстоящихъ вниманія. Нельзя не замѣтить, что нынѣшній мѣсяцъ въ Парижѣ обнаружилъ большое стремленіе къ капиталности въ драматическомъ дѣлѣ: драмъ и комедій гораздо-больше обыкновеннаго и больше, чѣмъ водевилей. Между прочимъ, оперная поэма гг. Делавиней и ринская трагедія г. Понсара вещи замѣчательныя не ваященѣ только, но и въ литературѣ... Кетати. Читатели наши помнятъ прекрасную комедію г. Ареля, *Le Succès*, которой содержаніе изложенно мы въ прошломъ мѣсяцѣ: заслуженный и весьма-большой успѣхъ породилъ вторую попытку въ томъ же родѣ, *L'Art et le Métier* (Искусство и

Ремесло), комедію въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, г. Маслена, вещь не совсемъ пошлую, но, какъ подражаніе, неудавшуюся въ публикѣ.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМѢТКИ.

Въ первой и третьей книжкахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣщена чрезвычайно-любопытная статья, на которую должны обратить вниманіе всѣ любители отечественной исторіи. Она называется: «Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ». Г. Тургеневъ оказалъ большія услуги отечественной исторіи извлеченіемъ изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ (въ Парижѣ, Лондонѣ, Швеціи, Туринѣ и Римѣ) всего касающагося до русской исторіи. Четыре тома актовъ, раскрывающихъ сношенія римскихъ папъ съ Россіею, Польшею и Ливоніею съ XI до начала XVIII вѣка были плодомъ его усердія и трудолюбія. Прочіе собранные имъ акты относятся къ прошедшему столѣтію, начиная отъ времени Екатерины I. Но, сверхъ-того, въ одномъ парижскомъ архивѣ найдено имъ *девятнадцать* фолиантовъ дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіею, принадлежащихъ къ царствованію Петра-Великаго, и еще три фолианта, относящихся сношенія въ царствованіе Екатерины I. Г. Тургеневъ, по обилію источниковъ, не могъ ихъ выписывать вполнѣ, и оградился только тѣмъ, что казалось ему интереснѣйшимъ. Помѣщенная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статья особенно-замѣчательна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ

судили иностранцы о Петръ-Великомъ и какъ они понимали его. Замѣтки, изъ которыхъ составлена эта статья, имѣютъ всю прелесть и живость современныхъ мемуаровъ.

Недавно въ одномъ изъ листковъ «Сѣверной Пчелы» прочли мы извѣстie, что г. Булгаринъ — *Сократъ*; теперь, изъ 86 № этой же газеты, узнаемъ, что г. Булгаринъ — *Вальтеръ Скоттъ!!!*... Въ смѣси этого номера «Сѣв. Пчелы» находится статья «Журнальная всякая всячина. Письмо въ Дерптъ къ О. Б.», а въ статьѣ изъясняется искреннее сожалѣнiе, что нѣ кому описывать въ «Пчелѣ» балагановъ и другихъ праздничныхъ увеселенiй, за отсутствиемъ изъ Петербурга г. Булгарина. Замѣчательны послѣднiя строки этой примѣчательной статьи:

«Вотъ очеркъ того, что служило бы вамъ канвою для нынѣшняго фельетона. Мы не коснулись неистощимаго предмета — Адмиралтейской Площади, съ удивительными представленiями Легата и Сулье, качелями, каруселями и желѣзными дорогами, не коснулись общаго характера нынѣшняго гулянья, *котораго бы вы передали намъ въ живомъ разказѣ, въ ПОЛУПЛАСТИЧЕСКОМЪ (?!)... изображенiи, еслибы теперь не расхаживали въ помпичьей фуражкѣ и въ длинномъ деревенскомъ сертукѣ, по полямъ и садамъ вашего АББОТСФОРТА.*»

Если сходство г. Булгарина съ Сократомъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнiю, то еще менѣе можно сомнѣваться въ сходствѣ мызы *Карлово* съ *Абботсфортомъ*, а г. Булгарина съ *Вальтеромъ Скоттомъ*: извѣстно дѣло, что когда великiй романистъ шотландскiй уѣзжалъ на дѣто въ свое помѣстье, то въ мелкихъ газетахъ Эдинборга нѣ кому было описывать *полупластически* балагановъ и ихъ комедiй, и тогда за это благородное занятiе по-необходимости принималась разная литературная тля.

Въ 84 № «Сѣверной Пчелы», издаваемой гг. Булгаринымъ и Гречемъ, напечатанъ самый лестный отзывъ о плохомъ книжномъ издѣлiи г. Булгарина — «Очерки русскихъ правовъ, и лицеваго сторона и изнанка рода человеческого». Тутъ, конечно, въть днѣ «Сѣверная Пчела», безпристрастная, строгая, всегда отдастъ справедливое всему хорошему, если только это хорошее сочинено или составлено г. Булгаринымъ и Гречемъ, или ихъ почитателями. Не удивительно также и то, что эта газета смѣется надъ *Жун* и разными *пустынкками*, которыхъ повторяетъ и копируетъ г. Булгаринъ въ своихъ правоописательныхъ статьяхъ. Еще менѣе удивительнымъ покажется вамъ, если въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Сѣверной Пчелы» вы прочтете столь же обязательную и любезную статью о вновь-вышедшей «Исторiи Петра Великаго», соч. г. Пелевина. Это будетъ не первымъ и не послѣднимъ примѣромъ трогательной дружбы и свѣтской любезности, какими отличается наша литература, не смотря на всѣ «кочерыжныя» исторiи, которыя такъ нерѣдко случаются съ нею.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТIЯ.

Викторъ Гюго получилъ за своихъ «Бургграфовъ» 5,000 франковъ отъ Перваго Французскаго Театра сверхъ-того, онъ будетъ пользоваться перспективной платогою за каждаго представленiе ея на сценѣ. Рукопись пьесы продана за 15,000 франковъ, съ правомъ перепечатывать ее въ продолженiе десяти лѣтъ. За книгу «Рейнъ» Гюго получилъ уже 30,000 франковъ. Черезъ десять лѣтъ, онъ имѣетъ право снова продать это сочиненiе зрелому издателю. Извѣстiе.

Викторъ Гюго отъ одного общества капиталстовъ получилъ 250 000 франковъ за право издавать въ свѣтъ всѣ его сочиненія, написанныя до 1842 года. По истеченіи десятилѣтняго срока, авторъ можетъ передать право печатанія ихъ другимъ спекулянтамъ. Курсъ на сочиненія Гюго состоитъ теперь въ Парижѣ слѣдующій: за каждый томъ новаго его сочиненія платятъ издатели съ охотою 15,000 франковъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Мюнхена, лучшіе баварскіе художники занимаются прилежно своими работами. Петръ Гессъ пишетъ огромную картину: «Бородинскую Битву», назначенную для Петербурга; Каульбахъ окончилъ верхнюю половину своей картины («Разрушеніе Іерусалима») и въ два года надѣется окончить это гениальное произведеніе; Ротманъ пишетъ нѣсколько греческихъ ландшафтовъ; Монтенъ и Шельверъ написали нѣсколько эпизодовъ изъ лейпцигской битвы. Шванталеръ окончилъ модель стоящей статуи Гёте для Франкфурта-на-Майнѣ, также статую Рудольфа Габсбургскаго.

— Германскіе книгопродавцы жалуются на худой сбытъ книгъ, особенно ученыхъ, и говорятъ, что публика сдѣлалась нынѣ очень-причудлива; что ей нужны одні только забавы и удовольствія. Она покупаетъ только тѣ книги, которыя служатъ ей пріятнымъ развлеченіемъ отъ скуки; но серьезныя, ученые творенія производятъ въ ней тошноту, подобную морской болѣзни. Какія книги покупаетъ нынѣ предпочтительно публика? разужется не тѣ, въ которыхъ видна глубокая начитанность автора, трудъ тяжкій и добросовѣстный, на изданіе которыхъ книгопродавцы-издатели употребили значительный капиталъ. Публикѣ надобно легкое чтеніе, пріятное, забавное и притомъ дешевое. Она говоритъ: «куда намъ дѣваться съ вашими книгами, у насъ и безъ того пропасть журналовъ и романовъ, а на дру-

гое чтеніе рѣшительно не достаетъ времени». Tout comme chez vous!

— Въ Лондонѣ выходитъ новый журналъ съ политическими рисунками, подъ заглавіемъ «Illustrated London News» (Иллюстрированная Лондонская Газета). Продажа въ публикѣ этой газеты должна быть очень значительна, потому-что 15,000 экземпляровъ покрываютъ только расходы по редакціи. Говорятъ, что это изданіе печатается въ числѣ 40,000 экземпляровъ, и если изъ нихъ вычтеть означенные 15,000, то издатели съ каждой тысячи выигрываютъ чистаго барыша 10 фунт. стерлинговъ (250 руб. ас.). Успѣхъ этого предпріятія возродилъ многихъ подражателей, и уже въ Лондонѣ появились другія подобныя изданія, какъ на-примѣръ: «Pictorial Times», «Illustrated London Life», «Toby», «Judy» и «Punch», которые называютъ Англичане лондонскимъ Charivari.

— Послѣ игранный нѣсколько разъ съ успѣхомъ на Потсдамскомъ-Театрѣ трагедіи Софокла «Антигона», въ скоромъ времени будетъ представлена извѣстная комедія Аристофана «Ягушки», переводъ съ греческаго на нѣмецкій языкъ профессора Франца, музыка сочиненія Кошера, молодаго композитора, который уже извѣстенъ въ Берлинѣ удачными своими музыкальными произведеніями.

— Недавно умерла въ Парижѣ графиня Селеста Вьенъ (Vien), членъ Королевской Академіи въ Бордо, Атепеума Искусствъ въ Парижѣ, и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Она, подобно госпожѣ Дасье, знала въ совершенствѣ греческій языкъ, перевела стихами Анакреона и написала много другихъ стихотвореній. Графиня Вьенъ часто восхищала слушателей въ Атепеумѣ своими превосходными стихотвореніями.

— Въ Лондонѣ появился въ печати дневникъ, писанный извѣстною леди Сэль, которая была въ плѣну у Агхановъ, въ послѣднемъ походѣ Англичанъ. «The Times» очень хвалятъ эту

книгу: «Journal of the disasters in Afghanistan». Отважная леди, въ самых критических обстоятельствах: во время обступленія Бала-Гиссара, гдѣ лишилась своего зятя, была сама тяжело ранена и потомъ вата въ плѣтъ, — не переставала писать свой дневникъ съ разными замѣчаніями и наблюденіями надъ военными дѣйствіями своихъ соотечественниковъ. «The Times» находятъ книгу леди Сэль весьма-интересною и поучительною, даже въ военномъ отношеніи. Она строго разбираетъ стратегическія и тактическія ошибки генераловъ В. М. Наутена и Эль-Фистова.

— Нѣсколько уже лѣтъ, шведскіе гидроавіи замѣчаютъ, что вода въ Балтійскомъ-Морѣ и въ соединенномъ съ нимъ Меларскомъ-Озерѣ (Mælarssee) постепенно понижается и убываетъ, такъ — что въ будущихъ столѣтіяхъ Балтійское-Море можетъ совершенно высохнуть. По этому же предмету, вестманландскій губернаторъ баронъ Риддерштолпне подалъ записку шведскому правительству, въ которой доказалъ неоспоримую истину, что вода въ Меларѣ съ 1834 года понизилась на 9 футовъ 16 дюймовъ противъ прежняго уровня воды, бывшаго за 500 лѣтъ предъ симъ, согласно съ извѣстными таблицами, сохранившимися отъ того времени. Также извѣстно, что съ нѣкоторыхъ лѣтъ вода очень понижается на восточному берегу Италія и на западныхъ берегахъ Франціи.

— Изъ опытовъ, сдѣланныхъ англійскимъ химикомъ Кокстгономъ, оказывается, что сила пороха гораздо-болѣе увеличивается, когда въ стволѣ ружья пуля не прибавается плотно къ заряду. Ружье, заряженное обыкновеннымъ образомъ, пробило пулею въ доскѣ пять $\frac{1}{4}$ дюймовъ и засѣла въ шестой доскѣ; но зарядъ, между которымъ и пулею осталась воздушное пространство, пробилъ начисто шесть досокъ, и пуля

осталась въ седьмой. Слѣдовательно, всеобщее повѣрье у егерей, что стволъ ружья лопнетъ, когда пуля не прибавается плотно къ заряду, оказывается ложнымъ; надобно только, чтобъ стволъ былъ крѣпокъ, надеженъ и могъ выдерживать двойной зарядъ. Для лучшаго объясненія этого скажемъ, что запертой въ стволѣ воздухъ расширяется отъ вспышки пороха и гонитъ такимъ образомъ быстро пулю изъ ружья; притомъ же сданный воздухъ способствуетъ совершенному воспламененію пороха. Этимъ средствомъ можно сберечь на двадцать процентовъ пороха. Не трудно будетъ въ навыку оставлять въ зарядѣ между порохомъ и пулею потребное количество сданнаго воздуха. Въ пушкахъ, коронадахъ и прочихъ такого сорта орудіяхъ, описанная система при зарядѣ окажется еще удивлительнѣе, чѣмъ въ ружьяхъ и карабинахъ.

— Англійскій профессоръ химіи въ Kings Kollege уведомилъ, изъ города Норвада, что тамъ заболѣли отрядомъ множество людей, но никакъ не могли отыскать причины этой болѣзни. Наконецъ ему пришла мысль исследовать химически свинцовыя водопроводныя трубы. Изъ сдѣланныхъ опытовъ оказалось, что свинецъ въ некоторыхъ случаяхъ распускается въ водѣ и насыщаетъ ее вредными для здоровья частицами. До сего времени химики полагали, что свинецъ въ водопроводныхъ трубахъ не имѣетъ никакого вліянія на здоровье человека.

— Въ Кёнигсбергѣ вышла изъ печати книга подъ названіемъ: «Preussische Postzustände». Извлекаетъ изъ нея то, что извѣстно, о почтовой службѣ въ Пруссіи. — Чтобъ быть принятымъ въ прусскую почтовую службу необходимо, кандидату, поступающему въ должность, быть не моложе 21 лѣтъ, и не старѣе 21 года, крѣпкимъ теломъ, совершенно здоровымъ и годному къ почтовой трудной службѣ. Поступающій долженъ окончить съ успѣхомъ курсъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ королевскихъ гимназіяхъ.

тъ, кромѣ греческаго языка, или обучаться въ высшихъ гражданскихъ школахъ и подвергнуться экзамену по инструкціи, данной 8 марта 1832 года. Онъ долженъ писать чотко и красиво, говорить и писать по-французски, или по-польски, легко и понятно. Поступающій въ почтовую должность долженъ представить правительству 300 талеровъ въ обезпеченіе по службѣ. Онъ обязанъ въ первые годы своей службы содержать себя на свой собственный счетъ прилично его званію, т. е. экипировать себя по предписанной формѣ, и вообще имѣть достаточныя средства къ своему содержанію, пока не будетъ получать постояннаго жалованья изъ королевской кассы, чего надобно ожидать известное число лѣтъ.

— На островѣ Явѣ, въ мѣстахъ каменистыхъ и безводныхъ, растетъ чашечное дерево, безъ котораго тамъ не могли бы водиться ни птицы, ни звѣри, по причинѣ безводія страны. Подъ каждымъ листомъ этого дерева природа повѣстила родъ чашечки, закрываемой крышкою на шалнерѣ, который состоитъ изъ волокна, съживающагося въ дождливую погоду, и такимъ образомъ открывающаго крышку чашечки. Эти сосуды наполняются дождевою чистою водою, которая служитъ пойломъ для множества птицъ и мелкихъ животныхъ, приходящихъ утолить свою жажду къ этому благословенному дереву. Когда же разсѣются дождевыя тучи и прояснѣетъ солнце, шалнеръ каждой чашечки вытягивается, и такимъ образомъ закрываетъ ее, чтобъ влага, находящаяся въ этомъ резервуарѣ, не могла испариться отъ солнечнаго жара.

— Натуралисты говорятъ, что природа въ Австраліи отступила во многихъ предметахъ отъ непремѣнныхъ естественныхъ законовъ творенія Божія. Растенія и животныя имѣютъ тамъ свой особый типъ, и вовсе отличны отъ животныхъ и прозябаемыхъ въ другихъ частяхъ свѣта. На-примѣръ въ Австраліи водится особаго рода птица (*ptitonynchus holosericus*), ко-

торая строитъ для себя весьма-красивыя бѣсѣдки изъ вѣтвей дерева, служащія ей не гнѣздомъ, но салономъ для приѣма гостей. Такая птица водится по морскимъ берегамъ Новой-Южнаго-Валлиса въ густыхъ кустарникахъ и въ кедровыхъ рощахъ. Птичьи бѣсѣдки бываютъ различныхъ размѣровъ и вида, и пернатые жители украшаютъ ихъ, кромѣ зелени, множествомъ разноцвѣтныхъ предметовъ, какъ-то раковинами, перьями поугавей, разноцвѣтными камешками и пр. Такія птицы подбираютъ обыкновенно съ земли всѣ попадающіеся имъ на глаза мелкія и блестящія вещицы: это сороки-воровки Австраліи. Если у туземцевъ пропадетъ какая-нибудь мелкая вещь, золотая, серебряная, мѣдная и пр., то они всегда находятъ эту пропажу въ гнѣздахъ и бѣсѣдкахъ означенныхъ птицъ. Для чего онѣ строятъ себѣ бѣсѣдки? этого вопроса не могли доселѣ разрѣшить натуралисты; по-крайней-мѣрѣ замѣчено, что птицы никогда въ нихъ не высматриваютъ своихъ яицъ. Такія построенія, конечно, можно назвать гостиницею ихъ обитанатою, ибо люди замѣчали, что въ нихъ каждый день собираются по нѣсколькѣ птицъ, для общаго свиданія. Другая подобнаго рода птица, называемая *chlamydera maculata*, строитъ изъ древесныхъ вѣтвей родъ продолговатой залы въ 3 и 4 фута длиною, которая обыкновенно украшается разными пестрыми раковинами, перьями и т. п. — Въ этомъ салонѣ *chlamydera* принимаетъ визиты отъ своихъ гостей.

— Въ Англіи, известные математики и астрономы исчислили, что всемірный потопъ былъ слѣдствіемъ появленія кометы Галлея. Вотъ доказательства:

Отъ сотворенія міра до потопа прошло..... 1655 лѣтъ.

Отъ потопа до Рождества Христова..... 2349 —

4004 —

Существованію нашей земной планеты при рожденіи Иисуса Христа считалось..... 4004 —

Отъ Рождества Христова до нашихъ времянь..... 1843 —
 5847 —

Галлеева комета явилась въ 1680 году; теченіе ея вокругъ солнца совершается въ $575\frac{1}{2}$ лѣтъ; слѣдовательно, она возвратится къ намъ въ $2255\frac{1}{2}$ году, что составляетъ 1843 годъ; къ сему причисляется..... $412\frac{1}{2}$ —

Возрастъ міра, когда комета 1680 года опять появится..... $6259\frac{1}{2}$ —

Если счесть семь круговыхъ обращеній кометы, начиная съ 1680 года, то выходитъ, что она появилась на небѣ за 2349 годъ до Рождества Христова, слѣдовательно, въ самый годъ всемірнаго потопа.

Отъ всемірнаго потопа до Р. Х..... 2349 лѣтъ.

Отъ Р. Х. до того года, когда галлеева комета въ послѣдній разъ была видна..... 1680 —
 4029 —

Семь круговыхъ обращеній кометы, считая каждое въ продолженіе $575\frac{1}{2}$ лѣтъ, составляютъ $4028\frac{1}{2}$ лѣтъ.

Въ сему причисляется $\frac{1}{2}$ года отъ начала до окончанія потопа..... $\frac{1}{2}$ года.
 4029 лѣтъ.

Если допустить вѣрность этого исчисленія, то все-таки представляется вопросъ: какимъ образомъ означенная комета, при первомъ своемъ появленіи произведшая всемірный потокъ, въ послѣдующіе шесть разъ являлась такъ спокойно на небѣ и не произвела никакого переворота на земномъ шарѣ?

— Въ англійскій парламентъ подана просьба о выдачѣ привилегіи на весь

ма-замѣчательное изобрѣтеніе, имено, на воздушной паровой дилижансѣ. Въ обрѣтатель, кажется, крѣпко увѣренъ, что онъ на этой колесницѣ перелетитъ въ два дня изъ Лондона въ Восточную Индію, въ Бомбей. Устройство воздушнаго дилижанса слѣлано по той системѣ, по которой птицы держатся влетаютъ въ воздухъ. Такая машина, въ 20 футовъ вѣсомъ, съ поклажею и пассажирами, не можетъ, однакоже, подниматься на воздухъ прямо съ земли, но съ высокой наклонной платформы она легко скатывается въ воздухъ, и не только на немъ держится, но и летитъ свободно въ атмосферѣ.

— Англійскій ученый и натуралистъ Броунгопъ, во время своего путешествія по Малой-Азій, Сиріи и Месопотаміи, видѣлъ нѣсколько замѣчательныхъ мостовъ, построенныхъ не руками людей, но самою природою. Въ сѣверныхъ мѣстахъ отъ Коніи, этотъ ученый нашелъ большую арку, перекинутую черезъ быстрый и пѣнящійся ручей и составленную изъ пемзы. При смотрѣвъ внимательнѣе это чудное изведеніе природы, онъ нашелъ означенный мостъ составился изъ доломита, который, по мѣрѣ выходящаго изъ доломита въ скважины, наполненныя минеральными испареніями, пропитанными отъ ручьевъ, вытекающихъ изъ вулканической цѣпи горъ. Мостъ этотъ крѣпокъ, что по немъ безъ малѣйшей опасности можно ѣздить верхомъ на экипажѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ туда, также черезъ ручей, образующееся посредствомъ того же естественнаго процесса, другой мостъ изъ доломита, наполненнаго минеральной накипью; но пройдя нѣсколько вѣковъ, покуда не соединится съ обоимъ берегамъ ручья, образуется и составитъ плотную мостовую арку. Въ Курдистанѣ, тотъ же ученый видѣлъ на широкомъ ручей, мостъ, сплетенный природою, изъ искусственной корзинки, изъ тонкихъ ветвей и эластическихъ вѣтвей, по которымъ протянулись и соединились стѣны отъ нѣсколькихъ толстыхъ

ствъ, стоящихъ на обоихъ берегахъ реки. Черезъ этотъ плетённый мостъ можно безопасно пройти пѣшеходу и повести выючную лошадь.

— Докторъ Бретей, въ Парижѣ, изобрѣлъ безопасный отъ пуль кирасъ, сдѣланный изъ прессованнаго хлопчатобумажнаго войлока. Этотъ кирасъ сдѣланъ для пробы на теленка, въ которого стрѣляли пулями изъ солдатскихъ ушей на близкой дистанціи. Пули ниало не оконтузили животнаго и отталкивали отъ кираса, какъ отъ дикаго камня. Говорятъ, что во французскихъ войскахъ скоро будутъ введены въ употребленіе эти хлопчато-бумажные кирасы.

— Какой-то механикъ въ Дармштадтѣ сдѣлалъ модель локомотива на желѣзной дорогѣ, который дѣйствуетъ не паромъ, но часовымъ механизмомъ. Посредствомъ такой машины, можно будетъ всему поѣзду вагоновъ быстро подыматься по желѣзнымъ рельсамъ даже на крутые холмы въ 40 градусоу склона; слѣдовательно, желѣзныя дороги можно устроить не только на ровной поверхности, но и по горамъ. Сверхъ-того, локомотивъ, дѣйствующій часовымъ механизмомъ, не подверженъ опаснымъ взрывамъ, какъ паровозы.

— Въ послѣднемъ засѣданіи членовъ люкской ратуши дѣлано было испытаніе надъ вновь-изобрѣтеннымъ переносимымъ газомъ, который называется hydro-luminös. Аппаратъ для этого газа очень-простъ, несложенъ и можетъ быть помѣщенъ даже въ маленькомъ подсвѣчникѣ, равно какъ въ люстрахъ, канделябрахъ, и проч. Этотъ газъ даетъ весьма-приятный легкій свѣтъ для глазъ и можетъ быть переносимъ куда угодно, какъ обыкновенная свѣча.

— Въ концѣ марта, была въ Парижѣ аукціонная продажа картинъ, принадлежавшихъ испанскому богачу банкиру Агуадо. Между этимъ драгоценнымъ собраніемъ много было картинъ славнѣйшихъ испанскихъ живописцевъ и особенно самого Мурильйо 79 картинъ. По каталогу, картины и статуи

Агуадо оцѣнены были въ 2,500,000 франковъ; но онѣ проданы за довольно-низкую цѣну — 635,436 франковъ. Знаменитая мраморная Магдалина Каювы, стоявшая своему хозяину 63,000 франковъ, перешла въ руки маркиза Феррари за 59,500 франковъ. Одинъ богатый Испанецъ, герцогъ Серрагліа, купилъ «Св. Франциска Мурильйо за 15,400 фр., а Джемъ Ротшильдъ «Св. Джустину» и «Руѣ» Мурильйо за 11,035 фр. «Отдохновеніе Дианы» Рубенса куплено на счетъ французскаго правительства за 7,400 фр.: Агуадо заплатилъ за эту картину 34,000 франк. «Малонна съ Младенцемъ», «Св. Екатерина» и «Лудія» пошли за 3,200 фр.; «Отдохновеніе Св. Семейства» Риберы за 4,000 фр.; «Св. Марія и Младенецъ», «Іоаннъ Креститель» Гвидо Рени — за 5,800 фр., «Дѣвушка съ рыбой» Мурильйо — за 6,900 фр., «Дама съ вѣромъ» Веласкеца — за 12,750 фр., «Гауптвахта» младшаго Теньера — за 15,300 фр.; «Мадонна, окруженная ангелами», чудное произведеніе — за 17,900 фр. Любители чрезвычайно боролись цѣнами за главную картину Мурильйо — «Благовѣщеніе». Она продана за 27,000 фр.; «Мадонна Рафаэля, превосходное произведеніе, продана за 27,250 фр. (Агуадо заплатилъ за нее 35,000 фр.). Картины посредственнаго достоинства куплены продавцами картинъ и эстамповъ. Въ-заключеніе скажемъ, что г. Агуадо былъ страстный охотникъ до картинъ, но не тонкій знатокъ въ живописи. Въ 1839 году, онъ застраховалъ все свое собраніе картинъ въ 3,039,950 фр.; но въ означенной аукціонной продажѣ, продолжавшейся отъ 20 до 28 марта, было выручено за картины, статуи и бюсты слѣдующее:

- 1) За продажу 230-ти картинъ испанской школы, между которыми находилось 79 Мурильйо и 17 Веласкеца, получено . . . 255,192 фр.
- 2) За 128 картинъ итальянской школы 236,606 фр.

- 3) За 35 картинъ фламандской школы. 54,638 —
 4) За 50 статуи и бюстовъ 89,000 —
 Всего 635,436 фр.

— Французскій оружейникъ Дальвинъ сдѣлалъ новаго рода карабинъ, котораго короткій стволъ, длиною не болѣе 14 дюймовъ, заряжается весьма слабымъ зарядомъ ($3\frac{1}{4}$ грана пороха) съ пулею вѣсомъ въ лоть. Форма пули представляетъ конусообразный цилиндръ. По сдѣланной пробѣ надъ этимъ карабиномъ оказалось, что онъ бьетъ въ цѣль на разстояніи 400 метровъ (1,200 футовъ), и что пуля при ударѣ въ цѣль сплющивается. Главное улучшение въ карабинѣ состоитъ въ томъ, что пуля не садится плотно на порохъ, а потому онъ скорѣе и легче воспламеняется, и съ большей силой выбрасываетъ пулю изъ дула.

— Недавно въ арсеналѣ Улича выдвинули изъ мѣди огромную мортиру для Мехмеда-Али и сдѣлали изъ нея нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ. Мортира вѣсомъ въ 13-ть тоннъ; жерло 20 дюймовъ въ поперечникѣ; заряжается 80 фунтами пороха, и бомбою въ 1,010 фунтовъ вѣсомъ.

— На шведскомъ чугуно-плавильномъ заводѣ, въ Акенѣ, выливаютъ выишки и коронады, которыя заряжаются не спереди, а сзади, что весьма-важно какъ для крѣпостныхъ, такъ и для корабельныхъ орудій. На этомъ заводѣ дѣлаются также чугунные дюжы и цѣльныя колокольни для каменныхъ церквей. Въ 1835 году сгорѣла колокольня стокгольмскаго собора (Ritterholmskirkens). Акенскій заводъ выливаетъ изъ чугуна огромную и высокую колокольню съ готическими украшеніями для этого собора. Эта чугунная башня, разобранная по частямъ, уже привезена въ Стокгольмъ и скоро поставится на мѣсто.

— Въ послѣднюю войну Китайцевъ съ Англичанами, Богдыханъ приказалъ вылить испанскую пушку изъ бронзы, для пораженія флота ры-

жихъ варваровъ. При этомъ случаѣ онъ объявилъ своимъ мандаринамъ одно выстрѣленное ядро изъ та орудія должно неминуемо потонуть въ море. Британцевъ. Пушку вылили изъ бронзы на-славу, но при первомъ выстрѣлѣ она разлетѣлась въ тысячу кусковъ, оторвала головы нѣсколькимъ артиллеристамъ и изранила нѣсколькимъ мандариновъ.

— Въ Пруссіи, начиная съ 1817 года, было только на 523 мили шоссе выхъ искусственныхъ дорогъ; до 1840 года сдѣлано было ихъ уже на 1,000 миль, включая въ это число достроенную на акціяхъ и орудіи шоссе въ рейнскихъ провинціяхъ. Наченныя дороги стоили 54 миліоновъ талеровъ, среднимъ числомъ каждая миля обошлась въ 30,000 талеровъ. Устава сбора съ мили по средней порціи можно считать 990 талеровъ. Для ремонта и содержаніе дорогъ для зрителей при нихъ полагаютъ на каждую милю по 1,000 талеровъ.

— Одинъ англійскій офицеръ, путешествуя по Восточной-Индіи, въ однужды въ лодкѣ по рѣкѣ и увидѣвъ на водѣ большую тыкву, около которой плавали дикія утки, выстрѣлилъ въ нее. Уже не являлись на поверхности воды. Офицеръ спросилъ индійскіхъ торговцевъ: «Куда же дѣваются утки?» и они отвѣчали вотъ что: «Въ тыквѣ сидитъ голова ловца дикихъ утокъ. Эта плавающая егеря подкрадывается замѣтно къ цѣлой стаѣ дикихъ утокъ, которыя, видя одну тыкву, ишишь не пугаются. Ловець изъ-подъ нее хватается за ноги одну утку за другою и прицѣпляетъ ихъ къ своему волу. Онъ продолжаетъ свою водную охоту до-тѣхъ-поръ, пока утки не выйдутъ чего-нибудь и не улетятъ въ другое мѣсто.»

— Одинъ ветеринарный врачъ Эльзассѣ выдумалъ самое дѣльное средство откармливать худыхъ и истощенныхъ рабочихъ лошадей. Каждый день онъ даетъ такой лошади пучокъ травы, называемой «собачій зубъ».

отъ 10 до 12 фунтовъ рѣпы. Самая худая и измученная кляча войдетъ чрезъ нѣсколько дней въ полне тѣло отъ этого корма. Притомъ же, худая и сорная трава «собачій зубъ», изъ которой доселѣ поселяне не дѣлали никакого употребленія, пойдетъ теперь въ дѣло какъ лекарственное снадобье для лошадей.

— Въ Швеции кормятъ лошадей не овсомъ, но хлѣбомъ, спеченнымъ изъ овса, который очень питателенъ, и лошади отъ такого корма бываютъ всегда здоровы. Овсяный хлѣбъ пекутъ въ видѣ небольшихъ пирожковъ, которые послѣ должно крѣпко высушить. Чѣмъ черствѣе и крѣпче пирогъ, тѣмъ онъ питательнѣе: лошадь должна тщательно жевать эту пищу, смачивая ее слюною, что весьма-полезно для пищеваренія. Всѣ германскіе экононы совѣтуютъ кормить лошадей такимъ кормомъ, потому что крѣпкій овсяный хлѣбъ сберегаетъ цѣлую половину расхода на кормъ лошади. Овесъ должно молотъ въ муку, или, по-крайней-мѣрѣ, растереть нѣмелко, прибавивъ къ нему кислаго ржаного тѣста, испечь и давать лошади кусками, перебивавъ ихъ съ соломенною сѣчкою.

— Во Франціи начали выдѣлывать чистую бумагу изъ болюнистыхъ нитокъ банановаго дерева, которыя могутъ совершенно замѣнить тряпки, съ выигрышемъ отъ того 40 проценто́въ. Известно, что въ тропическихъ земляхъ растутъ въ такомъ множествѣ великія банановое дерево или пивангъ, какъ на сѣверѣ ель и береза. Въ одинъ годъ изъ сѣмени банана, посаженнаго въ землю, образуется довольно толстый стволъ дерева. Итакъ, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ волокна банановаго дерева составятъ важный предметъ торговли и главное снадобье для писчей бумаги.

— Ловъ устрицъ у французскихъ береговъ былъ очень значителенъ въ 1842 году. Въ Гранвиллѣ занимались этою промышленностію 720 человекъ въ 24 катерахъ: Всего было поймано 54,000,000 штукъ, которыхъ проданы по 23 фран.

67 сантимовъ за тысячу, и выручено отъ того 465,000 франковъ. Столь значительную выручку приписываютъ хорошей погодѣ, стоявшей съ осени прошедшаго года, и высокой цѣнѣ во Франціи на устрицы. Въ Гранвиллѣ, кромѣ промышленниковъ за устрицами, занимаются еще 1,200 человекъ браковкою ихъ, укладкою въ бочки и перевозомъ въ разные города Франціи.

— Австрійскій городъ Грецъ служитъ мѣстомъ убѣжища для многихъ знатныхъ сановниковъ, которыхъ неумолимый рокъ нерѣдко преслѣдовалъ разными бѣдствіями даже на тронѣ. Не упоминая о несчастномъ королѣ Карлѣ X, о принцѣ и принцессѣ Англемскихъ, о герцогахъ Бордосскомъ, скажемъ нѣсколько словъ о герцогинѣ Беррійской, которая нынче живетъ въ Грецѣ въ домѣ стараго графа Герберштейна. Известно, что во Франціи не конфисковали собственнаго имѣнія герцогини, не смотря на ея удаленіе изъ отечества. Всѣ мѣбели, утварь и драгоценныя картины велѣно перевезти изъ Франціи въ Штейнмаркъ, и скромный домикъ ея въ Грецѣ украсенъ нынче множествомъ рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей, собранныхъ изъ нѣсколькихъ бывшихъ замковъ ея во Франціи. Въ картинной галереѣ герцогини находится нѣсколько знаменитыхъ произведеній древнихъ и новѣйшихъ французскихъ художниковъ. Между вещами особенно замѣательны: мечъ Франциска I, башмакъ Генриха IV, золотыя стремена Людовика XIV и нѣсколько другихъ вещей, принадлежавшихъ Бурбонамъ. Изъ нѣкоторыхъ девизовъ, вышитыхъ на мѣбеляхъ герцогини, видно, что семейство ея не отказалось еще отъ притязаній на тронъ Франціи. На подушкѣ дивана вышиты слѣдующія слова, окруженные вѣнкомъ изъ лилій: «Ils reverdiront»; на другой слова: «Vaincre ou mourir» вышиты золотомъ по зеленому полю. На одной картинѣ предста-

взлѣтъ шуанъ на кофѣяхъ предъ образомъ св. Дѣвы; внизу написано: «*Marie, benis nos armes*»; на другой шуаны, стоящія съ бѣлымъ знаменемъ на завошанной крѣпости, бросають отъ радости шляпы вверхъ, съ надписью: «*Vive le roi!*»

— Величайшая корона въ свѣтѣ находится нынче въ Германіи, а именно на куполѣ монастыря, построеннаго императоромъ Карломъ V и называемаго «Клостернейбургъ». Эта испанская корона (вѣрная копія съ короны вѣмецкихъ императоровъ, хранящейся въ Вѣнѣ) покоится на огромной подушкѣ, сдѣланной изъ желѣза. Внутри короны могутъ свободно помѣститься 20 человекъ. Драгоценныя камни, находившіяся на обручѣ вѣнца, подѣланы изъ раскрашеннаго жести, въ которыхъ помѣщены окошки и двери для входа и выхода любопытныхъ въ эту исполненную корону.

— Ричардъ Маклоренсъ, служившій въ легкой (синей) ротѣ англійской гвардіи, былъ во время ватерлооскаго сраженія въ томъ отрядѣ войскъ, который защищалъ замокъ Гугумонтъ. Когда означенная рота засѣла въ саду Гугумонта, то солдаты съ жадностію стали обрывать сиблыя вишни, висѣвшія на деревьяхъ, не смотря на то, что непріятельскія бомбы и гранаты градомъ сыпались на нихъ черезъ садовую стѣну. Майоръ М'Доннелъ, командиръ той роты, замѣтивъ этотъ безпорядокъ, закричалъ солдатамъ: «если я переживу этотъ день, то перепорю всѣхъ васъ за кражу чужихъ вишенъ». — Но ихъ не много осталось въ живыхъ къ вечеру того дня изъ этой синей роты, состоявшей изъ 134 человекъ. При перекличкѣ являлось на лицо только 13 человекъ, которые подъ командою ефрейтора присоединились къ своему полку, ибо офицеры и унтер-офицеры всѣ были тяжело ранены или убиты.

— Извѣстный путешественникъ Юліи Кёгелъ, бывшій въ 1841 году на островѣ Борнео, видѣлъ въ горахъ чешуйчатое племя людей, называемыхъ Та-

jaks, съ хвостами, длиною отъ 5 до 7 дюймовъ, очень похожими на свиные (?). Въ Шарабасѣ, въ 10 или 15 миляхъ отъ Понтианака, попадались ему не только взрослые люди обоего пола, но даже дѣти съ маленькими хвостами. — За сто лѣтъ предъ симъ, Испанцы утверждали, что будто бы нашли на островахъ Люционскаго-Архипелага также людей съ хвостами, но въ послѣдствіи оказалось, что это были обезьяны изъ рода шимпансе. Бальби и другіе этнографы упоминали также о людяхъ съ хвостами; но послѣ всѣхъ натуралисты рѣшили, что нѣтъ на земномъ шарѣ столь чуднаго племени. Богъ знаетъ, какъ вѣрить теперь и Юлію Кёгелю?

— Въ Марокко живетъ множество Жидовъ, которые большею частію, какъ и въ Европѣ, промышляютъ мелочною торговлею и часто крадею; они очень неопратны, и вообще находятся въ презрѣніи у всего мусульманскаго народонаселенія. Тамъ бываютъ часто казни Жидовъ: имъ отрубаютъ голову, или сажаютъ на колѣ. Недавно доносили мароккскому императору, что въ его столицѣ живетъ Жидовочка Ревекка рѣдкой красоты. Онъ, разувѣвшись, приказалъ взять силою изъ дома родителей ея эту грацію и заключить ее въ своемъ гаремѣ. Приказъ былъ немедленно исполненъ; императоръ и самъ дѣлъ увидѣлъ, что такая красавица ему прежде и во снѣ не грозилась. Родители Ревекки едва не свалились ума отъ отчаянія, узнавъ о заключеніи своей дочери, и громко начали жаловаться на деспотизмъ своего императора. Императоръ приказалъ одному изъ своихъ евнуховъ захватить роту дерзкимъ крикунамъ, и негръ исполнилъ приказъ по своему крайнему разумію: онъ отсѣкъ головы родителямъ Ревекки. Императоръ между тѣмъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе въ своей прелестной невольницѣ: она рѣшительно не хотѣла отвѣчать на его страстную любовь, и осыпала его проклятіями и бранью за казнь родителей.

Его нарочитое величество очень разсердился, и, не привыкши къ отказамъ своихъ одамыкъ, приказалъ разрубить на четыре части Жидовну, что и было исполнено немедленно тѣмъ же евнухомъ.

— Въ Испаніи, шляпа — самый почетный и важный нарядъ каждаго сабаго и гидальго. Всѣ Испанцы низко кланяются шляпѣ каждаго дворянина, ибо шляпа означаетъ гражданство (*grandeza*). «Онъ получилъ шляпу — говорить въ Испаніи про того человека, котораго король произвелъ гражданиномъ. Такое производство совершается очень скоро, ибо король только скажетъ произведенному: «*subgaos* (накрой)». Граждане раздѣляются на три класса. Первый классъ имѣетъ право надѣвать передъ королемъ шляпу, когда монархъ еще не началъ говорить съ гражданами. Второй классъ надѣваетъ шляпу въ присутствіи короля послѣ его пріѣзда. Третій классъ имѣетъ право покрывать голову тогда, когда говоритъ уже съ нимъ король, и когда присутствующій отвѣчалъ на пріѣздъ монарха. Отъ этого обычая шляпа въ Испаніи вошла въ такой почетъ. Особенно въ деревняхъ между помѣщиками шляпа въ большомъ уваженіи. Хозяинъ дома всегда старается напередъ схватить у своего гостя шляпу, которую съ почтеніемъ кладетъ на полъ дивана, и такъ бережно съ нею обходится, какъ будто съ короною.

— Въ мѣстечкѣ Сев-Шерръ умеръ недавно 70-лѣтній старикъ по имени Дорасъ. Онъ былъ проводникомъ Наполеона при переходѣ черезъ Снимоу, и спасъ его жизнь тѣмъ, что удержалъ во время наполеона дошана, который чуть не ринулся въ бездонную пропасть съ сѣдокомъ своимъ. Наполеонъ хотѣлъ щедро наградить услугу легкаго проводника и дать ему дорогое мѣсто въ Парижѣ; но Дорасъ отказался отъ этого предложенія и выпросилъ себѣ известную сумму, чтобъ жить независиме ни отъ кого въ своемъ отцѣвечѣ.

— Аріосто очень-недовѣрчивъ былъ къ своимъ произведеніямъ и перѣдко передѣлывалъ и переиначивалъ до 16 разъ одинъ и тотъ же стансъ. Петрарка въ одномъ своемъ стихѣ сдѣлала однажды 44 поправки и перемарки. Въ рукописяхъ Жанъ-Жана, Руссо встрѣчаются часто многочисленныя поправки и передѣлки на многихъ страницахъ, и даже въ строкахъ, какъ у Петрарки. — Бюффонъ свое сочиненіе «*Epoques de la Nature*» передѣлывалъ съизнова до 18 разъ, откуда имъ былъ совершенно доволенъ, — а нынѣ много извѣстныхъ писателей Франціи даже не прочитываютъ во второй разъ своихъ статей, и отдають ихъ въ типографію безъ всякихъ поправокъ и перемѣнъ.

— У альпійскихъ пастуховъ употребляется три рода пѣвнй; первое называется: «*jodeln*», второе «*johezen*», третье «*jauchzer*». «*Jodeln*» извѣстный припѣвъ, который употребляютъ въ своихъ пѣсняхъ Тирольцы и швейцарскіе пѣвцы, бродящіе по всѣмъ столамъ Европы, но второй и третій припѣвы «*johezen*» и «*jauchzer*» можно слышать только въ самой Швейцаріи, потому-что они приисоблены только къ положенію и зву горъ, а въ другихъ мѣстахъ не имѣютъ никакого значенія. «*Johezen*» есть родъ речитатива, который употребляютъ альпійскіе пастухи въ своемъ музыкально-горномъ разговорѣ; «*jauchzer*» — мелодическое кликанье, или вызовъ въ тактъ, посредствомъ котораго пріѣтствуютъ другъ друга пастухи и пастушки, начиная между собою разговоръ на большомъ разстояніи. На-примѣръ, какой-нибудь «*jauchzer*», своимъ мелодическомъ возгласомъ дастъ знать сидящей на сосѣдней горѣ пастушкѣ, что ея подружка хочетъ съ ней вести разговоръ черезъ пропасти и овраги на дальнемъ разстояніи. Потомъ начинается между подругами, — которыя, будучи раздѣлены мѣстностью, часто другъ друга не видятъ, — мелодическій разговоръ въ рѣчкахъ, пролѣжныхъ, или коро-

никъ звукахъ и словахъ, т. е. речитативъ. Сосѣди одна другой посылаютъ поклонъ, рассказываютъ о своихъ радостяхъ или печалахъ, о погодѣ и пр. Если одна пѣвица приостановитъ голосъ на нѣсколько паузъ, то другая начинаетъ речитативъ, объясня подругѣ свои чувства, мысли, желанія, и проч. Такимъ образомъ онѣ разговариваютъ иногда цѣлый часъ и болѣе, раздѣленные другъ отъ друга огромными пропастями, ледниками и пригорками. Иной разъ речитативомъ посылаютъ онѣ поклонъ другъ другу, или спрашиваютъ, нѣтъ ли какихъ новостей, видѣла ли она своего друга, здоровы ли ея коровы, и пр. Наговорившись досыта речитативами, вступили при прощаніи обыкновенно заключаютъ разговоръ громкимъ и рѣзкимъ кликомъ «jauchiez», который горное эхо повторяетъ нѣсколько разъ.

— Два французскіе наемщица, Жакъ и Пьерръ, друзья съ самаго дѣтства, работали недавно у крыши шести-этажнаго новаго дома въ Парижѣ, стоя на одной лѣстницѣ, которая нижнимъ концомъ упиралась на высочія подмости, а верхнимъ приваза была веревкой къ дымовой трубѣ на крышѣ. По несчастію, подмости оборвались, и бѣдные работники остались на одной лѣстницѣ, которая висѣла только на обыкновенной веревкѣ, опутанной около трубы. Веревка никакъ не могла удержать двухъ человѣкъ, и одному изъ нихъ должно было соскочить на мостовую. — «Послушай, братъ» сказалъ Пьерръ: «одинъ изъ насъ долженъ непременно удариться объ мостовую: веревка не выдержитъ; посоветуемъ, кому умереть прежде?» — «Да я какъ молодъ и мнѣ жизнь еще надоѣла, приговаривалъ Жакъ. — А у меня жена и шестеро дѣтей» сказалъ Пьерръ. — Правда! отвѣчалъ молодой работникъ, соскочилъ съ лѣстницы и разбился о мостовую. Другой спасся.

— Народныя забавы во время карнавала въ Буэнос-Айресѣ нѣбютъ свой собственный, оригинальный типъ.

Карнавалъ начинается тѣмъ, что гостей, пріѣзжающихъ съ визитами въ почетные дома дворянъ и гвдальговъ, опрыскиваютъ изъ скрытыхъ мѣстъ благовоною водою и разными духами также и всѣхъ проходящихъ на улицѣ господъ. Дамы, вооруженныя спринцами, сидятъ на пологихъ террасахъ своихъ домовъ, и обливаютъ съ ногъ до головы проходящихъ по улицѣ людей, безъ всякаго разбора. Къ концу карнавала обливаніе водою дѣлается всеобщимъ; тогда уже принимается народъ не только за спринцы, но и за самую домашнюю посуду: кядки, горшки, лейки, наполненныя водою. Рѣки и ручьи воды текутъ на проходящихъ по улицамъ съ крыши и оконъ домовъ; ни на комъ не остается сухой нитки на тѣлѣ; народъ обливаетъ другъ друга уже не духами, но обыкновенною водою, а иногда, для забавы, и помоями. Офицеры одного англійскаго корабля, стоявшаго въ Ла-Платѣ, были также облиты водою во время карнавала. Чтобы отплатить народу за эту шутку, они велѣли свезти съ корабля большую пожарную трубу, и такъ усердно начали поливать гуляющихъ на главной площади, что всѣ тотчасъ разбѣжались, и Англичане остались побѣдителями на полѣ битвы. Въ Буэнос-Айресѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, во всей строгости соблюдался этикетный обычай низко кланяться на улицѣ и снимать шляпу предъ кадыкъ прохожимъ изъ среднего и высшего класса народа. Нынче этотъ обычай значительно уменьшился; во въ 1820 году, онъ исполнялся во всей строгости испанскаго этикета между жителями города. За городомъ и въ деревнямъ; этотъ древній обычай исполняется и теперь во всей силѣ. Тутъ народъ, крикъ кадыкъ встрѣчаемымъ незнакомцамъ, снимаетъ шляпу и низко кланяется. Какой-нибудь проходящій гуако тотчасъ начинаетъ вслухо вскрикивать встрѣчнымъ, который во отвѣтъ ему долженъ поклонъ; а если дѣло пойдетъ на задоръ, то и хвалитъ

пикаломъ въ бокъ. Буэнос - Айресцы почитаютъ за величайшую обиду, когда въ ихъ присутствіи кто-нибудь осмѣлится позырять зубочистною въ зубъ. Въ 1880 году, министръ, сенаторъ Анхорена, приказалъ заключить въ тюрьму французскаго инженера Понса, за то, что онъ не сваялъ шляпы передъ его превосходительствомъ, встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Уника до-тѣхъ поръ не выпускали изъ тюрьмы, пока онъ не согласился публично отвѣсить три князіе поклонна, что и исполнилъ на самомъ дѣлѣ.

— Въ Лондонѣ давно уже живетъ одинъ сумасбродный писатель приключеній, называющій себя герцогомъ нормандскимъ; онъ трудится надъ изобрѣтеніемъ новаго огнестрѣльнаго оружія, и верѣдко тревожитъ своихъ сосѣдей пробными выстрѣлами. Надѣхъ его назвали въ судъ за то, что онъ покушался на жизнь нѣкоего Джаксона. На вопросъ главнаго судьи: кто онъ несудимый отъѣчалъ гордо и патетически: «Я Карлъ-Лудовикъ Бурбонъ, герцогъ нормандскій, сынъ Лудовика XVIII, и во праву первородства наследъ Франціи». Джаксенъ, въ полной упрямости, что герцогъ нормандскій имѣетъ неоспоримое право на французскій престолъ, далъ займы будущему монарху 1,600 фунт. стерл., что было введено въ осеры и прочаго, что оказалось по суду. Этотъ сумасбродъ написалъ два толстые тома о своемъ происхожденіи, дѣлахъ, мнѣніяхъ и пр. Говорятъ, что партія французскихъ легитимистовъ поддерживаетъ его значительными вспоможеніями.

— Въ омерзостяхъ Буржа, егеръ изстрѣлилъ большаго орла, который, вѣроятно, былъ средни знаменитой птицѣ Рес, упоминаемой въ арабскихъ сказкахъ «Тысяча и Одна Ночь», или метемпсихозъ этой птицы. Очевидны угадать, что въ желудкѣ убитаго орла найдено нѣсколько брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней; брилліанты хотя и малы, но самой чистой воды. Какимъ образомъ попалъ въ же-

лудокъ орла этотъ драгоценный кладъ никто доселѣ не могъ разгадать.

— Преступники Оксфордъ, Мак-Наутенъ и Стивенсонъ, которые, какъ извѣстно, покушались на жизнь королевы Викторіи и сэра Роберта Пилля, — находятся всѣ трое въ домѣ умалишенныхъ, въ Лондонѣ. Стивенсонъ безспорно сумасбродъ, ибо ненависть его къ королевѣ и къ ея министрамъ теперь простыла, и онъ всюо душою приѣхалъ къ изученію греческаго языка, хотя выучилъ изъ него только одну азбуку. Онъ воображаетъ себя первымъ филологомъ въ ширѣ, и знаменитымъ писателемъ, отростилъ себѣ длинную бороду, и ни за что въ свѣтѣ не хочетъ бриться. Мак-Наутенъ въ полномъ умѣ, и въ тюрьмѣ никакихъ глупостей не дѣлаетъ. Оксфорду сильно надоело заключеніе и онъ очень сожалѣетъ, что его не повѣсили, или, по крайней-шрѣ, не сослали въ ссылку. Онъ говоритъ, что всѣмъца самое лучшее ленаство для монамановъ, которыхъ теперь такъ много расплодилось въ Англии.

— Въ 1840 году, приѣхалъ на купеческомъ кораблѣ въ Аенны капитанъ Юэ, чтобъ отыскать тамъ англійскаго миссіонера Гилля, извѣстнаго филантропа и учредителя многихъ народныхъ школъ въ Греціи. Капитанъ, вошедъ въ домъ миссіонера, спросилъ: «Мнѣ сказали, что вы г. Гилль, англійскій миссіонеръ и богословъ, которому, вѣроятно, извѣстно, въ какомъ именно мѣстѣ въ Аеннахъ проповѣдывалъ слово Божіе народу святый апостолъ Павелъ? Покажите мнѣ это мѣсто.» Миссіонеръ исполнилъ просьбу незнакомца и показалъ ему небольшой холмъ, на которомъ апостолъ поучалъ народъ аеннскій. Капитанъ Юэ набожно вынулъ изъ кармана Библию и прочиталъ тутъ же XVII главу изъ исторіи апостола, которая именно описываетъ означенное мѣсто. Закрывъ книгу, онъ поблагодарилъ миссіонера за одолженіе и пожелалъ ему добраго утра. «Мы теперь стоимъ въ Авро-

полнѣе, по сосѣдству знаменитаго Парсона: такъ не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть со мною эти историческія древности?» сказалъ Гиль. Капитанъ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что онъ достигъ своей цѣли и не хочетъ болѣе ничего видѣть, чтобъ не возмутить своего религіознаго чувства языческими памятниками. Послѣ этого, онъ откланялся миссіонеру и возвратился на корабль.

— Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, т. е. временной король республики, получаетъ ежегодно жалованья 25,000 долларовъ; члены его правительственнаго совѣта — по 6,000; генерал-адвокатъ — 4,000 долл.; посланники и уполномоченные министры — по 9,000 долл., кромѣ посланника въ Константинополь, получающаго 6,000 дол. Повѣренные въ дѣлахъ получаютъ по 4,500 долл.; но изъ 151 консула и торговыхъ агентовъ, немногіе имѣютъ постоянное жалованье, прочіе довольствуются только временнымъ вознагражденіемъ, смотря по ихъ услугамъ правительству. Главный судья (Chief Justice) получаетъ 5,000 долл., а прочіе судьи — по 4,500 долл.; президентъ американскаго сената и главный ораторъ получаютъ по 16 дол. въ день; прочіе же члены сената только по 8 долл.

— По описанію Франкфуртскаго журнала (Frankfurter Journal), почтенное законодательное собраніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ совѣщается и спорить о благѣ своей республики (pro salute reipublicae) довольно комфортабельно. Последнее засѣданіе конгресса въ Нью-Йоркѣ проходило слѣдующимъ порядкомъ. Много дамъ сидѣло на скамьяхъ собранія въ-переишку съ депутатами и ораторами. Во время балотированія остальныхъ биллей принесли въ залу вина, ликёры, мороженое и прочій десертъ. Депутаты чокались рюмками съ дамами, пили, ѣли, и между-тѣмъ продолжали спорить о новыхъ законахъ. Нѣсколько членовъ конгресса предложили одному оратору спѣть веселую пьсен-

ку въ честь присутствующихъ дамъ, что и было исполнено при громкомъ рукоплесканіи всего собранія. Наконецъ, президентъ конгресса объявилъ, что онъ ничего не можетъ болѣе сосчитать почтеннымъ членамъ, желать имъ здравія и счастливаго пути возвращенія. Всѣ присутствующіе оставили залу гораздо за полночь.

— Въ объявленіяхъ английскихъ газетъ часто помѣщаются преслабѣйшія статьи, въ которыхъ газетѣры не стыдятся выставлять своихъ соотечественниковъ передъ публикою всей Европы съ самой невыгодной стороны. — Хотя Англичане уничтожили торговлю черными невольниками въ своихъ колоніяхъ, но у нихъ на отечественной землѣ производится и до-сихъ-поръ торговля — постыднѣйшій торгъ женщинами. Въ одной газетѣ недавно было написано слѣдующее: «Я продаю свою жену Джени Герардъ за 5 милліоновъ. Она крѣпкая, здороваго сложенья, способна къ полевымъ работамъ всякаго рода. Рекомендую эту женщину всякому мужчине, который обладаетъ твердымъ характеромъ, но нѣтъ склонности слишкомъ-много любоваться съ прекраснымъ полкомъ и не можетъ держать въ уздѣ самую глупую женщину. Такой рѣшительный шагъ вѣкъ можетъ сдѣлать изъ моего самаго кроткаго агнепка. Но не выпускайте ее изъ глазъ: не то, она сдѣлаетъ хловотъ самому осторожному мужу. Я хочу отплатиться за нее, потому-что неспособенъ держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ. — Покупатель за упомянутые 5 милліоновъ можетъ получить въ приданое моей женѣ и весь гардеробъ. Другое объявленіе еще лучше: «Я продаю свою прежнюю квартиру, которую хочу передать ее хозяйнѣ дома, видѣть, въ какомъ началѣ, а потомъ я дамъ купить до 500 штукъ шиферныхъ крысь, за которыхъ охоту имѣю 50 талеровъ. Я также хочу одну состоявшую при моей квартирѣ, которую я вывожу изъ дома въ томъ же полдень»

накомъ его занялъ, и на сей конецъ потребно нѣтъ рассадить въ лубкахъ до 10,000 кустовъ ренейшана, за который предлагаю продажу 75 тал. — NB. Крысы должны быть въ желтомъ ростѣ, величественныя и не кадки. — Нѣкто Таннеръ, торгующій въ Лондонѣ териллами и фабрикантъ стальныхъ перьевъ, написалъ о своемъ товарѣ цѣлую брошюру, и рассматриваетъ перья въ нравственно-этнографическо-историческомъ отношеніи. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, о гусиныхъ перьяхъ: «Оценивать перья съ жавыхъ гусей — самый варварскій обычай, постыдный для истиннаго христіанина. Говорятъ, что это все необходимо по причинѣ пользы, которая изъ того проистакаетъ; не помилуйте, на что напрасно гораютъ и мучатъ тварь Божію, когда искусство предлагаетъ вамъ превосходный суррогатъ для письма изъ стальныхъ перьевъ! Надѣюсь, что вашъ просвѣщенный филантропическій зѣкъ усвоитъ себѣ систему милосердія и состраданія, т. е. введетъ во всеобщее употребленіе стальныхъ перья фабрики Таннера.»

— Въ Лиможѣ кандитеръ поднялся на хитрую спекуляцію и пригласилъ въ своей лавкѣ принять должность *châsse de comptoir* жену казненнаго за смертоубійство преступника Монтели. Но чтобъ еще болѣе привлечь любопытныхъ зѣвакъ въ лавку, онъ предложилъ также и вдовѣ Восселё, которой мужа умертвилъ Монтели, — поступить къ нему въ должность, желая такимъ образомъ собрать мало-помалу нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ судебномъ процессѣ Монтели. Вдова Восселё, однакожь, отвергла это предложеніе.

— Одинъ Американецъ сдѣлалъ улучшение въ журналистикѣ тѣмъ, что его газета во прочтеніи можетъ съ пользою быть употреблена и для другихъ предметовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Онъ напечаталъ въ Бостонѣ газету подъ названіемъ «the Handkerchief» (Носовой платокъ), которая имѣетъ форматъ

посредственной величины скатерти, и печатается на полотнѣ, миткалѣ, кембриѣ или коленкорѣ. Пренумерантъ, прочитавъ такой листъ, отдастъ его прачкѣ въ стирку, буквы тотчасъ исчезнутъ съ полотна, и она идетъ потому въ употребленіе, какъ салфетка, полотенице, носовой платокъ и т. п.

— Вечернія собранія у актриссы Рашель сдѣлались самыми модными въ Парижѣ. Они бывають по четверткамъ; но дамы въ нихъ не приглашаются; въ 11 часовъ подають чай, конфеты, мороженое и пр.; сама Рашель ловко и граціозно играетъ роль хозяйки... Общество ея состоитъ обыкновенно изъ трехъ или четырехъ старыхъ дипломатовъ, дюжины театральныхъ критиковъ, нѣсколькихъ молодыхъ поэтовъ, богатыхъ Жидовъ-банкировъ, и изъ родственниковъ самой хозяйки дома. Знаменитая актрисса величается теперь гораздо-болѣе ролью ловкой и предупредительной хозяйки въ своемъ салонѣ, нежели своими лучшими ролями на сценѣ.

— Въ Версальскомъ Дворцѣ открыта новая зала, которая будетъ представлять родъ бархатной книги стариннаго французскаго дворянства. Тѣ фамиліи, которыхъ родъ восходитъ до крестовыхъ походовъ, имѣють право повѣсить на стѣнахъ залы свое родословное древо съ именами предковъ, написанными золотыми буквами. Для этого на первый разъ выбрано уже до 200 древнихъ, большою частію вымершихъ или разорившихся въ революціи фамилій, какъ-то: Роганъ, Монморанси, Ла-Рошфуко, Тюренъ, Нель (Nesles), Шабань-Бонневаль, Креки, Монтемарі, Монтескьё, Ла-Тремудъ, Бриссакъ, Дюрасъ и т. д. — Свѣдѣніе объ этомъ важномъ учрежденіи исполнило всѣхъ старинныхъ дворянъ Франціи: всѣ хотять парадировать въ версальской залѣ, и г. Трипльона, директора Версальскаго Дворца, штурмуютъ генеръ письмами и просьбами дворяне Сен-Жерменскаго Предмѣстья. Поэтому случаю составлена въ Парижѣ особая коммиссія, для

разсмотрѣнія документовъ и титуловъ старинныхъ дворянъ. Благодаря этой дипломатической выдумкѣ, орлеанская династія получила новыхъ приверженцевъ своему трону, на-примѣръ: Бю-ремонъ, Бриль, Блашвенль, Бри-анкуръ, Тито, Комменъ. Геральдика опять вошла въ моду въ Парижѣ, и недавно заведены тамъ три или четыре геральдическо-генеалогическія конторы, у которыхъ появилось множество дѣлъ дворянскихъ. Такимъ образомъ, тѣсный кругъ дворянъ, горчичихъ приверженцевъ старинной бурбонской лѣнн, мало-по-малу уменьшается.

— Въ парижскій судъ, гдѣ разбираютъ мелкія тяжбы, позвали недавно редактора газеты «le Parisien», по требованію его сотрудника, г. Эзеба. Этого г. Эзебъ собственно газетный подѣнщикъ, или поставщикъ ежедневныхъ новостей, случающихся на парижскихъ улицахъ. Онъ въ мелкихъ статейкахъ описываетъ воровства, разбои, убійства, штуки разныхъ мошенниковъ, драки, — словомъ, все, что любопытно знать каждый день газетнымъ читателемъ. Человекъ, смятый колесами тяжелой diligensa, доставляетъ этому сотруднику отъ 3 до 4 франковъ, смотря по тому, какъ изувѣчилъ несчастнаго, или задавилъ до смерти; за уголовное преступленіе редакция платитъ щедрѣе, если описаніе происшествія довольно-страшно. Иногда случается, что бѣдный Эзебъ бродитъ цѣлый день по городу и ничего замѣчательнаго не встрѣтитъ на улицахъ; тогда онъ, какъ императоръ Титъ, говоритъ съ печальною миною: «мой день пропалъ!» — Г. Эзебъ заключилъ недавно условіе съ редакторомъ газеты «le Parisien» такимъ образомъ, чтобъ плата за статьи производилась ему вострочно. Ловкій сотрудникъ сбросилъ редакцію подобными извѣстіями, такъ-что многія изъ нихъ не вошли въ колонны газеты, а потому за нихъ г. Эзебъ не получилъ ни одного снитима. Однакожъ онъ утверждалъ, что непечатаемыя статьи въ журналѣ отальде же ему

стоили труда и бѣготы по городу, какъ и напечатанныя; онъ изнѣсилъ нирь дѣлъ самого, следовательно, долженъ получить за нихъ вознагражденіе, вѣ крайней мѣрѣ, на подѣлки. На это-то пунктъ завязался споръ между редакторомъ и сотрудникомъ, и тѣмъ-же-ступила въ судъ въ нирьному судѣ. — Судья. Г. Эзебъ! какое было у васъ условіе съ редакторомъ газетомъ? — Сотрудникъ. Сначала я требовалъ, чтобъ редакция положила мнѣ въ нѣсѣкъ 60 франк. жалованья да шару нирьныхъ денегъ; редакторъ не согласился на мое предложеніе, но обѣщала мнѣ платитъ вострочно за каждую новость, а самого не принялъ на своей счетъ. Я горячо принялся за дѣло, былъ какъ собака, висуна лязки, во всю улицамъ Парижа, выглядывалъ и всматривалъ тамъ все замѣчательное. Отъ моихъ глазъ не скрывалъ ни одна кража, ни одно убійство; я воутру стоилъ какъ-будто на часахъ у палаты депутатовъ, потомъ отпраивлся въ la Morgue посмотреть утонувшихъ, удавленниковъ и застрѣлившихся наканунѣ; вечеромъ декурить у входа въ театровъ, въ кофейняхъ, толкался у шинновъ между лицей и пьяной сволочью. Изъ полуночи всѣ приключенія улицы были у меня уже написаны на бумагѣ, легко, игриво, сатирически, въ стихомъ разсказѣ, смотря по обстоятельствомъ, или серьёзно, съ паесомъ, тригическимъ слогомъ, если дѣло было объ оруженною рукою. Газета вошла въ славу отъ моихъ статей; но редактору вздумалось уничтожить многа изъ нихъ единственно по капризу; однакожъ я не долженъ ничего терять въ этомъ случаѣ, и требую платы за уничтоженный товаръ. — Редакторъ. Я обѣщала платитъ только за напечатанныя статьи, во нѣмѣ-нечетересномъ, или подлжмашіа смѣшанно, браковали, а рзультетася, неставилъ ихъ въ счетъ. Нѣкоторыя изъ неслѣднхъ извѣстнхъ платилъ у меня въ бумажникъ; нирьну

кокорне господина-судью выслушать хотя это: «Вчера нѣсколько дерзких шулуновъ согласились украсть бронзовую статую Свободы съ вершины июльской колонны; предпріятіе ихъ не удалось, оно было открыто во-время, и, къ-счастію, преступники оставили на колоннѣ слѣды своихъ затей. —

Въ послѣднемъ маскарадѣ были взяты подѣ стражу пять масокъ въ матросскомъ платьѣ, и двѣ женщины, одѣтыя Пигмалионами, которыя танцовали въ залѣ очень-непристойно и соблазнительно качучу... — Судь отказалъ въ жалобѣ г. Эзебу и присудилъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Шахматная игра по перепискѣ между Парижемъ и Пестемъ.

Наши читатели помнятъ («Отеч. Зап.» 1843, кн. 3, «Библ. Хр.», стр. 13) о двухъ партіяхъ по перепискѣ, играющихся съ одною ерелю, между парижскими и пестскимъ шахматными клубами. Главою первого г. Сент-Аманъ; главою второго г. Шень или Щевъ (Szer); оба эти игрока пользуются европейскою знаменитостію, и часто, съ переменнымъ счастьемъ, сражались другъ съ другомъ въ Парижѣ. Парі назначено въ 1,250 франковъ; эта сумма достается стороне, выигравшей обѣ партіи или одну изъ нихъ, когда другая ничья. Разыгрывши можетъ имѣть мѣсто, когда обѣ будутъ ничьи, или когда важная сторона выиграла по одной партіи. На размышленіе каждому клубу предоставлено четыре дня, не считая дней прихода письма и отправки отвѣта; за всякій просроченный день платится по 25 франковъ штрафа. Въ случаѣ маловажнаго недоумѣнія или спора, посредникомъ назначенъ лондонскій шахматный клубъ, въ Cavendish Square (Club des Echecs de l'Institution Polytechnique à Londres); его рѣшеніемъ обѣ стороны должны будутъ покоряться безпркослельно. Намъ сообщаютъ изъ-за границы ходы въ обѣихъ партіяхъ, но мѣръ ихъ объявленія; вотъ слѣдующіе до-сихъ-поръ удары:

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

(Такъ называется партія, въ которой начиналъ Парижъ.)

Парижъ.

1. Пѣшка королевская два мѣста.
2. Конь королевскій на 3-ю клітку своего слона.
3. Слонь королевскій на 4-ю клітку ферзевъ слона.
4. Рокируетъ.
5. Пѣшка ферзевая два мѣста.
6. Пѣшка ферзевая одно мѣсто.
7. Слонь королевскій на третью ферзеву клітку.

Пѣсть.

1. Пѣшка королевская два мѣста.
2. Конь ферзевъ на 3-ю клітку своего слона.
3. Слонь королевскій на 2-ю клітку короля.
4. Конь королевскій на 3-ю клітку своего слона.
5. Пѣшка ферзевая одно мѣсто.
6. Конь ферзевъ на собственную свою клітку.

ВЕНГЕРСКАЯ ПАРТІЯ.

(Такъ называется партія, въ которой начиналъ Пѣсть.)

Пѣсть.

1. Пѣшка королевская два мѣста.
2. Конь королевскій на 3-ю клітку слона своего.
3. Конь беретъ пѣшку.
4. Конь королевскій на 3-ю клітку слона своего.
5. Пѣшка ферзевая два мѣста.
6. Слонь королевскій на 3-ю клітку ферзя.

Парижъ.

1. Пѣшка королевская два мѣста.
2. Конь королевскій на 3-ю клітку слона своего.
3. Пѣшка ферзевая одно мѣсто.
4. Конь беретъ пѣшку.
5. Пѣшка ферзевая еще одно мѣсто.
6. Слонь королевскій на 3-ю клітку ферзя.

(Продолженіе будетъ).

Наконецъ показались весеннія шляпы. Поля гораздо-короче къ шеѣ, нежели были прежде, и тулья находится въ прямой линіи съ полями. Впрочемъ, свади тулья не переиъняетъ своего фасона, и дѣлается все также коротко на ватылкѣ, для того, чтобъ волосы были видны. Цвѣты и кружева — теперь исключительная уборка для шляпъ; только для нарядныхъ визитовъ прикалываются перья. Кружевные вуали также очень-красивы на шляпахъ, особенно когда концы ихъ связываются въ узелъ. Безъ сомнѣнія, эти вуали перекалываются или лентами, или цвѣтами, на-прим., розаномъ съ бархатными листьями, лѣною, бѣлыми колокольчиками.

Платья дѣлаются несравненно-уже; но за то и несравненно-длиннѣе прежнихъ.

Бѣзъ и аграманты все въ такомъ же употребленіи; впрочемъ, лучшіи украшеніемъ для платья считаются двѣ или три широкія фалбалы, вырѣзанныя фестонами, или обшитыя бахромой. Лифы большею частію высокіе и совершенно-гладкіе въ три шва. Рукава почти всѣ гладкіе съ длинными жокеями. Пелеринки дѣлаются очень-маленькія,

почти въ колосому проиикнѣ. Самыя появляются очень-много безъ воротниковъ, обшитыя наверху узенькими кружевами, также и безъ прорѣзей для рукъ, но собранныя на плечахъ спуркомъ, какъ шарфы.

Салоны длинныя и дѣлаются съ высокими воротниками, которые сѣткою гладки, а на самокъ плечѣ собраны въ видѣ эполета и перекалываются аграмантомъ. Воротникъ также обшитъ аграмантомъ, и весь салонъ сверху дннузу застегивается большими шелковыми застѣжками.

Прическа à la cèbole правится почти всѣмъ женщинамъ безъ исключенія. Она состоитъ вотъ въ чемъ: на голову надѣвается кисейная косынка, съ узкой красной, зеленой или золотой окантовкой, и завязывается на боку узломъ. Эта прическа для дѣта чрезвычайно-красива и вѣсть очень-полезна, потому-что будетъ защищать волосы отъ пыли.

Нельзя не замѣтить, что цвѣтъ нынче въ большинѣ употребленіи. Онъ видѣтъ всадѣ, на платьяхъ, самайхъ, на шляпахъ, даже на перчаткахъ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. А. Исакѡва.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебро).

НАУКИ.

	P. K.		P. K.
LES GRANDS PRIX d'architecture, livraisons 3 à 8. in folio. Brux. 1843.	7 75	APPLICATION de la géometrie à la topographie, par Duhoussset. 2 edit. in 8. Paris. 1842.	2 85
PARIS MODERNE , livraisons 13 à 32, édit. de Brux. à 40 cop: . 8		GÉOGRAPHIE ancienne des états barbaresques d'après l'allemand de Mannert, par MM. Marcus et Duesberg., in 8. Paris. 1842.	2 85
GALERIE des contemporains, livraisons 53 à 65, ed. de Brux. à 10 cop. la livrais.		INSTRUCTION théorique et pratique d'artillerie, par Thiroux. 2 edit. un vol. in 8. Paris. 1842.	2 15
COURS DE CONSTRUCTION , par Sganziu, livraisons 21 et 22 in folio. Brux. 1843. livr. à	85	TRAITÉ de géodésie, par Puissant. 3 edit. 2 vol. in 4. Paris. 1842.	11 43
ŒUVRES d' A. Dumas, édition compacte de Bruxelles. Tome 6 gr. in 8. à 2 col.	3 72	TRAITÉ de perspective pratique pour dessiner d'après nature, par J. P. Thénot. 4 édition. in 8. Paris. 1842.	2 85
HISTOIRE DES FRANÇAIS , par Simond de Sismondi, ed. de Br. Tome 19, in 8.	1 85	HISTOIRE du pape Sylvestre II et de son siècle, par Hock, trad. de l'allemand, par l'Abbé Axinger. in 8. Paris.	1 85
MÉMOIRES de Marie Capelle, veuve Lafarge. Tome 3. ed. 4. Brux.	1 43	MAXIMES et réflexions de Goethe trad. pour la première fois, par Sklower, in 12.	85
DICTIONNAIRE des sciences naturelles, par Drapiez. Tome 8, gr. in 8, à 2 colonnes, orné. Brux. 1843.	5 85	TRAITÉ de chimie appliquée aux arts, par Dumas. nouv. édition 7. vol. in 8. avec atlas. Paris. 25	
TRAITÉ sur le beau, par Gioberti. 1 vol. in 8. Brux. 1843.	2	DE L'ACTION du calorique sur les corps organiques, application aux opérations pharmaceutiques, in 8. Paris.	75
MÉTHODE chirurgicale de l'hôpital de la pitié, par Lisfranc. 1 vol. gr. in 8. Brux. 1843.	2 43	L'UTOPIE de Thomas Morus, traduction nouv., par M. V. Stouvenel, 1 vol. in 8. Paris.	1 43
CHARACTÈRES phrenologiques et physiognomoniques des contemporains les plus célèbres, selon les systèmes de Gall, Spurzheim. Lavater etc., par T. Poupin. 1 vol. in 12 orné de 37 portraits d'illustrations contemporaines. Bruxelles.	1 75	DICTIONNAIRE des noms anciens et modernes de villes dans l'Empire Chinois, par E. Biot. Un vol. in 8. plus une carte. Paris. 1842.	4 30

<p>DICTIONNAIRE universel et raisonné de marine, par une société de savans et de marins sous la direction de <i>B. Montferrier</i>. un vol. in 4. Paris. complet.</p> <p>MONOGRAPHIE des érotyliens, famille de l'ordre des coleoptères, par M. Th. Lacordaire, un gros vol. in 8. Paris.</p> <p>VOYAGE à travers le monde. Album destiné à donner aux enfans, par le secours des images, les premiers élémens de géographie, par St.-Aulaire. broché.</p> <p>NAPOLEON en Egypte, poème par Barthelemy et Mery, édition illustrée, par H. Vernet et H. Bellange. Un beau vol. in 8.</p> <p>TRAITÉ de la fabrication du fer et de la fonte, envisagée sous les rapports chimique, mécanique et commercial, par E. Flachât, Barrault et Petiet.</p> <p>(L'ouvrage formera un vol. in 4 de 1,000 pages avec un atlas de 80 pl.)</p> <p>MOCQUARD. Nouvelles causes célèbres, ou fastes du crime. 2 vol. gr. in 8. orné de gravures. Paris.</p> <p>STATISTIQUE militaire de la Russie, par Haillot. un vol. in 8. Paris.</p> <p>CARTE physique et politique d'Europe destinée à l'enseignement</p>	<p>P. K.</p> <p>2 60</p> <p>1 72</p> <p>3 43</p> <p>43</p> <p>5 72</p> <p>1 72</p>	<p>par Ch. Guerin d'après la géographie de Balbi. 3 feuilles doubles, coloriés. Paris. 1842. 4</p> <p>ПОМАНИ.</p> <p>UN MÉNAGE DE GARÇON en province, par Balzac Un vol. Brux. 1843.</p> <p>FEU BRESSIER, par A. Karr. 2 vol. 1843.</p> <p>LES MYSTÈRES DE PARIS, par E. Sue, tome 1-5.</p> <p>HOTEL LAMBERT, par E. Sue. 2 vol.</p> <p>BERTHE L'AMOUREUSE, par H. de Kock. 2 vol. Brux. 1843.</p> <p>LA COMTESSE HORTENSIA, par Mery. 1 vol. Brux. 1843.</p> <p>LE CHATEAU DES PYRÉNÉES, par Fred. Soulié. 3 vol. 1843.</p> <p>LE BANANIER par Fr. Soulié. 2 vol.</p> <p>LA SYLPHIDE, journal de mode, 52 №. par an, abon.</p> <p>LES FEMMES, de G. Sand. Un beau volume in 8. grav. sur acier.</p> <p>UN HIVER A PARIS, kéopsake, tête par M. Jules Janin. Un vol. orné de magnifiques gravures sur acier. Paris.</p> <p>LA BELGIQUE INDUSTRIELLE, orné de gr. sur acier.</p> <p>COMIC ALMANACH, pour 1843. 1er vol. in 12.</p> <p>MUSEE PHILIPPON. 2 vol. in 4. Paris.</p>	<p>P. K.</p> <p>72</p> <p>1 43</p> <p>3 51</p> <p>1 43</p> <p>1 43</p> <p>72</p> <p>2 15</p> <p>1 43</p> <p>40</p> <p>6 43</p> <p>3</p> <p>6 43</p> <p>14 43</p> <p>1</p> <p>8 35</p>
---	--	---	---

Господа иногородные благоволят адресоваться съ требованіями своими
 имя Якова Алексеева Исидова.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРГАРА,

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, Проспектѣ, въ домѣ Чаплина, № 10

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПЬЕСЫ:

Серебромъ.
Р. К.

ЭТЮДЫ ДЛѢ ФОРТЕПИАНО.

cini. 48 Etudes doigtées, comme introductions à celles de Cramer, op. 29	3	43
— 25 Etudes pour des élèves qui ne peuvent encore atteindre l'octave, op. 100.	1	70
— La semaine du pianiste: Exercices pour chaque jour de la semaine	2	30
— Grandes Etudes artistiques, op. 122, cah. 1—5, chaque	2	58
opin. 12 gr. Etudes, op. 25 Liv. 1—2, chaque.	7	30
— 24 Préludes, op. 28.	3	43
my (Charles). L'école de la velocity, 40 exercices pour développer la dextérité des doigts	3	43
— Les premières leçons du commençant, contenant 50 exercices, etudes et préludes, cah. 1—2, chaque	1	15
bler. 12 Etudes de Concert, op. 30 cah. 1—2, chaque	2	30
scelt. 12 gr. Etudes de Concert, cah 1—2, chaque	2	58
— 12 nouvelles Etudes de salon, cah. 1—2, chaque	2	58
erz (Henri). Collection de gammes, passages et préludes d'une difficulté progressive	1	
— Exercices et préludes dans tous les tons, op. 21	2	85
anten (Français). 25 Etudes progressives et doigtés, à l'usage des pensionnats, op. 114.	3	43
— 12 Etudes mélodiques,	2	
ayer (Charles). Trois nouvelles Etudes.	1	50
— Nouvelle Valse-Étude		60
iszt. Etudes en 12 Exercices	2	58
— 24 nouvelles gr. Etudes, cah. 1—2, chaque	5	15
— Etudes de bravoure d'après Paganini, cah. 1—2, chaque.	3	43
oschelés. 24 Etudes caractéristiques, op. 95.	4	
ixis. Exercices en forme de Valses, op. 80	1	70
osenhain. 24 Etudes mélodiques, op. 20	3	43

Schumann. 12 Etudes symphoniques, op. 13	2
Taubert. 12 Etudes de concert, op. 40.	3
Thalberg. 12 gr. Etudes, op. 26, cah. 1—2, chaque	2
— Romance et Etude, op. 38	1
— Thème original et Etude, op. 45	1

УВЕРТИОРЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ 4 РУКЪ.

Adam (A.) Ouverture de l'opéra: La Reine d'un jour.	1
Auber. Ouv. de l'op: Les Diamans de la Couronne	1
— — — — chaperons blancs	1
— — — — Le lac des fées.	1
Bellini. — — — — Il pirata	1
— — — — i puritani.	1
— — — — Norma	1
— — — — La Straniera	1
Berlioz. Gr. Ouverture de Waverley	1
— — — — des Francs-juges	1
Donizetti. Ouv. de l'op. Adelia.	1
— — — — La favorite	1
— — — — — fille du régiment	1
— — — — Roberta Dévereux	1
Halevy. — — — — La juive.	1
— — — — Le guitarro	1
— — — — Les treize.	1
Herold — — — — Zampa	1
Kalliwoda. 7-me ouverture, op. 101	1
Mendelssohn-Bartholdy. Ouverture de la belle Melusine	2
Meyerbeer. Ouv. de l'op. Les Huguenots.	1

НОВЫЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО.

Auber. Les diamans de la Couronne. — Zanetta.	
Donizetti. La fille du régiment. — Linda di Chamounix. — La moor — Lucrecia Borgia. — Les Martyrs. — Parisina.	

Цѣна каждой изъ сихъ оперъ 1 р. 15 коп. серебромъ.

Серо 1-го мая вышла въ этомъ же магазинѣ пятая тетрадь музыкальн
журнала:

Н У В Е Л Л И С Т Ъ ,

которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

- Döhler. Ballade.
- Graziosa: Romance sans paroles.
- В. Глинка. Romance de Glinka: «Не говори, любви пройдетъ.» transcrit
- — — — — piano.
- W. Wolff. Mélodie: La sentimentale.
- Polonaise nouvelle.
- И. Дювернуа. Романсъ: «Что вдали отъ милой ты».
- Nouvelle romance française.

Подписная цѣна за годъ, 10 рублей серебромъ; съ пересылкою
почтъ 11 р. сер. Изгородные благоволятъ адресоваться въ Газетн

Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЗАПИСКА,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ,

НА 1845 ГОДЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonus.

—
ТОМЪ XXXI.

—
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

—
1845.

Печатать поволяется. С. Петербургъ, 31 октября 1843.
Цензоры А. Никитенко и С. Кутеря.

ЭМЁ ВЕРЪ.

Романъ Вальтера Скотта.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Графъ Сассенажъ, догнавъ мэтра Ландрй, пустиль свою лошадь пагомъ, и оба путешественника продолжали путь, сохраняя въ некоторое время глубокое молчаніе. Егеръ шелъ съ поникшею головою, пустиль дуло своей пищали, а старый дворянинъ, подпершись кулакомъ, напѣвалъ въ-полголоса разгульную пѣсню. Въ веселости графа было болѣе принужденности, нежели истинной безопасности. Въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ нѣсколькихъ мгновений, онъ прервалъ свою пѣсню и погрузился въ грустное раздумье, которое, казалось, болѣе приличествовало его лѣтамъ и лицу, нежели эта лукавая и игривая веселость, обыкновенно оживлявшая его физиономію.

— И такъ, сказалъ онъ вздохнувъ:—ты промахнулся!

— Да, мессиръ, и два раза, отвѣчалъ егеръ.

— Плохо! возразилъ графъ.—Никогда не представится намъ тако-
о удобнаго случая.

— Да, сказалъ Ландрй: — что прикажете дѣлать съ человекомъ, котораго все горныя дѣла въ повиновеніи?

— Что хочешь ты этимъ сказать, простофиля? Ты, кажется, опять ачйнаешь молоть вздоръ?

— Какой вздоръ! возразилъ егеръ: — я въ этомъ очень увѣренъ. Какъ-скоро мы достигли прохода «Помилуй мя Боже», духъ голово-
руженія дохнулъ на тучи, застлавшія луну, и заставилъ кружить-
я пропасть въ глазахъ моихъ, сталъ жужжать мнѣ въ уши, и...

— Ну, словомъ, ты испугался? сказалъ графъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! вскричалъ Ландрй: — потому-что я под-
ялъ руку, толкнулъ молодца, видѣлъ его паденіе, слышалъ его
рики, огласившіе пропасть; однакожь, взобравшись на площадку,

увидѣлъ, какъ онъ стоялъ тамъ, скрестивъ руки и глядя на меня съ усмѣшкою, такъ точно, какъ вы дѣлаете это теперь.

— Кто жь стоялъ? духъ? спросилъ графъ насмѣшливо.

— Нѣтъ, онъ самъ, отвѣчалъ егеръ. — Смиритесь сколько угодно, мессиръ, я не послѣдую вашему примѣру.

— Наконецъ, продолжалъ графъ: — ты помнишь, что этотъ добрый или, пожалуй, злой геній, остановилъ молодца во время его паденія, подобно птицѣ, останавливающей муху на-лету, и безовсяно перенесъ его на вершину горы?

— Да, мессиръ, и онъ не ограничился этимъ. Я видѣлъ собственными глазами, какъ духъ дѣлалъ знаки молодому челоуьку и влекъ его за собою. За нимъ слѣдовалъ карликъ, кричавшій при лунномъ свѣтѣ подобно гномамъ и колдунамъ.

— Тьфу, пропасть! сказалъ графъ: — тебѣ это померещилось. Но каковъ былъ собою этотъ духъ? Авось я его узнаю при первой встрѣчѣ.

— Онъ былъ легче воздуха, и ноги его едва касались земли. Ночная роса покрывала волосы, и изъ-подъ плаща выказывались края бѣлаго платья.

— Чортъ побери! сказалъ графъ:—быюсь объ закладъ, что это была женщина.

— Женщина! продолжалъ Ландрй, пожавъ плечами:—я то же сперва было-подумалъ, и пустился въ погоню; но когда уже готовъ былъ ихъ настичь, молодой челоуькъ, духъ и карликъ, все скрылось подъ землю.

— Странно! прошепталъ графъ. — Кто жь могла быть эта женщина?

Въ то время, какъ Сассенажъ старался объяснить себѣ естественнымъ образомъ приключеніе Ландрй, тотъ ворчалъ сквозь зубы:

— Старый вольнодумецъ! богоотступникъ! Такъ же вѣрно, что то былъ духъ, какъ вѣрно то, что ты воплощенный дьяволъ... Кто могъ его спасти, кромѣ духа? Кто могъ пересказать мои намеренія этому грубіану Женé и подсунуть его для того, чтобъ отвести дулю моей пиццали? Кто, наконецъ, могъ бы его спасти отъ медвѣжьихъ когтей?

— И такъ, продолжалъ графъ вслухъ:—стрѣлка перенесли въ Бесежуръ, и онъ такъ же здравствуетъ, какъ-будто бы мы и не думали имъ вовсе заниматься. Я, однакожь, надѣялся избавиться отъ хлопотъ, которыя лежать у меня на сердцѣ и не позволяютъ думать о важнѣйшихъ предметахъ...

— Важнѣйшихъ? повторилъ егеръ. — Вы не высказываете своихъ мысли, мессиръ; этотъ ребенокъ, живой или мертвый, причинитъ вамъ больше хлопотъ, нежели Гизы, Итальянка и парламентъ. Прощайте, лучше оставьте его въ покои. Ночью, когда мы шли, мы разговорился со мною, и я могу васъ увѣрить, что онъ ничего не знаетъ о своемъ рожденіи.

— Дурачина! Не-уже-ли же онъ захотѣлъ бы тебѣ повѣрить что-то

задушевную тайну? Говорю тебѣ, онъ знаетъ столько, сколько нужно для того, чтобъ тебя повѣсить или отправить на тотъ свѣтъ немного поранѣе, нежели тебѣ хочется.

— А какъ вы это докажете?

— Очень-легко, сказала графья.—Развѣ я тебѣ ничего не говорилъ о баронѣ рошлерптскомъ?

— О баронѣ рошлерптскомъ? сказалъ Ландрі, потирая лобъ рукою.—Да, кажется, мнѣ это имя знакомо. Это одинъ изъ друзей вашихъ?

— Мы съ нимъ живемъ въ такой же дружбѣ, какъ горная медвѣдица съ охотникомъ, посягающимъ на похищеніе медвѣжатъ ея. Но, продолжалъ онъ:—къ-чему говорить объ этомъ? Ты ужь не похожъ на человека, Бомбардонъ; ты живешь среди призраковъ, виднѣй и волшебницъ; ты родился безъ сердца, а теперь потерялъ мозгъ и память.

— Извините, мессиръ, сказалъ Ландрі, посмотрѣвъ искоса на своего спутника:— у меня еще хватить памяти на то, чтобъ помнить добро, которое вы мнѣ сдѣлали, и довольно сердца для того, чтобъ любить васъ по достоинству... Но бросимъ это! На чемъ-бишь мы остановились?

— Я тебѣ говорилъ, продолжалъ графъ:— что баронъ рошлерптскій, то-есть отецъ молодаго человека, былъ въ этой сторонѣ.

— Въ этой сторонѣ! возразилъ Ландрі вздрогнувъ.—Чего жь ему здѣсь надобно?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, сказалъ старый дворянинъ.—Что ему здѣсь дѣлать? Въ первый разъ отъ-роду онъ зимуетъ внѣ своихъ долинъ,—рыщетъ около замка, какъ жадный волкъ вокругъ овчарни. Третьяго-дня, онъ почевалъ въ крестьянскомъ шалашѣ, у Волчьеи-Скалы.

— У Волчьеи-Скалы! воскликнулъ Ландрі блѣднѣя.

— Не знаешь ли ты, кто тамъ живетъ?

— Папистъ, отвѣчалъ егеръ:— старый служитель замка временъ *ругаго*...

— Чортъ побери! нужно подвигаться осторожно; дѣлю щекотливое. Старый чудакъ готовъ искать свидѣтелей подъ скалою, гдѣ поится *другой*... Какъ бы то ни было, онъ почевалъ у Пьера Марку, анадцать лѣтъ тому назадъ выгнаннаго изъ замка за то, что переказалъ Жану Монмору глупую исторію Моника.

— Если онъ вздумаетъ завернуть къ священнику, сказалъ Ландрі:—все пропало. Этотъ хрычъ Эсташъ Беневанъ, у котораго смерть в носу, кажется, живетъ только для того, чтобъ мѣшать мнѣ спать; я слышалъ собственными ушами голосъ *другаго*, а эти проклятые пписты, прости Господи, знаютъ все, что дѣлается. Подумаешь, какой-нибудь духъ извѣщаетъ ихъ о сокровеннѣйшихъ тайнахъ и переноситъ имъ то, что происходитъ во мракѣ ночи. Эхъ! еслибъ не наша богомольная сестрица, баронъ давнымъ-давно выгналъ бы его изъ этого края. Увидите, что онъ будетъ причиною нашей неудачи.

— Успокойся, сказалъ графъ. — Гюгъ де-Шамбеонъ его не увидитъ. Это такой же филинъ, какъ я, хоть и другаго рода. Полиция такъ слѣдитъ за нимъ, что онъ не смѣетъ сдѣлать ни шага днемъ; но я найду средство арестовать его; а когда онъ попадетъ въ тюрьму, то пусть его выберется оттуда, какъ хочетъ. Что же касается до молодого человѣка, не надобно терять времени; во что бы ни стало, надо отъ него отдѣлаться.

— Но какъ же это сдѣлать? спросилъ Ландрі. — Владѣлецъ босежурскаго замка въ немъ души не слышитъ и, какъ поговариваютъ, хочетъ выдать за него одну изъ своихъ дочерей, почитая его за скупца, который дрожитъ надъ каждой золотой монеткой.

— Еслибъ ты былъ другимъ человѣкомъ, сказалъ графъ: — дѣло было бы проще; но на тебя нельзя болѣе полагаться. Тебѣ стоить увидѣть духа, чтобъ отложить дѣло до другаго раза.

— Матрѣ Гашѣ, отвѣчалъ Ландрі: — далъ мнѣ книгу, съ помощію которой можно заклинать духовъ. Я буду носить ее съ собою, и тогда...

— Чортъ побери! сказалъ графъ: — какъ-скоро штуцеръ оскѣся въ моихъ рукахъ, я его болѣе не употребляю; но, прибавилъ онъ, подумавъ немного: — нечего отчаяваться. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ босежурскій замокъ, кажется, не былъ починенъ?

— Такъ точно, отвѣчалъ Ландрі: — на стѣнахъ его появились новыя трещины. Онъ приходитъ въ упадокъ, подобно нашему брату, когда состарьешься.

— Очень-хорошо, возразилъ графъ. — Пора намъ разстаться. Негони тотъ отрядъ молодцовъ, которыхъ мы только-что встрѣтили въ лѣсу; скажи имъ отъ меня, чтобъ не шли къ Роману, а ждали насъ къ-вечеру въ убѣжищѣ добраго старика Рока. Если имъ дорога не известна, проводи ихъ самъ. Слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ Ландрі, котораго лицо исказила въ это время улыбка. — Вы были всегда моимъ господиномъ, мэссиръ. До свиданья!

— До свиданья! повторилъ графъ. — Вотъ, по-крайней-мѣрѣ, прибавилъ онъ, прищипывая лошадей: — вотъ люди, которымъ не мерещатся ни духи, ни привидѣнія, ни живые, ни мертвые. Впередъ смѣлѣй! мы скоро достигнемъ до предѣла нашихъ испытаній. И готово преклониться передо мною.

Нѣсколько мгновеній спустя, графъ уже былъ у башни Дамбюрена. Онъ привязалъ лошадей подъ навѣсомъ сарая и свиснулъ, чтобъ уведомить о своемъ пріѣздѣ; но дверь башни не отворилась.

— Развѣ они позабыли сигналъ? проговорилъ онъ сквозь зубы. — не-уже-ли до такой степени заняты они своимъ совѣщаніемъ, что не слышатъ моего знака?

Произнесши эти слова, графъ свиснулъ снова, но никто не двинулся, чтобъ отпереть ему.

— Доброе предзнаменованіе! подумалъ онъ, пробираясь черезъ рядъ развалинъ ко входу подземелья. — По всей вѣроятности, Рокъ

Латур-Дюпенъ и всѣ наши доброжелатели наверху, и день похода уже назначенъ.

Говоря такимъ образомъ, Сассенажъ приподнялъ тяжелый камень, скрывавшій отверстіе тайнаго прохода, который съдланъ былъ въ стѣнѣ замка, и существованіе котораго было только ему одному извѣстно. Въ концѣ этого прохода, находилась черная и сырая лѣстница, ведшая въ погреба замка; онъ осторожно сошелъ внизъ и вскорѣ очутился въ подземельѣ, имѣвшемъ сообщеніе съ нижнимъ этажемъ башни, и о которомъ мы уже упоминали. Приблизясь къ тому мѣсту, гдѣ думалъ еще застать своихъ единомышленниковъ, онъ былъ невольно пораженъ молчаніемъ, царствовавшимъ подъ сводами. За тѣмъ Сассенажъ быстро взбѣжалъ на ступени, отдѣлявшія его отъ входа, отперъ дверь ключомъ, бывшимъ у него за поясомъ, и остолбенѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ, что зала пуста. Лампа, догоравшая на каминѣ, готова была погаснуть и освѣщала стѣны башни едва-брезжащимъ свѣтомъ. Оружіе, до того времени развѣшанное по комнатамъ, и провизія, находившаяся въ буфетѣ, исчезли.

— Чортъ побери! сказалъ графъ:—не ускользнули ли они отъ полиціи, не застала ли ихъ полиція! Не побоялись ли они измѣны со стороны союзниковъ? Не положили ли ускорить дѣло и возвратились въ свои замки для того, чтобъ на другой же день открыть кампанію? Неосторожные! Имъ лучше бы выждать ночи и потомъ отправиться въ походъ. Но нѣтъ, само небо беретъ насъ по-видимому подъ свое покровительство.

Размышляя такимъ образомъ, графъ бросилъ взглядъ на каминъ и подлѣ самой лампы увидѣлъ нѣкоторые предметы, приведшіе его въ большое изумленіе: это была шпага, изломанный клинокъ которой лежалъ на мраморномъ полу. Подлѣ изувѣченнаго оружія виднѣлось черное перо, какое обыкновенно носили на своихъ шляпахъ Ренѣ и другіе протестанты. Оконечность его была обращена къ востоку. На стѣнѣ былъ выведенъ мѣломъ бѣлый лотарингскій крестъ, а внизу начертано нѣсколько костей.

Разсмотрѣвъ эти символическіе знаки, старый дворянинъ понялъ, что заговоръ рушился. Изломанная шпага ясно показывала, что между заговорщиками произошла размолвка; лотарингскій крестъ надъ грудой костей намекалъ на торжество Гизовъ и паденіе гугенотовъ. Что же касается до чернаго пера, то оно по-видимому указывало на осужденныхъ, которые, оставивъ убійщице, направили путь свой къ востоку.

Это открытіе, какъ легко можно было ожидать, глубоко огорчило старика, который уже пятнадцать лѣтъ носилъ въ своемъ сердцѣ жажду мести и думалъ вскорѣ утолить ее. Онъ легко отгадалъ, что измѣна Екатерины устрасила нѣкоторыхъ дворянъ, еще необличенныхъ въ заговоръ и страшившихся, въ случаѣ пораженія, подвергнуться изгнанію, или попасть на эшафотъ. Пораженный неожиданнымъ ударомъ, онъ упалъ на скамью и предался мрачнымъ мыслямъ. Вдругъ странный шумъ вывелъ его изъ размышленія. Онъ сталъ прислуши-

ваться, и ему показалось, что кто-то напѣваетъ яснымъ и звонкимъ голосомъ застольную пѣсню въ нижнемъ этажѣ башни. Удивленный этимъ, онъ немедленно всталъ и тихими шагами пробрался въ покой, только-что покинутый бродягами, и дверь котораго была открыта. Молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, въ длинномъ платьѣ темнаго цвѣта, сидѣлъ на скамейкѣ передъ огнемъ, положивъ ноги на таганъ и обратясь спиною ко входу, черезъ который прошелъ графъ. Этотъ молодецъ поднялъ столъ, собралъ все, что осталось отъ ужина, бросилъ два или три табурета на очагъ, чтобы поддержать огонь и распорядившись такимъ образомъ, весело запивалъ бѣлымъ виномъ вкусные остатки пылять, изготовленныхъ Сисинделлоу.

Сассенажъ не узналъ этого человека и невольно подумалъ о томъ, какъ онъ могъ проникнуть въ башню, которой наружная дверь была заперта. Пока онъ спокойно его разматривалъ, взорамъ его представилась длинная накладная борода, бѣлая какъ лунь, лежавшая на столѣ, а подлѣ нея широкій пергаментный листъ, сложенный въ видъ письма. Этотъ листъ не возбудилъ бы въ дворянинѣ большого любопытства, еслибъ онъ не прочелъ слѣдующихъ словъ, написанныхъ большими буквами на конвертѣ: *Г-ну барону Дегадрэ, начальнику легиона дофинскихъ, мионскихъ, овернскихъ и прованскихъ.*

Первымъ движеніемъ графа—было овладѣть письмомъ, для того, чтобы рассмотреть печать. Онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и съ удивленіемъ узналъ двойной гербъ Медичисовъ и Валуа. Это былъ вензель королевы-матери. Между-тѣмъ, молодецъ, который такъ удобно расположился—было въ убѣжищѣ бродягъ, замѣтилъ предательскую руку, похитившую со стола посылку. Онъ вскрикнулъ отъ ужаса и всталъ съ такою поспѣшностью, что уронилъ скамейку, на которой сидѣлъ.

— Экой я дуракъ! сказалъ онъ: — дался въ обманъ. Отецъ всегда говаривалъ мнѣ, что бутылка до добра не доведетъ. Заклинаю имя именемъ самого неба, мэссиръ, прибавилъ онъ, устремившись къ графу: — отдайте мнѣ это письмо.

Сассенажъ, не смотря на свои лѣта, былъ полонъ силы и красоты. Онъ грубо оттолкнулъ молодого человека, и вынулъ изъ-за пазухи пистолеть.

— Потихе, сказалъ онъ: — и отвѣчай на мои вопросы. Кто ты? Незнакомецъ грустно посмотрѣлъ на свою бороду и молчалъ.

— Я не имѣю обыкновенія повторять два раза своего вопроса, сказалъ графъ, взводя курокъ: — кто ты? Говори правду и не старайся обмануть меня, потому-что я прочту истину въ твоихъ глазахъ.

— Увы, мэссиръ! отвѣчалъ молодой человекъ, присмирѣвъ: — какъ Богъ святъ былъ я прежде носильщикомъ, но это прекрасное ремесло ничего не приноситъ, кромѣ побоевъ и штрафа; теперь во всѣхъ городахъ, селахъ и деревушкахъ подѣлали ворота, и у каждыхъ воротъ стоятъ люди, осматривающіе товаръ, чтобы наложить на васъ пошлину подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ предметы товара

держены такъ. Одни требовали отъ меня флорина на долю короля, другіе эку на долю дофина, ть десять венскихъ су для своего господина, третьи спрашивали денегъ на больницу, на богадельню, какъ-будто богадельни, больницы, господà, бѣдные и король не боаче меня.

— Чортъ побери! сказалъ графъ:— нельзя ли разсказывать покороче; гкуда ты?

— Изъ Конфолана, къ вашимъ услугамъ. — Я сынъ перевозчика Брюно, который васъ, можетъ-быть, не однажды перевозилъ черезъ эку.

— Брюно? вскричалъ старый дворянинъ, блѣднѣя.

— Вы, какъ видно, его знаете? возразилъ Филиберъ.

— Нѣтъ, молвилъ графъ отрывисто.— Досказывай: чѣмъ ты теперь занимаешься?

— Чѣмъ я занимаюсь? говорилъ Филиберъ.— Чѣмъ я занимаюсь? Если сказать правду, то, признаться, самъ не вѣдаю кому служу; знаю только, что вотъ уже два мѣсяца какъ нахожусь при какомъ-то итальянскомъ вельможѣ, который нашелъ во мнѣ нѣкоторую распорочность и употребляетъ вашего покорнаго слугу по своимъ дѣламъ. Но сдѣлайте Божескую милость, отдайте письмо! вѣдь я отвѣчалъ вамъ на всѣ вопросы. Если жь я не доставлю письма по принадлежности, меня непременно повѣсятъ.

Графъ, видѣсто отвѣта, съѣлъ передъ огнемъ, и распечатавъ письмо, спросилъ у бывшаго носильщика, какъ онъ пробрался въ башню. Братъ Сен-Комъ, или лучше, сынъ перевозчика, разсказалъ въ короткихъ словахъ несчастное приключеніе, случившееся съ нимъ утромъ и уже извѣстное читателю. Онъ прибавилъ, что господа, занимавшіе первый этажъ, заблагоразсудили передъ отъездомъ засадить его на нѣсколько часовъ въ теплое мѣсто, вѣроятно опасаясь, чтобъ онъ не вздумалъ слѣдить за ними.

Сассенажъ слушалъ разсѣянно разсказъ Филибера и философскія замѣчанія, которыми онъ приправлялъ свое повѣствованіе; не смотря на просьбы и отчаяніе бѣднаго гонца, онъ внимательно читалъ распечатанное письмо. По мѣрѣ того, какъ графъ углублялся въ чтеніе, черты его лица измѣнялись и принимали гнѣвное выраженіе. Письмо дѣйствительно было отъ Екатерины и не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія касательно переменъ, происшедшей въ образѣ мыслей и поведеніи Итальянки.

Въ немъ заключалось слѣдующее:

«Господинъ военачальникъ!

«Я увѣрена, что вамъ не безъизвѣстны замыслы и злоухищренія нашихъ реформатовъ, нарушающихъ спокойствіе въ нашемъ краѣ. Они употребляютъ во зло наше имя, для того, чтобъ возставать противъ законной власти короля, нашего возлюбленнаго сына, и противъ мудрыхъ распоряженій нашихъ добрыхъ лотарингскихъ родственниковъ, дѣйствующихъ согласно съ мнѣніемъ людей благонамѣренныхъ. Да будетъ вамъ извѣстно мое искреннее желаніе, по ко-

«сторому мы требуемъ, чтобъ съ этими злоумышленниками было по-ступлено по закону. Пишу вамъ не потому, чтобъ опасалась за васъ, но единственно для того, чтобъ было по всей строгости поступлено съ этими людьми, которые безъ всякаго зазрѣнія совѣст-но подкрѣпляютъ свои ухищренія августѣйшими именами. Во что бы ни стало, нужно возстановить миръ въ королевствѣ и однимъ разомъ избавиться отъ крамольниковъ, нечестивцевъ и мятежниковъ.

«За симъ поручаю васъ милости Божіей.

ЕКАТЕРИНА.»

Даво въ Мелѣнѣ, 2-го декабря 1561 года.

— О! женщины, женщины! сказалъ графъ, смявъ письмо въ ру-кѣ:—пятнадцать лѣтъ живешь въ изгнаніи, выжидая урочнаго часа, черезъ тысячу опасностей прѣзжаешь на родину, почти достигнувъ цѣли, но вотъ передъ тобой стоитъ женщина; она тряхнула платьемъ — и всѣ твои намѣренія разрушены.

— Да; это ни дать ни взять мой отецъ, сказалъ Флиберъ: — онъ также терпѣть не можетъ женщинъ... Но меня непременно повѣсятъ. Я уже чувствую, какъ веревка стягиваетъ мою шею. Мессиръ, прибавилъ онъ: — отдайте письмо. Оно по-видимому васъ опечалило, мнѣ безъ него некуда и дѣваться.

— Ни за что не отдамъ! сказалъ графъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ приблизилъ письмо къ огню и готовъ былъ сжечь его.

— Гори, молвилъ онъ: — гори, и да будетъ проклята рука, тебя написавшая!

Въ то время, какъ Сассенажъ говорилъ такимъ образомъ, пламя уже начинало обхватывать и коробить пергаментъ. Но вдругъ старый дворянинъ поспѣшно вынулъ пергаментъ, съ котораго не спускалъ глазъ. Онъ увидѣлъ новыя буквы, появившіяся какъ-бы дѣйствіемъ волшебства между строчками прочитаннаго имъ посланія. Онъ думалъ сперва, что это обманъ чувствъ, но вскорѣ удостоверился въ подлинности явленія. Это было другое письмо, написанное тою же рукою, какъ и предъидущее, но только симпатическимъ чернилами, которыя, какъ извѣстно, дотолѣ остаются невидимыми пока не будутъ подвержены дѣйствію огня, или какого-нибудь другаго химическаго дѣятеля. Итальянская политика того времени часто употребляла это средство для тайныхъ переворотовъ.

Второе письмо Екатерины высказывало ея настоящую мысль. Безъ всякаго сомнѣнія, Дезадрэ долженъ былъ имѣть къ нему полную вѣру. Оно заключало въ себѣ инструкцію совершенно противъ положенію приказаній, содержащимся въ первомъ письмѣ. Баронесса-мать не переставала ненавидѣть Гиза и примирилась съ нимъ только для того, чтобъ лучше обмануть неосторожнаго. Она заставила барона принять начальство надъ гугенотами, и приказывала ему употребить всевозможныя средства для освобожденія короля, котораго называла невольникомъ.

— Чортъ побери! сказалъ Сассенажъ, съ восторгомъ вскочивъ съ него мѣста:—вотъ мастерская уловка! Цалую твои руки, Екатери-; по всей справедливости, ты принадлежишь къ своему полу и до-ойна повелѣвать нашимъ.

Радость стараго дворянина была такъ велика, что онъ въ-продол-ение нѣкотораго времени не могъ выговорить ни одного слова. Сассенажъ большими шагами началъ ходить по комнатѣ, обнаруживая въ всѣхъ движеніяхъ необыкновенное волненіе. Но Филиберъ не издѣлялъ его блаженства. Онъ вопилъ неистовымъ голосомъ, по-оряя, что ему невозможно будетъ явиться къ своему господину. рафъ, вмѣсто отвѣта, бросилъ полновѣсный кошелекъ.

— Возьми эти деньги, сказалъ онъ ему:—надѣнь снова твою бору-у жди меня у Пьер-Шателя, недалеко отъ озеръ. Можетъ-бытъ, мнѣ понадобится. Что жъ касается до этого письма, я берусь оставить его кула надобно.

Спустя нѣсколько мгновеній, графъ Сассенажъ мчался въ галопъ о лѣсу, унося съ собою драгоценную вѣсть, то-есть свѣточъ, дол-женствовавшую раздуть въ Дофинѣ пламя междоусобной войны.

Филиберъ не могъ прійти въ себя отъ удивленія.

— Кой прахъ! молвилъ онъ: — отецъ мой всегда твердилъ, что спя я не буду колесованъ или повѣшенъ, то непременно составлю мое счастье. Вотъ я теперь стою между висѣлицей и кошелькомъ, абитымъ цехивами. Ба! да дѣло стѣитъ того, чтобъ за него яться. Я охотно продалъ бы половину своего блаженства первому купателю, разумѣется, еслибъ онъ заплатилъ за нее сполна; то-то я я разорилъ этихъ мошенниковъ, которые вѣчно обигрываютъ меня въ фараонъ! И такъ, отправляюсь къ Пьер-Шателю.

II.

Между-тѣмъ, изгнанники, покинувъ башню, увезли съ собою дѣ-ицу Сассенажъ. Какъ-скоро выѣхали они въ средину лѣса, Бланка, емогшая забыть о томъ, въ какомъ состояніи покинула Эмѣ Вера, попросила проводить себя въ долину Шалюль, гдѣ ее ожидали подру-и, безпокоившіяся объ ея отсутствіи. Но Монбрѣнъ отвѣчалъ, что онъ навѣрное знаетъ отъ Ренѣ объ окончаніи охоты и о возвраще-іи всѣхъ охотниковъ во-свои, и просилъ позволенія сопутство-ать ей до дому. Нетерпѣливо желая знать о происшествіяхъ этого тра, Бланка съ удовольствіемъ приняла вѣжливое предложеніе, и уступилась въ путь въ сопровожденіи дворянина. Въ первой попавшей-я имъ ригѣ, они наняли двухъ лошадей, и вскорѣ на рысяхъ при-изнались къ предѣлу своего путешествія. Имъ оставалось не болѣе полумили, какъ вдругъ, при поворотѣ съ ними повстрѣчался путешественникъ и спросилъ о дорогѣ, ведущей къ Ладвѣ-су-Монморъ. Незнакомецъ былъ высокій паренъ, ростомъ двухъ ар-иши слишкомъ, съ розовыми щеками, добродушнымъ выраженіемъ

лица, въ костюмъ особаго рода, обличавшемъ духовное званіе. Въ правой рукѣ держалъ онъ здоровую дубовую трость, которую, казалось, умѣлъ употребить въ дѣло при первомъ удобномъ случаѣ; подъ мышкою лѣвой руки несъ онъ книгу съ серебряными застежками, по всей вѣроятности молитвенникъ. Бланка, въ которой добродушная мина незнакомца поселила полную довѣренность, вызвалась проводить его, и, поблагодаривъ великодушнаго дворянина, неустрашившагося ей сопутствовать, шагомъ пустила свою лошадь къ Монмору. Безпокойство ея было такъ велико, что она невольно стала понукать лошадь, не подумавъ о томъ, что пѣшему трудно за нею слѣдовать. Однакожь незнакомецъ дѣлалъ такіе прыжки, что былъ постоянно цѣлымъ шагомъ впереди.

Сначала оба путешественника молчали, что какъ-нельзя-болѣе согласовалось съ внутреннимъ расположеніемъ дѣвицы Сассенажъ, а потому она и не думала прерывать молчанія. Но безмолвіе, по-видимому, не соответствовало вкусу почтеннаго пѣшехода. Онъ нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, чтобъ завязать разговоръ, и наконецъ, не вытерпѣвъ, началъ такимъ образомъ:

— Клянусь св. Омою! сказалъ онъ протяжно, словно на кляросѣ:—чудное время для путешествія. Я употребилъ только два часа, чтобъ дойти отъ Босежура до этихъ мѣстъ, не смотря на то, что порядкомъ поплуталъ, перечитывая молитвенникъ. Что жъ прикажете дѣлать? эти дороги такъ же кривы, какъ доволы моихъ друзей Жака Созеаса изъ Сен-Этьена-анъ-Форѣ, который, надобно замѣтить мимоходомъ, сбѣгался гугенотомъ подобно многимъ другимъ.

Бланка, которой не было никакого дѣла до мнѣній Жака Созеаса, ничего не отвѣчала на любезныя выходки незнакомца. Но Пласидъ Гуттнуаръ (мы надѣемся, что читатель не совсемъ забылъ его) былъ готовъ болтать одинъ. Иной, можетъ-быть, почувствовалъ бы неловкость, оставшись глазъ-на-глазъ съ молоденькой и хорошенькой Бланкой; но добрякъ Пласидъ мало видѣлъ разницы между платьемъ женщины и платьемъ профессора. И такъ, онъ разсказалъ молодой графинѣ, просклонявъ напередъ все свои достоинства, что назавтра тому восемь дней отправился изъ Романа въ намѣреніи посѣтить по-пріятельски своего крестнаго отца, Эсташа Беневана, священника въ Ладвѣ-су-Монморѣ, котораго не видалъ со дня крестинъ своихъ.

— Такъ вы крестникъ нашего добраго священника? спросила Бланка съ участіемъ.—Какъ же могло случиться, что вы, при такомъ умнень скоро ходить, вмѣсто того, чтобъ совершить путешествіе въ нѣсколько часовъ, употребили на него цѣлую недѣлю?

— Distinguo! отвѣчалъ бакалавръ:—это зависитъ отъ дороги, которую выберешь. Что касается до меня, я выбралъ ту, что у насъ въ Монпельѣ называли *via scholae*, то-есть, самую длинную дорогу. Я путешествовалъ на подобіе журавля, отъ колокольни до колокольни, завтракая здѣсь, обѣдая тамъ, ужина далѣе, знакомась со всеми попами, пріорами и причетниками епархіи Сен-Бернара. Вмѣсто платы за угощеніе, я, уходя, каждому изъ нихъ дарилъ по

ляру тезиса, въ которомъ они найдутъ множество текстовъ и объясненій для своихъ проповѣдей.

— Наконецъ, возразила Бланка, почитая за обязанность быть лавкою съ причетникомъ, и въ особенности съ крестникомъ своего ященника: — наконецъ вы достигли цѣли путешествія. Вы навѣрно проведете нѣсколько дней въ нашей сторонѣ?

— Какъ же! вскричалъ бакалавръ. — У меня есть въ здѣшнихъ мѣстахъ старые пріятели; между прочими, младшій Монморъ, мэссиръ Аспаръ, съ которымъ я имѣю удовольствіе перевѣдаться на падахъ во время пути изъ Конфолана въ Романъ. Правда, онъ горячая голова, *caput fervidum*, но добрый христіанинъ, понимающій свои обязанности въ отношеніи къ своей матери — церкви.

— Вы знаете Гаспара? спросила Бланка съ удивленіемъ.

— *Hic illum vidi juvenem, Meliboee*, то-есть, сударыня, сказалъ бакалавръ: — я, равнымъ образомъ, коротко знаю его молодого пріятеля, сына кавалера Вера, виднаго молодца, котораго недавно имѣлъ несчастіе встрѣтить въ довольно-жалкомъ положеніи.

— Что хотите вы сказать, господинъ-бакалавръ? спросила Бланка, поблѣднѣвъ. — Вы встрѣтили...

— Увы! продолжалъ бакалавръ: — я точно его встрѣтилъ, но онъ не узналъ меня: руки его были окровавлены, и лицо такъ же блѣдо, какъ мой воротникъ; онъ походилъ на Адониса, въ то время, какъ тотъ прекрасный юноша былъ умерщвленъ на охотѣ...

Услышавъ эти слова, Бланка выпустила изъ рукъ новодѣя и готова была упасть.

— Онъ умеръ! сказала она, съ трудомъ опираясь на ручку сѣдла.

— Умеръ! Кто вамъ это сказалъ? возразилъ бакалавръ. — Черезъ семь дней храбрый стрѣлокъ будетъ такъ же здоровъ, какъ вы!

— По-крайней-мѣрѣ, человекъ, ранившій его, былъ схваченъ? спросила Бланка.

— Тотъ, кто его ранилъ, сказалъ причетникъ засмѣявшись: — софронъ бы довольно-уморительную мину на скамьѣ подсудимыхъ поведи адвокатовъ и судей. Это былъ медвѣдь.

Бакалавръ, замѣтивъ удивленіе Бланки, рассказалъ ей подробно то, что онъ узналъ отъ владѣтеля замка, когда съ нимъ встрѣтился въ окрестностяхъ Босежура, — исторію, слишкомъ извѣстную читателямъ и которую мы не намѣрены повторять. Можно себѣ представить, какова была радость дѣвицы Сассенажъ, когда она узнала, что раны стрѣлка не были опасны, и что онъ долженъ скоро совершенно выздороветь. Слушая похвалы, которыя расточалъ мѣтръ ласкъ ловкости и смѣлости молодого стрѣлка, она остановилась у воротъ священническаго дома, раскланялась съ своимъ спутникомъ и съ облегченнымъ сердцемъ вступила въ замокъ, гдѣ ея отпугиваніе произвело живѣйшее безпокойство.

Дошедъ до площадки, она встрѣтила тетку, съ безпокойствомъ ее издавшую и съ трепетомъ вышедшую къ ней на встрѣчу.

— Бѣдное дитя! вскричала г-жа Монморъ, прижимая ее къ своему сердцу:—откуда ты? Какъ я о тебѣ тосковала? Какимъ образомъ оказалась ты хижиною? Гдѣ была ты во время охоты? Отвѣчай же!

Эти простые вопросы встревожили Бланку, тѣмъ болѣе, что она была къ нимъ приготовлена. Дѣвица Сассемажъ ясно видѣла, чтобы бы напрасно огорчать тетку повѣствованіемъ о своихъ печальныхъ приключеніяхъ; особенно опасалась она открыть секретъ, столь тѣсно связанный съ честью графа Сассенажа. Хотя она и готова была поделиться съ другими тайною, стоявшею ей столько мученій, и употребить всевозможныя средства, чтобы отвратить руку своего дяди, однакожь понимала, что старая баронесса и безъ того много страдала отъ семейныхъ непріятностей, и что было бы слишкомъ жестоко передать ей все, случившееся во время ночи, проведенной ею въ сырнѣ. Она съ нѣжностью обняла тетку, успокоила ее, просила простить за всѣ причиненныя непріятности и не требовала объясненій.—Дѣло идетъ, сказала она:—о весьма-важномъ предметѣ, о которомъ мнѣ рассказали съ условіемъ не говорить никому, кромѣ моего двоюроднаго брата Ренѣ.

— Ты пугаешь меня, милая! сказала баронесса.—Удостоверь меня по-крайней-мѣрѣ, что никакая опасность не угрожаетъ ни тебѣ, ни моимъ дѣтямъ.

— Успокойтесь, тетушка, отвѣчала Бланка.

— Вѣрю тебѣ, милая, и болѣе ничего не хочу знать! — Пойдемъ домой. Ты, кажется, разстроена, какъ-будто бы не спала цѣлыя недѣлю.

— Иду, тетушка; позвольте мнѣ уйти въ свою комнату; мнѣ нужно успокоиться. Но мнѣ хотѣлось бы, прежде всего, увидѣть Ренѣ.

— Онъ отправился искать тебя вмѣстѣ съ Гаспаромъ и большою частію нашихъ людей; велю ударить въ колоколь, чтобы уведомить ихъ о твоёмъ возвращеніи. Первый, услышавшій этотъ знакъ, долженъ затрубить въ рогъ, и вскорѣ все они будутъ здѣсь.

Говоря такимъ образомъ, баронесса повела свою племянницу въ просторный покой нижняго этажа, гдѣ былъ разложенъ большой огонь, и приказала подать ей легкой завтракъ въ ожиданіи возвращенія своихъ сыновей. Уже наступила ночь; пахнулъ холодъ, и голени запылали на очагъ; вѣтеръ жалобно завывалъ въ трубы. Отъ времени до времени раздавались вдали звуки роговъ, возвѣщавшіе приближеніи барона.

— Дитя мое, сказала старая владѣтельница замка, послѣ нѣкотораго молчанія:—ты видишь, какъ я беспокоюсь. Боже, какъ я страдаю! Я должна тебѣ открыться. Я не въ силахъ противиться болѣе.

Эти слова привели Бланку въ удивленіе, потому-что старушка Монморъ уже нѣсколько лѣтъ сряду горевала про-себя и никому не говорила о своей печали.

— Да, продолжала встревоженная баронесса: — да, мнѣ грустно, сердце мое изнываетъ. Что могло случиться на этой охотѣ? Боже!

Гаспаръ, какъ ты сама видѣла, выѣхали добрыми пріятелями, а возвратились не вмѣстѣ, какъ бывало прежде; увидѣвшись вечеромъ въ замкѣ, они даже не говорили другъ съ другомъ. Ренѣ былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Гаспаръ, всегда такой откровенный и веселый, два отвѣчалъ на мои вопросы. Что бы это значило, Господи!

— Но, тетушка, сказала Бланка: — тутъ нѣчего еще пугаться. Вроентно, они поссорились на охотѣ, и какъ-скоро выпьются, все будетъ забыто.

— Дай Богъ! продолжала баронесса, которая, можетъ-быть, въ первый разъ открывала свою душу другому, кромѣ своего духовника. — Но страшныя предчувствія тревожатъ мое сердце и не даютъ мнѣ на одну минуту покоя. Матрѣ Беневанъ упрекаетъ меня въ суетности и называетъ мои опасенія безуміемъ. Но почему жъ мнѣ покуда чудятся зловѣщія предзнаменованія? Сегодня поутру, отворивъ окно, я увидѣла аиста, летавшаго надъ нашимъ домомъ; крылья его, казалось, были утомлены долгимъ путешествіемъ. Я сначала подумала, что этотъ благодатный вѣстникъ отдохнетъ на шпигъ башни; но, полетавъ нѣкоторое время надъ крышей, онъ быстро скрылся въ воздухъ, выпуская жалобные крики.

— Мнѣ не слѣдовало бы, тетушка, отвѣчала Бланка, взволнованнымъ тономъ баронессы: — учить ту, которая меня самоѣ учила. Но позвольте однакожъ замѣтить, что ваши опасенія не имѣютъ, кажется, твердаго основанія. Стоитъ ли того полетѣть птицы, чтобъ мнѣ заниматься? Безъ всякаго сомнѣнія, счастье человеческое неизменно; но мнѣ не вѣрится, чтобъ Богъ могъ поручать его своимъ равнымъ крыльямъ аиста.

— Почему же, продолжала владѣтельница замка: — не вѣрится тебѣ, во что вѣрвали наши праотцы? Развѣ мы мудрѣе и набожнѣе ихъ? Дитя мое, развѣ не Господь-Богъ управляетъ полетомъ птицы? Не онъ ли даровалъ ей пророческое предчувствіе, дающее ей возможность возвѣщать бурю въ то время, какъ небо представляется намъ яснымъ и яснымъ?

— Безъ сомнѣнія, тетушка! Но чего же вамъ бояться? Ренѣ, смотря на свой мрачный характеръ и фанатическую ревность, любитъ васъ и уважаетъ; Гаспаръ горитъ желаніемъ вамъ нравиться. Должны ли пустыя распри повергать васъ въ отчаяніе?

Баронесса наклонила голову и нѣкоторое время молчала. Бланка, наблюдавшая за ней, увидѣла, какъ двѣ крупныя слезы скатились по щекамъ ея.

— Зачѣмъ возвратился онъ? шепнула про себя старушка Монморъ. Не рука ли Божія привела его въ этотъ домъ, чтобъ наказать насъ за какое-нибудь тайное преступленіе?

— О комъ говорите вы, тетушка? спросила Бланка въ ужасѣ. Старая владѣтельница замка вздрогнула. Она посмотрѣла вокругъ себя, какъ-бы для того, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли двери закрыты; потомъ стала прислушиваться къ звуку роговъ, раздававшемуся въ отдаленіи.

— Черезъ полчаса врядъ-ли они будутъ здѣсь. Какъ они замѣшались! Это тебя удивляетъ; но мнѣ страшно... да, мнѣ страшно, и они вдали отъ меня, и притомъ вмѣстѣ.

— Не-уже-ли? сказала Бланка.

— Ахъ! давнымъ-давно беспокоюсь я, продолжала старушка Монморъ. — Двадцать лѣтъ тому назадъ, оба они были еще дѣтьми. Однажды въ лѣтній день, когда я сидѣла на площадкѣ, держа на рукахъ Гаспара, и Ренѵ игралъ возлѣ меня, прошла Цыганка... Муж мой, прости ему Господи! подозвалъ ее насильно, чтобъ поговорить о будущности нашихъ дѣтей. Цыганка подошла, долго и внимательно смотрѣла на Ренѵ, — ребенокъ смѣялся во время ворожбы.

— Что жъ! сказалъ ей мой мужъ: — будешь ли ты говорить, козодунья? Цыганка не отвѣчала. Она остановила служанку, возвращающуюся отъ колодца съ двумя полными кувшинами въ рукахъ; взяла кувшины, опорожнила ихъ до половины, потомъ, мрачно взглянувъ на меня и дѣтей моихъ, ударила кувшинъ о кувшинъ съ такою силой, что они разбились въ дребезги. Послѣ того, она удалилась, не взявъ платы. Испуганная этою угрозою и зловѣщимъ видомъ Цыганки, я въ ужасѣ прижала къ сердцу обоихъ сыновей и всю ночь провела въ слезахъ.

— Какъ можно, сказала Бланка: — вѣрить пустому гаданію недоброй обманщицы?

— Когда ты будешь матерью, дитя мое, отвѣчала баронесса: — ты не будешь считать меня суевѣрною и обвинять въ слабости. Не, прибавила она, смотря на часовую стрѣлку: — какъ они замѣшались! Кто могъ ихъ задержать въ полѣ?

— Ночь темна, отвѣчала Бланка, приблизясь къ окну: — идетъ сильный жокъ. Можетъ-быть, они сбились съ дороги. Оставьте эти мрачныя мысли, тетюшка! Къ-чему печалиться? Не прикажете ли взять шляпку и пропѣть вашу любимую арію?

Говоря такимъ образомъ, Бланка сняла со стѣны гитару, которую не брала въ руки въ-продолженіе нѣсколькихъ дней. Но едва коснулась она ручки гитары, какъ вдругъ двѣ струны лопнули разомъ глухимъ звономъ. Баронесса Монморъ и ея племянница посмотрѣли другъ на друга въ ужасъ.

— Что ты на это скажешь? спросила владѣтельница замка. — Объясни мнѣ, почему лопнули эти двѣ струны? Почему именно лопнули двѣ, а не одна или три?

— Теплота, сказала Бланка, повѣсивъ гитару: — теплота производитъ это дѣйствіе. Что же касается до числа двухъ, то слушай...

Баронесса печально покачала головою.

— Что называешь ты случаемъ? сказала она. — Не видишь ли ты перстъ Божій? Развѣ не сообразно съ благостью Всевышняго то, что Онъ объясняетъ намъ посредствомъ ясныхъ знаковъ о разрушеніи нашего счастія, подобно тому, какъ посредствомъ тучи Его...

я подасть вѣсть мореплавателю о бурѣ, готовой поглотить корабль, и того, чтобъ дать человеку время приготовиться къ смерти?

— Не знаю, тетушка; не смѣю рѣшать такого вопроса. Но какъ это ни было, мнѣ кажется, въ подобныхъ таинственныхъ предзнаменованіяхъ можно вѣрить только тогда, когда ихъ достоверность основана на доказательствахъ болѣе убѣдительныхъ, нежели тѣ, которыя шлояты васъ въ ужасъ.

— Знаешь ли, дитя, вскричала баронесса:— знаешь ли, что служить поводомъ моего ужаса? Еслибъ я все пересказала тебѣ, то кровь твоя бы въ твоихъ жилахъ и волосы побѣлѣли бы подобно моимъ продолженію одной ночи.

— Вы меня пугаете, тетушка!

— Не бойся, милая, не бойся; я не удручу твоего сердца горестью, которая некогда растерзала мое сердце. Уши твои не созданы въ подобныхъ тайнъ. Но приедь на этотъ табуретъ, выслушай меня. Изъ того, что я сообщу тебѣ, ты узнаешь, почему я такъ пугаюся. Мой дядя, умирая, оставилъ на моихъ рукахъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ окрестилъ и отдалъ на воспитаніе одной духовной дамы изъ Женевы. Гаспаръ былъ еще слишкомъ молодъ и нуждался въ томъ, нежели когда-либо, въ моихъ предпочтеніяхъ, чтобъ избѣгнуть губнаго вліянія этого человека, который, коротко сказать, былъ той портрета, мэтра Барбадана. Но Рено всосалъ уже въ себя столько злое реформы; его научили презирать и ненавидѣть въ-матери; меня выдѣляли передъ нимъ еретичкой, идолопоклонницей, до того, что этотъ ребенокъ, вскормленный мною и который я любила какъ ребенка, не иначе подходилъ ко мнѣ, какъ съ дерзвостью, не иначе говорилъ, какъ съ божанію, маньякъ моего присутствія, и говоришь ли? отступалъ съ трепетомъ, какъ я хотѣла обнять его. Я пыталась возвратить, богоотступника отъ него отцовъ и лаской и силою. Слезы мои, молелія, угрозы— было тщетно. Упрямый, какъ вся реформа, Рено, скорѣе далъ протерзать себя, нежели переступилъ бы за порогъ церковный. Чибъ избавить Гаспара отъ губнаго вліянія, я была принуждена выгнать его. Бѣдный ребенокъ! ему было всего лѣтъ пять, и еще въ теперъ вижу бѣдняжку, проталкивающаго ко мнѣ свои ручки, въ теперъ слышу его крики, въ то время, когда его выносили...

— Такъ вотъ для чего, сказала Бланка:— вы воспитали Гаспара въ Нормандіи?

— Увы, продолжала баронесса:— я надѣялась выдѣть его подъ еднѣ со мною кровомъ, какъ скоро онъ прійдетъ въ возрастъ и быть въ состояніи противостоять искушеніямъ Рено; но скоро я сама была отказана отъ этого утѣшенія, должна была запретъ моему сыну возвратиться въ родительскій домъ. Могу ли бы онъ въ свѣдѣтелемъ велию того, что здѣсь произошло? Долженъ ли бы онъ выдѣть униженія, мною претерѣваемые? Не сталъ ли бы онъ вѣтатъ въ сердцѣ своемъ той же ненависти къ реформатамъ, какъ я ослѣпавъ Рено, проявивъ католикотъ? Какъ можно было соеди-

нить искру и порохъ? Между-тѣмъ, не смотря на мою запрещенную стучится у воротъ отеческаго дома; является въ тотъ самъ день, какъ братъ поселяетъ въ этомъ домѣ религіознаго взума; разсудокъ котораго затемнила фанатическая ревность! Ахъ, Бланка! какъ я несчастлива!

— Вы преждевременно огорчаетесь, тетушка. До-сихъ-поръ Родъ и Гаспаръ жили по-братски.

— Почему жъ они не разговаривали сегодня другъ съ другомъ!

— Ваши предчувствія ослѣпляютъ васъ.

— При первой встрѣчѣ, продолжала баронесса: — они волею другъ противъ друга оружіе. Они скрыли отъ меня это... Я узнаю о томъ сегодня утромъ отъ неосторожнаго Жюліо.

— Они тогда не знали другъ друга, возразила Бланка.

— Да, продолжала баронесса:—рука Господня тяготѣетъ надъ этимъ домомъ. Не я одна такъ мыслю: такъ думаетъ и народъ, такъ говорятъ наши крестьяне, запершись въ своихъ хижинахъ и страшась быть подслушанными. Разсказываютъ... но я не въ-силахъ повторить этого... Нѣтъ, нѣтъ! прибавила баронесса, закрывъ лицо руками:—это невозможно!

— Досказывайте, тетушка!

— Разсказываютъ, прошептала баронесса едва-внятнымъ голосомъ:—разсказываютъ, что Жанъ Монморъ умертвилъ своего брата собственными руками. Такъ говорятъ; но я, разумеется, этому не вѣрю: это ложь, ужасная ложь! Однакожъ, помню, какъ однажды вечеромъ — назадъ тому семнадцать лѣтъ, я спала вѣроятно сномъ; вдругъ дверь моей комнаты съ шумомъ отворилась; и я, ожидая, и при свѣтѣ лампы вижу моего мужа только-что возмѣтившагося, блѣднаго, разстроеннаго. «Что съ тобою?» спросила — Ничего, отвѣчалъ онъ. «Ты меня обманываешь!» вскричала «твое платье въ крови.» — Да! сказалъ онъ, я ранилъ себя въ руку разряжая писталь. Но это такъ, ничего; спи спокойно... И казалось, что онъ говорилъ тихо: «Я убилъ брата...» И, шептавъ эти слова, онъ легъ подлѣ меня. По утру голова моя была какъ луна.

Слушая этотъ разсказъ, Бланка чувствовала, какъ холодный испугъ выступилъ у нея на чело. Она посмотрѣла на тетку, лицо которой, обыкновенно спокойное и строгое, еще выражало тотъ ужасъ въ который нѣкогда была она повергнута страшнымъ событіемъ. Проникнутая сожалѣніемъ, желая отдалить мрачныя воспоминанія, молодая дѣвушка съ участіемъ подала руку старой владѣтельницѣ замка и сказала ей, стараясь улыбнуться:

— Что жъ общаго между подобнымъ повѣствованіемъ и сновидѣніемъ, которыя недавно васъ тревожили?

— Развѣ ты не видишь? продолжала г-жа Монморъ. — Если жъ правда... небесная кара ужасна!.. Богъ наказываетъ дѣтей за отцовскіе грѣхи, и преслѣдуетъ преступленіе до седьмаго колѣна. Но, самогъ-дѣла, я заблуждаюсь; сама не знаю, что говорю...

исносно безпокойство! Развѣ тебѣ не кажется, что они замѣшка-
лись? Бланка, дочь моя, посмотри въ окно. Не видишь ли чего-ни-
будь? Не слынишь ли звука рога? Слухъ мой притупѣлъ, я не мо-
гу больше отличить шума вѣтра отъ веселаго звука одотничьяго рога.

— Я ничего не слышу, отвѣчала Бланка: — вижу только долину,
покрытую снѣгомъ.

— Однакожь, вѣрно то, продолжала баронесса:—что Жанъ, упо-
мой Господи его душу! поселивъ реформу подъ этимъ кровомъ, нѣ-
когда столь тихимъ, поселилъ въ то же время ненависть и раздоръ.
Онъ оторвалъ жену отъ мужа, сына отъ матери, брата отъ брата, не
только на одинъ день, но на вѣки. Кто знаетъ? можетъ-быть, онъ
раздулъ пламя, долженствующее истребить домъ его до основанія.
Боже мой! Зачѣмъ я сдѣлалась матерью? Зачѣмъ не сжалился Ты
надъ моимъ горемъ и слезами моими? Господи! не излей на насъ сво-
его гнѣва; если тебѣ надобна жертва, избери меня и пощади дѣтей
моихъ!

Баронесса Монморъ залилась слезами; Бланка также плакала, не-
вольно въря въ предчувствіе, томившее тетку.

— Миѣ послышался звукъ трубы, сказала баронесса.

— Миѣ тоже, тетушка, отвѣчала Бланка, ничего не слыша.

— Бѣдныя дѣти! они тебя ищутъ, потому-что любятъ тебя какъ
одну сестру, а Ренѣ обожаютъ тебя, какъ супругу...

Последнія слова заставили вздрогнуть Бланку; но владѣтельница
зѣмка не замѣтила этого и дѣвушка тотчасъ оправилась отъ вол-
ненія.

— Ты одна, продолжала баронесса: — имѣешь власть надъ моимъ
сердцемъ; оно трепещетъ какъ-скоро я тебя вижу. Ахъ! Бланка, вос-
пользуйся твоимъ вліяніемъ, чтобъ смягчить ирачный характеръ
моего сына; возврати Богу эту благородную душу; возврати миѣ
его любовь, возстанови согласіе между братьями. Вчера вечеромъ,
послѣ вашего отъѣзда на охоту, я видѣла графа Сассенажа, котора-
го образъ не являлся передо мною около пятнадцати лѣтъ... Онъ же-
ланетъ, чтобъ вашъ союзъ немедленно совершился; повѣрь миѣ, ты
будешь счастлива, потому-что ты достойна этого, и я всегда моли-
лась о томъ! Но миѣ пора бы уже быть вѣдь. Что же, Бланка, не
слышала ли ты выстрѣла?

— Видно какая-нибудь скала упала съ вершины сосѣдней горы.

— Станемъ на колѣни, дочь моя, и помолимся Господу и Пресвя-
той Богородицѣ, чтобъ не случилось какого-нибудь несчастія.

Баронесса немедленно взяла свои чотки, и, преклонивъ колѣно, на-
чала съ жаромъ молиться Богу, отъ-времени-до-времени спрашивая
Бланку о томъ, не слыхала ли она чего-нибудь. Наконецъ, конскій
гопотъ вскорѣ послышался на дворѣ зѣмка. Старая баронесса утерла
слезы, спрятала чотки, и черезъ пустыя комнаты пошла на встрѣчу
сыновьямъ, потому-что это были они.

III.

Нѣсколько мгновений спустя послѣ выхода баронессы; въ то время какъ Бланка, измученная усталостью, изнемогая подъ бременемъ ввѣренныхъ ей тайнъ, упала въ кресла, вошелъ въ залу Ренѣ, въ погахъ со шпорами, закутанный въ плащъ, съ котораго еще не имѣла времени стряхнуть снѣга. Молодой кальвинистъ, вопреки своей обычной скрытности, изъявилъ необыкновенную радость при видѣ своей родной сестры и, подошедъ къ рукъ ея, спросилъ, по какому случаю она не принимала участія въ охотѣ. — Мнѣ сказали, прибавилъ онъ:—что вы только одному мнѣ хотите объявить причину своего отсутствія.

— То, что я должна вамъ сказать, братецъ, отвѣчала Бланка безпокойствомъ:—такъ странно, такъ ужасно, что вы едва-ли повѣрите.

— Говорите, говорите, возразилъ Ренѣ, любовь которато имѣетъ важный и суровый характеръ. — Ложь вамъ несвойственна; я никогда не сомнѣвался въ вашихъ словахъ.

Не смотря на доброе мнѣніе, которое баронъ имѣлъ о своей родной сестрѣ, ей, безъ всякаго сомнѣнія, пришлось бы прибѣгнуть къ выдумкѣ, чтобъ объяснить свое отсутствіе. Но похищенія, котораго она была жертвой, ей невозможно было открыть тайну, принадлежащую, по всѣмъ правамъ, другому. Желая заинтересовать Ренѣ въ пользу Эмѣ Вера, она рѣшилась разказать всю свои ночныя похождения, исключая, разумѣется, слишкомъ долгого пребыванія въ гротѣ съ молодымъ стрѣлкомъ. Ренѣ слово за слово выслушалъ ее до конца. Наконецъ, улыбка пробѣжала по устами его.

— И такъ, прекрасная кузина, сказалъ онъ:—вы обвиняете моего дядю въ преступленіи, которое никакимъ образомъ не можетъ быть оправдываемо, и, кромѣ того, не имѣетъ твердаго основанія. Скажите, пожалуйста, что можетъ быть общаго между неизвестнымъ стрѣлкомъ, пришедшимъ съ ледниковъ вальгодемарскихъ, и членомъ нашего семейства?

— Развѣ я не говорила вамъ о томъ, что случилось въ Романи?

— Да, какая-то странная встреча въ гостиницѣ, какой-то бессмысленный сонъ, наконецъ глупыя рѣчи слуги,—и вотъ все, на чемъ вы основываете свое подозрѣніе. Милая Бланка! это нисколько несообразно съ вашей обыкновенною разсудительностью!

Хладнокровіе, съ которымъ Ренѣ выслушалъ Бланку, равно какъ его отвѣты на все доводы молодой дѣвушки, стали приводить ее къ недоразумѣнію. Не-уже-ли это была одна пустая мечта?

— Подумайте хорошенько, Ренѣ, сказала она:—дѣло идетъ о жизни человека, о чести нашей фамиліи. Увѣрены ли вы въ Ландри? Коротко ли вы его знаете?

— Ландри у меня одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и ревностныхъ жителей, возразилъ баронъ:—вы дитя, настоящее дитя! Вѣрно

его было дурное намѣреніе на умѣ, онъ непремѣнно исполнилъ бы его еще въ дорогѣ, пртому—что имѣлъ къ тому тысячу случаевъ. Что могло помѣшать ему совершить преступленіе еще у прохода «Помяну́й мя Боже», и кто сталъ бы подозрѣвать его въ этомъ? Но росимъ это; видите до какой степени наши сужденія могутъ быть бивандвы! Еще вчера Ландри хвалилъ мнѣ ловкость и статность мѣ Вера; онъ увѣрялъ, что этотъ молодой человекъ пойдетъ далеко и непремѣнно составитъ себѣ славную карьеру въ военной службѣ.

Вы слишкомъ-благоразумны, Ренѣ, сказала молодая Сассемажъ:—то берегитесь мѣрять другихъ по своей мѣркѣ; злоба часто прикрывается личиной притворнаго смиренія и обманываетъ неопытность.

— Вы повторяете, милая, возразилъ Ренѣ, нахмуривъ брови:—слова безумнаго священника. Однакожъ я допрошу егера и употреблю при этомъ случаи дѣе, что поведѣваютъ благоразуміе и милосердіе.

Бланка снова старалась увѣрить барона въ истинѣ своихъ словъ, потомъ позвала Пашаль и удалилась въ свою комнату, чтобъ притиснуться покою, въ которомъ нуждалась какъ-недѣля-болѣе. Между-тѣмъ, Ренѣ возвратился въ столовую и по обыкновенію своему съѣлъ противъ Гаспара. Баронесса Монморъ смотрѣла на своихъ сыновей съ безпокойствомъ; въ-продолженіе ужина они молчали; весь вечеръ исподостовало то же безмолвіе. Одна г-жа Бетзабѣ ворчала на мужа и дѣтей, которые боялись ея какъ огня. Она перескакивала деревенскія сдѣлки, рѣчи старой Монники, жалобы папистовъ и притомъ какъ громко, что голоса ея слышали всѣ, начиная отъ хозяйна дома до послѣдняго служителя, и никто не думалъ ей возражать.

На другой день, первую заботою Бланки было написать Эмэ Веру письмо, уже извѣстное читателю. Перо дрожало въ рукѣ ея, передавая тревожныя мысли бумагѣ. Успокоенная словами Ренѣ, она все еще боялась за участь стрѣлка, и потому нисколько не раскаявалась въ томъ, что высказала тайну. Въ письмѣ своемъ она совѣтовала юношѣ покинуть опасныя для него мѣста, желая въ то же время избавиться присутствія того, въ комъ приняла, можетъ-быть, слишкомъ-живое участіе, будучи невѣстою Монмора. Въ концѣ посланія, драстныя чувства молодой Сассемажъ невольна высказывались, и притомъ такъ явно, что заставили бы покраснѣть другую дѣвушку на мѣстѣ. Замѣтимъ здѣсь, что сама Бланка раскаявалась въ этомъ, но поправить дѣло было невозможно. Пашаль была уже за подъемнымъ мостомъ и шла по тропинкѣ, ведущей къ Босежуру. Дѣвица Сассемажъ должна была съѣсть за свой туалетъ одна, потому-что женщины, даже въ критическихъ обстоятельствахъ, всегда заботятся о своемъ туалетѣ. Потомъ она сошла внизъ къ теткѣ. Госпожа Монморъ всю ночь не смыкала глазъ; она стояла на колѣняхъ, и съ самаго утра молилась Богу.

— Милая Бланка, сказала баронесса, увидѣвъ племянницу:—не брала ли ты моего часослова?

— Натъ, тетушка, отвѣчала Бланка.

— Непонятно, продолжала старушка Монморъ: — тутъ какое-нибудь недоразумѣніе: вчера я оставила его здѣсь, и вмѣсто часослова, аншла вотъ эту книгу, въ которой ничего не разберу. Какъ жалко, право! этотъ часословъ подарили мнѣ покойная матушка.

Бланка открыла книгу, которую подала ей баронесса, и закрыла съ ужасомъ: то былъ томъ *Наставленій Іоанна Кальвина*.

— Это уловка краснорѣчиваго проповѣдника! сказала она, взглянувъ на тетку. — Когда же кончится это гоненіе! Сегодня у васъ подожгли книгу, а вчера разбили распятіе. Иконы святыхъ, украшавшія вашу комнату, давно сняты...

— Что жь дѣлать, милая! сказала баронесса: — отецъ Барбантанъ исполняетъ обязанности своего званія.

Говоря такимъ образомъ, владѣтельница замка накинула шубу на свои старыя плечи и повела племянницу на площадку замка, воздѣвъ предлогомъ, чтобъ посмотреть на работы, начатыя по приказанію барона. Но старую Монморъ занимала другая мысль: ей хотѣлось узнать, перемѣнилось ли взаимное расположеніе ея сыновей по прошествіи ночи. Бланка также съ нетерпѣніемъ желала видѣть Ренѣ, чтобъ узнать, чѣмъ кончился допросъ Ландрі. Такимъ образомъ, онѣ пошли къ укрѣпленіямъ, гдѣ все заставало барона, создавая при звукахъ трубы, рыли землю и суетились вокругъ стѣнъ, не смотря на снѣгъ, шедшій въ-продолженіе цѣлой ночи. Первый, появившійся имъ на площадкѣ, былъ Гаспаръ, только-что возвращавшійся изъ деревни. Госпожа Монморъ съ сожалѣніемъ замѣтила, что онъ былъ такъ же озабоченъ, какъ и наканунѣ.

— Куда ты идешь? спросила она кротко.

— Иду за вишалю и собаками, матушка, отвѣчалъ стрѣлокъ: — собираюсь поохотиться до обѣда.

— Странно! сказала баронесса, посмотрѣвъ на небо: — какое теперь время для охоты! Не лучше ли бѣ было тебѣ зайдти къ своему пріятелю, который, сказываютъ, опасно раненъ?

— Рана его не опасна, отвѣчалъ Гаспаръ отрывисто: — чѣ ему на нѣ? вѣдь я не вылечу его.

— Въ такомъ случаѣ, продолжала баронесса: — дай опереться на твою руку, другъ мой, и объясни мнѣ эти работы, которыя тебѣ должны быть хорошо извѣстны. Не былъ ли ты при осадѣ Кми? Расскажи мнѣ эту кампанію. Надѣюсь, прибавила она: — что стѣны, которыя теперь возводятся, никогда не будутъ свидѣтелями побѣдой блокады.

Гаспаръ не смѣлъ противиться матери, повелъ ее по укрѣпленіямъ и объяснялъ все, о чемъ она спрашивала. Впрочемъ, и ему самому было лестно выказать передъ кузиной и баронессой свои познанія въ ратномъ дѣлѣ. Во время разговора, г-жа Монморъ незамѣтно направила шаги въ ту сторону, гдѣ надвигалась стрѣла Ренѣ. Вдругъ молодой стрѣлокъ остановился и, покинувъ руку баронессы, хотѣлъ удалиться. Онъ увидѣлъ своего брата на мѣ-

нѣ полуразрушеннаго бастіона, подѣ основаніе котораго уже под-
нывались.

— Чтѣ съ тобою, Гаспарь? спросила владѣтельница зѣмка, отра-
зивъ мысль сына и притворяясь, что не понимаетъ его намѣренія.
— Такъ-то ты меня покидаешь?

— Матушка, пробормоталъ Гаспарь: — извините меня; я хочу...
долженъ... я желаю... мнѣ надобно идти на охоту.

— Ты лжешь, продолжала баронесса съ достоинствомъ: — не обма-
най меня; ты бѣжишь отъ брата.

— Кто могъ вамъ внушить эту мысль, матушка? возразилъ Га-
спарь. — Вы ошибаетесь. Позвольте мнѣ уйтти.

— Нѣтъ! сказала баронесса: — ты долженъ остаться, я приказываю.
Умоляю тебя, Гаспарь, прибавила она: — я не хочу, чтобъ ты
идь въ разладѣ съ Рено; ты долженъ немедленно дать ему руку,
и нѣтъ же.

— Матушка...

— Но чтѣ жь такое случилось вчера? вскричала баронесса. — Вы
были друзьями. Гаспарь, будь откровененъ, какъ воинъ. Не было
нигде между вами какойнибудь ссоры? Забудь ее.

— Пусть онъ ее забудетъ самъ! отвѣчалъ стрѣлокъ. — Сегодня
вранъ я три раза проходилъ мимо его, и онъ не захотѣлъ удостоить
меня поклономъ.

— Ты помоложе его, другъ мой, ты долженъ уважить старшаго бра-
та. Ну, пойдемъ же. Полно вамъ ссориться. Давноли вы подѣ однимъ
решомъ? Къ-чему печалитъ домъ отцовскій своими расправами?

Гаспарь колебался, потому-что имѣлъ благородное сердце. Но
ярость взяла свое: — Нѣтъ, матушка, сказала онъ удаляясь: —
никогда!

Въ это самое время, отчаянный крикъ послышался съ моста, на ко-
торомъ были работники. Гаспарь остолбенѣлъ, оборотился, и увидѣлъ
своего брата, подѣ которымъ рушился рavelинъ.

— Братъ! вскричалъ Гаспарь, бросившись къ пролому, произ-
веденному въ стѣнѣ паденіемъ бастіона. — Проклятіе!

Гора, на вершинѣ которой возвышался замокъ Монморъ, въ этомъ
мѣстѣ подымалась почти вертикально надѣ долиною. Нѣсколько де-
сятъ слизовыхъ деревьевъ растиляли свои обнаженныя и покрытыя
льдомъ вѣтви по песчанымъ бокамъ ея. Нѣкоторыя изъ нихъ были
срыты паденіемъ бастіона. Между-тѣмъ, Рено, обладавшій из-
вѣстною силою и рѣдкимъ хладнокровіемъ, по стеченію счастли-
выхъ обстоятельствъ, успѣлъ ухватиться за одно изъ этихъ растений,
оставаясь въ вислечемъ положеніи, требовалъ, чтобъ ему бросили
веревку, ясно видя, что до него не иначе можно было добратъся, какъ
спуская свою жизнь опасности. Къ-несчастію, за веревкой нужно
было идти въ замокъ, а деревцо готово было вырватъся съ корнемъ
изъ земли. Крестьяне съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга, какъ-бы
спрашивая, чтѣ имъ дѣлать. Большая часть, принадлежа къ католи-
ческому врансповѣданію, имѣла полное право жаловаться на угне-

тени барона, а потому никто не хотѣлъ подвергаться опасности для его спасенія.

— Жеронъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, обратясь къ своему сосѣду: — надобно помочь нашему господину.

— Хотѣлъ бы я знать, какъ ты это сдѣлаешь, простасна? оти-чалъ мужикъ. — Охота мнѣ сломать шею! И, вѣдь, жемать. Да онъ Богъ-вѣсть, не грѣшно ли спасать жизнь еретнику-то?

— Дай-ты Госноди, продолжала дружокъ: — чтобъ Ландрі и мы его причетъ повѣсили на этомъ деревѣ!

Въ это самое время, Гаспаръ уже былъ на развалинахъ бастиона. Стрѣлокъ полагалъ, что братъ его погибъ, но увидѣвъ Ренѣ въ вѣсчаемъ положеніи надъ пропастью, вскрикнулъ отъ радости и ужаса. Онъ осторожно и ловко спустился по скалу горы, цѣпляясь своимъ кинжаломъ за рыхлую землю и не внимая моленіямъ Ренѣ, который заклиналъ его подождать, пока не принесутъ веревку. Такимъ образомъ, онъ достигъ съ невероятнымъ трудомъ до дерева, и, упершись ногою въ впадину, случайно образовавшуюся въ скалѣ, наклонился, чтобъ схватить своего брата.

— Безумецъ! вскричалъ Ренѣ: — развѣ ты не видишь, чемъ мнѣ обоймъ прійдется погибнуть? Я и тебя утащу съ собою въ пропасть.

— Не бойся, отвѣчалъ Гаспаръ: — протяни мнѣ руку.

— Спасибо, братъ, сказалъ Ренѣ. — Ты славный малый! Но мнѣ должно погибнуть одному. Прощай! обними за меня матушку и постарайся возвратиться на путь истинный.

Сказавъ эти слова, Ренѣ выпустилъ изъ рукъ вѣтвь, на которой держался, и исчезъ бы въ пропасти, если бы Гаспаръ не успѣлъ схватить его. Потомъ стрѣлокъ пытался возвратиться на вершину горы, но ужъ это было невозможно.

— Клянусь св. Гюгеномъ, сказалъ онъ: — дорога, ведущая въ рай, едва-ли будетъ обрѣсатье этой.

— Ни съ мѣста! не смѣйте шевелиться! вскричали зрители. Несутъ веревку.

Но веревку должно было ждать довольно-долго. Наконецъ, Жюанъ появился на вершинѣ скалы и бросилъ канатъ обоймъ братьямъ, которые, одинъ за другимъ, были подняты на стѣну. Вскорѣ, Ренѣ и Гаспаръ были въ объятіяхъ г-жи Монморъ, которая, послѣ долгихъ вѣщаній, предалась восторженной радости.

— Ну, что, телушка? сказала Бланка, когда все общество возвратилось въ замокъ и оба брата принялись за флагу добраго вѣща для подкрѣпленія силъ своихъ: — что скажете вы о предзнаменованіи? Ваши опасенія были напрасны. Можегъ ли что-нибудь разтроить дружбу, скрѣпленную, такъ-сказать, взаимнымъ самопожертвованіемъ?

— Ахъ, если бы это сбылось! отвѣчала баронесса, не спуская глазъ съ сыновей.

Въ остальную часть дня, ничего особеннаго не случилось. Оби-тели замка были радѣ примиренію братьевъ, кромѣ Бернаба, котораго

и, не смотря на свое доброе сердце, видѣвъ, что это обстоятельство могло разрушить все ея предначертанія.

— Дурадей ты, дурадей! сказала она мужу: — вѣчно дѣлаешь глупости! Когда ты будешь пасторомъ, я вѣрно ужъ буду въ могилѣ. Иперь пришло время разработывать садъ и подстригать деревья; садикъ, заезжать и собирать плоды будетъ г-жа Беневанъ. Имѣешь ли ты, Рѣбенъ, сказала она, давь сплюху одному изъ моихъ сыновей, который взобрался на стулъ и сталъ было оттуда проповѣдывать, подражая важному тону и жестамъ отца!

— Но, милая, мойвилъ Барбантанъ: — что же дѣлать!..

— Словно разъ совѣтовала я тебѣ воспользоваться разладомъ стрѣльщика съ его братомъ. Теперь онъ возьметъ подъ свою защиту ищеника, и баронъ, разумѣется, не откажетъ ему ни въ чемъ.

— Успокойся, Бетзабѣ, возразилъ проповѣдникъ: — я уже вознамѣняюсь обратить этого юношу на путь правды, и могу сказать безъ изовства, что дѣло идетъ какъ-нельзя-лучше. Еще вчера я бесѣдовалъ съ нимъ цѣлую часть, и онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Дѣла, обнимающій въ его сердцѣ, теперь безгласенъ... Хорошо, если бы ты перешла и въ тебя, прибавилъ пасторъ, понизивъ тонъ.

— Чѣмъ мнѣ въ твоихъ обращеніяхъ? возразила Бетзабѣ: — Когда бы говорѣшь о дѣлѣ, ты всегда отвѣчаешь глупости. Ираво, мнѣ вѣкъ нашей книжной лавки. Тамъ, по-прайней-мѣрѣ, мы были мы-себѣ господами и не плясали подъ чужую дудку. Со-временемъ мы могли бы разжиться, — а теперь считаемся около пятидесяти лѣтъ, вѣнатою, мѣгдѣ постолянаго приетанища. Я похожа на Цыганку, плачущую по большимъ дорогамъ съ однимъ ребенкомъ за плечомъ, съ другимъ на рукахъ въ сопровожденіи остальныхъ, — а долгоимъ нужнѣ мой выступать впереди, съ пустымъ желудкомъ и головою такъ же пустою, какъ и желудокъ.

— Сварливая жена похожа на крышу, съ которой налетѣтъ вода въ худшій день, возразилъ Энохъ съ нетерпѣніемъ. — Развѣ мы не помѣстили нашихъ шестерыхъ дѣтей въ деревенскую школу? Кто жъ тебѣ больше? Она основанъ для двѣнадцати бѣдныхъ дѣтей, ты занала половину.

— Что жъ толку-то! вскричала Бетзабѣ: — развѣ мои дѣти будутъ историками, подобно ихъ батюшкѣ? Я скорѣе переломлю имъ руки и ноги, нежели доущу до этого.

— Что жъ ты хочешь изъ нихъ сдѣлать? спросилъ пасторъ — не-какъ-паншетовъ?

— Самъ ты невѣжа! продолжала жена проповѣдника: — одинъ ты вѣшь зарабатывать хлѣбъ своею премудростію. Чтѣ касается до моихъ дѣтей, будущность ихъ рѣшена. Рѣбенъ будетъ мѣзничнымъ барономъ; Исахаръ дворецкимъ, что, какъ мнѣ извѣстно, очень-много; Жозефъ, когда подростетъ, сдѣлается письмоводителемъ короля, хотя для этого ему вовсе неужно будетъ знать грамоту. А какъ-скорѣ мы обзаведемся домкомъ, садикомъ и мызой; то самыя шитонные арендаторы въ околѣдкѣ не побрезгуютъ посвататься за

мехъ дочекъ. Но прежде всего нужно выжить г-на и г-жу Венезан и овладеть ихъ мѣстомъ. Слышишь ли? Это необходимо. Не дамъ тебѣ покоя, покамѣстъ ты не съдѣлаешь этого. Что жъ ты вынаждал на меня глаза? Я всегда говорила, что ты ни къ чему не годишь, что умрешь въ больницѣ, и...

Проповѣдникъ, испугавшись неожиданнаго оборота, который принималъ разговоръ, и видя досаду своей дражайшей половины, поспешилъ подобно путешественнику, застигнутому приливомъ. Онъ поднялъ платье и безъ оглядки пустился искать возжеланнаго берега Бетзабѣ, однако жъ, не переставала браниться и успокоилась не раньше какъ поклявшись завладѣть домомъ священника, чтобъ весною разводить въ его огородѣ овощи.

IV.

Первые дни, послѣдовавшіе за примиреніемъ братьевъ, были для г-жи Монморъ исполнены истинной радости. Старая владѣтельница замка, казалось, помолодѣла двадцатью годами, и была такъ счастлива, что вовсе не замѣчала сумасбродствъ фанатика-пастора; она заботилась только о томъ, чтобъ вѣсть о нихъ не дошла до Гаспера. Это было весьма-легко сдѣлать при беззаботномъ характерѣ стрѣлки. Однакожъ ея старанія не всегда достигали своей цѣли. Между прочимъ, въ одно воскресное утро, когда раздался церковный благовѣстъ, баронесса, страдавшая ревматизмомъ и другими недугами свойственными лѣтамъ ея, вышла, по обыкновенію своему, на крыльцо, гдѣ ее ожидали два служителя съ носилками. Они уже собирались нести баронессу; но когда она была готова ступить на ножку шестилокъ, Ландрі, стоявшій въ отдаленіи, двусмысленно спросилъ ея рушку, куда прикажетъ она нести себя.

— Тебѣ должно быть это извѣстно, матръ Ландрі, отвѣчала она — собралась къ обѣднѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Ландрі служителямъ: — вы можете отнести носилки назадъ; праведные не должны исполнять суевѣрныхъ прихоти папистовъ.

— Дерзкій! молвила Пашаль. — Какое право имѣешь ты распоряжаться по своему? Исполни приказанія госпожи. Слуги съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Ландрі, но тотъ сухо отвѣчалъ, что исполняетъ приказанія проповѣдника. Ссора готова была завязаться, какъ вдругъ появился Гаспаръ. Пашаль немедленно должна была замолчать по приказанію баронессы, и носильщики удалились.

— Что это значитъ? сказалъ стрѣлокъ: — вы отсылаете назадъ носилки? Какъ же вы думаете дойти до церкви? Дороги замесены снѣгомъ.

— Ты пойдешь со мною, другъ мой, отвѣчала баронесса улыбаясь: — мнѣ хочется пройтись; это будетъ для меня полезно.

Говоря такимъ образомъ, г-жа Монморъ пошла въ ту сторону, гдѣ

ла деревня, и, не смотря на свои страданія, добрела до горы. Но жидь до мѣста, ослабѣла, и мученія ея съзлались такъ невыносимы, что старушка зашаталась и упала бы на снѣгъ, еслибъ Гаспаръ не поддержалъ ея.

— Такъ и есть! сказала Пашаль, едва удерживавшая гнѣвъ свой особенно языкъ: — я въ этомъ была увѣрена. Если бъ мнѣ только мался этотъ плутъ Ландри...

— Пресвятая Богородица! перебила баронесса, бросивъ выразительный взглядъ на служанку: — какое тутъ дѣло до Ландри? Пора немного, Гаспаръ, прибавила она: — несколько минутъ отдыха и все пройдетъ.

Вместо отвѣта, стрѣлокъ взялъ свою мать на руки и съ необыкновенною легкостью пранесъ ее въ церковь, посадилъ на почетное мѣсто.

Между-тѣмъ, оба брата подружились какъ-нельзя-лучше; большую часть дня проводили они вмѣстѣ, съ удовольствіемъ вспоминая о давно пролетѣвшемъ дѣтствѣ. Госпожа Монморъ рассказывала, что такъ долго держала своихъ сыновей въ отдаленіи другъ отъ друга, вслѣдствіе помогала имъ припоминать блаженное время детскихъ игръ, старалась сблизить ихъ еще болѣе, хорошо зная, что главный источникъ семейной любви въ воспоминаніяхъ. Сверхъ-того, новые друзья строили безконечныя планы для будущаго. Рендъ хотѣлъ набрать для своего брата отрядъ изъ пятидесяти человекъ и отдѣлать ему участокъ отъ своихъ владѣній. Онъ совѣтовалъ ему искать въ сосѣдствѣ невесту и жениться на благочестивой девушкѣ благороднаго происхожденія, говоря, что его одинокая, prisonная жизнь непременно того требуетъ; заѣсъ Рендъ прибавилъ улыбой, что въ этомъ случаѣ онъ послѣдуетъ примѣру своего брата Вера де-Шамбеонъ, который помолвленъ съ Сиголоною де-Карни и скоро женится, какъ о томъ рассказывалъ сэръ де-Боншуръ, пріѣзжая въ замокъ Монморъ. Такія предначертанія совершенно согласовались съ образомъ мыслей Гаспара, тѣмъ болѣе, что онъ сближалъ его съ отеческимъ кровомъ и главою фамиліи Монморъ. Сообразно съ такими планами, старушка-мать должна была жить то на одномъ мѣстѣ, весною на другомъ; присутствовать при работѣ у одного, при сборѣ винограда у другаго, и заранѣе радоваться своему блаженству. Таковъ былъ обычный предметъ разговора у семейнаго очага Монморовъ, и длинныя зимніе вечера проходили незамѣтно. Рендъ, не смотря на строгость своихъ правилъ и расчетливый характеръ, извинялъ всѣ поступки молодаго стрѣлка, и съ жаромъ удалялъ отъ себя подозрѣнія, которыя старались поселить въ немъ Ландри, Бетзабѣ и другіе богомолы. Гаспаръ, съ своей стороны, не будучи связанъ ни чѣмъ, вслѣдствіе набѣгалъ огорчить тѣмъ-нибудь своего брата.

Къ-несчастью, въ жизни сыновей Жана Монмора заключалось множество-много причинъ къ раздору, который вслѣдствіе старались гасить злонамѣренныя люди, ихъ окружавшіе. Рендъ былъ по-преж-

нелю заклатымъ кальвинистомъ, болѣе способнымъ навязывать свои мнѣнія, нежели уважать чужія, а Гаспаръ горячъ, неостороженъ, увлекался страстями за предѣлы благоразумія. Не въ точности исполняя повелѣнія своей церкви, онъ однакожь имѣлъ къ ней глубокую привязанность, подобно непослушнымъ дѣтямъ, часто огорчающимъ мать свою, но готовымъ положить за нее жизнь. Сверхъ того, не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ быть безпристрастенъ къ гугенотамъ, которыхъ съ равныхъ лѣтъ привыкъ ненавидѣть. Такъ, старушка Монморъ напрасно льстила себя надеждой, полагая, что между братьями будетъ существовать совершенное согласіе. В самомъ дѣлѣ, братскій союзъ вскорѣ былъ нарушенъ. Начались и маленькія разногласія: правда, они были непродолжительны и вскоре послѣ размолвки. Рено и Гаспаръ по-прежнему продавали другъ другу руки, все забывая; но начало ссоры, говоритъ священное писаніе, подобно волнѣ, бьющей изъ едва-примѣтнаго отверстія; море образуетъ рѣку. Мало-по-малу, несогласія, дотошъ рѣкѣ, увеличивались и длились далѣе. Даже послѣ искренняго примиренія, и сердца обонхъ братьевъ оставалась какая-то желчь, питавшая взаимный гнѣвъ и ненависть. Каждый день, Гаспаръ и Рено находили случай къ размолвкѣ. Отъ утренней молитвы до самаго вечера, они могли сдѣлать шага, вымолвить слова, исполнить обязанности, безъ того, чтобъ не поспорить, не нанести другъ другу новыхъ ранъ. То сидѣли они за столомъ о релігіозныхъ вѣрованіяхъ, то между саужителями замка, жившими въ разладѣ подобно господамъ, возгарали ссора, которая дѣлалась упорною отъ вѣшательства братьевъ, съ давнихъ въ этомъ случаѣ внушеніямъ вѣры, а не содѣяств. Два разъ, вышедши изъ замка въ самомъ дружескомъ расположеніи, они возвращались къ вечеру, исполненные досады, и повергали старушку въ отчаяніе. Стоящій или опрокинутый крестъ, жалоба какого-нибудь крестьянина, проходящая мимо процессія, отдаваемый звонъ монастырскаго колокола, слывающій монаховъ къ обѣднѣ, — все возбуждало въ нихъ гнѣвъ, неводно порывавшійся наружу. Политическіе слухи, какъ то извѣстія объ арестѣ или казни какого-нибудь реформатскаго пастора, вѣсть о пожарѣ и разграбленіи католическаго храма, молва о скоромъ возстаніи кальвинистовъ — все, это поселяло духъ раздора между братьями. Короче, они не могли сказать ни одного слова безъ того, чтобъ не завязать спора. Предметы, по-видимому совершенно-чуждые богословію, принимали въ ихъ устахъ релігіозный оттѣнокъ; всевозможные пути вели ихъ всегда къ одной цѣли и когда одинъ изъ нихъ говорилъ «да», можно было сказать напередъ, что другой произнесетъ роковое «нѣтъ».

Одно непредвидѣнное обстоятельство разрознило ихъ еще болѣе. То былъ прїѣздъ нашего прїятеля бакалавра Пласидъ, какъ можно было предвидѣть, возобновилъ знакомство съ Гаспаромъ, а Гаспаръ, чтобъ потѣшить свою кузину, и самому вдоволь насладиться ея, вознамѣрился звать монпельскаго теолога съ жандевскимъ прїятельствомъ. Въ воскресенье, онъ пригласилъ прїятельницу къ обѣ-

гу, при которомъ долженъ былъ присутствовать и Барбагантъ, не предвзявъ о томъ противниковъ. Однакожь, какъ скоро они встрѣтились, то какъ будто узнали другъ друга и помѣнялись взорами подобно Ахиллау и Фектору передъ знаменитымъ поединкомъ, рѣшившимъ на равнинахъ Трояды судьбу сыновей Пріама. Пласидъ приближился къ столу, перекрестился и громко пропѣвъ по-латынѣ *benedicite*, заглушивъ голосъ Барбагана, читавшаго свою застольную молитву. Но это была только одна прелюдія — предвѣстница упорнаго боя; потому-что мѣтръ Пласидъ положилъ непремѣнно перевѣдаться съ соперникомъ. Онъ окинулъ взорами столъ и заранѣе поздравилъ себя съ сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ; но, рассмотрѣвъ все пристально, невольно сдѣлалъ кислую мину: — время было постное, и католическая церковь налагала на вѣрующихъ строгое воздержаніе, между-тѣмъ, какъ большая часть блюдъ состояла изъ жаркихъ, пирожковъ, приправленныхъ ветчиною, и другихъ скоромныхъ яствъ. Бѣдному прачетнику оставалось только приняться за бобы и кислое молоко. Такимъ образомъ, въ-предоиміе дѣлаго обѣда онъ былъ не въ духѣ, потому-что, не собственнымъ его словамъ, скорѣе согласился бы принять ядъ, нежели вѣсть въ постъ скоромное. Гаспаръ, который безпрестанно подливалъ вина въ свой стаканъ, убиралъ дичь и велъ живой разговоръ, только въ концѣ обѣда примѣтилъ воздержаніе своего пріятеля, и съ участіемъ спросилъ Пласида о причинѣ. Ясный и короткій отвѣтъ прачетника заставилъ его покраснѣть до ушей; онъ кланялся собаку и отдалъ ей полную тарелку, которую только-что наложилъ себѣ.

— На, сказалъ Гаспаръ: — это для тебя. Помилуй! прибавилъ онъ, обращаясь къ Рендъ: — ты могъ бы учтивѣе обходиться съ твоими гостями, а не вѣстывать ихъ умирать съ голоду и шарушать обязанности христіанина.

— Ты, которымъ столь жой не нравится, возразилъ баронъ: — могутъ обѣдать въ гостиницѣ. — Подъемный вѣстъ опущенъ и ворота отворены.

— Въ другой разъ я такъ и сдѣлаю, молвилъ Гаспаръ отрывисто: — за ваше здоренье, г-нъ Пласидъ! прибавилъ онъ, наливъ полный стаканъ.

Мѣтръ Пласидъ, не желая быть причиною спора, завязавшагося между братьями, посвятивше опорожнивъ стаканъ за здоренье Гаспара, и вътомъ съ-видомъ ошлогого началъ разсуждать о согласіи, подтврѣляя свои доводы словами отцовъ церкви, Цицерона, Аристотеля и даже латинскихъ поэтовъ, которыхъ, какъ увѣрялъ онъ, основательно изучилъ. Онъ прочиталъ нѣсколько стиховъ и между прочимъ два слѣдующіе изъ чилога Кипурнія:

Estis pares et ob hoc concordetis vivetis, hanc vos

Et decor, et cantus, et amor sociavit et actus.

Въ наиданіе слушателей, онъ переселъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Благородные господа, забудьте прошедшее и чокнитесь своими ста-

Г-жа Монморъ и Бланка присоединили свои просьбы къ узкимъ бакалавра, и оба дворянина, послѣ извѣстнаго сопротивленія пожали другъ другу руки; но примиреніе ихъ не было такъ искрено, какъ бывало прежде. Пласидъ, однакожь, обрадовался окончанію дѣла, возвысилъ голосъ и, обмакивая въ супъ канъ широкіе ломты хлѣба, готовился завязать разговоръ съ докторомъ Барбантаномъ. Чтобъ сдѣлать ему честь, онъ заговорилъ съ нимъ по-латинѣ, по обыкновенію тогдашнихъ ученыхъ проповѣдникъ, не разумѣя этого языка, который называлъ италіанскимъ, сталъ съ досадою требовать отъ бакалавра, чтобъ онъ говорилъ съ нимъ на христіанскомъ нарѣчій. Это обстоятельство было торжествомъ для бакалавра, тѣмъ болѣе, что Гаспаръ, желая придать происшествію болѣе комизма, залезъ громкимъ свистомъ, который не замедлилъ сообщиться цѣлому собранію. Пласидъ не остановился на этомъ. Подобно рыцарю, который, раздробивъ шлемъ претивника, сбрасываетъ свой собственный, чтобъ побѣдить въ рукопашномъ бою, онъ оставилъ латинь и началъ споръ на французскомъ языкѣ. Чтобъ удостовѣриться въ богословскихъ познаніяхъ проповѣдника, онъ спросилъ, какого онъ мнѣнія о бытіи и небытіи, о мѣстѣ безъ причины и причинѣ безъ дѣйствія, и наконецъ объ отношеніи чиселъ къ религіознымъ истинамъ. Это новое нападеніе увѣщалося такимъ же усвистомъ, какъ и первое. Оно совершенно разстроило проповѣдника, который, видя самоуверенность богослова и не понимая метафизики тогдашнихъ школъ, вообразилъ, что онъ вызываетъ на состязаніе одно изъ свѣтилъ галликанской церкви. Онъ принялся кашлять, сморкнулся довольно-громко, но не находилъ слова для отвѣта. Въ эту критическую минуту, Бетзабѣ, стыдясь за своего мужа, начала съ досадою понукать его. Энохъ вдругъ оправился, разгорячился неслыханно. Выбившись изъ бѣды, въ которую былъ засаженъ его бакалавръ, и боясь погрязнуть въ омутъ недоумствій, онъ выбрался на путь, болѣе ему извѣстный. Приведши довольно-важное изреченіе изъ св. писанія, Барбантанъ направилъ потокъ своей краснорѣчія противъ испорченности нравовъ католическаго духовенства, пустыхъ вопросовъ, занимавшихъ тогда ученыхъ гугенотовъ, наконецъ противъ злоупотребленій римской церкви. Ему удалось задѣть бакалавра за живое. Въ-самомъ-дѣлѣ, Пласидъ, не будучи способенъ удерживать своего гнѣва долѣе, въ свою очередь разразился громогласной филиппикой, въ которой, не смотря на проповѣданіе миролюбія, сравнивалъ попеременно гугенотовъ то съ змѣями, то съ лукавыми, то съ хищными волками и разбойниками, идушими кровью и разореніемъ. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвела эта рѣчь на барона Монмора. Однакожь, Рендъ умѣлъ скрыть свой гнѣвъ, и вышелъ изъ-за стола, прося пастора за нимъ следовать. И такъ, Пласидъ остался побѣдителемъ, и вмѣстѣ съ Гаспаромъ выпилъ флагу съ виномъ, остававшумся на столѣ. Другой на его мѣсто понялъ бы очень хорошо, что послѣ подобной сцены ему не следовало бы оставаться въ замкѣ Монморъ; но Пласидъ не понималъ этого.

Идя невозможность спорить съ своимъ старымъ дядею и г-жею Моникою, всегда съ нимъ согласными, онъ всячески искалъ случая, чтобъ обйти въ состязаніи съ Барбантаномъ. Такимъ образомъ, онъ поддерживалъ религіозную ревность Гаспара, и безпрестанно ссорилъ обоихъ братьевъ.

Это обстоятельство какъ-нельзя-болѣе содѣйствовало къ тому, чтобъ еще сильнѣе привязать Ренѣ къ его вѣрованіямъ, и возжечь въ немъ инаѣческое благочестіе. Онъ по-прежнему сдѣлался мраченъ и азѣтанъ, пересталъ ходить съ братомъ на охоту, принялся за чтеніе священныя книгъ, и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ пасторомъ въ уединенной комнатѣ, гдѣ висѣлъ портретъ его отца, запыленный флеромъ, котораго видъ возбуждалъ въ немъ жажду мести. Обвиняя себя въ непростительной слабости, онъ рѣшился выюлнить во всей силѣ обязанности, налагаемыя на него религіей, и первымъ долгомъ почелъ обращеніе своей матери, невесты и Гаспара, которыхъ, какъ говорилъ, Господь Богъ поручилъ его покровительству и защитѣ.

Съ Гаспаромъ также произошла переменна. Онъ равностовне посѣщалъ церковь и слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ проповѣди пастора. Поступая такимъ образомъ, онъ хотѣлъ дѣйствовать по собственному произволу и досадить Барбантану. Въ его памяти возобновилось воспоминаніе о благочестіи, которому его учили еще въ дѣтствѣ. Онъ раскаивался въ забвеніи христіанскихъ обязанностей въ послѣднее время; сталъ носить четки за поясомъ, наложилъ на себя строгій постъ, каждымъ утромъ и вечеромъ читалъ молитву. Добрый насидъ, словомъ и дѣломъ старавшійся направить его на путь истинный, съ гордостью приписывалъ себѣ переменну, происшедшую съ Гаспаромъ. Онъ рассказывалъ о томъ въ замкѣ и разнесъ неожиданную вѣсть по всей деревнѣ; ободренный мнимой удачей, причетникъ однажды объявилъ г-жѣ Моникѣ и другимъ кумушкамъ, что онъ нагнется обратить и барона Моннора, даже самого пастора, хотя послѣдній, по его увѣренію, низвергнулся въ самую глубину пропасти, *in profundum abyssi*.

▼.

Среди такихъ обстоятельствъ, однажды вечеромъ все семейство собралось, по своему обыкновенію, въ большой залѣ, служившей въ то время бесѣды въ зимнее время. Служители замка длинными рядами стояли около огромнаго стола, и при свѣтѣ нѣсколькихъ лампъ, освѣщаемыхъ на мѣстномъ нарѣчій «*chrysiô*», занимались разными работами. Мужчины расчесывали ленъ, плели изъ тростника корзины, выдѣлывали деревянные башмаки, а женщины вязали чулки и прали, тихонько разговаривая между собою. Господа сидѣли передъ очагомъ, на которомъ трепетно догоралъ дубовый стволъ. Не было только Ренѣ, а Гаспаръ, сидя между матерью и двоюрод-

ивую сестрѣю, казалась, быть совершенно веселы; но по приѣду молодого барона, незамедлившаго явиться, онъ нахмурилъ брови, сталъ въ углу камина и замолчалъ. Ренѳъ, по-видимому, не замѣтилъ его присутствія. Поклонившись матери, онъ присѣлъ къ Бланкѣ, и не обративъ никакого вниманія на работу, лежавшую у ней на колѣняхъ, не сказавъ ни слова о легкости ея мягонькихъ пальчиковъ, чего не пропустилъ бы сдѣлать ни одинъ молодой дворянинъ въ то время, — сталъ говорить такъ трогательно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сурово, что, по-неволѣ, больше похожъ былъ на кальвиниста, нежели на жениха. Къ тому же, надо замѣтить, что важный баронъ все еще являлся въ какое-то мрачное расположеніе духа, когда начиналъ намекать на свою женитьбу.

— Бланка, сказалъ онъ тихо: — прочли ли вы со вниманіемъ книгу Руои, о которой я говорилъ вамъ?

— Да, месьсиръ, отвѣчала молодая дѣвушка.

— Вы помните отвѣтъ Руои на вопросъ вдовы Элимахеа: «А вы идете за тобою; твой народъ будетъ моимъ народомъ, твой Богъ моимъ Богомъ»?

Пораженная этими словами, торжественно произнесенными Бланка потупила глаза въ землю, покраснѣла и, по-видимому, смущалась; но молодой кальвинистъ приписалъ ей волненіе стыдливости.

— Краснѣйте, милая Бланка, сказалъ онъ ей нѣжнымъ голосомъ: — не стыдитесь потуплять очей своихъ; скромность украшаетъ женщину; вы мнѣ понравились, я люблю васъ. Великъ къ вамъ предлесть не присоединивъ благоволеніе внутреннее, правды и неаллопъдентъ дочерямъ царскимъ, никогда на тронѣхъ бы вы не сидѣли. Клянусь Всевышнимъ, я нечувствителенъ къ малодушію красавицъ дочерей Евы, и уважаю въ нихъ одно то, что дозволяетъ пережить земныя формы.

— Месьсиръ, молвила Бланка съ робостію: — не лучше ли отложить подобный разговоръ до другаго времени?

— Нѣтъ, Бланка, продолжалъ молодой баронъ: — минутка не ступила. Послѣдуйте примѣру Руои: вы непременно должны оставить служеніе идоламъ и увѣровать въ Бога, котораго исповѣдуетъ женихъ вашъ. Вспомните слова краснорѣчиваго проповѣдника: истина разоблачится передъ вами. Разорвите послѣднія узы, связывающія васъ съ заблудшими. Взоры моей матери, всѣхъ служителей обращены на васъ; будьте для нихъ путеводительною звездою; извлеките ихъ изъ мрака, въ которомъ они ходятъ.

Не смотря на таинственную рѣчь своего двоюроднаго брата, Бланка безъ труда поняла мысль его. Онъ высказалъ ее еще яснѣе, жаромъ умоляя дѣвушку не ходить въ сельскую церковь, не участвовать на проповѣдяхъ, не молиться, не называться отъ Агата, и перейти къ реформатской. До сихъ поръ, Бланка, считая свой бракъ съ Ренѳомъ непремѣннымъ долгомъ, думала, не зная, что онъ никогда не захочетъ принудить ее принять другую религію. Она надеялась, что молчаніе ея и поступки доставятъ

бразомъ объяснять образъ ея мыслей и избавать отъ подоблаго рѣшенія. Теперь она хорошо пеняла свою ошибку и увидѣла, го реформатскій проповѣдникъ принялъ молчаніе за безмолвное согласіе и успѣлъ въ томъ увѣрить барона. Ее встревожили слова Рено, и она прямо хотѣла-было сказать, что никогда не откажется отъ сыры отцовъ своихъ. Но воспоминаніе объ ужасныхъ тайнахъ, поврѣнныхъ ей теткой, опасеніе возбудить гнѣвъ барона, возжечь между братьями непримиримую распрю и огорчить на старости лѣтъ обрюю Монморъ, все это заставило ее безмолвствовать. Она наклонила голову и никакъ не могла подумать безъ содроганія о печальной участи, ожидающей ее въ замкѣ, и долгомъ мученіи, которому олжна будетъ подвергнуться, защищая свою вѣру отъ нападеній аватиковъ, ее окружавшихъ.

Вдругъ часы пробили десять. Въ это время мѣтръ Барбантанъ обыкновенно покидалъ свое уединеніе, чтобъ произнести передъ собраніемъ послѣднюю проповѣдь. Проповѣдникъ каждый вечеръ поучалъ всю паству, отходящую ко сну, и, обладаа необыкновеннымъ красворчіемъ, дѣлалъ это безъ затрудненія. Онъ подошелъ къ огню, и, приподнявъ платье, грѣлъ свои тощія ноги, пока служители в покинули работу своихъ и не собрались слушать слово Божіе. Долго времени, г-жа Монморъ уходила съ Гаспаромъ прежде еще, нежели являлся отецъ Барбантанъ; но на этотъ разъ, безмолвіе, царствовавшее въ залѣ, теплота, вѣявшая отъ каміна, и наконецъ усталость, произведенная продолжительною безсонницей, все это сильно поддѣйствовало на нее и повергло старушку въ дремоту. Она была выведена изъ самозабвенія голосомъ Эноха, который повелѣвалъ слугамъ немедленно оставить работы и въ то же время указывалъ на сторону, гдѣ находился псаломъ, назначенный для пѣнія передъ проповѣдью. Она вздрогнула, и, съ поспѣшностью поднявъ клубокъ, выващій у нея изъ рукъ, просила Гаспара и Бланку взять ее подъ руку и проводить на ея половину. Но мѣтръ Ландрі и большая часть служителей уже успѣли встать и приблизиться къ камину, частію для того, чтобъ болѣе показать свою ревность, частію для того, чтобъ яснѣе слышать слова проповѣдника. Такимъ образомъ, баронесса была совершенно отдалена отъ Гаспара, задумчиво сидѣвшаго противоположнаго конца каміна, такъ-что звуки ея голоса не могли долетѣть до него.

— Вставайте, ребята! вскричалъ Рено, обратясь къ служителямъ, голѣвшимъ позади: — шапки долой! Мы собираемся пѣть хвалу Господу; надѣюсь, всѣ присутствующіе будутъ внимать ей съ почтеніемъ.

Послѣднія слова относились къ стрѣлку, который, не смотря на то происходившее, по прежнему оставался на своемъ мѣстѣ и не снималъ шляпы. Поведеніе его показалось Ландрі столь соблазнительнымъ, что онъ не замедлилъ донести о томъ барону.

— Вставай же и делай шляпу! закричалъ молодой кальвинистъ, ривнимавшій поступокъ своего брата за дерзкую выходку.

Но Гаспаръ слышалъ видѣть, будто ничего не слышитъ, в это приказаніе относится не къ нему. Онъ по-прежнему сидѣлъ на скамьѣ, даже не обернулся, и, взявъ въ руки чотки, началъ съ мнотворностью читать *Ave Maria*.

— Слышишь ли? продолжалъ баронъ, съ досадою пристуная къ брату. — Прощу тебя встать и снять шляпу.

— Такъ это ты *миль* говоришь? спросилъ Гаспаръ, искоса поскрививъ на барона.

— Да, отвѣчалъ Ренѳ.

— Судя по твоему тону, я думаю, что эти слова относятся къ какому-нибудь служителю; благодарю за разочарованіе. Что же касается до твоего възвѣливаго предложенія, очень сожалею, что не могу принять его. Почему долженъ я стоять съ обнаженною головою именно теперь, а не въ другое время?

— Еще разъ прошу тебя, повторилъ баронъ, едва удерживая гнѣвъ свой:—повинуйся, ради Бога. Ты не во-время заводяшь споръ. Свидѣтельствуюсь небомъ, что ничего не ищу, кромѣ славы Божіей, и всякій разъ, какъ посмотрю на тебя, самъ не знаю, что со мною дѣлается. Но будь ты болѣе, нежели братъ мой, никогда не отеряй соблазна въ моемъ домѣ. Скорѣе вырву у себя глазъ, сожгу собою правую руку, нежели дерзну прогнѣвить Господа и оскорбить святыхъ во время ихъ молитвы.

Вмѣсто отвѣта, Гаспаръ перекрестился и началъ перебирать чотки. Въ слугъ, даже самъ проповѣдникъ, не спускали глазъ съ обоихъ братьевъ, съ недоумѣніемъ ожидая, чѣмъ кончится споръ. Ренѳ несколько времени колебался, но гнѣвъ взялъ свое, и онъ уже готовился твердою рукою сорвать съ Гаспара шляпу, какъ вдругъ г-жа Монморъ, пробравшись сквозь толпу, схватила за руку своего старшаго сына и въ то же время велѣла стрѣлку снять шляпу съ Гаспаръ, казалось, ничего не слышалъ; онъ всталъ, окинулъ взглядомъ сверкающимъ взоромъ, ясно показывавшимъ, какъ глубоко было впечатлѣніе, произведенное нанесенной ему обидой; потомъ быстро вернулся и протянулъ руку къ баронессѣ, почтительно обнаживъ передъ ней свою голову.

— Пойдемте, матушка! сказалъ онъ старушкѣ, выводя ее изъ комнаты. — Вы кстати подошли къ намъ.

Толпа служителей раздвинулась передъ баронессой и ея сыномъ. Ренѳ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, однакожь приказалъ проповѣднику начинать молитву и вскорѣ, казалось, совершенно предался благочестивымъ размышленіямъ.

Между-тѣмъ, г-жа Монморъ, возвратясь въ свою комнату, отъ изнеможенія въ кресла; Гаспаръ, немощій оправиться отъ волненія и тревоги, возбужденной въ немъ предшествовавшими свидѣтельствами, смотрѣлъ на старушку, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи. Послѣ короткаго безмолвія, онъ сталъ на одно колено и, прижавъ къ устамъ бѣлую, сухощавую руку своей почтенной матери, оросилъ ее слезами.

— Простите меня, матушка, сказалъ онъ растроганнымъ голо-
сомъ: — я вижу, что причинилъ вамъ безпокойство.

— Сынъ мой! отвѣчала баронесса: — зачѣмъ возвратился ты въ
домъ родительскій? Не запрещала ли я тебѣ этого?

— Матушка, сказалъ Гаспаръ: — развѣ мое присутствіе огор-
чаетъ васъ?... Скажите одно слово, и меня здѣсь не будетъ; ни-
когда не услышите вы обо мнѣ. Я думалъ, прибавилъ онъ: — что вы
меня больше любите.

— Неблагодарный! сказала баронесса: — какъ можешь ты не въ-
ровать въ любовь матери! Не мнѣ ли должно было скорѣе сомнѣ-
ваться въ твоей привязанности? Такъ ли долженъ былъ ты вести
себя, живя подъ этимъ кровомъ?

— Матушка, вы полагаете, что я виноватъ?

— Пресвятая Богородица! развѣ ты не ослушался, не оскорбилъ
чести барона Монмора, твоего старшаго брата, главы всего нашего
семейства?

— Вы не знаете, какъ было дѣло, матушка. Онъ хотѣлъ прину-
дить меня встать и слушать его ненавистныя псалмы. Будь онъ ко-
ролемъ, я и тутъ ни за что не всталъ бы. Никакая власть на свѣтѣ
не заставитъ меня сдѣлаться гугенотомъ. У насъ и безъ того есть уже
одинъ въ семействѣ.

— Сынъ мой, продолжала баронесса: — не для того долженъ былъ
ты встать и снять шляпу, чтобъ почтить религіозныя вѣрованія тво-
его брата, но чтобъ сдѣлать честь его особѣ. Не говори мнѣ о рели-
гіи: религія состоитъ не въ нарушеніи приличій и оскорбленіяхъ чу-
ужой чести. Здѣсь ты долженъ всѣмъ подавать примѣръ покорности:
не тебѣ принадлежитъ право возмущать вассаловъ противъ ихъ го-
сподина. Ты худо поступилъ, сынъ мой; я готова одобрить смѣлое
сопротивленіе несправедливымъ и жестокимъ вельніямъ, но ненави-
ку высокоумію, творящее зло подъ видомъ благочестія.

— Клянусь Богоматерью! сказалъ Гаспаръ: — въ то самое мгно-
веніе, какъ Рендъ поднялъ на меня руку, я молился за его грѣшную
душю.

Баронесса покачала головою и продолжала послѣ минутнаго раз-
мышленія:

— Гаспаръ, кажется, время твоего отпуска прошло?

— Нѣтъ, матушка; я могу еще пробыть у васъ восемь дней.

— Не оставайся здѣсь долѣе. Побѣжай завтра.

— Завтра! но за чѣмъ же? что все это значить? Развѣ я чужой вамъ,
и принадлежу къ вашему семейству? развѣ послѣ пятнадцатилѣтняго
знанія не смѣю я войти въ домъ отца своего? меня выгоняютъ
какъ нищаго, котораго пустили на одну ночь. Если вы непременно
отите этого, матушка, не смѣю противиться вашимъ приказаніямъ и
ду немедленно; но мнѣ бы хотѣлось знать причину подобнаго по-
ступка. Я требую этого... жду отъ васъ объясненій, матушка.

Г-жа Монморъ наклонила голову и предалась размышленіямъ.

Потомъ посмотрѣла на своего сына, который все еще стоялъ на колыняхъ и не выпускалъ ея руки.

— Гаспарь, сказала она, едва удерживаясь отъ слезъ: — Гаспарь, ты не любишь брата.

Эти слова ужасно подѣйствовали на стрѣлка. Онъ приподнялся и отступилъ на нѣсколько шаговъ. Потомъ снова подошелъ къ баронессѣ и сказалъ съ нѣжностью:

— Матушка, никогда не ожидалъ я отъ васъ такихъ словъ. Оставьте, не упрекайте меня. Какъ? Не-уже-ли я не люблю брата? прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ.— Знаете ли, что я готовъ пожертвовать для него жизнью, готовъ отдать половину моего блага, чтобъ спасти эту грѣшную душу. Мнѣ не люблю брата! Но какимъ образомъ могу я показать, что люблю его? Никакая опасность не можетъ измѣнить моего образа мыслей. Вы улыбаетесь! Вы хотѣли испытать меня, не правда ли? Если сегодня вечеромъ я поступилъ безразсудно, — раскаяваюсь въ этомъ; клянусь честію, что подобнаго со мной никогда не случится. Только бы Рендъ уважалъ васъ, а я все готовъ простить ему, и въ этомъ порука мое честное слово, хотя проповѣдей его я слушать не намѣренъ. Прощайте, матушка; вамъ надобно успокоиться. Утрите слезы, не бойтесь ничего, потому-что вы будете вполне довольны мною.

Говоря такимъ образомъ, стрѣлокъ снова обнялъ баронессу и успѣшно удался. По уходѣ Гаспара, г-жа Монморъ посмотрѣла на свою племянницу, которая, въ-продолженіе всей этой сцены, стояла въ отдаленной части покоя.

— Еще восемь дней, дитя мое! сказала старушка. — Станови на колѣни и прочтемъ вмѣстѣ «Помилуй мя Боже», моля Господа, чтобъ сжалился надъ нами.

VI.

Впечатлѣніе вечерняго происшествія на барона было такъ же, какъ и на прочихъ членовъ семейства. Еще больше усилдилось впечатлѣніе комментаріи Эноха Барбантана и прочихъ протестантскихъ обитателей замка. Почтенный пасторъ видѣлъ въ поступкѣ Гаспара такой предметъ соблазна, что готовъ былъ растерзать на обѣ одежду, подобно іудейскому первосвященнику, и собирать убогую одежду во вретиче и посыпать голову пепломъ, чтобъ заклясть его духа. Онъ гласно обвинялъ жреца магонова и его достойнаго помощника (такъ величалъ онъ мэтра Эсташа Беневана съ племянникомъ его, бакалавромъ), что они своими суевѣрными обрядами доводили г-жу Монморъ и ея сына. Бетзабѣ, само-собою разумно, преминула въ этомъ случаѣ явиться на помощь мужу. Не смѣя усилія доктора, велѣвшая ей молчать, ради того, какъ она считала, что она хлопочетъ только о суетныхъ мірскихъ дѣлахъ, нѣсколько разъ повторила, что нечего дивиться случившемуся.

все должно предвидѣть, что нельзя ждать ничего лучшаго отъ молодого человѣка, который поступалъ всегда по совѣтамъ экономки Моника, и проводилъ цѣлые дни въ священническомъ домѣ, умышляя погибель благаго дѣла. Матрѣ Ландрі охотно присоединилъ свой голосъ къ этому концерту; даже увѣрялъ, будто со времени прибытія Гаспара священникъ сдѣлался по-прежнему дерзокъ, гремитъ на кафедру противъ еретиковъ, и, подобно хищному волку, увлекъ уже не одну овцу изъ святаго стада.

Баронъ выслушалъ всѣ эти рѣчи, и потомъ удалился къ себѣ въ комнату, говоря, что должно переспать гнѣвъ, чтобъ принять рѣшеніе, которое одобрила бы мудрость. На утро, вставши, онъ провелъ часъ за чтеніемъ Библии; потомъ, призвавъ управителя, велѣлъ пойти отъ его имени къ священнику и приказать въ-теченіе сутокъ выбраться изъ помѣстья. Управитель, человѣкъ не глупый, возразилъ господину, что подобный поступокъ незаконенъ, своеволенъ и намечетъ ему непрѣменно ссору съ епископомъ, королемъ и парламентомъ. Но Ренѣ отвѣчалъ, что онъ лучше хочетъ повиноваться собственной совѣсти, нежели королю и парламенту, что обдумалъ зрѣло этотъ поступокъ и рѣшилъ привести его въ исполненіе, хотя бы тѣмъ подадъ сигналъ къ войнѣ, или даже долженъ былъ одинъ-одинѣхонекъ защищаться противъ всѣхъ силъ королевскаго намѣстника. Управитель вышелъ со вздохомъ, и подождалъ до вечера исполнять приказъ, надѣясь, что молодой баронъ одумается и пожалѣетъ своею распоряженіемъ. Но вечеръ насталъ, отмѣны приказа не получивало, и добрый человѣкъ принужденъ былъ повиноваться.

Священникъ услышалъ это извѣстіе, когда былъ дома одинъ съ своей экономкою, ибо бакалавръ ушелъ на ужинъ къ сосѣднему викарію. Сначала онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ; но когда управитель повторилъ ему собственныя слова господина, бѣдный старикъ упалъ въ кресло и не могъ удержать слезъ. Пятьдесятъ лѣтъ килъ онъ въ одномъ и томъ же домѣ и служилъ обѣдни въ одной и той же церкви.

— А! Моника! вскричалъ онъ по уходѣ управителя: — не-уже-ли то правда?

Экономка не меньше стараго хозяина своего поражена была внезапнымъ приказаніемъ. Отъ изумленія, она даже опрокинула на-поль лиניяный горшокъ, въ которомъ варился на легкомъ огонькѣ супъ, дважо не произнесла ни слова, съѣла на скамью, и, утирая глаза концомъ фартука, дала священнику волю предаться раздумью. Ставъ водилъ глазами вокругъ комнаты и разсматривалъ поодиначкѣ съ предметы, къ которымъ такъ давно привыкло его зрѣніе: закопѣлыя отъ дыма стѣны, окошко съ маленькими стеклами, въ которомъ еще виднѣлись, при мерцаніи сумерекъ, деревья сада, колокольни церкви, и дальше, на горизонтѣ, амфитеатръ Альпъ. Видъ этотъ воззвелъ на него, казалось, тяжкое впечатлѣніе; онъ отвернулся, и хвативъ чашку тизаны, стоявшую на каминѣ, выпилъ ее до-суха, эта рука его дрожала еще сильнѣе обыкновеннаго.

Потомъ взялъ онъ щипцы, какъ-бы за тѣмъ, чтобъ помѣшать огонь, но тотчасъ положилъ ихъ на каминъ; и движеніемъ этимъ разбилъ пару прекрасныхъ чашекъ изъ японскаго фарфора, которыя подарилъ ему некогда Понсъ Монморъ. Долго искалъ онъ отковъ, не замѣчая, что они у него на носу, и принялся наконецъ читать «третій часть» вѣстоутренъ, не понимая ни слова изъ читаемаго. Добрый старикъ до того былъ растревоженъ, что едва помнилъ, что дѣлалъ, и не могъ связать двухъ мыслей сряду. Часто онъ прерывалъ чтеніе такими страшными замѣчаніями, что Моника не шути начала опасаться, и ряхнулся ли ея старый господинъ.

— Псаломъ XLVII, говорилъ онъ:—странно! какъ-будто я утромъ давеча читалъ его. Моника, засвѣти лампу (лампа уже четверть часа горѣла на столѣ). Не знаю, право, что слѣлалось у меня съ очками: ничего въ нихъ не вижу. Да зачѣмъ звонятъ въ колокола сегодняшній вечеръ? Я нынче не слышу. Похороны это, или крестины? Пойду; дай-ка мнѣ эпитрахиль, Моника. А! понимаю, что это, приблизилъ онъ, воображая все, будто слышалъ звонъ:—они хотятъ издѣваться надо мною, растерзать мое сердце. Они знаютъ, что стануть теперь звонить ужь не къ моей обѣднѣ.

Съ этими словами, старикъ, у котораго отъ горести совершенно разстроился умъ, безъ того ослабѣлый отъ лѣтъ, всталъ съ рѣшительнымъ видомъ, и подходя къ двери, сказалъ:

— Иду, иду, господинъ управитель; готовъ. Позвольте мнѣ только взять съ собою книги. Ключи найдете въ шкафѣ. Не сержусь ни на васъ, ни на кого; но не забывайте моихъ бѣдныхъ,—ихъ не ма въ приходѣ. Добрые люди! Потерпятъ они нынѣшнюю зиму...

— Праведное небо! сказала Моника, подбѣгая къ старику и отводя его назадъ въ кресла, между-тѣмъ, какъ онъ поручалъ еще дворецкому нѣсколько яблонь, которыя привилъ наканунѣ:—никакъ эти мерзавцы свели васъ съ ума, батюшка. Сядьте-ка, сядьте, да вернитесь креститесь, чтобъ опаматоваться. Вы сами тоже виноваты,—черезъ минуту продолжала она съ сердцемъ.—На что было давать милостыню всѣмъ еретикамъ? Добро, которое творимъ дьяволу, намъ же и вредъ. Когда у васъ отняли десятины и сборы, я вамъ говорила, вы не хотѣли шевельнуться. Чѣмъ бы вѣхатъ жаловаться епископу, вы оставались на мѣстѣ, словно гусь, у котораго щиплютъ веревки. Теперь сами грызете пальцы съ досады; да мнѣ не жалко: по-дѣлать! вы того стоите. Погодите, пока Понсъ Монморъ явится и определитъ васъ опять сюда. А покуда, племянникъ его помѣститъ за еретика.

— Замолчи, женщина! возразилъ священникъ, начавшій кричать въ разсудокъ.—Замолчи; дай мнѣ покойно провести послѣдніе часы, которые остается пробыть здѣсь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричала Моника, хлопнувъ ладонями въ бокамъ.—Этакъ-то вы принимаете бѣду? вамъ ничего, что я, въ старости, пойду шляться по большимъ дорогамъ; вы позволите вытѣ-

иасъ какъ нищихъ; потерпите, чтобъ говорили проповѣди въ вашей церкви, чтобъ подѣлали гугенотами всѣхъ прихожанъ!

Мысль эта живо поразила добраго священника.

— Нѣтъ, Моника, сказалъ онъ: — нѣтъ, нѣтъ, этого ужь я не потерплю...

— Хорошо! такъ что жь вы сидите, какъ прикованный къ креслу, словно св. Одѣ въ своей нишѣ? Ну, берите же трость, и ступайте поскорѣе въ замокъ; я васъ поведу подъ-руку. Станемъ говорить съ баронессою, съ мессиромъ Гаспаромъ, — онъ славный молодой человекъ и ни крошечки не знаетъ объ этомъ дѣлѣ. Дайте только мнѣ волю... Пречистая Дѣва! да я скорѣе переполошу всѣ камни замка, чѣмъ допущу выгнать васъ изъ дома. Ну! пойдите же.

Священникъ попытался встать, но припадокъ подагры, неминуемое слѣдствіе волненія, имъ овладѣвшаго, не позволилъ ему подняться съ кресла.

— Только этого не доставало къ нашей напасти! сказала Моника. — Да нужды нѣтъ! хоть и поздно, хоть и не люблю я ходить одна, побѣгу сейчасъ въ замокъ; скоро вы услышите другія вѣсти...

Сказавъ это, Моника хлопнула дверью и перебѣжала мостъ Риуссѣ съ такой легкостью, какъ-будто ей было пятнадцать лѣтъ отъ роду. Ужь она была на половинѣ дороги, какъ услышала позади себя топотъ, заставившій ее содрогнуться. Какой-то верховой скакалъ къ замку во весь опоръ. Честная дѣвушка, которой всюду грезилась привидѣнія, начала раскаиваться въ своей отвагѣ; но всадникъ уже настигъ ее, и она съ удовольствіемъ узнала въ немъ мэтра Жерома Гашѣ, школяра ихъ края и наставника баронессъ Жарніо. Онъ сидѣлъ, по обычаю, на своемъ вѣрномъ Пегасѣ, но до того спѣшилъ, что весь запыхался и потерялъ на дорогѣ шляпу. Моника тотчасъ догадалась, что почтенный магистръ ѣхалъ съ какой-нибудь важной вѣстью, и, не смотря на свою озабоченность, не устояла противъ искушенія разузнать, что у него за дѣло. Мэтръ Гашѣ, первый разъ отъ роду, былъ отрывистъ, какъ Спартавецъ. Онъ объявилъ Моникѣ, что въ эту минуту въ округѣ происходило страшное событіе: замокъ Босежуръ уже два часа осаждаетъ шайка бродягъ, которыхъ ученый мужъ сравнивалъ то съ Скивами, то съ Индианами, свирѣпыми воинами, доведшими царство Кира столько разъ до края гибели. Жеромъ насилу прорвался сквозь ихъ страшные ряды за помощью въ Монморъ, а между-тѣмъ баронъ съ своимъ нареченнымъ зятемъ, Эмэ Веромъ, мужественно обороняли крѣпость. Изъ безсвязнаго разказа школьнаго учителя Моника поняла одну очень — прискорбную вещь, именно, что подобное извѣстіе помѣшаетъ успѣху плановъ, которые она себя нацѣрала. Она простилась съ своимъ попутчикомъ, и, прибавивъ шагу, старалась опередить его, чтобъ имѣть срокъ на-просторѣ объяснить съ Гаспаромъ; но Пегасъ, увидѣвъ отъ нея такую прыть, не захотѣлъ уступить, и пустаясь въ скачъ, скоро оставилъ за собою отсталую экономку.

Семейство Монморозъ собралось въ столовой, когда явился метръ Жеромъ. Сперва не поняли—было, что онъ разумѣлъ подъ своимъ Скисеами и Лидянами, которыхъ, Богъ-вѣсть какъ, примышляли къ подробностямъ разсказа. Гаспарь даже разсмѣялся, смотря на изступленное лицо и разметанные волосы педагога. Но вдругъ Бланка вскрикнула отъ ужаса.

— Гаспарь, сказала она измѣнившимся голосомъ:—спѣшите сейчасъ же: вамъ нельзя терять ни минуты.

— Господи! вы, прекрасная кузина, перепугались, сказалъ метръ стрѣлокъ, допивъ стаканъ и вставая изъ-за стола:—полно, можно ли вѣрить этому человеку? Развѣ какая-нибудь опасность грозитъ баронову замку?

Бланка быстро схватила его за руку и, наклонясь на ухо, сказала шопотомъ:—Хотите ль еще видѣть въ живыхъ того, кого некогда звали вы своимъ другомъ и съ кѣмъ вмѣстѣ учились владѣть оружіемъ?

— Эмѣ? спросилъ Гаспарь.

— Да, братецъ, ступайте, спѣшите, потому-что они хотятъ немилосердно убить его,—слышите ли? одного его только. Я это знаю; у меня есть доказательство.

— Громъ и молнія! вскричалъ Гаспарь, разбивъ стаканъ объ столъ:—гдѣ мое оружіе? Жолію, Пейроннѣ, Андрѣ, Жакъ, вези коней! Божусь страшнымъ судомъ! если поспѣемъ во-время, никогда передъ амбрѣнской Богородицею не теплилась такая богатая свѣча, какую я поставлю.

Въ этотъ мигъ, въ столовую вошла запыхавшаяся Моника. Съ скромнымъ видомъ приблизилась она къ стрѣлку и, приветствуя его дружескимъ наклоненіемъ головы, дада замѣтить, что дочета поговорить съ нимъ на-единѣ.

— Пропустишь ли ты меня, старая дура? сказалъ Гаспарь, грубо оттолкнувъ ее, потому-что даже не узналъ ея.

Не успѣла Моника опомниться отъ удивленія, какъ стрѣлокъ уже вышелъ и скакалъ во весь опоръ по дорогѣ въ Босежуръ. Старуха вздохнула и рѣшилась обратиться къ баронессѣ; но только-что собиралась ей поклониться, какъ Бетзабѣ, узнавъ соперницу, злобно попросила одного слугу выгнать ее за дверь, что ревностный каменщикъ исполнилъ немедленно, не обращая вниманія на крики и сопротивление злосчастной экономки.

Между-тѣмъ, какъ это происходило въ замкѣ, мѣтръ Эсташъ Беневанъ, сидя одинъ-одинехонекъ у камелька и мучась жестокою болью отъ подагры, предавался самымъ горькимъ размышленіямъ. Покинуть свою паству, отказаться отъ старинныхъ привычекъ, уступить вдали отъ мѣстъ, гдѣ провелъ жизнь, было тяжело въ его глазахъ. Тщетно усиливался онъ, въ утѣшеніе свое, припоминать всѣ теплыя какіе заучилъ въ служебникѣ, о томъ, чтобъ не прилѣпляться къ вещамъ дольняго міра, который самъ есть не иное что, какъ мѣсто временной станціи. Онъ никакъ не могъ разогнать мрачныя думы, а

вѣшая умомъ его. По-временамъ, онъ ласкалъ себя надеждою, что Моника воротится изъ замка съ добрыми вѣстями, и оживалъ при той мысли. Но когда экономка пришла, онъ по лицу ея тотчасъ угадалъ, что ей ничего не удалось, однакожь не сказалъ ни слова, только провелъ ладонью по больной ногѣ, испутивъ слабый стонъ. Служанка отнюдь не раздѣляла христіанской покорности своего господина. Она подсыла къ камельку, вынула иглы и шерсть, и, влажа крошавѣе чѣмъ когда-нибудь, принялась клясть и ругать всѣхъ житателей замка, вина ихъ въ нечестіи, святотатствѣ, колдовствѣ, жесточеніи сердець, и пророча всѣмъ имъ окаяннымъ адскія муки. Напрасно старался священникъ унять ее; пробила полночь, а она еще истошалась въ проклятiяхъ на домъ Монморовъ. Навѣрно, это продолжилось бы до утра (потому-что ни она, ни священникъ не чувствовали ни малѣйшаго позыва ко сну), еслибъ мѣтръ Беневанъ, которому послышался лошадиный топотъ на сельской площади, не велѣлъ вдругъ Моникѣ замолчать. Онъ произнесъ свое приказаніе такимъ твердымъ тономъ, что экономка уже не осмѣлилась промолвить ни слова больше.

— Тыше! сказалъ онъ:—кажется, кто-то просить помощи на площади. Ты ничего не слышишь, Моника?

Служанка, отъпечѣвъ отъ страха, послушала и точно разобрала, среди свиста вѣтра, громкій голосъ, звавшій крестьянъ, требовавшій ночлега и сопровождавшій просьбу грубыми ругательствами, которыя заставляли набожную старуху привскочнуть на скамейкѣ.

— Защити насъ Господи! сказала она:—Скины-то ужъ здѣсь! Что-ось намъ будетъ?

— Молчи, глупая! возразилъ священникъ:—это запоздалый путешественникъ просить пристанища.

— Пусть идетъ въ трактиръ! сказала Моника:—трактиръ въ двухъ шагахъ отсюда. Такіе ль теперь часы, когда путешествуютъ честные люди? Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, я не тронусь съ мѣста, и, если бь вы хотѣли меня послушаться, погасите лампу, чтобъ не видать бы въ свѣтъ сивозъ дверь.

— Моника, отвѣчалъ священникъ умоляющимъ голосомъ:—сдѣлай милость, отопри ему. Ты помнишь, что по твоей винѣ случилось шнанадцать лѣтъ назадъ. Да, пожимай плечами; тогда ты прогнала этого Понса IV. Ну, скорѣй же! или хочешь, чтобъ я самъ пошелъ? Намъ остается нѣсколько часовъ пробыть въ этомъ до-бѣ; такъ вмѣсто того, чтобъ притворяться глухою, не лучше ли тебѣ со мною поблагодарить Бога, что Онъ посылаетъ намъ случай казати здѣсь еще разъ гоотепріимство страннику?

Моника боялась воровъ не меньше мертвецовъ: она оставила господина и путешественника кричать, сколько угодно, и продолжала вязать чулокъ. Къ-счастію, незнакомецъ, стучавшійся поочередно въ всѣ двери села, подошелъ наконецъ къ священническому дому. Не смотря на выразительные знаки и сердитые взгляды экономки, мѣтръ ишевалъ, напрягши голосъ, закричалъ путешественнику, что дверь

незаперта, и что, если онъ хочетъ войти, пусть только подниметь и колду. Петли двери тотчасъ же скрынулись, и священникъ увидя поле, покрытое снѣгомъ, а передъ крыльцомъ дворянина высокого роста, который привязывалъ лошадь къ желѣзному кольцу, слышавшему для этого употребленія.

— Ну-ну, Розамонда! говорилъ онъ, трепля по вспотѣвшей животнаго: — вотъ мы и добрались до ночлега! Чортъ возьми! какъ бѣсъ навелъ на нашъ слѣдъ всѣхъ злыхъ приставовъ.

Сказавъ это, дворянинъ накинулъ на хребетъ лошади свой плащъ и примолвивъ, что скоро отведеть ее въ конюшню, тяжелой поступью вошелъ въ комнату.

— Добро пожаловать, мессиръ, сказалъ священникъ, приставъ къ кресла. — Извините, что я не вышелъ къ вамъ на встрѣчу: негра помѣшала. Моника, прибавилъ онъ: — брось въ каминъ дровъ, достань кушанье изъ буфета, да сходи въ погребъ за бутылкою раго вина.

Гость поблагодарилъ хозяина, съѣлъ насупротивъ его, и столъ скоро покрылся всякимъ съѣстнымъ, какое только было въ кладовыхъ священника. Прихлебывая вино, убирая кушанье съ аппетитомъ, который Моника въ удивленіи равняла только съ псаломнымъ, знакомецъ началъ говорить о злоупотребленіяхъ настоящаго времени, объ ослабленіи вѣры, забвеніи истинныхъ правилъ чести, упрямая, что на свѣтѣ ужъ ничто не уважается, и что пристава съ дворяниномъ и рыцаремъ обходятся столь же непочтительно, какъ мѣщаниномъ и мужикомъ.

Пока онъ разсуждалъ такимъ образомъ, священникъ приставлялъ въ него взглядывался. Удовольствіе угостить еще разъ путешественника у себя въ домѣ такъ радовало старика, что онъ едва замечалъ ссылки на чорта и другія выразительныя присловья, которыми сопровождалъ слова свои. На радости, священникъ и самъ началъ заискивать выпить за здоровье рыцаря и за удачу всѣхъ его предприятий. Нѣсколько-вольное обращеніе незнакомца показывало въ немъ не раго солдата, а большой рубецъ на щекъ подтверждалъ эту догадку. После того, ему можно было простить все неназидательное и скромное въ выраженіяхъ, особливо принявъ во вниманіе красныя чувствованія, мелькавшія по-временамъ промежъ ругательныхъ словъ и хлебковъ вина. Наружность путешественника представляла такую же смѣсь доброты, честности, и правду сказанной опрятности. Но вообще было видно, что онъ изъ числа тѣхъ грубыхъ и открытыхъ людей, которыхъ всѣ недостатки снаружи и мѣся прежде всего въ глаза, но которые, подъ этой оболочкою, скрываютъ нерѣдко много благородныхъ качествъ; этотъ родъ людей сравненно-лучше повапленныхъ гробовъ, которые блестятъ съ外面, а внутри состоятъ только изъ пороковъ и мерзостей.

Священникъ размышлялъ такъ самъ-про-себя, когда гость кончивъ ужинъ, поставилъ на каминъ стаканъ съ полною бутылкою, и оборотился къ шестаку и ласково спросилъ Моника оставитъ

ихъ съ хозяйномъ. Экономка сначала притворилась, будто не раз-
 шала, потомъ встала, добрую четверть часа возилась, зажигая
 въ лампу, подбирая шерсть и иглы, наконецъ вышла изъ комнаты,
 ча сквозь зубы на невѣжливость скитающихся рыцарей и бро-
 зь. Когда ушла она, дворянинъ налилъ себѣ стаканъ и началъ съ
 инымъ видомъ спрашивать священника о положеніи помѣстья
 иморовъ. Онъ вошелъ по этому предмету въ самыя мелкія подро-
 сти, и казался очень доволенъ, узнавъ, что всѣ земли баронства
 ли свободны отъ заклада, давали полный доходъ и составляли од-
 изъ богатѣйшихъ владѣній въ провинціи. Затѣмъ онъ опорожнилъ
 е стаканъ и спросилъ, хорошо ли нынѣшніе владѣльцы обходят-
 ся вассалами и любимы ли они вообще. Священникъ немощно
 рудился отаѣтомъ на этотъ вопросъ, боясь увлечься личнымъ
 истомъ непріязненности и неправедно обвинить ближняго. Онъ
 ромно отвѣчалъ, что г-жа Монморъ богобоязненная женщина,
 алшій сынъ ея добрый и великодушный дворянинъ, а что касает-
 до самого барона, то и онъ былъ бы прекраснымъ помѣщикомъ,
 лвъ, къ-несчастію, не зараженъ былъ язвою ереси. — Однако,
 лбавилъ онъ: — ужъ поздно, мессиръ, а вамъ можетъ-быть нуженъ
 дытъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ путешественникъ: — мнѣ еще надо спросить
 съ кое-объ-чемъ другомъ и допить бутылку. Чортъ побори! Мы не
 мися приставовъ; солнце еще бѣсъ его знаетъ гдѣ; и дай Богъ,
 обь навсегда тамъ осталось: тогда скорчили бы славную рожу
 иръ Бонфуа и всѣ мошенники, которые цѣлую недѣлю не даютъ
 ѣ ни минуты покоя. Спасибо ночи, ей-Богу! примолвилъ онъ, вы-
 вѣтретій стаканъ: — ночь благосклонна и къ красавицамъ и къ дурно-
 щымъ; потому-что, знаете, батюшка, пословицу: «ночью всѣ кошки
 бры». Да здравствуетъ ночь — пора любовниковъ, вѣрнѣйшая союзни-
 должниковъ, черная немочь приставовъ! Ночью человекъ думаетъ
 вько о радостяхъ, удовольствіяхъ и весельѣ!

— Въ числѣ любителей ночи, господинъ рыцарь, сказалъ мэтръ
 еневанъ: — вы забываете разбойниковъ и злодѣевъ всякаго рода.
 овѣрьте, ночь прикрываетъ больше грѣховъ и преступленій, еже-
 и день освѣщаетъ добродѣтелей.

— Чортъ возьми! пробормоталъ незнакомецъ, принявъ на себя
 другъ печальный видъ: — вы заставили меня вспомнить кой-о-чемъ.
 Именно объ одномъ дѣлѣ тьмы я и хочу потолковать съ вами, мэтръ
 еставъ, потому-что удовольствіе говорить съ вами привело меня въ
 ладнѣ. Не доходили ль когда-нибудь до васъ слухи, что Жанъ Мон-
 оръ убилъ своего брата?

Услышавъ эти слова, священникъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на
 путешественника, будто угадывая, къ чему клонился подобный во-
 зросъ.

— Говорите откровенно, продолжалъ дворянинъ. — Не носились
 и здѣсь такіе слухи?

— Какъ же, мессиръ, какъ же! отвѣчалъ священникъ: — но такому слуху нельзя вѣрить опрометчиво, безъ доказательствъ.

— Доказательствъ? повторилъ дворянинъ: — они найдутся, когда прійдетъ время. Къ-несчастью, въ этомъ дѣлѣ совершенно наоборотъ противъ обыкновеннаго: доказательствъ больше, чѣмъ судей. Но, говорятъ, вы сами, почтенный хозяинъ, почтенны во всѣхъ отношеніяхъ, потому-что вино у васъ отличное, вы такъ говорите, можете подать показаніе, которое будетъ имѣть важность, когда настанетъ судъ.

— Я? отозвался священникъ: — я сказалъ вамъ, мессиръ, что знаю ничего, рѣшительно ничего.

Дворянинъ наполнилъ себѣ четвертый стаканъ и опорожнилъ его въ помъ, по обыкновенію.

— Семнадцать лѣтъ тому, началъ онъ, утирая усы: — въ ненастную декабрьскую ночь, не стучался ли Понсъ Монморъ къ вамъ въ дверь, за которую я самъ сейчасъ щелкалъ зубами?

— Да, сказалъ со вздохомъ священникъ: — правда; хоть моя экономка, преупрямая дѣвка (тутъ у двери сосѣдней комнаты послышался шорохъ; но тотчасъ все опять утихло), хоть моя экономка урываетъ, будто это была тѣнь, однако я убѣжденъ, что то былъ онъ самъ, и я готовъ то же подтвердить на страшномъ судѣ.

— Слѣдовательно, подхватилъ дворянинъ: — вы не откажетесь присягнуть въ этомъ передъ городскимъ судомъ?

— Разумѣется, если будетъ нужно.

— Чортъ возьми! воскликнулъ путешественникъ, стукнувъ кулакомъ объ столъ: — мошенникамъ не уйдти.

— Увы, мессиръ! продолжалъ мѣтръ Беневанъ, нѣсколько унывая радости гостя: — не знаю, какое вы принимаете участіе въ этомъ дѣлѣ; но, кажется мнѣ, лучше бы предать его забвенію; если виновные еще живы, Богъ ихъ вѣдаетъ и Богъ ихъ да судить; можетъ быть, они успѣли раскаяться. Какъ бы то ни было, есть невинныя, которыхъ надо пощадить. Вдова и сынъ Жана Монмора не причастны преступленію, если преступленіе точно совершено. — и я убѣжденъ, что если бы Понсъ могъ съ нами объясниться, то вельѣ бы молчали Баронъ Рендъ Монморъ наследникъ его помѣстій, его герба, и покойный не захотѣлъ бы пятнать въ его лицѣ имени, которое самъ заслужилъ безукоризненно.

— Господи Иисусе Христе! хорошо будетъ, если сыновья убійцы станутъ величаться въ замкѣ, а настоящій владѣлецъ получить въ наследство одни долги стараго служака. Чортъ побери! не бываетъ этому; вопреки приставамъ и добросовѣстнымъ, которые за мною гонимы, я сумѣю привести дѣло къ концу, хоть бы мнѣ пришлось хлопотавать опасный лѣвъ, чтобъ явиться въ парламентскій судъ.

— Любезный другъ, сказалъ священникъ, приписывавшій толма дѣйствию вина горячность и планы своего собесѣдника: — вино это крепко; боюсь, не помutilo ль оно вамъ головы.

— Чортъ возьми! возразилъ Гюгъ Веръ (потому-что пора намъ и-

ть путешественника по имени) — спросите, пожалуй, у племянни-вашего, Жана Гуттуара, и у всѣхъ трактирщиковъ въ Дофинѣ, которыхъ есть мнѣ кредитъ, оставялъ ли когда рыцарь Верэ свой кружокъ на днѣ стакана. Мы съ Бриссакомъ, почтеннѣйшій, пере-ли цѣлую роту рейтаровъ, а они сливуть добрыми питухами и, вѣду сказать, тянуть какъ губки. Слава Богу! прибавилъ онъ, на-въ стаканъ допона и поднося его къ губамъ: — посмотрите, дро-тъ ли у меня рука; пью за ваше здоровье и за здоровье всѣхъ мо-въ заводящевъ, потому-что надо быть со всѣми вжливу. Но, вращаясь къ нашему разговору, скажу вамъ, во-первыхъ, что Ре-Монморъ не есть истинный наслѣдникъ баронства; слышите ли? ли онъ что-нибудь наслѣдовалъ, такъ развѣ гугенотство отца да о преступленіе, чортъ возьми! въ добавокъ.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, возразилъ священникъ: — Понса IV не было дѣтей; кажется, племянники, въ такомъ случаѣ, ваши наслѣдники.

— А кто вамъ сказалъ, что у Понса не было дѣтей, мѣтръ Эсташъ? кричалъ рыцарь Верэ. — Развѣ не помните вы, что съ нимъ былъ ребенокъ, когда онъ стучался къ вамъ въ дверь?

— Точно! отвѣчалъ священникъ. — Помню, самъ я видѣлъ слѣды маленькихъ ножекъ на снѣгу и даже слышалъ плачь дитяти; но по-мнѣ знать, что это былъ за ребенокъ, особливо же, куда онъ дѣ-лся?

— Угодно вамъ знать? подхватилъ Гюгъ: — я вамъ могу это ска-ать! Слушайте же. Въ самую ту ночь, когда Понсъ IV подходилъ къ шему дому, я возвращался изъ поѣздки на Розамондъ, и ѣхалъ въ вночь по Волчьей Скалѣ. Вдругъ слышу вдали крики; понукаю ло-падъ, и вижу четверыхъ человекъ, которые бѣгутъ прочь, оставивъ а снѣгу какого-то бѣдняка всего израненнаго, а подлѣ него плачетъ ребенокъ. Я долой съ лошади, подхожу и узнаю...

— Понса Монмора! воскликнулъ священникъ.

— Его самого, отвѣчалъ сиръ Шамбеонъ: — его самого. Онъ былъ ще живъ, но ужь при послѣднемъ издыханіи; и когда я его при-однялъ на руки, онъ испустилъ послѣдній вздохъ, сказавъ мнѣ: Спасите моего сына!» Чортъ возьми! не будь тутъ ребенка, даромъ-то мерзавцевъ было четверо, я бѣ ихъ проучилъ такъ, что стали бы помнить; да надо было спасать малютку, который дрожалъ со страха и стужи; я бросилъ ихъ и поскакалъ въ галопъ.

Священникъ былъ такъ встревоженъ, что долго сидѣлъ, не могши промолвить ни слова. Наконецъ, онъ спросилъ заикаясь у дворянина, что случилось съ ребенкомъ послѣ роковой ночи, живъ ли еще онъ, можно ли его увидѣть, благословить и поцаловать у него руку, какъ своего барона и господина. Не дождавшись отвѣта стараго рыцаря, онъ надѣлалъ ему еще нѣсколько другихъ вопросовъ, любопытствуя знать, похожъ ли сынъ на отца, вѣрный ли онъ католикъ, велико-душенъ ли, словомъ, достоинъ ли своихъ предковъ.

— Чортъ побери! отвѣчалъ съ гордостью Гюгъ: — я самъ его вос-

питывалъ и могу васъ увѣрить, что сообщилъ ему хорошія новости.

Послѣ этого маленькаго движенія самолюбія, старый рыцарь успѣшилъ удовлетворять во всѣхъ отношеніяхъ любопытство хозяйки. Онъ прочелъ пренышнюю похвалу добродѣтелямъ своего пріема, рассказалъ странныя обстоятельства, подружившія его съ Гаспаромъ и приведшія подѣ кроудю предковъ, гдѣ, прибавилъ онъ въ заключеніе, — храбрый стрѣлокъ теперь вѣрно считъ гораздо-крѣпче, и жели убійцы отца его.

Тутъ дверь сосѣдней комнаты, не разъ скрипѣвшая во время саннаго разговора, быстро створилась, и Моника бросилась въ полъ съ воплями ужаса. Почтенная женщина, которая цѣлый часъ прослушивала у замочной скважины, не проронила ни словечка изъ сказовъ стараго рыцаря; она перечувствовала вмѣстѣ съ своимъ сподвижникомъ всѣ порывы живѣйшей радости, слыша, что существуетъ наследникъ Понса IV. Правда, къ радости этой, безъ ея, мнѣ бытъ, вѣдома, примѣшивалась тайная надежда увидѣть скоро смѣненіе своихъ враговъ отъ появленія новаго господина и снова побѣдно водрузить свою прялку на кухнѣ священничьяго дома. Она наводитъ на такую мысль то обстоятельство, что она, вдругъ побывъ мнѣніе, которое всегда отстаивала, охотно присоединила къ свидѣтельству къ словамъ мэтра Эсташа, для доказательства, что то не самъ Понсъ Монморъ, съ плотью и кровью, а не тѣнь его, явился въ селеніи семнадцать лѣтъ назадъ. Какъ бы то ни было, но какъ селость ея исчезла въ мигъ, когда она узнала, что ребенокъ, спасенный барономъ рошлѣртскимъ — невинной кто, какъ другъ Гаспара, тотъ молодой человекъ, который въ эту минуту защищалъ замкъ Босежуръ отъ шайки злодѣевъ. Не заботясь объ упрекахъ, какіе могла сдѣлать ей господинъ за подслушиванье у двери, она кинулась въ комнату и повторила, съ оханьями, отъ слова до слова весь рассказъ слышанный отъ мэтра Гаше. Едва она кончила, какъ старый рыцарь крикнулъ страшное ругательство, заставившее вздрогнуть священника, бросился въ конюшню, куда отвела Моника его коня, помчался въ-скачь по дорогѣ въ Босежуръ, сказавъ мэтру Эсташу, что тотъ скоро объ немъ услышитъ.

VII.

Почтенный дворянинъ, скача въ Босежуръ, дружески разговаривалъ съ Розамондою. «Ну, ну, милая! — говорилъ онъ, — двадцать лѣтъ не были мы съ тобой въ схваткѣ; это насъ немаленько дѣлаетъ. Чортъ возьми, сверкай копытами, убирай дорогу, словно ты ешь позади насъ мэтра Боньфуа со всеми товарищами. Погода, красавица; еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы будемъ глядѣть неариятъ лямъ прямо въ глаза, а не ворочать отъ нихъ тылъ, какъ ты сейчасъ»

Розамонда, казалось, понимала слова его, ибо выпрямляла уши

мувала поздри, и ноги ея получили снова быстроту, какой отличались изкогда на поляхъ серизольскихъ. Наконецъ, Гюгъ Веръ задылъ на горизонтъ стѣны стараго замка, освѣщенные смоляными келами, какъ-будто двигавшимися по укрѣпленіямъ. Но напрасно прыгался слухъ его: онъ не могъ слышать, вопреки ожиданію, криковъ сраженія, ни ружейной пальбы.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ, пришпоривъ лошадь:— лукавый порокъ эту старуху: извѣстила такъ поздно; прївѣдемъ, ужъ ничего не станемъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, когда рошдѣртскій баронъ остановился подъ стѣнами замка, то увидѣлъ, что сраженіе давнымъ-давно кончилось. замѣтны еще были слѣды его на снѣгу, во многихъ мѣстахъ изпотомъ и смоченномъ кровью. Растроганный сильнѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ растроганъ солдатъ подобнымъ зрѣлищемъ, ибо страдая за участь сына, онъ перебралъ подъемный мѣстъ, не смотря на запрещеніе сторожей, и выбравъ первую попавшуюся дверь, пошелъ во внутренность покоевъ. Первое лицо, какое онъ встрѣтилъ, былъ самъ помѣщикъ, который, съ помощію слуги, снималъ шлемъ съ головы, надѣтые на время сраженія. Какъ-скоро онъ назвалъ себя, месьръ Жоссеранъ кинулся ему на шею, распаловалъ въ обѣ щеки, велѣлъ слугѣ тотчасъ же принести кувшинъ эрмитажнаго вина.

— Нѣтъ, сказалъ старый рыцарь:— я не дотронусь до бутылки, пока не узнаю напередъ, что стало съ моимъ сыномъ.

— Вы его скоро увидите, отвѣчалъ помѣщикъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ:— не безпокойтесь; но, боюсь святымъ Жозефомъ! вы узнаете ничего, прежде, чѣмъ не посидите тутъ за столомъ и не выпьете со мной бутылки.

Успокоенный словами, а больше всего веселымъ видомъ барона, Гюгъ Веръ не сопротивлялся долѣе и далъ налить до краевъ свой стаканъ; потомъ спросилъ у хозяина, что у нихъ такое случилось черомъ.

— Клянусь святымъ Жозефомъ! отвѣчалъ Жарніо:— престранное заключеніе, въ которомъ я ничего не пойму. Было часовъ семь, какъ мы съѣли за столъ; пѣлую недѣлю, замѣтили мы, бродили около замка какіе-то люди, подозрительной наружности, которые тотчасъ убѣгали, какъ-скоро кто къ нимъ хотѣлъ подойти. Вотъ въ этотъ вечеръ, только-что мы усьлились за столъ, мѣтръ Гашѣ, учитель нашихъ любезныхъ дочекъ, который никогда не пропускаетъ являться въ обѣденному часу (за ваше здоровье, месьръ!), мѣтръ Гашѣ, говорилъ, объявляетъ намъ, что встрѣтилъ въ сосѣднемъ трактирѣ шайку бездѣльничковъ, которые сговаривались напасть на мой замокъ. Сообщивъ намъ эту пріятную новость, самъ онъ, какъ человекъ благодушный, улизнулъ подъ тѣмъ предлогомъ, что поведетъ за помощью Монморъ. Точно, надо отдать ему справедливость: ученый Жеромъ лично выполнилъ дѣло, потому-что скоро явился молодой Гаспаръ тамошними людьми, и, могу сказать по-правдѣ, подмога его намъ очень пригодилась. Но не станемъ опережать происшествій. Между-

тѣмъ, какъ мѣтръ Гаше мчался въ Монморъ, я велѣлъ подать оружіе, ударить въ набатъ, и меньше чѣмъ въ часъ, мы собрали и укрѣпленія десятка три вассаловъ. Мое мнѣніе было оставаться въ стѣнахъ и твердо ждать негодяевъ; но сынъ вашъ, у котораго больше отваги, чѣмъ опытности, и который еще не знаетъ, какъ имѣть васъ, военнаго ремесла,—онъ, въ самомъ-то дѣлѣ, боялся за Сигелену, — придумалъ иначе. Онъ объявилъ, что у насъ нѣтъ пушекъ, мало солдатъ для защиты укрѣпленій. Сколько я ни уговаривалъ его лучше захотѣлъ взять половину людей и пойдти встрѣтить въ открытомъ полѣ разбойниковъ, которые намъ угрожали. (Гюмбертъ принесъ еще вина; гость нашъ, кажется, очень веселъ.) Я сиделъ твердо въ крѣпости, и сейчасъ увидите, господиныхъ рыцарей, какъ мои опасенія были справедливы. Точно, спустя нѣсколько часовъ по закатѣ солнца, мы завидѣли вдаль ватагу мерзавцевъ, изъ которыхъ большая часть очень годилась бы на виселицу, и которые въ безпорядкѣ подвигались къ замку. Нашъ любезный сынъ (неизвѣстно что такъ выражаюсь) притаился за простѣюю ждаль вѣкъ, и встрѣтилъ дружнымъ залпомъ. Я тоже велѣлъ дать залпъ со стѣны; это такъ напугало бездѣльниковъ, что они было ужъ и назадъ. Но въ ту же минуту, пылкій молодой человекъ, чѣмъ бы дать имъ уйти, какъ требовало благоразуміе, вышелъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ, и хотѣлъ пуститься за ними въ погоню. «Вотъ онъ, стрѣлокъ! вотъ онъ, стрѣлокъ!» закричали мошенники, оборотившись опять,—а замѣтьте пожалуйста, что ихъ было, по-крайней-мѣрѣ, человекъ пятьдесятъ.

— Чортъ возьми! перервалъ рыцарь Веръ:—и вы не вышли съ стѣны, и ни поддержать его.

— Что это? сказалъ помѣщикъ: — я не узнаю по вашимъ словамъ стараго служаку, вольнаго товарища Баярда. Если бъ я вышелъ изъ замка, кто жъ бы его сталъ оборонять? Не оставить ли мнѣ было нѣмъ, вмѣсто гарнизона, дочерей своихъ съ фузеями? Безъ моего твердаго отпора съ укрѣпленій, домъ предковъ моихъ былъ бы теперь опустошенъ и разграбленъ; отъ него не осталось бы камня на камнѣ, тогда какъ мошенники не смѣли подойти ближе полета стрѣлы, хотя, какъ я вамъ говорилъ, были въ достаточномъ числѣ, чтобы сдѣлать, и хотя въ стѣнахъ мѣстами есть проломы.

— Продолжайте, мессиръ, сказалъ Веръ. — Что же сдѣлалось съ сыномъ?

— Голубчикъ! онъ защищался какъ левъ; разъ десять его окружили мерзавцы, которые, видно, ожесточились на него; но ему все-таки удавалось отбиться, и не одного положилъ онъ на снѣгу!

Старый рыцарь отеръ слезу умиленія.

— Оно и неудивительно, продолжалъ помѣщикъ: — всякій на мѣствѣ сдѣлалъ бы то же, потому-что храбрость его усотерялась въ домъ Сигелены, которая вышла со мною на укрѣпленія, дѣлая съ собою корцію, и которая, отъ-времени-до-времени, махала платкомъ, чтобы ободрить его.

— Милая дѣвушка! Дайте мнѣ ее распаловать, сказалъ баронъ Памбеонъ, опорожнивъ стаканъ.

— Вы скоро ее увидите, отвѣчалъ мессиръ Жоссеранъ: — она теперь занята перевязкою нашихъ раненныхъ, потому что своихъ разбойники позаботились унести, и намъ не удалось ни одного захватить въ плѣнъ. Возвращаюсь однако къ моему разказу. (Пью за здоровье прекрасныхъ!) Такъ я вамъ говорилъ, кавалеръ, что сынокъ нашъ оборонялся какъ настоящій налдинъ Карла-Великаго. Къ-непастю, онъ принужденъ бы былъ уступить, еслибъ вдругъ пріямъ его, Гаспаръ Монморъ, подоспѣвъ съ сотнею крестьянъ, не повернулъ хода дѣла. Въ нѣсколько минутъ, онъ выручилъ друга и оставилъ мерзавцевъ бѣжать.

— А не былъ ли Эмё раненъ?

— Нимало, благодаря кольчугѣ.

— А теперь онъ гдѣ?

— Свѣтый Жозефъ! не-ужь-то я вамъ еще не сказалъ? Онъ пустился съ Гаспаромъ въ погоню за бѣглецами, и ручаюсь вамъ, что ни не дадутъ имъ отдыха. Но оба скоро ворогуются.

— Что же вы думаете объ этомъ приключеніи? спросилъ старый рыцарь.

— Откровенно вамъ сказать, отвѣчалъ помѣщикъ: — я думаю, имѣть съ дочерью моею Кунегундою, что, безъ мудрыхъ предосторожностей, какія принялъ я для защиты замка, бездѣлники похитили бы ее съ сестрою. Явно, это была главная цѣль предпріятія. Они дѣйствовали по найму одного дворянина, котораго Кунегунда очень-ясно видѣла, во время сраженія, подъ окнами замка.

Старый Гюгъ, улыбаясь, кивнулъ головою, ибо угадалъ, по всемъ обстоятельствамъ боя, что нападеніе разбойниковъ устремлено было собственно не на замокъ, а на Эмё Вера. Вѣроятно, Сассенажъ вымывалъ такимъ образомъ угрозы, которыя сдѣлалъ его сыну въ фактирѣ «Дюфина».

— Чортъ возьми! проворчалъ онъ сквозь зубы:—еслибъ не плуты-риставы, давно бъ я открылъ твой слѣдъ, старый душегубецъ, и сидѣлъ бы ты подъ замкомъ! Огъ роду въ первый разъ жалю, что на насъ есть долги. Ну, честное же слово! не уйдешь ты отъ меня! Два аза теряю я твой слѣдъ, но стумѣю найти его опять, не смотря на Петра Бонфюа. Ахъ, еслибъ Эмё захватилъ кого-нибудь въ плѣнъ: вывели бы мы, можетъ-быть, это дѣло наружу.

Разсужденія почтеннаго рыцаря прерваны были голосомъ помѣщика, который, по обычаю, уже началъ панегирикъ неисчислимымъ добродѣтелямъ Сиголены. Въ-самомъ-дѣлѣ, добрый Жоссеранъ не могъ себѣ объяснить внезапнаго прибытія отца своего нареченнаго сына иначе, какъ предположивъ, что тотъ спустился къ нему съ своей горъ, чтобъ формально просить руку его дочери. Полагая также, по дѣло это ему хорошо известно, онъ скоро коснулся шекотливаго вопроса о приданомъ, ловко намекнулъ кой-о-какихъ надеждахъ на наследство послѣ одной родственницы въ пятомъ колѣнѣ, которая

могла умереть бездѣтною, хоть и вступила въ третій бракъ. Наконецъ, спросилъ у стараго дворянина, ставшаго въ-тупикъ отъ этихъ объясненій, что самъ онъ намѣренъ внести въ брачный договоръ.

— Гм! гм! отвѣчалъ Гюгъ, наливая себѣ стаканъ:— мой сынъ, если Богъ дастъ, черезъ мѣсяцъ будетъ однимъ изъ богатѣйшихъ аристократовъ въ Дофинѣ, господинъ баронъ. Если ему приглашались одна изъ вашихъ дочекъ, вы можете смѣло радоваться. Что до меня, я буду стоворчивъ на счетъ приданого, лишь бы дѣвушка была не дурна; потому-что, чортъ возьми! хочу, чтобъ у моего малаго былъ хорошенькія дѣтѣнки. Посмотримъ! Гдѣ же невѣста?

Баронъ поспѣшилъ послать за Сиголоною.

— Вы правы, сказалъ онъ: — и могу васъ напередъ заверить, что пара будетъ славная. Точно, вы имѣете право быть разборчивы; потому-что, божусь святымъ Жозефомъ, сынъ вашъ прекрасный дворянинъ. Онъ какъ двѣ капли воды похожъ,—я ему самому часто говорилъ это,—на Понса Монмора, не въ обиду молвить покойной баронессѣ Решлерптъ.

Шутка отнюдь не обидѣла Гюга Вера. Онъ даже замѣтилъ въ обстоятельстве у себя въ памяти, ибо, при судебномъ слѣдствіи, онъ могло идти въ подтвержденіе другихъ доказательствъ, которыми предполагалъ онъ заpastись въ пользу правъ молодого сироты. Онъ еще смѣялся, когда Сиголона, увѣдомленная служанкою, вошла въ комнату и присѣла передъ нимъ.

— Вотъ невѣста, сказалъ ему помѣщикъ.

— Чортъ возьми! пробормоталъ кавалеръ, глядя на дѣвушку: — такъ, стало-быть, сынъ мой плохо видитъ? Право, я думалъ, у него лучше вкусъ. Да! прибавилъ онъ вслухъ:— бутылка кончена; а еще все еще ивъть! Поѣду къ нему на встрѣчу.

Тутъ онъ всталъ, пошелъ въ конюшню, сѣлъ на Розамонду, и выѣхалъ изъ замка, осведомясь, въ какую сторону побѣжали побѣжденные. Ему не трудно было видѣть ихъ слѣды, ибо они резко оставались на снѣгу. Однакожь, долго ѣхалъ онъ, не встрѣчая ни единой живой души дорогою. Ужь онъ отчаялся догнать ихъ, и собираясь вернуться назадъ, какъ завидѣлъ въ глубинѣ долины всадника, закутаннаго въ плащъ и взѣхавшаго на дорогу въ Романъ. Онъ далъ шпоры лошади и приблизился къ нему, спрашивая, не попадалась ли ему толпа бродягъ, преслѣдуемая крестьянами. Путешественникъ быстро оглянулся, сухо отвѣчалъ, что не встрѣтилъ никого, и продолжалъ ему добраго вечера. Но баронъ, вмѣсто продолженія конвооя, пустилъ свою кобылу рядомъ съ лошадыю незнакомца, и вознамерился ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ узналъ въ немъ челоука, котораго такъ давно искалъ, именно графа Франсуа Сассенажа, и твердо рѣшился не отставать отъ него, пока не предастъ его въ руки землемѣръ съищниковъ, хотя въ глубинѣ души часто чувствовалъ искушеніе бросить рапиру и сшибить его съ сѣдла. Такимъ образомъ, два всадника ѣхали рядомъ, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Графъ, который не очень былъ доволенъ товариществомъ дворянина, приващива-

госа къ нему какъ тѣнь. Однакожь, потому ли, что усиливался принять развязное обращеніе, чтобъ не быть узлану, или просто желая прогнать скуку, онъ первый прервалъ молчаніе и заговорилъ о современныхъ обстоятельствахъ въ духѣ католическаго владѣльца, преданнаго Гизаамъ и очень-недовольнаго гугенотами. Странствуя по большимъ дорогамъ, онъ любилъ принимать на себя подобную роль, чтобъ обмануть шпионовъ и выманить чью-нибудь довѣренность, которая могла пригодиться для его сокровенныхъ замысловъ.

Такъ доѣхали они до воротъ Романа. День уже свѣталъ; слышны были монастырскіе колокола, съзывавшіе къ ранней обѣднѣ, барабаны гарнизона, бившіе зорю, и городскія ворота отпирались. При перѣздѣ подъемнаго моста, графъ Сассенажъ видимо поколебался; но Гюгъ Веръ учтиво пригласилъ его захватъ выпить вмѣстѣ по стакану благо вина въ трактирѣ «Дофина»; тотъ побоялся отказомъ на такое ласковое приглашеніе возбудить подозрѣнія, и послѣдовалъ за барономъ къ мэтру Жану Гуттнуару.

— Чортъ возьми! хитеръ будетъ бездѣльникъ, если вырвется у меня теперь, подумалъ Гюгъ Веръ, увиавъ его за столомъ противъ себя.—Эй! мэтръ Жанъ! подай пинту кондрѣскаго! Угощаю я; не морщись, худой старый мѣхъ, да составь счетъ, потому-что, честное слово, расплачусь въ иваповъ-день. Съ кѣмъ это вы тамъ кланяетесь, мессиръ? прибавилъ онъ, увидявъ, что графъ слегка кивнулъ головою какому-то человѣку, похожему на крестьянина, проходившему въ ту минуту мимо двери. — Ну! опоражнивайте стаканъ, да выпьемъ за здоровье честныхъ людей, каковы всѣ мы тутъ, я полагаю...

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ графъ, улыбаясь и поднося свой стаканъ къ стакану барона, отдернувшаго въ ту жь минуту руку по невольному движенію, и попытавшшаго пить, чтобъ скрыть свое отвращеніе:—съ удовольствіемъ! ваша правда, кавалеръ, выпьемъ за здоровье добрыхъ людей! міръ полнѣхонекъ ими, потому-что, между нами сказать, есть много овецъ, которыя носятъ волчью шкуру, но которыхъ все-таки стргутъ же.

— Разумѣется! сказалъ Гюгъ Веръ съ тайною злобою:—есть такъ много волковъ, которые ходятъ въ овечьихъ шкурахъ, но которыхъ тѣмъ не менѣе узнаютъ и ловятъ въ кандалы.

— Только они напередъ успѣваютъ съѣсть нѣсколькихъ барановъ, прибавилъ графъ Сассенажъ, приподнявъ стаканъ и подшучивая по всему обыкновенію.

Между-тѣмъ, Гюгъ Веръ, наливая и опоражнивая свой стаканъ, оглядывалъ отъ времени до времени на городскую площадь, смотря, много ли собралось народа на рынокъ и не проходитъ ли мимо какое-нибудь полицейское капральство, ибо хотѣлъ отнять у врага съ способомъ къ спасенію. Спустя четверть часа, онъ слышалъ наконецъ звукъ мѣрныхъ шаговъ на мостовой.

— Вотъ они! прошепталъ онъ.

Въ ту жь минуту четыре человека въ черныхъ платьяхъ, съ вытянутыми лицами и поблбострастнымъ видомъ, съ черными палочками

въ рукахъ, появились у дверей трактира. За ними слѣдовала толпа сухопарыхъ людей, одѣтыхъ въ такой же зловѣщій костюмъ, какъ и начальники ихъ.

— Я желалъ бы видѣть мессира кавалера Гюга Вера де-Шамбеона, барона рошлерптскаго, рошлатскаго, рошбленскаго и многихъ иныхъ мѣстъ, робко произнесъ тотъ изъ четверыхъ зельвѣкъ, который казался отраженіемъ прочихъ.

Услышавъ эти слова и увидѣвъ черты того, кто произносилъ ихъ, Гюгъ Веръ почувствовалъ, что у него волосы стали дыбомъ. Онъ очутился лицомъ-къ-лицу съ мэтромъ Боньфуа и тремя помощниками, взявшими съ собою конвой довольно-многочисленный, чтобъ слѣзать бесполезнымъ всякое сопротивленіе для храбрѣйшаго рыцаря христіанства.

— Чортъ возьми! гдѣ Розамонда? вскричалъ баронъ Рошлёрпт въ отчаяніи. — А! мэтръ Жанъ, это ты меня предалъ!

— Я? сказалъ Жанъ Гуттнуаръ: — не грѣхъ ли вамъ такъ думать, мессиръ? Не давалъ ли я вамъ двадцать разъ средство убѣгать, даромъ-что вы все откладываете расплату со мной отъ зимнаго шаво-ва-дня до лѣтняго.

Гюгъ Веръ, пораженный внезапной мыслью, быстро обернулся къ мѣсту, гдѣ за минуту до того сидѣлъ графъ Сассенажъ; но графъ исчезъ, и вдали уже раздавался скокъ его лошади.

Приставы замѣтили свою жертву и приблизились съ скромнымъ видомъ, велѣвъ конвою быть на-готовѣ поддерживать силою уличнаго правосудія.

— Мессиръ, сказалъ Боньфуа самымъ прискорбнымъ тономъ: — я въ отчаяніи, что принужденъ выполнять свою обязанность съ такимъ достохвальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ дворининомъ, какъ вы.

— Достохвальнымъ! повторилъ баронъ: — надѣюсь, что такъ! Скоро пятнадцать лѣтъ, какъ по моей милости кормятся всѣ пристава и сержанты въ здѣшной провинціи. Дѣйствуй однако проворнѣе, да избавь меня отъ пустыхъ разговоровъ.

— Вотъ, сказалъ мэтръ Боньфуа: — тридцать-пять арестовъ въ законной формѣ, утвержденные парламентомъ и засвидѣтельствованные подписью мессира королевскаго намѣстника... Повѣрьте, мессиръ, мнѣ очень-прискорбно наносить малѣйшую неприятность такой, какъ вы, особѣ; но солнце взошло, а сегодня, къ-несчастью, не прекрасный день. И такъ, приглашаю васъ, мессиръ, хотя съ величайшимъ сожалѣніемъ, слѣдовать за мною немедленно, по аресту на ваше имя въ трактиръ мэтра Жана Гуттнуара, объявляя, что, если будете сопротивляться, васъ принудятъ силою.

Подъ конецъ своей рѣчи, мэтръ Боньфуа отступалъ шагъ за шагомъ къ своимъ провожатымъ при каждомъ произносимомъ словѣ. Но старый кавалеръ и не думалъ о сопротивленіи.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ: — скоро ты заплачешь, старый прохвиль, какъ-будто не преслѣдовалъ меня безъ отдыха двѣ недѣли! Ну, ваша взяла, господа! я готовъ идти за вами; дайте мнѣ только дойти

бутылку. Боже мой! прибавилъ онъ, стиснувъ зубы: — можно ли было имѣть его тутъ, подъ рукою, и не свернуть ему шею скорѣе, чѣмъ дать вырваться. Онъ одурачилъ меня, какъ ребенка... Но, чортъ побери! нѣчего отчаяваться. Языкъ мой еще свободенъ, и изъ тюрьмы услышать меня судьи, если еще есть они на еемъ свѣтъ.

Проговоривъ этотъ монологъ, бѣдный рыцарь покорился участи и отведенъ былъ мэтромъ Боньфуа, со всѣми приличіями, должными его званію, въ городскую тюрьму. Черезъ нѣсколько минутъ, Эмэ Вержь съ Гаспаромъ, скакавшіе всю ночь и немогшіе догнать бродягъ, прибыли въ трактиръ. Какъ-скоро герой нашъ узналъ о несчастномъ приключеніи съ отцомъ, поспѣшилъ навѣстить его въ тюрьмѣ. Около часа провелъ онъ тамъ у стараго кавалера, и, когда вышелъ, былъ блѣденъ и встревоженъ, будто какой-нибудь переворотъ совершился въ немъ. Онъ вернулся въ гостиницу; но, увидѣвъ друга, вышедшаго къ нему на встрѣчу, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и отступилъ съ невольнымъ ужасомъ. Но, мигъ спустя, горячо пожалъ ему руку, и, позавтракавъ вмѣстѣ, пріятели пустились по дорогѣ въ Монморъ.

Было около полудня, когда прибыли они въ Ладвѣ, гдѣ ожидало ихъ довольно-странное зрѣлище. Подъѣзжая къ деревнѣ, они увидѣли большую толпу крестьянъ и служителей замка на площади. Посреди площади, передъ крыльцомъ священническаго дома, раскиданы были по снѣгу мѣбель, домашняя посуда, книги. Протестанты, которыхъ собралось тутъ много, и впереди которыхъ виднѣлась Бетзабѣ съ дѣтьми, имѣли радостный видъ и громко распѣвали свои псалмы. Католическіе крестьяне, напротивъ, глядѣли, казалось, на это зрѣлище съ унылымъ и прискорбнымъ видомъ; нѣкоторые даже насилу скрывали слезы, выступившія по-временамъ у нихъ изъ глазъ.

— Чтò это значить? спросилъ Гаспаръ у Жоліо, котораго замѣтилъ подлѣ себя.

— Это, мессиръ, отвѣчалъ запинаясь Жоліо: — кажется, это господинъ священникъ выбирается изъ дома.

— Ну же! вскричала одна сухошавая женщина, болтавшая съ другими кумушками неподалеку отъ стрѣлковъ: — скоро ли онъ выползетъ изъ своей берлоги, старій слуга сатаны? Чтò онъ тамъ замѣшкаться?

— Перестань, негодная! отвѣчала ей одна изъ сосѣдокъ. — Или ты забыла, кто тебя кормилъ, когда мужъ твой былъ боленъ и ты умирала съ голоду? Эхъ, Маргарита! я бы на твоёмъ мѣстѣ скорѣе бросилась въ колъ дезъ, чѣмъ стала говорить такія слова.

— Полно! сказала Бетзабѣ, перебѣгавшая отъ толпы къ толпѣ, какъ генералъ при осмотрѣ войскъ: — не-ужь-то вы думаете, что мэтръ Беневанъ раздавалъ свое добро? Знаемъ мы, откуда бралъ онъ деньги, которыми такъ громко звонилъ по рукамъ бѣдняковъ, хоть самую-то большую сумму всегда оставлялъ у себя.

— Можетъ-статься, мамзель Бетзабѣ, отозвалась крестьянка, низко кланяясь супругъ пастора: — да мы, бѣдные люди, были и тѣмъ довольны, чтò онъ намъ давалъ; а какъ его не будетъ, Богъ-вѣсть къ

кому намъ прибѣгнуть, коли зима будетъ сурова, либо дѣти захвораютъ, потому-что мудроно намъ дождаться милости изъ вашихъ рукъ!

— У меня своихъ дѣтей куча, сказала Бетзабѣ.

— То-то и есть! отвѣчала крестьянка. — Зачѣмъ у священника быть дѣтямъ? У мэтра Эсташа Беневана семьейо были убогіе.

— Поди же ты, воскликнулъ одинъ изъ поселянъ, разгоряченный поученіями Эноха Барбантана:—старый-то вааловъ жрецъ не выходить. Прійдется намъ выкуривать его изъ норы, какъ лисицу!

— Можетъ-быть, онъ жлетъ, чтобъ его вывели. Зачѣмъ же господинъ баронъ не приказалъ этого?

Между-тѣмъ, какъ происходили эти и подобные имъ толки вкругъ стрѣлковъ, нѣсколько протестантовъ, нетерпѣливые другихъ, отравились въ домъ къ священнику. Тотъ сидѣлъ одинъ-одинѣхонекъ въ своихъ креслахъ, откуда не позволяла ему встать подагра. Ему вѣли выходить; онъ кротко отвѣчалъ, что племянника съ экономою нѣтъ дома, а безъ ихъ помощи онъ не можетъ ступить ни шагу.

— Гдѣ же твои домашніе?

— Я послалъ ихъ въ Сен-Жан-Солеймьё къ моему собрату; они скоро воротятся.

— Хорошо! сказалъ одинъ гугенотъ:—такъ ты ихъ дождешься на площади.

Крестьяне подняли старика съ креслами, и, подъ рукоплесканія товарищей, вынесли на середину площади, гдѣ опустили на снѣгъ, не взирая ни на сдѣны его, ни на суровое время года. Добрый старецъ дрожалъ отъ стужи, но имѣлъ видъ покорный и безмятежный, и ласково озирался кругомъ. Вдругъ, глаза его остановились, какъ прикованные, на Эмѣ Верфъ. Все лицо его одушевилось, блеснуло радостью, и онъ приподнялся, простерши руку для благословенія. Но подошедшій къ нему стрѣлокъ поднесъ палецъ къ губамъ, будто прося хранить молчаніе; и добрый священникъ, снова упавъ въ кресла, началъ лепетать вполголоса какую-то молитву, которую слышалъ одинъ Богъ, но которой смыслъ не трудно отгадать нашимъ читателямъ. Потомъ Эмѣ воротился къ своему брату, и нашелъ его стоящимъ недвижимо, все на прежнемъ мѣстѣ.

— Гаспаръ! сказалъ онъ ему: — что ты тутъ дѣлаешь? Кажется, ты блѣденъ и дрожишь. Не хочешь ли надѣть мой плащъ?

Гаспаръ, вмѣсто отвѣта, взявъ его руку, крѣпко пожалъ, пролепетавъ съ подавляемымъ гнѣвомъ: «О! братъ, братъ!» и стрѣлокъ пустился въ замокъ.

Эмѣ, вѣрно, послѣдовалъ бы за нимъ туда же; но въ эту минуту побоялся оставить дряхлаго священника на поруганіе толпы, его окружавшей. Онъ счелъ долгомъ оборонять его, и кликнувъ съ собою помощь нѣсколькихъ католиковъ, велѣлъ поскорѣе унести старика изъ села въ какую-нибудь крестьянскую хижину, пока прійдетъ бакалавръ проводить его къ отцу.

Едва удалился онъ, какъ Бетзабѣ вошла въ священничій домъ; и

щательно пересмотрѣла всѣ покои, отъ подвала до чердака. Дѣти ходили съ нею.

— Смотри-ка! сказала Пашаль, пробѣгавшая въ это время черезъ лошадь:— кукушка хочетъ поселиться въ гнѣздѣ горлицы.

Между-тѣмъ, Гаспарь явился въ замокъ. Быстро прошелъ онъ по пустымъ заламъ, и безъ околичностей вступилъ въ кабинетъ барона. Ренѵ сидѣлъ у камина, и пристально читалъ Библию.

— Ренѵ, сказалъ стрѣлокъ съ волненіемъ:— знаешь ли ты, что дѣлается? знаешь ли ты, что сію минуту стараго священника Ладвѣ выгоняютъ изъ дома? Отвѣчай. Ты, что ли, это приказалъ? Говори мнѣ, будто такъ, да я не повѣрилъ. Я даже убѣжденъ, что ты ейчасъ пошлешь кого-нибудь унять тамъ сволочь.

— Ты говоришь, какъ слѣпецъ безумный, сказалъ Ренѵ:— Иешоай не только выгналъ изъ храма жрецовъ Бела, а велѣлъ еще ихъ изрубить на порогъ.

— Прекрасный примѣръ, отвѣчалъ съ презрѣніемъ Гаспарь:— очень-достойный подражанія для насъ съ тобою! Выгнать старика, два-живаго, дать его на поруганіе низкой и гнусной черни — чело-вѣкъ, который благословлялъ тебя въ пеленкахъ, послѣдняго друга твоей матери! Нѣчего сказать, поступокъ достойный барона Монюра.

— Гаспарь! сказалъ Ренѵ:— или тебѣ хочется извѣдать, далеко ли простарается мое терпѣніе? Не смотря на мое расположеніе къ тебѣ, не смотря на братолюбіе, которое есть первый долгъ христіанина, съдѣлаю я чело-вѣкъ, и если подобныя сцены стануть часто повто-ряться...

— Довольно! прервалъ Гаспарь:— довольно! Дай мнѣ руку, Ренѵ, и перестанемъ говорить такимъ тономъ. Окажи мнѣ одну милость; готовъ просить у тебя ее на коленяхъ, если надо. Это первая милость, такую ты мнѣ сдѣлаешь, и послѣдняя, можетъ-быть, какой я прошу тебя.

— Говори, отвѣчалъ баронъ.

— Отгнѣни приказъ, который ты далъ; вели воротить мэтра Эста-на домой, дай ему спокойно умереть въ стѣнахъ, на которыя ему жь такъ недолго остается глядѣть.

— Невозможно! возразилъ Ренѵ:— Богъ это воспрещаетъ.

— Помилуй! что жь сдѣлалъ тебѣ этотъ бѣднякъ? Онъ молился за тебя ежедневно. Посуди, Ренѵ, ты поражаешь не его одного, а еще всѣхъ убогихъ католиковъ твоего помѣстья, которыхъ онъ питалъ своею милостынею и назидалъ словомъ; поражаешь этимъ свое собственное семейство, Бланку, нашу старушку мать.

— Рука, которая поражаетъ, не всегда вооружена бываетъ гнѣ-вомъ, отвѣчалъ баронъ:— я сдѣлалъ это для ихъ же блага, для ихъ же спасенія.

— Для ихъ блага! воскликнулъ Гаспарь:— скажи пожалуйста, кто бъ это могъ подумать. Полно же! прибавилъ онъ, сляясь обуз-дать свою горячность:— умоляю тебя, Ренѵ, если ничто другое тебя

не трогаешь, сдѣлай хоть для меня. Позволь мнѣ взять старика за руку и привести назадъ домой.

— Нѣтъ! сказалъ Ренѣ:—не могу!

Кровь заклокотала въ жилахъ Гаспара. Однакожь онъ успѣлъ воздержаться, вспоминая обѣщаніе, данное матери. Онъ только холодно поклонился брату и вышелъ съ растерзаннымъ сердцемъ.

VIII.

Герой нашъ разстался съ мэтромъ Беневаномъ не прежде, какъ сдать его съ рукъ на руки Моникъ и Пласиду, и успокоивъ пылкость послѣдняго, который, услышавъ объ оскорбленіяхъ, навесенныхъ дядь, собирався пойдти отколотить палкою поочередно всѣхъ протестантовъ села. Потомъ уже пошелъ Эмѣ Веръ медленно въ замокъ, котораго ветхія башни, позлащенные декабрскимъ солнцемъ, разсматривалъ съ такимъ же, казалось, любопытствомъ, какъ-будто видѣлъ ихъ въ первый разъ отъ роду. Наконецъ поднялся онъ на крутой скатъ, гдѣ стоялъ замокъ, и отправился въ покои г-жи Монморъ Баронессу, въ это время, удерживалъ въ своей комнатѣ довольно-сильный припадокъ болѣзни, неминуемое слѣдствіе разстройствъ, навлеченнаго происшествіями того дня. Она не могла принять стрѣлка сама, а попросила Бланку, находившуюся неотлучно при ней, заступить ея мѣсто передъ дворяниномъ и побыть съ нимъ до-тѣхъ-поръ, пока уведомятъ о его приходѣ сыновей. Легко понять, каково было волненіе дѣвицы Сассенажъ, и какой яркій румянецъ покрылъ ея щеки, когда она очутилась лицомъ-къ-лицу съ Эмѣ Веромъ. Эмѣ также съ своей стороны не могъ удержаться отъ тайнаго смущенія, увидѣвъ благородную дѣвушку, которой преданность зналъ, а любовь безъ большаго труда могъ угадывать. Первые слова ихъ интуитивно отзывались этимъ обоюднымъ замѣчателъствомъ. Но мало-по-малу они успокоились. Между-тѣмъ, какъ Эмѣ скромно рассказывалъ той, которую называлъ своимъ ангеломъ-хранителемъ, позвѣденія предшествующей ночи, они пришли въ длинную галлерей, гдѣ развѣшаны были портреты многочисленныхъ предковъ фамиліи Монморъ. Движимые инстинктомъ, который направляетъ шаги любящихся, они, сами не замѣчая, искали уединенія и тишины въ этой малопосѣщаемой залѣ, куда шумъ извнѣ едва достигалъ. При вѣдѣ угрюмыхъ сводовъ, освѣщенныхъ тусклымъ дневнымъ сіяніемъ въ готическія окна, молодой стрѣлокъ остановился, объятый религиознымъ чувствомъ. Нежданное зрѣлище производило на него тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что онъ за часъ предъ тѣмъ узналъ въ тюрьмѣ Гюга Вера тайну своего рожденія, какъ въ некоторыхъ обстоятельствахъ нашего рассказа уже дали замѣтить внимательному читателю. И такъ, онъ стоялъ окруженный предками, вперявшими, казалось, благосклонные взоры на него изъ своихъ темныхъ рамы. Чувства, пробудившіяся въ немъ, придали лицу его выраженіе гордости.

мъшанной съ умплениемъ, которое не укрылось отъ пронизательнаго взора дѣвицы Сассенажъ.

— Вы, кажется, очень растроганы, сказала она ему. — Развѣ вы никогда не бывали въ этой залѣ?

— Никогда, отвѣчалъ стрѣлокъ, пробѣгая глазами огромную галерею. — Извините, что я такъ расчувствовался при васъ. Я не могъ держать своего волненія. Не правда ли, все это были благородные рыцари, прямодушные и храбрые, достойные того имени, которое носили?

— Вамъ этому, кажется, нѣчего удивляться, мессиръ, робко отвѣчала Бланка:—я увѣрена, что вы сравняетесь съ ними когда-нибудь.

— По-крайней-мѣрѣ постараюсь, отвѣчалъ стрѣлокъ, отблагодаривъ взглядомъ дѣвушку, застычиво опустившую свои длинныя рѣшцы.

Однако, между портретами долженъ былъ находиться одинъ, котораго видъ сильнѣе всѣхъ прочихъ могъ тронуть сердце нашего героя: портретъ его отца. Онъ попросилъ дѣвицу Сассенажъ сълзать одолженіе пройти съ нимъ до конца галлерей, и, мимоходомъ, называть ему каждый портретъ.

Бланка, опернившись на руку стрѣлка, тотчасъ пошла съ нимъ вдоль стѣнъ залы, останавливаясь передъ всякимъ портретомъ и рассказывая легенды, сохранившіяся въ преданіи о нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ владѣльцевъ Монмора. Эмэ съ грустнымъ участіемъ слушалъ эти исторіи, которымъ голосъ рассказчицы сообщалъ, конечно, еще большую прелесть. Такъ дошли они до края галлерей. Но, къ великому сожалѣнію, Эмэ все не видалъ портрета своего отца. Мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ висѣть, оставалось пустымъ.

— Куда жъ дѣвался портретъ, котораго здѣсь не достаетъ? спросилъ онъ у Бланки съ волненіемъ, удивившимъ дѣвушку.

— Не знаю, отвѣчала она. — Могу только вамъ сказать, что его нѣтъ ни въ одной изъ комнатъ замка; но тутъ рядомъ есть темная комната, куда я никогда не осмѣливалась входить, и куда братецъ вельжъ недавно перенести множество итальянскихъ картинъ, показавшихся ему слишкомъ-вольными, либо запечатанными идолопоклонствомъ. Не тамъ ли, можетъ-быть, и портретъ, про который вы говорите.

Провожаемый Бланкою. Эмэ Веръ скоро очутился въ кладовой, куда Жанъ Монморъ дѣйствительно спряталъ портретъ брата, котораго одинъ видъ уже былъ для него пыткой; молодые люди не даругъ его отыскивали. Однакожь, когда Эмэ Веръ началъ дрожащей рукою поднимать старыя картины, наваленныя одна на другія, дѣвица Сассенажъ кое-какъ вытащила изъ темнаго угла комнаты картину, которую приставила къ стѣнѣ, чтобъ слабый свѣтъ, падавшій сверху въ слуховое окно, осветилъ ее поярче. На ней изображенъ былъ дворянинъ въ полномъ вооруженіи: кольчугу и нарукавники можно было ясно разглядѣть, но остальное закрывалось паутинами и пылью. Бланка оберла полотно платкомъ; но едва взглянула

на лицо воина, какъ вскрикнула отъ изумленія. Она подумала, что видитъ Эмё Вера. Тѣ же черты, та же осанка, тотъ же станъ; только лицо портрета имѣло въ себѣ что-то строгое и мрачное, чего не было въ физиономіи стрѣлка. Больше пристальное разсматриваніе не разрушило этого перваго впечатлѣнія, но дало двушкѣ прочесть подъ портретомъ полустертую надпись:

«Понсъ IV, баронъ Монморъ.»

Не опомнилась еще Бланка отъ удивленія, какъ подошелъ Эмё Веръ. При видѣ портрета, сердце его сильно забилося; долго глядѣлъ онъ на него молча, съ волненіемъ, котораго не могъ укротить. Эти суровыя черты пробудили въ немъ смутное воспоминаніе; онъ неявно припоминалъ, что видалъ на нихъ улыбку. Такъ точно, это былъ отецъ его, человекъ, качавшій его на колыняхъ, мосившій на рукахъ, покрытыхъ сталью, согрѣвавшій въ складкахъ своего плаща. Если бъ и другіе не замѣтили поразительнаго сходства между нимъ и портретомъ, Эмё узналъ бы его. Грудь всколыхалась у него, когда посмотрѣлъ онъ на изображеніе, слезы покатылись по щекамъ, и онъ невольно воскликнулъ, простерши руки: «Батюшка!» Не обращая вниманія на присутствіе посторонняго лица, и протѣвъ воли увлекшись порывомъ чувствъ своихъ, онъ продолжалъ говорить съ портретомъ, будто съ живымъ. Отвѣчай же мнѣ! сказалъ онъ:—узналъ ли ты меня? Зачѣмъ не улыбнешься ты! Почему такъ сурово чело твое? Ахъ! понимаю, прибавилъ онъ глухимъ голосомъ, схватясь за шпагу, и важно-кроткія черты его постепенно принимали мрачный оттѣнокъ, поразившій Бланку въ физиономіи Понса IV:—да, понимаю, батюшка, ты не отищенъ еще. Но утѣшься! Клянусь моею шпагою, клянусь внешнею мнѣ предками, я покараю изменниковъ, которые погубили тебя. Говори! кто были они? Назови ихъ всѣхъ, не пощажу ни одного. Скажи, куда они поразили тебя; я найду то же самое мѣсто на ихъ тѣлахъ, хотя бы они покрыты были тройной броней, подобно преступному Сассенажу! О! назови мнѣ ихъ, батюшка. Сколько ихъ было? Кто нанёсъ первый ударъ? кто второй? кто третій? Гдѣ бъ ни скрывались они, я отыщу ихъ, хотя бъ пришлось за ними гнаться на край свѣта.

Монологъ Эмё Монмора прерванъ былъ слабымъ крикомъ, раздавшимся позади его. Онъ вздрогнулъ и оглянулся: передъ нимъ стояла Бланка Сассенажъ, о которой онъ рѣшительно забылъ, блѣдная, неподвижная, оцѣпенѣлая отъ ужаса. Находясь еще подъ вліяніемъ мрачныхъ мыслей, онъ быстро подошелъ къ двушкѣ, и, крикомъ ухвативъ ее за руку, сказалъ грознымъ голосомъ:

— Вы зачѣмъ здѣсь? кто вы? Не племянница ли вы графа Сассенажа, злодѣя, который обагрилъ руки въ крови отца моего? Гдѣ вы теперь? Отвѣчайте: гдѣ онъ?

— О! пощадите, мессиръ, пощадите! вскричала Бланка, падая на колѣни.

Увидѣвъ испугъ дѣвушки, Эмэ вдругъ опомнился, и, выпустивъ су, которую еще держалъ, сказалъ ласково:

— Встаньте, Бланка; мнѣ бы должно быть передъ вами на колѣнѣхъ и молить о прошеніи. Не бойтесь меня. Еслибъ гнѣвъ мой стрелся бурнымъ потокомъ, прорвавшимъ плотины, все-таки онъ ихъ бы передъ вами. Нѣтъ! не бойтесь. Никогда ненависть ослабитъ меня; я всегда буду уметь отличить невиннаго отъ преступника. Роковая тайна, которую вы сейчасъ узнали, вчера еще была неизвѣстна мнѣ самому; но она не измѣнила нисколько моихъ чувствъ къ вамъ, ни расположенія моего къ тѣмъ, кого я любилъ. пришелъ теперь не возмущать спокойствіе владѣтелей здѣшняго мѣста, не отыскивать правъ моего рожденія; нынче же вечеръ удалюсь я отсюда такъ же, какъ пришелъ, бѣднымъ и незнатнымъ, владея только шпагою да безвѣстнымъ именемъ, которое получилъ отъ своего пріемнаго отца. Не будетъ призвано людское правосудіе для отмщенія моей обиды; не опозорю съдыхъ волосъ моеи мачехиной тетки, не ограблю моихъ двоюродныхъ братьевъ. Одно мнѣ заставляетъ меня жалѣть о наслѣдствѣ предковъ—то именно, что богатство дало бы мнѣ возможность надѣяться когда-нибудь мучить вашу руку. Но, отказываясь отъ этого счастья, чувствую, я являюсь черезъ то его достойнымъ.

— Вы благородный человѣкъ, мессиръ! отвѣчала Бланка, глубоко взвѣсивъ словами стрѣла:— желаю вамъ больше счастья, нежели выко могутъ наслаждаться имъ ваши враги, и, прибавила она такъ же, что Эмэ едва слышалъ:—нежели сколько самой мнѣ возможно.

Послѣ этого краткаго разговора, любящіеся медленными шагами шли изъ галлерей. Оба они были такъ встревожены, что не могли говорить другъ-съ-другомъ, и дошли до самой комнаты г-жи Моръ, не прерывая молчанія. Тутъ Эмэ Веръ съ трепетомъ взялъ Бланку, напечатлѣвъ на ней поцалуй и быстро удался. Скоро распрощался онъ съ барономъ и съ своимъ ратнымъ товарищемъ, и, вопреки настояніемъ послѣдняго, хотѣвшаго его удержать, тихомъ вышелъ изъ замка предковъ и пустился по дорогѣ романъ. Во что бы ни стало онъ рѣшился отыскать графа Сассеана и его сообщниковъ, кто бы они ни были. Хотѣлось ему также познакомиться съ старымъ кавалеромъ, заступавшимъ ему мѣсто отца, и поговорить за тѣмъ, чтобъ разспросить его еще подробнѣе, частію, чтобъ извѣдать (и это было труднѣе) отказаться отъ намѣренія преслѣдовать убійцъ судьомъ, частію, наконецъ, чтобъ утѣшить старика въ недѣлю.

Послѣдуемъ за нашимъ героемъ въ путешествіи. Пожелавъ всякаго успѣха, мы останемся еще на нѣсколько времени въ деревнѣ. Древнее жилище, повеселѣвшее— было послѣ примиренія братьевъ, вскорѣ опять стало еще печальнѣе и угрюмнѣе обыкновеннаго. Пусты были его дворы; рѣдко опускался для посѣтителей каменный мостъ, и самъ неустранимый босежурскій помѣщикъ пе-

ресталь являться, какъ ни хотѣлось ему узнать что-нибудь объ Верѣ, который, по несчастію, исчезъ вмѣстѣ съ отцомъ именно то время, какъ Сиголена дошивала вѣнчалное платье. Кроме папа и Бетзабѣ, всѣ прочіе обитатели замка словно избѣгали говоръ другъ съ другомъ, одни боясь барона, другіе страшась вспыльчиваго характера Гаспара. Г-жа Монморъ не выходила изъ своей комнаты, ибо не оправилась еще отъ потрясенія, причиненнаго ей удаленіемъ стариннаго ея друга, мэтра Эсташа Беневана, удаленіемъ, котораго не могли отклонить ни слезы ея, ни просьбы. Лишась подобнаго религіи, она утѣшалась только тѣмъ, что тихомолкомъ читала литвы. Бланка сидѣла обыкновенно съ ценою, и еще старалась прежнему развлекать ее либо пѣніемъ ея любимыхъ пѣсней, ли чтеніемъ какой-нибудь благочестивой книги, между-тѣмъ, какъ Пашаль стояла въ сторонѣ, чтобъ увѣдомлять ихъ о приходѣ документовъ. Между этими докучными, надо признаться, едва-ли не самыя опасныя были Ренѣ Монморъ; съ нимъ старушкѣ надлежало бы всего осторожнѣе. Въ такомъ жили она принужденіемъ передъ сыномъ котораго любила, несмотря на его заблужденія, на его тиранизмъ, что вздохнула свободнѣе, когда услышала разъ вечеромъ, что онъ отправляется ненадолго въ путь. Дѣйствительно, Ренѣ долженъ былъ навѣстить на другой день бароновъ провинціи, чтобъ поощрить ихъ усердіе, и объявить имъ вѣсть о согласіи, еще тайномъ, но вѣдомомъ, Франсуа Бомона, барона Дезадрэ, на сдѣланныя ему предложенія. Сильнѣйшій источникъ безпокойствъ старой баронессы и казалъ на время: братья разлучались, ибо Гаспару оставалось только три дня прожить подъ родной кровлею.

Живѣе всѣхъ радовалась отъѣзду барона горничная. Съ нею подвержена она была самымъ тяжкимъ лишеніямъ, какія возможны для женщины, ибо не знала ничего, что дѣлалось въ селѣ и въ кухнѣ замка. Это, по ея собственнымъ словамъ, было равно, что быть похороненной заживо. Въ день отъѣзда, успѣвъ Ренѣ поставить ногу въ стремя, она опрометью кинулась на лестницы поболтать въ людской. Тамъ увидѣла она мушкетера въ черномъ платьѣ, съ рожкомъ на перевязи и охотничьимъ жомъ у пояса, словомъ, со всѣми принадлежностями монкорова ловчаго.

— Ба! сказала она: — такъ вы воротились, мэтръ Ландрі? Гдѣ это вы гуляли до-сихъ-поръ, что не видать было вашихъ черныхъ глазокъ?

Ловчій обернулся, и Пашаль, увидѣвъ его прямыя глаза, лохотную и стройную осанку, покатила со смѣху. Она узнала Жоліо удивленіемъ спросила она у него, какими судьбами промывал свои лапти на богатую ливрею мэтра Ландрі.

— Какими судьбами? сказалъ Жоліо. — Развѣ ты не знаешь, несчастіе случилось? Ты, кажется, бывало, все знаешь прежде чѣмъ случится каго?

— Несчастіе? повторила Пашаль.

— Да, отвѣчалъ Жоліо, принявъ печальный видъ:—мэтра Ландрі къ нѣтъ на семь свѣтъ. Онъ умеръ и погребенъ: пошелъ на небо наградою, которая ему слѣдовала.

— Чтобъ чортъ побралъ его душу! сказала Пашаль.—Еслибъ все учались такія несчастія въ нашихъ краяхъ, двушкамъ въ Ладвѣ чего было бы бояться, что нельзя плясать. Поди ты! Такъ мэтръ Андрі умеръ? Какъ же это сдѣлалось? Сатана что ли его стащилъ ноги? Или онъ самъ поглядѣлся въ зеркало, любовь ручей, и умеръ испугу? Или свои собаки его забили, принявъ за хищнаго звѣря?

— Увы! сказалъ Жоліо:—онъ скончался смертію храбрыхъ, мужественно защищая замокъ Босежуръ отъ разбойниковъ, которые на него напали. Его нашли насквозь-проткнутого шпагою въ рытви-Сев-Паль...

— Полно; поговоримъ о другомъ. Ну, мэтръ Жоліо... вѣдь тебя прозвать мэтромъ,—ужь такъ требуетъ твоя должность; расскажи-ка въ что-нибудь новенькее, не скромничай. Или ты онѣмѣлъ, какъ ругие? Этакъ скоро прійдется разговаривать съ птицами, коли не умѣешь разучиться говорить.

— Жизнь есть юдоль плача, отвѣчалъ Жоліо, потупивъ глаза, ибо вѣдь за нужное, вмѣстѣ съ ливреею и охотничьимъ рожкомъ мэтра Андрі, приняты и набожныя замашки, заслужившія покойнику уваженіе господина. Такое поведение покажется, конечно, удивительнымъ въ человѣкѣ, котораго природа одарила, по-видимому, нѣкорышью прямолюшіемъ и другими порядочными качествами. Но вспоминая, что одно изъ первыхъ послѣдствій фанатизма — водвореніе дитворства тамъ, гдѣ онъ самъ царствуетъ: это два бича, противоположные, различные между собою, ибо одинъ происходитъ часто отъ избытка добродѣтели, тогда какъ другой коренится въ самыхъ низшихъ слояхъ человѣческаго сердца, но они оба идутъ почти всегда рука-объ-руку. Одинъ, болѣе-могучій, болѣе-величавый, не вѣтъ расти подлѣ себя другому, какъ дубъ даетъ расти у своего подножія и сообщаетъ покровъ своихъ вѣтвей ядовитому грибу, названному на поверхность его же тѣню.

Какъ бы то ни было, а Пашаль, не давъ себя провести суровымъ тономъ Жоліо, посмѣялась надъ нимъ, сѣла на скамейку, посадила его подлѣ себя, и принялась потомъ горевать объ участи бѣдныхъ вѣдѣй, которые роились на свѣтъ съ веселымъ характеромъ, а заданы злою судьбою въ этотъ гадкій замокъ. Одна старуха скотница, случившаяся тутъ, присоединила свои сѣтованія къ жалобѣмъ горничной, и продолжая крутить веретено, рассказала молодымъ людямъ, какъ жила въ Монморъ во время ея юности. Имени нестрелей, звукъ волюнокъ, хороводы, пляски то-и-дѣло порялись въ ея разсказѣ, такъ-что Пашаль нѣхотя подпрыгивала на скамейкѣ. На послѣдокъ, не могши выдержать, горничная вскочила и пустилась отплясывать кругомъ по комнатѣ, жалѣя, что ужь вѣтъ Женѣ ей въ кавалеры. Тутъ самого Жоліо взяла такая охота

плясать, что онъ сталъ противъ Пашали, и, кинувъ осторожный взглядъ на дверь, разгладилъ морщины на лбу, оскалилъ свои белые зубы и голосомъ и жестаи позвалъ бойкую горничную. Старуха, развеселившись сама этой картиною, кинула веретено, и запѣла дрожащимъ голосомъ старинное монморское буррѣ, ударяя ногою тактъ и прицолкивая надъ головой пальцами, что производилъ стукъ довольно похожій на стукъ кастаньетокъ. Молодые люди, забывъ принужденіе, въ какомъ долго жили, протанцовали такимъ образомъ, не переводя духа, весь буррѣ ихъ округа, и замучили бы скотницу, не чувствуя сами ни малѣйшей усталости. Но вдругъ имъ въ уши раздался пронзительный голосъ, и оклеивъ залъ на нихъ такое жъ дѣйствіе, какъ волшебныя слова чародея Мерлина, когда онъ явился, безъ доклада, въ балльную залу короля Этерика. Пѣсня старухи, ноги танцоровъ остановились разомъ, и самъ Жолію, окаменѣлый отъ страха, стоялъ разиня ротъ и поднимая ногу, совершенно въ томъ положеніи, какъ рисуютъ фавновъ, балующихъ съ дриадами. Преемникъ мэтра Ландри узнавъ голосъ Эпоха Барбантана, и скоро увидѣлъ его самого, идущаго съ гнѣвнымъ взоромъ, съ угрозой на устахъ, къ печестивцамъ, которые осмѣлялись такимъ образомъ превращать въ мірское мѣсто нечистыхъ забавъ домъ, посвященный самосозерцанію и молитвѣ. Пашаль, опомнясь отъ перваго изумленія, съ удовольствіемъ отвѣтилъ бы на укоризны пастора; но имѣла отъ своей барыни строгій приказъ отнюдь не возражать ни слова на рѣчи доктора. Она кусила себѣ языкъ до крови, чтобъ преодолѣть искушеніе, и позволила уйти неприятелю, бодро выдержавъ тройной залпъ проклятій.

— Когда жъ этотъ старый козелъ переберется въ село? сказала она по уходѣ пастора.

— Молчи, дѣва соблазна! отвѣчалъ мэтръ Жолію, снова принявшій постное лицо, и раскаявавшійся, что увлекся худымъ примеромъ, отъ-чего, говорилъ онъ, можно ему лишиться должности прежде, чѣмъ успѣетъ сводить хоть разъ на охоту собакъ. — Молчи! развѣ не надо передѣлывать священничій домъ, чтобъ онъ могъ прилично принять въ себя новыхъ хозяевъ?

— А развѣ домъ священника не годился бы имъ такъ, какъ была? возразила, пожавъ плечами, Пашаль.

Сказавъ это, горничная подошла къ окну, откуда виднѣлись надъ горою дымящіяся крыши села Ладвѣ, священничій домъ, надъ которымъ хлопотало множество работниковъ, и церковь съ запертыми дверьми. Не смотря на недавнее увѣщаніе пастора, не смотря на присутствіе ловчаго, она не воздержалась, чтобъ не пожалѣть въ пользу объ участіи мэтра Эсташа и Моньки, объ отмѣнѣ обѣденъ и другихъ обрядовъ римскаго богослуженія, которыми дорожила скопленіемъ набожности, столько и по привычкѣ.

— Ну, сказала она въ заключеніе:—веселый теперь у насъ праздникъ. Только и слышишь, что стукъ лопатъ да молотковъ. Прощай, скажи

второй будилъ насъ по утрамъ и усыплялъ вечеромъ! Прощай колокола! Они ушли за священникомъ, и не станутъ теперь сказывать намъ, что увидать сверху колоколни на два льё вокругъ. По-крайней-мѣрѣ, бывало, какъ услышишь, что трезвонитъ Берта, барышня-крестница, можешь смѣло и навѣрное сказать: Клодина либо Магема родила; у насъ новый ребенокъ. А когда толстый колоколъ загулъ, говоришь: чья-то душа отлетаетъ, и крестишься. А нынче, знаешь, кто живъ, кто умеръ, кто женится. Эхъ! что надѣлали эти гадкіе еретики!

Послѣ такого прекраснаго изрѣченія, горничная воротилась къ ней старой госпожѣ, которую застала перетревоженную и почти изъ чувствъ въ креслахъ. Отъ баронессы только-что вышелъ въ Барбантанъ, который, послѣ победы, одержанной надъ прусскими священникомъ, удвоилъ свою ревность и уже нисколько не щадилъ уступающихъ папистовъ. Подобно пастушьей собацѣ, которая, загоняя непослушныхъ овецъ, сперва только страшаетъ ихъ рѣвѣ, либо какими-нибудь уловками, которыя внушаетъ ей инстинктъ, но скоро, видя бесплодность своихъ усилій, безжалостно бросаетъ упрямѣйшихъ,—онъ отложилъ всякую осторожность и началъ исполнять обѣщаніе, которое далъ барону употребить огонь и мечь на исцѣленіе смертельныхъ ранъ. Онъ настоятельно потребовалъ отъ баронессы отдать ему молитвенники, чотки, и пр. На просьбу г-жи Монморъ оставить ее въ покоѣ, онъ отвѣчалъ упреками и угрозами, наконецъ назначилъ ей короткій срокъ—нѣсколько часовъ, чтобъ думать, на что рѣшиться. Слѣдствія такой-то сцены застала Памела въ баронессѣ. Она поспѣшно дала ей нюхать спиртъ и скоро привела въ память. Между-тѣмъ, подоспѣла дѣвица Сассенажъ; разсвѣтъ, благодаря ея усиліямъ, скоро принялъ полушутливый оборотъ, и день прошелъ не такъ скучно, какъ начался.

IX.

Вечеромъ, когда пасторъ явился къ баронессѣ, старушка совершенно позабыла, что должна была скоро съ нимъ увидѣться. Холодно поклонившись, съелъ онъ насупротивъ ея и увѣщательнымъ тономъ повторилъ свое утреннее требованіе. Но г-жа Монморъ прервала его на первомъ словѣ, сказавъ, что чувствуетъ себя нездоровою и не можетъ остаться одна. Она полагала, что этого краткаго отзыва достаточно, чтобъ принудить замолчать пастора, и что его усердіе, какъ презрѣнно, обуздается по-крайней-мѣрѣ такимъ предлогомъ. Но она ошиблась. Ученый докторъ Барбантанъ, перечитавшій въ то же время со вниманіемъ трактатъ Ульриха Беркампа «О бѣноватыхъ духахъ», увидѣлъ въ отвѣтъ баронессы лишь одну изъ тысячи увертокъ, посредствомъ которыхъ злой духъ старался отразить его нападенія. Откуда не признавая болѣзненнаго состоянія, на какое ссылалась бѣдная женщина, онъ объявилъ, что самая эта болѣзнь есть дѣло

демона, и что для разрушенія бѣсовской власти надо истребить ангелы, которые наполняли домъ и изъ которыхъ каждый былъ какъ бы передовымъ укрѣпленіемъ, которое надлежало взять, чтобъ овладѣть городомъ. На эти основательныя замѣчанія, произнесенныя с пемарушимой важностью, г-жа Монморъ отозвалась, что отвѣчаетъ свое поведеніе одному только судѣ, Богу. Она прибавила еще много другихъ доводовъ, которые могли бы подѣйствовать на умъ столь упорный и не столь озабоченный своимъ мнимымъ долгомъ; эти доводы больше и больше разгорячали и утверждали въ принятых намѣреніи достойнаго пастора, котораго голосъ становился проницательнѣе, тѣлодвиженія и взгляды одушевленнѣе съ каждымъ словомъ, произносимымъ баронессою.

— Сударыня, сказалъ онъ ей наконецъ, поднимаясь съ мѣста еще разъ повторю, угодно ли вамъ отдать мнѣ то, что я требую: ваши молитвенники, и чотки, которые, какъ я вижу, стали судены железными цѣпями, опутавшими вашу душу?

— Нѣтъ! отвѣчала баронесса твердымъ голосомъ, потерявъ терпѣніе. — Меня удивляетъ, докторъ, ваша дерзость. Вы сами безстыдно вопиете на гоненіе, а видно не знаете, что самое жестокое и самое несносное изъ гоненій то, которое свирѣпствуетъ противъ старости, мучить не тѣло, а душу, разрываетъ узы родства и дружбы, поднимаетъ ежеминутно на дню тысячи мелкихъ неудовольствій, отъ которыхъ жизнь обращается въ продолжительную пытку. Такого рода гоненія воздвигли вы на меня, и я терпѣла его, пока могла; сегодня принуждена вамъ сказать, что вы дошли до границъ, дальше которыхъ я не позволю вамъ сдѣлать ни шагу.

— Несчастная женщина! сказалъ Энохъ, съ сожалѣніемъ глядя на г-жу Монморъ: — всѣ бѣсы говорятъ ея устами; а громче всѣхъ бѣсовъ гордости, который глухъ, слѣпъ, лишень сердца, и движеть только для тщеславія! Она идетъ впередъ, не понимая, что стремится къ своей гибели, и что влечетъ въ ту же пропасть родныхъ, друзей и слугъ. Да, женщина, ты накликала на свой домъ проклятіе Всевышняго, ибо писано, что кровая, подъ которой лежитъ невеста, должна рушиться.

— Это слишкомъ, сударь! сказала баронесса, въ свою очередь поднявшись съ мѣста: — вы забыли, кто вы и съ кѣмъ говорите.

— Нѣтъ, я не забылъ, возразилъ Энохъ, въ глазахъ котораго горелъ дикій энтузіазмъ: — я недостойный служитель Господа, бывшее изъ орудій, какія когда-либо употребляла Его всемогущая рука; я меньше чѣмъ былинка, про которую говоритъ евангелистъ, которую вѣтеръ колеблетъ въ пустынь. Но Богъ изъ былинки можетъ сдѣлать опору крѣпчайшую суковатаго дуба и горнаго камня. Не боюсь я вѣшнаго гнѣва, какъ не боялся вашихъ слезъ. Вы сильная и упорная грѣшница; вы подобны разслабленной жемчужной раковинѣ, которая не можетъ ступить шага къ умывальницѣ; но я донесу въ ваши руки, не смотря на ваши вопли и жалобы. Въ послѣдній разъ, вору, сударыня, отдадите ли вы мнѣ вещи, которыя я требую?

— Никогда, сударь, отвѣчала баронесса:—никогда!

— Коли такъ, сказалъ пасторъ:—я найду ихъ самъ, перерою домъ ерху донизу, чтобъ ихъ отыскать, и исторгну ихъ изъ мѣста, гдѣ и скрываются; какъ исторгну изъ вашей души суевѣріе и заужденіе!

Съ этими словами, мѣтръ Барбантанъ, повинувшись только бурнымъ рывамъ фанатизма, его одушевлявшимъ, отворилъ большой шкапъ, г-жа Монморъ прятала драгоценнѣйшія свои вещи, и, выкидывая на середину комнаты все, что мѣшало его поискамъ, принялся въ заврѣнія совѣсти рыться въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ.

—Послушайте! сказала баронесса, измѣняясь въ лицѣ отъ удивленія и гнѣва, ибо никогда не могла подумать, чтобъ какой-нибудь мужчине позволилъ себѣ въ ея присутствіи такую дерзость и насиліе:— послушайте! вы въ комнатѣ женщины, вдовы и матери барона, проводящей отъ графовъ Форѣ и древнихъ королей Іерусалима; вы наносите ей обиду, которой не потерпѣла бы жена послѣдняго мужика! Не слушая возраженій, Энохъ продолжалъ свой обыскъ, и радостно восклицалъ при каждой новой находкѣ.

—Пойдите вонъ, сударь! сказала баронесса, подходя къ нему, чтобъ взять вещи, которыми онъ завладевалъ: — пойдите сію минуту вонъ, я вамъ приказываю!

— Да, я выйду, отвѣчалъ Энохъ, оттолкнувъ ее:—только не преле, какъ когда вещи, которыхъ я требую, будутъ у меня въ рукахъ, тогда передамъ ихъ огню.

— Это ужасно! вскричала баронесса:— это безчестно, сударь! кликни людей... Папаль!.. Жоліо!..

Говоря это, г-жа Монморъ пошла къ двери; но вдругъ отскочила на несколько шаговъ назадъ, и испустила вопль ужаса, потрясшій стѣны комнаты и далеко разнесшійся подъ обширными сводами замка. Порогъ показался въ охочничьемъ платьѣ Гаспаръ. Сначала онъ думалъ, что сдѣлалось, и, не видя въ комнатѣ никого, кромѣ блѣднѣйшей и веревуганной матери, спросилъ, что съ нею.

— Ничего, ничего, мой милый! отвѣчала г-жа Монморъ, дрожа отъ страха.— Уйдемъ отсюда! здѣсь душно; жаръ несносный, ужасно воплено!

— Вы меня обманываете, матушка, сказалъ Гаспаръ, открывъ окно:—снѣгъ валитъ хлопьями, вьюга, и ужъ совсѣмъ смерклось. Куда вы пойдете? Однако, прибавилъ онъ, вода глазами вокругъ себя, замѣчая еще пастора:—что значитъ этотъ беспорядокъ, полувынутые ящики, разбросанныя вещи? Отъ-чего вы такъ блѣдны? Отъ-чего дрожите? Матушка, вы меня обманываете! Здѣсь было что-нибудь, чего я не могу отгадать... Отвѣчайте мнѣ. Не обидѣлъ ли васъ кто-нибудь?

Г-жа Монморъ, вмѣсто отвѣта, старалась увлечь сына изъ комнаты, но было уже поздно. Барбантанъ, вышедъ изъ темнаго угла, гдѣ онъ невидимъ, шелъ на середину покоя, нагрузивъ руки драгоценнѣйшими находками—книгами, предметами благоговѣнія папистовъ.

Онъ подошелъ къ каминну, и, возвысивъ голосъ, произнесъ слова и клятїя, повелѣвая пламени пожрать добычу. Не успѣвъ онъ догнать, какъ Гаспаръ понялъ все—и безнорядокъ въ домѣ, и негодование на лицѣ матери. Мы видѣли прежде, что онъ уже питалъ жестоку досаду на Эноха, значительно взросшую отъ послѣднихъ происшествій въ Монморъ; печальное зрѣлище, которое теперь представило глазамъ его, и которое, надо признаться, возмутило бы жолчь въ самомъ холодномъ, самомъ безстрастномъ человѣкѣ, вывело его рѣшительно изъ-себя. Не подумавъ, что дѣлаетъ, онъ кинулся на пистолетъ съ слѣпой яростью вола, завидѣвшаго красный флагъ пикалера. Онъ схватилъ его за платье, приподнялъ иверху и перевернулъ нѣсколько разъ кругомъ, самъ еще не зная, чѣмъ кончить эту странную сцену. Энохъ Барбантанъ, думая сперва, что его схватилъ дьяволъ выскочившій откуда-нибудь, продолжалъ свои заклинанїя. Но скоро узнавъ стрѣлку, онъ перемѣнилъ тонъ, и, отнюдь не пугаясь грозишей ему опасности, сказалъ рѣзкимъ голосомъ:

«Они наложили руку на посланника Господня; раздрали его одежду, били его лозами, но онъ пѣлъ среди мученїй, — и безумцы и мать безумца смутились».

Говоря это, онъ замѣтилъ, что стрѣлокъ, котораго вѣрно сместили подобныя фразы, близился къ окну; онъ тотчасъ подвинулъ глазъ къ небу съ выраженїемъ радости и энтузіазма, и запѣлъ стихъ о дѣлствїяхъ благодати. Мигъ спустя, онъ уже висѣлъ на воздухѣ, и готовился расшибить себѣ черепъ о помость двора, елибѣ старая баронесса въ испугѣ не бросилась къ ногамъ сына, умоляя его о пощаду.

Гаспаръ повиновался матери, и, выпустивъ пастора, велѣлъ ей тотчасъ же идти вонъ. Юноша былъ блѣднѣе, треметивѣе и встревоженнѣе самого почтеннаго доктора, котораго чело сіяло яркимъ блженствомъ, какъ—будто уже покрыто было мученическимъ вѣнцомъ.

— Вонъ! сказалъ онъ ему дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.— Этотъ презрѣнный богохульникъ! А! тебѣ мало было смутить всехъ дѣтей, выгнать изъ прибѣжища больнаго старика, которому не стоило снимать сапоги съ ногъ, — ты еще пришелъ оскорблять мать твоего господина даже въ ея собственной комнатѣ! Божусь св. Флорансъ! вѣрно, ты забылъ, что я здѣсь? Вонъ, говорятъ тебѣ! Если я встрѣчу тебя тутъ еще разъ, раздавлю тебя какъ змѣю, и никакая чародейская сила не вырветъ тебя изъ рукъ моихъ.

— Плюю на твои угрозы! самоувѣренно отвѣчалъ Энохъ. — Я знаю, что такое страхъ. Пятнадцать лѣтъ живу я среди гоненїй, какъ саламандра среди огня, какъ рыба въ водѣ, птица въ воздухѣ; и ты, беліалова сѣбня, живешь въ грязи своей! Нѣтъ! не боюсь я тебя, ни кого изъ твоей породы!

— Матушка, затворите окно, сказалъ Гаспаръ, наслушавъ себя и боясь не устоять противъ искушенїя.— А ты, прибавилъ онъ, ухвативъ пастора за руку и сжавъ ее такъ крѣпко, что на ней выступила кровь:—погляди на эту стрѣлку (тутъ онъ показалъ ей часы въ углу комнаты); когда она станетъ на девять часовъ,

ерезъ десять минутъ, слышишь ли? если я найду еще въ замкѣ те-
я, жену или кого-нибудь изъ твоихъ, и если въ-продолженіе часа
ы не оставите земель баронства, клянусь святыми мощами, которыя
сквернила рука твоя, что ни одинъ изъ васъ не увидитъ солнечнаго
осхода!

Угроза, тонъ, какимъ она была произнесена, возбудили въ пасторѣ
ильное негодованіе.

— Хореше! отвѣчалъ онъ, возвысивъ голосъ: — будь же проклятъ
ы, жестокой человѣкъ, волкъ, упитанный кровью агнца и агницы;
а будетъ проклята жена, зачавшая тебя и носившая въ утробѣ! Де-
ево бесплодное, я орошалъ тебя живой влагою утра; прививалъ те-
я и очищалъ твое листвіе, а ты не дала плода; будь же проклятъ!
Пусть камни этого дома, гдѣ ты распоряжаешься, не будучи хозяи-
нми, возстанутъ и подавятъ тебя; пусть они изрыгнутъ тебя,
какъ нечистое изверженіе, и да скитаешься ты, подобно Измаилу,
въ палящей пустынь, не находя смраднаго болота для утоленія жа-
кды, и да воздымаютъ вѣчно руку на тебя раздраженные братья.
Прощай, изую сандаля на порогъ этого жилища, и отрясу прахъ съ
ихъ тебѣ въ глаза.

Проговоривъ эти слова, которыхъ Гаспаръ не дослушалъ бы до кон-
ца, еслибъ мать не ухватила за него и не удерживала его насильно,
мръ Барбантанъ медленно скрылся въ тѣни корридора. Шумъ
шаговъ его уже затихъ; но еще слышался его рѣзкій и визгливый
голосъ, гремѣвшій анаеюмо на покидаемый домъ. Однакожь, по мѣрѣ
приближенія къ комнатѣ, гдѣ находилось его семейство, гнѣвъ смѣ-
нился въ немъ мало-по-малу совершенно иными ощущеніями. Онъ
еще не зналъ, какъ объявить женѣ, что надо снова взять стран-
нический посохъ именно въ то время, когда они готовы были удобно
уселиться въ сельскомъ священничьемъ домѣ и вкушать покой,
дуленный пятнадцати-лѣтнимъ скитальчествомъ. Голосъ его значи-
тельно убавилъ твердости, когда очутился онъ передъ Бетзабѣ, зани-
мавшеюся укладываньемъ дѣтей въ постелью.

Какъ бы то ни было, онъ объявилъ ей прискорбную вѣсть, и по-
вершилъ приказаніемъ собираться въ дорогу и идти за нимъ. Что
ждало онъ, то и случилось: Бетзабѣ пришла въ неистовство, осынала
его упреками, и гнѣвъ ея дошелъ даже до того, что онъ пожалѣлъ
минуты, когда висѣлъ на полѣ платья въ пятидесяти футахъ отъ мо-
твой. Къ-счастію, Бетзабѣ, въ числѣ прочихъ добродѣтелей, имѣла
ту, которая дается долгою свычкою съ несчастіемъ, именно—покор-
ность судьбѣ. Сколько была она възискательна, сварлива, вѣбальмошна
и заносчива, когда счастье ей улыбалось, столько же становилась
смирлива, тверда, покорна, когда ударялъ часъ гоненія.

Ярость ея скоро утихла, какъ сильный вѣтеръ, усмиряемый ма-
ленькимъ дождемъ. Она принялась плакать и спросила у мужа по-
исковѣ, нѣтъ ли какого средства продлить время и остаться въ
замкѣ до возвращенія барона.

— Никакого, отвѣчалъ важно пасторъ. — Безразсудно спать подѣ

одной кровлею съ проклятымъ челоуѣкомъ. Ну, жена! прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на солнечныя часы: — время настаетъ; каждое пустое слово есть мечъ, который пронзитъ грудь дѣтей нашихъ.

Бетзабѣ встала, наскоро одѣла дочерей, собрала небольшіе пожитки, принесенные съ собою, и сдѣлала изъ нихъ легкій узелокъ, который пасторъ надѣлъ на палку и вскинулъ себѣ на плечо, предвѣривъ жену, чтобъ она не брала ничего, кромѣ законно имъ принадлежащаго; ибо, говорилъ онъ: — праведникъ долженъ выйти изъ дома хозяина съ чистыми руками, какъ вошелъ въ него. Затѣмъ Бетзабѣ привязала къ поясу и къ шеѣ большой голубой шерстяной платокъ, составивъ такимъ образомъ родъ кармана, куда положила двухъ младшихъ сыновей. Изъ этого мѣшка торчали головы блонныхъ дѣтей и ручонки, обвившіяся около шеи матери. Сгибаясь подъ ношею, и ведя за руки двухъ дочерей, бодрая женщина первая вышла за дверь, и скоро странники достигли подошвы горы. На сельской церкви пробило девять часовъ, на дворъ было темно, свѣтъ падалъ крупными хлопьями, и сѣверный вѣтеръ дулъ порывисто.

— Другъ мой, смиренно сказала Бетзабѣ: — куда же поидежь мы!

— Куда рука Божія поведетъ насъ! отвѣчалъ Энохъ, выбравъ удачу первую попавшуюся имъ дорогу.

Скоро все семейство скрылось въ-потьмахъ; но долго еще слышенъ былъ плачь дѣтей, озябшихъ отъ холода, или пугавшихся волковъ на опушкѣ лѣса.

х.

Повздка Ренѳ была кратковременнѣе, нежели онъ ожидалъ, и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, какого онъ отъ нея надѣялся. Баронъ нашелъ своихъ союзниковъ въ совершенной бодрости, вооруженными вассаловъ, превращающими замки въ крѣпости и готовые зажечь на своихъ башняхъ и горахъ маяки, которые должны были подать сигналъ къ междоусобной войнѣ. Итакъ, онъ возвращался черезъ два дня по отъѣздѣ, съ такимъ довольнымъ духомъ, въ которомъ уже давно не бывалъ, съ лицомъ сіяющимъ отъ религіознаго и царскаго энтузіазма. Въѣхавъ на дворъ замка, онъ отдалъ вѣздѣ конюшему, увидѣвъ Жолію, кликнулъ его и спросилъ о здоровьѣ старой баронессы. Вѣрный своимъ осторожнымъ привычкамъ, Жолію ловчій отвѣчалъ, что все слава Богу, хоть и слышалъ отъ Памалы, что баронесса съ племянницею провели цѣлую ночь въ слезахъ.

— Благодареніе Господу! сказалъ баронъ. — Путешествующій всегда долженъ быть готовъ найдти, по возвращеніи своемъ, ограбленный ворами, пожранный пламенемъ, и ближнихъ своихъ трауръ.

— Избави насъ Боже отъ такихъ напастей! набожно сказалъ Жолію, удаляясь изъ опасенія, чтобъ не пришлось отвѣчать еще на нѣкіе-нибудь вопросы; но господинъ тотчасъ опять его кликнулъ.

— Жоліо, сказалъ онъ: — видѣлъ ли ты сегодня почтеннаго доктора?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ мѣтръ Жоліо, радуясь, что выпутался изъ затрудненія такимъ двусмысленнымъ отвѣтомъ, ибо думалъ, то благоразумный человѣкъ никогда не долженъ первый объявлять удую вѣсть.

— Хорошо! возразилъ Ренѳ: — такъ сходи же къ нему, и скажи, то я его жду.

— Сходи къ нему! сходи къ нему! бормоталъ Жоліо, идя по двоу и разговаривая самъ съ собою.—Божусь святымъ Губеромъ, единственнымъ угодникомъ изъ всего календаря, котораго мнѣ жаль,— то сказать легко. Гдѣ я его найду? вѣдь послѣ этой дичи не остается слѣда.

Покуда ловчій разсуждалъ такимъ образомъ, Ренѳ шелъ въ комнаты; но дорогою спохватился, повернулъ въ темный корридоръ, и послѣ долгихъ изворотовъ достигъ комнаты, гдѣ помѣщался недавно пасторъ. Дверь была затворена, но ключъ торчалъ въ замкъ. Баронъ постучался двумя легкими ударами, какъ обыкновенно дѣлалъ, предупреждая о своемъ приходѣ—никто не отвѣчалъ. Онъ кликалъ поочередно Эноха, Бетзабѣ, Реубена, Исахара, Ноэми и всѣхъ членовъ семейства:—глубокое молчаніе царствовало въ комнатѣ, нѣогда оживленной криками дѣтей и непрерывно возникавшими распрями супруговъ. Удивясь, Ренѳ рѣшился отворить. Мѣбель стояла въ прежнемъ порядкѣ; только постели были измяты и каминъ не толенъ.

— Странное дѣло! сказалъ онъ, захлопнувъ за собою дверь:—куда же они дѣвались?

Недолго оставался Ренѳ въ неизвѣстности; едва ступилъ онъ въ ухию, куда пошелъ разспросить о пасторѣ, какъ двое или трое слугъ, видно нераздѣлявшихъ опасеній мѣтра Жоліо, поторопились увѣдоить его обо всемъ, что сами знали. По-счастію, знали они немного, бо вчерашняя сцена происходила при одной баронессѣ, и Бетзабѣ управлялась, не сказавъ никому ни слова. Только отъ привратника и сторожей подъемнаго моста слышали они, что часовъ въ девять вечера, въ прененастную погоду, пасторъ съ женою и дѣтьми прошли въ село, гдѣ однако не почевали. Лица ихъ,—сказывали,— были унылы и пасмурны; Бетзабѣ молчала, непостижимая вещь! дѣла плакали, а Энохъ, на-ходу, усердно толковалъ о ветхозавѣтныхъ пророкахъ, которыхъ Евреи изгоняли изъ городовъ каменьями.

Извѣстія эти, при всей своей неполнотѣ, заронили въ душу Ренѳ мутное предчувствіе случившагося. Сгарая нетерпѣніемъ прояснить свои подозрѣнія, онъ спросилъ, гдѣ Гаспаръ; ему отвѣчали, что Рахонько ушелъ къ обѣднѣ въ одинъ изъ сосѣднихъ приходовъ. Тутъ баронъ, не остановившись даже переменить дорожное платье, еще въ хлыстикомъ въ рукѣ, явился къ матери.

— Баронесса, сказалъ онъ ей, поклонясь важно: — не знаете ли, то сдѣлалось съ мѣтромъ Барбантаномъ?

Увидѣвъ сына, баронесса вдрогнула отъ удивленія: она вовсе не ждала его такъ скоро назадъ. Вопросъ же, съ которымъ онъ къ ней обратился, рѣшительно отнялъ у нея силу отвѣчать.

— Вѣрить ли тому, что я слышалъ? продолжалъ баронъ, пристально глядя на мать. — Правда ли, что пасторъ съ семействомъ, притивъ воли, покинулъ нашъ замокъ?

— Сынъ мой, отвѣчала съ замѣшательствомъ баронесса: — выслушай меня одну минуту...

— Извините, перервалъ Рено: — я спрашиваю васъ объ одномъ только: правда ли, что мнѣ сказывали, или нѣтъ?

— Правда, отвѣчала баронесса, понимая, что всѣ оговорки тутъ бесполезны.

— Итакъ, подхватилъ Рено, силясь подавить волновавшія его чувства: — ихъ выгнали отсюда; отца, мать, дѣтей, безжалостно вытаскали вонъ, ночью, въ такую погоду, когда жесточайшему вѣтру отказываютъ въ пристанищѣ.

— Выслушай меня! сказала баронесса, чуя вдали бурю и не зная какъ ее отгнать.

— О! нетрудно угадать, откуда шелъ ударъ, возразилъ Рено: — и клянусь душею! хоть всего можно было ожидать отъ мальчика, выросшаго въ вашихъ папистскихъ суевѣріяхъ, признаюсь, не предлагалъ я въ немъ такой дерзости. За кого жъ онъ считаетъ меня?

— Рено! воскликнула баронесса, испугавшись грознаго вида который приняло лицо сына: — не обвиняй никого прежде, чемъ узнаешь, что тутъ было.

— Довольно знаю, и не спрашиваю васъ ни о чемъ болѣе, сказалъ Рено. — Это ужъ больше, чѣмъ нужно, чтобъ переположить мѣру. Клянусь твѣю отца, не положи я предѣла этому, пока не знаю, до чего дойдетъ подобная наглость?

— Что же ты намъ ренъ дѣлать? спросила баронесса.

— Сударыня, сказалъ Рено: — если бъ я слушался только каждаго вѣдьма бы повѣсить виновнаго, кто бъ онъ ни былъ, на самомъ высокомъ деревѣ моихъ помѣстій, чтобъ прохожіе видѣли, какъ казнитъ баронъ Монморъ обиду, нанесенную гостю подлѣ его крѣпости. Но я послѣдую предписаніямъ Библии и накажу виновника равнѣ за равное. Этому наказанію онъ не избѣгнетъ. Онъ будетъ проклятъ ужъ, въ темную ночь, какъ они были прогнаны.

— Сынъ мой..!

— Да, будетъ прогнанъ, хотя бы всѣ четыре вѣтра свѣта сорвались съ цѣпей, хотя бы горные ручьи затопили всѣ дороги, хотя бы лавина задавила его на первомъ шагу!

— Хорошо! вскричала баронесса, поднявшись съ мѣста: — прости же твою мать! прогони ее! потому-что она, одна она, сдѣлала предѣленіе, которое ты хочешь наказать.

— Вы, матушка? повторилъ Рено, обманутый набожной удачей баронессы.

— Да я! съ твердостью продолжала баронесса: — и если дѣло

ить, почему, я скажу тебѣ. Можетъ-быть, ты то же сдѣлалъ бы на емъ мѣстѣ.

— Я васъ слушаю, сказалъ Ренѡ, потупя голову.

— Тутъ г-жа Монморъ рассказала сыну вчерашнюю сцену и, не отря на простоту и воздержность выраженій, не могла скрыть негодованія, какое причиняло еще ей воспоминаніе о поступкѣ мэтра рбантана. Однакожъ, она постаралась не упомянуть имени Гаспа, чтобъ сложить на одну себя всю отвѣтственность по этому му.

Но когда она кончила, Ренѡ, не обнаруживая никакимъ знакомъ обрениа ея поступку, молчалъ. Съ минуту сидѣлъ онъ натурничій и недвижимый на мѣстѣ, потомъ началъ расхаживать удивными шагами по комнатамъ, громко бранча шпорами. Баронесса, вынивая за всѣми его движеніями, увидѣла съ ужасомъ, что ея късеніе подѣйствовало на него совершенно не такъ, какъ и было — ожидала. Иначе и быть не могло. То, что г-жѣ омморъ казалось насиліемъ и неслыханною дерзостію, находило оправданіе въ сердцѣ молодаго кальвиниста. Онъ самъ часто упрелъ себя, что не довольно любитъ мать, такъ-что не можетъ приль съ нею спасительной строгости. Энохъ, овладѣвъ насильно редметами набожности римской религіи, находившимися еще въ шкѣ, слѣдовалъ только внушенію христіанской любви, заслуживающей скорѣе подражанія, нежели осужденія. Но чѣмъ больше наюненъ былъ баронъ одобрять твердое усердіе пастора, тѣмъ глубже чувствовалъ негодованіе при мысли, каковъ воздаяніе получилъ за свои усидія. Не могли, какъ желалъ бы, наказать виновника, ибо виновна была его родная мать, онъ придумывалъ, какимъ и способомъ загладить оскорбленіе, нанесенное служителю Господю. Вдругъ, послѣ минутной нерѣшимости, отворилъ онъ дверь и звалъ слугу.

— Цейрашъ! сказалъ онъ:— вели осѣдлатъ всѣхъ лошадей съ моихъ ошощедъ; пусть всѣ люди скачутъ по разнымъ дорогамъ, и освѣтятся въ каждой деревнѣ о пути, по которому пошелъ докторъ Энохъ. Вели догнать его, и, когда встрѣтятъ, пусть тотъ, кому встанется эта честь, преклонитъ передъ нимъ коленно и представитъ ему извиненіе барона Монмора; пусть умоляютъ его возвратиться, снова почтить домъ мой своимъ присутствіемъ, и пусть просятъ его сюда со всѣми почестями, приличными другу моему и цю!

Такое рѣшеніе далеко превосходило все, что могла ожидать г-жа Монморъ отъ фанатизма сына. Едва Цейрашъ затворилъ за собою дверь, она сказала барону:

— Надѣюсь, мессиръ, что вы зрѣло обдумали все прежде, нежели рѣшились на принятое вами намѣреніе.

— Все, сударыня, отвѣчалъ Ренѡ.

— Если такъ, сынъ мой, возразила баронесса: — объявляю вамъ, что въ ту самую минуту, когда этотъ чловѣкъ переступитъ порогъ

зѣмка, вдова Жана Монмора выйдетъ изъ него, чтобъ никогда болѣе не возвращаться.

— Ненависть ваша слѣпа, матушка, сказалъ Ренѳ. — Вдове Жана Монмора надлежало бы раньше вспомнить, чье имя имѣеть она носить. Видно, она совершенно забыла, что супругъ ея умеръ на эфѳотъ за дѣло, которое она гонитъ въ лицѣ праведнѣйшихъ его подвижниковъ.

— Сынъ, сказала баронесса, измѣняясь въ лицѣ: — есть воспоминанія, до которыхъ не касаются. Я знаю, чѣмъ обязана памяти моего мужа, и не тебѣ учить меня этому; но, если ужъ ты помянулъ отца, такъ знай, что во всю жизнь свою онъ умѣлъ заставлять уважать меня, и самъ лично сбросилъ бы сверху злѣйшей банины наглости, который поступилъ бы съ баронессою Монморъ такъ, какъ поступилъ безумный посторъ, котораго ты призываешь назадъ оскорблять меня. Но довольно, прибавила она, вставая и готовясь выйти изъ комнаты: — довольно объ этомъ, мессиръ. Оставляю васъ; на васъ имѣете срокъ одуматься; избирайте между постороннимъ человекомъ и родною матерью!

— Такъ вотъ до какихъ крайностей доводитъ заблужденіе! говорилъ Ренѳ, глядя на удаляющуюся баронессу. — Боже мой, какъ известно, питаю ль я къ ней сыновнюю любовь. Ты увидишь слезъ, которыя проливалъ я надъ ея слѣпотѳю. Я простеръ любовь къ ней до грѣха: уступалъ воплямъ плоти всякій разъ, когда слѣдовало нанести рану ея сердцу, и когда Ты повелѣвалъ разрушить ея кумировъ, я смущался больше, нежели святой иерархъ, когда Ты потребовалъ отъ него единороднаго сына. Даруй мнѣ силу, о Боже мой! довершить дѣло, начатое твердыми руками.

Кончивъ эту молитву, Ренѳ также вышелъ изъ комнаты и ушелся въ свои покои. Онъ надѣялся, что пасторъ, волоча за собою жену съ семерыми дѣтьми, не успѣлъ еще уйти очень-далеко, чтобъ нагонять въ какомъ-нибудь ближнемъ посадѣ (а много было посадъ, которыхъ обыватели приняли новое ученіе), что онъ тамъ расположится ночевать, и что его скоро воротятъ назадъ. Но утро прошло, а ни одинъ изъ слугъ не являлся. Чтѳбъ занять свое нетерпѣніе и заглушить разные голоса, возникавшіе въ сердцѣ, когда приходились ему послѣдніа слова матери, онъ раскрылъ Библию, обѣщаннаго своего совѣтника, и нѣсколько часовъ сидѣлъ, перечитывая вдохновенныя страницы. Къ-несчастію, съ мыслями, изобрѣгаемыми въ книгахъ, бываетъ то же, что съ соками, которые употребляетъ благотѣльная природа на составъ растеній. Точно такъ, и нѣкоторыя твари могутъ извлекать только ядъ изъ тѣхъ самыхъ стѣнъ, откуда пчела почерпаетъ мѣдъ и которыми питаются небесныя, точно такъ нѣкоторые люди, по особенному лику и статку ихъ организаци, или въ-слѣдствіе обстоятельствъ, или въ-слѣдствіе ихъ вліаніе на расположеніе ихъ душъ, нерѣдко претворяютъ въ ядъ то, что само-по-себѣ благо и спасительно. Въ особенностѣ, онъ

натязъ умѣлъ во всё времена находить пищу своей ярости въ высокихъ завѣтахъ, которые далъ Богъ человѣку для внушенія ему кротости, любви и терпѣнія. Чтеніе только утвердило барона въ его намѣреніяхъ, усугубило его стремительную ревность и какъ-бы сгустило повязку, закрывавшую ему глаза. На сельской колокольнѣ ударило два часа, когда закрылъ онъ святую книгу. Звонокъ сзывалъ къ обѣду малое число людей, оставшихся въ замкѣ. Ренѳ протеръ стекла своего окна, которыя изморозь разрисовала прихотливыми узорами, и вперилъ взглядъ въ поле. Тутъ онъ замѣтилъ на дорогѣ, ведшей въ замокъ, какую-то женщину, одѣтую подобно Бетзабѣ, и похожую на нее ростомъ и поступью. Тотчасъ сбѣжалъ онъ съ лѣстницы на встрѣчу супругъ пастора, надѣясь, что взгляды за нею не замедлятъ явиться и самъ докторъ. Скоро вошла она во дворъ, ибо это была точно она; но, не смотря на скорую ходьбу, лицо ея было смертельно блѣдно. Вѣроятно, для ускоренія походки, сняла она деревянные башмаки и несла ихъ въ руки: ноги ея, раскраснѣвшіяся отъ холода и вспухшія отъ усталости, показывали явно, что она совершила дальній переходъ.

— Хвала Господу! сказалъ баронъ:—я ждалъ васъ нетерпѣливо. А гдѣ же супругъ вашъ?

Бетзабѣ вмѣсто отвѣта залилась слезами.

— Что съ вами? вскричалъ Ренѳ, тронутый горестью блѣдной женщины:—что случилось? Не бойтесь ничего; вы здѣсь подъ моей защитой; никто не посмѣетъ васъ оскорбить.

Бетзабѣ тотчасъ отерла слезы и отвѣчала рѣчисто и твердо, сколько позволяла ей горесть:

— Мессиръ, сказала она:—въ-самомъ-дѣлѣ, мнѣ нужно искать вашей защиты, потому-что безъ васъ скоро я буду вдовой и дѣти мои сиротами.

— Что вы хотите сказать? воскликнулъ баронъ.

— Поводился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить, отвѣчала Бетзабѣ.—Рано ли, поздно ли, этому надо было такъ кончиться. Слышали вы, мессиръ, какъ вашъ братецъ выгналъ насъ вонъ, вчера, въ девять часовъ вечера?

— Братъ! перервалъ баронъ въ изумленіи.—Вѣрно вы ошибаетесь... хотите сказать матушка.

—Нѣтъ, нѣтъ, я знаю что говорю, возразила Бетзабѣ.—И гораздо лучше было бы, если бъ онъ не ограничился тѣмъ только, что разорвалъ на немъ платье, а выбросилъ бы его изъ окна, какъ намѣренъ былъ сдѣлать!

— Братъ хотѣлъ выбросить изъ окна вашего мужа? Смотрите, правду ль вы говорите! Вы не знаете, сколько бѣдъ могутъ надѣлать слова ваши.

— Да, да, продолжала Бетзабѣ:—Не угодно было Богу, чтобъ онъ кинулъ его на мостовую, когда держалъ на-вѣсу какъ вывѣску надъ дворомъ! это было бъ лучше для бѣднаго мужа, чѣмъ умереть на торговой площади, подобно разбойнику.

— Договаривайте, сударыня! сказалъ Ренѣ, едва обуздывшаго свое негодование: — договаривайте! Что случилось съ вашимъ мужемъ?

— Увы! бѣдняжка онъ! сказала Бетзабѣ: — я на него не сердита, потому что пѣлые пятнадцать лѣтъ онъ самъ не зналъ, что дѣлать. Нынѣче поутру, когда пришли мы въ одно селеніе, дрожа отъ стужи и умирая съ голода, онъ увидѣлъ мужиковъ, шедшихъ въ церковь на раннюю обѣдню; тутъ-то, видите, на него и нашель духъ: онъ и давай проповѣдовать. Напрасно дергала я его за платье, зашивши ему ротъ рукою, — самъ чертъ его не остановилъ бы. Онъ догорился до того, что крестьяне связали его веревками и отвели въ Романъ.

— Гдѣ жь онъ теперь?

— Гдѣ? Въ тюрьмѣ, на вязанкѣ соломы, среди преступниковъ. Между ними какъ-нарочно выискался одинъ, который узналъ въ немъ приговореннаго къ смерти прошлаго года въ Поатъѣ, и дошелъ на него, чтобы самому получить прощеніе. Я навѣстила его въ тюрьмѣ; бѣдняжка! сердце надрывается глядя на него, а онъ все какъ хонекъ, словно собирается на свадьбу: распѣваетъ—себѣ печальныя читаетъ поученія тюремщику и колодникамъ. Если вы его не увидите, сами увидите, что онъ станетъ, пожалуй, проповѣдовать даже съ кюстра.

— Господи Боже мой! правду ли вы говорите? спросилъ баронъ —увѣрены ль вы, что жизнь его въ опасности?

— Да, мессиръ! отвѣчала Бетзабѣ: — вышедъ изъ тюрьмы держа дѣтей за руки, я слышала, какъ читали на площади его проговоръ, и дослушала до конца. Но только-что проклятый крикнулъ конный, я велѣла Реубену стережъ братьевъ и сестеръ, а сама пустилась бѣжать къ вамъ, и вотъ добѣжала.

— Молодой безумецъ! бормоталъ Ренѣ, думая о братѣ, который считалъ единственнымъ виновникомъ несчастнаго приключенія: — радуйся! дѣло достойное сына такой матери. Сударыня, приблизивъ онъ, обратился къ Бетзабѣ:—вы хорошо сдѣлали, что уведомили меня. Когда же назначена казнь?

— Въ первый же торговый день, отвѣчала Бетзабѣ, вперевъкъ барона безпокойный взглядъ.

— Хорошо; намъ остается еще два дня. Мужъ вашъ будетъ спасенъ, хотъ бы для этого мнѣ пришлось зажечь со всѣхъ четырехъ угловъ геродъ. Да, мужъ вашъ будетъ спасенъ, или кто-нибудь другой заплачетъ кровавыми слезами. А вы очень похудали, вамъ нуждается въ отдыхѣ и пищѣ? Ступайте за мною.

— Нѣтъ, мессиръ, нѣтъ, сказала Бетзабѣ:—я не пробуду тутъ ни минуты больше; я оставила дѣтей на межъ, надо пойдти въ Цомъ послѣ.

Баронъ снялъ съ пояса кошелекъ, отдалъ его Бетзабѣ, сказавъ ей идти въ селѣ чего-нибудь съѣстнаго для подкрѣпленія силъ, и достойная женщина быстро удалилась.

Между-тѣмъ, услышавъ звонокъ, Гаспаръ явился въ столовую. Но удивила малочисленность слугъ, собравшихся къ столу, ибо онъ не зналъ, что большая часть ихъ отправилась искать пастора. Сама-жа Монморъ еще не приходила. Для препровожденія времени, стрѣлокъ взялъ длинныя чотки, висѣвшія у него на поясѣ и началъ собирать ихъ зерна, читая вполголоса установленныя молитвы, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило. Онъ оглянулся только тогда, какъ услышалъ шаги брата. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ залу вошелъ Ренó. Онъ еще былъ встревоженъ полученной вѣстью, и видъ Гаспара, напомнивъ роль, которую тотъ игралъ во вчерашнемъ похожденіи, только усилилъ дурное расположеніе духа, въ какомъ онъ естественно находился.

— Очень радъ, что васъ вижу, мессиръ, сказалъ онъ, подходя къ стрѣлку. — Намъ съ вами надо перемолвить кой-о-чемъ.

— Къ вашимъ услугамъ, братецъ! отвѣчалъ Гаспаръ, опустивъ чотки и приподнявшись съ мѣста:—что угодно?

— Мессиръ, сказалъ баронъ, желавшій напередъ удостовѣриться, что Бетзабѣ ему не солгала: — говорятъ, будто вы прогнали изъ моего дома доктора Эноха Барбантана съ семействомъ. Правда ли это?

— Правда, мессиръ! отвѣчалъ безъ запинки Гаспаръ.

Блѣдное лицо Ренó вспыхнуло яркой краскою.

— Очень-хорошо! продолжалъ онъ, сложивъ крестъ-на-крестъ руки:—но прежде, нежели мы объяснимся на этотъ счетъ, вамъ, вѣрно, пріятно будетъ узнать, какія слѣдствія имѣло ваше безумство. Человѣкъ этотъ, мессиръ, былъ изгнанникъ. Удаляя его изъ пристанища, которое я далъ ему, вы позаботились снабдить лишнею жертвою палача. Его арестовали нынче утромъ, и черезъ два дня онъ погибнетъ на кострѣ.

— Туда ему и дорога! сказалъ Гаспаръ.—А божусь св. Гюгономъ, спасибо, что вы мнѣ это сказали: любопытно посмотрѣть, каковъ-то онъ будетъ на хворостъ, въ дыму...

— Не съ ума ли ты сошелъ, молодой человѣкъ? вскричалъ Ренó, съ удивленіемъ глядя на стрѣлка, который сѣлъ за столъ и наливалъ себѣ стаканъ.

— За твое здоровье, братецъ! сказалъ Гаспаръ, поднося вино ко рту.—Садись-ко да поговоримъ о другомъ, потому-что на счетъ этого мы никогда не сойдемся.

— Все-таки вы должны мнѣ отвѣтить, сказалъ Ренó:—должны растолковать мнѣ, по какому праву осмѣлились вы поднять руку на старика, бывшаго моимъ гостемъ.

— Такъ это тебѣ удивительно? возразилъ съ живостью Гаспаръ.— Принадуюсь, нечего тебѣ больше отвѣчать: еслибъ случилось опять то же сдѣлать, я опять бы сдѣлалъ. Благодарю еще матушку, что я уберегъ его для палача.

— Ты будто поклялся, сказалъ баронъ:—безчестить имя, которое носишь, молодой человѣкъ! Видно, я долженъ тебѣ объяснить, что до твоего прихода домъ здѣшній былъ надежнымъ пристанищемъ

для знакомаго и незнакомаго, и что самые ненавистные гонители моей вѣры, переступая порогъ его, были неприкосновенными.

— О какомъ безчестіи толкуешь ты? сказалъ Гаспаръ, вставъ съ мѣста, ибо слова брата задѣли его за живое.— Въ какой странѣ считается безчестьемъ заставлять уважать тѣхъ, кто имѣетъ право на наше почтеніе? Какъ! кровля Монмора будетъ защищать всѣхъ, кромѣ той, которая должна бы здѣсь быть госпожею и повелительницею? Если ужъ ты произнесъ слово «безчестіе», то хочешь ли знать братецъ, въ чемъ оно состоитъ? Въ томъ, когда терпятъ, чтобъ тутъ былъ кто-нибудь, кто стелъ бы себя въ правѣ безнаказанно оскорблять твою мать. Учи, пожалуйста, другихъ, какъ надо жить.

— Такъ-то, сказалъ баронъ: — думаешь ты оправдаться! Пасторъ оскорбилъ твою мать! Да, конечно, онъ оскорбилъ ее, но такъ, какъ Моисей оскорбилъ Евреевъ, когда разбилъ золотого тельца. За то, что этотъ человѣкъ исполнялъ свои обязанности передъ Богомъ, передъ мною, передъ самой матерью, за то вы его выгнали! И такъ, вы готовы предать человѣка на мученье? Дѣло приличное паписту, а не сыну одного со мною отца!..

— Ты терзаешь мнѣ уши, сказалъ Гаспаръ.— Еслибъ мать Бу бантанъ была только враль, невѣжда, какъ всѣ ваши самозванцы пасторы, я далъ бы ему волю проповѣдовать, сколько захочетъ, и спрашивая даже, кто его помазывалъ и посвящалъ, потому-что такъ кова ужъ у васъ манера: какой-нибудь бродяга влѣзетъ на столбъ и начнетъ вопить противъ всего, что есть святаго въ мірѣ, отъ папъ до монаховъ; вы его тотчасъ въ священники... Ну, полно объ этомъ! Коли пошло на священниковъ, вѣдь былъ здѣсь въ приходѣ настоящій. Тотъ получилъ посвященіе, могъ исповѣдовать, поучать и служить обѣдню, не прогнѣвая Бога. Уважилъ ли ты его? Нѣтъ! ты его вытолкалъ изъ дома, какъ мызника, который не платитъ оброка. А за что, спрашивается? Что онъ тебѣ сдѣлалъ? Ну! найди мнѣ хоть одну причину.

— Довольно! сказалъ баронъ.— Удивляюсь еще, какъ я слушалъ тебѣ столько времени. Ты будто нарочно пришелъ сюда въ замокъ Монора, чтобъ показать, что можно говорить такія слова Рено Монору. Еслибъ я не помнилъ, что надо семь и семью-десятью-семь разъ проклинать безумцамъ, оскорбляющимъ насъ, клянусь душою! я ударилъ бы на твоихъ губахъ рѣчи, которыя сейчасъ вылетѣли изъ твоихъ устъ. Молодой человѣкъ! прибавилъ баронъ: — не шути такъ мнѣ въ лицо! Безопаснѣе было бы тебѣ пойдти спать въ берлогу, гдѣ волки лица пречеть дѣтей своихъ.

— Нельзя ли потише? сказалъ Гаспаръ насмѣшливо.— Еслибъ здѣсь были ребята, ты могъ бы ихъ испугать. Право, гнѣвъ твой самая опасная вещь! Не составляетъ ли онъ одну изъ добродѣтелей религіи? Дивиться нечему, потому-что въ вашей вѣрѣ все направлено противъ старои. Одинъ человѣкъ сталъ вдругъ праведникомъ въ твоихъ глазахъ, за то, что обидѣлъ твою мать.

— А! тебѣ хочется вывести меня изъ терпѣнія, сказалъ Рено.

ы выбралъ надежную дорогу. Съ-тѣхъ-поръ, какъ ты здѣсь въ до-
вѣ, все отзывается безпорядкомъ, суетою и своеволиемъ. Подума-
шь, что очутился гдѣ-нибудь въ казармѣ. Пора этому кончиться;
ора показать, что хозяинъ здѣшняго дома христіанинъ, потому-что,
для на тебя, этого нельзя подуматъ. Но, слава Богу, я еще не за-
ылъ, кто я, и напомню тебѣ, если ты забываешь. Если тебѣ хочется
ыть наковальнею, я сдѣлаюсь молоткомъ, и буду стучать такъ
рѣшительно, что ты наконецъ почувствуешь.

— Чтò жь это вы собираетесь сдѣлать, сударь? спросилъ Гаспарь.

— То, что вы теперь удержитесь отъ вашихъ богохульствъ и
пуютокъ. То, что вы перестанете читать ваши молитвы вслухъ при
иныхъ людяхъ. Приказываю вамъ сію минуту бросить чотки, кото-
ры висятъ у васъ на поясѣ.

— Братъ! воскликнулъ гордо Гаспарь: — на мнѣ висятъ чотки,
чтобъ молиться по нимъ за тѣхъ, кого я люблю; но у меня есть такъ
же шпага, и, клянусь Богомъ! я умью ей владѣть, когда меня оскор-
бляютъ... Полно! прибавилъ онъ тотчасъ, оставивъ тонъ угрозы и
протянувъ руку барону:—дай руку, Ренò, и не станемъ больше гово-
рить объ этомъ. Я ужъ тебѣ сказалъ: мы такъ же никогда не согла-
вима, какъ сѣверный вѣтеръ съ южнымъ, когда встрѣтятся въ гор-
юмъ ущельѣ.

— Нѣтъ, сказалъ Ренò, оттолкнувъ брата:—рука моя не коснется
луки нечестивца.

— Пресвятая Дѣва! вскричалъ Гаспарь, удерживая себя: — тебѣ
очется ссоры, Ренò: видишь, я покоецъ, молчу. Не трогай же меня,
и клянусь моимъ святымъ патрономъ, я не скажу тебѣ ни слова.

— Нѣтъ, возразилъ Ренò, поблѣднѣвъ отъ гнѣва и вышедъ изъ-
себя:—я не сяду за столъ, пока ты меня не послушаешься. Я хочу
быть господиномъ, понимаешь ли? единственнымъ здѣсь господи-
номъ; а если кому не угодно повиноваться моей волѣ, то двери от-
ворены, онъ можетъ идти вонъ.

— Я не вслушался, сказалъ Гаспарь, задрожавъ и смотря на бра-
та.—Повтори свои послѣднія слова. Ты говоришь...

— Говорю, что ты меня понялъ какъ-нельзя-лучше, сказалъ ба-
ронъ, трясясь отъ гнѣва. — Ты только тогда глухъ, когда тебѣ это
удобно. Я васъ очень-хорошо знаю, сударь: вы меня не проведете.
Лазобности вашей я мало вѣрю.

— Еще похвальный подвигъ мѣтра Барбантана, сказалъ Гаспарь:
—онъ рѣшительно свелъ тебя съ ума.

— Боже мой! вскричалъ Ренò, схватясь за эфесъ шпаги; но ту жь
минуту онъ остановился, будто испугавшись самого-себя, и, указы-
вая на полуотворенную дверь, сказалъ скрипя зубами: — подите
онъ, сударь! вонъ сію же минуту!

Гаспарь взялъ со скамьи свою шляпу, кинулъ на брата взглядъ,
въ которомъ выражалась смертельная ненависть, и вышелъ не говоря
ни слова.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ столовую вошла г-жа Монморъ, опи-

раясь на Бланку. Она съѣла на обычное свое мѣсто, то-есть, под мѣста, сейчасъ покинутаго стрѣлкомъ. Отсутствие Гаспара сначала не удивило ея. Она ничего не знала о случившемся, и чрезъ ную блѣдность Ренò приписывала волненію, слѣдствію объясненъ съ нею. Однакожь, по мѣрѣ того, какъ обѣдъ приходилъ къ оконченію, въ ней возникало безпокойство. Она слышала отъ Пашали, что Гаспаръ воротился въ замокъ къ обѣду, и никакъ не могла понять его отсутствія. Наконецъ, уступивъ мрачному предчувствію, сказала сыну, который еще не коснулся ни одного изъ блюдъ, поставленныхъ на столѣ:

— Ренò! не знаешь ли, гдѣ братъ?

— То же спрашивалъ Богъ у Каина, подумалъ Ренò, ибо недавно почувствовалъ въ себѣ родъ угрызенія совѣсти.

— Ренò! повторила старая дама, испугавшись молчанія сына: гдѣ братъ?

Баронъ поднялъ голову; но уныніе, какое онъ сперва обнаружилъ, уступило мѣсто фанатическому ожесточенію.

— Вамъ угодно знать, гдѣ онъ? отвѣчалъ онъ съ улыбкой радости и гордости.— Онъ ушелъ отсюда, сударыня, и клянусь Богомъ, что пока я живъ, ногъ его не бывать здѣсь.

Услышавъ это, г-жа Монморъ не могла удержать вопля ужаса, вылетѣвшаго изъ ея груди. Она встала и хотѣла идти къ своей комнатѣ; но силы ей измѣнили, и она снова упала на стулъ, испустивъ глухое стѣнаніе.

XI.

Между-тѣмъ, Гаспаръ медленно удалялся отъ замка. Рассказывая ея ли онъ, что слишкомъ-скоро уступилъ приказаніямъ брата, жалѣлъ, что не простился съ матерью, только часто останавливался, прежде, чѣмъ достигъ границы помѣстья, и не разъ хотѣлъ былъ воротиться назадъ. Наконецъ, онъ потерялъ изъ виду замокъ и пошелъ быстро, подобно орлу, котораго рана въ спинку, и который, раздумывая сначала, не бросится ли на землю, улетаетъ наконецъ, унося въ своей ранѣ острое жало, причинившее ему разившее его. Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы, онъ дошелъ до равнины, лежащей на берегахъ Изера, въ милѣ отъ Романа. Тамъ, чувствуя приступъ голода, онъ рѣшился остановиться въ деревнѣ, слегка закусить и потомъ продолжать путь. Но едва вступивъ на площадь, какъ странное зрѣлище поразило его взоры и заставило забыть этотъ планъ. Все жителю деревни стояло вокругъ площади, въ которой, по пилигримскому посоху и раковинамъ, угадывали ея шляпку, легко было узнать странствующую божницу. Они съ жадностію слушали ее, прерывали по-временамъ возгласами и испускали крики ужаса. Изумленный Гаспаръ подошелъ къ нимъ и началъ также слушать.

— Да, мои дѣти, мои ягнточки, говорила богомолка:—убили они блага Ламот-Гондрена, повѣсили они его на окошкѣ собственнаго его дома, изуродовали, насмѣялись надъ нимъ, и теперь они распрѣжаются въ Валансъ и на три мили кругомъ, точно король въ юмѣ славномъ городѣ Парижѣ. Заперли они, нечестивцы, все храмы Божіи; и я должна была тащиться назадъ, не приложившись къ щипамъ овъ. Вавилы, котъ взяла за это четыре вьенскіе денье. Но я дамъ деньги назадъ, само-собой разумѣется, отдамъ.

— Боже всемогущій! сказалъ одинъ изъ слушателей:—да гдѣ же были жители города, когда происходили все эти страсти?

— Одни были въ погребѣхъ, другіе на чердакахъ, отвѣчала Магалина:—остальные были за-одно съ злодѣями, бѣгали по улицамъ кричали, что было мочи: «Ну, братцы! въ воду папистовъ! въ воду шуциновъ! въ воду бѣлыя рясы!» Тутъ прѣвхалъ г. Круссоль и напалась рвзня.

— Вездѣльники! злодѣи! собаки! кричалъ народъ со всехъ сторонъ.

— И не-уже-ли Дезадрѣ, спросилъ одинъ поселянинъ:—не накажутъ еретиковъ?

— Дезадрѣ? возразила богомолка:— онъ подѣхалъ къ воротамъ въ то время, какъ *парпальюты* (*) завели этотъ праздникъ, но вмѣсто того, чтобъ распугать ихъ, онъ самъ пустился съ ними въ плясъ; и теперь онъ ведетъ хороводъ.

— Матушка Магалина! сказала другой поселянинъ:— а что теперь собираются они дѣлать, эти собаки, еретики?

— Что они собираются дѣлать? сказала Магалина.—Волосы станутъ у васъ дыбомъ на головѣ, какъ услышите. Они хотятъ перебить всехъ священниковъ, всехъ монаховъ, выломать ворота женскихъ монастырей, обратить все въ огонь и кровь, и отдать въ пищу прованъ всѣхъ, кто не захочетъ слушать ихъ проповѣди. Отсюда идетъ съ милію, я встрѣтила шайку ихъ; они несли на пикѣ голову сеньюльенскаго приходскаго священника.

Крики проклетія поднялись въ толпѣ...

— Они хотятъ оторвать источники, сжечь овины и вездѣ насыпать гугенотовъ вмѣсто католиковъ. Надо быть гугенотомъ; или мрять съ голода. Да еще пожалуй, они не повѣрятъ вамъ, когда вы скажете: я парпальютъ. Они все-таки сожгутъ васъ, потому-дѣлать, что отъ васъ пахнетъ папизмомъ.

— Пресвятая Богородица! вскричалъ одинъ поселянинъ.—Пусть видныхъ-то людей по-крайней-мѣрѣ не трогали бы.

— Увы, продолжала Магалина:—я вамъ говорю сущую правду. Они не хотятъ, чтобъ были святые въ нашей провинціи. Они не хотятъ, чтобъ мы, пилигримки, ходили на поклоненіе святымъ мѣстамъ

(*) Ругательное слово, которымъ въ старину честили реформатовъ въ Южной-Франціи.

и честнымъ образомъ добывали себѣ кусокъ хлѣба. И теперь, какъ будетъ у вашихъ двтокъ коклюшь, корь, или другая какая болѣзнь, какъ настанетъ засуха, какъ червь нападетъ на хлѣбъ, какъ пойдетъ дождь сорокъ дней и сорокъ ночей, точно во время потона, какъ упадутъ на васъ колики, или четырехдневная лихорадка, не пойдетъ ваша Магдалина, не пойдетъ богомолка молиться за васъ къ Божіей Матери Эмбренской, или къ св. Медору, или къ св. Лукѣ и Диу; благодаря этимъ еретикамъ, выпутывайтесь изъ бѣды, какъ сами знаете; солнце сожжетъ ваши поля, дождь затопитъ ваши жилища, вы и четырехдневная лихорадка задушитъ васъ.

Шумъ, тревога достигли крайняго предѣла...

— Вѣрно настаетъ свѣто-преставленіе, сказалъ одинъ старикъ.

— Правда, сосѣдъ, замѣтилъ другой:—въ моемъ календарѣ преставленіе свѣта назначено именно въ 1562 году.

Между-тѣмъ, какъ толпа на разные манеры толковала эти вѣсти между-тѣмъ, какъ одни говорили о томъ, чтобъ спрятать на днѣ колодезей самыя дорогіе предметы и удалиться въ замки, а другіе, впрочемъ въ небольшомъ количествѣ,—предлагали защищаться и укрѣпить ворота деревни, вдругъ вдали послышался шумъ, будучи скакала лошадь.

— Вотъ они, вотъ они! вскричалъ одинъ голосъ въ толпѣ. — Спасайся, кто можетъ!

При этихъ словахъ, неодолимый страхъ овладѣлъ всѣмъ сборищемъ. Женщины торопливо схватили на руки дѣтей и разбѣжали по всѣмъ направленіямъ съ криками испуга; сами мужчины, объятые ужасомъ, не устояли на мѣствѣ, и послѣдовали примѣру женъ, крича «Спасайся, кто можетъ! Гугеноты! Гугеноты!» Скоро на площади остались только богомолка, да Гаспаръ. Послѣдній взялъ въ руки шпагу и съ рѣшительностію пошелъ въ ту сторону, откуда, по его мнѣнію, долженъ былъ показаться непріятель. Но на площадь вызвалъ его ослѣ мужъ смиренный, державшій подъ мышкою книгу въ пергаментномъ переплетѣ. То былъ нашъ старый знакомецъ Жеромъ Гаше, пріѣхавшій по обыкновенію дать урокъ въ деревнѣ и никакъ не думавшій навести на своихъ друзей такой сильный испугъ.

— Клянусь докторомъ Какиннѣ! сказалъ онъ, подѣвывая лезвие рысцей: — развѣ я Скнезъ какой-нибудь, или Лидіянинецъ, что меня встрѣчаютъ такимъ образомъ? Что тутъ такое? А, это вы, прекрасная Ирида, посланница боговъ! прибавилъ онъ, замѣтивъ богомолку и оборачивая къ ней голову Пегаса. Что тутъ случилось? Того бѣгство арміи царя Александра, какъ описано оно, помнится; въ томъ томѣ Исторіи Мидянъ. А! вотъ и молодой дворянинъ, который смотритъ такъ яростно, какъ ввроятно смотрѣлъ царь македонскій послѣ своего пораженія.

Въ прежнее время,—и это время было недалеко,—Гаспаръ от души поохоталъ бы надъ этимъ приключеніемъ и шутками Жерома; но дѣла очень измѣнились. Онъ сурово попросилъ учителя замолчать и отвѣчать только на тѣ вопросы, которые предле-

ить ему. Потомъ онъ спросилъ его, не встрѣтилъ ли онъ какого-нибудь отряда вооруженныхъ людей, гдѣ былъ этотъ отрядъ, съ какой стороны шелъ. Но Жеромъ пріѣхалъ изъ такого мѣста, куда не проникла еще вѣсть объ открытіи междоусобій и могъ сказать только то, что онъ далъ урокъ въ астрономіи двѣмъ Жарнію, и въ тѣхъ мѣстахъ все спокойно.

Въ-продолженіе этого короткаго разговора, поселяне имѣли время сминуться отъ паническаго своего страха. Они распознали школяра начали опять собираться на площадь. У большей части даже произошло мужество. Они побѣжали къ оружію, и вскорѣ со всѣхъ оронъ слышался воинственный шумъ: точили косы, остряли пилы, чистили ружья; гудѣлъ набатъ и потрясалъ церковныя стѣны. Жюнецъ, важнѣйшія лица собрались и составили совѣтъ для избраія предводителя. Дѣло было очень-затруднительное. Правда, въ деревнѣ было два или три старые солдата, но ни одинъ изъ нихъ въ силахъ былъ участвовать въ экспедиціи, и развѣ только могъ помогать ей добрыми совѣтами передъ отправленіемъ ея и молитвами при отправленіи, потому-что всѣ они чуть держались на ногахъ и были разбиты старостью. Въ этомъ затрудненіи, одинъ изъ поселянъ имѣлъ молодаго стрѣлка, который стоялъ у подножія креста и съ живымъ участіемъ смотрѣлъ на приготовленія. Рѣшеніе совѣта было скоро принято. Самые смѣлые, узнавъ отъ мэтра Гаше, что этотъ стрѣлокъ—католическій дворянинъ, приблизились къ Гаспару, державшему шапки въ рукахъ, и просили его принять начальство надъ отрядомъ.

— А куда вы хотите идти? спросилъ стрѣлокъ, который, выслушавъ это предложеніе, встрепенулся, какъ боевой конь, слышавшій звукъ военныхъ трубъ и роговъ.

— Куда вы, мэссиръ, поведете насъ! отвѣчалъ одинъ поселянинъ. Только у насъ есть пословица, что лучше идти искать волка въ ку, чѣмъ ждать, пока онъ самъ заберется въ конюшню.

— Итакъ, сказалъ стрѣлокъ:—вы клянетесь слѣдовать за мною и защищать, не миловать гугенотовъ, пока будете со мной?

— Клянемся, мэссиръ, отвѣчалъ ораторъ деревенскаго собранія, и поклянемъ васъ развѣ только тогда, когда надо будетъ идти убиивъ сьно.

— Вы клянетесь святыми патронами вашими?

— Клянемся, клянемся! кричали поселяне. — Смерть гугенотамъ! здравствуетъ Монморъ!

Осталось только опредѣлить, куда идти. Вдали за деревней слышались гулы колоколовъ; онъ возвѣщалъ, что сосѣдніе приходы начинали также волноваться. Гаспаръ съ минутой былъ въ раздумьи.

— Если хотите напасть на звѣря въ берлогъ, сказала Магдалина: вамъ скажу, дѣти, куда надо идти.

— Куда? куда? кричалъ народъ со всѣхъ сторонъ.

— Въ замокъ Монморъ, на Рууссе, отвѣчала богомолка. — Баронъ

самый бѣшеный парпальютъ въ провинціи; да кромѣ того, это дитя котораго Богъ и Божія Матерь не любятъ; я увѣрена въ этомъ.

— Молчи, старая дура! вскричалъ Гаспарь:—куда хотите, друзья мои, куда хотите, только не туда!

Черезъ нѣсколько минутъ, отрядъ, состоявшій изъ тридцати человекъ и хорошо-вооруженныхъ человекъ, отправился изъ деревни, соблюдая нѣкоторый порядокъ, и мѣтръ Гаше, распросивъ богоуку о всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ ужаснаго происшествія въ лагерь, поспѣшилъ къ своимъ друзьямъ съ важными новостями, которыя отъ пріятной манеры его рассказывать должны были считаться, можно сказать, двойной интересъ.

Ночь, послѣдовавшая за описанною нами сценою, была полна тревоги и волненія на всемъ протяженіи провинціи. Узнали, даже въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ, о смерти генерал-губернатора и о жестокостяхъ, послѣдовавшихъ за этою кровавою казнью. Для протестантовъ эта вѣсть была давно-ожиданнымъ сигналомъ; они зажженные на горахъ, скоро возвѣстили, что протестанты готовы отвѣчать на этотъ призывъ. Католики, застигнутые внезапно врасплохъ, испуганные грозными движеніями гугенотовъ, сидѣли на-сторожѣ и едва осмѣливались выходить изъ своихъ жилищъ въ мѣстахъ, гдѣ ихъ было немного. На пунктахъ, гдѣ они составляли большинство населенія, они поспѣшно собирались и вооружались; но, обманутые лживыми извѣстіями, которыя увеличивали опасность, они не знали, на что рѣшиться и оставались въ тѣнѣ нерешительности. Между-тѣмъ, набатные колокола не переставали гудѣть до восхода солнца: тамъ звонили реформаты, здѣсь католики, и гулъ тревоги леденилъ ужасомъ людей, привыкшихъ до-тѣхъ-поръ подъ кровлею вкушать утѣхи мира и сна. Междуособная война началась.

Мы не намѣрены вторгаться во владѣнія исторіи и подробно рассказывать эту страшную борьбу, покрывшую развалинами и разрушеніемъ одну изъ прекраснѣйшихъ провинцій Франціи. Для насъ достаточно будетъ сказать, что Дофинѣ скоро обратился въ одно поле побоища, на которомъ партіи каждый день дрались съ ожесточеніемъ, то на томъ, то на другомъ пунктѣ. Фанатизмъ, который любіе вооружили всѣхъ жителей, отъ дворянина до горнаго рабочего, даже тѣ, которые, по своему характеру или привычкамъ, неспособны были надѣть латы и взяться за шпагу, увидѣвъ въ необходимости прибѣгнуть къ этой прискорбной крайности, не щадя воротъ роднаго города и порога своего дома, которыми престанно угрожали опустошительныя шайки. Самые мирные граждане принуждены были промѣнять свои уютные кафтаны на тяжелыя шапки на кольчуги и желѣзныя каски. Легко отгадать, что молодые, непривыкшіе къ ночнымъ карауламъ и военнымъ обязанностямъ, не были отличными солдатами: съ караула они уходили до воротиться домой и посмотреть, не случилось ли чего, и перемѣнъ во время ихъ отсутствія. Они неохотно улазили

твѣ своихъ городовъ или мѣстечекъ. Поэтому, такъ-какъ они почти всѣ принадлежали къ партіи католической и составляли большинство въ этой партіи, то кальвинисты сначала одержали самые блестящіе успѣхи. Дворяне почти всѣ приняли, если не начала, по крайней-мѣрѣ, сторону реформы, и такъ-какъ французское дворянство, въ XVI вѣкѣ, ни мало не утратило своихъ воинственныхъ нравовъ, своего мужества, которыми славилось въ преданіяхъ, то вродскимъ стражамъ, монастырскимъ гарнизонамъ, трудно было противиться ему. Баронъ Дезадрэ, принявъ начальство надъ реформатами, увлекъ за собою большую часть легионовъ, находившихся юдъ его командою, и такимъ образомъ лишилъ католиковъ единственныхъ защитниковъ, которыхъ могли они съ успѣхомъ противопоставить протестантамъ. Сверхъ-того, къ нему присоединилась толпа вантюристовъ, старыхъ солдатъ, вообще весь этотъ классъ людей, которыхъ Цицеронъ называетъ *gens desperata*, и которые въ междоусобицахъ видятъ только средство поправить свое достоинствіе, разстроенное дурнымъ поведеніемъ и разсвѣяною жизнію. Такимъ образомъ, въ началѣ войны; его силы далеко превышали силы его противниковъ; сверхъ-того, на его сторонѣ была та выгода, что онъ велъ личную наступательную и могъ направлять свои нападенія на мѣста, трудно-защищенные, и, быстро переносясь съ мѣста на мѣсто, застигать непріятеля врасплохъ.

Герцогъ Гизъ, точно такимъ образомъ объяснявшій первыя побѣды кальвинистовъ, сначала ласкалъ себя надеждою остановить пологъ возмущенія. Онъ полагалъ, что легко можно загладить потеху, какую понесла партія католическая въ-слѣдствіе отпаденія Дезадрэ, и что армія королевская безъ труда смиритъ дофинскихъ сурругентовъ; но онъ совершенно обманулся насчетъ обоихъ этихъ пунктовъ. Франсуа де-Бомонъ, баронъ Дезадрэ, мужествомъ и прекраснымъ поведеніемъ въ итальянскихъ войнахъ, достигъ того высшаго поста, который занималъ онъ въ 1562 году. Онъ приобрѣлъ славу человека твердаго тѣмъ, что умѣлъ ввести строгую дисциплину въ войскахъ, до-тѣхъ-поръ непослушныхъ и мятежныхъ. Самые враги его, — а онъ жестокимъ своимъ характеромъ нажилъ себѣ много враговъ, самые враги считали его однимъ изъ лучшихъ полководцевъ короля французскаго; но, въ открывшейся теперь кампаніи, онъ превзошелъ ихъ ожиданія и ожиданія своихъ приверженцевъ. В-теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ поочередно разбилъ всѣ корпусы, которые герцогъ Гизъ форсированными маршами направилъ въ равнину, взялъ приступомъ тридцать укрѣпленныхъ городовъ, которые отказались отворить ему свои ворота, и, не влагая шпаги въ ножны, овладѣлъ Верхнимъ и Нижнимъ Дофинѣ, Лионнѣ, Форезомъ, Селемъ, Лангедокомъ и Провансомъ. Блескъ и быстрота его походовъ были такъ значительны, что самъ папа нѣкоторое время опасался, чтобъ онъ не вторгнулся въ Италію и не пришелъ рѣшать споръ между католицизмомъ въ городѣ св. Петра. Это опасеніе, конечно, было излишне, но всего можно было ожидать отъ человека, который

въ одинъ и тотъ же день, взявъ приступомъ городъ и выигравъ сраженіе, шель цѣлую ночь, и на другой день, миль за десять, возобновлялъ тѣ же чудеса.

Баронъ, поражая королевскія арміи одну за другою, все-еще не смилъ однакожь титулъ королевскаго камер-юнкера и отдавалъ свои приказы именемъ Карла IX, для освобожденія котораго реформаты, какъ утверждали они, взялись за оружіе. Поэтому, не рѣдко случилось, что съ одного и того же города утромъ католики собирали контрибуцію на нужды его христіаннѣйшаго величества, а вечеромъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, обирали у бѣдныхъ жителей послѣдніе деньги реформатскія роты. Не смотря на быстрые успѣхи Дезадрэ и многократныя пораженія, католики не теряли однакожь мужества. Нерѣдко одерживали они частныя успѣхи и, подкрѣпляемые энтузіазмомъ, который въ такой высокой степени возбуждается гоненіемъ и насиліями во время войнъ религіозныхъ, они послѣ пораженія были, можно сказать, такъ же сильны, такъ же усердны къ своему дѣлу, какъ только могли быть послѣ побѣды.

Борьба длилась такимъ образомъ въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, и невозможно было предвидѣть, чѣмъ она кончится. Города переходили изъ рукъ въ руки, опустошаемы были то одной, то другой партіей, укрѣпленія ихъ рушились, народонаселеніе гибло. Пылики, которыхъ народное право шадить въ самыхъ ожесточенныхъ войнахъ между соперничающими націями, были умерщвлены безъ милосердія. Поля были опустошены, хлѣбъ скошенъ несозрѣлымъ и отданъ на кормъ вьючнымъ животнымъ. Казалось, голодомъ хотѣли истребить жителей, пощаженныхъ оружіемъ. Баронъ Дезадрэ первый подалъ примѣръ подобному варварству. Онъ неумолимъ былъ къ католикамъ, попадавшимъ въ руки его, и гдѣ ни проходилъ, вслѣдъ оставлялъ слѣды во сто разъ страшнѣе слѣдовъ самаго опустошительнаго урагана. И теперь еще, когда уже пронеслось три вѣка, эти слѣды сохраняются на памятникахъ или въ памяти людской, и когда финскій поселянинъ хочетъ напугать непослушнаго ребенка, онъ обыкновенно говоритъ ему: «молчи, воцъ баронъ».

Но пора намъ воротиться къ лицамъ, до-сихъ-поръ занимавшимъ первое мѣсто въ нашемъ разсказѣ; пора взглянуть, какую роль играли они въ этой продолжительной и тяжелой для сердца трагедіи. Мы не забыли ихъ во время этого отступленія, какъ забываетъ мнѣнистъ Дрюиленскаго Театра своихъ любимыхъ актѣровъ, молкнутъ, какъ развивается онъ въ глубинѣ сцены полотна, изображающей грозное небо въ «Бурѣ» Шекспира, или мрачныя монастырскіе своды въ «Ромео и Джульеттѣ».

ХИ.

Слустя около четырехъ мѣсяцевъ послѣ убіенія Ламотт - Гомфриса, то-есть въ самомъ разгарѣ войны, три человека довольно

рительной наружности сидѣли за столомъ въ тавернѣ городка Сен-Марселлена, на дорогѣ изъ Романа въ Гренобль. Одинъ изъ нихъ былъ въ платьѣ братьевъ — собирателей милостыни францисканскаго ордена — платьѣ изъ грубой шерстяной матеріи; станъ опоясанъ веревкою; подлѣ него лежала дорожная сумка, довольно-тощая, — изъ нея выглядывали дула двухъ пистолетовъ, заряженныхъ до самаго отверстия. Остальные люди были одѣты такъ, что довольно-трудно было гадать, къ какому классу общества принадлежали они. По закрученнымъ усамъ, по длиннымъ рапирамъ, можно было принять ихъ за солдатъ; но съ этимъ предположеніемъ не совсѣмъ согласовался видъ ихъ, потому-что они одѣты были въ фуфайки и плащи, какіе быкновенно носимы были миролюбивыми дофинскими мѣщанами. Какъ-бы то ни было, они, казалось, равнодушны были къ мнѣнію, какое можно было постороннимъ составить на счетъ ихъ, потому-то, осушая огромную бутылку, стоявшую передъ ними, они время-от-времени бросали кругомъ себя безпокойные взгляды и сообщали ютомъ другъ другу свои наблюденія.

— Богъ въ помощь, капитанъ Гонтранъ! сказалъ монахъ, когда вошли въ таверну и сѣли подлѣ него два упомянутые солдата, у которыхъ на груди вышиты были большіе бѣлые кресты: — Богъ въ помощь; если насъ узнаютъ, прійдется намъ полюбоваться городомъ и его окрестностями съ этой проклятой висѣлицы, которую замѣтилъ я на дорогѣ сюда.

— Чортъ возьми! сказалъ капитанъ:—это было бы забавно! Мы сами, съ недѣлю назадъ, поставили эту висѣлицу, и я видѣлъ, какъ ты помиралъ со смѣху, когда этотъ бѣдный викарій прыгалъ на ней и бѣгалъ ногами. Ужъ не струсилъ ли ты? Можно ли этого ожидать отъ человѣка, котораго распинали въ жизни больше двухъ-сотъ разъ, и онъ не испустилъ ни малѣйшаго вздоха? За твое здоровье, Филиберъ, и займемся-ка своимъ дѣломъ.

— Да, да, сказалъ монахъ, наливая вина новопришедшимъ:—займемся своимъ дѣломъ, да какъ-можно-скорѣе спленимся съ этого лагерь. Можно опустить палецъ въ кипятокъ, но не надо оставлять его тамъ слишкомъ-долго. Ну, что ты мнѣ скажешь? Слушаю тебя, будто ты собираешься сказать мнѣ секретъ великаго Альберта, какъ вытравивать въ ломберъ и ландскнехтъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Гонтранъ: — точно какъ-будто вы самая красивая грезиволанская дѣвушка. А скажу я вамъ то что: озерной Старикъ Озеръ поручилъ мнѣ спросить васъ, испѣли ли вы отыскать блуднаго сына, этого дьявольскаго стрѣлка, а которымъ избѣгали мы напрасно столько, сколько не избѣгаешь, если станешь плясать три мѣсяца сряду отъ зари до темной ночи.

— Нашелъ ли я молодаго человѣка? отвѣчалъ Филиберъ: — ты, вѣдь, говоришь объ этомъ слишкомъ-слегка, да и Старикъ не переломится, а ему надо бы знать, что это дѣло не легкое, все равно, что отыскать пчелу въ ульѣ. Нельзя сдѣлать шага, не встрѣтяться съ каральными; эти негодяи-паписты стали теперь осторожны, точно нашъ

баронъ. Прежде, ихъ можно было ловить во всякія сѣти, какъ скворцовъ, а теперь они держатъ ухо востро, точно таможенные досмотрщики, которые ловятъ контрабандистовъ.

— Ба! сказала «добрый разбойникъ»: — да чего тебѣ бояться в этомъ платьѣ? Спусти только кашшонъ, и коли есть охота, можешь идти прямо въ рай.

— Конечно, конечно! сказалъ Филиберъ: — это платье не раз уже оказало мнѣ услугу. Когда я у папистовъ, они считаютъ меня за францисканца, а прійду къ гугенотамъ, стѣтъ только перевернуть платье; Сисиделла подбила его чернымъ сукномъ, и меня можно считать за самого Іоанна Кальвина. Мнѣ очень жаль, капитанъ Гонтранъ, что я не могу сообщить тебѣ пріятныхъ новостей для передачи Сассенажу. Эхъ! будь у меня въ рукахъ сколько-нибудь денегъ, чтобъ путешествовать, какъ душѣ угодно, чтобъ можно было тамъ-сямъ познакомиться добрыхъ людей, дѣла могли бы принять другой оборотъ. Еслибъ въ моихъ карманахъ были не одни только благословінія и *oremus*, еслибъ у меня было хоть съ двадцать красивыхъ пистолей...

Услышавъ послѣднія слова, которыя Филиберъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, Гонтранъ и добрый разбойникъ покатались со смѣха.

— Чтѣ съ вами, ребята? спросилъ Филиберъ: — чтѣ за муха укусила васъ? Право, не вижу, чему вы тамъ хохочете.

— Лиса почувала куръ, сказалъ Гонтранъ, держась за бока.

— Чтѣ это значить, мессиръ? спросилъ мнимый монахъ. — Объяснитесь.

— Бьюсь объ закладъ, что у тебя есть что-то сказать намъ, отвѣчалъ Гонтранъ: — и ты только хочешь узнать напередъ, есть ли у Старика пистолы въ шкатулкѣ. Чортъ возьми! все должно быть на вскрышу; карты держи на столѣ.

— Пусть будетъ такъ, сказалъ Филиберъ: — я, право, не знаю фальшивыхъ картъ и ни какихъ фальшей въ игрѣ; скажу вамъ всю свою мысль. Бьюсь объ закладъ, что у васъ есть для меня деньги, и вы бережете ихъ въ своемъ карманѣ, изъ опасенія, чтобъ они не потерялись въ моемъ.

Филиберъ отгадалъ. Гонтранъ весело вынулъ изъ-за пояса кошелекъ и отдалъ ему.

— Ну вотъ, сказалъ Филиберъ: — давно бы пора это сдѣлать. Сколько отложилъ ты въ сторону за труды?

— Я раздѣлилъ по-братски, отвѣчалъ Гонтранъ, ни мало не стыдясь признанія. — Графъ далъ мнѣ шестьдесятъ ефимковъ для тебя, я оставилъ у себя тридцать. Чтѣ ты объ этомъ думаешь?

— Я бы сдѣлалъ по-твоѣму. Впрочемъ, это ничего, поставь только свои тридцать ефимковъ противъ моихъ, въ ренгебѣ или въ артугою игру.

— Когда тебѣ будетъ угодно, отвѣчалъ Гонтранъ.

— Ладно! Сначала поговоримъ о дѣлѣ, сказалъ Филиберъ.

гададь: я нашелъ стрѣлка и держу его въ рукахъ, точно какъ вотъ ги деньги.

— Право? сказали разбойники.

— Божусь вамъ; скажу, какъ это случилось. Вы знаете, что этотъ ортъ, а не человекъ, ускользалъ у насъ промежъ пальцевъ каждый азъ, какъ-только мы готовы были пристукнуть его. Вы знаете, что въ убилъ Тибб, который слишкомъ-плотно прижалъ его, и разилъ самого графа въ день св. Дидье. Вы знаете, наконецъ, что, въ мѣсяцъ назадъ, онъ совсѣмъ пропалъ у насъ изъ виду, и мы ни-дѣ не могли поймать его. Мы думали, что онъ бѣгаетъ отъ стараго ассенажа и нашего храбраго отряда,—не тутъ-то было! Цѣлый этотъ мѣсяцъ, онъ только и дѣлалъ, что искалъ графа, и хотѣлъ ему, кажется, сказать пару словъ. Но чтобъ не найти какой-нибудь вещи, (испольно того, чтобъ искать ее. Когда я былъ носильщикомъ, пуше всего не хотѣлось мнѣ встрѣчаться съ таможенными объѣзчиками, на бѣду, они попадались мнѣ на каждомъ шагу. Теперь хотѣлось мнѣ взглянуть въ лицо какому-нибудь пріятелю, и они бѣгаютъ мнѣ по моему пули, какъ собака Жана нивельскаго.

— А молодой человекъ? сказалъ Гонтранъ.

— Молодой человекъ? Онъ ищетъ графа, какъ я вамъ сказалъ. Я идлъ, разумѣется, издали, какъ бросился онъ въ средину самой жасной свалки, и пробилъ себѣ дорогу сквозъ тысячи мертвыхъ до амаго багажа гугенотской арміи,—отъ-того, что ему сказали, буд-во Франсуа де-Сассенажъ командуетъ резервнымъ отрядомъ.

—Такъ видно, сказалъ добрый разбойникъ, осушая стаканъ:—они ба интересуются другъ другомъ и сильно хотятъ повидаться.

— Да, друзья мои, сказалъ Филиберъ:—поэтому я считалъ своей близанностью устроить все такъ, чтобъ они свидѣлись какъ-можно-корѣе. Я отыскалъ стрѣлка, и онъ, благодаря этому платью, при-илъ меня прекрасно и даже попросилъ у меня благословенія. Дѣло въ томъ, что я предложилъ этому молодцу провести его кратчайшей дорогой къ графу Сассенажу и назначилъ ему свиданіе въ томъ са-иомъ кабацѣ, въ которомъ мы пьемъ теперь.

— Чортъ возьми! вскричалъ Гонтранъ:—вотъ самая пріятная но-иость съ перваго моего любовнаго свиданія. Босежурское дѣло ле-ижить у меня на сердцѣ, и мнѣ ужасно хочется отмстить за него.

— Это тѣмъ легче, капитанъ, сказалъ Филиберъ:—что молодой человекъ будетъ одинъ, или прійдетъ только съ однимъ слугою, ни-какъ не больше.

— А по какой пойдете вы дорогъ? спросилъ Гонтранъ.

— Мы пойдемъ по Парнанскому Лѣсу къ Сен-Дени:—я сказалъ, что старикъ Сассенажъ теперь тамъ. Но пора вамъ отсюда убирать-ся, любезные; если онъ прійдетъ, можетъ узнать васъ. Ну, разопьемъ еще вотъ эту бутылку, да и adiousias, какъ говорятъ Провансальцы.

Скоро оба разбойника осушили свои стаканы и собрались въ путь; вдругъ Гонтранъ вспомнилъ, что онъ не исполнилъ еще всѣхъ пору-ченій графа.

— Преподобный отецъ, сказалъ онъ, подходя къ Филиберу и не низкая голосъ:—я забылъ сказать вамъ, что вы найдете пятьсотъ прекрасныхъ дукатовъ въ Пьер - Шатель, когда принесете туда известные бумаги, которыя вашъ старый негодяй-отецъ запрятал Богъ-вѣсть куда, и которыя...

— Ладно, ладно! сказалъ Филибертъ:— дайте мнѣ сначала увериться съ этимъ дѣломъ:— все прійдетъ своимъ чередомъ. Вѣдь нельзя же быть въ одно время на печи и у колодезя.

Разбойники выпили еще по стакану и выпили изъ кабака, стараясь принять свободный и развязный тонъ католическихъ солдатъ. А Филиберъ вынулъ изъ кармана большія чотки и, мечтая о миластяхъ, какими осыпала его счастливая звѣзда его, принялся машинально читать вполголоса: *отче нашъ*.

Около часа мнимый монахъ погруженъ былъ въ это благочестивое занятіе, какъ вошелъ въ таверну Эмѣ Веръ, въ сопровожденіи слуги своего, Женѣ. На молодомъ дворянинѣ былъ уже не просто мундиръ стрѣлковъ черной роты: мундиръ его былъ блистательный и показывалъ званіе, какого достигъ онъ въ-теченіе кампаній; онъ умѣлъ снискать уваженіе предводителей католической арміи, выказавъ всѣ качества, долженствующія отличать военнаго человека, и скоро получилъ начальство надъ легиономъ. Вступивъ въ законную комнату кабака, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ питейную залу, чтобъ найти проводника, назначившаго ему тутъ свиданіе. Мелкая католическая фигура его обнаружила живое чувство удовольствія, когда онъ замѣтилъ монаха, сидѣвшаго въ темномъ углу залы.

— Да хранить васъ Господь, братъ мой, сказалъ онъ, подходя къ нему.—Готовы ли вы въ путь? День склоняется къ вечеру; мы можемъ пуститься въ дорогу.

— Когда вамъ будетъ угодно, мессиръ, отвѣчалъ монахъ, поднимая свою котомку, и вставая:—но будьте покойны, мы прійдемъ въ-пору.

Три путешественника, вышедъ изъ города, пошли по направлению къ западу и скоро далеко оставили за собой стѣны сен - мартовскія. Былъ май; вечеръ былъ тихій, небо чисто, легкій вѣтерокъ дувшій съ сѣвера, шевелилъ листья деревьевъ. Монахъ, очарованный зрѣлищемъ, представлявшимъ очамъ его, не могъ не высказать вслухъ нѣкоторыхъ размышленій.

— Пресвятая Богородица! сказалъ онъ:— какъ глупы люди! въ такое чудесное время они думаютъ только о томъ, чтобъ драться и перерѣзать другъ другу горло. Не лучше ли бы имъ жить въ миръ и наслаждаться благами, которыя Господь даровалъ имъ въ такомъ изобиліи? Но что прикажете дѣлать? эти гугеноты дерутся именно за то, чтобъ по воскресеньямъ не бѣгать по полямъ, чтобъ пѣлую недѣлю не было ни одного праздника, чтобъ круглый годъ не смѣяться.

— Братъ мой, сказалъ Эмѣ Веръ, который занятъ былъ...

ерьёзными и не могъ съ удовольствіемъ слушать шутки своего продника: — не знаете ли вы чего-нибудь объ арміи гугенотовъ?

— Кажется, мессиръ, отвѣчалъ проводникъ: — этотъ хищный зверь, Деадрэ, ушелъ опять за Рону, опустошивъ Форезъ отъ Пьерра-сюр-Гъ до горы Пялы. Онъ взялъ приступомъ городъ Романъ и перевзаль весь гарнизонъ. Я слышалъ даже на этотъ счетъ исторію, ть которой у васъ дыбомъ стануть волосы, если рассказать вамъ.

— Какая-нибудь новая жестокость? спросилъ Эмэ Веръ.

— Еще лучше, мэссиръ, отвѣчалъ монахъ. Вообразите себѣ: — баюнь велѣлъ наполнить кадку кровью католиковъ. Это не трудно было сдѣлать, потому-что кровь текла по улицамъ, какъ вода послѣ проливнаго дождя. Ну вотъ, — какъ палита была кадка католическою кровью, онъ приказалъ принести своихъ двухъ сыновей и, такой злодѣй, велѣлъ выкупать ихъ въ своихъ глазахъ! Да, мессиръ, онъ выкупалъ ихъ въ крови.

— Боже правосудный! воскликнулъ Эмэ съ ужасомъ. — Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите? Когда обвиняютъ человѣка въ поубномъ преступленіи, надо взглянуть въ дѣло раза два, даже и тогда, когда этотъ человѣкъ — врагъ нашъ.

— О! возразилъ Филиберъ, думавшій, что, обнаруживая величайшее презрѣніе къ вождю гугенотовъ, онъ не измѣнитъ своей монашеской роли: — можете повѣрить мнѣ въ этомъ, мессиръ; есть люди, которые такъ черны, что ихъ нельзя сдѣлать чернѣе всею адскою злопотою.

Эмэ не считалъ нужнымъ продолжать разговоръ. Онъ не забылъ, до служилъ подъ начальствомъ барона Деадрэ, и долге время пыталъ къ нему искреннее уваженіе. Тяжело ему было слышать о жестокостяхъ, которыя ежедневно производилъ этотъ странный чловѣкъ. Попросивъ монаха, чтобъ онъ оставилъ при себѣ прочія свои новости и разсужденія, онъ потупилъ голову и предался собственнымъ своимъ размысленіямъ, а Филиберъ подошелъ къ Женѣ, адясь найдти въ немъ болѣе-снисходительнаго слушателя.

Три путетешественника шли такимъ образомъ до темной ночи, не встрѣтивъ никого на дорогѣ. Большая часть здѣшнихъ поселянъ залась за оружіе. Семейства ихъ, оставляя земли необработанными, дались въ укрѣпленные мѣстечки и города, гдѣ они менѣе были подвержены опасности, чѣмъ въ уединенныхъ деревняхъ, открытыхъ для всякой шайки, которой хотѣлось ограбить ихъ. Поэтому, рачны и безмолвны были хутора, еще недавно наполненные ратниками и стадами. На заднихъ дворахъ не видно было дятельныхъ хозяекъ, бросавшихъ кормъ курамъ или доившихъ коровъ. Ючти вездѣ двери и оконныя рамы были сожжены мародѣрами и ѣако можно было встрѣтить жилище, которое не представляло слѣговъ, подобныхъ слѣдамъ, оставленнымъ пожаромъ. Поля представляли зрѣлище не менѣе печальное. Они покрыты были теріями волчцемъ и, тамъ-и-сямъ, среди этихъ бесплодныхъ растеній, родили домашнія животныя, получившія жалкую свободу.

Но Эмѣ Веръ уже привыкъ къ подобнымъ картинамъ, и не пораже-
ло его зрѣлище, представлявшееся на пути. Притомъ же, въ собствен-
ной судьбѣ своей онъ находилъ довольно предметовъ для размышле-
нія, и не нужно ему было искать новыхъ предметовъ въ дорожныхъ
приключеніяхъ. Не смотря на твердую рѣшимость, онъ не успѣлъ
еще исполнить священнаго долга, который наложилъ на себя. По-
этому, онъ не могъ безъ сердечнаго трепета думать, что каждыи
шагъ, приближающій его къ Сен - Дона, приближаетъ къ графу,
что наконецъ встрѣтится онъ лицомъ-къ-лицу съ самымъ неаввер-
нымъ врагомъ своимъ, которому не на что будетъ надѣяться, кро-
му руки своей, да шпаги. Дѣйствительно, Филиберъ внушилъ ему, что
Франсуа де-Сассенажъ задержанъ на нѣсколько дней въ Сен-Донѣ
любвнымъ приключеніемъ,—обстоятельствомъ, казавшимся дова-
но вѣроятнымъ, если принять въ соображеніе привычки старе-
го графа.

Впрочемъ, мщеніе не составляло единственнаго предмета размы-
шленій Эмѣ Вера. Часто, вопреки его воли, мысль его обрѣтала
къ замку Монморъ, точно компасная стрѣлка, которая все время
влечется къ полюсу, не смотря на усилія ребенка, держащаго въ ру-
кахъ таинственный инструментъ. Онъ полагалъ, что у него доста-
нетъ силъ изгнать изъ души своей воспоминавіе о Бланкѣ; но да-
же де-Сассенажъ произвела на него слишкомъ-глубокое впечатлѣніе,
и время не могло изгладить его. Сколько разъ твердилъ онъ
себя, что никогда ему не видать ея, что, слѣдовательно, надежда
ее, и, не смотря на то, имя Бланки являлось на устахъ его, и не-
редъ приходилъ онъ эту дань памяти объ отсутствующей подругѣ.
Даже тогда, когда удавалось ему скрыть отъ самого-себя тайныя чув-
ства сердца, эти чувства пробивались наружу и сгущали покровъ гру-
сти на лицѣ его.

Высказавъ такимъ образомъ вкратцѣ состояніе души нашего ге-
роя, мы не будемъ имѣть надобности говорить, что было пред-
метомъ его мечтаній въ ту минуту, когда съ двумя спутниками своими
пошелъ онъ въ Парнанскій Лѣсъ. Онъ уменьшилъ шагъ своего коня,
чтобъ проводникъ могъ слѣдовать за нимъ, и разсыпано бродилъ
между деревьями, которыя луна освѣщала вдали сомнительнымъ
свѣтомъ. Это зрѣлище напомнило ему таинственную ночь, проведен-
ную съ Бланкой на горѣ Сен-Шафрей, и не могъ онъ удержаться
отъ вздоха. Но въ ту самую минуту, вниманіе его обратилось на
конское ржаніе, слышавшееся въ нѣкоторомъ разстояніи; слышанъ
шумъ, который призналъ онъ за шумъ тихо-вдушаго отряда вой-
сковъ, достигъ почти въ то же время до его слуха.

— Гм, гм... пробормоталъ про себя Филиберъ, вдругъ остано-
вившись:—не-уже-ли это наши? Я не ожидалъ ихъ такъ рано. Имъ
чего добраго, они пріймутъ меня за духовника этого двора,
расправятся по-своему. Ей-ей! они это сдѣлаютъ, хоть для того,
чтобъ освободить меня отъ кошелька, который кажется имъ слишкомъ
тяжелъ,—и этотъ повѣса Гонтравъ...

Честный проводникъ не кончилъ своей рѣчи, потому-что эрльнице неожиданное поразило его взоры. Промежъ деревьевъ, при свѣтѣ луны, мелькали фигуры бѣлыя и легкія, подобныя тѣнямъ; онъ подвигался медленно, и вѣтеръ колебалъ покрывала, въ которыя онъ былъ закутанъ. Ихъ было довольно-много и одна-за-другою проходились передъ путешественниками, напѣвая въ-полголоса тихую, жалобную пѣснь.

— Пресвятая Богородица! воскликнулъ Женё, сотворивъ знаменіе креста, потому-что онъ былъ такъ суевѣрецъ, какъ только могъ быть юннэскій горецъ: — видите ли ихъ, братъ Филиберъ? Ручаюсь, что духи людей, убитыхъ на войнѣ и неполучившихъ отпущенія грѣховъ. Что вы думаете объ этомъ, мессиръ? прибавилъ онъ, приближаясь къ своему господину. — Куда бы спрятаться? Пресвятая Богородица! Если вы, мессиръ, вздумаете хватить ихъ пикой, — пройдите насквозь, и не сдѣлаете имъ ничего. Это все равно, что бороться съ туманомъ. Я слышалъ даже, что имъ стѣбитъ только мнутъ до васъ пальцемъ, и вы оледѣтѣете съ головы до ногъ, точно какъ-будто зимою провели вы ночь на вершинѣ Польвусской горы.

— Съ ума что ли сошелъ ты, товарищъ? сказалъ Филиберъ, который сначала дрожалъ всѣми членами при видѣ призраковъ, а потомъ, взглядывшись пристальнѣе, узналъ въ костюмѣ этихъ странствующихъ духовъ платье монашенокъ бернардинскаго ордена. — Идѣй-часъ ты такъ краснѣ говорилъ объ эспадронѣ и способѣ употребить его, что, я думалъ, у тебя болѣе хладнокровія и мужества; но, какъ говоритъ мой отецъ, пустая бочка издаетъ больше шума, чѣмъ яка полная.

— Пусть они пройдутъ, братъ Филиберъ, отвѣчалъ Женё: — пусть пройдутъ; увидимъ, такъ ли хорошо владеете вы палкой, какъ языкомъ. За кого же считаете вы эти привидѣнія, вы, безстрашный чезельтъ?

— Любезнѣйшій, отвѣчалъ Филиберъ: — передъ тобою такія же точно живыя существа, какъ ты и я. Ты знаешь пѣсню:

Это наши монастырки,
Онѣ ходятъ только ночью,
И боятся онѣ страшно
Того влаго графа Ори.

а, повѣрь мнѣ, это бернардинки; знать, стѣны монастырскія показались имъ не совсемъ-плотными и ворота не очень-крѣпкими, и онѣ юбракуются потихоньку къ католической арміи; желаю, чтобъ имъ было безопаснѣе, чѣмъ въ монастырѣ, потому-что, какъ говоритъ мой отецъ, овцы убѣгаютъ отъ волка только для того, чтобъ пастухъ трогнулъ ихъ. Но, чу! товарищъ, развѣ не слышишь: онѣ поютъ молитву? Точно, будто эти милыя дѣвушки собираются испустить духъ. Намъ онѣ не проведутъ; дайте имъ только забраться за дѣбрую пещерную городку, и поднимется у нихъ такой шумъ, какой дѣлаютъ птицы,

когда выпускають ихъ въ ивановъ-день въ церкви Гренобльско-Божіей Матери.

Дѣйствительно, въ пѣніи ночныхъ путешественницъ можно было различить слова и размѣръ молитвъ. Одинъ голосъ начиналъ во званіе, а другіе голоса повторяли вмѣстѣ: ога рго nobis! но такъ тихо, что, слыша ихъ, можно было счесть ихъ за звуки отдаленной гармоніи. Эмѣ Веръ съ глубокимъ вниманіемъ прислушивался къ пѣву благочестивыхъ дѣвъ. Еслибъ намъ позволено было употребить здѣсь выраженіе, заимствованное изъ языка поэтовъ, то эта простая мелодія походила не столько на звуки земные, сколько на эхо небесныхъ гимновъ. Обстоятельство вовсе неожиданное привело стрѣлу еще въ большее смущеніе. Когда одна монахиня проходила мимо него съ пѣніемъ, ему послышался голосъ чистый, звучный, очень знакомый его сердцу. Въ ту минуту, монахиня повернула голову въ другую сторону, вѣтерокъ распахнулъ слегка бѣлое покрывало, закрывавшее лицо ея, и сильно забилося сердце Эмѣ Вера. Ему показалось, будто при тихомъ сіяніи ночнаго свѣтила, мелькнули предъ нимъ черты дѣвицы де-Сассенажъ. По невольному чувству, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ приблизиться къ ней, но покрывало опять уже свиснулось, и монахиня скрылась среди подругъ своихъ. Эмѣ Веръ, вѣроятно, при помощи той проникательности, или, если угодно, того магическаго зрѣнія, которымъ одарены влюбленные, думалъ, что онъ узнаетъ еще ее по стройности талии, по граціозности походки, но не посмѣлъ слѣдовать за нею и остался неподвиженъ на томъ же мѣстѣ изумленный и вмѣстѣ очарованный этою встрѣчей. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить дѣвицу де-Сассенажъ въ подобномъ мѣстѣ и въ подобномъ костюмѣ. Онъ думалъ, что она еще въ замкѣ Монпелье, у дяди старой тетки своей и спрашивалъ себя, по какому странному случаю находитъ онъ ее среди этихъ монахинь-бѣглянокъ. Но онъ не имѣлъ времени отвѣтить на этотъ вопросъ и на другіе, возникавшіе въ душѣ его; послѣдняя монахиня прошла, и въ слѣдъ за нею показался отрядъ всадниковъ, составлявшихъ, вѣроятно, конную охрану ихъ, и съ трудомъ сдерживавшихъ нетерпѣливыхъ коней, которые наскучила медленность шествія. Солдатъ было около пятидесяти, на кожаныхъ ихъ нагрудникахъ видѣлись большіе бѣлые кресты — знакъ, что они были католики. Начальникъ ихъ вѣшалъ впередъ передъ собою съ матерью-игуменьею, сидѣвшею на конѣ, и разговаривалъ съ нею. То былъ человекъ высокаго роста и костюмъ его долженъ былъ показаться страннымъ даже въ эти времена безпорядка, когда каждый одѣвался какъ хотѣлъ или какъ могъ. Подобно древнимъ рыцарямъ, онъ былъ закованъ въ желѣзо съ головы до ногъ; старая шапка въ вышайшій шпалакъ покрывала его голову и шею; руки, вооруженныя перчатками и копьемъ, были въ стальныхъ перчаткахъ; огромные сапожки спускались на ноги; однимъ словомъ, на немъ было настоящее царское вооруженіе, во всѣхъ отношеніяхъ подобное тому, которое въ походѣ лодой Баярдъ занялъ у своего дяди, приходскаго сенешала, и который онъ отправилъ на лонскій турниръ, въ концѣ прошедшаго вѣка.

вѣтка. Впрочемъ, забрало его шлема было поднято и можно было ясно слышать вѣжливья рѣчи, которыми онъ угощалъ игуменью, чтобъ сократить дорожную скуку.

— Чортъ возьми, говорилъ онъ:—можете повѣрить, матушка, коней въ пятьдесятъ человекъ не пугалъ насъ, Бриссака и меня, когда мнѣ хотѣлось похитить какую-нибудь дѣвушку; мы готовы были сдѣлать десятокъ добрыхъ милъ, чтобъ встрѣтить конвой, подобный тому, который я имѣю удовольствіе вести теперь. Клянусь вамъ чѣмъ хотите, славное было то времечко, преподобная мать. Только одинъ бѣдный Баардъ не бражничалъ съ нами; всегда, бывало, говорилъ намъ поповѣди, да я этому почтенному рыцарю зажималъ ротъ и говорилъ, что мы въ землѣ непріятельской, а въ землѣ непріятельской—гдѣ ни попадись въ руки, все хорошо. Я думаю, матушка, вы разсуждаете въ этомъ отношеніи мое мнѣніе и мнѣніе всехъ людей, знающихъ дѣло.

Игуменья молчаніемъ одобрила правила, на счетъ которыхъ онъ вращивалъ у ней мнѣнія, и старшій Гюгъ продолжалъ:

— Знали ль вы Бриссака, преподобная мать? Клянусь вамъ, онъ былъ красивый малый и всегда умѣлъ угождать дамамъ. Не знаю, правда, какъ онъ это дѣлалъ, только всегда, бывало, повѣса, возьметъ рѣпость съ разу. На бивакѣ, онъ былъ лихой молодецъ, клялся, какъ морской разбойникъ, пилъ, какъ шампьеръ. Но, чортъ побери, для дамъ у него бывали другія пѣсни. Лицо такое добренькое, кашенькое, лапки такія бархатныя,—ну точно когъ, который караулитъ мышъ. Онъ такъ умѣлъ говорить, что самое дикое животное у него дѣлалось ручнымъ; всегда онъ умѣлъ заставить слушать себя, вы знаете, матушка, что когда держишь женщину за уши, то развѣ чортъ...

Счастье было для игуменьи бернардинокъ, что Эмѣ Веръ въ эту минуту явился передъ старымъ рыцаремъ. Напрасно плотно закутывалась она тройнымъ своимъ покрываломъ и старалась занять душу набожными мыслями: звучный голосъ ея спутника доходилъ до нея, не смотря на всѣ предосторожности. Поэтому, она рада была, что неожиданнѣйшій случай положилъ конецъ вѣжливостямъ рошлёртскаго барона и съ участіемъ глядѣла на свиданіе отца съ сыномъ.

ХІІІ.

— Кой прахъ! сказалъ старшій Гюгъ, когда прошла первая минута сердечнаго изліянія:—радъ, что встрѣтилъ тебя, молодчикъ. Мшная шпага очень годится теперь; я замѣтилъ, въ лѣсу шатаются кіе-то негодяи подозрительной наружности; пожалуй, они вздумаютъ еще завести драку. Самъ-то я не боюсь ихъ: для меня они все равно, что мартовскій ливень, да вотъ мнѣ надо сберечь эту стаю глупокъ, какъ крестьяне берегутъ индѣекъ, когда гонять ихъ на базаръ; они все боятся, чтобъ собаки не отхватили одной изъ нихъ

на дорогѣ. А, и ты здѣсь, болванъ! прибавилъ онъ, увидѣвъ Жевкъ къ которому возвратилось все присутствіе духа, какъ-скоро онъ убѣдился, что имѣеть дѣло не съ привидѣніями: готовъ ли ты, братецъ драться? Хорошо ли ты вель себя, съ-тѣхъ-поръ, какъ я тебя и дѣлъ въ послѣдній разъ?

— Не угодно ли взглянуть на мой эскадронъ, мессиръ? отвѣтилъ горецъ: — онъ весь иззубренъ, и можете повѣрить, не говядину рѣзалъ я имъ, не траву косилъ...

— Ладно! возразилъ старшій Гюгъ:— вотъ, по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ вѣкъ, который слѣдуетъ старымъ обычаямъ и не дерется этими ненными палками; съ вашего позволенія, матушка, я сравниваю огненные палки съ страшнымъ орудіемъ, которое обыкновенно употребляютъ господа аптекари; но, съ начала войны, я достаточно и сказалъ свое мнѣніе на этотъ счетъ. Ну-те, въ дорогу, мои дѣти, маршъ! да держите ухо вострѣй!

Эмѣ Веръ съ минуту былъ въ нервшимости, слѣдовать ли ему старымъ рыцаремъ; ему хотѣлось поскорѣй добраться до Сен-Дамъ; онъ съ сожалѣніемъ видѣлъ, что отдалялась отъ него давно-желанная минута свиданія съ графомъ. Но старшій Гюгъ думалъ, что вой непременно будетъ атакованъ; онъ просилъ сына проводить по-крайней-мѣрѣ до перваго католическаго поста, и просилъ такъ настоятельно, что Эмѣ Веръ принужденъ былъ уступить и присоединиться къ конвою, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ себѣ обѣщаніе покинуть его тотчасъ же, какъ-скоро не будетъ особенной надобности въ его присутствіи. Читателямъ не трудно догадаться, что Филиппъ былъ очень-недоволенъ этой встрѣчей, но, какъ человекъ благодарный и привычный покоряться судьбѣ, онъ скрылъ свое невольствіе и послѣдовалъ за Эмѣ Веромъ, обѣщаясь, съ своей стороны, увести его какъ-можно-скорѣй опять на дорогу къ Сен-Дамъ. Сверхъ-того, онъ надѣялся, что разбойниковъ въ лѣсу много, что они рѣшатся напасть на конвой, и что такимъ образомъ дѣла сами собою прійдутъ къ той развязкѣ, какую поручено ему было приготовить.

— Ну, что ты поддѣливаешь, любезный сыночекъ? сказала Гюгъ Веръ, когда отрядъ тронулся въ путь. — Вотъ ужъ болѣе и не имѣлъ я удовольствія видѣть тебя. Правду сказать, сдѣлалось будто съ тобой случилась какая-то бѣда, и вино стало казаться мнѣ дурнымъ, а это, между нами сказать, случается со мной только тогда, когда я пью пикетъ, или другую какую-нибудь бурду, — но здѣсь, чортъ побери! полно объ этомъ думать. Ну вотъ, ты попробовалъ войны, молодчикъ, какъ она тебѣ кажется? Скажи, не чудесное ли теперь время? Про себя скажу, мнѣ кажется, я и молодѣлъ двадцатью годами. Иду, куда хочу, днемъ и ночью, боюсь ни приставовъ, ни разсыльныхъ, ни сержантовъ; хожу заломивши голову, и теперь мэтръ Боньфуа прячется отъ насъ въ та, выходитъ изъ дому только въ туманъ, и боится выставлятъ въ окно. Эхъ, Боже мой! вотъ время такъ время! житье слѣдуетъ только Богъ, чтобъ оно протянулось подольше. Любезныя дѣти,

тали вдвое въжливѣе, и посмотришь на нихъ, такъ подумаешь, что ни твои должники; они боятся, чтобъ ты не вспомнилъ маленькаго чета съ ними. Прийдешь въ городъ, они тебя ласкаютъ и угощаютъ. Но, прибавилъ старый рыцарь:—на этотъ счетъ надо побранить себя немножко, молодчикъ. Какъ? Ты платишь мои долги? Полно, не правдывайся, ты согласился съ Жаномъ Гуттнуаромъ и еще съ кѣмъ-о... Такъ-то, любезный сыночекъ; ты, видно, хочешь моей смерти?

— Я, батюшка? сказалъ Эмѣ, улыбаясь.

— Говорю тебѣ напередъ, сказалъ Гюгъ Верь: — небольшое намядство получишь ты послѣ меня, и перерой хоть весь замокъ Рошерицъ отъ погреба до чердака, не найдешь ни полушки; немного выиграешь ты, если я отправлюсь *ad patres*,—а я, чортъ побери, потеряю десять или пятнадцать хорошихъ сборовъ винограда. Такъ я прошу тебя, береги свои деньги про себя, и оставь мнѣ всѣхъ моихъ благопріятелей въ провинціи.

— Накажи меня Богъ, сказалъ Эмѣ:—еслибъ явздумалъ причинить вамъ хоть малѣйшую неприятность! Но я вамъ такъ обязанъ, батюшка, и мнѣ кажется, заплативъ за васъ...

— Кой прахъ! прервалъ Гюгъ Верь: — такъ ты не знаешь, что безъ кредиторовъ я давно простился бы и съ тобой и съ бутылкой? Именно такъ. Три или четыре раза попадался я въ плѣнъ этимъ собакамъ-еретикамъ; знаешь ли, кто вытаскивалъ меня изъ ихъ когтей, отворялъ мнѣ тюремныя двери, выпускалъ меня въ чистое поле? Кому это сдѣлать, какъ не моимъ любезнымъ кредиторамъ? Слава Богу, у меня ихъ вѣдь не-немножку, и чуть они провѣдаютъ, что меня схватили и хотятъ сдѣлать со мной какую-нибудь скверную штуку, бѣдняжки не спятъ, не вѣдятъ, хлопчутъ, какъ бы вытащить меня изъ тины. Въ Валансѣ, трактирщикъ, которому я былъ долженъ ефимковъ съ десятокъ, просунулъ мнѣ пилу, чтобъ я перебилъ тюремную рѣшетку; въ Ди, виноградчикъ, которому я былъ долженъ ефимковъ съ двадцать, спряталъ меня въ пустую бочку, которую еретники только-что осушили, и отъ которой, слава Богу, и мнѣ досталась доля, и выкатилъ онъ меня въ этой бочкѣ изъ тюрьмы, а негодяи ждали только разсвѣта, чтобъ разстрѣлять меня. Наконецъ, въ Сен - Поль - Труа - Шато, я уже былъ на висѣлицѣ; злодѣи хотѣли повѣсить меня, какъ мужика; но вотъ, видишь ли, какъ нарочно, палачъ былъ старинный мой сапожникъ, которому я всегда забывалъ платить за сапоги. «А сапоги-то мои, мессиръ», сказалъ онъ, завязывая веревку вокругъ шеи: «когда же мнѣ заплатите за нихъ?»—Кой чортъ! сказалъ я, вѣрно на страшномъ судѣ, потому-что врядъ ли намъ увидаться прежде этого времени.—«А если я васъ спасу, мессиръ?» сказалъ онъ. — А! въ такомъ случаѣ, вскричалъ я, ты можешь приготовить свой счетъ къ будущему иванову-дню; обещаю тебѣ заплатить все до послѣдней копейки.—Мой пріятель больше ничего и не спрашивалъ. Онъ завязалъ узелъ, и вотъ я на висѣлицѣ и думалъ уже, что совершаю послѣднюю повѣдку въ вѣчность безъ помощи моей любезной Розамонды. Но этотъ плутъ

такъ завязалъ узелъ, что мнѣ оставалось еще немножко мѣста для дыханія, и вечеромъ, когда всѣ убрались по домамъ, онъ украдкой отрѣзалъ веревку... И я опять вышелъ на свѣтъ Божій, и еще разъ ускользнулъ изъ рукъ этихъ негодяевъ—парпальйотовъ. Пресвятая Богородица! Чтò было бы со мною, еслибъ ты вздумалъ заплатить этому честному сапожнику за часъ до этой роковой минуты? Ручаюсь, что онъ изъ всей мочи стянулъ бы мнѣ веревкою шею: это было бы для него процентомъ съ долга. Ну, такъ, любезный, еще разъ говорю тебѣ, если хочешь, чтобъ я дожидъ до конца кампаніи, береги деньги при себѣ.

Послѣ такого оригинальнаго увѣщанія, старый Гюгъ началъ рассказывать сыну и матери-игумень о чудесныхъ подвигахъ Розамонды, которая принимала сначала протестантовъ за приставовъ, и пускалась во всю прыть, какъ-скоро завидитъ, бывало, ихъ черныя платья и длинныя фигуры, — а потомъ, мало-по-малу, привыкла къ новымъ врагамъ, и показала, что она достойна славы, приобрѣтши ее въ битвѣ при Серизолѣ. Эмѣ Веръ, какъ ни уважалъ барона, слушалъ его разсѣянно. Онъ замѣтилъ, что одна берпярдинка по-временамъ оборачивается къ нему и, поднимая свое покрывало, кладетъ палецъ на ротикъ, какъ-бы прося его молчать. Въ ночной темнотѣ ему казалось, что это дѣвица Сассенажъ подаетъ ему таинственный знакъ. Его удивленіе удвоилось, когда онъ увидѣлъ, что та же монахиня мало-по-малу выходитъ изъ рядовъ своихъ подругъ, и идетъ въ сторонѣ отъ нихъ въ густомъ мракѣ лѣса, замѣтно укорачивая свой шагъ. Эмѣ Веръ подумалъ, что Бланка-хочетъ поговорить съ нимъ. Безъ сомнѣнія, онъ страшился подобнаго свиданія, потому-что оно могло только увеличить его сожалѣнія и оживить рану, которую онъ такъ старался залечить. Не смотря на то, какъ еще не былъ на свѣтъ любовника, даже самаго безнадежнаго, который откажись бы пробить минутку подлѣ любимой женщины, послушать ея голоса, подышать воздухомъ, которымъ она дышетъ, — нашъ герой сошелъ съ коня, и, пока рошлерптскій баронъ горячо рассказывалъ игумень о подвигахъ Розамонды, пошелъ по тропинкѣ, по которой тихо шла монахиня. Сильно забилось его сердце, когда онъ приблизился къ ней и услышалъ шумъ ея шаговъ по листьямъ, устилавшимъ землю. Монахиня, казалось, была взволнована не менѣе, наконецъ, она слегка отбросила свое покрывало. Робко устремивъ на нее свои взоры Эмѣ Веръ, и онемѣлъ и растерялся, когда увидѣлъ въ ней младшую дочь владѣльца Босежурскаго Замка.

— Мессиръ, сказала Сиголена, не замѣчая смущенія моего своего: — никакъ не ожидала я встрѣтить васъ здѣсь, и признаюсь, глубоко тронута такимъ благороднымъ поступкомъ. Надѣюсь, что не грядить васъ за это когда-нибудь всѣми попеченіями, какія хозяйка должна оказывать своему мужу; надѣюсь, что даже и подлѣ моихъ надзоромъ, будетъ процвѣтать. Чтò ни говори Кювильда, если мы будемъ жить вмѣстѣ, если у насъ будетъ свой дворъ, своя прессовальня, увидите, какъ хорошо пойдутъ у насъ...

а́тъ я буду хозяйничать. Тутъ нѣтъ ничего унижительнаго. Вы знаете, вѣроятно, мессирь, что баронъ Улиссъ, во время своихъ странствованій, встрѣтилъ дочерей короля наксоскаго, которыя сами мыли въ рѣкѣ, а это самымъ торжественнымъ образомъ опровергаетъ все примѣры принцессъ, которыхъ сестра безпрестанно мнѣ выгавляетъ.

Не такъ страшно разочаровывается бѣднякъ, который во снѣ перенесся въ благодатное небо счастливыхъ острововъ, и, пробужденный вѣтромъ, дующимъ въ разбитыя стекла окна, видитъ себя являть на холодномъ и темномъ чердакѣ, какъ разочаровался нашъ герой, услышавъ эти рѣчи. Ему надобно было собрать всю свою философію, все свое умъне жидѣ, чтобы скрыть это разочарованіе. Мы знаемъ даже, успѣлъ ли бы онъ скрыть его, еслибы конвой, къ неожиданному счастью, не прибылъ на берегъ Изера и не подошелъ къ мосту, который велъ въ деревню Сорбьеръ, гдѣ расположенъ былъ въ то время многочисленный отрядъ католиковъ. Оклики часовыхъ, арабанный бой въ лагерь, громкій крикъ Гюга Вера: «стой!», прервалъ бесѣду молодыхъ людей. Эмэ, пользуясь суматохой, пробормоталъ кокеткѣ извиненіе и ушелъ отъ Сиголёцки, которая начинала же сильно напирать на него съ нѣкоторыми вопросами по части домашней экономіи, — вопросами, которыя, по ея мнѣнію, женихъ и вѣста должны рѣшить прежде, чѣмъ вступать въ бракъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Гюгъ Веръ, увидя сына: — куда ты запро-
стился, молодчикъ? Не безъ тебя нужно. Преподобная мать, продолжалъ онъ, обратясь къ Гюмьенъ: — вотъ храбрый дворянинъ, который проводитъ васта въ вашихъ дочерей до монастыря, что видѣвъ амъ на право отъ моста, и гдѣ мы сегодня останемся.

Эмэ Веръ съ изумленіемъ взглянулъ на отца; но старикъ горечь бляснулъ ему, что ему надо на минутку остановиться въ деревнѣ и развѣдать, можетъ ли конвой безопасно продолжать путь завтра и не шатаются ли тутъ гдѣ-нибудь гугенотскіе отряды; онъ просилъ сына принять начальство надъ конвоемъ и довести его до монастыря.

— Приготовь намъ въ монастырѣ ужинъ, любезный, продолжалъ онъ: — мнѣ хочется имѣть честь распить бутылку или двѣ съ матушкой игуменьей. Мнѣ еще надо рассказать ей нѣсколько чудесныхъ сторій и между-прочимъ приключеніе, бывшее съ Бриссакомъ и со мною въ Анконской Маршіи. Мы стояли лагеремъ близъ одной виллы, гдѣ была молодая дѣвушка, кажется, Венеціанка, — да, точно венеціанка, я вспомнилъ. Бриссакъ... онъ былъ такой же лихой ученый, какъ и волокита, рассказалъ мнѣ по этому поводу, что госпожа венера родилась на берегахъ Адриатическаго-Моря изъ самой легкой морской пѣны, — а этимъ, гворить, можетъ-быть и объясняется вѣстоиство и легковѣрность красавицы. Но, воротимся къ нашей дѣвушкѣ; разъ вечеромъ... цѣлый день дрались мы съ имперцами и гдѣ-того были въ прекрасномъ расположеніи духа; такъ вотъ вечеромъ мы выпили нѣсколько бутылокъ кипрскаго, въ головѣ у насъ шумѣло, и мы рѣшились...

Эмэ, судя по этому началу, что история, случившаяся въ Анжонской Мархин, будетъ похожа на другіе скромныя анекдоты, которыми старыи рыцарь угощалъ игуменью, поспѣвши отдачь коевою приказъ — тронуться въ путь, и удалился съ монахинями, давъ Филиберу знакъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Почтенному монаху не очень нравилось, что исполненіе его плана опять замедлилось; и такъ-какъ онъ видѣлъ, что и Эмэ Веръ не меньше его желаетъ поскорѣе вернуться на сен-донаскую дорогу и съ сожалѣніемъ уступаетъ обстоятельствамъ, то весело пошелъ къ монастырю, борючя сквозь зубы: — Чортъ, а не человекъ! все равно, что держатъ волка за уши. Но, какъ говорить мой отецъ, къ чему жаловаться. Можно ли помѣшать дождю падать на землю, солнцу свѣтить, вѣтру дуть? Пойдемъ по вѣтру. Боюсь только того, чтобъ Гонтранъ не соскучился, ожидая насъ, да не проигралъ кому другому свои грады и ефимковъ.

Между-тѣмъ, Гюгъ Веръ, мечтая о приключеніяхъ былаго времени, отправился въ деревню, среди которой стояло множество бивуаковъ. Онъ подѣхалъ къ избѣ, въ которой собрались начальники католическаго отряда, занимавшаго деревню. По платью солдатъ, онъ узналъ, что это не отрядъ регулярной арміи, а отрядъ партизанскій. Такихъ отрядовъ образовалось множество на всѣхъ пунктахъ провинціи. Видно было, что этотъ отрядъ участвовалъ днемъ въ какой-нибудь жаркой схваткѣ; повозки, въ которыхъ заключался полевой лагерь, были набиты ранеными, и когда старый рыцарь вошелъ въ избу, прежде всего представилась ему въ первой комнатѣ толпа плѣнниковъ, у которыхъ руки связаны были веревками. Привыкнувъ къ подобнымъ сценамъ, онъ не обратилъ бы никакого вниманія на эту толпу, еслибъ въ то время, какъ пробирался онъ между гугенотами, женщина сухая и тощая, одѣтая въ синее платье, и за которою испугъ жалась шесть или семь малютокъ разнаго возраста, не подошла къ нему и не отвѣсила преизякаго поклона.

— Кой прахъ! сказалъ онъ: — напрасно трудишься, матушка, — я твой судья; обратись къ другому. Я думаю, ты ищешь дѣло не съ дѣшными, которые вѣдятъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Бѣдная женщина, немного сконфузясь, отошла отъ него съ дѣлами и устремила заплаканные глаза на человека жалкой наружности, который замѣтенъ былъ между другими плѣнниками по черному балахону въ заплатѣхъ, ниспадавшему съ плечъ его, и по фанатизму, съ какимъ убѣждалъ онъ своихъ товарищей показаться достойнымъ святой вѣры ихъ и умереть съ гордымъ челомъ, подобно мученикамъ первобытной церкви. Благодаря темнотѣ комнаты, довольно-трудно было узнать, какое дѣйствіе производили на слушателей рѣчи развѣстнаго кальвиниста. Притомъ, Гюгъ Веръ вовсе не имѣлъ расположенія останавливать порывы этого бурнаго краснорѣчія; онъ обыкновенно говаривалъ, что не даетъ доброму вину литься безъ всякой пользы, но что для него все равно, черезъ вѣра ли переходать или выискивать колодези, цистерны и источники; поэтому, не останавливаясь,

юшелъ онъ въ другую комнату, гдѣ въ то время находилось довольно-многочисленное общество. Сначала, всѣ эти лица казались ему незнакомыми; большею частію тутъ были капитаны-авантюристы, которые проигрывали въ карты добычу, приобретенную ими въ этотъ день, или обильными возліаніями приготовлялись къ завтрашнему бою. Подобное зрѣлище не заключало въ себѣ ничего непріятнаго для стараго рыцаря, который не прочь былъ распить съ этими молодцами жбанъ-другой вина, и пожалуй, рискнуть пистолемъ или ефимкомъ въ ломберъ или ландскнехтъ. Но еще не успѣлъ онъ отвѣтить ни на одно изъ многочисленныхъ приглашеній, обращенныхъ къ нему со всѣхъ сторонъ, какъ увидѣлъ вокругъ стола нѣсколько лицъ, обратившихъ на себя особенное его вниманіе, и въ числѣ ихъ молодца и пылакаго друга Эмэ Вера, Гаспара де-Монморъ. Судя по знамени, стоявшемъ подлѣ него, можно было догадаться, что прежній стрѣлокъ черной роты былъ начальникомъ волонтеровъ, занимавшихъ въ то время деревню. Онъ положилъ свою каску на столъ, и такимъ образомъ открылъ свои волосы, лежавшіе въ беспорядкѣ, живые и проницательные глаза и рѣзкія черты, получившія въ теченіе войны выраженіе болѣе мрачное и свирѣпое.

— Чортъ возьми! подумалъ Гюгъ Веръ: — и для этого-то нечосанаго молодца мой простофиля-сынъ зажимаетъ мнѣ ротъ цѣлые четыре мѣсяца! Накажи меня Богъ! Я думаю, самъ Баярдъ не былъ бы такъ глупъ. А! вашъ покорнѣйшій слуга, мессиръ Жоссеравъ, продолжалъ онъ вслухъ, кланяясь владыцѣ Босежурскаго Замка, который сидѣлъ подлѣ Гаспара, положивъ одну ногу на другую: — какъ поживаютъ ваши прелестныя дочки? Скоро ли мы приударимъ въ колокола въ день свадьбы? Сшито ли подвѣчное платье? Божусь вамъ, нигдѣ не удавалось мнѣ пить такой наливки, какою угостила меня ваша милая Гондолена.

Г. Жарніо ничего не отвѣчалъ; онъ только поклонился старому рыцарю. Не въ первый разъ съ начала войны встрѣчалъ онъ Гюга Вера, и, не смотря на толстую повязку родительскихъ предубѣжденій, увидѣлъ наконецъ, что почтенный рошлѣртскій баронъ по природѣ своей немножко-насмѣшливъ и что шутокъ его не останавливаетъ никакой предметъ, какъ бы онъ ни былъ важенъ. Сверхъ-того, онъ приписывалъ ему внезапный отъездъ Эмэ Вера изъ Босежурскаго Замка и такъ раздраженъ былъ этимъ необязательнымъ поступкомъ, что былъ готовъ послать къ нему вызовъ на дуэль. Къ-счастью, мэтръ Жеромъ Гаше, которому поручено было написать и доставить это странное посланіе, внушилъ Жарніо, что не надо посягать на раздоръ въ рядахъ католической арміи, и безъ того уже изнемогающей въ борьбѣ съ гугенотами; что лучше употребить свое мужество для наказанія общаго врага, а частныя ссоры отложить до окончанія войны. Мессиръ Жоссеравъ уступилъ такимъ мудрымъ убѣжденіямъ, но тѣмъ не менѣе онъ питалъ глубокое неудовольствіе на Гюга Вера и даже на Эмэ, обманувшаго наилучшія надежды его. Поэтому, онъ поклонился старому рыцарю довольно-презритель-

но. Но Гюгъ Веръ не обратилъ на то вниманія; онъ увидѣлъ подлѣ владѣльца Босежурскаго Замка атлетическій ростъ и цвѣтущее лицо нашего веселаго знакома, Пласида Гуттнуара. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить клирика въ подобномъ нарядѣ. На головѣ Пласида былъ стальной шишакъ. На платьѣ его, которое по бокамъ было подобрано, чтобъ длинныя ноги его наслаждались полною свободой, лежала кольчуга; въ рукъ его была палка, неуступавшая сидю и тяжестью страшной палицъ, которою Геркулесъ убилъ Геріона и быковъ-людоедовъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ старій рыцарь:—ужь не сынъ ли это моего стариннаго кредитора Жана Гуттнуара, трактирщика на большой площади романской? Чтѣ жь это значить? Я думалъ, что ему прійдется всю жизнь носить брeвiарiй и дароносицу, а не кольчугу и шишакъ.

Въ это время, Пласидъ, отъ нечего дѣлать, велъ съ ученымъ Жеромомъ Гаше споръ о переселеніи душъ. Услышавъ очень-знакомый голосъ рошлёрптскаго барона, онъ живо обернулся къ нему.

— *Salve, pater Anchises!* Здравствуйте, сиръ рыцарь! сказалъ онъ барону. — Слава Богу, брeвiарiя еще не покидалъ я и надѣюсь современемъ твердо и высоко держать дароносицу въ нашей романской церкви. *Ex bello* рах, изъ войны истекаетъ миръ, и для того именно, чтобъ скорѣе дойти намъ до этого желаннаго результата, посвятилъ я служенію церкви свои руки и палку, какъ давно уже посвятилъ ей свои знанія и тотъ даръ краснорѣчія, который дало мнѣ небо. Впрочемъ, мессиръ, я знаю церковныя уставы, знаю старинное правило: *ecclesia abhorret a sanguine*. Потому я и не употребляю ни мечей, ни шпагъ, ни ружей или огненныхъ палокъ,—которыя такъ же смертоносны, какъ и шпаги.

Касательно послѣдняго пункта, Гюгъ Веръ не совсѣмъ былъ согласенъ съ пріятелемъ своимъ Пласидомъ Гуттнуаромъ, но такъ былъ радъ, что встрѣтилъ веселое лицо клирика, что отложилъ на время обнаруженіе своихъ мыслей на счетъ огнестрѣльнаго оружiя. Онъ пригласилъ его осушить нѣсколько пинтъ стараго вина, и чтобъ покончить серьезныя дѣла, выспросилъ у него все необходимыя свѣдѣнія, чтобъ привести въ безопасное мѣсто свой конвой. Такъ онъ узналъ отъ клирика, что правый берегъ Изера почти-совершенно свободенъ и что такъ-какъ эта рѣка на прибыли отъ таянiя снѣговъ альпійскихъ, то непріятелямъ нѣсколько дней нельзя будетъ переправиться черезъ нее. Мостъ, находившійся недалеко отъ деревни, представлялъ имъ удобный проходъ, но этотъ мостъ рѣшено было взорвать на воздухъ, какъ-скоро не останется другаго средства соединить гугенотовъ. Удовлетворенный этими извѣстіями, старій рыцарь думалъ только о томъ, чтобъ воспользоваться ими и вырваться изъ комнаты съ своимъ собесѣдникомъ, божась, что, послѣ Бреста, онъ не зналъ никого, кто бы такъ проворно умѣлъ осушать полныя кружки и съ звономъ стакановъ смѣшивать веселыя рѣчи.

XIV.

Когда оба пріятеля ушли, г. Жарніо, раздѣлившій мысли Жерома такъ касательно неизрѣченной сладости сна, замѣтилъ будущему супругу Кунегунды, что довольно уже поздно и негодно ли ему будетъ открыть военный совѣтъ. Гаспаръ, писавшій въ то время герцогу цемурскому, главнокомандующему католическою арміею, донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ тотъ день, заставилъ два или три раза повторить себѣ это замѣчаніе; наконецъ онъ поднялъ голову и, приказавъ привести пльнниковъ, поручилъ мессирю Жоссерану приступить къ допросу ихъ. Капитаны и другіе офицеры бросили карты и кости и усѣлись вокругъ стола, за которымъ сидѣлъ молодой ихъ начальникъ. Между-тѣмъ, ввели гугенотовъ и разставили ихъ передъ судьями. Большею частію пльнники были солдаты, взятые съ оружіемъ въ рукахъ и немогшіе ожидать пощады. По-этому, не смотря на всѣ старанія челоуѣколюбиваго Жарніо; первые пльнники, представшіе на судъ, были безжолостно осуждены на смерть и тотчасъ же переданы въ распоряженіе войсковаго палача. Правда, Жарніо добился до того, что тѣмъ, кто отречется отъ своихъ заблужденій и вступить въ ряды католической арміи, было обѣщано помилованіе; но, благодаря увѣщаніямъ доктора Эноха Барбаутана, который, какъ безъ сомнѣнія догадались уже читатели, находился среди кальвинистскихъ пльнниковъ, большая часть ихъ готова была лучше умереть, чѣмъ отречься отъ своей вѣры.

— Ну вотъ видишь ли, что ты надѣлалъ, Энохъ? говорила Бетзабѣ своему мужу:—песочные часы не успѣютъ показать пяти минутъ, какъ изъ этихъ молодцовъ не останется ни одного на свѣтѣ.

— Молчи, жена, молчи! отвѣчалъ докторъ строгимъ голосомъ:—въ этомъ дѣлѣ я — ничего. Не дай Богъ хвастаться мнѣ этимъ торжествомъ, одержаннымъ надъ духомъ зла. Единому Господу подобаешь честь. Я только ничтожное орудіе его воли!

—Боже мой! сказала Бетзабѣ:—опять пошлешь! Нельзя ли побережешь проповѣди до другаго раза? Ты, зная, рѣшился погубить меня, дѣтей, самого-себя? Не думай, что мы теперь уйдемъ отъ смерти; мы ужъ спасались отъ нея не разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ началась эта проклятая война,—а теперь намъ не будетъ никакой пощады.

Не смотря на мольбы своей половины, докторъ полагалъ, что ему не должно слушать внушеній суетнаго благоразумія. Онъ принялся кричать пуще прежняго, и всякій разъ, какъ какой-нибудь пльнникъ въ свою очередь подходилъ къ судьямъ, онъ поощрялъ его и жестами и словами, и убѣждалъ слѣдовать примѣру товарищей. Бетзабѣ стояла точно на горячихъ угльяхъ. Видя, что нѣтъ возможности зажать ротъ мужу, она придумала другое средство, чтобъ достигнуть своей цѣли. Она стала впереди его, такъ-что совершенно закрыла его отъ судей и судей, потомъ дала полновѣсную оплеуху Рувиму, другую Иссахару, третью Ноэми, наступила на ногу Жаннѣ, сильно ушибнула Тамаръ. Бѣдныя дѣти, изумленные такими необыкновен-

ными знаками нѣжности, сначала съ удивленіемъ посмотрѣли на мать, и потомъ, какъ водится, заревѣли, завопили, зарыдали, такъ что совершенно покрыли голосъ своего отца. Тщетно пытался Энохъ бороться съ этою бурей: онъ скоро убѣдился, что усилія его бесполезны, и замолчалъ.

Но страданія честной Бетзабѣ этимъ не кончились. Вопли дѣтей скоро надобѣли судьямъ, и самъ Жарніо, какъ ни терпѣливъ былъ въ подобныхъ случаяхъ, не могъ не высказать своего неудовольствія.

— Подведите сюда эту женщину, сказалъ онъ съ досадою. — Не можетъ ли она захватить клювъ своимъ совенятамъ. Точно шабашъ! Кто вы такая? прибавилъ онъ, обращаясь къ Бетзабѣ: — говорятъ, что вы безчеловѣчно прибили своихъ дѣтей. За чѣмъ это? Обыкновенно, ваши поля отличается кротостію и добрыми поступками.

— Увы! мессиръ, отвѣчала Бетзабѣ, выстроивъ сыновей и дочерей въ одну линію передъ столомъ, такъ-что при свѣтѣ факеловъ можно было различить большіе бѣлые кресты, которые она имѣла предосторожность нашить за минуту предъ тѣмъ на ихъ камзолахъ и платьяхъ: — вѣрно тутъ есть какая-нибудь ошибка; иначе насъ не захитили бы въ плѣнъ. Вы сами можете видѣть, кто мы таковы — бѣдные люди, которымъ, какъ ни бѣгаемъ, никакъ не удастся убѣжать отъ бѣды.

— Вотъ что! сказалъ Жарніо, смягчившись, потому-что видъ крестовъ произвелъ на него благоприятное впечатлѣніе: — такъ вы, кажется, католики?

Этотъ вопросъ привелъ Бетзабѣ въ затрудненіе; почтенная женщина, боялась, съ одной стороны, раздражить судей, а съ другой, вызвать какую-нибудь грубую выходку доктора Барбантана, который всегда внушалъ ей быть достойною матери Маккавеевъ и безъ-сомнѣнія ловилъ каждое слово ея. Поэтому, прежде отвѣта, она нѣсколько разъ кашлянула.

— Одинъ Богъ, мессиръ, сказала она наконецъ: — знаетъ, какое названіе должны мы носить. Кто смѣетъ сказать: я то-то, я это-то! Конечно, я всегда гордилась тѣмъ, что христіанка, но не смѣю сказать, что всегда, какъ должно, исполняла свои обязанности.

Отвѣтъ показался довольно-удовлетворительнымъ Жарніо и особенно капитанамъ волонтеровъ, которые сами не совсѣмъ были строги касательно догматовъ вѣры, и для которыхъ такая совѣстливость почтенной женщины была поучительна. Совсѣмъ не такими глазами смотрѣлъ Энохъ на двусмысленный отвѣтъ жены своей.

— Бетзабѣ! вскричалъ онъ, пробираясь къ столу: — что ты дѣлаешь? Тебя ли я слышу? Гдѣ ты научилась языку лжи и предвѣрія? Развѣ я подавалъ тебѣ примѣръ? Да, истину сказалъ я тебѣ, когда приказалъ молчать женщинъ, потому-что уста дочерей Бетзабы верзаются только для того, чтобъ искушать, проводить и обманывать. Женщина—есть только слабость и хитрость; она выучилась ду-

авству у змія, древняго врага нашего, и женщинѣ надо вѣрить столько же, сколько злему духу.

Сказавъ эти слова, и не дожидаясь, какъ станутъ его допрашивать, докторъ Энохъ твердымъ голосомъ сказалъ свое имя и званіе, возгласилъ, что онъ служитель святаго Евангелія и расположился произнести рѣчь противъ блудницы вавилонской и антихриста: такъ называлъ онъ римскую церковь и папу; но сначала рѣшился испросить помощи Всевышняго.

— Теперь, сказалъ онъ: — мы прочитаемъ псаломъ XXXIII, *Возстани, народъ гнѣвный*, стр. 25 лейденскаго изданія. Ну-те, Рувимъ, Иссахаръ, Ноэми, пойте громче и сильнѣе.

Бѣдныя дѣти, чуть живыя отъ страха, поспѣшили исполнить приказаніе отца и затянули псаломъ, который онъ называлъ. Но, вѣроятно отъ испуга, голоса ихъ дрожали, фальшивили, точно растрескавшійся и разстроенный органъ. Все собраніе покатилося со смѣха, услышавъ этотъ неожиданный концертъ; самъ Жарніо, не смотря на грустное направленіе своихъ мыслей, уступилъ заразъ, но въ ту же минуту Гаспаръ де-Монморъ, котораго рѣзкій голосъ Барбантана заставлялъ уже вздрогнуть два или три раза, поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою Эноха, съ руками простертыми горѣ и поющаго во все горло.

— Святой Гюгонъ! сказалъ Гаспаръ, ударивъ себя по лбу:—чуть-было не забылъ! Что вы рѣшили сдѣлать съ этимъ человѣкомъ, мессиръ? присовокупилъ онъ, взглянувъ на Жарніо: — я думаю, не пощадилъ его?

— Да что прикажете дѣлать съ такимъ сумасбродомъ, любезнѣйшій? отвѣчалъ Жарніо.—Навѣрное этотъ добрякъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла ни одной живой душѣ. Онъ поетъ, какъ еретикъ, это правда; но взгляните, у него на спинѣ крестъ. Мнѣ кажется, пріемъ чемерицы, какъ увѣряетъ мѣтръ Гаше, скорѣе вылечитъ подобнаго безумца, чѣмъ пеньковая веревка или ружейная пуля.

Дѣйствительно, Бетзабѣ воспользовалась тою минутой, какъ Энохъ говорилъ увѣщанія своимъ товарищамъ, и чрезвычайно-ловко нашла ему на спинѣ бѣлый крестъ, который считала всеильнымъ талисманомъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, Энохъ, самъ не подозревая, носилъ то, противъ чего возставалъ съ такимъ ожесточеніемъ. Но эта предосторожность не могла обмануть Гаспара.

— Какъ! такъ это ваше мнѣніе? сказалъ раздраженный Гаспаръ, потому-что видъ Эноха пробудилъ въ душѣ его всю ненависть, которой не переставалъ онъ питать къ гонителю своей матери и соавтнику Рено де-Монмора. — Какъ! вы называете этого помощника сатаны добрякомъ? Святой Гюгонъ! Пожалуй, вы сами вѣжливо выпроводите его за ворота деревенскія! Этотъ добрякъ, мессиръ, прибавилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва:—этотъ добрякъ перевернулъ вверхъ дномъ домъ отца моего; отъ него моя мать пролила столько слезъ, сколько не прожилъ онъ минутъ въ своей жизни; я

былъ выгнанъ, да, выгнавъ какъ нищій, въ замка Монморъ... Знаете ли, кто довелъ меня до этого позора? Знаете ли, кто заставилъ меня пройти по подъемному мосту съ поникнутымъ челомъ и бѣшенствомъ въ груди? Это онъ, слышите ли, это тотъ человекъ, что стоитъ передъ вами. Самъ Іоаннъ Кальвинъ не дѣлалъ столько зла, сколько эта старая обезьяна; я видалъ его въ битвахъ, на приступахъ, вездѣ, гдѣ должна была течь кровь католиковъ; я видалъ его въ пылу схватки, какъ держалъ онъ въ рукахъ Евангеліе и кричалъ, точно коршунъ, летающій надъ мѣстомъ побоища. И братъ мой, у котораго онъ священникомъ, бережетъ его, какъ зѣнницу ока. Онъ опустошилъ, четыре мѣсяца тому назадъ, городъ Романа, чтобъ спасти его отъ костра, и сегодня я получилъ отъ него письмо въ которомъ онъ требуетъ, чтобъ я отпустилъ его и тотчасъ же отправилъ къ нему. Онъ прибавляетъ, что если падетъ хоть волосъ съ головы этого человека, я буду отвѣчать за то своей жизнью. Какъ вы думаете, неслишкомъ ли это дерзко, капитаны? Развѣ мы должны спрашивать Рено де-Монмора, какъ поступать съ нашими пленниками? Поди-ка сюда, плутъ! сказалъ Гаспаръ молодому слугѣ, который благоразумно стоялъ въ сторонѣ.—Ты пріѣхалъ за Энохом Барбантаномъ, такъ ли?

— Мессиръ, сказалъ Жоліо (его-то прислалъ Рено съ этимъ порученіемъ):—я исполняю приказанія господина барона; что же касается до меня...

—Что касается до тебя, прервалъ его Гаспаръ:—тебѣ надо бы плясать на первомъ деревѣ за то, что ты осмѣлился ступить ногой въ мой лагерь; но съ тобой я раздѣляюсь послѣ. Ты можешь теперь воротиться домой, и такъ-какъ я ни въ чемъ не хочу отказывать брату, то возьми также съ собой и Эноха. Ты вѣрно привелъ съ собою лихаго скакуна для этого новаго Мардохея?

— Мессиръ, сказалъ Жоліо:—въ двухъ шагахъ отсюда стоитъ повозка для доктора и его семейства.

—Ты лучше! сказалъ Гаспаръ:—имъ удобнѣе будетъ ѣхать. Палачъ, прибавилъ онъ, обратясь къ солдату, стоявшему у дверей, съ веревкою на плечъ, и указывая на Эноха Брабантана, котораго Бетзабѣ заставила наконецъ замолчать, зажавъ ему рукой ротъ, такъ что онъ чуть не задохся:—повѣсь сію минуту этого человека, и когда онъ сдѣлаетъ послѣднюю гримасу, отдай его тѣло слугѣ барона Монмора.

Отъ ужаса вздрогнули при этихъ словахъ всѣ члены собранія. Не смотря на то, никто изъ нихъ не осмѣлился возражать противъ подобнаго приговора. Одинъ только Жарніо смѣло возсталъ противъ будущаго зятя своего и угрожалъ ему даже отказать въ рукѣ Куле-гунды, если онъ не отмѣнитъ давнаго имъ приказанія. Не трудно отгадать, что подобная угроза не произвела большаго впечатлѣнія на Гаспара. Поэтому, владѣлецъ Босежурскаго Замка съ досадою вышелъ изъ комнаты, твердя, что старшей дочери его лучше проси-

дѣтъ еще лѣтъ десять въ дѣвкахъ, чѣмъ выйдти замужъ за человѣка, который вѣшаетъ отца семерыхъ дѣтей.

Между-тѣмъ, Бетзабѣ, услышавъ смертный приговоръ, произнесенный надъ ея мужемъ, зарыдала, завопила и начала рвать на себѣ волосы. Она поняла, что нельзя ожидать никакого состраданія отъ Гаспара, и никакая сила земная не можетъ спасти Эноха отъ угрожающей ему участи. Барбантанъ не только не старался умиловать судью своего, но осыпалъ его всеми оскорбительными словами, какими только еврейскій пророкъ могъ поразить царя Аморея или полководца царя Неглатфелассара. Онъ увѣщевалъ его потомъ открыть глаза для свѣта, читать святое Евангеліе и толкованія доктора Швенбазена.

—Поспѣши, несчастный! говорилъ онъ:—поспѣши! Ангелъ смерти напечатлѣлъ уже на челѣ твоемъ знакъ, которымъ знаменуетъ онъ всѣхъ, долженствующихъ погибнуть насильственной смертію. Ты предстанешь предъ судіею своимъ прежде, чѣмъ новая луна свершитъ теченіе свое, и я желаю тебѣ явиться предъ нимъ съ такою же спокойною совѣстію, какъ спокойна теперь душа моя. А ты, жена, продолжалъ онъ, обратясь къ рыдающей Бетзабѣ:—молчи; слезы истекаютъ изъ сердца слабого и шаткаго. Дай миѣ умереть спокойно, какъ должно умирать христіанину. Долго проповѣдовалъ я другимъ, какъ должно смотрѣть на переходъ отъ этой жизни къ жизни лучшей, и знаю, какъ надо вести себя въ послѣднюю минуту; но человѣкъ слабъ, и не должно искушать его. Пора! не хочу прощаться съ тобой, Бетзабѣ! буду молить Господа, да ниспошлетъ онъ тебѣ благодать, безъ которой мы шатче дома, подмытаго водою. Воспитывай дѣтей нашихъ, какъ сталъ бы я воспитывать ихъ самъ. Рувимъ довольно уже въ лѣтахъ и можетъ замѣнить меня. Онъ у меня уже проповѣдовалъ два или три раза и знаетъ наизусть весь апокалипсисъ. Возьми мое платье, Бетзабѣ; благодаря твоей заботливости, его еще можно носить. Оставляю его Рувиму, какъ пророкъ Ілія оставилъ Елисею свою епанчу. Только поукороти его немножко — оно длиновато для него; пусть онъ проповѣдуетъ потомъ слово Божіе и идетъ по слѣдамъ отца. Дай ему Богъ такіе же успѣхи, какими сопровождалась моя проповѣдь!

Докторъ нѣжно обнялъ жену и, не показывая ни малѣйшей душевной слабости, отдался въ руки палачу, который уже торопился кончить проповѣдь. Бетзабѣ была нѣма отъ горести и страха. Она не знала сначала, идти ли ей за Энохомъ, который уходилъ, давалъ послѣднія увѣщанія солдатамъ, или броситься въ ноги Гаспару и просить помилованія мужу. Бѣдная женщина рѣшилась на послѣднее. Она бросилась къ молодому начальнику и раздирающимъ сердце голосомъ умоляла его простить Эноха. — Я уведу его въ Женеву, мэссиръ, говорила она:—онъ опять засядетъ въ свою лавку, и вы никогда его больше не увидите. Я вамъ обещаю это, только отпустите его. Нельзя терять ни минуты; солдаты тащатъ его,—скоро будетъ уже поздно.

Но Гаспаръ остался глухъ къ этимъ воплямъ. Онъ опять взялъ за перо и продолжалъ начатое имъ письмо. Видя эту холодность Бетзабѣ, внѣ себя, перешла вдругъ отъ слезъ къ ярости; съ поднятымъ кулакомъ кинулась она на жестокаго предводителя католиковъ.

—А, чудовище! кричала она, осыпая его ударами:—ты не хочешь отдать мнѣ бѣднаго моего мужа? ты хочешь, чтобъ его убили, какъ бѣшеную собаку? Такъ вотъ же тебѣ! вотъ! Онъ умереть не одинъ. Двадцать лѣтъ живу я съ нимъ, злодѣй, я должна его знать. Это честнѣйшій, добрѣйшій мужъ, какой только бывалъ на свѣтѣ. А ты хочешь убить его? Такъ вотъ тебѣ, адскій палачъ! Зачѣмъ я такъ сильна, какъ Самсонъ: задушила бы я и тебя и твоихъ людей, спасла бы я отца дѣтей моихъ!

Гаспаръ, изумленный такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, сначала не могъ удержаться отъ гнѣва. Обѣими руками схватилъ онъ Бетзабѣ и готовъ былъ разбить ей голову объ полъ; но скоро чувство болѣе-достойное его, воротилось къ нему; онъ оттолкнулъ ее отъ себя и хладнокровно приказалъ вывести вонъ. Солдаты, которымъ поручено было исполнить это приказаніе, безъ сомнѣнія встрѣтили бы сильное сопротивленіе со стороны Бетзабѣ, если бы въ эту минуту вдругъ не замолкъ голосъ Эноха. Бетзабѣ, внѣ себя, какъ молния выскочила изъ дома и бросилась на площадь, къ тому мѣсту, гдѣ стояла висѣлица. Но какъ ни проворна была она, все кончилось для нея прихода; Энохъ висѣлъ на роковой веревкѣ и не говорилъ уже ни слова. Нѣсколько разъ измѣнившимся голосомъ кликала его Бетзабѣ—онъ не отвѣчалъ, не показывалъ ни однимъ знакомъ, что слышитъ вопли жены. Бетзабѣ оглянулась, гдѣ ея дѣти,—ихъ не было подлѣ нея; они не поспѣли за нею; болѣе выдержать она не могла и безъ чувствъ пала на землю. Когда она очнулась, трупъ Эноха лежалъ уже въ повозкѣ. Служитель Божій дежалъ простертый во всю длину свою; лицо его было обращено къ небу; въ рукѣ была книга цѣлесней духовныхъ,—солдаты не могли вырвать ее, даже по смерти его: такъ крѣпко держалъ онъ ее.

—Пора въ дорогу, сказалъ ей Жоліо:—вотъ ваши дѣти; отправляйся поскорѣй, если вы не хотите, чтобъ и съ ними сдѣлалась то же, что съ отцомъ. Паписты разошлись по домамъ; но чего добраго, пожалуй ихъ начнетъ мучить совѣсть, и они воротятся.

Бетзабѣ машинально повиновалась ловчему; она, по обыкновенію, посадила двухъ малютокъ себѣ на спину, двухъ взяла на руки, и почти ничего не понимая, быстро пошла за повозкой, между-тѣмъ какъ Жоліо бормоталъ сквозь зубы: Ну, вотъ славно! Барону удивительно какъ будетъ пріятно увидѣться съ докторомъ; но, чортъ побери, какъ же мнѣ рассказать эту исторію?..

XV.

Между-тѣмъ, какъ эта тягостная для сердца сцена происходила въ рѣвнѣ, Эмэ Веръ довелъ бернардинокъ до монастыря. Разставивъ здѣ часовыхъ и принявъ всѣ предосторожности, какія требовали стоятельства, онъ пришелъ въ пріемную и съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія отца, потому-что твердо рѣшился отправиться ту же ночь, чтобъ на-разсвѣтѣ добраться до графа Сассенажа. Но ему пришлось ждать долго. Старый рыцарь, усѣвшись съ Пласидомъ предъ яндовою и принявшись рассказывать про свои походы, скоро былъ и про сына и про монахинь, которыхъ отдалъ подъ его охраніе. Проходитъ часъ; рошлѣртскаго барона все нѣтъ. Женѣ и рать Филиберъ, оба порядкомъ утомившись, уснули въ углу залы. Тамъ Эмэ Веръ, уступая утомленію отъ долгаго путешествія, закумса въ плащъ и легъ на дубовую скамейку, приказавъ солдату, появившему подлѣ на караулѣ, разбудить его тотчасъ, лишь только ярнѣ пріѣдетъ въ монастырь.

Полужамуривъ глаза, нѣсколько минутъ лежалъ онъ въ томъ состояніи души и тѣла, котораго нельзя назвать ни сномъ, ни бодрованіемъ; вдругъ легкій шорохъ поразилъ слухъ его. Въ то же время показалось ему, будто какое-то бѣлое привидѣніе нагнулось къ нему и назвало его по имени. Голосъ этого видѣнія былъ знакомъ ему; ему казалось, будто онъ въ какомъ-то туманѣ видитъ милыя черты, но онъ подумалъ, что это одна изъ тѣхъ обманчивыхъ рѣвъ, которыя носятъся передъ нами въ первыя минуты успокоенія. Въ такомъ убѣжденіи не хотѣлъ онъ совершенно стряхнуть съ себя на, опасаясь, чтобъ не исчезло это очаровательное видѣніе. Между-тѣмъ, тотъ же голосъ кликнулъ его въ другой разъ, и легкая рука налегла на плечо его. Эмэ тотчасъ привсталъ; передъ нимъ стояла бернардинка; руки сложены крестомъ; покрывало полуоткрыто. На тотъ разъ, прихотливая судьба не обманула его: передъ нимъ стояла дѣвица де-Сассенажъ. Прежде, чѣмъ опомнился онъ отъ изумленія, дѣвушка бросила вокругъ себя безпокойный взглядъ, и, нагнувшись къ нему, попросила идти за ней; потомъ, не ожидая отвѣта, вышла изъ пріемной, быстро прошла темные и безмолвные корридоры и пришла на одинъ изъ главныхъ монастырскихъ дворовъ. Мѣсяцъ освѣщалъ монастырскіе своды и плиты, покрытыя ползучими растеніями и мхомъ, потому-что монастырь былъ покинутъ уже нѣскольکو мѣсяцевъ, и еще въ началѣ войны обитательницы его перенрались въ мѣста, болѣе-безопасныя.

— Мэссиръ, сказала Бланка съ смущеніемъ, когда Эмэ Веръ явился подлѣ нея:—мой поступокъ долженъ показаться вамъ страннымъ, и, можетъ-быть, не выслушавъ, вы уже осуждаете меня...

— Мнѣ осуждать васъ? воскликнулъ Эмэ Веръ.—Бланка! вѣроятно вы нуждаетесь въ защитѣ; но повѣрьте мнѣ, если нужно, я пролью свою кровь, чтобъ наказать дерзкаго, кто осмѣлится безъ должнаго уваженія произнести ваше имя.

— О! возразила Бланка съ легкой улыбкой (она вспомнила под зрѣніемъ Эмѣ Вера на Горѣ Сен-Шафрей): — я знаю по опыту, как скоро осуждаете вы своихъ друзей; но, — замѣтила она тотчасъ болѣе серьезнымъ тономъ: — я пришла сюда, мессиръ, не для того, чтобъ упрекать васъ и напоминать вамъ о времени уже отдаленномъ, которое мы оба должны забыть. Другое дѣло, гораздо-важнѣе, привело меня сюда, и я должна скорѣе исполнить его.

Послѣ этого, Бланка спросила, знаетъ ли онъ монаха, который спитъ въ приемной и служитъ ему проводникомъ.

— Я видѣлъ его только два раза въ жизни, отвѣчалъ Эмѣ: — и едва знаю, какъ зовутъ его.

— Такъ берегитесь этого человѣка, мессиръ, сказала Бланка. — Я знаю, съ какою цѣлью провожаетъ онъ васъ, но думаю, что не престоимъ случай сблизилъ его съ вами.

— Онъ мнѣ служить проводникомъ, отвѣчалъ Эмѣ съ запинкою, онъ боялся, какъ бы Бланка не проникла цѣли его путешествія.

— А куда ведетъ онъ васъ? спросила дѣвушка.

Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, Эмѣ принужденъ былъ прибѣгнуть къ уверткѣ. Онъ сказалъ, что ему поручено съѣздить въ Виллуану, что братъ-сборщикъ милостыни знаетъ всѣ тропинки, и потому можетъ быть ему полезенъ; но Бланка не удовлетворена была этимъ объясненіемъ. Подъ монашескимъ платьемъ она узнала Фланбера, котораго видѣла въ Монморѣ въ числѣ людей графа де-Сассенажа, и не сомнѣвалась, что графъ поручилъ ему завлечь Эмѣ въ какую-нибудь сѣть. Потому она просила его разойтись съ опаснымъ спутникомъ и не доврѣять его сообщеніямъ.

— Не спрашивайте у меня ничего больше, мессиръ, прибавила она, закрывъ лицо руками: — у меня не достанетъ силы отвѣчать вамъ, но, ради Бога, будьте осторожны и помните, что измена всюду ждетъ по слѣдамъ вашимъ. Безъ сомнѣнія, въ послѣдній разъ предостерегаетъ васъ другъ, которому хотѣлось бы всегда оберегать васъ отъ гонителей, но который впередъ не будетъ имѣть возможности это долженъ будетъ охранять ничѣмъ, кромѣ желаній и молитвъ.

— Бланка! воскликнулъ Эмѣ Веръ, пораженный тономъ, испустила дѣвица де-Сассенажъ произнесла послѣднія слова: — ради Бога, вѣчайте мнѣ: чтѣ вы хотите сказать?

— Это покрывало, отвѣчала Бланка тревожнымъ голосомъ: — это покрывало должно все объяснить вамъ. Сегодня еще безгрѣшно могу я поднять его, но скоро оно опустится на мою голову и уже не поднимется. Да, мессиръ, я хочу проститься съ свѣтомъ, и хочу удалиться въ монастырь. Не жалѣйте обо мнѣ; я боюсь, Господь не видитъ жертвы въ моей рѣшимости. Свѣтъ, прибавила Бланка покраснѣвъ: — можетъ-быть, не имѣетъ для меня тѣхъ предостереженій, которыя имѣетъ онъ для другихъ, и я чувствую, что буду вести въ эту жизнь скучную и горестную. Правда, я родилась для того, чтобъ быть счастливою и довольною; веселость моя часто доходила до ра-

щества; но давно прошло время, когда я такъ смѣялась, и ужь вѣрно не воротится.

И при этихъ словахъ, Бланка силилась удержатъ слезы, блеснувшая въ очахъ ея. Скоро рыданія заглушили ея голосъ, и она стала закатъ, не говоря ни слова. Безмолвно глядѣль на нее Эмѣ Веръ; глубоко, глубоко былъ тронуть онъ, опустилъ голову и блестящая нѣза скатилась на его щеку. Никогда Бланка не представлялась ему въ такой трогательной красотѣ, никогда не чувствовалъ онъ къ ней мнѣйшей привязанности.

—Ахъ, Бланка! Бланка! прошепталь онъ:—зачѣмъ я узналъ васъ?

Онъ не могъ сказать ничего болѣе: тяжело было у него на сердцѣ, и онъ понималъ, что должно затаить въ груди скорбь, готовую вылиться наружу. Влюбленные хранили молчаніе, да и не нужно было словъ, чтобъ понять, что происходило въ душѣ ихъ. Они бы понимали, что, разлучась, унесутъ одинакое сожалѣніе, одинакое воспоминаніе. Наконецъ, Эмѣ, преодолевъ свое волненіе, спросилъ Бланку, какъ покинула она замокъ Монморъ, и тамъ ли осталась старая баронесса. Бланка отвѣчала, что двоюродный братъ ея, Генри, такъ сильно приставалъ къ ней, убѣждая отречься отъ католической релігіи, что она рѣшилась покинуть замокъ, для избѣжанія этихъ невыносимыхъ увѣщаній. По совѣту самой тетки, она удалась въ монастырь бернардинокъ и располагаетъ пострячься, какъ скоро кончатся срокъ искуса.

Послѣ этихъ объясненій, напомнившихъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности ея чѣ объты, ею данные, Бланка снова просила Эмѣ остерегаться Филибера; потомъ, поклонившись ему, удалась быстрыми шагами, какъ-будто страшилась, чтобъ Эмѣ не прочиталь болѣе въ ея сердцѣ. Эмѣ слѣдовалъ взорами подъ монастырскіе своды, но не могъ различить волнующіяся складки бѣлаго платья ея; скоро Бланка исчезла въ отдаленіи, и онъ опять пошелъ въ пріемную.

Когда онъ вошелъ въ залу, прежде всего хотѣль онъ кликнуть монаха, чтобъ поразспросить его и, сколько возможно, проникнуть тайну, окружавшую этого человѣка. Онъ думалъ не спускать его съ глазъ, такъ, чтобъ ему нельзя было увернуться. Къ величайшему удивленію, онъ не нашелъ его въ углу, въ которомъ оставилъ, по-видимому, въ глубокомъ снѣ. Онъ тогчасъ разбудилъ Женё и просилъ его, гдѣ братъ Филиберъ; но горецъ отвѣчалъ только, что не видѣль во снѣ черную козу съ красными рогами, а это была самая дурная примѣта. Покуда Женё продолжалъ толковать сонъ, Эмѣ началъ безмолвно ходить по залѣ, изумленный и встревоженный еще тѣмъ, что Гюгъ Веръ не пріѣзжалъ въ монастырь. Цѣлые два часа ходилъ онъ такимъ образомъ взадъ и впередъ по пріемной; дневной свѣтъ началъ уже пробиваться въ окна залы; вдругъ онъ услышалъ сильный стукъ въ глазныя ворота, бывшія недалеко отъ пріемной. Онъ тогчасъ побѣжалъ къ воротамъ, думая, что пріѣхаль наконецъ рошлѣритскій баронъ; но уже часовой отодвинулъ засовы, и старуха, въ платьѣ странствующей богомолки, съ пилигримскимъ

посохомъ въ рукѣ, вошла на дворъ. Она запыхалась отъ усталости; казалось, была сильно встревожена. Наконецъ, переведа дышанья она громко закричала, хоть и голосомъ немного-сиплымъ:

— Ну-те, подымайтесь, подымайтесь, дѣти Божіи! Идутъ проклятыя гугеноты! Вставайте! они идутъ со всѣхъ сторонъ, какъ лютыя болѣсти. Ну-те, скорѣе, да не бойтесь ничего! Если эти негодяи убьютъ васъ, вы пойдете прямо па небо, и возсядете тамъ подлѣ самаго Маврикія.— Услышавъ эти слова, Эмѣ Веръ вышелъ за ворота дѣйствительно увидѣлъ отрядъ кальвинистовъ, который перешелъ мостъ; другой гугенотскій отрядъ, гораздо многочисленнѣе, спустился съ вершины холма, лежащаго на другомъ берегу Изера. Не намъ было терять времени. Эмѣ Веръ воротился въ монастырь, приказалъ сдѣлать коней и попросилъ потомъ богомолку рассказать въ короткихъ словахъ, что она видѣла.

— Что я видѣла, мессиръ? сказала Магдалина. — Я видѣла дьяволовъ, сорвавшихся съ цѣпей. Я видѣла, два брата шли драться другъ съ другомъ...

— Что ты говоришь? сказалъ Эмѣ.— Не съ ума ли ты сошла?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не сумасшедшая, отвѣчала Магдалина:— правда, много дурачествъ и разныхъ сумасбродствъ перетаскала я на спинѣ въ бѣдной жизни моей, — но всадникъ и лошадь не одно животное, хоть и взять вмѣстѣ, и потому вы можете мнѣ повѣрить. Гаспаръ де-Монморъ, храбрый молодой человекъ, отправился сегодня утромъ до разсвѣта на встрѣчу злодю-брату, который идетъ со стороны равнины со всѣмъ своимъ легиономъ дьяволовъ. Къ-несчастью, Гаспаръ, сохрани и помилуй его Господь, оставилъ въ деревнѣ только нѣсколько человекъ для охраненія больныхъ, и вамъ придется теперь перевѣдаться съ двумя или тремя шайками парпальйотовъ, которые переправятся сію минуту черезъ рѣку. Но нѣтъ нельзя оставаться здѣсь долѣе, сынъ мой; мнѣ надо сходить помолиться въ Шатюзанжъ. Прощайте!

— Эй! добрая женщина! кричалъ въ-слѣдъ ея одинъ всадникъ:— Шатюзанжъ въ рукахъ гугенотовъ; ты попадешь въ нѣтъ тамъ, какъ старая сорока, которая ослѣпла и скачетъ на-угадъ.

— Ладно, ладно! отвѣчала пилигримка:— будь тамъ хоть самъ баронъ съ своими зубами и рогами; развѣ ты думаешь, что мои вельщикамъ можно ждать?

Съ этими словами, Магдалина удалилась быстрыми шагами, пѣвая обыкновенную свою пѣсню. Одна мысль о борьбѣ между новьями г-жи де-Монморъ, привела въ трепетъ Эмѣ Вера. Съ минуту онъ былъ въ нерѣшимости; онъ думалъ, нельзя ли предупредить эту бѣду, не поскакать ли въ-слѣдъ за Гаспаромъ и остановить его волею или неволею; но звукъ гугенотскихъ трубъ доходилъ до монастыря и напоминалъ ему, что на немъ лежитъ теперь другая важная обязанность. Пятьдесятъ всадниковъ стояли уже въ готовности на дворѣ. Отдѣливъ нѣсколько человекъ, для составленія въ монастырѣ гарнизона, на случай нечаяннаго нападенія, онъ принялъ

альство надъ остальными и выѣхалъ съ ними за ворота. Первое лицо, представившееся ему, когда проѣхалъ онъ подземный мостъ, былъ владѣлецъ Босежурскаго Замка, скакавшій во весь опоръ: за нимъ трясся на своемъ ослѣ мѣтръ Гаше и три солдата; хоть они были и въ кирасахъ, но не трудно было узнать въ нихъ трехъ слугъ, оставившихъ домашній штатъ мессира Жосерана.

— Куда вы это, любезный другъ? воскликнулъ Жарнио, въ общей опасности великодушно забывшій свое неудовольствіе на Эмэ.—Гдѣ ишь отецъ? Я въ отчаяніи. Гаспаръ де-Монморъ, за которымъ я не могъ слѣдовать въ преступномъ походѣ его, увелъ у меня всѣхъ юныхъ людей, и вотъ видите, отъ всей роты остались у меня только юй оруженосецъ, да эти три рыцаря, которые одни пребыли ины жарны. А не худо бы хорошенькѣ проучить эту шайку гугенотовъ, которая идетъ къ деревнѣ и собирается все обратить въ огонь и кровь.

Эмэ Верэ не пренебрегъ мнѣніемъ стараго дворянина. Онъ самъ думалъ раздѣлить свой отрядъ на двѣ части: съ одною идти на защиту моста отъ отряда кальвинистовъ, спускавшихся къ Изеру, другую отправить противъ шайки, которая уже перебралась черезъ рѣку. Потому онъ далъ двадцать всадниковъ Жарнио, который, не смотря на всѣ смѣшныя стороны свои, извѣстный читателю, тѣмъ не менѣе былъ достоинъ начальствовать надъ этими молодцами; затѣмъ весело поскакалъ къ опасному посту, избранному ишь-самимъ. Когда онъ прибылъ туда и приказалъ людямъ сойти съ коней, непріятеля спустились уже съ холма и шли къ мосту. Они подходили въ порядкѣ и осторожно, потому-что ожидали упорнаго сопротивленія. Эмэ приказалъ своему отряду подпустить непріятеля на пол-выстрѣла и потомъ открыть огонь. Первый залпъ остановилъ кальвинистовъ, но они скоро ободрились, и, запѣвъ духовную пѣснь, бросились къ мосту. Завязался ожесточенный бой, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Глубокая ненависть, которую питали другъ къ другу солдаты обѣихъ партій, усиливала стремительность атаки и упорство обороны. Казалось, ни одна сторона не хотѣла уступить мѣста, пока на окровавленную землю не падетъ послѣдній человекъ. Католики были гораздо-малочисленнѣе гугенотовъ, но на сторонѣ послѣднихъ была выгода позиціи, и Женё, раздавая направо и налево полновѣсные удары эскадронамъ, не переставалъ твердить, что если бы рошлѣртскій баронъ, или другой какой дюжій молодецъ такого же закала, вдругъ упалъ съ неба на помощь молодому господину его, то нарпальюиты пустились бы оврометью назадъ, точно сабани, которые дурно караулили и которымъ за это привязали къ хвосту пукъ зажженной соломы.

Что бы ни подумали читатели объ этой хвастливой выходкѣ горца, результатъ боя былъ, по-крайней-мѣрѣ, сомнителенъ, какъ вдругъ Эмэ Верэ, сражавшійся впереди своихъ солдатъ, увидѣлъ среди гугенотовъ человека, котораго никакъ не ожидалъ здѣсь встрѣтить: то былъ самъ графъ де-Сассенажъ, котораго онъ искалъ такъ давно,

и который, какъ думалъ онъ, находился въ то время въ Сен-Донъ. Видъ убійцы Понса IV произвелъ на нашего героя такое впечатлѣніе, что руки его задрожали и вся кровь прилилась къ сердцу. Но въ страхъ былъ причиною такого волненія, — ибо, забывъ тотчасъ всякую осторожность, онъ покинулъ свой постъ и сквозь ряды калвинистовъ бросился къ гордому графу, который, сидя на конѣ, распе-ряжалъ нападеніемъ на мость.

— Пресвятая Богородица! воскликнулъ Женё, непонимавшій поступка своего господина. — Остановитесь, мессиръ! Это все равно, что броситься въ потокъ съ вершины рошлёрптской башни. Экой глупой точно нашъ судья, что произноситъ приговоры прежде, чѣмъ истецъ и отвѣчникъ успѣютъ открыть ротъ. Да его разрубать въ куски. Чортъ возьми! Правду говорилъ я, что быть бѣдѣ отъ этой черной козы.

Женё бросился въ средину враговъ, чтобъ освободить Эмѣ Веръ, или умереть вмѣстѣ съ намъ. Уже герой нашъ проложилъ себѣ путь до Гумберта де-Сассенажъ, однимъ ударомъ разбилъ стальной шпакъ, покрывавшій его голову и напиралъ на него съ такою силою, что графъ попятился назадъ, между-тѣмъ, какъ холодный потъ открылъ чело его. Но Эмѣ Веръ не могъ воспользоваться этою выгодою; въ ту же минуту на него напали разбойники, сопровождавшіе графа; они узнали своего молодого непріятеля, и онъ дорого долженъ былъ заплатить за свою неосторожность. Ихъ было много, и они такъ сжали его, что онъ не могъ дѣйствовать шпагой. Одни схватили его въ охапку, другіе кинулись на его оружіе, иные старались повалить его. Женё, также окруженный полдюжиной калвинистовъ, тщетно старался пробить себѣ путь къ своему господину. Когда онъ успѣлъ отбиться, Гонтранъ и товарищи его влекли уже Эмѣ Веръ далеко отъ мѣста битвы съ кликами торжества, и графъ де-Сассенажъ послѣдовалъ за ними, поручивъ одному изъ подчиненныхъ наблюдать продолжать сраженіе.

Въ эту минуту, рошлёрптскій баронъ и Пласидъ Гуттнуаръ, которыхъ ружейные выстрѣлы застали въ тавернѣ, гдѣ они весело продолжали безконечную бесѣду свою, вышли изъ деревни и направлись къ берегу Изера. Для обоихъ пріятелей, въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ по части военнаго искусства и богословія, время текло такъ быстро, какъ вино, котораго осушили они десятокъ или дюжину порядочныхъ пинтъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ Гюгъ Веръ, видя въ отдаленіи жаркую схватку. — Мы, кажется, выпили лишнюю бутылку. Что это такое? Кажется, мои солдаты? Надо поторопиться, а то, пожалуй, прійдемъ, какъ ужъ разобьютъ ихъ.

— Святый Тома! кричалъ съ своей стороны Пласидъ, какъ будто католики могли его слышать. — Держитесь крѣпче, ребята! Посмотримъ, такъ ли крѣпка у этихъ бездѣльниковъ кожа, какъ у кракки монпельскіе карабины. Но что вы тамъ говорите, *pie pater*? Вы ошибаетесь: гугеноты не устоятъ; видите, вонъ несколько чело-

ѣтъ ужь обратились въ бѣгство? *Et nunc fugiunt Danaï*, — парпальоты отступаютъ. Можете повѣрить въ этомъ человѣку, который горится тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ три совершенства, существенно-необходимыя для благосостоянія человѣка, именно: крѣпкую ногу, брыный глазъ, да чудесные зубы, *pes, oculus, densque mirabiles*.

— Тысяча громовъ! прервалъ старый Гюгъ. — Мнѣ кажется, среди айки, что уходитъ, видны бѣлое перо и золоченая кольчуга... Зауши меня чума!.. это мой сынъ, онъ въ плѣну... А, чортъ побери! орого же мнѣ обошлись эти девять пинтъ!

Старый рыцарь вонзилъ шпоры въ бока Розамонды и быстро покакалъ къ мосту. Но католики, лишившись начальника, не могли уже выдержать напора враговъ. Они бѣжали во всю прыть на трѣчу горцу, въ величайшемъ безпорядкѣ. Гюгъ старался соединить ихъ, билъ шпагой всѣхъ, кого могъ достать, но ни въ чемъ не спѣлъ. Наконецъ, онъ одинъ остался передъ кальвинистами, которые бросились вслѣдъ за католиками; вдругъ страшный ударъ колебалъ весь мостъ въ самыхъ основаніяхъ его. Двѣ арки и голбъ съ громовымъ трескомъ взлетѣли на воздухъ и увлекли съ собою тѣхъ гугенотовъ, которые жарче другихъ преслѣдовали католиковъ. Испуганная Розамонда стала на дыбы и попятилась на заднихъ ногахъ къ берегу, не смотря на усилія всадника.

Гюгъ Веръ, видя, что сообщеніе пресѣчено, сначала не зналъ на что рѣшиться, чтобъ помочь сыну. Вода въ Изеръ, отъ таянія снѣговъ, была, какъ мы уже сказали, на прибыли, и безумно было бы думать только переправиться черезъ нее. Старый Гюгъ повхалъ теченію рѣки, какъ-бы надѣясь найти гдѣ-нибудь бродъ. Вездѣ бурныя волны представляли неодолимую преграду самому смѣлому яванку. А между-тѣмъ отрядъ, уводившій Эмѣ Вера, начиналъ срываться въ отдаленіи. Баронъ не могъ выдержать болѣе. Онъ порнулъ Розаманду къ рѣкѣ, пришпорилъ ее, хотѣлъ заставить ее ѣхать въ воду, рѣшившись лучше умереть, чѣмъ дать въ глазахъ юныхъ увести того, кого онъ называлъ еще своимъ сыномъ, но Розамонда остановилась, вытянувъ шею, раздувъ ноздри, съ инстинктивнымъ ужасомъ животнаго, угадывающаго опасность. Старому шпірю надо было употребить всю силу своихъ легкихъ, чтобъ заставить ее броситься въ волны. Наконецъ Розамонда по-видимому шпилась на отчаянный подвигъ и, заржавъ, рысью пустилась къ волнѣ. Въ эту минуту Пласидъ прибѣжалъ на берегъ.

— Св. Томà! кричалъ онъ: — подождите меня, мессиръ, посадите меня сзади, — а не то чортъ знаетъ, гдѣ достать лодку для переправы.

Но барону некогда было думать о своемъ пріятелѣ. Имѣя на себѣ такую ношу, какъ старый рыцарь, Розамонда едва могла бороться съ волнами и разъ двадцать готова была отправиться на дно съ своимъ господиномъ. Гюгъ Веръ, устремивъ глаза на берегъ и высоко держа узду, погонялъ ее крикомъ и не давалъ вздохнуть. Наконецъ.

нець они добрались до берега; но едва благородный конь коснулся земли, какъ, выбившись совершенно изъ силъ, повалился на песокъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ Гюгъ Веръ: — встанешь ли ты, грѣшная водница? Пойдешь ли, лѣнивица? Ты хочешь, чтобъ убили нашего сына?

Розамонда попробовала встать, но опять тяжело рухнула на землю. Гюгъ Веръ взбѣсился: онъ выпутался изъ стремянъ и далъ два или три удара копьемъ непослушному животному; бѣдная Розамонда не шевелилась; она устала только глаза на господина, какъ бы упрекая его въ жестокости. При этомъ взглядѣ, гнѣвъ Гюга потухъ; онъ нагнулся къ Розамондѣ.

— Ну, что же, моя красавица, говорилъ онъ: — ну же, смѣйся! Что подумалъ бы Фламандецъ, бриссаковъ конь, если бы увидѣлъ тебя теперь? Чортъ возьми! Развѣ мы не переправлялись черезъ Шельду и Адиджъ, какъ чрезъ маленькіе ручьи? Останавливалъ ли насъ какой-нибудь потокъ, когда мы уходили отъ мэтра Бонфуа и его братьевъ? Ну же! гопъ, гопъ!

Но Розамондѣ не суждено было ѣхать далѣе. Остатокъ силъ былъ истощенъ этимъ тяжкимъ подвигомъ. Баронъ убѣдился, что ей остается только нѣсколько минутъ.

— Боже мой! сказалъ онъ, отирая латной рукавицей крупную слезу, невольно выкатившуюся изъ глазъ его: — вотъ и старинный и лучший товарищъ мой умираетъ. Бѣдная Розамонда! И мнѣ надо покинуть тебя, никогда меня не покидавшую, не боявшуюся ни Испанцевъ, ни приставовъ, ни гугенотовъ. И мнѣ надо покинуть тебя и дать воронамъ растерзать тебя!

При этихъ словахъ, растроганный баронъ обнялъ старую кобылу, какъ обнимаютъ друга, котораго не надѣются болѣе видѣть, и пустился за гугенотами, читая въ-слухъ панегирикъ бѣдному животному. — но тяжесть вооруженія очевидно затрудняла его, и хоть онъ считалъ себя не сознавался, но ему невозможно было такъ догнать гугенотовъ. Къ-счастію, онъ увидѣлъ мэтра Прионелля, который на смирной лошаадкѣ мелкой рысцой ѣхалъ къ Сорбьерскому Мосту. Почтенный аптекаръ уже четыре мѣсяца путешествовалъ такимъ образомъ на благо страждущаго человечества; говоря менѣе, онъ слѣдовалъ по полямъ за вооруженными шайками, възжалъ за ними въ деревни и продавалъ раненымъ всякія мази и лекарства, «по самой умѣренной цѣнѣ», говорилъ онъ, что, однакожъ, не мѣшало ему, какъ говорили другіе, получать большіе барыши. Узнавъ, во время своихъ разведокъ, что баронъ платитъ долги, чуть завидѣлъ онъ его, какъ съмахнул шляпу и, подъѣзжая къ нему, со всею вѣжливостію кредитора, началъ ющагося получить наконецъ уплату, предлагая ему свои услуги.

— Чортъ возьми! отвѣчалъ Гюгъ Веръ, осматривая лошадь и всадника: — само небо посылаетъ тебя. Промежъ ногъ у тебя именная тотъ бальзамъ, какой нуженъ для моей раны.

— Бальзамъ? сказалъ аптекаръ. — Да, мессиръ, у меня есть бальзамъ и самый лучший. Я самъ составилъ его изъ растеній, собранныхъ

ихъ до зари, изъ травъ, собранныхъ въ полночь на высочайшихъ горахъ, въ Валлувѣ и Шансорѣ. Онъ исцѣляетъ все раны, исключая раны душевныя, которыя можетъ вылечить одно только время. Хотѣлъ-было я достать и это лекарство, но сколько ни нагрѣвалъ я ембикки, никакъ не могъ собрать время въ банки, чтобъ продавать о больнымъ. Вотъ, вы ужь и досадуете, мессиръ. Будьте терпѣливы; нетерпѣнiе производитъ горячку; горячка воспаляетъ кровь и раздражаетъ раны. Не досадуите, я къ вашимъ услугамъ.

Мэтръ Прюнель, твердо увѣренный, что старый рыцарь дѣйствительно раненъ, — сладкая увѣренность, которую могутъ понять только ученики центавра Харона, — мэтръ Прюнель слѣзъ съ лошади хотѣлъ снять мѣшки, чтобъ достать оттуда какое-нибудь лекарство отъ всехъ болѣзней. Но только-что онъ ступилъ ногой на землю, какъ баронъ проворно вскочилъ на сѣдло, схватилъ узду, прищорилъ лошадь и пустился въ погоню за Сассенажемъ... Долго бѣжать за нимъ несчастный аптекаръ и ужь охрипъ отъ крика, заклиная отдать, по-крайней-мѣрѣ, его снадобья, зелья и пластыри.

(Последнiя части, четвертая и пятая, — въ слѣдующей книжкѣ.)

УЗНИКЪ.

Сухая крапива
Шумить подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;

Веселыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшотки
Свистить подъ пиллою.

Отпѣтое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горятъ впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска, —
И слушаетъ ухо
И пилить рука...

А. ФЕТЪ.

НА ПУТИ.

I.

Чертоги гордые! разлуки пробилъ часъ!
Простите, ухожу отъ васъ безъ сожалѣнья;
Въ душѣ тоскующей я уношу отъ васъ
Одно минутное, одно лишь впечатлѣнье.
Я видѣлъ... (вечеръ гасъ въ небесной синевѣ,
Въ долинахъ пестрое домой тнулось стадо)
Руками легкими держа на головѣ
Корзину полную цвѣтовъ и винограда,
Стояла дѣва тамъ, какъ часто межъ столбовъ
Развѣсивъ высится гранитная наяда.
Я мчался вдаль; ужъ ночь легла на злѣкъ луговъ,
Но въ полѣ огненномъ вечерняго сіянья
Мнѣ долго чудился безвѣстнаго созданья
Сей черныи силуэтъ съ корзиною цвѣтовъ.

II.

Далеко въ полночь... Меня бѣжитъ покой;
Пылаеть голова... Ты дремлешь, ангелъ мой;
Но чувствую, мой духъ, какъ гость эдема дальнѣй,
Безплотный носится въ твоей пустынной спальнѣ,
Онъ доже зреть твое; въ безмолвіи тобой
Любуется. Ты спишь: онъ ловить шопотъ твой,
Зреть — косы черныя по плечамъ разметались,
И очи сомкнуты, и шѣрной чередой
Дыханье грудь твою лелѣетъ и покомитъ
И жаркія уста раскроетъ и закроетъ!...

А. МАЙКОВЪ.

* * *

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь, —
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ... не помню, что думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ-тѣхъ-поръ...

А. ФЕТЪ.

НИЧЕГО.

ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому.)

I.

ЗА-ГОРОДОМЪ.

Избери маловажные свѣтскіе случаи, всё будутъ говорить: онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣлы; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль, будутъ говорить: не его дѣло, пиши пустяки.

Н. Гоголь.

Какъ плѣнительна въ первые годы замужства свѣтская женщина, въ которой умъ и сердце сочтались съ красотой. Кажется, два существа какъ-бы слились и образовали очаровательное цѣлое. Ребяческая веселость еще не измѣнила ей, а нѣтъ и слѣдовъ дѣвической робости. Все обратилось въ щеголеватость, утонченное кокетство. Восхищенный говоръ обожателей преслѣдуетъ ее всюду, а дивному деспоту остается лишь затрудненіе въ выборѣ—кому дать привилегію на безнадежные вздохи и тщетныя мольбы.

Александра Николаевна Сѣрпова еще недавно явилась въ свѣтъ подъ этимъ псевдомъ, а уже ей надоѣли своей пустотой свѣтскій шумъ и вѣчный блескъ. Появленіе ея на балахъ осталось по-прежнему эф-

фактнмъ. Для ней оно не перестало быть насущною потребностью. Ноникогда еще такъ глубоко не увѣрялась она въ обманчивость свѣтскаго счастья, какъ теперь. Это счастье измѣняло ей съ самаго дѣтства, хотя отъ колыбели и окружало ее какое-то мишурное благополучіе. Свѣтъ былъ стихіей, въ которой этой женщины суждено было теперь гоняться за несбыточною мечтою. Ея осуществленія не нашло Александра Николаевна ни въ семействѣ, гдѣ общество мужа было для нея тяжело и невыносимо скучно, ни на балахъ, гдѣ пестрая толпа вздыхателей надѣдала ей заученными фразами. Александра Николаевна скоро догадалась, что довольно на ихъ комплименты отвѣчать какъ случится, что пренебрегать пустомелями можно, что пускаться съ ними въ разсужденія—не стоить. Она догадалась также, что отличить двухъ-трехъ поклонниковъ, очаровать ихъ и заставить всюду прославлять ея красоту и любезность, упрочить себѣ восторженную любовь нѣсколькихъ надежныхъ вздыхателей — вѣрнѣйшее средство поставить себя на высокую ступень въ свѣтѣ и досадить завистливымъ соперницамъ. Вотъ что постигла Александра Николаевна, и первымъ ея избраннымъ былъ графъ Риттеръ. Свѣтъ разомъ заговорилъ объ обоихъ и перевелъ на свой грубый языкъ подмывчивую взаимность. Неотлучнымъ спутникомъ Александры Николаевны сталъ являться Риттеръ на балахъ и гуляньяхъ. Взглянемъ на нихъ хоть теперь. За обѣдомъ, въ большой залѣ, гдѣ сотня гостей пестрѣетъ разнообразіемъ лицъ и одеждъ, Риттеръ сидитъ возлѣ Александры Николаевны и говоритъ съ нею; но говоритъ громко, почти во всеуслышаніе. Отъ-того, разговоръ ихъ сухъ и безцвѣтенъ. Да что такое наши свѣтскіе разговоры? За исключеніемъ немногихъ, прибавивъ — весьма-рѣдкихъ, они періодически ограничиваются сужденіями о свадьбахъ, о погодѣ и—иногда о музыкѣ. Былъ у насъ Листъ; пріѣхалъ Орасъ Вернѣ; вотъ и Рубини въ Петербургъ, и каждый изъ нихъ поочередно, но не надолго доставлялъ запасъ общимъ толкамъ и пересудамъ. То ли дѣло — погода! Съищите другой неистощимый предметъ для разговоровъ празднаго свѣта. Слушая, какъ часто свѣются бесѣды наши на эту тѣму, невольно подумаешь, что здѣсь что-то человекъ, то и естествоиспытатель. Ею начинаются свѣтскія замкомства, ею иногда и поддерживаются... Но еще страннѣе и смѣшнѣе то, что порою самый пошлый разговоръ о дождѣ или засухѣ пролагаетъ вѣрный путь сердечному признанію... И во сколько изисканныхъ формулъ облакаютъ сужденія о погодѣ, а особенно объ климатѣ нашемъ, которому въ этихъ случаяхъ достается порядкомъ отъ почитательницъ Маріенбада и Кастельмарѣ!.. Хотя оно и досадно, а надо признаться, что Александра Николаевна и графъ Риттеръ говорили не о чемъ другомъ, какъ о погодѣ. Крещенскіе морозы были ими признаны баснословными, рецептъ на снѣгъ затеряныиъ,

пледжда на русскія зимы въ будущемъ утраченную; обсуждено было мнѣніе погоды на расположеніе духа,—но вдругъ Александра Николаевна перебила ученую диссертацию Риттера.

— Давно ли, спросила она: — вы познакомились съ нашимъ климатомъ? Правда ли, что вы родились въ Бразиліи, когда отецъ вашъ былъ тамъ нашимъ министромъ? Осталось ли у васъ что-нибудь въ памяти о вашемъ дѣтствѣ?

И графъ Риттеръ сталъ пересказывать Александрѣ Николаевнѣ ярповой увлекательно-краснорѣчиво воспоминанія о странахъ далекихъ, которыя теперь сдѣлались для него столь же недоступными, какъ и минувшія лѣта дѣтства. Между-тѣмъ, одна дама антипатическаго свойства, которая при всякомъ удобномъ случаѣ мстила графу за какую-то давнюю шутку и теперь подслушала начало его разговора, обратилась къ своему привилегированному вздыхателю съ извѣщаніемъ:

— У графа Риттера только и рѣчь о погодѣ, дождѣ и снѣгѣ: на-голящій ходячій барометръ! Ну, ужь одолжила судьба Александру Николаевну... дала ей кавалера!

Въ эту пору, нескромной порицательницѣ поднесли мороженую герлядь, и недоброжелательность дамы обратилась на рыбу и на всю шуйчатую породу. Между-тѣмъ, шумъ приборовъ и стакановъ слился въ одинъ неясный гулъ съ говоромъ пирующихъ; лакеи суетились, разносили блюда, разливали вина. Гастрономы, и въ томъ числѣ уже знакомая намъ дама, то хвалятъ, то осуждаютъ, другіе дѣятъ безъ разбора. Говоръ, шумъ, смѣхъ. *Уста жуютъ...*

Воспользуемся этимъ мгновеніемъ, чтобъ бросить взглядъ на залу юбще и на пирующихъ въ-особенности. Зала старинная, убрана кустами и зеленью; бархатнымъ экраномъ отгорожено мѣсто для оркестра. Но эта зала не аристократическая, не столичная. Замѣтно, что въ ней все прибрано и разукрашено на одинъ день; что послѣ ма-ло кто будетъ заботиться и вспоминать объ ней; за полчаса въ ней шпцовали и крутились въ вальсъ, а теперь въ ней же усьлись запро-то обѣдать... И кто же? Цвѣтъ петербургскихъ салоновъ, l'élite du bon monde, избранный высшій кругъ: и графиня Вольтцова, и княжна Красносельская, и княжна Галинская, и вы, которой каждое дви-женіе обворожительно, и вы, которой такъ пристало черное платье, вы, чьей талии нѣтъ подобной, и вы, чей страстный, пронизатель-ный, испытующій взоръ и чудная прическа равно очаровательны. Тамъ были и графиня Жолмская, и Сокольницкая; тамъ были и вы, шестцветное совершенство,

Чей голосъ гибкій и прелестный
Намъ вѣсть музыкой небесной...

А кавалеровъ и не перечеть. Всю бы азбуку надо было выписать для обозначенія ихъ именъ начальными буквами. Были и просто дворяне, были и графы, были и бароны, и князья... и остроумный, всегда непринужденно смѣшной С***, забавный присяжный увеселитель прекраснаго пола М***; да еще одинъ, всегда готовый судить объ языкъ, литературъ, законодательствъ, трюфляхъ, театрѣ, процессахъ и модахъ.

Гдѣ же собралось это блистательное общество, куда оно пошло! Вѣрно на *dejeuner dansant*, на *journee folle*?—Нѣтъ. Въ городъ всовѣстались бы принять въ такой залъ и сажать за столъ тамъ же, гдѣ танцовали. Но, взглянувъ въ окно, мы объяснимъ себѣ загадку. Среди грязи, множества пестро-сгруппированныхъ экипажей и правильной толпы кучеровъ, одиноко возвышается столбъ съ тремя написями, указывающими три разныя дороги... Прочитавъ: «въ Ижору, въ Царское Село, въ Петербургъ»—не трудно догадаться, что мы въ почтовомъ домѣ въ десяти верстахъ отъ Петербурга, на Средней-Рогаткѣ или у Трехъ-Рукъ, — какъ угодно. Дѣло въ томъ, что доутротою, съ самаго утра того дня принялъ особый праздничный видъ. Съ крыши сбросили цѣлыя глыбы снѣга, которыя, повинувшись законамъ метампсихозы, преобразовались въ лужи передъ домомъ; потускнѣвшія стекла старинныхъ оконъ начали снова проясняться. Жаль, что моему воображенію нельзя нарисовать на нихъ ледяныхъ узоровъ: они становятся у насъ невидалью. Жаль еще, что не могу упомянуть о поэтическихъ сосулькахъ, «которыя намъ шлетъ Аврора вмѣсто слезъ», и которыя нѣкогда такъ славилась и красовалась северная столица, но которыя нынѣ уже считаются сказкою. Правда, но не выглядывали онѣ съ петербургскихъ крышъ, и рассказъ о томъ, какъ сосулька, въ аршина два длиною, задавила будочника, уже давно причисленъ къ мифамъ... Да, все перемѣнилось на Русь! Не остался мы и въ климатъ отъ Парижа, Лондона и Вьны...

Но, относя перемѣну погоды къ успѣхамъ просвѣщенія, я и забылъ досказать, что сегодня съ раняго утра съѣхалось множество экипажъ къ среднерогатской станціи; что изъ нихъ выгружали сервизы, скатерти, блюда, корзины съ шампанскимъ; пріѣхали и Сальваторе Лядовъ, и похожій на Эрика-Бернара тучный прикащикъ жандармеріи Жоржъ, и Григорій Михайловичъ, привилегированный бундесратъ высшего общества, необходимый и равнодушный зритель всѣхъ европейскихъ увеселеній, всегда озабоченный требованіями чая, шампанска-

го, зельперской воды или паштета... Немного позже съехала мо-
лодежь, пожертвовавшая собою для веселія другихъ, юные франты
и бои разборовъ: мундирнаго и фрачнаго, выбранные въ распоря-
ители пирра, въ директоры празднества... Ахъ, да я не сказалъ еще,
по это былъ пикникъ, придуманный графиней В. среди званья на
жучныхъ концертахъ великаго поста, среди катанья на горахъ, без-
счетаго созерпанія живыхъ картинъ и фокусовъ Боско; это была
неподобная *partie de plaisir*: обѣдъ, танцы утромъ, танцы вечеромъ,
шницъ — ну, словомъ, чудно снаряженная экспедиція. Едва мысль
объ этомъ пикникѣ улыбулась графинѣ, какъ облетѣла мигомъ на-
бережныя, Морскія, Невскій-Проспектъ и Литейную. Двойные туалеты
заказывались у Сихлеръ и Швальё, а портные... Если вы когда-
нибудь видѣли у Беггрова гравюру съ надписью «Daniel dans la fosse
des lions», то вотъ вѣрнѣйшее изображеніе ихъ затруднительнаго,
мученическаго положенія. Львы осаждали ихъ мастерскія, заказыва-
ли себѣ рейфоракки, требовали поставки ихъ въ сорокъ-восемь часовъ,
въ вѣдомъ и бранью платили за отговорки, морщились, ворчали, гро-
шили портнымъ обезславить ихъ, лишить репутаціи; а мученики из-
мѣнялись, не смѣли отказываться, не смѣли и братья за срочную
работу. Но наконецъ въ нихъ заговорило чувство собственнаго до-
стоинства, они всполошили всѣхъ подмастерьевъ своихъ и работни-
ковъ, усадили ихъ за дѣло и, не разгибая ногъ въ продолженіе двухъ
сутокъ, между страхомъ и надеждою, не въ шутку напуганные при-
ажными львами, модные портные съумѣли одѣть ихъ. И всѣ фран-
ты *genre fracas* прибыли въ условный часъ, — кто въ пошевняхъ, кто
въ прозрачныхъ плетеныхъ саночкахъ, кто на рысакъ, кто на ино-
ходцѣ на Англійскую-Набережную къ дому графини Волынцевой,
который былъ заранее указанъ какъ *point de réunion*.

Когда всѣ собрались, положено каждой дамѣ вѣхать съ однимъ изъ
кавалеровъ, и разрѣшеніе вопроса этого предоставить жребію. Много
удовольствія и смѣха обвѣчала себѣ отъ игры случая всегда ребяче-
ски-веселая графиня. Но на дѣлѣ вышло, что случай какъ-то угодилъ
къ ней и сообразился съ предпочтеніемъ каждой дамы. Графиня очу-
тилась въ саняхъ S.; О. всѣ привыкли видѣть съ G., графа
Риттера съ Сърповой — и никто не вздумалъ смѣяться сочетанію столь
нравичному, обыкновенному, всеневному... Одна лишь дама, кото-
рой имя, ботатство и щегольство давали право на почетный титулъ
львицы и исправленіе должности красавицы, была крайне-недоволь-
на, что ей пришлось сѣсть въ сани молодаго франта, съ которымъ
разговаривала она только случайно, который пренебрегалъ ея при-
машеніями и, всегда занятый двадцатью другими львицами, проек-
тами охоты, покупкой лошадей и посѣщеніемъ Михайловскаго-Тео-

тра, никогда не заботился о своемъ представленіи той, которую жребій назначилъ ему теперь въ спутницы...

На улицахъ было грязно. Снѣгъ, выпавшій наканунѣ, тамъ превращался въ лужи. Пробило часъ на адмиралтейской башнѣ, и площади промчались сани радужною вереницею. Разноцвѣтными кононы, блестящія сбруи, пестрыя шляпки, наклоненныя на лива красавицы, кисейныя вуали; ковры, развѣвавшіеся на спинкахъ охотничьихъ саней, удалыя тройки, кучера въ бархатныхъ шапкахъ на бокрени и въ кафтанахъ съ бобровой опушкою, гордые коренные кони и ловкія пристяжныя — все это пронеслось дивною фантастическою минутнымъ явленіемъ волшебнаго фонаря, по оживленнымъ улицамъ Петербурга и достигло Московской Заставы. Тамъ понеслось съ гроба въ ухабъ, со снѣга въ лужу — и весь этотъ поездъ саней остановился забрызганный, запачканный, обезображенный у Средней Рогатки. — За туалетомъ послѣдовали танцы, за танцами обѣдъ, за обѣдомъ балъ, за баломъ ужинъ, и графиня Волынцева, назавтра равнявшись вдоволь и ловко ускользнувъ изъ рукъ Римбаха, пришла, что никогда такъ не веселилась, какъ на этомъ безтолковомъ пикникѣ...

— Это отъ-того, замѣтилъ какой-то интриганъ, любившій говорить длинно и чопорно: — отъ-того, что вамъ нравится все, что не ходитъ изъ круга обыкновеннаго, и этотъ пикникъ, эта *eccentricité* — ваши мечта, онъ живъ, весель, прелестенъ, какъ вы сами...

— И также безтолковъ, смѣясь возразила графиня.

— О, нѣтъ! онъ очаровательно-милъ, носить печать необыкновеннаго, того, что Французы удачно называютъ *eccentricité*, которое рождено нашимъ временемъ. Смотрите: это балъ не балъ, это не то, что завтракъ съ танцами; наряды дамскіе просты, на насъ не туки и не фраки, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ, — это вѣрное отраженіе нашего вѣка, полного странностей и противуположностей, бѣгущаго во слѣдъ невозможному, неуловимому, парадоксальному, шему пароходы, вальсъ въ два такта, проволочные мосты, преферансъ, стеклянные платья, и занятаго примѣненіемъ паровъ къ аэростатамъ... — Ораторъ вдругъ остановился...

Графиня уже не было въ залѣ. Одинъ свѣтскій чурбанъ, *mode*, дремалъ тамъ на стулѣ; другой господинъ, который всегда готовъ къ услугамъ любого болтуна, работяшно съ бредни интригана, и когда онъ остановился, то вдругъ подумалъ довольно-неудачно:

— Прекрасный потолокъ, прочное строеніе, прежде былъ загородный дворець, теперъ станція, — sic transit gloria mundi!

— Все въ мірѣ станція: и палаты вельможи, и хата нищаго, сухо пѣвчаль интриганъ, разобиженный невниманіемъ къ его изысканнымъ фразамъ.

Между-тѣмъ, дамы въ третій разъ переодѣлись. Въ сѣняхъ и у подъезда заторопился развѣздъ. Мужчины толпились въ прихожей и отыскивали свои калоши съ такимъ же тщаніемъ, какъ сыны Мухаммеда ищутъ свои туфли при выходѣ изъ мечети. Въ бархатномъ салопѣ вишневаго цвѣта, съ кружевнымъ платочкомъ на головѣ, сидѣла графиня Волинцева на ступеняхъ лѣстницы въ ожиданіи кареты. Риттеръ задумчиво прислонился къ периламъ.

— Чтò такъ занимаетъ ваше сіятельство? спросила его графиня и прибавила шопотомъ: — не давшія ли спутница ваша, не дама ли назурки, не соседка ли за столомъ?.. и всѣмъ имъ одно имя, вѣрный, постоянный рыцарь, — Александра Николаевна Сърпова, не такъ ли?

— Нѣтъ, графиня, не то. Я не на шутку озадаченъ... Не могу равнодушно видѣть возрастающее съ каждымъ днемъ число хорошихъ вальсѣровъ. Этого никогда не бывало; оно не къ добру: я тоскую при мысли, что насъ скоро замѣнятъ какими-нибудь паровыми машинами...

Громкій хохотъ графини въ сопровожденіи привычной фразы: «послушайте, какъ онъ мило бредитъ», перешелъ электрическою искрою отъ львицы къ львицѣ. Риттеръ, довольный такимъ успѣхомъ, сталъ острить и шутить. Всѣ смѣялись, веселились и разстались, какъ сошлись, безъ особенной радости и сожалѣній. Садась, при помощи Риттера, въ свою карету и прощаясь съ нимъ, Александра Николаевна сказала графу: — завтра нѣтъ ни раута, ни концерта; я дома.

Всѣмъ за тѣмъ, молодежь разсѣялась по санямъ, закуривъ пахитосы, регалин, папилитосы и манилин. При блѣдномъ сіяніи луны, выло тянулась процессія по большой дорогѣ. Шлагбаумъ ровно полчаса былъ поднятъ и часовой равнодушно глядѣлъ на проѣзжавшіе экипажи, удовольствовавшись лаконическими отвѣтами двухъ-трехъ лакеевъ: «съ дачи, отъ Трехъ-Рукъ!»

Когда въ залъ почтоваго дома раздавались торжественныя звуки мазурки, когда она попеременно обращалась то въ вальсъ, то въ галопъ, къ станціи подъѣхала забрызганная бричка, влекомая западею четверкой, и колокольчикъ смолкъ у подъезда. Слуга, промокшій до костей, соскочилъ съ облучка и высадилъ полусоннаго барона. При свѣтъ фонаря на лѣстницѣ, не трудно было разглядѣть его нарядъ: смѣсь чего-то воинственнаго и фантастическаго. Молодой челоуьку было лѣтъ девятнадцать; на головѣ его была фуражка, съ отвагой надвинутая на правый бокъ и украшенная густою шолковою кистью; темныя волосы спадали кудрями на плечи; лицо у путника было усталое, глаза сонныя; верхняя одежда ни шуба, ни пальто, ни дакъ ни взято—мѣшокъ съ прорѣхами и карманами для трубки, кисета, фосфорическихъ спарядовъ и подорожной; пара пистолетовъ, выглядывавшая на груди изъ-подъ мѣховой опушки верхней одежды, довершала странный нарядъ.

— Лошадей! сказалъ онъ, встрѣтивъ на лѣстницѣ смотрителя котораго отродѣ такъ удачно назвалъ князь Виземскій —

Коллежскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ.

Отвѣтъ былъ лаконическій—«нѣтъ».

— Давайте скорѣе, ѣду по казенной надобности! придержите проѣзжія.

— Нѣтъ лошадей... всѣ въ разгонѣ, сударь, возразилъ жалобнымъ тономъ тощій диктаторъ:—хотите, осмотрите сами конюшню...

Между-тѣмъ, звуки штраусова вальса достигли очарованнаго уха путника,—и смотритель, уловивъ на лицѣ его свѣжіе слѣды быстрого перехода отъ досады къ удовольствію, поспѣшилъ прибавить:

— Да что вы, сударь, сумѣвастесь? чѣмъ ждате въ моей душной каморкѣ, посмотрите, какъ у насъ наверху веселятся, пляшутъ...

— Вишь, что выдумалъ; довольно видѣлъ я вашихъ глумленій свадьбъ!

— Нѣтъ, сударь, не таковская свадьба, какъ говорить изволяете; у насъ и обѣда, и танцуютъ, и ужинать будутъ всѣ городскія казначіи и графини.

— Смотритель или пьянъ... или правъ, подумалъ проѣзжія, и когда онъ разузналъ на веру въ чемъ дѣло, тотчасъ же сбросилъ съ

бя пальто, обчистился и вошелъ въ черномъ бархатномъ сюртукъ въ комнату, сосѣдную съ танцевальной залой...

Провзжій этотъ былъ князь Волгинъ, лишившійся родителей въ дѣтствѣ и теперь окончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ степенью кандидата. Пока скупые опекуны и жадный попечитель поочередно высасывали производительныя силы изъ его родовыхъ вѣтчинъ, князь не вмѣшивался въ убыточное управленіе и въ-замѣнъ мучилъ неограниченную свободу въ распоряженіи своею особою. Изъ него вышелъ дѣльный повѣса, всегда готовый покутить на студентской пирушкѣ и провести ночь за диссертациею о пандектахъ новеллахъ, побрапиться на лекціи, помириться за бокаломъ ай... Но теперь Волгинъ стоялъ уже на рубежѣ между жизнью академическою и свѣтскою. Давно уже привѣтною мечтою улыбался ему въ свѣтскомъ созвѣздіи пльнительный образъ графини Волынцевой; давно уже онъ мѣтилъ во львы, — и вотъ, среди большой дороги ему пахло петербургскимъ большимъ свѣтомъ, ему представился случай быть незамѣтно наблюдателемъ бала, гдѣ собрались избранные члены столичнаго ареопага... О, этого случая не пропустилъ Волгинъ! И одно изъ словъ, случайно долетавшихъ до него, ни одна поза, ни одинъ шагъ, не ускользнули отъ его вниманія. Все понялъ онъ и достигъ въ пять минутъ, и Волгинъ-студентъ, никогда не видавшій свѣтскихъ сборищъ, уже на другой день былъ одѣтъ и причесанъ, какъ левъ, танцовавшій съ очаровательной графиней, имѣлъ его манеры и походку и, послѣ нѣсколькихъ прогулокъ по Невскому, пробылъ франтомъ, въ ожиданіи выдачи патента на почетное званіе вака. Не успѣлъ однакожь совсѣмъ оглядѣться Волгинъ, какъ вѣсть о смерти тетки и наслѣдствѣ заставила его скакать на почтовыхъ въ остроумъ. Пока передъ княземъ нестрѣютъ въ грязномъ разнообразіи избитыя дороги, мосты, канавы, станціи, селы, города; пока аппетиту его представляются единственною отрадою баранки, вафли торжковскія котлеты, пока для него часто

Столбы заставъ бѣгутъ

пока передъ нимъ толпятся праздная дворня, бородачи-оратаи, менадцы-прикащики и сварливья ключницы, ну, словомъ — пока генералъ нашъ, свободный житель міра, почетный гражданинъ доднѣбеснаго пространства, — онъ намъ не нуженъ. И такъ, пожелаемъ ему счастливаго пути и скорого свиданія на петербургскомъ паркѣтѣ.

II.

ПАЛАГЕЯ ТЕРЕНТЬЕВНА.

Судьбѣ, какъ Турокъ иль Татаритъ,
За все равно я благодаренъ.

М. Державинъ.

Не смотря на искреннее желаніе нарисовать поэтическую картину съ безоблачнымъ небомъ, необозримо-свѣтлымъ горизонтомъ и солнцемъ, озаряющимъ златымъ сіяніемъ массивныя зданія города, названнаго волею генія изъ болотъ Ингерманландіа на высокую ступень политическаго міра; не смотря на страшную охоту описать живую дѣятельность незыблемаго театра великихъ дѣлъ государственныхъ, торговыхъ предпріятій, спекуляцій, веселыхъ брадей сплетней и пошлостей, — я принужденъ, чтобъ достигнуть палки моего авторскаго самолюбія, чтобъ добыть прозваніе добросовѣстнаго повѣствователя, снова низойти съ высоты увлекательныхъ мечтаній до грязной существенности. Я долженъ признаться читателю, что, при такой же дурной, грязной и туманной погодѣ, какъ нашелъ оны въ первой главѣ этого разсказа, неслась по Каменно-островскому-Проспекту шегольская коляска, запряженная парой ироныхъ коней, миновавъ Дворцовую-Набережную и Троицкій-Мостъ. Въ коляскѣ сидѣло двое молодыхъ людей. Они равнодушно смотрѣли на влажную, сырую природу, ихъ окружающую. Ихъ вниманіе привлекали ни стая галокъ, свободно разгуливавшая по подвеснымъ автоматамъ, вооруженные алебардами, ни Чухны, попадавшіе имъ на встрѣчу въ одноколкахъ съ четырьмя шестами по угламъ; ни круглолицыя Охтенки, ни тучныя купчихи, обремененныя ладными салопами; ни ледъ, таявшій на рѣкѣ: — видно было по всему, что они герои, по какому-то необъяснимому чувству, чуждались уличнаго быта, и что пока пара борзыхъ коней несла ихъ на Петербургскую-Сторону, мысли ихъ были далеки отъ скуднаго міра, ихъ окружавшаго. Окрыленная воспоминаніемъ, неслась ихъ мечта къ высшему пьедесталу, на которомъ каждый изъ нашихъ самодельныхъ путниковъ видѣлъ свою... *львицу*.

Но чего искать имъ, чопорнымъ поклонникамъ красавицъ и героинь того тона, на Петербургской-Сторонѣ, гдѣ живутъ одни отшельники, большіе свѣтомъ ремесленники, непрізнанные таланты, кошельковые купцы, фабриканты и скромные труженики-чиновники? — Вы можете озадачить совѣстливаго повѣствователя такимъ вопросомъ? — Вы вѣдите же, въ свою очередь, быстроту его отвѣта и сознаете въ своемъ безпечномъ невѣдѣніи и непростительномъ равнодушіи по всему необычайному.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ только и говорятъ въ петербургскомъ хорошемъ кругу о Палагѣ Терентьевнѣ, почтенной шестидесятилѣтней вдовицѣ, живущей на Петербургской-Сторонѣ, въ Бомбардирской-Улицѣ, въ домѣ сенатскаго регистратора Цыбулькина. И вы не знаете ея, васъ не представили ей? Помилуйте, къ ней ѣздятъ всѣ модныя дамы; всѣ мужчины, хоть нѣсколько известные, наперегонки навѣщаютъ ее. Такъ знайте же: Палагея Терентьевна не что иное, какъ предальновидная персона, доморощенная *m-lle le Norand*. Дама съ вѣсомъ однажды заговорила о ней въ модной гостиной—и всѣ стали ѣздить къ Палагѣ Терентьевнѣ. Загадочные отъѣзды и меткія предсказанія пифей озадачили многихъ, и скромная звѣзда Палагеи Терентьевны внезапно возсіяла известностью. Ловкими шарженіями, искуснымъ гаданіемъ ворожея пріобрѣла и утвердилась собой въ большомъ свѣтѣ патентованное прозваніе: «*la devineuse fashionablement infallible*».

Вотъ куда несло непреодолимое любопытство нашихъ героевъ въ хитровой коляскѣ. Одного изъ нихъ мучила двусмысленная пріязнь Александры Николаевны Сѣрповой, и онъ рѣшился поднять завѣсу душищаго, покрывало русской Изиды. Этотъ любознательный левъ звалъ графъ Риттеръ. На другой день послѣ пикника, онъ еще потянулся въ кровати, хотя былъ уже первый часъ, когда къ нему вошелъ Гуляевъ, давній пріятель, всегда замысловатый на выдумки развлекчя, всегда живой и болтливый, всегда встававшій съ развѣтомъ и ложившійся при первомъ крикѣ пѣтуха, — совершенство, котораго никакъ не могъ достигъ Риттеръ, ложившійся поздно, и котораго раннее вставанье губило цѣлый день. Вакштафъ, сигары, «жуковъ» и потребныя ко вкушенію ихъ орудія, разбросанныя по комнатамъ графа, всегда отдавались въ полное распоряженіе Гуляева. Онъ войдетъ, бывало, скажетъ: «здравствуй, mon cher», закурить трубку, подсядетъ къ Риттеру на кровать и понесетъ свѣтлую околѣсицу. Говорить, говорить, и не думаетъ о томъ, слушаетъ ли графъ, или нѣтъ. Тотъ-себѣ дремлетъ ли подъ его говоръ, читаетъ ли докладъ, допиваетъ ли чашку мокскаго кофе, дочитываетъ ли романъ, — гостю и горя мало. Болтаетъ, болтаетъ, и кончитъ всегда тѣмъ, что предложитъ Риттеру какую-нибудь *partie de plaisir*, на которую графъ почти противъ воли согласится, или вытанцуетъ на свѣжій воздухъ, увлечетъ на Невскій, гдѣ подцѣпять они князя Коршунова, Г*** совѣтника, Д*** повѣреннаго въ дѣлахъ, и шутъ-себѣ разгуливать фешенеблями,

Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ для нихъ обѣдъ...

А тутъ посыплются предложенія идти отвѣдать новаго кушанья à la Soubise, или à la Montenegro; пойдетъ диссертация о превосходствѣ Сен-Жоржа надъ Дюмэ, и рвдко-рвдко удастся Риттеру отдышаться отъ докучливаго, но добраго и милаго товарища увѣреніемъ, что отозванъ къ графинѣ Доллининой, или къ старой тетушкѣ княгинѣ Слэкей, которой обязанъ уваженіемъ, почтеніемъ, а особенно пунктуальнымъ появленіемъ въ урочные дни въ ея штофной гостиной.

Но какую роль играетъ Гуляевъ въ большомъ свѣтѣ? спросите вы. Онъ богатъ, и у него нѣтъ связей. Чтобъ отвязаться отъ докучливыхъ просьбъ его познакомить съ высшимъ кругомъ, университетскій товарищъ князь Коршуновъ привозилъ изрѣдка Гуляева на балы графини В. и представилъ нѣсколькимъ львицамъ. Однакожь, не смотря на то, что зналъ большой свѣтъ болѣе по-наслышкѣ, Гуляевъ всегда готовъ былъ описывать любой праздникъ, судить о достоинствѣ люцитовыхъ гобеленовыхъ тканей, украшающихъ залы княгини Г. и графини К.; бранить балы, на которые его не приглашали; восхищаться китайской посудой графини Б. и булевыми шкапами княгини В., пересказывать, какъ графъ Р. завѣщалъ свою библіотеку въ 6,000 томовъ князю Н. Г., описывать во всей подробности костюмы д—скаго маскарада, называть домъ графа Г. l'idéal du somme il faut, хотя старанія его полюбоваться этимъ совершеннѣйшимъ соединеніемъ комфорта съ роскошью оставались втунѣ; хвалить вкусные обѣды графа С.; отъ разсказа о послѣднемъ спектаклѣ бросаться къ разсужденіямъ о магнетизмѣ и электричествѣ, превозносить даяныи графини Л., описывать всю прелесть, всю чудную гармонию музыки эта, пѣтаго ею съ Рубина, — и все это не смотря на то, что д—скаго никогда не приглашали Гуляева на свои музыкальные вечера, что онъ никогда не обѣдалъ въ знатномъ кругу и лишь изрѣдка приглашали его по утрамъ, и то нѣтъ жалости, между-тѣмъ, какъ все еще его не пускали даже прихожей, при чемъ онъ обыкновенно принималъ карточки, на которыхъ виднѣлись скромно, но золотыми буквами выпечатанныя слова: «Michel Goudiajeff», и загибалъ ихъ пощадно въ-сладствіе лаконическихъ отвѣтовъ горделивыхъ княгинь и царовъ: «дома нѣтъ, почиваютъ, извиняются, нездоровы» и т. д. визиты эти, увы! оставались безъ послѣдствій и отплаты; а когда, бывало, къ Риттеру Гуляевъ, его такъ и снѣдастъ, какъ увидитъ кучу визитныхъ карточекъ на особомъ столѣ, то безжалостно кусаетъ ногти, когда на нѣсколькихъ свѣжихъ карточкахъ прочтетъ громкія имена князя Л., графа В., нѣсколькихъ министровъ, дипломатовъ, камергера Ш., действительнаго статскаго совѣтника Февралева... Безсмысленно посмотритъ Гуляевъ на родные шрифты билетиковъ и потянетъ Риттера къ допросу.

— Что, братецъ, сами у тебя были графъ Василій Дмитріевичъ и повзранный?

— Да, отвѣчаетъ разсвѣнно Риттеръ.

— А посолье? а князь Л.?

— Помилуй; о чемъ тутъ спрашивать, встрѣнникъ? Развѣ я санонокъ какой? Довольно чести, что прислали... возражаетъ графъ уже нетерпѣніемъ.

— А князь Владиміръ Петровичъ лично былъ у тебя?

— Не знаю, право; кажется, самъ завсѣмалъ. Спроси у моего челока, если ужъ это такъ тебя интересуеетъ, скажетъ наконецъ съ дою Риттеръ и, отвернувшись, займется другимъ чымъ-нибудь, ако ужъ не докучливымъ пріателемъ; тотъ, замѣтивъ, что надо до крайности, беретъ за шляпу, но на другой день снова завертъ къ графу отъ нечего-дѣлать.

Такъ случилось и въ то утро, которое я принялся-было описывать. Бывалая зима рѣшительно превращалась тогда въ весну. Мартъ иль на дворъ. Концерты, рауты, озаренные на-минуту блескомъ уществленной мечты — среднерогатскаго пикника, уже всѣмъ жестоко надоели. Въ эту-то пору общей скуки и пресыщенія, Гуляевъ, тораго изобрѣтательность давно уже изощрялась надъ новой вышкой, явился снова къ графу Риттеру съ чудною находкой, съ сошенно-необыкновенной и небанальной *partie de plaisir*. Онъ заклилъ затащить друга на Петербургскую-Сторону къ искусной роже, предреченія которой непротивно должны были озадачить внимательность на нѣсколько дней.

— Повдѣмъ, братецъ, повдѣмъ къ Палагеѣ Герентьевнѣ: она ма-раца гадать, говорилъ Гуляевъ полусонному пріателю:—она теба метъ все твое прошедшее, повторитъ всѣ твои вчерашнія остро-

Особенно если ты съ нею за-одно, возразилъ графъ, зная.

Полно вздорить, отвѣчалъ Гуляевъ, закуривая регалию. — Ахъ, милый, чтѣ у тебя за сигары! Курить ихъ — лакомство, наслажд... Ну, да одѣвайся же и повдѣмъ.

о увиданіе кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно заключались авія Гуляева. Риттеръ разсудилъ весьма-основательно, что вхатъ ленартаментъ поздно, и что отсутствію его будутъ радѣхонь-т-три черныя души; что лучше покориться неизбежному року, залъ Фейерштейна, своего камердинера, изъ Нѣмцевъ.

двянные домики, сѣренькіе, желтые и зеленые; хаты, общи-осками и необтесанныя, мелькали предъ глазами нашихъ нутъ. Сторожевые псы преслѣдовали ихъ своимъ докучливымъ

лаемъ; полунагіе мальчишки, спускавшіе кораблики въ веселыя лужахъ, боязливо отступали, испуганные ржаніемъ вороныхъ коней и повелительнымъ крикомъ: «пада! пада!»

Коляска остановилась у скромнаго домика съ палисадникомъ, сзади вѣнцами самаго сомнительнаго цвѣта, на которомъ оставались кой-какія слѣды прежней лѣдѣнной бѣлизны; мезониномъ, похожимъ по положенію на пизанскую башню, и воротами, которыя скрипѣли и вибрировали, носимыя втроемъ то вправо, то влево, и съ незапамятныхъ временъ лишенные точки опоры.

— Ты здѣшній? отрывисто спросилъ Гуляевъ одного изъ мальчишекъ, который выскочилъ изъ лужи, чтобъ попытаться влѣзть на пятки щегольской коляски, и отложилъ осуществленіе своего замысла при видѣ озабоченныхъ лицъ нашихъ франтовъ; онъ устремилъ на нихъ большіе безмысленные глаза.

— Здѣшній-съ; чего же вамъ надо? возразилъ мальчишка.

— Такъ веди же насъ скорѣе къ Палагеѣ Терентьевнѣ.

Мальчишка самымъ дѣломъ изъявилъ согласіе; калитка отворилась со скрипомъ; графъ Риттеръ послѣдовалъ за вожатымъ, а Гуляевъ всегда безпечный и неосторожный, хотѣлъ-было пройти калитку напѣвая въ-полголоса «Quand on est petit, on n'est pas grand... petit!..» Такъ нѣтъ: недовольно наклонился, неловкимъ движеніемъ сшибъ шляпу, и пустилась она летать изъ лужи въ лужу по вѣтра разъяреннаго вѣтра. Толпа ребятишекъ бросилась вслѣдъ за шляпой. Жалокъ былъ Гуляевъ въ эту минуту. Его терзали нетерпѣніе и любопытство. Онъ уже воображалъ себѣ, что Палагея Терентьевна начала гадать графу. Больше четверти часа прошло, пока, догнавъ шляпу, ребятишки обчистили ее и пока просьбы ихъ о пожалованіи чаю за находку сбросившей шляпки не были удовлетворены одной другой. Каждый изъ нихъ отыскивалъ ее первый, каждый изъ нихъ притязаніе на награду, и пока Петька доказывалъ неотъемлемыя неоспоримыя права свои на премію, та же шляпа была яблокомъ раздора для Фильки и Прошки, которые боролись до упаду, стараясь втоптать другъ друга въ грязь... Трудно было Гуляеву сладить съ всими и примирить все самолюбіи. Наконецъ, выгрузивъ цѣлый пазъ гривенниковъ, онъ вздохнулъ свободно, и, на этотъ разъ, съ осторожно нагнувшись, вошелъ въ калитку. Пройдя душными коридорами, чьи атмосфера была не что иное, какъ tutti frutti занавѣсъ, пустыхъ, снятковъ, грибовъ и копченой рыбы, Гуляевъ снова вошелъ, когда мальчишка растворилъ предъ нимъ дверь. Но, увидѣвъ встрѣтила юношу пожилая женщина въ пестромъ платкѣ, повисшемъ на голову, и на вопросъ его о Палагѣ Терентьевнѣ, сказала, что она уже гадаетъ его вріятелю, что входитъ теперь не гадать, что ему надо будетъ выждать здѣсь конца гаданія. Это была Палагея Терентьевна.

ящая пытка для Гуляева. Принужденный сидеть въ закопченной свѣтлѣ, гдѣ запахъ лампаднаго масла преобладалъ двумя третями надъ остальною третью чистаго воздуха, гдѣ взору Гуляева, любившему встрѣчать бархатъ, парчи, штофнымъ обоямъ, гамбсову мѣбель, модныя лица, картины Вернѣ и произведенія Кановы, представлялись единственною отрадою лубочныя портреты Блюхера, султана Селима и графа Хвостова, да бракованная посуда въ шкапѣ за стекломъ, пестрые печные изразцы, кровать съ бѣльемъ сомнительнаго цвѣта и грязная улица за тусклыми двойными окнами, заставленныя бумажными алоемъ, бархатцами и резедой.

Между-тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ, въ которой было больше претензій на роскошь, чѣмъ въ первой, на волосяномъ диванѣ, за столомъ, покрытомъ цвѣтною ярославскою скатертью, съ колодой въ рукѣ, сидѣла сухошавая, высокая старуха съ безжизненнымъ, потухшимъ взоромъ и безцвѣтнымъ лицомъ. Подлѣ нея сидѣлъ въ креслахъ графъ Риттеръ и слѣдилъ испытующимъ взоромъ за движеніями новаго дельфійскаго оракула. Мѣбель краснаго дерева съ чехлами, симметрически разставленная вдоль стѣны; на коммодѣ, покрытомъ клеенкой, гипсовыя вазы съ поддѣльными персяками и виноградомъ; подъ стекляннымъ колпакомъ восковой амуръ, когда-то купленный на вербахъ; на стѣнахъ усѣрдныя приношенія сосѣда-маляра: портреты съ яблоковъ, арбузовъ, селедокъ и ветчины, а на окнахъ опять горшки съ бумажными цвѣтами. Тихо было въ горницѣ: тишину нарушали лишь завыванія вѣтра, да дребезжали ветхія рамы и скрипѣли ворота. Палагея Терентьевна, молча поглядѣвъ на Риттера, наконецъ начала свои прорицанія:

— Э, сударь мой, да вы птичка високаго полета... Чтѣ пожаловали ко мнѣ, вдовѣ безыменной? Чтѣ прикидываетесь спокойнымъ?.. Меня не обманете: къ вамъ порой кручина и горе приходятъ, гости невзвѣные... вотъ вы и призадумаетесь, пригорюнитесь. Знаю, вамъ хочется многоаго, да и невозможнаго. Вы порядкомъ-таки настойчивы: чего захотите, тому ужъ и быть неминуемо. Дружитесь вы не легко, не всѣмъ вѣрите; а ужъ если полюбите, такъ вы надежный другъ: положиться можно на вашу пріязнь. Хочется вамъ полезнымъ быть и службу сослужить царю, да принимаетесь иногда за дѣло круто. Вы не то, чтобъ много о себѣ думали, но и не безъ себя. Вамъ хочется много значить, большими интересами ворочать и политическими великатоностями заправлять. Ждите, терпите, надѣйтесь. Одна марьяжная дама по васъ сохнетъ, да вы и не замѣчаете,—пускай сохнетъ, а брюнетка, чтѣ и теперь у васъ въ головѣ сидитъ,—она и васъ проведетъ, какъ и всѣхъ... Чтѣ проку вамъ въ этомъ волокитствѣ! А вотъ, развѣ походите за блондинкой, вотъ что двѣ родныя сестры въ бѣломъ домѣ живутъ; изъ этого можетъ выйдти

толку—марьяжъ: стоитъ захотѣть. Встрѣчаетесь вы съ ними часто, за случаемъ сойдитесь дѣло не станеть, да еще русскій король пожелеть. Вѣдь вы большое знакомство ведете, и все по гостямъ, в знатномъ кругу; а домой приѣдете, сѣйчасъ за книжку, да и впрокъ вамъ пошла грамота: въ васъ много хорошаго, что еще и наружу не выходило...

Палагея Терентьевна не успѣла кончить послѣднюю фразу, какъ дверь соседней комнаты шумно растворилась и влетѣлъ Гуляевъ, которому испытаніе сидѣть наединѣ пришлось не по силамъ. Палагея Терентьевна, завидѣвъ его, переминала карты, которыя ужъ начала было раскладывать, и послѣ формальнаго выговора отъ графа Риттера за ребяческое нетерпѣніе, и послѣ настойчивыхъ убѣжденій Гуляева, продолжать при немъ гаданье, ворожея снова разложила карты и сказала:

—Вы, сударь, не въ нашемъ краю родились: долго не знали снѣга и морозовъ, и я бы посмѣла назвать васъ бусурманомъ, еслибъ у васъ душа не была русская и сердце теплое, православное. Рано вы оенротыли; но бубновый король сталъ пѣчься объ васъ и заправилъ вашимъ интересомъ. Посидѣли вы въ клѣткѣ, а тамъ пустились и бѣлу-свѣту: теперь знакомство у васъ крупное и затѣи большой рубли... Много молодѣжи бываетъ у васъ: вы любите ихъ принять и угостить, а надежныхъ друзей между ними нѣтъ, развѣ одинъ, съ которымъ вы всего чаще бываете, о которомъ тоскуете и базнокоуетесь, когда въ сутки не удалось свидѣться... Служба вамъ пойдетъ въ прокъ: у васъ на груди будутъ золотыя бляхи; крестовъ вамъ навѣшаютъ, сударь, кучу: будете политикантомъ, да-съ! подхватилъ старуха, и, обратившись къ Гуляеву, спросила:—а вамъ погадать?

— Да развѣ тутъ и все о брѣяеткѣ? живо перебилъ ее графъ Риттеръ.

— Э, да выкиньте ее изъ головы, батюшка, говорятъ вамъ! вскрикнула Палагея Терентьевна и снова начала раскладывать колоду картъ.

Риттеръ надулся и сталъ расхаживать по комнатѣ, порою останавливаясь, чтобъ пожатіемъ плечь или невольнымъ ахъ выразить удивленіе къ тому искусству и меткости, съ которыми Палагея Терентьевна описывала безтолковый характеръ Гуляева, утѣряла даже, что онъ, по вѣтрености и непостоянству, крайне похожъ на шаловливый нравъ внука ея Сеньки, который его и графа проводитъ въ нѣтъ коляски. Ворожея предрекла Гуляеву постоянную утѣху отъ утомимаго болтанья, неуспѣхъ у прекраснаго пола, раннюю женитьбу, непріятныя похажденія и вѣчное шатаванье и кочеванье по свѣту, — такъ-что на мигъ бросила траурный покровъ на златыя мечты юности и порядкомъ озаботила его; но вскоре же

ый характеръ Гуляева взялъ верхъ надъ печалью, и оба пріятели, наградивъ старуху за ея предреченія бѣлой бумажкой, съѣли въ кофиску, волнуемые разнородными впечатлѣніями.

— Это просто, братецъ, чрезвычайный навѣкъ, познаніе лицъ, *étude de physiognomie*. Черты лица болѣе или менѣе выражаютъ характеръ... чему же тутъ удивляться, что обо мнѣ вѣдьма сказала, будто я запальчивъ, заносчивъ и сумасброденъ, а тебя назвала хладнокровнымъ, аккуратнымъ, и настойчиво-влюбчивымъ? говорилъ Гуляевъ, усѣвшись въ коляску.

— Да, да, точно, она сказала это, разсѣянно отвѣчалъ Риттеръ. Разсужденіе, приправленное, какъ всегда водилось у Гуляева, паншинами и маханьемъ рукъ, какъ оно ни было замысловато и перешито выраженіями, схваченными на-лету изъ книгъ и лекцій, срачено нынѣ для потомства: этой диссертациі внималъ лишь вѣртеръ; кучеръ Захаръ мысленно былъ въ конюшнѣ на соломѣ; мальчикъ Сенька, притаившійся на запяткахъ, заботился только о томъ, какъ бы его не замѣтили и не согнали кнутомъ; а между-тѣмъ, Риттеръ соображалъ, соображалъ и не зналъ какъ сообразить сказанія и предреченія Палагеи Терентьевны, — думалъ, думалъ и не зналъ, что придумать.. Опъ почти не замѣтилъ, какъ коляска домчалась до Морской; и едва могъ запомнить, какъ отдѣлился отъ приглашенія Гуляева отвѣдать что-то новое у Сен-Жоржа...

Скоро пришлось графу одѣваться, чтобъ ѣхать на званый обѣдъ, и пока онъ надѣваетъ модный фракъ, обрызгиваетъ его эсбукетомъ и поправляетъ свою прическу, заглянемъ еще въ послѣдній разъ на Петербургскую-Сторону.

Палагея Терентьевна растрепанная, сердитая, похожая не только на фурию, но и являвшая собою живой образъ духа тьмы, бѣгала съ громаднымъ пучкомъ розогъ въ слѣдъ за своимъ внукомъ Сенькой, который всячески старался отъ нея увернуться и страшился еще болѣе злораднаго вида своей почтенной бабушки, чѣмъ ея меткаго дуга.

— Ой-ой, баба, не буду! кричалъ Сенька, дрожа всемъ тѣломъ; а дедушка машетъ-себѣ розгой, да приговариваетъ: «Вотъ я те дамъ на запяткахъ кататься до Троицкаго-Моста... вотъ я те... выхлеснуль тебѣ кучеръ кнутомъ глазъ, такъ мнѣ жъ бы пришлось калеку брать....»

Дорого покупалъ Сенька науку нравственности. Палагея Терентьевна одна имѣла надъ нимъ власть и безпощадно журила его за малѣйшій проступокъ. Но, измѣнивъ на этотъ разъ своей обыкновенной дальновидности, она не догадалась, что поѣздка Сеньки на

запяткахъ была первымъ проявленіемъ его спекуляціоннаго торговаго духа, и что Палагеѣ Терентьевнѣ следовало бы лишь видѣть въ шалости Сеньки рѣдкое умѣнье его извлекать всю возможную пользу изъ обстоятельствъ и людей, людей и обстоятельствъ.

III.

СВѢТЪ—ЗАМѢНА СЧАСТЬЯ.

Ты любишь горестно и трудно;
А сердце женское шутя.

А. Пушкинъ.

Какъ приговоренный ждетъ помилованія, такъ Риттеръ нетерпѣливо выжидалъ окончанія пышнаго обѣда. Онъ не заботился о предлагаемыхъ ему изысканныхъ твореніяхъ французской кухни, и подносилъ ко рту ни одну изъ полныхъ рюмокъ, выровненныхъ въ струнку передъ его приборомъ; и даже, когда пытка кончилась, когда встали изъ-за стола, Риттеръ отказался отъ кофе и отъ рюмки на раскина. Многіе замѣтили эту двусмысленную воздержность графа, но, какъ водится, хозяйка не упрасивала его покушать того, отъ чего дать другаго; а гости мотали себѣ на усъ, да ничего не говорили ни шему герою. Послѣ обыкновеннаго разговора о новой пьесѣ, вѣсѣ горячаго пренія о русской оперѣ, послѣ нѣсколькихъ сужденій среднерогаткинскомъ пикникѣ, Риттеръ нашелъ удобный случай удалиться. Чтò наговорено было въ залѣ на его счетъ колкихъ замечаній, въ короткое время его пребыванія на лѣстницѣ, пока толстая швейцаръ не крикнулъ «графа Риттера карета!» растворяя дверь, отдавая честь булавой, не мое дѣло объ этомъ упоминать. Дѣло лишь, сидя въ каретѣ, опомнился графъ и сообразилъ, что поступилъ за обѣдомъ не слишкомъ-дипломатически, и что не следовало бы обнаруживать задумчивость, наведенную на него ворожеей, вѣдь столбняку или сну, навѣянному манипуляціями магнетизера. Чтò дѣлать? Нашъ герой имѣлъ большой недостатокъ въ глазахъ онъ былъ откровененъ, еще болѣе не хотѣлъ, чѣмъ не умѣлъ, былъ скрытнымъ, и рѣдко-рѣдко надѣвалъ маску. Но здѣсь онъ поступилъ какъ школьникъ, и вообще, настойчивая любовь его къ Александру Николаевичу, хоть и не была его первою склонностью, а заставила его дѣлать непростительные промахи. Графъ Риттеръ уже тогдашнему пользовался правомъ гражданства въ большомъ свѣтѣ, имѣлъ запасъ ума и опытности, читалъ уже не по складамъ книгу свѣдѣній уставовъ, заучилъ ее даже твердо; но чтò же остается дѣлать, вѣдь вѣкъ благородному и, къ-несчастью, откровенному, когда за...

въ его сердце искра пріязни разгорится пожаромъ, когда горячее чувство клокочетъ въ немъ лавой и просится наружу, когда что шагъ, то препятствіе; когда сонмъ предразсудковъ сторожитъ каждое слово; когда этотъ самый человѣкъ, стараясь прояснить окружившій его туманъ, сознаётъ, что онъ просто игрушка въ рукахъ свѣтскаго ребенка-кокетки, — о, тогда тяжело становится на душѣ: черная дума подернетъ чело печалью и навѣетъ грусть на сердце... Нашъ герой соединялъ въ себѣ пылкій идеализмъ съ постоянствомъ и настойчивостью, былъ и чувствителенъ, и страстенъ, и раздражителенъ, и самолюбивъ до крайности. Онъ былъ увѣренъ, что Александра Николаевна находитъ удовольствіе въ его бесѣдѣ, во многомъ ему сочувствуетъ; но ему не доставало убѣжденія во взаимности, въ любви такой, какой онъ добивался... Онъ зналъ, что много было сочинено на ихъ счетъ пошлыхъ толковъ и небылицъ; но, порою пренебрегая сплетнями глупцовъ, порою приводимый ими въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что они не имѣли никакого основанія, Риттеръ готовъ былъ слѣдовать за Дантомъ въ адъ для отысканія клеветника, виновника вздорнаго вымысла... но графа удерживало здравое разсужденіе, что если онъ бросится на защиту Александры Николаевны и, всегда готовый умереть за нее, падеть отъ руки наглеца, то что скажетъ свѣтъ? будетъ ли оправдана Александра Николаевна въ глазахъ этого ослѣпленнаго и неумолимаго судьи, который играетъ репутаціями какъ картами?... Нѣтъ, она будетъ осуждена еще громче, еще безжалостнѣе. И объ эти камни преткновенія всегда разбивались замысловатыя предпріятія Риттера. Ему не разъ хотѣлось сорвать личину съ любаго изъ тѣхъ франтовъ, которые въ сущности были не что иное, какъ старыя болтуны, начиненныя новостями, сплетнями и модными вѣстями; ему хотѣлось обнаружить, заклеймить, поймать на самой дѣлѣ ложь и клевету... Но гдѣ же способы, орудія, случай? И всѣ разсужденія такого рода всегда приводили графа къ одному заключенію, которое, какъ живительный лучъ солнца, проникало въ его разгоряченное воображеніе и обыкновенно выражалось такъ: «Я же буду виноватъ: къ-чему же это поведетъ? Александра Николаевна перестанетъ ли быть предметомъ лжесвидѣтельствваній, когда въ глазахъ свѣта я давно сочтенъ ея привилегированнымъ обожателемъ?»

Всегда платившій признательностью за пріязнь, за вниманіе къ нему, Риттеръ, при первой встрѣчѣ съ Александрой Николаевной, постигъ, что эта женщина поняла его, что она ему сочувствуетъ, что сердце ея готово для него раскрыться, что оба они созданы для взаимности, и невольно, незамѣтно для самого себя, графъ предался пагубной страсти, которая, при его настойчивомъ и упрямомъ характерѣ, уже не могла быть пустою пріязнью безъ цѣли и послѣдствій,

а становилась рычагомъ его земнаго бытія, руководителемъ его чувствъ и дѣйствій, источникомъ вдохновенія и радости... Графъ любилъ немногихъ; но за то пріязнь его, добытая дорогою цѣной, была надежна—и вообще, описывая его характеръ, ворожея удачно указала на его основныя черты.

Въ-самомъ-дѣлѣ, съ ранняго дѣтства, его характеръ развивался подъ вліяніемъ умной матери. Ея попеченія пріучили его къ звукамъ роднаго языка; ея нѣжною заботливостью дышало дитя; и когда, подъ тѣнистыми вѣтвями пышныхъ деревьевъ бразильскихъ, среди природы вѣчно-живой и цвѣтущей, на берегу залива, куда ирѣдка убѣгало оно отъ надзора вѣрной негритянки и любовалось разноцвѣтными, радужными раковинами,—когда на этомъ же берегу пачилъ прахъ родной,—о, тогда все перемѣнилось для осиротѣвшаго ребенка... Удрученный горемъ отецъ повезъ его въ Россію, и старался привить отроку свои благородныя чувства, свою любовь къ отчизнѣ, и перелить въ сердце его свои чувства прекраснаго, свое стремленіе къ добру и пользѣ. Послѣ долгаго плаванія изъ Рио-Жанейро, путешники добрались до Лондона: здѣсь внезапный недугъ сразилъ единакаго старца; сына своего сталъ онъ посылать въ колледжъ, а потомъ, добравшись до родины, отдалъ Богу душу, оставивъ сироту на попеченіи своего достойнаго друга, втораго себя. И вотъ — первыя лѣта молодости застали нашего героя не участникомъ шумныхъ студенческихъ пирушекъ, а спокойнымъ созерцателемъ вѣчныхъ истинъ науки... и подъ сѣнію ея укрывался онъ долго съ свойственнымъ ему постоянствомъ, пока не пробилъ часъ освобожденія.

Графъ Риттеръ и въ свѣтѣ не утратилъ дѣтственныхъ чувствъ своихъ. Умомъ и ловкостью добылъ онъ въ немъ почетное мѣсто, умно занялся службой и скоро былъ призванъ принять участіе въ дѣлѣ преобразованія одной изъ отраслей управленія. Онъ давно тѣшил въ душѣ желаніе и готовность быть полезнымъ, чувствовалъ въ себѣ силы слѣдовать высокому призванію смѣло, неуклонно, и вознестись службѣ весь запасъ свѣжихъ силъ, всю любовь свою къ добру... И Риттеръ, праправнукъ совѣтника Петрова, вызваннаго изъ раскола великихъ людей того времени—Германія,—Риттеръ, потомокъ сановниковъ и посланниковъ, графъ двухъ имперій, съ именемъ, которое нѣкогда сіяло среди грозныхъ европейскихъ браней, и которое теперь почти было забыто за недостаткомъ представителей угасавшаго рода,—Риттеръ принялся за бюрократическую работу съ ребяческимъ усердіемъ. Ему дали мѣсто столоначальника, и тотчасъ принялъ его. Фортуна то улыбалась графу, то хмурилась надъ нимъ, и, рядомъ со службой, умѣлъ онъ вести усилья въ обществѣ. Дальній родственникъ, совершенный тише думъ благородной и безкорыстной, представилъ Риттера петербургскому

ати, среди которой ему тотчасъ же отыскались троюродныя тунки и дяди à la mode de Bretagne. Безъ нихъ жестка бы казалась графу наука дебютанта, — а какъ съ перваго раза идея его за столомъ у княгини Сицкой, и какъ она объявила, что Риттеръ ей племянникъ, тогда весь привѣтно улыбулись новички... Потомъ пошли мелочные успѣхи, и наконецъ дѣло дошло до того, что общій гласъ призналъ Риттера поклонникомъ Александры Николаевны Сѣрновой. Это была львица, какъ мы уже сказали; славительно, она не выходила изъ двадцати-пяти-лѣтняго возраста. но по рожденію, связямъ и замужству—принадлежала къ высшему обществу. Свадьба ея, отпразднованная великолѣпно, была не иное, какъ сочетаніе ея тысячи душъ съ двумя тысячами крестьянъ гвардіи полковника Дмитрія Борисовича Сѣрнова. Любовь, эта женитьба, была послѣдняя принята въ расчетъ при этомъ сочиненіи двухъ вотчинъ, богатыхъ лѣсомъ, скотомъ, винокурными заводами и меринсами. Александра Николаевна, воспитанная въ подмосковной деревнѣ и, слѣдовательно, склонная къ мечтательности, а безъ отвращенія постигла, что ее отдавали въ добавокъ приданое; однакожь, повинувшись необходимости, пошла подъ вѣнецъ съ горемъ пополамъ, нарушивъ обѣтъ, данный въ дѣтствѣ Серѣжѣ, бывшему сиротѣ, воспитанному въ домѣ ея отца и умершему въ горячкѣ адевятнадцатомъ году,—обѣтъ, быть его женой или пойти въ монастырь. Воспоминаніе о томъ, какъ чувство свѣтскихъ приличій и незанно заговорившая спѣсь въ сердце, на днѣ котораго притаился ербъ, осыянный княжескою шапкой, вступили у Александры Николаевны въ тяжкую борьбу съ любовью къ Серѣжѣ, и какъ замѣтная ея холодность глубоко уязвила его сердце и свела юношу въ гробу, — это воспоминаніе долго было тягостно для Александры Николаевны, и, рѣшившись идти замужъ, она рѣшилась также нести замѣны счастью въ чадѣ шумныхъ увеселеній, устремиться во всѣмъ развлеченіямъ, которыми изобилуетъ Петербургъ, браться безъ оглядки въ этотъ быстрый водоворотъ мнѣній, предразудковъ, преній, великаго, смѣшнаго и вздорнаго, — бездонный муть эгоизма, мелочныхъ самолюбій, вздорныхъ замысловъ, дерзкованныхъ надеждъ и пагубныхъ страстей:

Въ комнату, обитой штофами, оваренной магическимъ полусвѣтомъ карселя, или лампы «съ коловратнымъ движеніемъ», какъ ихъ называютъ фабрикантъ на Карповкѣ, — на диванѣ, обставленномъ вѣтами, зеленью, этажерками съ старинными кубками, фарфоровыми куклами и китайскими разными разностями, сидѣла Александра Николаевна Сѣрнова, и не-хотя перелистывала французскій ро-

манъ, потомъ засматривалась на картинку моднаго журнала, такъ вѣрно изображенъ былъ образецъ камалій, замѣявшихъ ихъ мантиліи à la cardinal, бурнусы и т. п....

Дверь растворилась, приподнялась занавѣска—вошелъ графъ Риттеръ. Александра Николаевна подала ему руку, сказавъ по-оранжеву:

—А, здравствуйте! что за блѣдность и озабоченный видъ? Проще и наружностью не походить на Claude Frolo и Гернани... Вы гурь веселѣе были на пикникъ, хоть и хуже была погода, г. живой барометръ... Садитесь же, вотъ сюда, поближе, хоть барометры и не вѣдятся...

— Да, я такová, Александра Николаевна; не умѣю защищаться отъ вліянія вѣшнихъ впечатлѣній и рѣдко удается мнѣ превозмочь побѣдить это чувство... Всего чаще, наружность моя и слова мои отражаютъ занимающія меня мысли, медленно говорилъ Риттеръ, опускаясь въ кресла.

— Это всегда было по мнѣ, поспѣшно отвѣчала Александра Николаевна. — Вы знаете, графъ, фанатически защищаю я и превозмочь благородную откровенность. Знаю, она васъ не всегда къ добру приводитъ. Вы любите немногихъ. Тѣмъ лестнѣе попасть въ этотъ таинственный, заколдованный кругъ. Вы любезничаєте не со всѣми; не да всѣхъ у васъ улыбка на устахъ. Вы невнимательны и безмилосердны ко многимъ, даже иными пренебрегаете и не стараетесь скрыть отъ нихъ это чувство, — вотъ отъ-чего у васъ много недоброжелателей и враговъ.

— Да, сказалъ Риттеръ: — я имѣю рѣдкій даръ впунать антипатію, и многіе, никогда неслыхавшіе отъ меня «да» и «нѣтъ», давно уже провозгласили меня глупцомъ, нелюдякомъ, медвѣдомъ, и выдѣлили полусотнею подобныхъ эпитетовъ. Но скажите, не слишкомъ ли осуждать человека за то только, что онъ не занимается кожей, и лѣзетъ изъ кожи, чтобъ угодить всѣмъ, а старается правиться и вѣрить тѣмъ, что онъ есть въ-самомъ-дѣлѣ, лишь для тѣхъ существъ, которые, по его мнѣнію, стоятъ выше обыкновенныхъ?...

Александра Николаевна, задумчиво склонивъ головку, безпрестанно перебирала бахраму своей бархатной мантильи. Тишина перешла въ будуаръ. Графъ продолжалъ, увлекаясь болѣе и болѣе въ вѣтную мечтою:

— Да, не всѣмъ дано чувствовать и понимать другъ друга. Для сердца энциклопедическія, всеобщія, которыя готовы слушаться и повиноваться ухомъ дерзновенное и самонадѣянное признаніе льва и ослиный лепетъ безнадежнаго вздыхателя; есть женщины, которыя мало одной любви для ихъ соблазнительной ренуанси. Они окружаютъ около себя цѣструю толпу поклонниковъ, и безжалостно са-

ся надъ ними. Для нихъ поклонники эти такъ же пужны, какъ дѣйская птичка на шляпку, какъ свѣжія перчатки, какъ модный ка-
ль; все это на время, — поносятъ и бросятъ. А между-тѣмъ, цѣль
стигнута: пріобрѣтена громкая извѣстность, тронута за-живо мно-
жество самолюбіи, возбуждены зависть и ревность, разлита желчь у
несколькихъ соперницъ. Но умная, благородная женщина не можетъ
быть такою. Любовь должна быть талисманомъ ея земнаго бытія;
она должна преобладать у ней надъ всеми чувствами, и сіять едино-
душно путеводнымъ свѣтиломъ, а не цѣлымъ созвѣздіемъ, должна
быть надежная, глубокая, взаимная...

— О, какъ далеко увлекаетъ васъ ваша философія! смѣясь сказа-
ла Александра Николаевна, перебивая рѣчь графа.

— Напротивъ того, возразилъ онъ хладнокровно: — я ближе къ
дѣлу, чѣмъ бывалъ когда-нибудь. Въ-теченіе года ежедневныхъ
встрѣчъ и бесѣдъ, вы узнали меня довольно... Есть вопросъ, разрѣ-
шеніе котораго важно для насъ обоихъ. Вы знаете свойства моего
сердца: оно не сочувствуетъ толпѣ; оно давно уже въ васъ нашло
что-то родное и пріютилось къ нему; вы знаете, что сердце это пол-
но постоянства и любви, что девизъ его — подобенъ девизу плюща,
обвившаго ваши любимые экраны: прививаюсь, или умираю... И вамъ
не трудно угадать, что вѣрхомъ блаженства для меня будетъ... что
земнымъ раемъ почту я жизнь мою, если...

Александра Николаевна глядѣла прямо въ глаза графу и, не кон-
чивъ словъ своихъ, онъ остановился; а она отвѣчала тотчасъ же,
безъ выраженія гнѣва, а скѣрбе съ благосклоннымъ соболѣзнова-
ніемъ:

— Не доканчивайте. Дослышу ли я вашу прекрасно-обдуманную
фразу, или нѣтъ, послѣдствія будутъ одни и тѣ же. Я имѣю къ вамъ
дружеское расположеніе съ первыхъ дней нашего знакомства: все-
гда уважала въ васъ умъ, благородство, познанія и какое-то нрав-
ственное превосходство надъ толпою; я отличила васъ съ перваго
раза, почувствовала къ вамъ увлеченіе, пріязнь... Но любить
васъ, какъ вы это, кажется, понимаете, измѣняя долгу супруги
и матери, я еще, право, не собиралась. Послушайте: надѣйтесь на
меня всегда, какъ на вѣрнаго друга, готоваго принять участіе въ
васъ, радѣть радостно и горе; но любви не ждите отъ меня: я не
вищу путеводнаго талисмана, не нужно мнѣ счастья, какимъ его тво-
рятъ львы и франты, — мое сердце уже изныло отъ страданій — пра-
вила Александра Николаевна вздыхая: — и давно уже

Мой талисманъ—вспоминанье
И невѣстная любовь...

Но къ кому, спросите вы? Ахъ! — вымолвила Александра Николаевна, какъ-то странно смѣясь: — къ могилѣ, къ скелету... — И слезы заблестали на густыхъ рѣсницахъ красавицы, щеки ея покраснѣли мгновеннымъ румянцемъ, грудь стала вздыматься учащеннымъ дыханьемъ. Александра Николаевна медленно опустила голову; локоны ея встрепенулись и волнами улеглись по разгоряченному лицу. Она была изумительно-хороша, и левъ стоялъ передъ нею священнымъ созерцателемъ ея дивныхъ красотъ. Наконецъ она встала. Графу обнаружили еще два чудныя сокровища Александры Николаевны: прелестная талія, стянутая толстымъ пестрымъ шнуркомъ, который оканчивался двумя кистями, — да ножки, которыя изваянія могли улечься рядомъ съ оттискомъ неподобной руки принцессы Боргезъ и которыя достойны были пера Пушкина. Александра Николаевна подошла близко къ графу, говоря: — Я вѣдую просить васъ именемъ страсти, которой не могу сочувствовать; объ ней и рѣчи быть не можетъ... но прошу васъ, если вы имѣете немного дружбы и пріязни ко мнѣ, не говорите мнѣ больше о любви. Пускай ея и не будетъ въ поминъ между нами, — вы не позволите какъ меня это утѣшить и успокоить. Вы видите, — я теперь расстроена, головная боль съ утра уже не даетъ мнѣ покоя, и я осталась до-сихъ-поръ въ кабинетѣ, чтобъ не измѣнить данному вчера обещанію побесѣдовать съ вами. Теперь ужь поздно. Прощайте. Надеюсь, что мы скоро съ вами увидимся и, уже не трогая раздраженной струны любви, найдемъ для разговора другіе предметы, отъ которыхъ я не расплачусь...

— О, вѣрьте, сердце мое, мое чувство измѣняетъ меня, — такъ на это не буду тратить словъ; но смѣю васъ увѣрить, что я всѣмъ готовъ пожертвовать для вашего спокойствія, — рыцарски отвѣчалъ растроганный графъ.

— Вы благороднѣйшій человекъ! сказала Александра Николаевна, подавая ему руку.

— Несравненная женщина! говорилъ про себя Раттеръ, разговариваясь съ нею.

Въ то же время, въ одномъ домѣ высшаго тона заговорили о прѣсвитерѣ Александре Николаевнѣ Сърповой. Дама, которой бы следовало идти въ отставку изъ лѣвицы, злобно улыбалась, подхваченная

— Ахъ, да я сейчасъ отъ нея... Подъѣзжаю и вижу, что сидитъ у дома карета. Приказываю спросить, чья. Говорятъ: графиня Раттер... — Войти было бы неделикатно, сказала дама, самодовольно озираясь во всѣ стороны: — ну, какъ же нарушать tête à tête?.. Я не

Вла вхаты сюда... О, я не люблю быть въ тягость моимъ добрымъ рятельницамъ!..

Общее молчаніе послѣдовало за этой выходкой; но много имѣло во значенія. Кто закусилъ губы, кто потупилъ взоръ, кто поглядывалъ на сосѣда, кто улыбался принужденно, кто злобно...—Наконецъ были и такія лица, которыя всегда и вездѣ ничего не выражаютъ.

IV.

ЦЕРЬ ГОРОЙ.

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства...

Подносятъ вина чередой,
И азіатико съ шампанскимъ,
И ниво русское съ британскимъ,
И мозель съ зальцерской водой.

Кого такъ славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Державинъ.

Львомъ какъ-то разъединяются основные элементы, живые двигатели петербургскаго высшаго круга. Одни переселяются на острова; другихъ далеко уносятъ весенніе пароходы; остальные странствуютъ по отдаленнымъ окрестностямъ столицы: кто въ Царскомъ селѣ, кто въ Павловскѣ, кто въ Петергофѣ или Стрѣльнѣ, а болѣею частію вездѣ и нигдѣ. Но, по зимней привычкѣ, по безотчетной потребности увеселеній для сведенныхъ судьбою представителей большаго свѣта, каждое изъ этихъ мѣстъ становится миньюрнымъ Петербургомъ,—и слѣдствіемъ первыхъ встрѣчъ подъ тѣнью акацій, при треляхъ соловья, при душистомъ ароматѣ левкоевъ, быкновенно бывають тѣ же parties de plaisir, тѣ же балы, тѣ же пижники... Здѣсь зерно общества составляютъ львицы и всегда готовы подражать имъ дѣвушки, привыкшія галопировать подъ звукомъ Лядова смычка; а въ кавалерахъ никогда не бываетъ недостатка, здѣсь-то всего чаще впервые являются военные и статскіе дебютанты, призванные къ исправленію должности отличныхъ танцовщицъ въ отсутствіемъ Римбаха и К°; а вслѣдъ за тѣмъ, тѣ же новички,

удачно замѣнившіе привычныхъ вальсировщиковъ, пріобрѣтають извѣстность, принимаются подъ покровительство той или другой дамы и зимою наводняютъ собою свѣтскіе салоны. Вотъ сокровенный виновникъ ежегоднаго непомѣрнаго расширенія петербургскаго большаго круга:—лѣтняя пора, беззаботная и веселая, да всегда неизбѣжные въ Стрѣльнѣ и Павловскѣ пикники, прогулки верхомъ и всѣ придумываемыя замысловатою и праздною свѣтскостію развлечения и увеселенія.

Но пользуются этимъ временемъ и выпиваютъ чашу лѣтнихъ наслажденій до дна только на пространствѣ пути отъ нарвской заставы до Петергофа включительно, да развѣ еще въ Павловскѣ... На островахъ по утрамъ душно, пусто и скучно. Иногда ввечеру музыка въ Новой-Деревнѣ или передъ Каменно-островскимъ Театромъ. Въ воскресенье, на Крестовскомъ, кривлянья и пляска на канатѣ кривоногаго шарлатана съ фамиліей, дымъ сигаръ, толкотня, пестрота экипажей, и толпы свѣтской молодёжи у балконовъ М-шез Мейеръ, Allan и M-lle Дегранжъ. На музыку иногда пріѣдетъ графиня Волинцева и неподражаемо-граціозно машетъ хлыстикомъ, прислушиваясь къ восхищенному говору молодёжи, среди которой одни въ бѣлыхъ фуражкахъ, а другіе въ сѣрыхъ круглыхъ шляпахъ; довольной улыбкой отвѣчаетъ графиня на тяжелыя любезности стараго генерала, который, лаская ея красивую лошадку и покручивая съдой усь, увѣряетъ ея сіятельство, что она могла бы быть въ его полку самымъ ловкимъ и красивымъ корнетомъ.

А что дѣлалъ Риттеръ?—Онъ исправно являлся на музыку, ниль чай у пріятелей кавалергардовъ, и, завернувъ потомъ къ графинѣ Волинцевой или къ княгинѣ Марьѣ Петровнѣ, кончалъ день обыкновенно тѣмъ, что закуритъ регалию и, усьвшись въ коляску, звывая крикнетъ «домой», — слово, которое всегда сильно, магнетически дѣйствуетъ на лошадей и кучеровъ. Жилъ графъ по-зимнему въ городѣ; онъ разсудилъ, что въ отпускъ проситься къ роднымъ въ Курляндію нѣ къ чему, что платить 700 руб. за простуды и ~~за~~ карточныхъ домикахъ на Карповкѣ и Черной-Рѣчкѣ, будетъ ~~зачи~~—бросать деньги и губить время. Утро проводилъ Риттеръ на службѣ, объѣдывалъ у Сен-Жоржа, когда не имѣлъ приглашеній на острова, вечеромъ ѣздилъ въ театръ или на музыку, да еще бѣгалъ въ Царскомъ-Селѣ на скачкахъ, гдѣ принадлежалъ къ числу ~~побѣ~~ гихъ, принимавшихъ въ нихъ живое участіе, потому-что дорожилъ воспоминаніями о туманномъ Лондонѣ и могъ наслаждаться ~~на~~ буюсь потѣхой чисто-англійской, которая какъ-то не въ нашихъ нравахъ, не привилась еще къ нашему обществу, не пріобрѣла ~~еще~~ немъ права гражданства. — Кстати сказать о графѣ: онъ ~~былъ~~

расавецъ, а просто недуренъ лицомъ, которое иные даже находили интереснымъ и умнымъ; онъ былъ строень, имѣлъ благоодную поступь, одѣвался англоманомъ, никогда не позволяя себѣ носить яркихъ жилетовъ, пестрыхъ шарфовъ и цвѣтныхъ фраковъ. Ему нравился одинъ модный романсъ, и Александра Николаевна только же любила черный цвѣтъ, въ немъ воспитанъ, какъ и нашъ герой. На вопросъ:

Отъ-чего жь, спросить свѣтъ,
Таишь мнѣ милъ черный цвѣтъ?

Риттеръ всегда готовъ былъ отвѣчать не свѣту, а самому себѣ:

Я скажу: цвѣтъ тѣней,
— Цвѣтъ подруги моей...

Отъ-чего же не все замѣчали наружность графа, отъ-чего для многихъ оставались скрыты его достоинства? — Отъ-того, что онъ дѣлался чувствомъ не со всѣми, и, всегда правдивый и откровенный, не бросался однакожъ въ преувеличенія, не хотѣлъ сдѣлаться поминимъ болтуномъ и прикидывался поклонникомъ двадцати кумировъ. Такъ скупой бережетъ сокровища свои, такъ Риттеръ тщательно стожило свое чувство къ Александрѣ Николаевнѣ Сырковой; но когда и кому удавалось завязать глаза свѣту и успешно играть съ нимъ въ жмурки? Свѣтъ, какъ всевидящій аргусъ, замѣчаетъ все, какъ не укрывайся отъ его. Графъ понималъ, что его считаютъ лицемеромъ, что онъ многихъ убѣждаетъ, которымъ бы слѣдовало кланяться; убѣжденъ былъ притомъ, что первый зародышъ наклонности, зашедшій въ его душу при встрѣчѣ съ Александрой Николаевной и остереженный свѣтомъ среди разговора самаго обыкновеннаго, уже разозглашенъ былъ пылкою страстью... Въ думкахъ о своихъ отношеніяхъ къ Александрѣ Николаевнѣ, Риттеръ иногда доходилъ до безумствъ. — Отъ свѣта ничего не скроешь, думалъ онъ про себя: ему известно даже все, чего нѣтъ, какъ же ему не знать того, что есть? — а свѣтскій философъ доходилъ до заключенія, что всѣмъ известно, какъ онъ страстно любитъ Александру Николаевну, какъ и ее влечетъ къ нему сочувствіе, симпатія... Но гнѣвъ благороднаго Риттера не зналъ мѣры, при мысли, что несравненную Александру Николаевну молва запечатлѣла клеймомъ позора, что ее считаютъ преступницею тогда, когда ее обвинять можно было только въ необдуманномъ расточеніи сокровищъ ума и любезности, въ беззаботности о послѣдствіяхъ такой растраты, въ невинномъ, ребяческомъ увлеченіи, въ душѣ пылкой, доступной всему прекрасному; а всего болѣе, въ искаженіяхъ участія и любви чистой среди свѣта, гдѣ царствуютъ деспотически лицемеріе, медовыя уста и сердца холодныя — все, ошибки непростительныя!

Графъ Риттеръ предавалъ свѣтъ, отъ-того онъ и не пытался его переименить, а старался нравиться и заслужить пріязнь немногихъ сдѣльныхъ его членовъ, въ которыхъ предугадывалъ прямое благородство и пылкость чувствъ. Вотъ что и побудило графа сблизиться съ Александрой Николаевной Сърповой. Но впервые дошло у него до признанія, и это первое объясненіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ отъ-того, быть-можетъ, что хотя Риттеръ не разъ наикалъ на любовь и среди вальса, и стоя за стуломъ Александры Николаевны въ концертъ, и среди продолжительныхъ бесѣдъ по вечерамъ въ будуаръ, когда оба они и не замѣчали, какъ часовая стрѣлка далеко уходила за полночь,—а Александра Николаевна при этихъ случаяхъ мастерски отшучивалась и всегда вселяла въ сердце своего поклонника чувство грусти, немного пригрѣтое однакожь надеждою. Графъ предавался чарующему обману, не виная Александры Николаевны, и любовь его росла, и, разрастаясь, глубоко укоренялась. Врековой день послѣ пикиника, усталая, полубольная, Александра Николаевна, чувствуя себя не въ силахъ шутить, впервые заговорила рѣшительно,—и съ-тѣхъ-поръ Риттеръ сталъ рѣже заходить къ Александры Николаевнѣ, убѣгалъ ея на концертахъ и раутахъ, а веселая судьба помогла его рѣшимости. Александра Николаевна узнала въ свою подмосковную,—и тогда-то лишь Риттеръ понялъ всю силу своей къ ней привязанности. Вокругъ него стало пусто; сердце его было переполнено грустію. Ему хотѣлось-было писать къ Александры Николаевнѣ и снова попытаться выказать ей все, что у него было на сердцѣ, но всѣ планы новыхъ попытокъ кончались вѣрнымъ выводомъ: «Александра Николаевна на досугъ еще лучше воспитана надо мною, непремѣнно какъ-нибудь отшутится, какъ это уже не разъ случалось, и будетъ отвѣчать мнѣ такимъ же письмомъ, какъ графиня пишетъ барону Фиренгейму...—Много я этимъ выигралъ».

Такъ прошло лѣто, и Риттеръ, если не совершенно разлюбилъ романъ своего свѣтскаго романа, то по-крайней-мѣрѣ сталъ къ ней равнодушною, особенно когда осень повѣяла на его мозгъ тревою и принудила графа отъ нечего-дѣлать предаваться глупымъ и нелепымъ разсужденіямъ о томъ, какъ все подъ луною непостоянно, холодно, сыро, скоропрехоляще, ненадежно, дождливо, какъ *она сама съ свѣтъ лишь на срокъ*, какъ тихоно силится мы никогда не имѣть невозможное... И вотъ, однажды утромъ, когда снѣгъ уже былою пеленою по улицамъ петербургскимъ, графъ Риттеръ выскочилъ какъ ястребъ, засадѣвшійся на скаль, потребовалъ карету и, усѣвшись въ сани, храбро повѣхалъ въ департаментъ, который не заглядывалъ съ недѣлю.

Мерозъ трещалъ на дворъ; оживлялся Петербургъ, прозякавшая жалкую, осеннюю, европейскую физиономію — на живую, дѣталь-

то, русскую... Все изменилось съ приходомъ зимы. И сердце над него героя подчинилось закону природы. Что стало съ нимъ? Сердце втѣра было пусто, а умъ занятъ—приготовленіемъ доклада.

Случна бываетъ зима, начавшаяся двускими балами. За ними вѣдо спуска юрцз фикс и уютительные обѣды. Но когда зима является подъ торжественные звуки народнаго гимна, подъ трели польскаго, чатаго хозяиномъ дома съ безцѣнной и необычайной гостей, срец и великодушнаго ширшества, — тогда она предвѣстница равнообразныхъ, живыхъ радостей. Такъ было и на этотъ разъ посавъ скучна-го дѣта и еще болѣе-сучной осени. Собрались снова разрозненные дулбой необходимые представители высшаго круга, и на зовъ павла-гланцой ими богини тицеславія, каждый изъ нихъ готовъ былъ от-вѣчать: «здесь», такъ же громогласно, какъ отвѣтствуютъ М-ше Га-соа и маленький Рамазановъ на спросъ стараго педанта въ «Школ-вомъ Учителѣ». — Назначили день большаго бала: хозяйнѣ и хозяй-ка исполешались, разослали во все стороны печатныя приглашенія, мовомъ, занялись всеми приготовлениями. Не прошло трехъ сутокъ, какъ уже вдалѣ набережной, къ ярко-освѣщенному дому, обставлен-юму дѣсамъ иллюминаціи, тянулся рядъ каретъ, и каждая изъ нихъ, становившись передъ выстроеной у подъезда палаткой, дарила бале-мраженной звяницей, или скромною двушкой безъ упованія — на мвалера, который бы захотѣлъ танцовать съ нею, или савонникомъ въ лентѣ и звздахъ, или юношей съ завиднымъ настоящимъ и-большими надеждами на будущее, или присяжнымъ игрокомъ, или иташиной охотницей до вальса, или заносчивымъ, самонаданнымъ вломъ, или почтенною дамою съ брилліантовымъ крестомъ в заведе-номъ на плечѣ, или... — Не довольно... Вотъ, уже все чело полно. Хозяинъ, въ мундирѣ и лентѣ, усталъ принимать гостей и вожитъ ихъ руки; протанулся нольскій по раззолоченнымъ номамъ, чинно протанцовали нѣсколько кадрилей; смѣняли ихъ перою гадель и-вальсъ; вотъ и мазурка ограничилась двумя фигурами, и все хлынуло въ обширную залу, гдѣ на нѣсколькихъ десяткахъ столовъ накрыты ружинъ... Цестрета, говоръ, шумъ. Вотъ дорогие гости сѣли за столъ, козляки, на которомъ красуется чудесное платѣ: серебряная группа, представляющая борьбу римскихъ гладиаторовъ. Вездѣ разогалены: вазы въ радкини фруктами, съ благоухающими цвѣтами; вездѣ сан-совскій фарфоръ и богемскій хрусталь. Далѣе, еще большоу столъ; на немъ другое платѣ: храмъ славы изъ мозаики и на немъ самъ Сае-инг Augustus:

На сребророзовыхъ коняхъ
На златоглавомъ фавтѣй...

А тамъ, гдѣ своды залы поддерживаются массивными столбами и византийскомъ вкусѣ, гдѣ стѣны росписаны *à fresco* картинами вѣдѣйскаго и арабскаго быта; тамъ, гдѣ многочисленное общество обсыло столъ, и гдѣ, среди серебрянаго плато, въ порфиновыхъ вазахъ вылаютъ голубые огни; тамъ, гдѣ существенность становится поэзію, въ этомъ живомъ подобіи балтазарава праздника, на отдаленномъ концѣ стола, узнаете вы Александру Николаевну Сѣрпову и рядомъ съ нею Риттера. Они уже видѣлись до бала; на балъ, какъ это часто случается, не сошлись и не танцовали; а теперь, будучи ея соседомъ, графъ выпросилъ себѣ первый танецъ послѣ ужина. На бѣду его, это была новая мазурка отъ-того, что первая продолжалась только до полуночи и что молодѣжи, запасшейся въ лѣтнюю пору свѣжими силами, хотѣлось продлить балъ и навеселиться до-сыта.

Заиграли чудный мотивъ мазурки. Риттеръ усѣлся подлѣ Александры Николаевны, и по мѣрѣ того, какъ толпа стала рѣдѣть въ мѣстѣ и непринужденность рядомъ съ откровенностью пробиваться въ сердца, графъ сбился на старую тѣму, и если не заговорилъ именно о любви, то по-крайней-мѣрѣ далъ разгулъ грустнымъ воспоминаніямъ и упрекамъ. Александра Николаевна внимательно и торжественно слушала его; порою отшучивалась, порою прикидывалась доверчивою, смѣялась; а Риттеръ наставлялъ, увѣрялъ, и вотъ чѣмъ кончилъ словоохотливый и раздраженный обожатель:

— Вамъ легко по-прежнему платить сомнѣніемъ и колкой насмѣшкой за искренность и голосъ правды. А я оставался имъ вѣренъ, когда счастье казалось мнѣ возможнымъ и даже когда вы меня разочемнили съ надеждой. Почему же вамъ смѣшны теперь сожалѣнія о моемъ прошедшемъ?— Не отъ-того ли, что вы увлекли меня быстро за собою и вздумали играть моимъ сердцемъ какъ игрушкой? Да, я бессознательно стремился вамъ въ слѣдъ, то лелѣемый мечтами любви, то мучимый сомнѣніемъ... А что же нашелъ я у васъ, когда перешелъ за черту платоническихъ бредней и вздумалъ домогаться интимности? — Я нашелъ у васъ пустое сердце, а въ замѣнъ — голову, переполненную умомъ, мечтательностью, мыслями и хорошиими и дурными, софизмами и истинами... Тогда-то въ бесѣдахъ съ вами я сталъ губить чувства одно за другимъ: тогда сознание существованія стало замѣнено у меня мечты юности и, какъ эпидемическій недугъ, пустота внезапно перешла изъ вашего сердца въ мое. — И Риттеръ долго бы еще танулъ свою романтическую эллогу, еслибы въ ту минуту не подошелъ къ его дамѣ всегда веселый и беззаботный Гамборнъ, предлагая ей на выборъ свѣтскаго новичка и заслуженнаго гражданина салоновъ.

Графъ опустилъ голову и, невнимательный къ очаровательному звукамъ мазурки и поэтическимъ разливамъ оркестра, едва слышалъ

взоромъ за своей дамой, которую такъ внезапно сочеталъ слухомъ съ своимъ дебютантомъ. Нашъ герой призадумался, глядя, какъ поворачиваетъ ловко припрыгиваетъ, какъ лицо его свѣжо, какъ глаза полны огня, какъ волосы его кудрявы и волнисты. Риттеръ невольно приюмивалъ стихи Пушкина:

.....Его ланиты
 Пухъ нѣжный легко отгнѣвалъ.
 Въ его очахъ восторгъ сіялъ;
 Страстей неопытная сила
 Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
 И съ умилениемъ на немъ
 Царица взоръ остановила...

Мечтатель встаетъ со стула, поспѣшно вставляетъ въ глазъ черепаховый лорнетъ, — и что же? — картина, такъ живо нарисованная поэтомъ, осуществляется на дѣль... Риттеръ видитъ и не вѣритъ...

— Да, да, говоритъ онъ про-себя: — такъ было и со мною въ день нашего знакомства... Вотъ ужъ она въ третій разъ объгаетъ съ нимъ плу, смотритъ на него пріятно, лукаво, — она ему нравится... о, съ какими увлеченіемъ они кружатся!

И впрдѣ стуломъ графа Риттера остановилась молодая чета. Новичокъ утнво расшаркался, Александра Николаевна благосклонно кинула головкой, — и не прошло минуты, какъ графиня Вольтцова пошла къ Александрѣ Николаевнѣ съ княземъ Волгинимъ и отрекомендовала его какъ молодого человека, qui débute très bien dans le monde... Риттеръ покосился на него; но, не замѣчая этого, графиня вала ихъ обонхъ...

— Какихъ чувствъ или качествъ хотите вы быть представителями, господѣ? спросила ихъ весело графиня.

— Безвѣрія, отвѣчалъ Риттеръ.

— Фанатизма, возразилъ Волгинъ, и ихъ обонхъ подвела она къ Александрѣ Николаевнѣ. Выборъ былъ въ пользу дебютанта, и онъ зона пробѣжалъ съ нею свѣтскую арену, а Риттеръ танцевалъ съ рафиней.

— У васъ жаркое преніе съ вашей дамой? vaut mieux tard que jamais; вы давно уже ея поклонникъ въ глазахъ свѣта: пора завоевать ея сердце, сказала она на лету; но графъ, опытный рыцарь XIX вѣка, отшутился какою-то свѣтскою пошлостью и, возвратившись къ своей дамѣ, довольно-не ловко поздравилъ ее съ новою побѣдою...

— За чѣмъ стараетесь вы переизмѣнить предметъ разговора? сухо оразила Александра Николаевна: — я еще не отвѣчала на ваши шреки. Оправдываться мнѣ смѣшно; но обвинить васъ не трудно. Возможно будетъ короткаго объясненія. Я васъ отличила съ перваго на нашего знакомства, потому-что находила сходство въ нашемъ

образъ мыслей. Но частыя бесѣды наши давали ли вамъ право требовать моей любви? Взаимность мыслей безъ взаимности чувствъ предположить, правда, трудно; но, повторяю, гдѣ же права ваши на мое сердце, гдѣ же права на упреки и насмѣшливыя колкости? Вы сами обманули себя небывалой мечтой: вообразили себѣ взаимность, гдѣ было только сочувствіе, — любовь, гдѣ была лишь дружба, симпатія...

Александра Николаевна еще не кончила, какъ уже назурка обратилась въ шумный вальсъ. Чета замелькала за четой; пришли за Александрой Николаевной, вспомнили о Риттеръ, и такимъ образомъ разговоръ, не предвѣщавшій хорошей развязки, кончился, какъ кончаются всѣ свѣтскія знакомства, сплетни, интриги, вѣдыханія и разсужденія, — ничѣмъ.

Обѣ спорившія стороны были равно убѣждены въ правотѣ и непреложности своихъ доводовъ, и это преніе, которымъ занялось на одинъ вечеръ нѣсколько дамъ, всегда алчущихъ новостей и загадокъ, было забыто на другой день, осталось недоконченнымъ, бывъ со стороны Риттера нескромною выходкою, дѣтскимъ денетомъ осербленного самолюбія, а со стороны Александры Николаевны слабымъ защиткою своего кокетства. И этотъ несвязанный, безтолковый процессъ, остановленный въ своемъ ходѣ мановеніемъ Лядова смѣхъ, поналъ нигомъ въ число *des causes perdues*.

Между-тѣмъ, вальсъ былъ во всемъ блескѣ, балъ въ полномъ разгарѣ. Новичокъ не переставалъ кружиться съ Александрой Николаевной. Графъ Риттеръ также вальсировалъ хорошо: его безпрестанно выбирали, и онъ уже не сошелся болѣе съ своей дамой. Ею любилась многіе, и Волгинъ, кружась съ нею, съ перваго вечера попалъ въ цѣхъ присяжныхъ вальсировщиковъ. Теперь на нихъ урванъ страшный. Прежде, ихъ можно было перечестъ по пальцамъ; а съ тѣхъ-поръ, какъ Эс... и Ст... затанцовали у насъ по-вѣнски, въ такта, — явилась за ними толпа счастливыхъ подражателей, и танецъ сталъ общимъ достояніемъ, столь же обыкновеннымъ, какъ лѣтныя перчатки, завитые волосы и блѣдныя лица. Вотъ почему и нашъ Новичокъ, посвященный въ тайны двухтактнаго вальса, не уступалъ любому льву въ искусствѣ скользить по паркету. Но вслѣдъ за Илюсомъ, послышались звуки, чуждые музыкальному уху князя, и танцевались вереницею три-четыре пары. Дебютантъ смотритъ: вальсъ и вальсъ, галопъ не галопъ...

— Ахъ, «волька», «полька»!.. что за прѣстѣнный танецъ! неужелись отовсюду... И обыкновенное украшеніе сталъ, естественное большими чепцами, вооруженное лорнетами и опакадами; и нарядъ для дамы, усланился стройною фалангою за колоннами; и каковыя

юенные и штатскіе,—всѣ повторили то же восклицаніе. Въ немъ музыкальное ухо новичка различило множество оттѣнковъ тона, которые переходили отъ чрезмѣрнаго восхищенія къ зависти и досадѣ. Волгинъ окинулъ быстрымъ взглядомъ двѣ-три танцовавшія пары. Онъ узналъ между ними рука-объ-руку съ черноволосымъ красавцемъ васъ, поэтическую звѣзду сѣвера: онъ увидѣлъ графиню всегда и вездѣ неподражаемую и обворожительную; примѣтилъ тамъ и Александру Николаевну, и въ минуту постигъ, что настоящее поприще свѣтскихъ отличій—«полька», что, вертась между трехъ такихъ почетныхъ паръ, онъ упрочитъ свою репутацію, что ему станутъ завидовать, объ немъ станутъ упоминать кстати и не кстати,—и вотъ, рядомъ съ первымъ пыломъ любви, прокралась змѣясуетнаго тщеславія въ дѣвственное сердце... Вотъ ужъ звуки «польки» замираютъ; вѣтъ, они переходятъ изъ упоительнаго piano въ торжественное *esceudo*... и, ободренный ими, спѣшитъ юноша къ Александру Николаевичъ. Они скользятъ, вертятся, кружатся; на нихъ засматриваются, ими любятъся, имъ завидуютъ,—и уже для нихъ приготовленъ цѣлый романъ сплетень, басень и прибаутокъ...

А гдѣ же Риттеръ?—Не бойтесь: не измѣню стоической важности его мизантропическаго характера; не представлю его за тарелкой мафонеа, за стаканомъ *сгément*, или за блюдомъ трюфелей подъ салфеткой... Графъ давно уѣхалъ, не выждавъ окончанія вальса и, пока карету Риттера кричали на подъездъ, новичокъ иожиналъ лавры на свѣтской аренѣ: его представляли львицамъ и почтеннымъ обладательницамъ модныхъ салоновъ, и онъ на перехватъ звали его на свои *jours fixes*, рауты, балы...

На другой день, князь Волгинъ всюду развозилъ свои карточки. Имя его переходило изъ устъ въ уста на разводѣ, на англійскихъ горахъ, на Невскомъ-Проспектѣ, у Сен-Жоржа и Дюмѣ. Извѣстность свѣтскаго новичка достигла даже до цыганскаго табора, гдѣ Любаша докучливо просила князя Вязникова привезть къ нимъ поскорѣе того, что у нихъ такъ круто въ танцахъ заворачиваетъ...

Въ эту самую пору, Риттеръ сидѣлъ въ саняхъ на Англійской-Набережной передъ домомъ Александры Николаевны. Послѣ десяти минутъ хладнокровнаго ожиданія, весьма-похвальнаго при 8 градусахъ мороза, швейцаръ возвратился съ отказомъ:

— Александра Николаевна извиняется: изводитъ убираться къ д-скому балу, гдѣ въ костюмахъ будутъ.

V.

ЛЕВЪ ФОЛЬБЛУТЪ.

Любовь безъ глупостей на письмѣ и на дѣлѣ, все равно, что разводъ безъ музыки.
А. МАРЛИНСКІЙ.

Elle l'aimait par vanité et surtout comme expédient.

Fr. Soulié.

Да и въ любви признаются не такъ, какъ ли на то пошло.

(Пародія.)

На Каменноостровскомъ-Театрѣ только-что кончилось представленіе новой пьесы, и взоры всѣхъ лбовъ, онагровъ и медвѣдей, устремились къ мѣсту, гдѣ привыкли видѣть графиню Волынцеву. Но лжа ея была пуста; а въ сосѣдней сидѣла Александра Николаевна Сърпова. Мужъ ея только-что уѣхалъ въ собранье на воды, и она осталась на-единѣ съ княземъ Волгинымъ.

Постараясь теперь не увлечься страстными и преувеличенными сужденіями свѣтскаго звырнца, а уединимся гдѣ-нибудь въ секретномъ седьмомъ ряду, или прокрадемся невидимкой въ ложу Сърповой и разложимъ химически мысли, чувства и дѣйствія Александры Николаевны и ея новаго поклонника.

О, какъ сблизили ихъ шесть мѣсяцевъ знакомства и всадныхъ свиданій! Волгинъ былъ влюбленъ и, не заботясь о послѣствіяхъ своей склонности, Александра Николаевна часто неосторожно кокетничала, порою была восхитительно-любезна, слушала князя съ увлеченіемъ,—удивительно ли послѣ этого, что въ глазахъ князя Волгинъ только смѣнилъ Риттера? У Александры Николаевны чело обдалъ ея новый любимецъ, между-тѣмъ, какъ графъ пропадалъ безъ вѣсти по днямъ и недѣлямъ, и она забывала уже объ немъ съдомляться. Пока по цѣлымъ часамъ просиживалъ Волгинъ въ ее будуарѣ, танцовалъ съ нею все польки и мазурки, бывалъ въ ее ложѣ въ театрѣ, да и теперь, тотчасъ же по отъѣздѣ Дмитрія Борисовича Сърпова, подѣлъ поближе къ Александрѣ Николаевнѣ и сталъ ея наивысше навешивать любезности. Она улыбалась, иногда громко смеялась, и когда поднялся занавѣсъ, спросила у князя афишку...

Между-тѣмъ, взоры всѣхъ зрителей устремились на сцену. Тамъ одинъ какой-то сухошавый старичокъ, направивъ двойной локти на ложу Александры Николаевны Сърповой, разсмотрѣлъ, что она подала ей сложенную афишку, что когда Александра Николаевна поспѣшно развернула ее, то изъ ней выпала какая-то бумажка, что

тогда Александра Николаевна живо схватила ее, судорожно сжала въ рукѣ, причемъ яркій румянецъ выступилъ на щеки Сърповой... За тѣмъ, съ видомъ простодушнымъ, веселымъ, беззаботнымъ, она посматрѣла на своего поклонника, показала ему что-то на сценѣ, и оба громко разсмѣялись...

Минуть десять спустя, Александра Николаевна поспѣшно встала, и Волгинъ, съ видомъ озабоченнаго обожателя, подаль ей камаль. Оба вышли изъ ложи. На лѣстницѣ встрѣтили они нѣсколько незнакомыхъ лицъ, и вскорѣ лакей, въ голубомъ ливрейномъ фракѣ, гороховыхъ штиблетахъ и въ круглой шляпѣ съ скромнымъ позументомъ, громогласно объявилъ: «Сърповой экипажъ!», а князю доложилъ, что его дрожки еще не пріѣхали; пріѣдутъ же, такъ ихъ пошлютъ къ Александрѣ Николаевнѣ. Она же, всегда вѣтренная, беззаботная и чуждая свѣтскаго педантизма, предложила Волгину вхаты съ нею домой; онъ, разумѣется, былъ въ восхищеніи, сядя въ модную, низкую, щегольскую коляску Александры Николаевны.

Въ это время сходилъ съ лѣстницы нашъ доморощенный Фальстафъ: пресловутый игрокъ, съ волосами изъ сѣро-пепельнаго цвѣта, и вѣчно румянымъ, самодовольнымъ, глупо-улыбающимся лицомъ. Онъ все высмотрѣлъ изъ своей засады: видѣлъ, какъ Александра Николаевна приглашала князя сѣсть въ ея коляску, замѣтилъ, какъ онъ поспѣшно исполнилъ ея волю... Чему жъ удивляться послѣ этого, что, пріѣхавъ на балъ въ заведеніе минеральныхъ водъ, узнавъ тамъ занятаго партіей шорт-виста Дмитрія Борисовича Сърпова и показывая на него пальцемъ, нашъ Фальстафъ началъ рассказывать все, что видѣлъ, и даже больше, приправляя свои наглые шутки и тяжелыя сплетни замѣчаніемъ, что Александры Николаевны на балъ итъ, равно и князя Волгина, что они-себѣ счастливы, — а мужъ-то, мужъ? играть въ вистъ?!... ха, ха, ха!...

Мысль о счастьи была, однакожъ, далеко отъ Александры Николаевны: она, грустно улыбаясь, развернула дорогую раздушенную, красивую бумажку, которой Волгинъ ввѣрилъ любовныя объясненія и требованія... Пробъжавъ ихъ, Александра Николаевна стала приуменьшать, какъ бы заговорить рѣшительнымъ, гордымъ голосомъ оскорбленной женщины; проучить шалуна, или отшутиться ѣдкими и остроумными насмѣшками... Но, увы! у доброй Александры Николаевны на всѣ любовныя признанія былъ одинъ отвѣтъ: любить не могу, любви не хочу: всѣ вы ошибаетесь и думаете найти чувства и страсти тамъ, гдѣ одинъ пепель, одни сожалѣнія и грустныя воспоминанія.

Въ это время, коляска вдругъ остановилась на берегу Невы, прогнавъ тѣнь, у дачи, которую нанималъ на это лѣто Дмитрій Борисовичъ Сърповъ...

Въ комнату, замысловатому убранству которой содѣйствовало утонченный вкусъ Александры Николаевны, гдѣ цвѣты наводили воздухъ благоуханіемъ, и разныя модныя бездѣлушки украшали столы, каминъ и стѣны; гдѣ большой, пестрый китайскій фонарь привѣшенный къ жалю искусно-изваяннаго изъ ореховаго дерева, посаженнаго на хвостъ величаваго дракона, проливалъ радужныи свѣтъ на померкшее пустое пространство, — на низенькомъ табуретѣ новый Гамлетъ у ногъ новой Офеліи, которая въ чудномъ образѣ Александры Николаевны сидѣла въ высокихъ готическихъ креслахъ, и лу-лежалъ влюбленный Волгинъ. Увлеченный еще болѣе таинственностью, игрой случая, восхищенный созерцаніемъ дивной красоты Александры Николаевны, князь на ея колкія и острые шутки отчасти горячимъ признаніемъ и упорными увѣреніями, въ которыхъ сильно высказывалась страсть. Александра Николаевна сперва была готова выговоръ князю за письменное объясненіе, которое, послѣ вамъ ея, было непростительнымъ поступкомъ и неосторожною глупостью; но Волгинъ слушалъ терпѣливо всѣ эти выраженія негодванія и гнѣва.

Не далѣе, какъ замѣсяцъ предъ тѣмъ, нашъ молодой левъ, выгушавъ подобное наставленіе перерывной львицы, отъвѣчалъ на словъ «Сударыня, мое признаніе не должно было возбуждать вашего удовольствія, но, напротивъ, должно было передать вамъ свое любіе. Впрочемъ, вы видите: я слушаю васъ терпѣливо; не только потому, что вы давно уже, по лѣтамъ вашимъ, пріобрѣли право читать мораль и журить молодѣжь; а я еще долго буду въ томъ състѣнливомъ возрастѣ, которому такъ нужны наставленія, которыхъ и надо ничего спускать, и въ которомъ мы должны, со смиреніемъ и мечтеннымъ сдѣланъ, принимать заслуженные выговоры».

Но теперь было совсѣмъ иначе: князя Волгина нельзя было удержать при его, въ-самомъ-дѣлѣ, смиренномъ и задумчиво-внимательномъ видѣ.

Вниманіе и безответное смиреніе Волгина поразили Александру Николаевну; они послужили вѣрнѣйшимъ доказательствомъ искренности его чувствъ, и невольно ея выраженія смягчались, переходя постепенно отъ упрековъ къ снисходительнымъ увѣщаніямъ, отъ выговоровъ къ дружескимъ совѣтамъ; онъ не сводилъ съ нея своихъ черныхъ глазъ; лицо его то оживлялось, то покрывалось блаженствомъ. Наконецъ, Александра Николаевна сказала:

— Вы не хотѣли меня погубить въ глазахъ свѣта: положите же и въ этомъ увѣрена... Но вы были очень-неосторожны. На чѣмъ основана моя взаимность? Какъ можно было подать мнѣ, вмѣстѣ съ вашимъ любовное объясненіе? Да что же бы стало съ нами, еслибы я...

шла эту записку, если бы въ ложѣ забыла ее, еслибъ она упала въ артеръ?

Князь несвязнымъ лепетомъ оправдывался; говорилъ, что нетерпѣніе, неизвѣстность давно мучили его; что онъ не надѣялся имѣть юный случай отдать ей свое письмо и отъ-того воспользовался первымъ удобнымъ... Но Александра Николаевна хорошо понимала, что въ случаяхъ къ объясненію не было недостатка у князя; что ему просто хотѣлось блеснуть легкостью слога, пльнуть ее фразами, которыя въ разговоръ смѣшны, а на бумагѣ искусительны; что князю хотѣлось смѣлою мѣрой напасть въ-расплохъ на сердце Александры Николаевны и завоевать его разомъ. Она все это понимала, и потому не слушала пустыхъ отговорокъ Волгина.

— Повѣрьте, продолжала она: — бросьте любовь свою ко мнѣ, и поберегите до времени пламенные чувства. Я не въ силахъ раздѣлить ихъ, и вы ребенокъ, если хотите овладѣть невозможнымъ. Итъ, не бросайтесь вслѣдъ моему сердцу, какъ шалунъ бѣжитъ мѣдъ за неуловимымъ мотылькомъ; не будьте настойчивы въ страсти, которая не оживится взаимностью и будетъ лишь походить на подлинки Донъ-Кихота съ вѣтреными медьницами... Называйте, пожалуй, мое сердце ледянымъ: это разсмѣшитъ, а не оскорбитъ меня, потому-что смѣшно требовать у меня того, чего я не въ силахъ дать. Сказать женщинѣ: «любите меня, потому-что я люблю васъ», такъ же пошло и безумно, какъ бѣгать за собственной тѣнью! Между нами, можетъ-быть, много общаго въ мысляхъ и чувствахъ, — много я не отвергаю... но любовь, — гдѣ мнѣ взять ее для васъ?.. Я понимаю, какой силлогизмъ вывели вы, наблюдая за моимъ свѣтлымъ поведеніемъ, — вы вообразили себѣ, что женщина, которая, къ-несчастью, не любитъ своего мужа и не можетъ его любить, непременно должна любить другаго, и какъ въ васъ много хорошаго и умекательнаго, то самолюбіе помогло убѣжденію, и вы себѣ сказали: отъ-чего же *этими другими* не быть мнѣ? Признаюсь, хоть я и знаю вашу самонадѣянность, но всё-таки имѣла о васъ лучшее мнѣніе. Надо быть очень увѣрену въ успѣхъ, чтобъ бросаться въ любовныя объясненія, жаркія пренія и заводить переписку тамъ, гдѣ это васъ не можетъ повести ни къ чему... Право, я не думала, что вы выберете эту протоптанную, банальную дорогу... Въ умѣ моемъ я ставила васъ выше. Я полагала, что вы удовольствуетесь пріязнію не такую, какую даютъ мои свѣтскія сестры, которыхъ мнѣнія и мысли мѣняются съ появленіемъ каждой журнальной книжки, — а дружбу надежную и прочную. Вы требуете любви у безотвѣтнаго сердца... Оно пусто, повторяю я вамъ, и любви у меня нѣтъ для васъ! Не-уже-ли и вы, котораго я такъ отличала въ толпѣ, и который, по мнѣнію свѣта, принадлежитъ мнѣ одной, не-уже-ли и вы

похожи на всѣхъ... и готовы обнимать женщину, которая для вас забудет не только предразсудки свѣта, но и священный голосъ долга и совѣсти, а послѣ, испивъ грубое наслажденіе до дна, будет презирать и осмѣивать легковѣрную жертву? не-ужь-то и вы готовы ненавидѣть ту, которая не подаритъ вамъ ни взаимности, ни разочарованіемъ, и которая просто откажется отъ вашихъ безразсудныхъ требованій?

Задумчиво сидѣлъ Волгинъ, и, восторженно засмотрѣвшись на Александру Николаевну, перебилъ ее рѣчь:

— Вы выражаетесь очень-ловко, но напрасно думаете, что я способенъ кого-нибудь ненавидѣть. Я слушаю васъ безъ досады, одна лишь задаю себѣ вопросъ: зачѣмъ взоръ вашъ казался мнѣ залогомъ счастья, зачѣмъ онъ мнѣ обѣщалъ радости, зачѣмъ чудный голосъ вашъ и теперъ еще вѣетъ мнѣ надеждой на сердце? Вы же говорите мнѣ по утрамъ: «увидимся вечеромъ, пріѣзжайте ко мнѣ: я люблю бесѣдовать съ вами; вы своимъ присутствіемъ нарушаете однообразие моей жизни...» И я, какъ послушный рабъ, являлся на зовъ вашего сердца мое было полно надежды, а въ двадцать лѣтъ такъ верны въ счастье, такъ незнакомы чувства съ коварствомъ и лицемеріемъ. О, скорѣе бы я согласился умереть, чѣмъ найти ихъ въ любви женщины...

— Не обвиняйте меня, а выслушайте, возразила Александра Николаевна:— меня никогда не обманывала ваша спокойная, безмятежная наружность. Я знала, что огонь ваша стихія, что когда придетъ пытка вашему самолюбію, вы готовы истребить все, даже самого-себя. Но вамъ пора уже возмужать; годъ свѣтской жизни долженъ былъ разогнать въ умъ вашемъ цѣлую толпу несбыточныхъ мечтаній, и повѣрьте мнѣ, счастье ваше мнѣ дорого, будущность ваша не престаешь занимать меня, и изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ вы встрѣчаете въ свѣтъ, ни одна не станетъ говорить съ вами такъ искренно, какъ я. Забудьте свою любовь ко мнѣ. Какъ жертва идетъ на кострь, такъ жизнь моя угаснетъ среди блестящихъ и пылкихъ свѣта, и тогда едва-ли вспомнить обо мнѣ двѣ-три любезныя избранныя души... И по-прежнему будутъ толпиться и кружиться люди, стремиться всегда вслѣдъ чему-то и достигать лишь одной общей цѣли; не также ли на землѣ будетъ все обманчиво и прелестно?

— Какую грусть наводите вы на меня такими мыслями, восклицанія которыхъ оба мы еще можемъ прожить полнѣе, возразилъ князь Волгинъ.

— Нѣтъ, продолжала Александра Николаевна: — будущее пусть останется по-прежнему, но оставимъ его въ покоѣ и займемся настоящимъ... Какъ вы видите прямое благородство и много достоинствъ... послушайте же

: нынѣшней зимой стануť вывозить въ свѣтъ мою дальнюю род-
 ницу, княжну Дружнесельскую. Вы ее встрѣчали у меня и
 жны согласиться, что она красавица. Явится она на паркетъ—и
 вздыхателями у ней дѣло не станетъ. Будьте къ ней вниматель-
 , любезны; вы непременно понравитесь: остальное предоставьте
 в... И послѣ свадьбы везите молодую жену за границу, постарай-
 ь забыть меня совершенно... Повѣрьте мнѣ, что и тогда ни время,
 разстояніе не измѣнятъ моихъ дружескихъ чувствъ, а покуда, я
 къ, право, открываю самую блистательную будущность. Княжна
 вушка дивной красоты и образованія необыкновеннаго. Вы съ
 ю будете счастливы...

Волгинъ молча стоялъ, и скрестивъ руки на груди, слушалъ Але-
 андру Николаевну, да порою удивлялся, какъ она съ отвлеченныхъ
 жденій низошла до расчетовъ существенныхъ. Могъ ли онъ хлад-
 кровно слышать это, тогда какъ мысленно душа его сливалась съ
 душой и огонь чувствъ просился наружу?.. Волгинъ подалъ дро-
 вную руку Александрѣ Николаевнѣ, говоря, «довольно, прощай-
 !... вамъ мало было одинъ разъ оскорбить меня: разомъ предло-
 жи вы мнѣ и разлюбить васъ и измѣнить страсти глубокой; вы—
 стокая женщина!» И Волгинъ крѣпко пожалъ ея руку...

Окно было растворено. Ночной воздухъ вѣялъ прохладой въ те-
 лѣ будуаръ. Въ немъ все было тихо; лишь вѣтеръ колыхалъ листья
 рець въ аллеѣ, да носился вдали неясный шумъ провѣзавшихъ
 месту экипажей... Вдругъ послышался стукъ подъѣзжавшихъ дро-
 жь и конское ржаніе у подъезда; кто-то дернулъ колокольчикъ...
 Сильно билось сердце Александры Николаевны въ ту минуту, какъ
 та ея была въ дрожавшей рукѣ Волгина, и онъ воспользовался
 шутнымъ смущеніемъ, обманчивымъ проблескомъ раскаянія; какъ
 ть ночной восторжествовалъ князь надъ женскою слабостью...
 ма стучали у подъезда, Волгинъ былъ въ объятіяхъ Александры
 Николаевны и срывалъ поцалуи за поцалуемъ съ ея коралловыхъ
 бѣ. Насилью удалось ей вырваться изъ его объятій и проговорить
 ва-внятно: «это наглое насиліе, милостивый государь! извольте
 ѣйти!»

Въ эту пору уже перестали стучать! и у подъезда не было экипа-
 я.

Испуганный внезапнымъ стукомъ его и своимъ невольнымъ поры-
 нѣ страсти, князь схватилъ шляпу и плащъ, забытый имъ на спинѣ
 готическаго кресла, выпрыгнулъ въ окошко... и пошелъ своей
 рогой.

Между-тѣмъ, растворилось венеціанское окно въ верхнемъ этажѣ
 ма, занимаемаго Александрой Николаевной, и выглянулъ Дмитрій
 присаживая, беззаботно докуривая трубку.

Ни окъ, ни удалявшійся князь Волгинъ не примѣтили, какъ мелькнуло что-то блое въ аллеѣ и мгновенно скрылось въ кусты акацій...

За Волгинымъ не пріѣхалъ его кучеръ, и князь принужденъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ длинный карбонарій съ бархатными отворотами. Тихо было подъ соснами и березами Каменнаго-Острова, и лишь по ту сторону Невы кой-гдѣ мелькали огоньки въ скверныхъ домикахъ Новой-Деревни. Задумчиво и медленно ступалъ и тателъ и останавливался лишь пробужденный отъ тяжкаго обаян хриплымъ возгласомъ будочника: «кто идетъ?». Князь миномость и приблизился къ занимаемой имъ дачѣ въ Строгановскомъ Саду.

Рѣка была гладка, какъ зеркало: ни одна запоздавшая лодка ни рущала торжественнаго усыпленія невискихъ водъ, и деревянные весла гуляки-перевозчика не прорывывали дремавшихъ волнъ. Лишь въ отдаленіи близъ какого-то завода разложенный на баркѣ огромный заревомъ отражался на небосклонъ...

Пробило два часа и первые лучи солнца явились нѣтъ-за облаками. Стало свѣтать... и князь, который остановился было въ ожиданности передъ палисадникомъ своей дачи, гдѣ въ эту нечеловѣческую копки задавали концертъ жукаемъ и на свободъ лазили на крыштамъ, засмотрѣлся на то, какъ замысловато, сантиментально, красиво и звучно изъясняется кошачь любовь... и, неволью сраженея затви съ бурными страстями человечества, Волгинъ мгновенно разочаровался.

Сонный слуга встрѣтилъ Волгина въ сѣняхъ и, снявъ съ него плащъ, по привычкѣ подаль трубку. Князь, самъ не зная, что дѣлать, машинально взялъ ее; но опомнился, когда увидѣлъ, что възявъ его рветъ остатки какой-то тетради... Волгинъ поспѣшилъ приблизиться къ этому Герострату просвѣщенія, и не безъ гнѣва въ рукахъ своего Ивана остальные листы психологическихъ сокъ, которыя этотъ варваръ находилъ годными лишь для... Когда князь выхватилъ тетрадь изъ рукъ хищника и выбралъ въ порядкомъ, то усталый взоръ юноши остановился на слѣдующихъ строкахъ:

«Въ назначенный срокъ самая уже природа пробуждаетъ чувства, стныя въ отрочествѣ. Въ эту пору лицо цвѣтеть, ланиты румянятся, и жарится жванію. Два существа ищутъ другъ друга и не могутъ найти себя въ томъ, что они ищутъ. Хотятъ быть вмѣстѣ, жить одною жизнью, шать одною душою и давать волю игривымъ мечтамъ... Сладкій обаян маютъ, что вознеслись уже въ надзвѣздный міръ, пьютъ чистое, восторгъ»

желкіе, тогда какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, исполняютъ только предначертанія природы, для которой, съ этими побужденіями, они не болѣе и не менѣе, какъ, красныя цвѣты. •

И психологическія воспоминанія совокупились въ одну живую картину въ воображеніи Волгина тогда уже, когда усталые члены об отдыхали на мягкой постели и онъ приходилъ въ состояніе, меднее между сномъ и бдѣніемъ, которое другъ Волгина, князь Ганский, такъ хорошо описалъ въ своемъ посланіи къ нему:

Cet intervalle est plein de douces rêveries,
D'images voluptueuses, souvenirs de nos folies,
De rêves brillants de gloire et de rêves d'ambition
— Moments délicieux de fascination.

На другой день, вся молодёжь съѣхалась съ музыки къ князю Волгину на чай. Внутренній поклонникъ Александры Николаевны, если не совсѣмъ забылъ ея наставленія и рѣшимость не любить его, то въ-крайней-мѣрѣ положилъ не обнаруживать своей размолвки съ-ней и въ глазахъ его остаться обожателемъ прежняго кумира. Небрежно и самодовольно отвѣчалъ князь на разспросы юныхъ друзей о королеві Александрѣ Николаевнѣ и двусмысленными уловками оправдывалъ ея отсутствіе на балѣ минеральныхъ водъ...

Что такое сходка свѣтской молодёжи, сказать не трудно. Здѣсь негодь, тщательно затанутый въ ручевскій фракъ, небрежно обращаетъ его; здѣсь всякій говоритъ своимъ языкомъ; здѣсь ила высказываются мнѣнія, хотя за эту откровенность нѣмъ дорого расплачиваются. Здѣсь надушонный и завитой дипломатъ, который на балѣ ниже кравы, тише воды, заводитъ громкое реніе, выкуриваетъ трубку за трубкой, осушаетъ бокалъ за бокаломъ, выѣриваетъ все свое состояніе *кесарной двойнѣ*, дѣлаетъ дублетъ на билъярда, хвастаетъ своими лошадьми и закулисными интригами...

То же повторилось на импровизированной пирушкѣ князя Волгина. Тамъ слышалось безпрестанно: «покупаю, вистъ, пасъ».

— Ну, да посуди, пожалуйста, Волгинъ, что за дражная игра у князя; смотри: король, валетъ самъ-шестъ... а онъ козыряетъ, козыряетъ, и я въ простакѣхъ!?...

Громко бы засмѣялся графъ Риттеръ, слушая эти толки, онъ, который ненавидѣлъ игру и не могъ удержать въ рукахъ двухъ картъ болѣе минуты, но его тутъ не было, а гдѣ же онъ былъ? объ этомъ узнаемъ послѣ...

Риттеръ рѣдко посѣщалъ Волгина, и могли ли эти два льва любить другъ друга, тогда какъ одинъ замѣнилъ другаго у Александры Николаевны, тогда какъ Волгинъ почти выжилъ Риттера изъ ея буддара и тогда какъ пословица давно уже рѣшила, что и два медведя въ одной берлогѣ не уживаются...

Но среди пестраго разнообразія гостей князя Волгина, при блескѣ карселевыхъ лампъ, при шумѣ приборовъ, при столкновеніи бокаловъ, не найдемъ ли мы характера самостоятельнаго, такого, который бы могъ и не въ нашей скромной повѣсти занять первое мѣсто? Мы укажемъ хоть на князя Галинскаго, который любилъ въ Волгинѣ его ребячески-веселый нравъ и добродушіе. Онъ часто навѣщалъ его и своими дружескими совѣтами нерѣдко удерживалъ Волгина отъ многихъ глупостей. Но лишь въ обществѣ молодежи видѣлись они, и Волгинъ часто сожалѣлъ, что ему приходилось проводить значительную часть недѣли, большую часть дня безъ князя Галинскаго. Онъ не любилъ шума и блеска большого свѣта, тщательно укрывался отъ его заманчивыхъ искушеній. Онъ умѣлъ жить безъ него, даже отчасти презиралъ его и не скрывалъ такого чувства.

Это, скажете вы, однакоже, характеръ любаго романа или повѣсти, и, чтобъ угодить читателю, я не стану затрудняться въ выборѣ моего героя. Я укажу хоть на молодого человѣка, котораго рѣзко отличаютъ небольшой ростъ, спокойное лицо и чрезвычайное единство, гармонія, соответственность частей тѣла. Этотъ безбрадый юноша съ щегольской, но не замысловатой прическою, съ живыми, пронизательнымъ взглядомъ, сидитъ на диванѣ подлѣ кавалеттера и, не принимая примаго участія въ игрѣ, довольствуется тѣмъ, что иногда даетъ совѣты своему пріятелю и предостерегаетъ его отъ проигрышей, неизбежныхъ при частомъ наполненіи стакашекъ шипящею влагою. Этотъ молодой человѣкъ—Митя Тъневъ. Онъ уже тому два года выведенъ былъ близкимъ родственникомъ, знатнымъ сановникомъ, на петербургскую свѣтскую арену; но онъ не бросился на встрѣчу всѣмъ радостямъ, непріятностямъ и искушеніямъ, всѣмъ розамъ съ сокровенными иглами, которыми ее разукрашала людскія слабости и страсти. Тъневъ, съ перваго дня появленія своего въ модной гостиной, составилъ рѣзкую противоположность со всѣмъ тѣмъ, что ее наполняло. Не жалкое сознаніе собственнаго ничтожества, не смѣшная дон-кихотовская свѣсь, не глухое и пустое самолюбіе, но благородное чувство своего достоинства говорило въ немъ громко и удерживало его отъ сближенія съ свѣтомъ. Тъневъ предугадывалъ, что первое слово, которое онъ броситъ на судъ ея, будетъ перетолковано и осмѣяно, что уже въ немъ, еще свѣтскомъ новичкѣ, отыскали небывалые недостатки, что злословіе уже издавна шло отъ него незлобиваго взгляда, — и вотъ Тъневъ, котораго...

дное чувство оскорбилось, когда онъ видѣлъ, какъ иныхъ достойныхъ молодыхъ людей не одѣивать, какъ ими пренебрегаютъ за то только, что не проницательство руководить ими; замѣчая, притомъ, какъ для нихъ готова всегда двусмысленно-холодная улыбка и такая наивность, Тьневъ мысленно содрогался, негодовалъ на свѣтъ, на его раздражки и лицемеріе. Пылкій юноша далъ себѣ слово не идти открыто на-перекоръ, но оправдать на дѣлѣ свое имя, оставаться въ тѣни, живя въ свѣтѣ по долгу и связямъ, удаляться отъ него вѣчески, не знакомясь опытомъ со всѣми проницательствами, низостями интригами, которыя посредственность приводитъ въ дѣйствіе для гнѣванія права гражданства въ большомъ свѣтѣ. Тьневъ хотѣлъ прямо стать на высокую ступень, когда найдется въ немъ существо, своему сердцу сочувствующее и его достойное. Такъ и сбылось. Прошелъ годъ, насталъ другой, и чувство, запавшее въ благородную душу Александры Николаевны Сърповой, скоро обнаружилось. Подъ маской и въ домино говорятъ много вздорнаго и ложнаго; но Александра Николаевна надѣвала ихъ тогда лишь, когда сердце ея чувствовало въ этомъ настоятельную потребность. Въ одинъ вечеръ, во время непродолжительнаго гулянья по галлереймъ Дворянскаго-Собранія, удалось Александрѣ Николаевнѣ показать Тьневу, что она постигла тайну его наружной дикости, что она готова отличить его и оставить высоко въ свѣтѣ его одинокою и скромною звезду. Слѣдующей-поры, стали замѣчать, что Тьневъ танцуетъ то съ Александрой Николаевной Сърповой, то съ другими самыми почетными львицами, и пріятельницами. Впрочемъ, между ними никогда не бываетъ много постепенностей: число львиць, будучи весьма-ограничено, не допускаетъ рѣзкихъ отъѣнковъ въ знатности, умѣ и привлекательности. И завиднымъ становилось положеніе Тьнева: начали ахать и удивляться, что нашли остроуміе, оригинальность взглядовъ и сужденій, любезность и вообще много того, чѣмъ дорожатъ въ свѣтѣ, — и Тьневъ, въ которомъ этотъ ослабленный аргусъ, по непростительному равнодушію и небреженію, такъ долго не примѣчалъ ничего. Но Тьневъ и тутъ повелъ себя благоразумно; онъ сталъ хорошъ съ графомъ Риттеромъ и подружился съ княземъ Волгинымъ. Между пріазвію обоихъ искусно лавировалъ онъ и, не помышляя о громкомъ и часто не къ добру ведущемъ титулѣ присяжнаго поклонника львицы, не думалъ объ осуществленіи несбыточныхъ замысловъ; а просто, удовольствовавшись настоящимъ, сталъ дорожить своимъ вѣстои въ свѣтѣ, которымъ былъ обязанъ собственному уму и терпѣнію. Тьневъ лучше всѣхъ разгадалъ Александру Николаевну и не сталъ гнаться за ея неувидимою любовью. Да и теперь, просидѣвъ цѣлый часъ въ будуарѣ Александры Николаевны, хладнокровно и аккуратно описывалъ туалеты ея пріятельницъ на послѣднемъ балѣ,

высчитывала число посетителей и, выкуривъ нѣсколько пахитосовъ, отправился на музыку, а оттуда къ Волгину.

Между-тѣмъ, Александра Николаевна была подъ гвѣгомъ какой-то тяжелой апатіи, сплина или хандры, которымъ такъ часто бывають подвержены люди, избалованные свѣтскими радостями. И это естественно. Эти радости, которымъ такъ рѣдко сочувствуютъ умъ и сердце, оставляють по себѣ всего чаще обременительную пустоту... Однакожь, узнавъ отъ Тѣнева, что онъ увидится съ Волгинымъ, Александра Николаевна, чтобъ поступить дипломатически и не соблазнить свѣтской, щекотливой нравственности внезапнымъ разрывомъ съ княземъ, поручила Тѣневу поклониться ему отъ нея; князь Волгинъ, разумѣется, былъ очень-обрадованъ вѣсточкой о *своей* ласкѣ, а между-тѣмъ, расточая беззаботно свой умъ, какъ моты сарать деньгами, онъ былъ со всеми любезенъ, говорливъ, остроуменъ среди шума и разгульнаго блеска оргіи.

Нѣсколько дней спустя, нашъ князь такъ славно обдѣлалъ свои дѣла, что его снова увидѣли на музыкѣ въ Новой-Деревнѣ верхомъ, вѣрнымъ спутникомъ Александры Николаевны, которая въ одеждѣ амазонки была обворожительно-преlestна. Личико ея, казалось, выражало столько страсти и вмѣстѣ столько презрѣнія къ свѣту... Она какъ-будто не дорожила его мелочными требованіями, а ставила себя выше ихъ. Она небрежно слушала вольныя рѣчи, двусмысленныя выходки и отважныя признанія обступившей ее молодѣжи. Во всемъ умѣла она найдти смѣшную, веселую сторону, и, насканивъ множество фразъ, отпустить каждаго ни съ чѣмъ.

Что говорили и думали объ Александрѣ Николаевнѣ въ эту пору представители второстепенныхъ обществъ, онагры и медведи съ бронзовыми дѣпочками по жилетамъ и съ большими набалдашниками на тростяхъ?—О, досадно описывать разнообразіе предположеній и выводовъ этихъ господъ, которые знаютъ большой свѣтъ лишь въ наслышкѣ и любятъся имъ только въ театрѣ и на гуляньяхъ. Довольно сказать, что эти господа принимали за чистую монету каждую шутку, всякое слово Александры Николаевны, и изъ каждой ея улыбки, а особенно изъ вертлявой услужливости князя Волгина, выводили такія заключенія, что я, который знаю многихъ подобныхъ Александрѣ Николаевнѣ дамъ и всегда готовъ отстаивать ихъ репутацію... что у меня перо не повернется описывать неудачныя толки и пересуды такихъ гг. близорукихъ наблюдателей.

На одномъ костюмированномъ балѣ, въ разговоръ пожилой дамы и словоохотнаго господина со звездой, какъ-то случайно объяснилась завязка моей хроники.

Вотъ какъ говорила дама:

— Мы всегда старались выказать себя какъ-можно-красивѣе. Отъ чего же теперь женщины стали прикидываться дурными, надѣвая шаряды, которые имъ вовсе не къ-лицу?

И вотъ что отвѣчалъ словоохотный господинъ со звездой:

— Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. У женщинъ теперь новый родъ нравственнаго лицемѣрія. На-примѣръ, кто скажетъ, глядя на Александру Николаевну Свѣрнову, что она добрая мать и вѣрная жена? Она окружена молодёжью, ей сыплются привѣтствія и шутки; всякій говоритъ съ нею какъ хочетъ; нивѣхъ она отличается до того, что это, впрочемъ весьма-невинное и безвредное въ сущности отличие даетъ пищу и разгулъ злымъ языкамъ. Для поверхностныхъ умовъ, такая женщина и вся ей подобныя несравненно-виновнѣе ханжи, которая, прикидываясь праведницею, никакъ не позволяетъ себя засматриваться на львовъ, между-тѣмъ, какъ ея жизнь есть рядъ связей, тщательно-скрытыхъ отъ зоркаго свѣта, которыя могли бы, однакожъ, послужить матеріалами для славнаго нравоописательнаго романа подъ заглавіемъ «Les mystères de la Prude»... Слава Богу, у насъ такихъ женщинъ немного; а тѣ, которыя помышляютъ всѣми приличіями въ свѣтъ, для которыхъ нѣтъ ничего хорошаго и достойнаго состраданія, разговоръ которыхъ отъзывается цинизмомъ и маслѣнкой,—женщины, на лицѣ которыхъ надѣта какая-то замысловатая маска, у которыхъ столько плавительнаго, утонченнаго кокетства въ обращеніи и словахъ,—постарайтесь узнать такое существо безъ маски, поймать его на добромъ дѣлѣ, и вы въ немъ найдете столько чувства, столько добра, словомъ, такое доброе сердце, какого никогда не подозревали...

— Пожалуйте! что это за *нравственный маскарадъ*? возразила недовольнымъ тономъ пожилая дама.

— Какъ же не маскарадъ? продолжалъ господинъ со звездой: — но, конечно, и число этихъ женщинъ, которыя въ свѣтъ такъ умно скрываютъ и сердце и чувство, довольно-ограниченно. Больше такихъ, которыя подражаютъ первымъ, постоянно добиваются званія львицы и, поставляя его цѣлью своей жизни, все-таки понимаютъ его на-выворотъ. Въ этихъ господахъ, какъ ни старайтесь, не найдете вы никогда ни сердца, ни ума, ни души, ни даже порядочной маски!..

VI.

ЖИВАЯ ГАЗЕТА.

Il y a une coquetterie distraite, innocente, mais mille fois plus compromettante que bien des fautes.

ЕУСЪНЪ СУЪ.

Les jours se suivent et ne se ressemblent pas.

(Пословица).

Прошла еще зима съ неизбежнымъ рядомъ баловъ, толковъ, приглашеній, концертовъ, объѣдовъ, раутовъ, и петербургскій воздухъ, согласуясь съ требованіями нашего климата, который сталъ совершенно-европейскимъ, уже въялъ весенней прохладой, пока въ угоду веселому народу русскому возникали на Адмиралтейской-Площади балаганы, притонъ замысловатой нищеты; возвышались quasi-ледяныя горы, развернулись пестрые флаги, повисли на шалашахъ вывѣски съ небывалыми кунштютюками, и въ трактирахъ послышались безпрестанныя требованія жирныхъ масляничныхъ блиновъ...

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней шумнаго карнавала, Гуляевъ, нашъ старый знакомый, удрученный неудачами и при всякомъ удобномъ случаѣ поминавшій лихомъ Палагею Терентьевну, воистинность шель по Морской, недовольный тѣмъ, что, къ довершенію бѣды, не засталъ графа Риттера, и что не удалось предложить ему посѣтить балаганы Сулье и Легата, а затѣмъ зайти къ Иллери ради блиновъ растегаевъ; отъ нечего дѣлать Гуляевъ завернулъ въ магазинъ, гдѣ ему чрезвычайно угождали, потому-что онъ въ немъ заказываетъ течение года болѣе тысячи визитныхъ карточекъ. Какъ у Гуляева обыкновенно досужные отъ концертовъ дни великаго поста не свѣщались исключительно на составленіе списка кому и куда высылать билетки на Пасху; какъ каждый изъ нихъ бережно обертывался и заклеивался въ особую бумажку, — то и теперь Гуляевъ, видя близость окончанія масляницы, счелъ нужнымъ заблаговременно позаботиться о столь важномъ предметѣ въ его жизни. Услужливая мадамъ показала ему множество новыхъ искусственныхъ билетиковъ; но Гуляевъ рѣшился остаться вернымъ прежней краснорѣчивой простотѣ своихъ карточекъ и золотымъ вычурамъ. Но вотъ счастье и находка для Гуляева! — между разными образцами онъ замѣтилъ объявленіе совершенно-новое, неожиданное...

— Ахъ, да вѣдь это секретъ еще! что вы берете? сказала мадамъ, притворяясь разгнѣванною. — Ничего, ничего, я такъ себя веду

это, возразилъ Гуляевъ, улыбаясь самодѣвольно:—а, кстати, приготовьте мнѣ триста карточекъ по прежней формѣ...

Билетъ уже былъ спрятанъ въ боковой карманъ, и тогда лишь радостный взоръ Гуляева встрѣтился съ приготовленными для князя Волгина карточками...—Весельчакъ вдругъ нахмурился, какъ-будто вспомнивъ что-то непріятное... и вышелъ изъ магазина съ видомъ мрачнымъ и озабоченнымъ.

Въ то же время, утомленный балами и увеселеніями, князь Волгинъ игралъ у себя на бильярдѣ съ Тъневымъ; они шутили, смѣялись: Тъневъ говорилъ, что не надѣется на себя, что играетъ безъ очковъ; князь отвѣчалъ весело и непринужденно: «тѣмъ лучше, значить—ты ихъ уступаешь мнѣ!»

Полосатая скамья тянулась вдоль стѣны, на которыхъ развѣшаны были англійскія гравюры, представлявшія лошадей, конюховъ, охоты, скачки, и двѣ картины изображали Мазепу среди степей Малороссіи, принесеннаго разъяреннымъ бѣгуномъ, вольнымъ дѣтисцемъ лѣсовъ, въ табуны дикихъ степныхъ коней...—На этихъ картинахъ порою отдыхалъ взоръ Тънева, недовольнаго превосходствомъ игры Волгина. Да, князь былъ мастеръ своего дѣла и такъ же рѣдко упускалъ случай сдѣлать разомъ восемнадцать очковъ, какъ всадить нулю въ бубнового туза на разстояніи десяти шаговъ. Чудный боецъ и славный охотникъ былъ князь Волгинъ, и недаромъ стѣны его кабинета разукрашены были саблями, вѣтвистыми оленьими рогами, шпагами, шашками всѣхъ величій и націй; недаромъ въ симметрическомъ порядкѣ разставлены были у него ружья рѣдкаго достоинства, на столахъ лежали тщательно-сберегаемые пистолеты Ленажа и Кухенрейтера, и на полу разостланы медвѣжьи шкуры,—а въ углу кабинета красовалось цѣлое чучело нѣкогда-застрѣленнаго княземъ мишки, который, какъ раболѣпный евнухъ, сторожилъ его курительные препараты, упорно сжималъ въ лапахъ нѣсколько цареградскихъ чубуковъ, и не отдавалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока извѣстная пружина въ его лапѣ не уступала настойчивости гостя.

Пройдя рядъ фантастически-убранныхъ комнатъ, въ бильярдной появился Гуляевъ... Мы до-сихъ-поръ не успѣли сказать, что этотъ замѣчательный человекъ пользовался теперь уже не одной, но двумя репутаціями: къ званію неудачнаго льва онъ присоединилъ званіе неудачнаго писателя; въ досадъ на то, что высшій кругъ ему не дается, онъ рѣшился отмстить ему въ повѣстяхъ, которыя ему очень хотѣлось сдѣлать весьма-колкими и насмѣшливыми, но которыхъ, къ-сожалѣнію, въ низшихъ кругахъ не понимали, а въ высшихъ—не читали.

Расклинавшись съ Волгинымъ и полагъ руку Тьшеву, Гуляевъ обратился къ первому съ важнымъ видомъ:

— Князь, мнѣ надо съ вами объясниться наединѣ, сказалъ онъ.

Волгинъ, недослушавъ его, облокотился на бильярдъ и старался удачно задѣть желтый шаръ и, всадивъ его въ среднюю лузу, отвѣчалъ разсѣянно:

— Извольте, я готовъ; но возьмите покуда мой кій и съиграйте и меня!

Гуляевъ съ оскорбленнымъ видомъ отступилъ, говоря:— Да это новая насмѣшка! грубость, persifflage!

— Ахъ, совсемъ нѣтъ! возразилъ князь, громко разсмѣявшись и догадываясь въ чемъ дѣло:— не взъищите съ меня за разсѣянность. Понимаю: я вамъ, кажется, отвѣтилъ не то, что надо; но теперь я сдѣлалъ желтого, достигъ желанной цѣли, и вотъ, Тьшевъ, третья партія за тобой—завтра отыграешься какъ занасешься отками; теперь я къ вашимъ услугамъ, м. г., сухо сказалъ Волгинъ, уводя незваного гостя въ кабинетъ. Князь, усадивъ Гуляева подл себя на оттоманку, отрывисто спросилъ:

— Что вамъ отъ меня угодно?

Гуляевъ отвѣчалъ: Вчера, на балѣ, въ мазуркѣ, уступая мѣсто кому-то, вы меня толкнули. Я вамъ замѣтилъ, что вы меня, кажется, хотите задавить; а вы небрежно сказали:—не могу же задавить дѣму!—я возразилъ: но можно-бы предупредить и извиниться; а вы отвѣчали мнѣ невниманіемъ. Теперь я пришелъ за вашими извиненіями и въ случаѣ отказа, Тьшевъ вѣрно согласится быть моимъ секундантомъ и позаботится объ условіяхъ неизбежной дуэли...

— Послушайте, позвольте вамъ сказать откровенно, сказалъ князь улыбаясь:—вы затѣваете пустяки; вы знаете, какъ я хорошо стрѣляю и дерусь; что жъ вы мнѣ навязываете душегубство?—Всѣмъ извѣстно, какъ я разсѣянъ: сами вы могли сегодня въ этомъ убедиться... Не-ужь-то вамъ хочется видѣть меня у ногъ вашихъ и не-ужь-ли вы станете меня уважать, найдя во мнѣ труса и пресмыкающагося наглеца? Не лучше ли вамъ повѣрить моему искреннему сознанію въ разсѣянности и въ минутной досадѣ, происшедшей отъ совершенно-посторонняго обстоятельства? Не-ужь-то вамъ нравятся это смѣшное рыцарство, которое вызываетъ на горячее объясненіе дуэль чловѣкъ, повидавшому враговъ, и которые, ставъ другъ противъ друга съ смертнымъ прѣговоромъ въ рукѣ, поцарапаются или пострѣляютъ въ воздухъ, а тамъ скажутъ другъ другу, какъ смѣшныя Французы-дуэлисты: «*Touchez là; vous êtes le plus bonhomme du monde!*» Видь это кукольная комедія, за которую у васъ дорого расшлачиваются. Жеть я и вѣтренникъ, но уважаю слова: кона и, какъ благородный чловѣкъ, принужденъ буду, сойтись съ

вашим, выстрелить на воздухъ. Я такъ легкомысленъ, беззаботенъ и недалководенъ, что не дорожу жизнью; притомъ же, ничто меня къ ней не привязываетъ. Съ громкимъ именемъ и ничтожнымъ чиномъ расстанусь я также безъ сожалѣнiя, хотъ для перемѣны образа жизни, который начинаетъ меня тяготить и надоедать мнѣ. Куда ни упрячутъ меня, я всюду буду тѣмъ же безтолковымъ, разсыаннымъ, веселымъ мальчишкой...

Гуляевъ выслушалъ разсужденiе Волгина и согласился, что лѣтъ не дуло нистолета въ самомъ дѣлѣ глупо, что напугаетъ онъ своей выходкой цѣлый полкъ тетушекъ, бабушекъ, дядюшекъ и мамушекъ,—и уразумѣлъ, что путешествовать въ телегѣ по дурнымъ дорогамъ, да отдыхать на свѣтскихъ лаврахъ при плескѣ Куры и Терека, не очень завидно,—сообразилъ все это и, уже понизивъ тонъ, отвѣчалъ:—Я съ вами согласенъ; однакожь я все-таки оскорбленъ вами, а вы не извиняетесь...

— Недостаточно ли я извинилъ свою разсыанность, возразилъ князь и, нетерпѣливо пожимая плечами, подумалъ:—этотъ человекъ такъ и напрашивается на пощочину...

— Ну, послушайте, сказалъ Волгинъ, снова обращаясь къ Гуляеву:— вотъ средство смыть обиду, какъ вамъ угодно называть мою невольную разсыанность: возьмите эскадроны, надѣньте маски, и тотъ, кто первый промахнется и спаривуетъ неудачно, согласится, что его противникъ правъ. Предоставить этотъ вопросъ разрѣшенiю случая, вѣрнѣйшее средство помириться...

— Извольте, извольте, отвѣчалъ Гуляевъ.

Въ это время, изъ столовой вѣялъ прiятный запахъ сыра и котлетъ, и Тъневъ, потерявъ терпѣнiе въ оживленiи Волгина съ его докучливымъ гостемъ, ужъ упряталъ въ свой желудокъ полдюжины блиновъ. Наконецъ, вздохнувъ самодовольно, онъ спохватился Волгина и вошелъ въ кабинетъ въ ту самую минуту, какъ князь, который гнушался извиненiй и спѣшилъ отшутиться отъ докучливаго противника, съ намѣренiемъ спаривовалъ плохо. Полновѣсный ударъ вражьяго эскадрона прозвучалъ надъ маской Волгина и, скидывая ее, онъ объявилъ, что доволенъ.

Остальная храбрость Гуляева истощилась надъ блинами. Къ довершенiю смѣшной стороны этой дуэли, не доставало только французскаго привѣтствiя: «vous êtes le plus honnête homme du monde!», которымъ Волгинъ никогда не согласился бы почтить своего вздорнаго противника. Однакожь, осушая третiй бокалъ шампанскаго, Гуляевъ бросилъ заказную, печальную маску и возвратился къ первобытному своему характеру, котораго отличительныя черты были умеренная веселость и несносная словоохотность. Гуляевъ вдругъ предложилъ Волгину и Тъневу на угадъ великую новость.

— Ну, да что же такое? потеряли же спрашивалъ князь:— новые лагеротниъ, что ли? паровой аэростатъ? вынули гиню изъ герца Брунеля? выдумали новую игру въ карты, новую фигуру для шашки?

— Да говорите же, перебивалъ Тъневъ:— ужь Александра Николаевна не порывалась ли стекляннмъ платьемъ? не воскресъ ли медвѣдь, котораго Волгинъ приставилъ въ евнухи къ трубкамъ? Люта прѣхалъ, что ли?

Хладнокровно внимая всѣмъ любопытнымъ вопросамъ слушателей, Гуляевъ медленно вынулъ изъ кармана билетъ и сказалъ:

— Вотъ экземпляръ *avant la lettre* новости, еще неизвестной въ Петербургѣ. Братцевъ его на дняхъ разошлютъ, а этотъ новороссійскій малютка достался мнѣ по дружбѣ, ради родственнаго участия. Словомъ, тутъ Гуляевъ сталъ завираться болѣе и болѣе, а минутамъ Волгинъ выхватилъ изъ рукъ его билетъ съ воздеданной похвалой и прочелъ громко:

«Князь и княгиня Дружносельскіе имѣютъ честь извѣстить о помолвкѣ дочери ихъ княжны Марьи Степановны съ графомъ Петромъ Васильевичемъ Риттеромъ.»

По мѣрѣ того, какъ Волгинъ выкалъ въ смыслъ читаемаго, голосъ его слабѣлъ, румянецъ досады и ревности покрывалъ щеки. Онъ вспомнилъ живо и совѣты Александры Николаевны, и то, какъ привѣтно улыбалась ему княжна, какъ онъ ей платилъ холодностию за пріязнь, и какъ мало-по-малу ихъ отношенія совершенно измѣнились—голосъ его замеръ на имени Риттера, и билетъ вывалъ изъ рукъ его.

Женихъ! какъ это слово звучитъ пріятно для слуха восторженнаго юноши! Предъ нимъ отверсты рай! Любовь и взаимность, дружба готовая сродниться съ его душой, клятва и поцалуй у подножій престола...

Графъ Риттеръ былъ вполнѣ счастливъ; наконецъ, мечты осуществлялись; онъ находилъ на землѣ то, что начиналъ уже считать несбыточнымъ, и его воображеніе изъ одной крайности перенеслось въ другую; теперь онъ фанатически вѣрилъ въ пріязнь и дружбу, неподдѣльность чувствъ; самыя преувеличенныя помыслы страсти казались ему чѣмъ-то весьма-естественнымъ.

Но какъ случилось все это? спросить меня.—Очень-просто: подумавъ Волгину, Риттеръ не разъ видѣлъ княжну Дружносельскую; Александры Николаевны; она привѣтила его вниманіе, онъ замѣтилъ красоту ея, прислушался къ первымъ невольнымъ порывамъ дворянскаго сердца, въ которыхъ было что-то близкое со всегдашнимъ чув-

голландъ его души; притомъ, не разъ случалось Риттеру бесѣдовать съ княжной въ кабинетъ Александры Николаевны, пока Сихеръ примѣряла ей платье, или le brave Andrieux убиралъ ее къ залу. Сердце Риттера было пусто; онъ обманывалъ себя наружнымъ покоѣвѣемъ, а внутренно изнывалъ отъ бесплодныхъ самопожертвованій, отъ оскорбленнаго самолюбія; но между-тѣмъ, чувство глубокое, готовое и любить и надѣяться, незамѣтно ему самому, талось въ душѣ его. Есть предчувствія необманчивыя, которыя вѣютъ тѣдой на сердце—и вѣрить имъ надо, ибо часто одна минута рѣпять участь цѣлой жизни. Однажды, послѣ трех-мѣсячнаго затворничества надъ книгами и кипами бумагъ, Риттера что-то невольное ютянуло на балъ въ заведеніе минеральныхъ водъ. Тамъ дебютировала княжна Дружносельская, и этотъ самый вечеръ Волгинъ провелъ съ-глаза-на-глазъ съ Александрой Николаевной. Пока онъ слушалъ философическія увѣщанія, Риттеръ любовался юной княжной, танцевалъ съ нею; она нѣсколько разъ выбирала его въ назуркъ, и, просидѣвъ остальную часть бала подлѣ старой княгини, Риттеръ получилъ приглашеніе за-просто посѣщать ея домъ въ промежуткахъ между обѣдомъ и позднимъ вечеромъ (*dans les avant-soirées*). Графъ рѣже и рѣже сталъ посѣщать Александру Николаевну и графиню Волинцеву, и пріятели, встрѣчая его въ коляскѣ на Каменноостровскомъ-Проспектѣ, никакъ не догадывались, что онъ ѣдетъ на обѣдъ или на вечеръ къ Дружносельскимъ. На этотъ разъ, отъ вниманія свѣта и отъ говора празднои молвы какъ-то ускользнули и поведеніе графа на водахъ, и его частыя повѣздки къ Дружносельскимъ. А каждая изъ нихъ доставляла ему случай открывать новые проблески ума, отголоски чувства въ прекрасной дѣвушкѣ и вызывать наружу поочередно всѣ сокровенныя совершенства ея чудной души. Такъ прошло нѣсколько упительныхъ вечеровъ, и онъ уже называлъ ее своею Марією. Риттеръ понималъ, что ей нужны сердце пылкое, а не прожженое страстью; умъ выше людскихъ расчетовъ, но душу двѣственную... Словомъ, графу удалось похоронить въ сердцѣ послѣднюю искру любви къ Александрѣ Николаевнѣ и, какъ путникъ, сбросившій тяжелую ношу, онъ наконецъ вздохнулъ свободно.

Какъ увлекательно и страстно было первое несвязное, искреннее признаніе моего героя, и какимъ обворожительнымъ лепетомъ отвѣчала ему княжна,—это понятно каждому, на долю котораго Провидѣніе удѣлило хоть одну благодатную минуту любви и поэзіи. Для давножеланной развязки повѣсти, не нужны подробности. Довольно сказать, что счастье считалъ графъ уже не мечтою, и что видѣлъ его на-аву, лицомъ къ лицу; что на балы онъ уже являлся весьма-рѣдко, что его встрѣчали, и то лишь въ извѣстные дни, въ гостиниой его

наиблизкой кутушки, жнугини Синой, где графъ добросовѣстно исправлялъ должности услужливаго родственника, занимался гостями, которыхъ обыкновенно считаютъ лишнею мебелью въ залѣ, или угощалъ любезностями дванцѣ, смиренно уединявшихся въ скромный уголокъ гостиной, гдѣ онъ укрывались отъ ревнивыхъ взглядовъ дванцѣ, которая на нихъ, бѣдныхъ, всегда досадуютъ, усесть можетъ-быть, потому-что видать во многихъ изъ нихъ нетерпимыхъ наследницъ ихъ извѣстности. Книжка Дружносельская, полюбивъ баловъ, рѣдко ихъ посѣщала, а графъ Риттеръ радъ былъ случаемъ разстаться на время со свѣтомъ и укрыться отъ словесія. Все рѣзкіе переходы отъ любви къ охлажденію, отъ восторженной страсти къ неполному чувству дружбы, не погасили души его; новая любовь оживившая и отразилась въ самомъ лицѣ его; возвратилась и даже бывшая улыбка и веселыя рѣчи. Кто не знаетъ? счастье — непереносимый деспотъ: пригрѣетъ ково, — и все счастливцу покажется и погаситъ и лучше, и живѣе, и краше... и улетѣть черныя думы такъ далеко, что слѣдовъ ихъ не останется...

Теперь графъ началъ находить, что и родъ службы, имъ избранный, обвѣщаетъ блистательную будущность; сталъ понимать, что вряду съ мелочными разсчетами, при волненіи множества символовъ, среди пестроты мнѣній, во всякой вѣтви управленія есть неопредѣленныя мѣста для избранныхъ, — что въ обществѣ молодомъ и обильномъ талантами, такъ еще много великаго и недовершеннаго, что всякая дѣлопринимавшаяся за святое дѣло, не лишняя, — что есть просторъ для силы ума и для исполненія долга, и что быть оружіемъ правды, защитникомъ несчастныхъ, покровителемъ угнетенныхъ, сильнымъ ревнителемъ величія отчизны — что все это не только можно, но и должно удовлетворить самаго пылкаго честолюбца.

Было около полудня, когда графъ Риттеръ, одѣтый въ вечернюю пальто, вошелъ въ тѣсную и душную лабораторію пресловутаго ватора для заказа свадебныхъ корнетовъ. Мальчикъ, дѣтъ летъ двѣнадцати, въ блонной курткѣ, подтянутой передникомъ, чистившій померанцы на грязномъ деревяннымъ столомъ, радуясь случаю отдохнуть, открылъ графу дверь и принялся смотреть на него, какъ-бы стараясь что-то припомнить. Бойкая и смѣлая физиономія мальчика стала смѣяться по мѣрѣ того, какъ онъ всматривался въ черты лица посетителя. Мальчикъ тотчасъ же скомандировалъ товарища наверхъ въ хозяйномъ; а самъ, полкравшись къ графу, смѣло началъ разговоръ.

— Да, вѣдь я васъ, сударь, знаю. Вы прѣѣзжали къ бабушкѣ, и она вамъ гадала. Я же на запяткахъ вашей милости до мѣсту прощайтесь. Жутко за то и досталось: бабушка, Богъ ей прѣсти, не гдѣ-то помянута, сильно осерчала, отдѣлала порядкомъ: и калеккой вышло.

и кормить цыплятъ голдъ не ходила, и всякой всащины нагородила... жь стекла-то, стекла!.. и съ этими словами мальчикъ сдѣлалъ смѣшную и вмѣстѣ жалкую гримасу.

— А что же съ нею сталося? спросилъ удивленный графъ, въ комъ живо возобновилось воспоминаніе о дѣмъ Цыбулькина, о Петѣ Терентьевѣ, о Гуляевѣ, недовольномъ сравніемъ его встрѣчи съ шаловливостью Семьки, — и Риттеръ невольно улыбнулся, ма на стоявшаго предъ нимъ внука колдуньи и припоминая все, происходившее весною за три года предъ тѣмъ.

— Померла, сударь; да, еслибъ осталась жива, то ужь мнѣ бѣ и пы не была на свѣтѣ; всѣ бы кости переломала; такъ больно жум. А какъ померла, такъ маменькѣ моей децъжонки кой-какія пила; меня отдали, по моей волѣ, къ кондитеру, — мастерство-то мое, сударь... Вотъ выучусь, такъ самъ хозяйномъ буду, и тогда осмѣлю любить да жаловать. Тутъ, не измѣнивъ давней наклонности — извлекать всю возможную пользу изъ обстоятельствъ и людей, яка выпросилъ у графа четвертакъ на чай, пока не появился Сальвуръ и не вступилъ въ важный переговоры съ графомъ о формѣ, значивъ я краснорѣчивой наружности свадебныхъ корнетовъ...

— Правду сказала ворожея, замѣтилъ графъ, поворачивая нрѣишой-Морской на Невскій и быстрымъ шагомъ расхаживая по тротуру: — я забылъ Александру Николаевну и теперь женюсь на прелестной блондинкѣ: странно, непонятно...

Въ это время князь Коршуновъ подхватилъ подлѣ руку задумчива-вритывая и принялся поздравлять съ женитьбой, которую называлъ несколько разъ среди продолжительной бесѣды *marriage très assorti et parfaitement convenable...* Замѣтивъ мимоходомъ, что конушь тотъ же самый Коршуновъ, громче всѣхъ кричалъ на пикнѣ у Волгина, что Риттеръ недостойнъ княжны Дружносельской, вонъ Богъ-вѣсть откуда и недовольно-богатъ на деньгами, ни свани. И хотя все это было вздоръ, дѣйствіе зависти и нахальства, ни одинъ голосъ не послышался въ защиту отсутствующаго.

VII.

RESPICE FINEM.

C'est la vie vue de près.

V. Hugo.

Così fan tutte.

(Поговорка).

Что сильнѣе надъ нами: страсть или привычка?

Н. Гоголь.

Зачѣмъ мы перестали читать Горация? — Зачѣмъ не напоминаетъ намъ свое: *quidquid agis, prudenter agas et respice finem* (*)?

(*) «Что ни дѣлаешь, дѣлай благоразумно и думай о послѣдствіяхъ.»

Золотое правило!.. Зачѣмъ забыли мы его?.. Зачѣмъ забылъ его князь Волгинъ?

Сперва Александра Николаевна, боясь насмѣшекъ, продолжила прежнее обращеніе съ княземъ; она уже дала слово переимѣнить дружескія отношенія на холодность; но сила привычки восторжествовала въ слабой женщинѣ, и все пошло по прежнему...

Еще разъ выпалъ снѣгъ, а съ нимъ вѣсть посыпалась и большія приглашенія... Но въ тотъ вечеръ, который намъ слѣдуетъ описывать, не было бала; а у князя *** былъ литературный вечеръ. Сидѣли любопытные и занимательные предметы другими, проносились новые взгляды и оригинальные проблески мыслей. Здѣсь и умный дипломатъ, и талантливый царедворецъ, и обладатель *par excellence*, и умный путешественникъ, и безпристрастный наблюдатель китайскихъ нравовъ и быта... Здѣсь сходбище большаго числа талантовъ Россіи — и чрезвычайную прелесть таковыхъ вечеровъ составляетъ эта смѣсь разнородныхъ стихій, которыя родятся изъ самой своей противоположности. Здѣсь чтятъ память Пушкина и вспоминаютъ о Жуковскомъ; здѣсь все дышетъ умомъ, жизнью, мыслию; здѣсь съ участіемъ толкуютъ о русской оперѣ, добросовѣстно судятъ о литературѣ, о музыкѣ, объ исторіи, — то-есть, въ отъѣздъ, подъ которою разумѣютъ въ свѣтъ безконечныя толки о покражѣ, вчерашней докучливой ссѣдкѣ въ театрѣ и о разныхъ сплетняхъ. Здѣсь даже, вопреки обычаю, можно иногда приобрести и новыя знанія и обогатить запасъ своихъ воспоминаній.

Не знаемъ, какъ Волгинъ попалъ въ эту академію, — объяснить трудно, но что до этого за дѣло! Растянувшись въ мягкихъ креслахъ, онъ выкурилъ регалию, бросилъ невпопадъ нѣсколько словъ въ завязавшійся разговоръ о Гёте и превратившійся въ жаркое преніе, зыбнувшееся, завидѣвъ вошедшаго Солонинскаго, помѣщика, недавно прибывшаго въ Петѣрбургъ и деревенскаго сосѣда, который слылъ много ромъ на гороскопы и ученымъ краниологомъ, князь бросился ему навстрѣчу, прося сдержать давно уже данное слово — пощупать его черепъ и поразсмотреть руку. Вѣрнѣйшее средство отвязаться отъ Волгина было исполнить его желаніе, и Солонинскій, выпрямивъ ладони юноши, приблизилъ къ ней свѣчу, и вотъ гороскопъ Волгина, за вслѣдствіемъ котораго ручается мое искусство въ стенографіи:

— У васъ есть страсть, которая часто высказывается и которая, несмотря на то, что вы ее тщательно выживаете, преобладаетъ надъ всеми вашими наклонностями... Со-временемъ, большой разгулъ правды стоитъ вашему уму: теперь вы стѣснены обстоятельствами и людьми, хотя сами не признаете надъ собою никакой посторонней власти и чуждаетесь всякой заботы... Вы добры, откровенны, словоохотливы. Это часто вамъ вредитъ, и вы можете нажить себѣ большія неприятно-

давая волю языку. Вы думаете: онъ просто себя тамъ прицѣлъ, чтобъ шалкать о небо... Ничуть; иногда слово стодать жеманя възжа, — ну, обратимся къ черепу, сказалъ Солонинскій и сталъ лывать голову князя. — Да помилуйте, продолжалъ Солонинскій: гѣтскій молодой человекъ! мало того, что вы таки частенько вааете на лицо маску, прикидываетесь агнецемъ, да вы и весь шеватости черепа заградили густыми волосами, прической исполин-длины... а, ну вотъ скажу, какъ Архимедъ: нашель, нашель!.. а шишка, нечего сказать!.. да вы не агнецъ, а просто волкъ... обуи пустить васъ въ овчарню: мастерски охотитесь въ чужихъ стѣяхъ; влюбчивы, батюшка, очень... Впрочемъ, при вашемъ неоянствѣ и жаждѣ перемѣнъ, вы ненадежный вздыхатель. Осо-ья обстоятельства и жаркая страсть, которая у васъ не можетъ продолжительною, должны доставить вамъ успѣхъ и тамъ, гдѣ адѣтесъ на него. Однакожь, вы никогда ничего долго не желани о чемъ не сожалѣете: чувство грусти, когда оно западетъ въ сердце, бываетъ мгновенно, хотя и сильно. Откровенно ска-у васъ много дурныхъ наклонностей; но воспитаніе, природная ета и беззаботливость обуздали ихъ. Самолюбіе, часто пустое и ожное, заставляетъ васъ жертвовать полезнымъ пріятному. Въ много противоположностей. Впрочемъ, всѣ качества хороши са-в-себѣ; одни злоупотребленія ихъ вредны. Даже органы, кото-сперва называли расположеніемъ къ убійству и кражѣ, и кото-теперь точнѣе названы органами пріобрѣтенія и истребленія, яють лишь способность къ такимъ побужденіямъ, которыя, итвшисъ въ одномъ и томъ же черепѣ, ослабляютъ взаимно ь друга; но соединенный съ умственными способностями, каж-въ этихъ органовъ можетъ повести къ преступленію...

кду-тъмъ, пробило полночь въ восьмой комнатѣ, и Волгинъ, ро поблагодаривъ Солонинскаго, поспѣшно сбѣжалъ съ лѣ-и на дорогъ, разумѣется, забывъ двѣ трети его предреченій. экипажей стояло на Михайловской-Площади, много каретъ ждало къ дому Дворянскаго-Собранія, и, выскочивъ изъ саней, въ поспѣшно побѣжалъ въ кассу за билетомъ...

князекъ, узнаешь ли меня? Взгляни на эти розовые банты и и, что ты обѣщаль вальсировать со мной. Пойдемъ. Скоро ся балъ, и его замѣнитъ вялая процессія масокъ.

ни словами встрѣтило Волгина женское домино кофейнаго цвѣ-нававшая его въ дверяхъ залы, гдѣ горѣли сотни свѣчей подъ ми сводами и оркестръ заливался, въ угоду охотницамъ до Волгинъ разсыянно осматривалъ домино кофейнаго цвѣта.

— У тебя ноги лучше памяти, князьки, продолжали донимать маска:—ты ловко вальсируешь, а обещанія свои забываешь!

Волгинъ, улыбувшись при мысли, что маска взялась предом его гороскопъ, отвѣчалъ весело:

— А, прелестная маска! да ты изъ тѣхъ, которыя засматрива на меня, когда я вальсирую; ты одна изъ старыхъ дѣвъ, съ которыми я никогда не танцую... Признаюсь, славная выдумка: на маску, и воображаетъ, что это даетъ ей право ангажировать, абовать! ха, ха, ха!

И, продолжая смѣяться, Волгинъ побѣждалъ во слѣдъ розовому, которое легко порхнуло мимо его и которое было ему от знакомо, потому-что онъ самъ купилъ его у Юнкера... А тут-куда ни возмись, подвернулась маска, у которой глаза свершались кимъ-то адскимъ замысломъ; смѣясь она сказала князю:

— Давно ли ты, Волгинъ, отвыкъ отъ побѣдъ и выучился гать въ окна... О томъ, какъ тебя выгоняють изъ будуаровъ, ты рассказываешь, хвастуны!

Нашъ герой отступилъ на шагъ, разсматривая маску и прудая острый отвѣтъ; а ужъ маска скрылась въ толпу. Волгинъ досадно; но скоро другія маски разстали его; онъ шепталъ о взаимности Александры Николаевны, о его ловкости и бегло вспоминали ему ничтожнѣйшіе случаи его свѣтлой жизни. И Волгинъ, который не былъ врагъ преувеличеній, котораго не садовать только лишь укоръ въ неусидѣхъ, сталъ разговаривать сель по обыкновенію. Онъ и не подозревалъ, что когда-то казалась возможною, то же злое домино, которое озадачивало минуту въной насмѣшкой, станетъ тутъ же подкапывать его ные замки; что злословіе, подъ личиной участія, уже рѣшилъ бить его надежды и пресѣчь все пути къ новымъ попыткамъ сердцемъ Александры Николаевны. На-бѣду, Волгинъ не былъ ее и, послѣ непродолжительной размелки, видя себя въ глазахъ свѣта, поклонникомъ Александры Николаевны, внутренне на это почетное званіе, которое не вело ни къ ли. Его самолюбіе, болѣе чѣмъ сердце, страдало отъ неуваженія Александры Николаевны. Ему хотѣлось настоять на своемъ рою, чтобъ потынить себя, Волгинъ переставалъ шадить Александры Николаевны, или, лукаво защищая ее, убивалъ въ ее преступности. Да, тогда хвастовство его прибывало въ камъ, а болтливость завлекла дальѣ, чѣмъ ему-самому послѣдствіяхъ Волгинъ не думалъ, забывая и своего Германъ выденной полкъ, и страну, перазившую его въ пенальти тетрадь; часто вызывалъ онъ изъ-поза Аланъ послѣ скрипковъ

«verge d'essai, ou les effets et les causes», но никогда не останавливался ни мысли, заключающейся въ этихъ словахъ...

Дмитрій Борисовичъ Сырновъ, человѣкъ обыкновенный и добродушный, разыгрывалъ и въ свѣтъ и дома самую второстепенную, иногда даже жалкую, — и вотъ отъ-чего, не сводя въ-продолженіе трехъ лѣтъ нашего лорнета съ Александры Николаевны, мы всѣхъ-поръ упоминали объ ея мужѣ только мимоходомъ. Посвятивъ за Александру Николаевну на-авось, не развѣдавъ объ ея речномъ расположеніи, онъ имѣлъ несчастіе внушить ей самое неразделенное чувство, которое, нѣсясь спуетя послѣ свадьбы, обращается въ холодность, потому въ пренебреженіе... Первое впечатлѣніе, которое имѣетъ всегда сильное вліяніе на женщинъ, было негодное, и если лестные отзывы тетюшекъ-свахъ и убѣжденія отъ минутно подѣйствовавшихъ на Александру Николаевну, то время измѣнило ихъ на въски. Въ свѣтъ, гдѣ большая часть супруговъ, по общему самоотверженію, живутъ для всѣхъ, забывая только самихъ-себя въ этомъ счету, Александра Николаевна видѣлась съ мужемъ столь-возможно-рѣже и не думала испать въ немъ и тѣни тѣхъ истонствъ, которыя время и случай обнаруживали ей въ Риттерѣ, Мгинѣ и Тѣневѣ... И Дмитрій Борисовичъ Сырновъ, еще до конца мовскаго нѣскаца, тридцати лѣтъ отъ-роду, съ красивымъ, мужественнымъ лицомъ, добрымъ сердцемъ и по-крайней-мѣрѣ правдивымъ къ Александрѣ Николаевнѣ, обреченъ былъ неизвѣстности попалъ въ цѣхъ мужей, которыхъ обязанность влатить долги жене, провонать ее на балъ, садиться за карточный столъ при первоначалѣ къ танцамъ, бродить съ завязанными глазами по-балу-свѣтъ, угадывать желанія своеюправней супруги, повиноваться работникамъ всѣмъ ея прихотямъ, избѣгать встрѣчь съ ея обомателами и, въ награду за все угожденія, жертвы и ребяческое послушаніе, не циничны улыбки, не слышать ласковаго слова. Умнаго человека едва-ли постигнетъ такая судьба; а если постигнетъ, то едва-ли не доведетъ до отчаянія. У нашего Дмитрія Борисовича доставало ума на то, чтобъ одѣться прилично, чтобъ вернуться и не поклониться къ гонимой, не говорить съ львицами о свиномъ пеносѣ и неурожаяхъ, а всегда имѣть готовый запасъ общихъ мнѣній для разговора, никогда не высказывать своего мнѣнія, держась приговора большинства гололоу. Много есть Сырновыхъ на свѣтъ. Смотриши на нихъ, — и вотъ, кажется, родились они не во время, женились не кстати, умерли не попадъ; у нихъ что шагъ, то неудача; мало знали радостей и не могли оцастливить ни себя, ни другихъ...

Понималъ свою жизнь Дмитрій Борисовичъ; зналъ, что его угож-

домія жена ни во что не ставитъ, что подаренныя имъ камолія и браслеты никогда не надѣваются, что въ будуарѣ ея онъ лишний. Довѣрчивый и любящій всего болѣе свое спокойствіе, Дмитрій Борисовичъ рѣшился не искать объясненій странному обхожденію Александры Николаевны, ни въ чемъ ей не препятствовать и не прекословить; но все-таки былъ убѣжденъ, что она не перейдетъ за черту обязанностей супруги. Сърповъ думалъ-себѣ съ-проста: «пускай и ней ухаживаютъ; не одна вѣдь она кокетка; да притомъ, какъ и балагуръ молодѣжь, а я все-таки ея мужъ». И, основываясь на этомъ разсужденіи, Дмитрій Борисовичъ спокойно игралъ въ вистъ на балахъ и, возвращаясь домой, никогда не спрашивалъ о томъ, кто преслѣживалъ по цѣлымъ вечерамъ у Александры Николаевны.

На бѣду, въ это происшествіе замѣшалась золовка... но меня не помутъ, скажу ясное: belle soeur. Эта особа прибыла изъ нижегородской деревни лѣтомъ, къ рожденію Дмитрія Борисовича. Обрадованный братъ уступилъ ей часть занимаемаго имъ мезонина каменноостровской дачи; а Александра Николаевна, по обыкновенію безпечная и довѣрчивая, не обратила вниманія на пріѣздъ мужниной родственницы, и все пошло по прежнему, какъ-будто бы въ домѣ были только жена-кокетка и славнорожденный мужъ. Вышло ниче. Въ ту самую ночь, когда Волгинъ объяснился съ Александрой Николаевной въ ея будуарѣ, въ которомъ окно было растворено и свѣжій воздухъ вѣялъ прохладой, помните—въ пушистой аллее акцій, показалось что-то блое, которое то бредило какъ тѣнь, то казалось неподвижной статуей, но это привидѣніе все видѣло и слышало—то была почтенная сестра Сърпова, Софья Борисовна, — она жила алая маска. Обхожденіе Александры Николаевны съ Волгинымъ сперва показалось провинціалкѣ неприличнымъ, потомъ загадочнымъ, и вотъ, во непреодолимомъ любопытствѣ, старинному свойству вреднаго провинціализма, привыкшаго къ узданнымъ сплетнямъ, Софья Борисовна рѣшилась пожертвовать своимъ здоровьемъ, рискуя насморкомъ или кашлемъ, а ужъ во что бы ни стало прокрасть кивидимкой въ аллею и высмотрѣть да подслушать, что дѣлается говорится въ будуарѣ Александры Николаевны. Удалась ей попытка. Предосудительное въ глазахъ ея положеніе Волгина и хладнокровное вниманіе Александры Николаевны къ его рѣчамъ унизил юную чету во мѣстѣ провинціалки; а позалуи прозвучали подъ ея ухомъ въ качествѣ вопіющаго преступленія. Къ довершенію бѣды Александра Николаевна, утомленная ея тяжелыми ласками и догучивыми разспрсами о большомъ свѣтѣ, стала обходиться сухо съ Софьей Борисовной, и тогда, недоброжелательство ея дашло до крайности. Долго обдумывала она свой замыселъ и, прогостивъ до зари, воспользовалась первымъ маскарадомъ, чтобъ отыскать Волгину

кожкостью за его давнюю, тоже случайно подслушанную шутку над ее высокою талиєю, и чтобъ не только поднечь ревность и подозрѣнія своего брата, но пристыдить, осмѣять его, заставить остерегаться жены какъ врага, въ глаза назвать его дуракомъ и увѣрить, что Волгнымъ нитѣ было бы на свѣтъ, еслибъ весь мужья поехали на Дмитрія Борисовича и сами бы уполномочивали женъ своихъ на шалости. Сърповъ болѣе часа провелъ рука-объ-руку съ матерью, подъ которой и не подозрѣвалъ сестры своей, да и послѣ ему никогда въ умъ не приходило, что эта добродѣтельная мать семейства могла рѣшиться на полгода бросить дѣтей въ деревнѣ для того только, чтобъ проходить цѣлыя ночи въ аллеяхъ на стражѣ поцелуевъ и любовныхъ признаній, выжидать случая, чтобъ вывести ихъ наружу съ преувеличеніями, внушить ему, своему брату, подозрѣнія, которыхъ онъ всегда чуждался и доказать, какъ дважды на четыре, что жена его обманываетъ...

Любовь Сърпова къ женѣ была доверчива. Не разъ отставали въ свой образъ мыслей въ спорахъ съ сестрой. Но когда онъ услышалъ наемъшки изъ устъ щеголеватого домино, когда упреки эти впахла утонченной свѣтской колкостью, тогда легковѣрный и доверливыи Сърповъ вдался въ обманъ, вообразилъ себя, что играть роль невыносимую, и что съ Александрой Николаевной ему жить уже невозможно.

Софья Борисовна жадно ловила на лицѣ брата впечатлѣніе, производимое ее словами. Ей помогли еще двѣ пріятельницы, понимавшія любви противъ Александры Николаевны, но дѣйствовавшія просто въ защиту нравственности. И эти три граціи, облеченныя въ черныя домино, прикрытыя полумасками съ кружевными бородами, выѣхали попеременно нападали на бѣднаго Сърпова, какъ шекспировскія гадныя, вызывавшія Макбета на преступленіе. Но Софья Борисовна, желая довести брата до отчаянія, во время прогулки своей по саду, тщательно отводила его отъ встрѣчи съ Волгнымъ... Она не могла желать ни дуэли, ни самоубійства, но ей бы хотѣлось блестящаго разрыва, стыда и горя для Александры Николаевны; ей хотѣлось, чтобъ свѣтъ, который такъ снисходителенъ къ искусно-прикрытымъ слабостямъ, узмалъ позоръ своего кумира, и чтобъ общественное мнѣніе, которое шопотомъ и мимоходомъ упоминаетъ о мелкихъ свѣтскихъ интригахъ, заговорило громко о преступной Александрѣ Николаевнѣ, заклеимило ее и выжило изъ Петербурга.

Тускло свѣтила свѣча въ кабинетъ Дмитрія Борисовича. Трубка давно уже не дымилась, а онъ все держалъ ее во рту, какъ-бы желая добыть изъ нея мысль, которою не ссужалъ его рассудокъ. Пѣт. XXVIII. — Отд. I.

розо слезы навертывались на глаза Дмитрія Борисовича и катились по воинственному лицу; а онъ не отиралъ ихъ, какъ-бы не замѣчалъ. Да, тяжело бываетъ и человѣку самому обыкновенному, когда онъ сознаетъ, что вся жизнь его была глупа и бестолкова, что поправить ошибки поздно, а начать ее съизнова, нѣтъ силъ и возможности.

Наконецъ, Дмитрій Борисовичъ всталъ, поспѣшно взялъ съ себя дорожную карту Россіи, развернулъ ее, сталъ тщательно разсматривать, и вотъ, мгновенною, внезапною, вздорною рѣшимостью своею положилъ онъ конецъ свѣтскому роману Александры Николаевны. Лицо простяка какъ-то прояснилось... онъ сталъ необыкновенно дѣятеленъ; всю ночь считалъ и откладывалъ деньги, запечатывал пакеты, на разсвѣтъ ухвѣлъ изъ дома, былъ у того, у другаго, и черезъ двое сутокъ все было улажено... Чего же доискивался и мучался Дмитрій Борисовичъ, куда онъ собирался?.. На Кавказъ, туда, куда стремятся столько разочарованныхъ честолюбій, столько горькихъ чувствъ, охлажденныхъ тишетю жизни, столько несбыточныхъ надеждъ, столько пылкихъ воображеній, —туда, гдѣ находятъ награду храбрый и гдѣ выливается пуля несчастливцу... Да, Дмитрій Борисовичъ, вѣчный рабъ мнѣнія, съумѣлъ однакожь пренебречь имъ на этотъ разъ, понявъ, что дуэль — глупость, а самоубійство — пеллость. Онъ рѣшился, посвятивъ остатокъ дней на полезное дѣло, предоставить случаю свою будущность.

За назначеніемъ на Кавказъ не было остановки; а Александра Николаевна безъ гнѣва и сожалѣній узнала о своеволіи мужа. Онъ не рѣшился на рѣзкое объясненіе съ нею, и этимъ, разумеется, не испортилъ. Вотъ, что сказала она ему при прощаніи:

— Да чего же вы хотите, отправляясь туда? Васъ могутъ убить!..

— Ничуть, та сѣге; вотъ мои инструкціи: я поставленъ въ зависимость, отвѣчалъ нѣсколько смутясь Сърповъ и показывая женѣ полученныя предписанія. Она бросила бѣглый, разсѣянный взглядъ на бумагу и поцеловала Дмитрія Борисовича, разумеется, только «ди профермы».

Рука его дрожала въ рукѣ Александры Николаевны, слезы навертывались на глаза, но онъ отвернулся, — и она, казалось, ничего не замѣтила. Но судорожно сжалось ей сердце, несное чувство одиночества и сожалѣнія вкралось въ него тогда только, когда почтовая четверка далеко унесла Сърпова изъ столицы, повлекши вмѣстѣ съ нимъ, нашу повѣсть къ неопредѣленному концу. Да и тутъ пришелъ Волгинъ, заговорилъ о нарядахъ и балахъ, и Дмитрій Борисовичъ по-прежнему былъ преданъ забвенію.

Полумѣры никогда къ добру не ведутъ. Въ этомъ убѣдись и нашъ развѣлка поведенія Сърпова.

Продолжала ли Александра Николаевна читать наставленія Волгину, или предалась его оболъщеніямъ, мы объ этомъ не можемъ знать ничего съ достовѣрностію, за тѣмъ, что говоръ мы уже ли-чны способности узнавать ея тайны. Но вотъ, что дошло до насъ слухамъ.

Александра Николаевна стала безпокоиться о мужъ, громко съ-зала на его отсутствіе, нетерпѣливо выжидала писемъ, ну, сло-въ: скучала до крайности. Она припоминала одно за другимъ все ожденія Дмитрія Борисовича, которыя всегда оставляла безъ вни-манія, сознавала всю тщету своей прошедшей жизни, постигала, но изъ того же Сърпова, изъ котораго бы она могла сдѣлать чело-вѣка дѣльнаго въ обществѣ и семействѣ, развивая скрытое, подъ его рубой оболочкой, прямое благородство, желанье пользы и добра, — и сама сдѣлала что-то хуже нуля, какой-то наиглупѣйшій манусть.

Было поздно. Мракъ покрывалъ спавшій Петербургъ. Морской перъ вылъ по улицамъ, и Нева просилась изъ гранитныхъ бере-говъ. Александра Николаевна сидѣла въ креслахъ у каминна, и бро-сила въ него, одинъ за другимъ, листки тетради, когда-то исписан-ныя стихами. Послышался стукъ запоздалаго экипажа. Александра Николаевна вздрогнула и оглянулась, услышавъ бряцанье конскихъ копытъ о мостовую. Не смотря на полночь, ей вообразилось, что ве-тъ письмо отъ мужа, отъ котораго еще не получала извѣстій со-ни его отъѣзда. Но вмѣсто мужа вошелъ князь Волгинъ. Лицо его измѣчало волненіе и безпокойство: вся фигура его была какая-то за-шнѣная. После краткаго предисловія о томъ, какъ сбыточны иногда впечатлѣнія и какъ безпокойство никогда не бываетъ безъ причи-ны, Волгинъ объявилъ, что, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, Дмитрій Борисовичъ уже съ недѣлю болѣнь въ Рязани.

Александра Николаевна устремила быстрый, испытующій взоръ на Волгина.

— Не мучьте меня приготовленіями, они хуже всякой пытки; дайте мнѣ мой убитъ, да?

И, говоря это, Александра Николаевна, уже при входѣ Волгина вѣставшая на дивъ ея шляпы письмо за черною печатью, схватила его съ быстротою мысли... Она прочла его поспѣшно. Изъ него узна-ла она, что, не добъжая до Рязани, лошади понесли Дмитія Бори-совича; что, выброшенный изъ брички, онъ упалъ на камень, повре-дилъ ногу; что рана его, память турецкаго похода, раскрылась — и о онъ истекъ кровію.

Смертная блѣдность, которая хуже всякъ слезъ, стоновъ, вздоховъ обмороковъ, покрыла лицо Александры Николаевны, и недочитан-ное письмо задрожало въ рукахъ ея. Волгинъ, виновникъ и вѣстникъ

смерти мужа, наказавшая ей въ тотъ мигъ самымъ отвратительнымъ переживаніемъ ада, и въ его образъ вся прежняя жизнь Александра Николаевича предстала ей живымъ упрямомъ. Она молчала, блуждала, и, не удостоивъ Волгина ни взглядомъ сожалѣнія, ни укоризною, медленно опустилась въ кресла.

Князь, понимая, что съ такою женщиной, какъ Александра Николаевна, любезность и банальныя услуги, въ столь трудную минуту не поведутъ къ добру, тихо добрался до двери. Въ послѣдній разъ переступилъ онъ за порогъ ея будуара.

Ровно три мѣсяца спустя, когда облака сгущались надъ высотамъ Сергіева Монастыря и морозъ трещалъ на дворѣ, влекомое уставою тройкой и скрывая по свѣжому снѣгу, приближалось что-то на дровняхъ къ мѣрной обитали, и вскорѣ остановилось у воротъ, между чашовень.

Въ это время, въ окнѣ гостиницы, по ту сторону дороги, видѣлась заревиска и показалось блѣдное, искаженное страданіемъ лицо женщины, когда-то прекрасное, обличавшее теперь сильное душевное волненіе.

Луна мгновенно выглянула изъ-за тучи, и осветила лежавшій на дровняхъ гробъ. Отверзлись желѣзные затворы, и онъ медленно вкатился въ жилище мертвыхъ.

На разсвѣтъ мы слышали, какъ вѣтеръ разносилъ по окрестности стройное пѣніе шкотовъ, какъ гремѣла на заморьъ вѣчная память о ларину Димитрію, и какъ горсть земли глухо прозвучала надъ гробовой доской.

VIII.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЬ СПУСТЯ.

Un homme qui avait longtemps couru le monde, s'arrêta un soir tout court au milieu d'un salon et, promenant un regard scrutateur sur cette foule parée, il dit avec un sourire qui resumait toute sa vie: «Ce n'était que ça!»
Le descebeantement l'avait flétri de son infirmité...

(Изъ свѣтскаго альбома).

Не родись ни богатъ, ни уменъ, а родись старымъ.
(Пословица).

Чуждаться семейнаго счастья, чуждаться человека, съ которымъ соединенъ неразрывно, искать земныя сердечной пустоты въ смѣхѣ, подиомъ эгоизма и сущности:

Какая пустая и глухая шутка!

Ють въ чемъ каждый день убѣждалась Александра Николаевна, жия и старѣя въ деревнѣ, гдѣ, забытая обществомъ и его злословіемъ, на посвятила себя лишь воспитанію дѣтей, и проводила скучныя дни среди сожалѣній о безцвѣтномъ прошедшемъ, зѣвоты и грусти въ настоящемъ и сохраняя въ пустомъ сердцѣ лишь

Тоску, развалину страстей...

Вы, которые любовались Александрой Николаевной на балѣ и гуляньѣ, — вы отвернетесь отъ нея разочарованные, раздосадованные, увидѣвъ ее съ указкой въ рукѣ, въ переговорахъ съ прикащиками, въ хозяйственныхъ разсужденіяхъ съ ключницей... Да, такъ проводила жизнь свою прежняя блестящая львица. Злобной Софьѣ Борисовнѣ удалось только погубить брата; но она не достигла вполнѣ своего тайнаго замысла — заставить Сърпова передать ей права матери и управленія имѣніемъ, удалить отъ себя Александру Николаевну и умчаться въ какую-нибудь даль. — По завѣщанію Сърпова, все его имѣніе досталось женѣ, а Софьѣ Борисовнѣ остались лишь досада и бесполезныя сожалѣнія. Но она вскорѣ утѣшилась, какъ утѣшаются всѣ ей подобныя: обобрала въ пухъ сиротку, палъ которой мужъ ея былъ опекуномъ, выдала ее за урода, и при всемъ этомъ осталась та же:

Собла на зиму грибы,
Вела расходы, брила збы.

Ей раздолье въ деревнѣ. Не то, что Александръ Николаевнѣ, которая недавно писала своей пріятельницѣ въ Петербургъ:

— Меня начинаетъ пугать разстройство моего здоровья. Усиливаютъ его и заботы, и напряженное вниманіе, и непривычка къ труду, и малѣйшая неосторожность. Я жалѣю не о жизни. Объ ней я еще худшихъ мыслей, чѣмъ прежде: разстанусь съ нею охотно; лишь дѣтьми дышу я. Но меня страшитъ медленная смерть, постепенное разрушеніе, преждевременныя потери силъ... Я до того упала духомъ, что жесточайшій мизантропъ для меня показался бы слишкомъ-веселымъ. Остается надѣяться — лишь на весеннее солнце...

А что же Риттеръ? Его теперь можно назвать типомъ счастливца. Онъ доволенъ службой, свѣтомъ, женой; живетъ въ прошедшемъ, въ настоящемъ, въ будущемъ; всякій годъ радуется его рожденіе сына или дочери; онъ даетъ обѣды и вечера; недавно получилъ золотой ордень съ ключомъ. По-прежнему, но спокойнѣе прежняго покуриваетъ графъ регалин, сидя съ пріятелями въ кабинетѣ, гдѣ стѣны увѣшаны портретами заслуженныхъ предковъ, и напоминаетъ собой китайцевъ, которые пьютъ чай, обставивъ себя урнами съ пепломъ своихъ отцовъ, нарушаютъ умственную неподвижность, обращаясь мыслию назадъ, и называютъ это жить въ прошедшемъ.

Къ довершенію блаженства, графу уже не докучаетъ Гуляевъ своими посѣщеніями. У него умерла мать, а старая скряга — тетюшка такъ искусно прибрала его въ руки, что даже взяла его карманы на

откупъ и рассчитываетъ весь его насущныя потребности. Теперь старанія Гуляева сблизиться съ петербургскимъ большимъ свѣтомъ остаются уже не въ тѣнѣ, а въ Тулѣ, гдѣ онъ обреченъ жить безвыѣздно. Тамъ Гуляевъ, съ прежнею ненасытимою алчностью баловъ, спектаклей, трюфлей и ручевскихъ фраковъ, настоящій grand seigneur maigre. Это заставляетъ его безощадно поносить память Палагеи Терентьевны. А между-тѣмъ, внукъ ея Сенька обзавелся кондитерскою; даже въ день петергофскаго праздника разбилъ палатку и отважно выставилъ на выѣзскъ: «Лиссабонъ», о которомъ одинъ насмѣшникъ сказалъ, что онъ—нѣ па бонъ...

Но что же стало съ безпечнымъ, легкомысленнымъ виновникомъ всей кутерьмы, такъ добросовѣстно описанной въ нашей хроникѣ?—Князь Волгинъ? что онъ? гдѣ онъ?..

Князь Волгинъ тотъ же и, вѣроятно, всегда останется тѣмъ же. Вчера отправился онъ въ аэростатъ въ Парижъ. И какъ этотъ способъ путешествованія начинаетъ дѣлать подрывъ пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, особенно потому-что онъ въ большой модѣ, то Волгинъ такимъ образомъ, вѣроятно, объѣдетъ или облетитъ полсѣта, разумѣется, не добывъ и въ воздухъ, какъ на землѣ, ни одной поучительной мысли, а останется по прежнему самой невинной лавой общества, будетъ продолжать дѣлать дурное невзначай, разрушать многоходомъ чужое счастье, задѣвать самолюбія...

И этотъ рядъ дѣйствій безъ толка, связи, сознанія и послѣдствій, также назовутъ—жизнью?!

БАРОНЪ Ф. ВЮДЕРЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ,

приписанное къ концу одного изъ экземпляровъ поэмы «Демонъ».

Я кончилъ, — и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ, —
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье, —
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?

Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустаго одобренья
Наложить на нее тяжелую печать, —

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ, —
И пріймешь за игру, иль сонъ воображенья
Большой души тяжелый бредъ?..

ЛЕРМОНТОВЪ.

БЫВШЕЕ СОСТОЯНІЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ И ГЕОДЕЗИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССІИ.

I.

ТЕОРІЯ ГЕОДЕЗИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ.

Въ нашемъ отечествѣ столько полезныхъ нововведеній, предпринятыхъ исполненныхъ въ последнее время, что, при самой дѣятельной любознательности, посвященный наблюдатель иногда не въ состояніи съ равнымъ вниманіемъ слѣдить каждую отрасль ума, развившуюся и привешую плоды на русской почвѣ. Если прибавимъ къ тому, что въ характеръ Русскихъ лежитъ черта скромности—сказать доброе и молчать, пусть говорятъ объ этомъ другіе, если хотять,—то по справедливости должно отзаться обнять однимъ умомъ все, что совершенно у насъ, особенно въ последнее царствованіе, въ области наукъ, искусствъ, гражданственности и религіи. Но если, съ одной стороны, скромность въ народѣ есть черта хвальная, то съ другой вредитъ она намъ самимъ, потому-что много и очень-много прекраснаго, исполненаго нашими руками и средствами, остается въ невѣдѣнности; это поселаетъ недовѣрчивость и сомнѣніе въ собственнымъ нашимъ силамъ, и мы во многихъ случаяхъ смотримъ на вещи глазами иностранцевъ, и соглашамся съ ними часто въ ущербъ ставъ и собственной пользы. Такъ, многіе ли у насъ знаютъ, что совершенно и вновь еще предпринято по части географическихъ, геодезическихъ и гидрографическихъ работъ въ Россіи, со временъ первыхъ измѣрѣній на всемъ пространствѣ обширнѣйшаго царства, занимающаго девятую часть всей поверхности земнаго шара, омываемаго двумя океанами, и заключающаго въ своихъ предѣлахъ многія моря, — между-тѣмъ, какъ еще въ прошломъ столѣтіи учеными нашими совершены въ отдаленнѣйшихъ равахъ Россіи такія географическо-астрономическія работы, которыя занимаютъ почетное мѣсто въ летописи наукъ; но объ этомъ сохранились свѣдѣнія или въ преданіи, или въ рукописяхъ, хранящихся въ архивахъ. Бѣлая сколько-нибудь познакомиться съ современнымъ состояніемъ отечественной географіи—предметомъ столь важнымъ для государства во многихъ отношеніяхъ и весьма-любопытнымъ для каждаго просвѣщеннаго читателя, надобно прослѣдить весь ходъ развитія и совершенствованія отъ начала предмета, для того, чтобъ можно было правильно оцѣнить последнее его состояніе. Въ этомъ поможетъ исторія. Но какъ свѣдѣнія въ географіи пріобрѣтаются съ помощію двухъ отраслей знаній человеческихъ, астрономіи и геологіи, то не лишнимъ будетъ насколько познакомиться.

Т. XXVIII.—Отд. II.

миться съ тѣми пріемами, которые употребляются при трудныхъ, многосложныхъ и многостоящихъ операціяхъ государственныхъ измѣреній и астрономическихъ наблюденій. Такимъ образомъ, весь разсказъ будетъ состоять изъ краткой теоріи и исторіи географическо-астрономическихъ и геодезическихъ работъ въ Россіи.

Надобно припомнить, что главная идея или задача геодезіи заключается въ томъ, чтобъ составить чертежъ, рисунокъ, планъ, карту, какъ уголокъ, какой-либо данной значительной страны, съ тѣмъ притомъ непрезымымъ условіемъ, чтобъ этотъ чертежъ давалъ точное понятіе о всѣхъ протяженіяхъ и измѣреніяхъ на поверхности земли, какъ то: положеніи городовъ, провинцій, областей, морей, направленіи дорогъ, каналовъ, рѣкъ, хребтовъ горъ и проч., однимъ словомъ, чертежъ долженъ изобразить страну въ томъ видѣ, какъ она находится въ природѣ, со всѣми предметами и видоизмѣненіями мѣстности, но уменьшенную въ известной пропорціи. Слѣдовательно, чертежъ топографическій, какъ и всякій другой, долженъ точно представлять предметъ, но въ уменьшенномъ видѣ; различае въ томъ, что предметы, изображаемые другими чертежами, ограничены определенными прямыми или кривыми линіями: такъ постройки архитектурныя, инженерныя и другія; но предметъ изображенія топографическаго чертежа есть поверхность земли со всѣми на ней безчисленными изъясненіями и кривизнами, ограниченными разными кривыми, безъ определенного вида. Это уже одно замѣчаніе показываетъ, что составленіе топографическихъ и географическихъ чертежей совершается совсѣмъ иначе, нежели другихъ; притомъ, поверхность плоская не представляетъ тѣхъ затрудненій въ изображеніи на бумагѣ, какъ поверхность шарообразная; а эта послѣдняя отличается въ изображеніи отъ поверхности эллипсоида, какой представляетъ намъ земной шаръ. Известно, что ось вращенія земли короче діаметра экватора на $\frac{1}{240}$, или иначе, земной шаръ есть тѣло, происшедшее отъ вращенія эллипса около своей малой оси; это и есть то, что мы говоримъ «земля наша у полюсовъ сжата, а подъ экваторомъ возвышенна.» И потому, задача геодезіи состоитъ въ изображеніи поверхности эллипсоида такъ, чтобъ чертежъ давалъ точное понятіе о положеніи всѣхъ предметовъ, на ней находящихся, и о всѣхъ измѣреніяхъ между ними. Но положеніе предметовъ или точекъ земной поверхности, бываетъ *относительное*, когда разсматривается какое нибудь мѣсто относительно другихъ; такъ желали бы знать положеніе Санктпетербурга въ отношеніи Шлюссельбурга, Кронштадта, Петергофа, Царскаго-Села и проч., и *абсолютное*, когда требуется определить положеніе какой-нибудь точки на сферѣ земной, не принимая въ соображеніе другихъ, что называется определять географическую широту и долготу даннаго мѣста. Такъ говорятъ: широта Петербурга $59^{\circ} 56' 31''$, и долгота отъ перваго меридіана $47^{\circ} 57' 57''$ и проч. Эти два обстоятельства *относительнаго* и *абсолютнаго* опредѣленія мѣстъ на земной поверхности разделяютъ всѣ геодезическія занятія на два отдѣла: на собственно-геодезическія и астрономическія; первыя разделяются на *тригонометрическую съемку*—предметъ высшей геодезіи и на *топографическую съемку*—предметъ низшей геодезіи. Слѣдовательно, порядокъ изложенія будетъ таковъ: 1) тригонометрическая съемка, заключающая въ себя а) измѣреніе и вычисленіе

не основныхъ лній; б) измѣреніе угловъ и с) вычисленіе треугольниковъ. 2) Топографическая съёмка: а) понятіе о производствѣ самой съёмки. 3) Астрономическо-географическія занятія: а) наблюденіе теченія звѣздъ, а изъ этихъ наблюденій опредѣленіе географическихъ широтъ и долготъ мѣстъ; б) градусное измѣреніе. Эти статьи составляютъ теорію. О предметахъ же, которые должны войти въ составъ исторіи геодезическихъ работъ въ Россіи, равно какъ и о богатомъ собраніи чертежей Россіи и странъ всего земнаго шара, хранящихся въ Военно-Топографическомъ Депо, объяснено будетъ въ своемъ мѣстѣ.

1. *Тригонометрическая съёмка, или относительное опредѣленіе точекъ земной поверхности между собою.* — Положеніе одной точки въ отношеніи другой опредѣлится, когда извѣстно разстояніе, ихъ раздѣляющее; для опредѣленія положенія трехъ, четырехъ и вообще многихъ точекъ, необходимо еще знать, кромѣ разстоянія между ними, и углы, составляемые лніями, ихъ соединяющими. Такимъ образомъ, сколько бы ни требовалось опредѣлять точекъ, надобно принять ихъ за вершины треугольниковъ, соединить ихъ лніями, измѣрить эти лнія и углы между ними, а потомъ нанести на планъ лніи по масштабу, уменьшенныя въ извѣстное число разъ, а углы въ настоящей ихъ величинѣ. Этими способами получится чертежъ, удовлетворяющій тѣмъ условіямъ, что будетъ извѣстно положеніе предметовъ на поверхности земли и разстояніе между ними. Въ этомъ заключается главная идея высшей геодезіи или тригонометрической съёмки, не касаясь предметовъ, входящихъ въ составъ занятій топографическихъ, или высшей геодезіи, и астрономическихъ.

Желаю сколько-можно быть понятнымъ и для тѣхъ, которымъ предметъ этотъ вовсе незнакомъ, попрошу читателей имѣть терпѣніе слѣдовать отъ одного предмета къ другому и разрѣшать со мною постепенно тѣ вопросы, которые представляются по мѣрѣ углубленія въ предметъ.

Теперь по порядку изложенія надобно знать, какъ на-самомъ-дѣлѣ измѣряются разстоянія между точками, или вершинами треугольниковъ, и углы между лніями ихъ соединяющими. Способы эти извѣстны вообще подъ именемъ вычисленія треугольниковъ, и совершаются помощію тригонометріи. Извѣстно, что изъ трехъ сторонъ и трехъ угловъ, составляющихъ всякій треугольникъ, когда три какія-нибудь части извѣстны, тогда другія три опредѣляются вычисленіемъ. Это нужно замѣтить для объясненія себя всей операціи геодезическихъ треугольниковъ. Но всякому и совершенно-незнакомому съ дѣломъ понятно, что обыкновеннымъ способомъ мѣрною цѣпью измѣреніе въ природѣ длинныхъ лній совершенно невозможно по одной уже медленности работъ, а главное потому, что никогда нельзя измѣрить съ строгою точностію, какая необходима при вычисленіяхъ такихъ длинныхъ лній, какъ стороны геодезическихъ треугольниковъ, направляющихся по всякъ неровностямъ и преградамъ мѣстности, черезъ горы, опраги, лѣса, болота, рѣки, озера, заливы, моря, зданія, въ горахъ находящіяся и проч. (Есть стороны треугольниковъ въ 120 верстъ: во Франціи съ берега на Балеарскіе-Острова. Въ Псковской Губерніи съ горы Суломы есть стороны болѣе 70 верстъ). Для устраненія неудобствъ,

происходящихъ при измѣреніи линій въ-самомъ-дѣлѣ, придуманы особыя приемы, которые ускоряютъ производство работъ и сообщаютъ имъ строгую точность. Съ этими-то приемами я имѣю цѣлю познакомить читателей. Гдѣ природа противопоставляетъ человеку физическія преграды, тамъ онъ торжествуетъ умомъ своимъ. Ему нужно знать разстоянія непреступныхъ предметовъ, положеніе отдаленныхъ, невидимыхъ странъ; онъ вооружаетъ глазъ трубою, измѣряетъ углы, линіи, и достигаетъ рѣшенія задачи; изъ того, заставляетъ служить себя звѣзды, и эти громадныя мѣры покоря удовлетворяютъ его требованію.

Изъ трехъ частей, данныхъ для разрѣшенія треугольника, лучше, когда имѣютъ одну сторону и два угла; на это есть математическое доказательство, и это всегда удобно, какъ сейчасъ увидимъ. Въ странѣ, чертежъ которой желаютъ имѣть, избираютъ сначала нѣсколько главныхъ пунктовъ, которые должны послужить основаніемъ всѣхъ работъ: въ городахъ и селахъ шпицы башенъ, вѣн ихъ вершины горъ, и вообще такія вышнія, съ которыхъ можно вдругъ обозрѣть значительное пространство во всѣ стороны. Пункты эти принимаются за вершины треугольниковъ, одинъ и тотъ же пунктъ можетъ служить вершиною многими. Такимъ образомъ, вся страна, которую предполагаютъ снять и измѣрить, будетъ разбита на треугольники. Это значитъ *покрыть страну тригонометрическою сѣтью*, которая по величинѣ и значенію треугольниковъ раздѣляется на три разряда. Теперь скажемъ, какъ производится измѣреніе линій и угловъ. Начнемъ съ перваго треугольника. Прежде сказано было, что лучше, для вѣрности вычисленій, при разрѣшеніи треугольниковъ, имѣть сторону и два угла данными, чтобъ могли сдѣлаться известными чрезъ вычисленіе остальные два стороны и уголъ. Следовательно все же въ первомъ треугольникѣ одна изъ сторонъ должна быть известна. Эта сторона называется *базисомъ* и служить действительно основаніемъ всѣхъ вычисленій, потому-что изъ перваго треугольника сдѣлаются известными еще два стороны, которыя послужатъ къ составленію другихъ треугольниковъ и къ разрѣшенію ихъ; тѣ войдутъ въ составъ тригонометрической сѣти, которой всѣ измѣренія будутъ известны, потому что она связана съ первымъ треугольникомъ, въ которомъ измѣренъ базисъ. Измѣреніе же угловъ всегда возможно съ точностію, по способу нынѣшнихъ углоизмѣрныхъ орудій, какъ увидимъ послѣ; следовательно, будутъ всѣ данныя для разрѣшенія всѣхъ треугольниковъ сѣти. Изъ измѣреній въ основномъ треугольникѣ базиса и двухъ угловъ, получаются еще два стороны, которыя сдѣлаются частями треугольниковъ другихъ, послѣдующія за тѣмъ дѣйствія будутъ состоять только въ измѣреніи угловъ, а стороны определяются вычисленіемъ. Изъ этого видно, что измѣреніе базиса есть одно изъ важныхъ дѣйствій въ геодезіи, потому-что, какъ на фундаментъ, созидаются всѣ геодезическія работы; въ немъ, какъ къ первому звену цѣпи, примыкаетъ вся тригонометрическая сѣть треугольниковъ.

Измѣреніе и вычисленіе основныхъ линій.—Замѣчено было выше, что измѣреніе длинныхъ линій въ природѣ затрудняется мѣстностію,

орая большую частію бывает перерезанная; на всемъ пространствѣ, которое предполагають покрыть тригонометрическою съѣзъ, производятъ рекогносцировку (обозрѣніе) для отысканія ровнаго мѣста на значительное протяженіе, на которомъ учреждается базисъ, съ тѣмъ, чтобъ отсюда начать работы. Это должно быть одновременно съ выборомъ точекъ съѣти, потому что, по измѣреніи базиса, начинаютъ измѣреніе точекъ, и следовательно опредѣленіе положенія избранныхъ пунктовъ. Измѣреніе базиса должно быть произведено съ такою точностію, какая только возможна. Длина его не одинаковая; въ съѣзкѣ, произведенной генерал-лейтенантомъ Шубертомъ, самый большой былъ около 10% верстъ. Измѣреніе же совершается особымъ приборомъ, для этой цѣли зарочно устроеннымъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ жѣлезныхъ брусьевъ, жѣзлами называемыхъ, каждый длиною въ двѣ сажени. Жѣзлы эти кладутся одинъ за другимъ по тому направленію, по которому долженъ быть базисъ, и такимъ образомъ производится измѣреніе; но тутъ требуется исполнить многія условія. Надобно, чтобъ жѣзлы были между-собою ровны, и заключали точно двѣ нормальныя сажени въ семь англійскихъ законныхъ футовъ, или же должно знать точное отношеніе жѣзловъ къ нормальной сажени (*). Для этого, предварительно производится строгая повѣрка ихъ. Самый приборъ долженъ быть приспособленъ къ производству работъ. Для того, чтобъ жѣзлы укладывались совершенно въ отвѣсной плоскости, придѣланы на концахъ ихъ діонтры (подобно какъ бывають на астролябіяхъ), помощію которыхъ это легко достигается; для опредѣленія же угла наклоненія жѣзла къ горизонтальной плоскости, на каждомъ изъ нихъ устроены уровень и дуга, раздѣленная на градусы; это нужно для того, чтобъ изъ ломаной линіи, какая получится при измѣреніи, чрезъ вычисленіе, получить горизонтальную проекцію ея (проложеніе). Далѣе, извѣстно, что металлъ при возвышенной температурѣ расширяется, а при пониженной сжимается; но какъ измѣреніе производится металлическими жѣзлами въ разныя температуры, а потому, для избѣжанія погрѣшностей отъ увеличенія длины ихъ, при каждомъ находится термометръ. Это нужно для того, чтобъ послѣ привести все измѣреніе къ одной температурѣ, которая принята у насъ $+14^{\circ}$ Реомюра; и потомъ вычисленіемъ отыскать ту величину базиса, которая получалась бы, еслибъ все измѣреніе исполнено было при $+14^{\circ}$. Каждый жѣзлъ при измѣреніи кладется на особыя подставки. Ежедневно ведется журналъ; такимъ образомъ, сколько бы ни было положено жѣзловъ, означаютъ номеръ жѣзла, уголъ наклоненія его съ горизонтомъ, что (какъ было замѣчено, дѣлается посредствомъ уровня и градусной дуги), степень температуры, и другія величины, которыя все потомъ приводятся къ нормальной мѣрѣ, принимая въ соображеніе нормальную температуру атмосферы. Подробности приведенія этого, равно-какъ и всѣхъ приѣмовъ при измѣреніи, любопытные найдутъ въ сочиненіи генерал-лейтенанта Шуберта за 1842 годъ. На обоихъ концахъ измѣряемой линіи строятся сначала двѣ кирпичныя пирами-

(*) Въ Военно-Топографическомъ Депо имѣются всѣ англійскія и русскія мѣры, съдѣланныя по приказанію англійскаго правительства, подъ присмотромъ извѣстнаго капитана Кратера, съ хранящагося въ парламентѣ оригинальнаго ядра.

ды, съ чугунными плитами; въ средину ихъ вкладываются два серебряныя циллиндра, центры ихъ служатъ къ означенію концовъ базиса. Это даетъ возможность по прошествіи значительнаго числа лѣтъ всегда отыскать произведенныя работы. Но какъ измѣреніе основанія производится иногда болѣе мѣсяца, и потому надобно съ строгою точностію означать конецъ дневной работы для того, чтобъ сегодня быть увѣрену въ томъ, что начинаютъ работу точно отъ того мѣста, гдѣ остановились вчера; иначе же измѣреніе не имѣло бы требуемой вѣрности. Для этого, съ послѣдняго жѣла, составляющаго конецъ дневной работы, опускаютъ тонкую золотую нить съ отвѣсомъ, а къ ней приставляютъ особенный приборъ, который остается до слѣдующаго дня въ полѣ. Приборъ этотъ изобрѣтенъ генерал-лейтенантомъ Шубертомъ и совершенно удовлетворяетъ своему назначенію. Вотъ всѣ главныя обстоятельства измѣренія основной линіи. Теперь остается еще проектировать ее на поверхность моря. Сперва нивелированіемъ опредѣляютъ высоту базиса надъ моремъ, и потомъ вычисленіемъ опредѣляютъ проекціи ея. Такимъ способомъ, измѣрены базисы во многихъ мѣстахъ Россіи.

Измѣреніе угловъ и вычисленіе треугольниковъ. — Второго рода данныя при вычисленіи треугольниковъ — градусныя величины угловъ. Такъ, положимъ, требовалось бы разрѣшить треугольникъ, за вершины котораго взяты Обсерваторіи Главнаго Штаба и Пулковская и шпигъ башни Александровскаго Дворца въ Петергофѣ; а линія, соединяющая обѣ обсерваторіи, есть измѣренный базисъ. Тогда надобно было бы знать углы, составленные базисомъ и линіями, направленными отъ обсерваторій на шпигъ дворца, число градусовъ; минуты и секунды въ каждомъ изъ нихъ. Угломѣрныя орудія, для этого употребляемыя, различны; удобнѣйшій изъ нихъ есть астрономическій теодолитъ. Онъ состоитъ изъ круга, раздѣленнаго на градусы, минуты, секунды и утвержденаго на трехножномъ штативѣ; а въ центрѣ круга, называемаго лимбомъ, находится зрительная труба, которая можетъ двигаться въ горизонтальной и вертикальной плоскости (*). Теперь желаютъ измѣрить какой-нибудь уголъ, положимъ, между линіями отъ Обсерваторіи Главнаго Штаба къ Пулковской и Александровскому Дворцу идущими. Ставятъ инструментъ въ вершинѣ угла, приводятъ лимбъ въ горизонтальное положеніе посредствомъ уровня на немъ находящагося, и направляютъ трубу (это дѣйствіе называется *визированіемъ*) сперва на одинъ предметъ, потомъ на другой. Число градусовъ между линіями зрѣнія легко обозначится на лимбѣ, который, во время наблюденія, остается неподвижнымъ. Чтобы увѣрится въ точности наблюденія, повторяютъ измѣреніе одного и того же угла въ сколько разъ (иногда до тридцати), слагаютъ найденныя величины, и изъ

(*). Но самый совершенный изъ всѣхъ инструментовъ для геодезическихъ и астрономическихъ работъ употребляемый, есть *универсальный инструментъ*, выполняющій всѣ условія пассажнаго инструмента и астрономическаго теодолита. Этотъ инструментъ имѣетъ два круга, съ самымъ точнымъ и самымъ мелкимъ дѣленіемъ на градусы, минуты и проч. Однимъ кругомъ измѣряютъ круги въ горизонтальной, а другимъ въ вертикальной плоскости находящіеся, въ одно время, что весьма удобно для наблюденія. Астрономическій теодолитъ хотя тоже выполняетъ оба эти условія, но не въ одно время.

можности ихъ берутъ среднюю. Такимъ образомъ, достигаютъ желаемой точности. Потомъ переносятъ инструментъ въ другую вершину угла, напримеръ на Пулковскую Обсерваторію, для слѣдующаго измѣренія, и такъ также въ каждый уголъ, котораго величину знать желаютъ. Слѣдовательно, въ треугольникъ предложенномъ будетъ извѣстенъ базисъ, между обсерваторіями основная линія, измѣренная жезлами, и два угла также измѣренныя теодолитомъ. Теперь, посредствомъ сферической тригонометріи и способовъ, предложенныхъ Лежаидромъ и другими, всегда есть возможность разрѣшить треугольникъ, то-есть вычисленіемъ опредѣлить съ точностію другія двѣ стороны, отъ обихъ обсерваторій къ Петергофскому Дворцу идуція. Эти стороны можно взять за основанія другихъ треугольниковъ; положимъ, вершина одного изъ нихъ будетъ Гостилицы, а другаго щипецъ какой-нибудь горы на финскомъ берегу. Такъ постепенно распространятся цѣпь и измѣренія, которыя нанесутся на карту.

Замѣчено было выше, что при выборѣ пунктовъ съѣти, надобно стараться останавливаться на такихъ, съ которыхъ можно обозрѣть значительное пространство, и чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, для того чтобъ удобнѣе было производить визированіе на многіе предметы; но часто не случается вовсе, особенно въ Сѣверной Россіи, встрѣчать такихъ возвышенныхъ пунктовъ на большомъ протяженіи; иногда на многіе десятки, даже сотни верстъ во всѣ стороны распластается равнина, покрытая высокими лѣсомъ, и, слѣдовательно, нѣтъ возможности визировать. Для отвращенія этого неудобства, строятъ нарочно такъ-называемые *сигналы* — пирамиды изъ толстыхъ брусевъ. Высота ихъ различна, но доходитъ иногда до 20 саж. На верху пирамиды твердо устроена платформа, на которую ставятъ инструментъ и производить наблюденія. Но какъ бока треугольниковъ часто бываютъ слишкомъ-длинны, а потому трудно явственно различать предметы, съ одной вершины на другой находящіеся, или же это можетъ встрѣтиться и при короткихъ сторонахъ, но когда точки съѣти бываютъ близъ горизонта и, скрываясь въ тѣни другихъ предметовъ, не обозначаются на сферѣ, подобно высокимъ зданіямъ (такъ, на-примѣръ, концы измѣреннаго основанія всегда лежатъ въ горизонтальной плоскости), — тогда, для избѣжанія ошибокъ при визированіи, встрѣчается надобность освѣтить предметъ, на который направлена труба наблюдателя, чтобъ не принять одного вмѣсто другаго. Для этой цѣли, придуманы были различные способы; но въ послѣднее время изобрѣтенъ геодезистами приборъ, совершенно-удовлетворяющій своей цѣли. Мы хотимъ сказать о гелиотропѣ; приборъ этотъ употребленъ въ первый разъ въ Россіи при съѣмкѣ Санктпетербургской-Губерніи генерал-лейтенантомъ Шубертомъ. Всякому, полагаемъ, случалось испытать, какъ далеко видна лучъ солнца, упавшій на зеркало и отразившійся въ глазъ наблюдателя. Этимъ воспользовались и придумали весьма-полезный и притомъ очень-несложный для геодезическихъ работъ инструментъ, который состоитъ изъ двухъ зеркалъ, взаимно перпендикулярныхъ, и зрительной трубы. Когда нужно освѣтить точку, на которую по отдаленію, или по другимъ причинамъ, визировать неудобно, ставятъ на эту точку гелиотропъ; потомъ въ трубу гелиотропа отыскиваютъ тотъ отдаленный объектъ, на которомъ находится наблюдатель съ своимъ теодолитомъ, и по этой ли-

ни зрѣнія, посредствомъ отраженія двухъ зеркалъ, проводятъ солнечныя лучи. Этимъ простымъ способомъ можно освѣтить избранный пунктъ такъ сильно, что онъ будетъ видимъ за нѣсколько сотъ верстъ. Известно, что свѣтъ солнца въ 30,000 разъ сильнѣе свѣта луны. Вотъ краткое понятіе главнѣйшихъ обстоятельствъ, соблюдаемыхъ при тригонометрической стѣлкѣ. Въ-послѣдствіи скажемъ, что исполнено этимъ способомъ и что еще совершается у насъ для географіи Россіи.

Замѣчено было выше, что этотъ способъ даетъ возможность определить положеніе однихъ только точекъ относительно другихъ, принявъ за основаніе произвольную линію, базисомъ называемую; для абсолютнаго же опредѣленія на земномъ шарѣ мѣста, занимаемаго измѣренною триангуляціею, надобно прибѣгнуть къ астрономіи.

II.

Астрономическо - географическія занятія. — Опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ мѣстъ.

Задача астрономіи заключается въ томъ, чтобъ найти отношеніе (взаимность, связь, какъ угодно) круговъ, совершаемыхъ свѣтилми на сферѣ небесной, къ кругамъ, на поверхности земли находящимся. Земля есть шаръ, обращающійся на своей оси; обращеніе земнаго шара даетъ двѣ постоянныя точки на его поверхности: это полюсы земли, двѣ неподвижныя точки. Сфера земной соответствуетъ сфера небесная. Если продолжимъ ось земли до этой послѣдней, то будемъ имѣть еще двѣ постоянныя точки на сферѣ небесной — это полюсы міра, отвѣчающіе полюсамъ земли. Экваторъ земной также будетъ соответствовать небесному экватору; такъ-же образомъ, меридіанъ, эклиптика, горизонтъ и всѣ круга и точки земныя будутъ соответствовать небеснымъ. Имѣя это въ виду, взглянемъ теперь при появленіи звѣздъ на сводъ небесный. Замѣтимъ положеніе звѣздъ, въ отношеніи горизонта расположенныхъ; тѣ изъ нихъ, которыя при началѣ вечера были близъ горизонта, и въ восточной сторонѣ, безпреставно будутъ возвышаться надъ нимъ, сохранивъ прежнее положеніе между собою, взойдутъ на меридіанъ мѣста наблюденія, станутъ склоняться къ западному краю горизонта, и потомъ совершенно скроются подъ нимъ. Это движеніе еще лучше объяснится, если наведемъ трубу на какую-нибудь звѣзду, и оставимъ ее неподвижно: звѣзда выйдетъ изъ поля трубы, совершитъ свой кругъ, и ровно черезъ сутки снова появится въ трубѣ; что можетъ постоянно повторяться каждыиъ день. Это убѣждаетъ насъ, что сводъ небесный со всеми своими звѣздами и свѣтилми ровно изъ сутки обращается на оси міра (которая есть продолженіе оси земной) вокругъ земли (хотя въ самомъ-дѣлѣ земля совершаетъ свое суточное движеніе на оси, но для наблюденій все равно). Внимательное наблюденіе показываетъ, что плоскости круговъ, по которымъ звѣзды совершаютъ путь свой, перпендикулярны оси земной или небесной и следовательно параллельны экваторамъ земному и небесному; а это показываетъ, что звѣзды имѣютъ определенное расположеніе отъ сего послѣдняго; и дѣйствительно, разстоянія звѣздъ (конечныя дистанціи, фундаментальныхъ) отъ экватора, извѣстныя подъ именемъ склоненій, найдены и помѣщены въ астрономическихъ календаряхъ, въ-дѣлѣ

въ на каждый день можно знать склоненіе требуемой звезды. Не забывъ этого послѣдняго обстоятельства, обратимся къ задачѣ опредѣленія графическихъ широтъ мѣстъ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ узнать въ юмъ разстояніи, считая по меридіану, находится данное мѣсто отъ экватора — этого равноденственнаго круга, разделяющаго землю на два равна полушарія и отстоящаго на 90° отъ каждого полюса. Но какъ меридіаны соотвѣтствуютъ небеснымъ, и потому задача приводится къ тому, чтобъ опредѣлить разстояніе зенита мѣста наблюденія отъ экватора небеснаго. Съ этою мыслию, возьмемъ астрономическій инструментъ, состоящій изъ вертикальнаго круга, раздѣленнаго на градусы, минуты и пр., въ центрѣ котораго движется зрительная труба; установимъ этотъ кругъ въ плоскости меридіана, проходящаго черезъ мѣсто наблюденія; отыщемъ на немъ кругъ точки, которая прямо будетъ соотвѣтствовать зениту мѣста наблюденія на сферѣ небесной, что всегда удобно, и станемъ въ трубу наблюдать теченіе какой-нибудь звезды, положимъ α изъ созвездія Лиры, склоненіе которой, или разстояніе отъ экватора, совершенно извѣстно изъ календаря; заметимъ то мгновеніе, когда эта звезда взойдетъ на меридіанъ; тогда получимъ уголъ, образуемый линіею зрѣнія, направленную на α Лиры, и отвѣсною линіею, проходящею черезъ зенитъ мѣста наблюденія; число градусовъ этого угла обозначается на кругѣ инструмента, что называется зенитальнымъ разстояніемъ звезды, которое придадимъ къ извѣстному изъ календаря склоненію ея, и получимъ склоненіе зенита, или широту мѣста наблюденія.

Впрочемъ, не надобно забывать, что здѣсь изложена только основная идея, показывающая возможность помощію свѣтилъ на сферѣ небесной протыкать отвѣты на тѣ вопросы, которые человекъ задаетъ себѣ на землѣ.

Для полнаго объясненія всей операціи государственныхъ измѣреній, надобно сказать нѣсколько словъ о *градусномъ измѣреніи*. Главная идея *градуснаго измѣренія* состоитъ въ томъ, что если раздѣлить окружность какого-нибудь круга на градусы, то линейныя мѣры дугъ, соотвѣтствующихъ каждому градусу, будутъ равны между собою; при обстоятельствахъ же другихъ будетъ иначе; и какъ шаръ земной есть тѣло, происшедшее отъ ращенія эллипсиса на своей малой оси, следовательно, меридіанъ земной есть совершенный кругъ, но эллипсисъ, въ окружности котораго кривизна не вездѣ одинакова, и подъ экваторомъ самая наибольшая, а отъ экватора къ полюсамъ безпрестанно и постепенно уменьшается, а потому широтная мѣра дугъ меридіана, соотвѣтствующая каждому градусу, безпрестанно и постепенно увеличивается тоже отъ экватора къ полюсамъ, и чѣмъ сжатость земли большая, тѣмъ увеличеніе быстрее. Изъ этого видно, что точное линейное измѣреніе градусовъ меридіана дастъ точное понятіе о сжатости земли, и следовательно даетъ точную величину радіуса кривизны, или нормали, что весьма-важно при вычисленіяхъ географическаго положенія мѣстъ. Градусное измѣреніе совершается помощію тѣхъ же тригонометрическихъ операцій и астрономическихъ наблюденій. Измѣряемый меридіанъ надобно стараться продолжать по возможности черезъ середину симаемой страны. У насъ, градусное измѣреніе было въ блго-

русскихъ губерніяхъ подъ вѣдѣніемъ генерал-лейтенанта Теннера; другіе градусное измѣреніе совершается подъ наблюденіемъ и участіемъ адмирала Струве; оно проходитъ черезъ Финляндію, соединяется съ измѣреніемъ шведскимъ въ Норвегію, доходитъ до Сѣвернаго моря и проходитъ на югъ черезъ всю широту Остзейскаго Края.

Все сказанное до-сихъ-поръ относится болѣе до составленія географическихъ генеральныхъ картъ; но теперь надобно упомянуть о *топографической съемкѣ*, или о томъ, какъ производится съемка на планъ всѣхъ безъ исключенія предметовъ, встречаемыхъ на поверхности земли, со всѣми видоизмѣненіями мѣстности, — потому-что генеральная карта или чертѣкъ составленный означеннымъ образомъ, дастъ понятіе только о положеніи предметовъ на поверхности земли, не сообщая никакаго понятія о природѣ самой мѣстности. Въ этомъ остальномъ дѣлѣ, помогаетъ нѣтъ топографія, которая совершается на основаніи правилъ *низшей геодезіи*. И такъ, разница генеральной карты отъ топографическаго плана состоитъ въ томъ, что этотъ послѣдній заключаетъ по-возможности всѣ предметы, встречаемые на снимаемой поверхности, какъ напримѣръ, протяженія хребтовъ горъ, рѣкъ, каналовъ, дорогъ, расположеніе городовъ, деревень, и проч.; слѣдовательно, топографическій планъ и долженъ имѣть масштабъ болѣе широкій, нежели карты генеральныя. Или, иначе говоря, надобно уменьшить снимаемую страну столько, чтобъ на планъ въ уменьшенномъ видѣ можно было не только видѣть и понимать относительное положеніе точекъ, но и совершенно-удобно изучать мѣстность со всѣми предметами, на ней находящимися. Съ этою цѣлью, у насъ въ государственныхъ топографическихъ съемкахъ генераломъ Шубертомъ приняты масштабъ: квадратъ, вмѣщающій 200 сажень въ основаніи, вмѣщающій на одной квадратномъ англійскомъ дюймѣ бумаги. Для болѣе-подробныхъ съемокъ, принимаютъ 50, 25 сажень и даже менѣе на одинъ дюймъ. Но и 200 саж. въ дюймѣ — масштабъ уже очень-значительный для съемокъ, протягивающихся на такое огромное пространство, какъ наши топографическія государственныя съемки. Чтобъ снять квадратъ, вмѣщающій въ основаніи 100 верстъ, потребуется 100 листовъ бумаги, и потому, чтобъ имѣть возможность произвести точную съемку, которая должна вмѣщаться на нѣсколькихъ тысячахъ листахъ, необходимо, чтобъ эта съемка имѣла своимъ основаніемъ тригонометрическую сѣть. Все пространство, наполненное триангуляціей, разбиваютъ на квадраты слѣдующимъ образомъ. Проводятъ меридіанъ какого-нибудь астрономически-опредѣленнаго мѣста, проходящаго черезъ средину измѣряемой страны, и проводятъ перпендикулярно и параллельно ему линіи, одна отъ другой въ разстояніи 10 верстъ. Такимъ образомъ, вся снимаемая страна разобьется на квадраты, вмѣщающіе 10 верстъ въ основаніи. Каждый квадратъ долженъ непременно заключать въ себя нѣсколько точекъ тригонометрической сѣти, и, составляя известную уже часть общаго чертежа ея, снимается на планъ, изъ одного маленькаго листа состоящей. Слѣдовательно, съемщикъ на квадратѣ, вмѣщающемъ 10 верстъ въ основаніи и заключающемъ въ себя нѣсколько опорныхъ пунктовъ, не опасается сдѣлать ошибку, потому-что эти пункты служатъ звѣнами общаго чертежа, и эти линіи принимаются каждымъ съемщикомъ

зование своей частной съемки, и въ-отношеніи этихъ линій опредѣляетъ подробно положеніе всѣхъ предметовъ, встречаемыхъ на этомъ десятирстномъ квадратѣ. Слѣдовательно, при составленіи изъ всѣхъ отдѣльныхъ съемокъ одного общаго плана, непременно сохранится и строгое точность въ исполненіи всей обширной топографической съемки.

Самая съемка производится менсурою. Инструментъ этотъ, какъ равно употребленіе его, слишкомъ извѣстны, и потому я не считаю нужнымъ повторять здѣсь объ этомъ.

III.

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКО-АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССИИ И ТАБЛИЦА ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ПУНКТОВЪ ИМПЕРІИ.

Математическая географія въ большей части европейскихъ государствъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, была основана на операціяхъ тригонометрическихъ, которыя извѣстны вообще подъ именемъ *тригонометрической съемки*, и довольствовалась одной или нѣсколькими фундаментальными точками, положеніе которыхъ опредѣлено было астрономическими наблюденіями. Знающій обширность Россійской-Имперіи не можетъ соглашаться придать исключительной важности тригонометрическимъ измѣреніямъ. Хотя они доставляютъ превосходные матеріалы для частей отдѣльныхъ, однакожь всеобщая географія имперіи не можетъ идти впередъ безъ употребленія астрономическихъ наблюденій, примѣняемыхъ къ опредѣленію мѣстъ. Санктпетербургская Академія Наукъ приняла за основаніе это правило и слѣдовала ему постоянно до нашего времени, какъ видно изъ того краткаго историческаго очерка астрономическо-географическихъ работъ въ Россіи, которыхъ перечень здѣсь предлагается.

Жозефъ де-Лиль (Joseph de l'Isle), первый астрономъ въ Санктпетербургѣ, по вступленіи своемъ въ Академію, принесъ большую пользу; собственные его труды способствовали усовершенствованію астрономической географіи имперіи; въ 1737 году, онъ сдѣлалъ проектъ измѣренія меридіана и параллели, предпринятаго въ Россіи для опредѣленія фигуры земли. Онъ предложилъ первое астрономическое путешествіе для астрономическаго опредѣленія мѣстъ. Его братъ Луи де-Ла-Круайеръ (Louis de La Croûte) былъ отправленъ отъ Академіи въ Архангельскъ, въ 1727 году, и опредѣлялъ положеніе этого важнаго порта въ широтѣ и долготѣ его; а до 1730 года, еще широту другихъ тринадцати точекъ, отъ острова Кильдинъ, подъ $69^{\circ} 20'$ до Вологды, подъ $59^{\circ} 14'$. Но не смотря на годичное пребываніе его въ Архангельскѣ, долгота этого города, которую онъ нашелъ, была ошибочна болѣе $1^{\circ} 45'$, а въ широтѣ другихъ точекъ есть ошибки до $17'$. Не недостатку средствъ надобно приписать такія грубыя ошибки, но скорѣе полагать должно, что Ла-Круайеръ испростительно пренебрегалъ истинною цѣлю своего назначенія. Вторая ученая экспедиція, предпринятая, въ 1733 году, по повелѣнію императрицы Анны, въ Сибирь и Камчатку, была весьма-важна для астрономической географіи. Ла Круайеръ и геодезистъ Красильниковъ были назначены въ эту экспедицію, въ которой предполагали дѣлать астрономическія наблюденія. Въ 1740 году, Жозефъ де Лиль самъ прибылъ въ Сибирь и опредѣлялъ нѣсколько пунк-

товъ. Но результаты трудовъ обоихъ братьевъ де-Лилей весьма-ничтожны и истинная заслуга этой экспедиціи, относящаяся къ астрономіи, безспорно принадлежитъ неутомимому Красильникову, котораго наблюденія во время путешествія съ 1736 по 1745 годъ наполнены первыми данными свѣдѣніями о положеніи Сибири и Камчатки, равно какъ и долготы мѣстъ, опредѣленные изъ спутниковъ Юпитера. Красильниковъ, по возвращеніи своемъ, получилъ въ Академіи мѣсто адъюнкта и продолжалъ свои астрономическія наблюденія въ Москвѣ и портахъ балтійскихъ провинцій. Можно судить совершенно о настоящемъ состояніи астрономической географіи въ 1760 году, по двумъ мемуарамъ, обнародованнымъ въ актахъ Академіи—одного Поповымъ, 1750 года, а другаго Гришовымъ 1760 года. Первый далъ намъ полныя положенія семи мѣстъ Сибири и Камчатки, вычисленные изъ наблюденій Красильникова. Гришовъ прибавилъ къ тому, во второмъ мемуарѣ, основанномъ на разысканіяхъ архивовъ Академіи, еще четыре полныя положенія Красильникова, три Ж. де-Лили и одно Ла-Круайера, да сверхъ-того, 23 широты, безъ долготъ. При соединяя къ этому положеніе *Петербургской Обсерваторіи*, опредѣленное довольно-надежно съ помощію всѣхъ астрономовъ и наблюденій другихъ европейскихъ обсерваторій; наконецъ, положеніе Арнсбурга, опредѣленное самимъ Гришовымъ; мы имѣемъ до 1760 года всего 17 полныхъ положеній, изъ которыхъ лучшія даны Красильниковымъ. Первое прохожденіе (въ 1760 году) Венеры доставило положенія Селевгиса и Тобольска, такъ же, какъ и широту Иркутска. Второе прохожденіе было болѣе обильно для географіи: оно дало посредствомъ наблюденій положеніе 7 пунктовъ: Оренбурга, Орска, Гурьева, Якутска, Умба (*Umba*), Поноя (*Ponoï*) и Колы. Но эта экспедиція не ограничилась только наблюденіями Венеры. Астрономы продолжали въ отечествѣ свое путешествіе для опредѣленія положенія другихъ замѣчательныхъ пунктовъ. Такъ академикъ Крафтъ, въ 1769 и 1770 годахъ, назначилъ положеніе пяти городовъ: Уфы, Сызрани, Черкаска, Кіева и Каменца-Подольска. Ловицъ (*Loiwitz*) и Иноходцевъ до 1776 года продолжали свои путешествія, которые въ то время тогда трагическій конецъ. Ловицъ совершилъ наблюденія на разныхъ пунктахъ кавказской линіи; съ 1771 года, занимался вновь между Дономъ и Волгою и былъ залученъ мятежникомъ Пугачевымъ. Иноходцевъ потерялъ при этомъ обстоятельствѣ всѣ свои инструменты и документы, съ большимъ трудомъ спасся самъ и сохранилъ нѣкоторые остатки бумагъ и инструментовъ Ловица. Эта большая шестилѣтняя работа оставила для географіи только положеніе трехъ пунктовъ: Саратова, Царицына и Дмитревска. Труды Исленева и Эйлера (*Chr. Euler*) были болѣе-счастливы. Наставленный Эйлеромъ-отцомъ и Лекселлемъ (*Lexell*), Исленевъ умѣлъ цѣнить высокое значеніе закрытія неподвижныхъ звѣздъ луною, для опредѣленія долготъ, и, наблюдая ихъ очень-часто, онъ не пренебрегалъ, однакожь, наблюденіями другихъ затмѣній. Уже въ Якутскѣ, мѣсто его наблюденій прохожденія Венеры, онъ наблюдалъ ночью закрытіе звѣздъ, два солнечныя затмѣнія и четырнадцать затмѣній спутниковъ. Но, сверхъ-того, онъ испытывалъ многіе случаи прохожденія луны черезъ зрительное стекло, утвержденное въ его *quart-de-cercle*, прохожденія

зды, которыя находятся на параллели луны, и по рисунку находившимся долготы посредствомъ прямыхъ лунныхъ возвышеній. Оставивъ утскъ, онъ опредѣлилъ, въ 1770 году, полное положеніе 4-хъ пунктовъ: Энаула, Зминогорска, Усть-Каменогорска и Астрахани и широты 7-ми изъ этихъ пунктовъ. Въ 1771 и 1772 годахъ, онъ былъ посланъ Академіею Молдавію и Валахію; на слѣдующій годъ, въ западныя губерніи имперіи. Вѣдомъ путешествіи, онъ доставилъ географіи 9 полныхъ положеній и 6 изъ нихъ широтъ. Для широтъ онъ употреблялъ подвижной quart-de-cle Сиссона (Sisson), въ $2\frac{1}{2}$ фута радиусъ, и результаты были удивительной точности, отъ тщательной повѣрки инструмента при наблюденіи отъ самыхъ мелочныхъ предосторожностей, которыя онъ принималъ и перевоздахъ. Надобно полагать, безъ сомнѣнія, что новое сравненіе блужденій Исленева съ нынѣшними болѣе-точными положеніями звездъ отъ широты столько же точныя, или почти такія же, какъ и теперь. Меръ, который наблюдалъ Венеру въ Орскѣ, опредѣлилъ по ту сторону пунктовъ, въ томъ числѣ 8 долготъ.

Новое астрономическо-географическое путешествіе, предположенное въ 1778 году, было предпринято по повелѣнію императрицы Екатерины и продолжалось съ 1779 до 1785 года. Начальство было ввѣрено отъ Академіи астроному Иноходцеву, котораго помощникомъ былъ азыжкѣ Черны, старинный сотрудникъ Исленева въ Якутскѣ. Инструменты взяты ими изъ коллекціи, собранной для наблюденія Венеры. Плодомъ этого путешествія вообще было полное наблюденіе на 14 пунктахъ. Наконецъ, въ 1785 году, съ Высочайшаго соизволенія, Академія дала инструкцію Черному возвратиться въ Тавриду, для опредѣленія тамъ болѣе замѣчательныхъ мѣстъ. Исполнивъ эту комиссію полнымъ опредѣленіемъ *Энауріи*, *Севастополя*, *Еникаля*, давъ широту *Феодосіи* и *Перекопи*, Черный, сопровождаемый ученикомъ *Арнольди*, возвратился на кавказскую границу, чтобъ тамъ возвратитъ плачевнымъ образомъ потерянное Ловиномъ опредѣленное положеніе мѣстъ; но ему воспрепятствовалъ подобный же случай. Кончивъ опредѣленіе положенія *Моздока*, на пути къ *Ставрополю*, онъ схваченъ Лезгинами, которые истребили инструменты и бумаги, самого молодого Арнольди отвели въ плѣнъ, и онъ уже болѣе не возвратился, не смотря на все усилія губернатора объ освобожденіи его изъ плѣна. Это была послѣдняя астрономическая экспедиція въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, ибо предпріятіе новѣйшее не имѣло результатовъ. Въ 1790 г. Эйхенъ, тогда генерал-майоръ, отправляясь въ Финляндію для опредѣленія нѣсколькихъ важнѣйшихъ и болѣе-замѣчательныхъ мѣстъ, получилъ отъ Академіи необходимыя инструменты. Но въ мартъ мѣсяцъ, послѣ наблюденій въ *ильманстрандѣ*, принужденъ былъ возвратитъ Академіи инструменты по причинѣ войны.

Продолжая весь періодъ съ перваго прохожденія Венеры, астрономы Академіи *Раумовскій*, *Лексель* и *Иноходцевъ*, также физикъ *Крафтъ*, были заняты постоянно вычисленіемъ всѣхъ положеній, соединяя для долготы наблюденія, исполняемыя въ путешествіяхъ, съ наблюденіями, сдѣланными въ обсерваторіяхъ Академіи и другихъ мѣстъ въ Европѣ. И такъ, мы нахо-

димъ въ публикаціяхъ Академіи многочисленный рядъ мемуаровъ относительно этого предмета, составленныхъ лицами, принадлежащими Академіи.

Въ 1786 году, Раумовскій издалъ таблицу географическихъ пунктовъ Россіи, въ «Берлинскихъ Эфемеридахъ» (для 1789 г. стр. 163). Она такъ была помѣщена въ «Connaissance de Temps» для 1789 года. Это первая полная таблица, и должна быть разсматриваема какъ рѣшительный результатъ астрономическо-географическихъ трудовъ Русскихъ въ прошедшемъ вѣкѣ, потому-что эти труды не были продолжаемы въ слѣдующемъ вѣкѣ. Таблица содержитъ въ себѣ 57 полныхъ положеній въ Россіи, и 5 положеній въ Молдавіи и Валахіи. Можно еще прибавить 5 положеній, разсыпанныхъ въ мемуарахъ Академіи, и пропущенныхъ Раумовскимъ. Все вмѣстѣ составитъ 67 полныхъ положеній. Чтобы составить понятіе о точности положеній таблицы Раумовскаго, директоръ центральной нашей обсерваторіи, академикъ Струве, сравнивалъ 47 мѣстъ съ новѣйшими и точнѣйшими опредѣленіями, и если въ широтахъ есть такое согласіе, что различныя главнѣйшія сомнѣнія исчезаютъ въ огрѣдѣ города, то прежнія опредѣленія не подають никакого повода къ объясненію въ этомъ отношеніи. Для долготъ, выключая *Архательска*, найденнаго Ла-Круайромъ совершенно-ошибочнымъ, и Моздока, въ которомъ есть также важная ошибка, Струве нашелъ вѣроятную погрѣшность прежнихъ, равную 8 минутамъ въ дугѣ или 32 секундамъ во времени. Предѣлъ весьма-удовлетворительный, когда пріймемъ во вниманіе недостатокъ средствъ и методъ того времени, и что эта небольшая погрѣшность, въ долготахъ имѣющаяся, найдена посредствомъ феноменовъ болѣе-надежныхъ. Большая часть долготъ прежнихъ основана на *закрѣпѣннѣхъ спутниковъ Юпитера*; но не всегда можно имѣть наблюденія соответствующія:—способъ, которымъ должно варьировать таблицу.

Число 67 положеній, пріобрѣтенное шестидесятилѣтними трудами, кажется по поверхностному взгляду очень-мало; но оно, однакожь, довольно-значительно, если вспомнить, что въ эпоху 1786 года, кромѣ Русскихъ, имѣли столько положеній, опредѣленныхъ астрономическими наблюденіями, ни Нѣмцы, ни Англичане, ни Французы, ни Итальянцы. И такъ, Русскіе могутъ сказать справедливо, что они имѣли славу въ истекшемъ XVIII столѣтіи обогатить другія европейскія государства усиліями и успѣхами въ приложеніи астрономіи къ отечественной географіи.

Послѣ 1786 года, астрономическія путешествія въ Россіи были прерваны. Однакожь, астрономы не были бездѣтельны къ пользѣмъ географіи. Въ 1787 году, императрица возымѣла мысль снарядить четыре экспедиціи для долгаго путешествія, которое, впрочемъ, не было исполнено по причинѣ возгорѣвшейся войны. Адмиралтейство адресовалось къ Академіи для наставленія моряковъ въ наблюденіяхъ, производимыхъ на морѣ в-суху. Академія употребила въ эту почетную должность астронома Инокентія Шуберта. Это было началомъ астрономическихъ курсовъ для наставленія офицеровъ, которые позже были исполняемы регулярно на обсерваторіи Академіи. Знаменитый Шубертъ имѣлъ отличныя достоинства заниматься этимъ деломъ. Въ 1800 году и въ-продолженіи 20 лѣтъ сряду онъ наставлялъ офицеровъ, и издалъ для пользы своихъ военныхъ учениковъ превосходное сочиненіе

для астрономическаго опредѣленія мѣстъ, три изданія котораго вы-
и въ-продолженіе краткаго времени—одно на нѣмецкомъ, и два на рус-
и въ языкахъ. Безъ сомнѣнія, что курсы практической астрономіи для
деревъ, читаные въ обсерваторіяхъ, не способствуютъ суще-
енно обогащенію точныхъ наблюденій для положеній географическихъ,
то обогащеніе было сдѣлано въ другомъ отношеніи. Частыя морскія
сшествія, предпринятія въ истекшемъ XVIII столѣтіи по Высочайшимъ
мъвіямъ въ Сѣверное и Восточное Моря, хотя и были отличны какъ
неустранимости моряковъ, такъ и по замѣчательнымъ гидрографиче-
и работамъ; но ясно, однакожь, что несовершенство методъ и средствъ
позволяло сообщать трудамъ этимъ основанія точнаго, посредствомъ
юденій астрономическихъ. Съ перваго путешествія Русскихъ кругомъ
та подъ начальствомъ знаменитаго нашего морскаго, Крузенштерна,
скія наблюденія, приготовившія возможность узнать опять моря и дру-
страны Россіи, привіяли свой характеръ и ручались за опредѣленные мѣ-
въ заслуженной точности. Но возвратимся къ описанію будущихъ ас-
номическо-географическихъ работъ Русскихъ. Безспорно, важная ре-
ма въ наблюденіяхъ во время путешествія по Россіи принадлежить ака-
ику Шуберту. Путешествующіе астрономы XVIII столѣтія должны бы-
перевозить инструменты на значительное разстояніе и значительнаго
а; а на переззды, завденіе и поварку употреблялось чрезвычайно-мно-
времени. Другія средства, которыя избралъ Шубертъ для астрономи-
икихъ путешествій, были весьма-просты и состояли изъ одного отража-
наго секстанта, одного хорошаго хронометра карманнаго и одной ас-
номической трубы въ $3\frac{1}{2}$ фута—приготовленія удобнаго для перевоза
одномъ экипажъ путешественника, и каждое мгновеніе была возможность
наго наблюденія. Онъ оставилъ напоследокъ наблюденіе спутниковъ Юпи-
а, заиная это измѣреніемъ разстояній луны отъ звѣздъ. Въ 1804 году
ла первая экспедиція въ этомъ родѣ и съ этими средствами. Два молодые
идера, гг. Шубертъ-сынъ, нынѣшній генерал-квартирмейстеръ Главнаго
аба Его Величества, и Теслевъ, были посланы по приказанію Императо-
Александра, съ инструкціей академика Шуберта, въ *Полоцкъ*, въ январь-
мѣсяцъ и опредѣлили этотъ городъ. Въ возвратный вояжъ свой они от-
звѣлись 19 марта 1804 г. и возвратились въ Санктпетербургъ мѣняе,
вели черезъ три мѣсяца съ полными наблюденіями на 7 замѣчательныхъ
иктахъ. Вычисленія этихъ наблюденій были представлены Шубертомъ-
юмъ Академіи 1 сентября 1804 года. Наконецъ, долгота *Архангельска*
ла поправлена. Въ слѣдующемъ году, этотъ ученый сдѣлалъ путеше-
іе въ *Иркутскъ*, какъ астрономъ посольства, намѣреваясь отправиться
Китай. Сопровождаемый теми же офицерами, онъ опредѣлилъ 10 мѣстъ
ссіи даже въ Сибири. Теслевъ прибавилъ къ тоху еще 10 положеній по
сторону Озера *Байкала*, въ 1805 и 1806 годахъ, инструментами, ко-
ые академикъ Шубертъ ему ввѣрилъ въ Иркутскъ. Этотъ ученый, по-
своего возвращенія, сдѣлалъ вычисленіе всѣхъ своихъ наблюденій и
оставилъ въ Академію, которыя были обнародованы въ мемуарахъ
11 года.

Едва Шубертъ окончилъ свое путешествіе по Сибири, какъ Академіей,

съ высочайшаго разрѣшенія, было предпринято новое астрономическо-географическое путешествіе, въ которое назначенъ нынѣшній старшій е其实ными сочленами деканъ *Вишневскій*. Онъ совершилъ астрономическо-географическій трудъ, безъ сомнѣнія весьма-важный и весьма-замѣчательный въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Лунныя разстоянія даютъ положенія мѣстъ вольно-точныхъ для перваго и хорошаго приближенія, во они невозможны для окончательнаго опредѣленія долготъ, потому-что это средство даетъ *несколькихъ секундъ* приближенно. Въ послѣднемъ путешествіи, котораго цѣлю было окончательное и самое точное опредѣленіе важныхъ пунктовъ Европейской Россіи, начиная отъ западной стороны Уральскаго Хребта по рѣкѣ Уралу и Каспійскому Морю, должно было оставить способъ лунныхъ разстояній, и прибѣгнуть къ другой болѣе-совершенной методѣ, и то же время поспѣшной. *Вишневскій* началъ свои путешествія съ 1806 года и продолжалъ въ-теченіе десяти-лѣтъ до 1815 года. Онъ употреблялъ для широтъ и для опредѣленія времени отражательный секстантъ Трюттона, въ десять дюймовъ радіусъ и два карманные хронометра. Что касается до долготъ, онъ утвердилъ 17 фундаментальныхъ точекъ, размѣщенныхъ на всей поверхности имперіи, единственнымъ средствомъ, знаніями звѣздъ луною, и нѣсколькими солнечными затмѣніями. Во время переезда, посредствомъ интерполяціи хронометровъ, опредѣлялъ промежуточные мѣста между фундаментальными точками. Гора *Эльборусъ* на Кавказѣ присоединена наконецъ къ опредѣленнымъ пунктамъ чрезъ измереніе азимута вершины, при чемъ приняты двѣ точки, опредѣленные астрономически въ широтѣ и долготѣ; сверхъ-того, въ этой операціи вертикальные углы служили еще пособіемъ къ весьма-точному вычисленію высоты господствующей точки Кавказа. Положенія мѣстъ, вычисленныхъ *Вишневскимъ*, начинаются западнѣе *Албаны* подъ $38^{\circ} 40'$ долготы до *Башкирскій* *Мезеня*, подъ $78^{\circ} 14'$ и востраются на 40° долготы. Отъ точки *Мезеня*, подъ $65^{\circ} 50'$ широты, до горы *Эльборусъ* на Кавказѣ, подъ $21'$, и имѣютъ $22\frac{1}{2}$ градусъ, считая по меридіану. На этомъ огромномъ пространствѣ опредѣлено около 250 пунктовъ, т. е. почти вся губернія города и большая часть уездныхъ въ Европейской Россіи. Но это обширный подвигъ, а скорѣе внутреннее совершенство въ опредѣленіи точности долготъ. Съ этой точки зрѣнія, академикъ *Струве* имѣлъ сравнить значительное число положеній *Вишневскаго* въ различныхъ мѣстахъ имперіи, съ опредѣленіями тѣхъ же точекъ, полученными другими средствами еще превосходнѣйшими. Согласіе въ долготахъ тѣмъ, что превосходитъ всякое ожиданіе. Но нѣтъ сомнѣнія, что трудъ г. *Вишневскаго* не былъ единственнымъ въ лѣтоискахъ географіи и не тѣмъ, чѣмъ мы должны гордиться Академія, хотя онъ совершенно отвѣчаетъ цѣли, относясь къ астрономической географіи Европейской Россіи.

Съ другой стороны, новая эра для географіи нашего отечества началась за эпоху около 30 лѣтъ назадъ, когда начались большія тригонометрическія операціи въ Россіи. Эти измѣренія раскинулись теперь въ дальнѣйшія сѣверозападные границы Имперіи, отъ отдаленнаго угла Ботническаго Залива до Чернаго-Моря, и, раздѣляясь на многія вѣтви въ разныя мѣста, доходятъ до центральныхъ частей Имперіи. Въ Воинскомъ

рафическомъ Дѣло Главнаго Штаба Его Величества хранятся документы сихъ работъ. Директоръ дѣло генерал-лейтенантъ Шубертъ издаетъ *Аписки Военно-Топографическаго Дѣло* (съ 1837 года вышло восемь большихъ томовъ). Въ разсказъ этомъ, не упоминая о гидрографическихъ трудахъ, исполненныхъ морскимъ ведомствомъ, для собранія свѣдѣній о гранахъ балтійскихъ, также Морей Чернаго и Бѣлаго, перейдемъ къ экспедиціямъ новѣйшимъ, назначеннымъ преимущественно для астрономическаго опредѣленія мѣстъ. Въ 1830 году назначенъ былъ отъ Академіи сопровождать духовную миссію въ Пекинъ Фуссъ; по возвращеніи на родину Россіи, онъ опредѣлялъ лѣтомъ 1832 года некоторыя мѣста въ Сибири, особенно по ту сторону озера Байкала и на границахъ Китая; 46 оложеній мѣстъ имъ опредѣленныхъ, по обстоятельствамъ, имѣютъ лишь приближенную точность. Въ 1832 году, *Федоровъ*, нынѣшній профессоръ астрономіи въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владимира, былъ отправленъ въ Сибирь. Тамъ онъ опредѣлялъ до 1837 г. 79 положеній мѣстъ между *Ураломъ* и городомъ *Иркутскомъ*, и отъ южныхъ границъ до береговъ *Ледовитаго-Океана*. Для долготъ главныхъ точекъ, онъ употреблялъ, кромѣ открытій, преимущественно прохожденія луны, наблюденныя въ полушарную, удобоперевозимую трубу. Хронометры доставляли промежуточные положенія мѣстъ. Его широты, наблюденныя помощію астрономическаго теодолита, съ большою точностію выражены. Документы этого путешествія доставлены въ центральную Пулковскую Обсерваторію, гдѣ теперь занимаются вычисленіемъ опредѣленія мѣстъ изъ сихъ наблюденій. Въ 1836 году, Академія устроила, по Высочайшему повелѣнію, экспедицію на тригонометрической нивелировке между Морями Чернымъ и Каспійскимъ. Астрономы *Савячъ*, *Заблеръ* и *Фуссъ* назначили вновь астрономически положеніе *Ново-Черкаска*, опредѣлили въ продолженіи курса своихъ работъ положенія около 30 мѣстъ городовъ, деревень, постовъ на Сказъ и горъ между двумя морями, соединяя географическія измѣренія астрономическими наблюденіями. Наконецъ, въ 1842 году, *О. Струве* выѣхавъ, адъютантъ центральной обсерваторіи, былъ отправленъ въ *Липецкъ* для наблюденія тамъ полнаго солнечнаго затмѣнія. Центральная обсерваторія воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ совершить хронометрическую экспедицію. Давно было двѣнадцать отличныхъ хронометровъ; въ 36 дней путешествія опредѣлены долготы шести пунктовъ: *Новгорода*, *Боскы*, *Рязани*, *Липецка*, *Воронежа* и *Тулы*, относительно центральной обсерваторіи, съ точностію одной секунды во времени. Широты были опредѣлены астрономическимъ теодолитомъ.

Это историческое изчисленіе послужитъ совершенно къ правильной цѣли различныхъ источниковъ; откуда взяты опредѣленія положенія мѣстъ въ приложенной таблицѣ, хотя здѣсь не сказано о трудахъ *Зувстена*, изъ *Христіаніа*, и *Эрмана* (*A. Erman*), изъ Берлина, относительно положенія мѣстъ въ Сибири. Главная цѣль путешествія этихъ ученыхъ была не географическо-астрономическая, но болѣе физическое изслѣдованіе земнаго шара. Весьма натурально, что положенія мѣстъ, которыя они намъ снабдили, принадлежатъ къ классу низящихъ *приблизительную точность*. Эти положенія, по смотру на то, имѣютъ большую цѣ-

ну для такой обширной страны, какъ Сибирь, гдѣ остается еще столько утвердить приблизительно, прежде нежели можно думать объ окончательной точности во всѣхъ точкахъ, и въ этомъ отношеніи особенно положенія Гаунистана, котораго заслуга весьма-важна, по большому раченію, какъ этотъ астрономъ посвятивъ этой части своихъ разысканій.

Матеріалы, болѣе-драгоценныя и болѣе-полныя для географіи Россіи находятся, безъ сомнѣнія, въ положеніяхъ Вишневаго. Но почтенный астрономъ не обнародовалъ въ мемуарахъ Академіи даже вычисленій и таблицъ, относительно фундаментальныхъ точекъ. Въ актахъ Академіи мы ни общей таблицы полученныхъ мѣстъ, ни систематическаго объясненія средствъ и методовъ, употребленныхъ для вывода этихъ положеній. И такъ Академія лишена до сего времени удовольствія видѣть въ этихъ запискахъ полное свидѣтельство труда, на который она должна смотрѣть, какъ на прекрасные плоды дѣятельности, явившіяся съ самаго ея основанія. Мы знаемъ желаніе Вишневаго дать болѣе-превосходную и неопровержимую точности результаты вычисленій своимъ наблюденіямъ, и это было одно побудительною причиною замедленія обнародованія ихъ. Но предметъ очень-важенъ самъ-по-себѣ, и каждый просвѣщенный человекъ желалъ бы видѣть окончанными труды такого извѣстнаго по заслугамъ своимъ отечественной географіи ученаго, какъ г. Вишневскій.

Слѣдующая таблица географическихъ пунктовъ содержитъ въ себѣ 50 мѣстъ; изъ этого числа 396 принадлежатъ Европѣ, 90 Азіи и 22 Америкѣ. И такъ, видно, что фундаментальныхъ точекъ для географіи Европейской Россіи весьма-полное число, и что для Сибири еще весьма-недостаточно, но что оно скоро будетъ значительно расширено вычисленіями наблюдателя г. Федорова. И такъ, попробуемъ теперь бросить взглядъ на то, что собственно остается еще сдѣлать въ астрономической географіи Россіи, чтобъ достигнуть желаемой степени совершенства.

Что касается до внутренности имперіи отъ границы, образуемой Ураломъ и Каспійскимъ-Моремъ, остаются еще работы въ частяхъ Н. З. въ странахъ южныхъ. Четыре губерскіе города ожидаютъ еще точнаго опредѣленія: Тверь и Ярославль и къ Н. В. Вятка и Пермь; следовательно последнее мѣсто принадлежитъ Уральскимъ-Горамъ, въ опредѣленіи странъ до границъ сѣверныхъ къ Ледовитому-Морю. Для Балтійскаго-Моря прекрасные труды Рейнеке (Reineske), кажется, окончили его географію. Въ Финляндіи, можетъ-быть, исключая странъ, прилегающихъ къ югу, того же имени, во внутренности весьма-мало мѣстъ, точно опредѣленныхъ. Градусное измѣреніе меридіана г. Струве, которое приближается къ концу, послужитъ къ соединенію многихъ замѣчательныхъ пунктовъ внутренности, таковы Кааине и на Ботническомъ-Заливѣ Улеборгъ, Торнео, съ совершенно-точнымъ положеніемъ Гельзингфорской-Обсерваторіи, Островомъ Гохландомъ, и проч. Начиная съ этихъ данныхъ, можно будетъ легко вновь назначить другіе замѣчательные пункты съ помощію астрономическихъ наблюденій и нѣсколькихъ хорошихъ хронометровъ; въ операціяхъ этихъ, безъ сомнѣнія, надобно согласоваться съ Обсерваторіею Гельзингфорскою. Работы болѣе-важныя нежели рассмотрѣнныя выше — въ странахъ за-кавказскихъ, гдѣ только Тифлисъ, гора Араратъ съ нѣсколь-

ими соседними пунктами были определены точно. Но Левкоранъ, Баку и Дербентъ имѣютъ приближительную точность.

Разсмотримъ теперь Сибирь. Точки самыя восточныя, которыя Федоровъ означалъ, суть: Канскъ и Иркутскъ. Въ Иркутской-Губерніи существуетъ нѣкоторое значительное число положеній; но надобно признаться, что они еще много оставляютъ желать относительно ихъ точности, и новый трудъ, подобный тому, который Федоровъ совершилъ въ Западной-Сибири, кажется, необходимымъ. Въ части Сибири болѣе-восточной, надобно начать новымъ опредѣленіемъ Якутска и Охотска и нѣсколькими промежуточными необходимыми пунктами. Положеніе Охотска, этого важнаго порта, вычисленное еще въ 1736 году, основано на наблюденіяхъ Красильникова, и такъ оно находится во всѣхъ спискахъ.

Имѣя довольно число точныхъ положеній по пространству Южной-Сибири, мы должны обратиться къ курсу большихъ рѣкъ. Знаемъ изъ наблюденій Гаунстана и Эрмана, что къ Морю-Ледовитому Обь находится на всѣхъ картахъ на два градуса слишкомъ къ востоку, а изъ наблюденій Федорова, открывшемъ съ большою вѣроятностію неточность относительно Енисея, утвердить наконецъ совершенно курсъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое-Море, есть задача, которую надобно разрѣшить для географіи Сѣверной-Россіи въ Азій. Что касается до странъ Морей Охотскаго и Камчатскаго и Сѣверной-Америки, также негостепріимныхъ береговъ Моря-Ледовитаго, тутъ астрономы отказываются и предоставляютъ изслѣдованія неустрашимымъ морякамъ, которые будутъ имѣть случай и бодрость слѣдовать по стезямъ *Сарычева*, *Литке*, *Врангеля* и *Анжу* (Anjou).

Надобно сказать наконецъ, что Академія Наукъ, болѣе вѣка слѣдуя поутону къ предположенной цели, положила твердыя основанія астрономической географіи имперіи, и теперь продолжаетъ свои труды съ тою же живостью и съ тѣмъ же чувствомъ; центральная Пулковская Обсерваторія можетъ споспѣшествовать союдами и наставленіями предприимчивымъ ученымъ и молодымъ астрономамъ чрезъ вычисленіе точныхъ наблюденій, что относилось прежде, по достоинству, къ Обсерваторіи Санктпетербургской.

Такъ-какъ большая тригонометрическая съемка Россіи сдѣлала извѣстными чрезвычайно-много положеній мѣстъ, и имѣетъ возможность дать полной таблицѣ всѣмъ этимъ пунктамъ, которые относятся болѣе къ топографіи, нежели къ всеобщей географіи имперіи, то надобно было выбрать для таблицы пункты болѣе-важные, на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Помѣщать всѣ города и крѣпости, которыхъ положеніе точно извѣстно.
- 2) Многія замѣчательныя села и деревни и мѣста границъ.
- 3) Маяки.
- 4) Другіе замѣчательныя пункты для географіи, какъ то: горы, устья рѣкъ, мысы, и проч.

Вся долгота въ слѣдующей таблицѣ считается отъ перваго меридіана, который проходитъ 20 градусами западнѣе меридіана Парижа.

ТАБЛИЦА
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ ВЪ РОССИИ.

Названія мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлял.
Абагетуевскъ (мѣсто на гран.)	Иркутской.	49° 34' 38"	135° 29' 22"	Шубертъ I и Фуст
Або (прежде обсерваторія)	Въ Финлянд.	60 26 58	39 5 7	Аргел. и Хр. Эск
Акъ-Булакъ (фонт. въ степи)	Киргиз. степи.	47 1 57	75 29 39	Васильевъ.
Акерманъ, городъ п. на горѣ)	Бессарабской.	46 11 51	48 1 28	Магганари.
Алагезъ, гора (вершина)	Грузино-Имер.	40 31 36	61 51 0	Федоровъ.
А. лупка, дерев. (павл.)	Таврической.	44 24 30	61 43 36	Магганари.
Ан-клиа, крѣпость.	Мингрелія.	42 22 24	59 11 24	—
Анапа, крѣпость (церковь).	При Чер. Морѣ на Кавказѣ.	44 54 24	54 58 32	—
Арабатъ, крѣпость (вост. баст.)	Таврической.	45 17 53	53 9 24	—
Араратъ, большой (вершина)	Грузино-Имер.	39 42 24	61 57 30	Федоровъ.
Араратъ, малый, (вершина)	—	33 39 11	62 4 12	—
Ардатовъ, на Алатырѣ г. (соб. св. Троицы).	Симбирской.	54 50 49	63 54 0	Вишневскій.
Аренсбургъ, городъ.	Лифляндской.	58 15 10	40 7 15	Гришовъ.
Архангельскъ, губ. гор. (соб. св. Троицы).	Архангельск.	64 32 8	58 13 32	Вишневскій.
Астрахань, губ. г. (соб. Успенія Богород.)	Астраханской	46 20 53	65 45 0	—
Ачуевъ, (Atchouiev) мѣстечко.	Кавказской.	45 42 38	55 27 15	Магганари.
Азовъ, мѣстечко (церковь).	Екатериносл.	47 6 48	57 4 54	—
Ахтырка, гор. (цер. скорбящ.)	Харьковской.	50 17 58	52 36 39	Вишневскій.
Акмечеть (баш. на вост. мысу).	Таврической.	45 31 24	50 21 56	Магганари.
Баіатъ (Baïat) дер. на Маломъ Араратѣ.	Грузино-Имеретинской.	39 59 39	62 10 42	Федоровъ.
Баку, гор.	Каспійск. пр.	40 21 20	67 30 43	Колоткинъ.
Балашевъ, г. (соб. св. Троицы)	Саратовской.	51 33 14	60 49 8	Вишневскій.
Балджиканскъ, воен. постъ.	Иркутской.	49 17 15	127 59 2	Фустъ.
Балъта, городъ (рынокъ).	Подольской	47 56 12	47 17 49	Вишневскій.
Баргузинскъ, городъ.	Иркутской..	53 36 45	127 26 40	Фустъ.
Барнаулъ, городъ.	Томской.	53 19 51	101 36 42	Ганстанъ.
Белевъ, гор. (церк. Скорбящ.)	Тульской.	53 48 17	53 50 26	Вишневскій.
Белгородъ, г. (с. св. Троицы)	Курской.	50 35 42	54 17 18	—
Белозарайскъ, дровній маякъ.	Екатериносл.	46 58 0	55 5 36	Магганари.
Бендеры, городъ.	Бессараб. Обл.	46 50 32	47 16 0	Ислевъ.
Березовъ, гор.	Тобольской.	63 55 59	82 43 36	Эрмианъ.
Берингова Бухта.	Въ Сѣв. Амер.	59 7 20	239 6 13	Comp. de temps 1845.
Беринговъ Мысъ.	—	65 0 30	201 53 0	Литке.
Бештау (вершина горы).	Кавказъ.	44 6 5	60 41 11	Каспійск. Эскп.
Бобровъ, г. (соб. св. Троицы)	Воронежской.	51 5 38	57 43 44	Вишневскій.
Богуславъ, г. (соб. Праскевен).	Кіевской.	49 33 2	48 33 10	—
Богучаръ, г. (ц. св. Троицы).	Воронежской.	49 56 2	58 15 38	—
Болгаръ, древ. городъ, (церк. въ развалинахъ).	Казанской.	54 59 2	66 44 24	—
Болховъ, г. (соб. св. Троицы).	Орловской.	53 26 26	53 42 36	—
Волшерецкъ, острогъ.	Камчатской.	52 54 30	174 30 0	Красильниковъ.
Борго, городъ.	Финляндской.	60 24 16	43 23 35	Шульц. Шуб. 1845.
Борисовъ, (соб. Воскресенія).	Минской.	54 14 46	46 10 14	Вишневскій.
Боровскъ, г. (соб. Благовѣщ.)	Калужской.	55 12 26	54 10 0	—
Буинскъ, г. (соб. св. Троицы).	Симбирской.]	54 57 53	65 58 17	—
Бухтарминскъ, г. (холмъ, мохнатая сопка)	Омской.	49 36 12	101 13 30	Федоровъ.
Брацлавъ, г. (Католич. церк.)	Подольской.	48 49 26	46 37 12	Вишневскій.
Брестъ-Литовскъ, г. (Францискаиск. монаст.)	Гродненской.	52 4 54	41 18 42	—
Брянскъ, г. (ц. Рожд. Спасит.)	Орловской.	53 14 23	52 3 34	—

Названия мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлял.
Алауйки, г. (соб. Богород.)	Воронежской.	50 12 34''	55 48 38''	Вишневскій.
Аршава, г. г. (обсерваторія).	Варшавской.	52 13 5	38 41 51	Бариновскій.
Арзуха, р., (Куземина дер.).	Архангельск.	66 17 45	54 34 7	Реннеке.
Бѣлижъ, г. (церковь Иліи.)	Витебской.	55 36 35	48 51 28	Шубертъ II.
Бѣлкіе-Луки, г. (соборъ).	Псковской.	56 20 31	48 10 10	—
Верхнеудинскъ, г.	Иркутской.	51 49 43	125 24 46	Фуссъ.
Верхоуральскъ, г. церк.).	Оренбургской.	53 52 34	76 51 26	Вишневскій.
Визма, г. (соборъ Троицкій).	Смоленской.	55 12 41	51 57 4	—
Визники, г. (соборъ Богород.).	Владимірской.	56 14 47	59 50 12	—
Вкудова, мѣст. (церковь).	Тобольской.	56 49 18	88 14 51	Федоровъ.
Вилейка, г. (церк. Георгія).	Виленской.	54 29 43	44 35 27	Вишневскій.
Вильгельма, остр. (середина).	Новая Земля.	75 51 20	76 24 0	Литке.
Вилькомиръ, г. церковь).	Ковно.	55 15 21	42 26 4	Теннеръ.
Вильковъ, деревня на Дунаѣ (церковь).	Бессар. Облас.	45 24 13	47 15 44	Маугавари.
Вильно, губ. г. (обсерваторія).	Вилинской.	54 41 0	42 57 36	Славинскій.
Винница, г. мон. Доминик.).	Подольской.	49 14 4	46 7 27	Вишневскій.
Витебскъ, губ. г. (ез. Колл.).	Витебской.	55 11 35	47 52 22	—
Владиміръ, губ. г. (соборъ).	Владимірской.	56 7 38	58 4 56	—
Владиміръ, г. (цер. Кауцки.).	Волынской.	50 51 0	41 57 50	—
Волковискъ, г. (церковь).	Гродненской.	53 9 35	42 7 54	—
Вологда, губ. г. (соб. Успен.).	Вологодской.	59 13 35	57 33 23	—
Вольскъ, г. на Волгѣ (средняя площадь).	Саратовской.	52 2 9	65 4 36	—
Воронежъ, губ. г. (соб. Митр.).	Воронежской.	51 39 23	56 51 44	О. Струве.
Воронъ-Мысъ (сѣв. берегъ).	Архангельск.	66 31 4	59 59 38	Реннеке.
Вышній Волочокъ, г. (соборъ Воскресенскій).	Тверской.	57 35 12	52 20 45	Гольдбахъ.
Вытегра, г. (соборъ).	Олонецкой.	61 0 25	54 8 54	Вишневскій.
Валкъ, г. (церковь).	Лифляндской.	57 46 40	43 42 45	В. Струве.
Ваза, г.	Финляндской.	63 4 20	39 20 10	Гельстромъ. Шуб.
Венденъ, г. (церковь).	Лифляндской.	57 18 46	42 56 17	В. Струве.
Верро, г. церк.).	—	57 51 5	44 40 35	—
Везенбергъ, г. (церк.).	Эстляндской.	59 21 3	44 9 24	Вишневскій.
Выборгъ, губ. г.	Финляндской.	60 42 42	46 25 50	Теслевъ. Шубертъ.
Виндау, г. (церковь).	Курляндской.	57 23 52	39 13 40	Теннеръ.
Вольмаръ, г. (церковь).	Лифляндской.	57 32 21	43 5 33	В. Струве.
Врагра, крѣпость.	Абхазіи.	43 18 0	57 49 18	Маугавари.
Ватчина, г. (дворецъ).	С. Петербург.	59 33 51	47 46 9	Шубертъ II.
Вятскъ, г. соб. Благовѣщ.).	Смоленской.	55 32 20	52 40 10	Вишневскій.
Валенпашъ, мысъ.	Америка.	55 14 48	214 49 18	Литке.
Вуховъ, г. (соб. Троицы).	Черниговской.	51 40 39	51 36 18	Вишневскій.
Вольдингенъ, г. (церковь).	Курляндской.	56 58 20	39 38 29	Теннеръ.
Ворбиста, крѣпость.	Иркутской.	53 6 6	136 47 44	Фуссъ.
Вори, г.	Грузіи-Имер.	41 57 56	61 21 27	Копѣбу.
Вородецкій, мысъ.	Архангельск.	67 41 1	58 42 23	Реннеке.
Вородокъ, г. (цер. Греко-Ун.).	Витебской.	55 27 34	47 40 54	Шубертъ II.
Вумри, г. (карантинъ).	Грузіи-Имер.	40 46 58	61 26 32	Бюлл. Учен. II. 14.
Вурьевъ, г. (центръ др. крѣп.).	Оренбургской.	47 6 38	69 38 20	Вишневскій.
Вурлуфъ (Wurloof), портъ, (кордонъ).	Таврической.	44 31 56	51 57 2	Маугавари.
Вусной-Носъ, мысъ (хижина).	Нов. Зем. остр.	72 10 0	69 40 0	Литке.
Вивиль, мысъ.	Америка.	57 34 30	225 53 36	Com. de temps 1845.
Врибовая-Бухта (мысъ южнѣйшій).	Остр. Новая Земля.	73 5 0	71 1 0	Литке.
Вробинъ, г. (церковь).	Курляндской.	56 32 16	38 49 51	Теннеръ.
Вродно, губ. г. монастырь Доминиканцевъ).	Гродненской.	53 40 44	41 29 57	Вишневскій.
Володичикъ, крѣпость (средина).	Земли Черкесовъ.	44°33'24	85°43'35	Маугавари.

Названія мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлял.
Георгіевскъ, г. (соборъ).	Кавказск. Обл.	44 8 50"	61 9 6"	Экспед. Каспійск.
Гангоутъ, маякъ.	Финляндской.	59 45 58	40 37 30	Шульт. Шуб. 1014
Газенпотъ, г. (католич. пер.).	Курляндской.	56 43 23	39 16 2	Теннеръ.
Гельзингфорсъ, (обсерваторія).	Финляндской.	60 9 42	41 37 5	Архив. и Эксп. Ир.
Гермогенъ, островъ (точка южная).	Америка.	58 10 0	226 23 36	Conn. de temp 1848
Гингиврокъ, мысъ.	—	61 12 30	231 0 25	— — — —
Гогландъ, островъ (верхній маякъ).	Финляндской.	60 5 41	44 37 0	Хрономет. Экспл.
Гогландъ (нижній маякъ).	—	60 6 20	44 37 19	— —
Лагеротъ, маякъ.	Эстляндской.	58 54 59	39 51 30	Хроном. Экспл.
Дунай, устье при Георгіевскѣ (точка острова NE).	Бессарабской Области.	44 53 44	47 14 54	Маягин. и Бунт.
Дербентъ, г.	При Каспійск.	42 4 9	63 33 21	Колотк. Шуб. 5.
Дизва, г. (церковь).	Вилеиной.	55 34 10	43 52 33	Шубертъ II.
Джангеръ, пребываніе джангерскаго хана.	Астраханской.	48 45 55	65 14 38	Ганстаъ.
Дмитровъ, г. (соб. Благовѣш.).	Московской.	56 20 42	55 41 21	Вишневскій.
Дмитровскъ, г. (соб. Св. Духа).	Орловской.	52 30 24	52 50 28	—
Дибстровскій Лимаъ, устье при Цареградѣ (южн. мысъ).	Бессарабской Области.	46 4 50	48 9 49	Маяганари.
Домеснесъ, (маякъ высшій).	Курляндской.	57 45 39	40 16 22	Теннеръ.
Дорогобужъ, г. (пер. Скорб.).	Смоленской.	54 55 1	50 37 1	Вишневскій.
Деритъ, г. (обсерваторія).	Лифляндской.	58 22 47	44 23 15	В. Струвъ.
Дубно, г. (мон. Бернарда).	Волынской.	50 25 12	43 24 41	Вишневскій.
Дугласъ, мысъ.	Въ Америкѣ.	58 53 0	24 48 36	Conn. de temp 1848
Друзъ, г. (мон. Бернарда).	Вильно.	55 47 21	45 7 57	Вишневскій.
Динабургъ, г. (соборъ).	Витебской.	55 43 4	44 9 37	Шубертъ II.
Дюнаминде, крѣпость (церк.).	Лифляндской.	57 2 42	41 42 19	В. Струвъ.
Дюнаминде, маякъ.	—	57 3 37	41 41 16	— —
Ефремовъ, г. (церк. Троицы).	Тула.	53 8 12	55 48 54	Вишневскій.
Егорлитскъ, карантинъ (пер. Св. Михаила).	Кавказъ.	46 21 8	58 29 14	—
Екатеринбургъ, г. (соборъ Св. Екатерины).	Пермской.	56 50 14	78 14 21	—
Екатеринославль, губ. г. (пер. Троицы).	Екатериносл.	48 27 50	52 45 39	—
Екатерининская Гавань (сѣя точка, называемая Подушкннъ-Носъ).	Архангельск.	69 13 17	51 7 3	Литке и Ронне
Елецъ, г. (древн. соборъ Вознесенія).	Орловской.	52 37 25	56 13 3	Вишневскій.
Елизаветградъ, г. (соб. Успенія).	Херсонской.	48 30 23	49 57 3	—
Елотиха, рѣка (устья).	Енисейской.	61 29 51	107 56 25	Ганстаъ.
Енкале (разрушенная крѣпость).	Таврической.	45 20 37	54 17 13	Маяганари.
Енкале, маякъ.	—	45 23 12	54 19 22	—
Енисейскъ, г.	Енисейской.	58 27 17	109 56 24	Ислоненъ и др.
Епотаевскъ, г. (центр).	Астраханской.	47 14 24	64 45 33	Вишневскій.
Еваторія г. (греч. церковь при берегѣ моря).	Таврической.	45 11 44	51 1 59	—
Ек-гольмъ (маякъ).	Эстляндской.	59 41 8	43 27 35	Хрономет. Экспл.
Желѣзничная Крѣпость (церковь).	Томской.	53 32 15	92 58 18	Одородовъ.
Житомиръ, губ. г. (мон. Берн. на площади).	Волынской.	50°15'26"	46°20'21"	Вишневскій.

Имя мѣсть.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлялъ.
ападный Мысъ, самый восточ. азіатск. материкаа.	Провинц. Чукчей.	66° 6' 0"	208°13'30"	Литке.
апорожская Сѣчь, мѣстечко.	Екатеринослав.	47 31 35	52 2 30	Эйлеръ.
оммеръ, остр. (маякъ).	Финляндской.	60 12 25	45 18 8	Шубертъ II.
мѣнногорскъ, рудникъ.	Томской.	51 9 18	99 59 55	Ганстѣнъ.
Альшмискій Мысъ.	Камчатка.	59 48 30	183 37 0	Литке.
Иркутскъ, губ. г. (гимназія).	Иркутской.	52 17 16	121 55 57	Ганстѣнъ.
Ишимъ, г.	Тобольской.	56 5 51	87 7 24	Федоровъ.
Иэюмъ, г. (соб. Спасителя).	Харьковской.	49 11 25	54 59 46	—
Измаилъ, г. (соборъ).	Бессарабской.	45 30 30	46 27 26	Учен. Бюлл. II, 14.
Ижегинскъ, остр. (башня).	Архангельск.	65 12 0	54 32 14	Реннеке.
Калыкъ, остр. (портъ Св. Павла).	Америка.	57 46 50	225 26 21	Сопп. de temps, 1845.
Канискъ, г. (церковь).	Томской.	55 26 59	95 58 9	Федоровъ.
Канаше, г.	Финляндской.	64 13 30	45 23 3	Планманъ.
Калгалакша, деревня (при устьѣ рѣки).	Архангельск.	65 45 4	53 22 52	Реннеке.
Калуга, губ. г. (церковь на площади).	Калужской.	54 30 27	53 56 57	Вишневскій.
Каменецъ-Подольскъ, губ. г. (мон. Троицкій).	Подольской.	48 40 30	44 14 25	—
Камчатскій Мысъ (южная точка).	Камчатка.	56 0 0	180 37 0	Литке.
Камышинъ, г.	Саратовской.	50 5 6	63 4 0	Пноходцевъ.
Кандалакша, деревня (церк. на вост. берегу рѣки).	Архангельск.	67 7 43	50 6 2	Реннеке.
Канинъ, мысъ.	—	68 39 12	61 12 0	—
Канутинъ, мысъ (хижина).	—	67 11 30	61 27 32	—
Карачевъ, г. (церковь Казан. Богоматери)	Орловской.	53 7 25	52 40 48	Вишневскій.
Карсунъ, г. (цер. Вознесенія).	Сибирской.	54 11 45	64 39 35	—
Касимовъ, г. (соб. Вознесенія).	Рязанской.	54 56 11	59 2 21	—
Казань, губ. г. (соб. въ Кремлѣ).	Казанской.	55 47 50	66 47 42	—
Казань, обсерваторія.	—	55 47 23	—	Симоновъ.
Казбекъ (вершина горы).	Кавказской.	42 42 3	62 10 55	Каспійск. Экспед.
Кемь, г. (соборъ).	Архангельск.	64 56 33	52 18 58	Реннеке.
Кереть, деревня (церковь).	—	66 16 45	51 12 30	—
Керетскій Мысъ (крестъ на восточной оконечности).	—	65 19 54	57 26 9	—
Кератзеска, крѣпость.	Иркутской.	50 28 53	122 23 22	Фусъ.
Керчь, г. (цер. въ крѣпости).	Таврической,	45 1 8	54 9 15	Вишн. и Манган.
Кіевъ, губ. г. (дворецъ).	Кіевской.	50 26 53	48 13 21	Вишневскій.
Кильдинъ, остр. (оконечность S. E.).	Архангельск.	69 19 24	52 1 39	Литке и Реннеке.
Кинля, мѣст. (соборъ).	Бессарабской.	45 26 3	46 55 34	Учен. Бюлл. II, 14.
Кинбурнъ (развал. крѣпости).	Таврической.	46 33 21	49 12 9	Кпорре.
Киренскъ, г.	Иркутской.	57 47 0	125 42 45	Красильниковъ.
Кирсановъ, г. (соборъ).	Тамбовской.	52 39 6	60 24 17	Вишневскій.
Кисляца, деревня на Дунаѣ (церковь).	Бессарабской.	45 24 1	46 41 13	Кутитонскій.
Киселоводскъ (сред. крѣпости).	Кавказской.	43 54 8	60 23 51	Вишневскій.
Кизляръ, г. (армян. церковь).	—	43 51 42	64 22 6	Каспійск. Экспед.
Кланъ, г.	Московской.	56 20 19	54 27 51	Гольдбахъ.
Ключевская-Сопка (вершина горы).	Камчатка.	56 4 18	178 10 48	Эрманъ.
Кокъ-Скоръ, остр. (маякъ).	Эстляндской.	59 42 0	42 41 19	Хрономот. Экспед.
Колга, г. (соборъ).	Лапландія.	68 52 48	50 40 17	Реннеке.

Названія мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлял.
Коломна, г. (церк. Успенія).	Московской.	55° 6' 20"	56° 25' 56"	Вишневскій.
Константиногорскъ, крѣпость (середина).	Кавказск. Обла- сти.	44 2 32	60 42 1	—
Константиноградъ, г. (церк. Благовѣщенія).	Полтавской.	49 22 0	53 9 26	—
Кошкинъ, маякъ.	С. Петербург.	59 59 27	48 45 28	Шубертъ II.
Кострома, губ. г. (соб. Успе- нія).	Костромской.	57 45 52	58 36 2	Вишневскій.
Кударинскъ, крѣпость.	Иркутской.	50 12 30	124 57 20	Фусъ.
Кушанскъ, г. (цер. Скорбящ.).	Харьковской.	49 42 52	55 19 15	Вишневскій.
Курскъ, губ. г. (мон. Богор.).	Курской.	51 43 41	53 54 11	—
Кузьмичевъ, мысъ.	Камчатской.	59 5 0	180 59 0	Литке.
Ковель, г. (площадь).	Волынской.	51 12 57	42 20 37	Вишневскій.
Ковно, губ. г. (гостиница го- родская).	Ковенской	54 53 55	41 33 42	—
Козелецъ, г. (ц. Рожд. Спасит.).	Черниговской.	50 54 38	48 47 36	—
Козловъ, г. (церк. Успенія).	Тамбовской.	52 53 19	58 11 50	—
Козьмодемьянскъ, г.	Казанской.	56 20 45	64 15 14	—
Красноярскъ, губ. г.	Енисейской.	56 1 2	110 33 22	Шуб. I и Гакма.
Красное-Село (церковь).	С. Петербургск.	59 44 0	47 44 59	Шубертъ II.
Кременецъ, г. (Васильев. Мо- настырь).	Волынской.	50 5 41	43 21 53	Вишневскій.
Кременчугъ, г. (пер. Спасит.).	Полтавской.	49 4 4	81 5 56	—
Крейцбургъ, мѣст. (церковь).	Витебской.	56 30 49	43 31 19	В. Струве.
Кривотская-Сонка, гора.	Камчатка.	54 45 0	178 17 0	Литке.
Кривотскій мысъ.	—	54 54 0	179 53 0	—
Криштадтъ, г. (обсерваторія Корпуса Штурмановъ).	С. Петербургск.	59 59 21	47 25 30	Шубертъ II.
Кигуйвинъ, мысъ.	Америка.	64 46 0	205 43 0	Литке.
Лашевъ, г.	Казанской.	55 23 50	67 13 26	Симоновъ.
Лапатинскъ, портъ (большой корпусъ).	Архангельск.	64 46 52	58 10 20	Рейнеке.
Лемзаль, г. (церковь).	Лифляндской.	57 30 58	42 22 54	В. Струве.
Ленкоравъ, г.	Каспійск. Обл.	38 43 50	66 27 15	Калотк. и Шуб. I.
Лепель, г.	Витебской.	54 53 9	46 21 19	Шубертъ II.
Льговъ, г. (цер. Бегородицы).	Курской.	51 41 19	52 59 16	Вишневскій.
Лдбау, г. (новая протестант- ская церковь).	Курляндской.	56 30 47	38 40 5	—
Лида, г. (мон. кармелитовъ).	Вильно.	53 53 17	2 57 36	—
Лингинган, гора.	Въ Зем. Чукчей.	65 36 30	199 33 0	Литке.
Люцинь, г. (церковь въ лѣсу, на горѣ).	Витебской.	56 32 53	45 23 23	Шубертъ II.
Ляпецкъ, г. (соборъ).	Тамбовской.	52 36 41	57 15 17	О. Струве.
Лопатка, мысъ.	Камчатка.	51 0 15	174 2 30	Крузенш. и Шуб. I.
Лубны, г. (соборъ).	Полтавской.	50 0 53	50 41 49	Вишневскій.
Луга, г. (церковь).	С. Петербургск.	58 44 4	47 30 42	Шубертъ II.
Луцкъ, г. (мон. Троицы).	Волынской.	50 44 30	42 57 54	Вишневскій.
Ловиза, г.	Финляндской.	60 27 25	43 56 4	Шульт. и Шуб. I.
Макарьевъ, г. на Волгѣ (соб. Казанск. Богоматери).	Нижегородск.	56 5 8	62 44 57	Вишневскій.
Махновка, г. (церковь).	Кіевской.	49 43 20	46 21 7	—
Мамашыгъ, г.	Казанской.	55 43 31	69 5 18	Симоновъ.
Манзанскій военный постъ.	Иркутской.	49 25 55	126 34 21	Фусъ.
Маріуполь (цер. Харлаама).	Екатеринослав.	47 5 21	55 15 6	Вишневскій.
Маточкинъ-Шаръ, устье рѣки Маточки.	Новая-Земля.	73 14 50	71 40 16	Литке.
Маточкинъ-Шаръ, Бараній- Мысъ.	—	73 19 33	72 0 26	—
Мезьчекель, мысъ.	Земля Чукчей.	65 28 40	199 3 0	—

Названія мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлялъ.
артенскъ, мысъ.	Земля Чукчей.	61°33'15"	205°20' 0"	Литке.
ашовскъ, г. (соб. Успенія).	Калужской.	54 19 23	52 58 34	Вишневоіскій.
азень, г. (соборъ).	Архангельск.	65 50 18	61 56 13	—
глинъ, г. (соб. Воскресенія).	Черниговской.	53 3 50	50 30 34	—
вискъ, губ. г. (гостиница).	Минской.	53 54 9	45 13 48	—
птава, губ. г. (обсерваторія гимназіи).	Курляндской.	56 39 5	41 23 36	Паукеръ.
огимель, губ. г. (іезуитская коллегія).	Могилевской.	53 53 49	48 0 0	Вишневоіскій.
огимель на Диѣстрѣ (катол. церк. на площади).	Подольской.	48 26 36	45 27 6	—
огойтуевскъ, военн. постъ.	Иркутской.	50 21 21	131 39 90	Фусъ.
огайскъ, г. (соб. Николая).	Московской.	55 30 31	53 41 0	Вишневоіскій.
оржовецъ, островъ (оконечность NO).	Архангельск.	66 45 27	60 7 55	Реннеке.
оршанскъ, г. (соборъ).	Тамбовской.	53 26 32	59 29 52	Вишневоіскій.
осква, столица (обсерватор.)	Московской.	55 45 21	55 13 44	О. Струве.
оздокъ, г. (соб. Св. Духа).	Кавказской.	43 43 51	62 21 20	Вишневоіскій.
озырь, г. (гостиница гор.)	Минской.	52 3 12	46 55 4	—
пенскъ, г. (цер. на Красной-Площади).	Орловской.	53 16 53	54 16 0	—
польграфъ, портъ.	Америка.	59 34 2	237 57 39	Сomp. de temps, 1845.
аржанъ, маякъ.	Эстляндской.	59 36 22	42 10 40	Экспеди. Хрономет.
арва, г. (гостиница гор.)	С Петербургск.	59 22 46	45 51 35	Шубертъ II.
арсау, мысъ.	Новая Земля.	76 33 0	80 37 15	Литке и Шубертъ.
аваринъ, мысъ.	Земля Чукчей.	62 16 0	196 44 30	Литке.
аегтиванъ, мысъ.	—	64 55 30	205 22 30	—
бжннъ, гор. (соб. Николая).	Черниговской.	51 2 48	49 35 10	Вишневоіскій.
ерчинскъ, г.	Иркутской.	51 55 31	134 12 21	Теслевъ.
ерчинскъ, рудникъ.	—	51 18 37	137 16 6	Фусъ.
ещлодъ, г.	Финляндской.	61 32 7	46 38 30	Галлстремъ, Шуб.
езель, г. (соборъ).	Витебской.	56 1 3	47 34 47	Шубертъ II.
евгамъ, мысъ.	Америка.	58 42 0	215 15 36	Сomp. de temps, 1845.
ижне-Дѣвцкъ, г. (соб. Св. Михаила).	Воронежской.	51 32 54	56 4 2	Вишневоіскій.
ижне-Колымскъ, г.	Якутской.	68 31 53	178 35 11	Врангель.
ижне-Удинскъ, г.	Иркутской.	54 55 22	116 4 32	Шубертъ I.
ижній-Новгородъ, губ. г. (соборъ).	Нижегородск.	56 19 40	61 40 34	Вишневоіскій.
иколаевъ, г. (обсерваторія).	Херсонской.	46 58 21	49 38 4	Кнорре.
икова-Ладога, г. (соб. Никол.).	С Петербургск.	60 6 39	49 59 4	Шубертъ II.
ингородъ, губ. г. (соб. Софіи).	Новгородской.	58 31 23	48 5 13	О. Струве.
ингородъ-Сѣверскій, г. (соб. Успенія).	Черниговской.	52 0 46	50 56 1	Вишневоіскій.
ово-Архангельскъ, крѣпость на островѣ Ситкъ (церковь).	Америка.	57 2 52	242 10 30	Прейсъ.
оводвинская Крѣпость (развалины).	Архангельск.	61 41 50	58 8 0	Реннеке.
овгородъ-Волинскій, г. (цер. Исидора).	Волинской.	50 35 39	45 18 22	Вишневоіскій.
оворжевъ, г. (церковь).	Псковской.	57 9 18	46 59 32	Шубертъ II.
овосель, г. (цер. Успенія).	Тульской.	52 58 16	54 44 19	Вишневоіскій.
ово-Черкасскъ, обл. г. (церк. Николая).	Земля Войска Донскаго.	47 21 35	57 45 41	Экспеди. Каспійск.
ово-Шурдайтуйевскъ, крѣп.	Иркутской.	50 23 21	136 41 57	Фусъ.
ихта, мысъ.	Америка.	65 33 30	209 40 48	Беллей.
блорскъ, мѣстечко.	Тобольской.	66 31 7	84 21 31	Эрманъ.
боянь, г. (соборъ).	Курской.	51 12 31	53 58 23	Вишневоіскій.
белоголь, маякъ.	Эстляндской.	59 48 19	44 1 35	Хрономет. Экспеди.

Названія мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣля.
Одесса, г. (соборъ).	Херсонской.	46°29' 6"	48°34' 27"	Манганаря.
Одесса, маякъ.	—	46 21 49	48 25 37	—
Охотскъ, обл. г.	Охотск. Облас.	59 20 10	160 53 30	Красильниковъ.
Олеутскъ, мысъ.	Камчатка.	59 58 0	188 8 0	Литке.
Олоонецъ, г. (соборъ).	Олоонецкой.	60 58 52	50 39 12	Вышневицкій.
Ольвиополь, г. (площадь).	Херсонской.	48 3 8	48 31 10	—
Омскъ, г. (башня на домѣ про- лціи).	Тобольской.	54 58 55	91 4 44	Федоровъ.
Онега, г. (цер. Михаила).	Архангельск.	63 53 36	55 48 54	Ремнеке.
Опочка, г. (соборъ).	Псковской.	56 42 51	46 19 8	Шубертъ II.
Ораниенбаумъ, г. (дворецъ).	С. Петербургск.	59 54 57	47 24 51	— —
Орель, губ. г. (церк. на пло- щади).	Орловской.	52 37 58	53 46 29	Вышневицкій.
Оренбургъ, г. (цер. на рынокѣ).	Оренбургской.	51 45 31	72 46 14	—
Оррепгрудъ, маякъ.	Финляндской.	60 16 35	41 6 55	Шультъ и Шуберъ.
Орша, г. (іезуитск. коллегія).	Могилевской.	54 30 22	48 5 21	Вышневицкій.
Орская крѣпость (каменная церковь).	Оренбургской.	51 12 19	76 11 54	—
Ошмяны, г. (католич. церк.).	Виленской.	54 25 24	43 38 11	—
Осташковъ, г.	Тверской.	57 9 40	50 5 2 6	Гольдбага.
Острогъ, г. (кармелит. мон.).	Волынской.	50 19 41	44 0 28	Вышневицкій.
Острогомскъ, г. (соборъ).	Воронежской.	50 51 27	56 47 8	—
Островъ, г.	Псковской.	57 20 30	46 0 47	Шубертъ II.
Очаковъ, г. (церковь).	Херсонской.	46 36 31	49 13 10	Кноорре.
Овручъ, г. (Васильевъ. монаст.).	Волынской.	51 19 7	46 27 45	Вышневицкій.
Озерная, крѣпость.	Оренбургской.	51 35 59	71 31 59	Ганствягъ.
Озерной, мысъ.	Камчатка.	57 38 0	180 54 0	Литке.
Павлоградъ, г. (соборъ).	Екатеринослав.	48 31 57	53 34 12	Вышневицкій.
Павловскъ, г. (дворецъ).	С. Петербургск	59 41 9	48 6 50	Шубертъ II.
Павловскъ на Дону (соб. Ка- занской Богоматери).	Воронежской.	50 27 33	57 47 49	Вышневицкій.
Пенза, губ. г. (новый соборъ).	Пензенской.	53 11 0	62 41 33	—
Переяславль, г. (мон. Вознес.).	Полтавской.	50 4 19	49 9 11	—
Перекопъ, г. (часть каменнаго вала).	Таврической.	46 8 43	51 21 39	—
Переяславль-Залѣвскій, гор. (соб. Спасителя).	Владимірской.	56 44 9	56 31 8	—
Пермь, губ. г.	Пермской.	58 1 13	74 6 15	Шубертъ I.
Пернау, г. (нѣмц. церковь).	Лифляндской.	58 23 6	42 9 58	В. Струве.
Петергофъ, г. (церковь).	С. Петербургск.	59 53 15	47 32 56	Шубертъ II.
Петропавловскъ, г.	Тобольской.	54 52 32	86 37 10	Ганствягъ.
Петропавловскій Портъ, (цер- ковь).	Камчатка.	53 0 59	176 19 56	Прейсъ.
Петровскъ, г. (соб. Нет. и Пав.).	Саратовской.	52 18 53	63 4 2	Вышневицкій.
Петровская Крѣпость (часть южная).	Екатеринослав.	46 48 54	54 35 30	Манганаря.
Петрозаводскъ, губ. г. (церк. Св. Духа).	Олоонецкой.	61 47 24	52 4 8	Вышневицкій.
Пятигорскъ (Александр. Воды).	Кавказъ	44 2 39	60 44 46	Бюлл. Учен. II. 14
Пинега, г. (соб. Троицы).	Архангельск.	64 41 47	61 6 24	Вышневицкій.
Пинскъ, г. (мон. на площади).	Минской.	52 6 36	43 46 30	—
Пирятинъ, г. (соборъ Спаси- теля).	Полтавской.	50 14 45	50 12 47	—
Пицуида, мѣстечко (церковь).	Абазія.	43 9 10	57 55 42	Манганаря.
Покровъ, г. (соб. Богоматери).	Владимірской.	55 55 0	56 51 40	Вышневицкій.
Полавангъ, мѣст. (католичес- кая церковь).	Курляндской.	55 55 9	38 44 0	Теннеръ.
Полоцкъ, г. (іезуит. коллегія).	Витебской.	55 29 16	46 25 23	Вышневицкій.
Полтава, губ. г. цер. Стрѣни- на Господня.	Полтавской	49 35 4	52 16 22	—

Названія мѣстъ.	Губерніи, Обл. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлялъ.
Ионом, деревня.	Архангельск.	67° 4' 30"	58° 47' 9"	Маллетъ.
Иорѣче, г. (соборъ).	Смоленской.	55 15 55	49 10 28	Шубертъ II.
Иоркалаудъ, маякъ.	Финляндской.	59 56 10	42 3 25	Хрономет. Экспед.
Иорковь, г. (соборъ).	Псковской.	57 45 48	47 13 12	Шубертъ II.
Иоссольскій, монастырь.	Иркутской.	53 1 9	123 57 4	Фусъ
Иоти, (малая крѣпость).	Груз.-Имерет.	42 8 16	59 17 35	Манганари.
Иулова, обсерваторія централ.	С. Петербургск	59 46 19	47 59 15	Струве и Экспед.
Иоворотый, мысъ.	Камчатка.	52 23 25	176 28 25	Крузеншт. и Шуб.
Ирѣсногорковскъ, крѣпость.	Тобольской.	54 29 36	83 19 18	Грантъ.
Иружаны, г. (цер. на площади).	Гродненской.	52 33 24	42 6 40	Вишневскій.
Исковъ, губ. г. (соб. Троицы).	Псковской-	57 49 18	45 59 27	Шубертъ II.
Иаломысль, г. (греко-уліатская церковь).	Кіевской.	50 30 26	46 54 57	Вишневскій.
Иалинъ, дер. (цер. протестан.).	Лифляндской.	58 5 57	45 7 7	Шубертъ II.
Иаумо, г.	Финляндской	61 8 0	39 6 50	Юстандеръ и Шуб.
Иадутъ-Каде, крѣп. (средняя).	Мингрелін.	42 16 24	59 15 45	Манганари.
Ионин, г. (греч. церковь).	Бессарабской.	45 26 57	45 55 12	Кутитонскій.
Иечица, г. (церковь).	Витебской.	56 29 39	44 59 59	Шубертъ II.
Ией-Скеръ, остр. (маякъ).	Финляндской.	59 55 28	42 1 7	Шультенъ и Шуб.
Иевель, губ. г. (цер. Св. Олая).	Эстляндской.	59 26 35	42 24 50	Хрономет. Экспед.
Иижскъ, г. (церковь).	Рязанской.	53 42 21	57 44 11	Вишневскій.
Иязань, губ. г. (соборъ)	—	54 38 9	57 24 16	О. Струве.
Иига, губ. г. (соборъ).	Лифляндской.	56 57 0	41 46 13	В. Струве.
Иодной, мысъ.	Америка.	64 42 12	211 22 12	Беешей.
Иогачевъ, г. (сред. площадь).	Могилевской.	53 4 21	47 43 20	Вишневскій.
Ионны, г. (соб. Св. Духа).	Полтавской.	50 44 50	51 10 48	—
Иоссианы г. (кармел. монаст.).	Ковенской.	55 22 49	40 44 47	—
Иотскеръ, островъ; маякъ.	Финляндской.	59 58 9	44 20 23	Шубертъ II.
Иумянцовъ, мысъ.	Америка.	61 52 0	211 12 0	Литке.
Иусское Устье, на рѣкѣ Индигиркѣ.	Якутской.	71 0' 19	176 10 30	Врангель.
Ианктпетербурзь (обсерваторія Академіи Наукъ).	С. Петербургск.	59 56 31	47 57 57	Вишневскій и Хронометр. Экспед.
Ианктпетербурзь, обсерваторія Главнаго Штаба.	—	59 56 16	47 58 38	Шубертъ II.
— обсерваторія Морскаго Кадетск. Корпуса.	—	59 56 6	47 56 27	—
Иамаара, г. на Дибирѣ.	Екатеринослав.	48 29 35	53 0 0	Эйлеръ.
Иамаара, г.	Симбирской.	53 10 17	67 44 32	Симоновъ.
Иаравскъ, г.	Пензенской.	54 10 57	62 52 57	Ганствѣнъ.
Иаратовъ, губ. г. (древ. соб.).	Саратовской.	51 31 34	63 44 15	Вишневскій.
Иарычевъ, гора.	Курил. Остров.	48 6 0	170 52 6	Conn. de temps, 1845:
Ив. Иліи, гора.	Америка.	60 17 35	236 48 39	—
Ив. Лаврентія, губа (подводные камни при восточномъ входѣ, коньки).	Земля Чукчей.	65 37 50	206 56 30	Литке.
Ив. Якова, монастырь на Арабатѣ.	Груз.-Имерет.	39 46 12	62 1 29	Федоровъ.
Иебенъ, г. (церк. Рождества).	Витебской.	56 16 42	46 9 55	Вишневскій.
Иеленгинскъ, г.	Иркутской.	51 6 6	124 18 6	Роумовскій.
Иеміарскъ, воен. постъ (церковь).	Томской.	50 53 13	95 59 58	Федоровъ.
Иемпалатинскъ, г. (цер. въ крѣпости).	—	50 24 23	97 55 33	—
Иенгилей, г. (домъ суда).	Симбирской.	53 57 55	66 30 54	Вишневскій.
Иеняинъ, мысъ.	Америка.	56 23 42	217 37 18	Литке.
Иергіевскъ, мѣст.	Оренбургской.	53 56 43	68 50 20	Симоновъ.
Иерпуховъ, г. (нов. площадь).	Московской.	54 54 55	55 5 59	Вишневскій.
Иес-скеръ, остр. (маякъ).	Финляндской.	60 2 7	46 1 24	Шубертъ II.

Названія мѣстъ.	Губерн., Облас. и проч.	Широта	Долгота.	Кто опредѣлял.
Севастополь, г. (церк. Петра и Павла.)	Таврической.	44°36' 22"	51°11' 9"	Вишневскій.
Сѣвскъ, г. (соб. Успенія).	Орловской	52 9 22	52 11 32	—
Симбирскъ, губ. г. (Вознесенскій соборъ, на базарѣ).	Симбирской.	54 18 49	66 5 10	—
Симферополь, губ. г. (соборъ).	Таврической.	44 56 59	51 46 8	—
Сквира, г. (соб. Успенія).	Кіевской.	49 43 59	47 21 8	—
Славяносербскъ, г. (цер. Петра и Павла).	Екатеринобург.	48 35 32	57 0 50	—
Слонимъ, г. (мон. Вернарда)	Гродненской.	53 5 18	42 58 5	—
Смоленскъ, г. (цер. Успенія)	Смоленской.	54 47 15	49 43 5	—
Соловецкій Островъ, (каедр. соборъ).	Архангельск.	65 1 22	53 24 25	Ремнеке.
Сольвычегодскъ, г. (церковь).	Вологодской.	61 19 44	64 37 1	Вишневскій.
Сосница, г. (церковь).	Черниговской.	51 31 22	50 10 55	—
Сосновецъ, остр. (башня).	Архангельск.	66 29 20	58 23 30	Ремнеке.
Судакъ, деревня.	Таврической.	44 50 18	52 38 10	Манганари.
Сухумъ-Кале, крѣп. (средина)	Абхазія.	42 59 18	58 39 39	—
Сулине, устье Дуная (маякъ).	Бессарабской.	45 9 15	47 20 30	—
Спасскъ, г.	Казанской.	55 2 49	67 3 3	Симоновъ.
Спенсеръ, мысъ.	Америка.	65 16 42	240 52 12	Беспей.
Средники, мѣст. (католич. церк. на площади).	Ковенской.	55 4 43	41 2 19	Вишневскій.
Старая-Ладога, г. (цер. Иоанна).	С. Петербург.	60 0 21	49 57 21	Шубертъ II.
Старая-Руса, г. (соборъ).	Новгородской.	57 59 15	49 0 53	—
Старобѣльскъ, г. (соборъ).	Харьковской.	49 16 58	56 35 47	Вишневскій.
Стародубъ, г. церк. (Рождес.).	Черниговской.	52 35 12	50 25 17	—
Старой-Осколь, г. (цер. Богородицы).	Курской.	51 17 50	55 31 50	—
Старокопчанскіе, г. (мон. доминиканцевъ).	Волынской.	49 45 21	44 52 30	—
Ставрополь, обл. г. (соборъ).	Кавказъ.	45 3 9	59 39 3	Экспедиц. Каспійск.
Старопись, г.	Симбирской.	53 27 56	67 2 22	Симоновъ.
Столовой, мысъ.	Камчатка.	56 40 30	181 1 0	Литке.
Створной (первый маякъ).	Таврической.	41 37 10	51 14 55	Манганари.
— (второй —)	—	44 37 1	51 17 21	—
Стрѣльня, г. (дворецъ).	С. Петербург.	59 51 14	47 43 11	Шубертъ II.
Стрѣтенскъ, г.	Иркутской.	52 14 47	135 19 7	Фусъ.
Сюрюпъ, маякъ.	Эстляндской.	59 27 55	42 2 45	Экспедиц. Урала.
Свальферотъ, маякъ.	Лифляндской.	57 51 35	39 44 51	—
Свеаборгъ (валы на Густавсвердо).	Финляндской.	60 8 23	42 39 14	—
Сызрань, г. (цер. Успенія).	Симбирской.	53 9 12	66 8 41	Вишневскій.
Таганрогъ (цер. Михаила).	Екатеринослав.	47 12 13	56 35 57	Манганари.
Такиль, мысъ (маякъ).	Таврической.	45 5 51	54 7 4	—
Тамань, мѣст. (цер. при морѣ).	Кавказ. Облас.	45 12 58	54 23 17	—
Тамбовъ, губ. г. (мон. Богор).	Тамбовской.	52 43 12	59 8 54	Вишневскій.
Тара, г. (цер. Николая).	Тобольской.	56 54 52	92 3 37	Федоровъ.
Тарханкутъ, маякъ.	Таврической.	45 20 42	50 9 0	Кворре.
Тавастусъ, г.	Финляндской.	61 0 18	42 10 47	Гельстр. и Шт.
Тельши, г. (католич. церковь).	Вилленской.	55 59 7	39 55 28	Теллеръ.
Тендровскій, маякъ (на N берегу острова).	Таврической.	46 19 17	49 11 8	Манганари.
Тетушки, г.	Казанской.	54 56 45	66 31 6	Симоновъ.
Тадле, мысъ.	Земля Чукчей.	62 42 0	197 18 0	Литке.
Тяельскъ, губ. г. (садъ губернатора).	Грузино-Имер.	41 41 4	62 30 16	Федоровъ.
Тягильская, крѣпость.	Камчатка.	57 45 55	176 16 0	Эрманъ.
Тукалинскъ, г.	Тобольской.	55 52 41	89 52 48	Федоровъ.
Тирасполь, г. (соборъ).	Харьковской.	46 50 7	47 17 30	Вишневскій.

Названия мѣстъ.	Губернія, обл., и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлялъ.
обольскъ, губ. г.	Тобольской.	58°12' 22"	85°56' 4"	Шаппе.
олбухинъ, маякъ.	С. Петербургск.	60 2 33	47 17 11	Шубертъ II.
омскъ, губ. г.	Томской.	56 29 39	102 49 36	Шубертъ I.
оржокъ, г.	Тверской.	57 2 9	52 40 3	Гольдбахъ.
орлео, г.	Финляндской.	65 50 50	41 53 30	Экспед. Прох. Вен.
оропецъ, г. (соборъ).	Псковской.	56 29 25	49 18 15	Шубертъ II.
отъма, г. (церковь).	Вологодской.	59 58 42	60 26 17	Вишневаскій.
оула, губ. г. (соб. Успенія).	Тульской.	54 11 45	55 16 32	О. Струве.
ункинская крѣпость.	Иркутской.	51 45 5	118 29 3	Фушь.
уркинскъ (воды).	—	52 56 46	126 3 37	—
уруханскъ, г.	Енисейской.	65 54 56	105 17 50	Гантънъ.
учковъ, г. (церковь).	Бессарабской.	45 20 36	46 29 7	Бюлл. учен. II. 14.
рошкосавская, кр. (соборъ).	Оренбургской,	54 4 31	79 12 59	Вишневаскій.
рошккая, крѣпость.	Иркутской.	50 20 57	124 24 1	Фушь.
роки, г. (цер. бернардин.).	Виленской.	54 38 17	42 36 25	Теннеръ.
рукумъ, г. (церковь).	Курляндской.	56 58 1	40 49 21	—
уръ, губ. г.	Тверской.	56 51 44	53 37 8	Гольдбахъ.
уфа, губ. г. (соборъ Смоленской Богоматери).	Оренбургской.	54 42 34	73 39 14	Вишневаскій.
увань, г. (Васильевск. мон.).	Кіевской.	48 44 53	47 54 9	—
укиевскій, мысъ (высок. гора).	Камчатка.	57 54 0	180 32 0	Литке.
уналашка, островъ (портъ).	Америка.	53 52 25	211 7 36	Conn. de temps, 1845.
унимакъ, остр. (берегъ SE).	—	54 30 0	213 9 36	—
уральскъ, г. (пер. Богомат.).	Оренбургской.	51 11 93	69 2 92	Вишневаскій.
усть-Каменогорскъ, г. (церк.).	Томской.	49 56 48	100 18 18	Федоровъ.
усть-Лабинская, крѣп. (средина).	Кавказской.	45 12 28	57 19 17	Вишневаскій.
усть-Стретинскъ (воен. постъ).	Иркутской.	53 19 43	139 29 51	Фушь.
— Сысольскъ, и. (соборъ Троицы).	Вологодской.	61 40 9	68 32 33	Вишневаскій.
уѣба, мѣстечко.	Архангельск.	66 44 30	51 52 45	Никитетъ.
уѣто, остр. (маякъ).	Финляндской.	59 46 17	39 1 15	Пульгень и Шуб.
уѣсть-Жокки, деревня.	Архангельск.	69 51 30	45 16 15	Боде.
уѣвлянь, г.	Ливляндской.	58 21 46	43 15 48	В. Струве.
уѣеодосія, г. (военное поле).	Таврической.	45 1 25	53 3 54	Вишневаскій.
уѣридрихштадтъ, г. (церковь).	Курляндской.	56 37 8	42 44 57	Теннеръ.
уѣамиссо (вершина острова).	Америка.	66 13 11	215 53 46	Conn. de temps, 1845.
уѣристіанштадтъ, г.	Финляндской.	62 16 9	38 57 50	Шул. и Шуб. 1131.
уѣарьковъ, губ. г. (цер. Николая).	Харьковской.	49 59 27	53 56 45	Вишневаскій и Минганари.
уѣерсонъ, губ. г. (соб. Успенія на площади).	Херсонской.	46 37 38	50 17 94	Вишневаскій.
уѣерсонскъ, маякъ.	Таврической.	44 33 45	51 2 57	Кнорре.
уѣолимъ, г. (соборъ).	Псковской.	57 8 47	48 50 12	Шубертъ II.
уѣалка, крѣпость.	Закав. Край.	41 36 23	61 43 36	Коцебу.
уѣарское Село, г. (церковь на дворцѣ).	С. Петербургск.	59 43 2	48 3 30	Шубертъ II.
уѣаршинъ, г. (соборъ).	Саратовской.	48 41 59	62 12 40	Вишневаскій.
уѣаплинъ, мысъ.	Земля Чукчей.	64 14 30	105 26 0	Литке.
уѣатырдагъ (западн. вершина горы).	Таврической.	44 44 0	51 57 6	Манганари.
уѣебоксаръ, г.	Казанской.	56 8 57	64 56 28	Вишневаскій.
уѣеябъ, г. (соб. Рождества).	Оренбургской.	55 10 21	79 2 53	—
уѣембаръ (церк. Николая).	Пензенской.	51 58 2	61 6 37	—
уѣереповецъ, г. (соборъ).	Новгородской.	59 7 18	56 36 5	—
уѣеркасмы, г. (Соборъ).	Кіевской.	49 26 57	49 45 16	—

Названія мѣстъ.	Губери., Облас. и проч.	Широта.	Долгота.	Кто опредѣлялъ.
Черниговъ, губ. г. (соборъ).	Черниговской.	51°29'25"	48°59'23"	Виттневскій.
Черный-Яръ, г.	Астраханской.	48 4 13	63 53 40	Ганстѣвъ.
Чинданти, крѣпость.	Иркутской.	50 34 0	133 10 45	Фусъ.
Чириковъ, островъ.	Америка.	55 49 0	222 32 36	Сона. de temp.
Чистополь, г.	Казанской.	55 22 36	68 19 54	Симоновъ.
Читанскъ, крѣпость.	Иркутской.	52 1 17	131 5 37	Фусъ.
Чукотскій мысъ вожный.	Земля Чукчей.	64 16 0	204 40 0	Литке.
Шатикъ, г. (пер. Троицы).	Тамбовской.	54 1 7	59 23 41	Виттневскій.
Шавли, г. (католич. церковь).	Видновской.	55 56 0	40 58 56	—
Шенкурскъ, г. (соб. Благовѣщенія)	Архангельск.	62 5 48	60 35 26	—
Шилкискъ, рудникъ.	Иркутской.	52 35 15	136 20 56	Фусъ.
Шипунскій мысъ.	Камчатка.	53 6 0	177 30 15	Крузеншт. и Ш.
Шивелучъ, вершина горы.	—	56 40 31	178 56 27	Эрмианъ.
Шлокъ, г. (церковь).	Лифляндской.	56 56 44	41 17 11	Теннеръ.
Шлюссальбургъ, г. (соборъ).	С. Петербург.	59 56 39	48 41 35	Шубертъ II.
Шпанбергъ, мысъ.	Земля Чукчей.	64 42 30	193 8 0	Литке.
Шудбинскъ, воен. постъ.	Томской.	50 23 7	98 54 8	Ганстѣвъ.
Эльборусъ (вост. верш. горы).	Кавказъ.	43 21 0	60 6 47	Каспійск. Экспедиц.
— запад. —	—	48 21 21	60 6 7	—
Эмба, крѣпость на рѣкѣ Эмбѣ.	Киргиз. степи.	49 19 21	70 5 27	Васильевъ.
Эваре, деревня.	Архангельск.	68 56 30	44 55 45	Шубертъ I.
Юканскій-Островъ (губа на-блюденія).	Архангельск.	68 3 10	57 14 30	Литке.
Юрбургъ, г. (католич. церковь).	Ковно.	55 7 48	40 26 27	Теннеръ.
Юрвецъ-Новольскій, г. (церковь).	Костромской.	57 19 5	60 47 37	Виттневскій.
Якобштадтъ, г. (церковь).	Кураляндской.	56 29 47	43 32 23	Теннеръ.
Якутскъ, обл. г.	Якутской.	62 1 50	147 23 25	Ислетскъ.
Ялта, г. (церковь).	Таврической.	44 29 31	51 50 53	Магганаръ.
Ямбургъ, г. (соборъ).	С. Петербург.	59 22 29	46 15 17	Шубертъ II.
Янишевская крѣп. (церковь).	Томской.	51 52 57	95 1 35	Едendorff.
Яранскъ, г. (церковь).	Вятской.	62 10 4	68 46 39	Виттневскій.
Ярославль, губ. г.	Ярославской.	57 37 33	57 50 0	Инокходтвъ.

Историческій очеркъ Государственнаго Дѣпо Картъ.

Геодезическія работы производятся подъ вѣдѣніемъ Генеральнаго Дѣпо съ самаго учрежденія его въ Россіи; но работы эти становятся замѣтными въ ученомъ отношеніи съ 1818 года: съ этого только времени предпринимаются систематически и основываются на прочныхъ началахъ, сообразно со всеми новѣйшими улучшеніями методъ, а часть исполнительная, составляя исключительную обязанность Военно-Топографическаго Дѣпо, приобрѣла надежные способы, и поручается офицерамъ, хорошо сведущимъ въ астрономіи и высшей геодезіи. Дѣпо это обязано, какъ учрежденіемъ, такъ и совершенно-отдѣльнымъ нѣкоторое время отъ прочихъ частей существованіемъ Императору Павлу I. Во время царствованія этого государя, послѣ упраздненія Генеральнаго Штаба, въ концѣ 1796 года, учреждена была при особѣ Императора чертежная, а почти черезъ годъ, въ 1797 году, образовано изъ ней Собственное Его Величества Дѣпо Картъ. Въ это время, кромѣ Генеральнаго Штаба, въ обязанность котораго входило производство съѣмокъ, составленіе и изданіе пла-

овъ и пр., существовала еще другая отдѣльная часть, съ тою же цѣлю—го Географическій Департаментъ. Но изъ числа уцѣлвшихъ картъ прошлаго столѣтія, сочиненныхъ въ Россіи, только одна заслуживаетъ вниманіе—Карта Молдавіи, составленная офицерами Генеральнаго Штаба во время войны противъ Турковъ съ 1769 по 1771 годъ. Изъ сохранившихся умать извѣстно, что баронъ (въ-послѣдствіи графъ) Аракчеевъ, въ началѣ 1797 года, вступая въ должность генерал-квартирмейстера, не нашелъ ни одного чистаго плана. Такой недостатокъ въ Россіи картъ и упущенія частей, которыя должны были заниматься этимъ важнымъ для государства деломъ, обратила вниманіе государя Павла Петровича Онъ повелѣлъ учредить Депо Картъ съ тѣмъ, чтобъ оно было не только военнымъ, но однимъ государственнымъ архивомъ картъ, плановъ и разныхъ чертежей; а чины, состоящіе при немъ, имѣли обязанность сочинять и издавать подробные планы и карты для общаго употребленія, составлять писанія къ нимъ для необходимыхъ соображеній, также приводить боевые чертежи въ порядокъ и однообразіе. Такой архивъ, подъ именемъ Собственнаго Его Величества Депо Картъ, переименованнаго въ-послѣдствіи въ Военно-Топографическое Депо, возымѣлъ свое начало въ 1797 году. Нынѣшнее его совершенство, обширнѣйшій кругъ дѣйствій въ государствѣ и въ его, богатство собранныхъ матеріаловъ, изданіе въ послѣднее время многихъ отличнѣйшихъ картъ—все это неоспоримо доказываетъ, какъ необходимо и какъ благотельно было подобное заведеніе, совершившее въ-теченіе 45 лѣтъ такіе быстрые успѣхи по части географическихъ и топографическихъ работъ въ отечествѣ.

Первымъ зерномъ будущаго богатства Депо было полное собраніе собственныхъ Его Величества картъ и плановъ; сверхъ-того, государь Высочайше дозволилъ выбрать изъ картъ, хранящихся въ Эрмитажѣ. Высочайшимъ указомъ, 15 декабря 1798 года, повелѣно: «Въ пресѣченіе злоупотребленій, могущихъ произойти отъ напечатанія и изданія общихъ и частныхъ плановъ земель Россійской Имперіи, топографическія, крепостныя и всякаго рода карты, въ военномъ отношеніи, представлять предварительно на разсмотрѣніе Собственнаго Его Величества Депо Картъ.» Этимъ указомъ руководствуются до сего времени, и на изданіе какой бы то ни было карты или плана, должно, до представленія ихъ въ цензуру, получать дозволеніе Военно-Топографическаго Депо. Для лучшаго успѣха и увеличенія средствъ Депо Картъ, присоединенъ къ нему Географическій Департаментъ.

Такъ образовалось заведеніе, принесшее столько пользы отечеству. Въ первые пять лѣтъ своего существованія, до 1801 года, собрано было и приведено въ извѣстность много чертежей, картъ и плановъ, и издана въ 1799 году гравированная генеральная карта части Россіи, раздѣленная на губерніи и уѣзды, съ изображеніемъ почтовыхъ и другихъ главныхъ дорогъ. Кроме того, начата «Подробная карта Россіи», которая до сихъ-поръ еще употребляется. При этомъ нельзя не замѣтить, что приведеніе въ порядокъ и сводъ первоначальныхъ матеріаловъ «Подробной карты Россіи», было въ то время трудомъ весьма-немаловажнымъ. Въ 1798 г., начата съѣмка Россійской Финляндіи (нынѣшней Выборгской-Гу-

берн), подъ руководствомъ полковника (потомъ генерал-майора) Штейн-геля; хотя съемка эта для настоящаго времени неудовлетворительна, но ее должно считать въ Россіи началомъ точной и систематической съемки образовавшей много хорошихъ офицеровъ по этой части.

Депо Картъ помѣщалось въ это время въ нѣсколькихъ комнатахъ Зиняго Дворца Его Величества.

По назначеніи въ должность генерал-квартирмейстера инженер-генералъ Сухтелена, по особой довѣренности правительства, ввѣрено ему было управление и Собственнымъ Его Величества Депо Картъ, и тотчасъ же приняты необходимыя съемки по предѣламъ Австріи, Финляндіи и Эстляндіи.

Для пополненія же Депо новѣйшими планами и картами, Высочайше повелѣно (1802 г.): отпускать изъ Кабинета ежегодно по 1,000 червонцевъ. Отпускъ этой суммы положилъ основаніе богатѣйшему собранію картъ, плановъ и межуаровъ, хранящихся теперь въ Военно-Топографическомъ Депо. Во все управленіе графа Сухтелена, Депо Картъ дѣлательно занималось сочиненіемъ, незадолго передъ тѣмъ начатой, «Подробной Карты Россіи», известной нынѣ подъ названіемъ «столбовой». Но какъ подобныя большія съемки должны имѣть основаніемъ своимъ нѣсколько пунктовъ, которыхъ абсолютное положеніе на земномъ шарѣ определяется средствами астрономическими, то для изясненія этихъ средствъ офицерамъ квартирмейстерской части (въ 1802) былъ приглашенъ академикъ Шубертъ. Онъ издалъ книгу подъ названіемъ «Anleitung zur Bestimmung der Länge und Breite» (Руководство для Определенія Долготы и Широты). Книга эта два раза была переведена на русскій языкъ и имѣла по нѣскольку изданій, какъ на немецкомъ, такъ и на русскомъ языкахъ. Первые изъ офицеровъ были: обучавшіеся астрономіи у академика Шуберта, полковникъ Довро (нынѣ генералъ отъ инфантеріи), майоръ Фридрици (нынѣ генерал-лейтенантъ), капитанъ Нейдгартъ (нынѣ полковникъ), капитанъ Нейдгартъ 2, поручикъ Теслевъ (нынѣ генерал-майоръ), Теслевъ 2 (нынѣ генерал-лейтенантъ, вице-канцлеръ Александровскаго Университета), Гартингъ (бывшій генерал-квартирмейстеръ Главнаго Штаба Его Величества), Теннеръ (нынѣ генерал-лейтенантъ), Визанъ и Шубертъ 2 (нынѣ генерал-лейтенантъ, директоръ Военно-Топографическаго Депо и исправляющій должность генерал-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Величества). Академическіе курсы академика Шуберта, продолжавшіеся 20 лѣтъ непрерывно, положили прочное основаніе обширнѣйшимъ геодезическимъ и географическимъ работамъ въ Россіи. Умѣвъ въ 1804 году, Теслевъ 2 и Шубертъ 2—ученики его, астрономически опредѣлили съ совершеннымъ успѣхомъ широту и долготу Полоцка, также Сербобла, Повьяца, Оньги, Архангельска, Вытегры, Кемь, и Монастырскіи Соловецкаго и Никольскаго. Въ 1805 году, Теслевы 2 и 3 отправлены были для опредѣленія долготы и широты Новгорода, Новой-Ладоги, также крепостей Нейшлота и кирки Медугарин (въ Выборгской Губерніи). Въ 1806 году, Теслевъ 1 и Шубертъ 2 командированы были въ Нарву и Ревель; въ 1807 г., Теслевъ 2 и 3 и Вейраухъ, посланы были для астрономическихъ наблюденій въ Выборгъ, Гапсаль и Перновъ. Определеніемъ этихъ

пунктовъ ограничались на первый разъ работы для «столитовой карты», а топографическія съемки до 1810 года распространились по Финляндіи, восточнымъ губерніямъ, западнымъ границамъ, Кавказу, Грузіи и Киргиз-Кайсацкимъ Степямъ. Въ 1809 году, офицеры квартирмейстерской части составили планъ острова Корфу, также крѣпостей: Корфу, Св. Маврѳіа и Газты.

Въ 1810 году, Депю Карть поступило подъ вѣдѣніе военнаго министра, и начертаны опредѣленные обязанности его: «собираніе, составленіе и храненіе картъ и плановъ, чертежей о военныхъ дѣйствіяхъ, проектовъ и диспозицій наступательной войны и проч.»; а потому непремѣнными обязанностями Депю сдѣлались: астрономическія наблюденія и тригонометрическія съемки для сочиненія картъ большаго пространства; составленіе и черченіе картъ, какъ топографическихъ, такъ и географическихъ по лучшимъ подлинникамъ; составленіе исторіи географіи и топографіи Россіи; сочиненіе выписокъ для составленія военной исторіи Россіи; гравированіе и печатаніе картъ и плановъ.

Въ 1811 году, заведена механическая мастерская для приготовленія разнаго рода математическихъ, геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ.

Въ этотъ періодъ времени, до 1816 года, по части съемокъ исполнено немного, по причинѣ отечественной войны 1812 и послѣдующихъ годовъ; однакожь, сдѣлано топографическое и статистическое описаніе Кавказской Области и Ливіи съ картою этой страны; издано статистическое описаніе Киргизскихъ Степей съ картою и 15-ю видами; полковникъ Хатовъ съ 1812 по 1815 годъ продолжалъ съемку Новой-Финляндіи съ Аляндскими-Островами, начатую въ 1809 году; въ 1814 году совершенно окончена «Подробная Карта Россіи», состоящая изъ 100 листовъ. Во время пребыванія нашихъ войскъ во Франціи, произведена съемка кантонир-квартиръ 1-й арміи. Въ 1815 году, полковникъ Шубертъ снялъ части Департаментовъ Арденскаго и Марнскаго.

Въ 1816 году, Депю поступило въ составъ Главнаго Штаба Его Величества, и помѣщено въ домъ Главнаго Штаба, во время передѣлки котораго, съ 1819 по 1822 годъ, устроена въ немъ обсерваторія для астрономическихъ наблюденій и снабжена хорошими астрономическими инструментами, частью изъ механическаго заведенія Главнаго Штаба, но болѣею частью изъ Мюнхена работы лучшихъ художниковъ; изъ нихъ главнѣйшіе Рейхенбаха (изъ Мюнхена) пассажная труба въ 6 футовъ, универсальный инструментъ Эртеля, зрительная труба Фраунгофера въ 6 фут., тѣнные часы Луи Бертю, и много другихъ меньшаго значенія. Такимъ образомъ, Депю безпрестанно пріобрѣтало новыя средства, къ числу которыхъ принадлежатъ гравѣры, словоразы и заведеніе автографіи. Механическое заведеніе значительно увеличилось; въ вѣдѣніе его юншю—изготовлять всѣ математическіе, оптическіе и физическіе инструменты, нужные для съемокъ, снабжать во всякое время инструментальнѣйшій кабинетъ Главнаго Штаба; приготовлять мастеровъ для исправленія инструментовъ на самомъ мѣстѣ большихъ съемокъ, и наконецъ, изготовлять инструменты для всѣхъ казенныхъ мѣстъ за положенную цѣну.

Но главное обстоятельство, давшее вдругъ самобытность этому заведенію и упрочившее тѣ величайшіе, съ каждымъ годомъ умножающіеся способы, съ которыми вывѣче, въ одно и то же время, въ нѣсколькихъ мѣстахъ обширнаго нашего царства производятся съ большимъ успѣхомъ частныя государственныя измѣренія и съѣмки, гравированы многія карты, состоящи изъ большаго числа листовъ, — есть учрежденіе Корпуса Топографовъ, в 1822 году.

До этого времени, Депо не имѣло постоянного резервуара, изъ котораго бы выходили офицеры, для этой цѣли приготовленные; оно имѣло нужду въ пособіи офицеровъ квартирмейстерской части, инженернаго и другихъ ведомствъ.

Для исключительнаго приготовленія офицеровъ, свѣдущихъ въ геодезическихъ дѣйствіяхъ, учреждена въ Санктпетербургѣ Школа Топографовъ, въ которую разрѣшено принимать дѣтей дворянъ, обер-офицеровъ, художниковъ и купечества первыхъ двухъ гильдій. Заведеніе это содѣйствуетъ успѣшнѣйшему производству государственныхъ съѣмокъ.

Для доставленія возможности офицерамъ, желающимъ пріобрѣсти свѣдѣнія въ астрономіи, приглашенъ академикъ Струве, директоръ центральной обсерваторіи въ Пулковѣ, гдѣ теперь постоянно продолжается чтеніе курсовъ астрономіи офицерамъ Генеральнаго Штаба.

Надобно упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. При Депо совершается продажа изготовленныхъ картъ, плановъ, чертежей, инструментовъ и проч. Съ 1816 по 1834 годъ продано ихъ на сумму болѣе 420,000 рублей. Эта выручка показываетъ, что цѣль, предположенная Императоромъ Павломъ I, при учрежденіи его, была достигнута. Съ этого времени предпринято, исполнено и совершается столько геодезическихъ работъ, отгравировано и издано столько картъ и плановъ, что подробное описаніе ихъ составило бы порядочный томъ.

Въ 1826 году, генерал-лейтенантъ Шубертъ сочинилъ и издалъ для офицеровъ Корпуса Топографовъ «Руководство для Исчисленія Тригонометрической Съѣмки и Работъ Военно-Топографическаго Депо». Это весьма полезное сочиненіе привело въ одну систему и единообразіе всѣ геодезическія работы, производящіяся въ Генеральномъ Штабѣ. Кроме формулъ, таблицъ, употребляемыхъ при тригонометрическихъ измѣреніяхъ, и дрѣвилъ веденія журналовъ, оно заключаетъ въ себя полное собраніе астрономически-опредѣленныхъ мѣстъ Россійской-Имперіи.

Надобно сказать объ одномъ весьма-важномъ трудѣ, предпринятомъ и исполненномъ теперешнимъ директоромъ Военно-Топографическаго Депо, генерал-лейтенантомъ Шубертомъ, — это составленіе каталоговъ картъ, гравированныхъ доскамъ и инструментамъ, хранящихся въ Депо. Каталоги раздѣляются на общіе и частныя. *Общій Каталогъ Картъ*, состоящій (въ 1835 г.) изъ 18 томовъ, заключаетъ въ себя болѣе 31,000 номеровъ. Каждая карта, хотя бы состояла изъ ста листовъ и болѣе, записана подъ однимъ номеромъ, съ означеніемъ мѣста и года изданія, числа листовъ, масштаба и проч. *Частный каталогъ*, состоящій (въ 1834 г.) изъ 40 томовъ, заключаетъ въ себя болѣе подробностей и служитъ для удобнѣйшаго оты-

исканія и обозрѣнія картъ (*). *Каталогъ Мѣдныхъ Доскамъ*, состоитъ изъ 3,200 номеровъ. *Каталогъ собранія отпечатковъ всѣхъ разнородныхъ досокъ*, состоящій изъ 16 атласовъ. *Общій Каталогъ инструментовъ*, принадлежащихъ Военно-Топографическому Депо, состоящій (въ 1834 г.) изъ 5,400 номеровъ. Часть этихъ инструментовъ приобрѣтена покупкою изъ Мюнхена, Лондона, Париза и Дерпта.

Въ 1834 году, введена въ употребленіе при Военно-Топографическомъ Депо—металлографія. Станокъ и доски присланы въ подарокъ его величеству королемъ прусскимъ. Это изобрѣтеніе было извѣстно въ Россіи, дакоже, гораздо прежде; планъ елизаветопольскаго сраженія металлографировался въ 1826 г. Въ Пруссіи оно усовершенствовано особенно для перевода съ бумаги, на которой рисуется или пишется планъ или текстъ какимъ-либо тушью. Этотъ способъ имѣетъ много преимуществъ предъ литографіею, какъ по скорости оттисковъ, такъ по возможности съ одинакою истотою отпечатать большое число экземпляровъ, и особенно удобенъ при арміи въ военное время для напечатанія небольшихъ плановъ, диспозицій, приказовъ и проч.

Теперь сдѣлаемъ *краткій обзоръ главнѣйшихъ работамъ*, исполненнымъ и исполняющимся въ Военно-Топографическомъ Депо съ 1816 года по настоящее время; подробное обозрѣніе всего, по объему журнальной статьи, невозможно.

Геодезическія работы.

Всѣ астрономическія наблюденія, произведенныя по управленію Генеральнаго Штаба, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, могутъ быть раздѣлены на три отдѣла: одни служатъ основаніемъ большихъ тригонометрическихъ съѣтокъ перваго разряда, другіе произведены для полученія основательной съѣтки военныхъ съѣмокъ, и наконецъ послѣдніе, отчасти исполненные въ разныя времена, при различныхъ глазомѣрныхъ съемкахъ и рекогносцировкахъ. Перваго рода астрономическія наблюденія произведены были для опредѣленія мѣстъ при обширной тригонометрической съѣткѣ сѣверо-западныхъ губерній имперіи, и находятся въ тѣсной связи съ тригонометрическими съемками. Ко второму роду астрономическихъ предѣленій мѣстъ, принадлежатъ всѣ наблюденія въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Булгаріи, Румелии, Азіатской Турціи и Персіи, во время послѣдней турецкой и персидской войны произведенныя. Третій разрядъ астрономическихъ наблюденій заключаетъ въ себя всѣ опредѣленія широтъ и долготъ, произведенныя отдѣльно въ разныхъ мѣстахъ, въ экспедиціяхъ рекогносцировокъ, какъ то: во время посольства въ Персію, экспедиціи въ Аральскому Морю и тому подобныя. Послѣ предложенной выше таблицы географическаго положенія мѣстъ, считаю излишнимъ дѣлать здѣсь подробное исчисленіе; сверхъ-того, книга генерала Шуберта заключаетъ въ себя полное собраніе всѣхъ географическихъ мѣстъ въ имперіи.

Кромѣ опредѣленій географическаго положенія мѣстъ, произведенныхъ

(*). Эти два каталога назначены собственно для употребленія въ Военно-Топографическомъ Депо; но для удобнаго обозрѣнія всего богатства, хранящагося въ Военно-Топографическомъ Депо, изданъ составленный генераломъ Шубертомъ «Краткій Каталогъ», извлеченный изъ частнаго.

по управленію Генеральнаго Штаба, этимъ зависящихъ, какъ вы видѣли, многія лица, принадлежавшія Академіи Наукъ и университетамъ. Географическо-астрономическія работы начались у насъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія и продолжаютъ до-сихъ-поръ. Объ этомъ говорено выше.

а) **Большія государственныя тригонометрическія съемки.**

Работы, произведенныя подъ начальствомъ генерала Теннера.

1) *Тригонометрическая съемка Виленской-Губерніи.*

Она начата въ 1816 году, кончена въ 1821 году и содержитъ—3,240 треугольниковъ и 1.325 точекъ, следовательно, точно оградлено до 5,000 главныхъ пунктовъ; измѣрены три основныя линіи въ 9, 10 и 11 верстъ, определены были г. Теннеромъ астрономически нѣкоторыя пункты. Дерпскій профессоръ астрономіи Струве и виленскій обсерваторъ Глушевицъ, приняли участіе въ этихъ послѣднихъ занятіяхъ.

2) *Тригонометрическая съемка Курляндской-Губерніи.*

Она начата въ 1822 г., а окончена въ 1826 г. и содержитъ въ себѣ около 800 треугольниковъ и болѣе 400 точекъ, следовательно, 1,200 главныхъ определенныхъ пунктовъ. Измѣрены два основанія около $10\frac{1}{2}$ верстъ каждое. Для тригонометрической съемки Курляндіи, профессоръ Пауверъ съ помощію Генеральнаго Штаба капитана Гецеля, определялъ широту нитвской обсерваторіи.

3) *Тригонометрическая съемка Гродненской-Губерніи.*

Она начата въ 1825, кончена въ 1827 году; содержитъ до 1,100 треугольниковъ и до 600 точекъ; следовательно, до 1,700 главныхъ пунктовъ определено; измѣрено основаніе $10\frac{1}{2}$ верстъ и определена астрономически одна точка.

4) *Тригонометрическая съемка Минской-Губерніи.*

При ней находился полковникъ Гецель. Она начата въ 1830, кончена въ 1834 г. и содержитъ въ себѣ до 500 треугольниковъ и до 300 точекъ; следовательно, до 800 главныхъ пунктовъ. Вся сѣть вычислена по основанію гродненской съемки.

5) *Связь нѣкихъ геодезическихъ работъ съ прусскими близъ Полацка. Работы, произведенныя подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Шуберта.*

1) *Триангуляція Губерній: Санктпетербургской, Новгородской, Псковской и Витебской, съ 1820 по 1832 годъ.*

Въ 1820 году, полковнику Шуберту поручена была съемка Шлюссбургскаго-Узла, и вмѣстѣ съ топографическою работою надобно было составить для нея тригонометрическую сѣть и связать ее съ Петербургомъ.

Эта работа распространена была потомъ, и служила первымъ основаніемъ обширнымъ геодезическимъ работамъ, производившимся безпрестанно и до сего времени.

Для измѣренія базисовъ, въ Механическомъ Заведеніи Штаба приготовлены были жезлы особаго новѣйшаго устройства, о которыхъ было говорено выше, сличены въ Дерптѣ астрономомъ Струве съ жезлами, служившими ему при градусномъ его измѣреніи, также и съ жезлою генерала Теннера, употребленною при его измѣреніи.

Этимъ повѣреннымъ приборомъ измѣрены 4 основанія: два близъ По-

тербурга, одно на южномъ берегу озера Ильменя и одно въ Витебской-Губерніи. Это самое большое въ всѣхъ — низшее около $10\frac{1}{2}$ верстъ.

Вся триангуляція заключаетъ въ себя: 322 треугольника перваго разряда, 587 втораго и 1,025 третьяго, не включая въ это число треугольниковъ, определяющихъ вѣки, или знаки, для производства топографической съемки выставленные и не представляющіе твердыхъ, постоянныхъ точекъ. Для этой триангуляціи произведены были многія астрономическія наблюденія на всемъ пространствѣ съемки — на обсерваторіяхъ Академіи Наукъ и Генеральнаго Штаба, на островѣ Голландъ (въ Финскомъ-Заливѣ), въ Дудергофѣ, въ Псковѣ, Опочкѣ, Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ.

2. *Триангуляція отъ Могилева до Москвы, съ 1833—1835 годъ.*

По окончаніи описанныхъ работъ, по Высочайшему повелѣнію, поручено было генерал-лейтенанту Шуберту продолженіе тригонометрической сѣти черезъ Губерніи Могилевскую, Смоленскую и Московскую. Работы эти теперь кончены совершенно, но исчисленія по нимъ еще продолжаютъ. Въ 1833 году, измѣрены два основанія: одно близь Москвы, а другое въ окрестностяхъ Смоленска. Первое длиною слишкомъ 11 верстъ.

При этой съемкѣ исполнены были также многія астрономическія наблюденія для опредѣленія абсолютнаго положенія точекъ.

Къ этимъ исполненнымъ работамъ надобно присоединить въ послѣднее время начатую тригонометрическую съемку Кіевской Губерніи, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Теннера, и тригонометрическую съемку Калужской и Тульской Губерній, производимую подполковникомъ Обергомъ. Съемки эти, соединяясь съ триангуляціей сѣверо-западныхъ и остзейскихъ губерній, пройдутъ на югъ до Чернаго-Моря, куда пройдетъ и градусное измѣреніе меридіана для опредѣленія точной фигуры земнаго шара.

Кромѣ тригонометрическихъ работъ, производимыхъ по управленію Генеральнаго Штаба, надобно упомянуть о триангуляціи остзейскаго края академика Струве, гдѣ произведено имъ и градусное измѣреніе. Карта его работы съ отчетомъ представлена въ Академію Наукъ, но еще не обнародована.

6. *Большія государственныя топографическія съемки.*

1) Съемка Финляндіи генерал-майора Штейнгеля, масштабъ $\frac{1}{42000}$ (*). Съ 1798 по 1804 годъ, подъ руководствомъ полковника (потомъ генерал-майора) Штейнгеля, произведена топографическая съемка Финляндіи (нынешней Выборгской-Губерніи). Это первая точная и систематическая съемка въ Россіи, обрѣзовавшая много хорошихъ офицеровъ. Она состоитъ изъ 44 листовъ, заключающа въ себя около 36,000 квадрат. верстъ.

2) Съ 1813—1817 г. Съемка частей Улеборгской и Вазаской Губерній полковника Штегмана. Атласъ изъ 22 листовъ; масштабъ $\frac{1}{42000}$.

3) Въ 1816 году. Съемка Улеборгской-Губерніи, подпоручика Жихарева Атласъ изъ 19 листовъ.

(*) Знаменатель дроби означаетъ, во сколько разъ уменьшена и изображена на бумагѣ поверхность снимаемаго пространства. Число 42,000 показываетъ, что одна квадратная верста, содержащая въ себѣ 42,000 квадратныхъ дюймовъ поверхности земли, вмѣщена на одномъ квадратномъ дюймѣ бумаги. Слѣдовательно, если знаменатель менше, то это означаетъ, что съемка исполнена съ болѣею подробностью, и наоборотъ.

4) Въ 1817 году. Съемка Вазаской-Губерніи, его же. 11 листовъ; масштабъ $\frac{1}{24000}$.

Съемка найдена неудовлетворительною и потому съемка Вазаской-Губерніи исполнена вновь.

Пространство цѣлой съемки Штегмана заключаетъ въ себя до 60,000 квадр. верстѣ.

5) Съемка Новой-Фивлиадіи полковниковъ: Нейдгарта, Хатова, Черасова и Энгольма. Съемка эта начата въ 1809 году; въ-теченіе 24 лѣтъ по 1833 г. представлено 932 листа и вмѣщаетъ въ себя 150,000 квадр. верстѣ.

6) Съемка Эстляндской-Губерніи съ островами полковника Гарде въ 1803 и 1804 годахъ на 49 листахъ заключаетъ въ себя 16,500 квадр. верстѣ; масштабъ $\frac{1}{42000}$.

7) Съемка Волыни подъ начальствомъ генерал-майора Вистицкаго въ 1802, 1803, 1804 и 1805 гг.. болѣе 80 листовъ, заключаетъ въ себя до 50,000 квадр. верстѣ. Она снята астрелябіей и мензулою; масштабъ $\frac{1}{22000}$.

8) Съемка Подолія, Хаментовскаго; масштабъ $\frac{1}{42000}$. Въ 1802, 1803 и 1804. Пространства около 17,000.

9) Съемка Подолія, полковника Штегмана и Краузе, въ 1819, 20, 21 и 22 годахъ; масштабъ $\frac{1}{42000}$ листовъ 46; пространства около 21,000 квадр. верстѣ.

Съемки Подолія и Волыніи поверхностны и неудовлетворительны, включая съемки Краузе, которая исполнена совершенно-удовлетворительно.

10) Съемка Буджака (части Бессарабіи) полковника Карпиловича въ 1817, 18 и 19 годахъ. Листовъ 14; пространства 14,000 квадр. верстѣ; масштабъ $\frac{1}{42000}$.

11) Средняя часть Бессарабіи, съ 1822 по 1827 годъ, его же; 60 листовъ; масштабъ $\frac{1}{21000}$.

12) Сѣверная часть Бессарабіи, полковника Гедихива, и Фов-Руге; 80 листовъ; масштабъ $\frac{1}{21000}$. 28,000 верстѣ.

13) Съемка Хотинскаго-Округа, полковника Гелпхива въ 1827 г.; листъ 1, масштабъ $\frac{1}{21000}$; пространство около 4,800 кв. верстѣ.

Съемка Бессарабіи отличается особенною вѣрностью.

14) Съемка Сибирской Линіи въ 1820 и 1821 годахъ, по границамъ Тобольской Губерніи и кавказскихъ степей на пространство около 400 верстѣ въ длину и болѣе 125 верстѣ въ ширину; масштабъ $\frac{1}{24000}$.

15) Съемка Сибирской Линіи, подполковника Дьяконова, съ 1822 по 1825 годъ, отъ города Омска до границы Оренбургской-Губерніи, всего 42,000 кв. верстѣ. Кромѣ этихъ работъ, съ 1825 по 1833 годъ произведены топографическія работы во многихъ мѣстахъ Сибири; всего около 340,000 кв. верстѣ.

16) Съемка части Кіевской-Губерніи, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитана барона фон-дер-Ховена, съ 1825 по 1828 годъ, въ которомъ прекращена по случаю турецкой войны. Листовъ 50; масштабъ $\frac{1}{21000}$; пространства около 4,200 верстѣ. Основаніемъ этой съемки служила тригонометрическая сѣть, сдѣланная малымъ теодолитомъ.

17) Съемка Березины, генерал-майора Гартинга. Отъ мѣстечка Дебни-

на до мѣстечка Горвали, въ 1820 и 1821 гг. Листовъ 59, масштабъ $\frac{1}{16000}$; пространства около 3,600 верстѣ.

18) Топографическая съемка Виленской-Губерніи, генерала Теннера, съ 1819 во 1828 годъ. Листовъ 358; пространство этой губерніи, состоявшей тогда изъ 11 уѣздовъ, заключаетъ въ себя 57,518 $\frac{3}{4}$ кв. верстѣ. Масштабъ $\frac{1}{21000}$.

Эта съемка, равно какъ и съемки окрестностей Динабурга и Гродненской-Губерніи, основана на триангуляціи г. Теннера. Она — первая топографическая съемка, которая производилась на основаніи точной и строгой системы измѣреній, потому-что вся опредѣленія мензулою дѣлались по тригонометрическимъ точкамъ, на мензульные доски по своимъ квадратамъ нансеннымъ.

19) Съемка окрестностей Динабурга, г. Теннера, въ 1829 году. Листовъ 23; масштабъ $\frac{1}{21000}$; пространства 1,200 кв. верстѣ. Она служитъ дополненіемъ предъидущей.

20) Съемка Гродненской-Губерніи, полковниковъ Озерскаго, Яковлева и Рокосовскаго. Листовъ 224; масштабъ $\frac{1}{10000}$. Она начата въ 1827 году и два раза прекращалась по случаю турецкой войны.

21) Генерал-майоръ Шубертъ приступилъ къ топографической съемкѣ Санктпетербургской-Губерніи въ 1820 и окончилъ въ 1830 году. Она состоитъ изъ 526 листовъ; всего пространства 38,925 кв. верстѣ; масштабъ $\frac{1}{10000}$. Въ-теченіи 11 лѣтъ употреблено 291 инструментъ, следовательно, на каждый въ лѣто приходится около 134 кв. верстѣ. Съемка эта основана на триангуляціи генерал-майора Шуберта. Но масштабъ, вмѣсто 250 сажень въ дюймъ, принятъ 200. Черезъ это мензульные листы дѣлались $\frac{1}{8}$ болѣе. Улучшеніе мензулы и диоптреной ливейки подадо возможность самыя брѣшныя отдѣлывать гораздо-чпще.

22) Съемка Санктпетербурга, генерал-майора Шуберта, въ 1828 году. Листовъ 28; масштабъ $\frac{1}{4200}$ или 50 сажень въ англійскомъ дюймъ.

23) Тригонометрическая съемка и триангуляція части Московской-Губерніи, генерала Муравьева, съ 1818 по 1823 годъ. Листовъ 142; масштабъ $\frac{1}{21000}$; пространства 12,000 верстѣ.

24) Съемка по военнымъ мессеніямъ производилась въ экономическомъ отношеніи, въ Губерніяхъ Херсвской, Екатеринославской, Новгородской, Ярославской и Вологодской, съ 1821 по 1827 годъ.

Кромѣ показанныхъ здѣсь большихъ государственныхъ съемокъ, въ настоящее время производится во многихъ мѣстахъ Россіи топографическія съемки; но какъ инныя еще не приведены къ окончанію, а то и свѣдѣніа о нихъ еще не доставлены. Такъ производится съемки въ Финляндіи, Царствѣ-Польскомъ, въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ Земль-Войска Донскаго, на Кавказѣ, въ Грузіи, въ Оренбургскомъ-Краѣ, въ Сибири и другихъ мѣстахъ.

Предѣлы статьи не позволяютъ исчислить множества произведенныхъ отдѣльныхъ работъ, — небольшихъ съемокъ и рекогносцировокъ. Можно только упомянуть, что, кромѣ исполненныхъ въ предѣлахъ нашего отечества, многія были произведены за границею такъ, наиримѣръ: въ Корфу,

Турция, Персія, Киргизскихъ Степахъ, на Кавказѣ, въ Бухаріи, Хивѣ, Батъ, Монголіи и проч.

Въ 1815 году, полковникъ Шубертъ снялъ часть Департаментовъ Арденны и Марны, и планы городовъ Сен-Менсулда и Клерисона. Въ теченіе 1816, 17 и 18 годовъ, подъ начальствомъ полковника Шуберта, съта часть Франціи, занятая въ-продолженіе этого времени отдѣльнымъ корпусомъ російско-императорскихъ войскъ. Листовъ 31; масштабъ съемки $\frac{1}{42000}$; съемка крепостей $\frac{1}{2400}$. Съемка эта имѣла основаніемъ сътъ иностранной карты Франціи, Кассини.

Эго обозрѣніе достаточно показываешь, какъ усилены, распространены и безпрестанно распространяются дѣйствія Главнаго Штаба по части географическихъ и топографическихъ работъ (*).

А. ВАЩИННИКЪ.

(*) Къ числу новѣйшихъ и послѣднихъ предпріятій по части отечественной географіи Академіи Наукъ и Государственнаго Депо Картъ, принадлежитъ хронометрическая экспедиція нынѣшняго года, начатая въ маѣ астрономомъ центральной обсерваторіи подъ вѣдѣніемъ директора ея академика Струве, и другая тоже хронометрическая экспедиція, предпринятая съ Высочайшаго соизволенія генерал-лейтенантомъ Шубертомъ. Цѣль первой состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить съ математическою точностію долготу Пулковской Обсерваторіи въ-отношеніи Альтонской; для этого, въ теченіи года будетъ совершено десять путешествій изъ Пулкова въ Альтону и обратно; въ экспедиціи находится до ста лучшихъ хронометровъ; изъ нихъ около двадцати принадлежатъ Главному Штабу, другіе обсерваторіи нашей, и нѣкоторые иностраннымъ.

Съ такими средствами, успѣхъ экспедиціи можетъ считаться несомнѣннымъ. Но Струве, по званію члена Королевско-Ученаго Общества въ Лондонѣ, въ засѣданіи нашей Гринвичской Обсерваторіи отъ Альтонской, посредствомъ хронометрической же экспедиціи; тогда будетъ съ точностію назначена долгота Пулкова отъ Гринвича; изъ этого предпріятія состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть возможность издавать отъ центральной нашей обсерваторіи всѣ эфемериды (таблицы, которыя опредѣляютъ на каждый день мѣста на небѣ солнца, луны, планетъ и фундаментальныхъ звѣздъ, т. е. ихъ склоненія и прямое восхожденіе, или широту и долготу ихъ) и другія астрономическія таблицы; до-сихъ же поръ мы пользуемся эфемеридами гринвичскими и другихъ обсерваторій, а чтобъ пользоваться ими, надобно перечислять всѣ положенія мѣстъ свѣтилъ на меридіанѣ Пулкова, въ чемъ не будемъ имѣть нужды, когда будутъ издаваться таблицы на меридіану Пулкова, который и примется за первый. Цѣль предпріятія генерал-лейтенанта Шуберта имѣеть обширѣйшее назначеніе. Мы уже въ предъидущихъ статьяхъ старались объяснить, что какой бы способъ измѣренія принять ни былъ, все же должно быть основано на измѣреніи абсолютное опредѣленіе мѣстъ на землѣ по-средствомъ астрономіи: небольшія отдѣльныя страны могутъ довольствоваться опредѣленіемъ одного или немногихъ пунктовъ, но измѣреніе такой обширной страны, какъ Польша, простирающаяся на 30 градусовъ широты и на 190 долготы, не можетъ довольствоваться немногими опредѣленіями. Генерал-лейтенантъ Шубертъ, желая связать въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя измѣренія и съемки, совершенныя по управленіи Генеральнаго Штаба въ разныхъ краяхъ обширнаго нашего царства, и дать прочное основаніе лучшимъ измѣреніямъ, предпринялъ совершить хронометрическую экспедицію, составляющую рядъ фундаментальныхъ точекъ, которыхъ долгота должна быть опредѣлена по-средствомъ хронометровъ и астрономическаго опредѣленія времени съ совершенною точностію. За основаніе примѣется центральная Пулковская Обсерваторія и на первомъ изъ опредѣляемыхъ пунктовъ по направленію отъ Пулкова до Варшавы; отъ Пулкова до Москвы и отъ Москвы до Варшавы. Этотъ треугольникъ доставитъ рядъ фундаментальныхъ точекъ и пройдетъ черезъ всю измѣренную и измѣряемую страну послѣдующимъ составленіемъ самой правильной карты всей Западной Европейской Россіи, черезъ которую пройдетъ и градусное измѣреніе меридіана, — предпріятіе, съ котораго не только можно, но и одно въ этомъ родѣ изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ въ Европѣ разсѣянныхъ можетъ; имя знаменитаго геометра, котораго ученые труды и заслуги отечественной географіи и топографіи слѣшкомъ извѣстны каждому, ругается за успѣхъ предпріятія.

ВОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКО- ДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕН- НОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1843 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ.)

— Высочайше повелѣно: 1) По случаю присоединенія къ Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій строительной части въ Санктпетербургъ и Москвѣ—въ V-мъ (строительномъ) отдѣленіи Департамента Искусственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія, къ существующимъ столамъ прибавить еще одинъ столъ, и 2) въ учреждаемомъ столѣ, по примѣру прочихъ столовъ того же Департамента, имѣть одного столоначальника, двухъ его помощниковъ, одного старшаго и одного младшаго, трехъ канцелярскихъ служителей 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ, сравнивъ по содержанію и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ съ чиновниками и канцелярскими служителями Департамента тѣхъ же наименованій, отнеси требую для содержанія стола сумму на остаточныя суммы вѣдомства той сообщенія.

— Незаселенныя земли и акціи руссійскихъ торговыхъ обществъ разрѣшено принимать въ залогъ и по подрядамъ вѣдомства Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій на томъ же основаніи, какъ становлено правилами о залогахъ на питейные съ 1843 по 1847 годъ отъ па, но только собственно къ обезпеченію исправнаго выполненія подряда; при представленіи же ихъ залоговъ подъ задатки, выдаваемые подачикамъ, принимать ихъ и впредь въ той цѣнѣ, въ какой она доселѣ полагалась, и не иначе, какъ рубль за рубль, согласно тому, какъ это разрѣшено по Военному и другимъ Министерствамъ.

— Высочайше-разрѣшено опредѣлять при министрѣ внутреннихъ дѣлъ сменно пять чиновниковъ особыхъ порученій собственно къ наблюденію дѣлами городского хозяйства въ Санктпетербургѣ, съ отпускомъ, на содержаніе ихъ, по пяти тысячъ рублей серебромъ въ годъ, изъ городскихъ доходовъ здѣшней столицы, а сихъ чиновниковъ распределять по классамъ должностей, сообразно принятымъ для сего правиламъ. Они по должностямъ своимъ будутъ считаться: два въ VI-мъ и три въ VIII-мъ разрядъ.

— Въ Третьемъ Отдѣленіи Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ учрежденъ еще третій столъ для производства всѣхъ дѣлъ, относящихся до частныхъ золотыхъ промысловъ въ Сибири и на Уралѣ, обращающагося на оный, всего 3,158 руб. 19 коп. серебромъ въ годъ на счетъ четырехъ-рублевой подати, взимаемой съ фунта частнаго золота.

— Высочайше-повелѣно: 1) священно-и церковно-служителямъ прѣ всѣхъ казенныхъ и горныхъ заводахъ, кромѣ собственно-сибирскихъ, (къ коимъ дѣлается особое соображеніе, производить впредь, начиная съ 1-го мая сего года, вмѣсто получаемаго нынѣ жалованья, увеличенные оклады именно: протоіереемъ 210 руб., іереемъ 180 руб., діаконамъ 90 руб., прѣчетникамъ 48 руб. сереб., и прѣсвитерамъ 24 руб. серебромъ. 2) Сверхъ жалованья сего, производить отъ заводовъ, по мѣрѣ мѣстныхъ способностей священно-служителямъ пособіе помѣщеніемъ, отопленіемъ и покосами противу горныхъ чиновниковъ, а причетникамъ провіантъ противъ нижнихъ горныхъ чиновъ; и 3) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по штатамъ производится уже большее противъ означеннаго выше содержаніе, сохранить оное.

— Высочайше-соизволено предоставить Министерству Государственныхъ Имуществъ, по усмотрѣнію представляющейя надобности въ развитіи сбыта картофеля въ Сѣверной и Восточной Россіи, разрѣшать по мѣрѣ возможности въ увѣздахъ, особенно изобилующихъ лѣсами и неимвующихъ въ годнаго для оныхъ сбыта Губерній: Вятской, Костромской, Олонекской, Вологодской, Архангельской и Новгородской отпускъ казеннаго строеваго и дровянаго лѣса на устройство паточныхъ заводовъ, безъ взъисканія по пенныхъ денегъ, впредь до того времени, пока, по видамъ министерства можно будетъ прекратить сію мѣру.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА ПРАВЪ ИХЪ).

— Въ видахъ распространенія круга дѣйствій губернскихъ прокуроровъ и увѣздныхъ стряпчихъ въ Сибири, постановлено: 1) Прокуроры и стряпчи въ сибирскихъ губерніяхъ, областяхъ и округахъ, собственно въ отношеніи къ порядку и пространству надзора за дѣйствіями и рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, дѣйствуютъ отнынѣ впредь по силѣ общихъ о томъ законеній, для прокуроровъ и стряпчихъ въ прочихъ губерніяхъ и областяхъ изданныхъ. 2) Существующій порядокъ опредѣленія сибирскихъ прокуроровъ и областныхъ стряпчихъ и подчиненія ихъ главнымъ управленіямъ Сибири, равно какъ и сношеній ихъ съ разными степенями мѣстныхъ управленій остается на существующемъ нынѣ основаніи безъ всякаго измѣненія. 3) Замѣчанія и протесты губернскихъ прокуроровъ и областныхъ стряпчихъ, неуваженные подлежащими мѣстами, представляются отъ сихъ чиновниковъ, въ установленномъ порядкѣ, на разсмотрѣніе и разрѣшеніе главныхъ управленій Сибири. Если и совѣты сихъ управленій не знаютъ также означенные замѣчанія и протесты неуважительными, то они, вмѣстѣ съ оныхъ, равно какъ и съ разрѣшеній своихъ сообщаютъ въ разное время Министерству Юстиціи; объ исполненіи чего надлежащее заключеніе должно быть постановляемо въ самыхъ журналахъ.

— Касательно порядка выдачи свидѣній о справочныхъ цѣнахъ, постановлено: свидѣнія о справочныхъ цѣнахъ выдаются провіантскимъ и друхъ ведомствъ чиновникамъ отъ губернскаго начальства. Но въ случаѣ, истерпящихъ отлагательства, на-примръ, когда нужно удовлетворить своевременно воинскія команды деньгами на продовольствіе, означенныя цѣны могутъ быть объявляемы и начальствами уездными, не иначе, на-коже, какъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оныя представлены отъ ихъ начальнику губерній, и съ тѣмъ, чтобъ упомянутые выше чиновники, въ отчетахъ своихъ, показывали тогда, какъ самую выдачу по тѣмъ суммамъ денегъ, такъ и причины, воспрепятствовавшія просить на оныя вержденіе губернскаго начальства.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Высочайше-повелѣно: 1) предоставленній, приложеніемъ къ 526 ст. год. Свода Зак., т. III, о службѣ гражданской, членамъ Совета Мануфактурнаго и Коммерческаго, съ ихъ отдѣленіями въ столицахъ, мундиръ министерства Финансовъ VI-го разряда, когда они изъ чиновниковъ, не занимающихъ другихъ должностей, дозволить носить и членамъ оныхъ вѣтовъ съ отдѣленіями ихъ въ столицахъ, избираемымъ изъ купечева, когда они не состоятъ въ другихъ должностяхъ по службѣ. 2) Членамъ изъ купечества мануфактурныхъ комитетовъ, равно какъ губернскихъ отдѣленій Коммерческаго Совета, предоставить носить того же вѣмства мундиръ VII-го разряда; мануфактур-и коммерціи-корреспондентамъ предоставить право носить мундиръ того жъ вѣдства VIII-го разряда.

— Въ разрѣшеніе предположеній нѣкоторыхъ начальниковъ губерній на етъ служебныхъ занятій молодыхъ дворянъ, поступающихъ въ губернія присутственныя мѣста, Высочайше-повелѣно: 1) молодыхъ людей, редѣляемыхъ на три года въ губернскія мѣста, дозволить начальникамъ губерній командировать по своему усмотрѣнію къ опытнымъ чиновникамъ, назначаемымъ для производства слѣдствій, или для ревизій присутственныхъ мѣстъ и осмотра заведеній, или вообще для разныхъ мѣстныхъ поряженій. Во время ихъ командировокъ производить имъ выдачу прѣннихъ денегъ на разѣзды по общему положенію о командирѣмыхъ по тамъ службы чиновникахъ. 2) Въмѣнить симъ молодымъ людямъ въ обязанности, чтобъ они о занятіяхъ своихъ въ подобныхъ случаяхъ представили начальникамъ губерній особые отчеты или росписки, съ тѣмъ одожь, чтобъ отчеты сіи, какъ свидѣтельство упражненій ихъ въ дѣлоизводствахъ, оставались собственно у начальниковъ губерній и не придались къ дѣламъ слѣдственнымъ, или ревизіоннымъ и вообще къ дѣламъ тѣхъ чиновниковъ, къ комъ означенные молодые люди командованы были, и 3) предоставить начальникамъ губерній, отъ которыхъ исходятъ срочныя донесенія Его Императорскому Величеству о сихъ молодыхъ людяхъ, требовать ихъ по-очередно на испытаніе въ свои канцеляціи.

IV. Законы относительно состояній.

— Ремесленные старшины ходатайствовали о дозволении здѣшней Ремесленной Управы, при раскладкѣ за сей 1843 годъ податей съ иностранныхъ мастеровъ, распределять оныя не на три класса, какъ сіе постановлено 4 ст. Свод. Закон., т. V, о Подат., изъ коихъ первый облагается 43, второй 29 и третій 14 р. 50 к. серебромъ съ каждаго мастерства, а обложить мастеровъ, по соображенію состоянія ихъ, сколько каждому платить возмѣжно, начиная съ установленнаго вышшаго оклада по 43 р. сер. и постепенно до самаго меньшаго оклада, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ общая сумма сбора, слѣдующаго къ взносу въ казну со всѣхъ мастерствъ, равнялась сбору по 29 руб. съ мастерства, и чтобъ равномерно была обезпечена значенная по статьѣ 438 того устава добавочная плата на пополненіе государственнаго сбора на вспоможеніе мастерамъ. Министръ финансовъ, по предварительному сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, находитъ, что съ определеніемъ внутренней раскладки податей съ наличныхъ мастеровъ не по тремъ классамъ, какъ сіе определено первою изъ приведенныхъ статей, по мѣрѣ состоянія каждаго, сущность сей статьи не измѣнится, и общій со всѣхъ мастеровъ сборъ останется тотъ же, и будетъ равенъ установленному сбору по 29 руб. сер. съ каждаго мастера, и полагаясь самымъ возможнымъ допустить разложеніе податей по мѣрѣ состоянія каждаго мастера, подобно тому, какъ определена раскладка податей съ городскихъ и сельскихъ состояній, гдѣ общая сумма, слѣдующая въ казну на чуждыя души, разлагается самими обществами по мѣрѣ состоянія каждаго подъ наблюденіемъ непосредственныхъ ихъ начальствъ, входилъ о семъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ. Государь Императоръ 15 день марта, воспослѣдовавшее въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта мнѣніе о допущеніи, согласно представленію министра финансовъ измѣненія порядка внутренней раскладки податей съ иностранныхъ мастеровъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ, даномъ Правительствующему Сенату, изображенномъ съ вниманіемъ къ понесеннымъ жителями города Казани убыткамъ отъ бывшихъ тамъ въ минувшемъ году пожаровъ, признали Мы за полезное, въ представленію министра внутреннихъ дѣлъ, рассмотрѣнному въ Государственныхъ Министровъ, оказать тѣмъ жителямъ въ платежѣ гильдейскихъ взносовъ и подушной подати слѣдующія облегченія: 1) съ казанскихъ жителей всѣхъ трехъ гильдій, равно иногородныхъ, постоянно въ Казани живущихъ и собственные дома имѣющихъ, взимать въ-теченіе двухъ лѣтъ половину гильдейской повинности, въ казну поступающей. 2) Съ мѣщанъ и цеховыхъ взимать въ-продолженіе двухъ лѣтъ половину подушной подати, ту, которая оставалась на нихъ въ недомѣкъ по 1843 годъ, не взъясневъ и со счетовъ сложить, и 3) льготу сію распространить только на тѣхъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, которые состояли въ казанскомъ городскомъ обществѣ до 1-го октября 1842 года.

— Для отправленія рекрутской повинности натурою, помещикамъ, роднымъ братьямъ и сестрамъ, дозволено, по взаимному ихъ согласію а съ

кома казенной палаты соединять принадлежащія каждому изъ нихъ имѣнія въ одинъ участокъ съ такими селеніями, которыя состоятъ въ общинѣ и нераздѣльномъ ихъ владѣніи. Соединеніе сіе дозволено производиться только до объявленія набора; по объявленіи же, до окончанія оного, прерывается.

— Тѣмъ бессарабскимъ дворянамъ, которые владѣютъ въ прочихъ губерніяхъ или областяхъ Россіи недвижимыми населенными имѣніями, дозволено имѣть и въ Бессарабіи, для личной и дворовой услуги, но не для селенія на землѣ, дворовыхъ русскаго происхожденія людей; тѣмъ же изъ сихъ дворянъ, кои означенныхъ имѣній въ Россіи не имѣютъ, по части дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли и владѣніе оными, на основаніи общаго по сему предмету закона, воспрещена.

— Въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: всѣ лица, вышедшія изъ Молдавіи послѣ 1812 года и отнынѣ впредь оттуда выходящія, къ какому бы они званію тамъ ни принадлежали, принимаютъ въ подданство Россіи и причисляются въ избранное ими состояніе не иначе, какъ на общихъ объ иностранцахъ правахъ безъ всякихъ особыхъ извѣстій. *Примѣчаніе.* Тѣ изъ вышедшихъ послѣ 1812 года изъ Молдавіи лицъ, кои, по представленнымъ ими документамъ и по положенію Бессарабскаго Областнаго Правленія, причислены уже дониндѣ окончательно къ привилегированнымъ званіямъ: бояринашсѣй, назывовъ и рупташсѣй, оставляются въ ихъ званіяхъ и на будущее время, съ представленіемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, коими, по означеннымъ званіямъ, пользуются коренные жители Бессарабской-Области.

V. Законы гражданскіе.

— При разрѣшеніи дѣла о дворянствѣ рода Болтуть-Гилевичей представилась необходимость опредѣлить правила о розыскавіи дѣйствительности копій и выписей въ случаѣ утраты актовыхъ книгъ, изъ коихъ онѣ выданы. Посему постановлено: производство розыскавіи о подлинности подписей лицъ, засвидѣтельствовавшихъ копіи, предоставить, слѣдуя указанному въ законѣ общему порядку удостовѣренія въ дѣйствительности письменныхъ доказательствъ (Свод. Закон., т. X, ст. 1768—1770 и т. XV ст. 935) гражданскимъ палатамъ, возложивъ имъ въ обязанность, чтобы онѣ, для убѣжденія въ подлинности подписей, сличали оныя, установленнымъ порядкомъ, чрезъ секретарей, съ надписями тѣхъ же лицъ на другихъ документахъ, требуя сіи послѣдніе: или изъ ревизіонныхъ комиссій и депутатскихъ собраній, или изъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, въ составъ коихъ находились подписавшіяся на упомянутыхъ копіяхъ лица. Если же подпись на копіяхъ, по надлежащемъ сличеніи, окажется сомнительною, или сличить ихъ будетъ не съ чѣмъ,—въ такомъ случаѣ требовать отъ просителей, сообразно положенію Государственнаго Совѣта 1-го іюля 1838 г., другія доказательства.

— По предмету владѣнія жителями Имеретіи и Гуріи, къ сословію крестьянъ принадлежащими, крепостными людьми, поручено главноупра-

вляющему закавказскимъ краемъ предписать Грузино-Имеретинской Гражданской Палатѣ и Кутаискому Узланому Суду руководствоваться слѣдующими правилами: 1) если при судебномъ разбирательствѣ какого-либо дѣла, окажется, что во владѣніи крестьянъ, несомнѣнно къ сословію принадлежащихъ, состоятъ крѣпостные люди, то немедленно обязывать крестьянъ ихъ: или продать тѣхъ людей лицамъ, крѣпостное право имѣющимъ, или отпустить ихъ по добровольному съ ними условію, на волю 2) для продажи или увольненія крѣпостныхъ людей назначить восемь-двѣнадцатидневный со дня судебного опредѣленія срокъ, и 3) никакихъ сдѣлокъ между крестьянами на продажу или покупку, или по другимъ какимъ-либо видамъ пріобрѣтенія крѣпостныхъ людей къ засвидѣтельствуванію не принимать.

— Совершеніе крѣпостныхъ разнаго рода въ Узздахъ Кутаискомъ Гурійскомъ Грузино-Имеретинской Губерніи, повелѣно установить въ правилахъ въ X т. Свод. Зак. Гражд. изложенныхъ, согласно тому, какъ это, по силѣ указовъ Правительствующаго Сената отъ 26-го января 1839-го апрѣля 1836 и 9-го октября 1841 года дѣлается во всѣхъ прочихъ узздахъ той губерніи.

— Въ городѣ Одессѣ разрѣшенъ пріемъ каменныхъ магазиновъ въ залоги по всѣмъ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, наравнѣ съ каменными домами и лавками этого города и на точномъ основаніи существующихъ для нихъ послѣднихъ правилъ, не распространяя впрочемъ сего права на откупа настоящаго четырехлѣтія.

VI. Законы уголовные и рекрутскіе.

— Въ разрѣшеніе вопроса: могутъ ли за прописныя по ревизіи души, мѣрами правительства открытыя, виновные въ томъ общества и помещики освобождены быть отъ ответственности и взысканія, силою первой ст. манифеста 16-го апрѣля 1841 года, постановлено, что виновные въ пропускѣ по ревизіи душъ отъ личнаго по суду наказанія освобождаются силою первой статьи Всемилостивѣйшаго манифеста; но наложенный на нихъ или къ вложенію слѣдующій по силѣ 65 и 69 пунк. прилож. къ 1010 ст. IX т. Свод. Уст. о Рев. штрафъ не слагается и долженъ быть взыскиваемъ тѣмъ же порядкомъ, какой въ 83 пунктѣ того же приложенія установленъ; двойныя же за нимъ подати должны быть взыскиваемы съ 1840 года, а за прежнее время въ одинаковомъ окладѣ.

— Въ дополненіе къ подлежащимъ статьямъ Свода Законовъ постановлено: рабочіе изъ ссыльнопоселенныхъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ за смертоубійства и другія тяжкія преступленія, подвергающія виновныхъ, по общимъ законамъ, торговой казни, предаются военному суду, который производится надъ ними въ тѣхъ же военносудныхъ мѣстностяхъ, гдѣ они судятся за похищеніе и переводъ съ промысловъ золота и за сопротивленіе установленнымъ властямъ; приговоры о нихъ озвучиваются комиссіей представляются, чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, и ревизію и утвержденіе генерал-губернатора Восточной Сибири, по должности.

— Въ разрѣшеніе вопроса, распространяются ли Высочайше-утвержденныя 4-го іюля 1841 года дополнителныя правила о гербовомъ сборѣ на пелляціонныя жалобы по дѣламъ уголовнымъ, постановлено, что существующій порядокъ о взиманіи въ казну 12 рублей ассигнаціямъ (по переюженію на серебро 3 руб. 60 коп.), при подачѣ отзыва остается, въ своей силѣ; самыя же отзывы по дѣламъ уголовнымъ и слѣдственнымъ должны быть писаны на гербовой бумагѣ въ низшія инстанціи въ 15 коп., и въ уголовныя палаты по 60 коп. сер., разумѣя въ семъ послѣднемъ случаѣ только первый листъ, потому-что на остальные, если бы для просьбы нужно было болѣе одного листа, должно употреблять бумагу въ 30 коп. сереб., что соблюдать и при подачѣ въ дозволенныхъ случаяхъ отзыва на приговоръ судебнаго мѣста первой инстанціи прямо во вторую.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АПРѢЛЬ 1843 ГОДА.

— Уже три года какъ совершилось одно изъ самыхъ блистательныхъ событій нынѣшняго царствованія. Древнее христіанское православіе осыпало весь западный край отечества, и единокровныя братія наши возвратились въ наши объятія: двѣ, такъ-называвшіяся греко-унитскія епархіи, на протяженіи девяти губерній, 32 иноческія обители, 1200 приходовъ, болѣе 2000 церквей, свыше 4000 лицъ духовнаго званія и два милліона тамошняго кореннаго, искони-русскаго народа составили законное пріобрѣтеніе ихъ истинной прародительской церкви, и на мѣстахъ, обитаемыхъ ими, рѣшилась вѣковая задача: должна ли Русь, должна ли церковь ея терять что-либо отъ своего древняго достоянія.

Сообщаемъ описаніе медали, выбитой, по Высочайшему повелѣнію, въ память знаменитаго событія. Одна сторона ея представляетъ нерукотворенный образъ Спасителя, какъ единаго истиннаго Главы единыя истинныя церкви; вокругъ надпись: «такова вѣмъ первосвященника» (Евр. VIII, 1); внизу: «отторгнутые насильемъ (1596) возсозданы любовію (1839)». На другой сторонѣ животворящій крестъ Господень въ лучезарномъ сіяніи; по сторонамъ его надпись: «Торжество Православія», а внизу: «25-го марта 1839», день утвержденія доклада Святѣйшаго Синода, по прошенію бывшихъ уніатскихъ епископовъ и духовенства о пріятіи ихъ, вмѣстѣ съ паствою, въ общеніе съ православнокаеоліческою восточною церковію и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской.

Торговля.—Въ-слѣдствіе взаимнаго соглашенія Государя Императора ея величества королевы соединеннаго Королевства Великобританскаго Ирландскаго, обоюдными полномочными державъ заключенъ и подписанъ въ Санктпетербургѣ, декабря 30-го 1842 года (января одиннадцатаго сего года) трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи. *Статья I.* Суда и подданнымъ обихъ высокихъ договаривающихся державъ будетъ предоставлена взаимная свобода мореплаванія и торговли во всѣхъ частяхъ обоюдныхъ ихъ владній, гдѣ мореплаваніе и торговля нынѣ дозволены, или на будущее время будутъ дозволены подданнымъ и судамъ какой-либо другой націи. *Ст. II.* Со дня разныя ратификацій нашего трактата, англійскія суда, входящія въ порты Его Величества Императора Всероссийскаго, или отходящія изъ оныхъ, и русскія суда, входящія въ порты соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и во всѣ прочіе порты владній ея великобританскаго величества, или отходящія изъ оныхъ, не будутъ подлежать никакимъ инымъ пошлинамъ или повинностямъ, подъ какою бы то названіемъ ни было, какъ только такимъ же, какія существуютъ нынѣ, или впредь будутъ постановлены для туземныхъ судовъ, при вхождѣ ихъ или при выходѣ изъ тѣхъ портовъ. *Ст. III.* Въ уваженіе того, что англійскія суда, приходящія прямо изъ другихъ земель, непринадлежащихъ высокимъ договаривающимся странамъ, допускаются съ ихъ грузами въ порты Россійской Имперіи, безъ платежа какихъ-либо иныхъ пошлинъ, кромѣ только такихъ же, какія взимаются съ судовъ русскія, и въ уваженіе тѣхъ выгодъ, которыя въ семъ отношеніи предлежанъ трактатомъ предоставлены именнo англійской торговлѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи, постановляется, что со дня разныя ратификацій сего трактата, русскія суда, приходящія отъ устьевъ Вислы, Немана или всякой другой большой рѣки, въ которую впадаетъ кака-либо судоплавающая рѣка, имѣющая истокъ свой во владніяхъ Его Величества Императора Всероссийскаго, или протекающая чрезъ тѣ владнія, будутъ допускаемы съ ихъ грузами въ порты соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и всѣхъ владній ея британскаго величества точно такимъ же образомъ, какъ-бы суда сіи приходили изъ портовъ русскія и финляндскія, пользуясь всеми преимуществами и льготами, установленными въ настоящемъ трактатѣ о мореплаваніи и торговлѣ. Равнымъ образомъ, русскія суда, отправляемыя изъ какого-либо порта Великобританіи или британскихъ владній къ устью вышепоименованныхъ большихъ рѣкъ, будутъ допускаемы какъ-будто бы они возвращались въ какою-либо изъ портовъ Россійской Имперіи или Великаго Княжества Финляндіи. Разумѣется, однако, что таковыми преимуществами будутъ пользоваться русскія суда и грузы ихъ относительно мѣстъ, лежащихъ при устьяхъ вышепоименованныхъ большихъ рѣкъ, до того только времени, пока и британскія суда съ ихъ грузами будутъ допускаемы въ тѣхъ мѣстахъ по прибытіи и отплытію, одинакимъ образомъ, какъ и суда русскія.

Статья IV. Вся произведенія почвы, промышленности и художества властей и владній Его Величества Императора Всероссийскаго, не исключая и тѣхъ произведеній, кои можно вывозить по большимъ или другимъ

рѣкамъ, означеннымъ въ предъидущей статьѣ, и которыя можно привозить въ порты соединеннаго королевства и владѣнія ея великобританскаго величества, а равнымъ образомъ вся произведенія почвы, промышленности и художествъ соединеннаго королевства и владѣній ея великобританскаго величества, которыя можно привозить въ порты Его Величества Императора Всероссійскаго, будутъ пользоваться взаимно во всѣхъ отношеніяхъ равными преимуществами и льготами, и могутъ быть привозимы и отвозимы совершенно-равнымъ образомъ на судахъ какъ той, такъ и другой изъ двухъ высокихъ договаривающихся сторонъ.

Статья V. Вся предметы, которые не суть произведенія почвы, промышленности и художествъ обоюдныхъ государствъ и ихъ владѣній, и которые могутъ быть законнымъ образомъ привозимы изъ портовъ Его Величества Императора Всероссійскаго, а также съ тѣхъ большихъ и другихъ рѣкъ, о которыхъ упомянуто въ статьѣ III, въ порты соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и всѣхъ владѣній ея британскаго величества, на россійскихъ судахъ, будутъ подлежать только такимъ пошлинамъ, которыя слѣдовало бы заплатить за такіе же предметы, еслибъ они были привезены на англійскихъ судахъ. Равнымъ образомъ, вся предметы, которые не суть произведенія почвы, промышленности и художествъ обоюдныхъ государствъ и ихъ владѣній, и которые можно законнымъ образомъ привозить изъ портовъ соединеннаго королевства и всѣхъ владѣній ея британскаго величества въ порты Его Величества Императора Всероссійскаго, на англійскихъ судахъ, будутъ подлежать только такимъ пошлинамъ, которыя слѣдовало бы заплатить за такіе же предметы, еслибъ они были привезены на россійскихъ судахъ. Ея британское величество предоставляетъ симъ трактатомъ россійской торговлѣ и мореходству вся выгоды и преимущества мореплаванія и торговли, кои имъ пользуются нынѣ или будутъ пользоваться на будущее время, по силѣ существующихъ законовъ и актовъ парламента, или по установленіямъ совѣта, или по трактатамъ вся наиболее-благопріятствуемая нація.

Статья VI. Вся товары и предметы, которые, по постановленіямъ сего трактата или по существующимъ узаконеніямъ и учрежденіямъ въ обоюдныхъ государствахъ, могутъ законнымъ образомъ быть ввозимы въ области и владѣнія высокихъ договаривающихся сторонъ, или вывозимы изъ сихъ областей и владѣній подъ россійскимъ или англійскимъ флагомъ, будутъ равно подлежать одинаковымъ пошлинамъ, какъ бы оныя привезены ни были, на судахъ ли другаго изъ двухъ государствъ, или на судахъ туземныхъ, и всѣмъ товарамъ и предметамъ торговли, коихъ вывозъ изъ портовъ обоихъ государствъ законно дозволенъ, будутъ дарованы тѣ же преміи, возвраты пошлинъ и выгоды, какъ бы таковой вывозъ ни производился на судахъ того или другаго государства.

Статья VII. Вся товары и предметы торговые, которые будутъ привезены, отданы на сохраненіе, или сложены въ пакгаузы, въ портахъ областей и владѣній высокихъ договаривающихся сторонъ, будутъ подлежать, въ-продолженіе всего складочнаго времени, одинаковымъ постановленіямъ, условіямъ и пошлинамъ, какъ бы оныя привезены ни были, на россійскихъ или на англійскихъ судахъ, а равно и обратный вывозъ сихъ то-

варовъ или торговыхъ предметовъ будетъ производиться такимъ же образомъ и подлежать одинаковымъ же пошлинамъ, какъ бы они вывозимы ни были, на російскихъ или на английскихъ судахъ.

Статья VIII. Никакого предпочтенія, прямо или непосредственно, ни со стороны того или другаго изъ двухъ правительствъ, ни со стороны какой-либо компаніи, общества или агента, дѣйствующаго ихъ именемъ, или по ихъ приказу, не будетъ оказываемо при покупкѣ какого бы то ни было произведенія почвы, промышленности или художествъ того или другаго изъ двухъ государствъ и его владѣній, привезеннаго въ порты другаго государства, по причинѣ національности того султанна, на которомъ привезено такое произведеніе, ибо непремѣнное намѣреніе обѣихъ договаривающихся сторонъ есть то, чтобъ въ семъ отношеніи не было допускаемо никакого неравенства или различія.

Статья IX. Относительно торговли російскихъ судовъ, которая производится будетъ съ английскими владѣніями въ Восточной Индіи, ея британское величество соглашается даровать подданнымъ Его Величества Императора Всероссійскаго всѣ тѣ выгоды и преимущества, которыми пользуются нынѣ или будутъ пользоваться впредь, въ-слѣдствіе всякаго трактата или какого-либо парламентскаго акта, подданные или граждане наиболее-благопріятствуемой націи, подчиняясь тѣмъ же законамъ, правиламъ, уставамъ и ограниченіямъ, которые нынѣ существуютъ или впредь могутъ относиться до судовъ и подданныхъ всякаго другаго государства, пользующагося тѣми же выгодами и преимуществами въ производствѣ торговли съ вышереченными владѣніями.

Статья X. Постановленія настоящаго трактата не относятся къ прибрежной (каботажной) торговлѣ между туземными портами той или другою изъ договаривающихся сторонъ, производимой парусными судами или пароходами другою, во всемъ, что касается до перевозки пассажировъ, товаровъ или другихъ торговыхъ предметовъ, ибо сія торговля предоставляется исключительно судамъ туземнымъ.

Статья XI. По силѣ сего трактата, суда и подданные обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ пользоваться взаимно въ портахъ обоюдныхъ государствъ и ихъ владѣній, всеми выгодами, льготами и преимуществами, каковыми нынѣ пользуются по торговлѣ и мореплаванію наиболее-благопріятствуемая націи; ибо таково есть намѣреніе, чтобы въ соединенномъ королевствѣ и владѣніяхъ британскихъ для російскихъ судовъ и подданныхъ были обезпечены вполне и совершенно всѣ тѣ выгоды по торговлѣ и мореплаванію, какія по существующимъ законамъ и актамъ парламента, по установленіямъ совѣта, или по трактатамъ, иностраннымъ державамъ предоставлены или впредь будутъ предоставлены, а равнымъ образомъ, суда и подданные великобританскіе будутъ пользоваться въ портахъ областей и владѣній Его Величества Императора Всероссійскаго вполне и совершенно всеми выгодами, какія по мореплаванію и торговлѣ существующими законами, учрежденіями, постановленіями или трактатами иностраннымъ державамъ уже предоставлены, или которые впредь могутъ быть дарованы. И Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій и королева соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи

обязываются взаимно не допускать, относительно торговли и мореплавания, ни какихъ такихъ выгодъ, преимуществъ и льготъ въ пользу подданныхъ или гражданъ какого-либо другаго государства, которыя въ то же время не были бы дарованы подданнымъ другой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ безвозмездно, если выгоды, предоставленныя въ пользу другаго государства, были безвозмездныя, или же назначать, поелику можно будетъ, такое же вознагражденіе или уравненіе, если дарованныя выгоды имѣютъ быть условныя.

Статья XII. Разумѣется, что относительно торговли и мореплавания въ россійскихъ владѣніяхъ на сѣверо-западномъ берегу Америки, конвенція, заключенная въ Санктпетербургѣ 16-го (28) февраля 1825 года, остается въ своей силѣ.

Статья XIII. Всякое россійское или британское судно, которое отъ бури, или по какому-либо случаю принуждено будетъ искать убѣжища въ портахъ той или другой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, можетъ свободно тамъ починиваться, запасаться всѣми для него потребностями и снова отходить въ море, не платя никакихъ другихъ пошлинъ, кроме портовыхъ и маячныхъ, точно такихъ же, какія платятъ суда туземныя.

Однако же, если кораблекозяинъ такого судна найдется въ необходимости продать часть своихъ товаровъ для покрытія своихъ издержекъ, то онъ обязанъ въ такомъ случаѣ сообразоваться съ постановленіями и тарифами того мѣста, куда онъ присталъ.

Если случится кораблекрушеніе въ какомъ-либо мѣстѣ, принадлежащемъ той или другой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, то не токмо будетъ подана всякая помощь людямъ, претерпѣвшимъ кораблекрушеніе, но еще, сверхъ того, всѣ товары и другія вещи, ими брошенныя въ море, или которыя будутъ спасены, не могутъ быть секвестрованы или задержаны подъ какимъ бы то предлогомъ ни было. Таковыя вещи и товары будутъ, напротивъ, сберегаемы и выдаваемы обратно по уплатѣ такой же перемной пошлины (*tax de sauvetage*) и такихъ же таможенныхъ и другихъ пошлинъ, какія заплатилъ бы въ подобномъ случаѣ туземныя суда. Въ томъ и другомъ случаѣ, то-есть, вынужденнаго входа въ портъ или кораблекрушенія, обоюдные консулы, вице-консулы или коммерческіе агенты будутъ въ правѣ ходатайствовать объ оказаніи нужной помощи въ пользу своихъ соотечественниковъ.

Статья XIV. Консуламъ, вице-консуламъ или коммерческимъ агентамъ каждой изъ двухъ договаривающихся высокихъ сторонъ, пребывающихъ во владѣніяхъ другой стороны, мѣстныя начальства будутъ оказывать всякое, какое только можно оказать имъ, законное содѣйствіе для выдачи де-зертировъ, какъ съ военныхъ, такъ и съ торговыхъ судовъ обоюдныхъ государствъ.

Статья XV. Настоящій трактатъ будетъ имѣть силу и дѣйствіе въ продолженіе десяти лѣтъ, считая со дня размѣна ратификацій, и сверхъ сего срока еще въ продолженіе двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ объявленія одною изъ двухъ высокихъ договаривающихся сторонъ другой о намѣреніи своимъ прекратить дѣйствіе сего трактата; каждая изъ двухъ высокихъ

договаривающихся сторонъ предоставляетъ себя право объявить о томъ другой сторонѣ по истеченіи первыхъ десяти лѣтъ; и симъ согласеносъ между ими, что по мннованіи двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ такого объявленія, полученнаго одною изъ высокихъ договаривающихся сторонъ отъ другой, всѣ обязательства по сему трактату и заключающимся въ немъ постановленіямъ для обѣихъ сторонъ прекращаются.

Въ двухъ сепаратныхъ статьяхъ изображено :

Статья сепаратная I. Такъ-какъ торговля сношенія Россіи съ королевствами Швеціею и Норвегіею учреждены посредствомъ особенныхъ постановленій, кои могутъ быть возобновлены въ послѣдствіи и не имѣютъ связи съ существующими вообще для иностранной торговли учрежденіями, тѣ обѣ высокія договаривающіяся стороны, желая устранить отъ своихъ взаимныхъ торговыхъ сношеній всякое недоразумѣніе или поводъ къ сору, согласились, что сіи особенныя постановленія, дарованныя шведской и норвежской торговлѣ въ замѣнъ равныхъ выгодъ, предоставленныхъ въ тѣхъ земляхъ торговлѣ Великаго Княжества Финляндскаго, не могутъ ни въ какомъ случаѣ относиться до торговыхъ и мореходныхъ сношеній, установленныхъ между двумя высокими договаривающимися сторонами настоящимъ трактатомъ.

Статья сепаратная II. Равнымъ образомъ разумется, что не будетъ считаться нарушеніемъ правила взаимности, составляющаго основаніе сегодняшняго трактата, низсозначенныя изъятія льготы и привилегіи, и именно:

1) Льгота, кою пользуются суда, построенныя въ Россіи и принадлежащія російскимъ подданнымъ, которыя освобождаются въ-продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ отъ корабельныхъ сборовъ.

2) Льготы того же рода, дарованныя въ російскихъ портахъ Чернаго-Моря, Азовскаго-Моря и Дуная, турецкимъ судамъ, приходящимъ изъ портовъ Оттоманской-Имперіи, лежащихъ на берегахъ Чернаго-Моря и не превышающимъ восьмидесяти тастовъ груза.

3) Данное приморскимъ жителямъ Архангельской-Губерніи дозволеніе привозить безошливно, или съ платежемъ умѣренной пошлины въ порты сей губерніи, сушеную или соленую рыбу, а также некотораго рода масла и вывозить такимъ же образомъ хлѣбъ, веревки, снасти, деготь и руды.

4) Привилегія Россійско-Американской Компаніи.

5) Привилегія любской и гаврской компаній пароходства; наконецъ —

6) Льготы, дарованныя въ Россіи разнымъ англійскимъ компаніямъ, известнымъ подъ названіемъ: «Клубы Яхтъ» (Yacht Clubs).

Искусства и промышленность.—Новый способъ, изобрѣтенный г. лейтенантомъ Рамстетомъ; поднимать, посредствомъ электро-гальваническаго прибора, чугуныя и желѣзныя тяжести на всякой глубинѣ, возбуждалъ любопытство многихъ. 23-го марта произведенъ былъ на Невѣ, противъ Новаго-Адмиралтейства, опытъ сему открытію. Г. Рамстеть подналъ, въ двадцать минутъ времени, якорь, весомъ въ тридцать пудовъ, и съ нимъ желѣзную цѣпь въ пятнадцать пудовъ. Способъ г. Рамстета, для отыска-

нія металловъ на днѣ водъ, есть слѣдующій: въ шлюбку ставится особаго рода электро-гальваническій приборъ, отъ котораго опускаются, до самаго дна, два проводочные проводника; такимъ образомъ, развѣзая на шлюбку по изъсту, гдѣ предполагается затонувшій металлъ, надо держать постоянно два пальца на двухъ металлическихъ точкахъ прибора; тогда рука чувствуетъ непрестанные легкіе удары электро-гальванизма; но едва концы опущенныхъ проводниковъ коснутся какого-либо металла, удары тотчасъ прекращаются, и симъ указывается присутствіе онаго на днѣ. Но чтобы узнать, какого рода этотъ металлъ, опускается для сего въ воду, на веревкѣ, искусственный магнитъ, получающій свою дѣйствительную силу отъ электро-гальванической батарее; если магнитъ прильнетъ къ лежащей на днѣ вещь, значитъ, она желѣзная или чугунная, и тогда, на какой бы глубинѣ она ни лежала, поднимаютъ ее особо-устроеннымъ аппаратомъ; если же магнитъ не будетъ имѣть своего дѣйствія, значитъ, лежащая на днѣ вещь мѣдная или другаго какого-нибудь металла. Тогда, смотря по глубинѣ, добывается она изъ воды другими, обыкновенно-употребляемыми средствами. Важнѣйшая польза сего изобрѣтенія есть безошибочное отысканіе всякаго металла и на всякой глубинѣ, а слѣдственно и результаты сего открытія очевидны.

— Казанскій мѣщанинъ Левъ Бурлаковъ, управляющій золотыми промыслами наследниковъ Попова, въ Томской-Губерніи, изобрѣлъ золотопромывательную машину новаго устройства, которая одобрена Ученымъ Комитетомъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ, и сверхъ-того, по причинѣ болѣе-полезнаго дѣйствія, сравнительно съ прежними золотопромывательными машинами и меньшихъ расходовъ на устройство ея, вводится въ употребленіе и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Алтайскаго-Горнаго Округа.

— Выдана привилегія новоторжскому купеческому брату Ивану Красноперову, на изобрѣтенную имъ самовѣйку для очищенія манной крупки. Изобрѣтатель, объясняя преимущества этой самовѣйки, выводитъ, что отъ устройства ея можетъ поступить въ пользу содержателя мельницы о 10 поставкахъ чистой прибыли болѣе 15,000 руб. асс. въ годъ. Если же изъ сей суммы вычестъ издержки на устройство и постановку самовѣйки, протирающіяся одновременно до 2,200 руб. асс., то содержатель мельницы, даже въ первый годъ, получитъ прибыли не менѣе 13,000 руб. асс., тогда какъ упомянутая машина по легкости своего хода и при надлежащемъ устройствѣ, можетъ дѣйствовать десятки лѣтъ, не требуя значительныхъ издержекъ на ремонтъ.

Благотворительность.— Дѣйствительные старшины Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудающихся: Кейбель, Кузьминъ, Слободскій и Самыловъ, содѣйствуя успѣшному ходу Отдѣленія снабженія бѣдныхъ пищею, изъявили готовность, кромѣ раздачи бѣднымъ билетовъ для полученія пищи и ежедневнаго дежурства, принять на свое собственное иждивеніе квартиру, услугу, отопленіе и прочіе расходы по столовой у Кокушкина-Моста, съ 1-го апрѣля сего года по 1-е апрѣля будущаго 1844 года.— Въ Тулѣ, данъ былъ благородный спектакль въ пользу Дѣтскаго Пріюта. Сборъ составилъ бо-

лве 3,000 руб. Тамъ же данъ былъ маскарадъ въ пользу Дома Призрѣнія Бѣдныхъ, недавно учрежденнаго въ Туль. — Въ пользу предполагаемыхъ въ губернскомъ городѣ Владимірѣ дѣтскихъ пріютовъ, тамошній купецъ Матвѣевскій, пожертвовалъ 500 руб. асс. и дворянинъ И. П. Сарычевъ внесъ на тотъ же предметъ 1,000 руб. асс.

ТАБАЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ РОССІИ.

Статья вторая и последняя.

НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНІЕ ТАБАЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ.

Вся Россія способна къ произрастенію табака, чему доказательствомъ служитъ повсемѣстное его воздѣлываніе, начиная съ Финндіи до мусульманскихъ провинцій за Кавказскими-Горами. Еще епловъ, сравнивая Малороссію съ Виргинією, говорилъ, что хотя Виргинія южнѣе первой, но присутствіе моря, съ двухъ сторонъ омывающаго берега ея, и сильныя вѣтры уравниваютъ климатъ къ. Слѣдовательно, и тогда Россія, имѣя одну Малороссію, уже выигрывала выгодами съ Америкою въ-отношеніи къ табакководству, и всегда далеко превосходила въ нихъ Голландію. Тепловъ замѣтилъ, что табакъ малороссійскій заключаетъ въ себѣ больше маслянистыхъ частицъ и солей, и потому сильнѣе, душистѣе виргинскаго не переражается въ нашемъ климатѣ.

Приобрѣтеніе Крыма, Бессарабин, береговъ Чернаго-Моря и кавказскихъ провинцій, доставило намъ преимущества значительныя ютивъ всѣхъ государствъ Европы для воздѣлыванія многихъ южныхъ произрастеній.

Разсматривая свойство табака и обработываніе его въ разныхъ государствахъ, мы видимъ, что климатъ имѣетъ незначительное вліяніе на достоинство табака: онъ только облегчаетъ его воздѣлываніе. Ботаники утверждаютъ, что табакъ можетъ расти всюду, гдѣ растетъ ячмень.

Табакъ требуетъ земли жирной, но плотной, съ глубокимъ растительнымъ слоемъ; земля новая, непаханная и даже унавоженная по добности — лучшая для него. Ему вредны ранніе морозы, сильныя дожди, засухи и холодныя вѣтры; сверхъ-того, онъ не терпитъ

вокругъ себя постороннихъ растений и долженъ быть всегда хорошо выполотъ. Чѣмъ рыхлѣе поле, чѣмъ лучше вспахана и взражена земля, тѣмъ лучше урожай табака. Въ Георгіи, табакъ растеть въ глинистомъ грунтѣ и даетъ самые высокіе сорта. Сверхъ-того, табакъ не терпитъ сильныхъ жаровъ, если листь его не такъ силенъ, чтобъ могъ вознаграждать потерю влажности отъ испаренія, сыростию земли. На хорошей землѣ, при условіяхъ влаги и надлежащаго воздѣлыванія, табакъ доходитъ въ вышину ширину до трехъ и болѣе аршинъ, растеть такъ красиво и величественно, что можетъ служить украшеніемъ любого цвѣтника. Признано, что лучшія мѣста для него — покатоности горъ къ югу, и мо на солнце лежація. Повсемѣстные непріатели табака, красны или кольчатый червь, и такъ-называемый табачный червь, увеличиваютъ трудность и хлопоты его воздѣлыванія: они подѣдаютъ корни, точатъ листья и совершенно истребляютъ растеніе, если не прійдется противъ нихъ нужныхъ мѣръ: ихъ или снимаютъ руки или истребляютъ индѣйками и другими птицами.

Табакъ имѣетъ множество названій и различій отъ мѣстъ и сортовъ его выдѣлки; притомъ, его природныя свойства много зависятъ отъ примѣси веществъ постороннихъ и отъ болѣе или менѣе тщательной выдѣлки. Главнѣйшихъ же сортовъ и отличій табака пять: 1) табакъ широколиственный или большой, цвѣтушій безпрерывно въ Бразиліи въ-продолженіе 10 и 12 лѣтъ; 2) табакъ съ узкими листьями, или виргинскій, или петумъ американскій; 3) табакъ съ круглыми листьями, или мелкій, мексиканскій; 4) табакъ крѣпкій, листья котораго имѣютъ видъ сердца и чрезвычайныя лишки; отечество его — Перу; 5) *Nicotiana minor* и *Nicot. glauca* *flus rugosioribus*; — послѣдній сортъ такъ сроденъ съ климатомъ произведеніями Европы, что распространяется самъ-собою, будучи только разъ посеянъ.

Главнѣйшія мѣста рожденія табака суть: Бразилія, Виргинія, Ямайка, Ямайка, Мекка, островъ Борнео и Китай; въ Европѣ: Италия, Испанія, Англія и Германія. Въ Америкѣ воздѣлываніе его совершается далеко не съ такими трудами и заботами, какъ въ нашешъ странахъ: тамъ одинъ негръ можетъ обработать до 2000 фунтовъ табака въ годъ. Созрѣвшій табакъ (что узнаютъ по цвѣту листьевъ и по запаху на нихъ) срываютъ и сушатъ въ сарагахъ, а иногда и въ печахъ; потомъ отдѣляютъ ихъ отъ ствола; складываютъ по 10-12 штукъ вмѣстѣ въ пачки, и этими пачками наполняютъ бочки (фута вышины и 32 дюйма въ діаметрѣ); нажимаютъ табакъ въ прессомъ и такимъ-образомъ отправляютъ въ Европу. Въ такихъ бочкахъ бываетъ по 1100 фунтовъ и болѣе.

Въ некоторыхъ мѣстахъ Виргиніи табакъ замѣняетъ монету, и по-
му обработка его считается выгодиѣе и значительнѣе воздѣлыва-
я хлѣба. Во время владычества Франціи, ограничено было зако-
ми количество земли, воздѣлываемой подъ табакъ, для поддержа-
н утѣдавшей цѣны чюго и возвышавшейся цѣны на хлѣбъ. Лучшій
бакъ родится въ западной части Виргиніи; а въ Мерлендъ—въ
рестностяхъ Аллеганскихъ-Горъ, между 36° и 40° сѣверной шпро-
д, гдѣ въ-продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ температура не превы-
аетъ 30° по Реом. Изъ этого видно, что табакъ не требуетъ слиш-
мъ-сильныхъ жаровъ, хотя и заключаетъ въ себѣ значительное ко-
чество острыхъ солей и жирныхъ соковъ.

Но болѣе любопытное зрѣлище представляетъ воздѣлываніе та-
ка въ Европѣ, особенно въ Голландіи, гдѣ люди, а не природа
идать за нимъ и дѣлать его; любопытно видѣть трудолюбіе, по-
ждающее природу. Въ извѣстныхъ *амерсфорскихъ* (*) плантаціяхъ
ютъ табакъ на большихъ грядахъ, насыпанныхъ въ деревянныхъ
шкхъ; гряды эти вышиною въ пять четвертей и въ 1 аршинъ ши-
ны, складываются навозомъ и накрываются другими верхними
манн; изъ нихъ табакъ пересаживается въ гряды другаго рода и
ова складывается большимъ количествомъ навоза, навоза лучша-
го, навоза — сокровища Голландіи!. Можно ли послѣ этого думать,
о табакъ голландскій дороже (**)?.. Но кромѣ того, что табакъ по-
аетъ много навоза, которымъ такъ дорожатъ сами Голландцы, онъ
ебуется большей полноты, заборовъ, плетней для защиты отъ ве-
овъ, — трудовъ, которые могутъ быть преодолены только кресто-
вбіемъ (которое называется трудолюбіемъ).

На Рейнѣ съютъ табакъ или въ парникахъ или прямо на воздухѣ,
отря по погодѣ; тамъ лучшія мѣста для табака суть окрестности
расбургга, Шемстата, Гагена и Вишвиллера.

Въ Южной-Франціи, не смотря на превосходство климата, табако-
дство уступаетъ рейнскому; высокіе сорта табака приготавлиются
мъ дурно; строеній или вовсе нѣтъ, или они весьма-худы; табакъ
ется въ концѣ февраля; лучшій табакъ родится въ департаментахъ
и Гароннѣ.

Въ Венгріи, особенно Южной, табакъ уступаетъ одному только
рейнскому; да и вообще вся Германія до 55° разводитъ его успѣшно.

*) Отъ Амерсфора происходитъ русское слово *мохорка*.

**) Лучше листья называютъ тамъ *Obergut*, потомъ *Erdgut* и наконецъ
Adgut, несочные или сердцевинные, *feuille de coeur*.

Въ Россіи лучшія табачныя плантаціи находятся въ Крыму, г. Губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославкой; въ Бессарабіи: на Дунаѣ въ Астраханской, Саратовской, Кіевской, Черниговской и Полтавской; потомъ въ Средней Россіи, въ Губерніяхъ: Курской, Воронежской, Орловской, Тульской, Рязанской; далѣе на сѣверъ: въ Ливондіи и Финляндіи, и наконецъ на Кавказъ и Сибирь.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ воздѣлываніе табака производится съ весьма-различнымъ успѣхомъ; но, какъ увидимъ, успѣхъ этотъ совершенно не зависитъ ни отъ климата, ни отъ мѣстныхъ причинъ. Чтобъ лучше ознакомиться съ настоящимъ состояніемъ табачной промышленности въ нашемъ отечествѣ, бросимъ взглядъ порознь на каждую губернію и область, гдѣ ею занимаются.

Еще за 18 лѣтъ назадъ, табаководство *Таврической-Губерніи*, наиболее-способной для этого промысла, было въ младенческомъ состояніи. Табакъ сѣялся туземцами; но его не доставало далеко ни внутреннее употребленіе, и потому его получали изъ Анатоліи и Турціи въ весьма-значительномъ количествѣ. Въ 1820 году, обращено было особенное вниманіе правительствомъ на этотъ край; Министерство Финансовъ начало посылать въ Крымъ сѣмена лучшаго американскаго табака, опредѣлило награды и премію разводителямъ. Въ 1829 году, Общество Сельскаго Хозяйства послало въ Крымъ нѣсколько сортовъ лучшихъ американскихъ сѣменъ, которыя на другой годъ взошли весьма-хорошо и дали обильный урожай; вмѣстѣ съ сѣменами разосланы были по полуострову подробныя наставленія по предмету воздѣлыванія табака. Промышленность распространялась скоро, но достоинство табака еще далеко уступало американскому по неопытности и нерадѣнію воздѣлывателей. Только образцы, посланные г. *Дуси*, оказались удовлетворительными.

Однако, послѣдніе 10 лѣтъ произвели разительную перемену въ состояніи табачной промышленности Крыма; въ 1838 году, она явилась совершенно въ другомъ видѣ, удивляя своими успѣхами. Г. *Зиммерфельдъ*, имѣющій плантацію на южномъ берегу Крыма (сначала только, на мѣсть, однако, можно сказать, лучшемъ въ Россіи), выдалъ восемьдесятъ-восемь пудовъ такого табака, который достоинствомъ едва уступалъ американскому, за что и получилъ отъ общества премію въ 2,000 рублей. Замѣтимъ притомъ, что на эти пуды онъ издержалъ онъ только 580 руб. со всеми расходами. Вторымъ, въ 1840 г., руб., преміею, награжденъ былъ г. *Валдершрего*, который развелъ сѣмена, полученныя имъ отъ общества, въ окрестностяхъ *Ферополя*. Теперь Таврическая-Губернія получаетъ заграничнаго турецкаго табака самое малое количество: она уже сбываетъ свой табакъ по окрестнымъ губерніямъ.

Значительныя табачныя плантаціи имѣютъ въ Крыму еще г. Аверовъ, Гнутовъ, Мехмедъ-Мирза, султанъ Крымъ Горей, генералъ-майоръ Поповъ, Лангъ, и проч. Крымскія плантаціи даютъ все до олумилліона рублей.

Кромѣ американскаго и турецкаго, двухъ главныхъ сортовъ табака, воздѣлываемаго на полуостровѣ, съется тамъ такъ-называемый крымскій, вѣроятно переродившійся американскій (весьма-пожкій на турецкій); онъ сохраняется въ папушахъ и для предохраненія отъ порчи крошится предъ самымъ употребленіемъ; онъ раздѣляется почти на столько же сортовъ, сколько мѣстъ его разсаживаія. Татары, которымъ исключительно принадлежатъ плантаціи рымскаго табака, почитаютъ обработываніе его главнѣйшею отраслю своего хозяйства, важнѣе садоводства и земледѣлія, и потому мливыя долины и покатоности горъ, какъ лучшія мѣста для разведенія табака, цѣнятся ими весьма-дорого.

Фабрикъ табачныхъ нѣтъ въ Таврической-Губерніи; за то въ безисленныхъ мелочныхъ лавочкахъ, которыми наполнены тамошніе орода, мѣстечки и села, Татары, Армяне и Греки безпрестанно кроютъ табакъ руками; закупаютъ его на плантаціяхъ или берутъ съ обшвенныхъ огородовъ и продаютъ желающимъ. Число этихъ кроителей и мелочныхъ закупателей папушъ табака весьма-значительно.

Въ *Екатеринославской-Губерніи* съ большимъ успѣхомъ разводятъ, въ греческихъ колоніяхъ близъ Мариуполя, разныхъ сортовъ табакъ: аванскій, виргинскій, мериландскій, абако. Колонисты получаютъ отъ него значительныя выгоды.

Въ 1829 году, г. Хрещатицкій, въ помѣстьѣ своемъ, также близъ Мариуполя, сѣялъ американскій табакъ *фермъ ландсъ* (Lands) и *мтль пирсъ* (Little Pears), и былъ совершенно доволенъ своимъ опытомъ: съ двухъ десятинъ собралъ онъ до 406 пудовъ сухаго листа, есьма-хорошаго качества, но цвѣтъ вышелъ дуренъ, какъ предполагаетъ онъ, отъ дурной уборки.

Въ луганской образцовой фермѣ, опыты 1837 г. были столь же дачны: сухаго листа собрано десять пудъ семнадцать фунтовъ.

Въ Новомосковскомъ-Уѣздѣ, у г. Родзянки, отъ сѣменъ, присланныхъ Третьимъ Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ, обранъ былъ табакъ высокаго сорта.

Кромѣ табака американскаго, въ *Екатеринославской-Губерніи* вѣютъ много простаго, болѣе въ мѣстахъ, прилежащихъ Днѣпру и Изювскому-Морю.

Фабрикъ въ губерніи нѣтъ.

Въ Херсонской-Губерніи, въ казенныхъ селеніяхъ, близъ Дубоссарь, и въ Тираспольскомъ-Уѣздѣ особенно съ успѣхомъ разводятся поселяне табакъ, который и носить названіе бессарабскаго; листъ его желтый и гладкій; его собираютъ до 200 пудовъ и сбываютъ большею частію въ городъ Крутыхъ, по 10 руб. за пудъ. Жиды покупающіе табакъ этотъ, дѣлаютъ изъ него нюхальный, такъ называемый *крутянскій*.—Въ Одессѣ дѣлаютъ изъ него сигары прѣстаго качества, но раскупаемыя во множествѣ. Въ этихъ же селеніяхъ сѣется и простой зеленый табакъ, *бокунъ* или *мажорскій*; онъ цѣнится въ 5 и 6 руб. пудъ, и приноситъ крестьянамъ значительныя выгоды; одною продажею его выплачиваютъ они казенныя повинности, но не смотря на то, сѣютъ его только въ огородахъ, на небольшомъ пространствѣ.

Американскій табакъ еще только начинаютъ разводить въ Херсонской-Губерніи, хотя нельзя сомнѣваться въ успѣхъ его разведенія. Купецъ Владиміровъ въ своей небольшой плантаціи, близъ Елисаветграда, получилъ, въ 1837 году, въ первый годъ сѣянія, до 10 пудовъ сухаго листа американскаго табака хорошаго качества, который продалъ по 20 руб. за пудъ.

Въ *Бессарабіи* табаководствомъ занимаются только въ Узинскомъ, Кишиневскомъ, Хотинскомъ и Сергѣевскомъ. Табакъ сѣется здѣсь простой и почти никуда не сбывается; ничтожное количество его продается въ Херсонскую-Губернію и Молдавію.

Высшій классъ курить табакъ турецкій, мѣшая его съ собственнымъ; турецкій табакъ, выписываемый частными людьми для собственнаго употребленія, привозится некрошенный въ пачкахъ, по 5 и 10 руб. за пудъ; потомъ особыя крошительницы рѣжутъ его ручными машинами; продажный же турецкій табакъ покупается крошенымъ, но также въ малыхъ частяхъ; оптовой торговли табакомъ въ Бессарабіи нѣтъ, но за то его можно найти во всякой лавкѣ и лавочкѣ.

Довольно значительное количество турецкаго табака, покупаемаго русскими купцами для продажи въ Польшу и Австрію, собирается по частямъ въ Одессѣ, Кишиневѣ, Дубоссарахъ и другихъ городахъ. Фабрикъ также нѣтъ.

Въ *Земль-Донскихъ-Козаковъ* табачная промышленность также сдѣлала большихъ успѣховъ; нѣкоторыя станицы воздѣлываютъ простой табакъ и большею частію для собственнаго употребленія. Въ 1826 году, членъ Общества Сельскаго Хозяйства, г. Хрепачинскій, дѣлалъ опыты надъ сѣменами турецкаго табака, но они не удались; онъ писалъ, что посеянный имъ табакъ въ селеніи между Таври-

нъ и Мариуполемъ, взошелъ очень-хорошо, но что листья не могли зрѣлѣть. Хозяинъ приписывалъ неудачу эту своему неумѣнью. нъ однако снабдилъ сѣменами новое, составившееся тогда въ Новороссійскѣ общество. Неизвѣстно, были ли на Дону дѣлаемы другія опытки разведенія американскаго табака.

Табачный промыслъ также не въ весьма-хорошемъ состояніи въ Астраханской-Губерніи, и производится только съ 1838 года. Первый сталъ здѣсь сѣять американскій табакъ саратовскій колонистъ Келлеръ (по порученію инспектора надъ шелководствомъ). Поле, занятое имъ близъ Астрахани на *Бичевомъ Бугрѣ*, принесло хорошей орты табака и въ довольно-достаточномъ количествѣ.

Въ 1839 году, г. Григорьевъ, въ имѣніи своемъ, находящемся въ двѣнадцати верстахъ отъ Астрахани, получилъ весьма-хорошей урокай американскаго табака; отъ трехъ золотниковъ сѣмень, высѣяныкъ имъ на трехъ десятинахъ, получилъ онъ 5 пудовъ сухаго листа; изъ 12 золотниковъ сѣмень саксонскихъ 157 пудовъ; изъ 18 золотниковъ простаго (мохорки) 95 пудовъ. Всѣ сорта табака г. Григорьева далеко превосходили табакъ, собранный Келлеромъ. Протой табакъ г. Григорьева проданъ былъ по 6 рублей за пудъ; другіе же сорта не проданы.

Вотъ все, что сдѣлано по части табачководства въ Астраханской-Губерніи, если не присоединить къ нему незначительныхъ плантацій, разводимыхъ крестьянами двухъ деревень близъ Сарепты.

Въ Киевской-Губерніи табачководство незначительно, производится въ маломъ количествѣ и только для собственнаго употребленія; нѣсколько табака разводится въ казенныхъ селеніяхъ по огородамъ. Въ губерніи есть, однако, фабрика, на которой выдѣлывается до 300 пудовъ курительнаго табака, который и продается на 6,700 рублей ежегодно.

Воздѣлываніе табака ведется въ Черниговской-Губерніи со временъ гетьманства; начало малороссійскаго табачководства современно царямъ Михаилу Феодоровичу и Алексію Михайловичу; сборъ табака идетъ весьма-успѣшно и теперь, особенно въ Уздахъ Нѣжинскомъ, Конотодскомъ, Сосницкомъ, Березинскомъ и отчасти въ Козельскомъ, и приноситъ хозяевамъ значительныя выгоды. Въ этихъ уздахъ десятина, при хорошемъ смотрѣніи, даетъ до 70 пудовъ сухаго листа.

Казенныя плантаціи, по малому количеству земли, незначительны; табачководство губерніи находится большею частію въ рукахъ казаковъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ Нѣжинскомъ Уѣздѣ, всего успѣшнѣе идетъ табачная промышленность; здѣсь сѣютъ они бакунъ, американскій и такъ-называемый *бунтиковскій*, желтый. Табакъ виргинскій и вообще американскій разводится большею частію въ селеніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ, и съ большимъ успѣхомъ. Г. Попенченко съ $\frac{1}{16}$ части десятины собралъ шесть пудовъ табачнаго листа и продалъ пудъ по 2 рублям; следовательно, десятина дала бы ему 2,784 рубля. Казаки же продаютъ иногда свой табакъ по 15 коп. за пудъ. Въ казенномъ селѣ Лихачевѣ (Козельскаго-Уѣзда) садятъ табакъ желтый, похожій на такъ-называемый сарновскій, разводимый въ Полтавѣ.

Въ Березинскомъ-Уѣздѣ, иностранные поселенцы колоніи *Блума Межи* разводятъ табакъ американскій, называемый тамъ рубанкою (*), и цѣнимый дороже другихъ сортовъ.

Черниговская-Губернія продаетъ свой табакъ большею частію въ Нѣжинѣ; въ Россію и за границу идетъ бакунъ; рубанка и амерсфорскій въ Сибирь. Къ-сожалѣнію, послѣдняго сорта выдѣлывается весьма-мало, и потому Сибиряки привѣшиваютъ къ нему картофельный листъ. Нѣжинъ доставляетъ также во множествѣ разнаго сорта табака въ Москву, гдѣ его охотно берутъ на фабрики, для пришить къ листьямъ привознаго табака. Въ 1836 году, вывезено было въ Польшу малороссійскаго табака до 300 пудовъ изъ одного Нѣжинскаго-Уѣзда; всего же до 800 пудовъ, и продано не дороже 80 копеекъ и по два рубля за пудъ. Австрійцы также весьма-охотно покупаютъ амерсфорскій табакъ нѣжинскихъ плантацій; но цѣны на него тамъ непостоянны и измѣняются значительно, смотря по урожаю табака въ Америкѣ; отъ 80 коп. до 1 рубля за пудъ, доходятъ онъ до 10 и 12 рублей.

Можно утвердительно сказать, что табаководство, при необходимыхъ стараніяхъ, настоящимъ смотрѣніемъ и знаніемъ выгодъ, было бы самою прибыльною промышленностію для Черниговской-Губерніи; успѣшнѣйшій ходъ его могъ бы значительно уменьшить привозъ въ Россію табака иностраннаго. Земля признается удобною опытами цѣлѣ столѣтій, и плантаціи весьма-многочисленны; остается покажетъ только, чтобъ табакъ разводился лучшаго количества. Въ губерніи находится табачная фабрика, на которой выдѣлывается по 2,500 пудовъ курительнаго и 200 пудовъ нюхательнаго табака, только на 21,600 рублей ассигнаціями. Но должно вспомнить, что большая часть черниговскаго табака продается въ Россіи и выдѣлывается въ московскихъ фабрикахъ.

(*) Его срубаютъ по созрѣніи листьевъ.

Въ *Полтавской-Губерніи* табаководствомъ занимаются столь же (авно, какъ и въ *Черниговской*, и по малоземелью губерніи про-
 ысая этотъ замѣняетъ для многихъ хлѣбопашество; производится
 нтъ наиболѣе въ *Уздахъ Роменскомъ, Галачскомъ, Прилукскомъ,*
Лохвицкомъ и Ширятинскомъ. Табакъ сдается преимущественно одно-
 о сорта—*амерфорскій*; прилукскіе, роменскіе и лохвицкіе казаки
 продаютъ его въ разныя губерніи на 86,890 рублей ежегодно, и бо-
 гѣе; особенно уважается табакъ *Лохвицкаго-Узда.* Известны также
 лантациі помѣщиковъ *Падльсона, Сукова и Савидкаго.* На трехъ
 ьабрикахъ, находящихся въ губерніи, выдѣлывается до 209,950
 штукъ сигаръ; около 1,309 пудовъ курительнаго и до 309 пудовъ
 нюхальнаго табака; всего на 22,537 руб. серебромъ.

Табакъ разводится здѣсь преимущественно въ малороссійскихъ
 селеніяхъ, находящихся въ южной части губерніи, и болше *амерс-*
форскій. Многіе помѣщики начали сѣять американскій; особенно
 примѣчательны плантациі г. *Клепатскаго въ Богородскомъ Уздѣ.*
 Но вообще табаководство незначительно въ *Курской-Губерніи.* Фа-
 брикъ табачныхъ также нѣтъ. Всего табака на частныхъ заводахъ
 приготавливается до 45 пудовъ нюхальнаго, рублей на 700 въ годъ.

Табакководство *Харьковской-Губерніи* началось весьма-недавно, и
 можетъ-быть потому и пошло съ такимъ быстрымъ успѣхомъ.

Въ 1833 году многіе помѣщики получали сѣмена американскаго та-
 бака отъ Общества Сельскаго Хозяйства. На другой годъ, одинъ изъ
 нихъ, г. *Клепацкій*, собралъ съ десятины 65 пудовъ сухаго листа
 весьма-хорошаго достоинства (ему дана обществомъ золотая медалъ).
 Въ 1837 году онъ получилъ съ 2,659 квадратныхъ сажень 124 пуда
 13 фунтовъ и отъ общества премію въ 800 рублей. Табакъ этотъ былъ
 такъ хорошъ, что признанъ одинаковаго достоинства съ привознымъ
 американскимъ. Г. *Клепацкій* полагаетъ, что десятина обошлась ему
 до 607 рублей.

Въ 1834 году, онъ собралъ только 65 пудовъ, потому-что болѣе 25
 пудовъ табака было выбито градомъ.

Г. *Сверсъ* состязался съ *Клепацкимъ* въ табаководствѣ и также
 получилъ за него золотую медалъ; табакъ его найденъ лучшимъ для
 выдѣлки сигаръ и канастера.

Болше-подробныхъ свѣдѣній о табаководствѣ *Харьковской-Губер-*
ніи нѣтъ; известно только, что небольшое количество табака выдѣ-
 лывается на одной, находящейся тамъ, фабрикъ; а именно: 50 пудовъ
 курительнаго и 30 пудовъ нюхальнаго; всего на 2000 рублей въ
 годъ.

Промышленная Сарепта прославилась *Саратовскою* — Губернію какъ табачными плантаціями, такъ и вообще урожаями въ сельскомъ хозяйствѣ; воздѣлываніе табака остается въ Сарептѣ и теперь важнѣйшимъ промысломъ. Въ 1828-мъ году, Общество Сельскаго Хозяйства послало туда сѣмень, и всходы ихъ были такъ хороши, что, не смотря на несчастное время и бывшій сильный градъ, собрано было сухаго листа болѣе 80 пудовъ; къ-сожалѣнію, листья вышли дурнаго цвѣта, хотя хорошаго количества; это подтверждаетъ знаменитый путешественникъ Гумбольдтъ, посѣтившій въ это время Сарепту. — Сверхъ американскаго табака, колонисты разводятъ съ большаго успѣхомъ такъ-называемый калмычкій. Табаководствомъ особенно славятся колонисты *саратовскихъ колоній* (*), наследовавшие искусство это отъ первыхъ поселенцевъ здѣшнихъ, Голландцевъ. — Воздѣлываніе табака распространилось въ другихъ мѣстахъ Саратовской Губерніи изъ роменскихъ поселеній, но съ гораздо-большимъ успѣхомъ, особенно въ луговой сторонѣ, въ Екатерининскомъ-Округѣ. — Во всѣхъ саратовскихъ колоніяхъ собирается теперь до 500 тысячъ пудовъ табака; изъ этого числа только небольшое количество желтолиственнаго американскаго; остальной весь нѣмецкій. — Американскій собирается преимущественно въ 4-хъ колоніяхъ: Резановъ, Люцервъ, Цюрихъ и Золотурнъ; въ нихъ, въ 1829 году, собрано было не болѣе 550 пудовъ; въ 1830-мъ 1,275 пудовъ; въ 1831 году 1,725 пудовъ; въ 1832 — 5,230 пудовъ; въ 1833 — 6,575 пудовъ — количество довольно-значительное, но не менѣе того ничтожное въ сравненіи съ огромною выдѣлкою табака нѣмецкаго.

Замѣтимъ, что недавно колонистъ (3 - й гильдія купецъ) Квадратій Штафъ выписалъ лучшихъ сѣмень табака прямо изъ Филадельфіи и роздалъ ихъ мѣстнымъ хозяевамъ своей губерніи. Соперничество саратовскихъ колоній значительно повредило табачному промыслу Сарепты, уронивъ цѣну на сарептскій табакъ и уменьшивъ вывозъ его. Почва здѣшней земли признается лучше сарептской. — Всего табака продано было изъ саратовскихъ колоній въ 1835 году на 310 т. руб.; въ 1836 на 320 т. руб., не смотря на то, что вообще цѣны на табакъ здѣсь понизились; а этотъ упадокъ въ цѣнѣ произошелъ отъ-того, что русскіе и малороссійскіе крестьяне стали стараться разводить простой табакъ, котораго получаютъ они весьма много, а продаютъ дешево; въ 1833 году, Русскіе продавали табакъ свой по 60 коп. и по 1 руб. 20 коп. за пудъ; нѣмецкій по 50 коп. и по 2 руб.; американскій же продавался не дешевле 1 руб. и достигъ до 7 руб. за пудъ.

(*) Табакъ саратовскихъ колоній известенъ въ Россіи подъ названіемъ *калмычкія* и *окололка*.

Кромѣ колонистовъ, многіе помѣщики Саратовской-Губерніи разводятъ табакъ съ хорошимъ успѣхомъ; г. Арнаутовъ, въ Сердобскомъ-Уездѣ, получилъ отличный урожай табака отъ сѣменъ саратовскихъ колоній; казенная десятина дала ему болѣе 100 пудовъ сухаго листа, не смотря на дурную погоду и невысокое достоинство сѣменъ. Онъ продавалъ табакъ на мѣсть по 5 руб. за пудъ и такимъ образомъ получилъ съ десятины 500 руб. — Но въ томъ же уездѣ опыты другихъ владѣльцевъ были весьма-неудачны; засуха истребила всѣ плантаціи г. Арнаутова; въ Балащевскомъ-Уездѣ съ 25-ти десятинъ получено едва 200 пудовъ листа. Онъ проданъ, однако, довольно-выгодно, — отъ 4 и до 5 руб. пудъ.

Нѣкоторые помѣщики Царицынскаго-Уезда, хотя въ маломъ размѣрѣ, но также весьма-улачно воздѣлываютъ американскій табакъ; они собираютъ весь вообще около 450 и 500 пудовъ въ годъ; особенно былъ хорошъ у нихъ урожай 1837 года: они продали тогда табака до 1000 пудовъ, рублей по 7 и по 10 за пудъ. — Г. Бутковский одинъ собралъ, съ 3-хъ десятинъ, около 350 пудовъ.

Купецъ Витманъ получилъ въ 1837 году отъ общества золотую медаль за доставленные образцы американскаго табака съ его плантаціей.

Громовъ, въ саду своемъ, близъ Саратова, собралъ до 200 пудовъ и жаловался на неурожай; а въ 1834 году съ 5 десятинъ получалъ онъ 600 пудовъ мериландскаго, виргинскаго, китайскаго и арабскаго табака; къ-сожалѣнію, ему попались сѣмена дурнаго качества, и табакъ вышелъ дуренъ.

Къ этимъ обширнымъ плантаціямъ Саратовской-Губерніи надобно присоединить еще посѣвы табака американскаго желто-листоваго, китайскаго и виргинскаго, производимые въ саратовской городской шелковичной плантаціи. Въ 1837 году, на нихъ собрано 1,140 пудовъ табака; онъ былъ проданъ дешево, потому-что попортился при суженіи въ сырую погоду,—по 2 руб. 50 коп. среднимъ числомъ; низшій сортъ продавался по 1 руб., высшій по 4 руб. и 6 руб., а простой по 60 коп.

Въ 1839 году, въ саратовскихъ колоніяхъ урожай былъ двумя третями меньше урожая 1838 года, по причинѣ дурной погоды, и табакъ продавался весьма-дорого—по 1 руб. 10 коп. и по 3 руб. простой.

Въ Саратовской-Губерніи находится 6 табачныхъ фабрикъ; на нихъ выдѣлывается курительнаго табака 14,995 пудовъ; въ сигарахъ до 30 пудовъ, нюхальнаго 500; всего на 223,000 руб. ежегодно.

Въ Воронежской-Губерніи американскій табакъ начали разводить также колонисты; до 1829 года, жители рабендорфскихъ поселе-

ний сѣянн табакъ неизвѣстныхъ сортовъ, вѣроятно саксонскій, бывшій въ употребленіи въ губерніи; въ 1829 году, получивъ сѣмена отъ общества, собрали они со стебля по 30 листовъ, но по неумѣнью обращаться съ табакомъ, добыли сѣмень весьма-мало. Въ это же время, многіе помѣщики тамошніе начали заниматься табаководствомъ и были награждены успѣхомъ. Г. Кайкаутъ (Воронежскаго-Уѣзда предводитель), давно имѣвшій плантаціи саксонскаго табака, сѣялъ въ 1828 году табакъ американскій и получилъ урожай въ-четверо болѣе прѣстивъ прежняго; табакъ его достигъ столь необыкновенной вышины, что нѣкоторые кусты имѣли въ высоту по 3 аршина и на стеблѣ по 18 огромныхъ листьевъ, изъ которыхъ нижніе были длиною аршина 2 и болѣе. Г. Лисевичъ также имѣлъ очень-хорошій урожай отъ сѣменя, одинаковыхъ съ тѣми, которыя получалъ г. Кайкаутъ.

Теперь промышленность табачная распространяется быстро въ Воронежской-Губерніи и увеличиваетъ ея земледѣльческое богатство. Особенно примѣчательны Уѣзды Новохоперскій, Павловскій и Богородицкій. При всемъ томъ, плантаціи рибенсдорфскія еще удерживаютъ преимущество по большой опытности ихъ хозяевъ. Фабрики табачныхъ въ Воронежской-Губерніи нѣтъ.

Объ успѣхахъ табаководства въ Орловской-Губерніи извѣстно только, что за присланные г. Поповымъ образцы табака въ 1835 году въ Общество, дана ему серебряная медаль. Онъ разводилъ плантаціи въ Севскомъ-Уздѣ. Простой табакъ разводится въ губерніи во многихъ мѣстахъ, но въ маломъ количествѣ, для собственнаго употребленія.

Въ Тульской-Губерніи начинаются только опыты воздѣлыванія американскаго табака. Гг. Вельяминовъ и Воронцовъ сажали сѣмена, полученныя отъ Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ, и получили листья лучшаго качества; образцы, ими присланные, далеко превосходили всѣ другіе, полученныя изъ Тульской-Губерніи.

Не смотря на недавнее разведеніе табачныхъ плантацій, здѣсь находится уже 8 табачныхъ фабрикъ, хотя и незначительныхъ; на нихъ выдѣлывается болѣе нюхательный табакъ, количествомъ до 1450 пуд.; курительнаго не болѣе 20 и 30 пуд., всего на 4,350 руб.

Въ Рязанской-Губерніи извѣстенъ табакъ, называемый *березинскій*, плантаціи котораго находятся въ окрестностяхъ Рязани; но онъ не высокаго достоинства, и дѣлается только нюхательный. Другихъ плантацій нѣсколько-значительныхъ нѣтъ въ губерніи. Въ 1828 году, нѣкоторые помѣщики пробовали разводить табакъ американскій изъ

именъ, присланныхъ Обществомъ, но опыты ихъ остались безспасными—можетъ-быть, потому-что они съяли табакъ слишкомъ-малое: онъ не успѣлъ вызрѣть. Значительное количество березиннаго табака, получаемого съ рязанскихъ плантацій, обрабатывается на московскихъ фабрикахъ; въ Рязани же табачныхъ фабрикъ нѣтъ.

Опыты разведенія табака въ *Ярославской-Губерніи* были неудачны—конечно, не потому, чтобъ грунтъ земли или климатъ не годился для растенія, которое съ успѣхомъ обрабатывается въ *Финляндіи* и *Голландіи*; но, вѣроятно, по неумѣнію или нерадѣнію хозяевъ.

Напротивъ, табакъ г. *Костылева* вызрѣлъ хорошо; по свидѣтельству фабриканта *Шила*, онъ былъ только чрезвычайно-крѣпокъ на кусъ. *Ярославская-Губернія* славится, однако, и достоинствомъ, и ольшимъ количествомъ отпускаемаго ею табака въ окрестные города: она обрабатываетъ табакъ другихъ губерній. На 4 фабрикахъ ея выдѣлывается болѣе 120 пуд. нюхательнаго и до 6,800 пуд. курительнаго табака, всего на 39,280 руб. ассиг.; слѣдовательно, *Ярославская-Губернія* превосходитъ всѣ другія (исключая одну *Московскую*) свою табачную промышленностью.

Опытные *лифляндскіе* хозяева, при всемъ ихъ ограниченномъ богатствѣ въ землѣ, при всѣхъ трудахъ, которые должны употреблять на свое хозяйство, имѣютъ время разводить и табакъ, и разводятъ его съ такимъ успѣхомъ, которому должны позавидовать наши хозяева южныхъ губерній. Для табака нужны не климатъ *Виргиніи*, не воздухъ *Флориды* и *Антильскихъ-Острововъ*, но трудъ, стараніе и плыне. Г. *Сиверсъ*, въ мызѣ своей *Эйзекиль*, издавна съ успѣхомъ изводитъ американскій табакъ; еще недавно получилъ онъ съ $\frac{1}{4}$ части десятины 100 пудовъ табака весьма-хорошаго качества, который продалъ по 11 и 12 руб. за пудъ въ листахъ. Въ 1838 году, изъ съенъ, полученныхъ имъ отъ *Министерства Финансовъ*, собралъ онъ съ $\frac{1}{8}$ части десятины 41 пудъ меридонскаго и съ такого же количества земли $40\frac{1}{2}$ пудовъ гаванскаго табака, также очень-хорошаго.

Въ небольшомъ количествѣ, но также очень-хорошій табакъ, разводится въ ботаническомъ саду мызы *Боссе* и въ мызѣ *Рингмундсгофъ*, близъ *Риги*. *Рига* есть центръ торговли табакомъ всего западнаго края Россіи (*). Изъ *Витебска*, изъ *Малороссіи* и частію *Средней Россіи*, везутъ табакъ на ея фабрики; сбываютъ его за границу черезъ *Ригу*, и черезъ нее же получаютъ табакъ иностранный. *Двина* изъ дальнихъ странъ Россіи доставляетъ табакъ нашъ въ *Ригу*

(*) Въ *Ригѣ* 6 фабрикъ, въ *Итагѣ* 2.

на продажу въ Германію и Давію. Табакъ иностранный, разныхъ сортовъ и въ сигарахъ, болѣею частію голландскій и англійскій, весь почти обдѣлывается на рижскихъ фабрикахъ. Молжикъ посевовъ табака въ Остзейскихъ Губерніяхъ почти нѣтъ.

Финляндцы не сѣютъ табака на продажу, но только для собственнаго употребленія и невысокаго достоинства. Примѣчательно количество привоза въ Финляндію иностраннаго табака, которое едва ли не превышаетъ количество всѣхъ другихъ привозныхъ товаровъ. Въ 1836 году, въ порты Финляндіи привезено табака на 577,870 руб.

Въ 1837 году. — 524,000 руб.

— 1838 — — 372,184 руб.

И почти все это количество привозится въ мѣстахъ и уже обдѣлывается на финляндскихъ фабрикахъ, которыхъ шесть. Три изъ нихъ имѣютъ привилегіи.

Табакъ, до котораго такіе охотники жители *Сибири*, разводится здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, съ Алексія Михайловича; въ указѣ Петра-Великаго къ сибирскому воеводѣ, упоминается уже о табачныхъ плантаціяхъ въ Тобольской-Губерніи.

Давность промысла ручается и за будущій успѣхъ его, — а въ *Сибири*, какъ мы видѣли, начали сѣять табакъ ранѣе, нежели въ *Россіи*. Теперь, особенно въ окрестностяхъ Иркутска, жители успѣшно разводятъ простой табакъ и продаютъ его туземнымъ народамъ и въ *Китай*. Первые опыты посѣва американскаго табака въ *Сибири* были дѣланы въ 1821 году, близъ Иркутска; но оказались неуспѣшными по наступившимъ осенью раннимъ холодамъ: лѣсъ не вырѣлся и пропалъ. Г. Бурнашевъ повторилъ опытъ въ 1833 году въ Томской-Губерніи, въ селѣ Барнаулѣ, и прислалъ въ 1836 году образцы выращеннаго имъ табака мерилэндскаго, виргинскаго и китайскаго; они оказались очень-хорошими. Въ этомъ же году г. Тулановъ сѣлъ малороссійскій табакъ близъ Туринска (Тобольской-Губерніи) и получилъ его болѣе 30 пуд., достоинствомъ неуступающаго малороссійскому.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кузнецкаго, Бійскаго и Кольванскаго Округовъ, также успѣшно разводится простой табакъ, выгодно продаваемый дикарямъ.

Цѣны на него здѣсь вообще весьма-непостоянны, такъ-что въ жаркое, теплое лѣто онъ продается рубля по 2 за пудъ; а въ ненастное и морозное доходитъ до 40 и болѣе рублей. Фабрикъ табачныхъ въ *Сибири* нѣтъ.

Климатъ *Кавказа*, безъ сомнѣнія, превосходитъ климатъ самой *Виргиніи*; здѣсь соединены всѣ условія успѣшнаго воздѣлыванія та-

баши и ждутъ только воздѣлывателей. А между-тѣмъ, трудно повѣрять: табачныя плантаціи Грузіи, Дагестана, Мингреліи ничтожны въ сравненіи съ табаководствомъ Саратова! Особенно по ту сторону горъ, гдѣ лишь изрѣдка въ станицахъ, на Линіи, казаки и поселенцы сѣютъ простой табакъ только для своего домашняго употребленія. — Близъ горы Бештау, въ колоніи Карась, начато разведеніе табака довольно-успѣшно, и въ 1837 году получено его до 2500 пудовъ: — такъ щедро кавказская природа вознаграждаетъ малѣйшія заботы объ ней. Въ этотъ же годъ Армяне, живущіе близъ Горы Святаго Креста, получили до 500 пудовъ, а въ 1836 году до 3000 пудовъ; но табакъ этотъ годился только горцамъ по своему низкому достоинству; его продавали (*) въ горы, по ярмаркамъ и на мѣстѣ, по 3 и 5 руб. за пудъ.

За горами табаководство идетъ успѣшнѣе; особенно съ 1828 года, съ того времени, когда Общество стало посылать въ Грузію сѣмена американскаго табака, и вообще когда край этотъ началъ приходить въ надлежащее устройство.

Исправляющій должность коменданта въ Шушѣ (въ Карабахѣ), майоръ Колачевскій, увѣдомлялъ Общество въ 1829 году, что сѣмена, посѣянные имъ по наставленію Общества, пропали; но что тѣ, которыя были посѣяны другими, по старому способу, взошли хорошо, хотя табакъ и вышелъ дуренъ по неумѣнью обращаться съ нимъ.

Въ Станицѣ Прочно-Окопеной, у полковника Рота, собрано лучшаго турецкаго табака до 20 пудовъ; во всѣхъ же мусульманскихъ провинціяхъ табаководство незначительно, заключается въ небольшихъ огородахъ и производитъ самаго простаго табака пудовъ до 450 въ годъ. Пудъ продается здѣсь по 1 р. и 1 р. 80 к.

Низкая цѣна эта падаетъ еще болѣе отъ распроотраненія плантацій русскаго и малороссійскаго табака. А огромное количество табака, употребляемое Кавказомъ, доставляется все изъ Персіи и Турціи и перепродается изъ города въ городъ; Дербентцы покупаютъ его у горцевъ и большую часть сбываютъ въ Ширванъ. Въ 1829 году привезено изъ Персіи табака въ бакинскій портъ на 8140 р.

Въ Мингреліи успѣшно разводять табакъ гаванскій; его собирается до 10,000 пудовъ.

Жители Телавскаго-Уѣзда мало занимаютъ разведеніемъ табака; на продажу его не достасть.

(*) Въ 1837 году получены свѣдѣнія о табакѣ только же Кавказской-Области.

Въ Душетскомъ-Уздѣ разводятъ табакъ Осетинны; но дурнаго сорта, крѣпкій на вкусъ.

Въ Горійскомъ-Уздѣ почти нѣтъ табачныхъ плантацій; но на границахъ Карталиніи Осетины разводятъ его въ значительномъ количествѣ, уплачиваютъ имъ казенную подать и частные оброки и сверхъ-того много сбываютъ въ Карталинію.

Во многихъ другихъ мѣстахъ Закавказья небольшими участками сѣется табакъ, особенно въ татарскихъ селеніяхъ; но вообще дурнаго качества, крѣпкій, съ дурнымъ запахомъ и потому жители, хотя нѣсколько-зажиточные, при малѣйшей возможности покупаютъ табакъ турецкій.

Въ Шемшедильской-Дистанціи почти въ каждомъ селеніи сѣютъ табакъ въ огородахъ, садахъ и на поляхъ, но столь же дурнаго сорта, какъ и вездѣ, и только для собственнаго употребленія. Самая малая часть сбора продается соседнимъ селеніямъ рублей по 6 за батманъ (15 фунтовъ).

Округъ-Елизаветопольскій также сѣетъ табакъ для собственнаго употребленія.

Провинція Ширванская не имѣетъ собственнаго табака, но получаетъ его изъ Персіи и Дербента. Въ Пашалыкѣ Ахалцыхскій, изъ Турціи, въ 1832 году, привезено табака 2,512 пуд., на 8,106 рублей.

Въ Армянской-Области, лучшей табакъ разводится въ селѣ Араджи, не смотря на частые и необыкновенно-сильные дожди и градъ, ежегодно опустошающіе эту плодородную страну; здѣсь отъ 1-го фунта сѣмень получается 1 халваръ (28 пуд. и 4 фунта) и больше сухаго листа; табакъ сѣется въ концѣ іюня и вызрѣваетъ въ концѣ августа и ранѣе; на сушку листовъ потребно здѣсь не болѣе шести дней.

Примѣчательны своимъ плодородіемъ Ханство Талышинское и Провинція Шекинская; первое признается наиболѣе-способнымъ для разведенія высшихъ сортовъ табака; вторая для простаго.

Самые большіе посѣвы табака производятся въ Эриванской-Провинціи; еще при сардарскомъ правленіи собиралось здѣсь до 60 и 70 халваровъ (2,886 пуд.) сухаго листа; но этого далеко не доставало на внутреннее употребленіе, и почти столько же выписывалось изъ Персіи, особенно табака кальяннаго, который курятъ послѣ обѣда и послѣ каждой закуски.

Изъ этихъ довольно-удовлетворительныхъ вѣдомостей видно, что какъ ни распространено употребленіе табака на Кавказѣ, но табач-

ная промышленность находится тамъ на весьма-низкой степени. Табакъ разводится слишкомъ-мало въ сравненіи съ тѣмъ, сколько бы можно было получить его съ Кавказа: его не достаетъ тамъ на собственное продовольствіе, между-тѣмъ, какъ Кавказъ могъ бы снабжать имъ всю Россію. Притомъ, табакъ разводится самыхъ низкихъ сортовъ; обрабатывается безъ знаній, безъ правилъ и не на продажу. Только съ 1833 года Общество Сельскаго Хозяйства начало обращать болѣе вниманія на табачную промышленность за Кавказомъ, стало посылать туда сѣмена и подробности наставленія.

До-сихъ-поръ, однако, успѣховъ большихъ невидно. Начальникъ гаможеннаго округа увѣдомлялъ въ 1833 году Департаментъ Внѣшней Торговли о посѣвѣ гаванскаго табака въ Грузіи. По этимъ извѣстіямъ, табакъ возшелъ весьма-хорошо, но былъ, неизвѣстно по какой причинѣ, дурнаго цвѣта и вкуса. Въ этомъ же году Общество Сельскаго Хозяйства, по предложенію Департамента Внѣшней Торговли, послало въ Грузію 250 экземляровъ «Руководства г. Дуси для воздѣлыванія табака»,—руководства, переведеннаго на татарскій языкъ.

Въ 1834 году, Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли отправилъ въ Грузію, чрезъ Общество Сельскаго Хозяйства, нѣсколько новыхъ сѣменъ табака мериландскаго и гаванскаго; слѣдствіемъ новыхъ посѣвовъ этихъ еще неизвѣстны. Въ тифлискомъ образцовомъ саду собрано было отъ нихъ, въ 1837 году, табака 1-го разбора 2 пуда, 2-го разбора 3 пуда; сверхъ-того, сѣмень получено 34 фунта; о достоинствѣ же этого табака ничего неизвѣстно.

Вотъ главные мѣста воздѣлыванія нашего табака, и хотя онъ сѣется во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, но въ слишкомъ-ничтожномъ количествѣ, или для собственнаго употребленія, или на мелкую продажу на мѣстѣ.

Такимъ-образомъ, узнавъ состояніе табачной промышленности въ Россіи, мы находимъ ее не въ цвѣтущемъ состояніи, не смотря на всѣ старанія и поощренія правительства, Общества Сельскаго Хозяйства и на увеличивающееся ежегодно употребленіе табака въ государствахъ. Конечно, разведеніе его въ разныхъ мѣстахъ Россіи идетъ довольно-успѣшно; но до-сихъ-поръ еще привозъ табака иностраннаго ежегодно увеличивается, доказывая недостатокъ какъ въ количествѣ, такъ и въ достоинствѣ нашего табака. Кромѣ того, что сбытъ его далеко не равняется съ привозомъ, табакъ нашъ неохотно берется за границей. Такъ, на-примѣръ, въ Бременъ, первый городъ въ Европѣ по своей табачной ярмаркѣ, купцы наши везутъ табакъ столь сырой, что онъ гниваетъ во время переезда моремъ и едва становится

годнымъ для примѣсы къ американскому. Годъ-отъ-года меньше брутъ иностранцы русскаго табака, единственно потому, что онъ терялъ репутацію на бременской ярмаркѣ, и потерялъ тогда, какъ промыслъ едва-только начинается у насъ развиваться! Теперь уже ниность на него упала значительно.

Между-тѣмъ, какое государство въ Европѣ способнѣе Россіи къ воздѣлыванію лучшихъ сортовъ табака?.. (Въ 1831 году въ Бременъ вывезено русскаго табака на 50,000 руб. сер.).

Въ Россію привозятъ табакъ преимущественно изъ Голландіи, Англіи, Испаніи, Швеціи, Пруссіи, Даніи, ганзейскихъ-городовъ, Турціи и Австріи—черезъ города: Санктпетербургъ, Ригу, Одессу, Архангельскъ, Радзивиловъ, Таганрогъ, Оренбургъ, Астрахань, Баку, Кяхту. Сухимъ путемъ привозится табакъ въ Полацгенъ, Ковно, Юрбургъ, Гродно, Брестъ, Измаилъ и Скуляны.

1) Изъ Швеціи привозится табакъ до 47 пуд. на 2,487 р.; но привозъ шведскаго табака уменьшается ежегодно.

2) Изъ Пруссіи до 6 пуд. на 1,132 р.

3) — Даніи — 76 — — 4,675 р.

Въ 1832 году привезено 2,632 пуда на 191,254 р.

4) Изъ городовъ ганзейскихъ, Гамбурга, Любека, Бремена и др. 55,280 пуд. на 2,869,744 р.

5) Изъ Голландіи 9,704 пуд. на 407,712 р.

6) — Англіи 788 — — 34,532 —

7) — Франціи 354 — — 79,103 —

Привозимое количество табака изъ Испаніи такъ непостоянно, что нельзя опредѣлить положительно средняго числа привоза; такъ, наприм., въ 1829 г. привезено: 5,167 пуд. на 123,755 р.

— 1830 — — 2,828 — — 43,550 —

а въ 1834 — — только 51 — — 565 —

Привозъ табака изъ Италіи и Австріи также непостояненъ, достигъ отъ 1 до 60 и 100 пуд. на 40 и на 12,035 р.

Изъ Австріи привозится отъ 1 до 60 пуд. на 200 и на 5,388 р.

Изъ Турціи до 12,495 пуд. на 276,455 р.

Изъ Америки 1,019 пуд. на 149,969 р.

Изъ другихъ государствъ привозъ незначителенъ, не превышаетъ 40 пуд. на 3,159 р. ежегодно.

Всего болѣе привозится табакъ въ Петербургъ, — 52,371 пуд. на 2,970,657 р., что въ-теченіе десяти лѣтъ составило сумму 29,706,570 р.

Весь же привозъ иностраннаго табака въ разныхъ видахъ цѣнитъ въ 3,943,663 р. круглымъ числомъ, всего около 83,083 пуд.; но удобно замѣтить, что число это увеличивается съ каждымъ годомъ значительно; вывозъ же увеличивается въ несравненно-меньшей пропорціи, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

въ 1824 году	}	привез. иностранн. табака на 2,111,691 р.	
		вывезено русскаго — — 253,237 р.	
- 1825 —	}	вывезено — 187,599 —	
		привезено — 2,277,015 —	
- 1826 —	}	вывезено — 185,598 —	
		привезено — 2,229,787 —	
- 1827 —	}	вывезено — 139,839 —	
		привезено — 2,451,652 —	
- 1828 —	}	вывезено — 136,344 —	
		привезено — 2,182,741 —	
- 1829 —	}	вывезено — 200,116 — 26,951 п.	
		привезено — 2,351,799 — 57,716 п.	
- 1830 —	}	вывезено — 318,886 —	
		привезено — 2,285,048 —	
- 1837 —	}	вывезено — 263,777 —	
		привезено — 5,215,873 —	
- 1839 —	}	привезено — 4,777,725 — 85,420 п.	
		вывезено — 325,790 — 52,948 п.	

Изъ этой таблицы видно, что въ теченіе десяти лѣтъ привозъ иностраннаго табака удвоился, и что цѣнность на русскій табакъ значительно понизилась; это легко понять, когда вспомнишь, что довольно-

обширныя плантаціи малороссійскія производятъ сорты табака на дороже 2 и 5 р. за пудъ, тогда какъ американскій стоить 20 и 40 р.

Распространеніе и усовершенствованіе табачной промышленности могло бы сохранить Россіи болѣе 4 миллионъ въ годъ, не говоря уже о томъ, что она могла бы сама продавать табака на такую же сумму.

Весь капиталъ русской табачной промышленности можно оцѣнить въ 11,213,568 руб. съ внутреннимъ приготовленіемъ; вычетъ изъ этого капитала цѣнность матеріала привознаго, до 4 миллионъ рублей, промышленникамъ нашимъ останется менѣе 8 миллионъ рублей. Замѣтимъ, что Франція получаетъ отъ табака чистой прибылью до 45 миллионъ ливровъ.

Цѣны на привозный табакъ у насъ постоянно велики; въ прошлое десятилѣтіе, въ Петербургъ, высшіе сорты продавались не менѣе 30 руб. и 75 к. за пудъ; средніе по 42 р., а высшіе по 52 р. Въ Ригъ, куда привозится большею-частью табакъ мерилэндскій, цѣна за высшій сортъ бываетъ обыкновенно за 100 фунт. 70 р., средній за 100 фунт. 125 р., а высшій 160 р.

Въ Одессѣ цѣны не были ниже 13 р. за пудъ низшаго сорта, 18 руб. средняго и 22 руб. высшаго.

Самая высокая цѣна доходитъ въ Петербургъ до 52 р. за высшій сортъ, 63 р. 50 к. средній, и 90 р. высшій.

Въ Ригъ	120 р.	мѣра въ 100 фунт.	низшій.
— —	142 — — — —	— — — —	средній.
— —	180 — — — —	— — — —	высшій.

Въ Одессѣ не было выше 22 р. за пудъ низшаго; 27 р. 50 к. средняго и 33 р. высшаго.

Табакъ русскій вывозится преимущественно въ Финляндію, Польшу, въ Германію, Бессарабію, въ Турцію, Китай, Хиву.

Въ Финляндію вывозится до 24,245 пуд. на 182,799 р.

Въ Польшу вывозится до 19,960 пуд. на 47,681 р.

Въ Бессарабію до 1830 г. вывозъ доходилъ до 13,615 п. на 201,625 рублей; а потомъ состоялъ изъ 570 пуд., проданныхъ за 3,056 р.

Небольшое количество русскаго табака идетъ въ Китай и Хиву; на границахъ Китая связка нашего листоваго табака въ 113 фунтовъ продается не дороже $\frac{1}{2}$ и 1 топча ($43\frac{3}{4}$ коп.), цѣна, для которой не стоить трудиться сѣять табакъ!

Россія производитъ небольшую транзитную торговлю турецкимъ крошенымъ табакомъ между Австріею и Одессою, перевоза его до 90 пуд. на границы Австріи, всего на 3,920 руб. Въ 1834 году поставлено въ Австрію до 5,560 пуд. на 59,160 р. Въ Польшу вывозится турецкаго табака въ листахъ до 2,000 пуд. на 50,000 руб.

Такъ-какъ въ Россіи употребляется большею-частію табакъ при-озный, то и фабрики табачныя находятся преимущественно въ го-одахъ и торговыхъ портахъ, а не на мѣстахъ разведенія табака. абакъ привозится къ намъ во всѣхъ видахъ, — въ листахъ, въ си-арахъ и крошеный; при выдѣлкѣ листовъ, фабрики наши много юдмъшиваютъ табака русскаго къ иностранному. Самое большое чи-ло фабрикъ табачныхъ находится въ Москвѣ и Петербургѣ; въ Мо-ковской Губерніи 42 фабрики; на нихъ выдѣлывается до 24,800 пуд. табака курительнаго; 10,248 пуд. нюхательнаго и 496 пуд. сигаръ; сего на 950,127 руб. Въ Губерніи-Петербургской 26 фабрикъ; на ихъ выдѣлывается табака курительнаго 43,773 пуд.; нюхательнаго 5,585 пуд.; сигаръ 5,000 ящичковъ; всего на 3,266,875 р. Табакъ русскій обдѣлывается также большею частію на этихъ же фабрикахъ; входящая же по губерніямъ фабрики, числомъ 35, незначи-ельны; табакъ привозный идетъ также на фабрики рижскія, митавскія а ревельскія.

Замѣтимъ, что число нашихъ табачныхъ и табакерочныхъ фабрикъ начало значительно увеличиваться съ 1812 года; въ 1812 г. было въ Россіи табачныхъ фабрикъ 6; въ 1816 г.—24, въ 1825—35, а въ 1840 г. 103, кромѣ рижскихъ и митавскихъ.

Въ Ригѣ табачныхъ фабрикъ и сигарочныхъ 6, въ Митавѣ 2; слѣ-довательно, всѣхъ фабрикъ въ Россіи 111.

Фабрикъ табакерочныхъ было:

Въ 1812 году 3, въ 1816 — 6, въ 1820 — 8, и въ 1824—10.

По вѣдомости 1830 года, фабрикъ табачныхъ въ Россіи было толь-ко 61; рабочихъ на нихъ 306 человекъ; табака выдѣлывалось 68,310 пуд., табакерокъ выдѣлано въ этомъ году 66,000 штукъ; изъ нихъ лучшими считаются табакерки «*parier maché*» санктпетербургскаго фабриканта *Боля*, и деревянные, на манеръ брауншвейгскихъ, мо-сковскаго купца *Лукутина*.

Лучшій курительный табакъ въ Россіи готовится на fabri-кахъ Жукова, Фалера, Головкина, Лапотникова и фабрикантовъ рижскихъ; нюхательный извѣстенъ табакъ Миллера и Головкина.

Такъ, на-примѣръ, у Лапотникова въ 1837 году продано съ фа-брики табака курительнаго 5-ти сортовъ на 238,737 р. 50 к.

нюхателн.	6-ти	—	—	2,838 р.	20 к.
сигарь	3-хъ	—	—	5,850	} 7,350 р.
—	гаванскихъ	—	—	1,500	

Всего продано на 248,925 р. 70 к.

У Жукова выдѣлано курительнаго. 40,909 пуд.
нюхательнаго. 300 пуд.

У Неслинда	}	курительнаго.	1,449 пуд.
		подъ фирмою Фалеръ.	5,885 пуд.
	нюхательнаго.	150 пуд.	
	штукъ сигаръ.	8,500,000	
У Головкина		курительнаго.	950 пуд.
		нюхательнаго.	1,316 пуд.

До 1838 года, продажа табака была свободна отъ всякаго внутренняго налога; съ 1839 года, приготовленный табакъ всѣхъ сортовъ, какъ привозный, такъ и внутренней выдѣлки, изъ русскихъ или иностранныхъ листовъ, обложенъ платежомъ *акциза*, взимаемаго посредствомъ *бандеролей* (*). Привозный табакъ снабжается бандеролями въ таможенныхъ за плату по 10 к. за ярычекъ.

Безъ сомнѣнiя, легкая пошлина эта не можетъ уронить ни плантаций, ни производства табака: табакъ—не необходимая потребность, но потребность роскоши; притомъ же, разведенiе его не подлежитъ никакимъ формамъ, ни ограниченiямъ, ни платѣ; табакъ можно продавать и безъ платы акциза *въ папушахъ*, какъ по частямъ, такъ и оптомъ.

Остается упомянуть о сочиненiяхъ по части табаководства, какъ о доказательствахъ того, что въ Россiи употреблены были для поднятiя его всѣ возможные средства, и что не было недостатка въ хорошихъ руководствахъ хозяевамъ, желавшимъ разводить табакъ по правиламъ.

Еще въ 1764 году разсланы были Тепловымъ въ Малороссiю печатныя наставленiя, какъ разводить американскiй табакъ; этими наставленiями руководствовались до начала настоящаго столѣтiя; потомъ съ 1821 года, Московское Общество Сельскаго Хозяйства переводило всѣ лучшiя сочиненiя иностранныхъ о табаководствѣ и помещало свои статьи о табакѣ въ «Земледѣльческомъ Журналѣ». Переведены были сочиненiя: 1) «Наставленiе о разведенiи табака и приготовленiи наилучшихъ родовъ курительнаго и нюхательнаго» — г. Ливотовымъ. 1810 г. 2) «Наставленiе о разведенiи и обработкѣ табака» соч. Готгарда, переводъ Джунковскаго. 1812 г. 3) «Руководство» г. Дуси, было переведено на татарскiй языкъ для разсылки въ за-кавказскiя владѣнiя и было напечатано въ № 5, 1832, «Журналъ Сельскаго Хозяйства», и многiя другiя болѣе или менѣе важныя.

Другiя сочиненiя на иностранныхъ языкахъ, на которыя указывало Общество для руководства въ воздѣлыванiи табака, суть слѣду-

(*) Указъ Сенат. 1838 марта 31.

коція: 4) *Treatise on the tobacco, plant. et cet.* by Brodigan. 1830. in-8, сочиненіе знаменитаго табачнаго англійскаго плантатора, нарочно вздвигшаго въ Сѣверную-Америку для того, чтобъ учиться на мѣсть воздѣлыванію табака. 5) *History medical properties and cultivation of tabacco*, by James Jennings. 1830. in-12, сочиненіе, касающееся впрочемъ болѣе до медицины. 6) *Notes of the cultivation and management of tobacco*, by Peter Minor, published by W. F. Reading at Baltimore. 1822, in-8, сочиненіе, считающееся лучшимъ по табаководству.

Можно указать также на слѣдующія сочиненія о разныхъ предметахъ табачнаго промысла:

7) *Nouveau cours complet d'agriculture ou dictionnaire raisonne etc.* Paris. 1828—весьма любопытное и полное сочиненіе.

8) *Dictionnaire d'agriculture*. 1823.

9) *Cours complet d'agriculture pratique*, par Burger (trad. de l'allemand par Noiro) и прочія хозяйственныя русскія книги.

Нумера «Земледѣльческаго Журнала», въ которыхъ помѣщены статьи о табаководствѣ:

№ XXV, 1829 года, въ которомъ помѣщена статья г. Маслова о способахъ выдѣлыванія табака въ Голландіи и Америкѣ.

Также части «Земледѣл. Журнала» 20, 24, 52 и 60-я.

№ XXVI, 1829 г. Статья о воздѣлываніи табака въ верхне-и-нижне-рейнскихъ департаментахъ.

№ XXVII, 1829 же года.

№ XXVIII, 1830 года, о состояніи табачной промышленности въ Крыму, и проч.

№ 1 и 2-й, 1831 года, гдѣ помѣщены извлеченія изъ наставленій, находящихся въ англійскихъ сочиненіяхъ.

№ XXIII, 1828 года (стр. 353), наставленіе, какъ сѣять табакъ. Кроме этого, можно найти любопытныя свѣдѣнія о табачномъ промыслѣ и полезныя наставленія въ другихъ нумерахъ этого журнала, въ «Журналѣ Сельскаго Хозяйства» и проч. Надобно замѣтить, что въ самой Англійи и Голландіи весьма нуждаются въ хорошихъ, полныхъ сочиненіяхъ о воздѣлываніи табака. Самое старинное наставленіе какъ садить табакъ, находится въ исторіи американскихъ бакканировъ, писанной около 1598 года (въ то время, когда Французы овладѣли островомъ Торширомъ, въ Западной-Индіи).

Послѣднимъ замѣчаніемъ о табачной промышленности въ Россіи будетъ замѣчаніе о ея производителяхъ. Кроме недостаточнаго пространства промысла въ Россіи, дурнаго сорта разводимаго табака и неумѣнья ходить за нимъ, главный недостатокъ нашихъ хозя

евъ, мастеровъ и промышленниковъ состоитъ въ томъ, что они стараются сдѣлать не лучше, но больше; думаютъ получить прибыль не качествомъ, но количествомъ товаровъ своего издѣлія, или произведеній природы. Можетъ-быть, свойство нашей страны, обширное пространство, имѣетъ вліяніе на духъ нашего хозяйства. Но такъ ведется изстари въ Россіи во всѣхъ его отрасляхъ. въ обширныхъ посѣвахъ хлѣба, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Образованные и зрѣла справедливо жалуются на это варварское понятіе о хозяйствѣ.

А. В.

СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. Санктпетербургъ.
двенадцать томовъ. MDCCCXXXVIII — MDCCCXLI.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ОБЗРѢНІЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТЪ ДЕРЖАВИНА ДО ПУШКИНА.

Давно уже обѣщали мы полвѣй раз-
оръ сочиненій Пушкина: предлагае-
ая статья есть начало выполненія на-
его обѣщанія, замедлившагося по
рачинамъ, изложеніе которыхъ не
удеть здѣсь излишнимъ. Всѣмъ извѣ-
стно, что восемь томовъ сочиненій
Пушкина изданы, послѣ смерти его,
съма небрежно во всѣхъ отношені-
хъ — и типографскомъ (плохая бумага,
красивый шрифтъ, опечатки, а инѣ
и искаженный смыслъ стиховъ), и
редакціонномъ (пѣсы расположены не
въ хронологическомъ порядкѣ, по вре-
мени ихъ появленія изъ-подъ пера ав-
тора, а по родамъ, изобрѣтеннымъ
огъ-знаеть чьимъ досужествомъ). Но
то всего хуже въ этомъ изданіи — это
то неполнота: пропущены пѣсы, по-
щественныя самимъ авторомъ въ четы-
ехъ-томномъ собраніи его сочине-
ній (*), не говоря уже о пѣсахъ, напе-
таныхъ въ «Современникѣ» и при
изви и послѣ смерти Пушкина. По-
сѣдніе три тома сдѣланы компанією
издателей-книгопродавцевъ, которые
то могли сдѣлать, какъ издатели, сдѣ-
или хорошо, т. е. издали эти три то-
а красиво и опрятно, но такъ же не-
одно, какъ были изданы (не ими,
прочемъ) первые восемь томовъ. Спра-

ведливый ропотъ публики, которая, за-
плата за одиннадцать томовъ сочине-
ній Пушкина *шестьдесятъ-пять* рублей
асс. (сумму, довольно-значительную и
для книги, хорошо и полно изданной),
все-таки не имѣла въ рукахъ полного
собранія сочиненій Пушкина, — этотъ
ропотъ, соединенный съ столь же дур-
нымъ расходомъ трехъ послѣднихъ,
какъ и восьми первыхъ томовъ, и спра-
ведливое негодованіе въ некоторыхъ жур-
налистовъ на такое оскорбленіе тѣни
великаго поэта: все это побудило изда-
телей трехъ остальныхъ томовъ сочи-
неній Пушкина *обѣщать* отдѣльное до-
полненіе къ нимъ, въ которомъ публи-
ка могла бы найти рѣшительно все,
что написано Пушкинымъ и что не во-
шло въ одиннадцать томовъ *полною*
собранія его сочиненій. А пропущено
такъ много, что изъ дополненія вы-
шелъ бы цѣлый томъ, — и тогда полное
собраніе сочиненій Пушкина состояло
бы *пока* изъ *двенадцати* томовъ. Гово-
римъ — *пока*: ибо въ рукописи остает-
ся еще матеріалы къ исторіи Петра-
Великаго, предпринятой Пушкинымъ.
Говорятъ, что этихъ матеріаловъ стало
бы на добрый томъ, и только одному
Богу извѣстно, когда русская публика
дождется этого тома... Итакъ, *пока* хо-
рошо было бы дожидаться хоть допол-
ненія-то, обѣщаннаго издателями трехъ
послѣднихъ томовъ. О немъ много тол-
ковали, и мы даже видѣли опыты при-
готовленія къ этому дѣлу, которое яв-

(*) Стихотворенія Александра Пу-
шкина. Санктпетербургъ. Въ тип. Депар-
тамента Народнаго Просвѣщенія. Четыре
исти. I и II — 1829, III — 1832, IV — 1835.

тересовало насъ еще и какъ удобный предлогъ къ началу общанной нами статьи о Пушкинѣ. Но время шло, а вожделѣнное дополненіе не являлось, и мы, право, не знаемъ, явится ли оно когда-нибудь; если же и явится, то не потребуетъ ли еще другаго дополненія?.. Это рѣшило насъ, не дожидаясь исполненія чужихъ обѣщаній, приняться наконецъ за исполненіе своихъ собственныхъ.

Но, кромѣ того, была еще и другая, болѣе важная, такъ-сказать болѣе-внутренняя причина нашей медленности. Година безвременной смерти Пушкина, съ теченіемъ дней, отодвигается отъ настоящаго все далѣе и далѣе, и нечувствительно привыкаютъ смотрѣть на поэтическое поприще Пушкина не какъ на прерванное, но какъ на оконченное вполне. Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтический духъ;—но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своей апогеи, и потому общало только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданий, но уже не общало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники Пушкина, съ нимъ вмѣстѣ вышедшіе на поприще жизни и подъ его влияніемъ образовавшіеся эстетически, уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею закоснѣlostію и своею тупостію въ дѣлѣ разумѣнія смѣнившихъ Пушкина корифеевъ русской литературы. Съ другой стороны, новое поколѣніе, развившееся на почвѣ новой общественности, образовавшееся подъ влияніемъ впечатлѣній отъ поэзій Гоголя и Лермонтова, высоко цѣня Пушкина, въ то же время судить о немъ безпристрастно и спокойно. Это значитъ, что общество движется, идетъ впередъ черезъ свой вѣчный процессъ обновленія поколѣній, и что для Пушкина настаетъ уже потомство. На Руси все растетъ не по годамъ, а по часамъ, и пять лѣтъ для нея — почти вѣкъ.

Но новое мнѣніе о такомъ великомъ явленіи, какъ Пушкинъ, не могло образоваться вдругъ и явиться совсѣмъ-готовое; но, какъ всеживое, оно должно было развиться изъ самой жизни общества — каждый новый день, каждый новый фактъ въ жизни и въ литературѣ, должны были измѣнять и образъ воспріятія на Пушкина.

По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ и слагались умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, порожденныя совокупностью всѣхъ фактовъ его движущейся жизни, — всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Въ слѣдствіе этого, Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства, уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ безусловно-великій и для настоящаго и для будущаго, какимъ онъ былъ для прошлаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, который имѣетъ значеніе артистическое и значеніе историческое, словомъ, поэтъ, только однимъ ступенемъ принадлежашій настоящему и будущему, который болѣе или менѣе удовлетворяются и будутъ удовлетворяться имъ, а другою, болѣе или менѣе значительнѣйшею ступенюю выходящимъ удовлетворявшій своему настоящему, воторое онъ вполне выразилъ и котораго для насъ — уже прошедшее. Правда Пушкинъ принадлежалъ къ числу гѣн творческихъ гевіевъ, тѣхъ великихъ историческихъ натуръ, которые работаютъ для настоящаго, приуготовляя будущее, и потому самому уже не могутъ принадлежать только одному прошедшему; но въ томъ-то и состоитъ задача здравой критики, что она должна

опредѣлить значеніе поэта и для его настоящаго и для будущаго, его историческое и его безусловно-художественное значеніе. Задача эта не можетъ быть рѣшена однажды навсегда, на основаніи чистаго разума: итъ, рѣшеніе ея должно быть результатомъ историческаго движенія общества. Чѣмъ выше явленіе, тѣмъ оно жизнениѣе, а чѣмъ жизнениѣе явленіе, тѣмъ болѣе зависитъ его сознаніе отъ движенія и развитія самой жизни. Лучшее, что можно сказать въ похвалу Пушкину и въ доказательство его величія, — то, что, при самомъ появленіи его на поэтическую арену, онъ встрѣченъ былъ и безусловными похвалами необдуманнаго энтузіазма, и ожесточенною бранью людей, которые въ рожденіи его поэтической славы увидѣли смерть старыхъ литературныхъ понятій, а вмѣстѣ съ ними и свою нравственную смерть, — что запальчивые крики похвалъ и порицаній не умолкали ни на минуту ни въ продолженіе всей его жизни, ни послѣ самой его жизни, и что каждое новое произведеніе его было яблокомъ раздора и для публики и для привилегированныхъ судей литературныхъ. Теперь утихаютъ эти крики: знакъ, что для Пушкина настало потомство, ибо запальчивая прѣвѣнія существуетъ только для предметовъ столь близкихъ глазамъ современниковъ, что они не въ состояніи видѣть ихъ ясно и вполне, по причинѣ самой этой близости. Судъ современниковъ бываетъ пристрастенъ; однакожъ въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законность и основательная причина, объясненіе которой есть тоже задача истинной критики.

Ни одно произведеніе Пушкина — ни даже самъ «Онегинъ» — не произвело столько шума и криковъ, какъ «Русланъ и Людмила»: одни видѣли въ ней величайшее созданіе творческаго гонія, другіе — нарушеніе всѣхъ правилъ поэтики, оскорбленіе здраваго эстетическаго вкуса. То и другое мнѣніе теперь могло

бы показаться равно вѣрнымъ, если не подвергнуть ихъ историческому разсмотрѣнію, которое покажетъ, что въ нихъ обонхъ былъ смыслъ и оба они до известной степени были справедливы и основательны. Для насъ теперь «Русланъ и Людмила» — не больше, какъ сказка, лишняя колорита мѣстности, времени, народности, а потому и не правдоподобная; но смотря на прекрасные стихи, которыми она написана, и проблески поэзіи, которыми она поражаетъ мѣстами, она холодна, по признанію самого поэта (*), и въ наше время, не у всякаго даже юноши станетъ охоты и терпѣнія прочесть ее всю, отъ начала до конца. Противъ этого, едва-ли кто станетъ теперь спорить. Но въ то время, когда явилась эта поэма въ свѣтъ, она дѣйствительно должна была показаться необыкновенно-великимъ созданіемъ искусства. Вспомните, что до нея пользовались еще безотчетнымъ уваженіемъ и «Душенька» Богдановича, и «Дѣвѣнадцатъ Спящихъ Дѣвъ» Жуковскаго: какииъ же удивленіемъ должна была поразить читателей того времени сказочная поэма Пушкина, въ которой все было такъ ново, такъ оригинально, такъ обильно — и стихъ, которому подобнаго дотогѣ ничего не бывало, стихъ легкій, звучный, мелодическій, гармоническій, живой, эластическій, и складъ рѣчи, и смѣлость кисти, и яркость красокъ, и граціозныя шалости юной фантазіи, и игривое остроуміе, и самая вольность не цѣломудренныхъ, но тѣмъ не менѣе поэтическихъ картинъ!.. По всему этому, «Русланъ и Людмила» — такая поэма, появленіе которой сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы. Если бы какой-нибудь даровитый поэтъ написалъ въ наше время такую же сказку и такими же прекрасными стихами, въ авторѣ этой сказки никто не увидѣлъ бы великаго таланта въ будущемъ, и сказки никто бы читать не

(*) Соч. А. Пушкина. Т. XI, стр. 225.

сталъ; но «Русланъ и Людмила», какъ сказка *ед-время* написанная, и теперь можетъ служить доказательствомъ того, что не ошиблись предшественники наши, увидѣвъ въ ней живое пророчество появленія великаго поэта на Руси. У всякаго времени свои требованія, и теперь даже обыкновенному таланту, не только генію, нельзя дебютировать чѣмъ-нибудь въ родѣ «Руслана и Людмилы» Пушкина, «Оберона» Виланда, или — пожалуй, и «Orlando Furioso» Ариоста; но всѣ эти поэмы, шуточные, волшебныя, рыцарскія и сказочныя явились въ свое время и, подъ этимъ условіемъ, прекрасны и достойны вниманія и даже удивленія. Итакъ, юноши двадцатыхъ годовъ (изъ которыхъ многимъ теперь уже далеко за сорокъ) были правы въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили «Руслана и Людмилу».

Съ другой стороны, имѣла причину и враждебность, съ которою литературные старовѣры встрѣтили поэму Пушкина: въ ней не было ничего такого, что привыкли они почитать поэзіею; эта поэма была, въ ихъ глазахъ, буйнымъ отрицаніемъ ихъ литературнаго корана. Такъ-называемая война классицизма (мертвой подражательности утвержденнымъ формамъ) съ романтизмомъ (стремленіемъ къ свободѣ и оригинальности формъ) была у насъ отголоскомъ такой же войны въ Европѣ, и первая поэма Пушкина послужила поводомъ къ началу этой войны, пережитой Пушкинымъ. Слѣдовавшія за тѣмъ поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина были для него рядомъ поэтическихъ триумфовъ. Энтузіасты провозгласили его сѣвернымъ Байрономъ, представителемъ современнаго человѣчества. Причину этого неудачнаго сравненія было не одно то, что Байрова мало знали и еще меньше понимали, но и то, что Пушкинъ былъ на Руси полнымъ выразителемъ своей эпохи. Однакожь, какъ-скоро начало устанавливаться въ немъ броженіе кипучей молодости, а

субъективное стремленіе начало извѣстать въ чисто-художественномъ направленіи, — къ нему стали охлаждать, толпа ожесточенныхъ противниковъ стала возрастать въ числѣ, даже самыя поклонники или начали призываться къ толпѣ порицателей, или переходить къ нейтральной сторонѣ. Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекраснѣйшія созданія Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками оскорбительно. Нѣкоторые изъ этихъ критиковъ очень-удачно воспользовались общимъ расположеніемъ въ отношеніи къ Пушкину, чтобъ отгнать ему или за его къ нимъ презрѣніе, или за его славу, которая имъ по чему-то не давала покоя, или, наконецъ, за тяжелые уроки, которые онъ проповѣдалъ имъ иногда въ легкихъ смѣхатъ летучихъ эпиграммъ...

Съ другой стороны, люди, искренно и страстно любившіе искусство, въ холодности публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина являлись только одно невѣжество толпы, увлекающейся юношескими и незрѣлыми произведеніями, но неуѣющей цѣнить обдуманнѣ творенія строгаго искусства. Смотри на искусство съ точки зрѣнія исключительной и односторонней, его жаркіе поборники не хотѣли понять, что если симпатія и антипатія большинства бываютъ часто безсознательны, зато рѣдко бываютъ безмысленны и безосновательны, а напротивъ, часто включаютъ въ себя глубокой смѣсь. Странно же, въ-самомъ-дѣлѣ, было думать, чтобъ то самое общество, которое такъ дружно, такъ радостно, едино потресканое электрическимъ ударомъ, въ первый еще разъ жизни своей отделилось на голоса и бѣжалъ и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ народнымъ певцомъ, странно думать, чтобъ то же самое общество вдругъ охолодѣло къ своему поэту, за то только, что онъ сохранилъ и воспользовался своимъ геніемъ, сдѣлался выше и глубже въ своей творческой дѣятельности.

вості! А между-тѣмъ, это охлажденіе— фактъ, достовѣрность котораго можно доказать свидѣтельствомъ самого поэта: въ его запискахъ (томъ XI), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Опѣгина», въ стихотвореніи «Поэтъ» слышится горькая жалоба оскорбленной народной славы. Изъ этого нельзя было не заключить, что если публика была не совѣтъ права въ своей холодности къ поэту, то и поэтъ все же не былъ жертвою ея прихоти и, по винѣ или безъ вины съ своей стороны, но не случайно же, а по какой-нибудь причинѣ, испыталъ на себѣ ея охлажденіе. Но отвѣта на эту загадку еще не было: отвѣтъ скрывался во времени, и только время могло дать его. Безвременная смерть Пушкина еще больше запутала вопросъ: какъ и должно было ожидать, она снова и съ болѣею силою обратила къ падшему поэту сочувствіе и лю-бовь общества. Восторженные поклонники искусства, какъ искусства, тѣмъ болѣе были поражены смертію поэта, и тѣмъ болѣе скорбѣли о ней, что вскорѣ за тѣмъ появившіяся въ «Современникѣ» посмертныя сочиненія Пушкина изумили ихъ своимъ художественнымъ совершенствомъ, своею творческою глубиною. Образъ Пушкина, украшенный страдальческаго кончиною, предстоялъ передъ ними во всемъ блестящій поэтической апофеозы: это былъ для нихъ не только великій русскій поэтъ своего времени, но и великій поэтъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, гений европейскій, слава всемірная... Но не успѣвъ еще войти въ свои берега восторженное утратою поэта чувство общества, какъ подняла свое жужжаніе и шипѣніе на страдальческую тѣнь великаго злопамятная посредственность, мучимая болью отъ глубокихъ царапинъ, еще незажившихъ слѣдовъ львиныхъ когтей... Она начала, и прямо и косвенно, толковать о поэтическихъ заслугахъ Пушкина, стараясь увидѣть ихъ; не впопадъ и кстати начала сравнивать Пушкина и съ Милливымъ, и съ По-

жарскимъ, и съ Суворовымъ, вмѣсто того, чтобъ сравнивать его съ поэтами своей родины... Подобныя неглѣпости не заслуживали бы ничего, кромѣ презрѣнія, какъ выраженіе безсильной злобы; но веселое скаканіе водовозныхъ существъ на могилѣ павшаго въ бою льва возмущаетъ душу, какъ зрѣлище неприличное и отвратительное; а наглое безстыдство низости имѣеть свойство выводить изъ терпѣнія достоинство, сильное одною истинною... Мулрено ли, что и такое ничтожное само-по-себѣ обстоятельство, раздражая людей, способныхъ понять и оцѣнить Пушкина какъ должно, только болѣе и болѣе увлекало ихъ въ благородномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безотчетномъ удивленіи къ великому поэту?..

Между-тѣмъ, время шло впередъ, а съ нимъ шла впередъ и жизнь, порождая изъ себя новыя явленія, дающія сознанію новые факты и подвигающія его на пути развитія. Общество русское съ невольнымъ удивленіемъ, полнымъ ожиданіемъ и надеждою чего-то великаго, обратило взоры на новаго поэта, смѣло и гордо открывавшаго ему новыя стороны жизни и искусства. Равенъ ли по силѣ таланта, или еще и выше Пушкина былъ Лермонтовъ — не въ томъ вопросъ: несомнѣнно только, что даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтовъ призванъ былъ выразить собою и удовлетворить свою поэзію несравненно-высшее, по своимъ требованіямъ и своему характеру, время, чѣмъ то, котораго выраженіемъ была поэзія Пушкина. И менѣе, чѣмъ въ какихъ-нибудь пять лѣтъ, протекшія отъ смерти Пушкина, русское общество успѣло и радостно встрѣтить пышнѣйшій восходъ и горестно проводить безвременный закатъ новаго солнца своей поэзіи!.. Другой поэтъ, вышедшій на литературное поприще при жизни Пушкина и привѣтствованный имъ, какъ великая надежда будущаго, послѣ долгаго и скорбнаго безмолвія, подарилъ наконецъ публику такимъ тво-

реніемъ, которое должно составить эпоху и въ лѣтописяхъ литературы, и въ лѣтописяхъ развитія общественнаго сознанія... Все это было безмолвною, фактической философіею самой жизни и самаго времени, для рѣшенія вопроса о Пушкинѣ. Толки о Пушкинѣ наконецъ прекратились, но не потому, чтобъ вопросъ о немъ переставалъ интересовать публику, а потому-что публика не хочетъ уже слышать повторенія старыхъ, одностороннихъ мнѣній, требуя мнѣнія новаго и независимаго отъ предубѣжденій, въ пользу или невыгоду поэта. Повторяемъ: мнѣніе это могло выработаться только временемъ и изъ времени, и чуждые ложнаго стыда, не побоясь сказать, что одною изъ главныхъ причинъ, почему не могли мы ранѣе выполнить своего обѣщанія нашимъ читателямъ, касательно разбора сочиненій Пушкина, было сознаніе неясности и неопредѣленности собственнаго нашего понятія о значеніи этого поэта. Знаемъ, что такое признаніе пробудитъ остроуміе нашихъ доброжелателей: въ добрый часъ — пусть себѣ острятся! Мы не завидуемъ юнымъ натурамъ, которыя все узнаютъ за одинъ присѣсть и, узнавши разъ, одинаково думаютъ о предметѣ всю жизнь свою, хвалясь неизмѣнчивостію своихъ мнѣній и неспособностію ошибаться. Да, не завидуемъ: ибо глубоко убѣждены, что только тотъ не ошибался въ истинѣ, кто не искалъ истины, и только тотъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, въ комъ нѣтъ потребности и жажды убѣжденія; исторія, философія и искусство — не то, что математика, съ ея вѣчными и неподвижными истинами: движеніе математики, какъ науки, состоитъ не въ движеніи ея истинъ, а въ открытіи новыхъ и кратчайшихъ путей къ достиженію неизмѣнныхъ результатовъ. Въ царствѣ математики нѣтъ случайности и произвола, за то нѣтъ и жизни; но исторія, философія и искусство живутъ какъ природа, какъ духъ человѣ-

ческій, выражаемая ими, живутъ вѣчно измѣняясь и обновляясь; въ единство скрыто въ многообразіи и разнообразіи, необходимость — въ свободѣ, разумность — въ случайности. Кто хочетъ уловлять своихъ сознаніемъ законы ихъ развитія, тотъ самъ, подобно имъ, долженъ развиваться: доходить до результатовъ истиннымъ и въ легкомъ наслажденіи апатическаго спокойствія, а въ болѣзняхъ и мукахъ рожденія: верно истинны въ благодушной душѣ то же, что младенецъ въ утробѣ матери — предметъ пламенной любви и трудныхъ попеченій, источникъ блаженства и скорбей...

Кромѣ того, насъ останавливали еще предѣлы замышляемой нами статьи. Наблюдая за холодомъ отечественной литературы, мы, естественно, часто должны были въ прошедшемъ отыскивать причины настоящаго, и прорывать въ историческую связь явленій. Чѣмъ болѣе думали мы о Пушкинѣ, тѣмъ глубже прозрѣвали въ живую связь его съ прошедшимъ и настоящимъ русской литературы, и убѣждались, что писать о Пушкинѣ — значитъ писать о цѣлой русской литературѣ: ибо какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утѣшительна: она показываетъ, что не смотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, естественно, у нея есть исторія. Мы далеки отъ самолюбивой мысли удовлетворительно развить это возвращеніе въ русскую литературу, и желаемъ только одного — хоть намекнуть на это возвращеніе и проложить другія дорожки, гдѣ еще не протоптано и тропинки. Пусть другіе сдѣлаютъ это дѣло насъ: мы первые порадуемся ихъ успѣху, а сами для себя будемъ свободны и тѣмъ, если намъ, наконецъ на это возвращеніе, удастся вознестись конемъ старымъ толкамъ с русской

литературѣ и произвольнымъ личнымъ сужденіямъ о русскихъ писателяхъ...

Вотъ для чего, приступая къ критическому разсмотрѣнію сочиненій Пушкина, мы почли за необходимое сперва обозрѣть ходъ и развитіе русской поэзіи (ибо предметъ нашихъ статей будетъ не литература въ обширномъ смыслѣ, а только поэзія русская) съ самаго ея начала. Выходъ новаго изданія сочиненій Державина, доставилъ намъ удобный случай взглянуть съ нашей точки зрѣнія на его творенія, и нашу статью о Державинѣ мы считаемъ началомъ статьи о Пушкинѣ, почему и намѣрены связать объ эти статьи обзоромъ историческаго развитія русской поэзіи отъ Державина до Пушкина, черезъ что статья наша о Державинѣ будетъ еще пополнена и уяснена общемою идеею, которая должна быть основою всего ряда этихъ статей, образующихъ собою *критическую исторію* изящной литературы русской. Вслѣдъ за статьями о Пушкинѣ, мы немедленно приступимъ къ разбору (тоже давно нами обѣщанному) сочиненій Гоголя и Лермонтова. И хотя въ нашемъ журналѣ не разъ и не мало было говорено объ этихъ писателяхъ, — однако же общаемиа статьи нисколько не будутъ повтореніемъ сказаннаго.

Русская литература есть не туземное, а пересаженное растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей-самой и ея исторіи; не повясть этого обстоятельства, или не обратить на него всего вниманія, значитъ не повясть ни русской литературы, ни ея исторіи. Мы начали ея характеристику сравненіемъ — и продолжимъ сравненіемъ же. Одни растенія, будучи перенесены въ новый климатъ и пересажены въ новую почву, сохраняютъ свой прежній

видъ и свои прежнія качества; другія измѣняются въ томъ и другомъ, по вліянію на нихъ новаго климата и новой почвы. Русская литература можетъ быть сравниваема съ растеніями втораго рода. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до-сихъ-поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи — отрѣшиться отъ результатовъ искусственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Европы и явилась у насъ какъ заморское нововведеніе. Ее понимали какъ искусство слагать вирши на разные торжественные случаи. Тредьяковскій былъ привилегированнымъ придворнымъ *кѣмтой* и «воспѣвалъ» даже балы и маскарады придворные, словно какъ государственныя событія. Ломоносовъ, *первый* русский поэтъ, тоже понавлялъ поэзію, какъ «воспѣваніе» торжественныхъ случаевъ, и первая ода его (и въ то же время первое русское стихотвореніе, написанное правильнымъ разиѣромъ) была пѣснью на взятіе русскими войсками Хотина. Это было въ 1739 году; стало-быть, теперь этому *сто-четыре* года. Впрочемъ, «пѣснопѣческой» и «воспѣвательной» взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ. Всеобщемою извѣстностію тогда пользовались только древнія литературы, изъ которыхъ греческая была или по наслышкѣ извѣстна, или искаженно и превратно понимаема, а латинская, лучше знаемая и болѣе доступная и любимая, считалась идеаломъ всякой изящной литературы. Изъ новѣйшихъ литературъ пользовались всеобщемою извѣстностію только французская и итальянская, особенно первая, ибо она наиболѣе находилась подъ вліяніемъ латинской, по-крайней-мѣрѣ, во внѣшнихъ формахъ. Нѣмецкой изящной литературы тогда еще не существовало; испанская и англійская не были извѣстны за предѣлами своихъ земель.

Итакъ, изъ новѣйшихъ литературъ, французская царилла надъ всѣми другими, гордо презирая английскую и испанскую, какъ выраженіе крайняго безвкусія, почитая Данта уроливимъ поэтомъ, и восхищаясь по свѣдѣнію Петраркою и Тассомъ. Вліяніе древнихъ литературъ на французскую (а слѣдственно и на всѣ другія въ Европѣ того времени) состояло въ условныхъ понятіяхъ о вѣднней формѣ поэтическихъ произведеній и уподобленіяхъ кстатн и не кстатн изъ языческой міеологіи. У древнихъ стихи не читались, а говорились речитативомъ съ аккомпаньеманомъ музыкальнаго инструмента — лиры; отъ-того у древнихъ «пѣть» значило въ переносномъ значеніи «сочинять стихи». Въ новомъ мірѣ, стихи не пѣлись, а читались, и лиры совсѣмъ не существовало; но приличіе требовало, чтобъ въ стихахъ не обходилось безъ «пою» и «лиры». Міеологія была выраженіемъ жизни древнихъ, и ихъ боги были не аллегоріями, не символами, не риторическими фигурами, а живыми понятіями въ живыхъ образахъ. Въ новомъ мірѣ царилла религія Христа и, стало-быть, боговъ не было; но не смотря на то, нельзя было написать никакого стихотворенія, гдѣ бы не стрѣляли изъ лука амурь и купидоны, не были борец, Цептунъ не воздымалъ моря, зефирь не дышали прохладю и т. д. А почему? — потому-что такъ было у Грековъ и Римлянъ! По воззрѣнію Грековъ, трагедія могла быть только апоэеозю государственной жизни, и отъ-того у нихъ дѣйствовали въ ней только представители стихій государственности: цари, герои, военачальники, правители, жрецы (а по связи ихъ жизни съ религіею и боги); народъ же могъ присутствовать на сценѣ только въ видѣ хора, выражавшаго лирическими изліяніями свое участіе не въ происходящемъ передъ его глазами событіи, но свое участіе къ происходившему передъ его глазами событію. Единство основной идеи считалось у Грековъ столько не-

обходимымъ условіемъ для трагедіи, какъ и для всякаго другаго произведенія поэзіи; единство же мѣста и времени отнюдь не считалось необходимою, но часто соблюдалось какъ по простотѣ и немногосложности дѣйствія, такъ и по обширности сцены. Драма турги новѣйшаго міра поняли это по свѣдѣнію. Набожно хранили они въ трагедіи правило тріединства; допускали въ нее только царей и героевъ съ ихъ наперсниками, а изъ простаго народа позволяли появляться на сценѣ только «вѣстникамъ». Вотъ что значитъ принять фактъ за идею! Созданія греческой поэзіи, вышедшія изъ жизни Грековъ и выразившія ее собою, показались для новыхъ поэтовъ нормою и первообразомъ для поэзіи народовъ другаго времени! Это особенно видно изъ понятія псевдо-классиковъ объ эпосѣ греческой эпосѣ «Иліадѣ» и рабскій склоровъ съ нею — «Энеидѣ» привалили за эпосѣ всеобщій и думали, что до скончанія міра всѣ эпическія поэмы должны писаться по ихъ образцу, безъ малѣйшаго отступленія, даже начинаться не иначе какъ «муза, воспой, ли «пою». Поэтому, истинная «Иліада» древнихъ вѣковъ — «Божественная Комедія» Данта, выразившая собою всю глубину духовной жизни своего времени, въ свойственныхъ этой жизни и этому времени формахъ, казалась имъ не эпическою поэмою, а уроливимъ произведеніемъ. Да и какъ могло быть иначе: она начиналась не съ глагола «вою» и называлась — о, ужась! — комедіею!.. Эпическая поэзія, по понятію псевдо-классиковъ, должна была «воспѣвать» какое-нибудь великое событіе въ жизни человечества, или въ жизни народа, — и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мѣстнаго колорита, приводиться въ движеніе сверхъестественными силами, выражаться напыщенно и безпѣтливо, — чего необходимо требуетъ всякая податка подъ ту-

жую форму и тѣмъ боѣе подѣ чужую жизнь. Вотъ происхожденіе *реторической поэзіи*. Основаніе ея — отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности; характеръ — ложь и общія мѣста. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.

Ломоносовъ былъ первымъ основателемъ русской поэзіи и первымъ поэтомъ Руси. Для насъ теперь непонятна такая поэзія: она не оживляетъ нашего воображенія, не шевелитъ сердца, а только производитъ въ насъ скуку и зѣвоту. Но если сравнивать Ломоносова съ Сумароковымъ и Херасковымъ — стихотворцами, вышедшими на поприще послѣ него, — то нельзя не признать въ Ломоносовѣ значительнаго дарованія, которое пробивается даже въ ложныхъ формахъ реторической поэзіи того времени. Только одинъ Державинъ былъ несравненно больше поэтъ, чѣмъ Ломоносовъ: до Державина же Ломоносову не было никакихъ соперниковъ, и хотя Сумароковъ и Херасковъ и были современниками не ниже его, но имъ до него —

Какъ до звѣзды небесной далеко!

Сравнительно съ ними, языкъ его чистъ и благороденъ, слогъ точенъ и силенъ, стихъ исполненъ блеска и паренія. Если же не всякій могъ такъ писать, какъ Ломоносовъ, значить — нужно имѣть талантъ, чтобъ писать такъ, какъ писалъ онъ. Поэзія Корнеля и Расина для насъ — ложная, реторическая поэзія, и намъ отъ нея спится такъ же сладко, какъ и отъ поэзіи Сумарокова; но чтобъ и теперь писать такъ, какъ писали въ свое время Корнель и Расинъ, надо имѣть большой талантъ; писать же такъ, какъ писалъ Сумароковъ, не нужно было никакого таланта и въ его время, а нужна была только охота и страсть къ писанію. Въ одахъ Ломоносова: «Къ Юву», «Утреннее» и «Вечернее размышленіе о величествѣ Божиѣмъ», кромѣ замѣчательнаго искусства версификаціи, видны еще одушевленіе и чувство, чего незамѣтно ни въ одномъ стихотвореніи

Сумарокова или Хераскова. Поэзія Ломоносова — хвалебная и торжественная по преимуществу. Сумароковъ писалъ, по крайней мѣрѣ, комедіи, эклоги, сатиры, кромѣ трагедій и одъ: Ломоносовъ писалъ только оды, и кромѣ ихъ написалъ двѣ трагедіи, да неконченную пѣэму «Петриаду». Таковъ былъ духъ времени; такъ понимали тогда поэзію въ Европѣ, и разстояніе между «Петриадою» Ломоносова и «Генриадою» Вольтера, право, невелико. Въ «Петриадѣ» Ломоносовъ описываетъ дворецъ Нептуна на дѣ Бѣлаго-Моря: нашъ поэтъ не подумалъ о томъ, что отвелъ слишкомъ-холодную квартиру обитателю Средиземнаго-Моря и греческаго Архипелага. Петръ-Великій и Нептунъ, морской богъ древнихъ Грековъ; какое сближеніе! Понятно, почему не кончилъ Ломоносовъ своей дикой, напыщенной поэмы: у него было отъ природы столько здраваго смысла и ума, что онъ не могъ кончить подобнаго *tour de force* воображенія, поднятаго на дыбы. Трагедіи Ломоносова похожи на его «Петриаду». Сумароковъ писалъ во всѣхъ родахъ, чтобъ сравняться съ господиномъ-Вольтеромъ, и во всѣхъ равно былъ безталантѣе. Но о поэзіи тогда думали иначе, нежели думаютъ теперь, и при страсти къ писанію и раздражительномъ самолюбіи, трудно было не сдѣлаться великимъ гениемъ. Современники были безъ ума отъ Сумарокова. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей екатерининскихъ временъ, Новиковъ, въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ»: «Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями приобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. И хотя первый изъ Россіянъ онъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства; но столько успѣлъ во оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Ра-

«сина. Его влоги равняются знающим людям съ виргилиевыми, и по-днесъ еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнасса; и въ семь родѣ стихотворенія далеко превосходятъ онъ Федра и де ла Фонтена, славнѣйшихъ въ семь родѣ. Впрочемъ всѣ его сочиненія, любителями россійскаго стихотворства весьма много почитаются» (стр. 207 — 208). Такія похвалы Сумарокову теперь, конечно, очень-смѣшны; но онъ имѣютъ свой смыслъ и свое основаніе, доказывая, какъ важны, полезны и дороги для успѣховъ литературы тѣ смѣлыя и неутомимые труженники, которые, въ простотѣ сердца, принимаютъ свою страсть къ бумагомаранію за великій талантъ. При всей своей бездарности, Сумароковъ много способствовалъ къ распространенію на Руси охоты къ чтенію и къ театру. Современники дорожатъ такими людьми, добродушно удивляясь имъ, какъ гениямъ. Вотъ что говоритъ тотъ же Новиковъ о Василии Кирилловичѣ Тредіаковскомъ: «Сей мужъ былъ великаго разума, многого ученія, обширнаго знанія, и безпримѣрнаго трудолюбія; весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, италіанскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ; также въ философіи, богословіи, краснорѣчій и въ другихъ наукахъ. Полезными своими трудами приобрьлъ себѣ безсмертную славу, и первый въ Россіи сочинилъ правила новаго россійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобъ одного человѣка достало къ тому столько силъ; ибо одну древнюю Ролленеву исторію перевелъ онъ два раза..... При томъ не обинуясь къ его чести сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству: при чемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ, и первый по-ложившій толяко труда и прилежанія

«въ переводѣ на россійскій языкъ полезныхъ книгъ» (стр. 118 — 119).

Мы не безъ намѣренія дѣлаемъ эти выписки: свидѣтельство современниковъ, какъ всегда пристрастное, не можетъ служить доказательствомъ истины и послѣднимъ отвѣтомъ на вопросъ, но оно всегда должно приниматься въ соображеніе при сужденіи о писателяхъ, ибо въ немъ всегда есть некоторая часть истины, часто невозможная для потомства. Посему, мы не разъ еще прибѣгнемъ къ подобнымъ выпискамъ въ продолженіи нашей статьи, чтобъ показать ими, какъ смотрѣли на то или другаго писателя его современники, изъ чего, нѣкоторымъ образомъ, можно судить о степени его важности въ исторіи литературы.

Громкою славою пользовались ушковъ и любителей литературы то времени четверо писателей изъ школы Ломоносова — Поповскій, Хераковъ, Петровъ и Костровъ. Поповскій обязанъ своею громкою извѣстностію въ то время лестнымъ отзывомъ Ломоносова о переведенномъ имъ стихотвореніи «Опытѣ о Человѣкѣ». Попа. Вотъ что говоритъ о Поповскомъ Новиковъ: «Опытъ о Человѣкѣ славнаго въ ученіи свѣтѣ Попа перевелъ онъ съ французскаго языка на россійскій, съ такимъ искусствомъ, что по мнѣнію знающихъ людей гораздо ближе подошелъ къ подлиннику и не знаетъ англійскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницательность въ мысли авторскія. Содержание сей книги столь важно, что и правильно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ французскаго, и перевелъ съ собою самымъ искусствомъ, какъ стихотворецъ: напечатана она въ Москвѣ 1757 года. Онъ перевелъ съ латинскаго языка въ латинскіи стихи Горациеву эпистолю о свѣтѣ, и нѣсколько изъ его одъ перевелъ прозою книгу о воспитаніи дѣтей, состоящую въ двухъ частяхъ славнаго Локка: *celi переводъ по Локку*

этакихъ людей едва не превосходитъ насъ и подлинникъ. Онъ сочинилъ нѣсколько рѣчей, читавыхъ въ публичныхъ собраніяхъ, и также писалъ торжественныя оды. Вообще стихотворство его чисто и плавно, а изображенія просты, ясны, пріятны и превосходны. (стр. 168—169). Поповскій умеръ 30 лѣтъ, и сжегъ свой переводъ Гита Дивія (котораго перевелъ больше половины) и переводъ многихъ одъ Анакреона, будучи недоволенъ своими переводами и боясь, чтобъ послѣ его смерти они не были напечатаны. Стихи Поповскаго, по своему времени, дѣйствительно-хороши, а недовольство его несовершенствомъ трудовъ своихъ еще болѣе обнаруживаетъ въ немъ человѣка съ дарованіемъ. Замѣчательно, что многія мѣста переведеннаго имъ «Опыта» были не пропущены тогдашнею цензурою.

Херасковъ написалъ цѣлыя двѣнадцать томовъ. Онъ былъ и эпикъ, и лирикъ, и трагикъ, писалъ даже «слезныя драмы» и комедіи, и во всемъ этомъ обнаружилъ большую страсть къ литературѣ, большое добродушіе, большое трудолюбіе и — большую безталантность. Но современники думали о немъ иначе, и смотрѣли на него съ какимъ-то робкимъ благоговѣніемъ, какого не возбуждали въ нихъ ни Ломоносовъ, ни Державинъ. Причиною этого было то, что Херасковъ подарилъ Россію двумя эпическими или героическими поэмами — «Россіадою» и «Владиміромъ». Эпическая поэма считалась тогда высшимъ родомъ поэзіи, и не имѣть хоть одной поэмы народу, значило тогда не имѣть поэзіи. Какова же должна быть гордость отцовъ нашихъ, которые знали, что у Итальянцевъ была одна только поэма — «Освобожденный Іерусалимъ», у Англичанъ, то же одна — «Потерянный Рай», у Французовъ одна, и то недавно написанная — «Генриада», у Нѣмцевъ, одна, почти въ одно время съ поэмами Хераскова написанная — «Мессіада» даже у самихъ Римлянъ только одна

поэма, а у насъ, Русскихъ, такъ же какъ и Грековъ, цѣлыя двѣ! Каковы эти поэмы — объ этомъ не рассуждали, тѣмъ болѣе, что никому въ голову не приходила мысль о возможности усомниться въ ихъ высококомъ достоинствѣ. Самъ Державинъ смотрѣлъ на Хераскова съ благоговѣніемъ и разъ, безъ умысла, написалъ на него злую эпиграмму, думая написать мадригалъ, въ стихотвореніи «Ключъ», которымъ оканчивается слѣдующими стихами:

Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключъ,
Помль годой ты стихотворства.

Дмитріевъ такъ выразилъ свое удивленіе къ Хераскову, въ этой надписи къ его портрету:

Пускай отъ зависти сердца земловъ но-
ютъ;

Хераскову они вреда не принесутъ:

Владиміръ, Іоаннъ шитою его покро-
ютъ

И въ храмъ безсмертя проведутъ.

Мы увидимъ ниже, какъ долго еще продолжалось мистическое уваженіе къ творцу «Россіады» и «Владиміра», не смотря на сильныя возстанія противъ его авторитета въ некоторыхъ дѣрскихъ умовъ: оно совершенно окончилось только при появленіи Пушкина. Причина этого мистическаго уваженія къ Хераскову заключается въ риторическомъ направленіи, глубоко охватившемъ нашу литературу. Кромѣ этихъ двухъ стихотворныхъ поэмъ, Херасковъ написалъ еще три поэмы въ прозѣ: «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармонія» и «Нума Помпилій, или Прощѣтающій Римъ». «Похожденія Телемака» Фенелона, «Гонзальвъ Кордуанскій» и «Нума Помпилій» Флоріана, были образцами прозаическихъ поэмъ Хераскова. Замѣчательно предисловіе автора къ первой изъ нихъ: «Мнѣ совѣтывали переложить сіе сочиненіе стихами, дабы видъ эпической поэмы оно пріятно. Надѣюсь, могутъ читатели повѣрить мнѣ, что я въ состояніи былъ издать сіе сочиненіе стихами; но я не поэму пи-

сагъ, а хотѣлъ сочинить простую токмо похвалу, которая для стихословія не есть удобна. Кому извѣстны пѣническія правила, тотъ при чтеніи сей книги почувствуетъ, для чего не стихами она писана. Далѣе, Херасковъ возстаеъ противъ мнѣнія Тредіаковскаго, утверждавшаго, что поэмы должны писаться безъ рифмъ и что «Телемакъ» именно потому не ниже «Иліады», «Одиссеи» и «Энеиды» и выше всѣхъ другихъ поэмъ, что писана безъ рифмъ. Дѣтское простодушіе этихъ мнѣній и споровъ лучше всего показываетъ, какъ далеки были словесники того времени отъ истиннаго понятія о поэзіи, и до какой степени видѣли они въ ней одну реторику. Въ «Полидорѣ» особенно замѣчательно внезапное обращеніе Хераскова къ русскимъ писателямъ. Имена ихъ означены только заглавными буквами — характеристическая черта того времени. чрезвычайно скрупулезнаго въ дѣлѣ печати. Но мы выпишемъ ихъ имена вполнѣ, кромѣ тѣхъ, которыя трудно угадать: «Такова есть сила пѣснословія, что боги сами восхищаются пріятельнымъ музъ пѣніемъ, музъ небесныхъ, пиршества ихъ на холмистомъ Олимпѣ сопровождающихъ; — и кто не восхитится стройностію лиръ пріятныхъ? чье сердце не тронется сладостнымъ гласомъ музъ вдохновенныхъ пѣнговъ? сердце суровое и нечувствительное, единый наружный токмо слухъ имѣющее, или пріятности стихотворства ощущать не способное. Можетъ ли чувствительная душа, можетъ ли въ восторгъ не прійти, внимая громкому и важному пѣнію наперсника музъ, парящаго Ломносова? Можетъ ли кто не плѣниться живыми и пріятными твореніями С (?)? Я пою въ моемъ отечествѣ, и пѣнговъ россійскихъ исчисляю; мнѣ они путь къ горѣ парнасской проложили; святомъ ихъ озаряемый, восплаю я рос-

(*) Должно быть, дѣло идетъ о *Евстафій Станевичъ*, весьма-плохомъ пѣнѣ того времени.

сійскихъ древнихъ царей и героев; восплаю Каама не стопосложнымъ, но простымъ слогомъ; нынѣ повѣстувъ Полидора, не внимая сужденію небителеев россійскаго слова, ни укоривъ намъ завистливыхъ челоуѣковъ, и уничиженіи другихъ славу свою поставляющихъ. Но пусть они гипокренскаго источника прежде не достигнутъ, тогда уступивъ имъ дары, спокойно за ними послѣдуя: славы и недостойныя творенія забвенны будутъ. А вы, мои предшественники, вы, мои достославные современники, въ памяти нашихъ потомковъ впечатлѣны и славимы вы будете; — и ты, бардъ временъ нашихъ, превосходный пѣвецъ и тщательный свисатель красокъ истуры (!) И ты, Державинъ, во вѣки не умрешь по твоему вхожденному свѣтлыму нареченію. Но не давай прохладжаться священному пламени, и духъ твоемъ музами восплаени; музъ не любятъ, кто, ими призванъ будучи, рѣдко съ ними бесѣдуетъ. Тебѣ, любимецъ музъ, Русскій Путешественникъ Карамзинъ; тебѣ, чувствительный Нелединскій; тебѣ, пріятный пѣвецъ Дмитріевъ; тебѣ, Богдановъ, творецъ Душеньки; и тебѣ, Петровъ, писатель одъ громогласныхъ, какистію преисполненныхъ, то же я и щую. А вы, юные музъ питомцы, россійскаго пѣснопѣнія любители! шествуйте ко храму ихъ медленно, осторожно и рачительно; оны воздвигнутъ на горѣ высокой; стези къ нимъ пробираютъ сквозь скалы крутыя, извитыя, перепутанныя. Достигнувъ парнасскаго вершины, изливши въ васъ, раченіе, тщательность и осѣняющаго гору дровесами пресе-

(*) Здѣсь, вѣроятно, идетъ дѣло о *Бобровъ*, авторъ описательной поэмы: «Херсонидъ, или дѣтній день на полуостровѣ Херсонидѣ» и разныхъ лирическихъ сочиненій. Бобровъ замѣчательно талантливъ, что былъ знакомъ съ англійскою литературою и подражалъ ей писателямъ англійской школы.

жадевы будутъ; чело ваше пріосѣнит-
ся вѣщемъ неувядаемымъ. Но памя-
туйте, что ядовитость, самолюбіе и
шеславіе музамъ не приличны суть;
онѣ дѣвы, и любятъ непорочность
правовъ, любятъ нѣжное сердце, серд-
це чувствующее, душу мыслящую.
Неимѣющие правилъ добродѣтели
главнымъ своимъ видомъ, вольнодум-
цы, горделивые стопослагатели, бла-
га общаго нарушители, друзьями
ихъ наречья не могутъ. Буди цѣло-
мудръ и кротокъ, кто безсмертныя
пѣсни составлять хочетъ! Таковы
строги суть уставы горы парнасской,
на коей возсѣдаютъ безсмертныя піи-
ты, вити и прочіе други Фивовы.
Гв. Хераск. Т. XI, стр. 1—3).

Бѣдный Херасковъ! думалъ ли онъ,
ища эти строки, что, всю жизнь свою
прого исполнявъ нравственныя пра-
вила своей эстетики, онъ тѣмъ не ме-
нѣ самъ будетъ забыть благодар-
нымъ потомствомъ?

Странно, однако, что отзывъ Нови-
ва о Херасковѣ сдѣланъ въ доволь-
но умѣренныхъ выраженіяхъ: «Во-
обще сочиненія его весьма-много по-
хваляются; а особливо, трагедія Бо-
иславъ, оды, пѣсни, обѣ поэмы, всё
то сатирическія сочиненія и Нума
Юмпилій, приносятъ ему великую
честь и похвалу. Стихотворство его
чисто и пріятно, слогъ текущъ и
вердъ, изображенія сильны и сво-
одны; его оды наполнены стихо-
ворческаго огня, сатирическія сочи-
ненія остроты и пріятныхъ замы-
словъ, а Нума Помпилій философиче-
скихъ разсужденій; и онъ по справед-
ливости почитается въ числѣ луч-
шихъ нашихъ стихотворцовъ, и за-
уживаетъ великую похвалу. (стр.
7).

Петровъ считался громкимъ лири-
къ и остроумнымъ сатирикомъ. Труд-
вообразить себѣ что-нибудь жост-
ко грубо и напыщеннѣе дебелой ли-
т-этого семинарскаго пѣвца. Въ одѣ
на Побѣду російскаго флота
турецкимъ много той напыщен-

ной высокопарности, которая счита-
лась въ то время лирическимъ востор-
гомъ и піитическимъ пареніемъ. И
потому, эта ода особенно восхищала
современниковъ. И дѣйствительно, она
лучше всего прочаго, написаннаго
Петровымъ; потому—что все прочее
изъ-рукъ-вонъ плохо. Грубость вкуса
и площадность выраженій составля-
ютъ характеръ даже нѣжныхъ его
стихотвореній, въ которыхъ онъ вос-
пѣвалъ живую жену и умершаго сына
своего. Но такова сила преданія: Ка-
ченевскій еще въ 1813 году, когда Пе-
трова давно уже не было на свѣтѣ,
восхвалялъ его въ своемъ «Вѣстникѣ
Европы!». Странно, что въ «Опытѣ
историческаго Словаря о російскихъ
писателяхъ», Новиковъ холодно и да-
же насмѣшливо, а потому и весьма-
справедливо, отозвался о Петровѣ:
«Вообще о сочиненіяхъ его сказать
можно, что онъ *напрямая* мѣти по-
сѣдамъ російскаго лирика; и хотя
нѣкоторые и называютъ уже его вто-
рымъ Ломоносовымъ, но для сего
сравненія надлежитъ ожидать важна-
го какого-нибудь сочиненія, и послѣ
того заключительно сказать, будетъ
ли онъ вторымъ Ломоносовъ, или оста-
нется только Петровымъ и будетъ
имѣть честь слыть подражателемъ
«Ломоносова» (стр. 163). Этотъ отзывъ
взбѣсилъ Петрова, и онъ отвѣтилъ са-
тирою на «Словарь», которая можетъ
служить образцомъ его сатирическаго
остроумія:

.....Я шлюсь на Словаря,
Въ немъ имя ты мое найдешь безъ фо-
наря;
Смотритко, тамо я какъ солнышко бли-
стаю,
На самой маковкѣ Парнасса превитаю!
То правда, косна желвъ тамъ сдѣлана
орломъ,
Кокушка лебедемъ, ворона соколомъ;
Тамъ монастырскіе запечны лежебоки
Пожалованы всѣ въ искусники глу-
боки;
Коль вѣрнтъ Словарю, то сколько есть
дворовъ,
Столь много на Руси великихъ авто-
ровъ;

Тамъ подлой на ряду съ шепомъ сто-
итъ алыршикъ,

Съ баклагой сбѣтонникъ, и водоливъ
съ бадьей;

А все то авторы, все мужи имениты,
Да были до-сихъ-поръ оплошностью за-
быты:

Теперь свѣтъ умному обязанъ молодцу,
Что полку ихъ именъ составилъ памят-
цу;

Въ дни древни, въ-старину жилъ, былъ
де царь Ватуто,
Онъ былъ, да жилъ да былъ, и сказка-
то вся тутю.

Такой-то въ эдакомъ писатель жилъ
году,

Имъ строчки на своемъ не издавъ онъ
роду;

При всемъ томъ слогу имѣлъ, повѣрь-
те, молодецкой;

Зналъ греческій языкъ, китайской и
турецкой.

Тотъ умныхъ сто-лько-то наткалъ про-
повѣдей:

Да ихъ въ печати нѣтъ. О! былъ онъ
грамотѣй;

Во семь годъ цвѣлъ Гома, а въ эдакомъ
Ерема;

Какая же по немъ осталася поэма?
Слогъ пылокъ у сего и разумъ такъ ле-
тучъ,

Какъ молнія въ воздухъ сверкающа изъ
тучъ.

Сей первый издавъ въ свѣтъ шутовскую
пѣсню,

Но точнымъ правиламъ и хохота по-
вѣсу.

Сей надписъ начерталъ, а этотъ пате-
рикъ;

Въ томъ разума былъ пудъ, а въ этомъ
четверикъ.

Тотъ истинку хранилъ, чтялъ сердцемъ
добродѣтель,

Друзьямъ былъ вѣрный другъ и бѣд-
нымъ благодѣтель;

Въ великомъ тѣлѣ духъ великой же
имѣлъ,

И вида смерть въ глазахъ, былъ муже-
ственъ и смѣлъ.

Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ
глубокъ, въ комъ мелокъ,

Кто съ нимъ батажился, былъ другъ
ему и братъ,

Во святцахъ тотъ его не меньше какъ
Сократъ.

О други, что своимъ дивитесь работамъ,
Сю вы памятку читайте по субботамъ!

Когда жъ возлюбленный всероссийскій
нашъ Словарь

Плохъ разумомъ судья, плохъ нашихъ
хвалъ звонарь:

Кто жъ будетъ цѣновникъ сложений
стихотворныхъ,

Кто смеетъ отличить хороша отъ
издоритка!

Костровъ прославилъ себя пере-
домъ шести пѣсенъ «Илиады» шести
стопнымъ ямбомъ. Переводъ жестокъ
и дебелъ, Гомера въ немъ нѣтъ и ни
знаковъ; но онъ такъ хорошо соот-
вѣствовалъ тогдашнимъ понятіямъ оми-
зіи и Гомерѣ, что современники
могли не признать въ Костровѣ огра-
наго таланта.

Изъ старой до-державинской ши-
лы, пользовался большою извѣстностію
подражатель Сумарокова — Майковъ.
Онъ написалъ двѣ трагедіи, сѣмъ
оды, посланія, басни, въ особенности
прославился двумя такъ-называемыми
«комическими» поемами: «Евлей», и
раздраженный Вакхъ» и «Игры Ян-
бера». Г. Гречъ, составитель списковъ ру-
скихъ литературныхъ находокъ въ по-
емахъ Майкова «необыкновенный фи-
зическій даръ», но мы, кромѣ клячи-
ныхъ красотъ и веселости дурацкаго
на, ничего въ нихъ не могли найти.

Съ Державина начинается новый
періодъ русской поэзіи, и какъ Ломо-
носовъ былъ первымъ ее писателемъ,
такъ Державинъ былъ вторымъ. Въ
лицѣ Державина, поэзія русская ста-
ла великій шагъ впередъ. Мы слы-
ли, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ
пѣсняхъ Ломоносова, кромѣ элемен-
тальнаго по тому времени состоянію
статья версификаціи, есть еще и блго-
вліеніе и чувство: но здѣсь мы
прибавить, что характеръ этого
шевления и этого чувства обнару-
жаетъ въ Ломоносовѣ скорѣе
чѣмъ поэта, и что элементъ худож-
ственныхъ рѣшительно не имѣлъ
въ одномъ его стихотвореніи. Державинъ,
напротивъ, чисто-художественная
склонность, поэтъ по призванію; из-
веденія его превзошли всѣ предшес-
тующія поэзіи какъ искусство, и
смотря на то, общій и индивидуальный
характеръ его поэзіи — развѣтъ
въ этомъ виноватъ не онъ, а современники.
Въ Ломоносовѣ беремъ два образца

— поета и ученаго, и послѣднее было сильнѣе перваго; Державинъ былъ только поэтъ, и больше ничего. Въ стихотвореніяхъ его уже нѣчего удивляться одушевленію и чувству—это не первое и не лучшее ихъ достоинство: онѣ запечатлѣны уже высшимъ признакомъ искусства—проблесками художественности. Муза Державина сочувствовала музѣ эллинской, царица всѣхъ музъ, и въ его анакреонтическихъ одахъ промелькиваютъ пластическіе и граціозные образы древней антологической поэзіи; а Державинъ между-тѣмъ не только не зналъ древнихъ языковъ, но и вообще лишонъ былъ всякаго образованія. Поэтому, въ его стихотвореніяхъ не рѣдко встрѣчаются образы и картины чисторусской природы, выраженные со всею оригинальностью русскаго ума и рѣчи. И если все это только промелькиваетъ и проблескиваетъ, какъ элементы и частности, а не является цѣлымъ и оконченнымъ, какъ созданія выдержанныя и полныя, такъ-что Державина должно читать всего, чтобы изъ разбѣянныхъ мѣстъ въ четырехъ томахъ его сочиненій составить понятіе о характерѣ его поэзіи, а ни на одно стихотвореніе нельзя указать, какъ на художественное произведеніе, — причина этому, повторяемъ, не въ недостаткѣ, или слабости таланта этого богатыря нашей поэзіи, а въ историческомъ положеніи и литературы и общества того времени. Посѣянное Екатериною II возрасло уже послѣ нея, а при ней вся жизнь русскаго общества была сосредоточена въ высшемъ сословіи, тогда-какъ всѣ прочіе были погружены во мракъ негѣжества и необразованности. Слѣдовательно, общественная жизнь (какъ совокупность извѣстныхъ правилъ и убѣжденій, составляющихъ душу всякаго общества человеческого) не могла дать творчеству Державина обильныхъ матеріаловъ. Хотя онъ и воспользовался всѣмъ, что только могло оно ему дать, однако этого было достаточно только

для того, чтобы поэзія его, по объему ея содержанія, была глубже и разнообразнѣе поэзіи Ломоносова (поэта временъ Елизаветы), не не для того, чтобы онъ могъ сдѣлаться поэтомъ не одного своего времени. Сверхъ-того, такъ-какъ всякое развитіе совершается постепенно и послѣдующее всегда испытываетъ на себѣ вѣнзѣльное вліяніе предшествовавшаго, то Державинъ не могъ, вопреки своей поэтической натурѣ, смотрѣть на поэзію иначе, какъ съ точки зрѣнія Ломоносова, и не могъ не видѣть выше себя не только этого учителя русской литературы и поэзіи, но даже Хераскова и Петрова. Однимъ словомъ: поэзія Державина была первымъ шагомъ къ переходу вообще русской поэзіи отъ риторики къ жизни, но не больше.

Мы здѣсь только повторяемъ, для связи настоящей статьи, говоримъ нашего возвращенія на Державина; кто хочетъ доказательствъ, тѣхъ отсылаемъ къ нашей статьѣ о Державинѣ во второй и третьей книжкахъ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года.

Важное мѣсто долженъ занимать въ исторіи русской литературы еще другой писатель екатерининскаго вѣка: мы говоримъ о Фонвизинѣ. Но здѣсь мы должны на-минуту воротиться къ началу русской литературы. Кромѣ того обстоятельства, что русская литература была, въ своемъ началѣ, введеномъ и пересадкою, — начало ея было ознаменовано еще другимъ обстоятельствомъ, которое тѣмъ важнѣе, что оно вышло изъ историческаго положенія русскаго общества и имѣло сильное и благодѣтельное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе нашей литературы до сего времени, и доселѣ составляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ и оригинальныхъ чертъ ея. Мы разумѣемъ здѣсь ея сатирическое направленіе. Первый по времени поэтъ русскій, писавшій варварскимъ языкомъ и силлабическимъ стихосложеніемъ, Кантемиръ, былъ сатирикъ. Если взять въ соображеніе частиче-

свое состояніе, въ которомъ находилось тогда русское общество, эту борьбу умирающей старины съ возникающимъ новымъ, то нельзя не признать въ поэзіи Кантемира явленія жизненнаго и органическаго, и ничего нѣтъ естественнѣе, какъ явленіе сатирика въ такомъ обществѣ. Съ легкой руки Кантемира, сатира вѣдралась, такъ сказать, въ нравы русской литературы, и имѣла благодѣтельное вліяніе на нравы русскаго общества. Сумароковъ велъ ожесточенную войну противъ «кропивнаго зелья» лихомидцевъ; Фонвизинъ казнилъ въ своихъ комедіяхъ дикое невѣжество стараго поколѣнія и грубый лоскъ поверхностнаго и вишняго европейскаго полуобразованія новыхъ поколѣній. Сынъ XVIII вѣка, умный и образованный, Фонвизинъ умѣлъ смѣяться, смѣяться, и весело и ядовито. Его «Посланіе къ Шумилову» переживетъ всѣ толстыя поэмы того времени. Его письма къ вельможѣмъ изъ-за границы, по своему содержанію, несравненно дѣльнѣе и важнѣе «Писемъ Русскаго Путешественника»: читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшной картинѣ французскаго общества, такъ мастерски нарисованной нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами Французы, далеко былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота. Его исповѣдь и юмористическія статейки, его вопросы Екатерины II, — все это исполнено для насъ величайшаго интереса, какъ живая лѣтопись прошедшаго. Языкъ его хотя еще не карамзинскій, однако уже близокъ къ карамзинскому. Но, по предмету нашей статьи, для насъ всего важнѣе двѣ комедіи Фонвизина — «Недоросль» и «Бригадиръ». Обѣ онѣ не могутъ назваться комедіями въ художественномъ смыслѣ этого слова: это скорѣе плодъ усилія сатиры стать комедіею, но отнимъ-то и важны онѣ: мы видимъ въ нихъ живой моментъ

развитія развѣзаннесенной на Русь идеи поэзіи, видимъ ея постепенное стремленіе къ выраженію жизни, дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи, самыя недостатки комедій Фонвизина дороги для насъ, какъ факты тогдашней общественной ответственности. Въ ихъ резонѣрахъ и добродѣтельныхъ людяхъ слышится для насъ голосъ умныхъ и благонамѣренныхъ людей того времени, — ихъ понятія и образы мыслей, созданныя и направленные съ высоты престола.

Хемницеръ, Богдановичъ и Капнистъ тоже принадлежатъ уже къ второму періоду русской литературы: ихъ языкъ чище, и книжный риторическій задаткамъ замѣтенъ у нихъ менѣе, чѣмъ у писателей ломоносовской школы. Хемницеръ важнѣе остальныхъ двухъ въ исторіи русской литературы: онъ былъ первымъ баснописцемъ русскимъ (ибо притчи Сумарокова едва-ли заслуживаютъ упоминовенія), и между его баснями есть нѣсколько истинно-презрительныхъ и по языку, и по стику, и по наивному остроумію. Богдановичъ произвелъ фуроръ своею «Душенькою»: современники были отъ нея безъ ума. Для этого достаточно привести, какъ свидѣтельство восторга современниковъ, три слѣдующія надгробія Дмитріева творцу «Душеньки»:

I.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о градѣ вѣнчанъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любившій
вашъ и языкъ.

II.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ его река
вѣкъ дѣла,
Но онъ внимаемъ былъ владычицей
свѣта.

И въ памяти его Россія сохранила
Сынъ Феба возгордился: здѣсь мучилъ
биметь свѣтъ.

III.

На руку преклонилъ вечернюю мурму,
Амуръ невидимо здѣсь часто
мучилъ.

И мыслить, отягченъ тоскою,
Кто Душеньку теперь такъ мило
любитъ?

Къ второму изданію сочиненій Богдановича, вышедшему уже въ 1818 году, приложено множество аиптафій и легій, написанныхъ во время оно по случаю смерти пѣвца «Душеньки» (а онъ умеръ въ 1802 году). Между ними особенно замѣчательны три; первая принадлежитъ издателю Платону Бететову, человѣку умному и не безъизвѣстному въ литературѣ; вотъ она:

Земръ ему перо изъ крылъ своихъ да-
валъ;

Амуръ водилъ рукой: онъ Душеньку пи-
салъ.

Вторая написана близкимъ родственникомъ автора «Душеньки», Иваномъ Богдановичемъ:

Не нужно надписями моголу ту пе-
стрить,

Гдѣ Душенька одна все можетъ замѣ-
нить.

Третья принадлежитъ авониуму и напи-
сана по-французски:

Quoique bien tu sois l'auteur
De ce poëme enchanteur,
Tu seras un téméraire,
Si tu mets au bas ton nom,
Bogdanovitz! pour bien faire
Il faut signer Apollon.

Кстати: въ предисловіи ко второму изданію сочиненій Богдановича, изда-
тель говоритъ, что перваго изданія (1809—1810) не успѣло разойтись и 00 экземпляровъ, какъ въ Москву ступилъ непріятель; сочиненія Богдановича, разумѣется, подверглись об-
щей участи всѣхъ книгъ въ это смут-
ное время, и потому въ-послѣдствіи цѣлѣвшіе экземпляры перваго изда-
нія сочиненій Богдановича, въсто-
мадцати рублей, продавались въ
нижнихъ лавкахъ по шестидесяти ру-
блей!..

Восторженное удивленіе къ Богдановичу продолжалось долго. Самъ Пуш-
кинъ съ любовью и увлеченіемъ не
изъ дѣлалъ къ нему обращенія въ
стихахъ своихъ. А между-тѣмъ, для
исъ теперь поэма эта лишена всякаго
признака поэтической прелести. Стихи
т, необыкновенно гладкіе и легкіе для
Т. XXVIII. — Отд. V.

своего времени, теперь и тяжелы и ве-
благозвучны; наивность разсказа и нѣ-
жность чувствъ приторны, а содержа-
ніе ребячески-ничтожно. И ни въ со-
держаніи, ни въ формѣ «Душеньки»
Богдановича нѣтъ и тѣни поэтическаго
мѣла и пластической красоты эллип-
ской. Чтò жь было причиною восторга
современниковъ? — ни чтò другое, какъ
необычайная для того времени лег-
кость стиха, состоявшаго изъ неоднो-
образнаго количества стопъ, отсутствіе
тяжелого и напыщенно-восторженнаго
тона, начпнавшаго надобѣдать, и при
этомъ: соблазнительная вольность со-
держанія картинъ, законно допущен-
ная шутивымъ родомъ стихотвореній
и льстившая фантазіи и чувству чита-
телей.

Капнисть писалъ оды, между кото-
рыми нныя отличались элегическимъ
тономъ. Стихъ его отличался необыкно-
венною легкостью и гладкостью для
своего времени. Въ элегическихъ одахъ
его, слышится душа и сердце. Но этимъ
и оканчиваются всѣ достоинства его по-
эзіи. Онъ часто злоупотреблялъ своею
грустью и слезами, ибо грустилъ и пла-
калъ въ одной и той же одѣ на нѣ-
сколькихъ страницахъ. Капнисть зна-
менитъ еще, какъ авторъ комедіи
«Ябеда». Это произведеніе незначи-
тельно въ поэтическомъ отношеніи, но
принадлежитъ къ исторически-важ-
нымъ явленіемъ русской литературы,
какъ смѣлое и рѣшительное нападеніе
сатиры на крючкотворство, ябеду и ли-
хоимство, такъ страшно терзавшія об-
щество прежняго времени.

Теперь мы приблизились къ одной
изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской
литературы. Посѣянное и насажденное
Екатериною II начало возрастать и
приносить плоды. По мѣрѣ того, какъ
цивилизация и просвѣщеніе стали
утверждаться на Руси, началъ рас-
пространяться и литературная об-
разованность. Въ-слѣдствіе этого,
появленіе преобразовательныхъ та-
лантовъ, нмѣвшихъ вліяніе на ходъ
и направленіе литературы, стало ча-

ще и обыкновеннѣе, чѣмъ прежде, а новые элементы стали скорѣе входить въ литературу. Въ то время, какъ Державинъ былъ уже въ апогеѣ своей поэтической славы, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, не двигаясь ни назадъ, ни впередъ; въ то время, какъ были еще живы Херасковъ, Петровъ, Костровъ, Богдановичъ, Княжнинъ и Фонвизинъ; въ то время, когда еще Крыловъ былъ юношею по 21-му году, Жуковскому было только шесть лѣтъ отъ роду, Батюшкову только два года, а Пушкина еще не было на свѣтѣ, въ то время одинъ молодой человекъ 24 лѣтъ отправился за границу. Это было въ 1789-мъ году, а молодой человекъ этотъ былъ — Карамзинъ. По возвращеніи изъ-за границы, онъ издавалъ въ 1792 и 1793 годахъ «Московский Журналъ», въ которомъ помѣщали свои сочиненія Державинъ и Херасковъ. Въ 1794 году, онъ издалъ въ двухъ частяхъ альманахъ «Аглая» и альманахъ «Мои Бездѣлки» (въ двухъ частяхъ); въ 1797—1799 годахъ онъ напечаталъ три тома «Аениды», а въ 1802 и 1803 году издавалъ основанный имъ журналъ «Вѣстникъ Европы», который въ 1808 году издавалъ — Жуковский. Въ 1804 году, въ первый разъ была представлена въ Петербургѣ трагедія *Олеороа* — «Элишъ въ Аеняхъ»; а въ 1805, 1807 и 1809 годахъ были въ первый разъ представлены его трагедіи — «Фигаль», «Димитрій Донской» и «Поликсена». Съ 1793 по 1807 годъ начали появляться комедіи и другіе драматическіе опыты *Крылова*, а около 1810 года появились его басни (*). Съ 1805 года начали появляться въ журналахъ стихотворенія *Жуковскаго* и *Батюшкова*.

Карамзинъ имѣлъ огромное вліяніе на русскую литературу. Онъ преобразовалъ русскій языкъ, совлекши его съ ходуль латинской конструкціи и тяжелой славянины и приблизивъ къ жи-

(*) Въ каталогѣ Смирдина не означено перваго изданія басенъ Крылова, а второе вышло въ 1815—1816 годахъ.

вой, естественной, разговорной русской рѣчи. Своимъ журналомъ, своими статьями о разныхъ предметахъ и поистинѣ онъ распространялъ въ русскомъ обществѣ познанія, образованность, вкусъ и охоту къ чтенію. При немъ и въ слѣдствіе его вліянія, тяжелый антицизмъ и школярство смѣнились сентиментальностью и свѣтскою легкостью, въ которыхъ много было страннаго, и которыя были важнымъ шагомъ впередъ для литературы и общества. Певѣсти его ложны въ поэтическомъ отношеніи, но важны по тому обстоятельству, что наклонили вкусъ публики къ роману, какъ изображенію чувствъ, страстей и событій частной и внутренней жизни людей. Карамзинъ писалъ и стихи. Въ нихъ нѣтъ поэмы, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человека, выраженными въ стихотворной формѣ; но они простотою своего содержанія, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификаціи, новыми и болѣе-свободными формами расположенія, были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи.

Но для нея гораздо-болѣе сдѣлалъ другъ и сподвижникъ Карамзина — *Дмитріевъ*, который былъ старше его только пятью годами. *Дмитріевъ* не былъ поэтомъ въ смыслѣ лирика; но его стихи и сказки были превосходными и истинно-поэтическими произведеніями для того времени. Пѣсни *Дмитріева* нѣжны до приторности, — но они были тогда всеобщій вкусъ. *Оды* *Дмитріева* сильно отзываются риторичностью, не смотря на то, онѣ были лучшимъ успѣхомъ со стороны русской поэзіи. Громозвучность и парность представлявшія тогда необходимое условіе оды, въ нихъ довольно-умѣренно, и выраженіе просто, не говоря уже о правильности языка и тщательности издѣлкѣ стиха. Формы оды *Дмитріева* оригинальны, какъ, на-пр., въ «*Вѣстникѣ*», гдѣ поэтъ рѣшился выразить сибирскихъ шамановъ, изъ которыхъ старшій рассказываетъ молодому:

иумъ волею Иртыша, о гибели своей
гчшаны. Стихи этой пьесы для паше-
о времени и грубы и шероховаты и не
поэтичны; но для своего времени они
были превосходны, и отъ нихъ вѣяло
духомъ новизны. Что же касается до
панера и тона пьесы,—это было рѣши-
тельное нововведеніе, и Дмитріевъ по-
ому только не былъ прозванъ *роман-*
шжомъ, что тогда не существовало
еще этого слова. Вообще, въ стихотво-
реніяхъ Дмитріева, по ихъ формѣ и на-
правленію, русская поэзія сдѣлала зна-
чительный шагъ къ сближенію съ про-
тою и естественностью, словомъ —
жизнью и дѣйствительностью: ибо
нѣжно-вздыхательной сентименталь-
ности все же больше жизни и натуре,
ѣтъ въ книжномъ педантизмѣ. Рѣчи,
оторыя поэтъ влагаеть въ уста шама-
амъ, исполнены декламациею и стара-
тся блистать высокими слогами — это
рава; но мысль въ жалобахъ и раз-
казахъ шамана на берегу Иртыша вы-
азать подвигъ Ермака—это уже не ре-
рическая, а поэтическая мысль. Тутъ
еще нѣтъ поэзіи, но есть уже стремле-
іе къ ней, и видно желаніе проложить
и поэзіи новыя пути.

Въ это время въ русской литературѣ
иѣтно уже пробужденіе духа крити-
азма. Нѣкоторые старые авторитеты
чали уже покачиваться. Въ 1802, Ка-
мзинъ написалъ статью «Пантеонъ
ссійскихъ Авторовъ». Въ ней ни сло-
е сказано о живыхъ писателяхъ—о
ержавинѣ и Херасковѣ, ибо это счи-
лось тогда неприличнымъ; также
слова не сказано о Петровѣ, хотя
кѣ со дня смерти его прошло болѣе
ехъ лѣтъ: можно догадываться, что
арамзинъ не хотѣлъ возстановлять
ютивъ себя почитателей этого поэта,
ь которымъ принадлежали всѣ гра-
тные люди, и въ то же время не хо-
дѣлъ хвалить его противъ своего убѣ-
денія. Эта литературная уклончивость
ыла въ характерѣ Карамзина. Въ
Пантеонѣ было въ первый еще разъ
сказано справедливое сужденіе о
редьяковскомъ. Вотъ что говорить о

немъ Карамзинъ: «Если бы охота и
прилежность могли замѣнить дарова-
ніе, кого бы не превзошелъ Тредя-
ковскій въ стихотворствѣ и краснорѣ-
чій? Но упрямый Аполлонъ вѣчно
скрывается за облакомъ для самозван-
цевъ-поэтовъ, и сыплетъ лучи свои
единственно на тѣхъ, которые роди-
лись съ его печатю. *Не только даро-*
ваніе, но и самый вкус не приобретает-
ся; и самый вкус есть дарованіе. Уче-
ніе образуетъ, но не производитъ авто-
ра. Тредяковскій учился въ Франціи
у славнаго Роллена; зналъ древніе и
новыя языки; читалъ всѣхъ лучшихъ
авторовъ, и написалъ множество то-
мовъ въ доказательство, что онъ... не
имѣлъ способности писать». Сужденіе
Карамзина о Сумароковѣ мягче укло-
чивѣе, нежели о Тредяковскомъ; но
тѣмъ не менѣе оно было страшнымъ
приговоромъ колоссальной славы этого
игмея. «Сумароковъ еще сильнѣе Ло-
моносова дѣйствовалъ на публику, из-
бравъ для себя сферу обширнѣйшую.
Подобно Вольтеру, онъ хотѣлъ бли-
стать во многихъ родахъ—и современ-
ники называли его нашимъ Расиномъ,
Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. *По-*
томство не такъ думаетъ; но зная
трудность первыхъ опытовъ и невоз-
можность достигнуть вдругъ совер-
шенства, оно съ удовольствіемъ нахо-
дитъ многія красоты въ твореніяхъ
Сумарокова и не хочетъ быть стро-
гими критикомъ его недостатковъ. Уже
оиміамъ не курится передъ кумиромъ;
но не тронемъ мраморнаго подножія;
оставимъ въ цѣлости и надпись: Вели-
кій Сумароковъ!.. Соорудимъ новыя
статуи, если надобно; не будемъ раз-
рушать тѣхъ, которыя воздвигнуты
благородною ревностью отцовъ на-
шихъ!» Замѣчательно, что Карамзинъ
ставилъ въ недостатокъ трагедіямъ Су-
марокова то, что онъ старался болѣе
описывать чувства, нежели представ-
лять характеры въ нихъ эстетической и
нравственной истинѣ, и что называя
героевъ своихъ именами древнихъ кля-
зей русскихъ, не думалъ соображать

«свойства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ времени». Нельзя не увидѣть въ такихъ замѣчаніяхъ сужденія необыкновенно умнаго человѣка — и великаго шага вперед со стороны литературы и общества. Правда, Карамзинъ находитъ многіе стихи въ трагедіяхъ Сумарокова «лѣжными и мѣлыми», а нѣкоторые даже «сильными и разительными»; но не забудемъ, что всякое сознание развивается постепенно, а не родится вдругъ, что Карамзинъ и такъ уже видѣлъ неизмѣримо-дальше литераторовъ старой школы, и, сверхъ-того, онъ, можетъ-быть, боялся, что ему совѣтъ не повѣрять, если онъ свяжетъ истину вполне, или не смягчитъ ее незначительными въ сущности уступками.

Остроумная и такая сатира Дмитріева «Чужой Толкъ» также служить свидѣтельствомъ возникшаго духа классицизма. Она устремлена противъ громогласнаго «одоушья», которое начинало уже досаждало слуху. Поэтъ заставляетъ, въ своей сатирѣ, говорить одного старика съ такою «любезною простотою дѣдовскихъ временъ»:

Что за диковинка? дѣтъ двадцать ужъ
прошло,
Какъ мы, напрягли умъ, наморщивши
чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ,
пишемъ,
А ни себя, ни нѣтъ похвалъ ни гдѣ не
слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной
указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ
насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратья
равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во иѣсноиѣнны
славнымъ?
Какъ думалъ!.. Вчера случилось мнѣ
случать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего
читать!
Листочекъ, много три, а люблю какъ чи-
таешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы
летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они

Нисали ихъ рѣзаясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и изъ
счастливыи,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, тер-
пѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ на-
бавы прочи!
Надъ парюю стиховъ просаживаетъ
ночь,
Погѣеть, думаетъ, чертитъ и жметъ
бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою од-
ной!
И подлинно, ужъ весь приложить рѣ-
умъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная — нная въ дѣствъ
стронъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ естъ
станковъ!
Къ тому жъ, и въ правилахъ: свери
прочтешь вступленіе,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заклю-
ченіе —
Точь-вточь, какъ говорятъ учены въ
церквяхъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты — н-
жу самъ.
Возьму ли, на примѣръ, я оды на побѣ-
ды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ муръ
гибли Шведы!
Всѣ тутъ подробности сраженья назову,
Гдѣ было, какъ, когда, короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!.. а нѣ-
ма!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, или на что подобное те-
му:
Тутъ найдешь то, чего бѣ нехотятъ
иди
Не выдумать и въѣкъ: зары баранъ
персы,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса о-
сережи!
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не мо-
литъ
И сердца, такъ сказать, ни чуть не по-
валятъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ беретъ себѣ об-
яснить старику причину такого прѣ-
стнаго явленія. Эта причина, ужъ и
теперь еще не совѣтъ состарившаго

теперь еще не совсѣмъ анахронизмъ!
слушайте:

Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также
мало;
Однако жъ здѣсь въ Москвѣ толкался я
не мало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ
замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбъ-гвар-
діи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь
подъячій,
Иль изъ кунстъ-камеры антикъ въ пы-
ли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный,
должностной...

А вотъ и объясненіе причины дѣятель-
ности нашихъ поэтовъ:

Къ тому жъ у древнихъ цѣль была, у
насъ другая:
Гораций, на примѣръ, восторгомъ грудь
питая,
Чего ждалъ? О, онъ—онъ бралъ не
свысока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь
вѣнка
Изъ лавровъ, иль изъ мртвъ, чтобъ Де-
лія сказала:
«Онъ славенъ—чрезъ него и я безсмерт-
на стала!»
А нашихъ многихъ цѣль: иль друже-
ство съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другаго,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяце-
слова,
Иль похвала своихъ друзей, а имъ
Печатный каждый листъ быть кажется
святимъ.

Принимывая неуспѣхи нашихъ по-
этовъ убѣжденію, что если у кого есть
природный даръ, тотъ имѣетъ право
ничему не учиться и быть невѣждою,
—злой аристархъ презабавно описы-
ваетъ, какъ писались встарину громкія
оды:

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природ-
ный оду:
Лишь пушекъ громъ подаетъ пріятну
вѣсть народу,
Что Римскій Алкидъ Поляковъ раз-
громалъ,

Иль Ферзонъ изъ вождя Кастюшку по-
лонялъ,—

Окъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ:
ода!

Потомъ въ одинъ присѣсть: *такого дня
и года!*

«Тутъ какъ?.. Пою!.. Иль нѣтъ, ужъ
это старина.»

«Не лучше ль: *даждь мнѣ, Фебъ?..* Иль
такъ: не ты одна.»

«Подпала *подъ пяту, о чалмоносна
Порта?*»

«Но что же мнѣ прибрать къ ней въ
пріему, кромѣ чорта?»

«Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо: а лучше по-
брожу.»

«И воздухомъ себя открытымъ осѣжду.
Пошолъ, и на пути такъ въ мысляхъ
разсуждаетъ:»

«Начало никогда пѣвцовъ не устра-
шаетъ;»

«Что хочешь, то мели! Вотъ штука,
какъ хвалить»

«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ
сравнить?»

«Съ Румянцевымъ его, иль съ Грей-
гомъ, иль съ Ордовымъ?»

«Какъ жаль, что древнихъ я не читы-
валъ! а съ новымъ—»

«Не ловко что-то все!—Да просто най-
шу:!»

«*Ликуй, герой! ликуй! герой ты!* возгла-
шу.»

«Нрядно! тутъ же что? Тутъ надобенъ
восторгъ!»

«Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности рас-
торгъ?*!»

«*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ гор-
ня свѣта*»

«И то, и то... А тамъ? извѣстно: *многи
льта!*»

«Брависсимо! и плачь, и мысли, все ужъ
естъ!»

«Да здравствуетъ поэтъ! Осталось при-
сѣсть!»

«Да только написать, да и печатать
смѣло!»

Бѣжить на свой чердакъ, чертить, и въ
шляпѣ дѣло!

И оду ужъ его тисненю продаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваку продаютъ.

Вотъ какъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему
подобны,

Едва ли выѣски надписывать способ-
ны!

Право, не дурно было бы, еслибъ ка-

ной-нибудь даровитый поэт нашего времени написал современный «Чужой Толкъ» и объяснилъ, какъ пишутся теперь романы, повѣсти и «патріотическія драмы»...

Дмитріевъ заставляетъ, въ своей сатири, говорить плохаго стихотворца —

Пою!.. или нѣтъ, ужъ это старина!

А между-тѣмъ, это «пою», вмѣстѣ съ «лирою» такъ часто попадаетъ и въ стихахъ самого Дмитріева и въ стихахъ Карамзина. Это перешло отъ писателей предшествовавшихъ двухъ школъ — ломоносовской и державинской, которые подъ «литературою» разумѣли и «пѣснопѣіе»: кто бы что бы ни писалъ — въ стихахъ, или въ прозѣ, — онъ пѣлъ, а не писалъ. Державинъ, въ стихотвореніи своемъ «Прогулка въ Царскомъ Селѣ», дѣлаетъ такое обращеніе къ Карамзину:

И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пою, Карамзинъ! — и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьиный.

Въ стихотвореніяхъ Дмитріева и Карамзина, русская поэзія сдѣлала значительный шагъ впередъ, и со стороны направленія и со стороны формы; но изъ-подъ риторическаго вліянія далеко еще не освободилась. Фебы, лиры, гласы, усѣченія, пѣтичесткія вольности и болѣе или мѣнѣе прозаическая фактура только ослабились въ ней, но не исчезли; они удержались въ ней по преданію, которое дошло даже и до Пушкина, какъ увидимъ это послѣ. Но важно то, что если поэзія и удержала риторическій характеръ, за то какъ она, такъ и вообще беллетристика русская приобрѣли новый характеръ въ-слѣдствіе направленія, даннаго имъ Карамзинымъ и Дмитріевымъ: мы говоримъ о *сантиментальности*. Не Карамзинъ съ Дмитріевымъ изобрѣли ее; они только привли ее къ русской литературѣ. Она преобладала въ литературѣ и въ нравахъ всей Европы XVII и XVIII вѣка. На-счетъ сантиментальности много можно сказать омижнаго

и забавнаго; но мы хотимъ судить о ней, а не потѣшаться ею. Она — важное явленіе въ-отношеніи къ историческому развитію человечества, которая процессъ всегда совершается переходами изъ крайности въ крайность. Феодальная дикость и грубость нравовъ Европы среднихъ вѣновь совершенно исчезли только при Лудовикѣ XIV — представителѣ новаго, противоположнаго эпохѣ рыцарства времени; но исчезнувъ, эта феодальная дикость, естественно, уступила мѣсто извѣженности чувствъ. Мужчины и женщины исчезли: ихъ замѣнили пастушки и востушки, поэты вздыхали, охали и ахали, красавицы стонали, какъ горючки, madame Дезульеръ воспѣвала баранковъ и голубковъ, наввно завидуя ихъ праву любиться открыто, не стыдясь добрыхъ людей. Это вздыхательное и чувствительное направленіе существовало въ Европѣ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ страшныя бури и грозныя волненія политическія, разразившіяся надъ нею въ концѣ прошлаго вѣка, не измѣнили ея характера и нравовъ. Россія не заала возродившейся Европы до славной для себя эпохи 1814 года. Въ результаты этого новаго знакомства обнаружались въ ея литературѣ только со временемъ появленія Пушкина и начала войны романтизма съ классицизмомъ. До того же времени, наши поэты и литераторы продолжали поклоняться старымъ авторитетамъ: Мерляковъ критиковалъ съ голоса Ларюпа и переводилъ наилліи madame Дезульеръ; Озеровъ подражалъ Расинъ; въ Крыловѣ видѣли подражателю фонтена; Батюшковъ низкопоклонничалъ передъ какииъ-нибудь Шерри, котораго далеко превосходилъ талантомъ; Жуковский вполонину шелъ своимъ путемъ, вполонину поворачивалъ вліянію карамзинской школы. И такъ русская литература познакомила и сошлась съ европейскою сантиментальностію почти въ ту самую минуту, какъ Европа навсегда разошлась со своимъ сантиментальностію. Эта пере-

а были необходима и полезна для русской литературы и нравовъ ея общества. Въ Европѣ сентиментальность мѣнила феодальную грубость нравовъ; она должна была смѣнить остатки грубыхъ нравовъ до-петровской похи. Это понятно тамъ, гдѣ не только просвѣщеніе и литература, но и общительность и любовь были нововведеніемъ. Сентиментальность, какъ раздражительность грубыхъ нервовъ, ослабленныхъ и утонченныхъ образованіемъ, выразила собою моментъ *ощущенія* (sensation) въ русской литературѣ, которая до того времени носила на себѣ характеръ книжности. Смѣшны теперь намъ эти романтическія имена: *Нина, Каллиста, Леонія, Эмилія, Лилетта, Леонг, Милонг, Модестъ, Эрастъ*; но въ свое время они имѣли глубокой смыслъ: въ нихъ выразилась человѣческая склонность къ романтической мечтательности, къ жизни сердца. Въ лицѣ Карамзина, русское общество образовалось, въ первый разъ узнавъ, что у него, этого общества есть душа и сердце, способности къ вѣчнымъ движеніямъ. Это называлось тогда «наслаждаться чувствительностію» (*). Кто могъ плакать въ умиленіи отъ пѣсни Дмитріева «Словътъ смѣлый голубчикъ», тотъ, конечно, понималъ поэзію лучше того, кто видѣлъ не только въ торжественныхъ одахъ на равныя иллюминаціи. Поэзія предшествовавшей школы пугала женщинъ, а стихи Дмитріева, Карамзина и Нелединскаго-Мелецкаго женщины знали наизусть, и ими воспитывались цѣлыя поколѣнія. Карамзина читали съ грамотные люди, претендовавшіе на образованность; многихъ изъ нихъ только Карамзинъ и могъ заставить приняться за чтеніе книгъ и полюбить это занятіе, какъ пріятное и полезное.

Въ одинъ годъ съ Карамзинымъ (1765) родился *Макаровъ*, человекъ, которому

суждено было играть въ русской литературѣ роль созвѣздія Карамзина, хотя они и не были знакомы другъ съ другомъ. Въ 1803 году, Макаровъ издавалъ журналъ «Московский Меркурій», статьи котораго отличались такимъ же направленіемъ и такимъ же языкомъ, какъ и статьи Карамзина. Макаровъ былъ одаренъ вкусомъ, талантами, путешествовалъ по Европѣ и вообще принадлежалъ къ умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ людямъ своего времени. Сравните его разборъ сочиненій Дмитріева и разборъ Карамзина «Душеньки» Богдановича: оба эти разбора писаны какъ-будто однимъ и тѣмъ же человекомъ. Макаровъ защищалъ Карамзина противъ извѣстнаго въ то время фанатическаго пурризма русскаго языка. Выступилъ Макаровъ на поприще литературы въ 1795 году, съ прекраснымъ переводомъ, впрочемъ, посредственнаго романа «Графъ де Сент-Меранъ, или Новыя Заблужденія Ума и Сердца». Онъ же перевелъ двѣ первыя части «Антеноровыхъ Путешествій по Греціи и Азіи» Лантье, изданныя имъ въ 1802 году. Къ сожалѣнію, этотъ примѣчательный человекъ не долго жилъ: онъ умеръ въ 1804 году.

Книжствъ, по вліянію на него Карамзина, долженъ быть причтенъ къ числу писателей карамзинской школы, въ которой замѣчательны также: *Подшиваловъ* и *Бемитскій*, хорошіе прозаики; *Нелединскій-Мелецкій*, прославившійся вѣжными пѣснями, въ которыхъ много непритворной чувствительности; *Долгорукій*, издававшій свои стихотворенія подъ сентиментальнымъ титуломъ «Бытіе Моего Сердца», поэтъ чувствительный и сатирическій, нрѣдко отличавшійся неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ; *Милоковъ*, замѣчательный сатирикъ; *Водиковъ*, стихотворецъ, переводчикъ злоготъ Виргилія, описательныхъ поэмъ Делиля, обесмертившій себя однимъ извѣстнымъ въ рукописи стихотвореніемъ, потомъ журналистъ, прославившійся полемикомъ; *Кокоскиль* и *Хмельницкій*, переводчики и подра-

(*) Соч. Карамзина. 4-е изд. т. 9, стр. 40—241.

жатою Мольера; *Василь Пушкин*, стиховорець, и *Владимиръ Измайловъ*, прозаикъ.

Озеровъ и *Крыловъ* являются, особенно послѣдній, самостоятельными дѣятелями въ карамзинскомъ періодѣ нашей литературы, хотя и принадлежать къ школѣ преобразователя русскаго языка. Послѣ Сумарокова, на поприсѣ драматической литературы со славою подвизался *Княжнинъ*. У него не было самостоятельнаго таланта, но какъ онъ былъ человекъ умный, образованный, знавшій иностранные языки и хорошо владѣвшій русскимъ, — то и пользовался съ успѣхомъ богатою трагезною французскаго театра, дѣла свои трагедіи и комедіи изъ отрывковъ французскихъ драматурговъ, которые переводилъ почти слово-въ-слово. Сочиненія этого трудолюбиваго писателя представляютъ собою значительный успѣхъ русской драматической поэзіи, со стороны вкуса и языка: онъ далеко оставилъ за собою предшественника своего, Сумарокова. Но еще дальше его-самого оставилъ за собою *Озеровъ*. Это былъ талантъ положительный, и появленіе его было эпохою въ русской литературѣ, которая имѣла въ немъ своего Расина. Неспособный рисовать страсти и характеры, онъ увлекалъ живымъ изображеніемъ чувствъ. Трагедіи его — сплюснѣ съ французской, и потому не удивительно, что теперь онъ забытъ театромъ совершенно, и его не играютъ и не читаютъ; но въ исторіи русскаго языка, онъ никогда не будетъ забытъ. Языкъ русскій, въ трагедіяхъ *Озерова*, сбѣгалъ большою шагъ впередъ. Въ одно время съ *Озеровымъ* явился *Крюковский*, котораго трагедія «*Шошарскій*» имѣла необыкновенный успѣхъ, но не по литературному достоинству, а по похвальнымъ чувствамъ патриотизма, которые не могли не пробудить сочувствія въ эпоху борьбы Россіи съ Наполеономъ.

Крыловъ писалъ комедіи весьма-замѣчательныя по остроумію; но слава его, какъ баснописца, не могла не затмить его славы, какъ комика. *Крыловъ* далеко оставилъ за собою и *Хемницера* и *Дмитріева*, и достигъ въ баснѣ возмо-

жнаго совершенства. *Басни Крылова* — сокровищница русскаго практическаго смысла, русскаго остроумія и юмора русскаго разговорнаго языка; онѣ отличаются и простодушіемъ и народностью. *Крыловъ* вполне народный писатель, и теперь уже воспитатель не менѣе тридцати поколѣній. *Басня*, какъ родъ поэзіи, довольно-ложный родъ: ея явленіе возможно только у народа, находящагося еще въ младенчествѣ, и потому ея родина — Востокъ. У Грековъ она во-время явилась съ *Эзопомъ* Французы, хотѣвшіе въ литературѣ всемъ подражать древнимъ, рѣшили что у нихъ должна быть басня, потому-что она была у Грековъ; а мы, Русскіе, во всемъ подражавшіе Французамъ, рѣшили, что и у насъ должна быть басня, потому-что у Французовъ есть басня. Впрочемъ, у насъ басня явилась съ *Хемницеромъ* болѣе кстати и болѣе во-время, чѣмъ у Французовъ явилась она съ *Лафонтеномъ*. Этотъ ложный родъ удивительно привился въ французской литературѣ и получилъ тамъ особенную народную форму; баснѣ посчастливилось и у насъ: во Франціи она имѣла *Лафонтена*, у насъ *Крылова*, а за это ей можно простить ея ложность, какъ рода поэзіи. Знаючи говорить, что архитектура во вкусѣ рококо — ложная архитектура; положимъ такъ; но *Растрелли* гѣмъ не менѣе великій художникъ. Чѣмъ бы и была басня, но *Лафонтенъ* и *Крыловъ* по справедливости составляютъ славу и гордость своихъ отечественныхъ литературъ.

Мы выше сказали, что съ 1805 г. начали появляться въ журналахъ стихотворенія *Жуковского* и *Батюшкова*. Каждый изъ этихъ поэтовъ составилъ собою особую школу въ русской литературѣ и внесъ въ нее новыя элементы жизни; но вліяніе обоихъ не было чувствуемо въ продолженіи карамзинскаго періода; настоящая работа дѣятельности началась послѣ знаменитаго 1814 года: тогда и вліяніе ихъ стало ощутительнѣе. Въ слѣдующей статьѣ мы поговоримъ о нихъ подробнѣе.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М А Й.

152) Молодикъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый Н. Бецкимъ. Харьковъ. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 318 стр.

Въ Украинѣ есть своя литература: послѣ «Молодика», въ этомъ не остается никакого сомнѣнія. Что такое «Молодикъ», мы, въ качествѣ Москалей, не знаемъ; знаемъ только, что это альманахъ, наполненный русскими статьями въ стихахъ и прозѣ, которыя многими, безъ сомнѣнія, очень понравятся. Харьковъ, по своему многолюдству и расогѣ, сравнительно съ другими губерскими городами, есть нѣкоторымъ образомъ столица Украины, а слѣдовательно и столица украинской литературы, украинской прозы и въ особенности украинскихъ стиховъ. Во стѣхъ русскихъ губерніяхъ, много пишется стиховъ, но въ Харьковѣ особенно. Стихи эти хороши, какъ только могутъ быть хороши провинціальныя стихи; въ столицахъ ихъ читаютъ мало, но за то много читаютъ въ провинціи, особенно на Украинѣ, и еще охѣе, вѣроятно, въ Харьковѣ. Это обстоятельство дѣлаетъ Харьковъ особенно-интереснымъ городомъ и возбуждаетъ охоту покороче съ нимъ познакомиться. Вотъ почему, вѣроятно, одинъ изъ вкладчиковъ «Молодика», г. Основьяненко, пересказываетъ намъ

въ «Молодикѣ» старинное преданіе объ «Основаніи Харькова». Г. Основьяненко, какъ извѣстно, владѣетъ необыкновеннымъ талантомъ рассказывать равныя старинныя преданія языкомъ легкимъ и понятнымъ даже простолюдину. Выписываемъ начало его стариннаго преданія:

«Да; городъ Харьковъ отличенъ отъ многихъ губерскихъ городовъ. Взгляните на него хоть слегка, хоть со всею внимательностію; прелесть! улицы ровныя, чистыя, прямыя; публичныя зданія великолѣпныя, частныя дома красныя, милыя; магазины наполнены всякаго рода товарами, вещами въ изобиліи и безпрестанно смѣняющимися новѣйшими, изящнѣйшими; не успѣеть что явиться въ Петербургъ, уже привезено въ Харьковъ и продано. Улица, театр, гостинный дворъ, различныя художественныя заведенія... чего въ немъ нѣтъ! — Сколько потребно времени пройти городъ вдоль, устанешь, просто устанешь; а кругомъ обойти его, и не говорите, чтобы можно было въ одинъ день; это же еще и безъ предмѣстій. И что въ немъ завидно, такъ это то, что въ нынѣшнемъ году городъ былъ, кажется, конченъ совсѣмъ; крайній дворъ извѣстенъ; на слѣдующій годъ, глядишь, уже отъ того двора выдвинулось въ поле нѣсколько улицъ, выстроены домики, — и границы города измѣнились. — Да чего? самая Основа (не забудьте пожалуйста объ этомъ; намъ нужно будетъ вспомнить), Основа уже почти соединена съ городомъ,

— городъ вливается въ нее. — Въ семь году ходишь по городу, идешь изъ улицы въ улицу, видишь домики, дома, деревянные, не только ветхія, но еще и не старые; зайдешь туда на другой годъ... батюшки свѣты! гдѣ я?... Все это застроено новыми, каменными, уже не домами, а палатами обширными, въ два, три, четыре этажа; и все красиво, мило, и все и вездѣ наполнено народомъ, вездѣ жизнь, движеніе, суета... нѣтъ, именно нѣтъ во всемъ городѣ пустаго, не занятаго уголка. — На будущее лѣто выростетъ изъ земли пятьдесятъ домовцевъ въ нѣсколько этажей, каждый растянется на десяткахъ саженой, верхъ еще кладутъ, до крыши далеко, а въ низу жильцы движутся, промышленяются... Стало быть, нужно строятся, есть изъ чего строить. Стало быть, народъ прибавляется, — не покидаетъ Харькова, а стекается въ него изъ разныхъ мѣстъ. — Стало быть, въ немъ жить привольно, удобно: мастеровому, если только не сидитъ безъ работы; купцу, сбывающему выгодною своей товаръ; гдѣ имъ защита и покровительство отъ начальства, такъ они туда роиомъ летятъ. Классу людей, поднимающихъ къ чему ведутъ науки, ужъ какое удовольствие обучать дѣтей! изъ какихъ мѣстъ не набѣгаютъ въ Харьковъ! — Расположилась-прожить пока лѣтъ окончатъ ученіе, наладилась, купилъ домъ, остался жить у насъ на всегда: покойно, уютно, необыкновенно, весело... что еще нужно для безмятежной жизни?...

«Посмотрите вы на этого молодца, на этого франта между городами, посмотрите на Харьковъ въ праздничный торжественный день, — чудо! — Стукъ экипажей по мостовымъ въ разныхъ улицахъ, всѣ сѣдять къ одному пункту... экипажи что намлучше, модно, блестяще, красиво; кони заманчивые, упряжь одна другой наряднѣе, свѣтится, сіяетъ какъ жаръ; кучера въ ямскихъ, лихо отбѣланныхъ, хватски изукрашенныхъ кафтанахъ; ловкіе, лихіе лакеи въ блестящихъ ливрахъ съ аксельбантами... стоишь въ сторонкѣ, любишься глядя на все это; нечего похулить! — Войдите въ Соборъ: пройдите черезъ ряды купечества, стоенно, важно стоящаго, да какого купечества? — Гдѣ случается имъ бесѣдовать между собою о своихъ дѣлахъ, чинъ милліоны у нихъ за урля, а о сотняхъ тысячахъ рѣдко и говорить приходится. Идите далѣе: вотъ вы въ кругу чиновниковъ; всѣ въ мундирахъ, блестяще, пышно, важно,

золото, серебро, блескъ; взгляните на гѣм: дамы, дѣвицы, всюду скромность, красота, прелесть убранства, наряды, все прилично, все со вкусомъ; перлы, брилліанты, тутъ послѣднее дѣло... смѣтрите, и не насмотритесь, любуетесь, не надлюбуется!

«Всѣ эти добрые Христіане проводятъ день всякій по своему состоянію, дружи, осягласно, а потому и пріятно. Въ одномъ дѣлѣ двадцать, въ другомъ тридцать, пятьдесятъ обѣдаютъ. Вездѣ роскошь, изобиліе! Лучшія яства, вина, сочные свѣжіе плоды, серебро, хрусталь, вазы съ цвѣтами... Говоръ, шутки, смѣхъ, свобода приврзляютъ обѣды. Разговоры безъ пересудовъ, хотя изъ обѣдающихъ больше молочны дамъ; безъ сипетней; разсужденія здравы, прямыя; судятъ, рдятъ о музыкѣ, литературѣ, произведеніяхъ искусствъ, прслушиваешься... сужденія точіѣе, је вамъ аши, дѣланіѣ, чѣмъ въ иномъ журналѣ.

«Пришелъ вечеръ. Не стоварились, и условливались, а асѣ опять вмѣстѣ, въ театрѣ или въ благородномъ собраніи. Въ театрѣ есть на что посмодрѣть, есть чѣмъ заняться и потомъ послушать хоть и не печатныхъ, а дѣльныхъ сужденій. Високо въ благородное собраніе... зала прекрасная, огромная!... Царя хвалили еи!.. Соборъ, блескъ, многолюдство. Чинно, прилично, весело; въ толкѣ вѣтъ никто не смѣетъ, кажется заботится о вашемъ удовольствіи. Поговорите съ кѣмъ и о чемъ угодно; входите знаніе, образованность, свѣдѣнія... Взгляните на прекрасный полъ, садниѣ на возвышеніи въ ожиданіи бала. А? что скажете? Цвѣтникъ, сударь, да еще икар! Отличныхъ, прелестныхъ, цвѣтчихъ въ цвѣтнику, подобранныхъ, благоухающихъ, ароматныхъ... ну, не приберу сараѣ; дава отушѣда, гляжу, люблюсь и!.. Наряды, убранство, ловкость во всемъ; все у дѣтей граціозно, лучше нельзя придумать. Поворниши съ молодыми людьми, разѣ скужавшими, вы пріятно провели время, и славились дѣльными разговорами... Велюда къ цвѣтнику, любуетесь; вѣтъ студенты, чиновники... О чемъ имъ удаебудеть поговорить, о литературѣ, французской, о музыкѣ, французской, о комозиторат... оуа чинно толковый, французскій языкъ, французскій, выговоръ чистый... Стало, слово, столица!...

«Музыка гремитъ, кадры, кадры, зурь, все идетъ своимъ порядкомъ, всѣ

рація, ловкость, пристоинность, въ парныхъ разговорахъ острота, любезность, немножко кокетства, столь прелестнаго въ прелестныхъ, необходимаго въ милыхъ... «Младшій... и узелокъ завязался...

«Вообще видите стройность, образованность, пышность безъ чванства, хлѣбобольство, радушіе, вкусъ, здравое сужденіе, умѣніе жить....

«Смѣшонъ мнѣ нашъ Харьковъ!... Какъ онъ уштался, какъ онъ распространился, какъ онъ разукрасился! Привлекъ къ себѣ иногородныхъ торговыхъ гостей, ворочающихъ милліонами, акоренилъ ученіе высшихъ наукъ, самъ принарядился, расбранился, шаркаетъ по европейски, отплясываетъ французскія кадрили, погуливаетъ на многолюдныхъ ярмаркахъ, принасадетъ самое лучшее изъ наилучшаго, любезничаетъ съ дамами, не наговорится о пренудности, чванится далекою о себѣ славою, гордится предъ своими братьями, не даетъ никому ступить себѣ на ногу, поглядываетъ только какъ и старшіе его братья шапки предъ нимъ снимаютъ, а самъ заломя голову, руки по столичному залажа въ карманы, думаетъ, что онъ и въ самомъ глѣбѣ *фил* какой!... Эхъ, голубчикъ ты мой! Ну, что, какъ я расскажу про твое рожденіе, какъ ты росъ и мужага? Какогоъ былъ ты въ началѣ и какогоъ теперь—сравнить, такъ просто умра! Выгля тамъ-себѣ, ничего, даже и въ простомъ городишки не карошится, а гладышъ, какъ счастье послужило?»

Объщаясь бездну удовольствія тому, кто прочтетъ до конца «старинное преданіе» г. Основьяненки. Нельзя не показать, что въ «Молодикѣ» только и есть, что одна эта *украинская* статья, а всѣ прочія, или московскія, или нѣмецкія. Въ pendant къ «старинному преданію» г. Основьяненко, очень бышла статья о Харьковѣ, въ которой было бы показано значеніе этого дѣйствительно-замѣчательнаго города Россіи, въ торговомъ, промышленномъ и ученомъ отношеніяхъ; но такой ставанъ, къ сожалѣнію, въ «Молодикѣ» нѣтъ, а она была бы и любозытна и полезна.—Очень-вадурень отрывокъ изъ драматическаго сочиненія г. В. Корниенка «Горець», но тѣмъ болѣе жаль,

что это сочиненіе помѣщено не вполнѣ, а потому теряетъ все свое достоинство. Переводы г. Бецкаго и г-жи Васильковичевой изъ Жанъ-Поль-Рихтера сдѣланы очень-хорошо; но нельзя похвалить выбора переводчиковъ: нереведенное ими могло бы остаться въ подлинникѣ безъ всякой потери для украинской публики. Сверхъ того, это совсѣмъ не альманачныя статьи. Жанъ-Поль-Рихтеръ—довольно-стравное явленіе. Это писатель, сверкающій искрами генія, но совсѣмъ не геній. Геній образуется изъ соединенія глубокаго разума съ сильнымъ разсудкомъ: разума въ Жанъ-Поль много, но разсудка нѣтъ ни на грошъ, и отъ-того творенія этого писателя представляютъ собою смѣсь грубой руды съ блестями чистаго золота. Иногда онъ удивляетъ широкостію и глубиною своихъ созерцаній, но чаще—дикостію и уродливостію выраженія и мыслей. Переводить его надо осторожно, избирая одво хорошее и обходя обыкновенное и дурное. Кромѣ того, по своему направленію, Жанъ-Поль принадлежитъ теперь къ писателямъ эпохи, которая для настоящаго времени уже мертва.

Стихотвореній въ «Молодикѣ» множество. Провинціальныя поэты дѣлательны, благодаря невзыскательности своей публки и удивительной охотѣ ея къ чтенію стиховъ, которыхъ въ столицахъ, какъ сказано, читаютъ мало, если ихъ достоинство состоитъ только въ томъ, что они—стихи, а не проза. Боже мой, сколько поэтовъ на Украйнѣ, и какъ хорошо, т. е. какъ много пишутъ они стиховъ, которые именно—стихи, а не проза! *Г. Борозна, Дяченко, Клепов, Лукашевичъ, Майсуровъ, Метерскій, Недолинь, Руаль, Чубанскій, Щербана, Щюлеговъ*: все это украинскіе поэты... Изъ нихъ должно исключить только одного г. Кронеберга, хотя онъ живетъ и въ Харьковѣ. По таланту понимать и переводить Шекспира, г. Кронебергъ принадлежитъ къ замѣчательнымъ поэтамъ русскихъ столицъ. Помѣщенный въ «Мо-

лодикъ» отрывокъ изъ «Гамлета» возбуждаетъ живѣйшее желаніе прочесть весь переводъ этой драмы.

«Молодикъ» украшенъ нѣсколькими пьесами, и въ прозѣ и въ стихахъ; петербургскихъ и московскихъ литераторовъ. Г. Погодинъ описываетъ Брюссель и Амстердамъ, своими короткими фразами, напоминающими его знаменитые историческіе афоризмы. Эта статья г. Погодина такъ же замѣчательна, какъ и прежніе отрывки изъ его путевыхъ записокъ, которые онъ предлагалъ публикѣ въ «Москвитяинѣ» и «Бесѣдѣ Русскихъ Литераторовъ». Изъ столичныхъ поэтовъ, украсилъ «Молодикъ» своими стихами гг. Кукольникъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Фетъ, Ф. Глинка, Шевыревъ. Посмертныя стихотворенія г. Соколовскаго знамениты своею длиннотою и прозаичностію; а три стихотворенія г. Шевырева знамениты тою превысшенностію мысли и выраженія, которыя рѣшительно недоступны уму слабыхъ смертныхъ, къ числу которыхъ мы смиренно и себя причисляемъ. Можетъ-быть, кому-нибудь изъ нашихъ читателей посчастливится разгадать таинственный смыслъ этихъ стихотвореній; совѣтуемъ кому-нибудь заняться рѣшеніемъ этой задачи, равной по трудности квадратурѣ круга, и для того прилагаемъ здѣсь означенныя стихотворенія. Первое изъ нихъ называется «Римскій Форумъ»:

Распаялись связи міра,
Вѣщій форумъ палъ во прахъ,
Тяжко возлегла порфиря
На его святыхъ костяхъ.
Но истаѣлъ хитонъ почтенный —
И испуганнымъ очамъ
Вскрылись вѣча, тамъ и тамъ,
Порози кинутые члены.

И стоятъ печально нынѣ
Кой-гдѣ сырые столбы:
По заброшенной пустыи
Псы гуляютъ да рабы.
Есть же форума обломки:
Такъ пріяли жъ отъ отцевъ
Благороднѣйшую кровь
Угнѣненные потомки.

Египетскіе гіероглифы втораго стихотворенія г. Шевырева относятся токъ къ Риму и называются «Русская пѣсня въ Римѣ»:

«Лавры, тополи густые!
Кто теперь у нашихъ волъ
Пѣсни новыя, живыя
Гармонически поетъ?
Кѣмъ волны любовной муки
Отбиваются въ струяхъ!
То незнакомые звуки
На полуденныхъ брегахъ.

Часто я, забывшись въ бѣгѣ,
Въ море воли не тороплю,
И покоясь въ звучной нѣгѣ,
Ихъ дослушивать люблю.
Много пѣсень голосистой
Распѣваетъ мой народъ:
Сей же пѣсни звонкой, чистой
Не слышать у нашихъ волъ.

Лавры, тополи, густыми
Сѣвми къ Тибру наклонясь,
Шепчутъ листьями живыми,
Въ струи желтыя глядясь:
«Древній праотецъ-попелъ!
Съ хладныхъ, сѣверныхъ степей,
Въ изумрудную обитель,
Къ намъ привнеся соловей.

Звучивавшій, тихій, и тихій
Чувствомъ звукъ его дрожитъ;
Голосъ правильно-небрежный
Чистымъ золотомъ звенитъ.
Въ пѣсни русской, въ пѣсни твоей
Выливаетъ душу оны,
Душу любящую скромно,
Душу нѣжныхъ русскихъ жёнъ.»

Тибръ и шумная дубрава
Сочетали дружный гласъ:
«Соловей, Россіи слава!
Пой намъ пѣсни, радуй насъ
На рѣченъ свѣжемъ, новомъ!
Счастье будь твой римской дружѣ
И тебѣ пріветнымъ словомъ
Отвѣчай на каждый звукъ!»

Слова третьяго стихотворенія г. Шевырева опять-таки относятся къ Риму, и называются: «Въ Альбомѣ»

Бывало Скъезъ, нашъ предѣкъ
Склонивъ къ рукамъ закопаннѣмъ
у,

Смирноно шель за рижской колесницею,
Служа рабомъ чужому торжеству.

А мытъ Сквезъ гордится, созерцаю,
Какъ дочери его родной земли,
Красою чувствъ возвышенныхъ сияя,
На торжество въ Римъ древній прите-
кли;

Какъ ихъ душа въ развалинахъ пыла-
етъ;

Какъ Римлянинъ, нашъ даждь въ
свой чередъ,

Ихъ кроткой плѣвъ съ покорностью не-
сетъ

И языкомъ Петрагки напѣваетъ.

Прочитавъ эти стихотворенія, вы не-
вольно согласитесь, что такихъ пѣв-
цовъ не найдешь и на Украинѣ, гдѣ
такъ много всякихъ пѣвцовъ...

153) Шекспиръ. *Переводъ съ англій-
скаго Н. Кетчера. Часть четвертая.
Москва. 1843. Въ тип. Н. Степанова.
(Выпускъ тринадцатый). 112 стр.*

154) Испанскій Театръ. *Переводъ
съ испанскаго К. Тимковскаго. Санктпе-
тербургъ. 1845. Въ тип. К. Жернакова.
Выпускъ второй. Отъ 105 до 210 стр.*

Комедіи Шекспира представляютъ
много сходства съ комедіями испан-
скихъ писателей. Это очень-естественно:
тѣ и другія изображали одно и то
же время, одни и тѣ же нравы. Правда,
испанскія пьесы отличаются оригиналь-
нымъ колоритомъ мѣстности; но какъ
всѣ государства Европы возрасли подъ
знаменемъ одной религіи, одинаковыхъ
гражданскихъ положеній, испытывали
на себѣ вліяніе однихъ и тѣхъ же пе-
реворотовъ, какъ-бы образовывая со-
бою соединенные штаты одного и того
же государства, то между ними и есть
очень-много общаго. Комедіи Шекспи-
ра и испанскихъ драматурговъ, суть
зеркало жизни вполне развившейся,
вполнѣ созрѣвшей и оконченной, жиз-
ни, которой теперь остались одна раз-
валены, озарены мерцающею утрен-
нею зарею новой жизни. Отъ-того, для
насъ они имѣютъ интересъ чисто-исто-
рической. Сама Испанія столько измѣ-

нилась въ послѣднее время, что и для
природныхъ Испанцевъ комедіи и дра-
мы старыхъ драматурговъ ихъ отече-
ства уже перестали быть отраженіемъ
ихъ собственной жизни, и сдѣлались
живыми поэтическими хрониками про-
шедшаго. Теряя съ одной стороны, эти
созданія прошедшаго искусства вы-
игрываютъ съ другой: изъ твореній со-
временныхъ, которыми люди наслаж-
даются, какъ настоящимъ, они сдѣла-
лись твореніями классическими, въ ко-
торыхъ изучается не только искусство,
но и исторія общества. Шекспиръ, какъ
геній всеобъемлющій и какъ гражда-
нинъ народа, игравшаго и теперь еще
играющаго всемірно-историческую ро-
лю, Шекспиръ въ высокой драмѣ или
трагедіи — гигантъ въ сравненіи съ ис-
панскими драматургами. Будучи Англи-
чаниномъ, онъ въ то же время пред-
ставитель цѣлаго человечества своего вре-
мени; испанскіе же драматурги совер-
шенно заключены въ магическомъ кру-
гѣ ихъ національности; слѣдовательно,
Шекспиръ столько выше ихъ, сколько
человѣчество выше испанскаго народа.
Въ комедіяхъ же, какъ изображеніи жи-
зни всѣдневной и обыкновенной, онъ не
только равенъ испанскимъ драматур-
гамъ, но и часто уступаетъ имъ. Это,
впрочемъ, происходитъ уже отъ ха-
рактера самой жизни Испаніи, гдѣ смѣ-
шное идетъ объ-руку съ ужаснымъ, ве-
селое празднество и шалка иногда окан-
чиваются убійствомъ, а ударомъ кин-
жала прерывается любовная серенада.
Правда, есть у Шекспира комедіи, ко-
торыми онъ выражалъ свои мірообъем-
лющія созерцанія, какъ, на-прим., «Ве-
неціанскій Купецъ», гдѣ лицо Шайло-
ка поставлено на высокой трагической
котурнѣ; въ нихъ онъ является на не-
доступной для испанскихъ драматур-
говъ высотѣ; но такихъ комедій у Шек-
спира немного; а во всѣхъ прочихъ онъ
является уже не въ томъ нестерпимомъ
для очей смертнаго блескѣ, какой раз-
литъ на его драмахъ. Къ числу этихъ
комедій втораго разряда принадлежатъ
• Комедія Ошибокъ • и • Укрощеніе

Строптивой. Первою окончилась третья часть перевода г. Кетчера; второю начинается четвертая часть. Обѣ онѣ исполнены шекспировскаго юмора и шекспировскаго умѣнія рисовать дѣйствительность, придавать иногда высшій смыслъ обыкновенному явленію; но обѣ онѣ—не болѣе, какъ миньятюрныя, хотя и яркія, картинки современной нинѣ дѣйствительности, для насъ уже почти столь же чуждой, какъ и дѣйствительность древняго міра. Дѣвушка, раздражительная до алости, неуступчивая до грубости, забывающаяся въ припадкахъ своего бѣшенства до ослухъ и потасовки, отбиваетъ отъ себя всѣхъ жениховъ и, черезъ это, не допуская до замужства свою младшую сестру, обладающую всѣми достоинствами красоты, ума и нравственности. Одинъ удалецъ рѣшается на ней жениться, ради хорошаго приданаго, даже не видая ея. Описание ея строптиваго характера только лишь подстрекаетъ его рѣшимость, а вѣсто того, чтобъ ослабить ее. Женявшись на этой дѣвушкѣ, онъ показываетъ, что его характеръ еще грубѣе, отчаяннѣе и жестче, чѣмъ ее характеръ, и тѣмъ исправляетъ ее до того, что она рабскою покорностію его негдѣ превосходитъ свою мѣвшую сестру, и такимъ образомъ, по понятіямъ того времени, становится идеаломъ женскихъ достоинствъ и женскихъ добродѣтелей. Вотъ содержаніе комедіи «Упрощеніе Строптивой». Г. Кетчеръ дѣлаетъ великое и прекрасное дѣло, исполнѣя закона русскую нубилу съ Шекспиромъ и показывая его со всѣхъ его сторонъ. Слѣженіе же драмъ съ комедіями придаетъ его переводу разнообразіе, которое—не послѣднее дѣло въ паданіи, выходящемъ не вдругъ, а въ продолженіи значительнаго времени. Слѣдующій (четырнадцатый) выпускъ будетъ содержать въ себѣ комедію «Все хорошо, что хорошо кончается».

Какъ у писателей, воображающихъ одинъ и тотъ же міръ дѣйствительности, у испанскихъ драматурговъ много общаго съ Шекспиромъ не только въ

манерѣ писать, но и въ способѣ стрѣтъ на вещи. Это, явно, люди одної эпохи, граждане однихъ и тѣхъ же нравовъ и понятій. Такъ, на-пр., Шекспиръ любилъ иногда переносить дѣйствіе въ страны извѣстныя ему только по имени, какъ, на-пр., въ Богемію. Въ первомъ выпускѣ «Испанскаго Театра» была пьеса Кальдерона «Жизнь есть Сонъ», дѣйствіе которой происходитъ въ Богемію: имена богемскія, а нравы, обычаи и понятія—испанскія. Выборъ такой пьесы не совсѣмъ—удачно избранъ былъ переводчикомъ для перваго дебюта, ибо разудѣніе такихъ вѣст со стороны читателей требуетъ много условія, и въ особенности—научности и литературной образованности, а говоря уже о томъ, что въ самой пьесѣ ослабленъ испанскій характеръ и причинъ ея сказочнаго содержанія, естественнаго перенесенія дѣйствія въ воображаемую для автора страну. Совсѣмъ другаго рода пьесу содержитъ въ себѣ второй выпускъ. Это живая, яркая картина испанскихъ нравовъ, обильная дѣйствіемъ, исполненная разнообразіемъ характеровъ, истиннымъ и глубокомъ поэтическимъ очарованіемъ. Она называется «Саламейскій Альмадѣ». Герой ея—мужикъ. Постарается, сколько возможно для краткой рецензіи, познакомить нашихъ читателей съ этимъ мужикомъ, Педро Кресмо. Это зажиточный крестьянинъ въ деревнѣ Саламея. У него двое дѣтей—сынъ Хуанъ, бравый малой, и дочь красавица Исабела. Въ деревнѣ останавливается проходящій полкъ. Капитанъ рѣшился остановиться на квартиру къ Педро Кресмо, который, для этого случая приказалъ своей дочери запереться въ первой комнатѣ. Донъ Альваро де-Азаля, капитанъ, подстрекаемый развѣсломъ солдата Ребольеда объ удивительной красотѣ Исабелы, хочетъ поспѣшить увидѣть ее. Для этого, онъ обманомъ лгнугу и гонится за Ребольеда, чтобы въ намѣреніи заколотъ его за такую грубость, а тотъ спавается въ комнату Исабелы. На дѣлѣ и крайнѣе

Объясняет Креспо съ Хуаномъ (который, но весьма-странной причинѣ, названъ у г. Тиховскаго Жуаномъ):

Креспо. Какимъ образомъ это случилось, кабальеро, что, когда я со страхомъ ожидалъ найти васъ убивающимъ человека, я захожу васъ...

Исабелла (осторожно). Спаси васъ, Гесподинъ.

Креспо. — Разсказавшимся въ вѣжливостяхъ передъ женщиной? Видно, что вы очень благородны, если у васъ такъ скоро переходятъ нормы гнѣву.

Капитанъ. — На кого самое рѣшденіе налагаетъ извѣстныя приличія, тотъ долженъ оставаться нѣзъ вѣрнымъ. Изъ уваженія къ этой дамѣ я удержалъ свой гнѣвъ.

Креспо. — Исабела мнѣ дочь; она крестьянка, сеньоръ, а не дама.

Жуляв (осторожно). — Все это было, чортъ возьми, только хитрость, чтобъ забраться сюда. Мнѣ даже стыдно въ душѣ, что они думаютъ, будто меня обманули. Не бывать же этому! — Вы могли бы, сеньоръ капитанъ, достойнѣе оцѣнить готовность моего отца служить вамъ и не дѣлалъ бы ему такого огорченія.

Креспо. — Кто позволилъ тебѣ мѣшаться не въ свое дѣло, мальчишка? Какое тутъ огорченіе? Если солдатъ разсердилъ его, развѣ онъ не долженъ преслѣдовать его. Дочь моя очень благодарна вамъ за милость, которую вы ей сдѣлали, противъ этого солдата, а я, съ своей стороны, благодарю васъ за то, что вы сдѣлали это изъ уваженія къ ней.

Капитанъ. — Конечно, тутъ не было никакой другой причины. А вы (обращаясь къ Жуану) обдумывайте прежде хорошенько свои слова.

Жуанъ. — Я очень хорошо ихъ обдумалъ.

Креспо. — Какъ же ты можешь такъ говорить?

Капитанъ. — Въ вашемъ присутствіи я не хочу наказывать этого мальчишку, какъ бы онъ того заслуживалъ.

Креспо. — Потиме, сеньоръ капитанъ; я могу обращаться съ моимъ сыномъ какъ хочу, а не вы.

Жуанъ. — А я, что могу позволить моему отцу, того не позволю никому другому.

Капитанъ. — Что жъ бы вы сдѣлали?

Жуанъ. — Погубилъ бы жизнь за честь.

Капитанъ. — Какая честь у крестьянцевъ?

Жуанъ. — Такая же точно, какъ и у васъ. Знайте, что не было бы и капитановъ, если бъ не было крестьянъ.

Капитанъ. — Чортъ возьми! это ужъ слишкомъ: я не могу этого вынести.

Креспо. — Смотрите же, я буду стоять между вами.

Жаркая сцена прерывается приходомъ полковника дон-Аопе, который, понявъ, въ чемъ дѣло, назначаетъ капитану другую квартиру, а самъ располагаетъ у Креспо.

Креспо. — Тысячу разъ приношу вамъ благодарности, сеньоръ, за то, что вы сдѣлали мнѣ милость, избавивъ меня отъ искушенія погубить себя.

Д.-Аопе. — Какимъ образомъ, скажите, могли бы вы погубить себя?

Креспо. — Убивъ человека, который бы только подумалъ нанести мнѣ малѣйшее оскорбленіе.

Д.-Аопе. — Развѣ вы не знаете, чортъ возьми! что онъ капитанъ?

Креспо. — Знаю, чортъ возьми! да будь онъ хоть генералъ и задѣвъ только мою честь, такъ я бы его убилъ.

Д.-Аопе. — Если бъ кто-нибудь осмѣлился дотронуться хоть до одной нитки на рубашкѣ послѣдняго изъ моихъ солдатъ, клянусь Богомъ, да я бы его... повѣсилъ!

Креспо. — Если бъ кто-нибудь осмѣлился дотронуться хоть до малѣйшаго атома моей чести, также клянусь Богомъ, да я бы также его... повѣсилъ!

Д.-Аопе. — Развѣ вы не знаете, что вы обязаны, по вашему званію, нести эту повинность.

Креспо. — Да; но жертвую моею собственностью, а не моимъ добрымъ именемъ. Королю мое имѣніе и моя жизнь; но честь моя есть достояніе души, а душа принадлежитъ только Богу.

Д.-Аопе. — Чортъ возьми! да кажется вы немножко правы.

Креспо. — Да, чортъ возьми! это потому, что я всегда былъ правъ.

Д.-Аопе. — Я усталъ, и кому же эта боль въ ногѣ — чортъ мнѣ ее послалъ — требуетъ, чтобъ я отдохнулъ.

Креспо. — А кто же и говорить, что нѣтъ? Вонъ тамъ чортъ мнѣ послалъ постель; она можетъ вамъ служить.

Д.-Аопе. — А чортъ и послалъ ее также?

Креспо. — Да;

Д.-Лопе. — Такъ я пойду ее портить. Право, чортъ возьми, я усталъ.

Креспо. — Такъ отдохните, чортъ возьми!

Д.-Лопе (*асторону*). — Упрямят же этотъ мужичокъ; такъ-себѣ и чертыкается, точно какъ я.

Креспо (*асторону*). — Капризенъ же этотъ донъ-Лопе; съ нимъ каша не сварить.

Каковъ мужичокъ?.. Но слѣдующій разговоръ его съ сыномъ еще болѣе знакомитъ съ его характеромъ:

Жуанъ. Что тебѣ за охота, при твоёмъ богатствѣ, стѣснять себя этими постоями?

Креспо. А какъ же бы я могъ отъ нихъ избавиться?

Жуанъ. Купивъ себѣ дворянство.

Креспо. Скажи мнѣ, ради Бога, есть ли хоть одинъ человѣкъ, который бы не зналъ что я, хотя и потомокъ предковъ благородныхъ честию и добродѣтели, не болѣе какъ простолюдинъ? Что же я выиграю, купивъ у короля патентъ на дворянство, когда не могу вмѣстѣ съ тѣмъ купить себѣ другую кровь? Скажутъ ли тогда, что я слѣдался лучше, нежели теперь? Нѣтъ; это ни съ чѣмъ несообразно. — Что же скажутъ? что я дворянинъ благодаря пяти или шести тысячамъ реаловъ; а это будетъ доказывать только мое богатство, но не благородство; потому что благородства купить никто не можетъ. Хотите я расскажу тебѣ пріимѣръ, хоть онъ немножко и простъ? Человѣкъ лѣтъ десять плѣшивъ; вдругъ ему вздумается купить себѣ парикъ. Неужели черезъ это въ общемъ мнѣніи онъ перестанетъ быть плѣшивымъ? Нѣтъ. Послушайка, что говорятъ какъ его увидятъ? «Да, у такого-то славный парикъ». — Что жъ онъ тутъ выигралъ? Положимъ, не видно стало его лысины, да вѣдь знаютъ же, что онъ плѣшивъ.

Жуанъ. Онъ выигралъ то, что избавился отъ неудобства, недостатку, и прикрылъ себя отъ солнца, отъ вѣтру и холоду.

Креспо. Я не хочу поддѣльного благородства. Пусть этотъ недостатокъ остается въ моемъ домѣ. Простолюдинами были мои дѣды и отцы, пусть и дѣтя мои остаются простолюдинами.

Слѣдующая сцена во второй актѣ явливаетъ разнѣмъ характеръ Креспо:

Креспо. — Поставьте вотъ здѣсь, на этой

аллеѣ, столъ для снѣбора донъ-Лопе; здѣсь прохладнѣе. — Здѣсь вамъ пріятнѣе будетъ ужинать. Если есть что-нибудь хорошаго въ нашемъ августѣ мѣсяцѣ, такъ это его ночи.

Д.-Лопе. — Какое воспитательное мѣсто!

Креспо. — Это часть сада, гдѣ любитъ прогуливаться моя дочь. Садитесь, сеньоръ; здѣсь тихое дыханье вѣтерка, слегка перелетая и жнжные листочки этихъ виноградныхъ лозъ и невѣтчимыхъ кущей, издается изъ нихъ сладостныя звуки; яробасъ и переливался на тысячу ладовъ, они вторятъ гармоническому журчанью ручья, который, подобно жемчугу, разсыпаясь и перекатываясь по камешкамъ, вѣтся вдали пѣвучею струей, будто серебряныя струны золотой арфы. Извините, что я угощу васъ одною только музыкой инструментальной. У меня нѣтъ ни пѣсень, ни голосовъ, чтобъ васъ позабавить; мои пѣвцы и музыканты — реальные птицы небесныя; а онѣ по ночамъ поютъ, и я не могу ихъ заставить васладно. Садитесь же, сеньоръ, и забудьте вашу вѣчную боль.

Д.-Лопе. — Не могу; невозможно, чтобъ я когда-нибудь ее забылъ. — Ай! помилуй Господи!

Креспо. — Помилуй Господи, аминь!

Д.-Лопе. — Дай мнѣ Богъ терпѣнія. — Садитесь, Креспо.

Креспо. — Мнѣ и такъ хорошо.

Д.-Лопе. — Садитесь.

Креспо. — Если вы позволите, я попытаюсь вамъ, сеньоръ, но можно бы и безъ этого обойтись. (*Садится*).

Д.-Лопе. — Знаете ли о чемъ я подумалъ? Что вчера гнѣвъ вашъ, должно быть заставилъ васъ выйти изъ себя.

Креспо. — Никогда и ничто, сеньоръ, не можетъ меня заставить выйти изъ себя.

Д.-Лопе. — Такъ почему же вчера, хоть я и не предлагалъ вамъ садиться, вы обиды и даже еще на первомъ мѣстѣ?

Креспо. — Потому именно, что вы не предложили мнѣ сѣсть; а сегодня, какъ вы мнѣ предлагаете, мнѣ и не хотѣлось сѣсть; вѣжливъ съ тѣмъ кто со мною вѣжливъ.

Д.-Лопе. — Вчера вы были какъ-будто слѣплены изъ ругательства: «чортъ мой», да «чортъ союзи», и всякая дрянщина только и были у васъ на языкѣ; сегодня вы гораздо тише, разсудительнѣе и привѣтливѣе.

Креспо. — Я всегда, сеньоръ, съ тѣмъ же тономъ и въ томъ же духѣ, въ вы-

комъ со мною говорятъ. Вчера вы со мной такъ говорили, надо же мнѣ было и мой отвѣтъ подлаживать подъ тонъ вашихъ вопросовъ. Я поставилъ себѣ золотымъ правымъ ножемъ нести чертовщину съ тѣмъ, кто несетъ чертовщину, и молится съ тѣмъ, кто молится. Я держу руку во всемъ, и до такой степени это вошло у меня въ привычку, что всю ночь я не могъ хорошенько заснуть, думая о вашей ногѣ и проснулся съ болью въ обѣихъ ногахъ; вѣроятно для того, чтобъ не ошибиться которая у васъ болитъ, правая или лѣвая, у меня заболѣли обѣ. Скажите мнѣ, ради Бога, которая? Мнѣ нужно это знать, чтобъ страдать только одною.

Д.-Лопе. — Развѣ я не имѣю причинъ жаловаться когда, вотъ ужъ тридцать лѣтъ какъ таскался во Фландріи въ вѣчныхъ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, зимою подъ открытымъ небомъ въ бурю и ненастье, а лѣтомъ подъ палачиными лучами солнца, я не имѣлъ времени подумать объ отдыхѣ, и не зналъ, что значитъ пробывать часть безъ боли.

Кресно. — Дай вамъ Богъ терпѣнія, сеньоръ.

Д.-Лопе. — Къ чему? Развѣ я прошу?

Кресно. — Такъ не давай вамъ Богъ терпѣнія.

Д.-Лопе. — Сто милліоновъ дьяволовъ побори это терпѣніе и меня съ нимъ вмѣстѣ.

Кресно. — Аминь! А если они этого не сдѣлаютъ, такъ только потому что не умѣютъ дѣлать добраго дѣла.

Д.-Лопе. — Чортъ возьми! я просто умираю.

Кресно. — Чортъ возьми, мнѣ просто вась жалъ!

(Входитъ Жуанъ, внося столъ.)

Жуанъ. — Вотъ столъ.

Д.-Лопе. — Почему же я не вижу здѣсь никого изъ моей прислуги?

Кресно. — Это я, сеньоръ, съ вашего позволенія приказалъ, чтобъ никто изъ нихъ не входилъ сюда и не распоряжался бы въ моемъ домѣ. Благодаря Бога, я надѣюсь, что у меня не будетъ ни въ чемъ недостатка для вашей милости.

Д.-Лопе. — Если ужъ не велѣно входить своимъ слугамъ, такъ сдѣлайте мнѣ одолженіе, пусть ваша дочь придетъ сюда отъучивать со мной.

Кресно. — Скажи твоей сестрѣ, Жуанъ,

чтобъ она сію же минуту шла сюда. (Жуанъ уходитъ.)

Д.-Лопе. — Слабость моего здоровья могла бы успокоить всякое подозрѣніе, если бы вы его имѣли.

Кресно. — Хотя бы даже вы наслаждались, сеньоръ, такимъ здоровьемъ, какого я вамъ желаю; я и тогда бы не имѣлъ никакого подозрѣнія. Вы этимъ только оскорбляете мою готовность служить вамъ; повѣрьте, меня ни сколько не тревожитъ то, что вы думаете. Если я не велѣлъ ей показываться сюда, такъ это было только изъ предосторожности, чтобъ ей не пришлось выслушивать грубыя шутки и выходки названныхъ постольцевъ. Но еслибъ всѣ солдаты были такъ вѣжливы, какъ вы, сеньоръ, она бы первая сочла за честь служить имъ.

Д.-Лопе (всторону). Какимъ хитрымъ старикомъ или какой благоразумнымъ!

Капитанъ даетъ Исабелѣ серенаду и, чтобъ заставить ее выйти на балконъ, бросаетъ камнемъ въ окно. Донъ-Лопе и Кресно выходятъ изъ-себя, но оба скрываютъ другъ отъ друга свое волненіе; наконецъ схватываютъ шпаги и разгоняютъ серенадчиковъ. Донъ-Лопе отдаетъ капитану приказъ выступить на разсвѣтъ. Капитанъ рѣшается во что бы то ни стало овладѣть Исабелю, и дѣйствительно похищаетъ ее у безоружнаго отпа, уносить въ лѣсъ и прибѣгаетъ къ насилію. На голодъ сестры является Хуанъ, бросается на капитана и ранитъ его, потомъ хочетъ убить сестру; но та убѣгаетъ. Сцена оскорбленной Исабелы съ отцомъ — превосходна. Дочь проситъ, чтобъ онъ убилъ ее; но отецъ видитъ другое средство къ мщенію. Онъ въ это время былъ избранъ алькальдомъ деревни, — должность эта сопряжена съ правомъ суда на жизнь и смерть. По его приказанію, равенный капитанъ посаженъ въ тюрьму. Смиривъ на время гордость Испанца чувствомъ отца, Кресно на колѣнахъ умоляетъ капитана загладить бракомъ поворъ его дочери; но капитанъ только дивится дерзости мужика. Кресно грозитъ своею властію алькальда; капитанъ

уанъ отвѣчаетъ, что его можно судить только военнымъ судомъ.

Кресно. — Это ваше послѣднее рѣшеніе?

Капитанъ. — Да, старый, несносный болтувъ.

Кресно. — И нѣтъ никакого другаго средства?

Капитанъ. — Молчать — вотъ все, что вамъ остается лучшаго.

Кресно. — И болѣе ничего?

Капитанъ. — Нѣтъ.

Кресно (*остатъ*). — Такъ клянусь же Богомъ, вы дорого мнѣ заплатите. (*Беретъ жезель.*) Эй! (*Писарь, за муками.*)

Писарь. — Сеньоръ?

Капитанъ. — Что нужно этимъ крестьянамъ?

(*Вводитъ Писарь и крестьяне.*)

Писарь. — Что прикажете?

Кресно. — Хочу взять сеньора капитана.

Капитанъ. — Вы слишкомъ много себѣ позволете. Со мной, съ офицеромъ королевской службы, нельзя такъ поступать.

Кресно. — А вотъ посмотримъ. Вы не выйдете отсюда никуда, кромѣ тюрьмы или могилы.

Капитанъ. — Замѣьте однако, что я еще покуда живой капитанъ.

Кресно. — А я равнѣ мертвый алькальдъ? Сдавайтесь же сію минуту.

Капитанъ (*осторону*). — Я не могу защищаться одинъ противъ всѣхъ и поневоля долженъ сдаться. (*Громко*) Я буду жаловаться на васъ королю за такое самоуправство.

Кресно. — А я на васъ за оскорбленіе. Кстати же, онъ не далеко отсюда и выслушаетъ насъ обоихъ. Не худо бы вамъ оставить заѣсъ свою шпату.

Капитанъ. — Нѣтъ никакой причины, чтобъ...

Кресно. — Какъ никакой причины, когда васъ ведутъ подъ стражей?

Капитанъ. — Прошу обходиться со мной почтительно.

Кресно. — Вотъ въ этомъ вы совершенно правы. (*Крестьянамъ.*) Смотрите же вы, почтительно отвести его въ темницу; почтительно наложить на него пару колодокъ и заковать въ цѣпи, и также почтительно имѣть строгій надзоръ за тѣмъ, чтобъ онъ не могъ переговорить ни съ однимъ изъ солдатъ. Всѣхъ его сообщниковъ также отвести въ тюрьму и развѣстать порознь, чтобъ никто, также почтительно, отобрать

отъ всѣхъ троихъ нужные показанія. (*Капитану.*) А въ заключеніе, между нами будь сказано, если только показанія ихъ будутъ достаточны, я съ величайшею внимательностію васъ повѣшу, клянусь Богомъ!

Извѣщенный о происшествіи, Лопе требуетъ у Кресно задатка капитана:

Д. Лопе. — О, Педро Кресно, это я воротился въ вашу деревню съ полонимъ дорогомъ и, признаюсь, по самому неприятному дѣлу. Мнѣ казалось непрактичнымъ остановиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, когда я имѣю въ васъ истиннаго друга.

Кресно. — Да храните васъ Господомъ! осыпаете меня почестями.

Д. Лопе. — Вашъ сынъ не думалъ мнѣ.

Кресно. — Сейчасъ вы узнаете причину. Но сперва сдѣлайте мнѣ одолженіе, скажите, что заставило васъ воротиться? Вы очень встревожены.

Д. Лопе. — Величайшая дерзость, которую только можно себѣ вообразить; безумство, какому я не знаю подобнаго. На пути я гналъ меня солдатъ и сказалъ мнѣ.. Знаюся, я виѣ себя отъ гдѣна.

Кресно. — Продолжайте.

Д. Лопе. — Что какой-то здѣшній алькальдъ схватилъ моего капитана и посадилъ его въ тюрьму. Чортъ возьми! весь походъ меня такъ сильно укуталъ моя проклятая нога, какъ сегодня, вижу, что она мѣшала мнѣ прибѣгнуть сюда раньше и наказати его какъ должно. Клянусь Богомъ, я до-смерти забуду напаканіе моего безстыднаго наглеца.

Кресно. — Если такъ, то вы вѣрнѣ воротились: я думаю, что алькальдъ мнѣ не поддастся.

Д. Лопе. — Да я и не спрошу его позволенія.

Кресно. — Это еще вопроса. Идите вамъ подаль такой дурной совѣтъ? Хотите ли, за что онъ его ваялъ?

Д. Лопе. — Нѣтъ; но за что бы тамъ было, слѣдовало бы у меня просить прощанія; я такъ имѣю рубить голову, какъ и вы.

Кресно. — Вы, должно быть, не знаете, сеньоръ, что такое значить алькальдъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ.

Д. Лопе. — Все же не болѣе, чѣмъ и жалкъ.

Креспо. — Мужикъ — положимъ; но если этому мужику придетъ въ голову блажь повѣсить голубчика, клянусь Богомъ, онъ это исполнитъ.

Д. Лопе. — Не исполнитъ, клянусь Богомъ! а если хотите, чтобъ я вамъ это доказалъ, скажите мнѣ, гдѣ онъ живетъ.

Креспо. — Онъ живетъ очень близко отсюда.

Д. Лопе. — Такъ скажите же мнѣ, кто этотъ алькальдъ?

Креспо. — Я.

Д. Лопе. — Чортъ возьми! я это подозревалъ.

Креспо. — Чортъ возьми! я вамъ сказалъ правду.

Д. Лопе. — И такъ, Креспо, что сказано, то сказано.

Креспо. — И такъ, сеньоръ, что сдѣлано, то сдѣлано.

Д. Лопе. — Я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобъ отнять плѣнника и наказать самоуправство.

Креспо. — А я содержу его здѣсь въ тюрьмѣ за то, что здѣсь случилось.

Д. Лопе. — Знаете ли вы, что онъ несетъ службу королевскую, и судья ему я?

Креспо. — Знаете ли вы, что онъ унесъ дочь мою изъ моего дому?

Д. Лопе. — Знаете ли вы, что мнѣ принадлежитъ расправа по этому дѣлу?

Креспо. — Знаете ли вы, какъ нагло погубилъ онъ въ лѣсу мою честь?

Д. Лопе. — Знаете ли вы, какъ велики права моего сана?

Креспо. — Знаете ли вы, что я умолялъ его окончить дѣло миролюбиво, но онъ не хотѣлъ?

Д. Лопе. — Вы захватываете себѣ права, которыя вамъ не принадлежатъ.

Креспо. — Онъ захватилъ себѣ мою честь, которая также ему не принадлежала.

Д. Лопе. — Я найду средство васъ удовлетворить и беру на себя принудить его къ честной сдѣлкѣ.

Креспо. — Никогда я не просилъ другаго дѣлать для меня то, что я самъ могу сдѣлать.

Д. Лопе. — Я возьму отъ васъ плѣнника; уйдя я на то позволю.

Креспо. — Я, между-тѣмъ, окончилъ сдѣлание.

Д. Лопе. — А что, по-вашему, значитъ сдѣлание?

Креспо. — Куски писаной бумаги, кото-

рые я пришиваю одинъ къ другому, помѣръ того, какъ поясняется дѣло.

Д. Лопе. — Я пойду за нимъ въ тюрьму.

Креспо. — Можете; я вамъ не мѣшаю; только долженъ васъ предупредить, что отъ меня приказано часовымъ стрѣлать по незваннымъ гостямъ.

Д. Лопе. — Мнѣ неучиться привыкать къ пулямъ. (Всторону.) Впрочемъ, к чему же мнѣ подвергать себя опасности изъ-за пустяковъ.

Донъ-Лопе велитъ солдатамъ силою взять изъ тюрьмы капитана; крестьяне хотятъ зажечь тюрьму; въ это время входитъ король съ свитою и Креспо.

Король. — Что это значить? что за шумъ? такъ-то вы меня встрѣчаете?

Д. Лопе. — Государь, это величайшая дерзость, какую только могъ себѣ позволить крестьянинъ, и, клянусь Богомъ, елибъ ваше величество такъ неожиданно не вѣхали въ селеніе, мы жажгли бы здѣсь славную иллюминацію.

Король. — Что случилось?

Д. Лопе. — Здѣшній алькальдъ взялъ подъ стражу капитана, и, когда я пришелъ за нимъ, мнѣ не хотятъ его выдавать.

Король. — Кто здѣсь алькальдъ?

Креспо. — Я, ваше величество.

Король. — Что вы можете представить мнѣ въ свое оправданіе?

Креспо. — Это сдѣланный дѣло, въ которомъ ясно доказано преступленіе, подлежащее смертной казни. Подсудимый признанъ виновнымъ въ похищеніи дѣвницы, въ насиліи, совершенномъ надъ нею въ безлюдномъ мѣстѣ, и въ томъ, что онъ отказался жениться на ней, не смотря на просьбы ея отца, который хотѣлъ кончить дѣло полюбовно.

Д. Лопе. — Онъ самъ и алькальдъ и ея отецъ.

Креспо. — Это несколько не мѣшаетъ дѣлу: если ко мнѣ придетъ посторонній человѣкъ съ жалобой, не долженъ ли я ему оказать справедливость? Безъ-сомнѣнія, долженъ. Странно же было бы мнѣ не сдѣлать для моей дочери того же, что я сдѣлалъ бы для чужаго. Кромѣ-того еще, я посадилъ въ тюрьму своего собственнаго сына: не-уже-ли это не доказываетъ, что я не послушалъ бы дочери и судилъ бы ее безъ всякаго лицепріятія, потому-что въ ебонкѣ течетъ одна и та же кровь. Разско-

трите, хорошо ли ведено дѣло, рассмотрите его отъ начала до конца, и если найдется, что я допустилъ какое-нибудь злоупотребленіе, что я подговаривалъ свидѣтелей, или написалъ что-нибудь лишнее противъ того, что сказано мною на словахъ: пусть меня судятъ и казнятъ смертію.

Король. — Все производство дѣла ведено по законамъ. Но вамъ не дана власть приводить приговоръ въ исполненіе. Это есть дѣло другаго судебнаго мѣста, ему вы и должны выдать подсудимаго.

Крѣспо. — Трудно мнѣ будетъ, государь, его выдать. Такъ какъ у насъ только одна судебная инстанція, вслѣдствіе ея приговоръ ею же и приводится въ исполненіе: такъ было и съ послѣднимъ.

Король. — Что вы сказали?

Крѣспо. — Если вы не вѣрите, государь, что я говорю правду, взгляните сюда, посмотрите: вотъ онъ, этотъ капитанъ.

(Подымается завѣсъ, видѣны капитанъ на стулѣ, съ жезломъ ошейникъ, которыми онъ задушенъ.)

Король. — Какъ вы осмѣлились на такое дѣло?

Крѣспо. — Вы сами признали, государь, справедливость приговора: въ чемъ же состоитъ моя вина?

Король. — Развѣ военный совѣтъ не умѣлъ бы исполнить приговора?

Крѣспо. — Всѣ судебныя мѣста вашего королевства, государь, составляютъ одно дѣло. Если у него много рукъ, что за важность, та ли, другая ли изъ нихъ казнить человѣка, который долженъ быть казненъ? И что значитъ мелочное несоблюденіе формъ тамъ, гдѣ соблюдена сущность правосудія?

Король. — Положимъ, что вы и правы; но почему же вы не приказали отрубить ему голову, какъ слѣдовало капитану и дворянину?

Крѣспо. — И на это есть причина, государь! Такъ-какъ здѣшніе дворяне ведутъ себя благородно, палачъ нашъ не умѣетъ рубить голову. Впрочемъ, на это имѣетъ право жаловаться только покойникъ; а пока онъ не жалуется, кому какое дѣло?

Король. — Донъ-Лопе, дѣло сдѣлано; онъ казненъ закономъ; не должно смотрѣть на мелочи тамъ, гдѣ справедливость соблюдена. Чтобъ здѣсь не оставался ни одинъ солдатъ; выводите скорѣе свой полкъ: мнѣ нужно сѣдлать въ Португалію. *(Къ Крѣспо.)*

А васъ я назначаю безсмѣннымъ замѣдомъ этого села.

Крѣспо. — Только одни вы, государь, умѣете такъ высоко цѣнить и награждать правосудіе. *(Король со счастіемъ удалется.)*

Д.-Лопе. — Благодарите небо, что король пріѣхалъ во-время.

Крѣспо. — Клянусь Богомъ, еслибы онъ даже и не пріѣхалъ, вы ничего бы не сдѣлали.

Д.-Лопе. — Не лучше ли было бы обратиться ко мнѣ, выдать мнѣ виновнаго въ моей помощи возвратитъ честь вашей э-чери?

Крѣспо. — Она вступитъ въ монастырь по своему выбору; тамъ ждетъ ее жизнь, который не посмотритъ на сословія.

Д.-Лопе. — Выдайте мнѣ по-крайней-мѣрѣ, остальныхъ узниковъ.

Крѣспо. — Возьмите, хоть сейчасъ.

Изъ этого бѣглаго изложенія, съ отрывчатыми выписками, читатели могутъ видѣть только главный очеркъ пьесы и перваго характера въ ней, но не подробности, исполненныя кіснаго колорита, и второстепенныя характеры, съ удивительною яркостью выдержанные, каковы: Исабелла, Мана-Мейдо (нищдаго и гордаго гильдии), Нуньо (слуги его), Ребольедо, Исара. Если такіа пьесы считаются въ Новомъ чуть не сотнями, то нельзя не согласиться, что національный испанскій театръ — неистощимая сокровищница прекрасныхъ поэтическихъ сочиненій.

135) *Исторія Фернандо Веллингто. Съ 500 рисунками Менцеля. Санктпетербургъ. 1843. Въ 8-ю д. л. Второе изданіе.*

Что бы ни говорили о политическомъ и какъ бы ни изъясняли изъ сего презрѣнія, называя ихъ *демократическими* — но назначеніе полкитанской роли и вполне достойно стремленія нашего — все обобщать и все дѣлать равно доступнымъ всѣмъ и каждому, общему и бѣдному. Знаючійшая изъ книгъ толпу, политическія прероскоды объясняютъ текстъ, давая живое, понятное то о картинѣ великаго и то о многообразныхъ преданіяхъ

естествознанія и исторіи. Правда, полтипажи далеко еще не достигают своей цѣли, потому что они пока еще чудовищно-дороги для того, чтобъ всѣ могли пользоваться ими, какъ пособіемъ для чтенія; но не должно забывать, что они еще недавнее изобрѣтеніе, особливо у насъ на Руси, и что близко время, когда сотни художниковъ будутъ заниматься ими, едва успѣвая удовлетворять антрепренёровъ-издателей, и, слѣдовательно, будутъ не многимъ дороже теперешнихъ лубочныхъ картинокъ, будучи въ то же время изящны, какъ произведенія искусства. Особенно-полезны полтипажи для распространенія въ народѣ исторіи для чтенія. Можно поручиться, что, на-прим., многіе теперь имѣютъ понятіе объ исторіи Наполеона потому только, что она издава на съ полтипажными рисунками Ораса Вернё. Рисунки Нѣнца Менцеля далеко и далеко уступаютъ въ достоинствѣ рисункамъ Француза Вернё; но, безъ сравненія съ французскими, они очень хороши, и даютъ вѣрное понятіе о народѣ и вѣкѣ, о которыхъ повѣствуютъ приложенный къ нимъ текстъ. Всмотритесь, на-прим., въ эти лица: сколько въ нихъ филистерскаго обродушія, достолюбезной оригинальности и флегматизма: настоящіе Нѣнды! Текстъ «Исторія Фридриха Великаго» составленъ Куглеромъ; г. Кони е ограничился простымъ переводомъ ѣмецкаго подлинника, но рѣшился значительно поподнить его и вообще ригнѣнить къ потребностямъ русскихъ издателей. Сколько можно судить по первому выпуску, онъ началъ свое дѣло хорошо. Желаемъ ему полного спѣха.

156) КАЗАКИ. *Повесть Александра узымича. Санктпетербургъ. Въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1843. Двѣ части. Въ ю д. л. Въ I-й части 217. во II-й — 25 стр..*

Кто не пишеть въ наше время романъ и повѣстей, особенно историче-

скихъ романовъ и повѣстей? Кто? — только люди, ничего непишущіе! Откуда же эта страсть, въ честь ея причины? Объ этомъ можно бы много сказать; но мы на этотъ разъ ограничимся немногими словами. Большая часть пишущаго народа воображала себѣ, что романъ, особенно историческій, не поэзія, потому что пишется прозою. Эти господа думаютъ, что событіе (т. е. завязка или развязка какаго-нибудь приключенія, или происшествія) уже само-по-себѣ такъ интересно, что можетъ занять вниманіе читателя и доставить ему удовольствіе. Это «событіе» у нихъ всегда бываетъ одно и то же: герой, одаренный всѣми добродѣтелями, красотою и умомъ, влюбляется въ героиню, которая тоже — фениксъ своего пола. За нее обыкновенно сватается какой-нибудь «злодѣй», на сторонѣ котораго отецъ. Слѣдуютъ разныя препятствія и страданія; но вѣрность и постоянство все преодолеваютъ — даже здравый смысл, — и герои, по претерпѣніи разныхъ несчастій, совокупляются наконецъ законнымъ бракомъ. Къ этому надору г. сочинитель прибѣгаетъ исторію, выведетъ нѣсколько историческихъ лицъ и заставитъ ихъ говорить и дѣйствовать для вождедѣльнаго соединенія героевъ своего романа, такъ что у него такого сочинителя и подтавская битва и бородинское сраженіе даются именно съ этою цѣлью и, кромѣ счастливаго брака глухыхъ любовниковъ, не оставляютъ послѣ себя никакихъ результатовъ для міра. Согласитесь, что этакъ писать легко: нѣчего выдумывать, нѣ надъ чѣмъ думать; взялъ перо — и пошелъ писать! Чудаки — эти сочинители! Они не понимаютъ, что сущность и достоинство романа (и историческаго, и не-историческаго) не въ сюжетѣ, что сюжетъ — дѣло всегда готовое: берн только. Чтѣ составляетъ сюжетъ, на-примѣръ, «Ламмермурской Невѣсты», Вальтера Скотта? Молодой человѣкъ, любить дѣвушку, которая отвѣчаетъ на его любовь; они объяснились и по-

мѣнялись кольцами; остается только получить согласіе родителей Люціи. Отецъ бы и не прочь отъ этого; но мать, ненавидѣвшая Равенсвуда, инстинктомъ котораго заставила завладѣть своего слабохарактернаго мужа, не хочетъ и слышать объ этомъ союзѣ, и заставляя свою дочь выйти за мужъ за другаго. Встрѣтивъ неожиданное сопротивленіе со стороны дочери, леди Астонъ пользуется отсутствіемъ Равенсвуда и убѣждаетъ Люцію, что онъ навѣнилъ ей. Бѣдная, слабая дѣвушка рѣшается, съ отчаянія, выйти за немалаго; брачный контрактъ подписанъ ею; вдругъ входитъ въ залу Равенсвудъ, словно обвинительная тѣнь, вызванная изъ гроба вѣроломствомъ. Братья Люціи вызываютъ его на дуэль; онъ принимаетъ ихъ вызовъ, и удаляется. Вечеромъ того же дня, пошатнувшаяся Люція чуть не зарѣзала своего мужа, а Равенсвудъ на утро исчезаетъ въ топкихъ болотахъ, черезъ которыя спѣшитъ на поелинокъ. Тѣмъ и оканчивается романъ. Все это просто, даже обыкновенно. И кому не могъ бы прійти въ голову точно такой же, или подобный сюжетъ? Тысячи такихъ сюжетовъ приходили въ голову тысячѣ писателей, — и между тѣмъ никто не знаетъ ни ихъ именъ, ни ихъ романовъ, а «Даммермурская Невѣста» Вальтера Скотта известна всему образованному міру и вѣчно будетъ вѣдома ему, какъ драгоценный алмазъ, украшающій корону великаго царя. Въ чемъ же состоитъ превосходство романа Вальтера Скотта предъ тысячу другихъ романовъ съ столь же, или еще болѣе — интересными, болѣе заманчивыми сюжетами? Въ талантъ — скажутъ намъ. Но въ какомъ же талантѣ? Вѣдь таланты бываютъ разные: одинъ владѣетъ талантомъ править государствомъ, другой одерживать побѣды на полѣ битвы, третій прорывать каналы и устраивать ходы подъ рѣками, четвертый изобрѣтать движеніе свѣтлѣя небесныхъ, и т. п. Талантомъ поэтамъ — скажутъ намъ. Такъ, не и

этимъ еще не все сказано. Что такое поэзія, въ чемъ состоитъ она? — вотъ вопросъ! Должны были сочинители владѣть ея въ вымыслахъ воображенія. Но вѣдь и бредъ снацаго, и мечты сумасшедшаго — вымыслы поэтовъ; однакожь они — не поэзія. Должны были имѣть какой-нибудь опредѣленный характеръ вымыслы поэтовъ, чтобъ отличались отъ всѣхъ вымысловъ другаго рода. *Поэзія есть теоретическое осмысленіе действительности, какъ возможность.* По этому, чего не можетъ быть въ действительности, то докъ и въ поэзіи; другими словами: чего не можетъ быть въ действительности, то и можетъ быть и поэтически. Тамъ опредѣленіе поэзіи вводитъ основаніе въ живое органическое соотношеніе съ другими способностями души, и преимущественно — съ разумомъ. Чтобъ умѣть изображать действительность, мало даже дара творчества: нуженъ еще разумъ, чтобъ понимать действительность. Кто хочетъ быть поэтомъ на бумагѣ, тотъ прежде долженъ быть поэтомъ въ душѣ и, по натурѣ своей, видѣть действительность съ эстетической стороны. Поэзія не въ книгѣ; она въ дыханіи жизни, и чемъ бы ни проявлялась эта жизнь — въ природѣ, въ исторіи, или въ чистомъ бытѣ человѣка. Такихъ талантовъ былъ Вальтеръ Скоттъ, и отъ-того онъ смѣло могъ брать для своихъ романовъ самые простые, обалтующіе, или избитые сюжеты, и дѣлать изъ ихъ своихъ романовъ, новыи и необыкновенными. Отъ-того, дѣйствиельно, его романовъ — живыя лица, живые люди, а не тѣни, не призраки; ихъ чувства и побужденія, добрыя и злыя, истинны; отношенія другъ къ другу естественны. Отъ-того, наконецъ, въ нихъ ничего легче, какъ разсказать въ несколькихъ словахъ сюжетъ любого романа Вальтера Скотта, и имѣть такое труднѣе, какъ вложить содержание его даже въ большой статьѣ. Для такого таланта, какъа ничего не стоило, а важны краснота и тѣнь, авторъ

жизнь онъ свою канву. Бездарность же, напротивъ, полагаетъ всю важность только въ канвѣ, а о краскахъ и бѣгахъ не думаетъ, не подозревая то, что въ нихъ-то, въ этихъ краскахъ, въ этихъ тѣняхъ, и скрывается поэзія.

Такова новая историческая повѣсть Казаки. Сочинитель не жалѣлъ ни умаги, ни чернилъ, ни словъ, ни нравъ, ни разговоровъ, ни описаній, ни происшествій — всего этого у него довольно; нѣтъ одного только — поэзіи! Итаешь, читаешь — въ глазахъ рябитъ, въ головѣ смутно, на душѣ скучно, и спрашиваешь себя: да къ-чему все это? Люди говорятъ, ходятъ, ѣздятъ, нѣютъ, ѣдятъ, влюбляются, раздражаются, — все это Богъ-знаетъ зачѣмъ и для чего. Да и люди ли это? Итъ, тѣни, или, лучше-сказать, маршионетки дурной работы, приводимыя въ движеніе бѣлыми нитками, рукою мелочкаго фокусника. Никакой истины, никакой естественности ни въ характерахъ, ни въ событіяхъ. Герой омава — лицо безцвѣтное. Сочинитель вѣрляетъ, что онъ — молодой Малососъ, жившій въ концѣ XVII и началъ XVIII вѣка. Но если такъ, гдѣ же въ его характерѣ черты вѣка и страны? Посмотрите на надиря Вульбу въ повѣсти Гоголя: го натура страстная, сильная, глубокая, благородная, — и совсѣмъ этническая и грубая при всей ея пѣжноти и поэзіи, потому-что она родилась и возрасла въ варварское время, среди олудийаго общества. А *Василій Муашко* г. Кузьмича — просто какой-то мечтатель въ родѣ образованнаго департаментскаго чиновника нашего времени, который читаетъ «Щелку» и хлопочетъ въ Александринскомъ-Театрѣ. А его возлюбленная *Настасья*? — барышня изъ французскаго водевиля, переложеннаго на російскіе нравы. Въ чемъ же сюжетъ романа? Карубка, отецъ Настасьи, былъ пріятель покойному отцу Василья и прочитъ за него дочь свою. Карубка не любитъ Мазепу, подозреваетъ его въ изменѣ царю;

но Мазепа позвалъ къ себѣ Карубку, — и тотъ, коротившись отъ него его поклонникомъ и врагомъ царя, прогоняетъ Василья и хочетъ отдать свою дочь за Чечела. Василій покидаетъ Настасью, но не какъ казакъ, который за минуту готовъ отдать жизнь, а какъ резовёръ изъ плохой повѣсти: надѣлавъ шума, онъ возвращаетъ Настасью отцу, а самъ, съ слугою своимъ Тарко (народію на Кришу въ «Юріи Милославскомъ») пробирается къ царскому войску. Потомъ въ него влюбляется Катерина, дочь Скоропадскаго; маленькая сестра ея, съ дѣтскою наивностію, высказываетъ тайну любви Катеринѣ, отъ-чего та конфузится и краснѣетъ, а Василій ни о чемъ не догадывается. Ну, точъ-вточъ сантиментальный романъ изъ чиновнической жизни! Катерина спасаетъ Василья отъ плѣна, а Тарко отъ смерти. Потомъ Василій дружится съ Т — вымъ, молодымъ русскимъ офицеромъ, который страстно влюбленъ въ Катерину, — и оба мечтателя приторными, сладенькими фразами разговариваютъ другъ съ другомъ о своихъ любезныхъ, — точъ-вточъ два офицера въ любви русскомъ воеводѣ, передѣланномъ съ французскаго, и только-что не говорятъ другъ другу: «мон-шеръ». На полтавскомъ сраженіи Василій былъ тяжело раненъ, и не давъ сдѣлать себѣ операціи, поскакалъ къ умирающему Карубкѣ (который, подъ именемъ *Рябо*, отчаянно рѣзался съ Шведами, во изъявленіе своего раскаянія, что позволилъ Мазепѣ обмануть себя). Тамъ Василій опять раненъ, и Рябо ѣдетъ къ Настасьѣ съ страшною вѣстію. Читатель радуется, что глупый герой не будетъ больше надобѣдать ему своею пошлостію, и что длинная повѣсть кончилась: не тутъ-то было! Эта смерть придумана для эффекта: Василій воскресаетъ, чтобъ жениться и быть счастливымъ въ законномъ супружествѣ, по претерпѣннн толкиныхъ несчастій. Катерина до послѣдней страницы романа остается блудною и томлюю, любя Василья, и только ждѣ

угождения волѣ родителя выходить замужъ за Т-ова. Этотъ Т-овъ есть не кто иной, какъ Петръ Толстой. По исторіи извѣстно, что Скоропадскому хотѣлось выдать замужъ (разумѣется, за кого-нибудь изъ Малороссіянъ) ялтнадцатилѣтнюю дочь свою, на что онъ и просилъ разрѣшенія у Петра-Великаго; но государь, вѣрный своей политикѣ и своимъ видамъ на Малороссію, далъ такой отвѣтъ Скоропадскому: «Въ ознаменованіе вѣрности, по примѣру своихъ предѣстниковъ, гетманъ долженъ сговорить и выдать дочь за одного изъ чиновниковъ великороссійскихъ». Черезъ два года, зять Скоропадскаго, Толстой, получилъ изъ Жираховскаго, «во уваженіе вѣрной и усердно-радѣтельной службы тестя». Стало-быть, бракъ Толстаго съ дочерью Скоропадскаго былъ дѣломъ политическихъ расчетовъ, безъ всякихъ любовныхъ вразъ. Такъ бы и слѣдовало его изобразить. Но нѣкоторые сочинители не понимаютъ поэзіи истины и дѣйствительности, предпочитая ей шумиху набитыхъ и извощенныхъ вымысловъ правднаго воображенія...

Повѣсть г. Кузьмича, къ сожалѣнію, издана издацио. Говорить — къ сожалѣнію, ибо видѣть прекрасно-изданную пустую книгу такъ же непріятно, какъ видѣть пустаго человѣка, пользующагося всѣми матеріальными благами жизни.

157) Дневникъ Русскаго Путешественника по Европѣ. Алексѣя Зилова. Москва. Въ унив. тѣм. 1843. Въ 8-ю д. л. Дѣл части. 195, 214 стр.

Отъ этихъ описаній Европы, издаваемыхъ подъ именемъ «путешествій», «записокъ», «дневниковъ», мы уже не ждемъ ничего новаго. Въ наше время трудно сказать что-нибудь неслышанное о Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ. Сидя у себя дома, мы почти такъ же знаемъ эти города, ихъ замѣчатель-

нѣйшія аданія, характеръ, политикѣ, даже самые виды, какъ еслибъ только что воротились изъ дальняго путешествія. Пріѣхавъ, наприм., въ Парижъ, вы тотчасъ поспѣшите описать намъ самое замѣчательное, и, конечно, будете говорить о Луврѣ, о Нотр-Дамѣ, объ Инвалидахъ, о театрахъ, о Сенѣ и ея мостахъ, и т. п.; но что скажете вы намъ обо всемъ этомъ такомъ, что давнымъ-давно десять разъ не было бы сказано въ нашихъ же русскихъ книгахъ и столько же разъ пояснено иностранными гравюрами?—Потому, если что еще можетъ интересовать читателя въ этихъ «Путешествіяхъ по Европѣ», такъ развѣ личность самого путешественника. Тутъ, часто даже противъ воли, высказывается она вся, всѣ со всѣми своими понятіями, взглядами, образомъ мыслей; тутъ иногда въ немногихъ словѣхъ уже выражается вся субъективность автора, и если въ ней слышны жизненные элементы, если въ этой личности не умерло живое человеческое чувство, то одинъ уже взглядъ близкаго знакомства съ нею, результатъ, при помощи книги, въ-состояніи наградить за недостатокъ другаго, даже болѣе-существеннаго интереса. Но если... Впрочемъ «Дневникъ Русскаго Путешественника» какъ-то и самъ уже не запрашивается на чтеніе, откровенно признаваясь, что онъ назначенъ исключительно для родныхъ и друзей автора, и если нѣкоторые экземпляры попадутъ въ руки другихъ читателей, то это уже будутъ экземпляры дани, которые только потому поступили въ продажу, что ихъ нигде было деть (см. Предисловіе). Заглянувъ далѣ въ книгу, мы нашли, что сознаніе сдѣлано очень-умно и добросовѣстно. Какъ что рассказываетъ авторъ о Франціи, Италіи, Германіи, можетъ интересовать развѣ друзей его и знакомыхъ, а насъ... мы, право, не виноваты, если находимъ только повтореніе того, что началъ рассказывать намъ чуждому и покойный Карамзинъ. И такъ, оставаясь друга стороною книги. №

—сожалѣнію, самый важный пунктъ этой другой сторонѣ есть болѣзнь автора, — предметъ, конечно, очень-мало интересный для здоровыхъ читателей (между-тѣмъ, по-необходимости, весьма-сильно занимающій самого путешественника. Болѣзнь тѣла, вѣроятно, имѣла вліяніе и на самый духъ автора; ю-крайней-мѣрѣ, сколько мы могли замѣтить во время чтенія записокъ, дуловое жизненное начало его, во все продолженіе путешествія, не показывало особенной энергіи. Отъ-того, можетъ-быть, авторъ всегда подробнѣе и обстоятельнѣе, какъ-скоро дѣло коснется его болѣзани, и большой мастеръ на законизмы тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о предметахъ, наиболѣе-способныхъ заинтересовать общее любопытство. Это однако никакъ не значить, чтобъ нашъ путешественникъ погруженъ былъ въ такую апатію, чтобъ уже неспособенъ былъ на къ какому одушевленію: напротивъ, всѣ предметы высокіе, изящныя, дѣйствовали на его душу съ рѣкою силою. Впечатлѣніе, напр., произведенное на него «Медонною» Рафаэля, было такъ сильно, что онъ забылъ время, самого-себя и рисковалъ остаться всю ночь въ галереѣ, еслибъ какой-то благодѣтель изъ Нѣмцевъ не пробудилъ его изъ этого самозабвенія вопиющимъ восклицаніемъ: «Государь мой! ась здѣсь запрутъ!» (стр. 35). Другой источникъ одушевленія г. Зилова есть его глубоко-патріотическое чувство. При такихъ достоинствахъ, надобно думать, что «Дневникъ» не останется безъ читателей.

158) Плащъ Мефистофеля. Волѣбно-фантастическій рассказъ. Москва. В тип. Н. Смирнова. 1843. Въ 32-ю д. 31 стр.

Въ этой книгѣ есть одна недостатокъ и одно достоинство. Недостатокъ а состоитъ въ томъ, что она — ужаснѣйшій вздоръ; достоинство въ томъ, что этотъ вздоръ коротенькій, на 30 страницъ, въ 32 долю листа и въ Т. XXVIII. — Отд. VI.

0,00000000032 долю смысла: достоинство великое, когда дѣло идетъ о великой галиматѣи.

159) Вскобщій Пѣсняникъ, или полное собраніе лучшихъ вслаю рода плесен. Собранный А. Калатинымъ. Москва. В тип. Ивана Иванова Смирнова. 1841. Въ шести частяхъ. Въ 12-ю д. а Въ I-й части 112, во II-й — 127, въ III-й — 142, въ IV-й — 71, въ V-й и VI-й — 152.

Лучшихъ!.. Гдѣ же худшія, нигуда негодныя и тому подобныя?.. Надобно спросить объ этомъ г. Калатина, котораго величайшая заслуга, по нашему мнѣнію, заключается въ умѣньѣ приискать приличное названіе и голосъ къ каждой пѣсни. Такъ, на-примѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ любовь изъясняется *голосомъ улыльнымъ*:

Твой взоръ какъ будто шлошь,
Мнѣ сердце узвилъ...

160) Драматическій Альбомъ для любителей театра. Книжка вторая. Москва. В тип. Н. Степанова. 1843. Въ 8-ю д. л. 43 стр.

«Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи», помѣщенный во второй книжкѣ, давался на московскомъ и петербургскомъ театрахъ: тамъ и здѣсь актёры играли хорошо, зрители были довольны, смѣялись куплетамъ и кричали «бюра!». Авторъ былъ вызванъ: чего жъ больше для водевиля автора, зрителей и библиографіи?

161) Бздокуръ(.) русская сказка. Сочиненіе Михаила Куражковскаго. Москва. В тип. Н. Степанова. 1843. Въ 18-ю д. л. 68 стр.

Жили-были въ одно время
Два крестьянина въ селѣ,
Похвала жизни бремя
За припасомъ на столѣ.
Одигъ жельникъ былъ Петрушка,
Парень ловкой хотъ кула;
А другой, другой Вельюшка,
Какъ Блалма буба...

Помилуйте, г. Куражковскій... что вы? Дагѣ:

Самого осла глупѣ,
То есть запросто дуракъ.

Господи Боже мой, что это такое?

И давно бѣ сказала такъ:
Пренабитѣйшій дуракъ.

162) ЛУЦІА ДЕ-ЛАММЕРМУРЪ. *Трагическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Музыка Дониаветти. При семъ: Поврякушки. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. 1843. Въ 16-ю д. л. 39 и 4 стр.*

163) ОТЕЛЛО. *Большая опера въ трехъ дѣйствіяхъ; музыка Россини. Переводъ съ итальянскаго. При семъ: Поврякушки. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. 1843. Въ 16-ю д. л. 32 стр.*

164) ПИРАТЪ. *Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Беллини. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. 1843. Въ 16-ю д. л. 35 стр.*

165) ПУРИТАНЪ. *Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Беллини. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. 1843. Въ 16-ю д. л. 34 стр.*

Эти четыре книжки не принадлежатъ собственно къ литературѣ и появленіемъ своимъ обязаны случаю. Известно, что либретто оперъ очень рѣдко отличаются, или, лучше сказать, почти-никогда не отличаются независимымъ достоинствомъ, служа только объясненіемъ смысла музыки, какъ декорации служатъ объясненіемъ смысла драматической пьесы. Говорить о достоинствѣ перевода либретто еще менѣе слѣдуетъ, чѣмъ о достоинствѣ самого подлинника, и переводчики «Луція де-Ламмермуръ», «Отелло», «Пирата» и «Пуританъ» очень кстати и, вѣроятно, съ выгодой для себя намѣревались подслужиться петербургской публикѣ, въ неимовѣрномъ количествѣ стекавшейся въ Большой-Театръ наслаждаться дивнымъ и могучимъ талантомъ великаго пѣвца-художника — Рубини. Но прилагаемымъ къ этимъ либретто «Поврякушки» — совсемъ другое дѣло: онѣ тѣмъ болѣе являются до русской литературы, во исполнѣ выражаютъ ее характеръ, направление и достоинство въ настоящую минуту. Эти «Поврякушки» состоятъ изъ стиховъ и анекдотовъ. Выписываемъ по образчику въ томъ и другомъ родѣ. Вотъ стихи:

Что такое симпатія?

Мужь.

Двурогій мѣсяць страхъ люблю я,
Не рѣдко цѣлый часъ все на него смотрю я.

Домашній другъ.

Ну, что жъ за чудеса такіа!
У васъ съ нимъ — симпатія.

А вотъ и проза:

РАЗГОВОРЪ ВЪ КАРКЕТѢ.

А. Подно, братецъ, опять, ужъ мы сколько проѣхали.

Б. (иросыпалъ) А. сколько?

А. Да ужъ мы теперь верстахъ въ сорокъ отсюда.

Остро — не правда ли? Въ одномъ периодическомъ изданіи помѣщались остроумные анекдоты въ родѣ слѣдующаго: «Ты настоящій хамелеонъ — смилуйся надъ другимъ. — А ты хитроулы — отъ чьей тоть. Остроумный составитель и наборщикъ «Поврякушекъ», вѣроятно, былъ вдохновленъ «итальянско-остроумнаго» періодическаго изданія, и рѣшился со слезою для себя и пользою для публики театральныя глупости и вышваляды, продолжать въ «Поврякушки» игривое остроуміе вдохновившаго его журнала. Жаль только, что онъ не беретъ свои творенія безъ политическаго политическими они были бы смѣхъ современныя явленія русской литературы, тогда-какъ теперь они являются только пошлостію, болтовнею и дурнымъ тономъ.

166) ТОРЖЕСТВО ТОРЖЕСТВЪ, или *Канонъ святыхъ Пасхи, или канонъ святыхъ, съ кривыми очерками...*

ли святого Иоанна Дамаскина, сочинителя Канона. Григорьевъ Долгомостевымъ. Изданіе второе. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1843. Въ 12-ю д. л. 72 стр.

Нечего говорить о важности содержания этой книжки и благой цѣль ея сочинителя: то и другое несомнѣнно. Только за одно можно порицать сочинителя: за смѣлость, съ которою онъ исполнены простоты и величія слова вдохновеннаго угодника — перелагаетъ въ плохія и весьма-плохія вирши. Для доказательства справедливости нашихъ словъ выпишемъ одно мѣсто: пусть читатели сами будутъ судьями.

Вотъ слова канона:

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же міръ, великий же весь и невидимый: Христосъ бо воста, Веселіе въчное».

А вотъ вирши г. Григорья Долгомостева:

Веселье Вѣчное, Спаситель
Во(э)сталъ, какъ смерти Потребитель(?),
О непостыжны чудеса!
Да веселятся небеса;
Земля, вкушивъ небесну сладость,
Да облечется въ вѣчну радость;
И зримый и незримый міръ
Торжественный составте пиръ.

То ли это?..

167) О Россійскомъ Благородномъ Собраніи въ Москва. Н. Д. Горчакова. Москва. Въ тип. С. Семьяновскаго. 1843. Въ 12-ю д. л. 44 стр.

Краткая исторія Собранія съ указаніемъ особенно-замѣчательныхъ случаевъ, которыхъ оно было свидѣлемъ.

168) Полный Курсъ Прикладной анатоміи Человѣческаго Тѣла. Съ исчислениями. Соч. Н. Циргова. Анатомія описательно-физиологическая и хирургическая. Тетрадь первая. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Бочарова. октябрь въ 8-ю д. л. 84 стр. Рисунки вметки.

Цѣль этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобъ сообщить врачамъ посредствомъ вѣрныхъ, съ натуры снятыхъ изображеній, прикладную сторону анатоміи. Авторъ раздѣлил свой курсъ на три отдѣленія, или на три части: на анатомію физиологическую, хирургическую и патологическую. Началъ онъ свое изданіе анатоміею описательно-физиологическою и хирургическою; со-временемъ же объщаетъ издать и патологическую. Нельзя не порадоваться появленію этихъ прекрасныхъ анатомическихъ рисунковъ, тѣмъ болѣе, что они списаны съ натуры, съ препаратовъ, приготовленныхъ самимъ авторомъ — нашимъ лучшимъ анатомикомъ. Но въ то же время не можемъ не замѣтить, что для насъ было бы гораздо-пріятнѣе и принесло бы русскимъ врачамъ несравненно-болѣе пользы изданіе самой важной прикладной части анатоміи тѣла человѣческаго — именно патологической анатоміи, о которой на русскомъ языкѣ доселѣ рѣшительно нѣтъ ни одного даже сколько-нибудь посредственнаго сочиненія.

Сообщить врачамъ посредствомъ вѣрныхъ рисунковъ нормальную анатомію, конечно, полезно: хорошіе рисунки могутъ служить знающему уже анатомію напоминаніемъ предмета; но незнающій, по однимъ рисункамъ и ихъ объясненію, никогда не научится анатоміи. Для этого нужно каждому производить собственныя анатомическія работы: повторительное и внимательное разсѣченіе труповъ. Для патологической же анатоміи вѣрные рисунки очень-важны и особенно необходимы у насъ, при совершенномъ отсутствіи книгъ подобнаго рода. При труповскрытіи, врачъ, еще не очень-знакомый съ патологическимъ состояніемъ органовъ, по однимъ только описаніямъ очень — часто бываетъ затрудненъ въ опредѣленіи болѣзненныхъ измѣненій; тутъ вѣрный рисунокъ съ хорошимъ текстомъ — вещь важная и чрезвычайно-наставительная. Въ анатоміи описательно-физиологи-че-

кой и хирургической уже трудно узнать что-нибудь важное, новое. Эта наука, в настоящее время, между всеми медицинскими науками, можно сказать, одна из числа положительных, и сомнѣвающейся въ какомъ-либо предметѣ найдеть все для себя нужное въ первомъ порядочномъ руководствѣ къ нормальной анатоміи. Нельзя того же сказать о патологической анатоміи, какъ о наукѣ довольно-новой, но на которой нынѣ все почти зиждется въ медицинѣ и хирургіи. И руководства къ этой наукѣ на русскомъ языкѣ мы давно уже ждемъ. Теперь патологическая анатомія — одна изъ тѣхъ медицинскихъ наукъ, которая для врача-наблюдателя представляетъ самое обширное поле дѣятельности, открытій и полнѣешихъ привнесеній. Тутъ истинный врачъ можетъ показать всю свою ученость и дальновидность. Вотъ почему нынѣ изданіемъ анатомическихъ таблицъ занимаются въ Европѣ люди не вѣе, чѣмъ посредственные, а всѣ лучшіе умы направлены на изслѣдованіе натуры болѣзней и патологическихъ измѣненій человѣческаго тѣла, какъ на единственный путь, ведущій къ точной діагностикѣ и правильному леченію. Что касается до насъ, Русскихъ, то сочиненія о патологической анатоміи мы ни отъ кого не въ правѣ столько ожидать, какъ отъ г. Пирогова, который, занимая мѣсто профессора клиники и патологической анатоміи въ первоклассномъ нашемъ заведеніи — въ Санктпетербургской Медико - Хирургической Академіи, находясь во главѣ одного изъ большихъ госпиталей столицы и будучи снабженъ отъ правительства всеми для занятія пособиями, — принадлежитъ къ числу немногихъ людей, обладающихъ всеми нужными для подобнаго предпріятія средствами.

Изданіе «Анатоміи описательно-физиологической и хирургической» продолжится не менѣе четырехъ дѣтъ. Оно будетъ состоять изъ 25-ти тетрадей; въ каждой по 5-ти литографированныхъ чорныхъ, или раскрашенныхъ

рисунковъ in-folio и по 1¹/₂ печатнымъ листа изъяснительнаго текста на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

По вышедшей теперь первой тетради можно судить, что препараты приготовлены были анатомикомъ тщательно, а рисунки отдѣланы художникомъ еще съ болѣе высокимъ искусствомъ и даже съ роскошью, особенно раскрашенные. Въ первой тетради изображены различныя слои, составляющіе среднюю, или ладонную поверхность предплечія и руки. На первомъ рисункѣ показаны ходъ поверхностныхъ вѣтвей предплечія и ихъ относительное положеніе къ подкожнымъ нервамъ, замѣчательныя мѣста въ фасціи предплечія, начало и соединеніе втораго сухожильнаго мускула плеча съ сухожильнымъ растяженіемъ предплечія, и наконецъ положеніе и наружный видъ фасціи. На второмъ рисункѣ показаны: первый поверхностный слой мускуловъ предплечія и относительное положеніе этихъ мускуловъ къ артеріальнымъ стволамъ предплечія. Третій рисунокъ изображаетъ ходъ и направленіе двухъ главныхъ артерій предплечія: лучевой и локтевой. Четвертый представляетъ ходъ и значеніе главныхъ для чувства движенья нервовъ средней стороны предплечія и руки означенныхъ вѣтвей нервовъ срединнаго, лучевого и локтевого. Наконецъ, значеніе пятого рисунка состоитъ въ томъ, чтобъ показать глубокія вѣтви шестныя вѣтви трехъ означенныхъ главныхъ нервныхъ стволовъ предплечія. Изъ всего этого видно, для занятія уже съ прежнимъ изданіемъ атласа «Таблицами объ Артеріяхъ и Фасціяхъ» въ хирургическомъ значеніи, что вышедшая нынѣ тетрадь болѣе чужда есть только повтореніе прежнихъ таблицъ. Впрочемъ, въ надписяхъ анатомическихъ таблицъ, начатыхъ съ неопредѣленности, и не удивительно встрѣчанъ повтореніе во многокъ.

Полное раскрашенное изданіе атласа Анатоміи съ пересылкою стоить около 140 руб. на ассигнованіи.

а для мѣстъ очень отдаленныхъ отъ столицы, и болѣе. Цѣна эта для такого, можно сказать, роскошнаго изданія, при нашихъ не дешевыхъ средствахъ книгопечатанія и автографирования, конечно, не высока; подобное сочиненіе у насъ едва-ли и можно продавать дешевле, но гѣмъ не менѣе это можетъ послужить для большей части русскихъ врачей великимъ препятствіемъ къ пріобрѣтенію Курса Анатоміи г. Пирогова, тѣмъ болѣе, что у насъ въ Россіи подобнаго рода книги на иностранныхъ языкахъ можно имѣть за цѣну гораздо-сходнѣйшую, — книги, которые въ изложеніи предмета, въ приложеніи его и въ изяществѣ изданія, нисколько не уступаютъ разсматриваемымъ нами таблицамъ и пользуются уже европейскою извѣстностію.

169) Юридическая Процѣдентика. Сочиненіе Р. А. Штеггардта. Переводъ Ф. Г. Толля. Выпускъ I. Санктпетербургъ. Издатель, книгопродавецъ Ю. А. Юнкмейстера, у Полицейскаго Моста, въ домѣ Котомина. (Типографіи не означено.) 1843. Въ 8-ю д. л. 80 стр.

Не понимаемъ, почему г-ну переводчику, или издателю этого сочиненія, задумалось издавать его выпусками. Выпусками книги издаются или для того, чтобъ облегчить пріобрѣтеніе ихъ публикѣ, или чтобъ удовлетворить ея жажду читать скорѣе произведеніе любимаго писателя. Въ первомъ случаѣ, распоряженіе его было почти излишне, потому-что и оригинальное изданіе книги г. Штеггардта, по цѣнѣ, довольно-доступно каждому, изучающему юриспруденцію. Чтò же касается до второй причины, то всѣмъ извѣстна тѣрѣдко-измѣняющая сама себя холодность, съ которою наша публика встрѣчается и не юридическія сочиненія. Наконецъ, можетъ-быть, переводчикъ самъ сомнѣвался въ пользѣ своего труда и хотѣлъ, прежде окончательнаго изданія его въ свѣтъ, узнать сужденіе о переводимомъ имъ сочиненіи людей, которые почему-либо интересуются

явленіями нашей юридической литературы. Въ такомъ случаѣ, мы откровенно выскажемъ ему наше мнѣніе, предпославъ этому мнѣнію необходимое предисловіе.

У насъ, благодаря послѣднему преобразованію юридическихъ факультетовъ, есть юристы-теоретики, получившіе болѣею частію образованіе свое въ Германіи, или чрезъ Германію. Есть также юристы-практиканты, которымъ извѣстны, какъ пять пальцевъ, всѣ извороты судопроизводства, въ главныхъ началахъ своихъ представляющаго тотъ же судъ и ту же расправу, какими вѣдалься предки наши при царѣ Алексіи Михайловичѣ. Наука, привнесенная къ намъ съ запада, плохо сроднилась съ жизнію, и начала теоріи далеко неприменимы къ нашему юридическому быту. Имѣя въ виду соединеніе теоріи съ практикою въ юридическомъ образованіи, правительство учредило Училище Правовѣднія, для котораго г. Штеггардтъ, въ 1838 году, написалъ на нѣмецкомъ языкѣ свою «Процѣдентіку Права». Какъ иностраннѣйшій ученѣйшій, которому не было ни времени, ни возможности заглянуть въ юридическій бытъ нашъ, г. Штеггардтъ, разумѣется, ограничился изложеніемъ тѣхъ началъ права, которымъ ему казались истинными и соответствующими послѣднему согласію науки. Книга, безъ всякаго сомнѣнія, могла принести свою пользу даже для нашихъ университетовъ, которые, кромѣ рукописныхъ профессорскихъ лекцій, не имѣли никакого руководства къ теоріи права. На-бѣду, другой профессоръ, также получившій образованіе свое въ Германіи, издалъ, въ 1839 году, «Энциклопедію Права»: это, г. Неволдинъ. Мы помнимъ, что, по случаю появленія его книги, г-нъ Штеггардтъ напечаталъ въ нѣмецкихъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью, въ которой, отдавая, впрочемъ, всю справедливость труду г. Неволдина, старался доказать, что авторъ не понимаетъ, чтò такое энциклопедія права.

Изъ той же статьи видно, что г. Штекгардтъ находилъ несравненнымъ, почему издатель «Энциклопедіи», говоря о литературѣ своей науки, не упомянулъ объ его сочиненіяхъ по этой части, писанныхъ — хотя по-нѣмецки, но «въ Россіи и для Русскихъ». Дѣло въ томъ, что книга г. Штекгардта, подъ названіемъ «Юридическая Пропедевтика», при всѣхъ ея достоинствахъ, написана по старымъ началамъ, давно испровергнутымъ, или принявшимъ новый видъ и новое развитіе подъ перомъ послѣдняго великаго мыслителя Германіи, который, въ свою очередь, не довелъ своей философіи права до послѣднихъ результатовъ, развитыхъ современнымъ сознаніемъ человечества. Г. Штекгардтъ хотя упоминаетъ о Гегелѣ, но какъ-бы вскользь, мимоходомъ, и въ другомъ сочиненіи своемъ (*Allgemeine Juristische Fundamentallehre*, S.-Petersburg, 1838) находитъ даже нѣсколько-страннымъ принятое Гегелемъ раздѣленіе философіи права на *abstractes Recht*, *Sittlichkeit* и *Moralität*. Книга же г. Неволіна, каковы бы ни были неизбежныя при такомъ трудѣ недостатки ея, не только излагаетъ довольно-подробно послѣднюю философскую систему права, но и соответствуетъ современнымъ требованіямъ науки, такъ-что и въ Германіи, не смотря на множество энциклопедій правъ, разныхъ авторовъ и подъ разными заглавіями, еще нѣтъ ни одного сочиненія, которое могло бы соперничать съ трудомъ г-на Неволіна (считая въ томъ числѣ и «Энциклопедію» Фалька, отличающуюся отъ трудовъ г. Штекгардта только болѣею ясностію изложенія). Что же касается до страннаго греческаго названія книги г. Штекгардта, — это невинная претензія германскаго ученаго создать свою особую науку, хоть маленькую, хоть пропедевтику (отъ *πρῶτον*, прежде, и *παιδείαν*, обучать). А потому изъ всѣхъ усилій профессора Штекгардта доказать, что энциклопедія права есть наука сама-по-себѣ, а

пропедевтика сама-по-себѣ, важно только, что и та и другая — не болѣе, какъ приготовительное ученіе юриспруденціи. Чтобъ доказать читателямъ, что г. Штекгардтъ и г. Неволіна возмужаютъ каждый свою науку, мы приведемъ опредѣленія ея у того и другаго. «Подъ пропедевтикою» говоритъ г-н Штекгардтъ: «разумѣемъ мы систематическое собраніе различныхъ предварительныхъ повѣстей и свѣдѣній, безъ которыхъ вступленіе въ область правовѣдѣнія чрезвычайна шатко, уразумѣніе его весьма начальное изученіе трудно и почти бесплодно.» — «Энциклопедія законовѣдѣнія» говоритъ г. Неволіна: «есть обзоръ наукъ законовѣдѣнія въ общій ихъ связи.» Тѣ, которые привыкли представлять себѣ науку чѣмъ-то мрачнымъ и таинственнымъ, доступнымъ только для посвященныхъ, вероятно предпочтутъ опредѣленіе г-на Штекгардта и останутся недовольны опредѣленіемъ г. Неволіна, которое, при всей своей опредѣленности, кажется несчастіе быть понятнымъ и простымъ.

Но возвращаясь къ переводу. Мы сказали, что «Энциклопедія» г. Неволіна восполнила недостатокъ въ руководствѣ къ изученію теоріи права. Теперь, книга г. Штекгардта не можетъ болѣе. Еще, еслибъ она, излагая начала права (разумѣется, болѣе основательныя, а не тѣ, къ чему въ юридической теоремѣ, которыхъ она придерживается съ такою любовью), показывая, какъ они прилагаются къ нашему законодательству, или, по-крайней-мѣрѣ, рядомъ съ ними, безъ дальнихъ объясненій, излагала бы положительныя новленія его: тогда переводъ ее на русскій языкъ могъ бы принести нѣсколько пользы. Но теперь, какъ оставимъ ея переводчику, г. Ф. Г. Талку, остановиться на первомъ изданіи, если онъ такъ же хорошо владеетъ нѣмецкимъ юридическимъ языкомъ, какъ русскимъ, подарить лучше переводомъ съ русскаго на нѣмецкій

зыкъ .Энциклопедіи Законовѣдѣнія . Неволна .

170) Основанія Промышленной Механики, *выбранныя изъ трудовъ Кристиана, Понсле, Д'Обюссона, Колюиса, Гашетта, Ланца и Ветанкура, Юлена, Борнуса, Гениво, Леблана, и проч. и проч., Степаномъ Флаша. Переводъ съ французскаго, со втораго изданія, о многими дополненіями изъ Пуансо, Ламбура, Тредгольда, Евенса, Рюльма и Арманго. Москва. Въ тип. Степанова. 1843. Въ 8-ю д. л. V и 589 стр. Съ таблицами чертежей.*

Промышленная механика, въ современномъ ея состояніи, есть наука, относительно которой существуетъ очень много мнѣній, весьма-различныхъ между собою и часто даже противорѣчащихъ; по этому, чтобъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ перевода «Механики» Флаша, необходимо сказать нѣсколько словъ о значеніи промышленной механики, какъ науки, и о требованіяхъ, которымъ эта наука должна удовлетворять.

Человѣкъ въ вещественномъ мірѣ есть потребитель: ему безпрестанно требуютъ необходимость взимать вещества изъ природы и усваивать ихъ или для собственнаго своего существованія, или для существованія ближняго. Вещества же, доставляемыя природою человѣку, бываютъ всегда, или по-большой-части, не въ томъ видѣ, какими человѣкъ ихъ потребляетъ, и, сверхъ того, они еще не всегда легко достаются; слѣдственно, человѣкъ долженъ предварительно ихъ приготовить (добывать), а потомъ преобразовывать въ форму, удобную для потребленія. Такъ какъ вещество, при измѣненіи своего положенія въ пространствѣ и при измѣненіи своей формы, требуетъ вообще какой-нибудь сторонней силы, то человѣкъ, совершая необходимыя преобразования надъ веществомъ, долженъ по необходимости употреблять силу. Слѣдательно, употребленіе человѣкомъ силы — необходимое условіе его существованія.

Силою называютъ причину, отъ которой происходитъ перемѣщеніе тѣла въ пространствѣ. Причины, производящія перемѣщенія тѣлъ въ пространствѣ, суть результаты внутренняго дѣйствія организма существъ живыхъ и взаимнаго вліанія одного вещества на другое, при извѣстныхъ условіяхъ. Слѣдственно, сила можетъ быть развѣиваема тѣлами орудными и безорудными. На вопросъ, какъ проявляется сила въ тѣлахъ орудныхъ? — отвѣчаетъ физиологія; въ тѣлахъ безорудныхъ? — физика. Механика же о происхожденіи силъ не трактуетъ: она опредѣляетъ законы дѣйствія силъ, не обращая нисколько вниманія на ихъ источникъ, т. е. будутъ ли они происходить отъ напряженности мускуловъ животнаго, или отъ стремленія вѣтра, или отъ чего бы то ни было: во всякомъ случаѣ, дѣйствіе силъ полагается извѣстнымъ и непреложнымъ законамъ, изслѣдованіемъ которыхъ механика и занимается. Въ этомъ случаѣ, къ механикѣ прилагаютъ эпитетъ — *аналитическая*. Когда же силы будутъ разсматриваемы въ зависимости отъ ихъ источниковъ и при условіи, что дѣйствія ихъ направляются къ опредѣленной цѣли, тогда вопросъ дѣлается сложнѣе и можетъ быть рѣшонъ не иначе, какъ при помощи результатовъ найденныхъ естественною исторіею, химіею, физикою, метеорологіею и аналитическою механикою; только совокупное усиліе этихъ наукъ можетъ дать точный отчетъ о дѣйствіи силъ и о результатѣ ихъ дѣйствія, показать вполне взаимное между ними соотношеніе и ихъ назначеніе. Въ этомъ видѣ, изученіе дѣйствія силъ составляетъ предметъ механики, называемой *прикладною* или *промышленною*, — и только при этихъ условіяхъ дѣйствія силъ могутъ быть прилагаемы къ потребностямъ человѣка.

Требованія человѣка, для выполненія которыхъ необходимо пособіе сторонней силы, многоразличны; но они всѣ сводятся къ весьма-немногимъ бо-

дамъ вопросамъ, именно: 1) указать источникъ силы. 2) показать дѣйствіе силы, выходящей прямо изъ источника; 3) дать способы измѣнять дѣйствіе силы такъ, какъ требуетъ выполняемое дѣло. или (выражаясь терминомъ) преобразовывать силы, и наконецъ 4) показать преимущество одной силы передъ другою. Вотъ четыре вопроса, рѣшеніе которыхъ составляетъ содержание промышленной механики, какъ науки. Все разнообразіе вопросовъ, на которые отвѣчаетъ промышленная механика, приводится только къ этимъ четырёмъ: всякое изобрѣтеніе, открытіе или усовершенствованіе, сдѣланное въ области промышленности, — не больше, какъ параграфъ, проясняющій рѣшеніе одного изъ сказанныхъ вопросовъ. Вотъ точка, съ которой въ настоящее время должно смотрѣть на промышленную механику; вотъ сводъ требований, которымъ должна удовлетворять эта наука.

Съ этой же точки мы намѣрены разсмотрѣть и переводъ «Промышленной Механики». Флашъ, намѣрены показать, удовлетворяетъ ли она сказаннымъ требованиямъ сообразно съ современнымъ состояніемъ науки. Но такъ-какъ изложеніе всякой науки имѣетъ свой особенный характеръ, имѣетъ необходимость въ пособіяхъ стороннихъ, въ частныхъ подробностяхъ, усложняющихъ ясность и полноту излагаемаго предмета, то сначала сдѣлаемъ общій обзоръ всего перевода, а потомъ *общее заключеніе*.

Почти всякая вѣтвь знаній со времени своего рожденія до момента, въ который она получала форму науки, подвергалась болѣе или менѣе несправедливымъ взглядамъ и должна была удовлетворять требованіямъ, вовсе непринадлежащимъ ей и часто невозможнымъ. Промышленная механика, въ этомъ отношеніи, претерпѣла весьма много и даже до-сихъ поръ претерпѣваетъ, ибо и по сіе время есть люди, которые думаютъ, что *машины могутъ теоритъ силы*, и которые, сверхъ-то-

го, полагаютъ, что значеніе всякой машины только и состоитъ въ творчествѣ силъ. Это заблужденіе не вредило бы наукѣ и не имѣло бы ни на что никакого вліянія, еслибъ приписывающее такое значеніе машинамъ были только люди безъ свѣдѣній и безъ средствъ; но, къ-сожалѣнію, эти люди владѣютъ огромными средствами, они могли бы дѣлать предпріятія значительныя и чрезъ то могли бы расширять область знанія. Эти люди, имѣя ложныя понятія о машинахъ и не имѣя достаточныхъ свѣдѣній, чтобы убѣдиться въ несправедливости своего мнѣнія, сначала вѣрятъ охотно всему, что обещаетъ имъ изъ ничего сдѣлать золотыя горы, и въ-слѣдствіе этого, пускаются въ огромныя предпріятія, которые, разумѣется, всегда оканчиваются прогнѣшемъ. Но эта неудача падаетъ не на однихъ этихъ людей: она наводитъ и на нихъ, вмѣсто предпримчивости, какой-то страхъ, дѣлаетъ ихъ злыми говнѣльми всѣхъ нововведеній и усовершенствованій, такъ-что, убѣдясь въ другой нецѣлности, они громко повторяютъ: *«всѣ науки вздоръ, всѣ машины только пустой переводъ денегъ»*. Вотъ результатъ перваго ложнаго понятія; онъ ведетъ прямо къ *совершенному импѣстѣ*, — невѣжеству, которое для насъ становится истиной непреложной; онъ въ увѣреніе себя и другихъ, говоритъ, что убѣдились въ обманѣ — опытомъ! Иностранцы это давно знаютъ, и поэтому прежде, нежели излагаютъ содержание промышленной механики, она всегда посвящаютъ нѣсколько страницъ своего сочиненія на уничтоженіе въ читателѣ этого предразсудка. Флашъ, во Введеніи въ свою «Механику», сдѣлалъ то же; онъ простыми, но сильными и совершенно-убѣдительными примѣрами доказалъ, что *если бы машина имѣла назначеніе — не производить силу, а только преобразовывать или измѣнять такъ, чтобы она способна была произвести определенное дѣйствіе*. У насъ этотъ недостатокъ еще чувствительнѣе, нежели у иностранцевъ. Вѣ-

принтеръ, вы слышите, что изобрѣтено *regretium mobile*, что выдуманъ снарядъ, помощью котораго одинъ человекъ собственной силой можетъ перевозить огромную тяжесть и съ чрезвычайною быстротою, и т. п. Надѣмся, что изобрѣтатели *regretium mobile* и выдумщики разныхъ облегчающихъ снарядовъ, прочтя «Введеніе къ Механикѣ» Флаша, поймутъ несообразность изобрѣтеній и выдумокъ, поймутъ собственное несвѣжество, и, если они люди, способные убѣждаться, отбросивъ претензію на новизну, станутъ изучать прежде всего, что уже есть, что освящено истинною наукой. Переводчикъ, знакомя русскихъ читателей съ этимъ «Введеніемъ», заслуживаетъ большую благодарность какъ за сохраненіе точности и ясности, такъ и за то, что мысль объ этомъ предметѣ на нашемъ языкѣ, въ такихъ простыхъ формахъ и совершенно-понятныхъ для всякаго рода читателей, излагается еще въ первый разъ. Напередъ можно сказать, что внимательное чтеніе одного только этого «Введенія» много будетъ останавливать несбыточныхъ и совершенно-безполезныхъ предпріятій.

Флашъ раздѣлилъ свое сочиненіе на главы, изъ которыхъ первые три составляютъ какъ-бы приготовительное ученіе. Именно въ первой главѣ помѣщены всѣ нужныя свѣдѣнія изъ геометріи, перспективы и, сверхъ-того, онъ присоединилъ еще метрическую систему. Переводчикъ, нисколько не нарушая достоинства сочиненія, передалъ его со всевозможною точностью и простотою. Сверхъ-того, онъ присоединилъ къ этой главѣ тригонометрическія формулы, таблицы соотношеній иностранныхъ и русскихъ мѣръ и таблицы тригонометрическихъ линий. Эта добавка ясно показываетъ, что переводчикъ очень хорошо знаетъ цѣну труда, который должно употреблять при вычисленіи. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ, при вычисленіи размѣровъ какого-нибудь снаряда, переводить мѣры иностранныхъ на русскія, — при введеніи угла спрашивается

логарифмическими таблицами; мало того, что эта работа отнимаетъ много времени — при вычисленіи могутъ вкрадываться, сверхъ-того, ошибки; здѣсь же, въ прибавленіи, слѣланномъ переводчикомъ къ первой главѣ, вы находите въ таблицахъ прямо результатъ совершенно вѣрный. Практики-строители, пользуясь этими прибавленіями, много найдутъ пользы, много выиграютъ времени и много будутъ благодарить переводчика за его трудъ, употребленный имъ однажды, но полезный для нихъ навсегда.

Во второй главѣ, Флашъ рассматриваетъ общіе законы равновѣсія и движенія. Изложеніе его просто и легко; но оно не имѣетъ той степени ясности и общности, какая получается при посредствѣ математическаго анализа; ибо выводы, получаемые изъ рассмотрѣнія какого-нибудь частнаго случая (принтера), никогда не могутъ такъ строго убѣдить въ собственной справедливости, какъ разсужденія о предметѣ вообще. Переводчикъ, вѣроятно, желая сообщить своимъ читателямъ основныя свѣдѣнія съ большою ясностію, для полнаго убѣжденія, къ каждому параграфу приложилъ строгія доказательства всѣхъ теоремъ, входящихъ въ текстъ Флаша. Этимъ дополненіемъ онъ много возвысилъ достоинство второй главы; — вы теперь въ ней находите простое, прекрасное и понятное для всякаго читателя изложеніе основныхъ законовъ механики и видѣтъ съ тѣмъ строгія доказательства, основанныя на непреложныхъ истинахъ математическаго анализа. Надо замѣтить, какъ осторожно поступилъ г. переводчикъ: онъ созналъ необходимость прибавленій, но никакъ не хотѣлъ измѣнить текста и нарушить его достоинства, — онъ помѣстилъ прибавленія отдѣльными примѣчаніями; онъ позволилъ себѣ только измѣнить порядокъ параграфовъ, хотя на это и не имѣлъ права; но отчетливость, съ какою онъ исправилъ указанія послѣдующихъ параграфовъ текста на предъидущіе, совер-

шенно его извиняетъ, тѣмъ болѣе, что отъ-этого достоинство текста нисколько не уменьшилось. Въ третьей главѣ, Флашъ описываетъ строеніе и употребленіе такъ-называемыхъ простыхъ машинъ. Здѣсь онъ входитъ въ мельчайшія подробности, представляетъ весьма много наставительныхъ прищѣровъ и выводитъ общія заключенія о характерѣ каждаго снаряда. Переводчикъ предлагаетъ съ своей стороны теоретическіе выводы для каждой простой машины, которые, облегчая изученіе сущности дѣла, даютъ точное понятіе о значеніи машинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ путь, по которому должно идти къ вѣрнымъ результатамъ новаго изобрѣтенія или усовершенствованія. Эта глава служитъ какъ-бы переходомъ отъ отвлеченнаго разсматриванія силъ къ дѣйствительному; изучающій механику находитъ въ ней первое приложеніе общихъ законовъ въ дѣйствительности и, ознакомиваясь съ элементами машинъ, какъ-бы осязательно убѣждается въ *механической истинѣ*, что машины не производятъ силъ, или выражаясь технически: *что машиною вынуждается въ силу, то протрывается во времени, и на-оборотъ*. Теоретическій же выводъ выражаетъ это еще лучше и яснѣе; именно: *величина силы, преодолеваемой машиною, состоитъ въ обратномъ отношеніи со скоростью дѣйствія этой силы*. Вотъ главный и общій законъ, который условливаетъ значеніе всякой машины. Новозобрѣтатели, прочтя эту главу, поймутъ и убѣдятся, что заставить природу фальшиво дѣйствовать нельзя.

Съ четвертой главы, Флашъ начинаетъ уже излагать собственно-промышленную механику. Онъ сначала даетъ общее понятіе о двигателяхъ, потомъ разсматриваетъ человѣка, какъ двигателя. Флашъ предлагаетъ весьма-много опытовъ и наблюденій надъ силою, развиваемою человѣкомъ, дѣлаетъ общее заключеніе о количествѣ работы, которую человѣкъ можетъ произвести, и разбираетъ способы дѣйствія чело-

вѣка и снаряды или приѣмники, которые получаютъ и передаютъ силу отъ человѣка. Далѣе онъ разсматриваетъ силы животныхъ, преимущественно лошади, и приѣмники или приводы. Во всей этой главѣ видна только опытная сторона; въ ней нѣтъ общихъ и положительныхъ правилъ; но вообще можно сказать, что въ ней такъ много численныхъ результатовъ относительно силы человѣка и лошади, и такъ хорошо они изъяснены, что по нимъ можно безошибочно судить объ успѣхѣ пріятія, въ которомъ будутъ употреблены двигатели человѣкъ или лошадь. Что же касается до перевода этой и предъидущихъ главъ, то онъ выполненъ совершенно-удовлетворительно.

Пятая глава содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о воздухѣ, какъ двигателѣ. Въ ней Флашъ сначала разсматриваетъ аэростаты, ихъ строеніе и употребленіе, и между прочимъ дѣлаетъ весьма дѣльное замѣчаніе для воздухоплавателей, относительно управленія ширвленіемъ воздушныхъ шаровъ. Далѣе, излагаются вѣтренныя мельницы. Длительности этого параграфа. Флашъ употребилъ много труда, за который должны благодарить его всѣ содержатели вѣтренныхъ мельницъ; ибо въ этомъ параграфѣ можно найти причину, отъ которой зависятъ то или другое обстоятельство, — и вслѣдъ за этимъ условія, при выполненіи которыхъ ходъ дѣла будетъ успѣшнѣе. Этотъ параграфъ можно сказать, одинъ изъ лучшихъ въ сочиненіи Флашъ; въ немъ такъ хорошо изложены всѣ опыты и наблюденія, такъ отчетливо сдѣланы выводы изъ каждаго опыта, что изучающій этотъ параграфъ будетъ въ состояніи рѣшать всѣ вопросы, относящіеся къ вѣтреннымъ мельницамъ. тѣмъ болѣе, что въ началѣ параграфа предложена переводчикомъ небольшая теорія вѣтренныхъ мельницъ, въ которой онъ находитъ формулу для исчисленія количества дѣйствія. Одна, что можно отнести къ недостатку въ этой главѣ: — не упомянуто о двигателяхъ

силѣ вѣтра, производящей движеніе наступательное, именно дѣйствіем вѣтра на паруса.

Въ главѣ шестой, въ текстѣ Флаша помѣщено ученіе о двигательной силѣ теплоты, о уругости, пружинкѣ и главномъ приложеніи силы, развѣваемой пружинами, о маятникѣ. Флаша въ этомъ сочиненіи не рассматриваетъ паровыхъ машинъ; онъ для нихъ издалъ особый мемуаръ. Въ переводѣ же мы находимъ прекрасное описаніе паровыхъ машинъ, составленное самимъ переводчикомъ. Въ этомъ описаніи, онъ сначала излагаетъ общія свойства паровъ, потомъ способы дѣйствія паровъ, какъ двигателей, теоріи паровыхъ машинъ для различныхъ видовъ, и наконецъ ихъ устройство съ описаніемъ каждой части отдѣльно. Все это изложено съ такою простотою и отчетливостію, что по справедливости можно сказать, описанія паровыхъ машинъ мы не имѣли на русскомъ языкѣ такого подробнаго и въ такихъ немногихъ словахъ сдѣланнаго. Въ заключеніе своего изложенія, переводчикъ знакомитъ русскихъ читателей съ превосходною теоріею паровыхъ машинъ Памбура—теоріею, вполне-объемлющею все, что только можетъ относиться къ вычисленію дѣйствія всѣхъ родовъ паровыхъ машинъ, ихъ устройства и содержанія. Въ этой теоріи, Памбуръ показалъ все превосходство изслѣдованія съ помощію анализа—предъ простымъ. Въ ней читатель найдетъ формулы, которыя даютъ значеніе и характеръ каждому органу, входящаго въ составъ паровыхъ машинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, какъ отъ измѣненія формы и положенія составной части машины измѣняется и достоинство самой машины. Сверхъ-того, переводчикъ присоединилъ еще къ общему изложенію паровыхъ машинъ практическія формулы и таблицы, съ помощію которыхъ всѣ вопросы о паровыхъ машинахъ рѣшаются легко и весьма-скоро. Изъ этого прибавленія видно, какъ глубоко переводчикъ из-

училъ предметъ свой и какъ хорошо понялъ значеніе двигательной силы паровъ: ни одно обстоятельство, могущее имѣть вліяніе на результатъ дѣйствія, не оставлено имъ безъ вниманія; высчитаны всѣ условія, удовлетворяющія наивыгоднѣйшимъ случаемъ, и всѣ слѣдствія приведены въ зависимость отъ данныхъ вопроса. Съ полною увѣренностію можно сказать, что изучившій эту статью о паровыхъ машинахъ, можетъ безошибочно судить одостоинства и недостатка данной паровой машины, какъ снаряда, и о дѣйствіи, которое она можетъ произвести. Вообще, эта глава, какъ по содержанию, такъ и по изложенію, составляетъ лучшей отдѣлъ всего перевода и много возвышаетъ его достоинство.

Седьмая глава содержитъ въ себѣ ученіе о водѣ. Эту главу можно назвать кодексомъ всѣхъ свѣдѣній о водѣ, какъ двигателѣ. Въ ней сначала помѣщены общіе законы равновѣсія и движенія жидкости и изложены способы дѣйствія воды, какъ двигателя. Потомъ съ удивительною подробностію разобраны всѣ роды колесъ и предложено весьма-много наставительныхъ результатовъ, выведенныхъ изъ наблюденій и опытовъ. Наконецъ, рассмотрѣны снаряды, служащіе для поднятія воды. Со стороны переводчика сдѣлано прекрасное прибавленіе: онъ въ этой главѣ знакомитъ насъ съ турбинами Фурнейрона и Жантильюма, снаряды, которые, по своему превосходству со стороны выгоды въ свое время, заслуживаютъ особое вниманіе. Въ этомъ прибавленіи мы находимъ полную теорію турбинъ, съ приложеніемъ прекраснаго чертежа и подробнымъ описаніемъ всѣхъ частей снаряда. Что же касается до выполненія перевода этой главы, то онъ сдѣланъ совершенно-удовлетворительно; но надо замѣтить, что переводчикъ отступилъ здѣсь отъ принятаго имъ намѣренія прилагать теоретическіе выводы для текста Флаша: онъ не помѣстилъ ни одной формулы ни для одного колеса,

ни для одного сваряда: это съ его стороны упущеніе.

Седьмою главою Флашъ оканчивается разсматриваніе двигателей, — онъ вообще даже не упоминаетъ о двигательной силѣ электричества. Вѣроятно, Флашъ сдѣлалъ это потому, что писалъ свой курсъ въ 1837 году, когда еще объ электро-магнитныхъ двигателяхъ имѣлось весьма-немного свѣдѣній. Переводчику, издававшему книгу въ 1843 году, это непростительно, тѣмъ болѣе, что опыты объ этой силѣ преимущественно дѣлались въ нашемъ отечествѣ; такой поступокъ неоснователенъ, потому что, позволивъ себѣ однажды сдѣлать прибавленіе, какъ на-примѣръ теорію паровыхъ машинъ, почему не сдѣлать прибавленія другаго, третьяго и такъ далѣе? Но мы надѣемся, что переводчикъ, при второмъ изданіи, исправитъ этотъ недостатокъ и помѣститъ хорошее описаніе, какъ электро-магнитныхъ двигателей, такъ и формулы для гидравлическихъ колесъ.

Восьмая глава содержитъ въ себѣ ученіе о сопротивленіяхъ. Въ ней читатель находитъ полную таблицу для коэффициентовъ тренія, составленную по опытамъ Куломба и Морина: далѣе тамъ предложены общіе способы вычислять количество силы, поглощаемой жесткостью веревокъ, съ объясненіемъ приготовленія веревокъ. Эта глава при вычисленіи на практикѣ весьма-полезна и совершенно-достаточна для отысканія сопротивленій при дѣйствіи всякаго рода снарядовъ.

Кромѣ того, въ механикѣ составлены формулы, по которымъ можно сочетать механическіе органы для полученія желаемаго измѣненія силы. Слѣдственно, новоизобрѣтаемые снаряды или усовершенствованія, дѣлаемые въ изобрѣтенныхъ прежде, составляютъ не болѣе, какъ приложенія общихъ законовъ къ частнымъ случаямъ. Остается еще недостатокъ: не выведено условій, при которыхъ ланымъ снарядамъ отъ названнаго двигателя можетъ переда-

вать наибольшее количество силы, направленной къ определенной цѣли, и какой снаряды можетъ передавать данную силу отъ данной машины къ определенной цѣли. Исслѣдованіе этого предмета требуетъ еще много смѣловъ и наблюденій; ибо этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ зависимости отъ свойства переработываемаго вещества, отъ характера употребляемаго двигателя и отъ стороны посредствующаго сваряда. Въ Механикѣ Флашъ это отдѣленіе выполнено хуже другихъ; въ ней нѣтъ ни одного общаго взгляда на этотъ предметъ. Въ ней не ходимъ описанія значительнаго количества механическихъ органовъ, изъ которыхъ каждое, взятое отдѣльно, весьма хорошо и удовлетворяетъ требованію, но все же вмѣстѣ не составляетъ одного цѣлаго, такъ что изъ его изложенія нельзя видѣть, какой изъ аппаратовъ, съ какою цѣлію и гдѣ преимущественно былъ употребляемъ. Сверхъ-того, о нѣкоторыхъ и весьма нужныхъ снарядахъ, какъ на-примѣръ снарядахъ, въ которыхъ передаютъ или преобразовываютъ движеніе жидкости, газы, и проч., Флашъ вовсе не упоминаетъ, — это опущеніе весьма-неосновательное: отъ него сочиненіе дѣлается неполнымъ и теряетъ много достоинствъ. Для курса промышленной механики требовалось бы болѣе обширное описаніе этого предмета, значеніе каждаго снаряда, изложенное систематически съ строгими доказательствами и съ общими формулами, характеризующими, если не всѣ, органы то по-крайней-мѣрѣ семейства механическихъ органовъ.

Вопросъ — показать преимущественно одной силы передъ другою — помѣняютъ двояко. Одни говорятъ, что сила, которая при равныхъ расходахъ приноситъ наибольшую пользу — самая лучшая (выгодная) и, слѣдственно, имѣетъ преимущество предъ всѣми другими. При этомъ, разумѣется, не обращаютъ нисколько вниманія на ис-

отникъ силы. будетъ ли она лошады, вътеръ, паденіе воды, паръ — имъ все авно: который изъ нихъ даетъ больше барыша, тотъ и долженъ быть употребленъ. Другіе же говорятъ, что та ила наилучше, которая при равномъ дѣйствіи челоука даетъ наибольшее оличество работы. Вотъ два различія мнѣнія объ одномъ предметѣ, противоположныя отъ совершенно-противоположныхъ воззрѣній. Первое изъ этихъ мнѣній имѣетъ основаніе ложное: оно вытекаетъ изъ недоброжелательства, изъ пристрастія къ корыстолюбію. Второе же, напротивъ, есть результатъ, истинный, освѣщенныхъ наукою: сточникъ его — благодѣяніе.

И дѣйствительно, много ли людей, которые устроивали бы механическіе заводы на своихъ заводахъ съ цѣлію бѣгчить трудъ? весьма-мало: большая часть изъ нихъ наблюдаетъ только свои выгоды и нисколько не заботится другихъ. Напротивъ, настоящее знаніе науки состоитъ только въ томъ, чтобъ показать, какой именно двигатель и при какихъ условіяхъ можетъ дать наибольшее количество работы съ всякаго участія въ трудѣ со стороны челоука, показать, какъ при данной величинѣ физическаго двигателя олучить наибольшія выгоды. Вотъ предметъ, изъясненіе котораго составляетъ *экономію промышленности*. Промышленная механика почти-вполнѣ рѣшила эту задачу, по-крайней-мѣрѣ для ихъ двигателей, дѣйствія которыхъ изучены; въ ней находимъ формулы, дающія *maximum действия такого-то двигателя, такую-то скорость* и проч. Результаты работъ, производимыхъ двигателями и передаваемыхъ снарядами, опредѣлены съ величайшею подробностию, точносію; ибо выводы, олучаемые изъ опыта, при всѣхъ возможныхъ мнѣніяхъ данныхъ вопроса съ выводами теоретическими, совершенно тождественны.

Въ переводѣ «Промышленной Механики» Флашѣ, для этого послѣдняго вопроса мы находимъ отвѣтъ совершенно-

удовлетворительный. Онъ ясно и съ точносію показываетъ научающему, когда можетъ быть употребленъ известный двигатель для произведенія какой-либо работы и при какихъ условіяхъ онъ можетъ дать наибольшее количество работы. Въ ней исчислена большая часть случаевъ, наиболѣе встречающихся въ практикѣ и прямо указывающихъ путь, по которому должно идти, чтобъ воспользоваться всевозможною силою двигателя. Эта мысль сохранена въ ней со всѣми отбѣнками и выполнена превосходно. И надо замѣтить, что переводъ «Промышленной Механики» Флашѣ весьма-далекъ отъ того, чтобъ удовлетворять *мнѣнію перелому*; хотя въ ней и излагается ученіе о силѣ, развиваемой живыми двигателями, но она составляетъ не болѣе, какъ перечень опытовъ и наблюденій различныхъ ученыхъ, и ни сколько не ведетъ къ сравненію результатовъ силы челоука и животныхъ съ результатами двигателей природы безорудной.

171) Руководство къ Преподаванію Артиллеріи *от Императорской Военной Академіи. Составилъ Михаилъ Силичъ. Сиб. 1843. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 384 стр.*

Г. Силичъ назначаетъ свою книгу для преподаванія въ Императорской Военной Академіи, а между-тѣмъ первая часть книги, курсъ пригготовительный, долженъ служить тѣмъ офицерамъ, которые еще только намѣрены вступить въ Академію. — Далѣе, въ предисловіи, авторъ говоритъ, что книга его сдѣлаетъ пользу и для всякаго просвѣщеннаго офицера. Итакъ, по долгу рецензента, надобно рассмотреть эту книгу въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ курсъ пригготовительный для офицеровъ, намѣреющихся вступить въ Военную Академію; во-вторыхъ, какъ курсъ академическаго преподаванія науки, и наконецъ, въ-третьихъ, какъ сочиненіе, которое можетъ быть полезно для всякаго просвѣ-

щянаго офицера. Теперь посмотримъ, въ какой степени удовлетворяетъ книга всѣ эти требованія. Вообще говоря, въ этомъ курсѣ много хорошаго относительно артиллеріи. Но какъ самъ авторъ говоритъ, что онъ, по обстоятельству, долженъ былъ ограничиться позваніями, къ предназначенной цѣли ведущими, и что книга его, выходящая въ виду сообщить ясное понятіе о предметѣ, должна набавить приготовляющихся офицеровъ отъ огромныхъ книгъ по этому предмету, въ которыхъ учащіеся могутъ выбирать немногое, то самъ же предупреждаетъ, что его курсъ есть сборникъ старыхъ свѣдѣній, съ которыми приготовляющіеся офицеры знакомы были еще въ училищѣ. И дѣйствительно, приготовительный курсъ г. Силча не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; въ немъ повторяется то, что сказано было прежними писателями объ артиллеріи. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ военныхъ людей еще въ дѣтствѣ не слыжалъ, на прим. о слѣдующемъ: «прежде нежели приступаютъ къ зарядженію орудія, вкладываютъ въ него бавникъ и нѣсколько разъ двигаютъ его взадъ и впередъ, также ворочаютъ его въ орудіи и потомъ вынимаютъ. Это называется бавникъ орудія», и проч. (стр. 76). Конечно, пріятно встрѣтиться съ старыми знакомыми своего дѣтства, но если г. Силчъ полагалъ оказать услугу будущимъ своимъ ученикамъ въ сокращеніи труда и времени, то не лучше ли бы было ему заняться предметами, выходящими болѣе-существенную важность, не повторяя того, что уже давно знакомо всѣмъ еще изъ училищнаго курса, а извѣстно, что въ кандидаты Академіи назначаются изъ кадетскихъ корпусовъ лучшіе воспитанники, выпускаемые въ офицеры артиллеріи, которыми полагая и самый подробный курсъ изучается еще въ корпусѣ.

Что касается до второй и третьей части сочиненія, мы судить не можемъ, ибо судъ надъ тѣмъ, въ какой степени оно удовлетворяетъ академи-

ческому преподаванію, можетъ провести только начальство Академіи, которое соображаетъ общее впечатлѣніе съ цѣлю заведенія; но извѣстно, однакожь, что въ первый годъ академическаго теоретическаго курса, тактика всѣхъ трехъ родовъ оружія преподается въ Академіи въ томъ объемѣ, иной только можетъ выѣтъ современнаго ученое состояніе этой науки; слѣдовательно, о тактикѣ артиллеріи говорится въ томъ же объемѣ и связи, и потому показывается вполнѣ значеніе артиллерійскаго оружія. Въ книгѣ г. Силча третья часть назначена для преподаванія во второмъ годѣ академическаго курса, слѣдовательно, она будетъ служить повтореніемъ уже сказаннаго въ другихъ тактическихъ курсахъ въ первый годъ курса; а изложеніе отличное, безъ связи съ другими родами оружія, безъ которыхъ въ бою она никогда не употребляется, едва-ли можетъ принести существенную пользу, а, вмѣстѣ того, чтобы пояснить, не затопитъ ли самого дѣла? Такъ, на-примѣръ (стр. 316, правило 7): «Всѣ неудобороходимыя мѣста (если неартиллерійскія) будутъ слѣдовать по нимъ», и проч. — Трудно понять, какую истинную пользу выведетъ изъ себя авторъ этими правилами. Однѣя изъ тѣхъ военныхъ дѣла, читая книгу г. Силча, не шутя спросилъ: какия это неудобороходимыя мѣста, во Кавказѣ или на Горы? Если тутъ дѣло идетъ о позиціи, занятой пѣхотой, кавалеріей или однимъ какимъ родомъ войскъ, то неудобороходимыя мѣстами считаются болота, глубокія рѣки, другие высокіе овраги, густыя лѣса, далькое протяженіе шалудіе, и другія препятствія мѣстности, которыя сами-себѣ рѣшительны и не требуютъ такого усиленнаго, сосредоточеннаго огня артиллеріи, какъ другіе мѣста-угрожаемыя природою пункты занятой мѣстности. Мѣстность расчлененная и изрѣзанная войскою къ мѣстности основаніемъ той мѣды, чтобы усилить войскою

ску естественными преградами мѣста по-
щили слабыя отъ природы и шить
ихъ не столько на мѣстахъ крѣпкихъ,
го-есть неудобопроходимыхъ. — При
началѣ бородинскаго сраженія войска
распредѣлены были равно по всей по-
ланціи; но ходъ дѣла показалъ, что
правый нашъ флангъ довольно усилил-
ся крутымъ, лѣсистымъ берегомъ рѣ-
ки Калочи, а потому большая часть
войскъ этого фланга переведена на лѣ-
вый и сосредоточено тутъ наибольшее
число артиллеріи, потому-что лѣвый
флангъ не представлялъ тѣхъ выгодъ
мѣстности, какъ правый.

Что касается до полъамъ, каковую объ-
щаетъ г. Силичъ артиллерійскимъ и
другимъ просвѣщеннымъ въ военномъ
дѣлѣ офицерамъ, то, прочитавъ книгу
его, мы помелали бы ей еще много
кое-чего. Такъ, на-примѣръ, говоря о
свойствѣ пороха — этого главнѣйшаго
двигателя, преобразившаго военное ис-
кусство, авторъ усиливается доказать,
что порохъ воспламеняется постепен-
но; да кто жь въ этомъ сомнѣвается? —
Но къ настоящему дѣлу ведетъ объ-
ясненіе воспламененія и дѣйствія поро-
ха при извѣстныхъ обстоятельствахъ,
именно при извѣстной фигурѣ объема
и извѣстномъ количествѣ пороха, со-
ставляющаго зарядъ орудія. Оконча-
тельное теоретическое разрѣшеніе это-
го вопроса имѣло бы полный интересъ;
а г. Силичъ не только не потрудился
разрѣшить задачу, современно съ ны-
нѣшнимъ состояніемъ науки, но еще
болѣе запуталъ ее, на одной страницѣ
противорѣча самому-себѣ. Взгляните
на страницу 9: «Воспламененіе и сож-
женіе пороха происходитъ хотя не-
степенно, однако чрезвычайно-бы-
стро, такъ что время, потребное для
воспламененія и совершеннаго сожже-
нія пороха, какъ на-прим. обыкновен-
ныхъ зарядовъ для орудій, почти не-
замѣтно, и безъ чувствительной по-
грѣшности можетъ быть почитаемо
«мигновеннымъ». Но простое размыщленіе
и многіе опыты неоспоримо доказы-
ваютъ постепенность воспламененія и

«сожженія пороха», и проч. Далѣе:
«При большихъ зарядахъ, воспламе-
няемыхъ въ орудіяхъ, часть пороха
выбрасывается незажженою; это,
разумѣется, не имѣло бы мѣста при
«мигновенномъ воспламененіи его». Если
самъ авторъ находится въ нерѣшитель-
номъ состояніи, говоря одиъ разъ, что
порохъ въ орудіяхъ воспламеняется
мигновенно, и черезъ нѣсколько строкъ
стараясь доказать противное, то чита-
тель тѣмъ болѣе прійдетъ въ тупикъ
отъ такого противорѣчія.

Очевидная постепенность воспла-
мененія пороха не въ орудіяхъ, при-
вело къ слѣдующему, по нашимъ
понятіямъ, ошибочному заключенію
относительно артиллерійскаго дѣла:
порохъ, составляющій зарядъ орудія,
въ первый моментъ своего воспла-
мененія образуетъ упругіе газы, ко-
торые начинаютъ давить на ядро, по-
буждая его къ движенію. Давленіе га-
зовъ на снарядъ усиливается пропор-
ционально образовавшейся массѣ га-
зовъ, и во мѣрѣ этого, движеніе ядра,
въ началѣ слабое, безпрестанно увели-
чивается; это продолжается до образо-
ванія самаго наибольшаго количества
пороховыхъ газовъ, т. е. до совершен-
наго сожженія заряда, что должно со-
вершиться къ тому времени, какъ ядро
будетъ на-вылетѣ изъ орудія. Слѣдова-
тельно, по этой теоріи, самая больша-
я скорость ядра будетъ при вылетѣ
изъ орудія, а потомъ начинаетъ она
уменьшаться до паденія. «Покуда сна-
рядъ находится въ орудіи, онъ можетъ
получить приращеніе скорости отъ
упругости пороховыхъ газовъ» и пр.
(стр. 22). Въ доказательство постепен-
наго воспламененія заряда, приводится
въ книгѣ то обстоятельство, что часть
пороха выбрасывается изъ орудія не-
зажженнымъ (стр. 8). Какіе опыты на-
вели на это заключеніе, и, если это
справедливо, отъ какихъ причинъ это
случилось, — мы не входимъ въ нѣслѣ-
дованіе, предоставляя артиллеристамъ
рѣшить вопросъ; но приведемъ слѣду-
ющее простое математическое рассу-
ж-

деи́е: если ядро, по вылетѣ изъ орудія, пробѣгаетъ путь въ 300 сажень въ три секунды, то въ какое время то же ядро пробѣжитъ путь канала орудія, составляющаго 2 аршина длины? Получаемъ въ отвѣтъ, что этотъ путь (предполагая одинаковую скорость) ядро совершить въ одну-тысячную долю секунды. Это время для воспламененія пороха! Послѣ этого, спросимъ, есть ли тутъ возможность подмѣтить постепенность воспламененія пороха, и кто не согласится, что порохъ въ зарядѣ орудія воспламеняется *мигновенно*?.. Да, въ книгѣ г. Силыча многое основано на стародавней теоріи; на-примѣръ, опредѣленіе длины орудій — обстоятельство очень-важное для артиллеріи.

Въ-заключеніе, надобно сказать о чертежахъ: они исполнены очень-хорошо и придаютъ книгѣ достоинства, поясняя различные предметы, до артиллеріи относящіяся.

172) Описаніе Англійской Полевой Артиллеріи. Сочиненіе г. Якоби, поручика гвардейской прусской артиллеріи, дополненное замѣчаніями г. Мазе, капитана французской артиллеріи. (Переводъ съ французскаго). Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Арт. Дел. Воен. Министерства. Въ 8-ю д. л. VII, XI и 194 стр.

•Познаніе устройства артиллеріи многостранныхъ государствъ приноситъ несомнѣнную пользу не только артиллеристамъ, но и всѣмъ вообще военнымъ людямъ, говоритъ переводчикъ въ своемъ предисловіи. •Якоби сдѣлалъ (оказалъ?) важную услугу (кому?) издавнѣмъ подробныхъ свѣдѣній о полевой артиллеріи почти всѣхъ государствъ Европы; но онъ ограничился однимъ только описаніемъ, не входя въ критическій разборъ выгодъ и невыгодъ каждой системы. Капитанъ Мазе, передавши первую часть этого сочиненія на французскій языкъ, дополнилъ ее всѣми дѣльными замѣчаніями, и проч. •Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Книга, которая

знакомитъ читателя съ подробностями англійской артиллеріи, принятой за образецъ во многихъ европейскихъ государствахъ, расширяетъ кругъ познаний артиллеристовъ нашихъ объ этомъ предметѣ и найдетъ много читателей между любителями военного дѣла.

173) Географія Россійской Имперіи, составленная Иваномъ Павловскимъ. Дерптъ. 1843. Въ тип. Шюманна. Двѣ части. Въ 16-ю д. л.

Нельзя не сознаться, что наша географическая литература вообще довольно бѣдна сочиненіями, заслуживающими особеннаго вниманія. Не говоря уже о всеобщихъ географическихъ описаніяхъ, изъ которыхъ мы не можемъ указать ни на одно, отличающееся самобытною и самостоятельною взгляда на эту отрасль познанія, ни обширностію и точностію изложенія, — мы, къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ, не имѣемъ возможно-полнаго и точнаго землеописанія даже своего собственнаго отечества, Россіи. Если, съ одной стороны, въ этомъ отношеніи, ничто не служитъ намъ нѣкоторымъ возмѣщеніемъ огромности пространства русскаго владѣнія и прѣтяженіе ихъ почти всею своею частію въ негостеприимныхъ и отдаленныхъ отъ нѣстъ европейской цивилизаціи странахъ Азіи и Америки, то съ другой нельзя не признать того, что мы не вполне воспользовались и тѣмъ количествомъ географическимъ матеріаловъ, которые доставили намъ до-сихъ-поръ нѣсколько ученыхъ экспедицій и замѣтки частныхъ лицъ — туземцевъ и путешественниковъ. Исчислить труды наши по части отечественной географіи очень-трудно. Кромѣ географіи гг. Каменецкаго, Зябловскаго, Арсеньева, Соколовскаго и недавно-вышедшаго сочиненія г. Шульгина (не упоминаю о нѣсколькихъ краткихъ дѣтскихъ учебникахъ), наша географическая литература не имѣетъ почти ничего.

Если нѣкоторыя изъ означенныхъ сочиненій достигли многократныхъ ва-

аній (какъ «Географія» г. Арсеньева 5-го изданія: примѣръ, едва ли не единственный на Руси), то это самое же показываетъ, что они достигли своей педагогической цѣли, съ которою и были писаны; этимъ опредѣляется ольшая или меньшая степень ихъ отъносительнаго достоинства. Но остальные затѣмъ географическія компіляціи—едва ли заслуживаютъ упоминанія.

При такой бѣдности, или, во-крайней-мѣрѣ, неизобильи у насъ сочиненій по части географіи вообще и русской въ особенности, мы съ радостію брагитались къ «Географіи Россійской Имперіи» г. Павловскаго, напечатанной убористымъ шрифтомъ въ двухъ томахъ, составившихъ до 500 страницъ, снабженной 590 примѣчаніями и, — какъ сказано въ объявленіи нигопродавца, — почти четверго обимрѣте заданной предъ тѣмъ «Географіи Россіи», г. Соколовскаго. Но ишь только мы прочли нѣсколько трокъ предисловія автора, какъ уже нильно были разочарованы въ преждевременной нашей радости. Предисловіе (замѣтимъ здѣсь кстати) — вещь вообще чрезвычайно-важная: часто они оставляютъ лучшую критику сочиненія, которую, такимъ образомъ, пиетъ котинитель самъ на собственное ие произведеніе, вовсе того не подозревая; главное въ предисловіяхъ то, то она могутъ чрезвычайно-вѣрно выказатъ личный взглядъ писателя на нци, не всегда ясно выказывающійся въ самомъ сочиненіи; и предисловіе г. авловскаго важно именно въ этомъ нношеніи.

«Каждая наука (говоритъ г. Павловскій) деть человѣка къ цѣли, назначенной ему мудрымъ Промысломъ (*слушайте!*); каждая знаніе раскрываетъ человѣку тайны ра физическаго или нравственнаго. Естественныя науки представляютъ намъ приду во всемъ ея величій и совершенствѣ, ередосять ограниченный умъ человѣка къ ограниченному началу началъ (*слушайте!*). Математическія науки приводятъ насъ въ высшіи философики истины (*слушайте, слушайте!*), изучаютъ математическую

основную причину, и, увлекая разумъ за предѣлы видимаго, открываютъ безпредѣльность Божію. Исторія припоминаетъ намъ былое; знакомитъ насъ съ событіями времени протекшихъ; показываетъ постепенное развитіе человѣчества; представляетъ намъ человѣка съ его добродѣтелями и пороками; рассказываетъ какъ исчезали съ лица земли цѣлыя народы; какъ возвышались, процвѣтали и падали разныя государства, и какъ на развалинахъ ихъ появлялись новыя, которыя, въ свою очередь, преклонились предъ непостижимой Русскою (должно быть — рукою) Творца. Географія же описываетъ положеніе странъ (*слушайте, слушайте!*), силы, дѣятельность и богатство народовъ, и даетъ намъ средства къ изученію современнаго ихъ состоянія.»

Признаемся, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ модификаціяхъ въ опредѣленіи географіи, мы рѣшительно не находимъ ни одной, которая хотя близко подходила бы къ опредѣленію г. Павловскаго. Дѣло, какъ извѣстно, стояло за споромъ, какъ отдѣлить географію отъ статистики, которая, во взглядѣ нѣкоторыхъ, имѣла и имѣетъ чрезвычайно-близкое родство съ географіею; и одни, какъ, на-пр., Гассель, различали статистику и географію просто количественнымъ образомъ — тѣмъ, что географія довольствуется поверхностными показаніями, круглыми числами, а въ статистику входятъ частныя показанія, съ болѣею подробностію. Другіе, какъ, на-пр., Ниманъ, старались положить это различіе въ различіи самихъ предметовъ — въ томъ, что статистика обращается съ предметами неосознаемыми, нравственными, тогда какъ географія представляетъ то, что доступно вѣдѣнному чувству нашему, что выражается въ предметахъ физическихъ. Нынѣ, наконецъ, при болѣе-уясненномъ взглядѣ на эти отрасли знанія, никто уже не сомнѣвается, что предметомъ географіи должно быть вѣрное и точное описаніе формъ земли, естественныхъ чертъ земнаго шара. Qua obazava собирать ихъ изъ того разстоянія, въ которомъ онѣ находятся, и изображать въ полной и вѣр-

ной картинѣ, приводя формы случайныя и причудливыя въ болѣе-общія, различныя очертанія водъ, углубленій и возвышенностей, всего того, что составляетъ остовъ земнаго шара, и присоединять къ этому описанію того, что на этомъ основаніи растеть и живетъ; слѣдственно, она должна показать распредѣленіе растений и животныхъ на поверхности земли, — распредѣленіе, которое находится въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ же формъ, и поэтому можетъ быть на нихъ основано. Далѣе этого географія претендовать не можетъ; она должна остаться на степени простаго описанія, слѣдственно, должна представить матеріалы для вывода началъ, а не выводить самыя начала. Поэтому, изображеніе силы, дѣятельности и богатства народовъ, какъ элементовъ нравственныхъ, вовсе не можетъ быть предметомъ географіи. Тѣмъ болѣе не можетъ входить въ нее исторія (даже въ самыхъ краткихъ ея очеркахъ) и этнографія, какъ она разумѣется въ настоящее время, т. е. какъ описаніе народовъ съ ихъ нравственною физиономіею, — а оба эти предмета, взятыя вмѣстѣ, занимаютъ у г. Павловскаго едва-ли не большую половину книги.

Послѣ этого очевидно, до какой степени взглядъ г. Павловскаго на излагаемую имъ науку невѣренъ въ своемъ основаніи. Нельзя не видѣть при этомъ и источника, изъ котораго онъ произошелъ. Ясно, онъ есть слѣдствіе вліянія нѣмецкихъ школъ, до того способныхъ увлекаться чистою, безкорыстною любовью къ анализу или синтезу, что онѣ вовсе упускаютъ изъ вида практическія цѣли того и другаго, несравненно-болѣе запутывая смыслъ вещи, нежели уясняя его, — до того привязывающихся къ буквѣ, и только къ буквѣ, что ученіе ихъ обращается въ мертвый скелетъ, пугающій взоры ума истинно-наблюдательнаго своею сухостію и массивностію и требующій творческой дѣятельности, чтобъ изъ этого скелета, какъ изъ камня, родилась хоть одна

искра, способная осветить область науки, понимаемой не безжизненною системою, но путеводною зѣлою на обширномъ поприщѣ жизни дѣятельной. Увлекаясь желаніемъ образовать идею науки, — идею, какъ произведеніе хитросллетенія ума, а не прямое слѣдствіе природы самого предмета, и слѣдственно, существующее не какъ что-нибудь искусственное, а какъ естественное свойство самой вещи, нѣмецкія школы до того стѣсняютъ и расширяютъ область той или другой науки, что рѣшительно теряются при опредѣленіи ея границъ. Такъ точно въ-отношеніи къ географіи: желая дать полноту ея идеѣ и придать ей чрезъ то значеніе (т. е. поставить ее на ходули), нѣмецкіе ученые не довольствуются въ ней вѣрностію и полнотою описанія формъ земли въ связи съ произведеніями, но вводятъ въ область ея исторію и этнографію, промышленность и торговлю. Таково ужъ свойство нѣмецкаго ума: ему надобно или занести въ превыспреннія области синтеза, обращаящагося въ безжизненную отвлеченность, или спуститься въ безпредѣльную глубину анализа, затѣвующаго идею цѣлаго. И въ области науки, о которой говоримъ мы, въ нѣмецкой школѣ, Бергаузъ составляетъ едва-ли не единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящее исключеніе. Показавъ въ своемъ твореніи: «Allgemeine Länder und Völkerkunde», въ связи съ формами земли и географическимъ положеніемъ странъ, произведенію земли и жизни человѣка въ этомъ отношеніи, онъ далъ прекрасный примѣръ того, что должно понимать географію, не прилепая къ ней разнородныхъ предметовъ. Повторяемъ, ложность основанаго издавна на географію препятствовала достиженію главной цѣли сочинителя — написать пространную географію Россіи, не смотря на сознаваемую въ этомъ г. Павловскимъ потребность, и не смотря на то, что онъ, если вѣрить правдивую, твердо рѣшился настоящимъ сочиненіемъ удовлетворить ей. Притомъ

хотя несомнѣнна и безусловна истина, что Православіе, самодержавіе и народность составляютъ тройственное направленіе народнаго нашего просвѣщенія; но ужь никакъ нельзя согласиться съ г. Павловскимъ, чтобъ изученіе географіи, то-есть, простаго описанія формъ земли, не болѣе,—могло какимъ-нибудь образомъ содѣйствовать къ направленію нашего просвѣщенія въ подобномъ прекрасномъ духѣ; касаться же такихъ высокихъ истинъ всуе, приплетать ихъ не-кстати, значить, какъ выражались Римляне, *ambitus fasces*, — такъ, или почти такъ.

Впрочемъ, не смотря на ложность основнаго взгляда г. Павловскаго на науку, сочиненіе его можетъ быть полезно, какъ довольно-богатое собраніе многообразныхъ свѣдѣній и замѣтокъ въ тѣхъ областяхъ познанія, которыя, по его понятію, должны входить въ географію. Жаль только, что сочинитель и озабочивъ вкрасться въ свое сочиненіе ошибкамъ въ родѣ слѣдующихъ: «Поверхность Воронежской Губерніи ровная; только по лѣвую сторону Дона есть вѣсколько возвышенностей». Ровная поверхность Воронежской Губерніи не есть исключеніе; ровнота принадлежитъ въ одинаковой степени всѣмъ смежнымъ съ нею губерніямъ; ширитомъ возвышенностію отличается лѣвый берегъ Дона, а правый, какъ естественно составляющій верхній уступъ покатости, идущей къ неизменному бассейну Каспійскаго-Моря. Къ лучшимъ украшеніямъ Петербурга, г. Павловскій причисляетъ Петербургскую-Сторону. Изъ храмовъ Петербурга, онъ особенно-замѣчательнымъ считаетъ какую-то Александровскую Троицкую Лавру, тогда-какъ всякому извѣстно заплонно, что въ Петербургѣ есть Александро-Невская Лавра, но не Александровская Троицкая. — Говоря о населеніи Курской Губерніи, авторъ полагаетъ въ ней до 53 200 Евреевъ. Но кто же не знаетъ, что въ Курской-Губерніи, какъ великорусской, не можетъ быть населенія еврейскаго? Та-

кихъ ошибокъ въ книгѣ г. Павловскаго достаточное количество.

174) Славянская Хрестоматія, или избранная мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія. Четвертое изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1843. Въ 8-ю д. л. XV и 552 стр.

Мы несогласны съ тѣмъ, чтобъ лучшие наши литераторы красоту и прочность для вѣковыхъ своихъ созданій заимствовали изъ древняго отечественнаго нарѣчія, — какъ утверждаетъ г. Пенинскій, въ предисловіи къ четвертому изданію своей «Славянской Хрестоматіи». Сказанное имъ можетъ относиться развѣ къ одному Ломоносову, котораго вѣковыя произведенія имѣютъ теперь только историческую важность. Что знакомство съ памятниками древняго отечественнаго нарѣчія полезно русскому литератору для лучшаго проникновенія въ духъ языка, на которомъ онъ пишетъ, — это другое дѣло, и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ этомъ отношеніи, книга г. Пенинскаго весьма-полезна. Впрочемъ, намъ одно не нравится въ ней: это — расположеніе статей въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ. Г-нъ Пенинскій, въ этомъ отношеніи, идетъ не отъ начала къ концу, а отъ конца къ началу, и сперва предлагаетъ статьи новѣйшаго времени, думая черезъ это облегчить трудъ учащихся. Ложная мысль! Въ изученіи всякаго языка должно начинать съ труднѣйшаго.

175) Дѣтская Арифметика для Перваго Возраста. На трехъ языкахъ, русскомъ, французскомъ и немецкомъ. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Н. Греча. Въ 8-ю д. л. 42 стр.

Не понимаемъ, какимъ образомъ вѣсколько таблицъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, изложенныхъ на двѣнадцати страничкахъ, осмѣлились назваться «арифметикою»? Вѣроятно, это маленькій заговоръ противъ кар-

мановъ простачковъ, у которыхъ есть дѣти.

176) **Этимологическій Россійскій (?) Букварь, содержащій въ себѣ ест (?) первообразныя слова русскаго языка, молитвы, басни, уроки для чтенія въ прозѣ и стихахъ. Составленный Яковомъ Гердомъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1843. Въ 12-ю д. л. 152 стр.**

Вотъ книжка, во всѣхъ отношеніяхъ презабавная! Главное достоинство ея — удивительная наивность. Чтобы увѣрится въ этомъ, стѣнитъ только прочесть нѣсколько строкъ изъ предисловія:

«Долго я не могъ рѣшиться выставить имя свое на книгѣ (.) мнѣ мною издаваемой; мысль сдѣлаться извѣстнымъ, какъ писатель (ю) азбукъ, меня удерживала; наконецъ, убѣжденіе въ существенной пользѣ предложенной цѣли, побѣдило ложный стыдъ, и я остался упертымъ, что скромный и добросовѣстный трудъ, (—) облегчить дѣтямъ приобрѣтеніе первоначальныхъ познаній, никогда не будетъ оставлено безъ вниманія умными и добрыми людьми.»

«Тридцать пять лѣтъ не могли изгладить изъ моей памяти той радости и восхищенія, которыя я чувствовалъ при полученіи отъ незабвенной своей (моей?) матери первой книги; а эта книга была красивая азбука съ картинками — истинное было удовольствіе учиться по ней и она приохотила меня къ чтенію безъ малѣйшаго повужденія.»

По всѣмъ вѣроятіямъ, эта азбука была — немецкая: это доказываетъ не столько нѣмецкая фамилія сочинителя — *Этимологическаго русскаго Букваря* —, сколько безграмотность его въ дѣлѣ русскаго языка, какъ это видится изъ выписанныхъ нами строкъ его предисловія, и какъ это мы увидимъ еще ниже.

Далѣе, въ предисловіи, сочинитель говоритъ, что теперь всѣ азбуки не красивы и плохи во всѣхъ отношеніяхъ, и что, желая помочь горю, онъ выписалъ изъ Лондона политипажу и присовокупилъ, для складыванія и писанія по диктовкѣ: «Собраніе первообраз-

ныхъ словъ русскаго языка, расположенное грамматическимъ порядкомъ, такъ что, познакомившись съ правописаніемъ и значеніемъ ихъ, дѣти уже сдѣладо шагъ — и можно сказать немаловажный — къ познанію своего языка. Удивительно! Сочинитель, видно, предполагаетъ, что дѣти, до его собранія первообразныхъ словъ русскаго языка, успѣтъ уже выучиться и писать, да еще подлѣ диктовку! Не повиновенъ, право, что за важность такую приписываетъ онъ своему собранію первообразныхъ словъ русскаго языка (котораго онъ самъ совѣтъ не знаетъ)? И почему дѣти будутъ знать, что это первообразныя, а не производныя слова, если ему первоначально не объяснено значеніе тѣхъ и другихъ? Нѣтъ, эти слова только занимаютъ напрасно кѣсто въ книгѣ и безъ того тощесловомъ, напечатанной разговисто, съ страшными пробѣлами, и наполовину занятой политипажамъ. На нѣсколькихъ страничкахъ нельзя собрать всѣхъ первообразныхъ словъ русскаго языка; и притомъ это дѣло совѣтъ не азбукъ, а развѣ грамматикѣ. Кромѣ того, слова: *трукъ, тюль, шаль, шпаль, авторъ, антикъ, штрафъ, штурмъ* и т. п. — совѣтъ не русскія первообразныя слова, а иностранныя, вошедшія въ русскій языкъ. Просимъ сочинителя объяснить намъ, что это за слова, помѣщенные у него между прочими: *вервь* (стр. 34), *лонъ* (35), *нитъ, обтъ* (36), *ялло* (45), *цель* (48), *мазура* (52)? И для какой надобности, между словами, назначенными для изученія дѣтямъ обоюдо поимѣстилъ овъ слово *портки* (стр. 45)?

Для каждой буквы сочинитель помѣстилъ политипажъ съ изображеніемъ животнаго; одинъ изъ этихъ политипажей представляетъ лошадь съ рогами на лбу, львинымъ хвостомъ и оборачивающею цѣпью на шеѣ; вѣнзу политипажу подписано: *Единорогъ*. Спрашивается: гдѣ видалъ сочинитель такихъ животныхъ? Ужъ не въ Ливоніи ли? И къ чему вводить дѣтей въ обманъ, утѣрять ихъ въ существованіи несуществующихъ

ших животных? Развѣ для того, тобъ они послѣ узнали, что ихъ учи- и вздорамъ. Было изъ чего хлѣпотать! Предположѣннй политипажъ изобража- ть доиную корову (что ясно можно ви- ѣтъ по четыремъ сосцамъ), а внизу описано: Юнцѣ. Аллахъ керимъ! то что за извѣстіе? Корова по-русски называется короною, а юницею называ- ась на древне-славянскомъ языкѣ тѣ- а, юницею же, кажется, никто не на- ывался, и это названіе можетъ быть ырилично развѣ только составителямъ ылыхъ букварей...

Для образчика слога, языка и зани- ательности басенокъ въ провѣ, ура- ценныхъ политипажами, выписываемъ асно «Быкъ и Собака»:

«Злая собака однажды лежала на кучѣ ѣна въ к(х)лѣвѣ, когда быкъ, понуждае- ый голодомъ, подошелъ, и хотѣлъ ѣсть не- кою; но собака озлилась, показала зубы, и не допускала быка къ сѣну, хотя тамъ ыло очень много (чего же?), кромѣ кучи, а которой она лежала.

«Скупой накопляетъ (копить?) золото, но амъ не пользуется имъ, и не позволяетъ ругимъ его употреблять.»

Очень-хорошо!

Вотъ еще отрывочекъ изъ «Уроковъ ы Чтенія», съ политипажами:

«Быки и коровы суть полезѣйшія жи- отныя для человѣка, снабжая его моло- омъ и мясомъ; служба при земледѣльче- ькихъ работахъ своею силою, и доставляя аю, кожу, рога и кости на разные употре- еленія.»

Стихи не уступаютъ провѣ:

Однажды та коза (,)
 Дорогу взявши ярму, (запятая!)
 И выпуча глаза,
 Прыгнула черезъ яму.

Мать прибѣжала на крикъ козы:

И такъ утѣшаетъ
 Ее въ печали стала:
 Когда бы мой совѣтъ
 Не презрѣвъ былъ тобою,
 Дочушечка, мой свѣтъ,
 Была бы ты съ ногою.
 А дочка говоритъ:
 Когда бы те я знала,

Какъ можинка болить,
Во вѣкъ бы не скакала.

Изъ этого «Этимологическаго *россій- скаю* Букваря», въ которомъ ничего нѣтъ этимологическаго, а въ отноше- ния къ языку еще менѣе *россійскаю*, но очень-много *чужою*, дѣти только разучатся говорить правильно по-рус- ски и приучатся къ дурному тону вы- раженія: больше ни на что онъ не го- дится, не смотря ни на выписанные изъ Лондона политипажи, ни на «всѣ первообразныя слова русскаго языка». Чтобъ составить хорошую азбуку ва- кого-нибудь языка, непременно нужно прежде всего знать этотъ языкъ, а по- томъ — понимать, и очень понимать, что составленіе хорошей азбуки въ наше время есть дѣло трудное, важное и по- чтенное, что кто стыдится «слѣжаться извѣстнымъ, какъ писатель азбукъ», тому нѣчего и браться за это дѣло.

177) Учебная Книга Англійска- го Языка для Русскихъ, *располо- женная по новой методѣ, по которой всякій легко и скоро можетъ выучиться англійскому языку. Съ приложеніемъ азбуки, правоучительныхъ уроковъ и раз- сказовъ съ русскими надстрочными пере- водомъ, разговоровъ и грамматическихъ упражненій. Составилъ Генрихъ Коч- манъ. 1843. Санктпетербургъ. Изданіе книжпродавца Василья Полякова. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Вну- тренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 259 стр.*

Г. Кочманъ справедливо говоритъ въ предисловіи, что съ нѣкотораго време- ни у насъ стали особенно заниматься англійскимъ языкомъ, и что мы рѣ- шительно не имѣемъ хорошихъ элемен- тарныхъ книгъ по этому предмету. По- слѣдняя мысль такъ справедлива, что овъ могъ высказывать ее не только въ предисловіи, даже и въ концѣ своей книги, въ видѣ, положимъ, хотъ *право- учительнаго урока*; это было бы рѣши- тельно *по новой методѣ*. Мысль эта точ- но такъ же вѣрна, какъ и то, что малень- кая книжка г. Кочмана напечатана на сѣрой, оберточнйо бумагѣ и изобилу-

еть всякими, русскими и английскими, печатками. Угодно знать, что за новая метода у г. Кочмана? Вот она: въ грамматикѣ своей онъ высказаетъ вамъ въ двухъ-трехъ строкахъ правило, потомъ на нѣсколькихъ страницахъ тлупутся упражненія, то-есть безсвязныя русскія фразы, къ которымъ въ концѣ приложены англійскія слова. Переводите, какъ умѣете. Метода, какъ видите, не совсѣмъ новая. Пріятно было намъ встрѣтить въ началѣ книжки англійскую азбуку, буквы большія и малыя, буквы по порядку и въ разбивку, и склады. Мы думали, что только русскіе мастера умѣютъ работать такія азбуки. Можетъ-быть, азбука г. Кочмана и хороша, но не хорошо только, что она не учитъ читать по-англійски; хотите выучиться, такъ извольте нанять г. Кочмана, или другаго англійскаго учителя; онъ покажетъ вамъ, какъ надо произносить англійскія слова. Безъ него вы ничего не узнаете, кромѣ буквъ. Жаль, что г. Кочманъ пропустилъ правила произношенія. Учасъ азбукъ безъ г. Кочмана, точно станешь произносить имя: *James* — Джамесъ, какъ напечатано на 23 стр. — Усердно искали мы, люди грѣшныя, обучающае суетою мірскою, «правоучительныхъ уроковъ», показанныхъ въ заглавіи, перелистывая внимательно всю книжку, и, къ крайнему огорченію и ущербу вашей нравственности, не нашли ихъ. Нашли только *Полезные Уроки*, состоящіе изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Тутъ кто-то спрашиваетъ, сколько дней имѣетъ недѣля. На этотъ интересный вопросъ кто-то весьма умно отвѣчаетъ: семь. Кто-то спрашиваетъ: сколько часовъ имѣетъ день, а этому дикарю кто-то чрезвычайно-дику отвѣчать: двадцать четыре, которые на часахъ раздѣлены на дважды двѣнадцать... Не споримъ, что все это очень-полезно, и дивимся, отчего этихъ полезныхъ уроковъ нѣтъ въ заглавіи. А правоучительныхъ уроковъ все-таки нѣтъ. Можетъ-быть, правоучительные уроки скрываются въ по-

вѣстляхъ изъ односложныхъ словъ. Тутъ на-примѣръ, есть удивительная поистинѣ о томъ, какъ мальчикъ Бенъ (котораго г. Кочманъ называетъ сначала Беномъ, а потомъ, Богъ-знаетъ почему, разжаловываетъ въ русскаго Вениаминъ бьетъ птицъ и другихъ животныхъ какъ собаки лаютъ на него, кошки царапаютъ его, лошадь лягаетъ, лебедь бьетъ крыльями, какъ онъ раздумываетъ наконецъ, что не хорошо бить птицъ и другихъ животныхъ, начиняетъ кормить ихъ и пріобрѣтаетъ любовь всѣхъ скотовъ. Эта скотолобная повѣсть удивительно правоучительна и мы подозреваемъ, что она составляетъ именно одинъ изъ тѣхъ правоучительныхъ уроковъ, которые являются въ публику подъ чужимъ именемъ, вѣроятно съ правоучительною цѣлью — показать публикѣ, что никакъ не должно вѣрить длиннымъ заглавіямъ учебныхъ книгъ, обѣщающимъ легко и скоро выучить какому-нибудь языку. — Г. Кочманъ, защитникъ и покровитель животныхъ, къ удивленію нашему, безжалостен къ нѣкоторымъ грамматическимъ тварямъ и явно обижаетъ ихъ. Зачѣмъ, на-примѣръ, обижаетъ онъ междометіе? Чѣмъ междометіе хуже, положимъ, союзъ? Развѣ тѣмъ, что подлѣ него стоитъ прерывательный знакъ восклицанія? Въ части рѣчи являются у него съ дивной свитой упражненій, а бѣдное междометіе стоитъ въ концѣ книги одно — одинёхонько. Оно идется охаетъ и хохочетъ и манитъ учителя, замученнаго книжкой, повторять вмѣстѣ съ собою въ восторгѣ радости: heu, yoу! — Не спрашивай такъ же г. Кочманъ и въ своихъ правоучительныхъ урокахъ, которыми мѣстопробываніе мы отыскали съ такими усиліями, по причинѣ пріятнаго имени фальшивой фамилии. У него правоученія выражаются только самыми односложными. Уже-ли двусложныя, трехсложныя и другія слова — все безнравственныя и не могутъ составлять порядочнаго правоучительнаго урока!

Интересно послушать, какъ мальчикъ лнетъ разсказывать цѣлую повѣсть, стоющую изъ односложныхъ словъ. шпительно, Китай!—Нѣтъ, г. Кочманъ, а не дадимъ вашей книжки нашимъ ятямъ, которыя безъ васъ ничему по и не выучатся, а лучше пошлемъ къ г. Гасфельду, который своими бличными уроками приобрѣлъ таю репутацию въ Петербургѣ, и котоый недавно, для руководства своихъ зениковъ и ученицъ, напечаталъ на ухъ большихъ листахъ —

178) Англійскій Языкъ, *въ двадти лекціяхъ*. И. Гасфельда. (The ENGLISH LANGUAGE, in twenty lectures, by John P. Hasfeld).

Публичный элементарный курсъ его, стоящій изъ двадцати лекцій, заклюается въ слѣдующемъ. Слушатели или гушательницы, среди которыхъ встрѣается много людей почтенныхъ и поилыхъ, вѣрныхъ пословицъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», — садятся за большую столъ, за которыми предсѣдательствуетъ г. Гасфельдъ. Выбирается англійская статья, экземпляры которой наодятся въ рукахъ слушателей. Курсъ ачинается тѣмъ, что г. Гасфельдъ разкавыиваетъ буквы этой статьи и заставляетъ каждого изъ слушателей произосить ихъ. Когда буквы узнаны, наинается произношеніе словъ и переводъ ихъ. Каждый періодъ произноится и переводится отдѣльно. Припомъ, г. Гасфельдъ объясняетъ ученикамъ основныя грамматическія правила, къ каждому слову фразы присодиняетъ всѣ производныя или происходящія отъ одного корня слова, объясняетъ употребленіе ихъ, берегъ слова изъ фразы или производныя отъ нихъ, составляетъ изъ нихъ новую фразу, говорить ее на русскомъ языкѣ и заставляетъ ученика переводить ее на англійскій языкъ. Г. Гасфельдъ неистощимъ въ составленіи новыхъ фразъ изъ одного періода; ученикъ не можетъ заѣваться: онъ безпрестанно долженъ отвѣчать на русское предложеніе учите-

ля англійскихъ переводомъ. Мало помалу, отъ непрерывнаго повторенія, грамматическія правила затверживаются имъ; онъ приобретаетъ навыкъ составлять фразы, затверживаетъ множество словъ — до двадцати тысячъ въ теченіе двадцати уроковъ, — и внимательный ученикъ, окончивъ элементарный курсъ, можетъ легко объясняться по-англійски. Успѣхи методы г. Гасфельда нажется, именно должно приписать тому, что языкъ изучается не по учебнику, не посредствомъ скучныхъ переводовъ и одинокаго, утомительнаго затверживанія правилъ, а въ живой и часто веселой бесѣдѣ, въ кругу общества, гдѣ вы сами замѣчаете ошибки вашихъ товарищей и извлекаете изъ нихъ пользу для себя. — Изданныя г. Гасфельдомъ листы полезны именно только для его слушателей.

179) Голосъ Степнаго Помѣщика о *полюбовномъ соглашеніи ка отмежеваніе чрезполосныхъ владѣній къ одимъ мѣстамъ*. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1843. Въ 24 д. л. 120 стр.

На грустныя мысли наводитъ каждого читателя голосъ степнаго помѣщика. Конечно, мы не сдѣлаемъ такого печальнаго предположенія, какое сдѣлалъ онъ въ концѣ своей книги: «Грустно помыслить, ежели понудительное межеваніе правительства найдеть насъ такими же Русскими, какими засталъ геній Петра Великаго» (стр. 120). Нѣтъ, мудрое правительство найдеть насъ не такими: это вѣрно; но авторъ, не погрѣшая противъ правды, могъ бы сказать: мудрое правительство не находитъ въ помѣщикахъ современнаго, быстро исполненія дѣлъ, которыя клонятся къ ихъ же собственной пользѣ—пользѣ ясной, но непріемлемой ими съ отверстыми объятіями или въ слѣдствіе своекорыстныхъ разсчетовъ, или въ слѣдствіе боязни удалиться отъ старыхъ обыкновеній, или, наконецъ, въ слѣдствіе какой-то непонятной безпечности. Есть, впрочемъ, и

такіе владѣльцы, которые не хотѣвъ понять пользу межеваній. Въ 1836 году предоставлено владѣльцамъ право полюбовнаго размежеванія — что жъ, быстро ли оно подвигается? Много ли размежевано въ пять, семь лѣтъ? Правительство, съ своей стороны, сдѣлало все для общественнаго благопріусія: какъ мы отвѣчаемъ мудрымъ видамъ и намѣреніямъ правительства? Полюбовное размежеваніе идетъ очень плохо, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «*мало (?)* быть нельзя» (стр. 4). Еслибъ степной помѣщикъ такъ же зналъ грамоту, какъ искусство говорить правду, — онъ былъ бы «*великимъ мужемъ русской грамматики*». Да, любовь наша къ пользѣ сосѣдей и нашей собственной какъ-то несговорчива; полюбовныя сдѣлки не ведутъ къ окончанію дѣла; посредники, выбираемые самими же дворянствомъ, не соглашаютъ дворянства. Вотъ что говоритъ одинъ разискатель русской старины, умѣющій смотрѣть прямо и на новое время:

«Въ 1836 году предоставлено право владѣльцамъ недвижимыхъ имѣній на добровольное размежеваніе земель къ однимъ мѣстамъ въ теченіе трехъ лѣтъ, съ избавленіемъ ихъ отъ платежа пошлинъ, десятинныхъ денегъ, и дозволено производсто этого рода на простой бумагѣ. Нѣкоторые помѣщики приступили къ выполненію этой Высочайшей воли, но къ сожалѣнію большая часть, вмѣсто полюбовнаго согласія, предприняла оградить себя, такъ сказать, одною канцелярскою очисткою, то есть, объявленіями въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о вызовѣ соучастниковъ къ размежеванію. Типографскіе станки были подавлены многочисленностію вызововъ. Странно было читать эти объявленія, на примѣръ: одинъ помѣщикъ вызываетъ къ себѣ пожаловать для полюбовнаго согласія соучастниковъ въ Москву, другой въ Сибирскъ, третій въ Вологду и т. д. Само собою разумѣется, что едвали эти полюсы когда либо сошлись между собою. Успокоя себя такимъ образомъ на счетъ отвѣтственности въ несогласіи къ полюбовному размежеванію, каждый оставался въ томъ убѣжденіи, что онъ сдѣлалъ все необходимое къ полюбовному соглашенію, и сверхъ того не лиш-

нихъ считалъ завѣстись на всякій случай справкою изъ Вотчиннаго Департамента, съ тѣмъ, не лучше ли будетъ положить того времени, когда начнется поудительное размежеваніе на основаніи крѣпостныхъ документовъ» (стр. 4—7).

Стыдъ, стыдъ, и еще стыдъ!

180) Опытъ Историческаго Обзоръ Развитія Пчеловодства въ Россіи. (Сочиненіе А. Покорскаго-Журавко.) Изъ Трудовъ Императорскаго Воля. Экономическаго Общества. 1843. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. 78 стр. Съ рисунками въ текстѣ.

Авторъ выписываетъ все, что въ нашихъ лѣтописяхъ и древнихъ границахъ говорится о медѣ, и заключаетъ описаніемъ трехъ вышѣ-употребительныхъ способовъ пчеловодства: 1) бортеваго, 2) домашняго, и украинскаго, и 3) раскольниковскаго, изъ которыхъ послѣдній есть не что иное, какъ водражаніе мотель, изобрѣтенной черниговскимъ помѣщикомъ, г. Прокоповичемъ. Авторъ, къ сожалѣнію, весьма мало говоритъ о послѣдней — самой интересной, не сообщая описанія вновь-изобрѣтеннаго г. Прокоповичемъ улья, на три части раздѣляющагося, который и въ чужихъ краяхъ заслужилъ такое одобреніе, что Французское Политехническое Общество учредило особую мастерскую для производства этихъ ульевъ (стр. 67).

181) Хозяйственные Очерки Чисты Аракской Долины, составлены составъ Грузино-Имеретинской Губерніи. (Сочиненіе И. Шоена, бывшаго председателя управленія по доходамъ и казеннымъ имуществамъ въ Армянской Области.) Изъ Трудовъ Имп. Воля. Эконом. Общества. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. 133 стр.

Вотъ сочиненіе, какихъ изъ нашихъ книгопечатней выходитъ санинотнало, не смотря на то, что оно такъ извлеченіе изъ кростравной стѣны

стр. 135). Для занимающагося статистику своего отечества и особенно слѣдщаго за движеніемъ промышленности, сочиненіе г. Шопена безцѣнная находка. Къ-сожалѣнію, свѣдѣнія о-бразны авторомъ только по 1832 годъ (стр. 13); описываемые имъ два уѣзда, Эриванскій и Нахичеванскій, содержать, по его исчисленію:

	кв. вер.
Водъ озерами.....	1,200
— рѣками и водопроводами.....	500
— болотами.....	500
— дорогами.....	250
— строениями.....	1,000
— кладбищами.....	250
Земли, удобной для воздѣлыванія:	
— въ жаркой (нижней) полосоѣ.....	5,000
— хлѣбной и садовой (нѣсколько выше).....	9,000
— луговыхъ мѣстъ и пастбищъ.....	5,000
— въ лѣсахъ и кустарникахъ.....	1,500
— садами.....	125
Земли удобной, но безплодной, по недостатку полѣвки.....	3,025
— болотчавой.....	200
— каменистой, совершенно-негодной.....	3,000
Итого.....	30,000

Въ Эривани, самою жаркою мѣстою, температуры доходятъ, однакожь, въ декабрь и январь отъ 15 до 25 градусоѣвъ; вообще же холодъ начинается съ половины ноября. Климатъ Долины Аракса располагаетъ къ волотухѣ. На солончакахъ, впрочемъ, совершенно-безплодныхъ, растутъ однакожь трава юа rugens, на которой водятся арабская кошениль. Вода въ колодцахъ вообще горька и солонна.

Кромѣ топографіи Уѣздовъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, здѣсь есть многія свѣдѣнія и объ Ордубадскомъ Уѣздѣ, равномѣрно входящемъ въ составъ бывшей Армянской-Области.

Будемъ надѣяться, что вновь-образованное мѣстное губернское управленіе совершенствуетъ многія донынѣ-запущенныя вѣтви промышленности; примѣръ: есть начатые, но неконченныя.

Т. XXVIII. — Отд. VI.

ные каналы, для орошенія полей — они, конечно, будутъ довершены; жители сѣютъ ленъ, но о-сю-пору не знаютъ, что изъ стеблей его можно производить нити — ихъ конечно научатъ мочить и прядь ленъ; а главное, необходимо завести школы русскаго языка, въ каждомъ магалѣ; Министерство Удѣловъ подало на этотъ счетъ благой примѣръ, учрежденіемъ первой и школъ между Чувашинами, которые, безъ этого, еще нѣсколько столѣтій оставались бы людикарями.

182) Атласъ Музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Томъ II, тетради 1 и 2. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Фишера. Въ 1-й 8 стр. и 12 въ прибавл. во 2-й 8 стр. и въ каждой одинъ листъ чертежей.

Въ первой тетради заключаются слѣдующіе предметы: 1) хлѣбная печь, 2) маслобойня Валькура, 3) лактометръ, (молокомѣръ), 4) голландская ручная сѣчка, 5) орудія для выравниванія и очищенія полей и 6) переносный копѣрь. Въ прибавленіяхъ на весь второй томъ (на заглавіи котораго выставлено: томъ I.): а) простой и удобный способъ моченія льна и пеньки — тутъ упомянуто и о способѣ земледѣльца Ростовскаго-Уѣзда Тиханова; б) Различныя способы приготовленія коровьяго масла, употребляемые за границею. в) Новый способъ экономическаго производства деревянныхъ строеній — статья, объясненная чертежами въ текстѣ и для насъ, столь много производящихъ строеній изъ дерева, самая интересная.

Во второй тетради описаны: 1) ломаной валъ, 2) самозатворяющіеся шлюзные затворы, 3) мукомольница, 4) дроги для перевозки бочекъ и 5) молотильня для кукурузы.

183) Лѣсной Словарь. Часть I. Составленъ въ Департаментѣ Корпуса Лѣсныхъ Дѣловъ. Санктпетербургъ. 1845

1/4 5

Въ тип. Фшнера. Литера А — Исч. Въ 8-ю д. л. 639, V и LIV стр.

184) НАСТАВЛЕНІЕ ОБЪ ОЦѢНКѢ СЕЛЬСКИХЪ ИМУЩЕСТВЪ. Сочиненіе А. Блока. Переводъ съ нѣмецкаго, изданный по распоряженію г. министра импораторскаго двора. 1843. Санктпетербурга. Въ тип. Фшнера. Въ 4-ю д. л. 342 и VII стр.

185) НАСТАВЛЕНІЕ, КАКЪ ДОЛЖНО ПОСТУПАТЬ ВЪ СЛУЧАѢ ПОВЛЕНІЯ ЧУМЫ РОГАТАГО СКОТА. Издано иждивеніемъ Импер. Вольн. Экон. Общества. Санктпетербурга. Въ тип. И. Глазунова и К°. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

Заглавія этихъ трехъ книгъ означаютъ достаточно ихъ содержаніе: самое изданіе ихъ отъ правительственныхъ мѣстъ и Вольнаго Экономическаго Общества служить ручательствомъ за полезность ихъ.

186) О Промышленностяхъ вообще и вліяніи ихъ на благосостояніе народное. 2-е дополненіе къ первому выпуску «Курса Опытнаго Русскаго Сельскаго Хозяйства». Сочиненіе Д. Н. Шелехова, помѣщика Тверской Губерніи. Санктпетербурга. Въ тип. Бочарова. 1843, Въ 8-ю д. л. 68 стр.

Есть люди, которые имѣютъ малевкую слабость пускать свой языкъ совершенно на волю, давать ему полную свободу сочетать звуки въ какомъ случившя порядкѣ, но безъ всякаго содѣйствія со стороны головы или мыслительной способности. Они любятъ процессъ разговора, точно такъ же, какъ Петрушка Чичикова любить процессъ чтенія. Если такіе люди пріймутся писать о вещахъ, о которыхъ они не имѣютъ понятія, то плодъ этой работы будетъ непременно наборомъ словъ безъ смысла и безъ мысли, — сплетеніе иногда красивыхъ фразъ безъ всякой цѣли, — груда исчерченной или исполченной бумаги — безъ всякой пользы и цѣнности.

Трактатъ О промышленностяхъ вообще и вліяніи ихъ на благосостояніе народное, долженъ быть поставленъ на ряду со всѣми прочими произведеніями Д. П. Шелехова, помѣщика Тверской-Губерніи, принимающаго на себя иждивеніе по дѣламъ въ Санктпетербургѣ, по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ (какъ значится на оберткѣ его изданій). Еслибы мы и не прочитали на заглавномъ листѣ имени знаменитаго основателя какой-то Комторы Земледѣльческихъ Дѣлъ, то и тогда, пробѣжавъ первую попавшуюся въ книгу страницу, мы безошибочно узнали бы перо г. Шелехова. Правда, тутъ уже нѣтъ рѣчи о стихіяхъ, о эфирѣ, о кометахъ и прочихъ чудесахъ, которыми г. Шелеховъ началъ свой *Курсъ Опытнаго Русскаго Сельскаго Хозяйства*; за то сочинитель съ первой страницы садится верхомъ на любимого своего конька — разборъ трехъ системъ въ политической экономіи (меркантильной, физиократовъ и Ад. Смита), и высказываетъ по этому поводу нѣкогда громкихъ фразъ, старыхъ мыслей и новоятыхъ имъ идей. Слова слышаны у него какъ гвалтъ, съ трескомъ и шумомъ; мысли путаются одна за другую; безотчетныя выраженія сбиваютъ съ толку добродушнаго читателя, смѣлый, не подозревая тутъ никакой шутки, читаетъ все это сподрадь ошесерььезно и силится понять что-нибудь. Въ самыхъ жаркихъ схваткахъ съ своимъ предметомъ, авторъ вышучиваетъ впередъ свое удивительное воображеніе, и на двухъ-трехъ страницахъ начинаеть оживотворять все, что должно падаетъ ему подъ перо; на-примѣръ, вотъ по истинѣ поразительный образецъ такого оживотворенія:

«Какъ скоро оснуются первоначальныя цѣнности, капиталъ и труды промышленныя сельскаго хозяйства, можно думать на нихъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, безопасно выстроить какого угодно обширнаго зданіе народнаго труда, мануфактурнаго и торговаго; зданіе не возмощается, потому что будетъ имѣть прочный

«Фундаментъ. Она окрѣпнѣетъ въ теченіе вре-
мени, сольется въ одну массу (*зданіе сольет-
ся въ массу??!!*), въ одно строеніе (???!!),
народный капиталъ. Трудъ годичный и
ѣвковой расположится въ этомъ зданіи ко-
арски, какъ слѣдуетъ домовитому хозяи-
ну, со всею своею прислугою, съ разнооб-
разными промышленностями. Разгулливый
объ весело трудъ народный по обширнымъ
аламамъ и галереямъ, прочно выстроен-
нымъ и утвержденнымъ, входи покалуй
ка самый вертъ, не опасаясь поскользнуть-
ся и подавить непрочное зданіе своею тя-
жестью и пасть самому подъ развалинами
зданія безъ фундаменту (стр. 18)».

По-истинѣ можно было бы назна-
чить довольно-значительную премию
тому, кто успѣлъ бы отыскать подъ
этой грудой пустыхъ и звонкихъ словъ
хоть малѣйшій признакъ внутренняго
ихъ значенія! Не было бы никакого
риска назначить самую богатую пре-
мию: безъ сомнѣнія, никто не могъ бы
выиграть ее.

Испещривъ еще нѣсколько страницъ
подобными вещами (содержаніе этихъ
страницъ намъ было совершенно-не-
возможно здѣсь представить, ибо въ
нихъ нѣтъ никакого содержанія), со-
чинитель догадался взять «Курсъ По-
литической Экономіи Шторха и отту-
да вставилъ въ свой трактатъ устарѣ-
лую и пустую легенду, выдуманную
кѣмъ-то на досугѣ, что прежде наро-
ды были звѣроловами, потомъ пасту-
хами, затѣмъ земледѣльцами, и нако-
нецъ уже мануфактуристами и торгов-
цами. Еще бы, еслибъ г. Шелековъ

просто перевелъ шторховы слова: а то
нѣтъ,—онъ не можетъ утерпѣть,—и ме-
жду каждой фразой умнаго профессора
вставляетъ, для большей красоты, по
своей фразѣ, на свой образецъ, со всѣ-
ми возможными цѣтками и фигурами
краснорѣчія.

Наконецъ, чтобъ заключить свое
произведеніе, сочинитель волязъ Джона
Свинклера и передѣлалъ изъ него стра-
ницу тридцать о разныхъ разностяхъ,
безъ толку и связи,—и дѣлу конецъ.

Что такіа книги, какъ *Курсъ Опы-
тною Русскою Сельскою Хозяйствою*, яв-
ляются на свѣтъ, нѣтъ ничего удив-
тельнаго. Всякій авторъ очень-располо-
женъ смотрѣть на свое дѣтище съ на-
длиншею снисходительностью, даже слѣ-
потому, которая не позволяетъ ему ви-
дѣть, что это дѣтище безъ всякаго
смысла и принадлежитъ къ числу тѣхъ
несчастныхъ порожденій, которыя, по
странной вгрѣ природы, совершенно
отсутвуютъ отъ общихъ формъ созда-
нія, и потому обыкновенно влздутся въ
банку со спиртомъ. Но вотъ чтѣ стран-
но: есть десятковъ или два читателей —
ужасныхъ приверженцевъ знаменитаго
тверскаго помѣщика: овъ для нихъ яв-
ляется ни больше, ни меньше, какъ Те-
эромъ, или Домбалеми (*). Это, можно
уже сказать, и не остро и неправдо-
подобно. Тутъ можно допустить развѣ
одну догадку: эти читатели любятъ
только процессъ чтенія.

(* См. «Земледѣльческую Газету» 1840—
1843.

КНИГИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

13) ANALYSE NOUVELLE DES OU-
VERTURES DU JEU DES ESCACS, par le
major C. F. de Jaenisch. Volume II.
(Новое Теоретическое Изслѣво-
ваніе Начала Шахматной Игры,
майора Яниша. Часть II и послѣдняя).
Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Ака-
деміи Наукъ. Въ 42-ю д. л. XIV и 310
стр. (*)

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ Гр-

Мы говорили въ свое время о выхо-
дѣ напечатанной въ 1842-мъ году въ
Дрезденѣ первой части книги г. Яни-
ша. Вторая часть, только-что вышед-

фа, что на Адмиралтейской Площади. Цѣ-
на 3 руб. сер., а за обѣ части 5 руб. сер. У
того же книгопродавца можно получить:
«Découvertes sur le Cavalier du Jeu des Escacs»,
брошюру того же автора (цѣна 1 руб. сере-
бромъ).

шая на печати адѣсь въ Санктпетербургѣ, гораздо-важнѣе первой содержаніемъ, ибо заключаетъ въ себѣ полную теорію дебюта королевскаго коня и всѣ королевскія гамбиты. Сочиненіе г-на Ямша особенно отличается *оригинальностью*: авторъ всѣ начала игоръ подвергъ новому, чрезвычайно подробному разсмотрѣнію, и почти-вездѣ собственными открытіями дополнилъ сдѣланное его предшественниками итальянской, англійской и нѣмецкой школы шахматовъ. Въ Россіи, гдѣ теорія шахматной игры еще весьма-мало из-

вѣстна, эта книга, конечно, найдетъ гораздо-менѣе читателей, нежели въ Англіи и въ Франціи (въроудно, по этой причинѣ она и издана не на русскомъ языкѣ), но все-таки будемъ надѣяться, что она послужитъ поводомъ для много-численныхъ любителей игры заняться теоріею, безъ заанія которой нельзя достигнуть первостепенной силы. Форматъ книги (въ большую двѣнадцатую долю листа), красивъ и прилично избранъ для помѣщенія, въ возможно-маломъ объемѣ наибольшаго количества шахматныхъ формулъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Скоро должна выйдти въ свѣтъ *девятая* часть сочиненій знаменитаго нашего поэта, Жуковскаго. Кромѣ напечатанныхъ уже въ повременныхъ изданійхъ нѣсь: «Камоенъ» («Отеч. Зап.», 1839, т. VI.), «Бородинская Годовщина» («Отеч. Записки», 1839, т. V.), «Цѣ-токъ» и «Сельское Кладбище» («Современникъ»), въ этой девятой книжкѣ читатели найдутъ переводъ большой индійской поэмы «Нагъ и Дамаянти».

— Вышелъ *третій* выпускъ «Боже-

ственной Комедіи», содержащій въ себѣ двѣнадцатую, тринадцатую, четырнадцатую, пятнадцатую и шестнадцатую пѣсни.

— Въ скоромъ времени выйдетъ переводъ важной въ медицинскои литературѣ книги: «О Распознаваніи и Леченіи Сиѳилитической Болѣзни во всѣхъ ея видахъ», соч. Жироуд-де-Сен-Жорж. Переводъ сдѣланъ извѣстнымъ у насъ въ медицинскои литературѣ докторомъ медицины г. Никитинымъ.

НОВОСТИ УЧЕНИЯ.

ПАРХОДСТВО ВЪ 1843 ГОДУ. — еще въ первыхъ годахъ XIX вѣка, въ первый разъ приложена паровая машина къ мореплаванію, и въ 1814 году въ Англіи было всего-на-все два парохода, а въ 1834 году 462; теперь въ Флотъ Великобританіи считается до 300 пароходовъ различной величины; каждый годъ строятъ ихъ отъ восьмидесяти до ста; прибавимъ, что много пароходовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, не внесены еще въ конзолъ морскаго министерства.

Въ Шотландіи, въ первый разъ пароходство открыто на рѣкѣ Клейвъ; потомъ уже начали употреблять пароходы для прибрежнаго плаванія, они ходили между Англіей, Шотландіей и Ирландіей; потомъ перешли они а Ирландскій-Проливъ и къ берегамъ Испаніи и Португаліи, и въ Средиземное Море, и въ Балтійское.

Тогда директоры компаній пароходства, ободренные успѣхомъ, задумали послать свои пароходы въ открытый океанъ, въ Америку и въ Индію.

Многіе изъ ученыхъ считали этотъ проектъ совершенно-невыполнимымъ. Джонсій Ларднеръ, на авторитетъ котораго, кажется, можно было полагаться, объявилъ публично въ Бристолѣ, въ собраніи, что на луну легче съѣздить, чѣмъ проѣхать на пароходѣ черезъ Атлантическій-Океанъ. Компанія не внимала насмѣшкамъ ученаго профессора, сваржала Great-Western, и прѣзъ въ сколько времени, въ той же самой залѣ, гдѣ ораторствовалъ докторъ Ларднеръ, было вывѣшено объявленіе: «Great-Western отправляется 4-го іюня, подъ командою лейтенанта Госкена, изъ Бристоля въ Нью-Йоркъ.»

Первое путешествіе Great-Western очень-важное событіе въ исторіи мореходства; оно разрѣшило задачу и доказало возможность постоянного пароходнаго сообщенія между двумя полу-

шаріями. Правда, еще прежде, въ 1819 году, пароходъ *Саванна*, въ 1828 пароходъ *Курасао* и въ 1838 *Сириусъ* ходили уже по Атлантическому-Океану, но они большею частью шли на парусахъ и мѣстами, только у береговъ, пускали въ дѣйствіе паровую машину. Въ 1836 году, Ларднеръ въ своемъ сочиненіи о паровыхъ машинахъ объявилъ, что сообщеніе между Лондономъ и Нью-Йоркомъ математически невозможно, и обѣщалъ доказать это самыми строгими вычисленіями; наибольшее пространство, которое пароходъ можетъ пройти, полагалъ онъ, никакъ не болѣе 2,200 миль и то въ-продолженіе девятнадцати дней; а въ 1838 году Great-Western прошелъ въ пятнадцать дней 3,500 миль, которыя раздѣляютъ Бристоль отъ Нью-Йорка; потомъ онъ это самое путешествіе дѣлалъ въ двѣнадцать дней.

Great-Western взялъ съ собою на дорогу 660 тоннъ угля, а издержалъ всего-на-все 452 тонны. Машина эта займетъ замѣчательное мѣсто въ исторіи пароходства; она была построена на счетъ Пароходной Компаніи (Steam navigation Company). Обыкновенный грузъ ея 1340 тоннъ; но это только пятая часть настоящаго груза; въ одномъ трюмѣ помѣщалось 800 тоннъ угля и различныхъ товаровъ, да еще воды и провизіи на 300 человекъ. Залы на пароходѣ и другія помѣщенія для пассажировъ просторны и очень-богато, даже роскошно убраны; самая большая зала 75 футовъ длины и 21 футъ ширины, не считая двухъ боковыхъ нишей, которыя находятся на концѣ залы, и здѣсь она шириною 34 фута; вышиною она 9 футовъ. Зала эта убрана съ большимъ вкусомъ; потолки и стѣны росписные; самая машина и другія главныя, существенныя части корабля — рѣшительно верхъ совершенства механики и морской архитектуры; самая крайняя длина парохода отъ кормы до носа 236 футовъ; длина парохода подъ палубою — 212 футовъ; длина у киля — 205 футовъ, шири-

рина между бортами 35 футовъ; а считая вмѣстѣ съ колесами—59 футовъ. Сила машины слишкомъ 450 лошадей.

Давно уже многимъ приходило въ голову, что желѣзо гораздо-выгоднѣе и удобнѣе употреблять на постройку судовъ, нежели дерево; въ самомъ дѣлѣ, желѣзо гораздо-легче, крѣпче и прочнѣе. «Тигръ» и «Эвратъ» были первые желѣзные пароходы, и они ходили по рѣкамъ; боковыя поперечныя ребра въ нихъ желѣзныя; обшиты они желѣзными листами. Трюмъ раздѣляется на нѣсколько клѣткъ непроницаемыми перегородками, которыя не пропускаютъ воды, и когда вода въ одной клѣткѣ покажется, ее легко выкачать.

Кому первому пришла въ голову эта идея,—положительно неизвѣстно; одни приписываютъ это изобрѣтеніе Додду, другіе Вильямсу; у Китайцевъ военныя джонки съ незапамятныхъ временъ внизу раздѣляются на клѣткѣ непроницаемыми перегородками и Доддъ и Вильямсъ вѣроятно отсюда заимствовали свое изобрѣтеніе.

Въ концѣ 1839 года, «Ironside» («Желѣзные Бока») пришелъ изъ Фернамбука въ Ливерпуль; это первый желѣзный пароходъ, который началъ ходить по морямъ.

Почти въ то же самое время, другой желѣзный пароходъ, *Немезида*, въ 660 тоннъ, отправился также изъ Ливерпуля; только на возвратномъ пути изъ Одессы онъ ударился о скалу у Острововъ Сциллы; ударъ пришелся о киль и повредилъ его въ трехъ мѣстахъ; этотъ случай доказалъ публикѣ все превосходство желѣзныхъ пароходовъ; деревянный отъ такого удара рассыпался бы въ щепки, а въ желѣзномъ пароходѣ повредилась только та часть, которою онъ ударился; обшивка же и ребра совершенно сохранились.

Не смотря на все это, желѣзные пароходы не входили въ общее употребленіе, и тогда Компанія Пароходства, которой принадлежитъ Great-Western, задумала построить желѣз-

ный самый большого Great-Western; сначала, назвали этотъ пароходъ *Миллс-томъ*, теперь переименовали его въ *Британію* (Great-Britain); онъ еще не совсемъ конченъ; пароходъ этотъ весь желѣзный, исключая одной каюкъ и перегородакъ; на одной каюкъ пошло 15,000 тоннъ желѣза; обшивные листы по средней толщину въ три четверти дюйма; а по концамъ одинъ дюймъ; листы те, которые покрываютъ подводную часть, толщину отъ пяти-восьмихъ до полудюйма; они концами прикрываютъ другъ друга, именно: на каждой концѣ всегда лежитъ толстый конецъ; они прибиты двойными гвоздями; ребра желѣзныя, шириною отъ шести до четырехъ съ половиною дюймовъ; среднее разстояніе между ними въ средней части четырнадцать дюймовъ, къ концамъ оно постепенно возрастаетъ до 18 и 21 дюймовъ. Платформа, на которой стоятъ паровыя котлы, изъ листовъ желѣза; она держится на десяти желѣзныхъ толстыхъ брусьяхъ; трюмъ раздѣляется на пять частей. На этомъ пароходѣ четыре палубы; самая нижняя желѣзная, — на ней лежитъ грузъ; верхняя свободна вся; на двухъ среднихъ помѣщаются пассажиры и экипажъ; адскіе четыре общія каюты, двѣ каюты для дамъ и сто-восемьдесятъ каютъ для пассажировъ; для экипажа еще особое помѣщеніе. Главная мачта длиною 108 футовъ, шириною 63 дюймами и толщиной 8 1/2. Великобританія имеетъ 1000 тоннъ угля и 1200 тоннъ разнороднаго груза. Въ немъ три котла, которые заключаютъ въ себя 200 тоннъ воды; 24 печи нагреваютъ ихъ, и они приводятъ въ движеніе четыре машины, каждая силою въ 250 лошадей, шесть мачтъ, пять дупарусовъ; и одной мачтѣ, самой большой, одинъ квадратный парусъ и марсъ, и еще будетъ выпущены 95 футовъ, а парусъ 43 квадратныхъ футовъ; самая высокая длина парохода 324 фута, ширина 31 футъ; пароходъ этотъ будетъ двигаться посредствомъ архимедова винта;

гребные колеса черезъ чуръ тяжелы и некрасивы, винтъ находится у кормы, и его можно легко отдѣлить отъ машины, когда пароходъ идетъ на парусахъ.

Обыкновенно, паровыя машины даютъ, и очень-сильно, свою тяжестью на бокъ парохода; капитанъ Дрю (Drew) недавно открылъ еще средство отвратить и съ этой стороны порчу; изобрѣтеніе его не требуетъ лишнихъ издержекъ: надобно только тяжесть машины расположить на большомъ пространствѣ, а не сосредоточивать ея на одномъ мѣстѣ; идея эта въ первый разъ будетъ выполнена на старомъ фрегатѣ *Пенелопя*, который теперь снаряжается въ Англіи: во всю длину корабля будутъ протянуты двѣ кривыя перекладки, вѣрно соединенныя между собою; на нихъ лежитъ платформа досчатая въ четыре дюйма толщины, и на ней уже стоитъ машина. Такимъ образомъ, давленіе здѣсь будетъ вездѣ одинаково на всю массу корабля.

Военныя пароходы появились въ Англіи въ первый разъ въ 1828 году; тогда въ цѣломъ королевствѣ былъ одинокъ только военный пароходъ; теперь насчитываютъ ихъ до ста и между ними *Медя* (Medea), *Опустошеніе* (Devastation), *Горюна* (Gorgona), *Циклопъ* (Cyclops) рѣшительно образцовые пароходы. На каждомъ изъ нихъ двѣ машины, силою каждая въ 160 лошадей; машины эти вѣсомъ менѣе чѣмъ въ 60 тоннъ и не такъ громоздки, какъ другія, построенныя по старой системѣ; четыре мѣдныя котла приводятъ ихъ въ движеніе; котлы эти нагрѣваются спереди и сзади, и снаружи они покрыты паклею, чтобъ не отдѣлялся лучистый теплородъ. Колеса циклоидальныя о 48 лопаткахъ каждая, шириною въ одинъ, а длиною въ восемь футовъ; при каждомъ пароходѣ находится четыре мехарника, двѣнадцать источниковъ и четыре работника для носки угля; горючаго матеріала обыкновенно запасаютъ для 3,500 морскихъ миль.

Медя (Medea) длиною 204 фута, шириною съ колесами 52, безъ колесъ 31 футъ; она несетъ на себѣ всего груза вмѣстѣ съ машинами 807 тоннъ, угля 230 тоннъ; машины силою въ 220 лошадей; экипажа на ней 145 человекъ; дѣлаетъ она по 10, 35 узловъ въ часъ.

Опустошеніе (Devastation) длиною 203 фута, шириною съ колесами 54 фута, безъ колесъ 36 футовъ; пароходъ этотъ несетъ на себѣ всего груза, вмѣстѣ съ машинами, 979 тоннъ, угля 327 тоннъ; машины силою въ 400 лошадей; экипажа на немъ 145 человекъ; дѣлаетъ онъ 10, 97 узловъ въ часъ.

Горюна (Gorgona) длиною 205 футовъ, шириною съ колесами 54 фута, безъ колесъ 37 футовъ; груза всего съ машинами несетъ 1018 тоннъ, угля 345 тоннъ; машины силою въ 320 лошадей; экипажа 175 человекъ; дѣлаетъ 10 узловъ въ часъ.

Циклопъ (Cyclops), длина 216 футовъ, ширина съ колесами 57 футовъ, безъ колесъ 37 футовъ; груза всего, съ машинами, помѣщается 1129 тоннъ; угля 467 тоннъ; машины силою въ 320 лошадей; экипажа 175 человекъ; дѣлаетъ по 11 узловъ въ часъ.

Не менѣе изумительно развитіе парокходства и въ Соединенныхъ—Штатахъ.

Въ 1807 году, Робертъ Фультонъ устроилъ тамъ первый пароходъ; паровая машина на немъ была англійская, работы Больтона и Уайта, силою въ восемнадцать лошадей; этотъ пароходъ ходилъ между Альбани и Нью-Йоркомъ, которые находятся другъ отъ друга въ разстояніи 60 миль, и это путешествіе совершалъ онъ тогда въ восемнадцать часовъ; теперь между этими двумя городами пароходы ходятъ девять, восемь и даже семь часовъ.

Въ 1839 году, во всѣхъ Соединенныхъ—Штатахъ построено 1300 пароходовъ; изъ нихъ 821 постоянно были въ дѣйствиіи: 400 плавали по водамъ западнымъ и южнымъ, 70 на озерахъ, 350 въ заливахъ и проливахъ Атлан-

тическаго-Океана; эти цифры остаются постоянными и для послѣдующихъ годовъ. Въ-продолженіе тридцати лѣтъ на сѣверо-американскихъ пароходахъ насчитывается всего 253 несчастные случая, въ которыхъ 2000 человекъ лишились жизни, а 443 были ранены.

Теперь изъ Нью-Йорка въ Новую-Голландію (разстояніе 900 миль), съ помощью желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, можно проѣхать безъ особенной усталости, въ восемь и десять дней, останавливаясь притомъ по нѣсколько часовъ въ важнѣйшихъ городахъ, и путешествіе обходится никакъ не дороже 4750 рублей ассигн.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ каждый день ходятъ огромные трех-этажные пароходы, такъ называемые «западные»; на нихъ за всею кладью помещается еще слишкомъ 1200 пассажировъ.

Вотъ примѣръ, какъ прибыльны пароходы въ Америкѣ, не смотря на свою дешевизну:

Пароходы Гудсонова-Пролива круглымъ числомъ вообще всего провозятъ 1000 пассажировъ въ годъ; дохода такимъ образомъ за это даютъ 350,000 франковъ; отапливаются они дровами и потребляютъ горючаго матеріала въ годъ на 200,000 франковъ; на сало, веревки, палию, жалованье экипажу и на другія мелочи 130,000 франковъ, и расходъ весь равняется 330,000 франкамъ: за вычетомъ прибыли еще остается 20,000 франковъ; но на озерахъ и на западныхъ водахъ пароходы даютъ прибыли еще болѣе, потому что дрова тамъ гораздо-дешевле.

Въ Дрей-Доккѣ (Dry-Dock) недавно спущенъ пароходъ, который, по быстрой, не имѣетъ себѣ равнаго. Онъ еще длиннѣе «Великобританіи» 6 футами, только гораздо уже и мельче и несетъ отъ-того только 1000 тоннъ груза; ширина его 30 футовъ, глубина 9 футовъ и 9 дюймовъ. Двѣ лейтгальскія горизонтальныя машины 48-го калибра приводятъ его въ движеніе; онѣ имѣютъ силою равны 450 лошадамя.

Машины эти длиною 48 футовъ; но зато онѣ очень-плоски и узки; пароходъ этотъ будетъ ходить между Нью-Йоркомъ и Альбаши; онъ дѣлаетъ 145 миль въ семь часовъ; такимъ образомъ, средняя быстрота его 21 миля въ часъ.

ЭЛЕКТРО-ХИМИЧЕСКІЙ КОНДЕНСАТОРЪ ДЕ-ЛА-РИВА. — Каждое усовершенствованіе въ гальванической столбѣ въ наше время должно интересоваться не однихъ ученыхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, гальванизмъ теперь уже имѣетъ нѣсколько значительныхъ приложений въ практической жизни: посредствомъ гальванизма золотятъ, снимаютъ формы, очищаютъ руды; гальванизмъ можно употребить и какъ довольно-сильный постоянный двигатель; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникъ свѣта, — и вольтовъ столбъ со-временемъ вытѣснитъ, вѣроятно, паровую машину.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, Августъ Де-ла-Ривъ, женевскій профессоръ, представилъ Парижской Академіи на разсмотрѣніе еще новое усовершенствованіе, сдѣланное въ вольтовомъ столбѣ, которое придадо еще болѣе силы и правильности этому прибору въ его химическихъ дѣйствіяхъ.

Погрузите цинковую пластинку и платиновую въ одну жидкость, которая была бы только хорошимъ проводникомъ электричества; снаружи сообщите ихъ металлическою проволокою; у васъ получится гальваническая пара и образуется электрический токъ, который и будетъ производить различныя магнитныя и теплородныя явленія

Но разорвите соединительную проволоку: между концами ея поставьте жидкій проводникъ (какъ это всегда и бываетъ, когда столбъ употребляютъ для электро-химическаго дѣйствія): токъ получится очень-слабый, и при-сутствіе его можно развѣ только открыть съ помощію очень-чувствительнаго гальванометра. Де-ла-Ривъ замечаетъ, что эта перемена происходитъ отъ-того, что на поверхность про-

токъ осѣдаетъ слой газовый (кислородный или водородный), который происходитъ отъ разложенія жидкаго проводника и останавливается токъ; и гочно, если приборъ этотъ поставить на гарелку воздушнаго насоса и вытянуть воздухъ, пузырьки газа отдѣляются съ поверхности проволоки и сила тока удваивается.

Какъ единственное средство свять здѣсь газовый слой и уничтожить такимъ образомъ противное дѣйствіе тока, Де-ла-Ривъ предлагаетъ проводить попеременно на концы проволоки то кислородъ, то водородъ. Кислородъ здѣсь сниметъ слой водородный и образуетъ съ нимъ воду; а водородъ поставитъ воду же съ кислороднымъ слоемъ; и это можно очень-легко сдѣлать посредствомъ электро-магнита, въ которомъ всегда будетъ образоваться новый, особенный токъ, отъ дѣйствія тока пары, который и осадитъ попеременно кислородъ и водородъ на концахъ проволоки.

Де-ла-Ривъ назвалъ свой усиливающей приборъ электро-химическимъ конденсаторомъ; устройство его довольно-просто: — это обыкновенный электро-магнитъ, то-есть, кусокъ мягкаго желѣза, обвитый толстой металлической проволокой, которая сваружа еще покрыта шелкомъ; электро-магнитъ этотъ ставится между проволоками столба; возлѣ тутъ же находится небольшой подвижной мѣдный стержень съ желѣзнымъ прибавкомъ на концѣ; токъ, который образуется въ столбѣ, проходитъ и по проволокѣ электро-магнита; намагничивается здѣсь желѣзо; оно притягиваетъ къ себѣ желѣзный прибавокъ мѣднаго стержня, и стержень становится между концами проволоки столба; сообщеніе между ними прекращается; тогда образуется въ проволокѣ электро-магнита новый, особенный еще токъ, который проходитъ черезъ гальваническій столбъ; потомъ электро-магнитъ теряетъ свой магнетизмъ; желѣзный прибавокъ отдѣляется отъ него; мѣдный стержень прихо-

дитъ опять въ свое нормальное положеніе; проволоки столба сообщаются между собою; возбуждается опять токъ, возбуждается опять магнетизмъ въ электро-магнитѣ и новый токъ въ его проволоки. Эти токи, иначе называемые индукционными, и разлагаютъ воду въ вольтметрѣ и отдѣляютъ постоянно водородъ на кислородномъ полюсѣ, а кислородъ на водородномъ, и такимъ образомъ усиливаютъ и регулируютъ дѣйствіе обыкновеннаго столба.

Газы здѣсь отдѣляются чистые, не мѣшаются между собою, потому-что токи индукционные здѣсь дѣйствуютъ всегда по тому же направленію, какъ и токъ столба. Изъ этого видно, что приборъ этотъ съ большою выгодною можно употребить въ металлургическихъ операціяхъ; только, чтобъ онъ хорошо дѣйствовалъ, проволока должна быть толста и не такъ длинна; лучше же всего здѣсь соединять нѣсколько короткихъ проволокъ.

НОВЫЕ ГАЛЬВАНИЧЕСКІЕ СТОЛБЫ ДЕ-ЛА-РИВА И ГРОВЕ. — Въ каждой парѣ токъ встрѣчаетъ на пути своемъ нѣсколько противодѣйствій, которыя непременно ослабляютъ его: такъ въ парѣ самой сильной изъ цинка и платины, погруженной въ сѣрную кислоту, токъ начинается въ цинкѣ, потомъ переходитъ черезъ жидкость на платину, отлагаетъ здѣсь водородъ цѣлымъ слоемъ, потомъ переходитъ еще черезъ жидкость вольтметра и отдѣляетъ еще водородъ на проволоки; здѣсь встрѣчаются ему, слѣдственно, два противодѣйствія, при переходѣ изъ жидкости на платину и съ платины въ жидкость, сила водорода въ обоихъ случаяхъ останавливаетъ дѣйствіе его: въ одномъ изъ нихъ, какъ мы видѣли уже въ предыдущей статьѣ, помогаетъ электро-химическій конденсаторъ; для другаго опять Де-ла-Ривъ придумалъ еще новое улучшеніе въ гальваническомъ столбѣ: онъ платиновую пластинку погружаетъ въ фарфо-

ровый желобокъ съ сухою перекисью свинца, къ пластинкѣ самой прикрѣпляетъ мѣдный проводникъ; здѣсь перекись свинца соединяется съ водородомъ, восстанавливается, и платиновая пластинка не покрывается никогда водороднымъ слоемъ.

Такой столбъ въ три пары даетъ 72 кубическіе сантиметра газа въ минуту; но когда много соединено такихъ паръ — столбъ дѣйствуетъ непостоянно, потому-что на поверхности фарфоровыхъ желобковъ осѣдаетъ окись цинка, и ее надобно по-временамъ очищать.

Четыре года тому назалъ, Грове замѣтилъ, что гальванометръ значительно измѣняется, если сообщить его съ двумя платиновыми пластинками, которыя погружены въ трубки съ кислородомъ и водородомъ; основываясь на этомъ наблюдении, онъ недавно устроилъ еще новый гальванической газовой столбъ, и теперь рѣшительно воду можно будетъ разлагать съ помощью ея составныхъ частей.

Способъ этотъ состоитъ изъ 50 паръ. Каждая пара представляетъ здѣсь двѣ стеклянныя трубки: одна наполнена кислородомъ, другая водородомъ; въ серединѣ каждой трубки находится платиновой листочекъ, покрытый снаружи губчатой платиной, для того, что она, по своей волосности, привлекаетъ къ себѣ сильнѣе газъ и въ большомъ количествѣ; наводить губчатую платину трудно, и вмѣстѣ этого, можно листочки платинировать еще; поверхность ихъ отъ этого также шероховата и они также хорошо притягиваютъ къ себѣ газъ; для этого стоитъ дватри раза опустить платиновый листочекъ въ растворъ хлористой платины и прокалить до-красна на спиртовой лампѣ. Трубки эти всѣ погружаются въ обыкновенную гальваническую ванну съ слабою сѣрною кислотою; на верхнемъ концѣ онѣ закрыты и здѣсь проходятъ проволоки, которыми соединяются между собою платиновые листочки.

Столбъ этотъ также производитъ тѣ же самыя явленія, и физиологическія химическія, какія мы замѣчаемъ въ обыкновенномъ гальваническомъ столбѣ: отдѣляетъ искры и большія, разлагаетъ различныя сложныя тѣла, соли; дѣйствуетъ точно также и на наш организмъ.

Грове пробовалъ кислородъ и водородъ замѣнить другими газами и получилъ слѣдующіе результаты:

Атмосферный воздухъ, углекислота и азотъ; азотъ и кислородъ не производятъ никакого дѣйствія, водородъ и азотъ даютъ токъ очень-слабый.

ГАЛЬВАНИЧЕСКОЕ СЕРЕБРЕНІЕ.

Августъ Де-ла-Ривъ первый нашелъ способъ посредствомъ гальванизма класть одинъ металлъ на другой но открытіе при самомъ началѣ представляло бездну неудобствъ; въ послѣдствіи уже, благодаря наслѣдованію Элкингтона, Рюо и нашего отечественнаго любителя, зубнаго врача Бриала, гальваническая позолота по своей дешевизнѣ, легкости и прочности вполнѣ мало-по-малу во всеобщее употребленіе и со-временемъ, кажется, вытѣснитъ рѣшительно позолоту черезъ огонь.

Гальваническое серебрение далеко еще не достигло этой степени совершенства; вещи, высеребренныя посредствомъ гальванизма, теряютъ скоро свой блескъ и покрываются желтыми пятнами, которыя ничѣмъ невозможно смыть; пятна эти происходятъ отъ синеродистаго серебра, которое пристаётъ къ поверхности вещи и время серебрениа и разлагается отъ дѣйствія свѣта.

Муррей нашелъ недавно средство уничтожить этотъ недостатокъ и теперь серебрение гальваническое, гораздо, также пойдетъ въ ходъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, Муррей представилъ свое открытіе на разсмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ.

(*) См. Отч. Записки томъ XXVI, Сѣв. стр. 5—9.

Онъ намазываетъ высеребрянную медь тотчасъ послѣ операціи растворомъ буры и раскаливаетъ до-красна; потомъ промываетъ ее въ очень слабомъ растворѣ стрѣнной кислоты и въ дистиллированной водѣ, и просушиваетъ на деревянныхъ опилкахъ въ умеренномъ жарѣ.

Христофль (Christoffle), парижскій серебряникъ, воспользовался уже открытіемъ Муррея и теперь серебрить по его способу.

ДѢЙСТВИЕ МОРСКОЙ ВОДЫ НА ИСКУССТВЕННОЕ ПУЦЦОЛАНО.

Ноэль, главный инженеръ тулонскаго порта, замѣтилъ недавно, что кирпичи, сдѣланные изъ искусственнаго пуццолано, въ морской водѣ крошатся постепенно, начиная съ поверхности. Вика изслѣдовалъ эти кирпичи химически и нашелъ, что въ нихъ вся почти известь замѣщается при разрушеніи магнезіей; это доказываетъ, что известь разлагаетъ соли магнезіи, которыя находятся въ морской водѣ, и раскрошеніе кирпича есть слѣдствіе этого разложенія; въ прѣсной водѣ кирпичи эти нисколько не измѣняются.

СКРЫТЫЙ ТЕПЛОРОДЪ ПРИ ТАЯНІИ ЛЬДА. — Количество этого теплорода опредѣляли Вильке, и Бланкъ, и Лавуазье, и Лапласъ. Бланкъ опредѣлялъ его по способу смѣшенія и нашелъ, что оно равняется 80° , но на это наблюденіе нельзя было слишкомъ полагаться, потому-что въ то время не умѣли еще точно раздѣлять термометры; Вильке нашелъ 72° ; наконецъ Лавуазье и Лапласъ посредствомъ ледянаго калориметра получили 75° Р. Это число было принято всѣми послѣдующими учеными и вошло во всѣ учебники.

Провотэ и Дессанъ въ прошломъ мѣсяцѣ представили Парижской Академіи Наукъ свои наблюденія надъ скрытымъ теплородомъ при таяніи льда; результаты ихъ довольно согласны съ наблюденіями Блавка.

Они опредѣлили свое число, смѣшивая воду со льдомъ, и вотъ какимъ образомъ: воду брали при температурѣ отъ 18° до 30° , взвѣшивали ее сначала на вѣрныхъ вѣсахъ, потомъ болтали ее нѣсколько минутъ и при этомъ наблюдали также температуры, наконецъ опускали въ нее небольшой кусокъ чистаго плотнаго льда совершенно безъ пузырьковъ; въ этотъ самый моментъ опять наблюдали температуру воды; воду опять болтали и слѣдили въ это время также постоянно за пониженіемъ термометра; когда температура болѣе уже не понижалась, воду взвѣшивали, и опытъ оканчивался.

Провотэ и Дессанъ сдѣлали сорокъ такихъ наблюденій; при этомъ они брали различныя количества воды и льда и изъ нихъ посредствомъ вычисленія нашли, что количество скрытаго теплорода при таяніи льда равняется 79° .

СВѢТЪ КОМЕТЫ И СВѢТЪ ЗОДІАКАЛЬНЫЙ. — Матиссевъ хотѣлъ опредѣлить, удѣляетъ ли сколько-нибудь теплоты на нашу землю послѣдняя комета, явившаяся въ февралѣ мѣсяцѣ въ нынѣшнемъ году и о которой мы уже говорили въ прошлой книжкѣ; онъ дѣлалъ наблюденія и съ воздушнымъ термометромъ, который былъ вставленъ въ самый фокусъ вогнутаго металлическаго зеркала, и съ термоэлектрическимъ столбомъ Румкорта, состоящимъ изъ двадцати-пяти паръ, и незамѣтилъ никакого измѣненія въ обоихъ своихъ приборахъ. Комета, слѣдственно, не имѣла никакого вліянія на температуры нашей атмосферы и самой земли.

Свѣтъ зодіакальный немного отклонилъ стрѣлку въ термоэлектрическомъ токѣ и повысилъ воздушный термометръ, и онъ удѣляетъ теплородъ и на поверхность земли, правда, очень-небольшое количество.

НОВЫЯ УЛУЧШЕНІЯ ВЪ СВѢТОПИСИ. — Биссонъ пишетъ въ Париж-

скую Академію Наукъ, что онъ нашелъ средство теперь дѣлать фотографическіе рисунки безъ помощи ртутныхъ паровъ: онъ беретъ цинковую пластинку и натираетъ на нее іолстую ртуть обыкновенною пробкою, смоченною слегка азотною кислотою, и свѣтописную дощечку прямо изъ камер-обскура кладетъ на эту пластинку; ртуть здѣсь въ твердомъ состояніи дѣйствуетъ точно такъ же, какъ и ея пары при температурѣ 12° и 15°.

Улень, гамбургскій ученый, недавно дѣлалъ различные опыты надъ прочностью дагерровыхъ рисунковъ, и вотъ какіе получили результаты: онъ покрывалъ половину рисунка бумагою, чтобъ опредѣлить дѣйствіе на нихъ свѣта, и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль не замѣтилъ въ немъ никакого измѣненія; далѣе, погружалъ рисунки въ горячую воду при температурѣ 60° R., и они тоже не измѣнились; подвергалъ ихъ дѣйствию углекислоты, амоньяка, сѣрнистаго водорода, сѣристо-водороднаго амоньяка, — рисунки и послѣ этого не потеряли нисколько своей свѣжести и вѣжности.

ЭЛЕКТРОПИСЬ. — Положите какую-нибудь мѣдную форму, только плоскую, не круглую, на-примѣръ, форму медали, на кусокъ смолы, толщиною въ одинъ сантиметръ; пустите электрическую искру на медаль, а смолу соедините проводникомъ съ землею, потомъ снимите форму, на смолу насыпьте сѣру, смѣшанную вмѣстѣ съ красною краскою миніумъ (перекись свинца), — у васъ получится красный рисунокъ медали на смолѣ.

Такіе рисунки Малонъ представлялъ въ прошломъ мѣсяцѣ Парижской Академіи Наукъ.

Этотъ фактъ, кажется, теперь можетъ навести господъ ученыхъ на точное объясненіе темнаго свѣта Мозера и процесса те плашис Киорра.

СВОЙСТВО ЛУЧЕЙ ОДИНАКОВО-ПРЕЛОМЛЯЮЩИХСЯ. — Меллонъ, вѣрный своими наблюденіями надъ лучистымъ телородомъ, полагаетъ, что одинаково-преломляющіеся лучи дѣйствуютъ совершенно одинаково и на глазъ нашъ и на термометръ и на тѣла быстро-измѣняющіяся химически отъ свѣта. Матиссенъ, чтобъ повѣрить теорію Меллона, сдѣлалъ недавно слѣдующій опытъ: онъ пропустилъ свѣтъ въ темную комнату черезъ равностороннюю призму на термоэлектрической приборъ Нобили, покрытый пластинкою чернаго стекла, черезъ которую ничего рѣшительно не видно; здѣсь прежде всего дѣйствуетъ темная часть, окружающая цѣльное изображеніе, гдѣ заключается наиболѣе теплоты, и стрѣлка сильно отклоняется, потомъ отклоненіе ея постепенно уменьшается и она опять приходитъ въ прежнее свое положеніе, когда дѣйствуютъ уже цвѣтные лучи, которые теплота въ этомъ случаѣ, слѣдственно, одинакова непремѣнно. — И предположеніе Меллона нашло новое подтвержденіе.

ВЛИЯНІЕ ЦВѢТНЫХЪ СТЕКОЛЪ НА ЖИЗНЬ РАСТЕНІЙ. — Вопросъ этотъ изслѣдовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сенебье. Теперь Зантелешъ повторилъ эти изслѣдованія, и вотъ результаты опытовъ его, которые отчасти противорѣчатъ наблюденіямъ Сенебье. Онъ представилъ ихъ въ прошломъ мѣсяцѣ Парижской Академіи Наукъ.

- 1) Вообще растенія слабѣютъ и чинутъ отъ дѣйствія цвѣтныхъ лучей.
- 2) Сенебье полагаетъ, что сіеделовые лучи наиболѣе вредятъ произростанію сѣменъ, а красные наименѣе; Зантелешъ нашелъ, что здѣсь общаго заключенія вывести нельзя: для *Silene Iberis amara* самый вредный — красный цвѣтъ; для *Echinocactus ottomis* — сіеделовый; для *Oxalis multiflora* — самый красный; наименѣе дѣйствительны для перваго лучи желтые и сіеделовыя.

для втораго красные и желтые, а для третьяго опять жолтые и фиолетовые. Тюльпановыя луковицы лучше всего выходятъ подъ оранжевыми, голубыми и зелеными стеклами; такіе же лучи дѣйствуютъ точно такъ же на эти растенія и въ послѣдующую эпоху, именно oxalis худо растетъ подъ краснымъ стекломъ, лучше подъ фиолетовымъ и жолтымъ; и если накрыть его колпачкомъ изъ разныхъ стеколъ, то онъ обращается всегда къ оранжевому или жолтому стеклу; голубой цвѣтъ тоже благотѣльно на него дѣйствуетъ; а Echinocactus, напротивъ, плохо подымается подъ стекломъ фиолетовымъ и лучше подъ жолтымъ и краснымъ.

3) Фиолетовые лучи способствуютъ особенно окрашиванію листьевъ въ зеленый цвѣтъ и въ этомъ отношеніи они дѣйствуютъ сильнѣе даже блага свѣта.

ДИДИМИЙ. — Въ минералѣ церитѣ, въ которомъ Мозандеръ нашелъ, нѣсколько лѣтъ тому, металлъ лантана, открытъ теперь еще новый металлъ дидимій, близнецовый братъ лантану, и ихъ очень трудно отдѣлить другъ отъ друга. Окись этого металла придаетъ бурый цвѣтъ цериту; онъ же вѣроятно окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ соли втрія, потому-что чистая окись дидимія краснорозовая. Если прокалить хорошо эту окись, она бѣлѣетъ, хотя вѣсь ея при этой операціи нисколько не уменьшается. Болѣе ничего еще не извѣстно объ этомъ новомъ тѣлѣ, и, не смотря на то, что Мозандеръ работаетъ съ нимъ уже два года, онъ не успѣлъ еще отдѣлить его отъ лантана и получить въ чистомъ видѣ.

СНѢГОВАЯ ЛИНІЯ. — Сколько путешественниковъ веходило на высокія горы, покрытыя вѣчными снѣгами, и никто еще не опредѣлилъ точныхъ, вѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно всегда назначить постоянную границу этихъ снѣговъ. Агасси, авторъ теоріи ледяныхъ временъ, обратилъ, какъ ка-

жется, первый вниманіе на этотъ предметъ, и вотъ наблюденія его, сообщенныя имъ въ Парижскую Академію Наукъ.

Каждый глетчеръ или ледникъ состоитъ изъ трехъ частей: первую и самую верхнюю составляетъ голубой, плотный ледъ; онъ постепенно переходитъ на высотѣ 8.000 и нѣсколькихъ сотъ еще футовъ въ зернистый снѣгъ, который во французской Швейцаріи называютъ *neve* (nevé); невѣ самъ переходитъ опять постепенно ниже въ обыкновенный порошистый снѣгъ, которымъ покрыты самыя высокія склоны Альповъ и на огромные пространства.

Первый поясъ состоитъ изъ большихъ ледяныхъ массъ голубоватаго цвѣта; ихъ пересѣкаютъ вертикальныя полосы тоже голубаго льда, который образованъ изъ воды, а не изъ снѣга, пропитавшаго водою. Въ этой полосѣ множество разсѣлинь, и поверхность ея очень неровная; въ верхней части ледяныя массы эти слоистаго сложенія, но внизу слои совершенно сгладились.

Второй поясъ невѣ отличается особенно поперечными полосами болѣе или менѣе изогнутыми; эти полосы — слѣды слоевъ, изъ которыхъ составлена вся масса: ледъ здѣсь бѣлый, порозный и заключаетъ въ себѣ множество воздушныхъ пузырьковъ; голубыхъ полосъ совсѣмъ нѣтъ въ этомъ поясѣ; поверхность его ровная; лѣтомъ здѣсь особенно много собирается воды и мѣстами изъ нея образуются довольно-большія озера; разсѣлины встрѣчаются гораздо-рѣже, нежели въ предъидущемъ поясѣ и по-большей-части онѣ покрыты снѣговою корою, которая сходитъ очень-поздно, въ концѣ уже лѣта или въ началѣ зимы.

Последній снѣговой поясъ состоитъ весь изъ порошистаго снѣга; поверхность его волнистая и мѣстами покрыта тонкой ледяной корою, которая образовалась отъ испареній; онъ ослѣпительной бѣлизны, и блескъ его увеличивается отъ безчисленнаго множества

граней кристаллических снѣжинок. Разсѣливъ въ этомъ поясѣ очень-мало, но за то онѣ очень-глубоки, и здѣсь можно видѣть въ разрѣзѣ также слоистое расположение снѣга; каждый слой составляетъ масса снѣга, выпавшаго въ одинъ годъ; поверхность этихъ снѣговыхъ полей такимъ образомъ есть выстъ съ тѣмъ и наружная сторона годичнаго слоя и нижняя его оканна, которая очерчивается явственно въ лѣтнее самое жаркое время года отъ таянія и будетъ непремѣнно снѣговая линія, т. е. постоянная граница вѣчныхъ снѣговъ въ данной какой-либо точкѣ.

Кромѣ того, извѣстно, что каждый слой нижній прошлаго года, лежащій подъ новымъ слоемъ, подвигается внизъ въ продолженіе года на 220 футовъ; основываясь на этомъ наблюденіи, можно снѣговую линію назначить очень-точно, когда еще оканна послѣдняго слоя не успѣла хорошо обтаять; для этого стѣбитъ только отсѣрнуть вверхъ 220 футовъ, начиная отъ оканна прошлагодняго слоя. Здѣсь кончится таяніе наружнаго слоя за все лѣто, а оканна прошлагодняго слоевъ всегда можно узнать по грязному ихъ тону, который происходитъ отъ землѣстыхъ веществъ, остающихся здѣсь.

Итакъ, граница вѣчныхъ снѣговъ обозначается точно на всѣхъ горахъ оканнами наружнаго годичнаго снѣговаго слоя. Все, что выше этой линіи, принадлежитъ уже къ третьему поясу снѣговыхъ полей; ниже пояса neve, и до самыхъ голубыхъ полосъ здѣсь уже начинается ледъ. Въ лантераарскомъ ледникѣ снѣговая линія находится на высотѣ 8,200 футовъ.

ДРЕВНОСТЬ САМАГО БОЛЬШАГО ЛЕДНИКА ВЪ ШВЕЙЦАРСКИХЪ АЛЬПАХЪ. — Каждый годъ въ ледникѣ появляется на снѣжной поверхности новый слой, а нижній, прошлагодняго, опускается между-тѣмъ внизъ, и число этихъ снѣговыхъ слоевъ, которые, замѣчу здѣсь, можно все сосчитать, со-

отвѣтствуетъ совершенно числу лѣтъ, въ-продолженіе которыхъ цѣлый ледникъ подвигается къ нижнимъ частямъ горы. Такимъ образомъ, въ лантераарскомъ ледникѣ, Агасси насчитываетъ 75 слоевъ, начиная отъ снѣговой линіи внизъ, на пространствѣ 1.200 футовъ. Теперь, если допустить, что ежегодно эта часть ледника подвигалась вверхъ на 250 фут., то слой снѣговой вышшаго года въ 48 лѣтъ будетъ невшательскаго госпиталя, а въ 105 лѣтъ весь ледникъ непремѣнно столкнетъ этотъ госпиталъ въ Ааръ. Изъ этого непремѣнно можно заключить, что въ 200 лѣтъ масса льда и снѣга, которая составляетъ теперь аарскій ледникъ, одинъ изъ самыхъ огромныхъ въ цѣлой Швейцаріи, унесется отсюда, и ее замѣнятъ новые снѣга, которые перейдутъ сюда изъ верхней части долины Гасла. Амтскій ледникъ, самый огромный, возобновится совершенно въ три, много въ четыре вѣка, и вотъ, что мы имеемъ вѣчными снѣгами. Ледникъ въ 25 миль можетъ образоваться этимъ путемъ въ 1700 лѣтъ.

РАЗЛИЧІЕ УРОВНЯ КАСПІЙСКАГО И АЗОВСКАГО МОРЕЙ. — Вопросъ объ уровнѣ этихъ двухъ морей очень-важенъ для физической географіи и геологій Южной Россіи. Много ученыхъ трудился надъ рѣшеніемъ его. Въ 1812 году, Парротъ и Энгельгардъ дѣлали барометрическія наблюденія при устьяхъ Кубани и Терена, и нашли три числа для равности уровней и неслабыхъ близкія, именно 54, 47 и 55 тоазовъ.

Въ 1839 году, Фуссъ, Сабиръ и Савичъ были отправлены Императорскою Санктпетербургскою Академіею Наукъ за рѣшеніемъ того же вопроса. По первымъ наблюденіямъ, они объявили, что разность уровней разнится 33.70 метра; потомъ они нашли, что она равна 25 метрамъ, и эту новую цифру признали, какъ послѣдній результатъ, за настоящую разность.

Вотъ единственные два наблюденія, которыя до-сихъ-поръ мы имѣемъ. Но

дного слѣдуетъ, что Каспійское-Море ниже Азовскаго 100 метрами, а изъ другаго — только 25 метрами.

Въ 1838 году, Гаммерденнъ занялся также рѣшеніемъ этой задачи посредствомъ нивелированія, и теперь представилъ свои наблюденія Парижской Академіи Наукъ. Не въ первый разъ иностранцамъ учить насъ, какъ изслѣдовать намъ свою родину!

Два года работалъ онъ и наконецъ вывелъ, что разность уровней равняется 10,304 метрамъ.

Изъ этого результата, однако, никакъ нельзя заключить, чтобъ самый бассейнъ каспійскій былъ ниже Чернаго-Моря, какъ это вообще полагаютъ; эта разность уровней есть слѣдствіе пониженія воды въ Каспійскомъ-Морѣ. Рѣки, впадающія въ него: Волга, Уралъ, Эмба, въ послѣднее время значительно обмелѣли и, очень-понятно, почему: заводы уральскіе ужаснымъ образомъ уничтожаютъ лѣса, а это, доказано, имѣетъ большое вліяніе на количество воды въ рѣкахъ; далѣе, берега Волги теперь засѣваются хлѣбомъ и новыя поля, поглощая сами дождевую воду, не вливаютъ ея въ рѣку. Въ началѣ XVIII столѣтія, по Волгѣ ходили барки почти вдвое больше теперешнихъ, на нихъ нагружали три милліона килограммовъ, а нынѣшнія барки несутъ только 1,800,000 килограммовъ. При Петрѣ-Великомъ, въ Казани, строили военные корабли для Каспійскаго-Моря; теперь строить ихъ только еще въ Астрахани.

Каспійское-Море, прежде непремѣнно было выше Чернаго и соединялось съ нимъ. Характеръ почвы доказываетъ это на каждомъ шагѣ, какъ замѣтили еще прежде Палласъ, Гмелинъ и другіе.

ВОСКОВОЕ МЫЛО. — Въ прошломъ номерѣ нашего журнала, мы вложили далѣе новыя теоріи, посредствомъ которыхъ Либихъ и Дюма изъяснили происхожденіе жира въ животныхъ. Вотъ еще новое наблюденіе Леві, которое

подтверждаетъ теорію Дюма; оно доказываетъ, что воскъ рѣшительно долженъ быть отнесенъ къ категоріи жирныхъ веществъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ растворомъ кали, воскъ даетъ мыло совершенно растворившееся. Далѣе, онъ состоитъ изъ двухъ веществъ: церива и мирицина; первое растворяется въ горячемъ спиртѣ, второе не растворяется даже въ эфирѣ; оба они совершенно готовы уже въ воскѣ; церивъ дѣйствуетъ какъ кислота, если смѣшать его съ известью и нагрѣвать: онъ отдѣляетъ водородъ и превращается самъ въ кислоту, которая соединяется съ известью. Соединеніе это легко можно разложить, и тогда кислота получается чистая; она совершенно-бѣлаго цвѣта, кристаллизуется, очень похожа по наружному виду на стеариновую кислоту; плавится также при 70°, и составъ ихъ тоже одинаковъ; отъ дѣйствія окисляющихъ веществъ, она превращается также въ маргариновую кислоту. И такъ, воскъ есть то же самое сало, жиръ, — только въ меньшей степени окисленія.

Что отвѣтить на это Либихъ?..

ЗАКОНЫ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. — Вопросъ о распространеніи человѣческаго рода на земномъ шарѣ всегда будетъ интересовать и натуралиста и философа. Кётле представилъ недавно Брюссельской Академіи Наукъ еще новыя наблюденія надъ народонаселеніемъ.

По всѣмъ ревизіямъ видно, что въ цѣлой Европѣ мужчинъ меньше, чѣмъ женщинъ; а родится мальчиковъ больше, именно: на 1000 дѣвочекъ 1066 мальчиковъ. Войны и эмиграціи непремѣнно имѣютъ вліяніе на мужское народонаселеніе, но это частныя, случайныя дѣятели; а законъ этотъ остается постояннымъ всегда и въ мирное время. Здѣсь надобно искать естественныхъ причинъ, посредствомъ которыхъ можно было бы объяснить этотъ замѣчательный фактъ. Кётле полагаютъ, что эта разность происходитъ

отъ-того, что смертность въ обоихъ полахъ различная, именно: дѣтей мужскаго пола умираетъ больше, и въ-особенности скорѣ послѣ рожденія, именно: въ первые два мѣсяца на 4 мальчика умираетъ только 3 дѣвочки; дѣтей трехъ, четырехъ и пяти-мѣсячныхъ умираетъ опять болѣе мужскаго пола: на 5 мальчиковъ 4 дѣвочки; для десяти-мѣсячнаго возраста разность эта уже уничтожается.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ ВЪ ВЕЛИКОМЪ-КНЯЖЕСТВѢ ФИНЛЯДСКОМЪ, ВЪ 1840 ГОДУ.—Г. Келпезъ недавно представилъ Императорской Санктпетербургской Академіи таблицы народонаселенія Финляндіи за 1840 годъ, которыя составилъ по самымъ точнымъ извѣстіямъ; изъ нихъ видно, что въ этомъ краѣ постоянно прибываетъ народъ, и притомъ въ каждой его губерніи.

Въ 1838 году, было тамъ жителей обоюго пола лютеранскаго исповѣданія всего 1,361,107, именно:

Въ Губерніи Нюландской . . .	148,419,
— — Або-Бьернѣборгской	251,752,
— — Тавастгусской . . .	131,474,
— — Выборгской . . .	211,942,
— — Санкт-Михельской	130,732.
— — Куопіоской	153,967.
— — Вааской	205,245,
— — Улеаборгской . . .	127,567.

Въ 1838 году, въ Финляндіи насчитывалось только 36,038 жителей обоюго пола греко-россійскаго исповѣданія, именно:

Въ Губерніи Нюландской	258,
— — Выборгской	30,513,
— — Санкт-Михельской	156,
— — Куопіоской	5,111.

Въ концѣ 1841 года, всего жителей было 1,392,616:

Въ Губерніи Нюландской . . .	150,513.
— — Або-Бьернѣборгской	256,917,
— — Тавастгусской . . .	133,974,

— —	Выборгской . . .	215,340,
— —	Санкт-Михельской	134,388,
— —	Куопіоской	159,659,
— —	Вааской	210,825,
— —	Улеаборгской . . .	130,800.

Такимъ образомъ, всего народло за два года 31,509 чел., ежегодно на 100-1,6.

Греко-россійскаго исповѣданія жителей родилось, въ 1840 году, обоюго пола 1481 душа, умерло 921, живыхъ осталось 560, и за два года, слѣдственно, народло 1,020, т. е. на 100—1,35.

Круглымъ числомъ, въ концѣ 1840 года, жителей было всего въ Финляндіи 1,430,000 душъ обоюго пола; годичный наростъ за два года, за 1839 и 1840, есть 1,168 на 100; а отношеніе между числомъ лютеранъ и исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру равняется 100:2,668.

ЕГИПЕТСКІЕ МАЛЫЕ ПАМЯТНИКИ.

— Недавно получены въ Европѣ извѣстія объ ученой экспедиціи, которая отправлена въ Египетъ подъ начальствомъ Лепсіа для изслѣдованія тамошнихъ древностей.

Каждую большую пирамиду окружаетъ множество маленькихъ памятниковъ; до-сихъ-поръ, никто еще не описалъ ихъ, потому-что внутренность ихъ засыпана была вся пескомъ. Теперь они расчищены, и можно очень-удобно наблюдать ихъ внутреннее устройство.

Основаніе всѣхъ этихъ памятниковъ представляетъ фигуру косаго параллелограмма; стѣны ихъ значительно наклонены внутрь; они выстроены изъ того самаго известняка, изъ котораго состоитъ самая почва; снаружи не покрыты ни какими архитектурными и скульптурными украшеніями; только на вѣршицахъ дверей іероглифы. На западной части памятника, на вершинѣ, находятся небольшія круглыя отверстія; отверстія эти пересѣкаютъ все зданіе до самой скалы, на которой стоитъ памятникъ, и въ которой

чны небольшія конурки; сюда Египтяне клали мертвыхъ. Комнаты эти внутри не представляютъ также никакихъ украшеній, никакихъ надписей. Восточную часть памятника занимаютъ одна или двѣ узкія комнаты, рѣдко больше; потолокъ въ каждой комнатѣ изъ одной каменной плиты; онъ лежитъ на боковыхъ стѣнахъ; вотамъ, гдѣ проходятъ пилястры, плиту поддерживаютъ также и архитравы пилястра. (веръ всегда находится на восточной горонѣ; комнаты эти освѣщены нѣсколькими окошками, пробитыми въ стѣнахъ; стѣны покрыты надписями и ревосходными рисунками, которые, вѣроятно, изображаютъ покойнаго, его жену, родственниковъ и различныя обстоятельства изъ его жизни.

Депсій открылъ также множество гробницъ, которыя, вѣроятно, принадлежатъ къ эпохѣ позднѣйшей, царствованія династіи Псамметиха. Нѣкоторыя изъ этихъ гробницъ лежатъ въ скалахъ, на юго-западѣ отъ третьей пирамиды. и эти особенно-интересны. Онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, высѣченныхъ въ скалѣ: самая послѣдняя комната открывается кнаружи четверугольнымъ отверстіемъ; во всѣхъ комнатахъ потолокъ составляетъ самая поверхность массы; только въ одной первой комнатѣ находится еще особенный полу-цилиндрической сводъ съ каменными арками; онъ выседенъ съ большимъ тщаніемъ.

Въ гробницахъ этихъ нѣтъ ни рисунковъ, ни надписей.

ПУНИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ.—Недавно сдѣлано очень-интересное открытіе недалеко отъ Кафа, что отстоитъ на два дня пути отъ Тувиса.

Ганнегеръ, архитекторъ нѣмецкій, который живегъ уже три года въ Тунисѣ, въ прошломъ году посѣтилъ пустырь Макрао или Маграо, теперешній Сидя-Мухаммед-Бей-Мокоръ. Много говорилъ ему объ этомъ мѣстѣ одинъ бедуинъ и приносилъ даже оттуда ему погребальныя лампы.

Ганнегеръ разрылъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землю и нашелъ здѣсь превосходныя колонны, капители и весь антаблементъ.

Кромѣ того, вмѣстѣ съ негоціантомъ Мотлеромъ онъ послѣ открылъ множество барельефовъ совершенно-сохранившихся, нѣкоторые съ пуническими надписями, небольшую статую дитяти, нѣсколько-попорченную; 150 погребальныхъ лампъ, 40 пуническихъ монетъ и два кольца, одно золотое.

При работахъ, они напали на сводъ; они сдѣлали въ немъ отверстіе и спустились внизъ, въ обширный четверугольный погребъ: это была гробница; въ стѣнахъ погребца сдѣланы ниши, а въ нихъ висятъ погребальныя лампы; подъ каждой лампой—пуническая монета. Посрединѣ стоитъ свинцовый гробъ; скелетъ въ немъ лежитъ бокомъ, голова обращена къ стѣнѣ, въ которой сдѣлана одна большая ниша; въ ней стоитъ ваза стеклянная съ прахомъ, покрытая свинцомъ; кругомъ вазы погребальныя лампы, между которыми воткнуты два жертвенные пожа; изъ этого можно заключить, что здѣсь погребень жертвоприноситель. Стѣны гробницы, вѣроятно, были расписаны; но отъ времени краска совершенно слизала.

ДРЕВНИЕ ЛЮДИ.—Въ Англіи, въ Графствѣ Бэркскомъ, въ мѣстечкѣ Кросс-Барроу (Cross-Barrow), открыты три тумулы; первый тумулъ въ мѣловой почвѣ, глубиною въ три фута; онъ наполненъ красною глиною, которая занесена сюда откуда-нибудь издалека; въ немъ найденъ человѣческой скелетъ и кости птицъ и кроликовъ; скелетъ обращенъ лицомъ къ землѣ. Во второмъ тумулѣ, найдено шесть скелетовъ; головы ихъ обращены на юго-западъ, а ноги у четырехъ скрещены; на чѣрепахъ затылочная кость выдалась, зубы совершенно сохранились, гладкіе, точно выполированные; эта послѣдняя особенность за-

мѣчается у всѣхъ скелетовъ, найденныхъ въ тумулахъ. Геветъ (Hewet) полагаетъ это отъ-того, что въ тѣхъ отдаленныхъ отъ насъ эпохи люди исключительно питались растеніями. Въ третьемъ тумулѣ — одинъ скелетъ, ноги также скрещены; возлѣ черепа лежитъ желѣзный дротикъ.

Геветъ, который сдѣлалъ это открытіе и сообщилъ о немъ Лондонскому Обществу Антикваріевъ, полагаетъ, что это скелеты Римлянъ и Бриттовъ.

ПОМПЕЙСКІЯ ВЫВѢСКИ. — Недавно въ Помпѣѣ, въ Улицѣ Фортуны, открыты четыре фрески, которые украсили снаружи четыре сосѣдніе дома. Между ними одинъ особенно-замѣчательнъ по правильности рисунка и по свѣжести красокъ. Онъ будетъ поставленъ въ Бурбонскомъ Музеѣ, въ Неаполѣ. Ширину онъ два фута съ половиною, вышиною полтора фута. Вотъ сюжетъ этой картины: Бахусъ и Фаунъ жмутъ виноградъ, который подаетъ имъ молодой невольникъ; мальчикъ переливаетъ сокъ въ амфору, зарытую въ землю. Вѣроятно, эта картина была не болѣе, какъ вывѣска трактирщика, или винопродавца.

ВОСПОМИНАНІЕ О В. Г. ТЕПЛЯКОВѢ (*).

Милостивый государь!

Вамъ угодно было отнестись ко мнѣ для полученія біографическихъ свѣдѣній о покойномъ братѣ моемъ, Викторѣ Григорьевичѣ Тепляковѣ. Еще подлѣ

(*). Въ концѣ прошлаго года умеръ извѣстный нашъ литераторъ В. Г. Тепляковъ. Мы давно хотѣли, при извѣстіи о кончинѣ его, представить читателямъ нѣкоторыя біографическія о немъ свѣдѣнія, и въ этомъ намѣреніи обратились къ брату покойнаго, А. Г. Теплякову, прося сообщитъ намъ

бременемъ поразившаго меня несчастья, столь быстро, столь неожиданаго, могу ли я передать вамъ всѣ подробности этой странной, кочующей, поэтической жизни, прерванной в самомъ ея развитіи? Нѣтъ, на этотъ разъ ограничусь однимъ общими чертами; картина такъ многословна, что я не могу писать ее въ теперешнемъ расположеніи души моей.

Братъ мой родился въ Тверской-Губерніи, въ 1804 году, окончивъ жизнь въ Парижѣ, 2-го октября 1842 года, отъ апоплексическаго удара, и похороненъ на Монмартрскомъ Кладбищѣ. Полицейскому году онъ отданъ былъ въ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, по шестнадцатому, слѣдующаго года, какъ онъ часто выражался, поступилъ юнкеромъ въ павлоградскій гусарскій полкъ; по 21-му оставилъ военную службу въ чинѣ поручика. Періоды жизни дѣтской и юношеской окончились; съ 1825 года начинается для него жизнь умственная, съ словесными вѣчными спутниками: неудовлетворимою жаждою знанія, безпрерывнымъ разочарованіемъ, тщетною борьбою помирить жизнь внутреннюю съ жизнью внѣшнейю.

О, други! крылья соколыны
Душа расправила бѣ моя,
Когда бы равны кручины
Изъ урны бѣшеной судьбины
Не проливались на меня!..

Такъ говорилъ онъ — и, увы! несчастія разнородныя, необходимый результатъ отступленія отъ общей, пробной дороги, дѣйствительно поразили, в самомъ началѣ поприща, эту великую душу, наполнили ея жизнь, прежде столь богатую ка-

какія-нибудь данныя для подобной біографіи; но, вмѣсто нѣсколькихъ данныхъ, получили отъ него полную и, какъ мнѣ казалось, весьма-любопытную статью, которую и предлагаемъ здѣсь безъ всякаго измѣненія. *Ред.*

идами высокоумными, мечтами, можетъ-быть, несбыточными... Въ-слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, въ 1826 году братъ мой изъ Петербурга переѣхалъ въ Херсонъ. Въ 1827 году, послѣ многихъ самыхъ печально-романическихъ приключеній, онъ оставилъ Херсонъ и переселился въ Таганрогъ; въ 1828 г. посѣтилъ Кавказъ, гдѣ съ такимъ восторгомъ привѣтствовалъ живныя вершины пасмурнаго Бешту и святаго Эльбруса:

Степей обширную темницей утомлен-
ный,

Какъ радостно, отчизна горь,
Мой на тебѣ открылся взоръ!
Восторженный, обвороженный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на злетномъ ихъ питомцѣ прони-
калъ!..

Съ Кавказа прямо переѣхалъ онъ въ Одессу, гдѣ былъ зачисленъ въ штатъ новороссійскаго генерал-губернатора. Въ 1829 году, во время турецкой кампаніи, на него было возложено правительствомъ собраніе для Одесскаго Музея остатковъ древностей въ занятыхъ нашими войсками Болгаріи и Румелии. Отчетъ, представленный имъ по возвращеніи изъ этой экспедиціи новороссійскому генерал-губернатору, былъ напечатанъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», переведенъ многими европейскими журналами, и обратилъ на себя особенное вниманіе ученаго Клапрота. Въ 1832 году, изданъ былъ мною первый томъ его «Стихотвореній», заслужившій громкія похвалы всѣхъ безъ исключенія журналовъ тогдашняго времени. Можно замѣтить мимоходомъ, что всѣ произведенія брата — не сочиненія, вымученныя трудомъ и усиленіемъ, но каждый стихъ — голосъ души высоко-поэтической: почему лучшею біографіею его жизни могутъ служить собственныя его сочиненія. Въ 1833 году изданы были мною же его «Болгарскія Письма», гдѣ, посреди впечатлѣній отъ новыхъ предметовъ, новой природы, посреди антикварскихъ разысканій,

онъ слегка касается колоссальныхъ событій кампаніи 1829 года, столь славной для нашего оружія. Въ 1834 году, какъ частный путешественникъ, посѣтилъ онъ Турцію и Грецію, а въ 1836, причисленный, по Высочайшему повелѣнію, къ константинопольской нашей миссіи, онъ слишкомъ три года провелъ на Востоцѣ, столь пламенно имъ любимомъ, съ которыми такъ громко гармонировала поэтическая душа его. Въ 1836 году, издавъ второй томъ его стихотвореній, названный имъ «Фракіійскія Элегіи», о которыхъ столь много лестнаго сказалъ нашъ бессмертный Пушкинъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ «Современникъ». Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, братъ еще разъ посѣтилъ Грецію; потомъ, объѣхавъ Египетъ, Сирію, Палестину, онъ возвратился въ Константинополь, обогативъ воспоминанія свои привѣтствіями короля и королевы Греціи, лестнымъ вниманіемъ Мехмеда-Али и мистическими бесѣдами съ знаменитою леди Стенгопъ. Занятія его, во время путешествія по Востоку, представлены были Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, почему я и не имѣю возможности касаться этого предмета; выпишу лишь нѣсколько строкъ изъ писемъ его ко мнѣ, чтобъ познакомить васъ, сколько можно, съ моимъ странникомъ.

Смирна. 1838 г.

....Обращу мимоходомъ ваше вниманіе на путь свой съ береговъ Воспора до горъ, омываемыхъ волнами классическаго Эгейскаго-Моря. 19-го числа прошлаго мѣсяца, французская бомбарда «Адель» привала меня на свою палубу, и около полудня неизобразимая Византія утонула уже передо мною со всей роскошью своихъ домовъ, садовъ, куполовъ, минаретовъ, въ голубыхъ волнахъ-Проповтиды. Привидѣны Острова, Ponte Picole, Ponte Grandо мелькнули послѣдніе въ этотъ день предо мною.—20. Вправѣ, съ европейской стороны — Родосто; влѣвъ, съ азіатской—

Островъ Мармора, древній Прокопес-сусъ, потѣмъ древній полуостровъ Си-вика, и наконецъ, около вечера, Гали-поли, небольшой живописный горо-докъ, славный въ лѣтописяхъ Визан-тійской Имперіи, у самого входа въ Дарданеллы. — 21. Я всталъ съ постели за нѣсколько часовъ до разсвѣта, въ намѣреніи взглянуть на древніе, кар-тинные берега широкаго Эллиспонта: блескъ ночныхъ свѣтилъ между сна-стей корабля; разсвѣтъ; восходъ соля-ца надъ авіатскимъ берегомъ. Здѣсь обѣ части свѣта отстоятъ не далѣе нѣ-сколькихъ сотъ саженъ другъ-отъ-дру-га. Мы проплыли въ виду бойницъ На-гары, цѣлаго ряда другихъ укрѣпле-ній, и пересѣвъ на корабельный ка-теръ, вышли на берегъ въ Абидосъ, гдѣ капитанъ долженъ былъ предъ-явить свои бумаги. Абидосъ и насупротивъ онаго Сестосъ; Александръ и Ксерксъ; Аенняне и Спартанцы; Геро и Леандръ; Зюлейка и Байронъ—какія воспоминанія! Рѣзкій сѣверный вѣ-теръ, покрывшій бѣлоснѣжною пѣною синеву широкаго Эллиспонта, и опасе-ніе капитана развиться о каменистыя приморскія горы—принудили насъ воз-вратиться немедленно на корабль. Мы проплыли подъ самыми пушками Аби-доса. Оставивъ позади себя длинный рядъ другихъ укрѣпленій, я привѣт-ствовалъ душою и взорами высоту Си-гейскаго Мыса (загляните въ «Иліаду»); у подошвы онаго глаза ваши остано-вливаются на двухъ могильныхъ кур-ганахъ: это, по словамъ Ле-Шевалье, Шуавёля и проч., могилы Патрокла и Ахиллеса! Омировскій Симоисъ рав-нымъ образомъ вытекаетъ близъ сего мѣста. Далѣе, на самомъ берегу моря еще нѣсколько могильныхъ насыпей. Отсюда собственно начинается Равни-на Троянская, нынѣ голая и населен-ная только призраками полубоговъ, спасенныхъ отъ забвенія лирою нища-го слѣдца хіосскаго. Вдали снѣжится Ида, обставленная лабиринтомъ тем-ныхъ, зубчатыхъ скалъ: какія карти-

ны! какія воспоминанія!.. Около двухъ часовъ по-полудни мы вошли въ Архи-пелагъ, и поравнявшись съ Тенедо-сомъ, приняли посѣщеніе русскаго ка-тера. — 22. Вправѣ кренистый Хіосъ, «блаженная» (нынѣ злополучная) от-чизна Омира, какъ говоритъ Фене-лонъ; огромный Митплень влѣвъ; Кара Бурну прямо передъ носомъ корабля: это входитъ въ Заливъ Смирнскій. Без-вѣтріе. — 23. Около десяти часовъ утра — Острова Вурлы; безвѣтріе; бросили якорь передъ смирнскою цитаделью. 24-го то же безвѣтріе; пересѣли на ко-рабельный катеръ и черезъ три часа вышли на берегъ въ Смирнѣ: это Па-рижъ Востока. Здѣсь, подобно Шато-бриану, долженъ я былъ преобразить-ся изъ небрежнаго скитальца въ чо-порнаго, притязательнаго Европейца; извлечь изъ чемодана свою парадную амуницію, дѣлать и принимать посѣ-щенія. Одно изъ нихъ достойно въ особенности вашего вниманія: это ви-зитъ антикварію Фовелю. Эпитетъ Іонія: «изнѣженная» справедливъ въ полной мѣрѣ. Воздухъ здѣшняго неба есть дыханіе лѣни; проклятая красота Смирніотокъ — отравя любви неизбѣж-ной... Надобно видѣть этихъ аристокъ на ихъ вечернихъ прогулкахъ надъ моремъ; изящные наряды и восточ-ныя прелести... впрочемъ, Богъ съ нами! И ко всему этому прибавьте кара-ваны верблюдовъ, ступающихъ одинъ за другимъ; звуки ихъ колокольчиковъ, корнака въ чалмѣ, обвитой зеленою шалью; лимонныя и апельсинавыя де-ревья, наполющія путь его своимъ благоуханіемъ; кипарисовыя лѣса, за-сѣянные надгробными мраморами; ру-чей, извивающійся между ними, и са-фирныя волны эгейскія, и фантастиче-скіе утесы горъ, теперь голыхъ, во-прекрасныхъ формами и гармоніей съ окружающею ихъ природою. Кстати, не забудьте современемъ напомнить о Табаханѣ, о Мелесѣ «никому неизвѣ-стнымъ» и о кинutomъ на струм его *караванномъ мостѣ*.

Иерусалимъ. 20 июня 1838 г.

Третьяго-два, вечеромъ, прибылъ наконецъ во градъ Христовъ, послѣ двадцати-двухъ дневнаго путешествія по Сири, посреди чумы и войны, посреди выраженныхъ лшпей, которыя превращаютъ дни въ годы.

... такъ, ровно 30 дней странствовалъ я Сирию одинъ-одинѣхоненъ. Крайнее изъ матеріаловъ пренатствуетъ мнѣ одитъ на этотъ разъ въ какія бы то было подробности. Назову только ста, которыя видѣлъ, и замѣчательна лица, съ которыми познакомился. Юбще, путешествіе совершенно точь-точь по плану, сообщенному вамъ Байрута; а именно: оставя этотъ родъ, я посѣтилъ Амтуру, потомъ устился опять къ пригорью и доингъ берегомъ Триполи. Оттуда углулся я по теченію Аднше въ сердце эоана, почевалъ въ оливковомъ лѣсу армы у тамошнихъ маронитовъ, обѣлъ на другой день у егеднискаго шета, а отъ него нивошелъ на дно нашемира. Я говорю о Долинѣ Каннобниой, чудъ и красѣ творенія. Оттуда аднялся на послѣднюю высоту Лива и посѣтилъ библейскіе кедры. Отъ ихъ переѣхалъ горы, спустился въ ирокую Равнину Вальбекскую и пролъ два дня надъ ея исполненскими авзалинами. Изъ Вальбека въ Зейда, рай земной: по красѣ природы; поимъ, 29 мая, въ Дамаскъ, гдѣ пробылъ 3 июня. Потомъ, переѣхалъ я Антииванъ и очутился въ волшебномъ замкѣ Эмир-Бешина, который, безъ созвнія, любопытнѣе палатъ серальнихъ. Не могу на этотъ разъ говорить въ этихъ горныхъ чертогахъ, ни объ ирѣ, очаровавшемъ меня своей парихальной любезностію. Отъ него въ еир-Эль-Каммаръ, и тамъ приключене въ родѣ милійской хижны Вернарне... Изъ Девр-Эль-Каммара, послѣ зрѣвда по адскимъ скаламъ, кануль въ Джувъ и погубилъ весь вечеръ въ всѣдѣ съ сумасшедшею леди Станждъ. Отъ нея въ Санду, древній Сит. XXVIII.—Отд. VIII,

донъ. а, оттуда моремъ въ Акръ. Изъ Акра въ Канфу и на высоту Кармеля, оттуда въ евангельскій Назаретъ, назъ Назарета въ Тивериаду съ ея божаственными озеромъ, потомъ къ Иорданскому потоку и купался въ его святыхъ волнахъ. 16-го, въѣхалъ я на высоту Фавора, оттуда направился къ самаританской Наплузѣ и наконецъ 18-го июня, въ 10 часовъ вечера, въѣхалъ въ святой градъ Иерусалимъ, гдѣ остановился въ греческомъ монастырѣ. Вчера ушалъ я во прахъ предъ гробомъ Христовымъ, ничего не прося у Вседержителя, но умоляя оживотворить мою душу, пораженную страшною скорбію... Здѣсь располагаю пробыть дней двѣнадцать; потомъ думаю нанять драмадеровъ въ Гебронѣ, гдѣ похоронены Авраамъ и Сарра. Оттуда черезъ бедуинскую пустыню всего семь или восемь дней до Каира — путь не совѣтъ благонадежный, но иначе невозможно избрать. Чума, холера и война разгуливаютъ теперь на просторѣ по Сирию и Египту».

Каиръ. 31 июля 1838 г.

«Четыре дни тому назадъ возвратился я изъ Сирию въ Египетъ. Иерусалимъ оставилъ я 3 июля послѣ поѣздки къ Мертвому-Морю, въ Иерихонъ, къ Горѣ-Искушенія, къ водамъ пророка Елисея и въ обитель св. Саввы. Въ Иерусалимѣ исповѣдовался и приобщался я на самой Голгофѣ, именно тамъ, гдѣ Искушитель предалъ въ руки Отца духъ свой, а въ литургии, которую, по моему желанію, совершалъ патриаршій намѣстникъ, были поручены небесной благодости всѣ мыслы моему сердцу. Потомъ молились за усопшихъ, за тѣхъ, которые никогда не умрутъ въ его памяти; въ ихъ числѣ находилось имя Пушкина... Изъ Иерусалима завернулъ я по пути къ именованному вору Абогошу, потомъ проѣхалъ Рамлю, и съ несказаннымъ восхищеніемъ очутился снова надъ моремъ въ Ясѣ. Тамъ пробылъ я 4 дня, отъискивая случай отидыть въ

Даміетту, куда и загулялъ на малень-
кой арабской джермъ 10 іюля. 16-го
вошли мы въ богатъ даміеттскій и въ
тоутъ же день отплыли Нилу въ го-
родъ, отстоящій въ двухъ часахъ отъ
богата. Изъ Даміетты отплылъ я так-
же, только послѣ четырехъ — дневнаго
пробыванія въ каньѣ, которую навязъ
до Каира. Сидѣшно было бы толковать
намъ въ эту минуту о плаваніи по Ни-
лу, о невыразимой красотѣ его бере-
говъ, о сѣвѣнныхъ поеводу пальмовы-
ми дѣсами, усаженыхъ рисовыми по-
лями и непрерывнымъ рядомъ деревень
и городовъ, гдѣ бѣдствуетъ одинъ толь-
ко человекъ, извѣстный подъ именемъ
феллаха. Я завернулъ мимоходомъ въ
Мангуру, въ Семенгулъ, въ Тахлю, бо-
гатые воспоминаніями крестовыхъ по-
ходовъ. 25 іюля, послѣ обыкновеннаго
купанья въ Нилѣ и кофейной коллации,
ждалъ я появленія пирамидъ на гори-
зонтѣ, и только около трехъ часовъ ва-
хлопалъ невольню въ ладоши, завидя
ихъ острокопечныя массы на бѣдно-
голубомъ небосклонѣ. Не заставляйте
меня входить на этотъ разъ ни въ какія
подробности: будетъ со-временемъ пи-
ща вашимъ ушамъ и вашему перу, если
захотите заняться редакціею матеріа-
ловъ... При пышномъ сіяніи мѣсяца,
прошли мы мимо садовъ и дворцовъ
Шубры и Гезиры и вошли наконецъ
около 10 часовъ въ Портъ Буганскій.
На другой день, вещи мои были пере-
везены въ Каиръ на горбѣ верблюда, а
моя плоть на хребтѣ ослиномъ. Не знаю
еще, ограничусь ли я плаваніемъ до
Фивъ, или, перешагнувъ первый ниль-
скій порогъ, пушусь до Іади-Гальфы.

Я могъ бы продолжать эти выписки,
но въ моихъ рукахъ подробный жур-
налъ его путешествія по Востоку, и я, со-
временемъ, если буду въ возможности,
постараюсь что-нибудь сдѣлать изъ
этихъ матеріаловъ. Въ числѣ же бу-
магъ, большею частію писанныхъ на
французскомъ языкѣ, я нашелъ опи-
саніе дворца султановъ «Сарай Буриу»,
просмотрѣнное и обдѣланное, которое

будетъ помѣщено въ одномъ изъ и-
сныхъ журналовъ (*).

Между-тѣмъ, страннее дѣло! книто
любитая тоска, скука одна неиз-
менная преслѣдовала странника и въ Ом-
скѣ, и въ Византіи, и у подножья пи-
рамидъ, и у святаго гроба, — я не говорю
уже о Петербургѣ, городѣ габельномъ
для его здоровья не самому книту;
эта скука, какъ червь, неутомима, гры-
зла сердце бѣднаго странника, ждалъ
убѣжавшаго отъ самого-себя. Но чѣмъ
причина этой безымянной тоски про-
исходила ли она отъ богваніи душевной
или тѣлесной? Я думаю, отъ соедине-
ній той и другой. Душа подобимъ лѣтъ
раздраженная мелочами и предрасуд-
ками, алчущая великаго въ простомъ
лучшаго въ истинномъ, не находить
чего приблизительнаго къ идеалу, и
вупсему въ ней самой; душа подобимъ
нрыхъ людей, осмѣливаюсь думать, о-
ражая въ себѣ всѣ недуги челове-
ства, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ
рестя его. Такъ мало-по-малу, разо-
ровывалась во всеиъ, нота ювилъ
пасть:

И мой извѣдалъ умъ, что вредно
Юликъ дѣтъ,
Что все, чѣмъ нѣкогда мечта моя
власъ —

Не на землѣ живущій цѣтъ!..
Улыбка славы горделивой —
Подарокъ черни прихотливой;
Земное равенство — нѣваръ,
Пырь въ грани окровавленной;
А гевія високій даръ —
Цѣтъ на скалахъ Святой-Елены..

Въ глухомъ хаосѣ этой тмы
Чего жъ искать, къ чему стремиться,
Куда бѣжать, зачѣмъ родиться?
И долго ль чувствовать, что ты
Не то, чѣмъ созданъ быть въ мртъ,
И въ ледяномъ его кушнрѣ
Надежды солище обомать?
О! должно ль горечью земной
Жить сердцу — и съ самимъ-собой

(*). Именно, въ одной изъ слѣдующихъ
книжекъ «Отеч. Записокъ».

Въ борьбѣ жестокой кививать?
Искать веселья въ царствѣ скуки,
Тамъ свой гнѣвъ, любовь и муки,
И мракомъ свѣтъ переграждать?

Отъ этого натужнаго скептицизма, по-
этъ бросаетъ взглядъ на тихое блажен-
ство уединенной жизни, гдѣ, слившись
душою съ подругою души своей, онъ
могъ бы успокоиться отъ тревогъ жиз-
ни внутренней и внѣшней.

О! еслибъ наконецъ во мгла судьбы мо-
ей
Влевуль пріятный лучъ агатовыхъ
очей,
Въ мою бѣ струлася грудь бальзамъ ду-
ши влюбленной,
Въ полдневный часъ покой съ наклона
липы сонной;
Когда бы ласточки любили домикъ мой
И пчелъ въ моемъ саду жужжалъ бы
шумный рой;
Когда бы въ тишинѣ блаженной сей
дремоты
Я могъ утопить души своей заботы;
Забвенный, все забыть, не мыслить, не
желать;
Какъ травка, какъ цвѣтокъ пустынный
прозябать;
Какъ луговой ручей, немного полѣвити-
ся —
И въ землю, какъ ручей насыщенный, воз-
вратиться!..

Надежда тщетная, мечта несбыточная!
А между-тѣмъ, гнѣчное скитаніе, вѣчное
одиночество разрываетъ сердце злопо-
лучнаго. Вы знаете стихотвореніе
«Одиночество», которое такъ правдо-
любъ Пушкину, и, по его отзыву, одно
могло бы автору доставить почетное
мѣсто во всякой литературѣ. Какая не-
поддѣльная грусть напѣяна на всей
этой пьесѣ! Какъ живо высказывается
эта душа, бурная и вмѣстѣ любящая!
Не могу не напомнить вамъ этихъ сти-
ховъ, которые исторгаютъ невольными
слезы изъ глазъ моихъ:

I.

Въ дѣсу осенній вѣтеръ и стонеть и
дрожитъ;
На морѣ темному речуцѣй даль кохутеть;

Уныло крупный дождь въ окно мое сту-
чить;
Раздумье тяжкое мечтѣ мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ тре-
скачій мой;
Последній красный блескъ надъ угольни-
ми вьется;
Мнѣ грустно! Тусклый день ужъ гаснетъ
надо мной;
Ужъ съ леба темнаго туманный речеръ
дѣбаетъ.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ
пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка звучитъ своихъ
ласкаеть;
У кресла дѣловскихъ красавица си-
дѣтъ —
И былямъ старинны, работая, внимаеть.

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ то-
бой
Супруговъ долги лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ри-
зою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палиней
нѣгѣ мѣютъ!

V.

Межь-тѣмъ, какъ онъ кипитъ, мой
одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, облившись кровью,
рвется,
Когда душа моя, средь витри горькихъ
думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей
вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не создавъ, темными дубами оскнен-
ный;
Подруга милая и арій каморка,
Въ часы осеннихъ буръ дружкии скорн
дѣланыи,

VII.

О, жаръ святыхъ молитвъ! загни въ
душѣ моей;
Лучъ вѣры пламенной! блесни въ ея пу-
стынѣ;
Пролейся въ грудь мою, цѣлительный
елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца
нынѣ!

VIII.

Пусть упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный доль исчезнетъ
предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не сту-
чается.

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой возне-
сется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы за-
жигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой
жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, вни-
маеть...

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи свя-
томъ,
Предъ треномъ Вѣчнаго, коленнопрекло-
ненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на
немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откро-
венныхъ...

XI.

Пусть содомоновою премудрости звѣ-
зда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ
зенрѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ,
я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ
мірѣ!..

Послѣ изданія этого втораго тома стихотвореній, братъ не печаталъ ничего, занятый, какъ я уже сказавъ, исполненіемъ порученій, возлагаемыхъ

на него министерствомъ. Между тѣмъ, пресытившись Востокомъ, онъ писалъ ко мнѣ въ концѣ 1839 года: «Я оставляю Константинополь; развалины, чума и варварство мнѣ надоѣли; хочется на Западъ, хочется посмотрѣть на Европу, поближе взглянуть на прославляемую цивилизацію нашего времени. Вскорѣ послѣ этого письма, я въ послѣдній разъ видѣлся съ нимъ здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ, пробывъ недолгое время, онъ, въ маѣ 1840 года, пустился на западъ. Но въ Европѣ, или, лучше сказать, въ Парижѣ, въ центрѣ этой прославляемой цивилизаціи, не смотря на обширное знакомство, не смотря на связи съ самыми замѣчательными людьми нашего времени, онъ началъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и съ грустію вспоминалъ о жизни своей на Востока. Вотъ нѣсколько строкъ изъ столпцы образованнаго міра:

«18 марта 1841 г.

«Вижусь я наиболѣе съ лицами политическими; литература же здѣсь больше, нежели гдѣ-нибудь, подражаетъ ремесленниковъ. У Ламартина я не былъ, не смотря на его неоднократно приглашенія: вы знаете, какъ мало симпатизирую я съ этимъ человекомъ. Съ Шатобрианомъ и Балланшемъ вижу у г-жи Рекамье; съ Экштейномъ и Микевичемъ познакомился у г-жи Саркуръ; у г-жи Свѣтцовой встрѣчаю множество членовъ обѣихъ камеръ и между прочимъ молодого и рѣзкаго Мотеламбера. Каррь сказалъ гдѣ-то, что Шатобрианъ s'est fait le saule pleureur de sa propre tombe. Этотъ валдоръ перевелся самъ собою въ мои голубы. И собственной своей могилы плуточей ивоку онъ сталъ. Т... до того обрадовался этой находкѣ, что разослалъ и подлинникъ и переводъ во всѣ концы Европы».

«8 апрѣля 1841 года.

«Votre illusion serait grandement détruite, s'il vous plaisait de chercher dans la capitale de la jeune-France ce

parfum d'urbanité et de graces, que les traditions du bon vieux tems ont léguées à nos sympathies. Maintenant tout à Paris sent la plèbe. La vie publique y court les rues; la vie intérieure ne s'y trouve nulle part. Après sa dernière revolution la Babel moderne semble n'avoir emprunté au britanisme que sa raideur, au principe démocratique que sa haine et son envie declamatoire contre tout ce qui n'est pas lui, contre tout ce dont la possession lui est refusée. La société est tirailée dans tous les sens par des initiateurs, dont le nombre menace véritablement de dépasser celui des disciples, car, selon le titre d'une petite opusculé du jour, «les ergoteurs de l'antique Byzance sont ressuscités par myriades ici». Tout cela écrit, parle, déclame, débite gravement des bouffonneries et des paradoxes les uns plus absurdes que les autres. Il est vrai que, si l'on trouve dans ce pays moins de chênes, on y trouve aussi moins de roseau; mais en général — les Français ressemblent, pour me servir d'une expression française, à ces enfans qui veulent sauter au delà de leur ombre, et leur civilisation est la vraie histoire de la poule aux œufs d'or. Paris est, selon l'heureux dicton d'un quidam, la Thébàide de nos jours, car si personne ne vous y déteste, personne ne vous y aime non plus, et vous pouvez passer toute votre vie au milieu de cette capitale des joies factices et délirantes, sans que le rayon d'aucun regard sympathique vienne y rechauffer votre cœur. Ce Pandemonium est enfin le paradis d'un fat jeune et riche, d'une femme bavarde, coquette, élégante et nulle; c'est l'enfer d'un bon père de famille et, entre nous soit dit, un séjour d'ennui pour un esprit qui est autre chose qu'un bel-esprit ordinaire. C'est peut-être par cette raison que Byron n'a jamais voulu entrer à Paris et il est à parier que Napoléon n'y tiendrait point, s'il n'y aurait pas été le maître. Ah! croyez moi, vaudrait mille fois mieux vivre à Paris ou ailleurs, mais dans un petit coin ignoré et vous

y aimer, comme le diraient nos amis les Orientaux, de cent-mille cœurs...

Письмо это было писано, впрочемъ, подъ вліяніемъ мучительной болѣзни; между-тѣмъ, и тутъ просвѣчиваетъ душа любящая, которая жаждетъ любви и симпатіи, и тоскуетъ посреди глубокаго эгоизма нашего вѣка. Въ началѣ мая, для подеръженія силъ, изнуренныхъ болѣзнію, братъ переѣхалъ въ Энгельсъ. Время, проведенное имъ тамъ, конечно, можетъ похвастаться лучшими результатами его жизни; нигдѣ онъ не былъ такъ покоенъ, но не надолго: счастье и спокойствіе не были удѣломъ его! Вотъ письмо изъ Энгельса.

«Энгельсъ. 28 мая 1841 г.

«Вотъ уже десять дней, давъ мелкии отправки меня сюда для укрѣпленія силъ съ помощью сельскаго воздуха, миротворной красоты пейзажа и минеральныхъ водъ энгельсскихъ. Все это въ полтора часахъ отъ Парижа, и что за разница въ предметахъ и въ воздухѣ! Здѣсь я безъ преувеличенія воскресъ изъ мертвыхъ. Энгельсъ тянется по берегу озера, котораго холмистые, одѣтые зеленымъ берега, почти напоминаютъ въ миниатюрѣ клочки Восточнаго Вала, на этихъ берегахъ, возвышаются развалины Катинотова Замка; не далѣе двухъ верстъ; разстлана балъ замическая долина Мемморансъ, здѣсь жили удивленныхъ прогулокъ, гдѣ жилъ вѣкогда Руссо. Если моя келья нѣсколько гѣсна, то принадлежащій аведенію садъ тѣнистъ и обширенъ; Демаровъ table d'hôte больше, нежели удовлетворителенъ; посѣщенія монхъ парижскихъ знакомыхъ, мои собственные поездки въ Парижъ весьма-приятны послѣ сельской тишины и уединенія. Элизуръ, кажется, алкалъ дома съ предохраняющимъ отъ вѣнскаго шума садомъ: я обладаю теперь этими сокровищами, и если бѣ не обѣтъ посѣтить берега Рейна, Швейцарію и Италію, то, кажется, право, никуда бы потащился бы далѣе. Но, рѣшившись

обобрать все и вся, и располагаю двей через десять пуститься на берега Рейна..

Така-какъ единственный журналъ ежедневнаго путешествія брата заключается въ письмахъ его ко мнѣ, то я считаю великимъ познать васъ съ этимъ путешествіемъ, сдѣлавъ изъ включеніе изъ несемъ, ибо если изъ восточнаго журнала можно будетъ современно сдѣлать что-либо отдаленное, то эти письма едва-ли могутъ получить другую форму. Къ-тому же, каждое слово, каждый взглядъ, обнаруживаютъ болѣе-и-болѣе человека, — а моя единственная мысль, единственная цѣль заключается въ томъ, чтобъ представить вамъ брата въ его настоящемъ видѣ.

Франкфуртъ, 14 июля 1841 г.

«Въ прошлый четвергъ, 8-го июля, я оставилъ Парижъ при проливномъ дождѣ, который не переставалъ во все продолженіе весны и лѣта умыть Францію. Въ этотъ же вечеръ, прочтавшись мы мимо Мо, мѣста родины Воссюета. Я едва взглянулъ на готическую соборную церковь этого города, и живописныя долины Шампани были уже въ глазахъ моихъ. До Эпернѣ, эта обдѣль представляетъ гнѣзнительную смѣсь холмовъ, волосатыхъ низъ, рощей, виноградниковъ, орошаемыхъ живыми разливами Марны и другихъ рѣкъ. Жаль только, что французскія деревни отнюдь не гармонируютъ съ буклетической красотой пейзажа: это законченныя слободы, карикатуры маленькихъ городовъ, со всею ихъ грязью и смѣшными ватагами. Отъ Эпернѣ до Вердена, холмы смѣняются обширными равнинами, потомуъ природа становится опять живописна до Меца. Тамъ начинается смѣсь Франціи съ Германією... Утромъ 24, прочтавшись я мною гутенберговой отагуи въ Майнцѣ и остановился въ Европейской-Гостиницѣ на берегу широкаго Рейна, который уступаетъ едва-ли не одному только святому, таинственному Нилу въ великолѣпнн, а вчера, 25, прѣхалъ на

желѣзной дорогѣ сюда во Франкфуртъ, родину Гёте и наиболѣе привлекательный изъ всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ городовъ Нѣмечины».

Ведель-Вадель. 17 августа 1841 г.

«Полковникъ Радовицъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ головъ, разговаривалъ мнѣ во Франкфуртѣ, посреди безконечныхъ философскихъ, политическихъ, филологическихъ и историческихъ ирений, готовиться часть на колѣни предъ красотами *Bergstrasse* и береговъ Рейна. Съ настроеннымъ на этотъ ладъ воображеніемъ, оставилъ я 27 июля н. с. Франкфуртъ и покатылся по желѣзной дорогѣ въ Висбаденъ.

«Въ Висбаденѣ надъ небольшимъ, окруженнымъ зелеными горами, озеромъ, нашелъ я довольно-роскошный *Kursaal*; въ немъ рулетку, *roulette* et *poige*, неизбежныя принадлежности нѣмецкихъ минеральныхъ водъ, и проч... 28-го рано утромъ, пустился я въ Швальбахъ. Дорога тянется между гнѣзистыхъ горъ, которыя иногда раздвигаются и выказываютъ Рейнъ, извивающійся у ихъ подошвы. Швальбахъ разбросанъ во глубинѣ дикой долины. Его желѣзныя воды привлекаютъ къ себѣ много народа; но я не обрѣлъ тамъ ничего замѣчательнаго. Въ этомъ мѣстѣ принужденъ я былъ пребыть цѣлые сутки, во ожиданіи эсскаго diligencia.

«29-ю. Дорога отъ Швальбаха въ Эмсъ извивается у подошвы крутыхъ, разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ горъ, на днѣ глубокихъ долинъ. Вокругъ косогоры и покатысти, обтупитые то зелеными бархатомъ, то вышитые разноцвѣтными кествами, камнями и огородами; потомъ едутъ горы надъ горами; потомъ деревня: хижинныя, вѣнчанныя готическими колокольнями, подъемный мостъ къ сѣмю и проч... Это Нассау, самое живописное изъ всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ въ этой странѣ селеній. Оно почти приближается къ-къ чему на Востокѣ; но... Дорога отъ Нассау въ Эмсъ бѣжитъ

между параллельныхъ горъ, надъ превращеною рѣчною Ланомъ, направленной въ изумрудные, освѣщенные тополями берега. Обогнувъ одну изъ этихъ горъ, вы въѣзжаете въ Эмсъ, разсыпанный по обѣимъ сторонамъ Лана у подошвы огромной горы. Тамъ пробылъ я всего нѣсколько часовъ и встрѣтилъ прекрасную королеву греческую, графиню Шуазель, и еще кое-кого изъ знакомыхъ...

• 20-го, въ 11 часовъ утра, былъ уже на Рейнѣ въ Кобленцѣ. Тамъ носѣтилъ знаменитую нагорную крѣпость Френбрейтштейнъ. Видъ на Рейнъ отсюда въ-самомъ-дѣлѣ плѣнительнъ. Въ 5 часовъ, сѣлъ я на нѣмьской пароходъ и поплылъ вдоль по широкому Рейну.

• Скучно и утомительно было бы для васъ слѣдовать за каждымъ поворотомъ моего пароходнаго колеса; скажу только, что сущность осталась для меня и здѣсь, точно такъ, какъ повсюду, далеко позади идеальности, и я узналъ на колѣни не предъ рейнскими берегами, а предъ одной изъ находящихся на пароходѣ путешественницъ... Впрочемъ, это предлинная исторія... Въ истинномъ восторгѣ отъ рейнскихъ береговъ были, впрочемъ, всѣ находившіеся съ нами Голландцы, Англичане и подобныя амфибии, невидавшіе во всю свою жизнь ни единого холмика. Я же, послѣ Воспора и Никола, остался холоденъ, какъ свѣговая глыба, предъ всѣми этими готическими, въичающими вершины горъ развалинами. Изъ нихъ — одноцвѣтный съ утесами Драхенфельсъ и окружающія его горы (die Siebengebirge) понравились мнѣ наиболѣе. При умиравшемъ солнцѣ, вышли мы на берегъ въ Кельнъ.

• 21-го, въ этомъ городѣ, посѣтилъ я соборную церковь. Этотъ недоконченный и, вѣроятно, недокончаемый памятникъ готизма, дѣйствительно замѣчательнъ въ своемъ родѣ. Тамъ, между прочимъ, показываютъ могилу трехъ вохвовъ, путешествовавшихъ въ Вилдесъ со звѣдою. Это не слыш-

комъ-значительный промахъ, ибо гробницы именованныхъ вохвовъ показываютъ также въ Миланѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Кельнѣ, носѣтилъ я также выставку художественныхъ произведеній. Юссельдерская живопись грозитъ дѣйствительно произвести самоубыткую школу. Тамъ же показываютъ огромную, писанную братьями Мейстерами панораму, въ которой изображенъ переходъ Французовъ черезъ Рейнъ, подъ предводительствомъ Гоша. Эта панорама едва-ли не любопытнѣе всего, чѣмъ шаголюютъ берега Рейна. Если вы, впрочемъ, задумаете взглянуть на нее, то не ѣздите въ Кельнъ, а ступайте прямо въ Парижъ: братья Мейстеры перевозятъ въ этотъ всемірный музеумъ свое извѣстное произведение.

• Изъ Кельна возвратился я на другой день въ Майнцъ, а оттуда, 2-го августа, снова во Франкфуртъ.

• Трое сутокъ проливнаго дождя застигли меня во Франкфуртѣ. Ихъ посвятилъ я обзорѣнью тамошнихъ достопамятностей. *Рёмска*, зала, гдѣ избирались нѣкогда императоры, не стоить никакого вниманія. Она украшена фантастическими портретами нѣмецкихъ кесарей до конца святой имперіи, т. е. до 1806 года. Тамъ еще показываютъ выдающійся на грязную площадь балконъ, съ котораго избранный кесарь показывался народу и былъ имъ привѣтствованъ въ-этомъ качествѣ. Всего замѣчательнѣе во Франкфуртѣ ирмормная статуя *Ариадны*, принадлежащая банкирамъ *Боттманнамъ* и созданная *Даннекеромъ*. Это изящное произведение очаровало меня. Жажду сравнить его въ Италию съ безсмертными произведениями рѣзца греческаго и римскаго.

• Мнѣ бы гораздо-удобнѣе было плыть изъ Майнца Рейномъ, прямо въ *Маммелсимъ*, но желанье прогрѣсть по *бергской дорожкѣ* (die Bergstrasse) заставило меня заключиться въ глубину почтовой кареты и удариться 5-го августа въ *Дармштадтъ*.

• Шести-часовое пространство, отделяющее *Дармштадт* отъ Франкфурта, очаровательно въ смыслѣ нѣмецкихъ пейзажей. Отъ одного города до другого, вы ѣдете посреди непрерывающейся тополевой аллеи. По обѣимъ ея сторонамъ, богато-воздѣланная почва пестрѣетъ полосатыми нивами, садами, напшниками, огородами. Красныя кровли дармштадтскихъ строеній, опоясаны зеленой каймою садовъ и оѣны темными, ограничивающими небо-склонъ высотами. При взѣздѣ въ городъ — озеро, а надъ нимъ развѣсистый садъ. Дармштадтъ небольшой, довольно-пустынный, но чрезвычайно живописный городокъ. Повсемѣстная оишь городского съ деревенскимъ, осуществляется до нѣкоторой степени эпикуровъ идеалъ одиночества посреди многолюднаго города.

• Въ слѣдующее утро, 6 августа, сѣлъ я въ навятую *ad hoc* коляску, которая и загремѣла со мною по *Bergstrasse* въ *Гейдельбергъ*.

• Эта *Bergstrasse* не стоить вниманія даже тѣхъ изъ вашихъ соотечичей, которые прогулялись хоть разъ по южному берегу Крыма. Эти обитыя виноградникомъ горы нравятся Нѣмцамъ, вѣроятно, только по своему плодородію. При подъздѣ къ *Гейдельбергу*, все это становится, однакожъ, дѣйствительно живописно. Обогнувъ зеленую, увѣчанную готическими башнями высоту, вы въѣзжаете въ глубокую долину, ерошаемую *Неккеромъ*. *Гейдельбергъ* у ската противоположной горы, на вершинѣ которой возвышаются развалины фальцграфскаго замка, самыя любопытныя, которыя я до-сихъ-поръ видѣлъ въ Германіи. Готическая скульптура фасада; равныя уродливыя фигуры *en relief*, сохранились какъ-нельзя-лучше; кругомъ — густой садъ; рыцарскій залъ-половня. Тамъ же показываютъ знаменитую въ шмерцовскихъ застольныхъ пѣсняхъ бочку, которая по своему объему была, вѣроятно, создана для погребя Микромегаса. Многія изъ городскихъ воротъ и церквей того

же стили, что развалины замка. Зданіе университета ничтожно; гейдельбергскіе студенты переселяются толнами въ *Боннъ*, увѣряя, что нѣмѣншій прусскій король заботится какъ-нельзя-болѣе о дѣлѣ просвѣщенія.

• Кстати о студентахъ. Ихъ развѣивающіеся по плечамъ волосы, ихъ условенныя замашки суть нынѣ чистый анахронизмъ, и смѣшны, какъ все обветшалое въ мірѣ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить этой разительной противоположности, которая существуетъ между пламенной головой *бурлескующаю* Нѣмца и тѣмъ грознымъ, какъ-будто поглощаемымъ во глубинѣ пивной кружки, какъ-будто пожираемымъ въ облакахъ табачнаго дыма безстрастіемъ, которое становится его господствующимъ элементомъ при поступленіи на стезю общественной жизни.

• 8-го августа, пустился я по желѣзной дорогѣ въ *Мангеймъ*, куда и прибылъ чрезъ какія-нибудь три четверти часа. О Мангеймѣ не могу вамъ сказать ничего удовлетворительнаго, ибо въ тотъ же вечеръ покинулъ этотъ городъ. Съ перваго взгляда, онъ понравился мнѣ чрезвычайно: улицы красивы, опрятны и кипятъ народомъ. Это было, впрочемъ, въ воскресенье, единый день, въ который Нѣмцы какъ-будто просыпаются отъ шестидневной дремоты. Кругомъ сады, обвиваемые кристалльной полосой Рейна.

• На отплывающемъ пароходѣ, отправился я въ *Баденъ*, куда и прибылъ 9 августа.

• Окрестности Бадена очаровательны; но г-жа Курдюкова, вѣроятно, ужъ познакомилъ васъ съ наслаженіемъ этого *лѣтняго Париза*. Многія наслѣдницы глубоко-уважаемой мною дамы, могутъ, при возвратѣ въ отчизну, показать ея реляцію.

Женева.

• Послѣ 14-ти дневнаго скитанія по швейцарскимъ горамъ, ледникамъ и стремнинамъ, притащился я вагономъ третьяго-дня въ Женеву.

• 8-го сентября, пустился я въ обществѣ г. *Трелангеля*, байронова пріятеля и автора извѣстныхъ записокъ *„D'un Cadet de famille“*, изъ *Бадона* въ *Ифштеймъ*. Тамъ сѣлъ на пароходъ и при закатавшемъ солнцѣ, ступилъ вновь на французскую землю въ Страсбургъ. На другой день, 9-го, лазилъ на тамошнюю колокольню, дивный памятникъ готическаго зодчества; посѣтилъ надгробную статую *Клебера*, а потомъ изящный мавзолей *du Maréchal de Saxe* въ церкви св. *Фомы*. Въ этомъ же храмѣ показываютъ мумію какого-то нассавскаго графа или герцога, и свелеть его дочери. Этотъ послѣдній поразилъ меня своимъ богатствомъ шпоковымъ платьемъ, букетомъ цвѣтовъ на голомъ черепѣ, брилліантовыми кольцами и заплатами на жестяныхъ рукахъ и пальцахъ.

• 10-го въ пять часовъ послѣ обѣда пустился я по желѣзной дорогѣ изъ Страсбурга въ *Базель*, куда и прибылъ около десяти часовъ вечера. *Базель* — старый, законченный городъ; но берега Рейна блистаютъ уже тамъ швейцарской физиономіей: они несравненно-живѣ береговъ германскаго Рейна. Поклонясь въ *Базель* праху *Эразма*, выѣхалъ я 11-го около шести часовъ вечера въ *Шаффгаузенъ*, гдѣ и омылся на другой день брызгами рейнскаго водопада. Оттуда нанялъ я швейцарскаго ветерана и ударился съ нимъ въ *Цюрихъ*. Дорога отъ *Шаффгаузена* до этого послѣдняго города необыкновенно плѣнительна; оберландскіе Альпы синѣютъ, чернѣютъ и бѣлѣютъ на горизонтѣ. При угасавшемъ днѣ, пріѣхалъ я въ *Цюрихъ*, Авенны Швейцаріи, и остановился надъ его обворожительнымъ озеромъ. 13-го шатался по городу, посѣтилъ памятникъ *Гесснера* и проч. и проч. 14-го поплылъ на пароходѣ къ подножію *Рима*. На вершинѣ этой горы, любовался закатомъ, а на другое утро восходомъ солнца, феноменомъ для меня не новымъ, но о которомъ вы, жители равнинъ, не можете имѣть никакого понятія. Послѣ

того спустился я внизъ съ *Рима* въ *Вальдштеттинское* Озеро и пріѣхалъ на пароходѣ въ *Люцерну*, живописный швейцарскій городокъ, гдѣ и отдыхалъ до утра отъ путешествія съ *Рима*. 16-го на пароходѣ въ *Альторфъ*. Тамъ сѣлъ я въ почтовую коляску и пустился въ направленію къ *Сан-Готарду*. Отъ *Сан-Готардскаго* Госпиталя дорога ведется съ одной стороны въ глубь Швейцаріи, съ другой къ *Комскому* Озеру и въ Италію. Ради того, альторфскій почтмейстеръ бѣгалъ, какъ угорьный, посреди толпы путешественниковъ, изъ которыхъ одинъ требовалъ лошадей въ *Луцано*, другой въ *Госпиталь* и т. д.

• Крупный дождь сонуствовалъ намъ во время этого переѣзда; но при всемъ томъ напрасно сталъ бы я копировать вамъ картину огромныхъ, разнообразныхъ, голыхъ и ополасанныхъ лѣсами горъ, ревушихъ съ ихъ вершинъ и грохочущихъ въ глубокихъ пропастяхъ водопадовъ, разбросанныхъ тамъ-и-самъ хижинокъ и проч. и проч. Я ѣхалъ по той самой дорогѣ, по которой Суворовъ шелъ нѣкогда на *Французовъ*. Недалекъ отъ *Чертова Моста* любовался низвергающимся въ бездну водопадомъ, потомъ переѣхалъ этотъ мостъ и распрощался въ *Сан-Готардскомъ* Госпиталѣ съ своими ѣзавшими въ Италію спутниками:

• 17-го взялъ я проводника съ верховою лошадейю и при усилившемся дождѣ, при проливательномъ вѣтрѣ и сырости сталъ подыматься на *Фурку*, послѣдній отрогъ *Сан-Готарда*. Слѣжимъ снѣгъ встрѣтилъ меня на ея покрытой вѣковыми снѣгами вершинѣ; мой вымоченный дождемъ плащъ оледенѣлъ, какъ накрахмаленный. Такимъ образомъ, достигъ я ледника и источникковъ *Рима*, волею которыхъ принужденъ былъ оттаивать цѣлую ночь въ прегнусной харчевнѣ свои окостенѣлые члены. 18-го проглянуло солнце. При его животворныхъ лучахъ, переѣхалъ я тѣснины, ледники и окружающія *Мертвое Озеро* высоты *Гриммеля*; заатракалъ въ нѣдрѣ пустынныхъ горъ,

какъ въ Парижѣ, и спустился на нѣкъ паризу къ *ландекскому* водопаду, одному изъ чудесъ бернскаго *Оберланда*... Оттуда природа съ каждымъ шагомъ становится величавѣй и торжественнѣе; шумчiе каскады терзаются на дѣль каменистыхъ пропастей; перерѣзанныя облаками вершины горъ висятъ какъ-будто на воздухѣ. Повидно вечеромъ прїѣхавъ я въ обворожительную слободу *Мейримен*.

• 19-го посѣтилъ я водопадъ *рейхенбахскій*. Онъ валится съ отвѣсной скалы и, увѣчаный радугою, осыпаетъ васъ на 50 сажень своей серебристой пылью. Оттуда — зеленныя горы, и влругъ вода ними поничесіе ледники *Розенлау*. Рейхенбахъ продолжаетъ сверкать во глубинѣ основныхъ дѣсовъ и сливается свой говоръ съ брещачными *шпигель-и-самъ* звонками сталъ и проч. и проч. Прѣѣхавъ Большой Шейдекъ, прогулялся я подъ свивитъ сводомъ ледниковъ *Гринделвальдскихъ* и прїѣхалъ на ночлегъ въ *Гринделвальдъ*.

• 20-го открылась вдругъ предо мною зодная вершина *Юнгфрау*, окруженная также свѣжными высотами большаго *Вира*, *Блано Монаха* и *Серебряныхъ Роговъ*. Все это безъ сомнѣнія ничто въ сравненіи съ *Эльборусомъ*; но, во время завтрака въ *Вестерн-Альмъ* у самаго подножія *Юнгфрау*, видѣлъ я впервые извертающуюся съ ея высоты лавны. Альпійскій рогъ въ горахъ; чудесное эхо. Вскорѣ потомъ спустился я вѣшкомъ по крутымъ скаламъ въ романтическій *Лаутербрунъ*, который напомнилъ мнѣ отчасти дивную *Каволянскую Долину* въ Сириі. Поглазѣвъ на водопадъ *штауббахскій*, сѣлъ я наконецъ въ запряженную паркою коней тележку и прїѣхалъ ночевать въ наводненный Англичавами *Интерлахъ*, котораго аллен и гостиницы блистаютъ пошлостью какаго-нибудь *Ома* или *Баденъ-Бадена*.

• 21-го на пароходѣ въ *Тунъ* по обворожительному *Тувскому-Озеру*. Этотъ малелькій городъ замѣчателенъ только своимъ живописнымъ мѣстоположе-

ніемъ. Въ вѣтъ же вечеръ пустился я дадь и прїбылъ въ *Бернъ* около десяти часовъ ночи.

• 22-го. *Бернъ* настоящая резиденція федеральнаго правительства (которое обитаетъ по-очередно то въ этомъ городѣ, то въ *Цюрихѣ*), оживленъ участіи столичной экономіею и можетъ сравнительно навѣваться большимъ городомъ.

• 23-го, въ двѣнадцать часовъ по-полудни, сѣлъ я въ дилижансъ и пустился прямо въ *Лозанну*, располагая посѣтить *аднос* оставшіеся въ сторонѣ *Веве* и всю мѣстность *Новой Альпы*. Вскорѣ миновали мы *Моратъ* съ его каменнымъ обелискомъ, который замѣнилъ давнымъ-давно памятникъ изъ костей *бургундскихъ*. Терзаемый столко времени отвратительнымъ наръчіемъ, которое въ нѣмецкой *Швейцаріи* похоже гораздо больше на ослыный ревъ и на лягушечье кваканье, нежели на словеса человѣческія, я съ неописаннымъ удовольствіемъ услышалъ снова вокругъ себя языкъ *Руссе*, на которомъ адѣшній народъ говоритъ даже лучше французскаго. Певде ночью прїѣхалъ я въ *Лозанну* и остановился на берегу *Женевскаго Озера* въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ нѣкогда *Гиббонъ*. Этотъ домъ сталъ теперь роскошной гостиницей, величавой именемъ историка.

• 24-го, проливной дождь помѣшалъ мнѣ наладиться должнымъ образомъ окрестностями *Лозанны*, которыя очаровательны больше, нежели могу выскзать. Надъ окружающею озеромъ пѣнью *Юры* и *Горъ Савойскихъ* возвышается вдали свѣжняя вершина *Мон-Блана*. Въ два часа сѣлъ я на парходъ и поплылъ въ *Женеву*. Дурная погода лишила меня на этотъ разъ возможности влюбиться въ *Женевское Озеро*, котораго берега — Востокъ въ своемъ родѣ.

• *Женеву*, за исключеніемъ ея несравненныхъ окрестностей, можете вы уподобить какому-нибудь *Брюсселю* или даже *Одессѣ*. Вотъ вамъ нека-

идеть перечень моего двезинна отъ Бавена до Женевы. Боже мой! ужь отъѣздъ на дворъ, а предо мною еще се окрестности Женевы: *Ферней и Соммезь, Шаллонъ и Веве, Шамуни и Лен-Бланъ*. Что прикажете дѣлать! Можетъ-быть, буду я принужденъ отожить въкоторыя изъ этихъ повздокъ о возврата изъ Италии, куда и хворь сосѣдство зины толкаютъ меня.

Миланъ ¹⁴/_{го} октября 1841.

8-го текущаго мѣсяца посѣтивъ Берней, отпавъ я, 12-го, при проливномъ дождѣ, по Женевскому Озеру въ *Веве*, взглянулъ на мелерійскіе утесы; потомъ на Монтрѣ, потомъ ходилъ 3-го изъ Вилльнова пѣшкомъ въ Пильмонъ, о которомъ Вайронъ и его русскій переводчикъ не все высказали. Въ тотъ же вечеръ, отбывъ въ великолѣпной гостинницѣ *Вайрона*, приѣхалъ я въ длинжанскъ почевать въ Лен-Моризъ. На другой день, 14-го крайне желалъ, при проѣздѣ чрезъ Мартини, завернуть въ Шамуни; по турная погода помѣшала мнѣ коснуться сѣговъ *Мон-Блана*, котораго вершина бѣла предо мною, какъ на лациони. Ради того пустился я далѣе въ путь по направленію къ *Симмолону* и почевалъ въ Брикѣ, а разсвѣтъ 15-го встрѣтилъ уже посреди скалъ и надъ преистаи *Симмолона*, котораго галлерей могутъ назваться едва-ли не самымъ поразительнымъ памятникомъ наполеонова могущества. Въ тотъ же день, переѣхалъ я границу Швейцаріи, а въ два часа вѣхалъ въ озаренную яснымъ солнцемъ Италию. 16-го приѣхалъ я въ Бавено, оттуда звалъ лодку и посѣтилъ Баромеовы-Острова, истинное обиталище фой и смѣловъ; потомъ проѣхалъ насквозъ *Il lago Maggiore* и вышелъ на берегъ въ Сесто-Календе. На другой день, 17-го, началъ ветерана и пустился съ нимъ въ Миланъ, куда и прибылъ въ тотъ же день при западавшемъ солнцѣ. Не ждите отъ меня описанія этого города: картинныя, статуи, библіотека и

проч. и проч. н'есть конца; а это только еще преддверіе Италии. Забудьте что церкви, подобно здѣшней соборной, нѣтъ въ подсолнечной. Все это изъ блага мрамора; тысячи башенъ увѣчаныхъ статуями; кружевная отдѣлка зданія, и проч. и проч. То же самое можно сказать о *симмолонской* аркѣ, начатой Наполеономъ и оконченной австрійскимъ Францомъ, съ названіями побѣдъ императора на нижней половинѣ зданія — торжества съ Союзомъ на высней.

•На-дняхъ ѣду я чрезъ Верону въ Венецію.

Венеція, ⁹/_{го} ноября 1841.

•Изъ Милана выѣхалъ я 28 прошлаго мѣсяца. Выѣсто *куме*, попалъ ошибкою въ кабриолетъ длинжанса, и по нему купался вѣлну ночь въ лужѣ, образованной проливнымъ дождемъ въ глубинѣ моего сидѣнья. Изъ Милана сопровождалъ насъ конный австрійскій жандармъ для предохраненія, по ево словамъ, отъ разбойниковъ; въ сущности же, для *строгаго надзора* за нашими путниками. 29-го числа, въ 9 часовъ утра, приѣхали мы въ *Бресанно*; но, обманутый на-счетъ остановки въ попутныхъ городахъ, я успѣлъ только проглотить чашку пресквернаго кофе. Не жалѣю, впрочемъ, о томъ, что не видали древняго храма, объясненнаго докторомъ Лабюсомъ, ни статуи Побѣды, ни разныхъ другихъ антиварскихъ грибовъ; но тужу о томъ, что не могъ поглазѣть на восемь фресковъ *Юли Кампи*, на городскую библіотеку, въ которой находится, между-прочимъ, рукопись четырехъ евангелистовъ VI или VII вѣка, и въ-особенности на дивную тацанову *Прелободитицу*, которая красуется въ Церкви св. Адріана. Около 12 часовъ, были мы уже на берегахъ *Гарускаго* Озера, въ отвошеціи къ которому я отнюдь не раздѣляю восторговъ поданта Валеріа. Въ-вечеру, достигли мы до *Пескьеры*, возвышенною на мѣстѣ, гдѣ *Минчио* вытекаетъ изъ озера. Проѣжая шагомъ эту крѣ-

постъ, мы должны были показывать ежeminутно свои паспорта и кончили сдачею собственныхъ своихъ особъ подъ арестъ двухъ солдатъ, которые, безъ дальнихъ околичностей, вскарабкались, съ ружьями въ рукахъ, на козлы нашего дилижанса и сопровождали насъ, Богъ-знаетъ ради чего, вплоть до самой Вероны. Дождевая потѣха возобновилась, когда, переѣхавъ Адиджу, мы увидѣли себя въ оградѣ вубчатыхъ, увѣнчанныхъ башнями стѣнъ Вероны. Уже совсѣмъ смерклось, когда рыдванъ нашъ дотацился до почты, и потому, поймавъ перваго Веронезе у воротъ, я приказалъ ему вести себя къ амфитеатру. Привратникъ зажегъ фонарь и повелъ меня вверхъ по 44-мъ мраморнымъ ступенямъ этого зданія. Его наружное устройство представляетъ три высокіе яруса аркадъ; между ними нѣкоторыя до того разрушены, что изъ 72 воротъ осталось всего 4. На верху — корридоры, галереи, древнія тюрьмы мучениковъ, гладіаторовъ, львовъ, тигровъ. Полный народа, этотъ амфитеатръ долженъ являть чудесное зрѣлище. Имъ любовались союзные монархи во время конгресса 1822 года. Папа Пій VI, благословляющій болѣе 22,000 христіанъ съ высоты этихъ ступеней, представлялъ, вѣроятно, картину не менѣ поразительную. — Въ полночь выѣхали мы изъ Вероны; дорога въ Виченцо тянется между Риволи и Арколме. На-разсвѣтѣ, миновали мы деревню Монтебелло. Всѣ эти имена должны быть не чужды памяти помладониковъ *маленькаго капрала*. 30-го числа, около 8 часовъ утра, высадили насъ на почтѣ въ Виченцо. Поспѣшность дилижанса не дозволила мнѣ и на этотъ разъ ободрѣть порядкомъ чудеса *палладиана* гения. Дорога отъ Виченцо до Падовы стбитъ одна, по замѣчанію де-Бросса, нарочнаго путешествія въ Италію. Повсюду зеленый виноградникъ ластится къ деревьямъ и, образуя между ними свѣжія герланды, превосходятъ красотой всякую оперную декорацию. Эта декорация простирается

слишкомъ на 17 миль, отдѣляющае Виченцо отъ Падовы. Въ этомъ слѣднемъ городѣ, пробылъ я также болѣе часа. Въ Падовѣ показываю мнѣ могилу Тита-Ливія, Тронна Антенора и медальионъ *Бельзони*. Не медленно по выѣздѣ изъ Падовы, откывааете вы широкую, льющуюся между отлогихъ береговъ рѣку: это *Брента*. Надъ нею тянется непрерывающийся рядъ богатыхъ загородныхъ палатъ венеціанскихъ, съ отгнѣяющими ихъ садами и бѣло-мраморными статуями на воротахъ, въ костюмахъ à la Louis XV. Всѣ эти палаты громко разговариваютъ своей пустотой съ живостью многочисленныхъ попутныхъ деревьевъ, которые веселятъ сердце своимъ венеціанскимъ одушевленіемъ и въ-особенности неизобразимой красотой женщинъ. Въ двухъ часахъ пути отъ Венеціи, прерывается материкъ, и потому въ деревнѣ Местра пересажали насъ изъ дилижанса въ огромную гондолу и при западашемъ солнцѣ повезли въ Венецію. При луномъ свѣтѣ, начали мало-по-малу вставать передъ нами изъ глубины водъ зданія этого единственнаго, похожаго, какъ выражается Байронъ, на свовидѣніе города. Мы миновали длинную черту палатъ, возвышающихся надъ *Большиимъ-Камоломъ*, проплыли подъ дугой Риальто и ступили на берегъ не вдалекѣ отъ площади Св. Марка. Утромъ 31 числа, въ воскресенье, вышелъ я на эту великую, но прекрасную, но богатую бесмертными воспоминаніями площадь. Съ одной стороны, ограничивается она Церковью св. Марка, которой стѣна напоминаетъ наши кремлевскіе соборы, превосходя ихъ неизобразимой роскошью искусства и благородствомъ матеріаловъ: мраморовъ, мозаикъ, и проч. и проч., между-тѣмъ, какъ простирающіяся справа и слева админі (procuratus) переносятъ насъ въ вѣрижской Пале-Руайаль, затѣвая это равномѣрно своими мраморными чашадами. Лѣвая сторона *прокурацій* оканчивается часовой башней, увѣнчанной

древниѣ республиканскіи колоколомъ; первая — *lodgiotto*, небольшою мраморною часовнею съ изящными статуями и барельефами, надъ которыми воздымается высокая Башня Св. Марка. Немедленно за соборомъ, открывается предъ вами восточно-западный дворецъ дожей; передъ нимъ теперь австрійская гаубтвахта и пушки. Этотъ дворецъ, противоположный башнѣ, образуетъ другую маленькую площадь (*la Piazzetta*), которая простирается вплоть до залива и принимаетъ надъ нимъ имя набережной *della Schiavoni*. На ея рубежѣ высятся гранитная колонна, увѣчанная вѣкогда всемогущимъ, теперь униженнымъ львомъ св. Марка. Вотъ вамъ быстрый очеркъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ площадей крещенаго міра. Весь этотъ день, 30 октября (воскресенье), толкался я по ней въ толпѣ народа, собиравшаго австрійскою военной музыкой. Къ вечеру, площадь оживилась, подобно парижскому Пале-Роялю, съ прибавкою бродячихъ музыкантовъ, пѣвцовъ, пѣвицъ и такихъ женючихъ рожицъ, какихъ и во снѣ не видала столица *de la belle France*. Четыре дня ж отдыхалъ, дѣлился, читалъ, и только 5-го началъ обзорѣніе Венеціи церквою св. Марка и дворцомъ дожей.

«О первой не скажу вамъ ни слова; изящныя картины Тиціана, Тинторетто, Павла Веронезе, и проч., которыя украшаютъ послѣдній, извѣстны всѣмъ и каждому. Замѣчу мимоходомъ, что, всходя по великолѣпной мраморной лѣстницѣ *Troncone*, переходя изъ Зала Большаго Совѣта въ ротонду Совѣта-Десяти, изъ *Pregadi* въ анпартаменты инквизиціи, изъ подземныхъ тюремъ (*Rozzi*) въ чердачныя (*Piombi*), глядя на *Ponte di Sospiri*, — я видѣлъ перелъ собой повсюду олицетворенную исторію Венеціи въ дни ея могущества, и то, что было вѣкогда моею собственною мечтою, становилось для меня въ тысячу-жарыи разъ голою существованіемъ.

«Я былъ бы обязанъ угостить васъ

цѣлымъ томомъ, еслибъ захотѣлъ толковать о картинахъ, статуяхъ, дворцахъ, гондолахъ и о прочихъ достопримѣчательностяхъ Венеціи, которыя давнымъ-давно и столько разъ описаны и нарисованы. Замѣчу лишь, что въ *Palazzo Reale* бросились мнѣ наиболѣе въ глаза: «Евангелистъ Іоаннъ, пишущій апокалипсисъ» — *Бассано*; «Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая» — *Паула Веронезе*; «Св. Маркъ, спасающій молодого Сарацина отъ кораблекрушенія» — *Тинторетто*, и проч. Въ Академіи *изящныхъ искусствъ*, между лабиринтомъ картинъ, невольно останавливаетесь вы передъ знаменитымъ «Вознесеніемъ Богородицы» и передъ «Представленіемъ во храмъ Пречистыя Дѣвы» *Тиціана*, передъ «Свадьбою» — *Падовакино*. Въ одной изъ залъ находится урна съ рукою Кановы; тамъ же «Божественная Мадонна» *Гвидо Рени*, и проч. Въ *Palazzo Pisani* видѣлъ я знаменитую картину Веронезе: «Семейство Дарія у ногъ Александра»: все это въ венеціанскихъ костюмахъ. Въ *Palazzo Barbarigo*, посреди множества безсмертныхъ произведеній, красуются наиболѣе тиціанова «Магдалина» и «Сусанна» Тинторетто. Въ *Palazzo Manfrini* одна картина драгоцѣннѣе другой; но я скажу вамъ нѣсколько словъ только о той, которой Байронъ посвятилъ три строфы въ поэмѣ «Бенпо»: прочтите ихъ. Картина эта *Дасиордосіоне*; она извѣстна подъ названіемъ «Трехъ Портретовъ»; женщина стоитъ вполне похвалъ поэта. Совершая ее, и я, недостойный, едва-едва не трахнулъ старинною; въ ней все божественно:

Души улыбка на устахъ,
Лавить румянецъ сладострастный,
И въ черныхъ, зеркальныхъ очахъ
Налетъ задумчивости ясной...

«Потѣшный видъ, который мерещился президенту де-Броссу съ высоты башни св. Марка, заставилъ и меня вскарабкаться на эту колокольню. Оттуда—Венеція какъ на ладони, со всеѣ

ни островами, окрестными городками и судами, покрывающими лагуны. Оттуда открывается также весь берегъ Италіи отъ Камачіо до Тревиза; Фриуль и Альпы, Каринтіа, Триестъ, Истрія и начало Далмаціи, Эпіръ, Македонія, Греція, Архипелагъ, Константинополь и любимая *хассеки*, ласкающая надъшаха въ садахъ серальскихъ.....

« Не сказать вамъ ни слова о церкви св. Марка, ни о ея мозаикахъ, ни о древнихъ бронзовыхъ коняхъ, которые ванили надъ ея входомъ свое прежнее мѣсто, я, конечно, не стану распространяться о множествѣ другихъ церквей, которыя всѣ, болѣе или мѣнѣе, замѣчательны своей архитектурной изящностью, своими мраморными фасадами, своими живописными и скульптурными сокровищами.

« Въ арсеналѣ, между различными рѣдкостями, показываютъ мнимый шлемъ Атиллы; оружія венеціанскихъ крестоносцевъ; приводящее въ трепетъ орудіе пытки, которое употреблялось никогда инквизиціей, и замокъ, изобрѣтенный ревностію падованскаго тирана *Антоніа Карары*, ради цѣломудренности его любовницъ: замысловатый я, по моему мнѣнію, преподанный инструментъ! Въ арсеналѣ же видѣлъ я модель *Буцентавра* и единую мачту сгорѣвшаго подлинника. При входѣ стоятъ четыре знаменитые пирейскіе льва, которые *Морозини* похитилъ изъ Аеннъ. Главное орудіе венеціанскаго могущества, арсеналъ сдѣлался теперь пропорціоналенъ морскимъ силамъ австрійской монархіи.

« Съ Острова св. Лазаря посѣтилъ я Лидо и песчаный берегъ Адриатическаго-Моря. Оно шумитъ, шумитъ теперь одиноко... только паруса рыбацкихъ лодокъ мелькаютъ тамъ-и-сямъ на его лазури... Сопровождавшій меня гондольеръ, старый морякъ, одинъ рывалъ ренотъ пустынныхъ волнъ своимъ краснорѣчивымъ обращеніемъ къ гѣни республики, которой кончину приписываетъ онъ видѣть съ годами

своего младенчества. Если бы все надлуное не было въ глазахъ моихъ существою пошлостью, то жалобы гондольера облеклись бы, конечно, въ краски поэзіи..... Хотите ли вы, въ самоудѣлѣ, поплакать о Венеціи? садитесь на гондолу и велите вести себя по *Большому-Каналу*. Справа и слѣва возвышаются мраморные дворцы, какихъ не умѣютъ строить современные зодчіе; но все это пусто: нилы окна забиты досками; надъ другими чернѣется австрійскій орелъ, или гибкій пилотъ играетъ по слѣды развалинамъ. Если луна застанетъ васъ на каналѣ — тѣмъ лучше: гондольеръ споетъ вамъ *Смерть Клорины*, что, впрочемъ, дѣлается теперь только въ угоду нутешественнику. — Завтра отплываемъ отсюда въ *Триестъ*, а оттуда послѣ завтра въ *Анкону*, а изъ Анконы їду прямо въ Римъ безъ оглядки...»

Римъ ^{4/16} декабря, 1841.

« Изъ Венеціи отплылъ я на пароходѣ 22-го прошл. ноября, вечеромъ, въ Триестъ. На разсвѣтѣ были мы уже изъ гавани этого города. Триестъ вѣроятно убили коммерческую значительность Венеціи. Его *porte franca* богатъ; дома и улицы красны и опрятны; городъ полонъ товаровъ; австрійскія мануфактурныя произведенія непо-чемъ. — Слово *возрожденіе*, предлагаемое къ народамъ, подобнымъ Греціи, Итальянцамъ и проч., есть чистая бессмыслица, *перерожденіе* — другое дѣло, и это обнаруживается вамъ въ Триестѣ на каждомъ шагу провинциальнаго дряхлаго итальянскаго элемента ирано-бодростію славянскаго. Все это подтверждаетъ мнѣніе, что для народовъ, точно такъ же, какъ и для единицъ, существуетъ четыре вѣсны жизни. Греки, Итальянцы, и т. н., пережили ихъ подобно Асиріянамъ, Финиціанамъ и проч. Жизнь космическая... и, следовательно, разве какъ и жизнь послѣдняя, только съ условіемъ личностія ивъ исключительной индивидуальности

отомель, назначенный омолодить ва-
ождную почву.

•26-го съѣзъ я на новый парходъ и
гидель въ Анкону.

•25-го вышли мы на берегъ этого пла-
вниаго города. Нищее народонаселе-
іе скватило почти-насилно нашъ
карбъ и гурьбой понесло въ гостини-
цу. Ни Сирія, ни Египеть не предста-
вляютъ подобной поскудности, подоб-
аго униженія. Не отъ меня дождетесь
вы толковъ о достопримѣчательно-
стяхъ Анконы, объ остаткахъ ирамор-
ной гробовой арки, древняго аменте-
атра, биржи, соборной церкви и проч.
Я видѣлъ врьдъ собой только огром-
ный храмъ *Клоации*, посреди котора-
го волновалась въ грязи толпа дох-
мотьевъ, усремленныхъ на грабежъ
путешественника. Видъ съ высоты, за-
нимаемой соборомъ, на равнину адри-
атическихъ волнъ — великолѣпнѣе.
Такъ-какъ дѣлжансъ въ Римъ дол-
женъ былъ повѣстись только черезъ два
дня въ Анконѣ, то и рѣшился я нанять
естурма. На другой день выступилъ я
съ нимъ въ походъ около шести часовъ
утра.

•26-го, откупаясь единожды отъ по-
лиціи и дважды отъ таможи, въѣха-
ли мы въ дикую, бесплодную страну;
дорога тянется между обнаженныхъ
Горъ Апеннинскихъ. Обѣдать прита-
щались мы въ *Лоретто*, маленькій,
ничтожный городокъ. Онъ извѣстенъ
только знаменитой церковью Богома-
тери (*la beatissima madonna di Loreto*),
которая возвышается посреди площа-
ди, украшенной статуею Сикста V.
Посѣтивъ эту церковь, ея богатую со-
провидницу и *la Santa-Casa*, вокругъ
которыхъ народъ умираетъ съ голода,
пустился мы далѣе въ путь и съ на-
ступившею темнотою прибыли на поч-
дегъ въ *Реканати*.

•27-го, разбойникъ вестуринъ под-
нялъ меня на ноги въ три часа утра
для того, чтобъ одѣлать въ-продолже-
ніе цѣлаго дня всего 80 миль, оберегая
такимъ-образомъ здравіе своихъ че-
твероногихъ въ ущербъ нашему. До-

рога нисколько не оживляется; Аппе-
нины голы какъ отъ Анконы; жители
больше и больше презрѣнны. Затра-
кать прѣѣхали мы въ *Маарету*, по-
чевать въ *Балчмару*, миновавъ *Та-
лентико*.

•28-го. Ахъ, милый другъ, *fa fresco, fa fresco* посреди этихъ поскудныхъ Аппе-
ниновъ! окрестность рѣдко-рѣдко ожи-
вляется; тѣ же голыя горы подъ су-
мрачнымъ небомъ. Обѣдать прѣѣхали
мы въ *Фоллио*, ночевать въ Валь-ди-
Фьоре.

•29-го. Наконецъ въѣхали мы на
флорентійскую болѣе-посѣщаемую до-
рогу; здѣсь природа начинаетъ мало-
по-малу оживляться; Аппенины ста-
новятся круглыми холмами, которыхъ
скалы устѣяны блѣдною зеленою ма-
слинъ. Тамъ-и-самъ перерѣзываютъ
нихъ глубокіе овраги, опущенные на-
лорослымъ дубовникомъ. Все это об-
стоитъ такимъ-образомъ въ окрестно-
стяхъ *Клитумна*; но этотъ виргиніев-
скій потокъ остался гдѣ-то въ сторонѣ;
за то, подобно римскимъ триумфаль-
рамъ, переѣхали мы *Сомму* на при-
пращенныхъ къ нашей четвертѣ *ка-
тумскихъ* водахъ, къ помощи кото-
рыхъ прибѣгали, впрочемъ, у каждою
возвышенія. Обѣдать прѣѣхали мы въ
Сполетту, которой врата до-сихъ
еще именуется *аннибаловыми*.
На ночлегъ прѣѣхали мы въ *Терни*, и
въ тотъ же мигъ отфранились къ ево
знаменитому водопаду. Онъ отстоитъ
въ трехъ миляхъ отъ города; дорога
тянется между оливковыхъ плантацій.
Образующія водопадъ рѣчки *Валло*
и *Нера* воютъ шумнѣе вѣтра на
днѣ каменистыхъ скалъ, недалеко отъ
деревни *Маччио*. Тамъ съѣли мы на
выбѣжавшіе нарочно намъ во срѣженіе
хрѣсты ослонъ, и миновавъ амман-
новую аллею отъ *villa graziari*, углу-
бились въ устѣяныя оливками горы;
нихъ ивѣтность образуетъ неизажъ, съ
котораго списана безъ сомнѣнія во
одна картина «Георгихъ». Водопадъ
Терни прекрасенъ, но Байракъ ниско-

лнть шутить, предпочитая его водопадамъ Швейцаріи.

• 30-го: Природа продолжаетъ хорошить. Не вдалекѣ отъ *Нарни* переѣхали мы *Неру* по мосту, называемому «августовымъ», и немедленно спустились на древнюю *Via Flaminia*. Пообѣдавъ въ *Оттраколѣ*, миновали мы *Боретто*, кѣторой развалины живописны, подобно гейдельбергскимъ, потомъ въ *Чивитта-Кастеллану*, небольшой городокъ, и легли на бокъ въ *Ненни*, котораго обитатель плющемъ и озаренные луной водопротокъ перенесли мои думы на берега Веспора...

• Наконецъ, 1-го декабря, раскинувшись передъ нами широкая пелена *agro romano*. Сначала я воображалъ видѣть себя вновь на поляхъ египетской Дельты; потомъ все это стало пестрой, холмообразной равниною, и вотъ ужъ куполъ св. Петра нарисовался на горизонтѣ, а вскорѣ потомъ и весь силуэтъ всемірной столицы. Въ двухъ миляхъ отъ города, переѣхали мы *Тибръ* чрезъ *Ponte Molle* и вкатились наконецъ въ *Риму* чрезъ *Porta* и *Piazza del Popolo*...

• Всѣ эти три дня протекли въ прилежаніи кватирры, которая, послѣ женскихъ усилій, и обрѣтена наконецъ въ центрѣ самого *Corso*. — Мой умъ ослѣпленъ здѣсь святыней миноваго; касательно же настоящаго *Рима* — болѣе необходимости согласился вполне съ отзывомъ автора *des Affaires de Rome*...

Римъ, 2/20 февраля 1842.

• Если бы я затѣялъ входить въ подробности о *личномъ градѣ*, то конечно вызвалъ бы на ваши уста только улыбку жалости. Предъ вами толпы историковъ и путешественниковъ, которые не оставляютъ своему послѣдователю никакого слова въ предметъ, истерпанномъ до послѣдней капли. Мы предпринять только взглянуть кое-что для васъ, чтобъ не прервать дневника моего который глѣдетъ въ моихъ грамоткахъ къ вамъ со времени выезда моего изъ *Пармы*.

• Съ *Ponte Molle* привѣтствуетъ и великій *Тибръ*, не желтый (по крайнѣйшій въ настоящее время года) ручей, какъ утверждаютъ шкитерые путешественники, но быструю и широкую рѣку, въ которой легко бы можно было потопить и теперь насѣщенное воинство. Если физіономія окрестной природы: обвиваемыя *Тибромъ* горы *Лациума*, и проч., и проч., напоминаетъ вамъ колыбель всемірной столицы, то въздъ чрезъ *Porta* на *Piazza del Popolo* съ волшебной *cilla Borghese* переноситъ васъ много въ средъ города, неуступающаго ни одному современному въ пышности. Выходитъ потомъ на *Monte Pincio*, любимое губище обитающихъ здѣсь чумасцевъ, и ступайте прямо на *Сорм*, удѣ, которая поспоритъ и въ сущности и въ одушевленіи съ вашими *Бескими-Проспектомъ*. Многочисленны площади украшены всюду — те эгипетскими обелисками, то императорскими колоннами, то великолѣпными *Храми* или изящными фонтанами; въ этомъ родѣ вы не найдете, кажется, ничего подобнаго въ мірѣ. Миновавъ *Ванкескую Площадь*, вступаете вы на удивительный царственной колеснице *Фрумъ* великаго императора *Траяна*, а оттуда нѣсколько шаговъ впередъ, открывается предъ вами *Форумъ Италит* у подножія *Горы-Канитоліской*. Это самое любимыя мѣсто древняго *Рима*. Такъ какъ торжественный путь тянулся съ этой стороны на вершину *Канитолія*, то вознесены на него впервые и мы по этому направлению. Знаменитый храмъ *Юпитера Канитолійскаго*, предъ которымъ явились нѣкогда жертвы *триумфаторовъ* и кровь мучениковъ, замѣщенъ ничтожною церковью: *Ara-Costina* въ *Тарпейской Скалы* спорилъ съ *Григоремъ* безъ малѣйшей опасенности для ребенка. Нынешній *входъ* на *Канитолій* тянется съ противоположной стороны по широкой дѣстницѣ, которая украшена снизу двумя древними *столбами*, изъ части которыхъ *дѣлается*

въ мраморные бассейны. На вершинѣ цѣль колоссальныя статуи Кастора и Поллукса, съ ведомыми ими конями, и колонна, увѣнчанная бронзовою урною, въ которой хранится пепель Траяновъ. Потомъ невольно бросается въ глаза изящная конная статуя Марка-Аврелія; но все это собрано и перенесено изъ разныхъ мѣстъ на вершину Капитолія, котораго выи́шнія цѣли построены и превращены въ бо-
 готворный послѣ ватиканскаго музей папъ Павломъ III. Описание этого музея можете вы отыскать повсюду; тамъ же замечу вамъ мимоходомъ только на *божественную Велеру камитольскую* и на *умирающую Гладіатора*. Эта послѣдняя статуя создана, по моему мнѣнію, рѣзцомъ римскимъ, не взирая на ея греческое изящество и на доводы ученаго моего пріятеля маркиза Мельсори. Посреди бюстовъ императорскихъ я съ особымъ вниманіемъ изучалъ физиономіи Тиверія и Нерона, которыхъ особы издавна соблазнили и признаться ли вамъ?) до-сихъ-поръ еще соблазняютъ мое воображеніе, какъ самое вѣрное отраженіе умирающаго римскаго солнца, верховной точности эгоизма и окончательнаго развѣдненія древняго общества. Соездѣ съ Капитолія по тому же пути, по которому вы вошли на него, спускаетесь вы по знаменитой *Scala Gezoniae* въ древнюю тюрьму намертвячую. 12 футовъ глубже чернѣется пропасть *тулліанской* темницы (*Carcer Tullianum*). Въ ней умеръ съ голода Огурта; въ ней умерщвлены катлиничныя сообщники, Селянъ, временщикъ Тиверія, и множество другихъ историческихъ лицъ. Эта пучина до-сихъ-поръ еще слово-въ-слово вѣрна описанію Саллюстіа. Вооруженный факеломъ *кустоде* всего набожиѣ указалъ мнѣ въ ея глубинѣ на чудотворный ключъ, въ которомъ апостолъ Петръ окрестилъ своихъ тюремщиковъ во время своего заключенія въ этой темницѣ. Вышедъ изъ оной, вы видите себя предъ хаосомъ развалицъ древня-
 Т. XXVIII. — Отд. VIII,

го *Форума*, который носитъ теперь неблагопристойное названіе *Сатро Васцино*. Прежде всего представляются вамъ три колонны храма *Юпитера-Громовержца*, потомъ остатки храма *Фортуны*, дребезги храма *Солласія* (*Concordia*). — Все это во прахѣ посреди обширнаго углубленія. Вълѣвъ возникаетъ триумфальная арка *Септима Севера*, а за нею колонна мерзавца *Фоки* и остатки *Грекостатиса*. Отсюда начинается *священный путь*, выи́шняя оживленная деревьями аллея, по сторонамъ которой тянутся другъ-за-другомъ развалины *Гостиліевой Куріи* (*Curia Hostilia*), храма *Весты*, богатые остатки храмовъ *Антонія* и *Фаустины*, *Ромула* и *Рема*, обширной константиновой базилики и, наконецъ, триумфальная *титова*-арка. За этой послѣдней разсыпаны дребезги храма *Венеры* и *Рима*, возвышавшіеся на развалинахъ *Атриума* золотыхъ падачъ пероновыхъ. Вправѣ, насупротивъ, возвышается *Гора-Палатинская* съ разрушенными чертогами кесарей, которыхъ почернѣлыя стѣны выказываются посреди разноцвѣтной зелени садовъ фарнезинскихъ. Все это обозрѣно мною какъ-нельзя-подробнѣе и тщательнѣе. Подземныя бани *Линіи* сохраняютъ еще на своихъ стѣнахъ слѣды живописи и позолоты. Тамъ же находится плѣнительная вила Англичанина Милльса. Вотъ гдѣ бы и я, кажется, предался вашему вкусу къ полямъ, цвѣтамъ и свободамъ. Съ вершины *de Mons Palatinus* открываются предъ вами шесть остальныхъ холмовъ Рима: *Авентинъ*, *Цѣлусъ*, *Эсквименъ*, *Виминаль*, *Квириналь* и *Капитолій*. Соездѣ съ *Палатина*, вы направляетесь прямо къ Колоссею. Все, что бы я вамъ ни сказалъ объ этомъ памятникѣ, было бы недостаточно, точно такъ же, какъ недостаточно то, что уже о немъ было сказано. Всѣ другіе здѣшніе памятники — ничто въ сравненіи съ развалинами Египта и даже Греціи; *Колоссей* же любознѣтно видѣть даже послѣ пирамидъ и громадъ египетскихъ. Безмѣрная, поросшія зеленью

аркады языческаго зданія, воскрешающія въ воображеніи клики 700,000 зрителей во время борьбы людей со львами и тиграми, и глубина нынѣшняго безмолвія, и побѣдительный крестъ посреди арены, орошенной кровью мучениковъ, — все, все это полно чудесной, невыразимой поэзіи! — Мнѣ надлежало бы породить цѣлый томъ, еслибъ вы потребовали — не говорю описанія, но единого *только* упоминовенія обо всѣхъ здѣшнихъ церквахъ, изъ которыхъ каждая замѣчательна то по богатству матеріаловъ, то въ историческомъ, то въ художественномъ отношеніи. Ватиканская Площадь — ничто въ сравненіи съ парижскою *Place de la Concorde*. Колоннада св. Петра лучше всего, что вамъ попадается потѣмъ въ этомъ храмѣ, и, признаться ли вамъ между нами, что, за исключеніемъ его изумительной огромности и богатства, всемірный восторгъ, возбуждаемый ея нынѣшнимъ именемъ этой церкви, есть чувство, для меня непонятное. *Les moutons de Panurge* есть, впрочемъ, самый поразительный символъ людскихъ дѣяній и мѣній. Если, какъ говорятъ, Микель-Анджело исполнилъ бы свое первоначальное намѣреніе дать форму греческаго, а не латинскаго креста, Храму св. Петра, то колоссальный его куполь не былъ бы отдвинутъ къ одной сторонѣ, но, подобно пантеонскому, вѣдѣлъ бы средину зданія, и потому разливалъ бы не на одну его часть, но по всему пространству не нынѣшней боковой, а равноѣрный и повсемѣстный свѣтъ. Однимъ словомъ, за исключеніемъ величавой колоссальности Храма св. Петра, я предпочитаю ему внутренность Церкви св. *Иоанна Латеранскаго* и даже *Santa Maria Maggiore*; не говорю уже о *Пантеонѣ*, теперь искаженномъ, но отражающемъ величіе августова вѣка даже въ своихъ уцѣлѣвшихъ обломкахъ. Не одинъ десятокъ разъ посѣтилъ я *Ватиканъ*: смотрѣлъ и засматривался на *Аполлона Бельведерскаго*, на *Клеопатру*, на *Лаокоона*, и проч. и проч. Въ-отношеніи

къ этому послѣднему, а также отнюдь не раздѣляю восторга знатоковъ и презрѣнныхъ обезьянъ. Совершенно древняго ваянія нечастливый *Иоаннъ Канъ*. Смотрѣлъ я также, и не могу сказать, поклонился генію Рафаэлю дивномъ *Преображеніи*; въ *Санта-ди-Фолігно*, въ Станцахъ (тамъ, о что говорить обо всемъ этомъ, — не видѣть, благоговѣть и наслаждаться!..

За исключеніемъ древняго рода, волопроводовъ, гробницъ и еще кое-чего, — *Ватиканъ* замѣчательные памятники *античной столицы*; остальное — блестящую антикварсію греческую, значащую для насъ, оглашающую

«Еслибъ я пустился въ *Ватиканъ*, о виллахъ, о частныхъ *галереяхъ*, о картинныхъ галереяхъ, то въ *Ватиканѣ* когда бы не кончилъ *Ватиканъ*. Надобно, между-тѣмъ, *Ватиканъ* васъ къ знакомству съ *Ватиканомъ* которой очень-неудержимо *Ватиканъ* деть къ вамъ въ Петру, *Ватиканъ* же васъ съ нею познать *Ватиканъ* изъ самыхъ патетическихъ *Ватиканъ* ній *Гвидо-Рени*, который *Ватиканъ* воритъ громче всякого *Ватиканъ* сердцу. Вы увидите *Ватиканъ* но, ее полюбите...

«Да! я забылъ сказать *Ватиканъ* о группѣ *Св. Терезы* *Ватиканъ* но, которую, не колеблясь *Ватиканъ* ряду съ лучшими *Ватиканъ* на греческаго.

«Что же сказать *Ватиканъ* каждое воскресенье *Ватиканъ* пеллу *Сикстинскую* *Ватиканъ* слушать пѣніе *Ватиканъ* двѣ до Рождества, *Ватиканъ* будили насъ въ четахъ *Ватиканъ* ими нестройными *Ватиканъ* нѣ на цѣлой *Ватиканъ* гию въ день Рождества *Ватиканъ* Церкви св. Петра *Ватиканъ* XVI со всею *Ватиканъ* стью. Все это *Ватиканъ* но, особенно *Ватиканъ* кардиналовъ и *Ватиканъ*

Балдахини въ креслахъ *gestatoria*, окруженныхъ строусовыми опахалами и носящихся цѣлыми взводомъ *блатородной* гвардіи (*guardia mobile*).

• Передъ масляницей, *tomsignori* были возведены въ кардинальское достоинство. Эти господа принимаютъ публичные поздравленія отъ всѣхъ и каждаго, кто только похочетъ облечься въ мундиръ. Я былъ у кардинала Акмеа: все, что тамъ дѣлалось, принадлежить вѣкамъ давно-минувшимъ, и очень-любопытно для иностранца.

• Римская масляница не имѣетъ, конечно, ничего подобнаго въ мірѣ. Представьте себѣ въ-продолженіе цѣлыхъ семи дней маскарадные балы Большой Парижской Оперы на улицѣ, съ прибавкою конфетъ и цвѣтотъ, бросаемыхъ гуляющими другъ въ друга, конскихъ ристаній и, въ послѣдній день, болѣе ста тысячъ восковыхъ свѣчъ (*moscoli*), зажженныхъ, тушанныхъ и лампово-зажигаемыхъ по всему пространству *Corso*. Такъ-какъ балконы моей квартиры глядятъ на самый центръ гулянья, то и представляла она во все продолженіе масляницы истинную харчию, въ которую, по римскимъ обычаямъ, входилъ кто уснѣлъ, и проч.

• Что же еще? Соотчицей вашихъ, *Тлумаракашцевъ*, здѣсь многое-множество; балы, музыкальные вечера и тому подобныя забавы идутъ своей чередой; но я, въ качествѣ *Гемдона-Дивана*, не принимаю во всемъ этомъ большого участія и предпочитаю скитаться по здѣшнимъ обломкамъ, глядѣть на картины, посѣщать мастерскія *Торвальдсена* и *Телерами*, толковать о Байронѣ съ *Гемпиоли*, нынѣ красивой разведенной, и проч. Не говорю вамъ ничего о вещахъ сухихъ, о механизмѣ здѣшней власти, о римскомъ обществѣ и о соврѣщенныхъ *комриатахъ*; скажу только, что итальянская жизнь, будучи лишена всякой интеллектуальной стороны, довольно-дроторна и въ вещественной отношеніи отстала отъ европейскаго комедіанта по-крайней-мѣрѣ на два столѣтія. Кроме того, Италия

есть сборное мѣсто всякой мишуры...

• Довольно о вещахъ носторожныхъ.

Неаполь. 16/30 апреля 1842 г.

• ...Хватаю за воротъ первую свободную отъ путевой толкотни минуту для продолженія моего дневника, который остановился, сколько могу припомнить, на затѣваемомъ мною представленіи *папы* Григорію XVI.

• Это представленіе совершилось въ концѣ поста, въ ватиканской библиотекѣ, съ тремя установленными колѣно-преклоненіями и обычнымъ лобзаніемъ *папской* туфли. Его святѣйшество очень-много и умно бесѣдовало со мною о моихъ путешествіяхъ въ Святую-Землю, о Иерусалимѣ, о Сиріи вообще и — подивитесь моему отважѣ — вся эта конференція происходила на языкѣ итальянскомъ. Обѣда и особенное *папское* благословеніе въ первый день пасхи, величавѣе и трогательнѣе всѣхъ церемоній страстной недѣли. Этотъ день стоить одинъ нарочитаго путешествія въ Римъ, и я не помню, было ли мое сердце поражено во всю свою жизнь чѣмъ-нибудь такъ сильно, какъ торжественной святынней этого апостольскаго благословенія *urbi et orbi*, которое низшло, подобно райскому сіянію, съ высоты главнаго балкона на умолившее море народа, за мигъ предъ тѣмъ шумнаго по всему пространству обширной ватиканской площади. Иллюминація храма св. Петра также интересна въ своемъ родѣ; *жемранды* или *фейерверкъ*, съ высоты Замка св. Ангела, не стоить никакого вниманія. Послѣдніе дни моего пребыванія въ Римѣ были посвящены посѣщенію окрестностей: *Тиволи*, *Villa Adriana* и проч. Классическія роцци и каскады Тибуря, отражаютъ до сихъ еще поръ поэзію Горация, а развалины адриановой стѣны не имѣютъ никакой надобности въ румянахъ господъ Шатобриановъ, для пораженія ума своей величавой существованіемъ. Покидая Римъ, и должное

сказать вамъ, что только посреди его святой тишины согласился бы, кажется, поставить окончательно въ уголъ посохъ странника. Почему? спросите вы; а самъ не знаю! Въ Римѣ нѣтъ ни парижскаго разнообразія, ни неаполитанской природы, но тамъ... впрочемъ, я не первый путешественникъ, прїѣхавшій въ Римъ на нѣсколько дней и желавшій остаться тамъ до конца жизни. Кромѣ того, тамъ жила и погибла моя возлюбленная, la signora *Beatrice Cenci*, которой исторію узналъ я подробно только за нѣсколько дней до своего выѣзда изъ Рима. Ея процессъ хранится частію въ ватиканскомъ книгохранилищѣ, частію въ бібліотекѣ *Барберини*. Зачѣмъ не могу передать вамъ въ нѣсколькихъ строкахъ всего, что желалъ бы сдѣлать изъ этихъ матеріаловъ! Мои римскіе прїатели уговаривали меня остаться между ними и писать поэму или трагедію *Беатриса Ченчи*, обѣщая открыть мнѣ путь къ документамъ ея трагическаго процесса. Масляный портретъ Ченчи, копія съ оригинала *Гвидо Рени*, уже отправленъ къ вамъ въ Петербургъ. Взглянувъ на него, скажите, какой идеалъ сравнится съ этой существенностію!..

• 16-го текущаго апрѣля, оставилъ я Римъ и пустился съ куррьеромъ въ Неаполь чрезъ *Терраччио*. *Альбано* миновали мы, къ моему крайнему сожалѣнію, ночью, почему и не могъ я повѣрить сказанія о славнои во всей Италіи красотѣ тамошнихъ женщинъ; классическая прелесть пейзажа мелькнула мнѣ также «сквозь дымку ночи». На разсвѣтѣ, миновали мы *болота поитійскія*, одѣтыя пышной растительностію, но пустынные и, какъ говорятъ, опасныя въ лѣтнее время своими ядовитыми испареніями. Утромъ, 17-го, перемѣнили мы лошадей въ живописномъ *Терраччио*, главной квартирѣ римскихъ бродягъ и разбойниковъ. Тамъ увидѣлъ я явновъ, послѣ Египта, голубую пелену Средиземнаго-Моря; дорога тянется по его берегу и съ каждымъ шагомъ дѣлается живописнѣе. Миновавъ

Фонди, ступили мы на землю неаполитанскую; фестоны виноградики, нѣрмѣшанные съ «горящими по мѣтѣ деревъ» апельсинами, тянутся непрерывно по обѣ стороны дороги. Картина красоты *Мола Гаэтская* достигла уже блистать Неаполемъ. Опять перекрестки были мы въ нѣдрахъ *неаполитанскихъ наслажденій*, которыя ограничиваются только встрѣчей съ цѣлымъ полкомъ неаполитанской гвардіи. Около 16 часовъ, наконецъ вѣхалъ я въ *неаполитанскую*, блестящій газомъ Неаполь.

• 18, 19 и 20-го, бродилъ я по

Еслибъ *Толедская Улица* была бы вымощена троттуарами, то представляла бы красоту и одушевленіе *Проспекта* Проспектъ, и парижскій *бульваръ* *Италиенс*. Мѣстоположеніе Неаполя необычайно картинно, но не имѣетъ ничего его съ Константинополемъ. Въ вечеръ, идущійся (въ обыкновеніе время) подобно зажженной кучи *дворца* *Чателенъ*, можетъ-быть, *дворца* *изверженій*. *Villa reale*, *дворца* *гулянье*, образующее *проспектъ* *аллею* вдоль набережной, *Сен-Марко* *красно*. Видъ отсюда на *неаполитанскаго* — *Залива* *обширенъ*. *Замокъ St. Elme* вѣнчаетъ панораму города, а замокъ *Сен-Марко* мыкаетъ молъ удовольствій для глазъ образомъ. *Терраччио* богаты и огромны, гораздо больше, миланскаго (*La Scala*) сѣтилъ я *Портичи*, *Пантеонъ*, *маре* и *Гербуланумъ*. Въ *неаполитанскій* вы, безъ всякаго сомнѣнія, современникомъ *Петруччио* гораздо-менше *дворца* *дорога* отъ Неаполя до *дворца* *лавою*, на которой *дворца* *теперь* *виноградики*. *Одессителъны*. 24-го *дворца* *роходѣ* въ *Каприю*; *дворца* *глубокое* *уваженіе* *дворца* *рию*, не карабалса *дворца* *крутой*, покрытой *дворца* *ды*. За то *дворца* *подножія* *подъ* *дворца* *зурной пещеры*, *дворца*

заимствованъ не шута изъ чудесъ *Тысячи и Одной Ночи*. Сорренто, мѣсто родины *Тасса*, куда отплыли мы изъ *Капри*, живописное, но не представляющее ничего особенно-любопытнаго мѣсто. 25-го путешествовалъ я, за свои грѣхи, на вершину *Везувіа* по огромнымъ кускамъ лавы, застывшей подобно желѣзной губкѣ. Все это происходило ночью, при свѣтѣ зажженных факеловъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ на вершинѣ волкана, видѣлъ я посреди клубящихся облаковъ дыма огромное огнище, слышалъ подземный шумъ, чувствовалъ жаръ подъ ногами и—ничего больше. Всѣмъ этимъ можно было бы полюбоваться въ какой-нибудь музеевѣ. Возвращаясь, завернулъ я на полугорѣ къ мужику, величаемому пустынноикомъ, у котораго осушилъ стажанъ отнюдь для меня невкуснаго *Lactima-Christi*, и только около 4 часовъ возвратился домой съ усталостью и опасеніемъ «d'avoir attrapé quelque méchantе рѣсесіе», какъ говоритъ Брантомъ.

• 27-го, пустился я чрезъ пещеру *наузмилскую*, длинный корридоръ, подобный встрѣчаемому на пути изъ Парижа въ Версаль туннелю. Оттуда посѣтилъ я *Аванское* Озеро, котораго холодная вода кипитъ ключомъ у подножія *Собачьей Пещеры*. Въ эту пещерку не входилъ я ради алчности *кустоде*, котораго песь уже приготовился къ условленному обмороку въ моемъ присутствіи. Потомъ завернулъ въ сѣрныя паровыя ванны, а оттуда, обманутый проводникомъ, загулялъ пѣшкомъ, при налящемъ солнцѣ, черезъ горы и доли, къ *Сольфатару*, угасшему вышѣ волкану. Отъ *Сольфатары* на силу дотащился я до *Пуццолі*, прекраснаго городка на концѣ мыса. Тамъ показывали мнѣ небольшой амфитеатръ и остатки храма Юпитера. Проѣзжая потомъ по дорогѣ въ *Куми*, оставилъ я влѣвъ обломки моста, брошеннаго, если припомните, *Калигулой* чрезъ море, въ слѣдствіе фантазіи, порождаемой мозгомъ только подобныхъ ему *Наву-*

ходоносоровъ. Оттуда миновалъ я великолѣпныя развалины воротъ *кумскихъ* (*Arco felice*), засыпанная землею стѣны древнихъ *Куми*, и потомъ лагнулъ на берегу *Фузаро* (древняго *Ахерола*) вкуснѣйшими въ мірѣ устрицами. Такимъ образомъ, очутился я на полуокругломъ Заливѣ *Байскомъ*. Это *Павловскъ*, *Царское Село*, или, лучше сказать, *Бадень-Бадень Лукулловъ* и *Горациевъ*, *Авустовъ* и *Меценатовъ*. Подкрѣпивъ себя тамъ блюдомъ неаполитанскихъ макаронновъ и бутылкой истиннаго *фалерна* (сладкаго, подобно какому-нибудь фронтиньяку, вина), посѣтилъ я живописныя развалины храмовъ *Сераписа*, *Дианы*, *Геркулеса*, *Венеры*, *Меркурія* и множество другихъ мѣстъ, о которыхъ толкуется въ VI-й, если не ошибаюсь, книгѣ *Энеиды*. Поочередно указали мнѣ Мысъ *Мизенскій*, Озера: *Авериское*, *Лукринское* и *Ликольское*; берегъ, на которомъ погибла *Атрикпппа*; остатки *нерономыхъ* бань и наконецъ — пещеру *Цивиллы кумской*. Лодкой для посѣщенія этого запруженнаго водой подземелья, служилъ мнѣ хребетъ предложившаго себя на этотъ конецъ *лазарони*. Во глубинѣ пещеры показали мнѣ, между прочимъ, купальню *Цивиллы* и отверстіе, чрезъ которое *Калигула*, *Неронъ* и проч. любовались ея наготою.

• 28-го, возвратился я къ *наузмилскому* гроту, для поклоненія могилѣ *Виргилія*. Петраркина лавра тамъ больше нѣтъ и въ поминѣ. Эта загадочная могила замѣчательна только красотой обвивающей ее растительности и волшебнымъ видомъ на море.

• 30-го, смирился я въ здѣшней соборной церкви предъ кипяткой крови св. *Авварія*. Чудо это происходило въ присутствіи короля и всѣхъ здѣшнихъ гражданъ...

• Чтò же сказать вамъ еще? Въ настоящее время года, здѣшнее общество и иностранцы разбѣгаются во всѣ стороны отъ жаровъ. *Лаззарони* существуютъ только въ преданіи; народъ прессыкается, не смотря на то, въ вице-

тъ, въ униженіи, въ невѣжествѣ, въ суевѣрїи, въ безнравственности, о которыхъ вы не можете себѣ составить никакого понятїа. Поскудное человѣчество! При существующемъ порядкѣ вещей, это не можетъ, впрочемъ, и быть иначе...

• Въ здѣшнихъ окрестностяхъ остается мнѣ посѣтить *Искію*, *Прочиду*, *Амальфи*, *Пестумъ*, а въ городъ — музей, богатый геркуланскими и помпейскими бронзами. Потомъ замышляю я небольшое путешествіе въ *Сицилію*, которое ограничится, вѣроятно, только посѣщеніемъ *Палермы* и *Мессины*, а потомъ чрезъ *Ливорно* во *Флоренцію*, а потомъ... но, Боже мой, чего бы не далъ я за возможность склонить въ закомъ бы то ни было углу свѣта на дружнее сердце свою усталую голову! Что ни говорите, но быстрая перемена жизни мнѣ необходима: черныя, гадкія мысли волнуютъ часто мой умъ; мысль о непробудномъ снѣ начинаетъ нравиться воображенію; страдающая голова совѣтуетъ перѣдко послѣднее, самое вѣрное средство къ исцѣленію.... Милосердіе Божье да избавитъ меня отъ порывовъ безумнаго отчаянія!.... Да, милый другъ, самая любимая мечта моя есть мирный приютъ, гдѣ бы то ни было, въ обществѣ воспоминаній моей труженнической жизни, не слишкомъ-богатой годами, но плодотворной опытами и бесполезной борьбою съ рокомъ. Еслибъ угодно было Богу и вамъ, то остатокъ дней моихъ былъ бы исключительно посвященъ вамъ и вашему семейству, въ какомъ-нибудь маленькомъ домицѣ, украшенномъ моними скромными приобрятеніями въ трехъ частяхъ свѣта.

Флоренція, 10/22 июня 1842 г.

..... Не буду входить въ подробности о неаполитанскомъ музеѣ (*Studi*); о древнихъ бронзахъ; о вазахъ *di Nola*; о папирусахъ, объ удивительныхъ останкахъ *Геркуланума* и *Помпей*, о *Геркулесѣ* и *Флорѣ*, о превосходномъ

Аристотелѣ, объ изящной *Венерѣ seliruge*, которая, впрочемъ, нравится мнѣ гораздо-менѣе *капитолійской Венеры*, и о безднѣ другихъ чудесъ древняго ваянія. Картины неаполитанской галлерей ничтожны въ сравненіи съ римскими. Я не менѣе того влюбился въ небольшую мадонну *Кореджото*, *Madonna del Coniglio*, какъ ее именуютъ здѣсь, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, считаю *Альфонсо Пустынкъ*. Я приобрѣлъ для себя удурную копию *de cet adorable père M. jou, du sentiment le plus exquis, de faire le plus prodigieux*.

• 13-го мая отплылъ я на пароходѣ въ заморскій городъ *Палерму*. Слѣдующая панорама *Неаполя*, въ самомъ видѣ, чрезвычайно-картинна; но когда вы приблизитесь она къ виду *Костановополя*. Послѣ 23-хъ часовъ *Альфонсо* по волнамъ *Средиземнаго-Моря*, вѣдѣли мы наконецъ горы *Санта-Агата* и потомъ вышли на берегъ. Видъ здѣсь грустное мѣсто. Окрестности *Палермы* живописны; городъ заключенъ между двухъ горъ: *Monte Reale* и *Monte Pellegrino*. Выилы *лука Сира* и *княгини Бутеры* (урожденной *Бурбонской*) завидно плѣнительны. Первая — каскады, часовни съ часовыми монахами и разныя фокусы. Сады *Бутеры* замѣчательны рѣдкостію растений. Публичныя бани надъ моремъ лучше всего живописная его набережная. Прогулки по ней въ лунный вечеръ бразилы. Если бы рѣшались выехать у меня еще такъ съѣздить въ то храмы *Палермы* и окрестности, то богаты и любопытны. Слѣдующая плѣнительная диковинка въ *Палермѣ* — кладбище *кауцинокъ*. Здѣсь вы увидите себѣ огромную, утѣшительную кладовую; въ стѣнѣ которой вы увидите тѣла усопшихъ; все это вы увидите на некоторыхъ новѣйшихъ картинахъ, ситъ васъ за три года. Здѣсь вы увидите выставлены плаща *Бутеры* и проч. и проч. *Палерма* — городъ, жать отъ мыслей это *Палерма* —

шихъ. Подобное кладбище видѣлъ я уже въ Римѣ. Это послѣднее не столь обширно, но зато люстры, канделябры, гирлянды и арабески на стѣнахъ— все это сдѣлано изъ костей человѣческихъ. Цѣлые три дни торжествовали праздникъ св. Розаліи, освободившей когда-то отъ чумы городъ Палерму. Однажды былъ и я на гульбищѣ въ ущеліяхъ *Monte Pelegrino*, посреди которыхъ возвышается церковь угодницы. Не взирая на свое рѣшительное отвращеніе ко всевозможной сволочи, я не безъ любопытства смотрѣлъ на представляемое ею зрѣлище: оно какъ-нельзя-болѣе пестро, шумно, оригинально и живописно; но посреди безчисленнаго множества женщинъ я остался непоколебимъ, подобно какому-нибудь Ксенократу. Ни одна изъ нихъ не оправдала въ моихъ глазахъ сказанія о неизобразимой красотѣ Сицилянокъ.

• Что же сказать вамъ еще о Палермѣ? Домъ умалишенныхъ съ его садами и гротами, которые руины сумасшедшихъ украсили тамъ-и-сямъ изваяніями святыхъ отшельниковъ и тому подобными ватѣями, едва-ли не лучше большей части того, что творится существами, наслаждающимися полнотою разсудка. Что же еще? свѣдѣнія политико-этнографическія едва-ли могутъ быть для васъ занимательны; скажу только, что Сициляне жаждутъ независимости Неаполя, и это не послѣдняя съ ихъ стороны глупость, ибо правительство заботится о нихъ по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько и о другихъ своихъ подданныхъ. Повсюду возникаютъ дороги и средства къ сообщенію. Сицилія—рай земной, а между-тѣмъ бѣдность жителей чрезвычайна, ибо вся ихъ промышленность (по-крайней-мѣрѣ, въ Палермѣ) основывается на высасываніи сребренниковъ изъ кошелька странствующихъ иностранцевъ. За всѣмъ тѣмъ, Сициляне добрый, веселый, смыслѣвый народъ, какъ вообще всѣ Итальянцы.

• 19-го мая оставилъ я Палерму, а

20-го увидѣлъ себя снова въ Неаполѣ. На этотъ разъ моя комната (*ex Hotel de Rome à Santa Lucia*) господствовала надъ всѣмъ пространствомъ Неаполитанскаго-Залива. Это зрѣлище надобно видѣть, а не описывать; особенно ночью, при лунномъ сіяніи... Конечно, берега Воспора картиннѣе береговъ Партевопы; но гдѣ же этотъ сафирный блескъ небесъ и моря, этотъ волшебный, напитанный ароматами воздухъ; гдѣ все это? Черезъ нѣсколько дней должно мнѣ было покинуть Неаполь; но благонамѣренные души не хотѣли отпустить меня до 30 го мая, день именины короля, въ который театръ *San Carlo* освѣщенъ особеннымъ образомъ. Проглотивъ между-тѣмъ выпрепный, классическій обѣдъ у неаполитанскаго Ротшильда, я раскаялся въ ожиданіи театральнаго освѣщенія, ибо, между нами будь сказано: *C'est vraiment peu de chose...*

• 31-го съѣлъ я на пароходъ *Vesuvii* и откланялся съ невыразимымъ горемъ Неаполю, островамъ *Искіи*, Прочидѣ и проч. 1-го іюня были мы уже посреди владѣній его святѣйшества въ *Чивитта-Веккии*. Весь этотъ день посвятилъ я безуспѣшнымъ попыткамъ познакомиться съ презнаменитымъ разбойникомъ *Гасперони*, *le dernier des brigands Italiens*, какъ выражалась одна изъ плавившихъ съ нами Парижанокъ. *Гасперони* сидитъ въ крѣпости и папа запретилъ съ нѣкотораго времени допускать къ нему путешественниковъ. *Чивитта-Веккиа* можетъ по-справедливости назваться столицей колодниковъ; туда ссылаются всѣ преступники Церковной-Области, и только звукъ цѣпей прерываетъ мертвое молчаніе улицъ. На другой день, 2-го іюня, приплылъ я въ Ливорно.

• Ливорно богатъ и велкодѣпенъ; его *porto franco* набить товарами; произведенія туземнаго ваянія дешевы, но ничтожны въ-отношеніи къ искусству. Нарушивъ свой клятвенный обѣтъ не ѣздить никогда съ ветуринами, я горько раскаялся, отвѣдавъ еще

разъ это предвкусіе ада во время пути своего изъ Ливорно во Флоренцію, куда и загулялъ вечеромъ 4-го іюня.

Лишенный способности спать въ экипажѣ, я встрѣтилъ восходъ солнца посреди зеленыхъ холмовъ Тосканы; ея картинныя окрестности выше всякихъ похвалъ; ея воздѣланныя поля, орошающій ихъ тамъ-и-сямъ Арно, деревни, подобныя увеселительнымъ дачамъ — все это простирается, какъ необозримый садъ, и дышетъ довольствомъ, спокойствіемъ, радостью. 5-го въ девять часовъ утра были мы уже во Флоренціи. Ея высокіе дома и узкія, довольно-пустынные улицы, произвели на меня не совсѣмъ-пріятное впечатлѣніе вплоть до Арнской Набережной, *Lung' Arno*.

«Всеконечно, не слѣдуетъ мнѣ переписывать здѣсь какой-нибудь *Guide du Voyageur* для исчисленія чудесъ, заключенныхъ въ галлерей *degli Uffizi* и въ *Palazzo Pitti*. Прочтите первое описаніе *Трибуны* съ ея шестью безсмертными статуями и картинами, прочтите также кое-что о бронзахъ и драгоценныхъ произведеніяхъ *Cellini* и *Gianbologna*. Прочтите наконецъ описаніе картинъ *Palazzo Pitti*, великолѣпнаго зданія, въ которомъ обитаетъ великій-герцогъ. Остановитесь особенно на рафаэлевой мадоннѣ *della Seggiola*: c'est son chef-d'oeuvre. Созерцанію этой картины обязанъ я, безъ всякаго жеманства, лучшими минутами жизни; за то пустыня, по ея милости, теперь у меня въ карманахъ, ибо, желая доставить вамъ наслажденіе познакомиться съ нѣкоторыми изъ чудесъ, влекущими народы всей Европы въ Италію, я разорился на прекрасную, писанную съ оригинала (что отнюдь не бездѣлица) однимъ изъ лучшихъ здѣшнихъ живописцевъ копію мадонны *della Seggiola*. Взгляните на мадонну, и, я ручаюсь, тайны неба откроются душѣ вашей...

• Снаружи, зданіе здѣшняго собора *Santa Maria del fiore* прекрасно и величественно; оно, впрочемъ, гораздо-

менѣе интересно другой церкви *di S. Croce*, пантеона Италіи. Тамъ покоились я могиламъ Макиавеля, Альфьери, Микель-Анджело, Галилея и проч. Академія изящныхъ наукъ стоитъ также неоднократно посѣщенія; сады *Boboli*, *Petraia* и очаровательное гульбище *Cascine* на берегу Арно несравненны въ своемъ родѣ. Ночью, при лунномъ сіяніи, набережная съ ослѣпляющими ее зданіями представляетъ что-то буколическое. За всѣмъ тѣмъ, жары начинаютъ становиться несносны; все здѣшнее общество разбрелось на право и на лѣво. Я бываю между-прочимъ у О..., гдѣ встрѣчаю всѣ дребеаги наполеоновой фамиліи. Съ меньшимъ Монферомъ, живымъ портретомъ *маленькаго капрала*, столкнулся я уже прошлаго года въ Баденѣ. Съ привномъ Кавино (сыномъ Луціана), вступаю въ жаркій споръ объ известномъ процессѣ *Сизамы*, нашедшемъ средство превращать въ камень трупъ животныхъ, и проч. и проч.

• Дня черезъ три — четыре ѣду я въ Ливорно, а оттуда чрезъ Геную въ Марсель, въ Ліонъ и наконецъ въ Вьенн, котораго минеральныя воды предписаны мнѣ на этотъ годъ. На зиму въ Парижъ.

Марсель. 21, іюля 1842.

• Изъ Флоренціи выѣхалъ я 7-го текущаго мѣсяца; въ Пизу пріѣхалъ я равнѣмъ 8-го. Четыре памятника этого послѣдняго города, возвышающіеся одинъ надъ другимъ, даютъ вамъ возможность разлѣяться въ нѣсколько часовъ съ Пизою. Наружность собора оригинальна, внутренность богата золотствомъ и живописью, посреди которой бросается въ глаза нѣсколько замѣчательныхъ картинъ *Andrea del Sarto*. Барельефы низкихъ бронзовыхъ вратъ нравятся мнѣ болѣе флорентинскихъ. *Полюккиал баила* — живо въ своемъ родѣ. *Il Campo Santo*, наконецъ — самое живописное, самое красивое и едва-ли не самое замѣчательное кладбище въ Европѣ. Сама-по-себѣ *Пиза*

вуста и пустыня; но я не знаю почему этотъ городъ нравится мнѣ тысячу разъ больше Флоренціи. 8 го оставилъ я Пизу и въ тотъ же вечеръ прибылъ въ Ливорно. 12-го отплылъ я изъ Ливорно въ Геную на сардинскомъ пароходѣ «*il Dante*», и послѣ бурной ночи проснулся предъ этимъ городомъ изъ мрамора съ декорацией висячихъ апельсиновыхъ и лимонныхъ садовъ между изящными колоннами и перистилами. Послѣ Рима, Генуя нравится мнѣ едва ли не больше всѣхъ городовъ Италіи. Стѣны домовъ украшены снаружи по-большой-части живописью; перкви почти столь же великолѣпны, какъ римскія; дворцы (*palazzi*) стоятъ въполнѣ этого имени. Изъ нихъ посѣтилъ я дворецъ королевскій; *Palazzi Brignole* и *Durazzo*: все это величественно, великолѣпно и представляетъ нѣсколько мастерскихъ произведеній живописи. Окрестности Генуи: портъ, видъ на море — очаровательны; вѣсѣ начинается освобождаться отъ канальской физиономіи лаварони; женщины затѣиваютъ красотой даже самыхъ Римлянковъ; черты этихъ послѣднихъ не сіяютъ отнюдь разумной тонкостью, которая отражается на лицѣ каждой молодой Генуезки. Бѣлый, спадающій до половины тѣла покровъ придаетъ этой красотѣ что-то эфирное, что-то таинственное и несказанно-пѣлнтельное. 13-го получилъ я приглашеніе на балъ къ маркизу *di Negro*. Его *villa*, иллюминированный садъ, видъ на море — обворожительны.

18-го вечеромъ оставилъ я съ грустію Геную и отплылъ въ Ниццу. Въ тотъ же день изъ Ниццы пустился въ Марсель. Марсель большой, торговый городъ. Возвращеніе во Францію возбудило во мнѣ чувство возвращенія съ другаго свѣта. Марсель погруженъ въ трауръ по орлеанскомъ герцогѣ; но политическія страсти не безмолвствуютъ и выходы какой-нибудь «*Gazette de France*» наполняютъ горечью сердце.

Завтра 22-го пускаюсь я далѣе въ путь на пароходѣ по Роню, располагая

посѣтить нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ мѣстъ Южной Франціи по направленію къ *Винн*.

Винн. 16^{1/2} августа 1842.

Марсель покинулъ я вечеромъ 23 іюля и пустился на пароходѣ въ Арль, располагая плыть по Роню вверхъ до Ліона. 24-го, вышедъ я на берегъ въ Арль, маленькомъ городкѣ, славномъ во всей Франціи красотой женщинъ, которая показала мнѣ, сравнительно съ прелестью Итальянокъ, больше нежели посредственною. Замѣчательна только одежда *Арлезіанокъ*, и въ этомъ отношеніи онѣ похожи на крестьянокъ западныхъ русскихъ провинцій. Въ Арль замѣчательна опера-театръ, миньютюръ римскаго Колоссея; чудесный съ верку онаго видъ на разливны Роны, дребезги древняго театра и опустѣлый монастырь, съ его готическою архитектурою. 25-го, отплылъ я въ Бокеръ на загроможденномъ народомъ пароходѣ, который стремился на ярмарку, не уступающую, по узнренію туземцовъ, лейпцигской. Бокеръ и противоположный ему Теразонъ, съ замкомъ короля Рене, суть ничтожныя слободы, незаслуживающія, въ отсутствіе ярмарки, никакого вниманія. За невозможностью пріютиться въ Бокеръ, обязавъ я былъ ѣхать ночевать въ Нимъ, по желѣзной дорогѣ; ничто не можетъ сравниться съ толкотней этого путешествія. Нимъ богатъ римскими древностями. *La maison carrée* напоминаетъ аѳинскій *Тезеумъ*, а *les Arènes* опять царственный Колоссея *свѣтло града*. Крошѣ того, въ прекрасномъ городскомъ саду видите вы развалины діавина храма. Нимъ довольно-красивый, но не веселый городъ. Около полудня возвратился я въ Бокеръ и въ тотъ же день, 26-го, отплылъ въ Ассизионъ. Народъ, по милости ярмарки, кипитъ снова на пароходѣ. Ассизионъ — небольшой, но живописный городокъ; старинныя чертоги папъ превращены нынѣ въ казармы; соборъ и инвалидный домъ стоятъ вниманія; но всего любопытнѣе могла

Лауры, находящаяся нынѣ въ прекрасномъ саду, близъ развалинъ церкви кордельеровъ, которая вмѣстѣ нѣкогда въ своихъ нѣдрахъ эту поэтическую гробницу. Ради чрезвычайнаго раздробленія земель, дороговизна жизни въ Южной-Франціи немовѣрна. Утромъ, 28-го, пустился я далѣе въ путь. Зеленые берега *Роны* становятся отсюда часъ-отъ-часу живописнѣе; тамъ-и-сямъ развалины феодальныхъ замковъ. Вскорѣ миновали мы великолѣпнѣйшій мостъ и деревню *de St. Esprit*; потомъ городки *Валансъ*, *Монтелимаръ* и пр., а на другой день, 29-го, на возвысившейся покатости береговъ ронскихъ, открылась вдругъ передъ нами панорама *Лиона*. Въ этомъ мѣстѣ, сливающаяся съ *Саоноу*, *Рона*, безъ сомнѣнія, несравненно-красивѣе *Рейна*, а *Лионъ* самый замѣчательный городъ Франціи послѣ Парижа. Тамъ пробылъ я три дня, и только 31-го пустился въ *Виши*. 1-го августа, миновали мы, посреди дивнаго, зеленого пейзажа, *Роанъ*, *Шалисъ*; *Киссе* и наконецъ прибыли благополучно въ *Виши*. *Виши* уступить *Бадену* въ блескѣ и затѣйливости, но мнѣ это мѣсто кажется гораздо-задушевнѣе.

Здѣсь кончается дневникъ брата. Я получилъ еще изъ *Виши* нѣсколько писемъ, касающихся дѣлъ домашнихъ; потомъ — послѣднее письмо изъ Парижа, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ: «Что мнѣ теперь съ собою дѣлать? Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надоѣло до невыразимой степени. • Прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣчать что-либо на этотъ трудный вопросъ, въ октябрѣ 1842, получено было извѣстіе о смерти бѣднаго брата, неожиданной, быстрой, мгновенной... Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы!..»

Вотъ письмо, полученное мною отъ одного изъ феноменальныхъ людей нашего эгоистическаго вѣка, г. Балабина, находившагося при послѣднихъ минутахъ брата, и послѣ, съ рѣдкою готовностью, взявшаго на себя печаль-

ную обязанность поставить памятнику надъ его бранными останками.

«C'est avec le sentiment d'une douleur bien sincère, bien réelle, que je prends la plume pour accomplir envers vous, ce que je considère comme un pénible, mais impérieux devoir. Un malheur affreux vient de frapper votre famille! votre frère Victor a cessé d'exister. Il a rendu le dernier soupir vendredi 2e / 14 Octobre, emporté par un coup d'apoplexie suivi d'une paralysie complète de tout le corps. Voici les circonstances de cette mort aussi soudaine qu'imprevue: Arrivé cet automne à Paris après avoir pris pendant l'été les eaux de Vichy, votre frère, dont la santé depuis longtems était loin d'être florissante, se plaignait plus que jamais des maux nombreux qui l'accablaient; son humeur était triste et morose, et il avait fini par prendre en profonde haine ce séjour de Paris qui naguère avait eu tant de charmes pour lui. Le 10 Octobre il vint me voir vers les cinq heures de l'après midi; la souffrance était peinte sur ses traits bouleversés; il eût peine à reprendre haleine et tomba, comme épuisé, dans le fauteuil que je me hâtais de lui avancer. Il était triste et abattu et me fit part, entre autre, de son projet de quitter ce Paris, qui n'avait plus d'attraits pour lui et d'aller passer l'hiver en Italie. Bientôt cependant, revenant entièrement à lui, la conversation s'anima, il reprit sa gaieté et finalement me quitta d'une humeur qui hélas! me donna le change sur la vraie nature de son mal et me le fit considérer comme un de ces accès passagères de sombre mélancolie...»

«Je vous laisse à penser, quel fût mon douloureux étonnement, lorsque le surlendemain le B-n Ropp vint avertir la Chancellerie de l'Ambassade, qu'il était à l'agonie. M'étant aussitôt rendu près du malade, je l'ai trouvé étendu dans connaissance, entièrement privé de toute sensibilité intellectuelle aussi bien que physique, la respiration oppressée et tout le corps paralysé. Voici alors ce que j'appris: il paraît que le soir même

лю jour où il vint me voir, l'indisposition de votre frère prit un caractère sérieux; a nuit et le lendemain matin son état semble avoir été celui d'une excessive agitation d'abord, puis d'une exaspération telle, que les gens qui l'entouraient avaient peine à le contenir et avaient été obligés d'éloigner de lui tout ce qui aurait pu le porter à quelque excès et lui causer quelque blessure. C'est alors, et lorsque le malade eût perdu connaissance, que l'on eut recours aux secours de l'art, secours que jusque là, il avait obstinément refusés. Sans perdre un instant, il fût saigné, on lui appliqua sangsues, cataplasmes, vésicatoires — tout fut inutile, il demeura immobile, sans connaissance et, disent les médecins, sans ressentir aucune souffrance. Le malade demeura jusqu'au bout dans l'état de la plus complète insensibilité. Son agonie se prolongea toute la nuit — enfin, le lendemain 3/4 Octobre il rendit le dernier soupir à 8 heures du matin, au milieu de la profonde affliction de tous ceux qui l'entouraient. Nous lui rendîmes ensuite les derniers devoirs en accompagnant le char funèbre, d'abord à la Chapelle de l'Ambassade, puis au cimetière Montmartre, où le corps du défunt reçut et les derniers honneurs et nos tristes adieux.

Увы! перо выпадаетъ изъ рукъ, умъ колеблется посреди страшнаго хаоса, мысль тщетно порывается проникнуть въ заповѣдную тайну судьбы, которой одно дуновение превращаетъ въ прахъ все, чѣмъ человекъ можетъ гордиться въ этомъ мірѣ. Vanitas vanitatum!.. Оригинальный умъ, обогащенный долгими путешествіями, обширныя, разнородныя познанія, душа, согрѣтая страстною любовью ко всему великому и прекрасному; одно дуновение судьбы, и — гдѣ все это? Смерть лишь отвѣтитъ намъ когда-нибудь на этотъ вопросъ, неразрѣшаемый на землѣ умомъ человѣческимъ.

Исполняя потребность моего сердца, я представилъ вамъ брата, какъ могъ;

но, повторю еще разъ, теперешнее расположеніе души моей не позволяло мнѣ заняться надлежащимъ образомъ біографіею человека, замѣчательнаго по многимъ отношеніямъ. Впрочемъ, то, что я теперь сказалъ, кажется, достаточно можетъ показать, до какой степени горестна смерть подобнаго человека, погибшаго на 38 году жизни...

Пользуясь этимъ случаемъ, я прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ отличномъ уваженіи, и пр. и пр.

АЛЕКСѢИ ТЕНЬЯКОВЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

20) Записки Демона (Les Memoires du Diable). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Э. Араго и П. Вермона. Переводъ съ французскаго X.

Для Петербурга эта пьеса не новость: посѣтителі Михайловскаго-Театра не разъ любовались въ ней талантами гг. Аллана, Дюфура, Вернѣ, Доделя, г-жъ Алланъ и Александръ-Майеръ. Составленная вся изъ эффектовъ, неправдоподобная въ основаніи, пьеса эта илѣнительна при исполненіи ея артистами Михайловскаго-Театра. Наконецъ, какой-то г. X. перевелъ ее на русскій языкъ, а г. Самойловъ поставилъ ее, въ свой бенефисъ, на сцену Александринскаго-Театра, — и «Записки Дьявола» явились уже не забавными и занимательными, а просто неправдоподобными и скучными. Изложеніе содержанія этой пьесы любопытные могутъ найти въ «Отеч. Запискахъ» 1842 года (т. XXI, отд. Смѣси, стр. 110.)

21) Солдаты и Сержанты. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго (La Permission de 10 heures)

Этот пьесю также не раз любовались посетители Михайловскаго-Театра, и помнят въ ней игру гг. Аллана и Дюфура. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что ловкій солдатъ, парижскій уроженецъ, который самъ себя называетъ *enfant de Paris*, проводитъ своего сержанта, тяжелого и неповоротливаго Альзасца, который говоритъ по-французски, какъ Нѣмецъ — *mon pigeon*, вмѣсто *mon pigeon*, и т. п. Онъ заставляетъ его жениться на тетѣ своей любезной, въ которую сержантъ тоже было-влюбился. Въ русскомъ переводѣ изглажены всѣ черты чисто-французскія, и сержантъ сдѣлался изъ Нѣмца чистымъ Французомъ. Отъ-этого, хотя водевилъ былъ сыгранъ довольно-недурно, онъ показался намъ болѣе фарсомъ, чѣмъ водевилемъ, и болѣе вольнымъ, чѣмъ забавнымъ.

22) Но что истинно обезсмертило benefices г. Самойлова въ дѣтописяхъ Александринскаго-Театра, — это третья пьеса — руссійское сочиненіе, у которой, въ афишѣ, вмѣсто заглавія, выставленъ полнотипажъ *парохода*, какъ это дѣлается на афишкахъ, извѣщающихъ петербургскую публику о привозѣ устрицъ!!!... Никогда еще остроуміе драматурговъ Александринскаго-Театра не возвышалось до подобнаго балаганнаго величія! Самъ водевилъ (твореніе какого-то г. А. И. П.) въ совершенствѣ соответствуетъ своему остроумному заглавію. При поднятїи занавѣса, всю сцену занимаетъ пароходъ. Онъ, видите ли, плыветъ съ русскими путешественниками изъ Кронштадта въ Траверкюнде; а путешественники эти все набитое дурачье: остроумный сочинитель хотѣлъ этимъ сказать, что въ Парижѣ ѣздятъ одни глупцы!!!... И справедливо, и умно, и вѣжливо! Такова ужъ философія и таковъ ужъ тонъ драматурговъ Александринскаго-Театра! Вдругъ выбѣгаетъ на палубу экзекуторъ Кузьма Кузьмичъ Резниковъ; онъ провожалъ знакомыхъ до Кронштадта и, уснувъ въ любекскомъ пароходѣ, вообразилъ себя на кронштадтскомъ и

думалъ, что возвращается въ Петербургъ. Узнавъ, въ чей дѣло, онъ требуетъ у шкипера, чтобъ пароходъ повернулъ въ Кронштадтъ — такой чудакъ! Пассажиры хохочутъ, а публика Александринскаго-Театра еще больше... Автора вызывали громко, аплодисманамъ не было конца, котораго мы, впрочемъ, и не дождались, боясь, что театръ упадетъ отъ крику и хлопанья.

Вотъ и всѣ майскія новости нашего русскаго театра!

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» на дняхъ получилъ слѣдующее письмо, которое почитаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія читателей:

«М. Г. Читая въ январской книжкѣ «Отеч. Записокъ» обзоръ русской литературы за прошедшій 1842-й годъ, я очень былъ удивленъ отзывомъ о повѣщенной въ «Библіотекѣ для Читателя» повѣсти барона Брамбеуса — «Паденіе Ширванскаго Царства»: такъ былъ онъ противенъ обыкновенному взгляду нашему на произведенія того же автора. Привыкнувъ соглашаться съ нашимъ литературнымъ мнѣніемъ, на этотъ разъ я усомнился, однако, въ справедливости вашего отзыва. Не-уже-ли авторъ «Фантасическихъ Путешествій», «Большаго Выхода Сатаны» и тому подобнаго, написалъ хотя что-нибудь порядочное. Любопытство и желаніе разрѣшить все сомнѣніе, заставили меня прочесть эту повѣсть. При чтеніи, мнѣ всегда казалось, что тутъ есть что-то уже мнѣ знакомое, что я читаю это уже не въ первый разъ. Я сталъ припоминать и наконецъ попалъ на слѣдъ.

Въ числѣ англійскихъ современныхъ писателей, есть вѣкто г. Моріеръ (Mortier), живущій на Востокѣ и соверша-

но предашіяся изученію правозъ и обычаевъ Персіянъ. Его остроумной наблюдательности облазаны мы нѣкоторыми прекрасными пронаведеніями, въ которыхъ ныва даже переведены на русскій языкъ, какъ на-примѣръ, Хаджи Баба въ Иснаганъ и въ Лондонъ». Новѣйшее произведеніе этого автора (впрочемъ въ 1842 году уже перепечатанное Гадвильни въ Парижѣ), есть *The Mirza*; собраніе восточныхъ сказокъ; между ними находится и слѣдующая: *History of Mobarek Shah and the magician*, — совершенный двойникъ Паденію Ширванскаго Царства, въ немъ убѣднѣ всакаго слѣдующее сличеніе обонхъ рассказовъ.

Начало повѣсти «Паденіе Ширванскаго Царства» до страницы 37-й (Биб. Ч. за май 1842 г.) принадлежитъ барону Брамбеусу; оно вридѣлаво, вѣроно, для маскировки; но съ 37-й страницы, со слова «Халевъ пожелалъ самъ достовѣряться» начинается чистый уквалный переводъ; только иногда г. ереводчикъ переставивляетъ ераи: что въ англійскомъ текстѣ прежде, у него являетя нѣсколько послѣ и оборотъ (но все въ буквальномъ переводѣ). Право, не знаю, въ чену это идетъ, — дѣло, кажется, ясно — съ толгъ сбится малая. Вотъ нѣсколько прибровъ. Когда Chasal bey (у барона рамбеуса — Сычанъ Бегъ) (*) приходи въ цирюльню, то бралобрѣй Тицашъ (Фузулъ ага) встрѣчаетъ его слѣющими словами: «Light of my eyes! you are welcome; sit, have a little patience, and I will soon be at your service». As he continued to use his razor, e also continued to exercise his ton-

gue, saying, «although we have had a misfortune in the earthquake, yet praise be to Allah, you are come at a fortunate hour for shaving. Your slave has made use of his astrolable this morning, and the moon tells him, we may diminish the quantity of hair in the world with safety. God be thanked, we are understanders of things! May the riches of the Shah increase, his Kingdom is not wanting in astrologers. Cashgar is a blessed place». (*The Mirza*, стр. 214). Баронъ Брамбеусъ переводитъ это такъ: «Свѣтъ глазъ моихъ!... добро пожаловать!... посидите немножко, отдохните!... я сейчасъ кончу и приймусь за вашу благородную голову. Странныя дѣла происходятъ на Божьемъ свѣтѣ! продолжалъ онъ, утирая голову шапента мокрымъ полотенцемъ: но хоть мы сегодня и испытали большое несчастье, хоть градъ, говорить, помятъ за городомъ всѣ поствы и сада, однакожь вы пришли сюда въ самый благополучный часъ для бритья. Вашъ рабъ немножко знаетъ толкъ въ звѣздахъ, и сегодня утромъ смотрѣлъ на небо съ астралабей: вся эта недѣля будетъ чрезвычайно благоприятна для встребленія волосъ на человѣческихъ головахъ, и бритье ихъ въ эту мину-ту удивительно адорово для тѣла. Слава Аллаху, мы тоже смѣкаемъ тонкости вещей!... Да умножится сила нашего падишаха, въ его царствѣ таки водятся астрологи. Что и говорить, Шемаха благословенное мѣсто!» (Б. д. Ч. стр. 41). Или, на той же страницѣ: «Mashallah! Wonderful head have we had here. The wise man is known before he speaks. The fool is known because he speaks. The wise recognise each other, whilst the thinks all are fools but himself. «Mashallah! вскричалъ онъ: машаллахъ, какую удивительную голову привела къ намъ судьба сегодня!... Мудреца узнаешь прежде, чѣмъ онъ заговоритъ; ослу узнаешь прежде, чѣмъ онъ зареветь. Умные люди тотчасъ узнаютъ другъ друга: дураки, напротивъ, полагаютъ,

*) Всѣ имена собственными измѣнены; Кашръ — заиѣкъ Шемахою; Мобарекъ Шахъ — Халевъ Мирзою; Тицатрашъ (Tictrash) — Фузулъ агаю; султанша Кошбу (Khosshbeo) — тра дара Каирана — панкою Марианкою ескою; чародѣй Шакалъ бегъ — шарлатанъ Джокъ-ди, слышннмъ въ Шемахѣ дѣ именомъ Сычанъ Бегъ и т. д.

• будто всѣ люди такъ же глупы, какъ • они сами. (Тутъ переводчикъ заохотѣлъ нѣсколько измѣнить — и вышла нелѣпность, ибо дураки, какъ всякому извѣстно, никогда не считаютъ себя глупыми). Или еще, на стр. 55, а въ англ. текстѣ на стр. 222: «The fattest! he exclaimed, with a tremulous voice, «did your Majesty say?» The fattest! again exclaimed Chacal in a voice of thunder; «go bring the fattest; what more do you require, dog? am I not the king?» • Ничтожнѣйшему изъ рабовъ послышалось, какъ будто убѣжище міра изволила сказать.... самую.... жирную! — «Ну, да! самую жирную! прогремѣлъ Сычанъ на всю залу. Зови сюда самую жирную, собачій сынъ, и разсуждать не смѣй. Я вамъ не падышахъ, что ли».

Этого, кажется, довольно. Такой переводъ продолжается до 68-й стр. въ Б. д. Ч., и 235 въ англійскомъ текстѣ, до словъ: «Свѣтъ глазъ монахъ, панна Мариана! отворите!» • Khoshboo, thy soul Khoshboo — тутъ баронъ Брамбеусъ дѣлаетъ небольшое измѣненіе, вводя заговоръ Марианны съ Халевою. У Моріера же, едва Кошбу увидѣла Мобарека съ чужимъ лицомъ, закричала и упала въ обморокъ. Мобарека схватываютъ и приводятъ къ похитителю. Тѣмъ же occasionивается заговоръ и у барона Брамбеуса. Въ развязкѣ также есть развязка. У Моріера Мобарекъ — отпущенный похитителемъ на всѣ четыре стороны — отправляется къ своему зятю Камраму, просить помощи; но онъ, по слабодушію, отказываетъ ему въ томъ. Сюда же прибываетъ и Кошбу, которая, не смотря на свое отвращеніе къ лицу Мобарека, рѣшается раздѣлять его судьбу, и вѣстѣ отправляются они въ страну маговъ, чтобъ разрушить колдовство, подъ влияніемъ котораго они находятся. На дорогѣ встрѣчаютъ они шайку разбойниковъ, атаманомъ которой Шакаль. Мобарекъ, пользуясь его липомъ, принимаетъ надъ нею начальство и общается провести ее въ самый дворецъ шаха, гдѣ отъ землетрясенія все пришло въ разстройство;

пробирается въ него ночью, убиваетъ похитителя и отъ-того прежнее лицо ему возвращается, къ радости всего Кашгара.

И такъ, главная основа всей повѣсти не принадлежитъ барону Брамбеусу: онъ только ввугталъ въ рассказъ Моріера нѣсколько проишествій своего собственнаго изобрѣтенія, что, по моему мнѣнію, вовсе не послужило къ украшенію простой и милой сказки англійскаго писателя.

Слѣдовательно, положеніе, что г-нъ Сенковскій не написалъ ни одной хорошей оригинальной повѣсти, остается по-прежнему вѣрнымъ и рѣшительно безъ всякихъ исключеній, что и требовалось доказать.

Д — Я.

Вотъ еще полученныя нами изъ Саратовска замѣчанія на нѣкоторыя мысли о Пугачевѣ, изложенныя въ «Исторіи Суворова», соч. г. Полеваго:

«Изъ любви къ истинѣ, я позволю себѣ слѣгать замѣчанія на нѣкоторыя мысли г. Полеваго о Пугачевѣ, но со всѣмъ вѣрнымъ.»

Страница 72-я: *Она (Пугачева) отличалась ловкостью, умомъ.* Не знаю, въ чемъ г. Полевой замѣтилъ ловкость въ Пугачевѣ. Уважать на его усѣхки въ произведеніи бунта? Они были слѣдствіемъ обстоятельствъ и силы. Умъ въ Пугачевѣ также было мало: обзрите все поприще его дѣйствій; прочтите манифесты, указы, письма отъ имени его писанныя и, вѣроятно, имъ самимъ писцу высказанныя (Пугачевъ былъ безграмотный): они наполнены грубою ложью, нагдѣстествомъ, сарказми пошлыми ругательствами, и т. д. Въ этомъ отношеніи, дѣйствія Отрарова были ознаменованы гораздо-болѣею рассудительностію. На той же страницѣ самъ г. Полевой предпріятіе Пугачева называетъ безуменъ, и это совер-

пенная правда. Какъ же согласить съ безуміемъ въ одномъ человѣкѣ? Это-нибудь одно... Кажется, вѣрнѣе было бы назвать его дерзкимъ и рѣшительнымъ. Ибо для толпы мятежной нужно было только одно великое имя Императора, могущее двигать умами, и онъ рѣшился принять на себя это великое имя.

Тамъ же: *Пугачевъ пожалованъ былъ на отличіе есауломъ*. На чемъ этотъ фактъ основанъ? Въ официальныхъ бумагахъ этого нѣтъ, хотя онъ писанъ у словъ его самого, жены его и современниковъ, заслуживающихъ полное довѣріе.

Тамъ же: *Пугачевъ разбилъ его* (генерала Карра въ Оренбургской-Губерніи) *и вся Воля обула мятежомъ*. Последняя мысль несправедлива. Иначе за чѣмъ же сражались Казань, Саратовъ, Камышинъ, Царицынъ? Нѣтъ, во время пугачевщины по Волгѣ все оставалось вѣрнымъ престолу; вездѣ было законное правленіе: исполняли въ точности указы царскіе и Военной Коллегіи, предписанія генераловъ: Бибикова, графа Панина, Суворова, мѣстныхъ губернаторовъ и другихъ мѣсть и лицъ. Законное правленіе нарушалось только съ появленіемъ буйной сволочи Пугачева, страшной для простаго народа, подобно Божьему насланію. Впрочемъ, изъ несомнѣнныхъ фактовъ видно, что отъѣна законнаго правленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходила на нѣсколько дней: это было въ Петровскѣ, Саратовѣ и Камышинѣ; едва уходили мятежники — и снова прежній законный порядокъ воцарялся. Да Пугачевъ мало и заботился вводить и утверждать свое правленіе во взятыхъ имъ городахъ: онъ твердо зналъ, что ему не успѣть въ своемъ безумномъ предпріятіи, ибо вполнѣ видѣлъ ненависть и отвращеніе къ нему народа, изъ среды коего отъважные обличали его въ самозванствѣ; а по пятамъ его шли съ отрядами Михельсонъ, Муффель, Мансуровъ, и вездѣ законный порядокъ восстано-

вляли, гдѣ только онъ былъ нарушаемъ мятежникомъ. Итакъ, напрасно г. Полевой всю Волгу, т. е. всю поволжскую страну, позорить мятежомъ.

Тамъ же: *Присылка письма и появленіе посланныхъ отъ Пугачева подымали селенія*. Не вездѣ. Письмамъ его одна негодая вѣрили; благомыслящіе и вѣрные престолу отвѣчали часто на явныя пулями и ядрами, заковывая посланныхъ въ желѣза и колодки, и представляя по начальству, что видно изъ дѣла о Пугачевѣ, произведеннаго комиссіею въ Царицынѣ. Если шайка посланныхъ отъ Пугачева была велика, то въ селеніяхъ ей уступали; она буйствовала, даже вѣшала людей; а если она невелика, то ее провожали оружіемъ, дубинами, вилами, кольями: селенія дѣйствительно подымались, — только противъ Пугачева.

Страница 73-я: *Пугачевъ возмутилъ и разбилъ Саратовъ*. Последнее вѣрно, а первое не совсемъ; въ Саратовѣ коммендантъ Богинякъ (онъ же тогда исправлялъ должность воеводы) съ частію гарнизона и большая часть жителей далеки были отъ взятыхъ. Оставшись съ горстію вѣрныхъ воиновъ и не могли сопротивляться, онъ отступилъ по Волгѣ въ Царицынъ, и увозъ съ собою казну и дѣла. Жителей вѣрныхъ всякаго пола и возраста, Пугачевъ велѣлъ вазакамъ согнать на Соколову-Гору къ своему шатру; бранилъ ихъ за то, что не признають его императоромъ, разграбилъ и многихъ побилъ. Саратовъ сражался съ нимъ близъ города наканунѣ ваятія его. Все это расназывали мнѣ очевидцы, доселѣ еще живые... Гдѣ же возмущеніе? Въ послѣднюю роковую ночь, съ 5-го на 6-е число августа, перешли къ Пугачеву: майоръ Салмановъ съ частію гарнизона, купцы: Кобяковъ и Протопоповъ съ частію мѣщанъ и пахотныхъ солдатъ, фузелеры, часть казаковъ и господскихъ людей; но это были люди внѣ порядка и закова, склонные къ буйству. Зачѣмъ же Саратовъ составлять изъ этихъ незначителныхъ пере-

двѣхъ, когда въ немъ число вѣрныхъ престолу было несравненно-болѣе, чѣмъ первыхъ? это несообразно съ логическимъ правиломъ: *a parte ad totum non valet consequentia*.

Страница 75-я: *На Большомъ и Маломъ Уземлѣ оими раскольники въ скитѣхъ*. Скитовъ тамъ не было никакихъ. Раскольники жили въ селеніяхъ: было тамъ нѣсколько развѣянныхъ землянокъ, въ которыхъ подъ фирмою пустынно-жительства скрывались больше бѣглецы и давали у себя прибѣжище бѣглецамъ и ворами, и только. Это свидѣніе мною почеркнуто на мѣстѣ.

Тамъ же: Связали Пугачѣва сообщники его не въ крестьянской набѣ, а на бакчѣ, въ полѣ. Опальный бѣглець имѣлъ иногда пристанище (въ продолженіе двадцати дней послѣ разгрома его шайки Михельсономъ при Волгѣ) на берегу Большаго-Узема, близъ села Александра-Гаа, въ землянкѣ, которую туземцы доселѣ знаютъ и показываютъ; а видѣлъ ее. Въ селеніи же мятежники бояли въѣзжать, ибо знали, что военная стража стерегла его на пространствѣ отъ Гурьева до Самары, и что въ селеніяхъ онъ скоро будетъ схваченъ и выданъ правительству, но не знали, что сообщники его, въ надеждѣ на прощенье, рѣшились выдать его правительству.

Исторія, говоритъ Карамзинъ, есть зеркало бытія и дѣятельности народовъ, завѣтъ предковъ къ потомству, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Что жъ это будетъ за исторія, когда герои ея будутъ поддурманены, и безумцы называться людьми умными, когда города и цѣлыя страны безвинно будутъ очернены крамолою, и, во милости кривотолка-историка, дѣянія людей будутъ изображаемы наизворотъ, самовольно? Исторія не романъ; въ ней все должно быть основано на несомнѣнныхъ фактахъ. Иначе

потомство не будетъ шить къ ней нити и презрять ея сказаніями, какъ бреднями, какъ пустою, несбыточною фантазмагорією.

ЖИТЕЛЬ САРАТОВА.

Самую новую новость въ русской журналистикѣ составляетъ двѣнадцатая книжка «Сына Отечества» за апрѣль 1842 года, появившаяся на-дняхъ, ровно пятью мѣсяцами позже того срока, въ который должна была бы появиться. — Въ нынѣшнемъ году также не посчастливилось этому горемычному журналу, не смотря ни на грозила его обѣщанія исправиться непремѣнно, ни на желаніе уннать другихъ, позволила себѣ самая дѣтскія насильники надѣтъ, что превышаетъ его понятія: въ нынѣшнемъ году до-сихъ-поръ вышло только три его книжки, а должно было бы выйти шесть. То-то же! Лучше было бы не хватать несъмыслины успѣхами, не кричать о своей «исправной добросовѣстности», и подумывать о средствахъ исполнять обѣщанія, данныя всенародно читателямъ. Конечно, русской образованной публикѣ нѣтъ никакого дѣла ни до 12-й книжки прошлаго, ни до 3-й книжки нынѣшняго года «Сына Отечества», но все не мѣшало бы исполнять то, что обѣщано, и за что, какъ водится, впередъ взяты деньги, хотя бы и съ явнымъ подмисчиновъ...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Извѣстный нѣмецкій литераторъ едоръ Вель (Theodor Wehl), подражая льфонсу Карру, началъ писать своего «Gueres» на нѣмецкую статью журнальный суррогатъ будетъ даваться также повременно тетрада. Первая тетрадь берлинскихъ «Ось» явилась въ свѣтъ; изъ нея видно, что Вель хотя не имѣетъ вѣдой остроумія и насмѣшки Карра, но со всѣмъ имъ пишетъ вѣрно съ натуры и обладаетъ тонкимъ, мяснымъ вкусомъ. Къ лихой досадѣ Берлинцевъ, онъ скалъ между-прочимъ, что Кёнигсбергъ есть настоящая столица Пруссіи (т. е. умственнымъ отношеніемъ), а Берлинъ что иное, какъ желудокъ этого государства.

— Выступившій съ такимъ блестящимъ успѣхомъ на драматическое поприще новый французскій поэтъ Понррь просилъ Ламартина быть его руководителемъ и совѣтникомъ въ литературѣ. Ламартинъ совѣтовалъ молодому поэту быть романтическимъ драматургомъ, и подражать великимъ своимъ образцамъ, Шекспиру, Шиллеру Гёте, но не впадать въ крайности ультра-романтиковъ. Извѣстно въ публикѣ, что Ламартинъ за два года едѣ съ нимъ написалъ новую драму «Гузавъ — Лувертюръ», которая однакоже въ политическихъ видахъ не можетъ настоящее время быть представлена на сценѣ. Эта драма, по увѣренію рналовъ, составляетъ звѣно, связующее старый классицизмъ съ новымъ романтизмомъ. Ламартинъ, говорятъ, ркій поклонникъ Шиллера и Гёте.

— Извѣстный французскій врачъ спайль (Raspail) пустилъ недавно въ воздухъ ракету во все медицинское ловіе Европы, написавъ книгу подъ идующимъ заглавіемъ: «Натуральная торія здоровья и болѣзней въ царствѣ растений, животныхъ и особенно людей». Онъ говоритъ, что почти наука и искусство быстро идутъ редь, безпрестанно совершенству-

ются, что въ нихъ дѣлаются новыя важныя открытія, между-тѣмъ, какъ медицина со временъ Гиппократата ни на шагъ впередъ не подвинулась. Врачанъ, конечно не поправится этотъ парадоксъ Распайля, и мы, можетъ-быть, скоро будемъ свидѣтелями жестокой медицинской войны.

— Къ знаменитымъ семи картинамъ Рафаэля, которыя, какъ извѣстно, находятся въ Лондонѣ въ зданіи Hampton-Court, отъислана еще восьмая картина, которая много лѣтъ лежала гдѣ-то на чердакѣ лондонскаго воспитательнаго дома. Этотъ картонъ представляетъ набіеніе младенцевъ при Иродѣ. Великій художникъ такъ умѣлъ изобразить на картинѣ этотъ ужасный сюжетъ, что онъ не возмущаетъ важнаго чувства зрителя подобно другимъ картинамъ, имѣвшимъ тотъ же предметъ. Композиція и рисунокъ этого картонка въ высшей степени интересны и поучительны для каждаго живописца, хотя вся картина очень пострадала отъ небрежности ея владѣльца, и особенно поилила на ней краски.

— Французы величаются новымъ изобрѣтеніемъ г. Лемерсье, и говорятъ, что оно далеко оставитъ за собою литографію Зеннефельдера. Новое изобрѣтеніе называется «Lavis sur pierre», т. е. тушевка на камнѣ. По способу Лемерсье, можно рисовать на камнѣ особымъ составомъ чернилъ, и удачнѣе всего выходить на немъ свѣтъ и тѣни посредствомъ легкаго, пріятнаго для глазъ тушеванія предметовъ. Такихъ тушеванныхъ оттисковъ можно столько же получить съ камня, какъ и обыкновенныхъ рисунковъ съ литографическаго камня. Пробы рисунковъ, оттиснутыхъ г-мъ Лемерсье, оказались особенно-удачны въ необходимомъ родѣ, и превосходятъ въ изображеніи воды, въ разныя ея видахъ, облаковъ, неба и проч. Что же касается до грубыхъ деревьевъ, скалъ и другихъ рѣзкихъ предметовъ, то онѣ вышли изъ-подъ прессы не очень-ясно.

— Три члена Мадридской Академии Исторій и Древностей Испанскихъ издали недавно въ свѣтъ собраніе важныхъ документовъ и актовъ, касающихся до исторіи Испаніи. Въ изданныхъ шести выпускахъ помѣщены акты и документы XVI столѣтія, взятые изъ индійскаго архива Севильи, и изъ Эскуріальской Библіотеки; эти бумаги важны тѣмъ, что много поясняютъ исторію Испаніи того вѣка, и подробно описываютъ лица, въ ней дѣйствовавшія. Напримѣръ, между рукописями найдено много писемъ Фернандо Кортеса къ императору Карлу V, и отъ него въ завоевателю Мексики отъ 1522 по 1544 годъ; много важныхъ документовъ о Хуанѣ Себастьянѣ-дель-Кабо, первомъ мореходцѣ, который въ 1598 году на знаменитомъ кораблѣ *Vittoria* объѣхалъ вокругъ свѣта; буцелла касательно возмущенія коммунаровъ въ 1522 году, судъ надъ Хуаномъ де-Надилья, союзникомъ разныхъ членовъ королевскаго совѣта на вызовъ Франциска I противъ Карла V, въ 1528 году, интересное описаніе завоеванія Испанцами Туниса въ 1535 году, экспедиція Монадцевъ въ Алжиръ въ 1541, и извѣстіе о путешествіи въ Англію Филиппа II въ 1554 году, когда Филиппъ хотѣлъ жениться на королеви Маріи.

— Въ Англійи живетъ чрезвычайно замѣчательный человекъ, по имени Георгъ Барроу (*Barrow*), извѣстный между всеми соотечественниками болѣе подъ именемъ Барроу-Библейскаго, о профессіи котораго между испанскими Цыганами мы недавно и весьма-подробно говорили. Онъ состоитъ въ службѣ Библейскаго Общества и много лѣтъ путешествовалъ почти по всѣмъ странамъ свѣта для распространенія св. Библіи между христіанами и язычниками. Онъ учился медицинѣ въ Эдинбургѣ, познакомился тамъ съ Цыганами и выучился говорить ихъ языкомъ. Теперь Барроу настоящій полиглотъ; онъ говоритъ и пишетъ на тридцати разныхъ язы-

кахъ, которымъ выучился во время своихъ странствованій по бѣлу-свѣту. Онъ знаетъ языки: персидскій, арабскій, турецкій, нѣмецкій, голландскій, русскій, польскій, датскій, шведскій, итальянскій, французскій, испанскій, португальскій и проч. Ему не больше 35 лѣтъ отъ роду; онъ исполнскаго роста, лицо черное, загорѣлое отъ солнца, но волосы сѣдые, какъ лунъ бѣлые. Онъ путешествуетъ обыкновенно верхомъ на ослѣ съ двумя или тремя нѣшниками, наполненными библіями. Въ одной испанской деревнѣ спросила его поселанка, что онъ продаетъ, вѣрно мыло? Да, отвѣчалъ продавецъ — мыло, которое обмываетъ души грѣшниковъ. Барроу былъ вездѣ: въ Азіи, въ Африкѣ, и въ Австраліи; его нѣсколько разъ грабили разбойники, сажали въ разныя тюрьмы, осуждали къ смертной казни, но судьба всюду забавляла его отъ угрожающей опасности. Барроу изъ приключеній своей жизни можетъ составить самый любопытный романъ.

— Въ Вейденѣ у Кельва открыли въ землѣ древнюю римскую гробницу, гдѣ были погребены члены семейства императрицы Агриппины. Подъ каменнымъ сводомъ гробницы найдены древній саркофагъ, также нѣсколько мраморныхъ отломковъ превосходной скульптурной работы, три бюста въ натуральную величину, и два кресла особой формы весьма искусно изваянные изъ крупозернистаго мрамора. Тутъ же найдены разбившіяся сосуды изъ неизвѣстнаго металла, и другой изъ золоченаго стекла, весьма-красивой формы. Между этими древностями найдена одна только мелкая монета съ изображеніемъ Веспасіана.

— Извѣстный парижскій типографикъ Павкукъ выпросилъ у французскаго правительства привилегію на новое изобрѣтеніе въ книгопечатаніи. Дѣло въ томъ, чтобъ на половину уменьшить вообще расходы на печат-

таніе. Новая метода печатанія состоитъ въ томъ, что для человѣческихъ глазъ можно только оставлять въ строкахъ *верхнюю половину буквъ*, а нижнюю вовсе уничтожить, какъ излишнюю для читателя. Всякій на опытъ можетъ видѣть въ книгѣ, что глазу читателя легко можно обойтись безъ нижней половины буквъ, и что Пайкукъ слѣдуетъ въ этомъ большую экономію во всѣхъ типографіяхъ. Богъ - знаетъ, примутъ ли эту замысловатую выдумку европейскіе типографшники. Отличныя модели половинныхъ буквъ и пробный оттискъ съ нихъ понравились многимъ во Франціи.

— Въ Англіи изготовленіе кирпичей производится нынче съ удивительною скоростію посредствомъ особаго гидростатическаго пресси, подъ который складывается въ формахъ сухая и чистая земля; слѣдовательно, кирпичи не надобно сушить на воздухѣ, и ихъ тотчасъ послѣ того обжигаютъ въ печахъ. Прессованные кирпичи чрезвычайно — крѣпки и притомъ имѣютъ острые, ровные края, что весьма-важно въ кладкѣ стѣнъ и сводовъ, ибо такой кирпичъ плотно прилегаетъ одинъ къ другому. На обыкновенныхъ кирпичныхъ заводахъ Лондона принимиваютъ къ кирпичной глинѣ древесную золу, отъ которой кирпичъ дѣлается крѣпче и получаетъ особый лоскъ.

— Подъ именемъ *Merphitisches Wetter* какаій нѣмецкій рудокопъ разумѣетъ углекислый газъ, или удушливый воздухъ, который часто наполняетъ шахты, и дѣйствуетъ на людей и животныхъ скорѣе, нежели самый сильный ядъ. Много пробовали средствъ для уничтоженія этого газа, но всѣ средства оказались неудовлетворительными, кромѣ изобрѣтенія извѣстнаго въ Германіи горнаго практика доктора Майера. Въ шахту, наполненную удушливымъ газомъ, Мейеръ прикалываетъ вливать до 150 квартеръ кинятка, котораго паръ въ ту же минуту уничтожаетъ углекислый газъ, и та-

кимъ образомъ служитъ къ очищенію воздуха въ рудокопняхъ.

— Въ Копенгагенѣ, слѣсарь, весьма-искусный механикъ, изобрѣлъ паровой дилижансъ для обыкновенныхъ дорогъ, который уже теперь началъ свои поѣзды. Внутри кареты помещается до тридцати пассажировъ съ поклажею, и паровой экипажъ легко и скоро въѣзжаетъ на холмы въ тридцать градусовъ наклона, пробывая датскую милю въ 30 или 45 минутъ, смотря по гладкости шоссе или обыкновенной дороги.

— Нѣкто Белъ, находящійся въ англійскомъ городѣ Уоттонѣ (Wotton), изобрѣлъ новое чудо: электрической печатный телеграфъ, посредствомъ котораго можно интересныя газетныя статьи, напечатанныя въ лондонскихъ газетахъ, немедленно и въ то же самое время сообщать въ копіяхъ по всѣмъ городамъ Англіи и Шотландіи.

— Въ прошедшемъ году на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ Англіи было убито 3 человекъ и ранено 14. Въ 1841 году убито 24 человекъ, ранено 71. — Отъ 1-го іюня 1841 по 1-е іюня 1842, на 56 желѣзныхъ дорогахъ проѣхало 18 $\frac{1}{2}$ милліоновъ человекъ. Сборъ за проѣздъ людей составлялъ 2,731,686 фунт. стер. (68,292,000 руб. ас.), а за провозъ товаровъ 1,088 833 фунт. стер. (27,220,875 руб. ас.).

— Въ Испаніи, въ прошломъ году уродилось такое множество помидоровъ и апельсиновъ, что изъ нихъ начали дѣлать вино, очень-похожее вкусомъ на мадеру. Выматый сокъ подвергаютъ обыкновенному броженію, какъ виноградный, и, не прѣвращивая къ нему ни воды, ни алкоголя, наливаютъ бочки и хранятъ въ холодномъ погребѣ.

— Европейскіе гастрономы скоро будутъ жить австраійскія вина. Извѣстковатая почва въ Австраліи оказалась очень способною для разведенія всѣхъ сортовъ винограда. Всѣ виноградныя Европы подержены большими убытками, когда во время собранія та-

винограда пойдутъ дожди и плоды сгниютъ на корнѣ. Въ Австраліи этого быть не можетъ, ибо осень тамъ всегда сухая, и дожда совсѣмъ не бываетъ въ такое время года. Тамъ уже насадили множество сѣменъ испанскаго, французскаго и рейнскаго винограда, отъ котораго нынѣшній годъ ожидается богатая жатва.

— Въ Англіи садоводство съ каждымъ годомъ дѣлаетъ большіе и большіе успѣхи въ помологій; недавно найдено, что можно разводить плодовые деревья, такъ-сказать экспериментомъ, скороспѣваю. Осенью отрѣзываютъ нѣсколько сучковъ отъ большихъ плодовыхъ деревьевъ, и каждый такой сукъ нижнимъ концомъ втыкаютъ въ большой картофель. — Сукъ съ картофелемъ зарываютъ потомъ глубоко въ землю, изъ которой на поверхность долженъ выходить только верхній конецъ: — сокъ картофеля не только сохранитъ во время зимы свѣжесть отрѣзаннаго сучка, но и на слѣдующую весну дастъ ему нужную пищу для дальнѣйшаго произрастенія. Такой сукъ въ первый годъ можетъ уже давать плоды. — При этомъ получается еще и та выгода, что такіе пересаженные сучки пускаютъ въ землю облагороженные, улучшенные корни.

— Въ Англіи на пищу каждаго челоука приходится среднимъ числомъ въ годъ въ 6 разъ больше мяса, нежели во Франціи, ибо Французы болѣе питаются зеленью. На смитфильдскомъ рынкѣ ежегодно продаются 163,000 быковъ, 20,000 телятъ, 1364 барановъ и овецъ и 26,000 свиней. Въ Англіи также выпиваютъ огромное количество пива и портера. Лондонская пивоварня Бэрклея Перкинса варитъ каждый день 1200 бочекъ пива и портера. — Въ Лондонѣ употребляется въ пищу ежегодно 1,600,000 центнеровъ мяса убитой скотины, $\frac{1}{2}$ милліона центнеровъ мяса и такое же количество яицъ и сыра. — Въ Лондонѣ не менѣе 5,300 портерныхъ лавочекъ.

— Англіійскій механикъ Седлеръ, въ

Гольбекѣ, изобрѣлъ новый ткацкій станъ, на которомъ можно ткать самыя большіе корабельные паруса въ одно полотнище безъ швовъ. Такой парусъ, кромѣ необыкновенной своей легкости, будетъ гораздо прочнѣе сшитаго изъ многихъ полотнищъ парусины. Англіійское адмиралтейство призвало пользу этого изобрѣтенія и заказало механику Седлеру сдѣлать нѣсколько такихъ станковъ для изготовленія парусовъ на весь военный флотъ.

— Брюссельскіе контрафакторы перепечатаваютъ французскія книги, кажутся, гораздо-проворнѣе, чѣмъ Бельгіійцы ѣздятъ на желѣзныхъ дорогахъ. Однажды въ субботу утромъ былъ полученъ съ почтою изъ Парижа экземпляръ трагедіи «Бургграфы» Виктора-Гюго. Эту книгу одинъ типографчикъ роздалъ въ нѣсколько рукъ въ наборъ въ 1-мъ часу того же дня, а къ вечеру наборщики уже набрали 11 листовъ въ 8-ю долю, слѣдовательно, 176 страницъ, которые тутъ же были исправлены корректорами. Въ понедѣльникъ поутру «Бургграфы» выставлены были въ окнахъ двухъ книжныхъ лавокъ Брюсселя.

— Во многихъ нѣмецкихъ газетахъ разсказывается, что въ Парижѣ существуетъ нѣсколько фабричныхъ заведеній, гдѣ единственно занимаются поддѣлкою разныхъ товаровъ, поддѣлкою французскихъ винъ и проч., назнательныхъ въ вывозѣ за границу. — Въ Марселѣ и Сеттѣ (Cette) занимаются оливою поддѣлкою бордоскаго вина и недока, сиѣшивая его съ худыми провансальскими винами, котораго каждый годъ посылается нѣсколько сотъ тысячъ въ гавани Батійскаго-Морья въ Россію, болѣе нежели на милліонъ франковъ. Французы также великіе мастера имитировать за-ново старыя шелковыя матеріи, платки и шали, терно, фарфоръ и проч., и весь этотъ попомощенный товаръ сбывается наиболѣе въ Германію и Россію. Намъ случилось нѣсколько разъ читать въ парижскихъ газетахъ объявленіе о покупкѣ смышленнаго

промышленниками выношенныхъ шелковыхъ платковъ, кашемировыхъ и французскихъ шалей, которые въ подпольномъ видѣ съ выгодною можно сбывать на разныхъ рынкахъ Германіи.

— Общество воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ болѣе и болѣе распространяется въ Швеціи. Извѣстно, что ни въ какой странѣ образованной Европы жители такъ пристрастно не употребляютъ горячихъ напитковъ, какъ въ Швеціи, и особенно въ сѣверныхъ ея провинціяхъ. Швеція, имѣющая только 3 милліона жителей, считаетъ цынче у себя до 60,000 членовъ общества воздержанія и умѣренности; число пьнницъ уменьшилось на половину, хотя горячее вино и водка сдѣлались гораздо дешевле. Въ прошедшемъ году введено было въ Стокгольмъ вина и водки 1,637,360-ю кружками менѣе, чѣмъ въ 1840 году. — Главный истребитель пьянства пасторъ Визельгрентъ, въ Вестерштатѣ, который, при вступленіи своемъ въ должность, нашелъ при 66 дворахъ своего Кирхшилла 62 винокурни у поселанъ; онъ въ два или три года уничтожилъ тамъ 61 винокурню, и паства его вовсе отказалась отъ употребленія вина. Въ главѣ этого благодѣтельного общества стоитъ наследный принцъ Оскаръ; помощникомъ ему служитъ знаменитый химикъ Берцелиусъ. Принцъ Оскаръ сказалъ однажды въ собраніи общества воздержанія: «Я готовъ на всякую жертву, чтобъ только освободить Шведовъ отъ страсти къ пьянству». — Во всѣхъ помѣстьяхъ и мызахъ короля и сына его закрыты винокурни, что требовало большихъ пожертвованій отъ шведскаго монарха, ибо арендаторы его земель по контрактамъ курили вино, производя уплату за наемъ земель не деньгами, а виномъ и водкою.

Въ Германіи до-сихъ-поръ растутъ нѣсколько дубовъ и липъ, которые, по своей вышины, огромности и маститой

старости, весьма-замѣчательны для всякаго натуралиста. Въ Альтенбургскомъ Герцогствѣ, недалеко отъ Роннебурга, въ одномъ паркѣ, растетъ замѣчательный древній дубъ, въ дуплѣ котораго похороненъ бывшій министръ Тюммель (Thümmel). Въ-самомъ-дѣлѣ, огромное пустое дупло этого дерева имѣетъ 20 футовъ окружности внутри и представляетъ комнату съ окошкомъ и дверями. Заглянувъ сквозь желѣзную рѣшотку въ окно, вы увидите въ углубленіи залы гробницу Тюммеля; около стѣнъ дупла поставлены погребальная урна и скамейка, для отдохновенія любителейпытыхъ. Этотъ дубъ такъ старъ, что уже лишился лиственной своей короны, и только два или три толстые его сучка украшены зеленью. — Въ Баденѣ, у Шлюттенбаха, растетъ также огромный дубъ, въ дуплѣ котораго могутъ свободно помѣститься 45 человекъ. — Въ Нейштадтѣ есть замѣчательная липа, про которую давно уже написалъ Шубертъ въ своей натуральной исторіи, что это дерево было еще за 600 лѣтъ весьма-толсто и объемисто. Нынѣ, дупло его у самой земли имѣетъ 32 фута въ окружности, а зеленые вѣтви покрываютъ пространство вокругъ на 400 футовъ. — Въ Англіи есть такъ-называемый парламентскій дубъ, который растетъ тамъ уже 1,500 лѣтъ. Онъ называется парламентскимъ потому, что король Эдуардъ I-й, въ концѣ XIII-го столѣтія, подъ этимъ деревомъ имѣлъ однажды засѣданіе со всѣми депутатами своего государства. Дубъ этотъ стоитъ въ Клистон-Паркѣ, принадлежащемъ герцогу портлендскому. Въ Графствѣ Йоркшейрскомъ растетъ дубъ, въ 78 футовъ окружности у корня. Въ южной части Испаніи, въ Алпухарасѣ, есть каштановое дерево, въ дуплѣ котораго живетъ старушка съ семерыми своими дѣтьми. Другой такой же исполинъ растетъ на горѣ Этнѣ; корень его имѣетъ 152 фута въ объемѣ. За 50 лѣтъ предъ симъ, сдѣлалась сквозная трещина въ его дуплѣ, но такая широкая, что въ нее, какъ въ во-

рога, могутъ проѣхать рядомъ двѣ телеги. На этомъ деревѣ и до-сихъ-поръ растутъ множество каштановъ, а внутри душа, въ одной сторонѣ, устроена хижина. Простой народъ называетъ это дерево столешаднымъ, ибо однажды, въ страшную непогоду, цѣлая сотня кавалеристовъ нашла въ душѣ его убѣжище отъ грозы и дождя. Но всѣ эти европейскіе исполины растительнаго царства поважуются пигмеями передъ страшными колоссами, растущими на Островахъ Норфольскихъ, въ Южномъ Океанѣ, и въ Западной Америкѣ, на берегахъ рѣки Колумбія. Путешественники Коксъ, Россъ и Гринговъ видѣли въ Асторіи ель въ 46 футовъ въ объемъ, нижнія вѣтви которой висѣли отъ земли на 153 фута, а вся вышина дерева составляла 300 футовъ (12-ю футами выше колокольни св. Маріи въ Берлинѣ). Другая ель, въ Умивѣ, имѣетъ 57 футовъ въ объемъ, а нижнія вѣтви ея находятся отъ земли на 216 футовъ. Въ Индостанѣ, въ 16 миляхъ отъ Броача (Broach), растетъ дерево, называемое баніонъ, которое имѣетъ 350 толстыхъ корней, вросшихъ глубоко въ землю. Каждый корень его толще самаго большаго европейскаго дуба. Кромѣ этихъ 350 большихъ, баніонъ еще имѣетъ 3,000 малыхъ корней. Одинъ Англичанинъ, видѣвшій это дерево, сказалъ, что подѣтъю его могутъ легко помѣститься до 7,000 человекъ.

— Въ древней капеллѣ, или часовнѣ древнѣйшаго германскаго города Гильдесгейма растетъ штамбовый кустъ розановъ изъ рода *Rosa canina*, который, какъ гласитъ народное преданіе, существуетъ уже слишкомъ тысячу лѣтъ. Часовня эта построена на дворѣ Гильдесгеймскаго Собора въ 818 году по Рожд. Христ., императоромъ Людовикомъ-Кроткимъ; слѣдовательно, розовый кустъ, растущій внутри ея, можетъ почитаться патриархомъ всѣхъ розъ на свѣтѣ. Кажется, знаменитый ботаникъ Декандоль описалъ его въ своемъ сочиненіи.

— Въ Берлинѣ, 18-го апрѣля сего года, была раздача денежныхъ наградъ вѣрнымъ и честнымъ слугамъ и служанкамъ, именно: 43 лакеямъ, которые въ одномъ и томъ же домѣ прослужили безпорочно отъ 14 до 25 лѣтъ средю, и 42 служанкамъ, прослужившимъ также отъ 12 до 22 лѣтъ у однихъ хозяевъ. Капиталъ для производства означенныхъ наградъ составило само же служительское сословіе Берлина, въ слѣдствіе королевскаго повелѣнія, даннаго 1-го марта 1827 года. Городская рагуша собираетъ со всякаго лица изъ сословія служителей, при перемѣнѣ ихъ мѣстъ, по 5 грошей серебромъ: изъ этого сбора, часть капитала назначается въ награду слугамъ и служанкамъ, долго и честно служившимъ на одномъ мѣстѣ; а другая идетъ на вспоможеніе увѣчнымъ и престарѣлымъ служителямъ. Въ берлинскихъ газетахъ пишутъ, что означенное постановленіе возбудило вначалѣ нѣсколько противорѣчій со стороны господъ, которые утверждали, что имъ-самимъ слѣдовало бы составить изъ добровольныхъ вкладовъ наградную сумму для поощренія долговременной службы изъ слугъ и служанокъ.

— Какой-то французскій математикъ сосчиталъ, что еслибъ сначала основанія Рима вклась въ кассу каждую минуту 20 су, то по сіе время накопившійся капиталъ далеко не превышалъ бы французскаго бюджета на 1844-й годъ. Отъ начала построенія Рима прошло 2596 лѣтъ; 20 су ежеминутнаго вклада въ кассу составляетъ 60 фр. въ часъ, 1,440 фр. въ день, 43,000 фр. въ мѣсяцъ, 518 400 фр. въ годъ; слѣдовательно, въ 2596 лѣтъ 1,345,766,400 фр. И такъ, не достаетъ еще 58,747,310 фр. къ 1,404,513,710 фр., что составитъ цѣлый бюджетъ французскій на 1844-й годъ.

— Въ Перуджѣ найдена недавно собственноручная записка Наполеона, заключающая въ себѣ приказъ по арміи и вексель на 2,000,000 франковъ для генерала Массены. Одинъ поселанинъ.

покупая что-то въ мелочной лавкѣ, далъ лавочнику пятифранковую монету, которой продавецъ не принялъ, опасаясь, что она фальшивая. Поселанинъ продалъ потомъ эту монету серебрянику. Мастеръ, разглядѣвъ ее хорошенько, нашелъ, что монета неполновѣсна, разбилъ ее — и нашелъ въ ней означенную записку Наполеона. Разумѣется, такая пересылка депеши, скрытой въ монетѣ, слѣлана была посредствомъ какого-нибудь французскаго шпіона въ итальянскомъ походѣ.

— Англичанинъ Сенсбори открылъ недавно въ Лондонѣ, въ Улицѣ Пикадилли, музей, названный имъ Наполеоновскимъ, потому-что въ немъ собрано много актовъ и рукописей, писанныхъ самимъ Наполеономъ. Сенсбори 26 лѣтъ собиралъ разные автографы въ числѣ 4,000 манускриптовъ, состоящихъ изъ важныхъ бумагъ, документовъ, писемъ, и проч., между которыми особенно-замѣчательны: письма Оливера Кромвеля, Тюррена, Людовика XIV, Людовика XV, Людовика XVI, Маріи-Антуанеты, Мирабо, Марата, Дантона, Робеспьера, Фукъ-Тенвиля, Карьера, и проч.; далѣе 500 документовъ и писемъ, писанныхъ или подписанныхъ рукою Наполеона, съ его замѣчаніями, приказами на поляхъ страницъ, начиная съ 1793 по 1820 годъ; письма Юсефа Бонапарте и Наполеона къ его братьямъ; множество автографовъ Людовика XVIII, Фосса, Питта, Нельсона и другихъ историческихъ лицъ.

— Въ началѣ перваго итальянскаго похода подъ предводительствомъ Бонапарте, всѣ попытки Французовъ при Лонаго были тщетны, чтобъ вытѣснить непріятеля въ долину, которая господствовала надъ всѣми окрестностями на полѣ сраженія. Минута была довольно-критическая; Наполеонъ прискакалъ къ авангарду, велѣлъ двинуться впередъ всей массѣ войскъ, и хотѣлъ непосредственно рѣшить участь битвы. Дивизія генерала Гюйе, съ тощимъ желудкомъ, не жаждущая славы, бросилась

на непріятеля въ штыки, ибо всѣ патроны у ней были разстрѣляны. По приближеніи дивизіи къ главнокомандующему, одинъ егеръ вышелъ изъ рядовъ и сказалъ тихо Наполеону: «Гражданинъ-генералъ! Здѣсь надобно поставить нѣсколько пушекъ и подъ защитою ихъ послать полбригады, чтобъ она ударила въ правый флангъ непріятельской конницы; въ противномъ случаѣ, мы всѣ пропадемъ, и вы съ нами!» — «Молчи! и иди на свое мѣсто!» закричалъ Наполеонъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого лаконическаго разговора, Наполеонъ скомаандовалъ точно такъ, какъ солдатъ ему присовѣтывалъ. Не прошло и часа, какъ Французы вытѣснили непріятеля изъ долины и выиграли сраженіе. Солнце сѣло за горизонтъ, и побѣдители расположились на бивуакахъ отдыхать послѣ жаркой битвы. Тутъ приказалъ Наполеонъ стать въ-ружьѣ всей дивизіи генерала Гюйе, чтобъ сдѣлать ей смотръ, и глядѣлъ въ лицо каждому солдату. Обошелъ всѣ ряды и взводы, онъ не могъ найти того, кого искалъ. Наконецъ онъ громко и съ неудовольствіемъ закричалъ предъ дивизіею: «Да гдѣ же тотъ егеръ, который осмѣлился въ сраженіи выйти изъ рядовъ и говорить со мною?» На этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта: всѣ молчали. «Повторю мой приказъ» закричалъ нетерпѣливо главнокомандующій: «солдатъ, который говорилъ со мною, маршъ впередъ, но мѣ, на лицо!» — «Гражданинъ-генералъ!» закричалъ одинъ усатый фельдфебель: «этого егера не оказалось при перекличкѣ; онъ стоялъ недалеко отъ меня въ самомъ выгнѣ битвы, и я видѣлъ, какъ непріятельское ядро разорвало его пополамъ!» Наполеонъ видимо былъ тронутъ этимъ извѣстіемъ, снялъ почтительно шляпу, и сказалъ во всеуслышаніе: «Солдаты! этотъ егеръ былъ удалой храбрецъ; сметливый воинъ». Потомъ, обратясь къ дивизионному генералу, прибавилъ: «Еслибъ сегоднѣ утромъ меня убили въ сраженіи, этотъ

«солдаты могъ бы заступити мое мѣсто и сдѣлаться главнокомандующимъ.»

— Лордъ Уариклейѣъ и Александръ Берингъ (нынѣше лордъ Эшбуртонъ), купили въ 1834 году право на изданіе газеты «The Times» у г. Вальтера за 187,000 фунтовъ стерлинговъ (4,675,000 р. асс.) съ тѣмъ, чтобъ она была органомъ партіи тори и отказалась отъ прежней партіи вигговъ. По окончаніи сдѣлки, Эшбуртонъ сказалъ Вальтеру, чтобъ онъ для этой газеты принеся новаго редактора. «Зачѣмъ?» возразилъ Вальтеръ: «я поговорю объ этомъ съ старымъ редакторомъ, г. Барисомъ.» На другой день, Вальтеръ пришелъ къ старому редактору Барису и сказалъ ему: «Завтра мы начнемъ въ нашей газетѣ писать въ пользу партіи тори; какъ вы думаете, надобно ли на мѣсто ваше принесть другаго редактора?» — «Да развѣ Уариклейѣъ и Берингъ дураки, если думаютъ, что я могу писать въ пользу вигговъ? Чей хлѣбъ тѣмъ, того и пѣсню буду пѣть» отвѣчалъ Барисъ.

— Гёте былъ отъ природы весьма застѣнчивъ и неравновѣсенъ, особенно въ присутствіи королеванныхъ особъ. Однажды посѣтилъ его нечаянно баварскій король Максимилианъ, и Гёте такъ сконфузился въ-торопяхъ, что началъ спрашивать у своей прислуги, надобно ли выйти на встрѣчу монарху къ воротамъ, или ожидать его въ сѣняхъ дома. Когда король вступилъ на порогъ, то поэтъ совершенно растерялся, и назвалъ сперва монарха высочествомъ, потомъ свѣтлостью и т. д. придавалъ ему разные титулы; но Максимилианъ дружески обошелся съ хозяиномъ и запретилъ ему церемониться. Онъ схватилъ поэта за руки, и посадивъ подлѣ себя на диванъ, самъ началъ съ нимъ разговоръ. Тогда Гёте пришелъ въ себя, оправился и принялъ спокойный, важный видъ, который всегда ему былъ свойственъ.

— Профессоръ музыки, г. Маннеръ, даетъ уроки сумасшедшимъ въ лондонскомъ Бэддлѣ. Газета «Musical Times»

описываетъ экзаменъ, въ которомъ испытаны были музыкальные таланты обитателей Бэдлама. Сумасшедшіе сперва проѣли музыкальную азбуку: ut, re, mi, fa, sol, la, si. На вопросъ учителя, хотятъ ли они продолжать пѣніе, всѣ единогласно сказали, что они желаютъ проѣть и другія пѣснь. Между этими пѣвцами нашелся одинъ, который даже отличиво проѣлъ соло, а нѣкоторые съиграли соло на скрипкѣ, аккомпанируя себя пѣніемъ. При концѣ экзамена, сумасшедшіе пришли въ настоящее музыкальное бѣснованіе, бросили свои инструменты и начали кружиться до упаду, какъ пляшущіе турецкіе дервиши. Англійская газета, изъ которой мы заимствуемъ это извѣстіе, прибавляетъ: «Изъ многихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Бэдламѣ надъ музыкальностью сумасшедшихъ, выходитъ, что мы слишкомъ-высоко цѣнимъ музыкальвыя способности многихъ умныхъ людей.»

— Пивки могутъ служить весьма-хорошимъ указателемъ пережѣвъ погоды. Въ стеклянную банку, наполненную до $\frac{3}{4}$ водою, надобно пустить пивку, отверстие банки покрыть грубою холстинною тряпкою, и весь аппаратъ поставить на окно комнаты. Если пивка свернется какъ улитка и ляжетъ на дно банки, это предвѣщаетъ прекрасную, сухую и ясную погоду. Когда же пивка поднимется изъ воды и прильнетъ къ стеклу банки, въ такомъ случаѣ надобно ожидать непременно дождя или снѣга. Если пивка въ этомъ положеніи не лежитъ спокойно, двигается, какъ-будто-бы у ней судороги, то это значитъ, что черезъ нѣсколько дней непременно будетъ бурная погода съ дождемъ и градомъ. О приближеніи бурной погоды или шторма, пивка даетъ знать тѣмъ, что плаваетъ на поверхности воды весьма-скоро и живо. Такое быстрое движеніе пивки предостерегаетъ до-тѣхъ-поръ, пока не наступитъ дѣйствительно бурная погода. Воду въ банкѣ должно перемѣнять дѣ-

томъ черезъ восемь дней, а зимою черезъ четырнадцать.

— Въ прошедшемъ году, лондонская полиція взяла подъ стражу 63,714 человекъ, изъ которыхъ 45,000 мужчинъ и 20,704 женщины; 12,626 арестованныхъ мужчинъ и 15,968 женщинъ не имѣли никакой особой должности или занятія; прочіе, именно 13,434 человека, принадлежать къ сословію ремесленниковъ и поденщиковъ.

— Въ одномъ англійскомъ медицинскомъ журналѣ помѣщенъ слѣдующій рецептъ отъ мозолей: «Возьми одну чайную ложку дегтя, такую же ложку простаго бурога сахара, и ложку селитры; все это смѣшай вмѣстѣ, разогрѣй, намажь на кусочекъ лайки пластыремъ и приложи къ мозоли. Черезъ два дня всякая мозоль пропадетъ отъ такого пластыря. Probatum est.»

— Извѣстный французскій адвокатъ защищалъ въ судѣ дѣло трехъ воровъ и убѣдительною краснорѣчіемъ его они спасены отъ заслуженнаго наказанія. Освобожденные не знали, чѣмъ отблагодарить своего избавителя, ибо у нихъ не было ни гроша въ карманѣ. Они наконецъ рѣшились, вмѣсто обыкновенной платы, дать адвокату слѣдующій полезный совѣтъ, который дороже денегъ: «Если вы хотите быть всегда безопасны отъ воровъ — сказали они: — то держите постоянно въ своей квартирѣ маленькую собачонку, а въ ночное время всегда зажженный ночникъ въ спальнѣ и кабинетѣ. Воры всегда боятся свѣта, и очень неохотно вламываются въ такіе дома, гдѣ есть огонь на стражѣ. Крошечная и злая собачонка болѣе надѣляетъ хлопотъ вору, чѣмъ большой дворной песь, потому что собачонка легко ускользаетъ изъ рукъ, спрятавшись подъ стулъ, коммодъ или кушетку. Притомъ же, она не скоро возьметъ лакомый кусокъ мяса изъ рукъ незнакомаго ей человека. Большія собаки въ этомъ случаѣ гораздо менѣе опасны: ихъ скоро можно поймать и приласкать кускомъ хлѣба или говядины.»

— Одна изъ знаменитыхъ парижскихъ ресторацій, предложила извѣстной пѣвицѣ Катинькѣ Гейнефеттеръ, прославившейся не столько своимъ голосомъ, сколько процессомъ Комартена, 50,000 франковъ жалованья, квартиру, столъ и экипажъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она согласилась вступить въ должность *dame de comptoir* въ означенномъ заведеніи. Интересная Катинька, говорятъ, отклонила отъ себя такое неблагородное предложеніе и рѣшилась, навсегда отказавшись отъ сцены, окончить жизнь въ монастырѣ (?).

— Неустранимость и хладнокровіе англійскихъ матросовъ въ минуты самыхъ ужасныхъ опасностей давно извѣстны всему свѣту, и даже самъ Вольтеръ относился съ большою похвалою объ этихъ качествахъ англійскихъ моряковъ. Въ книгѣ *Flowers of Amscote* рассказываютъ, что одинъ матросъ былъ на представленіи какого-то фокусника, данномъ въ залѣ гостиницы. Въ нижнемъ этажѣ подъ заломъ находился большой запасъ пороха, въ который случайно попала искра, и вся гостиница съ постояльцами и съ народомъ, находившимся въ залѣ, взлетѣла на воздухъ. Взрывомъ пороха, брошено это матроса въ садъ, гдѣ онъ безъ всякаго вреда живъ и здоровъ упалъ на землю. Матросъ всталъ, протеръ себѣ глаза и сказалъ флегматически: «*Goddam*, да это славная штука! экъ его умудрил о выкинуть меня въ садъ изъ гостиницы! теперь посмотримъ, какой фокусъ еще выйдетъ со мною этотъ молодецъ!»

— Въ звѣриницѣ г-на Шрейера, въ Штетинѣ, недавно околѣлъ носорогъ, шкура котораго продана Берлинскому Музею за 1,000 талеровъ. Штетинскій палачъ, однако, вступился въ это дѣло и требуетъ вознагражденія за носорога, ибо по закону шкура каждаго околѣвшаго въ Штетинѣ животнаго принадлежитъ ему. Какъ въ этомъ дѣлѣ поступила прусская юстиція, неизвѣстно.

— Въ Восточной-Индіи издается 14 политическихъ газетъ на разныхъ туземныхъ нарѣчіяхъ, и, удивительнѣе всего, что англійское правительство оповоляетъ ихъ печатать безъ цензуры.

— Въ началѣ нынѣшняго года число парижскихъ врачей, аллопатовъ и гомеопатовъ, простиралось до 1,425. Съ 1841 года число ихъ увеличилось 63 мя, а съ 1833 года 259-ю человекѣми. Такъ какъ въ Парижѣ считается 950,000 жителей, то изъ числа докторовъ, къ которымъ присовокуляются также и 170 человекъ officiers de santé, всего 1,593 человекѣвъ,—приходится на каждыхъ 500 жителей по одному врачу. Въ департаментахъ приходится среднимъ числомъ по одному врачу на 1,200 жителей. Знаменитые парижскіе доктора получаютъ отъ знатныхъ, консидіумовъ и пр. каждый ежегоднаго дохода отъ 60,000 до 150,000 франковъ. Но такихъ врачей въ Парижѣ около дюжины. Каждый парижскій врачъ среднимъ числомъ получаетъ въ годъ 2,500 франковъ за свою практику, а всѣ они, кромя знаменитыхъ, полтора милліона франковъ.

— Во Франціи, ремесло ростовщичество весьма-прибыльно; они даютъ долги подъ залогъ вещей за ужасные проценты. Взять съ должника 50 процентовъ считается у нихъ обыкновеннымъ дѣломъ. Извѣстный аббатъ de Жуль, богобоязливый редакторъ «Gazette de France», нажилъ себѣ большое состояніе тѣмъ только, что ссужалъ и ссужаетъ за большіе проценты деньги своимъ арендаторамъ и поселенцамъ, живущимъ въ его помѣстьѣ, de Врие. Даже въ ссудныхъ кассахъ (monts de piété) Парижа берутъ съ бѣднаго народа безсовѣстно-большіе проценты. Число закладываемыхъ въ monts de piété вещей увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ послѣднее время накопилось 1,461,882 нумера заложенныхъ вещей, на которыя среднимъ числомъ выдано по 15 франковъ на нумеръ. Самая незначительная часть залоговъ возвращается опять въ руки заемщиковъ;

все остальное продается съ публичнаго торга въ пользу означенныхъ ссудныхъ кассъ. Mont de piété обыкновенно беретъ при залогахъ 13 процентовъ, а когда невыкупленные вещи продаются съ аукціона, по 16 процентовъ. Прибыль ихъ увеличивается, когда бѣдняки закладываютъ свои пожитки срокомъ на недѣлю: тогда mont de piété получаетъ 30 процентовъ.

— Англичанинъ, бывшій въ послѣдней экспедиціи съ Китайцами, рассказываетъ слѣдующее: «Многія пушки, отнятыя нашими войсками у Китайцевъ, сдѣланы совершенно по образцу нашихъ, съ тремя колесами у дула, что доказываетъ, что Китайцы знали въ нашемъ войскѣ шпионовъ, которые наблюдали, какъ употребляется Англичанами разнаго рода оружіе. Китайцы на опытъ увидѣли бесполезность своихъ луковъ и стрѣлъ въ бою съ европейскими солдатами, бросили это оружіе и принялись за ружья, которыя также усовершенствованы по образцу нашихъ. У нихъ завелись конгресовыя ракеты, дѣйствующія съ большою силою на разстояніи 600 шаговъ, и выстрѣливаемая изъ большой пищали, въ которую вкладывается вмѣстѣ 15 ракетъ. Вообще замѣтно, что Китайцы народъ очень-смышлѣнный и способный перенимать всякое улучшеніе, занятое ими у иностранцевъ.»

— Миссіонеры, живущіе въ Китаѣ, нацѣлены собирать посредствомъ своихъ европейскихъ агентовъ, вспоможенія, съ слѣдующей цѣлю: извѣстно, что Китайцы бѣднаго класса убиваютъ большею частію своихъ новорожденныхъ младенцевъ, и трупами ихъ откармливаютъ свиней. Миссіонеры стараются сколько можно спастись отъ неминуемой смерти этихъ несчастныхъ и покупаютъ дѣтей у бѣднаго народа, но это только малѣйшая часть, а прочія обречены на жертву варварскому обычаю. Въ слѣдствіе этого миссіонеры обратились теперь въ Европѣ и просятъ вспоможенія для выкупа китайскихъ младенцевъ и дѣтей

богатыхъ родителей, которые легко могутъ жертвовать еженедѣльно по одному прусскому грошу и тѣмъ спасти жизнь цѣлому юному поколѣнію Китайцевъ, обрекаемому на кормъ нечистымъ животнымъ. За 300 талеровъ можно купить въ Китаѣ нѣсколько сотъ дѣтей. Благодѣяніе будетъ велико, хотя отъ европейскихъ дѣтей требуется весьма легкая жертва.

— Во Франціи и Германіи клубы поддерживаютъ общительность и сотоварищество, особенно между холостыми людьми; тамъ говорятъ и спорятъ о политикѣ, дневныхъ происшествіяхъ, читаютъ газеты и журналы съ трубкой табака и за стаканомъ вина или пива, играютъ въ вистъ, и проч. Но въ Англіи, въ клубахъ читаютъ только политическія газеты, и говорятъ весьма мало. Войдите въ Брайтонскій или Вивдорскій Клубы: вы тамъ увидите пятнадцать или двадцать человекъ, которые, углубясь въ чтеніе газетъ, не курятъ и не говорятъ между собою. Тамъ царствуетъ мертвенная тишина. Случается иногда, что читающій найдеть интересное мѣсто въ газетѣ, скажетъ объ этомъ въ-полголоса своему сосѣду, который отвѣтитъ ему лаконически — и разговоръ конченъ; другіе въ него не вмѣшиваются. Въ большихъ же торговыхъ городахъ, на-примѣръ, въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ клубы не столь печальны и безмолвны, потому-что ихъ посѣщаютъ не одни Англичане, но и иностранцы. Впрочемъ, тамъ придерживаются общаго правила — не начинать разговора съ незнакомцемъ, а если незнакомецъ спроситъ о чемъ-нибудь Британца, этотъ отвѣтитъ ему коротко и не пустится въ дальнія разсужденія; отъ-того въ англійскихъ клубахъ вѣтъ общительнаго дружескаго тона и разговора между членами, какъ въ клубахъ на твердой землѣ. Такъ-какъ старый Лондонъ (City) есть средоточіе всѣхъ коммерческихъ дѣлъ и торговли, то всѣ иностранцы думаютъ, что въ немъ есть нѣсколько клубовъ для купе-

ческаго сословія; въ самомъ же дѣлѣ тамъ только одинъ значительный клубъ City of London, находящійся на Площади Девоншейрской. Лучшіе лондонскіе клубы находятся въ западной части города, гдѣ живетъ множество чиновниковъ и иностранцевъ, особенно въ улицѣ Pall Mall и въ прилежащихъ къ ней. Нѣкоторые клубы принадлежатъ одному владѣльцу, другіе нѣсколькимъ акціонерамъ, а другіе содержатся на общемъ иждивеніи вкладчиковъ. Надзоръ за хозяйствомъ и экономіею клуба поручается избраннымъ на одинъ годъ, по большинству голосовъ, старшинамъ; текущими же дѣлами клуба завѣдываетъ особый секретарь. При входѣ въ клубъ встрѣчаютъ гостей нѣсколько слугъ въ богатыхъ лиреяхъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ чулкахъ и башмакахъ; одинъ изъ жителей сидитъ въ передней у конторки и принимаетъ всѣ письма на имя членовъ, полученныя съ почты, заносываетъ въ книгу всѣ сдѣланныя ему порученія отъ членовъ, и т. п. Въ газетной комнатѣ разложены всегда лучшія англійскія, французскія, испанскія и голландскія газеты и множество англійскихъ журналовъ. Въ другихъ комнатахъ можно во всякое время получить завтракъ, полдникъ, разные напитки; кому угодно, тотъ можетъ обѣдать и ужинать особо или за общимъ столомъ. Многие члены большую часть своей жизни проводятъ въ клубѣ, особенно офицеры, состоящіе на половинномъ окладѣ, холостяки, получающіе ограниченный доходъ, которые не имѣютъ средствъ жить пристойно своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Одинъ изъ знаменитыхъ клубовъ Лондона учрежденъ для путешественниковъ и называется Travellers Club, который часто посѣщаютъ иностранные посланники и многіа важныя особы, пріѣзжающія въ Лондонъ. Отъ 10 часовъ утра до полудня этотъ клубъ всегда наполненъ народомъ. После обѣда тамъ обыкновенно играютъ

въ карты. Галайранъ и Гизо, бывъ послани въ Англію, очень-часто посѣщали Клубъ Путешественниковъ. По статутамъ этого клуба каждый членъ, желающій поступить въ него, долженъ непременно доказать, что онъ былъ за границею по-крайней-мѣрѣ за 500 миль отъ Англіи. Кому же не удалось въ жизни путешествовать, тотъ можетъ быть членомъ Brooke's Club и Whites Club, находящихся въ Сен-Джежской Улицѣ. Въ этихъ клубахъ по большаи-части записаны члены парламента и извѣстные адвокаты и политическіе писатели Англіи. Для партіи тори есть въ Лондонѣ особый клубъ, называемый Conservative Club, а для виговъ Reform Club. — Въ этихъ мѣстахъ члены совѣщаются предварительно о парламентскихъ преніяхъ, и нерѣдко рѣшаютъ тамъ важныя политическіе вопросы, имѣющіе вліяніе на всю Европу. — University Club называется университетскимъ, не потому-что тамъ членами профессеры, студенты и ученые, служащіе въ университетѣ; но, по статутамъ этого клуба, каждый членъ обязанъ непременно имѣть ученый аттестатъ Кембриджскаго или Оксфордскаго Университета; слѣдовательно, этотъ клубъ наполняется болѣе учеными и литераторами Англіи. Другіе въ этомъ отношеніи предпочитаютъ клубъ Athenaeum, востроенный на Ватерлооской Площади. Тамъ каждый вечеръ встрѣтите вы нѣсколькихъ британскихъ поэтовъ, и между ними особенно Томаса Кэмпбля съ его литературными друзьями. Кэмпбль получаетъ отъ королевы пансіонъ въ 200 фунт. стерл. за свое стихотвореніе «the Pleasures of hope». — Въ Лондонѣ есть также особаго разряда клубы, называемые professional Club, въ которыхъ членами бывають люди разныхъ состояній и должностей. Къ этому роду клубовъ принадлежитъ Морской, Naval Club, въ новой улицѣ Bond, для офицеровъ флота и сухопутной арміи, Senior и Junior Service Club, находящіеся въ Реджент-Стритѣ. Въ первый изъ этихъ

клубовъ явилось столько кандидатовъ, что нельзя было всѣхъ ихъ помѣстить, а потому и учрежденъ для нихъ новый клубъ Junior, въ которомъ нынѣ записаны до 1,500 членовъ. — Кроме означенныхъ клубовъ, находится еще нѣсколько главныхъ игорныхъ сборищъ подъ именемъ также клубовъ: Crockfords, Bonds, the Strangers, the Buckingham и the Berkely, и множество другихъ второй и третьей степени домовъ, гдѣ играють въ азартныя игры, рудетку, rouge et noir, фараонъ и пр. Хотя, по закону, всѣ такія сборища строго запрещены; но полиція тогда только вмѣшивается въ дѣла игорныя, когда ей объявятъ, что въ клубѣ обиграли наваріанъ какого-нибудь богатаго и неопытнаго ювону. Со-всѣмъ тѣмъ, Лондонъ такъ обширенъ и въ него всегосвѣта съѣзжается столько игроковъ и богатыхъ насѣдниковъ, что полиціи невозможно провѣдать о тысячахъ уголковъ, въ которыхъ люди занимаются азартною игрою.

— Въ Парижѣ въ улицѣ Tailbout полиція закрыла, подъ № 11-мъ, одно великолѣпное заведеніе, куда скопились всѣ извѣстные львы столицы и знатные иностранцы. Въ этотъ домъ могли имѣть входъ только люди особенно рекомендованные по знакомству и обѣдать за общимъ столомъ table-d'hôte, хотя тамъ подъ маскою хорошаго тона и аристократическихъ намеровъ скрывался гнусный порокъ и развратъ. Гриветки, актриссы и дамы знатныхъ фамилій имѣли тамъ свиданія съ богатыми молодыми людьми и сибаритами. Хозяйка заведенія и нѣсколько другихъ женщинъ уже арестованы полиціею, у которой также находится списокъ всѣмъ посетителямъ этой новой Питеры. Тутъ замѣшано нѣсколько извѣстныхъ лицъ живущихъ въ Парижѣ, и публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ начала любопытнаго процесса.

— Недавно позвали въ ирриный парижскій судъ извѣстную актриссу Рашель по жалобѣ подраччика, поста-

вившаго ей кирпичъ для камня на 33 фравка. Рашель въ оправданіе свое объявила, что кирпичъ купленъ ея отцомъ, и что въ то время она еще была несовершеннолѣтнею. «Я уже заплатила за моего отца долговъ слишкомъ на 50,000 фравковъ, но болѣе платить не намѣрена». По рѣшенію суда, Рашель была оправдана, и подрядчикъ остался безъ удовлетворенія.

— Въ Турціи никому такъ по сердцу не пришло новое преобразование, какъ Турчанкамъ, бѣднымъ затворницамъ гаремовъ. Константинопольскія женщины старались воспользоваться всѣми нововведеніями послѣдняго султана; онѣ уже начали являться на базарахъ и прогулкахъ безъ покрывала и чадры, съ открытымъ лицомъ и даже посѣщать кофейные дома, куда доселѣ имѣли право ходить только мужчины. Правительство, замѣтивъ, однако же, столь неприличную вольность, снова лишило женщинъ драгоцѣнной свободы. Въ султанскомъ фирманѣ сказано по этому предмету слѣдующее: «Турецкія женщины начали слишкомъ часто ходить со двора и безъ нужды появляться на всѣхъ базарахъ и публичныхъ мѣстахъ; онѣ поздно возвращаются домой, нивы даже послѣ захожденія солнца. Богатыя Турчанки, вызывая въ блестящихъ экипажахъ, имѣютъ молодыхъ кучеровъ, даже изъ христіанъ, одѣтыхъ щегольски, и слѣдовательно могущихъ возбудить подозрѣніе честныхъ Османлизовъ. Онѣ даже осмѣливались заходить въ аптеки, оставались тамъ весьма-долго, болтали съ гурами, а нѣкоторыя были столь безстыдны, что ѣли мороженое въ Галатѣ и Перѣ (предмѣстіяхъ, гдѣ живутъ Франки)». Въ турецкомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія женскаго кокетства и нечестности, но есть строгое наказаніе за такіе грѣхи. Извѣстно, что мужъ, поймавшій жену въ нечестности, велитъ ее безъ церемоніи зашить въ нѣшюкъ и бросить въ море, а въ Константинополѣ такихъ женщинъ бросали прежде

съ высокой скалы въ пропасть. Надобно сказать, что Турки въ отношеніи своихъ женщинъ ничего не хотятъ перенять изъ европейской цивилизаціи. Турки терпѣть не могутъ, когда въ ихъ присутствіи говорятъ о женщинахъ. Иностранецъ поступилъ бы очень-неосторожно и невѣжливо, еслибъ вздумалъ спросить о здоровьѣ жены какого-нибудь Турка. Обычай требуетъ, чтобъ гость, пришедшій къ Турку, никогда не начиналъ разговора съ его женами безъ особеннаго на то позволенія самого мужа.

— Англійскій туристъ Бокнингэмъ, путешествующій въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, пишетъ слѣдующее: «Мы замѣтили въ Гаррисбургѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ Америки, множество неровныхъ браковъ: молоденькія жены 16 или 18-ти лѣтъ имѣли мужей въ 50 и 60 лѣтъ. Такія супружескія связи происходятъ отъ того, что дочери въ американскихъ семействахъ ничѣмъ не занимаются, думаютъ только о нарядахъ и визитахъ; слѣдовательно, рѣдкая дѣвица, вышедъ замужъ, можетъ быть доброю хозяйкою, нѣжною матерью для дѣтей и полезною помощницею своему мужу. Американка, пробывъ въ женскомъ пансіонѣ урочное число лѣтъ, является въ свѣтъ благовоспитанною кокеткой, занимаемая безпрестанно нарядами. Поутру она обыкновенно дѣлаетъ визиты своимъ знакомымъ, вечеромъ бываетъ въ театрѣ, на балѣ, или ѣдетъ кататься за городъ на пикники, и т. п. Вышедъ замужъ, она не приноситъ въ домашнемъ быту никакой пользы мужу и служитъ ему только дорогою игрушкою. У кого нѣтъ хорошаго достатка, тотъ, разумѣется, не можетъ жениться на такой вѣтренницѣ: ей надобенъ мужъ съ большимъ капиталомъ, а такіе супруги болѣею частію бываютъ люди почтенныхъ лѣтъ, старички, успѣвшіе нажитья. Когда заключится подобный перовный бракъ, старый мужъ обыкновенно идетъ съ своею молодою женою

• на хлѣбы въ Bording-House, такимъ образомъ избавляясь отъ всѣхъ домашнихъ хлопотъ по хозяйству, и же-
• на его можетъ по цѣлымъ днямъ сидѣть безъ всякаго дѣла, склавши руки. Тутъ она на свободѣ можетъ наряжаться по цѣлымъ часамъ, дѣлать и принимать визиты, болтать, сплетничать, бренчать на фортепьяно и читать романы. Въ-продолженіе цѣлаго дня, она едва одинъ часъ употребить на шитье бѣлья. Между-тѣмъ, мужъ безпрестанно занятъ своими дѣлами. Она видитъ жену только за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. О воспитаніи дѣтей такимъ супругамъ по-
• большаго-части не нужно заботиться, ибо неровные браки бывають часто бездѣтны.

— Съ 1 іюля откроется въ Берлинѣ высшій пенаурный судъ, гдѣ будутъ разбираться спорныя дѣла между литераторами и цензорами, если литераторы изъяснятъ на цензоровъ какое-либо приязаніе или неудовольствіе. — Берлинцы толпами посѣщаютъ нынче Потсдамъ, чтобъ смотрѣть игру фонтановъ и другихъ водяныхъ штукъ, устроенныхъ въ саду Фридриха-Великаго въ Sans Souci. Фонтаны начали дѣйствовать съ 1 мая; самый большой изъ нихъ бьетъ вверхъ на 100 футовъ, другіе немножко — пониже. Наконецъ удалось Берлинцамъ сдѣлать то, что тщетно старался устроить Фридрихъ II, посредствомъ водяныхъ мельницъ и прочихъ машинъ съ высокимъ давленіемъ. Теперь одна паровая машина приводитъ въ движеніе всѣ фонтаны, и сдѣлала изъ Sans Souci Версаль или Петергофъ въ маломъ размѣрѣ. Разсказываютъ въ Потсдамѣ курьезную исторію, случившуюся съ этими водяными забавами. При первомъ спускѣ фонтановъ, вода никакъ не хотѣла показаться наружу, и вмѣсто ея вылетѣло изъ фонтанныхъ трубъ нѣсколько сотенъ живыхъ крысъ, которыя въ-мигъ разбѣжались по всему саду. Эти незваные гости забрались въ подземныя трубы во время знои, и расположились тамъ

на житьство; но наконецъ водяной столба выбросилъ ихъ на свѣтъ Божій. — Берлинскій Музеумъ приобрѣлъ нѣсколько отличныхъ оригинальныхъ картинъ изъ Испаніи стараніемъ директора г-на Влагена, а именно изъ старой верхне-итальянской школы отличныхъ картины Тинторета и Паула Веронеза. Что же касается до картины Мурильо, купленной однимъ живописцомъ на аукціонѣ за одинъ фридрихдоръ, и за которую ему послѣ предлагали 30,000 талеровъ, то многіе знатоки сомнѣваются въ ея оригинальности; однакожь полагають, что эта картина точно превосходной работы, и можетъ служить украшеніемъ каждой галлерей.

— Въ Парижѣ нѣтъ ничего постыднаго; у него на все временная мода даже великолѣпныя и классическія его рестораціи отжили свой блестящій вѣкъ, — содержатели ихъ обанкрутились, упали съ своими заведеніями и ужь конечно не встануть на ноги. Café de Paris, Café Anglais, краса и цвѣтъ бульваровъ, внезапно упали, и на двери ихъ приложены уже печати коммерческаго суда, по требованію кредиторовъ. Ихъ участь готово раздѣлить также главное сборище мѣлъ парижскихъ гурмановъ, Rocher de Cancale. эта ресторація также сдѣлалась несостоятельною! Такимъ-образомъ славныя поприща знаменитыхъ французскихъ цоваровъ мало-по-малу уничтожаются; аристократическая кухня падаетъ, и надъ нею беретъ верхъ шанская. — Въ Елисейскихъ-Поляхъ знаменитыя дамы напали изъ ревности другъ на друга, и порядочно окрестили себя глѣбкими хлыстами, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно также двѣ герцогини дрались на послонѣ. — Не давно былъ блестящій балъ у президента палаты депутатовъ, г. Соме, у котораго соединились всѣ партіи, правая и лѣвая сторона, центръ, радикалы, tiers-partie, легитимисты, и проч.; гости ѣли, пили и танцовали до утра. Кто-то спросилъ, не встаетъ

учаю, у повара г. Созе, второго Валя, какимъ образомъ угодили онъ и вкусъ всѣхъ противоположныхъ партій, наполняющихъ палату депутатовъ; поварь, какъ даровитый художникъ по своей части, отвѣчалъ съ пафосомъ: «м. г. какъ человекъ, я имѣю свое собственное мнѣніе въ дѣлахъ политическихъ, но какъ поварь я не долженъ принадлежать ни къ какой партіи и держусь въ этомъ отношеніи всегда срединны (juste milieu). — Въ Парижѣ составилось новое общество акціонеровъ, чтобъ устроить на Марсовомъ-Поля (Champs de Mars) азнаго рода игры и увеселенія со всевозможнымъ великолѣпіемъ и пышностію. Тамъ будутъ лошадиныя скачки, ляски на канатахъ, берейторскія штуки и Франкони, фейерверки, полеты воздушныхъ шаровъ, борьба силачей, ой пѣтуховъ, стрѣляніе птицъ, и тысячи другихъ увеселеній. Общество жидаетъ только разрѣшенія правительства. — Рассказываютъ, что враги насательницы-жи Жирарденъ устроили противъ ея трагедію «Юдины» заговоръ, и во второе представленіе пустили на сцену кошку, которая начала жасно мяукать въ патетическую минуту страстныхъ объятій Олоферна съ Одиссеею. Разумѣется, что эта deus ex machina превратила трагедію въ комедію, и хототу зрителей конца не было. — Французскіе журналы жестоко ющутъ противъ дамъ, которыя зазались страстью безпрестанно курить сигары; но журналы въ этомъ случаѣ будутъ похожи на Донъ-Кихота, сражавшагося съ вѣтренными мельничками. Послѣ сигаръ, въ подражаніе Американцамъ, войдутъ, разумѣется, въ моду въ парижскихъ будуарахъ тамаку, или сѣтчатыя койки, для оттохновенія, тѣмъ болѣе, что онѣ гораздо-дешевле обойдутся, чѣмъ баркатные оттоманы и диваны.

— Вышшій агентъ тайной французской полиціи, всему свѣту извѣстный Видокъ, съ 1833 года занимался коммисіонерствомъ и разными другими

аферами; но непреодолимаа склонность къ прежнимъ занятіямъ, во части шпіонства не охладила въ немъ съ лѣтами, и онъ безъ дозволенія правительства началъ опять играть роль полицейскаго шпіона. Ужъ такова; видно, натура видокотъ: жить не могутъ безъ доносотъ! Ихъ обругаютъ — они въ доносотъ; побьютъ — тоже въ доносотъ... предпочтенные люди! Недавно парижскій Видокъ позванъ былъ въ судъ за то, что самовольно арестовалъ въ своемъ домѣ какого-то Шампе, и взялъ съ него обшмомъ значительный вексель. Правительство также узнало, что Видокъ доставилъ маркизу Дювивье два патента на изобрѣженіе кавалера золотой шпору и вѣзды турецкой султанши Бегліе. За такіа изобрѣшенія Дювивье послалъ сперва отъ радости Видоку 15,000 франковъ; но кярый спекулянтъ назъ благородной предосторожности взялъ съ покупателя только 3,000 франковъ. Нетъ аждаствія по дѣлу Видока оказалось, что въ Парижѣ есть контора, торгующая патентами на орденъ Викторіи италяискихъ государствъ. «Нѣтъ, графъ Сартори, можетъ за неѣтсую сумму доставить великому олошнику до ордевовъ патенты на званія кавалера золотой шпору и вѣзды султанши Бегліе», сказалъ Видокъ: «и я черезъ него доставилъ маркизу Дювивье поминутыа изобрѣшенія за 3,000 франковъ. По депросу о дамъ Шампе Видокъ объявилъ: «И этого кавалера столько же знаю, какъ и всѣхъ прочихъ жителей Парижа, ибо яма яма ниѣ всѣ извѣстны (il n'y a personne à Paris dont je ne connaisse pas la physionomie). — а вѣдъ въ Парижѣ считаотся до милліона народа! Сколько намъ извѣстно, Видока присудили по отому дѣлу къ заключенію въ тюрьму на двѣ лѣты, да послѣ этого на 10 лѣтъ съототъ безъ надзоротъ полиціи.

ПОЛЕЗНОЕ ИЗООРАЩЕНІЕ. — Мисловыйка г-на Пеллеванскаго. — Въ предъидущей (5-й) книжкѣ «Сте-

чественныхъ Записокъ (Современная Хроника Россіи, стр. 9) говорили мы о выданной въ началѣ нынѣшняго года г-ну Полторацкому привилегіи на изобрѣтенную имъ маслобойку, для приготовленія масла изъ *вармаю* молока. Случай доставилъ намъ возможность видѣть эту новую машинку и удостовѣриться въ несомнѣнности тѣхъ выгодъ, которыя означены въ самой привилегіи. Долгомъ поглавиемъ за свидѣтельствовать передъ читателями, которымъ интересуется этотъ предметъ, что маслобойка г. Полторацкаго отличается слѣдующими преимуществами передъ всѣми подобными ей машинками: 1) Она очень-проста, такъ-что вслнй бочаръ можетъ ее сдѣлать, лишь только взглянетъ на модель; 2) не подвержена ломкѣ, потому-что въ ней нечему ломаться, и занимаетъ весьма мало мѣста. 3) При употребленіи этой маслобойки, не нужно имѣть молошны для сѣянъ молока, ни посуды, за которой долженъ быть уходъ самый прилежный, чтобъ соблюсти ее въ чистотѣ и опрятности. 4) Получается большее количество масла изъ молока, нежели изъ такой же массы сливокъ, и притомъ масла, которое вкусомъ своимъ превосходитъ обыкновенное сливочное. 5) Машинка такъ устроена, что руки человѣческія не прикасаются къ маслу, которое она доставляетъ совершенно-вымытое въ зернистомъ видѣ, и въ этомъ состояніи изобрѣтатель совѣтуетъ оставлять его и солить по особому «наставленію», которое выдается всякому при покупкѣ его машинки. 6) Если бы кому-нибудь вздумалось перетопить это масло въ такъ-называемое «русское», то и это возможно, и притомъ опытъ показывалъ, что изъ 6 пудовъ молочнаго масла остается топленнаго 5 пудовъ 25 фунтовъ, между-тѣмъ, какъ изъ 6 пудовъ самаго лучшаго смѣтаннаго масла выходитъ только 4 п. 20 ф. топленнаго, никакъ не болѣе; слѣдственно, на молочномъ выигрывается около пуда, а это не бездѣлица въ хозяйскихъ разчетахъ.

7) Отъ способа г. Полторацкаго хозяйства можетъ извлечь еще особую значительную выгоду, именно: оставшияся отъ масла молокомъ онъ можетъ отпавать телятъ (что чрезвычайно-выгодно въ хозяйствѣ), или дѣлать изъ этого молока сыръ, называемый *fromage saigre*. 8) Способъ соленія, предлагаемый въ особомъ «наставленіи» г-мъ Полторацкимъ, доставляетъ средство сохранять масло въ-продолженіе цѣлаго года и болѣе; а зернистый видъ масла доставляетъ хозяину увѣренность, что никто, неимѣющій права, не можетъ подаѣлывать масла на продажу; ибо зернистость можетъ быть сообщена маслу только маслобойкою г. Полторацкаго.

Г. Полтораціи назначилъ весьма-умѣренную цѣну (4 р. серебр.) за приобрѣтеніе печатнаго свидѣтельства за его подписью на право дѣлать по его способу масло (*). (Не мѣшаетъ замѣтить, что безъ этого печатнаго свидѣтельства, даваемого на имя того, кто его купитъ, никто не имѣетъ право дѣлать масло по способу г. Полторацкаго). Но какъ и эта цѣна можетъ показаться нѣкимъ нѣскольکو-высокою, то мы совѣтовали бы г-мъ помѣщикамъ обращаться къ своему дворянскому предводителю (а купцамъ и мѣщанамъ въ градскому головѣ) и просить его выступить съ изобрѣтателемъ въ переговоры объ уступкѣ въ большомъ количествѣ означенныхъ свидѣтельствъ и о высылкѣ на имя г. предводителя (или головы) одной машинки, по образцу которой всякій мужикъ, умѣющій сдѣлать бочонокъ, надѣлаетъ сколько-угодно такихъ маслобоекъ: такъ онѣ просты. А вѣроятно издатель согласится на бодшую уступку, если будетъ много требованій (даже, можетъ-быть, возьметъ вчетверо менѣе противъ объявленной цѣны). Отправленіе же по почтѣ машины весьма-простой и дешевой, но довольно-объемистой, каж-

(* За каждую машину платится особо 3 руб. сер:

дому, кто пожелаетъ шить ее, обидется для покупателя очень-недешево. — Мы слышали, что г. Подпорацкій ведетъ уже переговоры съ значительными городами Санктпетербургской, Московскѣй и другихъ губерній объ уступкѣ части полученной ими привилегіи. — Адресоваться съ требованіями свидѣтельствъ и съ предложеніемъ

особыхъ условій къ комиссіонеру и книгопродавцу Андрею Из. Иванову (на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской Церкви), которому г. Подпорацкій поручилъ продажу свидѣтельствъ и привилегій. Свѣдѣнія получаютъ немедленно вслѣдъ за требованіемъ, или запросомъ.

М О Д Ы.

Спѣшимъ сообщить читателямъ картинку мужскихъ модъ, составленную законодателемъ петербургскихъ модъ, г. Оливье. По ней можно убѣдиться, что магазинъ г. Оливье можетъ стать варяду со всѣми лучшими европейскими магазинами въ этомъ родѣ. Особенное вниманіе должно обратить на русскій придворный муаниръ, самый блистательный въ Европѣ, который доселѣ еще нигдѣ не былъ изображенъ на картинкѣ модъ. Безполезно было бы дѣлать панетирикъ мастерской г. Оливье, пользующейся такою лестною извѣстностію въ петербургскомъ фешіонебльномъ свѣтѣ. Скажемъ только, что хотя г. Оливье своею аккуратностію и честностію важилъ уже весьма-значительное состояніе, однако онъ

продолжаетъ трудиться по-прежнему, какъ-будто долженъ еще только заслужить славу, давно уже имъ приобретенную. Г. Оливье—единственный портной въ Петербургѣ, ставшій въ уровень съ знаменитѣйшими портными Европы, которыхъ новѣйшія произведенія не только являются у него ежедневно, но еще улучшенными-собою прихвнены къ нашей климату и къ нашимъ требованіямъ. Для удостовѣренія въ сказанномъ нами, советуемъ читателямъ посѣтить магазинъ г. Оливье, гдѣ они найдутъ полнѣйшій и лучшій выборъ платьевъ всякаго рода, и матерій, соотвѣтственныхъ всѣмъ временамъ года.

— В. Л.

ОПЕЧАТКИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ IV КНИЖКѢ .ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАМѢСОКЪ, ОТДѢЛЕНІЯ V.

	Стр.	Слрок.	Столб.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Прав.	30	1	Лѣв.	ελέγετο.	ελέγετο.
	—	13	—	τα ποίω τα που	τω ποίω τα που
	31	5	—	keinek.	keiner.
	32	16	Прав.	giogamento.	giogamento.
	—	—	—	силы	стрѣлы.
Прав.	35	6	Лѣв.	антологической	онтологической
	37	38	—	обнаженную	обнаруженную.
	38	9	Прав.	ma tanto meglio	ma tanto meglio
	—	20	—	критиковъ.	патриотовъ.
	40	21	Лѣв.	разсмотрѣніе.	размышленіе
Прав.	42	10	Прав.	наверомъ, самоучкой.	наларомъ — самоучкой
	44	4	—	Buffon.	Buffon
	—	7	—	mit ihren Erhebungen	mit ihren feinen Erhebungen
	45	8	Лѣв.	которыя	которые
	—	12	—	не могутъ быть объяснимы	ниже объяснимы
Прав.	—	20	Прав.	einer edlern Zeit, von der absoluten.	einer edlern Zeit, ja jenseits aller Zeit, von derabsoluten seines Wesens.
	—	21	—	des Wesens.	
	46	20	Лѣв.	вытекла.	вытекли.
Прав.	48	13	Прав.	современная.	совершенная.
	—	2	—	απταισον ου ψευδιαν- τα.	απταισον ου ψευδα τα.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВА ДЦАТЬ-ВОСЬМАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. Словесность.

а) СТИХОТВОРЕНІЯ:

Горская Царевна. М. Ю. Лермонтова.	1
Послѣ Концерта. Графини Е. П. Растопчиной.	3
Изъ-подъ тапчественной, холодной полумаски». М. Ю. Лермонтова.	80
Оттурпо. Графини Е. П. Растопчиной.	81
Дубовый листокъ». М. Ю. Лермонтова.	193
Нѣтъ, не тебя такъ близко я люблю». М. Ю. Лермонтова.	194
Не плачь, не плачь, мое дитя». М. Ю. Лермонтова.	195
вчѣмъ? Графини Е. П. Растопчиной.	—
лова Старца (изъ Уланда). Н. П. Огарева.	196
зникъ. А. Фета.	310
а-пути. А. Майкова.	311
И долго стоялъ неподвиженъ». А. Фета.	312
освященіе, приписанное въ концѣ поэмы «Демошъ». М. Ю. Лермонтова.	376

б) ПР ОЗ А:

айковскій. Романъ. Е. П. Гревенки. Часть вторая и послѣдняя.	5
мѣ Веръ. Романъ Вальтера	

Скотта. Части вторая и третья.	82 и 197
Ишчего. Хроника петербургскаго жителя. Барона Ф. Вюллера.	313

II. Науки и Художества.

Дипломатизмъ въ Науку. Статья третья. И—ра.	1
Книгопечатаніе.	17
Нынѣшнее состояніе Астрономической Географіи и Геодезическихъ Работъ въ Россіи. А. Е. Ващенко.	35

III. Современная Хроника Россіи.

Обзоръ современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за мартъ и апрель 1843 года.	1 и 11
Событія въ отечествѣ за мартъ и апрель 1843 года.	8 и 17

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще.

Табачная Промышленность въ Россіи. Статья первая, и вторая. (Исторія введенія табака въ Европу и Россіи.—Настоящее состояніе табачной	
---	--

промышленности въ Россіи.)	Стр.
А. В.	1 и 23
Выдѣлы на торговлю шерстью въ нынѣшнемъ году.	21

V. Критика.

Исторія Малороссіи, Н. Марквича. Четыре тома.	1
Сочиненія Александра Пушкина. Одинадцать томовъ. Статья первая. (Обозрѣніе русской литературы до Пушкина; начало русской литературы. Тредіаковскій, прижворный шита. Ломоносовъ. Сумароковъ. Поповскій. Херасковъ. Петровъ. Костровъ. Майковъ. Державинъ. Кавтемиръ. Фошвизинъ. Хемницеръ. Богдановичъ. Кашицъ. Карамзинъ. Дмитріевъ. Сантиментальность, какъ основный элементъ новаго періода русской литературы. Макаровъ. Подшиваловъ. Беницкій. Пелединскій-Мелецкій. Долгорукій. Милоновъ. Воейковъ. Кокшкінъ. Хвѣльницкій. В. Пушкинъ. В. Измаиловъ. Княжнинъ. Озеровъ. Крюковскій. Крыловъ	19

VI. Библиографическая Хроника.

<i>1). Русскія книги.</i>	
Парама, разсказъ въ стихахъ, соч. Т. А.	1
Описаніе Турецкой Войны, соч. А. Михайловскаго-Данилевскаго	11
Испанскій Театръ, выпуски 1-й и 2-й	12 и 37
Пять Сатиръ Горация, вып. 1-й.	—
Исторія Петра Великаго, соч. Н. Полевскаго	13
Краткое Руководство для Врачей къ познанію законовъ	17

Отчетъ Россійскаго Общества Садоводства за 1842 годъ.	17
Способъ Стерлянга отпечатывать различныя матеріи и ткани	—
Краткое начертаніе ученія о раздраженіи спиннаго мозга. Х. Бунге	—
Рецептура, соч. К. Лебедева.	—
Энциклопедія Русской Опытной Хозяйки, сост. Б. Волжвинъ. Ч. III.	19
Руководство къ познанію Средней Исторіи, соч. Смараглова. Изд. 2-е	—
Учебная Книга Всеобщей Исторіи, соч. И. Кайданова. Изд. второе	—
Руководство къ первоначальному изученію Русской Исторіи, соч. Устрялова. Изд. 3-е	21
Библіотека для Воспитанія. Ч. I. Изданіе А. Семена	—
Руководство ко Всеобщей Географіи, изд. И. Шульгинъ	—
Математическая Географія, сост. А. Ободовскимъ. Изд. 3-е	21
Дѣтскія Поздравительныя Стихотворенія	—
Дѣвочка Красная Шапочка	—
Драгоценный Подарокъ Дѣтямъ. Изданіе 4-е	—
Дѣнь Основанія и Открытія Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома. П. Шереметевскаго	21
Козель Бунтовщикъ. Соч. П. Батлсевича. Изд. 3-е	—
Стѣнка Разинъ. Соч. Докучаева. Подарокъ Кетати. Соч. Шмидта. Комическая Опера Мельникъ, и проч. Соч. А. Аблесимовъ. Изданіе 2-е	21
Аскольдова Могила. Изд. 3-е. Физиологія Театровъ, соч. Куайляка	—

	Стр.		Стр.
Физиологія Вивёра. Джемса Руссо.	23	Учебная Книга Англійскаго Языка, сост. Г. Кочмапомъ.	69
Книга Судьбы.	24	Англійскій Языкъ въ 20 лекціяхъ, И. Гасфельда	71
Петербургскій Театралъ. В. З.	—	Голось Степнаго Помѣщика	—
Очерки Русскихъ Правонъ. Соч. О. Булгарина. Вып. 4, 5 и 6.	25	Опытъ историч. обозрѣнія развитія пчеловодства, соч. А. Накорскаго-Жоравко.	72
Молодикъ, изд. Бецкомъ.	33	Хозяйственныя Очерки части Аравской Долины, соч. Шонена	—
Шекспиръ. Перев. Н. Кетчера. Выпускъ 13-й.	37	Атласъ Музеума Вольн. Экоп. Общества, т. II, тетр. 1 и 2.	73
Исторія Фридриха - Великаго. Выпускъ 1-й	41	Лѣсной Словарь.	—
Казакъ, соч. А. Кузьмича	45	Наставленіе объ оцѣнкѣ сельскихъ имуществъ, соч. А. Блюка.	74
Дневникъ Русскаго Путешественника по Европѣ, А. Зилова	48	Наставленіе въ случаѣ чумы рогатаго скота	—
Плащъ Мефистофеля	49	О промышленностяхъ вообще, 2 с Дополненіе къ «Курсу» Д. Шелехова	—
Всегобщій Пѣсенникъ, собр. А. Калатилынымъ	—	2) Книжк. изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
Драматическій Альбомъ, кп. 2. Бьдокуръ, соч. М. Куражковскаго	—	Verhandlungen der Russisch-Kaiserlichen Mineralog-Gesellschaft. Ostereier, Taschenbuch, von Fr. Viedert.	29
Луція де-Ламмермуръ, опера	50	Analyse nouvelle des Overtures du jeu des Echecs, A. Jaenisch.	75
Огелло, опера.	—	3) Библиографическія Извѣстія.	31 и 76
Пиратъ, опера.	—		
Притаве, опера	—		
Торжество Торжество, соч. Г. Долгомостева	—		
О Россійскомъ Благородномъ Собраніи въ Москвѣ.	51		
Полный Курсъ Прикладной Анатоміи Человѣческаго Тѣла, соч. Н. Пирогова, тетрадь 1.	—		
Юридическая Пропѣдствика, соч. Р. Штекгардта	53		
Основація Промышленной Механики, Флаша	55		
Руководство къ преподаванію Артиллеріи, соч. г. Силлча.	61	VII. Иностранная Литература.	
Описаніе Англійской Полевой Артиллеріи, соч. Якоби.	64	Англійская Литература	1
Географія Россійской Имперіи, сост. И. Павловскимъ	—	Французская Литература.	25
Славянская Хрестоматія	67		
Датская Ариметика на трехъ языкахъ.	—	VIII. Смысь.	
Этимологическій Россійскій Букварь, соч. Я. Гердомъ.	68	Новостя Ученныя.	
		Экономико-Геологическій Музей въ Лондонѣ	1
		Новый Химическій Анализъ	2
		Святонисъ.	—
		Темный Святъ и Теплописъ	2

	Стр.		Стр.
Предохранительное средство отъ гремучаго газа	4	Отчетъ о полномъ солнечномъ затмѣніи по Орловской-Губер- ніи 26 іюня. В. Петрова . .	10
Хладвіева Бумага	—	Два письма изъ Пекина. В. Гор- скаго	15
Происхожденіе жира въ живот- ныхъ	6	Отреченіе Лудовика Бонапарте отъ престола. (Статья Эммы Марко-де-Сент Илера . .	20
Дѣйствіе озеръ въ Саверной- Америкѣ	8	Полковникъ Санта-Кроче. (Раз- сказъ Александра Дюма). .	23
Горчича озеро въ Новой-Зелан- дїи	9	Воспомнаніе о В. Г. Тепляковѣ. А. Г. Теплякова	74
Комета	—	ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ:	
Пароходство въ 1843 году . .	61	<i>Русскій Театръ въ Санктпетер- бургѣ:</i>	
Электро-химическій конденса- торъ де ла Рива	64	Игроки, ориг. ком., соч Гого- ля. — Заложеніе Санктпетер- бурга, русская драм. быль въ двухъ дѣйств. — Проказы Ба- рышень, шут.-вод. въ 1 д. — Записки Демона, ком. — Сол- даты и Сержантъ, ком.-вод. — Пароходъ, вод.	31 и 103
Новые гальваническіе способы де-ла-Рива и Граве	65	<i>Французскій Театръ въ Парижѣ:</i>	
Гальваническое серебреніе . . .	66	Recette contre l'Emboîpoint, вод. — Les Jarretières de ma Femme, вод. — L'Ecole des Epiciers, вод. — Le Pêcheur de l'Isère, драма. — — Gaiffer, драма. — Charles IV, опера. — Les Enfants Trouvés, опера. — La Chambre Verte, вод. — Lucrèce, трагедія — Les Préten- dans, ком. — Hermance ou Un an trop tard, комедія	34
Дѣйствіе морской воды на ис- кусственное пуццолано	67	ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬ- НЫЯ ЗАМѢТКИ	43 и 104
Скрытый теплородъ при таяніи льда	—	РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ (107 ста- тей).	44 и 109
Свѣтъ кометы и свѣтъ зодіакаль- ный	—	Моды (съ картинкою петер- бургскихъ мужскихъ модъ).	
Новыя улучшенія въ свѣтописи. Электропись	68		
Свойства лучей, одинаково пре- ломляющихся	—		
Вліяніе цвѣтныхъ стеколъ на жизнь растений	—		
Лидійи	69		
Снѣговая линія	—		
Древность самаго большаго лед- ника въ Швейцарскихъ-Аль- пахъ	70		
Различіе уровня Каспійскаго и Азовскаго Морей	—		
Законы народонаселенія	71		
Число жителей въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ . .	72		
Египетскіе малые наматки . . .	—		
Пуническія древности	73		
Древніе люди	—		
Помойская вывѣска	74		

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. А. Исакова.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебрѣ).

БѢЛКОЛѢПНЫЯ ИЗДАНІЯ.	Р. К.	НАУКИ.	Р. К.
L'EMPIRE CHINOIS illustré, dessins de Thomas Allom. gravés par les premiers artistes de l'Angleterre avec un texte explicatif par Pollé. Livraisons 1 - a 7 in 4; abonnement pour 20 livrais. a 36 cop.	7 20	HISTOIRE de la Republique de Gènes, par Emile Vincens. 3 vol. in 8. Paris. 1842.	6
L'IRLANDE aux dixneuvieme siècle, par MM J. J. Prevost et Taylor, illustré. par 120 magnifiques gravures sur acier. Livraisons 1 à 8 in 4 abonnement pour 20 livr. à 36 cop.	7 20	HISTOIRE MARITIME de France, par L. Guerin. 1 vol in 8. ornée de 16 belles gravures. 1843.	2 85
MOEURS, USAGES ET COSTUMES de tous les peuples du monde, livraisons 63 a 99 figures coloriées et rehaussées d'or abonnement pour 150 livr. à 15 cop.	22 50	HISTOIRE DE LA PEINTURE au moyen âge, par E. David. 1 vol. in 12. Paris.	85
MES PRISONS , suivis du devoir des hommes par Silvio Pellico, traduction nouvelle de M. Messey. Magnifiquement illustré, par MM. Tony Johannot. etc.	3 43	ETAT de la question d'Afrique, par G. de Beaumont. in 8.	50
LES AVENTURES de Jean-Paul Choppart, par L. Desnoyer. Un beau vol. in 8. illustré.	2 15	TRAITÉ de la legislation et de la jurisprudence des chemins de fer, par Nogent et Laurant. 1 vol. Paris.	2 30
VOYAGE où il vous plaira, avec vignettes, notes, legendes, commentaires, incidents et poesies, par MM. T. Johannot. Alfred de Musset et P. J. Hahl. Livraisons 1 à 20 abonnem. pour 38 livrais.	2 85	VOYAGE autour du monde, par Camille Roquesfeuil. 2 vol. in 8. avec fig. et carté.	2
		PRODRAME d'etnographie, ou essai sur l'origine des principaux peuples anciens, par Maupied. in 8. Paris. 1842.	1 72
		COURS D'ASTRONOMIE , de mineralogie, geologie et geognosie, a l'usage des gens du monde, par MM. Mutel et Barruel. 2 vol. in 8. avec planches gr.	2 85
		MEMORIAL militaire français, allemand, par Petitgrand. in 12.	85
		LE RESCÉE D'ESPAGNE , d'Angleterre et de Belgique, guide et	

P. R.	P. R.
memento de l'artiste et du voyageur. par L. Viardot. 1 vol. in 12. Paris. 1843. 1	ERREURS DES MEDECINS , ou système chronothermal, par Dickson, traduit de l'anglais. 1 vol. in 8. Paris. 2 30
RECUEIL CHOISI de dépêches et des ordres du jour du duc de Wellington. par le colonel Gurwood. Un gros vol. in 8. Brux 1843. 4 85	TRAITÉ DE PHYSIOLOGIE considérée comme science d'observation. par Burdach, avec addition, trad. de l'anglais, par Jourdan. 9 vol. et atlas. 18
DE L'AGRANDISSEMENT et de l'enceinte de fortification de Paris, par Rabusson. in 8. Paris. 1 15	MANUEL d'histoire générale de l'architecture chez tous les peuples, par Ramé. 2 vol. in 12. 3
JOURNAL des opérations de l'artillerie au Siège de Schweidnitz en 1807, par Marrion. in 8. Paris. 90	POMAHBI.
OISIVITÉ DE VAUBAN , tome 4-me augmenté de mémoires inédits. in 8. Paris. 2 15	BERTHE L'AMOUREUSE , par H. de Kœck. 2 vol. Brux. 1843. . . . 1 43
NOUVELLE DERMATOLOGIE , ou précis théorique et pratique sur les maladies de la peau, par P. Baumés. 2 vol. in 8. Paris. . . 4 57	UN MENAGE DE GARÇON en province, par Balzac 1 vol. 72
TRAITÉ de pathologie iatrique ou médicale et de médecine pratique. 2 vol. in 8. Paris. . . . 4 57	LE CHATEAU DES PYRÉNÉES , par Fred. Soulié. 3 vol. 1843. . . . 2 15
DIAGNOSTIC DIFFÉRENTIEL des tumeurs du sein, par M. Berard. in 8. Paris. 1	LA CHAMBRE DE LA REINE , par Pitre Chevalier. 2 vol. 1 43
NOUVELLES OPINIONS sur les phénomènes, la marche, la cause et le siège de la goutte, par Bizet. in 8. 1 85	LES MYSTÈRES DE PARIS , par E. Sue. v. 1 à 5, prix p. 8 vol. in 18. 5 75
PRINCIPES D'HYGIÈNE vétérinaire ou règles d'après lesquelles on doit entretenir et gouverner les animaux domestiques, par Magne. 1 vol. in 8. Paris. 2 30	UN MARI , par la comtesse d'Ash. 1 vol. in 18. 72
	AYMÉ VERD , par W. Scott. Tome 4 ets. 1 43
	JEROME PATUROT . 1 vol. in 18. 72
	BRIGITTE , par Ourliac. 1 v. in 18. 72
	LA COMTESSE HORTENSIA , par Mery. 1 vol. 72
	HOTEL LAMBERT , par E. Sue. 2 vol. 1 43
	LE JANNISSAIRE , par A. Royer. 2 vol. 1 43
	FEU BRESSIER , par A. Karr. 2 vol. 1843. 1 43

Господа многогородные благоволят адресоваться съ требованіями своими на имя *Якова Алексеева Исакоса*.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРЖАРА,

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина, № 10

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПЬЕСЫ:

		Серебрянн.	
		Р.	К.
ТАНЦЫ ДЛЯ ВСЕГО ОРКЕСТРА.			
Lanner.	Les adieux, Valse, op. 185	3	43
—	Geistes-Schwinger-Walzer, op. 191	4	
—	Les idéales, op. 192	4	
—	Ball-Contouren-Walzer, op. 193.	4	
—	Nixen-Walzer, op. 198	4	
Strauss.	Wettrennen-Walzer, op. 131	2	85
—	Les d butants, op. 132	2	85
—	Egerien-Tänze, op. 134	2	85
—	Les maitres de danse, valse, op. 135.	3	43
—	Quadrilles à la mode, op. 138	2	85
Labitzky.	Albert-Walzer, op. 73	4	29
—	Jasmin-Walzer, op. 74.	4	29
—	Lucian-Walzer, op. 75.	4	29
—	Lichtenstein-Walzer, op. 81	4	29
—	Die Elfen-Walzer, op. 86.	3	15
ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ 4 РУКИ.			
Beethoven.	Messe, op. 86. arr. à 4 mains.	3	
Donizetti.	La favorite, opéra.	8	58
—	Lucia Lammermoor, dito	5	15
—	Lucrezia Borgia, dito	8	58
Händel.	Messias, oratoire.	11	43
Mendelsohn-Bartboldy.	Der 95 Psalm.	2	58
—	— Cantate Symphonique, op. 52	6	85
Rossini.	Stabat-Mater, oratoire	4	58
Czerny.	Trois fantaisies sur Adèlia, op. 635, № 1 à 3, chaque	1	72
—	Var. brill sur les diamans de la Couronne	1	94
Hünter.	Quatre Rondinos, op. 112 № 1 à 4, chaque		94
Kalkbrenner.	5 Trio, op. 149	2	86
Liszt.	Fantaisie sur Lucrezia Borgia	2	26
Mendelsohn.	Trois Fantaisies ou Caprices	1	43
Spoher.	Symphonie historique, op. 116.	2	86
Thalberg.	Tbème original, op. 45		45
—	Nocturne		86
E. Wolff.	Gr. Duo sur Giselle.	1	94

ДЛЯ ДВУХЪ ФОРТЕПИАНО.

Alvares et Czerny. Gr. Fantaisie sur des airs italiens	2	86
Beethoven. 5 Symphonie, pour 2 pianos à 8 mains	5	15
Cherubini. Ouverture de Fanisca à 8 mains	2	
Hummel. Gr. Septuor, op. 74	5	73
Weber. Morceau de concert, op. 79	2	86
— Ouverture d'Oberon, à 8 mains.	2	15

ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО.

Czerny. Fantaisie brill. sur le Freyschütz, op. 668	1	50
— Fantaisie sur les diamans de la couronne, op. 676	1	43
Dreyschock. Romance, op. 17		58
— Scherzo, op. 19	1	
Heller. 15 mélodies de Schubert, 2 suite, chaque à		86
Henselt. Polonaise d'Euryante, transcrite.		85
— Morceau de salon, op. 14	1	72
— Fantaisie sur l'air: Ты не возвращишь	2	
Herz. 3 sirènes, 3 Cavatines de Bellini variées, chaque	1	43
— 3 divertissemens sur la jolie fille de Gaud, chaque	1	15
Hüntten. Les bords du Rhin, rondo-valse, op. 120	1	15
— Variat. brill. sur Robert Devereux, op. 122.	1	29
— La douce mélancolie, rondo-valse		72
Kalkbrenner. Souvenir du stabat de Rossini, op. 160	2	
Kullak. Elégie de Ernst, transcrite.		86
Liszt. Reminiscences de Lucia Lammermoor.	1	
— ditô Reminiscences de Robert le Diable	1	43
Rosellen. Fantaisie brill. sur Beatrice di Tenda, op. 40	1	
Taubert. Quatre caprices brill. op. 34.	1	72
Thalberg. Gr. Caprice sur la Somnambule de Bellini	1	72
M. Bernard. Variat. brill. sur la romance: «Черный цвѣтъ»	1	
Бернарда. Сто русскихъ народныхъ пѣсень, аранжированныхъ для одного фортепьяно.	3	
— Еще сто русскихъ народныхъ пѣсень, вторая часть	3	
— «Лучина лучинишка», съ вариациями.		60

ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО (ДЛЯ ДѢТЕЙ).

Adam. Six petits airs du ballet Giselle	1	
Aulaguiet. Récréations enfantines, 6 fantaisies pour le petites mains, chaque à		86
Czerny: La corbeille de violettes, 3 rondos enfantins, op. 656, chaque.		85
Hüntten. Petites fleurs de salon, 4 rodinos, liv. 1—2, chaque.	1	
Plachy. Fleurs de printems, 30 pieces.	1	43

Въ этомъ же магазинѣ можно получить: флигелъ и фортепьяно лучшихъ мастеровъ, скрипки, виолончели, гитары, смычки, лучшія итальянскія и фортепьянныя струны, простая и французская красивая нотная бумага, канцоль, парижскіе метрономы цѣною въ 50 рублей, и все вообще до музыки касающееся.

